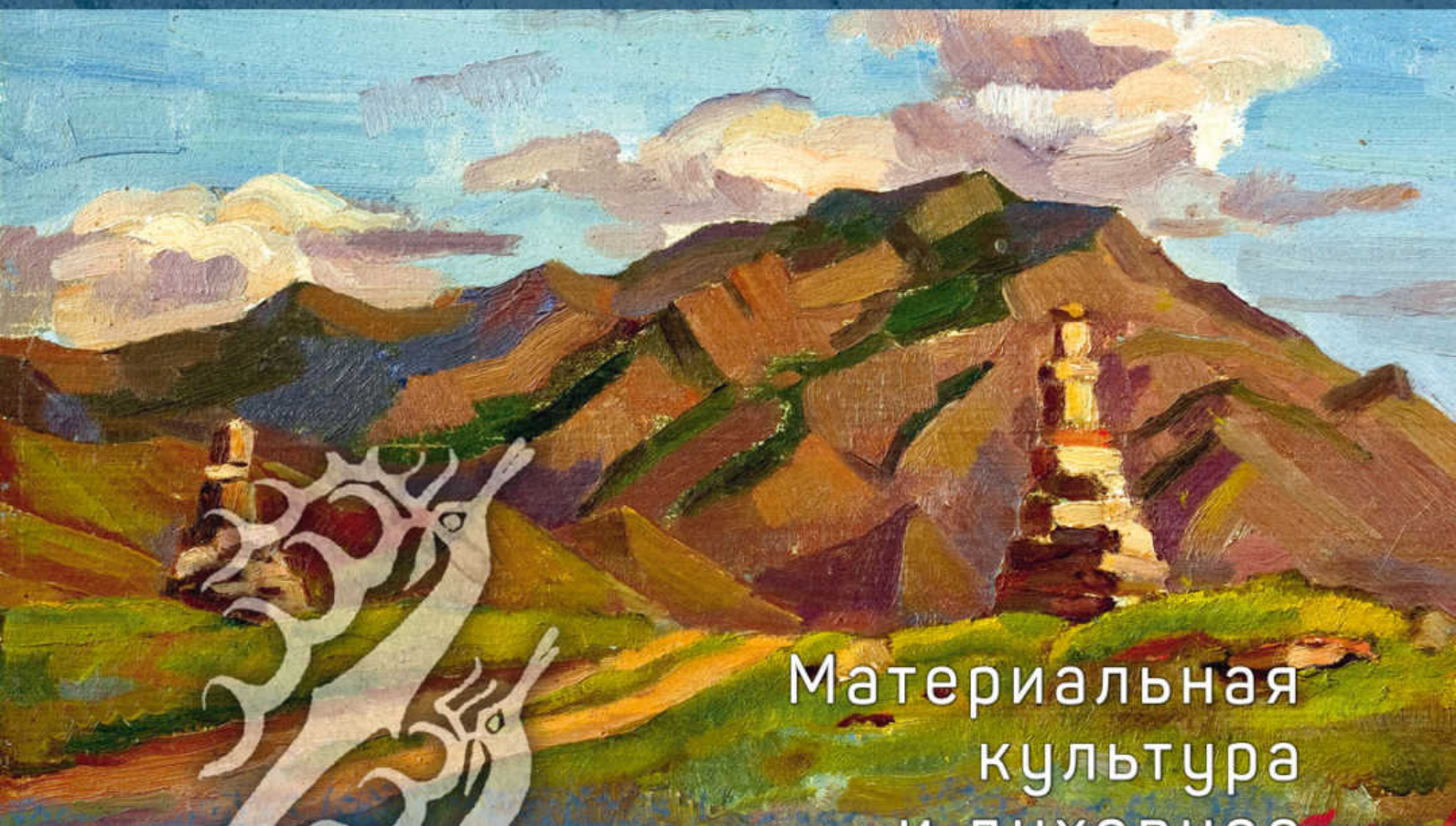

ТВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ

Материальная
культура
и духовное
пространство
человека
в свете
археологии,
истории
и этнографии

Dr. Carl

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
PROCEEDINGS. VOL. LVII

THE CREATOR OF CULTURE
MATERIAL CULTURE
AND THE HUMAN SPIRITUAL SPACE
IN THE LIGHT OF ARCHAEOLOGY, HISTORY AND
ETHNOGRAPHY

**To the 80th anniversary
of Professor Dmitriy Glebovich Savinov**

St. Petersburg | 2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ТРУДЫ. Т. LVII

ТВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
И ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА
В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ
И ЭТНОГРАФИИ

К 80-летию профессора
Дмитрия Глебовича Савинова

Санкт-Петербург | 2021

УДК 39, 902, 903, 904
ББК 63.3/63.4/63.5

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for print by the Academic Council of IHMC RAS

Редакционная коллегия: к.и.н. М. Т. Кашуба, к.и.н. А. В. Меньшиков, к.и.н. Н. Ю. Смирнов (отв. ред.),
д.и.н. О. С. Советова, д.и.н. А. В. Поляков, В. Б. Трубникова (отв. секретарь), К. В. Чугунов

Editorial board: M. T. Kashuba, Cand. of Hist. Sci.; A. V. Menshikov, Cand. of Hist. Sci.;
N. Yu. Smirnov, Cand. of Hist. Sci. (executive editor); O. S. Sovetova, Dr. of Hist. Sci.;
A. V. Polyakov, Dr. of Hist. Sci.; V. B. Trubnikova (executive secretary); K. V. Chugunov

Подбор иллюстраций и первичная обработка: А. Г. Акулов, Н. А. Лазаревская
Selecting and primary processing of images by A. G. Akulov and N. A. Lazarevskaya

Художественный редактор И. Н. Лицук
Art editor I. N. Litsuk

Рецензенты: д.и.н. А. Р. Канторович (МГУ), д.и.н. И. Л. Тихонов (СПбГУ)
Reviewers: A. R. Kantorovich, Dr. of Hist. Sci. (Lomonosov Moscow State University);
I. L. Tikhonov, Dr. of Hist. Sci. (St. Petersburg State University)

Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов; Ин-т истории материальной культуры РАН. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2021. — 756 с.: ил. (Труды ИИМК РАН. Т. LVII).

The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography: Collection of scientific papers dedicated to the 80th anniversary of Professor Dmitriy Glebovich Savinov / Ed. N. Yu. Smirnov; Institute for the History of Material Culture RAS. — St. Petersburg: IHMC RAS, 2021. — 756 p.: ill. (Proceedings of IHMC RAS. Vol. LVII).

ISBN 978-5-907298-22-4

Сборник научных статей «Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии» подготовлен большим коллективом авторов — археологов, этнографов и историков науки — друзей, коллег и учеников профессора Дмитрия Глебовича Савинова — крупнейшего российского специалиста в области археологии, истории и этнографии скотоводов и кочевников Сибири и Центральной Азии. Географический состав участников сборника и хронологический охват представленных в нем материалов отражают диапазон научных интересов профессора Д. Г. Савинова, широкие человеческие и научные связи этого выдающегося ученого. Коллектив авторов и Институт истории материальной культуры РАН выпускают этот сборник в честь 80-летия профессора Д. Г. Савинова.

The collection of scientific papers “The creator of culture. Material culture and the human spiritual space in the light of archaeology, history and ethnography” was prepared by a large collective of authors — archaeologists, ethnographers and science historians — friends, colleagues and disciples of Prof. Dmitriy Glebovich Savinov, a very prominent Russian expert in the sphere of archaeology, history and ethnography of the herders and nomads of Siberia and Central Asia. The geographic composition of the participants of the publication and the chronological scope of the materials presented in it reflects well the extremely wide range of the scientific interests of Prof. D. G. Savinov and the range of the human and scientific connections of this outstanding scholar. The collective of the authors and the Institute for the History of Material Culture RAS issue this volume in honour of the 80th anniversary of Professor D. G. Savinov.

На обложке: С. И. Сергеев «На перевале (Оваа — жилище духов гор)» из серии тувинских этюдов 1983 г.

Cover: S. I. Sergeev “At the mountain pass (Ovaa — dwelling of the mountain spirits)” from the series of Tuva etudes of 1983

ISBN 978-5-907298-22-4

DOI 10.31600/978-5-907298-22-4

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021
Institute for the History of Material Culture RAS, 2021

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2021
Authors of the papers (names are marked in the contents), 2021

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ (В. А. Лапшин)	11
ОТ РЕДАКТОРА (Н. Ю. Смирнов)	13
УЧИТЕЛЮ, КОЛЛЕГЕ И ДРУГУ	14
В. В. Бобров. О моем и нашем друге	14
В. И. Молодин. Древности Обь-Иртышья в трудах профессора Д. Г. Савинова. Историографические аспекты	18
А. А. Тишкин. Археологические исследования Д. Г. Савинова на Алтае и в Верхнем Приобье (краткий обзор и воспоминания юбиляра)	27
Приложение: Встреча Д. Г. Савинова со студентами и сотрудниками Алтайского государственного университета (Барнаул, 25 января 2006 г.)	34
Л. А. Чиндина. Дорогому юбиляру с почтением	43
И. В. Калинина. О встречах с Д. Г. Савиновым у коновязи в Архаике	46
Е. Г. Матвеева. Лучший заведующий	49
Н. Ю. Смирнов. Творец культуры	51
ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ ДНИ: Д. Г. САВИНОВ НА ФОТОСНИМКАХ ДРУЗЕЙ, КОЛЛЕГ И УЧЕНИКОВ	53
В СВОЕМ КРУГУ: ЗА ЗЕЛЕНЫМ СТОЛОМ КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ СПБГУ	71
В. И. Беляева. Женские статуэтки костёнковского круга	71
К. Н. Степанова. Экофакты, манупорты, артефакты: в чем между ними различия и что к ним можно отнести?	83
Е. А. Черлёнок. Колесничая запряжка начала поздней бронзы в Волго-Донском регионе: относительная хронология погребального обряда и орнаментации псалиев	87
А. М. Бутягин. Боспорские терракотовые фигуры в виде повозок из коллекции Государственного Эрмитажа	101
В. Н. Седых, Я. В. Френкель. О цветном металле Тимерёвского поселения (по результатам раскопок 1970–1980-х гг.)	112
PERSONA GRATA	133
А. В. Литвинов. Борис Леонидович Богаевский — филолог, археолог, историк, искусствовед, профессор, ректор Томского университета	133
С. В. Кузьминых, Е. В. Детлова. «Ваше мнение и все замечания относительно моих соображений я приму с громадной благодарностью». Письма С. А. Теплоухова и Г. Мергарта	137
Б. Б. Овчинникова, В. В. Сумин. Владимир Яковлевич Толмачёв: судьба археолога	163
ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ	178
А. В. Соколов. Рельеф как внешний фактор в развитии традиций полукошечного скотоводства народов Алтае-Саяно-Хангайского нагорья и тьянь-шане-восточно-туркестанских гор	178
В. М. Лурье, И. П. Лазаретов. Древние поселения Хакасии. Бырганов IV	188
В. В. Бобров. О камнях-обелисках, деревянных столбах и изваяниях в погребальной практике древних народов Евразии	199

<i>А. В. Громов, Н. И. Лазаретова.</i> Краниологические материалы из раннетагарских курганов Могильной степи	211
ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРЫ	224
<i>Т. Р. Садыков, Дж. Каспари, Е. К. Блохин.</i> Курган Туннуг 1 — новые данные об «аржанском горизонте» раннескифской культуры	224
<i>П. И. Шульга.</i> Ранние скифоидные культуры Северного Китая	247
<i>А. З. Бейсенов.</i> Тасмолинский курган с каменными изваяниями в могильнике Кызылжартас	261
<i>Н. А. Сутягина.</i> Новые сведения о раскопках кургана № 6 («Верхнего») на севере Монголии в горах Ноин-Ула	278
<i>В. Б. Трубникова.</i> Тайна пещеры Гасяньдун	294
<i>Г. В. Кубарев.</i> Карлуки Алтая по письменным и археологическим данным	305
<i>Н. Н. Серёгин, С. А. Васютин.</i> Раннетюркские оградки комплекса Кок-Паш (Восточный Алтай): по материалам раскопок А. С. Васютина	324
<i>А. В. Фрибус, С. П. Грушин.</i> Всадники эпохи Тюркских каганатов на Северном Алтае (по материалам могильника Чумыш-Перекал)	339
<i>Ю. В. Ширин.</i> Черемза 1 — необычный комплекс в ареале верхнеобской культурной общности	355
ВЕЩИ И ОБРАЗЫ	371
<i>Р. С. Минасян.</i> Черная металлургия в Древнем Китае	371
<i>В. С. Бусова.</i> Однообразие форм: кожанно-меховые сумки из курганов Саяно-Алтайского нагорья (VIII–II вв. до н. э.)	379
<i>Е. С. Богданов, А. В. Выборнов.</i> Подвеска-амулет из тагарского захоронения (могильник Станция Казановская-1)	386
<i>Т. В. Рябкова.</i> Псалии Тарасовой балки	393
<i>Н. А. Васильева.</i> О моделях в погребальном инвентаре пазырыкской культуры: обзор источников, этнографические параллели, подходы к интерпретации	399
<i>Н. А. Жогова, К. Михальчевски.</i> Новая находка поясной пряжки в зверином стиле скифского времени из Тувы	414
<i>Н. Н. Николаев.</i> Колесница из «княжеского» кургана хунну могильника Оргойтон	420
<i>М. Е. Килуновская, П. М. Леус.</i> Костяные пластины-пряжки эпохи хунну в Туве	430
<i>Н. В. Полосьмак.</i> Звери, которых не должно быть	449
<i>С. В. Панкова.</i> Модель горита из Оглахтинского могильника	460
<i>Г. Г. Король.</i> Возможности методических подходов к изучению средневековой торевтики малых форм Саяно-Алтая	475
<i>Л. С. Марсадолов, Е. В. Степанова.</i> Седла монгольского времени из Часовенной горы под Красноярском	487
ЗНАКИ НА КАМНЯХ	507
<i>И. А. Пономарёва.</i> Древнейшие наскальные изображения Восточной Сибири: новые открытия и перспективы исследований	507
<i>Л. Ю. Китова.</i> К вопросу о семантике Бога-Меча Язылыкая	523

<i>И. В. Тункина.</i> По следам сибирского путешествия Д. Г. Мессершмидта (1719–1727): фиксация памятников археологии Урала и Сибири художниками академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743). Часть 1. Писаницы	530
<i>Е. А. Миклашевич.</i> Возможности реконструкции утраченных наскальных рисунков (на примере памятника Малый Баян-Кол в Туве)	552
<i>А. Н. Мухарева.</i> Петроглифы на курганных плитах могильника под горой Большой Сибигур на Енисее	564
<i>О. С. Советова.</i> Новые рисунки тесинского времени (по материалам Тепсейского археологического микрорайона)	572
<i>А. Е. Рогожинский, В. В. Тишин.</i> Тамги династии Ашина в Центральной Азии	582
РОЖДЕНИЕ СТИЛЯ	600
<i>Ю. Н. Есин, Ж. Магай, Ж.-О. Гантулга, Ч. Еруул-Эрдене.</i> Колесница в культуре населения эпохи бронзы Центральной Монголии (по материалам из долины реки Хойд Тамир)	600
<i>А. Д. Цыбиктаров.</i> Происхождение оленных камней монголо-забайкальского типа (социально-экономический аспект)	621
<i>А. В. Поляков.</i> Аналогии бронзам из Минусинских котловин на оленных камнях Монголии	634
<i>К. В. Чугунов.</i> Стилль Тэвш, оленные камни Монголии и нуклеарный звериный стиль	643
<i>В. А. Кисель.</i> Образ оленя на стелах монголо-забайкальского типа	656
<i>Н. Ю. Смирнов, Д. В. Черемисин.</i> Исчезающий герой и его спутники. В поисках истоков одного из центральных сюжетов искусства ранних кочевников Евразии. Ретроспективная перспектива	670
ЖИВАЯ АРХАИКА	706
<i>М. Ф. Альбедиль.</i> Непальский индуизм: живая архаика	706
<i>И. Д. Ткаченко.</i> Поминальный комплекс середины XVIII в. у горы Тоғыртаг (Республика Хакасия) в собрании Российского этнографического музея	713
<i>Н. Ю. Смирнов, Ю. Г. Кустова.</i> Сергей Александрович Теплоухов как этнограф: полевые заметки о проведении обряда <i>ызых тайыг</i> в Минусинском крае. Записи 1924 года	721
<i>О. П. Игнатьева.</i> Предписанный страх как часть алтайской культурной традиции	732
<i>Т. Н. Дмитриева.</i> Три поездки в Приамурье	736
<i>В. С. Бузин.</i> Лечебные средства и «средствия» южнорусской народной медицины (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области)	743
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	750

Contents

FOREWORD (<i>V. A. Lapshin</i>)	11
EDITORIAL (<i>N. Yu. Smirnov</i>)	13
TO TEACHER, COLLEAGUE AND FRIEND	14
<i>V. V. Bobrov</i> . Our friend and a friend of mine	14
<i>V. I. Molodin</i> . Antiquities of the Ob and Irtysh region in works of Prof. D. G. Savinov. Historiographic aspects	18
<i>A. A. Tishkin</i> . Archaeological research by D. G. Savinov in the Altai and Upper Ob Region (brief overview and reminiscences written for the jubilee)	27
Appendix. Meeting of D. G. Savinov with students and the staff of the Altay State University (Barnaul, January 25, 2006)	34
<i>L. A. Chindina</i> . With homage to the dear hero of the anniversary	43
<i>I. V. Kalinina</i> . Meetings with D. G. Savinov at the ‘tethering post’ of the “Archaics” seminar	46
<i>E. G. Matveyeva</i> . The best head of a Chair	49
<i>N. Yu. Smirnov</i> . The creator of culture	51
THE IMPRINTED DAYS: D. G. SAVINOV IN PHOTOS OF FRIENDS, COLLEAGUES AND DISCIPLES	53
IN HIS CIRCLE: AT THE GREEN TABLE OF THE DEPARTMENT OF ARCHAEOLOGY OF ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY	71
<i>V. I. Belyaeva</i> . Female statuettes of the Kostenki circle	71
<i>K. N. Stepanova</i> . Ecofacts, manuports, artefacts: what is the difference between them and what they do imply?	83
<i>E. A. Cherlenok</i> . Chariot harness of the beginning of the late Bronze Age in the Volga-Don region: relative chronology of the burial rite and decoration of the cheekpieces	87
<i>A. M. Butyagin</i> . Bosporan terracotta models of carts from the collection of the State Hermitage Museum	101
<i>V. N. Sedykh, Ya. V. Frenkel!</i> Non-ferrous metals from the site of Timerevo (results of excavations of 1970s–1980s)	112
PERSONA GRATA	133
<i>A. V. Litvinov</i> . Boris Leonidovich Bogayevskiy – philologist, archaeologist, historian and art historian, professor, rector of the Tomsk University	133
<i>S. V. Kuz'minykh, E. V. Detlova</i> . “I will accept with immense gratitude your opinion and notes concerning my considerations”. Letters of S. A. Teploukhov and Gero von Merhart	137
<i>B. B. Ovchinnikova, V. V. Sumin</i> . Vladimir Yakovlevich Tolmachyov: the fate of an archaeologist	163
A HUMAN IN THE SPACE OF LIFE AND DEATH	178
<i>A. V. Sokolov</i> . Landform as an external factor in the development of the semi-nomadic cattle breeding traditions among the peoples in the Altay-Sayan-Hangay highlands and the Tian Shan mountains in East Turkestan	178
<i>V. M. Lurie, I. P. Lazaretov</i> . Early settlements of Khakassia. Byrganov IV	188
<i>V. V. Bobrov</i> . On the stones obelisks, wooden pillars and sculptures in the funerary practice of ancient peoples of Eurasia	199

<i>A. V. Gromov, N. I. Lazaretova.</i> Crania from the Podgornovo burial mounds of the Mogilnaya Steppe	211
MONUMENTS AND CULTURES	224
<i>T. R. Sadykov, G. Caspari, J. K. Blochin.</i> Kurgan Tunnug 1 – new data on the ‘Arzhan horizon’ of the Early Scythian culture	224
<i>P. I. Shul'ga.</i> Early Scythoid cultures of Northern China	247
<i>A. Z. Beisenov.</i> Tasmola kurgan with stone sculptures in the Kyzylzhartas burial ground	261
<i>N. A. Sutyagina.</i> New information on the excavations of Barrow No. 6 (‘Upper’) in Northern Mongolia in the Noin-Uul mountains	278
<i>V. B. Trubnikova.</i> Mystery of Gaxian cave	294
<i>G. V. Kubarev.</i> The Karluks of Altay according to written sources and archaeological evidence	305
<i>N. N. Seregin, S. A. Vasyutin.</i> Early-Turkic funerary enclosures at the complex of Kok-Pash (Eastern Altay): after the materials from excavations of A. S. Vasyutin	324
<i>A. V. Fribus, S. P. Grushin.</i> Horsemen of the epoch of the Turkic Khaganates in Northern Altay (after the materials of the cemetery of Chumysh-Perekat)	339
<i>Yu. V. Shirin.</i> Cheremza 1 – a remarkable complex in the area of the Upper-Ob cultural unity	355
THINGS AND IMAGES	371
<i>R. S. Minasyan.</i> Ferrous metallurgy in ancient China	371
<i>V. S. Busova.</i> The uniformity of types: leather and fur bags from barrows of the Sayan-Altay Plateau (8 th –2 nd century BC)	379
<i>E. S. Bogdanov, A. V. Vybornov.</i> Amulet pendant from a Tagar burial (cemetery of Stantsiya Kazanovskaya-1)	386
<i>T. V. Ryabkova.</i> Horse cheekpieces from the settlement of Tarasova Balka	393
<i>N. A. Vasil'yeva.</i> Models among the funerary inventory of the Pazyryk culture: a review of sources, ethnographic parallels, approaches to interpretation	399
<i>N. A. Zhogova, K. Mihal'chevski.</i> New find of a belt buckle in the animal style of the Scythian time from Tuva	414
<i>N. N. Nikolayev.</i> A chariot from a ‘princely’ kurgan of the Xiongnu at the gravesite of Orgoyton	420
<i>M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus.</i> Bone plaques/buckles of the Xiongnu period in Tuva	430
<i>N. V. Polos'mak.</i> Beasts which must not have been	449
<i>S. V. Pankova.</i> Model of a gorytos from the Oglakhty burial ground	460
<i>G. G. Korol.</i> Possibilities of methodological approaches to studies of the mediaeval toreutics of small forms of Sayan-Altay	475
<i>L. S. Marsadolov, E. V. Stepanova.</i> Saddles of the Mongol period from Chasovennaya Gora near Krasnoyarsk	487
SIGNS ON STONES	507
<i>I. A. Ponomareva.</i> The earliest rock art in East Siberia: discoveries and perspectives	507
<i>L. Yu. Kitova.</i> On the semantics of the God-sword of Yazilikaya	523

<i>I. V. Tunkina.</i> After the traces of the Siberian travel of D. G. Messerschmidt (1719–1727): records of archaeological monuments of the Urals and Siberia by artists of the Academic team of the Second Kamchatka Expedition (1733–1743). Part 1. Pisanicy (Petroglyphs)	530
<i>E. A. Miklashevich.</i> Possibilities of reconstruction of lost rock art objects (at the example of the Maly Bayan-Kol in Tuva)	552
<i>A. N. Mukhareva.</i> Petroglyphs on kurgan slabs of the burial ground at the foot of Mt Bolshoy Sibigur on the Yenisey	564
<i>O. S. Sovetova.</i> New rock images of the Tes period (after materials from the Tepsey archaeological microregion)	572
<i>A. E. Rogozhinskiy, V. V. Tishin.</i> Tamgas of the Ashina dynasty in Central Asia	582
THE BIRTH OF A STYLE	600
<i>Yu. N. Esin, J. Magail, J.-O. Gantulga, C. Yeruul-Erdene.</i> Chariot in the culture of the Bronze Age population of Central Mongolia (on materials from the Khoyd Tamir river valley)	600
<i>A. D. Tsybiktarov.</i> The origin of deer stones of the Mongol-Transbaykalian type (socio-economic aspect)	621
<i>A. V. Polyakov.</i> Parallels to the representations on bronzes from Minusinsk Hollows on deer stones from Mongolia	634
<i>K. V. Chugunov.</i> The Tevsh style, deer stones of Mongolia and the nuclear animal style	643
<i>V. A. Kisel!</i> Image of deer on steles of the Mongol-Transbaykal type	656
<i>N. Yu. Smirnov, D. V. Cheremisin.</i> The vanishing hero. In search of the origins of one of the central subjects of the art of early nomads of Eurasia. Retrospective Perspective	670
THE LIVE ARCHAIC	706
<i>M. F. Al'bedil!</i> Nepalese Hinduism: a live archaic	706
<i>I. D. Tkachenko.</i> Funerary-memorial complex of the mid-18 th century near Mt Togyrtag (Republic of Khakassia) in the collection of the Russian Ethnographic Museum	713
<i>N. Yu. Smirnov, Yu. G. Kustova.</i> Sergey Aleksandrovich Teploukhov as an ethnographer: field notes about the ritual of <i>Yzykh Tayyg</i> in Minusinsk Kray. Records of 1924	721
<i>O. P. Ignatyeva.</i> Regulated fear as a part of the Altaic cultural tradition	732
<i>T. N. Dmitrieva.</i> Three travels to the Amur region	736
<i>V. S. Buzin.</i> Medical remedies and 'sredstviya' in South-Russian folk medicine (Lipetsk, Tambov, Penza oblasts)	743
LIST OF ABBREVIATIONS	750

Предисловие

20 марта 2021 г. исполнилось 80 лет замечательному ученому, доктору исторических наук, профессору Дмитрию Глебовичу Савинову — признанному специалисту в области изучения археологии, истории и этнографии Сибири.

Дмитрий Глебович родился 20 марта 1941 г. в семье молодых ленинградских художников-живописцев Г. А. Савинова и О. Б. Богаевской. Его деда: художник А. И. Савинов и Б. Л. Богаевский — археолог, историк искусства, сотрудник РАИМК-ГАИМК-ИИМК. Первая же зима в жизни будущего ученого оказалась блокадной. Отец воевал на Ленинградском фронте, оба деда погибли в блокадном городе. Только в августе 1942 г. Митя Савинов с матерью эвакуировались в Елабугу. Вернулись они в Ленинград летом 1944 г.

В 1958 г., окончив школу, Дмитрий Глебович поступил на факультет теории и истории искусства Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР. На этом этапе победили гены деда-искусствоведа Бориса Леонидовича Богаевского.

Поворотным моментом в жизни для Дмитрия Глебовича, как и для многих археологов, стала первая экспедиция, в 1959 г., Байкальская, под руководством Михаила Петровича Грязнова. В том же году он перевелся на кафедру археологии Ленинградского государственного университета, связав всю свою дальнейшую судьбу с археологией Сибири. Уже в студенческие годы Д. Г. Савинов работал в Саяно-Тувинской и Красноярской экспедициях ЛОИА АН СССР. Первая научная работа о наскальных изображениях Центральной Азии и Южной Сибири была опубликована им в 1964-м дипломном году.

В дальнейшем, в течение своей долгой исследовательской и преподавательской деятельности, которая успешно продолжается и в настоящее

время, Д. Г. Савинов работал во многих научных учреждениях Ленинграда/Санкт-Петербурга. Внешнюю легкость, с которой Дмитрий Глебович менял места работы, сам он объясняет тем, что оставался неизменно верен выбранной тематике исследований, а также кругу профессионального и дружеского общения, благодаря чему попадал в каждом новом месте работы в среду хорошо знакомых и духовно близких ему коллег.

В 1965 г. Д. Г. Савинов возглавлял один из отрядов крупнейшей в Советском Союзе спасательной археологической экспедиции — Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР, работавшей под руководством Александра Даниловича Грача. В 1968 г. Рудольф Фердинандович Итс пригласил его работать на воссозданной после долгого перерыва кафедре этнографии и антропологии Исторического факультета ЛГУ. Пришлось «с места в карьер» начинать одновременно несколько курсов очень широкой тематики. Но археология не была оставлена: во главе Южносибирского палеоэтнографического отряда ЛГУ он вместе со студентами работает на раскопках в Хакасии, Туве, в горных и степных районах Алтая, в Новосибирской и Кемеровской областях. Студентам-археологам тех лет, включая автора этих строк, запомнилось «Введение в этнографию», курс лекций Д. Г. Савинова, в котором археология и этнография были включены в единую культурную ткань. Стилю Дмитрия Глебовича всегда был присущ артистизм. Так, лекция о шаманизме превращалась в целое представление с наглядным показом практики камлания.

В 1980-е гг. Д. Г. Савинов возвращается в ЛОИА АН СССР, где сразу же возглавляет большую Среднеенисейскую экспедицию, а затем — всю новостроечную группу Института. В 1990 г., как оказалось, всего на один год, Д. Г. Савинов перешел работать в ленинградскую часть Института этнографии.

В 1992 г. произошел новый поворот в профессиональной судьбе: Д. Г. Савинов был утвержден в должности профессора кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета. В 1996–2001 гг. он возглавлял эту кафедру, а в данный момент является ее преподавателем. Как учителя и любимого преподавателя Д. Г. Савинова помнят многие поколения студентов и аспирантов кафедр археологии и этнографии Ленинградского/Санкт-Петербургского университета. Его ученики работают в институтах и университетах по всей стране.

Д. Г. Савинов является ведущим специалистом по археологии Сибири от эпохи бронзы до позднего средневековья, проблемам культурогенеза скотоводческих обществ Центральной Азии, изобразительного искусства населения степной Евразии и многого другого. Его работы – достойное про-

должение трудов лучших отечественных исследователей Сибири В. В. Радлова, С. И. Руденко, С. А. Теплоухова, М. П. Грязнова и А. Д. Грача.

24 марта 2021 г. состоялось чествование Дмитрия Глебовича Савинова на совместном заседании Ученых советов Института истории материальной культуры РАН, Института этнографии и антропологии РАН (Кунсткамеры) и Института истории Санкт-Петербургского университета. В поздравлениях приняли участие представители всех ведущих научных учреждений от Санкт-Петербурга до Владивостока.

Предлагаемый вниманию читателей сборник, включающий статьи коллег, друзей и учеников юбиляра, – дань нашего общего безмерного уважения и любви. Мы все желаем Дмитрию Глебовичу доброго здоровья, творческих успехов и удач в научной и педагогической деятельности.

В. А. Лапшин
Директор Института
истории материальной культуры РАН

От редактора

Для меня большая честь представлять читателям настоящую книгу – *hommage* Дмитрию Глебовичу Савинову, старшему коллеге, другу и наставнику авторов составивших ее статей.

Эта книга появилась на свет благодаря лишь одному-единственному человеку – ее адресату. Так сложилась его судьба: в археологии и этнографии скотоводческих народов Центральной Азии и Южной Сибири ленинградский/санкт-петербургский профессор Дмитрий Глебович Савинов, – безусловная знаковая фигура конца XX – начала XXI в.

Структура книги, разнообразие ее содержания наиболее полно отражают спектр научных интересов Дмитрия Глебовича, но идеал – его всеохватность – конечно, недостижим. И я могу с некоторой долей неудовлетворенности редакторского рвения сказать, что книга могла бы быть иной – больше, чем настоящий том. Но точно не меньше.

Научное значение статей, собранных вместе под одной обложкой, еще оценят будущие читате-

ли и рецензенты, но уже сейчас ясно, что эти тексты написаны людьми, глубоко ценящими Дмитрия Глебовича не только как выдающегося ученого, но и как удивительно обаятельного человека – соратника по экспедиции, коллегу по кафедре, Учителя.

Он очень щедро делится своим талантом с окружающими и в высшей степени ответственно и тактично исполняет роль *Kulturträger* по отношению к ученикам и младшим коллегам вне зависимости от места и времени – за кафедрой, во время дискуссии на конференции, в процессе дружеского застолья или частной беседы.

Хотелось бы, чтобы эта книга стала своего рода проводником для молодых археологов и этнографов – нового поколения сибиреведов – в удивительный и многогранный мир личности профессора Дмитрия Глебовича Савинова и его научных идей, многие из которых получили высокую оценку, подтверждение и развитие в работах авторов, причастных к ее созданию.

Н. Ю. Смирнов

УЧИТЕЛЮ, КОЛЛЕГЕ И ДРУГУ

О моем и нашем друге

В. В. Бобров¹

АННОТАЦИЯ. В эссе рассказывается о начале нашего знакомства с Д. Г. Савиновым и первых совместных экспедиционных исследованиях на территории Кузнецкой котловины и Красноярского края. Многолетние деловые и дружеские отношения позволили мне обозначить главные личностные качества ученого-юбиляра.

ANNOTATION. This essay tells about my first meeting with Dmitriy G. Savinov and our first joint expedition investigations in the territory of the Kuznetsk Depression and Krasnoyarsk Kray. The scientific and friendly relations of many years allow me to sketch the main personal qualities of this jubilee scholar.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экспедиция, археология, конференция, Д. Г. Савинов, Сибирь.

KEYWORDS: expedition, archaeology, conference, D. G. Savinov, Siberia.

У одного мудреца спросили:
«Сколько видов дружбы существует?»
«Четыре, — ответил он. —
Есть друзья, как еда, каждый день ты нуждаешься в них.
Есть друзья, как лекарство, ищешь их, когда тебе плохо.
Есть друзья, как болезнь, они сами найдут тебя.
Есть такие друзья, как воздух, их не видно, но они всегда с тобой».

Весна 1964 г. В Московском государственном университете идет 10-я Всесоюзная студенческая археологическая конференция, участники которой делегированы региональными молодежными форумами. На заседании секции, посвященной археологии раннего железного века, особой активностью отличались два худощавых энергичных парня. Мне, без малого двадцатилетнему студенту 2-го курса, они казались матерыми полевиками. В них сквозил дух многих экспедиций и невероятных открытий. Это чувствовалось в манере держаться и задавать вопросы. Скорострельностью и в то же время мягкостью и деликатностью отличалась речь одного из них. Они «пытали» моего друга Ю. Бородкина (у нас за плечами уже было участие в дальневосточной экспедиции А. П. Окладни-

кова) о достоверности представленной в докладе реконструкции погребального сооружения тагарской культуры Ачинско-Мариинской лесостепи. Это были студенты-старшекурсники исторического факультета Ленинградского государственного университета Дмитрий Савинов и Борис Пяткин. Но узнал я это спустя 10 лет. С Борисом судьба в лице Глеба Алексеевича Максименкова свела не многим раньше.

В июле 1975 г. на крыльце летнего домика археологической базы Кемеровского университета, расположенной в березовой роще около небольшого озера на окраине пос. Тисуль, я сидел с коллегой — уже не худощавым, но по-прежнему обладающим деликатной речью. По договоренности двух заведующих кафедрами — Рудольфа Фердинандовича Итса и Анатолия Ивановича Мартынова — он прибыл для участия в экспедиции молодого кузбасского университета. В этом месяце наше общение с Митей было кратковременным, но достаточно насыщенным. Он возглавил группу разведки с пешим маршрутом по пограничным рай-

¹ 650000, Россия, Кемерово, пр. Советский, д. 8. Институт экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН. Отдел гуманитарных исследований; 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, д. 6. Кемеровский государственный университет. Кафедра археологии. Адрес электронной почты: bobrov@kemsu.ru.

онам Кемеровской области и Красноярского края, а в географическом аспекте — в северных предгорьях Кузнецкого Алатау. В конце 50-х гг. прошлого столетия в этих районах археологическую разведку проводили только Н. Л. Членова и А. И. Мартынов. Одним из важнейших результатов разведки Д. Г. Савинова с тремя студентами Кемеровского университета явились открытие и частичное исследование грунтового могильника окуневской культуры в основании экзотического полуострова под местным названием «Стрелка», вдававшегося в гладь живописного «Большого» озера (на старых картах название «Божье»).

Через год, в июле 1976 г., была снова археологическая база в пос. Тисуль и Д. Г. с большой командой студентов-практикантов кафедры этнографии Ленинградского университета. Задача кемеровчан — обеспечить их оборудованием и доставить к месту практики на берега реки Черный Июс. Я — проводник, как познавший дороги «напрямки», пользуясь народным сленгом того недалекого хронологического периода. Видимо, силами свыше было предписано, чтобы наша машина сломалась именно около «Стрелки» Большого озера. Это позволило полностью завершить исследование окуневских погребений и открыть ритуальный комплекс позднего бронзового века. Четверо суток, проведенных на «Стрелке», завершились приездом другого автомобиля и малоизвестными дорогами, которые значительно сократили наш путь к могильнику около с. Устинкино.

Вернусь в предшествующий год. Июль завершился, а лето — нет. У каждого из нас было желание продолжить полевые изыскания. В одном из разговоров эти желания соединились и получили поддержку у А. И. Мартынова. Более того, нас обоих прельщали просторы Кузнецкой котловины: меня — в связи с практическим отсутствием знаний об археологии эпохи бронзы, а Митю — оригинальностью находок из исследованных единичных курганов раннего средневековья. Все, что хотели, благополучно «срослось», и к середине августа 1975 г. мы обживали дом В. Трофимова (студент КемГУ) в пос. Промышленная, из которого совершали однодневные разведочные рейды. Тактика простая: конечный пункт автобуса внутрирайонной сети перевозок, далее пешее перемещение по местности с действиями, соответствующими методике полевых разведок, возвращение на «базу» автобусом, но из другого пункта. Несколько дней прошли впустую. Нет, памятники мы находили, но их ис-

следование требовало условий, которые мы не могли реализовать. А небольшая группа раскопщиков уже собралась в Кемерово и только ждала нашей команды. В этой, не без азарта разведочной гонке были не только усталость и нервное напряжение, но и приключения, замешанные на авантюрных идеях. Одним из них было форсирование реки Иня ближе к полуночи, чтобы успеть на электричку. Теоретически — нам надо было синхронно одной рукой грести, а другой держать над водой палку с привязанной к ней одеждой и документами. Практически — прутик со шмотками оказался утопленным, но почти синхронно мы выгребли на противоположный берег. Бегом 3 км в кромешной темноте до станции. Оказалось, мы одновременно служили в Советской Армии, только он под Выборгом, а я на Сахалине. Эта тренировка и помогла нам успеть на электричку.

На другой день после форсирования на прутике мы ехали в дребезжащем служебном ПАЗике с ремонтной бригадой. В с. Титово можно было попасть только по дороге, идущей через узкий перешийек. Только подъехали к нему, как мы в два голоса крикнули водителю: «Останови!!!» Разъезженная вширь и вглубь дорога шла через цепочку курганов.

Так были начаты совместные раскопки ирменского могильника. В 1976 г. они были продолжены, но после опять-таки совместных работ в августе месяце на памятнике около с. Устинкино в Красноярском крае. В этой экспедиционной жизни происходило познание друг друга и закалялись отношения, которые называют «дружба». Спустя 35 лет Дмитрий Глебович сказал, что нас связал тот прутик, на котором мы форсировали р. Иню. И я тоже чувствую его, выпустишь — утонешь.

С вершины годов хорошо видно, что было переходящим, а что остается неизменным. От этой исходной точки позволю себе немного сказать о юбиляре — Дмитрии Глебовиче Савинове. О нем, как масштабном ученом, много сказано и в печатном, и в устном формате. Высокая оценка его вклада в познание истории дописьменного периода и средневековья Евразии, в развитие отечественной археологической науки, несомненно, заслуженна. Скромным подтверждением этого является географическое и хронологическое пространство, с которым связаны его научные интересы, поиски и исследования. Надеюсь, что более качественный и объективный анализ научной деятельности Дмитрия Глебовича дадут специалисты в области эпохи бронзы, раннего железного века и средневе-

ковья, изучающие проблемы археологии Монголии и Китая, Забайкалья, Южной и Западной Сибири, Средней Азии, степей Волго-Донья и Причерноморья, предгорий и гор Северного Кавказа.

Дмитрия Глебовича, на мой взгляд, выделяют два качества. Во-первых, достаточно глубокие знания в области таких наук, как археология (общая и теоретическая), история, этнография, лингвистика, филология, а также искусствоведение. В его широкопанорамном подходе к научной проблеме они по мере необходимости могут быть задействованы все, сканируя ее под разным ракурсом. В зависимости от использованного их количества продукт исследования у Дмитрия Глебовича приобретает формат 3D, 4D и даже 6D (под «D» понимается – дисциплина). Такая гуманитарная база позволяет ему по-особому подходить к археологическому источнику, быть сопричастным к его создателям. Думаю, что эта главная составляющая сущность ученого нашла отражение в небольшом по объему, но значительном по содержанию собрании его теоретических работ под названием «Гуманитарная археология».

Во-вторых, Дмитрия Глебовича отличает приходящее ему устная речь и научный язык. Они взаимосвязаны, но, тем не менее... Его научные доклады, монографии, статьи наряду со специальными понятиями и терминологией дозированно насыщены образными сравнениями или примерами, то есть в строгую научную систему изложения включены литературные вкрапления. Причем только он знает рецептуру дозировки, которая должна не нарушать, а украшать научное содержание. Для этого также не обойтись без знания не только литературы народов своего отечества, но и литературных достижений мировой цивилизации. Общение с Дмитрием Глебовичем оставляет впечатление о нем как о человеке, которому интересны культура и ее история многих народов разных континентов нашей маленькой планеты.

Сочетание обозначенных качеств юбиляра объясняет повышенный интерес к его выступлениям на конференциях любого уровня, к статьям и монографическим изданиям. Особых слов заслуживают его выступления в качестве оппонента на защитах диссертаций. А ожидание его выступления в накаленной атмосфере аудитории в процессе обсуждения заслушанных докладов! Особенно оно выражено на лице председателя заседания, на котором написана надежда. Это не моя фантазия. Спросите коллег, которые вели заседания на

конференциях с присутствием Д. Г. Савинова, по крайней мере, на территории Урала и Сибири.

В характере Дмитрия Глебовича есть одна черта, которая соответствует его профессиональным качествам. Надеюсь, не только я, но и многие коллеги обращали внимание на то, что куда бы он не приезжал, где бы не находился, всегда его окружают люди. В этом магнетизме нет секрета. Многократно приходилось наблюдать в удобных и не очень местах конференц-залов, аудиторий, гостиничных холлов Дмитрия Глебовича, который с листами бумаги в одной руке, помогая своей речи жестикующей другой, консультирует очередное юное создание. Разные темы, хронологически разные источники, как и территории; но он с интересом и увлечением рассматривает их, выстраивает структуру решения проблемы, подбирает подходы и процедуру исследования и т. д. То, что я назвал это консультацией, неверно. Это, скорее всего, деликатное соучастие в исследовании. В таких обсуждениях неоднократно звучат слова «интересно», «удивительно», «может, лучше сделать так...», «давайте рассмотрим разные варианты». Такие консультации растягиваются чаще всего не на один час. Безотказно обсуждению подвергается все – от названия темы до диссертации или монографии. Ну, а если специально для встречи с ним привозят археологические материалы, то это надолго. Три года назад в г. Томске проходила Западносибирская археолого-этнографическая конференция. Коллеги из Красноярского краевого краеведческого музея попросили Дмитрия Глебовича помочь разобраться со средневековыми материалами. Находки были настолько интересными, что обсуждение не могло остановить даже ЧП в доме, где располагалась университетская гостиница, когда необходимо было эвакуировать всех обитателей. Все же оперативно и благополучно нас перевезли в другую гостиницу.

За всем изложенным в последнем абзаце, далеко не полным и, как мне кажется, несколько куцым, кроется удивительное свойство Дмитрия Глебовича – щедро отдавать свои знания и опыт. Сейчас невозможно сосчитать студентов, аспирантов, соискателей, начинающих (и не только) ученых разных городов нашей страны, которых он одарил своими знаниями. Они также по праву могут считать себя учениками профессора Дмитрия Глебовича Савинова.

В наш жесткий век нечасто встретишь определение человека «гуманист» и практически исчезло понятие «энциклопедист». А они вполне соответ-

ствуют профессору Дмитрию Глебовичу Савинову и определяют его как ученого и наставника. В год юбилея от имени всех, кто связан с ним нитями судьбы, от личных до деловых, кто хотя бы раз был причастен к встречам с юбиляром, пожелаю много-много светлых и плодотворных лет, могучего здоровья, как «ленинградскому сибиряку», новых

надежных друзей, ярких и радостных событий. Особых слов признательности и благодарности заслуживает самый верный друг, который более полувека очень много делал для того, чтобы мы гордились Дмитрием Глебовичем Савиновым. Поклон замечательному человеку – жене юбиляра Наталье Алексеевне Якимовой.

Our friend and a friend of mine

V. V. Bobrov

This essay describes the first meeting with Dmitry Glebovich Savinov of then a student of the Historical Faculty of the Leningrad State University. Ten years afterwards, there followed acquaintance in the course of joint works in the territory of Krasnoyarsk Kray and Kemerovo Oblast. The history is presented of the discovery and investigation of such sites of the Bronze Age

as the Okunev burial ground of Strelka, funerary complex of Ustinkino on the Chernyy Iyus River and the Irmen cemetery on the Uzkaya Griva isthmus near the village of Titovo. The paper shows a brief characteristic of the personality of Prof. Dmitry Glebovich Savinov corresponding to such notions as a 'humanist' and an 'encyclopaedist'.

Древности Обь-Иртышья в трудах профессора Д. Г. Савинова. Историографические аспекты¹

В. И. Молодин²

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена историографическому анализу научного творчества профессора Д. Г. Савинова в пределах Верхнего Приобья и Обь-Иртышья эпохи бронзы, раннего железа и средневековья. С позиций сегодняшнего дня анализируются концепции ученого, касающиеся блока проблем, связанных с андроновской (фёдоровской) культурой, сейминско-турбинским транскультурным феноменом, барабинским вариантом большеберченской и саргатской культур, древнетюркской эпохой и средневековьем. Особое внимание уделено коллективным монографиям, в которых Д. Г. Савинов выступает в числе авторов.

ANNOTATION. This article is devoted to the historiographic analysis of the Professor D. G. Savinov's scientific work within the Upper Ob and Ob-Irtysh of the Bronze Age, Early Iron Age and the Middle Ages. In hindsight, the concepts of the scientist are analyzed concerning the block of issues associated with the Andronovo (Fedorovo) culture, the Seima-Turbino transcultural phenomenon, the Baraba variant of the Bolsherechenskaya and Sargat cultures, the ancient Turkic era and the Middle Ages. Particular attention is paid to collective monographs in which D. G. Savinov is among the authors.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Обь-Иртышская лесостепь, Верхнее Приобье, историография, эпоха бронзы, ранний железный век, средневековье.

KEYWORDS: Ob-Irtysh forest-steppe, Upper Ob region, historiography, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages.

Введение

20 марта 2021 г. мы — друзья и близкие Дмитрия Глебовича, а также коллеги и многочисленные ученики — отметили 80-летие этого замечательно-го ученого и педагога, человека редких душевных качеств.

Свой жизненный путь Савинов прошел нелегкими экспедиционными тропами по дорогам нашей родной Сибири. Его с полным правом можно именовать ленинградским сибиряком, и именно так к нему всегда относились и относятся его сибирские коллеги. Тува, Хакасия, Горный и Равнинный Алтай, Кузбасс, Приобье и Бараба — вот те территории, где он принимал участие в археологических исследованиях, пройдя творческий путь от старшего лаборанта до руководителя крупных экспедиций.

Я не раз наблюдал его в поле в разных качествах и в разных, порой в достаточно суровых, условиях (рис. 1). Нашего героя всегда отличало, пожалуй, главное качество — любовь к полевой экспеди-

ционной работе, неутомимая жажда поиска, стремление понять и разгадать загадки любого изучаемого им объекта от, казалось бы, простейшей каменной оградки до сложного многокультурного некрополя или напластований разновременных наскальных изображений. Эта любовь, а точнее сказать, страсть к полевой работе всегда предопределяла линию его поведения в отряде. Савинов постоянно на раскопе, всегда в самой гуще происходящих событий. Все остальное: неустроенность быта, гнус и не очень комфортная палатка, нехитрая пища, плохая погода, — для него было вторичным. Да он этих трудностей просто и не замечал. Для него всегда на первом месте были раскопки (или разведки), которым он отдавался с упоением.

Надо сказать, что поле всегда отвечало ему взаимностью. Даже в не очень знакомой ему природной ситуации, какой являлась для него, к примеру, Барабинская лесостепь, он умел совершенно безошибочно выбирать объект будущих раскопок, делая это не сразу, а сначала как бы присматриваясь к ситуации, а потом вдруг останавливая внимание на каком-то из комплексов, — и, как правило, попадал в точку.

Особенно эффектно Савинов продемонстрировал этот свой дар на Укоке, когда в 1990 г. он работал в составе моего отряда, сам выбирая комплексы для исследования и раскапывая их. Здесь сказыва-

¹ Работа выполнена в рамках НИР, проект № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

² 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН.

Отдел археологии палеометалла.

Адрес электронной почты: molodin@archaeology.nsc.ru.

лось прекрасное знание этого региона – Алтайской горной страны со всей ее спецификой и особенностями. А с Барабой все было несколько иначе, по-другому, однако что-то подсказывало ему, вело к безошибочному выбору объекта, предназначенного для раскопок.

Безусловно, в этом проявлялась несомненная одаренность Савинова-полевика, поскольку от правильного и, точнее сказать, удачного выбора объекта исследования в конечном итоге зависит успех всего предприятия, всей экспедиции, со всеми вытекающими последствиями. Затем начинались раскопки, и нужно было видеть, с каким вдохновением и энтузиазмом отдавался им наш герой.

Было бы неправильно особо не отметить хронологический и тематический диапазон в научном творчестве Дмитрия Глебовича. Им написана серия блестящих работ, посвященных эпохе бронзы, раннего железа, раннесредневековой археологии, проблемам древнетюркского и монгольского времени. Прекрасное знание этнографии народов Сибири позволило сделать немало открытий и в этой области, а также и на стыке археологических и этнографических источников. В работах Д. Г. Савинова всегда подкупает мастерское использование ученым данных этнографии для реконструкции и адекватного понимания археологической информации (Тематический..., 2011).

То, что Дмитрий Глебович происходит из семьи профессиональных художников (мама – О. Б. Богаевская, папа – Г. А. Савинов), безусловно, накладывало свой особый отпечаток. Он и учиться-то начинал в Институте им. И. Е. Репина Академии художеств СССР, на факультете теории и истории искусства. Наверное, именно корни Савинова привили ему трепетное отношение к художественному творчеству человека. Отсюда целый цикл работ, посвященных изобразительным памятникам – наскальным изображениям, каменным изваяниям, так называемым оленним камням и раннесредневековым стелам. Важно, что Д. Г. Савинов разрабатывает и теоретические проблемы художественного творчества, связанные, например, с теорией художественного стиля изображений различных эпох и культур, семантикой загадочных образов и т. д.

Вообще, в научном творчестве Д. Г. Савинова немало исследований теоретического характера. В них поднимаются важнейшие проблемы этнических реконструкций археологических памятников, общие вопросы культурогенеза, ритуала, сакрализованного пространства и многое, многое

РИС. 1. Д. Г. Савинов и В. И. Молодин в экспедиции. Бараба. 1981 г.

FIG. 1. D. G. Savinov and V. I. Molodin in the expedition. Baraba. 1981

другое. Перед вами лишь небольшая выборка проблем, которым посвящает свое научное творчество Дмитрий Глебович. Ряд научных тем, а их обозначает в одной из своих работ Савинов (окуневская культура, енисейские кыргызы, кимаки-кыпчаки и сроткинская культура, оленные камни), на протяжении многих лет постоянно привлекают внимание нашего героя (От составителя, 2011. С. 10).

Многие годы автор этих строк имеет честь быть другом и коллегой Дмитрия Глебовича. Нас связывает не только человеческое, но еще и творческое общение. В нашем активе есть исследования, выполненные в соавторстве. Полагаю, что это дает мне право более подробно коснуться научного творчества профессора Д. Г. Савинова, посвященного разнообразным проблемам археологии Обь-Иртышского лесостепного междуречья, поскольку именно эта территория всегда оставалась, да и сейчас остается для меня наиболее привлекательной. Немалый вклад в изучение различных сюжетов исторического прошлого этой части Сибири

внес и наш герой. Именно этой части творчества Дмитрия Глебовича я и коснусь в предлагаемых историографических заметках. Любопытно, что с точки зрения природно-географической ситуации лесостепное Обь-Иртышье контрастирует с районами Горного Алтая, Тувы и даже Минусинской котловины — районами, где преимущественно работал Дмитрий Глебович. Тем не менее, и в этих условиях, не вполне привычных для ученого, им были сделаны первоклассные научные открытия.

Эпоха бронзы

Эпоха бронзы всегда входила в сферу научных интересов Савинова. Конечно, здесь особое место занимала окуневская культура Минусинской котловины, проблемам которой исследователь посвятил около двадцати печатных работ (Тематический..., 2011. С. 16–17), активно востребованных научным сообществом и сегодня.

В 1980–1981 гг. Южно-Сибирский палеоэтнографический отряд Ленинградского госуниверситета под руководством Д. Г. Савинова проводил целенаправленное исследование разновременных курганов в Центральной Барабе (Савинов, 1981; 1983).

Замечательным памятником оказался одиночный курган, исследованный Д. Г. Савиновым совместно с Н. В. Полосьмак в Центральной Барабе, большинство захоронений которого относились к эпохе бронзы. Речь идет о памятнике Венгерovo I, расположенном фактически на юго-восточной окраине одноименного села (Савинов, Полосьмак, 1985). Несмотря на незначительные размеры, в кургане исследовано 10 погребальных комплексов, среди которых семь относились к эпохе бронзы. Еще пять захоронений данного хронологического периода были выявлены на памятнике Венгерovo VII, расположенном в 10 км к северу от одноименного села и в 250 м к северо-востоку от левого берега р. Тартас. Таким образом, исследователями на двух памятниках выявлено 12 захоронений, справедливо отнесенных к андроновской культуре (Там же. С. 89). С позиций сегодняшнего дня к такой культурной идентификации следует добавлять «андроновские (фёдоровские)». К этому выводу приходят и сами исследователи, отмечая отношение погребальной посуды эпохи бронзы к фёдоровской группе (Там же. С. 93).

В 80-е гг. прошлого века, несмотря на неплохо изученную в Барабинской лесостепи андроновскую (фёдоровскую) культуру, обобщающей работы по ней еще не существовало, поэтому каждый

открытый памятник и каждое захоронение представляли несомненную новизну и интерес. Оба комплекса были представлены серией могил — одной взрослой и несколькими детскими, заключенными под одним земляным сооружением. Налицо явное сочетание в одном комплексе двух возрастных категорий умерших. Для андроновских (фёдоровских) могильников разнообразие сочетаний детских и взрослых захоронений в отдельные могильники или комбинированные комплексы, разнообразие надмогильных сооружений, либо их отсутствие и сегодня выглядят нерешенной проблемой. Тем важнее выявленное Савиновым и Полосьмак устойчивое сочетание взрослого и детских захоронений. Наряду с устойчивой для андроновских (фёдоровских) некрополей погребальной практикой (на боку, в скорченном положении) отмечены могилы с сосудами, но без скелетов — элемент, также устойчиво зафиксированный и на других памятниках данного культурного образования (Молодин, 1985). Предложенная исследователями классификация андроновских (фёдоровских) сосудов полностью соответствовала уже имеющему месту для региона разработкам и до сегодняшнего дня не утратила своего значения.

Серьезная коррекция произошла в области хронологии андроновских (фёдоровских) памятников в рассматриваемом регионе. Полученные крупные серии радиоуглеродных датировок в высочайших лабораториях позволяют отказаться от принимаемых ранее дат для этой культуры на юге Западной Сибири, относимой исследователями к концу II тыс. до н. э. (Черников, 1960. С. 97–102; Молодин, 1977. С. 77, 79; Косарев, 1981. С. 111, 131–132), разделяемых в рассматриваемой статье Д. Г. Савиновым и Н. В. Полосьмак (Савинов, Полосьмак, 1985). В свою очередь, новые данные позволяют датировать ее в пределах первой половины II тыс. до н. э. (Молодин и др., 2008. С. 328; 2011; Molodin et al., 2011). В целом рассматриваемая статья в разделе, касающемся эпохи бронзы, не утратила своего значения и сегодня активно востребована специалистами.

К числу замечательных открытий, сделанных Дмитрием Глебовичем в 1970 г. в верховьях р. Оби недалеко от села Большая Речка, относится Осинкинский могильник, впервые упоминаемый исследователем в «Археологических открытиях» (Савинов, 1971. С. 220), а затем уже подробно рассмотренный в специальной статье (Савинов, 1975). Грунтовый могильник эпохи бронзы содержал восемь

сильно разрушенных захоронений, при этом с обильным инвентарем, состоящим из бронзовых наконечников копий, дротиков, кинжалов, ножей, долот и втулок, браслетов, височных колец, костяных наконечников стрел и гарпунов, керамики, пряслиц, кремневых наконечников стрел, а также других оригинальных костяных изделий. Исследователем совершенно справедливо отмечается сейминская традиция в изготовлении копий, при этом, однако, имеющая несомненную специфику, что позволяет отнести их к более позднему пласту, связанному с андроновскими или раннеананьинскими образцами (Там же. С. 94). Остальной инвентарь, по мнению Савинова, тяготеет к культурам эпохи бронзы Западной и Восточной Сибири.

Предложенные выводы находят сегодня подтверждение в материалах, вполне надежно культурно диагностируемых. Так, абсолютно аналогичные плоские бронзовые кольца и браслеты со спиралевидными оконечностями, кинжал с кольцевым навершием на рукояти, как и семантически сходная керамика, обнаружены в могильниках позднекротовской (черноозерской) культуры (Молодин, 2014) Барабы и Прииртышья. Учитывая специфику погребальной практики и инвентаря, можно предположить, что перед нами, возможно, местное, хронологически близкое с позднекротовским (черноозерским), образование, сложившееся на основе елунинской (автохтонной) и андроновской (Фёдоровской) волны переселенцев, породившей своеобразный вариант этой синкретичной по сути культуры. Поэтому термин «позднеандроновские», который вслед за М. П. Грязновым использует Д. Г. Савинов (1975. С. 99) вполне адекватно характеризует исторический процесс формирования и существования данного комплекса. С позиций сегодняшнего дня можно согласиться с автором раскопок, что парно стоящие крупные перевернутые сосуды вряд ли имеют к этому могильнику непосредственное отношение. Надо сказать, что и сегодня, по истечении уже пятидесяти лет, открытый и исследованный Д. Г. Савиновым Осинкинский могильник эпохи бронзы остается оригинальным с точки зрения культурной атрибуции памятников конца развитой — начала поздней бронзы Верхнего Приобья.

Особое место в научном творчестве Д. Г. Савинова всегда занимали памятники первобытного искусства — петроглифы, пластика, изваяния. Среди значительного количества таких произведений к рассматриваемой в настоящей работе проблема-

тике относятся две статьи, связанные с анализом сейминско-турбинской изобразительной традиции. Хотя, по справедливому замечанию исследователя, рассматриваемые в настоящей работе территории равнинного Алтая и более западного Прииртышья не имели скальных выходов для нанесения там изображений, тем не менее речь в его двух статьях идет о сейминско-турбинском транскультурном феномене, который распространяется на значительной территории Евразии (Черных, Кузьминых, 1989), в том числе в районах Верхнего Прииртышья, Барабинской лесостепи и Верхнего Приобья.

Первое изображение лошади, выполненное, по справедливому заключению Савинова, в сейминско-турбинской иконографической манере, фиксируется на вторично использованной плите предположительно андроновского времени из тесинского могильника Есино III, что на юге Минусинской котловины (Савинов, 2000. Рис. 1). Дмитрий Глебович совершенно справедливо отмечает исключительность такой иконографии для региона и логично полагает, что автор изображений (он же — носитель сейминско-турбинской изобразительной традиции) мог попасть в Минусинскую котловину из Верхнего Прииртышья по предгорьям монгольского Алтая (Савинов, 2007. С. 99). Хочу лишь уточнить, что с учетом последних данных по комплексам с классическими бронзами сейминско-турбинского типа (см.: Молодин, 2013) хронология культур ранней — развитой бронзы этой части Азии (одиновская, кротовская и другие культуры) существенно удревнилась. С учетом серии современных радиоуглеродных дат данные образования укладываются в пределы III тыс. до н. э. Исходя из этого можно предполагать, что находки сейминско-турбинских бронз в Минусинской котловине, как и изображение лошади на переиспользованной плите из Есино III, связаны с носителями не андроновской (Фёдоровской), а окуневской культуры (подробнее см.: Молодин, в печати).

Другое дело, что, как справедливо отмечает Дмитрий Глебович, рассматриваемый изобразительный пласт может охватывать более широкий (чем ранняя и развитая бронза) промежуток времени, когда реминисценции сейминско-турбинской традиции встречаются вплоть до раннескифской эпохи (Савинов, 2007. С. 100–101). В таком случае привлекательно выглядит и его идея о циклических миграциях с запада на восток (до Енисея) не только носителей собственно сейминско-турбинского транскультурного феномена (культуры ранней

бронзы), но и последующих андроновских (фёдоровских) мигрантов.

Ранний железный век

Ранний железный век занимает значительное место в творчестве Дмитрия Глебовича. Достаточно сказать, что проблемам скифского времени посвящено свыше двадцати статей (Тематический..., 2011. С. 17–19) — и это без учета анализа изобразительных памятников. В работах 1980–1981 гг. в лесостепном Обь-Иртышье, о которых уже шла речь выше, при исследовании кургана № 4 могильника Осинцево III, расположенного в 3 км к северо-западу от одноименной деревни, на правом берегу р. Оми, в Чановском р-не Новосибирской обл., исследователем обнаружены захоронения раннего железного века. Изучение памятника связано с раскопками, проведенными здесь в середине XIX в. академиком В. В. Радловым. Оставшиеся неразрушенными объекты и были исследованы экспедицией Д. Г. Савинова. Начнем с того, что материалы большебереченской культуры, опубликованные впоследствии Д. Г. Савиновым вместе с Н. В. Полосьмак, относятся к наиболее западным ее проявлениям и до настоящего времени встречаются в этих районах весьма редко. Поэтому, уже в силу данного обстоятельства, найденные в Осинцево III комплексы трудно переоценить (см.: Савинов, Полосьмак, 1985).

Существенными и в настоящее время представляются выводы, которые делают исследователи, опираясь, в общем-то, на небольшие материалы. Прежде всего, они справедливо относят погребальные комплексы к березовскому этапу большебереченской культуры (III–II вв. до н. э.). Важен и сделанный ими вывод о том, что по сравнению с памятниками данной культуры территории Верхнего Приобья барабинские комплексы обладают несомненными особенностями погребальной практики, что позволило им (в то время на уровне рабочей гипотезы) предполагать наличие барабинского варианта большебереченской культуры (Савинов, Полосьмак, 1985. С. 95). Это предположение нашло подтверждение в результате открытия и исследования в Барабе новых, без сомнения, большебереченских памятников. Речь идет о поселении Каргат-4, исследованном Н. В. Полосьмак в акватории озера Чаны (Полосьмак, 1987), и уникальном ритуальном комплексе, выявленного на памятнике Тартас-1 (Молодин и др., 2012). На сегодняшний день последний является наиболее западным проявлением этой культуры. Очевидно, что предположение,

сделанное Д. Г. Савиновым и Н. В. Полосьмак в середине 80-х гг. прошлого века, находит свое подтверждение.

К саргатской культуре, также относящейся к раннему железному веку, принадлежат 17 захоронений, выявленных Д. Г. Савиновым и Н. В. Полосьмак при раскопках памятников Венгерovo I и VII (Савинов, Полосьмак, 1985. С. 96–101). И эти материалы, не очень значительные по объему, тем не менее, по справедливому замечанию авторов раскопок, «приносят что-то принципиально новое в казалось бы устоявшиеся взгляды на погребальный обряд саргатской культуры» (Там же. С. 96). Детальное исследование планиграфии саргатских захоронений позволило исследователям выявить существенную особенность погребальной практики, выраженную в образовании как бы второго, верхнего яруса захоронений, несколько позже подхороненных в уже функционирующее архитектурное сооружение (Там же. С. 98). Расположение умерших лицом к лицу в могиле и помещение в изголовье мясной пищи (лопатонок животных) также явились особенностью для погребальной практики носителей саргатской культуры рассматриваемого региона (Там же). Погребальный инвентарь, и прежде всего глиняная посуда, в целом типичен для саргатской культуры. Особый интерес представляет редкая для эпохи и территории деревянная часть кибиты лука с сохранившимся выступом для крепления тетивы (Там же. Рис. 10–13). Уместно отметить, что до настоящего времени такая находка является единственной на памятниках саргатской культуры вообще, поскольку деревянные предметы доживают до наших дней только в особых условиях. В настоящее время не вызывает сомнений предлагаемая авторами раскопок датировка исследованных ими саргатских комплексов концом I тыс до н. э. (Там же. С. 101).

В заключение уместно сделать еще одно справедливое замечание по части предлагаемого авторами вывода о территории Барабинской лесостепи как территории транзитной — как в меридиональном, так и в широтном направлении (Там же). Вывод, который оказывается актуальным практически для всех эпох обитания здесь человека.

Средневековье

В научном творчестве Д. Г. Савинова эпоха средневековья занимает, несомненно, одно из ведущих мест. Это и исследования общего характера (Тематический..., 2011. С. 21–24), и статьи, посвященные

древнетюркской археологии, куда входят работы по Барабинской лесостепи, в том числе написанные вместе с автором этих строк (*Савинов, Молодин, 1979; Молодин и др., 1981*), и исследования, посвященные енисейским кыргызам, а также кимако-кыпчакам и сросткинской культуре, охватывающие и районы Верхнего Приобья (*Савинов, 1973; 1992; 1995; 1996; 1998*), и труды по предмонгольскому и монгольскому времени, также касающиеся территории Верхней Оби (*Савинов, 1971*) и Барабинской лесостепи (*Савинов, 1988а*). Все эти работы, посвященные западносибирскому лесостепному Обь-Иртышью, несомненно, дополняют и углубляют концепции Дмитрия Глебовича, разработанные им для более южных регионов Западной Сибири — Горного Алтая и Тувы. В результате перед нами предстает целостная картина эпохи средневековья, представленная исследователем, помимо многочисленных статей, в ряде фундаментальных монографий (см., напр.: *Савинов, 1984; 1994; Кляшторный, Савинов, 1994*).

В этом разделе будет уместным более подробно сказать о книгах Савинова, посвященных обозначенным территориям Западной Сибири в эпоху средневековья. В научном творчестве Дмитрия Глебовича Савинова следует выделить значительное количество монографических сочинений. Их число приближается к двадцати. Тематика монографий также разнообразна, как и многочисленных научных статей.

К проблемам, рассматриваемым в настоящем разделе, непосредственно относятся две книги: «Бараба в тюркское время» и «Верхнее Приобье на рубеже эр. Басандайская культура». Обе работы по жанру можно назвать коллективными. Первая монография была написана творческим сотрудничеством, в состав которого входило 12 человек (*Молодин и др., 1988в*). При этом роль Савинова в ее написании трудно переоценить. Им написаны глава 1 и раздел 5 второй главы; раздел 3 второй главы и глава 5 написаны Дмитрием Глебовичем с В. И. Молодиным и В. С. Елагиным. Надо сказать, что в значительной степени именно Савинову принадлежит и идея книги, и разработка ее концепции.

В первой главе монографии Д. Г. Савиновым рассмотрена история изучения раннесредневековых памятников Барабы, связанная с раскопками и разведками, проведенными во второй половине XIX в. академиком В. В. Радловым, Н. М. Ядринцевым, Г. О. Оссовским и С. М. Чугуновым, материалы которых, как справедливо отмечает исследователь, не утратили своего значения вплоть до второй по-

ловины XX в. Дмитрием Глебовичем был тщательно проанализирован и, по сути, по-настоящему введен в научный оборот этот весьма значительный источник. При этом исследователь предпринял критический анализ всех сохранившихся материалов, как опубликованных предшественниками, так и хранящихся в музейных фондах, интерпретировав их с позиции последних достижений отечественной археологии (*Савинов, 1988а*. С. 5–12).

В 5-м разделе второй главы рассматриваемой монографии Д. Г. Савинов на основании собственных раскопок выделяет новый тип памятников начала II тыс. н. э. в Барабинской лесостепи (*Савинов, 1988а*. С. 90–112) — Осинцево IV и Венгерovo VII (*Савинов, 1981; 1983*). Население, оставившее эти памятники в XI–XII вв., по мнению исследователя, является преимущественно местным, воспринявшим ранее ряд инокультурных, южных по своему происхождению элементов погребального инвентаря и надмогильных сооружений в виде усеченных подчетырехугольных пирамид, изготавливаемых из дерна и сырцового кирпича, обнесенных впоследствии земляным рвом. Исследователь заключает, что «с исторической точки зрения, это может быть связано с распадом кимако-кыпчакского государства, образованием на его северной периферии новых этносоциальных объединений и завершением процессов тюркизации населения Барабинской лесостепи» (*Савинов, 1988б*. С. 112).

В главах и разделах монографий, написанных в соавторстве с В. И. Молодиным и В. С. Елагиным, во-первых, аккумулированы источники по погребальным комплексам древнетюркского времени в Барабе Базово-1, 2, Сопка-2, Туруновка-3А, Ходунково (*Молодин и др., 1988б*), относящимся ко второй половине VIII — началу IX в. н. э., продолженные после более ранней публикации наиболее яркого комплекса на могильнике Преображенка-3 (*Молодин и др., 1981*), также вошедшего в монографию «Бараба в тюркское время». В этих комплексах авторы выделяют как местные, так и пришлые компоненты инвентаря и погребальной практики, внедрившиеся в среду аборигенов с территории Алтая. В дальнейшем население Барабы подвергалось влиянию кимаков с территории Восточного Казахстана и верхнего Прииртышья.

Во-вторых, им написана завершающая глава книги, в которой подводятся итоги всего сочинения, получившая название «Этнокультурная история Барабы в средние века» (*Молодин и др., 1988а*). Поскольку этот раздел подготовлен в том числе

и автором этих строк, мне не вполне корректно разбирать его в этой историографической, по сути, работе, скажу лишь, что и сегодня, спустя более тридцати лет данная концепция остается вполне приемлемой, и роль Д. Г. Савинова в ее разработке является определяющей.

Вторая монография, написанная тремя авторами, где каждый писал соответствующую главу, введение и заключение, концептуально объединяющее книгу в единое цельное произведение, выполнены Дмитрием Глебовичем в соавторстве с А. В. Новиковым (*Савинов и др.*, 2008). Книга впервые вводит в научный оборот материалы погребальных комплексов II тыс. н. э. территории Верхнего Приобья. Это Осинкинский могильник, исследованный Д. Г. Савиновым; Санаторный-1, раскопанный С. Г. Росляковым; и могильник Ташара-Карьер-2, изученный А. В. Новиковым.

Осинкинский раннесредневековый могильник, открытый в 1969 г. Н. Л. Членовой (*Членова*, 1970. С. 201) был исследован в 1970 г. Д. Г. Савиновым (1971). Памятник состоял из двух частей – группы захоронений эпохи бронзы, опубликованной Савиновым ранее и рассмотренной в первой части статьи, и второй, наиболее представительной части, о которой речь пойдет далее. Полное издание этого замечательного материала осуществлено Дмитрием Глебовичем в рамках первой главы вышеназванной монографии. Здесь представлены общая характеристика памятника и описание всех исследованных на нем средневековых погребений (69 комплексов), охарактеризована погребальная практика выделенных исследователем групп захоронений, к тому же автор обращает внимание на интересные детали (погребение собак, наличие своеобразных «кандалов» и т. д.). Подробно характеризуются основные категории погребального инвентаря, с приведением исчерпывающего круга аналогий. Тщательный анализ полученных реальных позволил исследователю определить хронологию памятника (XI–XIII вв. н. э.), а также предложить свою версию этнокультурогенеза, критически разобрав имеющиеся на тот момент концепции этнополитической ситуации, сложившейся в приалтайских степях. Савинов полагает, что после распада кимако-кыпчакского объединения освободившиеся территории могли быть заняты новыми группами населения с культурой осинкинского типа с пока не выявленной этнической идентификацией. Судя по характеру специфических лазуритовых подвесок, «место исхода этого населения <...> могло находиться восточнее Саркела

и западнее Алтая, в непосредственной близости от торговых путей» (*Савинов*, 2008. С. 36). И далее: «на Северном Алтае это население контактировало с поздними сrostкинцами, просуществовало до конца XIII в. и было сменено кыпчаками» (Там же). Далее исследователь делает вывод, что, по аналогии с Томским Приобьем (*Могильников*, 1980. С. 245–246) и Новосибирским (Верхним) Приобьем, на Алтае также складывается басандайская культура, которая имеет здесь и свою специфику (*Савинов*, 2008. С. 36). В XII–XIII вв. североалтайское (осинкинское) население, по справедливому замечанию Савинова, «вошло в сферу влияния раннемонгольской культурной традиции» (Там же). В завершении главы исследователь кратко формулирует концепцию этнокультурного развития населения Северного Алтая (Верхнего Приобья) с VII по XIII–XIV вв. н. э. (Там же. С. 37), в которой Осинкинский могильник является «одним из опорных памятников» (Там же).

Как я уже отмечал выше, монографию концептуально объединяет написанное с А. В. Новиковым введение «К истории изучения басандайской культуры», куда авторы включают три могильника в Верхнем Приобье (Осинкинский, Санаторный-1 и Ташара-Карьер-2) (*Савинов, Новиков*, 2008а), а также заключение, в котором подведены главные итоги работы (*Савинов, Новиков*, 2008б).

В целом монография является весомым вкладом в понимание этнокультурных процессов, протекавших в Верхнем Приобье от северного Алтая до Томска в период раннего средневековья, где сформировалась яркая и самобытная басандайская культура. Книгу отличают широкий исторический подход к оригинальному материалу и в то же время взвешенная оценка реконструкций исторических и этнических событий, происходивших в IX–XIII вв. как в означенном регионе, так и за его пределами. По сути, до сегодняшнего дня работа остается уникальной – и в этом, безусловно, знаковая роль принадлежит Дмитрию Глебовичу.

Таковы лишь некоторые сюжеты, позволяющие дополнить творческий портрет героя этого очерка. Блестящая эрудиция, колоссальная работоспособность и любовь к археологии позволили еще раз высветить уникальность нашего героя. Мы рассмотрели лишь небольшую частицу его научного творчества (наиболее близкую автору этих строк), а сколько осталось за кадром!

Хорошо зная Савинова, уверенно могу сказать, что Дмитрий Глебович просто не в состоянии обходиться только университетом, только работой

со студентами. Уверен, что на его рабочем столе лежит заготовка новой рукописи, а рядом — подборка литературы, необходимой ему для работы.

Литература

- Кляшторный, Савинов*, 1994 — *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994. 165 с.
- Косарев*, 1981 — *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 282 с.
- Могильников*, 1980 — *Могильников В. А.* Об этническом составе населения Среднего и Верхнего Приобья в I тыс. н. э. // Народы и языки Сибири / Отв. ред. Е. И. Убрятова. Новосибирск: Наука, 1980. С. 242–248.
- Молодин*, 1977 — *Молодин В. И.* Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977. 171 с.
- Молодин*, 1985 — *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.
- Молодин*, 2013 — *Молодин В. И.* Сейминско-турбинские бронзы в «закрытых» комплексах одиновской культуры (Барабинская лесостепь) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии: к 70-летию академика А. П. Деревянко / Отв. ред. В. И. Молодин, М. В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 309–324.
- Молодин*, 2014 — *Молодин В. И.* К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь) // АЭАЕ. 2014. № 1. С. 49–54.
- Молодин*, в печати — *Молодин В. И.* Окуневская культура и сейминско-турбинский феномен (историографические заметки).
- Молодин и др.*, 1981 — *Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С.* Погребения тюркского времени из могильника Преображенка-3 (Центральная Бараба) // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т. Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 164–169.
- Молодин и др.*, 1988а — *Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С.* Этнокультурная история Барабы в средние века // Бараба в тюркское время / Отв. ред. Е. И. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1988. С. 164–169.
- Молодин и др.*, 1988б — *Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С., Полосьмак Н. В., Беланов П. И.* Древнетюркские погребения Центральной Барабы // Там же. С. 75–86.
- Молодин и др.*, 1988в — *Молодин В. И., Савинов Д. Г., Елагин В. С., Соболев В. И., Полосьмак Н. В., Сидоров Е. А., Соловьев А. И., Бородавский А. П., Новиков А. В., Ким А. Р., Чикишева Т. А., Беланов П. И.* Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.
- Молодин и др.*, 2008 — *Молодин В. И., Парцингер Г., Марченко Ж. В., Пиецонка Х., Орлова Л. А., Кузьмин Я. В., Гришин А. Е.* Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильника Тартас-1 (попытка осмысления) // Труды II (XVIII) ВАС (Суздаль, 20–25 октября, 2008 г.). М., 2008. Т. 1. С. 325–328.
- Молодин и др.*, 2011 — *Молодин В. И., Марченко Ж. В., Гришин А. В.* Радиоуглеродная хронология позднекротовских и андроновских (федоровских) памятников центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) // Труды III (XIX) ВАС. Великий Новгород; Старая Русса; СПб., 2011. Т. 1. С. 251–252.
- Молодин и др.*, 2012 — *Молодин В. И., Соловьев А. И., Кобелева Л. С., Мыльникова Л. Н.* Ритуальный комплекс с захоронением коня раннего железного века на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию Светланы Вячеславовны Студзицкой и Михаила Федоровича Косарева. Томск: Играф-Пресс, 2012. С. 154–165.
- От составителя, 2011 — От составителя // Тематический список научных работ профессора Дмитрия Глебовича Савинова. К 70-летию со дня рождения. СПб.: ЭлекСис, 2011. С. 10.
- Полосьмак*, 1987 — *Полосьмак Н. В.* Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.
- Савинов*, 1971 — *Савинов Д. Г.* Осинковский могильник на Северном Алтае // АО 1970 года. М.: Наука, 1971. С. 219–220.
- Савинов*, 1973 — *Савинов Д. Г.* К этнической принадлежности сrostкинской культуры // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Мат-лы Всесоюзной конференции. Томск: Изд-во ТГУ, 1973. С. 189–192.
- Савинов*, 1975 — *Савинов Д. Г.* Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 94–100.
- Савинов*, 1981 — *Савинов Д. Г.* Раскопки могильников в Барабинской лесостепи // АО 1980 года. М.: Наука, 1981. С. 206–207.
- Савинов*, 1983 — *Савинов Д. Г.* Раскопки могильника Венгерова VII // АО 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 228–229.
- Савинов*, 1984 — *Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
- Савинов*, 1988а — *Савинов Д. Г.* Из истории изучения раннесредневековых памятников Барабы // Бараба в тюркское время / Отв. ред. Е. И. Деревянко. Новосибирск: Наука, 1988. С. 5–12.
- Савинов*, 1988б — *Савинов Д. Г.* Новый тип памятников начала II тыс. н. э. в Барабинской лесостепи // Там же. С. 90–112.
- Савинов*, 1992 — *Савинов Д. Г.* Этнокультурные процессы на территории Западной Сибири, связанные с распадом кимако-кыпчакского объединения // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии): Мат-лы Всероссийской конференции. Омск: Изд-во ОмГУ, 1992. С. 84–88.
- Савинов*, 1994 — *Савинов Д. Г.* Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: КемГУ, 1994. 214 с.
- Савинов*, 1995 — *Савинов Д. Г.* Погребения сrostкинского могильника (Дневник раскопок С. М. Сергеева, 1930 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Мат-лы научно-практи-

- ческой конференции / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Ч. II. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. С. 166–171.
- Савинов, 1996 — Савинов Д. Г. Погребения сросткинского могильника (По материалам раскопок М. Н. Комаровой, 1925 г.) // Археология, антропология и этнография Сибири. Сборник статей, посвященный памяти антрополога А. Р. Кима / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 192–206.
- Савинов, 1998 — Савинов Д. Г. Сросткинский могильник (Раскопки М. Н. Комаровой в 1925 г. и С. М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. № 3. С. 175–190.
- Савинов, 2000 — Савинов Д. Г. Реалистические изображения лошадей скифского времени и сейминская изобразительная традиция // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. К 70-летию со дня рождения В. И. Матющенко / Отв. ред. А. В. Якуб. Омск: ОмГУ, 2000. С. 179–187.
- Савинов, 2007 — Савинов Д. Г. Сейминская изобразительная традиция в петроглифах Южной Сибири и Казахстана // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. К 70-летию Т. М. Потемкиной / Отв. ред. М. П. Вохменцев. Курган: Изд-во КурГУ, 2007. С. 98–103.
- Савинов, 2008 — Савинов Д. Г. Осинкинский раннесредневековый могильник // Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 8–70.
- Савинов и др., 2008 — Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.
- Савинов, Молодин, 1979 — Савинов Д. Г., Молодин В. И. Тюркские погребения Барабинской степи // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции / Отв. за выпуск В. И. Матющенко, Н. А. Томилов. Омск: Изд-во ОмГУ, 1979. С. 62–66.
- Савинов, Новиков, 2008а — Савинов Д. Г., Новиков А. В. Введение. Из истории изучения басандайской культуры // Д. Г. Савинов, А. В. Новиков, С. Г. Росляков. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 4–7.
- Савинов, Новиков, 2008б — Савинов Д. Г., Новиков А. В. Заключение // Там же. С. 338–339.
- Савинов, Полосьмак, 1985 — Савинов Д. Г., Полосьмак Н. В. Новые материалы по эпохам бронзы и раннего железа в Центральной Барабе // Археологические исследования в районах новостроек Сибири / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1985. С. 75–103.
- Тематический..., 2011 — Тематический список научных работ профессора Дмитрия Глебовича Савинова. К 70-летию со дня рождения. СПб.: ЭлекСис, 2011. 58 с.
- Черников, 1960 — Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960 (МИА; № 88). 272 с.
- Черных, Кузьминых, 1989 — Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 320 с.
- Членова, 1970 — Членова Н. Л. Раскопки на Северном Алтае // АО 1969 года. М.: Наука, 1970. С. 200–201.
- Molodin et al., 2011 — Molodin V. I., Marchenko Z. V., Grishin A. E., Orlova L. A., Kuzmin Y. V., Strydomk Van. Radiocarbon chronology for burial grounds of the Andronovo period in Baraba forest-steppe (the Bronze Age of Western Siberia) // Radiocarbon & Archaeology: 6th International Symposium (Pafos, Cyprus, April 10–15, 2011). Pafos, 2011. P. 56.

Antiquities of the Ob-Irtysh basin in the works by Prof. D. G. Savinov. Historiographic aspects

V. I. Molodin

On March 20, 2021, we celebrated the 80th birthday of the prominent scholar and pedagogue, Prof D. G. Savinov, Dr. of History. This paper presents a historiographic analysis of the creative work of the scholar connected with the territory of the Upper Ob River and Ob-Irtysh interfluvium.

An estimate is proposed of the D. G. Savinov's scientific concepts concerned with problems of the Bronze Age, early Iron Age and Middle Ages. His studies of archaeological sources always were supplemented by the use of ethnographic evidence. Also a considerable place in the scientific works of the scholar is occupied by problems related with prehistoric art including the

theoretic questions, i. e. the theory of artistic style, semantics of the images, etc.

D. G. Savinov's researches of the mentioned regions of West Siberia undoubtedly supplement and extend his conceptions worked out for more southern regions of Siberia — Mountain Altay and Tuva. Of special significance in the works of the scholar are the collective monographs “*Baraba v tyurkskoe vremya*” (Baraba in the Turkic period) and “*Verkhnee Priob'e na rubezhe epokh (basandayskaya kul'tura)*” (Upper Ob region at the turn of the epochs (Basandar culture)) in which the determining role in the conceptual comprehension belongs to him.

Археологические исследования Д. Г. Савинова на Алтае и в Верхнем Приобье (краткий обзор и воспоминания юбиляра)

А. А. Тишкин¹

АННОТАЦИЯ. В текущем году известный отечественный археолог Дмитрий Глебович Савинов отмечает очередную знаменательную дату. Основное содержание публикации посвящено археологическим исследованиям Д. Г. Савинова на территории Верхнего Приобья и в горах Алтая. В течение нескольких полевых сезонов в конце 1960-х и начале 1970-х гг. были получены важные материалы, ставшие источниками для отдельных этнокультурных реконструкций и известных авторских концепций.

ANNOTATION. This year, the prominent Russian archaeologist Dmitry Glebovich Savinov celebrates a significant date. The main content of this publication is devoted to the archaeological research by D. G. Savinov on the territory of the Upper Ob region and in the Altay Mountains. During several field seasons in the late 1960s and early 1970s, important materials were obtained that became sources for particular ethnocultural reconstructions and well-known concepts of the author.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Алтай, Верхнее Приобье, Д. Г. Савинов, воспоминания, археологические раскопки, Осинкинский могильник, Узунтал, научные труды.

KEYWORDS: Altai, Upper Ob region, D. G. Savinov, reminiscences, archaeological excavations, Osinkinsky burial ground, Uzuntal, scientific works.

Археология Алтая и Верхнего Приобья уже давно привлекает внимание многих ученых со всего мира. Научный интерес к сделанным открытиям с каждым годом увеличивается, несмотря на то, что объем систематических раскопок по разным причинам сократился. Однако фундамент, заложенный предыдущими поколениями исследователей, позволяет осуществлять междисциплинарные проекты современного уровня. Среди специалистов, которые внесли существенный вклад в изучение древних и средневековых памятников указанных историко-культурных областей, особое место занимает Дмитрий Глебович Савинов. Первое его знакомство с Алтаем, судя по воспоминаниям (см. Приложение к настоящей статье), состоялось в студенческие годы в составе экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством С. С. Сорокина. В 1961 г. были проведены раскопки курганов на территории юго-западной части региона. Находки, полученные на комплексе Курту-II, открыли важную страницу в истории ранних кочевников Центральной Азии (Сорокин, 1966).

После окончания в 1964 г. ЛГУ все экспедиционные работы Д. Г. Савинова проходили только в Сибири, в том числе в горной и лесостепной зоне

Алтая. Их результаты отражены во многих публикациях и полевых отчетах. Мне неоднократно приходилось анализировать эти материалы, а также опираться на некоторые авторские концепции Дмитрия Глебовича в своих реконструкциях (Тишкин, 2007; 2009; Тишкин, Дашковский, 2003; и др.). В данной статье будут упомянуты лишь отдельные научные труды юбиляра, которые в том числе повлияли на развитие барнаульской археологической школы, созданной профессором Ю. Ф. Кирюшиным. Реальное их значение еще предстоит оценить, несмотря на то, что часть идей нашла отражение в учебных пособиях (Тишкин, Дашковский, 2004; Тишкин и др., 2011; Общие вопросы..., 2019; и др.), в упомянутых выше монографиях, а также в многочисленных статьях и совсем кратких биографических очерках (Тишкин, 2010; 2011).

Впервые с одним из концептуальных трудов Д. Г. Савинова я познакомился в 1986 г., когда после возвращения со срочной службы в армии и восстановления в университете поехал в экспедицию, руководителем которой был сотрудник АлтГУ Ю. Т. Мамадаков, убедивший меня начать заниматься археологией. Тогда в конце полевого сезона раскопки проводились на эпонимном памятнике Булан-Кобы-IV в Центральном Алтае, давшем название культуре хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. По вечерам в экспедиции бурно обсуждались уже известные и многочисленные новые

¹ 656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, д. 61.
Алтайский государственный университет.
Кафедра археологии, этнографии и музеелогии.
Адрес электронной почты: tishkin210@mail.ru.

археологические материалы, в том числе исходя из некоторых позиций, сформулированных Д. Г. Савиновым в монографии «Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху» (Савинов, 1984). К этой книге я позже обращался неоднократно, так как она дала толчок идее о необходимости выявления и специального изучения археологических памятников Алтая предтюркского и раннетюркского периодов. Приступить к реализации задуманного совместно со своими коллегами и учениками удалось только через много лет, и такая работа еще продолжается. Отдельные результаты уже нашли отражение в печати (Горбунов, Тишкин, 2002а, б; Тишкин, 2007; Тишкин, Серегин, 2011; Тишкин, Мильников, 2016; Тишкин и др., 2018; и др.).

До этого мне пришлось последовательно штудировать публикации Д. Г. Савинова, прежде всего связанные с аржано-майэмирским и скифо-сакским временем (Савинов, 1975а; 1978; 1986; 1987; 1991; 1993а; 1993б; 1993в; 1994а; 1994б; и др.). Среди них я бы выделил монографию, посвященную изучению «оленных» камней (Савинов, 1994б). Эта книга готовилась автором много лет. Начальные этапы освоения такой темы нашли отражение в воспоминаниях Дмитрия Глебовича (см. Приложение). В них для меня особо ценно то замечание, что «оленные» камни нельзя изучать формально и только как изобразительные источники, а нужно всецело проникнуть в сущность такого явления. Это можно понять только, когда погружен в тему много лет и долго соприкасаешься с каждым конкретным изваянием. Именно такой подход и привлечение современного арсенала исследовательских методов позволит раскрыть огромный информационный потенциал «оленных» камней, отмеченный и отчасти раскрытый в указанной монографической работе Д. Г. Савинова. При этом можно по-другому рассмотреть классификацию «оленных» камней, более тщательно зафиксировать каждое изваяние и отдельные изображения на них для дальнейшего многогранного анализа. Такую большую работу еще предстоит сделать, но у нее есть крепкий фундамент, заложенный предшественниками.

Хочется отметить систематическое применение Дмитрием Глебовичем метода синхронизации разных исторических событий и процессов для понимания результатов археологических исследований. Этот подход не являлся новым. Его использовал Л. Н. Гумилев, а еще раньше некоторые зарубежные и отечественные ученые. Однако

у Д. Г. Савинова синхронизация «работает» в сложных условиях и в несколько ином контексте.

На мой взгляд, исследовательская деятельность Дмитрия Глебовича существенно отличается от многих ведущих отечественных археологов его поколения. Эта специфика, по всей видимости, связана с той основой, которая была заложена в семье ученого (Молодин, Бобров, 2011) и во время обучения на факультете теории и истории искусств в Академии художеств (1959–1961 гг.), яркую характеристику которого привел в своих воспоминаниях юбиляр (см. Приложение). Потом состоялось освоение истории и археологии, а несколько позже происходило интенсивное изучение этнографии. Такой синтез знаний породил своеобразный исследовательский стиль Д. Г. Савинова. В нем заметно выделяется культурологический подход, что нашло особое отражение в книге «Степные империи древней Евразии», изданной в соавторстве с С. Г. Кляшторным (Кляшторный, Савинов, 2005).

Еще многое можно написать о научных трудах юбиляра, но необходимо вернуться к теме статьи и изложить результаты его деятельности на Алтае и в Верхнем Приобье, прежде всего связанной с проведением учебной полевой практики. В тот период Д. Г. Савинов стал работать ассистентом на созданной в 1968 г. кафедре этнографии и антропологии ЛГУ, которую возглавил известный специалист в области этнической истории, теоретик и автор широко известного учебного пособия «Введение в этнографию» Р. Ф. Итс.

Адекватно отразить спектр проделанной Д. Г. Савиновым работы, кроме информации, опубликованной в сообщениях, статьях и монографиях, помогают отчеты о полевых исследованиях. К настоящему времени сотрудниками Института археологии РАН подготовлено и издано несколько томов, в которых содержится огромный пласт сведений об археологической деятельности в СССР с 1945 по 1974 г. В двух из них имеются описания результатов исследований Д. Г. Савинова, проведенных в период с 1969 по 1972 г. включительно (Научно-отраслевой архив..., 2017. С. 163, 263; 2020. С. 84–85, 221). Опираясь на такие данные, а также на другие материалы, последовательно представим запланированный обзор.

В 1969 г. Д. Г. Савинов организовал Алтайский этнографический отряд ЛГУ. Первые обследования были проведены в Красногорском р-не Алтайского края у пос. Егона (Савинов, 1969). На зафиксированном грунтовом могильнике исследованы два погребения, отнесенные к периоду от позднего сред-

невековья до новейшего времени. В таком же хронологическом диапазоне датировано обнаруженное селище (?). Оба памятника получили обозначения по наименованию села. К сожалению, автор раскопок подробно не опубликовал результаты указанных работ. Краткие сведения с небольшими уточнениями про городище Егона-I нашли отражение в сводке памятников Красногорского района (Абдулганеев, 2007. С. 239, 269), где указано, что «Д. Г. Савиновым разведочными раскопами было вскрыто около 60 кв. м», а найденные материалы «датируются 1-й половиной I тыс. н. э.». (Там же).

Дальнейшие работы в том же году проводились в Усть-Пристанском районе Алтайского края. В отчете нашли отражение раскопки двух погребений XIII–XIV вв., обнаруженных на грунтовом могильнике Сухие Гривы. Результаты этих исследований и найденные вещи частично введены в научный оборот (Савинов, 1979). Однако необходима полная публикация всех полученных материалов. Памятник выявлен на песчаной дюне в одноименном урочище. Он находится на правом берегу Оби, в пойме, напротив с. Вяткино, примерно в 5 км, если ехать от стоянки парома по полевой дороге в с. Клепиково. В 1969 г. там же Н. Л. Членова, Б. Х. Кадиков и А. П. Марков нашли могилу монгольского времени, материалы из которой были переданы в Бийский краеведческий музей. Очень краткие сведения о ней опубликованы Н. Л. Членовой (Членова, 1970). История изучения грунтового могильника Сухие Гривы, отнесенного к монгольскому времени (кармацкая археологическая культура), отражена в одной из моих работ, где также представлена ранее опубликованная коллекция из музея (Тишкин, 2009. С. 111–116).

Важно отметить, что в 1969 г. Алтайским отрядом Западносибирской экспедиции под руководством Н. Л. Членовой (Членова, 1969) в Усть-Пристанском районе были раскопаны две могилы на памятнике Осинки, который затем исследовался Д. Г. Савиновым (об этом см. ниже).

В горах Алтая этнографический отряд из ЛГУ провел работы у пос. Уожан тогдашнего Шебалинского р-на Горно-Алтайской автономной обл. (ныне это территория Чемальского р-на Республики Алтай). На высокой надпойменной террасе левого берега р. Чемал, в 300 м к северо-западу от села, зафиксирован курганный могильник, состоявший из 26 курганов, расположенных двумя параллельными цепочками по линии запад–восток (Степанова, Соёнов, 2009. С. 26). Судя по информации об от-

чете (Научно-отраслевой архив..., 2017. С. 163), два объекта были раскопаны (Савинов, 1969). Однако полученные сведения до сих пор не опубликованы. Есть смысл попытаться идентифицировать данный памятник в современных условиях и провести дополнительные обследования.

В полевом сезоне 1970 г. Алтайский палеоэтнографический отряд ЛГУ под руководством Д. Г. Савинова проделал огромную работу на нескольких памятниках в Усть-Пристанском р-не Алтайского края: некрополь Сухие Гривы; местонахождение Долгие Гривы с разновременными археологическими комплексами; местонахождение эпохи бронзы Сапог и Осинковский грунтовый могильник, где исследовано более 70 погребений (Савинов, 1970). Краткие итоги раскопок только в урочище Осинки, находящемся в 7 км от с. Камышенка, были оперативно опубликованы (Савинов, 1971а). В 1975 г. вышла статья, в которой более детально были представлены материалы эпохи бронзы этого памятника (Савинов, 1975б), до сих пор вызывающие споры у исследователей относительно их культурно-хронологического определения и требующие дополнительного рассмотрения, в том числе с привлечением современных естественнонаучных методов. Остальной многочисленный и очень важный материал (Савинов, 1970; 1971а; 1971б) долгое время не был введен в научный оборот в полном объеме. Только недавно он стал частью монографии, посвященной басандайской общности (Савинов и др., 2008. С. 8–70), хотя составляет, по нашему мнению, три разных хронологических комплекса, ныне относящихся к раннему и развитому средневековью: к одинцовской, сrostкинской и кармацкой культурам (Тишкин, 2009. С. 99–107; Тишкин и др., 2011. С. 42–70, 101–122; и др.). Отмечу, что в своей первой публикации и Д. Г. Савинов отчетливо разграничивал полученный материал по группам (Савинов, 1971а). Итоговую публикацию трудно оценить непредвзято, однако важнее то, что все-таки она состоялась. Представленный в работе массив результатов требует дальнейшего детального изучения. Перспективы такой деятельности очевидны. Они уже в определенной мере продемонстрированы при исследовании предметов вооружения (Горбунов, 2006) и найденных бус (Френкель, 2008). Кроме этого, заслуживают дополнительного внимания и другие памятники, указанные в отчете (Сухие Гривы, Долгие Гривы и Сапог).

Период с 1971 по 1973 г. Д. Г. Савинов полностью посвятил исследованиям на территории Юго-Вос-

точного Алтая (ныне — Кош-Агачский р-н Республики Алтай). Были проведены обследования разных археологических объектов, а также осуществлялись раскопки памятников скифо-сакского и тюркского времени.

В отчете о полевых работах в 1971 г. содержится существенный объем информации (Савинов, 1971в). Так, возле пос. Кокоря зафиксированы наскальные рисунки, которые отнесены к раннему железному веку и средневековью, обозначен петроглифический комплекс Большой Камень. Кроме этого, выявлены курганные могильники, получившие названия Кокоря-I, II и III. На последнем из них обнаружены каменные изваяния и «оленный» камень, а рядом — очередная писаница. Отмечены и другие обследованные археологические памятники (Каштал-I-V, мемориальный комплекс на р. Юстыд). Самое большое количество археологических объектов выявлено в высокогорной долине Узунтал, расположенной восточнее пос. Кокоря, в нижнем течении р. Бугузун. Там находились курганные могильники, тюркские оградки с балбалами, изваяния, стелы, «оленные» камни и петроглифы. Обнаруженные объекты были сведены в археологические памятники Узунтал-I-X. Аналогичным образом зафиксированы комплексы Сас-I-VI в долине Сас. Стоит отдельно указать, что «оленные» камни отмечены на памятниках Узунтал-I и VIII, а каменные стелы встречались и на многих из других указанных комплексов. На нескольких объектах производились раскопки. Кроме уже перечисленного, в 1971 г. Д. Г. Савиновым зафиксированы курганные могильники Куган-I-III и Бугузун-I-II.

В 1972 г. работы в Кош-Агачском районе были продолжены силами Алтайского палеоэтнографического отряда Сибирской комплексной этнографо-антропологической экспедиции ЛГУ (Савинов, 1972б). На ранее обозначенных памятниках в долине Узунтал проводились раскопки (Научно-отраслевой архив..., 2020. С. 221): исследованы курганные могильники с каменными конструкциями Узунтал-I (курганы № 1-2, средневековье), Узунтал-III (курганы № 1-2, эпоха бронзы — ранний железный век), Узунтал-V (курганы № 1-2, средневековье), Узунтал-VI (курганы № 1-4, эпоха бронзы — средневековье) и Узунтал-VIII (курганы № 1-2, средневековье). Кроме этого, зафиксированы каменные изваяния в месте впадения р. Узунтал в р. Бугузун. Результаты работ были отражены в ежегодном издании «Археологические открытия 1971 года» (Савинов, 1972а).

В 1973 г. Алтайский палеоэтнографический отряд ЛГУ проводил исследования памятников Сайлюгемской степи в Кош-Агачском районе Горно-Алтайской автономной области при участии Горно-Алтайского государственного педагогического института, Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы и Горно-Алтайского музея. На разных могильниках долины Узунтал был вскрыт ряд курганов. Их краткую характеристику Д. Г. Савинов представил в «Археологических открытиях 1973 года» (Савинов, 1974). Важно указать, что все находки, полученные в ходе раскопок на территории Кош-Агачского района, ныне хранятся в Национальном музее Республики Алтай им. А. В. Анохина (г. Горно-Алтайск) и доступны для детального изучения.

Всего за указанный период были исследованы восемь курганов скифо-сакского времени на следующих четырех могильниках пазырыкской культуры: Узунтал-I (курганы № 2 и 3); Узунтал-III (курганы № 2 и 4); Узунтал-V (курган № 1); Узунтал-VI (курганы № 4-6). Относительно полная их публикация состоялась в 1993 г. По мнению Д. Г. Савинова, результаты этих исследований «послужили основанием для постановки вопроса о хронологических различиях в материалах пазырыкской культуры» (Савинов, 1993в. С. 16), на что исследователь указывал и раньше (Савинов, 1975а; 1978; 1986).

В отношении памятников раннего железного века Алтая Дмитрием Глебовичем были сделаны важные наблюдения и заключения. Они частично нашли отражение в учебном пособии «Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая», где в специальном разделе представлен краткий анализ деятельности Д. Г. Савинова в указанной области археологии (Тишкин, Дашковский, 2004. С. 68-74). Отмечу ряд положений, которые до сих пор не потеряли своего значения, а также идеи, перешедшие в разряд историографических. Это, например, касается выявления элементов материальной культуры предыдущего времени в пазырыкских курганах, таких как бронзовые зеркала с бортиком, трехперые черешковые наконечники стрел, пряжки со шпеньком, цилиндрические обоймы «тройники» и др., являвшихся маркерами раннего этапа формирования хорошо сейчас известной пазырыкской общности. Д. Г. Савинов особо подчеркивал, что речь идет не об эволюции указанных предметов в рамках одной культуры, а о вотивном повторении прежних форм в пазырыкское время.

При этом не стоит исключать, на наш взгляд, факты обычного использования более древних изделий в повседневной жизни и в погребальной практике. Такие изделия могли быть случайными находками, а также могли происходить из ограбленных курганов аржано-майэмирского времени.

К поздним элементам материальной культуры, найденным в пазырыкских памятниках, Дмитрий Глебович отнес пряжки из рога с выступающим наружу шпеньком, двухдырчатые костяные псалии, подвесные щитки с круглым и сердцевидными прорезьями, подвески в виде копыта и т. д. (Савинов, 1975а. С. 50–52). Действительно, часть таких изделий продолжала бытовать на Алтае в хуннуско-сяньбийское время (Тишкин, Горбунов, 2006; 2020) и даже позже, но в модифицированном виде. Здесь важно заметить, что ни в одном пазырыкском кургане до сих пор не обнаружены характерные изделия, относящиеся к культуре хунну (сюнну). А вот впервые зафиксированные Д. Г. Савиновым свидетельства их ограбления именно в хуннуское (сюннуское) время находят дополнительные подтверждения.

Завершающему этапу пазырыкской культуры посвящена отдельная статья (Савинов, 1978). В ней была пересмотрена датировка шибинского этапа, выделенного в 1939 г. М. П. Грязновым и помещенного им в пределы II в. до н. э. — I в. н. э. Завершение развития пазырыкской культуры связывалось Дмитрием Глебовичем с известным историческим событием — северным походом хунну в конце III в. до н. э., ставшим переломным в судьбе народов Южной Сибири и Восточного Казахстана. В результате исследователь пришел к выводу, что последний этап пазырыкской культуры следует датировать II–I вв. до н. э. (Там же. С. 53–54). Позднее было сделано уточнение, что после 201 г. до н. э. (северный поход Маодуня) начался процесс сосуществования «скифских» и «хуннских» традиций в культурах Южной Сибири с постепенным переходом от культур скифского типа к памятникам «гунно-сарматского» времени (Савинов, 1991. С. 93–96). Однако современные исследования показывают, что изменения стали радикальными и от предыдущих традиций остались лишь отдельные категории предметов (Тишкин, Горбунов, 2006), часть из которых могла быть также извлечена из ограбленных пазырыкских курганов.

Рассматривая вопрос об этнической принадлежности «пазырыкцев», Д. Г. Савинов вслед за

С. И. Руденко предложил отождествлять их с юэцжами (Савинов, 1993а. С. 132), но при условии учета широких границ распространения памятников пазырыкского типа, включая территорию Алтае-Саянского нагорья, Западной Монголии и Восточного Туркестана (Кляшторный, Савинов, 1998. С. 172). Исследователь охарактеризовал социально-политическое устройство кочевников Алтая скифо-сакского времени как объединение в форме союза племен (Тишкин, Дашковский, 2004. С. 73). Он сделал предположение, что его центр мог находиться значительно южнее территории распространения погребальных комплексов пазырыкской культуры, а «царские» курганы урочища Пазырык, возможно, представляли собой «своеобразные "терры" пазырыкского общества» (Савинов, 1989. С. 12–13).

Не менее важными, чем раскопки пазырыкских курганов, стали исследования объектов тюркского времени, анализу которых Д. Г. Савинов посвятил серию своих работ (Тематический список..., 2011), в одной из которых он обосновал выделение курайской археологической культуры периода раннего средневековья (Савинов, 1982). С этой идеей вполне можно было бы согласиться. Однако известно наименование этноса, оставившего характерные погребально-поминальные комплексы, поэтому есть смысл все-таки называть культуру «тюркской» (Тишкин, 2007. С. 185–295; Тишкин и др., 2011. С. 7–33; и др.). Все научные работы Д. Г. Савинова, посвященные средневековой тематике, имеют комплексный характер и заслуживают отдельного многостороннего анализа.

В заключение следует отметить, что в 1990-е гг. состоялось возвращение Д. Г. Савинова к археологии Алтая в рамках монографического анализа материалов, полученных при раскопках древних и средневековых памятников в Бертекской долине на плато Укок. Им было написано несколько разделов, посвященных афанасьевской культуре, «гунно-сарматскому» и «древнетюркскому» времени (Древние культуры..., 1994).

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Дмитрий Глебович Савинов — ученый с разносторонними знаниями и обширными интересами, области научных исследований которого охватывают археологические комплексы Сибири широкого хронологического диапазона от неолита до позднего средневековья. И он, несомненно, внес существенный вклад в изучение древней и средневековой истории Алтая и Верхнего Приобья.

Литература и источники

- Абдулганеев, 2007 — Абдулганеев М. Т. Красногорский район в древности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая / Отв. ред.: Ю. Ф. Кирюшин, В. П. Семибратов. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. Вып. XVI. С. 237–304.
- Горбунов, 2006 — Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. 232 с.
- Горбунов, Тишкин, 2002а — Горбунов В. В., Тишкин А. А. Алтай как регион формирования тюркского этноса // Учение Л. Н. Гумилева и современность / Гл. ред. Л. А. Вербицкая. СПб.: НИИХ СПбГУ, 2002. С. 174–180.
- Горбунов, Тишкин, 2002б — Горбунов В. В., Тишкин А. А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. Мат-лы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» / Отв. ред. А. В. Нескоров. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 43–46.
- Древние культуры..., 1994 — Древние культуры Бертекской долины: Горный Алтай, плоскогорье Укок / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1994. 222 с.
- Кляшторный, Савинов, 1998 — Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Пазырыкская узда. К предыстории хунно-юечжийских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 169–177.
- Кляшторный, Савинов, 2005 — Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Изд-во Филол. ф-та СПбГУ, 2005. 345 с.
- Молодин, Бобров, 2011 — Молодин В. И., Бобров В. В. К юбилею Дмитрия Глебовича Савинова // РА. 2011. № 4. С. 179–181.
- Научно-отраслевой архив..., 2017 — Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. Т. 5: 1969–1971 гг. / Отв. ред.: Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков. М.: ИА РАН, 2017. 352 с.
- Научно-отраслевой архив..., 2020 — Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. Т. 6: 1972–1974 гг. / Отв. ред.: Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков. М.: ИА РАН, 2020. 424 с.
- Общие вопросы..., 2019 — Общие вопросы изучения археологии России: Учебное пособие: В 3 ч. / Авт.-сост.: А. А. Тишкин, Н. Н. Серегин; отв. ред. В. В. Горбунов. Барнаул: Азбука, 2019. Ч. III. 312 с.
- Савинов, 1969 — Савинов Д. Г. Отчет о полевых исследованиях Алтайского этнографического отряда ЛГУ 1969 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3968, 3968а [Альбом иллюстраций к отчету].
- Савинов, 1970 — Савинов Д. Г. Отчет о полевых исследованиях Алтайского палеоэтнографического отряда в 1970 г. Раскопки Осинковского могильника // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4114, 4114а [Альбом иллюстраций к отчету].
- Савинов, 1971а — Савинов Д. Г. Осинкинский могильник на Северном Алтае // АО 1970 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1971. С. 219–220.
- Савинов, 1971б — Савинов Д. Г. Осинковский могильник XI–XII вв. на Северном Алтае // Тез. докл., посвящ. итогам полевых археол. иссл. в 1970 г. в СССР. Тбилиси: Мецниереба, 1971. С. 304–306.
- Савинов, 1971в — Савинов Д. Г. Отчет о работе Саяно-Алтайского палеоэтнографического отряда в 1971 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4575, 4575а [Альбом иллюстраций к отчету].
- Савинов, 1972а — Савинов Д. Г. Археологические памятники в районе хребта Чихачева // АО 1971 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1972. С. 286–287.
- Савинов, 1972б — Савинов Д. Г. Отчет о полевых исследованиях Алтайского палеоэтнографического отряда Сибирской комплексной этнографо-антропологической экспедиции ЛГУ. 1972 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4771, 4771а [Альбом иллюстраций к отчету].
- Савинов, 1973 — Савинов Д. Г. Работы на Горном Алтае // АО 1972 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1973. С. 236.
- Савинов, 1974 — Савинов Д. Г. Курганы позднескифского времени в долине Узунтал // АО 1973 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1974. С. 220–221.
- Савинов, 1975а — Савинов Д. Г. К выделению ранних и поздних элементов в культуре пазырыкского времени // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: ЛОИА АН СССР, 1975. С. 49–52.
- Савинов, 1975б — Савинов Д. Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 94–100.
- Савинов, 1978 — Савинов Д. Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 48–55.
- Савинов, 1979 — Савинов Д. Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири / Отв. ред. В. И. Матющенко. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 53–72.
- Савинов, 1982 — Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии / Отв. ред.: А. К. Конопацкий, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102–122.
- Савинов, 1984 — Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
- Савинов, 1986 — Савинов Д. Г. Скифские курганы Узунтала // Скифская эпоха Алтая / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1986. С. 10–13.
- Савинов, 1987 — Савинов Д. Г. Погребения в каменных ящиках Южной Сибири конца I тыс. до н. э. — возрождение традиции или миграция? // Смены

- культур и миграции в Западной Сибири / Отв. ред. Л. М. Плетнева. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. С. 37–40.
- Савинов, 1989 — Савинов Д. Г. Соотношение социального уровня развития южносибирских археологических культур во второй половине I тыс. до н. э. // Скифо-сибирский мир. Социальная структура и общественные отношения. Ч. I. / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1989. С. 12–16.
- Савинов, 1991 — Савинов Д. Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1991. С. 93–96.
- Савинов, 1993а — Савинов Д. Г. К изучению этнополитической истории народов Южной Сибири в скифскую эпоху // ПАЭ. Вып. 4: Историческая этнография / Отв. ред. А. В. Гадло. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 128–135.
- Савинов, 1993б — Савинов Д. Г. Культурные трансляции в Южной Сибири на рубеже скифского и хуннского времени // Динамика культурных традиций: механизм передачи и формы адаптации / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: СПбГУ, 1993. С. 30–32.
- Савинов, 1993в — Савинов Д. Г. Погребения скифского времени в долине Узунтал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая / Отв. ред. Ф. А. Сатлаев. Горно-Алтайск: Б. и., 1993. С. 4–18, 161–172.
- Савинов, 1994а — Савинов Д. Г. Тува раннескифского времени «на перекрестке» культурных традиций (алды-бельская культура) // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит — средневековье) / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: СПбГУ, 1994. С. 76–92.
- Савинов, 1994б — Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
- Савинов и др., 2008 — Савинов Д. Г., Новиков А. В., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эр. Басандайская культура. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 421 с.
- Сорокин, 1966 — Сорокин С. С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 39–60.
- Степанова, Соёнов, 2009 — Степанова Н. Ф., Соёнов В. И. Археологические памятники и объекты Чемальского района. Горно-Алтайск: АКИН, 2009. 212 с.
- Тематический список..., 2011 — Тематический список научных работ профессора Дмитрия Глебовича Савинова. К 70-летию со дня рождения. СПб.: ЭлекСис, 2011. 58 с.
- Тишкин, 2007 — Тишкин А. А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. 356 с.
- Тишкин, 2009 — Тишкин А. А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.
- Тишкин, 2010 — Тишкин А. А. Савинов Дмитрий Глебович // Республика Алтай. Краткая энциклопедия / Гл. ред. А. С. Суразаков. Новосибирск: Арта, 2010. С. 271.
- Тишкин, 2011 — Тишкин А. А. Д. Г. Савинов — юбиляр // ТПАИ. 2011. Вып. 6. С. 202–203.
- Тишкин, Горбунов, 2006 — Тишкин А. А., Горбунов В. В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. 2006. № 3. С. 31–40.
- Тишкин, Горбунов, 2020 — Тишкин А. А., Горбунов В. В. Алтай в сяньбийское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // РА. 2020. № 3. С. 33–46.
- Тишкин и др., 2011 — Тишкин А. А., Горбунов В. В., Горбунова Т. Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас: Учебн. пособ. Барнаул: Артика, 2011. 136 с.
- Тишкин, Дашковский, 2003 — Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 430 с.
- Тишкин, Дашковский, 2004 — Тишкин А. А., Дашковский П. К. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая: Учебн. пособ. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. 238 с.
- Тишкин и др., 2018 — Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018 (Археологические памятники Алтая; Вып. 3). 365 с.
- Тишкин, Мьльников, 2016 — Тишкин А. А., Мьльников В. П. Деревообработка на Алтае во II в. до н. э. — V в. н. э. (по материалам памятников Яломан-II и Боштүү-I). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016 (Археологические памятники Алтая; Вып. 2). 192 с.
- Тишкин, Серегин, 2011 — Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (вторая половина V — первая половина VI в. н. э.): традиции и новации // ТПАИ. 2011. Вып. 6. С. 14–32.
- Френкель, 2008 — Френкель Я. В. Бусины и подвески Осинкинского могильника // Д. Г. Савинов, А. В. Новиков, С. Г. Росляков. Верхнее Приобье на рубеже эр. Басандайская культура. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 403–412.
- Членова, 1969 — Членова Н. Л. Отчет о работах Алтайского отряда Западносибирской экспедиции в 1969 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4020, 4020а [Альбом иллюстраций к отчету].
- Членова, 1970 — Членова Н. Л. Раскопки на Северном Алтае // АО 1969 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1970. С. 200–201.

Archaeological research by D. G. Savinov in the Altay and Upper Ob Region (brief overview and reminiscences written for the jubilee)

A. A. Tishkin

This year, the prominent Russian archaeologist Dmitriy Glebovich Savinov celebrates a significant date. His path to science was difficult and peculiar as is reflected in the appendix to this article with the memoirs for the jubilee delivered at one of the meetings with the students and staff of the Altay State University. The main content of the publication is devoted to the archaeological research by D. G. Savinov on the territory of the Upper Ob region and in the Altay Mountains. During several field seasons in the late 1960s and early 1970s, important materials were obtained that became sources

for particular ethnocultural reconstructions and well-known concepts of the author. The article presents the list of the open sites of which the information is found in the reports stored in the archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Some basic scientific works and integrated approaches to their creation are noted. The conclusion is made about the significance of the contribution of Dmitriy Glebovich Savinov to the study of Archaeology of Western and Southern Siberia.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Встреча Д. Г. Савинова со студентами и сотрудниками Алтайского государственного университета (Барнаул, 25 января 2006 г.)

Встреча Д. Г. Савинова со студентами и сотрудниками Алтайского государственного университета состоялась 25 января 2006 г. в Барнауле, в дни проведения конференции «Западная и Южная Сибирь в древности», посвященной 60-летию Ю. Ф. Кирюшина. Видеозапись и перевод ее в стенограмму были сделаны А. А. Тишкиным, который организовал и проводил эту встречу.

Настоящий текст представляет собой фрагменты расшифрованной видеозаписи с рассказом Д. Г. Савинова о годах работы в Сибири и Центральной Азии.

[О первой археологической экспедиции — на Байкале]

<...> Я могу спеть, если надо, об этой экспедиции. Там был голод, холод, и мы там просидели пять с половиной месяцев (на Байкале) — с мая до октября. В сентябре начался дикий ветренный сезон, подул знаменитый ветер Сарма, а были мы в центральной Байкальской области <...>. Копали и на Ольхоне самом. Ольхон был совершенно дикий, там ходили дикие лошади — тогда туда завозили табуны лошадей и оставляли на выпас.

<...> Я был в отряде вместе с Юрием Дмитриевичем Баруздиным, был такой прекрасный археолог, он работал в Киргизии. Мы копали памятник, —

самый ранний байкальский неолит, — он называется Саган-Нугэ, бухта была небольшая, стояночка <...> и собирали ножевидные пластиночки. Никто из нас не знал, что это такое. Оказалось потом, что это неолит, об этом я узнал позже значительно, через несколько лет, а мы эти пластиночки оттачивали и использовали как бритвы, потому что они были очень хорошо обработаны, и мы этими вкладышами, так сказать, «для понта», брились.

Впечатления об археологии у меня не осталось никакого вообще от этой экспедиции. Впечатления остались совершенно другие — как от дикого Запада! Потому что в конце еще было землетрясение — девять баллов! А мы оказались почти что в эпицентре. Ощутили мы это... Сначала пошел снег, и вдруг сорвало палатки. Ночью! Совершенная тьма! У нас тогда была начальницей, ныне покойная, очень хорошая сотрудница Эрмитажа — Наталья Григорьевна Горбунова, которая вообще занималась Ферганой всю жизнь, работала в теплых краях, и тут ее сделали начальником этого «зимне-го» отряда. И только она приехала, вдруг подули эти шторма, ночью сдуло весь лагерь, ее подняло вместе с раскладушкой на несколько метров и уложило сначала ее, а потом раскладушку на камни...

<...> Мы ночью, раздетые, встали и сделали из камней такую защитную стенку, как траверс почти,

как я сейчас себе это представляю, и, таким образом, защитились от ветра. Но, слава богу, пришли машины, и мы поехали в ближайший поселок, за сотни верст...

<...> Одна мелкашка, ТОЗовка, стояла тогда 25 рублей и бутылка иркутской водки. У нас... были эти мелкашки. Была целая пальба — мы стреляли по бутылкам, по уткам..., в общем, по всему, что проходило мимо. Есть было нечего совершенно. Мы ели манную кашу <...> Нам было по 18 лет, после первого курса. Можете представить себе, какое потрясающее впечатление оставляет экспедиция такого рода?

О землетрясении мы узнали только из газет, и о том, что мы были в эпицентре <...>.

Потрясающая была экспедиция. Основной вывод из нее, — что никаким археологом я не буду никогда, потому что хватило выше головы всего в этой экспедиции. <...> Я не знаю, родители, что о нас думали?

Хотя это считалось археологической практикой. И потом я делал какой-то отчет, какой-то разрез перерисовывал, кому-то это было надо...

[О выборе профессии]

В общем, это все прошло мимо <...> еще год я проучился [в Академии художеств. — А. Т.], занимаясь русским искусством. И однажды, это очень интересно, я шел через мост лейтенанта Шмидта вместе с моим другом, уже ныне, к сожалению, покойным, <...> алтайцем — Владимиром Ивановичем Эдоковым, который первый занялся Гуркиным, защитил диссертацию о нем. (Он мой однокурсник, мы с ним ходили вместе на самбо в университет. В самбо нас не брали, потому что мы были из Академии художеств. И, в конце концов, мы туда устроились за то, что я там рисовал объявления, а он собирал какие-то взносы... <...>). И вот мы шли через мост лейтенанта Шмидта, и вдруг, в середине моста, мне стало абсолютно ясно, что надо переходить в университет на кафедру археологии!

Я знаю это место, и иногда прохожу это место, останавливаюсь. Я не знаю, чем это объясняется, это как солнечный удар, потому что я совершенно не собирался быть археологом, эта байкальская экспедиция отвадила меня от всего, что можно <...>.

[О Дне археолога]

<...> Я очень люблю эту историю про День археолога. Вернусь к Байкалу, 15 августа, День археолога. Приезжает к нам Михаил Михайлович Герасимов

в гости. Он большую лекцию нам прочитал про свои «терракоты». Потом Мария Николаевна Комарова говорила, еще кто-то был из наших известных ученых...

И вот в День археолога сидят у Байкала солидные люди: Грязнов, Герасимов, Комарова, — вечер уже, праздник кончился. Вдруг мимо них два человека (это я о том рассказываю, какая была экспедиция, чтобы понять, что это было странное предприятие), два человека идут и несут третьего купать в Байкале, абсолютно голого, лицом вниз. Сами они тоже ходят голые, соответственно. И вот проходят они там, где сидят Грязнов, Комарова, Герасимов... <...> Мария Николаевна в ужасе спрашивает у Грязнова: «Мишура, что это такое?» А мудрый Грязнов говорит: «Это, Мара, — День археолога».

[О переходе в университет]

И вот на этом мосту [мост Лейтенанта Шмидта. — А. Т.] 15 августа, соответственно, на этом месте, в середине, я решил, что надо брать документы из Академии и нести их в университет. Пошел я на кафедру [археологии. — А. Т.]. Где она находится, я вообще не знал. Нашел кафедру, пришел в 75-ю аудиторию, увидел первой Татьяну Дмитриевну Белановскую <...> вместе с Сафроновым [Владимир Александрович Сафронов. — А. Т.] (это мой большой друг, один из ближайших друзей, тоже уже покойный, автор замечательной книжки, она у вас должна быть, — «Индоевропейские прародины»). Они сидели и разбирали материалы Ракушечного Яра — керамика, керамика, керамика... Я пришел и сказал: «Вот, я хочу учиться на кафедре». Они говорят: «Ну, конечно, ради бога, но надо встретиться с Михаилом Илларионовичем — он заведующий кафедрой, Артамонов. Вот как он решит, так и будет. Он скоро придет».

Мое первое впечатление от Артамонова было совершенно фантастическим, потому что это где-то 1961-й год, — только что появились болоньевые югославские плащи, шикарные, — и он в таком ходил. И вот на фоне нашего истфака <...> (У нас там была военная кафедра, поэтому одна из стен была сплошь в портретах маршалов, всюду висели таблички «Курить нельзя!»... там — нельзя, то — нельзя, это — нельзя... Сегодня — одно комсомольское собрание в этой аудитории, а потом преподаватели поменяются...).

В общем, из свободной Академии художеств, а Академия художеств — потрясающее место —

великолепные «готические» своды, здесь же учатся художники, все они поэты, все они в краске, в масле... Мы при них — искусствоведы — в мастерских тремся... играют на скрипках, жизнь совершенно свободная, прекрасная. И вот я попадаю в эту казарму, обстановку истфака, а истфак — центральное идеологическое учреждение — история партии, все это — у нас на факультете. И вот у меня сомнения, скажем так: «А правильно ли я делаю?»

Стою, жду Артамонова, а кругом маршалы висят. Приходит Артамонов, который снова меняет все мои впечатления. Потрясающей красоты человек, с большой седой гривой, седой, причем, до зелени, в огромных роговых очках. Такой капиталистический совершенно, то есть на фоне этих всех проборов и мундиров, такой свободный, огромный, в плаще с поднятым воротником, с сигаретой в зубах. — «Ну, что тут у вас делается?» <...> Я к нему: «Вот, Михаил Илларионович, я такой-сякой, хотел бы, вот, учиться на кафедре». «Не знаю, не знаю. Меня это не касается, есть факультет. Идите к Владимиру Васильевичу (Мавродину, это вам многим имя тоже известное, он тогда был деканом факультета). Как он скажет, так и будет».

Я иду, значит, по коридору, встречаю Владимира Васильевича Мавродина. Он был круглый как шар, как колобок совершенно <...> и очень маленького роста, не идет, а катится, катится, катится... <...> Я к нему подхожу, говорю: «Вот так и так, я учился в Академии художеств, хотел бы перевестись». «Не знаю, не знаю. Идите к Михаилу Илларионовичу, как он скажет, так и будет». Я иду обратно, прихожу, Михаил Илларионович спрашивает: «Ну, что он сказал, Мавродин?» Я говорю: «Он согласен». — «Ну, раз он согласен, я согласен».

Все, никаких проблем не было. В общем, это был очень удачный путь, потому что у нас тогда был конкурс на кафедру археологии до 70 человек на место. У нас была самая популярная кафедра. Вообще тогда были две самых популярных специальности, две самых лучших: все, что устремлено вперед (это все, что было связано с космосом, полет Гагарина и все дела); и все, что назад, все, что связано с археологией. Вот две эти профессии считались самыми яркими, самыми необычными, и поэтому к нам попасть, как и в космический аппарат, было очень трудно. Сейчас совершенно другая ситуация. Хотя по телевизору все время рассказывают и правду, и неправду про раскопки, но это не действует. А тогда это было невероятным совершенно явлением. И у нас на кафедре была большая

часть студентов где-то учившихся, у нас не было школьников...

<...> Вот я пришел из Академии художеств, мой друг Сафронов пришел с юрфака <...> Мочанов Юрий Алексеевич, знаменитый, с нами же учился. Он учился на восточном факультете до этого. Борис Николаевич Пяткин, тоже вам известный, мой друг и однокурсник, он пришел из ЛИСИ. То есть мы все пришли из разных вузов и объединились, благодаря возникшему интересу... <...>, я назвал вам своих самых близких друзей, самых мне дорогих людей, которых уже нет в живых большей частью.

[О третьей экспедиции — на Алтай]

<...> И третья экспедиция, которая решила, пожалуй, вопрос моей научной жизни <...> это невероятно интересное, но очень странное событие. Это экспедиция от Эрмитажа. Возглавлял ее Сергей Сергеевич Сорокин — очень был хороший специалист и очень странный человек. Он сидел сначала в немецком лагере, потом в нашем лагере, <...> человек, искалеченный войной совершенно, довольно желчный <...> и работать с ним было тяжело... В общем-то, мне сейчас понятно, кто он был, а тогда мы были студентами... И мы поехали опять очень маленькой компанией. Это был Сорокин, это был Владимир Александрович Сафронов, о котором я уже сейчас говорил, Борис Николаевич Пяткин и я. Вот наша тесная компания.

Отправились мы в Восточный Казахстан, добрались до Бухтармы, переправились через нее; потом были в Катон-Карагае и далее... до Катунских белков. Тогда был найден этот знаменитый памятник, с псалиями самыми ранними — Курту-II. (Эти псалии я зачистил, я их нашел эти псалии, самые ранние, аржанского типа). И мы жили как бы в тайге. Но вот это впечатление восточно-казахстанской тайги (тогда Западного Алтая) оно, видимо, определило интерес именно к Сибири, потому что больше ни в какие другие экспедиции я никогда не ездил. То есть, начиная с этой Восточно-Казахстанской экспедиции, я ездил только за Урал. Больше я не был ни в каких российских экспедициях, украинских, славянских, на севере я не был и так далее. С этой сорокинской экспедиции — <...> это уже только Сибирь. <...> Я как-то сложил полевые сезоны все — они составили около 14 лет. Я считаю, что как бы от моих 65 лет значительную часть я в Сибири провел.

Экспедиция с Сорокиным кончилась вообще фантастическим образом. Это еще одна легенда,

которую мне же рассказывают студенты, <...> говоря о том, как было раньше. И рассказывают про нас же. Я слушаю с большим интересом, как легенды рождаются таким образом.

Мы в тайге живем, в одной палатке. Причем это моя личная палатка-двушка. Нас — четверо. Сафронов был самый крупный, он занимал палатку до середины, а мы — по периметру, включая привратную часть. Ходили мы какими-то там медвежьими тропами, копали мы сурочьи норы.

<...> Сорокин был интересный археолог, очень хороший. Но он обязательно <...> всем говорил, во первых, «я — ученик Бернштама» (это у него было вместо «здравствуйте», вместо «спокойной ночи» и т. д., не знаю почему), и он обязательно считал, что чем дальше памятник, тем там больше золота.

И вот мы забирались к черту на рога, вокруг этой Белухи. У меня много снимков Белухи тогда появилось... <...> И на Белуху мы даже забирались, потому что он сказал однажды Пяткину, что видел там холм — наверное, там золото. И мы в кедах пошли на этот ледник смотреть, где этот курган на Белухе...

<...> Однажды мы копали Курту-1, копали пу-стые ямы глубокие. Копаем, копаем, копаем. Он ходит с прутиком, думает. И погода была отвратительная к тому же — сухой дождь, вы знаете, что это такое: когда весь мокрый уже (в ватниках работаем, но мокрые насквозь все равно). И потом он говорит: «Я понял, что это такое — это сурочьи норы. Я напишу статью в зоологический журнал». Как можно было любить его после этого? А мы все вздыбленные, в глине, на дне этих сурочьих нор...

С Пяткиным мы ходили вдвоем на разведку. Сорокин нас отправлял куда угодно, только по-дальше. У Адрианова в ИАК № 62 [Отчет А. В. Адрианова о поездке в Семипалатинскую область в 1911 г., опубликованный в Известиях ИАК. — А. Т.] есть маленький планчик. И вот мы ходили по адриановскому [плану. — А. Т.].

Но кончилось все еще лучше. Однажды мы просыпаемся, а Сорокина нет. Лежит записка. Я цитирую, потому что такие вещи запоминаются на всю оставшуюся жизнь. Буквально следующий текст: «Дорогие парни всего мира! (тогда была такая песня: «Если бы парни всей земли...»). Я уехал к брату во Владимир». Представляете? Мы сидим на Бухтарме — это китайская граница! Нам очень важно, что он уехал к брату во Владимир, конечно, актуально невероятно... Дальше еще лучше: «Не забудьте взять половник — он соседский». Мы полу-

чаем такую записку утром. А дальше неизвестно что: «Денег нет». Денег мы набрали 11 копеек, сложили в спичечный коробочек и не истратили ни копейки.

Первое, что мы сделали, — пошли в Катон-Карагай, «загнали», первым же делом, половник, конечно, мстительно. Потом — спальные мешки, потом палатку — все, что можно было продать. Собрали какую-то сумму...

[О дороге с Алтая на Кавказ]

А потом у нас была [запланирована. — А. Т.] экспедиция на Дону. Мы обычно ездили не в одну экспедицию, а в несколько <...> и нас отпускали, поскольку сын Мавродина (он стал специалистом по древнерусскому оружию) учился на нашей кафедре <...>. И мы начинали учиться только в ноябре. Три-четыре экспедиции были, обычно, в одно лето.

...Экспедиция у нас была на Дону — Ракушечный Яр. И нам нужно было добраться от китайской границы через Кавказ, соответственно, на Дон, на Ракушечный Яр. Эта поездка заняла полтора месяца. Полтора месяца мы добирались, сохранив 11 копеек. Каким образом мы добирались — это совершенно отдельный сюжет... Самое комфортабельное — это был ковш экскаватора, потому что он имеет изогнутость — хорошо спальник прикладывать. Забредли мы в Самарканд, спали в гробнице Тимура...

<...> Еще один был очень хороший эпизод этой поездки. Приключения я все не буду рассказывать, полтора месяца ехать — это долго. В Туркмении было очень интересно. Там, где Турксиб идет, нет никакого леса, и дерево — на вес золота. А поезд идет от Кушки (от южной границы) до Кисловодска. И мы подрядились <...> сторожить платформу с лесом.

Нас, значит, накормили, проводили. Мы думаем: какие хорошие люди, спасибо. Мы поехали, все хорошо. Но ехать очень плохо, потому что эти бревна навалены высоко, тени нет, жара неопишуемая — это юг Каракумов, соответственно, солнце палит, и мы сидим на самом верху. (Мы, когда приехали в Ростов, взвесились. Я весил 46 кг после этой полуторамесячной поездки). Нас выжгло солнце, воды нет, ужасно, конечно, но самое страшное — другое: туркмены на ахалтекинцах. Это потрясающе совершенно — с крючьями специальными, с двух сторон. Это такая Мексика натуральная. С гиканьем, всадники (красивые, в папахах, роскошные эти огузы) подлетают с двух сторон к нашей платформе,

закидывают крючья, но мы, как бы помня свой долг, стараемся уцепиться за эти бревна как-то. Но силы неравны, и через 15–20 минут мы из положения [сторожей. — А. Т.], сидящих наверху этой поленицы, переместились на дно пустой платформы. То есть из-под нас вытащили все эти бревна.

В общем, эта экспедиция была очень интересная, очень полезная была.

Вопрос из зала: «Сорокин действительно уехал во Владимир?»

— Да, он действительно уехал во Владимир, но это уже другая история... <...>

[Об А. Д. Граче и Тувинской экспедиции]

А дальше, следующий раз, был уже решающий <...> абсолютно, потому что в следующий раз я пришел в институт, в Дубовый зал, на какое-то заседание, абсолютно не зная, что будет.

<...> Я знал, соответственно, уже очень хорошо и Михаила Петровича Грязнова, и весь состав Байкальской экспедиции, и славянский сектор, <...> и с Раппопортом [работал. — А. Т.]. И эрмитажников знал... Нам читали [лекции. — А. Т.] Борисковский, Пиотровский, Гайдукевич, Артамонов — у нас была роскошная плеяда преподавателей. Происходило втягивание в археологию, но оно еще не кончилось. То есть пока не известно было, что еще будет дальше.

И вот я пришел в институт на какой-то доклад. Обхожу темный зал, совершенно никого не вижу, потому что света нет, белый экран только, и слышу, как какой-то человек, великолепно поставленным голосом, баритоном, очень четко, ясно рассказывает о первых неграбленных курганах и показывает эти срубы.

Это был первый доклад о Саглы-Бажи-П... И был это Александр Данилович Грач.

<...> Потом, когда мы с ним ездили через год докапывать один из последних срубов (он был заполнен льдом), я видел это воочию все, потому что там была не пазырыкская мерзлота... Она была только внутри самой камеры, и лед — совершенно прозрачный. (Мы ни в коем случае не использовали кипятилок, <...> топили лед солью. Но это очень трудоемкая работа — у нас кожа сходила с рук полностью). Когда я увидел эти камеры, заполненные льдом, с деревянными сосудами, всплывшими вверх, — это было как аквариум: лежат чистенькие скелеты, аккуратненько все, у них есть кинжалы с перекрестиями бабочковидными, все как пола-

гается, зеркала и прочее. А сосуды деревянные все всплыли к поверхности льда...

А тогда я увидел это еще на экране, услышал голос Грача, еще не видя его самого.

Мы были с Пяткиным вместе (вот, дело случая, случай решает в жизни невероятно много), пришли с ним вдвоем <...>. Ему также понравилось, как и мне. И мы решили, что едем с Грачом, едем в Туву! Про Туву я до этого вообще ничего не знал, честно говоря, она и далеко, и, вроде бы, не было повода узнавать. Но вот этот доклад, этот голос, этот экран, этот лед, эти вещи...

<...> И вот, мы решили, что едем в Туву. Встречаемся. Грач работал тогда в Кунсткамере <...>. (А с Кунсткамерой у нас связано у всех очень много, потому что у нас была вторая профессия — работа в кочегарке. И мы все студентами прошли через кочегарки. Два смежных здания, Кунсткамера и Зоологический институт, отапливались именно студентами-археологами, и мы туда никого не пускали к себе... У нас была своя элита).

Я пришел на место, а Пяткина нет и нет. И я пошел к Грачу один. Спустился в подвал <...> — маленькая комнатка, допустим, пять на два метра, очень узкая, вся заставленная изваяниями (древнетюркские изваяния Тувы, изданные в книжке, по которой Грач защищал кандидатскую диссертацию), лотки с этим, так сказать, звериным стилем, кельты, кинжалы, фотографии... все битком набито. И сидят два человека. Один — Грач. Грач был потрясающе красивым человеком (тогда ему еще около 30 лет было — молодой человек с великолепной шевелюрой, бритый, подтянутый). И сидит второй замечательный человек, с которым я познакомился тогда очень близко, — Георгий Францевич Дебеч, знаменитый антрополог — Жорж Дебеч. Удивительный совершенно: такая косая челка... (он француз вообще по происхождению), и абсолютно, гениально свободный совершенно. И вот они сидят и разговаривают о чем-то. И я прихожу: «Вот, я слышал Ваш доклад в институте, хотел бы поехать с Вами в экспедицию». — Грач: «Что, говорит, в экспедицию?». «Так бери его в экспедицию, ты что его не берешь?» — Дебеч говорит. Грач: «Да нет, он искусствовед, они такие-сякие, туда-сюда, в общем, не стоит. У меня людей уже много!» — «Бери, бери, бери, бери!» И ко мне — «Садись пить чай». И вот я оказываюсь вместе с ними, и мы сидим и пьем чай. И так вот, с этого момента я стал участником экспедиции.

[Об «оленных» камнях]

С Дебецом у меня еще была одна знаковая встреча. Уже значительно позже, когда я приехал в ГИМ и работал там в фондах, со Студзицкой, в большей степени, я ходил по залам. Захожу в «Аланский зал», средневековый, и лежат там два каких-то темных камня. Написано: «V–VII века, аланы, Кавказ». Хорошо. Один — усть-лабинский, а второй, соответственно, зубовский. Вот, я хожу, хожу, хожу вокруг. Потом смотрю и понимаю, что где-то я это видел. Что-то в этом знакомое... Смотрю сбоку — там что-то нарисовано, оружие, меч нарисован, потом какие-то зверюшки нарисованы...

(<...> А я уже до этого был очень хорошо знаком с Алексеем Павловичем Окладниковым, он заезжал к нам, читал лекции. И когда вышла его знаменитая статья об Иволгинском камне, я все время его пытал: а где остальные? <...> И он мне говорит: «Да откуда я знаю, боже мой, что я все камни должен знать? И знать не хочу, отстаньте, статья вышла, там все». Я говорю: «Там нет». Так что я знал эти оленные камни.

Уже позже, когда я служил в армии, а служил я в довольно сложные годы для себя, и в сложной очень части, в зенитной артиллерии, в кадрированной части. Мы стояли на Ладоге, зимой, было приблизительно 30–35 градусов мороза <...> Единственная вещь, которая у меня была с собой на Ладоге и через всю армию прошла, — папка с материалами по оленным камням. Вопреки всем старшинам, вопреки всему этому шмону (свитер я подкладывал, чтобы свитер у меня взяли, а до папки не докопались). И в вещмешке у меня всегда была, и на всех марш-бросках и так далее, а бросали нас будь здоров, мы за Выборгом там крутились, по этим финским стрельбам невероятно много. Вот я так протащил, и так я писал свою работу по оленным камням (будущую книжку), в принципе, она вся задумывалась тогда, когда я был в армии и таскал вот эти оленные камни с собой. Но это будет позднее...).

А тут, в музее, я вижу что-то знакомое. Я просовываю руку под них и думаю, будут или не будут косые полосы? Вы знаете, что на оленных камнях есть две-три косые полосы на месте лица. Будут или не будут? И вот я щупаю этот оленный камень и вдруг нащупываю две косых полосочки с одной стороны, подхожу к другому... Сторожиха в зале свистит, милицию зовет — диверсант! Странный человек: сначала кругом ходил, потом что-то под

камень подсовывает, бомба, наверное, сейчас ГИМ взорвется. Милиционер приходит из охраны. Я говорю: «Подождите, подождите, вот там две черточки». — «Ты, что, с ума сошел?» И так далее...

И вот мне эти камни безумно дороги были.

Уже после армии я поехал делать свой первый доклад на второй скифо-сарматской конференции. Я сначала делал его в Ленинграде, уже после армии, — делал доклад об этих двух оленных камнях. Доклад прошел абсолютно скандально и неудачно, потому что они не были признаны оленными камнями. В зале тогда собралось человек 50–60, был весь зал забит, все были, даже слависты. Вызвали Анатолия Николаевича Кирпичникова из сектора, знаете такого специалиста по древнерусскому оружию? Он говорит: «Это скандинавские мечи», он тут же их «узнал». Был Мандельштам [Анатолий Максимилианович Мандельштам. — А. Т.], который сказал, что это Ахемениды. (Потом мне Мандельштам говорил: «Зачем Вы их повесили?») Он был вообще такой странный человек. «Зачем Вы их повесили? Сказали бы, описали, Вам бы поверили. А так Вы показали, что рассказываете ерунду, потому что это не то, что Вы говорите. Потому что это как в Монголии»). В Ленинграде зарублен был доклад полностью. <...> Кстати, говоря, для вхождения в профессиональную археологию это очень серьезный стресс, потому что я был еще очень молодой человек, у меня еще не было таких выступлений, как бы вот такого накала. Были какие-то там студенческие... В Москву мы ездили, но там все свои... А на уровне академической науки, это — одно из первых. Это, конечно, очень сложная психологическая драма, в какой-то степени, потому что все, что я говорил, было отвергнуто.

И потом я поехал на скифо-сарматскую конференцию [в Москву. — А. Т.] <...> и сделал в натуральную величину прорисовки этих камней на обоях. (Я взял два рулона обоев, длинной бумаги нет, поэтому — на обоях на обратной стороне). Камень зубовский, по-моему, два с половиной [метра. — А. Т.], второй меньше, — это огромные камни-obelisks, и повесил рисунки на щитах. И вот, через пустой совершенно зал, это еще до доклада было, идут два человека, останавливаются. Один — Дебец, уже знакомый, Георгий Францевич, о котором я говорил. Второй — Евгений Игнатьевич Крупнов, такой маленький, квадратненький, тоже с челочкой. Два самых авторитетных человека в своей области. Один — специалист по Центральной Азии — Жорж Дебец, а Крупнов — это Кавказ, вся

«кобань» и так далее. Они стоят и оба смотрят, а я слушаю, в метрах трех стою, интересно. И вот Крупнов говорит: «Слушай, Жора, это твои камни». «Нет, — говорит, — это твои». И вот это перекрестье — Кавказ — Центральная Азия, оленные камни на Северном Кавказе в диалоге этих двух людей — это была для меня высочайшая проба, подтверждение того, что я прав, что это оленные камни.

Это до доклада еще было сказано. «Ты, — говорит Дебец, — забирай их себе, это твои кавказские обелиски». «Нет, — говорит Крупнов, — это твои центрально-азиатские камни». Вот Дебец с Крупновым их «передавали» друг другу, потому что они действительно — и там, и там.

Когда я делал этот доклад, у меня была сломана рука, поэтому я был в гипсе, с черной повязкой, вообще такое мрачное явление. А за мной шли два человека, которые несли этот огромный щит с рисунками и были ростом с эти камни. Один был — Яков Абрамович Шер, ростом под два метра, с мрачной бородой вперед, — Яков нес с одной стороны, а с другой стороны — был у меня тоже замечательный друг, его уже нет, — Юрий Иванович Трифонов, с которым мы в Туве много работали. Он тоже был под два метра и с бородой. И вот они молча, две бороды вперед, проходят и вносят эти два камня. А здесь сидит Рыбаков, еще кто-то, в президиуме... И ставят перед ними этот щит. Сидящие в президиуме начинают выходить из-за этого щита, заглядывать и так далее. В общем, в таком климате я делаю этот доклад, и абсолютно противоположная реакция! Здесь Кадырбаев Мир Касымович сидит на первом ряду и аплодирует, я с ним тогда познакомился близко. Естественно, Членова Наталья Львовна, которая до этого уже высказала, в общем, схожую мысль (она потом и опубликовала эти камни, но через 12 лет, потому что конференция была в 1965 году, а сборник вышел в 1977 году — продержала мою статью 12 лет). Кроме того были и Раевский, и Мошкова, ну все, кто имеет какое-то отношение к теме, все тоже еще молодые. И мой доклад приняли «на ура».

Вот тут я почувствовал, как хорошо быть правым. Понимаете? После этого холодного душа в Ленинграде, где мне устроили афронт, если бы не было этой второй части, то у меня не было бы никакого пути в науку. Ни в институте, нигде, потому что там меня обвинили чуть ли не в фальсификации, из-за того, что я, якобы, показываю разновременные вещи...

После этого я стал заниматься оленными камнями и продолжаю и сейчас. Это роскошные совершенно памятники, одухотворенные. Ими нельзя заниматься формально, их нельзя открывать и просто публиковать <...> они не объект наблюдения, они объект одухотворенной сферы, у них определенная аура, с ними нельзя «работать», их надо щупать, лелеять и возносить над миром... Вот Ольховский Валерий Сергеевич, он сумел в них (в киммерийский круг изваяний) проникнуть, но, к сожалению, как вы знаете, недавно погиб очень молодым, и тема осталась открытой.

[О работах в Туве с А. Д. Грачом]

И после этого я стал ездить в Туву с Грачом.

Я стал в 1965 году начальником отряда, первый раз, мне было 24 года. Большой очень отряд у меня был, человек 40, и денег у нас было навалом тогда. Это зона затопления будущей Саяно-Шушенской ГЭС.

А в 1963 году мы с Грачом делали первую съемку всего этого водохранилища. Это была замечательная наша с ним экспедиция, потому что мы ездили вдвоем — у нас была лодка-долбленка дырявая и одна лошадь на двоих. <...> Причем делали мы так разведку: один по берегу идет, другой по воде плывет, потом меняемся. И так от могильника к могильнику мы всю эту зону сняли. Это тогда все те могильники были открыты, которые сейчас известны: Ортаа-Хем, Куйлуг-Хем, Алды-Бель и так далее. Вся эта свита памятников была открыта нами в 1963 году.

Потом мы копали два года в Хакасии могильники Туран-1 и Туран-2 — одни из первых неогрбленных тагарских могильников.

А с 1965 года все уже сместилось в Туву, где работала большая экспедиция — первый сезон, 1965 года, — десять отрядов. Причем экспедиция была задумана как комплексная: там были этнографы, археологи. Денег было невероятное количество: полтора процента от сметы Саяно-Шушенской ГЭС. <...> У нас было два вертолета, отряд каждый имел машину. У Грача был свой командирский ГАЗик, десять ГАЗ-63 тогда были, еще 66-х не было. И когда эта колонна шла, у всех были обязательно (вы, может быть, знаете, у Грача во многих работах этот знак прослеживается) горные козлы — это знак, который на стелах тюркских каганов, в картуше. Это был фирменный знак самой экспедиции и, соответственно, — на стенках машин, у нас везде на тельняшках, везде и всюду эти знаки.

<...> Грач был потрясающий организатор. Он собрал огромный молодежный лагерь <...> Лагерь назывался «Аныяк Тува», что значит «Молодая Тува», в нем все было построено по ранжиру, палатки стояли все по веревочке, и каждое место имело свое название. Названия были яркие: «Улица золотого тюрка и волшебного зеркала», допустим, или «Саглынский проспект», в общем-то, чем Грач гордился (он дал все названия). И у каждой палатки был свой адрес: на углу Саглынского проспекта и переулка Цинь Вана, допустим. Причем Саглынский — это проспект, а Цинь Ван или Тайцун — тупичок от него отходит... И каждый знал свое место.

Это было очень важно, потому что аура такой творческой дисциплины для школьников — невероятно важная вещь, они остались все довольны. Посадка в машину происходила по команде, как при отбое в армии, допустим, по часам — одна минута — все в машине, иначе все слезают и по последнему.

И эти работы продолжались много лет.

[О С. А. Теплоухове и М. П. Грязнове]

<...> В 1967 году я вернулся опять в Красноярскую экспедицию. И вот с этим связан один удивительный случай, эпизод, который очень важен для вас, потому что вы знаете этих людей как чрезвычайно ярких основоположников [сибирской археологии в XX веке. — А. Т.].

Сергей Александрович Теплоухов — знаменитый создатель периодизации Минусинских древностей. Работает где-то на севере Хакасии, в районе Божьего озера (сейчас Большое озеро), и там же где-то и Грязнов — геодезистом. <...> Михаил Петрович очень любил историю о том, как он познакомился с Теплоуховым. У Грязнова была задача — узнать глубину этого Божьего озера (кому это надо было, я не знаю; оказалось, как он говорил, — двадцать метров с чем-то намерил). Он сидел в лодочке один, у него был какой-то лот, и он бросал эту гирьку на дно Божьего озера, совершенно не зная, что такое археология. Ну, может быть, конечно, знал, но совершенно другими здесь был занят целями, — он был студентом-практикантом. И видит — на берегу стоят палатки, и он причалил к берегу, ему захотелось попить и так далее. Его встретил Теплоухов, и с тех пор они больше не расставались до его трагической смерти.

Так вот, Грязнов познакомился с Теплоуховым таким образом, и остался с ним на всю жизнь,

по сути дела, всю жизнь его безумно любил, никогда от периодизации его не отказывался. Вся его Большая Речка [с выделенной свитой культур. — А. Т.], все остальное — это сплошная периодизация Теплоухова. Грязнов — естественник по содержанию, по образованию, поэтому он эволюционист (никаких миграций). Вся эта этапность, однолинейность идет от Теплоухова.

Я очень хорошо помню, как однажды на даче у Грязнова в Петергофе обсуждалась какая-то проблема, и очень хорошо сказала Мария Николаевна, его жена: «Ну что они у всех бегают, ну что им не сидится?» Имелась в виду какая-то миграция «ямников» куда-то... или наоборот. «Ну что им не сидится?» Вот Грязнов был такого же мнения — что им не сидится? <...> То есть и по содержанию идей, и по духу, и по биографии Теплоухов оказал колоссальное влияние на Грязнова.

<...> В 1967 году мы были с Михаилом Петровичем в разведке вместе (я как раз вернулся из армии) <...> именно по тем местам, где они работали с Теплоуховым. Это знаменитый Сарагаш — озеро, село Батени, где Теплоухов с 1922 по 1927 год сидел и копал памятники разных типов специально, чтобы потом разбить их по времени. И началось уже подтопление Красноярского моря. И вот тут случилась такая сцена, которую я никогда не забуду...

Грязнов здесь всю жизнь проработал. Он начинал здесь с Теплоуховым, здесь началась его жизнь и биография, все дорогое связано с этим местом, он знает каждый камушек, и знает каждый курган, и сколько их, где они кончаются, где могильник остается не раскопанный и так далее. И вот мы приезжаем, едем на ГАЗике, подъезжаем к этому берегу, с Сарагаша озера, а вода уже поднимается, уже началось подтопление. А курганы тагарской культуры, как вы знаете, они обставлены такими высокими камнями (и простеночные камни, и угловые). И вот ближние еще остались, а дальние уже затоплены. Вода уже везде, идет подтопление, уходят под воду нераскопанные курганы.

Грязнов останавливает машину, выходит, такой кругленький, в берете как всегда, в какой-то кофточке... И это потрясающее было совершенно зрелище, как он идет вперед. Вот он идет вперед, идет и смотрит — где курган, а где еще курган, и он не видит края воды... Вот это было потрясающе. Он не видит края воды, он входит в воду, и идет дальше, не замечая, что он уже вошел в воду, идет как можно ближе к этим камням. И только когда вода уже

до пояса дошла, останавливается и долго-долго стоит и смотрит, долго-долго, минут десять. Стоит в своем беретике и смотрит, как эти камушки меньше, меньше, все меньше.

И вот так кончилась эта минусинская археология... Вот на этом кадре: стоящий Грязнов, по пояс в воде, который смотрит на уходящие под воду курганы...

<...> Ну вот, спасибо большое за внимание. Время кончилось. Я мог бы рассказывать дальше, так как я работал в тех же местах, плюс еще много на

Северном Алтае, в Кемеровской области, Новосибирской области, Забайкалье, в Казахстане, Узбекистане, на Памире. Ну, практически от Урала, и дальше... Был в Монголии, но в Монголии я не копал, а играли мы в футбол около пограничного столба № 58. С одной стороны была команда наша, мы были на нашей, советской территории, другая команда была по другую. Мы ворота повесили здесь, а они играли с монгольской стороны. И мы бегали из Советского Союза в Монголию, вот так я был в Монголии. Спасибо, все на сегодня.

Дорогому юбиляру с почтением

Л. А. Чиндина¹

АННОТАЦИЯ. В статье представлены воспоминания автора о важных вехах научных и дружеских контактов. Дана высокая оценка научным исследованиям Д. Г. Савинова, представленным в 400 публикациях, посвященным истории тюркских степных объединений I – начала II тыс. н. э., теоретико-методологическим и методическим основам археологических исследований. Особое внимание обращено на область взаимоотношений степных культур с потестарными обществами северных соседей из Среднего Приобья.

ANNOTATION. This paper publishes the author's reminiscences of important landmarks of the scientific and friendly contacts. A highly estimated opinion is given of the scientific researches by D. G. Savinov presented in 400 publications on the history of Turkic steppe unions of the 1st – early 2nd millennium AD, and the art of small and monumental forms of that period, theoretical, methodological and methodic foundations in archaeological research. Special attention focused on the sphere of interrelations of the steppe cultures with the potestary communities of their northern neighbours in the Middle Ob region.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: раннее средневековье, тюркские объединения Южной Сибири, тюрки-теле, енисейские кыргызы, кимако-кипчаки, потестарные объединения Среднеобья, релкинская культура.

KEYWORDS: early Middle Ages, Turkic unions of Southern Siberia, Tele Turks, Yenisey Kyrgyz, Kimak-Kipchaks, potestary communities of the Middle Ob, Relka culture.

Дмитрию Глебовичу Савинову – 80 лет! Первый почтенный юбилей, когда хочется вспомнить о былом, подвести итоги и оценить достигнутое.

К сожалению, я точно не помню, когда мы впервые встретились с Дмитрием Глебовичем. Скорее всего, мимолетная встреча произошла в 1965 г. в Абакане, где была штаб-квартира двух крупных новостроечных экспедиций ЛОИА АН СССР: Красноярской под руководством М. П. Грязнова и Саяно-Тувинской под руководством А. Д. Грача. Сюда со всего Союза приезжали желающие поучаствовать в раскопках, которых обычно развозили по разным отрядам их руководители. Также августовским вечером приехали из Томска и мы с Л. М. Плетнёвой (тогда Старцевой), чтобы помочь в спасении археологического наследия в составе отряда Г. А. Максименкова.

В штабной избе толпились молодые парни. Среди них выделялись некоторые с пышными шевелюрами, усами и бородками (мода такая была). Они держались явно увереннее остальных. Мимоходом Глеб Алексеевич назвал их фамилии, двух припоминаю: «Ю. Трифонов и Д. Савинов из экспедиции А. Д. Грача». Все готовили вечерний праздник. Но мы с Люсей устали с дороги и не спешили украшать веселую компанию. Схоронились в простенке между русской печью и несущей стеной

избы. Мы не откликнулись на призывные крики Г. А. Максименкова, поначалу раздававшиеся во дворе, а Глебу, естественно, не пришло в голову искать нас за печкой, где мы и уснули. Рано утром в суматохе разезда по отрядам и ворчания Глеба уточнять, кто есть кто, было некогда. Через месяц, уезжая домой, я в той же избе познакомилась с Г. В. Длужневской, вскоре ставшей нашей с Дмитрием Глебовичем общей «младшенькой» подругой и в науке, и в жизни.

Я покидала роскошные степные просторы, где археологические памятники «роились» прямо на поверхности. Мне, к сожалению, не удалось снова попасть в этот край, открывавший широкие возможности новых открытий, творческих знакомств и партнерств. Меня ждало раздолье Нарымской тайги и болот, бесчисленных рек и озер, через которые на карте промышленного освоения Сибири уже тянулись нити нефте- и газопроводов, ЛЭП-500, площадки новых городов и станций, артерии дорог. Памятники (те, что «мешают» проектам) здесь еще нужно было искать, лучше весной и осенью, а летом копать.

Для Мити Савинова 1965 г. был знаковым: он закончил ЛГУ, а в Саянской экспедиции стал самостоятельным – возглавил отряд. Это было началом его полета в высь отечественной археологической науки.

Для себя я открыла Дмитрия Глебовича в 1969 г., когда он приехал в Томск с группой ленинградских археологов и этнографов: Л. П. Хлобыстиным,

¹ 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, д. 36. Кафедра археологии и исторического краеведения Национального исследовательского Томского государственного университета. Адрес электронной почты: chindina37@mail.ru.

Г. А. Максименковым, Б. Н. Пяткиным, Г. Н. Грачёвой и Е. А. Алексеенко, — для участия в межвузовской конференции «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», возглавляемой А. П. Дульзоном. Молодой ученый представил доклад «Основные этапы этногенеза народов Саяно-Алтая по археологическим данным» (Савинов, 1969), в котором изложил взгляды на периодизацию и особенности обряда погребения с конем, специфику вооружения и конского убранства. Мой повышенный интерес к поднятой Д. Г. Савиновым теме был вызван тем, что тогда я также решала проблемы культурно- и этногенеза, времени и границ кулайской и рёлкинской культур раннего железного века и раннего средневековья, находившихся в таежном Среднеобье. Поиск научной истины о формах сосуществования двух этноязыковых семей (общностей) — тюркской и самодийской — не мог не укрепить наши контакты, а взаимопонимание укрепило нашу дружбу. На конференции четко обозначилась идея необходимости организации и проведения специализированных научных собраний археологов, и мы договорились о создании на базе ТГУ Западно-Сибирского археологического совещания (ЗСАС), которое начало работу с 1970 г., позднее стало археолого-этнографическим (ЗСАЭС). С тех пор контакты между нами стали непрерывными.

Сегодня Дмитрий Глебович Савинов — выдающийся исследователь, не только отечественного, но и международного уровня. Поражает масштабность его интересов — от эпохи бронзы до начала II тыс. н. э. — и деятельности: он не только яркий ученый, но и неутомимый организатор науки, который проводит конференции и экспедиции, участвует в научных советах, руководит и оппонирует по десяткам диссертаций.

Ученый не просто вводит в научный оборот прекрасно обработанный источник, глубоко и всесторонне раскрывает его историко-культурную сущность. Его научное кредо — концептуальность, что предполагает наличие самостоятельного критичного мышления, способность создавать систему собственных идей, чем Дмитрий Глебович обладает в полной мере. Его теоретико-методологические взгляды завораживают, им хочется следовать.

Основные направления научных интересов (вместе с любимой темой искусства), которым верен Д. Г. Савинов, — история и культура народов севера Центральноазиатских степей и Южной Сибири в великую древнетюркскую эпоху, занявшую достойное место между великими гунно-сарматской и монгольской эпохами. В древнетюркское время на огромных степных просторах сформировались

уникальные материальные и духовные ценности, образовавшие своеобразную триаду: каменные оградки с изваяниями и рядами балбалов, погребения с конем и наскальные изображения. На основе собственных археологических материалов и наблюдений, а также исследований своих предшественников и современников², Дмитрий Глебович разработал четкую синхронизацию, выделил этапы культурно-исторического развития в этом обширном регионе, уточнил с помощью письменных данных время формирования союзов и других образований тюркоязычных сообществ: алтайских тюрков теле, енисейских кыргызов, кимако-кыпчаков. Подчеркну, что эти наработки имеют важное значение для понимания истории и этногенеза тюркоязычных народов других регионов.

Хотелось бы сказать об одной книге двух авторов — С. Г. Кляшторного и Д. Г. Савинова, которую они посвятили древней и раннесредневековой истории и культурам народов центральноазиатского ареала евразийских степей, создавших союзы и империи (Кляшторный, Савинов, 2005). Авторы объединяют предмет исследования, единое время и пространство, цели и задачи, сравнительно-исторический, системный методологические подходы. А источники разные: письменные — у Сергея Григорьевича, археологические — у Дмитрия Глебовича, для изучения которых использованы разнообразные междисциплинарные и историко-культурные методики. Итогом совместного талантливого исследования, где смелость научной мысли подкреплена доказательностью, стало создание прекрасной симфонии этно- и культурогенеза, истории тюркских народов. Особая благодарность Дмитрию Глебовичу за то, что он наглядно показал возможности археологии как полноценной гуманитарной науки в реконструкции бесписьменного прошлого народов, их древней истории.

Д. Г. Савинов внес теоретико-методологический вклад в изучение эпохальной для сибирского региона проблемы тюркизации, ее археологически фиксируемых форм и исторически адекватной трактовки этого процесса, что важно для исследования контактов, взаимодействия степных и лесных западносибирских культур. В понимании Д. Г. Савинова (Савинов, 2006; 2016) раннесредневековые общества Западной Сибири нельзя рассматривать только как пассивных реципиентов инно-

² Здесь не могу умолчать о наиважнейшей черте Дмитрия Глебовича — его глубокой порядочности как человека и ученого. Это особенно проявляется в великолепных историографических сюжетах: к коллегам он предельно уважителен и щедр, с оппонентами исключительно корректен. Касается это и достижений, и упущений.

ваций, идущих с Юга на Север, это было сосуществование, взаимодействие и противоборство двух цивилизаций — тюркской кочевой степной и угросамодийской оседлой лесостепной и южнотаежной, представленной высокоорганизованными военизированными сообществами рёлкинцев, потчевашцев, усть-ишимцев. Особенно отрадно, что эта точка зрения согласуется с давно высказанным мной положением о социальных особенностях рёлкинского общества, в котором «родовая и военная верхушка исполняла потестарные и военные обязанности» (Чиндина, 1991. С. 113).

Дмитрий Глебович Савинов тесно связан с Томском через Западносибирские археолого-этнографические совещания (ЗСАЭС), а затем конференции (ЗСАЭК), в которых он участвует с 1975 г., когда совещания стали археолого-этнографическими. Тогда же, как представители ленинградского научного центра, Дмитрий Глебович и Галина Николаевна Грачёва вошли в состав Научно-координационного совета, утвержденного в Министерстве науки и образования. Совет регулировал проведение конференций в регионе и решал насущные задачи.

Какую бы тему ни поднимал Дмитрий Глебович: о трехмерном культурном пространстве, об основных принципах археолого-этнографических реконструкций, этническом определении археологических памятников, особенностях культурогенеза кочевников, потестарных объединениях эпохи раннего средневековья у их северо-западных соседей, археологических формах «тюркизации»

населения Западной Сибири в историческом контексте и т. д., — это было органичным сочетанием глубокого понимания вопроса с рассмотрением проблемы на широком сравнительном поле и концептуальным видением подходов к ее решению. История и культура кочевников стали постоянной темой на ЗСАЭК, объединившей коллег из России, Казахстана, Монголии, Польши, Венгрии, Германии, так же, как Великая степь на тысячелетия стала пространством внутренних и внешних взаимодействий народов.

Д. Г. Савинов поддержал идею организации и проведения новой для ЗСАЭК формы работы, внедренной в 2013 г., — сопутствующего научно-практического семинара, лекции на котором по проблемам, близким тематике конференции, читают ведущие российские и зарубежные специалисты. Дмитрий Глебович — самый активный участник наших семинаров, всегда предлагающий актуальные проблемы для обсуждения. Проведение семинаров, дополняющих работу ЗСАЭК, открывает новые возможности для развития профессиональных коммуникаций и вовлечения молодых ученых в большую науку.

Поблагодарим Судьбу за возможность творческого общения, согласия и понимания, а главное — за то, что подарила трогательную теплую дружбу длиной в 55 лет.

Дорогой Дмитрий Глебович, Митенька, с юбилеем Вас! Здоровья, творческих успехов в нашей родной археологии.

Литература

- Кляшторный, Савинов, 2005 — Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Изд-во Филол. ф-та СПбГУ, 2005. 346 с.
- Савинов, 1969 — Савинов Д. Г. Основные этапы этногенеза народов Саяно-Алтая по археологическим данным // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Мат-лы межвузовской конф. / Отв. ред. А. П. Дульзон. Томск: Изд-во ТГУ, 1969. С. 138–141.
- Савинов, 2006 — Савинов Д. Г. Древнетюркское время — культура — традиция (история появления термина

и некоторые вопросы культурогенеза): Сб. научных трудов // Интеграция археологических и этнографических исследований / Отв. ред. М. Л. Бережнова. Красноярск; Омск: ИД «Наука», 2006. С. 29–32.

Савинов, 2016 — Савинов Д. Г. Археологические формы «тюркизации» населения Западной Сибири в историческом контексте // Вестник ТГУ. История. 2016. № 4 (42). С. 27–31.

Чиндина, 1991 — Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск: Изд-во ТГУ, 1991. 184 с.

With homage to the dear hero of the anniversary

L. A. Chindina

This small essay devoted to the 80th anniversary of D. G. Savinov is a high estimation of the scientific efforts of this scholar who made a prominent contribution in studies of the cultural and historical processes of Turkic-speaking peoples of the north of the Central-Asiatic steppe. The activities of the hero of the anniversa-

ry in the sphere of organization of thematic conferences are briefly characterised, particularly as the West-Siberian Archaeological and Ethnographic Conference is concerned. Reminiscences about the joint scientific work and friendship are presented.

О встречах с Д. Г. Савиновым у коновязи в Архаике

И. В. Калинина¹

АННОТАЦИЯ. Эссе посвящено Д. Г. Савинову — на протяжении 25 лет неизменному руководителю семинара «Теория и методология архаики». Рассматривается вопрос о роли лидера в формировании научного сообщества для решения актуальных проблем гуманитарной исторической науки.

ANNOTATION. This essay is devoted to Dmitriy Glebovich Savinov who for 25 years was the longstanding Head of the Seminar “Theory and methodology of the Archaic”. The question is discussed of the role of the leader in the formation of the scientific community for solution of actual problems of the historical humanities.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научное сообщество, лидер.

KEYWORDS: scientific community, leader.

Это случилось в далеком 1995 г. после проведения Государственным музеем истории религии очередной научной конференции «Вещь в контексте культуры». На продолжавшейся три дня конференции, собравшей приехавших из разных городов участников, удивительно было даже не само по себе разнообразие представленных докладов. Ощутимо чувствовался, несмотря на разные подходы в исследованиях, общий интерес к представленным в докладах материалам, в чем была, несомненно, заслуга председателя Т. Н. Дмитриевой. Настоятельная потребность в продолжении научного общения привела нас в университет на кафедру археологии к Д. Г. Савинову. Случай, везение — как знать, но дальше начинается жизнь семинара «Теория и методология архаики». Дмитрий Глебович Савинов не только взял на себя работу по организации семинара, публикации сборников материалов семинара, он сделал большее — принял ответственность за жизнь семинара, который с перерывом продолжает существовать более двадцати лет.

В 2014 г. в сборнике «Актуальные проблемы изучения архаики» был подведен итог 10-летней работы семинара и повторно опубликован ряд статей из предыдущих сборников. В «Предисловии» к этому сборнику, написанном М. Ф. Альбедиль и Д. Г. Савиновым, дано определение понятию «архаика» в историко-культурных и этнологических исследованиях, говорится о междисциплинарном характере, задачах и направленности работы семинара, истории его создания, об обсуждаемых на семинарах темах, а также о научной

актуальности изучения архаики (Альбедиль, Савинов, 2014). Но уникальность семинара, могу сказать, нашего семинара, поскольку находилась у истоков его зарождения, видится в другом. С точки зрения информации добавить нечего к тому, что написано в двенадцати сборниках в «Предисловиях» или «От редактора», однако у семинара есть, возможно, для постоянных его участников самая главная особенность, имеющая отношение к «жизни» семинара.

Итак, приход к Д. Г. Савинову с идеей обсудить в студенческой аудитории используемые археологами и этнографами подходы в изучении древних и традиционных культур. Каждый из нас имел уже собственный опыт использования того или иного подхода, вопрос заключался в следующем: можно ли объединить эти разные подходы в исследовании? И при этом к обсуждению привлечь внимание тех, кто еще только выбирает свой путь в науке. Д. Г. Савинов одобрил название для семинара «Теория и методология архаики» (аббревиатура ТЕМА), предложенное В. Р. Арсеньевым. Именно «темы» — разные аспекты культуры архаических обществ, рассматриваемые на семинаре, определили направление его работы. Темы формировались в процессе работы семинара, при обсуждении прочитанных докладов. Улавливая общий интерес, запрос на тему очередного семинара, Д. Г. Савинов умел найти для нее емкое название, позволяющее расширить список участников семинара.

Тема первого семинара 1996 г. «Своя и чужие культуры» фокусировала внимание участников на возможных научных подходах к изучению древних культур. Наиболее значимыми для семинара оказались доклады Т. Н. Дмитриевой и В. Р. Арсеньева. В своем выступлении Т. Н. Дмитриева, как

¹ 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Адрес электронной почты: irkalinina@yandex.ru.

об этом напоминает редактор сборника материалов семинара, «образно сравнивает подходы с железнодорожными составами, идущими друг над другом на параллельных путях. При взгляде сверху создается впечатление, что они неизбежно столкнутся; однако если смотреть со стороны, то каждый из них идет своим путем, имея свою цель и способы достижения» (Савинов, 1998. С. 5). Возражений по поводу предлагаемого Д. Г. Савиновым «оперативного простора» для каждого метода не было, общим было и понимание, что универсального метода для изучения многомерной, многогранной культуры архаических обществ быть не может. На заседаниях семинара вопрос о правомерности или познавательных возможностях того или иного метода больше не рассматривался, хотя бывало и возвращение к ранее обсуждаемым темам, для их углубления, разворачивания. К докладу В. Р. Арсеньева «Эмпатический подход или принцип всеединства в изучении архаики» внимание привлек не сам по себе эмпатический подход, а отстаиваемый Арсеньевым «новый взгляд на мир Архаики» как «иную качественную определенность». Согласно Арсеньеву, «всеединство»/целостность следует понимать основным принципом и конкретным образом, ощущением людей Архаики окружающего мира и себя в нем» (Арсеньев, 1998. С. 18). Доклад этот высветил проблему соответствия современного научного мышления образному мышлению людей архаической культуры, что и определило тему второго семинара: «Сознание. Искусство. Образ».

Выступить с докладами, принять участие в обсуждении образного мышления, изобразительной деятельности, связанной с функциональной межполушарной асимметрией головного мозга, были приглашены специалисты-негуманитарии. В дальнейшем семинар сохраняет заранее не планируемую последовательность тем: на очередном заседании обсуждаются вопросы, привлекающие первостепенное внимание участников семинара. Вопрос «Что такое архаика?» рассматривался только на шестом семинаре, а определение архаики, как уже было сказано, дано в «Предисловии» сборника, подводящего итог 10-летней работы семинара. Доклады, прочитанные на двух первых семинарах в 1996 и 1997 г., были опубликованы в сборнике материалов семинара: ответственный редактор и автор текста от редактора — Д. Г. Савинов, художник — В. Г. Ефимов, компьютерный набор и верстка — М. Л. Подольский (Теория и методология..., 1998).

Последующие сборники сохраняют дизайн и формат этого сборника.

Семинар принимал разные формы работы, изменялись место его проведения, число участников, количество дней, отведенных для семинара. Первые шесть семинаров состоялись на кафедре археологии исторического факультета Санкт-Петербургского университета, а затем, после перерыва, семинар возобновил работу в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. Были и отличия в организации семинаров.

Семинар 1999 г. «Культура: социум и индивид» отличался от других тем, что предварительно были распечатаны и распространены тексты докладов с целью привлечения более широкого круга специалистов к их обсуждению. Хотя, по мнению Д. Г. Савинова, «в целом полученный опыт можно считать положительным», был выбран другой путь, работа семинара разворачивалась не в сторону дискуссий по докладам. Семинар со временем не превратился в мини-конференцию, с обязательным наличием ведущих докладов. Традиционной остается форма развернутых вопросов и ответов по каждому из заслушанных докладов. В МАЭ организация работы семинара легла на плечи М. Ф. Альбедиль, но ведущий на заседаниях по-прежнему Д. Г. Савинов. Первым заслушивается доклад биолога Г. П. Удаловой о поведении животных. Далее по хронологии следуют доклады археологов — палеолит, неолит, эпоха бронзы и т. д. — и завершают заседания доклады этнографов. Хронологический принцип не соблюдается в том случае, если Дмитрий Глебович группирует доклады, исходя из заявленных названий, по близости рассматриваемых в них вопросов или сюжетов.

Д. Г. Савинов, являясь руководителем работы семинара, одновременно и один из его участников. Естественный в академической среде, полемичный и принципиальный с оппонентами, он свой, не формальный лидер, и для маргиналов на семинаре. С самого начала работы семинара никто не боялся высказывать свою мысль или научную позицию. Семинар привлекает свободой научного общения, возможностью обсудить интересующие вопросы. Участники руководствуются желанием высказать свое мнение и быть услышанными, а не прочитать красивый доклад. Д. Г. Савинов не декларировал научную позицию, но вместе с тем она очевидна по вопросам, задаваемым докладчику, из диалога с ним. Вопросы и ответы на них вызывают не спор, а диалог. Выступающий готов отстаивать свою точку зрения, будучи уверенным, что, даже не разделяя

его взгляды, его понимают. Судить об этом могу по собственному опыту. У меня очередной доклад не задался, пазлы мучительно не собирались до тех пор, пока при случайной встрече с Д. Г. Савиновым по дороге в Эрмитаж не услышала от него: «Так нельзя», – на что возражаю: «Почему нельзя?» И в этот момент с благодарностью понимаю, как именно должен быть сформирован доклад.

В сборнике 2000 г., отмечая 5-летие работы семинара, Д. Г. Савинов характеризует постоянных участников семинара как «объединение пусть небольшого, но близкого по взглядам и мироощущению круга специалистов». Участников семинара объединял, сплавивал общий интерес к докладу каждого выступающего. Семинар стал школой, учил думать, сопрягая свои рабочие гипотезы с мыслями коллег. На семинаре, где слушают друг друга, легко думалось, возникало ощущение нужности (смысла) коллективной работы семинара, равенства в научном поиске всех участников. Д. Г. Савинов поддерживал энергию научного поиска, улавливая в докладах, далеких от его узкопрофессиональных интересов, то, что научно значимо. Из жизни ушли, но в работе семинара продолжают присутствовать его неизменные участники – импульсивно-эмоциональный В. Р. Арсеньев и проницательно-мудрый М. Л. Подольский, памяти которых посвящен сборник 2014 г.

Семинар остается верен исходной теоретической позиции, заявленной в тексте «От редактора»

Литература

Арсеньев, 1998 – Арсеньев В. Р. «Эмпатический подход» или принцип всеединства в изучении архаики // Теория и методология архаики. I. Своя и чужие культуры: возможные подходы к изучению. II. Сознание. Искусство. Образ. Мат-лы теоретич. семинара. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 12–19.

Альбедиль, Савинов 2014 – Альбедиль М. Ф., Савинов Д. Г. Предисловие // Актуальные проблемы изучения архаики: Мат-лы теоретич. семинара «Теория и ме-

тология архаики» 1996–2012 гг. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 7–10.

Савинов, 1998 – Савинов Д. Г. От редактора // Теория и методология архаики. I. Своя и чужие культуры: возможные подходы к изучению. II. Сознание. Искусство. Образ. Мат-лы теоретич. семинара. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 5–6.

Теория и методология..., 1998 – Теория и методология архаики. I. Своя и чужие культуры: возможные подходы к изучению. II. Сознание. Искусство. Образ. Мат-лы теоретич. семинара. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 116 с.

в первом сборнике: «Культура архаических обществ на разных хронологических уровнях имеет немало сторон, познание которых возможно только при совмещении усилий различных гуманитарных (и не только гуманитарных) специальностей» (Теория и методология..., 1998. С. 5). В ходе работы семинара получен опыт изучения культуры архаических обществ – единого объекта историко-этнологических исследований. Очевидно, что проблемы изучения архаики не решаемы силами его участников. В процессе работы семинара культура архаики предстает в своей многогранности, как «сложнейший мир взаимодействия разнообразных компонентов» (Д. Г. Савинов). Семинар, тем не менее, задает некоторые параметры для понимания целостности многоликой архаики. У постоянных участников сложилось некое общее понимание рассматриваемых на семинаре тем. Мышление, связанное с эмоциональным восприятием – не о таком ли мышлении-диалоге мечталось на первом семинаре для понимания мироощущения носителей архаической культуры?

Со временем семинар «повзрослел», оказался в фарватере современной науки, сборники, бывшие «записки на манжетах», по меткому выражению М. Ф. Альбедиль, обрели статус научного издания. Однако возглавляемый Д. Г. Савиновым семинар сохраняет свою молодость, внутреннюю свободу в поиске путей исследования необъятных просторов и бездонных глубин Архаики.

Meetings with D. G. Savinov at the ‘tethering post’ of the “Archaics” seminar

I. V. Kalinina

The work of the interdisciplinary seminar “Theory and methodology of the Archaic” headed by D. G. Savinov has been continued with a small interruption already for twenty five years. The present essay describes

the activities of the seminar uniting the researchers in search for solutions of the problems in studying archaeological and traditional cultures.

Лучший заведующий

Е. Г. Матвеева¹

АННОТАЦИЯ: Заметка посвящена воспоминаниям многолетнего секретаря кафедры археологии Екатерины Георгиевны Матвеевой о совместной работе с Дмитрием Глебовичем Савиновым в годы его заведования кафедрой.

ANNOTATION: This note is devoted to reminiscences of the Secretary of many years of the Chair of Archaeology Ekaterina Georgiyevna Matveyeva about her joint work with Dmitriy Glebovich Savinov when he headed the Chair.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Д. Г. Савинов, кафедра археологии исторического факультета СПбГУ, воспоминания.

KEYWORDS: D. G. Savinov, Chair of Archaeology of the Historical Faculty of the Saint Petersburg State University, reminiscences.

С каким заведующим кафедрой вы хотели бы работать? Имея 30-летний стаж работы секретарем, я могу представить себе, что завкафедрой должен быть специалистом высшего класса и хорошим организатором, болеющим за дело и порученный ему коллектив. Уважительное отношение к своим сотрудникам, заинтересованность в их работе и стремление взять на себя ответственность за их действия, умение отстаивать интересы кафедры в вышестоящих инстанциях — вот необходимые для руководителя кафедры качества. Но вернемся от теории к практике. Вспомним о кафедре.

Мне довелось работать с тремя заведующими: профессором А. Д. Столяром, профессором Д. Г. Савиновым и профессором Е. Н. Носовым. Идеалов не бывает, но для меня образцом стал Дмитрий Глебович Савинов. Он энергичен и полон идей. На первом же заседании кафедры 1995–96 учебного года (прот. № 2 от 28.09.1995) им был предложен обширный план работы, начиная с подготовки будущих абитуриентов (поручено В. А. Булкину), восстановления СНО (ответственный Н. И. Петров) и кончая составлением расписания научных конференций на четыре года вперед.

Им впервые был поставлен вопрос о публикации учебных программ кафедральных курсов. Традиционно на кафедре читались авторские учебные курсы, по которым были изданы научные статьи и монографии, но учебники практически отсутствовали. По четкому графику на заседаниях кафедры обсуждались и утверждались все программы. На этих долгих заседаниях присутствова-

ла кафедра в полном составе, все старались не опаздывать и предварительно ознакомиться с представленной программой. Слушать друг друга, спорить, как представить материал, было очень интересно. Именно эти необходимые публикации оказались сделанными в первую очередь. В 1997–1998 гг. появились три брошюры (блок программ базовых и региональных курсов, блок программ методических курсов и блок наиболее интересных специальных курсов) со списками литературы и экзаменационными вопросами. Именно то, что необходимо студентам при подготовке.

Следующим детищем Дмитрия Глебовича в полном смысле этого слова были серии конференций, посвященных изучению различных видов археологических памятников. Первой в 1996 г. стала конференция «Курган: методика раскопок и реконструкции». Кафедра готовилась к ней с энтузиазмом. Задуманная как студенческая, она привлекла внимание взрослых и опытных исследователей. Конференция понравилась, и все ее участники ждали следующую. Сложилось так, что с периодичностью в два года было проведено еще шесть конференций: «Поселения: среда, культура, социум» (1998), «Святыни: археология ритуала и вопросы семантики» (2000), «Клады: состав, хронология, интерпретация» (2002), «Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции» (2004), «Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения» (2006) и «Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст» (2008). Интерес к конференциям вышел за рамки кафедры и получил всероссийскую известность. Позже тематика конференций была связана с широкими методологическими проблемами археологии (например,

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5. Институт истории СПбГУ. Кафедра археологии. Адрес электронной почты: kagemat@mail.ru.

«Археологические источники и культурогенез»), и конференции порой могли квалифицироваться как международные.

Однако на кафедре всегда много текущей работы, много важных документов, от которых зависит ее будущее. Разобраться в них бывало не так просто. Дмитрий Глебович понял важность этой работы, стал углубляться во все кафедральные премудрости – учебные планы, рабочие планы, объемы педагогических нагрузок. В обязанности заведующего кафедрой в то время входило распределение педагогических нагрузок, но профессор Савинов был единственным на факультете, кто не только подписывал документы, но и составлял их. Немало сил и времени было уделено обсуждению программы и билетов Государственного экзамена по археологии. Такая работа отнимала много времени у доктора наук Д. Г. Савинова, но она делалась безукоризненно.

В начале 1990-х гг. кафедра передавала в Эрмитаж коллекцию Ракушечного Яра, и руководитель Донской экспедиции Татьяна Дмитриевна Белановская почти ежедневно приходила на кафедру, чтобы подготовить документы к передаче. Дмитрий Глебович был рад ее видеть на кафедре и сумел обеспечить благоприятные условия: всегда свободная 75 аудитория и помощь Марины Николаевны Поповой и Галины Николаевны Поплевко.

The best head of a Chair

E. G. Matveyeva

In the brief reminiscence of the Secretary of many years of the Chair of Archaeology of the Historical Faculty of the Saint Petersburg State University, the many-sided activities of Dmitriy Glebovich Savinov as the head of the Chair are described in a friendly mono-

logue. His administrative and organizational talents are noted, the main achievements during these years are listed, and attention is paid to the improvement of the scientific-research and lecturing work of the assistants of the Chair.

Вероятно, о многом интересном и важном в небольшой заметке я не сумела рассказать, но могу утверждать, что это были самые насыщенные и интересные годы. На кафедре была обстановка взаимного доверия, дружелюбия и взаимопонимания. Мы делали одно общее дело – нашу КАФЕДРУ. Апрельские субботники пытались сделать ее более уютной и светлой. Именно с появлением Дмитрия Глебовича на кафедре стали отмечаться Новый год и дни рождения, не говоря о юбилеях. Поздравляли с 80-летием Татьяну Дмитриевну Белановскую в аудитории № 75. Дмитрий Глебович очень волновался, хотелось, чтобы все прошло по высшему разряду. Золотая осень, солнышко нас балует своим блеском, на кафедре – осенние букеты, стенд, посвященный нашей героине, украшен кленовым разноцветьем. А празднование 60-летия кафедры в 1996 г. стало общим делом – готовились доклады и сообщения об истории кафедры, приглашались ее выпускники с воспоминаниями, делались стенды с фотографиями, собранными у всех ленинградских археологов. Многие фотографии были уникальны, поэтому пришлось воспользоваться ксерокопиями. Приглашались все выпускники и друзья кафедры. Как впоследствии оказалось, на нашем празднике присутствовало более 200 человек. Мы оставались молодыми, активными и полными сил!

Творец культуры

Н. Ю. Смирнов¹

АННОТАЦИЯ: *Настоящие краткие размышления о научных и человеческих талантах профессора Д. Г. Савинова в канун его 80-летия являются скромным оммажем ученика Учителю.*

ANNOTATION: *These brief reflections on the scientific and human talents of Prof. D. G. Savinov are a modest homage of a disciple to the Teacher on the eve of his 80th anniversary.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Д. Г. Савинов, образ ученого, творец культуры.*

KEYWORDS: *D. G. Savinov, image of a scholar, creator of culture.*

Творцом культуры в археологическом, историческом и этнографическом понимании является человек. Не только в антропологической, но и в духовной ипостаси. Он одомашнивает лошадь, лепит горшки, устраивает святилища, наполняя их символами и одухотворяя действиями и помыслами. В не меньшем смысле творцом культуры является и ученый — археолог, историк или этнограф. Если первый творит культуру, возрождая ее из руин прошлого, то второй заставляет разговаривать тексты, давая культуре голос, а третий упорядочивает, описывает и предъясняет носителю этой самой культуры все то, что от того скрыто за мелочами повседневного быта, традиционным укладом хозяйства, бабушкиными сказками и поверьями — миром предков.

Но существует в современной научной парадигме еще один творец культуры — это университетский профессор, основная задача которого, долг и служение ему, если хотите, — постоянное воссоздание культуры научного мышления и диалога в сменяющихся друг друга поколениях его студентов и учеников.

Отрадно признавать, что ты принадлежишь к кругу счастливиц — тех самых студентов и учеников профессора Дмитрия Глебовича Савинова — блестящего творца культуры во всех перечисленных выше жанрах и ипостасях.

Сегодня Дмитрию Глебовичу исполнилось 80 лет. Наверное, не знай я о его календарном возрасте, не дал бы ему больше 60 лет — периода самого расцвета ученого ума. Молодой блеск глаз при обсуждении темы, задевающей его научные интересы (а они чрезвычайно широки так, что невозможно все перечислить и учесть, — знающие зна-

ют), нетривиальный подход к проблеме, способность не только донести свое мнение с трибуны до слушателя, но и услышать и оценить идеи собеседника, пусть и идущие вразрез с его собственными. Эта редкая в наше время высокая культура научного знания и научного диалога воплощена в профессоре Савинове во всей своей полноте.

Один из лучших лекторов и рассказчиков нашего времени, яркий и глубокий исследователь, внимательный и щедрый наставник, отзывчивый коллега, взыскательный, но тактичный оппонент, — творец во всем, за что он берется. Для всех, читающих его научные статьи и слушающих выступления, ясно, что перед ними не скучный исследователь, погруженный в марианскую впадину частной проблемы горшков, псалиев, наконецников стрел или завитков рогов и хвостов, а творец культур и эпох, воссоздатель и выразитель их сути и духа, уделяющий максимум внимания не только материальной, но и духовной стороне древней или этнографической культуры.

Как у настоящего демиурга у него есть воля и терпение. И если первая безгранична, то второе, как и во всех классических случаях, имеет свои пределы. И момент «изгнания из рая» неприлежный ученик чувствует очень хорошо...

Питомец невских берегов, профессор Санкт-Петербургского университета, в прошлом сотрудник Института истории материальной культуры и Кунсткамеры, оказавший заметное влияние на научную жизнь всех трех учреждений, Дмитрий Глебович Савинов известен далеко за пределами двух российских столиц. Работая уже 60 лет на бескрайних просторах Сибири и Центральной Азии, он по праву снискал славу выдающегося специалиста в области археологии и этнографии скотоводческих культур и кочевых народов и любовь многочисленных коллег и учеников от Урала и почти до самого синего моря.

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: kolaksais@yandex.ru.

Феномен человеческого и научного обаяния Дмитрия Глебовича заключается еще и в том, что, не создавая специально свою научную школу, не пестуя и не продвигая официальных учеников, не будучи формально главой научного коллектива, он создал редкое по крепости научных и человеческих связей культурное пространство исследователей (часть из которых действительно была под его научным руководством в студенческие или аспирантские годы, а кто-то просто слушал его лекции или учился на кафедре этнографии или археологии, где он преподавал и преподает), которым близки его подход, его ценностные ориентиры в науке, его методы познания и реконструкции прошлого.

Причастные знают, что имя Дмитрия Глебовича Савинова открывает многие научные и музейные двери в европейской и азиатской России, да и в национальных республиках Центральной Азии немало его учеников и коллег, почитающих его научные таланты и подпавших под его человеческое обаяние.

В Дмитрии Глебовиче всех и всегда поражает глубина и оригинальность научных идей, успешно преодолевающих трансцендентность прошлого. Не останавливаясь на вещеведении в археологии — в сених культуры, он погружается в гуманистическое осмысление древних культур и неизбежно влечет за собой читателя, слушателя и собеседника. Притом, будучи художественно одаренным человеком, он точно балансирует на тонкой грани, отделяющей эмпирическое познание от метафизического опыта, что и придает многим его концепциям дополнительное очарование и убедительность.

The creator of culture

N. Yu. Smirnov

It is a human individual who is a creator of culture in the archaeological, historical and ethnographic its spheres. This includes not only an anthropologic but also a spiritual hypostasis. It is the one who domesticates horse, makes pottery, founds sanctuaries filling them with symbols and spiritualizing them with actions and intentions. A scientist, be it an archaeologist, a historian or an ethnographer, is a creator of culture to no less extent. The first creates culture resuscitating it from ruins of the past, the second makes the text to speak imparting voice to the culture, and the third orders, describes and produces to the bearer of this same culture all that is veiled for him behind the trifles of everyday life, traditional order of economy, grandmoth-

Дмитрий Глебович очень точно и тонко чувствует узловые проблемы изучаемой им эпохи и емко формулирует их в своих ключевых работах, не только давая свой ответ на поставленный вопрос, но и тем самым задавая точку нового отсчета в науке и увлекательную перспективу дальнейших исследований. У него есть любимые темы, к которым он возвращается время от времени, чтобы добавить недостающую деталь или штрих, как настоящий художник, работающий над картиной, отчего логика изображенной действительности прорывается лишь ярче.

Культурное влияние научной мысли Дмитрия Глебовича настолько велико, что иногда, сам того не осознавая изначально, в процессе разработки собственных идей ты вдруг понимаешь, что формулируешь их совершенно в русле той или иной концепции своего учителя. Но, не следуя слепо за ним, не повторяя его школу, а споря, критически оценивая, не соглашаясь или, наоборот, развивая, и порождая что-то новое, понимаешь, насколько плотно соткано им невидимое поле культуры, насколько нити твоего утка гибко вплетаются в основу полотна, заложенную им когда-то, при создании картины мира, которую ты реконструируешь сам.

Отрадно понимать, на плечах каких гигантов мы стоим, но особенно ценно это высказать в то время, когда они все еще с нами.

Дорогой Дмитрий Глебович, крепкого Вам здоровья, непреходящей силы и глубины мысли, человеческого и научного долголетия! Счастья Вам и процветания, дорогой Учитель!

er's tales and beliefs — the world of the ancestors. However, in the modern scientific paradigm, there exists still another creator of culture — it is a university professor whose main task, duty and service to it is in continuous reproduction of scientific thinking and dialogue among the replacing each other generations of his students and disciples. The present author belongs to the circle of the students and disciples of Prof. Dmitriy Glebovich Savinov — a brilliant creator of culture in all the genres and hypostases enumerated above. The present reflections on the personality of the prominent scientist, splendid orator and man of remarkable charm — Prof. D. G. Savinov, are a modest homage of a disciple to the Teacher.

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ ДНИ: Д. Г. САВИНОВ НА ФОТОСНИМКАХ ДРУЗЕЙ, КОЛЛЕГ И УЧЕНИКОВ

ИЛ. 1. Д. Г. Савинов. Томск. 2010 г.

ILL. 1. D. G. Savinov. Tomsk. 2010

Илл. 2. О. Б. Богаевская. «Портрет сына». 1962 г. Х., м.

ILL. 2. O. B. Bogayevskaya. "Portrait of son". 1962. Oil on canvas

Ил. 3. Д. Г. Савинов с сестрой, Н. Г. Савиновой, на этюдах. Начало 1960-х гг.
Фото предоставлено Е. А. Сухаревой

ILL. 3. D. G. Savinov with sister, N. G. Savinova, in etudes. Early 1960s. Photo provided by E. A. Sukhareva

Ил. 4. Д. Г. Савинов. По дороге с Бухтармы на Дон. 1961 г. Фото Б. Н. Пяткина

ILL. 4. D. G. Savinov. On the way from the Bukhtarma to the Don. 1961. Photo by B. N. Pyatkin

Ил. 5. На страже леса. В. А. Сафронов и Д. Г. Савинов на грузовой платформе с лесом. Путешествие Д. Г. Савинова, В. А. Сафронова и Б. Н. Пяткина по железной дороге с Алтая в Ростовскую область. 1961 г. Фото Б. Н. Пяткина

ILL. 5. Guarding the timber. V. A. Safronov and D. G. Savinov on the cargo truck with timber. The travel of D. G. Savinov, V. A. Safronov and B. N. Pyatkin by railway from Altay to Rostov Oblast. 1961. Photo by B. N. Pyatkin

Илл. 6, 7. Через Центральную Азию в Европу днем и ночью. В. А. Сафронов и Д. Г. Савинов. Путешествие Д. Г. Савинова, В. А. Сафронова и Б. Н. Пяткина по железной дороге с Алтая в Ростовскую область. 1961 г. Фото Б. Н. Пяткина

ILL. 6, 7. Via Central Asia to Europe by day and night. V. A. Safronov and D. G. Savinov. The travel of D. G. Savinov, V. A. Safronov and B. N. Pyatkin by railway from Altay to Rostov Oblast. 1961. Photo by B. N. Pyatkin

Ил. 8. Ракушечный яр. Ростовская обл., р. Дон. В. А. Сафронов и Д. Г. Савинов на раскопе. Экспедиция Т. Д. Белановской. 1961 г. Фото Б. Н. Пяткина

ILL. 8. Rakushechny Yar. Rostov Oblast, Don River. V. A. Safronov and D. G. Savinov at the excavation. Expedition of T. D. Belanovskaya. 1961. Photo by B. N. Pyatkin

Илл. 9. Могильник Туран I. Красноярский край. Д. Г. Савинов зачищает погребение в кургане №1. Туранский отряд А. Д. Грача в составе Красноярской экспедиции М. П. Грязнова. 1963 г.
Фото предоставлено А. Н. Мухаревой

ILL. 9. Cemetery of Turan I. Krasnoyarsk Krai. D. G. Savinov excavating a burial in kurgan No. 1. Turan archaeological group of A. D. Grach of the Krasnoyarsk Expedition of M. P. Gryaznov. 1963. Photo provided by A. N. Mukhareva

Ил. 10. Д. Г. Савинов. Выступление на Пятом Западносибирском археолого-этнографическом совещании. Томск. 1981 г. Фото предоставлено Л. А. Чиндиной

ILL. 10. D. G. Savinov. Speech at the Fifth West-Siberian Archaeological-Ethnographical Meeting. Tomsk. 1981. Photo provided by L. A. Chindina

Ил. 11. Д. Г. Савинов и Ф. Х. Арсланова. Конференция «Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий». Омск. 1984 г. Фото предоставлено Л. А. Чиндиной

ILL. 11. D. G. Savinov and F. Kh. Arslanova. Conference “Ethnic history of Turkic peoples of Siberia and adjoining territories”. Omsk. 1984. Photo provided by L. A. Chindina

Ил. 12. Н. В. Полосьмак, Д. Г. Савинов, В. И. Молодин. Барабинские степи. Археологическая практика студентов кафедры этнографии ЛГУ под руководством Д. Г. Савинова. Экспедиция В. И. Молодина. Начало 1980-х гг. Фото предоставлено Ю. А. Купиной

ILL. 12. N. V. Polos'mak, D. G. Savinov, V. I. Molodin. Barabinsk steppe. Archaeological practice of students of the Chair of Ethnography of the Leningrad State University under direction of D. G. Savinov. Expedition of V. I. Molodin. Early 1980s. Photo provided by Yu. A. Kupina

Ил. 13. Д. Г. Савинов с Арсом. Алтай, плато Укок. Экспедиция Н. В. Полосьмак. 1990 г. Фото предоставлено В. И. Молодиным

ILL. 13. D. G. Savinov with Arsom. Altay, Plateau Ukok. Expedition of N. V. Polos'mak. 1990. Photo provided by V. I. Molodin

Ил. 14. Могильник Юрман I. Кемеровская область. Д. Г. Савинов со своим отрядом на раскопках. 1993 г.
Фото предоставлено К. В. Чугуновым

ILL. 14. Cemetery of Yurman I. Kemerovo Oblast. D. G. Savinov with his team at the excavations. 1993.
Photo provided by K. V. Chugunov

Ил. 15. Д. Г. Савинов. Оппонирование докторской диссертации А. М. Сагалаева. Новосибирск. 1992 г.
Фото предоставлено О. Б. Беликовой

ILL. 15. D. G. Savinov. As the opponent at the defence of Doctor's dissertation by A. M. Sagalayev. Novosibirsk. 1992.
Photo provided by O. B. Belikova

Ил. 16. Д. Г. Савинов (в центре) с участниками полевого семинара САИПИ. Хакасия. Казановка. 2002 г. Фото предоставлено Е. А. Миклашевич

ILL. 16. D. G. Savinov (in the centre) with participants of the field seminar of the Siberian Association of Researchers of Prehistoric Art. Khakassia. Kazanovka. 2002. Photo provided by E. A. Miklashevich

Ил. 17. Г. В. Длужневская и Д. Г. Савинов в Музее археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского в Томском государственном университете. 2003 г. Фото предоставлено Б. Б. Овчинниковой

ILL. 17. G. V. Dlužnevskaya and D. G. Savinov in the V. M. Florinskiy Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia at the Tomsk State University. 2003. Photo provided by B. B. Ovchinnikova

Ил. 18. Д. Г. Савинов и О. Б. Беликова в Музее археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского в Томском государственном университете. 2003 г. Фото предоставлено О. Б. Беликовой

ILL. 18. D. G. Savinov and O. B. Belikova in the V. M. Florinskiy Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia at the Tomsk State University. 2003. Photo provided by O. B. Belikova

Ил. 19. Д. Г. Савинов и В. В. Бобров на Региональной археолого-этнографической конференции молодых ученых. Томск. 2003 г. Фото предоставлено Л. А. Чиндиной

ILL. 19. D. G. Savinov and V. V. Bobrov at the Regional Archaeological-Ethnographical Conference of young scientists. Tomsk. 2003. Photo provided by L. A. Chindina

Ил. 20. Д. Г. Савинов, В. В. Бобров, Д. В. Черемисин. Российско-германский симпозиум. Штральзунд, Германия. 2013 г. Фото Е. А. Миклашевич

ILL. 20. D. G. Savinov, V. V. Bobrov and D. V. Cheremisin. Russian-German symposium. Stralsund. Germany. 2013. Photo by E. A. Miklashevich

Ил. 21. В. И. Молодин, Е. А. Миклашевич, Д. Г. Савинов, В. В. Бобров. Российско-германский симпозиум. Штральзунд, Германия. 2013 г. Фото предоставлено В. В. Бобровым

ILL. 21. V. I. Molodin, E. A. Miklashevich, D. G. Savinov and V. V. Bobrov. Russian-German symposium. Stralsund. Germany. 2013. Photo provided by V. V. Bobrov

Ил. 22. Я. А. Шер, В. В. Бобров, Д. Г. Савинов. Салбыкская долина. Хакасия. 2005 г.
Фото предоставлено В. В. Бобровым

ILL. 22. Ya. A. Sher, V. V. Bobrov and D. G. Savinov. Salbyk Valley. Khakassia. 2005.
Photo provided by V. V. Bobrov

Ил. 23. Б. Б. Овчинникова, Д. Г. Савинов, Г. В. Длужневская. Юкки. 2011 г.
Фото предоставлено Б. Б. Овчинниковой

ILL. 23. B. B. Ovchinnikova, D. G. Savinov and G. V. Dluzhnevskaya. Yukki. 2011.
Photo provided by B. B. Ovchinnikova

Илл. 24. Д. Г. Савинов и Б. Б. Овчинникова. Юкки. 2011 г. Фото предоставлено Б. Б. Овчинниковой
ILL. 24. D. G. Savinov and B. B. Ovchinnikova. Yukki. 2011. Photo provided by B. B. Ovchinnikova

Илл. 25. В кругу учеников. Д. Г. Савинов, С. В. Хаврин, К. В. Чугунов, Н. А. Жогова, Н. В. Панкова. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж. 2012 г. Фото предоставлено К. В. Чугуновым

ILL. 25. In the circle of disciples. D. G. Savinov, S. V. Khavrin, K. V. Chugunov, N. A. Zhogova, N. V. Pankova. Department of East Europe and Siberia, State Hermitage Museum. 2012. Photo provided by K. V. Chugunov

Ил. 26. Д. Г. Савинов. XVI Западносибирская археолого-этнографическая конференция. Томск. 2012 г.
Фото Ю. В. Ширина

ILL. 26. D. G. Savinov. 16th West-Siberian Archaeological-Ethnographic Conference. Tomsk. 2012.
Photo by Yu. V. Shirin

Ил. 27. С коллегами из Сибири и Казахстана. Е. А. Миклашевич, З. С. Самашев, Д. Г. Савинов, О. С. Советова,
Д. В. Черемисин. Новосибирск, Академгородок. 2016 г. Фото предоставлено О. С. Советовой

ILL. 27. With colleagues from Siberia and Kazakhstan. E. A. Miklashevich, Z. S. Samashev, D. G. Savinov, O. S. Sovetova
and D. V. Cheremisin. Novosibirsk, Akademgorodok. 2016. Photo provided by O. S. Sovetova

Ил. 28. На родной кафедре. Д. Г. Савинов за круглым столом в 73 аудитории Исторического факультета СПбГУ. 2016 г. Фото В. И. Беляевой

ILL. 28. At the mother chair. D. G. Savinov at the round table in auditorium 73 of the Historical Faculty of the St Petersburg State University. 2016. Photo by V. I. Belyaeva

Ил. 29. Д. Г. Савинов среди участников Пятого Международного симпозиума «Мобильность и миграция...». Алтай, Денисова пещера. 2019 г. Фото предоставлено В. И. Молодиным

ILL. 29. D. G. Savinov among participants of the Fifth International Symposium “Mobility and migration ...”. Altay, Denisova Cave. 2019. Photo provided by V. I. Molodin

Ил. 30. Д. Г. Савинов – вдохновитель и организатор семинара «Теория и методология архаики». МАЭ РАН. 2021 г. Фото М. Ф. Альбедиль

ILL. 30. D. G. Savinov – the inspirer and organizer of the seminar “Theory and methodology of archaic” (TEMA). Museum of Anthropology and Ethnography (MAE) RAS. 2021. Photo by M. F. Albedil

В СВОЕМ КРУГУ: ЗА ЗЕЛЕНЫМ СТОЛОМ КАФЕДРЫ АРХЕОЛОГИИ СПбГУ

Женские статуэтки костёнковского круга

В. И. Беляева¹

АННОТАЦИЯ. В статье дана сравнительная характеристика палеолитических статуэток костёнковского круга и изображений современных женщин. Определяются пропорции тела статуэток и стилистические особенности их формообразования. Построение фигур относительно их центра тяжести определяет позы и положение в пространстве; стилистика оценивает культурную принадлежность, а особенности пропорций и форм дают основание для гипотез о функциональном назначении изображений.

ANNOTATION. The paper presents a comparative characterization of Palaeolithic figurines of the Kostenki circle and representations of modern women. The body proportions of the statuettes and stylistic peculiarities of their formation are described. The positioning of the figures relative their centre of gravity defines the poses and location in the space; the stylistics evaluates the cultural belonging while the features of the proportions and forms provide a basis for hypotheses about the functional purpose of the images.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: палеолит, женские статуэтки, стоянки костёнковского круга, сравнительная характеристика, размерные признаки, пропорции, позы, акценты, стилистика, функции.

KEYWORDS: palaeolithic, female statuettes, sites of the Kostenki circle, comparative characteristic, dimensional indications, proportions, poses, accents, stylistics, functions.

Женские статуэтки изучают в первую очередь те, кто их находит, или те, кто их хранит в музеях. Так, по своей художественной убедительности не превзойденной остается описательная характеристика статуэток П. П. Ефименко (1958. С. 342–352). Оценка исследователя позволила сделать фигурку женщины символом не только женского, но более того, социального начала, превратив, таким образом, мир примитивного стада в упорядоченную родовую структуру. Однако археологическая доказательность не была сильной стороной публикаций первой половины прошлого века. Можно только удивляться, как на трех находках в Костенках и трех — в Гагарино были построены научные концепции культурных особенностей верхнего палеолита.

Задачей обширной сводки женских изображений З. А. Абрамовой было включение отечественных находок в мировой контекст. Создание системы археологических доказательств исследователем не предполагалось. Однако она несколько «при-

землила» образ, отдав ему в руки, вслед за философом А. Ф. Анисимовым, общинное домохозяйство, очаги и обряды (Абрамова, 1966. С. 223).

В 1970-е гг. благодаря экспедициям на Русской равнине количество коллекций статуэток было значительно увеличено, и стало возможным приступить к их изучению археологическими методами через признаки, типы, классификации, культурные группы. Основа этой методики была создана М. Д. Гвоздовер в 1970–80-е гг., и до настоящего времени она является лучшей из существующих.

На кафедре археологии Ленинградского университета во второй половине 1980-х гг. появилась коллекция копий костёнковских и гагаринских статуэток. Показывая статуэтки студентам, мы обратили внимание на то, что процесс их демонстрации непросто — неясны позы статуэток и положение их в пространстве. Вспомним коней барона П. Клодта на Фонтанке: динамичная поза животных соотносилась с особенной инженерной конструкцией коней и Диоскуров. Наши статуэтки не были динамичны, но при этом они не имели и безусловного вертикального, лежащего или горизонтального положения, т. е. статичного положения.

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5. Институт истории СПбГУ. Кафедра археологии. Адрес электронной почты: vibel@list.ru.

Сидячую позу гагаринских тучных статуэток, предположенную Гвоздовер, трудно доказать при отсутствии ног (*Гвоздовер*, 1985). Заинтересовавшись этим обстоятельством неопределенности, мы решили оценить степень реалистичности изображений: насколько сходны статуэтки с реальными женскими фигурами, как много в них стилистических обобщений или намеренного копирования.

Всем известны укороченные голени статуэток, их «атавистичные» ручки, отсутствие черт лица, спрятанного там, «где должны быть волосы» (*Григорьев*, 2000). Судя по мнению художников, изображение подчеркивает главное — то, что скульптор намерен нам показать и чему хочет научить; то, что не нужно, не важно, часто бывает скрытым или уменьшенным. Так делается сейчас и так могло быть прежде². Основным в нашем случае был торс статуэтки с профессионально выполненными крупными объемами — животом, молочными железами и тазом. Изображение крестцового треугольника в верхней части таза указывает на то, что древний скульптор знал о важности этих трех углублений, которые демонстрировали величину малого таза. Сложности измерений статуэток заставили нас отказаться от их размерных описаний. Для оценки реалистичности древних изображений мы соотнесли их пропорции в процентах и частях с теоретическими (*Чиварди*, 2020. С. 35–36) и с теми же соотношениями тела современных женщин на фотографии и рисунке (Там же. С. 20, 27). Более того, мы решили отказаться и от главной для Гвоздовер схемы измерений, основанной на отношении частей тела к двум плоскостям — касательной и центральной (*Гвоздовер*, 1985. С. 30, рис. 2). Обе плоскости пересекали продольный профиль статуэтки и были, по мнению исследователя, параллельны друг другу. Определить вертикальное профильное положение фигур представляется нам сложной задачей, линия центра тяжести плохо определяется при согнутых или отсутствующих ногах. Нами было замечено, что плоскости в схеме Гвоздовер, к сожалению, не параллельны одна другой и зависят от профильного ракурса статуэтки.

В общей сложности нами были рассмотрены 15 статуэток из стоянок Костенки I, Авдеево, Гагарино и Виллендорф II (**табл. 1**). Отбирались понятные формы с наклоном головы и сохранившимся телом. Важными критериями для отбора стали качество,

сохранность и повторяемость форм. Из всей группы восемь экземпляров изучались по копиям, остальные — по фотографиям и рисункам. Не все из рисунков дали возможность безусловного описания. Сложнее всего пришлось с авдеевскими статуэтками. Если элементы фигуры хорошо читались, то способы формирования тела и стилистика не всегда были понятны. В случае с фотографиями и рисунками из Костенок I и Гагарино чрезвычайно полезными оказались публикации П. П. Ефименко, Л. М. Тарасова и Г. А. Хлопачева (*Ефименко*, 1958. С. 342–370; *Тарасов*, 1979. С. 123–145; *Хлопачев*, 2016. С. 48–119). Следует, однако, сказать, что у авторов фотографий и рисунков всегда есть своя исследовательская и представительская задача и даже в лучших из них могли быть показаны не все необходимые нам ракурсы. Для удобства описаний мы присвоили статуэткам, рисунку и фотографии сквозные номера от № 1 до № 17. Номера условны и используются только в данной статье.

Основные части тела статуэток мы оценивали по схеме размерных признаков Е. Н. Хрисанфовой и И. В. Перевозчикова (**рис. 1; 2**), созданной ими на основе схемы Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина (*Хрисанфова, Перевозчиков*, 2002. С. 241, рис. 83; *Рогинский, Левин*, 1978. С. 55, рис. 12; 13). Определение размеров головы статуэток условно, так как голова во всех взятых нами случаях наклонена, что не позволяет ее измерить точно, но поскольку неточность измерений будет присутствовать для всех рассмотренных фигурок, мы решили ею пренебречь. «Выпрямляя» голову, мы могли ошибиться еще больше, особенно работая с фотографиями и рисунками. Размеры плеч не совсем ясны для гагаринских тучных статуэток, но в любом случае они значительно сужены.

Основные размерные признаки

В таблице 2 в процентах к высоте тела даны соотношения четырех основных размерных признаков — корпуса, торса, головы и ног (**табл. 2**). В двух случаях мы позволили себе реконструировать размеры тела. У мергелевой статуэтки № 2 угол схождения бедер предполагал размеры голени, которые соответствовали бы «общепринятым» в Костенках, а для головы статуэтки № 5 было сделано допущение по аналогии с Костенками — 20 % от общего размера тела. Мы уверены, что при увеличении числа статуэток можно будет избавиться от этих досадных, но необходимых сейчас допущений.

² Высказанное в частной беседе мнение скульпторов Н. Карповой и В. Баркова, членов Союза художников РФ.

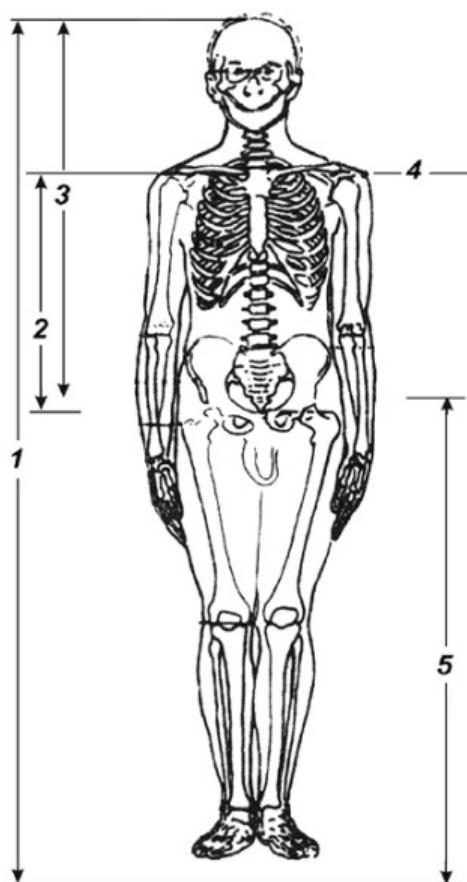

РИС. 1. Размерные признаки на теле: 1 – длина тела; 2 – длина торса (туловища); 3 – длина корпуса; 4 – ширина плеч; 5 – длина ноги. Сокращенная схема (по: Хрисанфова, Перевозчиков, 2002; Рогинский, Левин, 1978)

FIG. 1. Dimensional parameters of the body: 1 – human height; 2 – torso length; 3 – trunk length; 4 – shoulder width; 5 – leg length. Brief scheme (after Хрисанфова, Перевозчиков, 2002; Рогинский, Левин, 1978)

Процентное соотношение **корпуса** статуэток и тела не составляет какого-либо постоянного значения для стоянок. Оно превышает схему размерных признаков на 5–15 % и зависит не только от величины тела, но и от размеров головы. Близки к значениям схемы и современным значениям размеры корпуса т. н. астеников, длинных узких статуэток № 9 и № 10 из Авдеево и Гагарино. Размеры **торса** всех статуэток больше схематичных и современных на 9–10 %. Торс в 43–46 % включает самый большой размерный ряд статуэток, включая астеников (№ 1–6, 8–11). Эти соотношения можно считать наиболее независимыми и значимыми. Но и здесь есть исключение, не увеличенные размеры торса имеют статуэтка № 7 и тучная маленькая гагаринская статуэтка № 12. Размеры **головы**

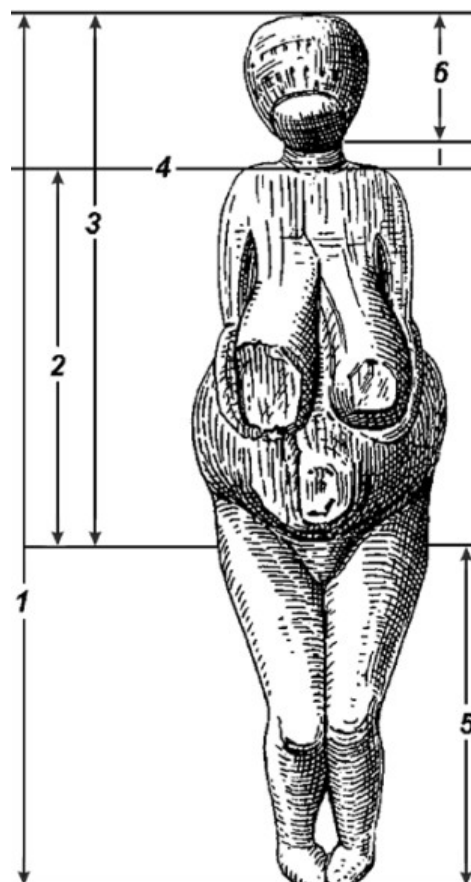

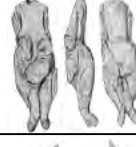

РИС. 2. Размерные признаки на теле статуэтки № 1. Костёнки I: 1 – высота тела; 2 – длина торса; 3 – длина корпуса; 4 – ширина плеч; 5 – длина ног; 6 – высота головы

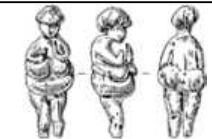

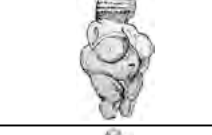

FIG. 2. Dimensional parameters of the body of statuette No. 1, Kostenki I: 1 – human height; 2 – torso length; 3 – trunk length; 4 – shoulder width; 5 – leg length; 6 – head height

статуэток – один из показательных признаков. Крупные головы у всех статуэток Костенок I, Гагарино и Виллендорфа (23–17,6 %), маленькие – у астеников (8,9 и 8,5 %), близкие к современным и схеме – у авдеевских фигурок (12–14 %). Укороченность **ног** не является обязательным признаком статуэток. Ноги у современных изображений и на схеме составляют только 44 % от высоты тела. Этим же значениям соответствуют астеники (№ 9 и 10), авдеевская статуэтка № 7. Близки к схеме и значения ног у костёнковской мергелевой статуэтки № 2 и «шагающей» статуэтки № 11 из Гагарино. На 7–11 % уменьшены ноги у трех костёнковских статуэток и № 8 из Авдеево. Максимальное уменьшение ног, на 13 %, фиксируется у тучной гагаринской статуэтки № 12. В результате значения общих пропорций дают

Таблица 1. Статуэтки: источник описания и основные размеры

Table 1. Figurines: source of description and basic dimensions

Номер в статье	Стоянка, год находки, сырье	Статуэтка	Источник описания, основные размеры в см*	Публикации, номер статуэтки по публикациям
1	Костёнки I, 1936, бивень		1. по: <i>Хлопачев</i> , 2016. С. 68–69; 11,6 × 3,7 × 2,81; 2. копия статуэтки (СПбГУ)	по: <i>Ефименко</i> , 1958; № 3; <i>Хлопачев</i> , 2016; МАЭ № 6051
2	Костёнки I, 1983, мергель		Копия статуэтки (СПбГУ); 10,4 × 4,2 × 3,5	по: <i>Praslov</i> , 1985; 1983 (год находки дан как номер); <i>Jelinek</i> , 1990
3	Костёнки I, 1987, бивень		Копия статуэтки (СПбГУ); 12,6 × 3,2 × 2,8	по: <i>Хлопачев</i> , 2016; МАЭ № 7416-1
4.	Костёнки I, 1923, бивень		Копия статуэтки (СПбГУ); 8,5 × 3,3 × 2,1	по: <i>Ефименко</i> , 1958; № 1; <i>Хлопачев</i> , 2016, МАЭ № 4464-1
5	Костёнки I, 1931, бивень		Копия статуэтки (СПбГУ); 15,1 × 4,6 × 3,2	по: <i>Ефименко</i> , 1958; № 2; <i>Хлопачев</i> , 2016; МАЭ № 6051-1
6	Костёнки I, 1951, бивень		по: <i>Абрамова</i> , 1966. Табл. I, № 4; 16,3 × 2,3 × 1,7**	по: <i>Рогачев</i> , 1957; 1951 (год находки как номер); <i>Абрамова</i> , 1966
7	Авдеево Новое, 1977, бивень		по: <i>Gvozdover</i> , 1995. Fig. 103; 9,5 × 2,3 × 1,0	по: <i>Gvozdover</i> , 1995; № 8; New Avd. 77-no 2
8	Авдеево Новое, 1976, бивень		по: <i>Gvozdover</i> , 1995. P. 23, fig. 98; 9,5 × 3,0	по: <i>Gvozdover</i> , 1995; № 6; New Avd. 76
9	Авдеево Старое, 1948, бивень		по: <i>Gvozdover</i> , 1995. P. 136, fig. 96; размеры по: <i>Гвоздочер</i> , 1953; 16 × 3 × 1,1	по: <i>Гвоздочер</i> , 1953; № 4; <i>Gvozdover</i> , 1995; № 5; Old Avd. 48
10	Гагарино, 1927, бивень		по: <i>Хлопачев</i> , 2016. С. 80; 6,8 × 1,3 × 0,9	по: <i>Замятнин</i> , 1935; № III; <i>Тарасов</i> , 1979, № III; <i>Хлопачев</i> , 2016, МАЭ № 3555-3
11	Гагарино, 1962, бивень		Копия статуэтки (СПбГУ); 12,5 × 4,6 × 3,4	по: <i>Тарасов</i> , 1979; № IV; <i>Хлопачев</i> , 2016; МАЭ № 7568-1

12	Гагарино, 1927, бивень		по: Хлопачев, 2016. С. 90–91; 5,2 × 1,9 × 1,8	по: Замятнин, 1935; № II; Тарасов, 1979; № II; Хлопачев, 2016; МАЭ № 7568-1
13	Гагарино, 1967, бивень		по: Тарасов, 1979. Рис. 70; 5,7 × 2,9 × 2,5	по: Тарасов, 1979; № V
14	Гагарино, 1927, бивень		Копия статуэтки (СПбГУ); 5,3 × 3,3 × 2,1	по: Замятнин, 1935; № I; Тарасов, 1979; № I; Хлопачев, 2016; МАЭ № 3555-1
15	Виллендорф II, (Австрия), известняк		Копия статуэтки (СПбГУ); 11,1 × 5,0 × 4,1	по: Абрамова, 1966
16	Современный рисунок взрослой женщины		по: Чиварди, 2020. С. 27; 7,2 × 1,7 × 1,1	по: Чиварди, 2020
17	Современная фотография молодой женщины		по: Чиварди, 2020. С. 20; 11,3 × 2,7 × 1,4	по: Чиварди, 2020

Примечания: * – размеры высоты, ширины и толщины статуэток даются по наиболее удаленным точкам фигуры; ** – статуэтка утрачена, ее размеры даны по приблизительным данным З. А. Абрамовой (Абрамова, 1966) и промерам рисунка (Рогачев, 1957).

представление об увеличении торса статуэток, укорочении ног, но с заметными исключениями. Размер головы, судя по всему, является внутригрупповым признаком.

Соотношение общих пропорций говорит о существовании изображений, подобных современным. Сходство по всем параметрам таблицы № 2 со схемой и современными изображениями женщин есть у авдеевской статуэтки № 7. Подобие в общих пропорциях объединяет костёнковскую группу № 1–3, 5. Общие пропорции астеников близки к другим фигурам величиной торса, но отличны длинными ногами и маленькой головой.

Пропорции остальных значимых частей тела статуэток мы определили по соотношению их друг с другом (табл. 3; 4). Форма торса статуэток (ширина и длина), при всей его удлинненности, очень близка современным пропорциям (Костенки I и Авдееево, № 1–4, № 6–8) (табл. 3). Тучные фигурки Гагарино и Виллендорфа (№ 12, 14, 15) почти квадратные, астеничные (Авдееево и Гагарино, № 9, 10) – сужены. Толщина торса относительно его ширины превы-

шает естественную в 0,1–0,2 раза и характеризует почти всю группу одинаковым образом. Массивность торса (толщина и длина торса) костёнковских и авдеевских статуэток почти одинакова и очень близка современным нормам. Гагаринские и виллендорфские статуэтки в полтора-два раза массивнее всех прочих. Обратим внимание на общую среднюю величину массивности торса (0,6) мергелевой (Костенки I, № 2) и шагающей статуэтки (Гагарино, № 11). В пределах современных норм находится массивность грудинной области костёнковских статуэток (толщина грудинной области и ширина плеч). К этой же «современной» группе относится авдеевская статуэтка № 7. Все другие авдеевские фигурки массивнее в верхней части груди и составляют одну группу с астениками, гагаринскими и виллендорфскими статуэтками. Сюда же как «сестры-близнецы» относятся длинноногие фигурки № 2 и № 11. Что касается «атлетических» статуэток, то ширина плеч к ширине таза варьирует у них от 1,1 – на фотографии и 1 – статуэтка № 3 (табл. 1), до узкоплечих астеников и га-

Таблица 2. Соотношения основных частей тела статуэтки с длинной статуэтки (в процентах)

Table 2. The ratio between the length of the main body parts of a statuette and the length of the statuette (percent)

Стоянка и сравнит. изображения	№ статуэтки	Голова %	Корпус %	Торс %	Ноги %
Костёнки I	1	20	64,4	44,4	35,5
	2*	20,8	61,6	46,4	40
	3	19	66	46	33
	4	-	-	-	-
	5**	18	71,6	46	28,4
	6	-	-	-	-
Авдеево	7	12	57	40	42
	8	14	63	45	37
	9 аст.***	8,9	58	46	42
Гагарино	10 аст.	8,5	52,5	43	47,4
	11	17,6	60	44,8	40
	12 туч.****	21	67	38	31
	13	-	-	-	-
	14 туч.	-	-	-	-
Виллендорф	15	23,4	70	45	30,6
Рисунок	16	14	55	35	44
Фотография	17	13	54	33	46
Используемая схема пропорций тела*****	18	13,3	55,3	36,6	44

Примечания: * – голени реконструированы на основе угла смыкания бедер в размере 1 : 1 (с бедром); ** – голова реконструирована на основе повторяемого соотношения с торсом; *** аст. – астеническая конституция (?); **** туч. – тучная форма тела; ***** – пропорции женского тела (А. Thomson (1896), по: Чиварди, 2020), взятые за исходную основу.

Таблица 3. Значение основных объемов торса статуэток

Table 3. The meaning of the main volumes of the torso of the figurines

Стоянка и сравнит. изображения	Костёнки I						Авдеево			Гагарино				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
№ статуэтки	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Ширина таза / длина торса	0,7	0,7	0,6	0,6	0,5	0,7	0,6	0,7	0,4	0,5	0,8	1	0,8	1
Толщина живота / ширина живота	0,7	0,8	0,8	0,8	0,7	0,7	0,8	0,8	0,5	0,7	0,7	0,8	0,9	0,6
Стоянка и сравнит. изображения	Виллендорф II		Современный рисунок женщины			Фотография современной молодой женщины								
№ статуэтки	15		16			17								
Ширина таза / длина торса	1		0,7			0,7								
Толщина живота / ширина живота	0,8		0,6			0,6								

гаринских и виллендорфских тучных фигурок. Но это только тенденция с некоторыми исключениями. Соотношение, на первый взгляд, обширного таза к торсу близко современному в Костенках, увеличивается у авдеевской группы и тучных ста-

туэток Гагарино. И опять, даже здесь близки пропорции № 2 и 11. Молочные железы статуэток в 2–2,5 раза превышают естественную схему, но не составляют отдельные группы или исключения. Таким образом, статистика, характеризующая жен-

Таблица 4. Пропорции значимых частей тела статуэток
Table 4. Proportions of the significant body parts of the statuettes

Стоянка и сравнит. изображения	№ статуэтки	Толщина торса / длина торса	Толщина грудинной области / ширина плеч	Ширина плеч / ширина таза	Длина таза / длина торса	Длина молочной железы / длина торса
Костёнки I	1	0,5	0,4	0,7	0,5	0,4
	2	0,6	0,6	0,8	0,5	0,4
	3	0,5	0,4	1,0	0,5	0,4
	4	0,4	0,4	0,8	0,5	0,4
	5	0,4	0,5	0,8	0,5	0,4
	6	0,5	0,5	0,65	0,5	0,4
Авдеево	7	0,5	0,5	0,7	0,6	0,4
	8	0,5	0,6	0,6	0,6	0,4
	9 (аст.)	0,2	0,6	0,5	0,4	0,4
Гагарино	10 (аст.)	0,4	0,6	0,6	0,3	0,5
	11	0,6	0,7	0,7	0,45	0,4
	12 (туч.)	0,8	0,7	0,6	0,6	0,4
	13	0,7	0,7	0,65	0,5	0,4
	14 (туч.)	0,7	0,7	0,5	0,55	0,5
Виллендорф	15	0,8	0,7	0,8	0,6	0,5
Современный рисунок женщины	16	0,4	0,56	0,9	0,4	0,3
Фотография	17	0,4	0,4	1,1	0,4	0,2

ские статуэтки, двойка. С одной стороны, фигурки имеют удлинённый торс и большой таз, с другой — их массивность и основные пропорции иногда соответствуют современным стандартам (№ 7).

Обратимся к **стилистике** изображений. О ней много и верно говорилось в археологической литературе, поэтому остановимся только на нескольких моментах. Присутствует **изогнутость позвоночника**, т. н. лордоз и кифоз, которые приводят в восторг современных скульпторов. Изгиб позвоночника изображен на всех статуэтках, но изображен по-разному. У всех костёнковских и авдеевских фигурок (№ 1–9) одинаково четко выражен изгиб поясницы при прямой спине и прямом, несколько вогнутом тазе. В этой изогнутости торса проявляется не только лордоз позвоночника, но и строение всей спины. Спина плоская, сильная, как бы откинута назад. Легкий «вдовый горб» не изображает сутулость или излишнюю полноту, так как голова наклонена вперед и вниз, шейные позвонки слегка выпячиваются, образуя небольшой кифоз. У гагаринских и виллендорфской статуэток поясничный изгиб также хорошо выражен, но спина не прямая, а скругленная, полная, с выраженным кифозом

шейного и грудного отдела, который кажется заметно сутулым.

Тазовый отдел торса статуэток в костёнковской и авдеевской группах изображен сходно — широкая и высокая подвздошная часть и суженная плоская нижняя. Центральная часть таза кажется вогнутой из-за жировых валиков на латеральных частях. Вместе с тем эта жировая ткань ограничена объемом бедер и не нависает над ними, как это происходит в случае с гагаринскими и виллендорфскими статуэтками. Форма таза последних тоже иная, он выпуклый, похож на мятый шар с двумя одинаково округлыми ягодицами.

Рассмотрим **молочные железы**, которым так необходим длинный торс (рис. 3). При сходстве в размерах они несколько разнятся формой и имеют разное прилегание к животу. Молочные железы у костёнковских, авдеевских и одной из гагаринских статуэток значительно провисают, расширяясь книзу и как бы сползая по животу (рис. 3, 1, 2, 4). У тучных статуэток Гагарино молочные железы не опускаются по животу, а лежат на его верхней части (рис. 3, 5). Совершенно особым образом изображена грудь у двух статуэток № 2 из Костенок

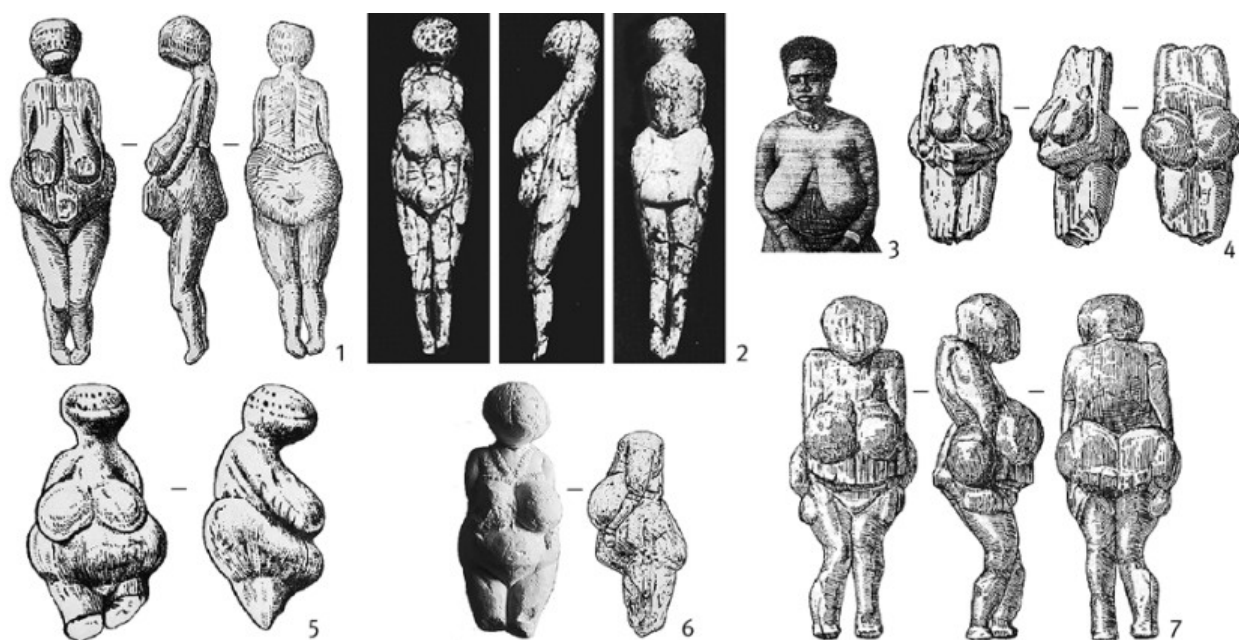

РИС. 3. Статуэтки (1, 2, 4-7) и сравнительное изображение (3): 1 – Костёнки I, № 1; 2 – Авдеево Новое, № 7; 3 – молодая женщина из Южной Африки; 4 – Гагарино, № 13; 5 – Гагарино, № 14; 6 – Костёнки I, № 2; 7 – Гагарино, № 11

FIG. 3. Figurines (1, 2, 4-7) and comparative image (3): 1 – Kostenki I, No. 1; 2 – Avdeevo Novoe, No. 7; 3 – a young woman from South Africa; 4 – Gagarino, No. 13; 5 – Gagarino, No. 14; 6 – Kostenki I, No. 2; 7 – Gagarino, No. 11

(мергель) и № 11 из Гагарино. Она показана в виде больших правильных шарообразных образований, лежащих на животе, то есть форма отличается, но положение «гагаринское» на торсе. В этих двух статуэтках мы видим целый ряд общих пропорций тела, общих форм, созданных, однако, по принципам, свойственным каждой из стоянок. Скорее всего, можно говорить об общности функционального начала в этих фигурках.

Обращаясь к палеолитическим статуэткам, известный художник и пластический анатом Готтфрид Баммес утверждал, что первичные и вторичные половые признаки приобретают для изображения фигуры главное значение. «Они являются символами биологической функции женщины. Увеличение и огрубление массы, а тем самым и пропорций в пользу половых признаков были подняты (в палеолите. – В. Б.) до уровня символов биологических характеристик женщины...». По мнению исследователя, «ноги и руки – в соизмерении с полнотой тела, шириной таза, грудью <...> и ягодицами – являются лишь рудиментарными придатками». Художник не должен лишать себя свободы, подходить со своими мерилami к предметной форме и превращать ее в другую, то есть превращать свое впечатление в выражение, доступное

зрителю. Стремление художника повисить выразительность меняет габитус модели, не останавливаясь перед изменением закономерностей пропорций (Баммес, 2011. С. 45, 68). В первой половине XX в. антропологи Западной Европы стали осознавать роль гормонов в процессах формирования женской фигуры. В 1960–70-е гг. отечественные антропологи вслед за зарубежными коллегами провели исследования изменчивости соматических и гормональных признаков у молодых женщин (Желнина, 1969; Хрисанфова, 1971). Статистика изменений гормональной активности и роста соединительных тканей в пубертатном периоде показала очевидную сильную связь между этими процессами у женщин. В схеме Баммеса (рис. 4) указаны все жировые утолщения, свойственные как нормальной современной женской фигуре, так и палеолитическим статуэткам. Медицинская антропология видит в жировой клетке своеобразное буферное «депо», которое постоянно, вне зависимости от сиюминутной ситуации поддерживает энергетический баланс органов. К тому же жир является терморегулятором организма, защищает плод от охлаждения (Петухов и др., 2015. С. 127, 362). Оба последних качества кажутся особенно необходимыми в нестабильных условиях ледникового периода.

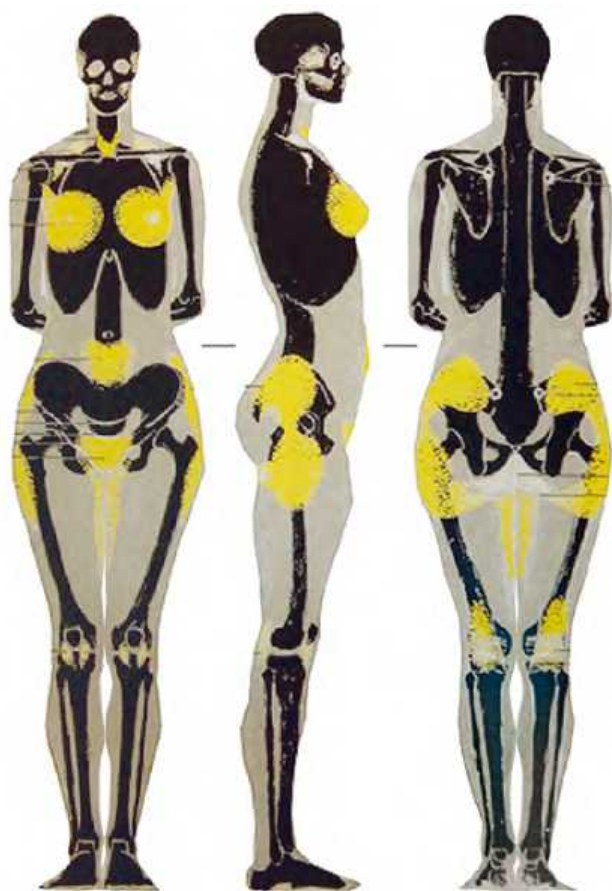

РИС. 4. Места естественного отложение жировой ткани на женском теле (по: Баммес, 2011)

FIG. 4. Places of natural liporexia in a female body (after Баммес, 2011)

Определение конституционального типа женских изображений кажется задачей почти невыполнимой. Но если это генетически обусловленное первичное психосоматическое свойство человека, то оно должно проявляться во многих характеристиках, включая морфологию тела (Морфологические..., 2012. С. 5–34). Выдающийся немецкий психолог и психиатр Э. Кречмер полагал уже в 1924 г., что все живое и конкретное имеет связь первичных конституционных типов со средой. По его словам, «циркуль не видит ничего», но после тщательных наблюдений он «дает формулировку и корректировку данных, которые мы могли не заметить» (Кречмер, 2015. С. 27, 40–58). Используя фотоаппарат, ученый требовал точности в профильной съемке, погрешности в которой приводили к грубым ошибкам. Выделяя конституционные типы, Кречмер давал их соматику и психологическую характеристику. Таким образом, выбирая конституционный

тип, мы выбираем и его психику. Ближе всего нашим статуэткам **пикнический тип** конституции. Он характеризуется сильным развитием внутренних полостей тела (голова, грудь, живот), склонностью торса к ожирению при «нежной» структуре двигательного аппарата. «Члены мягкие, круглые, изящные, ключицы стройные, нежные. <...> Умеренная ширина плеч и большой объем груди. <...> Череп большой, круглый, и высокий. <...> Размер головы – 57,7 см. <...> Туловище акцентировано на грудную клетку и на <...> живот» (Там же. С. 59).

У «пикников» есть склонность к умеренному ожирению, но кожа мягкая, не висит, а хорошо облегает тело. Характерную форму «пикники» приобретают к 30–40 годам. Женское лицо мягкое, округлое, милое и нежное. Темперамент добросердечный. В предложенных Э. Кречмером характеристиках при оценке женских фигурок не вызывают сомнения не только изящество и милая округлость лица, но и «добросердечие» большинства статуэток. Редко приходится оценить темперамент в палеолитическом образе, тем интереснее это предположение. Две удлинённые статуэтки (№ 9, 10) мы позволили себе очень предварительно назвать астениками – узкие, длинные с маленькой головой. Определить конституцию авдеевских массивных статуэток и гагаринских тучных пока сложно.

Возраст костёнковских и авдеевских статуэток можно определить от обратного. На них нет старческих признаков: не отвисает низ живота; нет сутулости; плечи не отведены вперед, не приподняты, груди и живот у статуэток № 1, 2, 11 имеют активную позу. Статуэтки в большинстве своем изображают женщин зрелого возраста (30–40 лет) с хорошо сформированной фигурой женщины-матери.

Поза статуэток всегда вызывает недоумение. Небольшая согнутость колен не соответствует ни стоячей, ни сидячей, ни даже лежачей позе. Положенная на спину статуэтка будет опираться на торс, ноги окажутся слегка приподняты и чуть согнуты в коленях. Вероятно, эти приподнятые ноги привели М. В. Аниковича к мысли о позе совокупления (Аникович, 2019. С. 91–92). Короткие голени не удержат вес статуэтки, если ее поставить или чуть углубить в землю. Опущенные вниз и сомкнутые носки стоп вместе с чуть согнутыми коленями могут являться признаками висящей фигурки. Однако такая поза кажется не менее странной, чем поза, указанная М. В. Аниковичем. Идея Е. Л. Воронцовой об изменении пропорций

статуэток при близком взгляде ваятеля на натуру, безусловно, имеет смысл (Воронцова, 2017; 2019). Следует, однако, учитывать и профессиональное знание женской фигуры скульптором и его умение делать акценты на важных для выразительности объемах.

Положение в пространстве связано с особенностью позы. Г. П. Григорьев всегда оценивал статуэтки как статичные формы. Их динамичные части тела, ноги и руки, подвергнуты намеренной деградации. Лицо спрятано сильным наклоном головы. Оценивая размер статуэток, изгиб торса, небольшую согнутость колен, наклон головы, мы пришли к выводу, что внутренняя часть ладони в ее естественной свободной позе является чрезвычайно удобным ложем для статуэтки (рис. 5) – первая фаланга пальцев поддерживает голову,

РИС. 5. Положение статуэток № 14, 4, 11 в ладони

FIG. 5. Positions of the statuettes Nos. 14, 4, 11 in a palm

подушечки дистальных суставов пясти принимают вогнутость поясницы (лордоз), пясть поддерживает таз между латеральными выпуклостями ладони. Слегка согнутые маленькие голени фигурки «обхватывают» проксимальную выпуклость ладони, не соскальзывая вниз, создается устойчивая позиция. Естественный наклон ладони позволяет статуэтке «открыть» лицо, ее взгляд направлен на держащего ее человека, на того, вероятно, кому она предназначена.

Назначение, функция статуэтки, с поиска которых начинали первые исследователи, до сих пор является сложной, если не сказать невозможной частью их изучения. Можно исходить только из самых общих соображений. Разные по стилистике группы объединяют изображения взрослых, зрелых женщин с акцентированным торсом и его основными объемами – грудь, живот, таз. Увеличение здесь жировой соединительной ткани указывает на активную биологическую женскую суть фигурок. Позы рожениц редки среди всех извест-

ных статуэток. В нашей группе мы сравнили изгиб поясницы современных беременных женщин с лордозом костяковских статуэток (рис. 6). Между ними мало сходства. Костяковские статуэтки не имеют крутого лордоза, он пологий и удлиненный. Однако непредсказуемость родов у юных женщин требовала поддержки у старших и опытных. С другой стороны, частые роды, без необходимых для восстановления 2–3 годовых перерывов, приводили к ослаблению родовой активности и частой гибели роженицы и ребенка. Статуэтки могли быть амулетами, оберегами в процессе родов. Они вырезались по общему стилистическому канону, но с изображением особенностей каждой из скульптур. Нельзя исключить, что этими особенностями обладали ближайшие родственники.

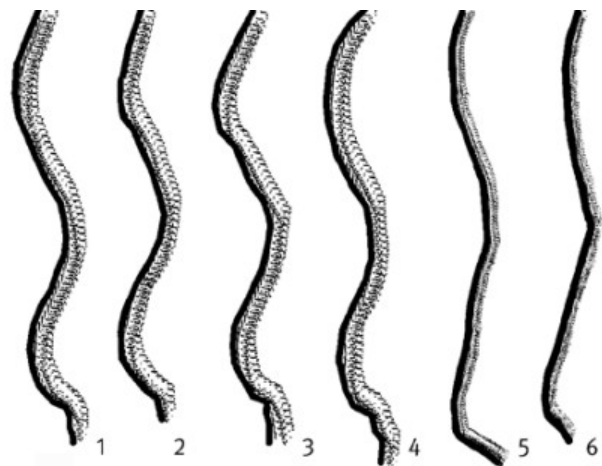

РИС. 6. Изгиб позвоночника (лордоз):

1–4 – у современных беременных женщин (по: KinesioPro); 5, 6 – статуэтки № 1, 4 из Костёнок I (по: Ефименко, 1958)

FIG. 6. Spine curvature (lordosis): 1–4 – modern pregnant women (after KinesioPro); 5, 6 – statuettes Nos. 1, 4 from Kostenki I (after Ефименко, 1958)

Литература

- Абрамова, 1966 — Абрамова З. А. Изображение человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л.: Наука, 1966. 223 с.
- Аникович, 2019 — Аникович М. В. Днепро-Донская историко-культурная область: виллендорфско-павловско-костенковское единство в Восточной Европе // Человек и мамонт в палеолите Европы. Ч. II: Днепро-Донская историко-культурная область. Памяти Михаила Васильевича Аниковича / Отв. ред.: С. Н. Лисицын, Н. И. Платонова. СПб.: Ars longa, 2019 (Тр. Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН; Вып. 8/II). С. 11–150.
- Баммес, 2011 — Баммес Г. Образ человека: Учебник и практическое руководство по пластической анатомии для художников. СПб.: Дитон, 2011. 507 с.
- Воронцова, 2017 — Воронцова Е. Л. Верхнепалеолитические Венеры: взгляд антрополога // Вестник МГУ. Сер. XXIII. Антропология. 2017. № 2. С. 122–132.
- Воронцова, 2019 — Воронцова Е. Л. К вопросу о пропорциях тела верхнепалеолитических Венер (по материалам стоянки Авдеево Курской области) // Вестник МГУ. Сер. XXIII. Антропология. 2019. № 1. С. 93–103.
- Гвоздовер, 1985 — Гвоздовер М. Д. Типология женских статуэток костенковской археологической культуры // ВА. 1985. Вып. 75. С. 27–66.
- Григорьев, 2000 — Григорьев Г. П. Женские статуэтки эпохи палеолита как художественное явление // СУΣΣΙΤΙΑ. Сб. статей памяти Ю. В. Андреева / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Алетейя, 2000. С. 33–44.
- Ефименко, 1958 — Ефименко П. П. Костенки I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 482 с.
- Желнина, 1969 — Желнина Л. В. Опыт изучения связи между эстрогенной активностью организма и некоторыми соматическими признаками // ВА. 1969. Вып. 31. С. 3–13.
- Замятнин, 1935 — Замятнин С. Н. Раскопки у с. Гагарина. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. 235 с.
- Кречмер, 2015 — Кречмер Э. Строение тела и характер. М.: Академический проект, 2015. 150 с.
- Морфологические..., 2012 — Морфологические и психофизиологические основы идентификации человека. Учебное пособие. Волгоград: Волгоградская академия МВД России 2012. 120 с.
- Петухов и др., 2015 — Петухов А. Б., Никитин Д. Б., Сергеев В. Н. Медицинская антропология. М.: Мед-практика-М, 2015. 354 с.
- Рогачев, 1957 — Рогачев А. Н. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957 (МИА; № 59). 134 с.
- Розинский, Левин, 1978 — Розинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М.: Высшая школа, 1978. 528 с.
- Тарасов, 1979 — Тарасов Л. М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.: Наука, 1979. 168 с.
- Хлопачев, 2016 — Хлопачев Г. А. Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. СПб.: Экстрапринт, 2016. 384 с.
- Хрисанфова, 1971 — Хрисанфова Е. Н. Некоторые аспекты гормональных исследований в антропологии // ВА. 1971. Вып. 37. С. 63–76.
- Хрисанфова, Перевозчиков, 2002 — Хрисанфова Е. Н., Перевозчиков И. В. Антропология: Учебник. М.: Высшая школа, 2002. 400 с.
- Чиварди, 2020 — Чиварди Д. Анатомия для художников. М.: Бомбора, 2020. 256 с.
- Gvozdover, 1995 — Gvozdover M. Art of the mammoth hunters: The Finds from Avdeev. Oxford: Oxbow book, 1995. 186 p.
- Jelinek, 1990 — Jelinek J. Art in the mirror of ages: The Beginnings of artistic activities. Brno: Moravian Museum, 1990. 64 p.
- KinesioPro — российский образовательный проект в сфере реабилитации. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://kinesiopro.ru/blog/fiziologicheskie-izmenenija-vo-vremja-beremennosti/> (дата обращения: 15.01.2021).
- Praslov, 1985 — Praslov N. D. L'art du Paléolithique supérieur à l'Est de l'Europe // L'Anthropologie. 1985. Vol. 89. P. 181–192.
- Thomson, 1896 — Thomson A. A Handbook of Anatomy for Art Students. Oxford: Clarendon Press, 1896. 415 p.

Female statuettes of the Kostenki circle

V. I. Belyayeva

The paper considers 14 statuettes from the sites of Kostenki I, Avdeyevo and Gagarino. For comparison, the famous Willendorf statuette and representations of two modern female figures (drawing and photograph by Giovanni Civardi (2020)) are employed. In eight cases, we used copies of the statuettes (St Petersburg State University) for interpretation of the measurements. In other cases, publications of statuettes were employed (P. P. Efimenko, S. N. Zamyatnin, M. D. Gvozdover,

Z. A. Abramova, L. M. Tarasov, G. A. Khlopachev). As a scale for all the comparisons we used percents or portions of the size. The main data were compared with body proportions according to A. Thomson (1896). The ratios between the main parts of the body were not so absolute as it seemed before. The decrease of the size of legs was observed at shins but in five cases from eleven they corresponded to the standard. The head was too large at the Kostenki and Gagarino statuettes but too

small at the so-called 'asthenics' (Avdeyevo and Gagarino). The head was of entirely normal proportions at the large Avdeyevo figurines. The body and torso was considerably enlarged at all the Kostenki statuettes but the Gagarino and Avdeyevo representations are more diverse. The large size of the torso is explainable through the placing there of intentionally enlarged body parts, i. e. pelvis, breasts and belly. It is here supposed that not two (Гвоздовец, 1985) but all these three relief parts of the body were subjected to 'accentuation'. The body mass of the Kostenki statuettes (length/thickness of the torso, thickness of the bosom, expansion of the shoulders, etc.) corresponds to the modern parameters and is extremely increased at Gagarino. Avdeyevo examples are more diverse. The mammary glands, equally elongated, are represented in two or three positions. The area of the pelvis and back of almost of equal proportions, is represented stylistically differently in Kostenki and Gagarino. Avdeyevo remains more diversified. For all the diversity of the style of the images, extremely

close forms are represented. E.g., Kostenki marl statuette No. 2 is similar to the 'Striding' Gagarino statuette (No. 11). Also Avdeyevo statuette No. 7 is similar to Kostenki images Nos. 1, 4, 5, and 6. As suggested by the known examples, the statuettes represent women of different body constitutions found at each site.

The pose of the statuettes is an extremely important element of their functional purpose. The line of the centre of gravity does not agree with a vertical position of the figure. The indistinct posture of the legs conforms rather to a lying position, perhaps, in an open palm with its depressions corresponding to the bend of the back and legs of the figurine. In this posture, long shins may have been inconvenient while the face looking downward proved to be open to those holding the figurine. Women's figurines were manufactured by professional artisans skilled in removing all the superfluous and highlighting the most essential. In our case it is an attempt to express the essence of the female principle in its figurativeness and variability.

Экофакты, манупорты, артефакты: в чем между ними различия и что к ним можно относить?¹

К. Н. Степанова²

АННОТАЦИЯ. *Статья обращена к уточнению таких терминов, как «экофакт», «манупорт», «артефакт», «орудие», применительно в первую очередь к материалам эпохи палеолита. Рассмотрен вопрос, к какой из этих категорий справедливо относить специфическую категорию находок — гальки, валуны и плитки со следами их использования, приводится пример атрибуции находок со стоянки среднего палеолита Кетросы (комплекс 1, слой 3).*

ANNOTATION. *This paper is an attempt at defining more precisely such archaeological terms as 'ecofact', 'manuport', 'artefact' and 'tool' with regard primarily to materials of the Palaeolithic epoch. The question is discussed as to which of these categories, a particular group of finds should be assigned, i. e. pebbles, boulders, and plates with traces of their treatment; the example of the attribution of finds from the middle Palaeolithic site of Ketrosa (Chetroasa; complex 1, stratum 3) is adduced.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *палеолит, экофакт, манупорт, артефакт, каменное орудие, следы использования.*

KEYWORDS: *Palaeolithic, ecofact, manuport, artefact, lithic, use-wear traces.*

Область применения и различия между дефинициями «экофакт», «манупорт», «артефакт» и «орудие» — этот вопрос, на первый взгляд, решается легко, если заглянуть в соответствующие статьи археологических словарей и учебников. Однако на практике можно видеть примеры употребления некоторых терминов не совсем в том контексте, который подразумевается в их первоначальном значении. Занимаясь таким видом археологических источников, как каменные ударно-абразивные орудия, нередко приходится сталкиваться с вопросами коллег о том, справедливо ли в отношении этой группы находок употребление терминов «артефакт» и «орудие» и не будет ли более правильным называть их манупортами или даже экофактами.

Ударно-абразивные орудия (отбойники, ретушеры и наковальни, абразивы, терочные камни и т. п.) занимали в древнем хозяйстве определенную нишу и потому составляют важную часть

источников для наших знаний о развитии первобытной техники. К какой бы сфере древнего хозяйства мы ни обратились, ее будут характеризовать не только яркие изделия, но и инструменты, которые использует мастер. Верное понимание роли инструментов производства и правильное их определение в качестве орудий, а не манупортов и экофактов, вовлечение их в анализ индустрий должны способствовать формированию наиболее полной картины технических приемов, которые применялись в разные эпохи и на разных территориях для обработки камня, кости, шкур и кож, красителей, запасов пищи.

В представленной заметке обращено внимание на то, по каким признакам можно разграничить манупорты и экофакты, с одной стороны, манупорты и орудия в виде галек и плиток со следами использования (и можно ли называть последние артефактами), с другой; также рассмотрен вопрос, в каком контексте эти находки могут выступать в археологических исследованиях, главным образом в археологии палеолита.

Экофакт — термин, не часто встречающийся в отечественной литературе. Четырехязычный словарь-справочник по археологии палеолита дает следующее определение с пометкой о редком употреблении: «Общее название для всех не преобразованных человеком <...> объектов из культурного слоя, позволяющих характеризовать древнюю природную среду (кости животных, образцы спор и пыльцы, раковины моллюсков, остатки органики и т. д.)»

¹ Статья написана в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел палеолита. Адрес электронной почты: ksstepan@gmail.com; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5. Институт истории СПбГУ. Кафедра археологии. Адрес электронной почты: k.n.stepanova@spbu.ru.

(Васильев и др., 2007. С. 31). В западноевропейской археологии под экофактами обычно имеются в виду органические и неорганические вещества и объекты, включенные в культурный слой, но происходящие из природной среды; они не были изготовлены или модифицированы человеком (Renfrew, Bahn, 2016. P. 49). Эта категория находок используется при геоархеологических изысканиях, в частности, при реконструкции условий окружающей среды и при изучении диеты древних людей (Walshe, 2020). Чаще всего к экофактам относятся органические вещества – остатки растений и животных, которые были использованы как пищевые ресурсы, но также к экофактам причисляются любые составные элементы окружающей среды, оказавшиеся в культурном слое по независящим от человека причинам. В таком случае к экофактам относят также и гальки, булыжники и другие камни из природного окружения, о которых у нас нет свидетельств, что они были каким-то образом использованы или хотя бы перемещены человеком (см., например, Torre, Mora, 2005). Здесь мы подходим к границе между экофактами и манупортами. Как только появляются признаки «неестественного» распределения камней на площади стоянки, у нас появляются основания говорить именно о манупортах.

Манупорт – предмет, не имеющий признаков его обработки или использования, но достоверно принесенный человеком на поселение (Васильев и др., 2007. С. 17). Термин использован Мэри Лики в описании древнейших стоянок в Олдувайском ущелье (пачки I и II). К манупортам в трактовке М. Лики относились куски изверженных пород, окатанные желваки и булыжники кварца, кварцита и др., не имеющие следов модификации, но, вероятно, принесенные на стоянки с участием гоминид (Leakey, 1971. P. 8). Все отдельные породы со следами использования (наковальни, отбойники, булыжники с забитыми краями) относились М. Лики к группе «utilized materials» – наряду с орудиями («tools») и дебитажем («débitage») эти «использованные предметы» входят в состав индустрий и рассматриваются при их анализе. Отличие «орудий» от «использованных предметов» состояло для М. Лики в том, что первые – результат придания им формы сколами или так называемые формальные орудия (они делятся на морфологические группы: чопперы, бифасы, полиэдры и др.), тогда как вторые представляют собой камни с забитыми участками.

Манупорты обычно интерпретируются как запасы каменного сырья для изготовления изделий. С таким пониманием связан дискурс о сложном поведении ранних гоминид, которые заранее планировали действия для стабильного обеспечения своих потребностей в сырье. Именно намерение использовать камни (или иные предметы) из природного окружения, раскрываемое по контексту их необычного расположения или обнаружения вдалеке от месторождения, переводит их из качества экофактов в качество манупортов.

В некоторых случаях на стоянках нижнего палеолита и даже совместно с костями гоминид без археологического контекста обнаруживаются камни и окаменелости, в которых можно видеть первые свидетельства символического поведения. Например, галька из отложений возрастом 3–2,5 млн л. н. из пещеры Макапансгат (Южная Африка) «показывает», что феномен парейдолии (способность видеть лица в случайном сочетании линий, точек, теней) был присущ не только ранним Номо, но и австралопитекам. К подобным «символическим» манупортам относятся камни, в которых угадываются антропоморфные и зооморфные образы, но также это могут быть и эстетически привлекательные минералы, например кристаллы кварца (обзор см.: Bednarik, 2003). В таком случае манупорты используются в качестве доказательства гораздо более раннего возникновения «палеоискусства», чем в начале верхнего палеолита в Европе (Там же).

В отношении подобных находок критика источника должна быть особенно строгой, иначе может возникнуть эффект ложных открытий, как в случае с пресловутой «каменписью» и «галечной скульптурой», ведь парейдолия присуща и нам, современным людям, и мы можем попасть под власть своих когнитивных искажений. Критерии такого строгого отношения были сформулированы довольно давно: цитируя А. А. Миллера, А. Д. Столяр указывал на то, что в интересах обеспечения объективности анализа необходимо исключить «из нашего рассмотрения всю массу фактов недостоверных» (Столяр, 1985. С. 76). Для установления связи «фигурного камня» с человеческой деятельностью он должен отвечать хотя бы одному критерию: а) нести хотя бы минимальные, но бесспорные признаки обработки и подправки человеком; б) входить в определенную группу, говорящую о специальном подборе, который не могла выполнить природа; в) находиться в культурном слое

хорошей сохранности, свидетельствуя о вероятности его преднамеренного приноса (Там же). То есть свидетельства древнейшего символического поведения должны отвечать определению, если не артефакта, то, по крайней мере, манупорта. Постараемся очертить границу, которая их разделяет.

В Четырехязычном словаре-справочнике по археологии палеолита можно найти замечание, что «иногда манупорты причисляют к артефактам, что вряд ли правильно» (Васильев и др., 2007. С. 17). Что же «правильно» относить к артефактам?

Термин **«артефакт»** в археологии может трактоваться по-разному: в узком смысле – как исключительно изделия человека; широкое определение подразумевает, что к артефактам относятся не только изделия, но любые «предметы, демонстрирующие физические признаки <...> деятельности человека» (Фаган, ДеКорс, 2007. С. 158), «всякий след приложения сил человека» (Классификация..., 2013. С. 11), любое «специальное приспособление, которое было использовано и зачастую произведено намеренно и по определенной схеме» (Hester, Grady, 1982. P. 23). Из такой трактовки артефактов следует и довольно широкое понимание того, что можно называть «орудиями».

В археологии палеолита под **«орудием»** часто понимается формальное орудие, т. е. «изделие утилитарного назначения со вторичной обработкой» (Васильев и др., 2007. С. 160), и, следовательно, гальки и плитки со следами использования орудиями в строгом смысле не являются (хотя в некоторых случаях на них отмечаются следы подправки формы и свойств рабочей поверхности). Особенно часто вызывают сомнения орудия пассивного назначения, такие как наковальни, абразивные плитки и подставки для растирания, не говоря о камнях обкладки очагов и других элементах конструкций. То есть масса инструментов, которые были средствами производства, не попадают под критерии «орудий», что явно неправильно. Следовательно, вышеупомянутое определение стоит оставить именно за формальными орудиями, а под орудием в широком смысле понимать **любой предмет утилитарного назначения**, включенный в хозяйственно-производственные операции, вне зависимости от того, является ли он изделием или же это галька подходящих размеров и формы. Главным критерием орудия в таком случае будет его вовлеченность в производственную сферу, его практическая функция. Следовательно, к каменным орудиям будут относиться: 1) фрагменты

камня, которым перед использованием была придана форма (орудия-изделия); 2) фрагменты камня, отобранные для использования, в результате которого они имеют следы ударов или истертости (орудия-приспособления).

Пример атрибуции находок камней в качестве экофактов, манупортов и ударно-абразивных орудий на площади одной стоянки можно найти в описании находок на *памятнике среднего палеолита Кетросы* (Ларионова, Степанова, 2018). Площадь поселения раскопана практически полностью, сохранность культурного слоя оценивается как хорошая. Среди находок расщепленного камня и фаунистических остатков были также найдены 45 галек и валунов без следов использования и 19 каменных отбойников. Последние мы относим к орудиям для расщепления камня на основании их диагностичных следов изнашивания. Источники камней находились поблизости – это галечники IV надпойменной террасы Днестра (стоянка располагалась на II террасе), то есть можно предположить, что на территорию поселения они попали естественным путем и, следовательно, являются экофактами. Однако анализ расположения разных категорий находок показал, что как гальки и валуны без следов использования, так и каменные отбойники распределены на площади не случайным образом, а входят в состав скоплений расщепленного кремня, которые, в свою очередь, тяготеют к очажным пятнам и конструкции типа ветрового заслона (Там же. Рис. 1). На этом основании мы можем вполне определенно относить гальки и плитки без следов использования со стоянки Кетросы к манупортам. Отбойники являлись орудиями древнего человека и обладают признаками, которые позволяют называть их артефактами.

Подводя итог, отметим, что граница между «экофактом» и «манупортом» проходит в той сфере, в которой мы прослеживаем намерение человека использовать камень из природного окружения для своих нужд: человек отбирает из массы всевозможных камней те, что подходят для его задач, переносит их на поселение. На площади поселения они могут остаться в качестве манупортов, если их так никогда и не используют в практических или непрактических целях. В случае неутилитарного применения манупорты могут стать предметами мобильного искусства, но для обоснования отношения к этой группе находок потребуются строгие доказательства. При реализации практической, производственной функции

манупорты перейдут в категорию орудий и, следовательно, артефактов, что можно опознать по форме, следам использования (если природная

форма не будет изменена) или элементам конструкций (обкладки, вымостки и т. п.), определяемых по взаимному расположению находок в слое.

Литература

- Васильев и др.*, 2007 — *Васильев С. А., Бозински Г., Бредли Б. А., Вишняцкий Л. Б., Гирия Е. Ю., Грибченко Ю. Н., Желтова М. Н., Тихонов А. Н.* Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 264 с.
- Классификация..., 2013 — Классификация в археологии / Отв. ред. Е. М. Колпаков. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 251 с.
- Ларионова, Степанова*, 2018 — *Ларионова А. В., Степанова К. Н.* Контекст обнаружения отбойников на среднепалеолитической стоянке Кетросы, комплекс 1, основной слой // Записки ИИМК РАН. 2018. Вып. 17. С. 126–140.
- Столяр*, 1985 — *Столяр А. Д.* Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. 299 с.
- Фаган, ДеКорс*, 2007 — *Фаган Б., ДеКорс К.* Археология. В начале. М.: Техносфера, 2007. 592 с.
- Bednarik*, 2003 — *Bednarik R.* The earliest evidence of palaeoart // *Rock Art Research*. 2003. Vol. 20, no. 2. P. 3–28.
- Hester, Grady*, 1982 — *Hester J. J., Grady J.* Introduction to archaeology. 2nd ed. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1982. 498 p.
- Leakey*, 1971 — *Leakey M. D.* Olduvai Gorge, Vol. 3. Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. 306 p.
- Renfrew, Bahn*, 2016 — *Renfrew C., Bahn P.* Archaeology: Theory, Methods and Practice. London: Thames & Hudson Ltd, 2016. 672 p.
- Torre, Mora*, 2005 — *Torre I. de la, Mora R.* Unmodified lithic material at Olduvai Bed I: manuports or ecofacts? // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2005. Vol. 32. P. 273–285.
- Walshe*, 2020 — *Walshe K.* Archaeology and the Emergence of Fields: Environmental // *Encyclopedia of Global Archaeology* / Ed. C. Smith. New York: Springer, 2020. [Electronic resource.] Access mode: https://doi.org/10.1007/978-3-030-30018-0_1008 (Дата доступа: 01.03.2021).

Ecofacts, manuports, artefacts: what is the difference between them and what they do imply?

K. N. Stepanova

Palaeolithic archaeology (as well as archaeology in general) is a comparatively young sphere of research, and there are some of its areas in which the terminology and methodology still have not fully developed. As we see in practice, there are often different frames of the same terms, and this fact causes confusion and groundless disputes. This article aims to clarify the meaning of some terms that can be applied to such a group of finds as pebbles, boulders and slabs with use-wear traces. Sometimes there is no agreement of whether they can be considered as artefacts, i. e. as tools, or not. To solve this question, the article discusses the meaning and context of the use of several terms, which are some-

times also proposed for these finds: 'ecofact', 'manuport', and 'artefact'. An example of assigning finds to a particular group is also given based on materials from the Middle Palaeolithic site of Ketrosy (Chetroasa, complex 1, layer 3). All these facts show that, since pebbles and slabs with use-wear traces are included in the cultural context and had been involved in manufacturing operations, they can reasonably be called 'tools' or 'artefacts'. The term 'ecofact', in the case of inorganic materials, refers exclusively to natural objects without any signs of manipulation, and 'manuports' must include lithics that were brought by man to the site, but show no other signs of further manipulations with them.

Колесничая запряжка начала поздней бронзы в Волго-Донском регионе: относительная хронология погребального обряда и орнаментации псалиев

Е. А. Черлёнок¹

АННОТАЦИЯ. Основная цель работы — установление относительной хронологии орнаментации псалиев, а также погребального обряда, связанного с размещением в могиле или возле нее элементов колесничей запряжки. Исследование проводилось по шести отделам. Каждый из них показал вариативность как в пространстве, так и во времени. В итоге удалось выделить три хронологические группы, одна из которых имеет переходный характер. Полученные результаты сопоставлены с этапами развития металлопроизводства в Восточной Европе, что дало дополнительные свидетельства в пользу достоверности предложенной модели.

ANNOTATION. The main goal of this study was to establish the relative chronology of decoration of cheekpieces and of the funerary rite related with placing of elements of chariot in the grave or near it. The investigation was carried out over six units. Each of the latter manifested variability both in space and in time. As a result, it proved possible to distinguish three chronological groups of which one was of a transitional character. The results obtained were compared with the stages of the development of metal production in Eastern Europe that additionally evidenced in favour of the validity of the model proposed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: псалии, орнамент, погребения колесничих лошадей, относительная хронология, начало позднего бронзового века, Волго-Донской регион.

KEYWORDS: cheekpieces, ornamental design, burials of chariot horses, relative chronology, beginning of the Late Bronze Age, Volga-Don region.

Начало позднего бронзового века является одной из самых ярких глав в истории Волго-Донского региона. Поселения этого времени изучены относительно слабо, что в какой-то мере компенсируется наличием выразительных погребальных комплексов, включающих в себя вооружение, символические предметы и первые на этой территории псалии. Как показывают последние исследования металлопроизводства позднего бронзового века Восточной Европы, это время не было коротким эпизодом, а охватывало как минимум два различных периода относительной хронологии (Бочкарев, 2020). В этой связи особенно актуальной становится задача разделения на хронологические группы не только металлических изделий, но и других категорий археологического материала.

Работа посвящена изучению динамики использования колесничей запряжки в погребальном обряде, а также анализу орнаментации псалиев. Под колесничей запряжкой мы понимаем совокупность трех ее базовых элементов — колесницы,

псалиев и захоронений колесничих лошадей. Необходимость изучения этих элементов в комплексе продиктована спецификой анализируемого источника. В реальной жизни они были частями одного целого; в погребальном обряде, напротив, колесница, псалии и захоронения колесничих лошадей часто использовались отдельно друг от друга, вероятно, символически обозначая запряжку по принципу *pars pro toto*. В настоящее время комплексный подход является одним из традиционных направлений исследований данных, связанных с колесницей (Кузьмина, 1994; Чечушков, Епимахов, 2010), в том числе и в области изучения обряда (Черленок, 2001).

Для псалиев Волго-Донского региона характерен богатый декор. Ведущее направление его изучения — сопоставления с западными и ближневосточными криволинейными орнаментами (Кузьмина, 1994; Penner, 1998; Беседин, 1999). Из многих работ, посвященных другим аспектам, выделяются исследования, в которых затрагивается технология нанесения орнамента (Усачук, 2013). Необходимо отметить, что в рамках последнего направления опубликованы подробные описания и изображения ряда предметов, которые позволяют

¹ Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5. Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета. Кафедра археологии.
Адрес электронной почты: e.cherlenok@spbu.ru.

уточнить различные детали орнаментации, часто неясные в первоначальных публикациях.

Основными критериями формирования выборки стали наличие четко зафиксированных элементов погребального обряда (захоронения колесничих лошадей и положение псалиев относительно погребенного), а также наличие хорошо сохранившихся орнаментированных псалиев. Погребения, в которых были найдены только орнаментированные шипы, привлекались только в том случае, если их удавалось связать с изделиями основной части выборки. В итоге источниковедческой базой исследования стали данные из 47 комплексов, которые сконцентрированы в трех районах: на Среднем Дону, в Нижнем Поволжье и в Самарском Поволжье (кат. 1–47; рис. 1).

Анализ проводился по шести отделам. К западу от Уральских гор собственно колесница в погребальном обряде не использовалась. Поэтому изучались только захоронения колесничих лошадей (1-й отдел) и псалии. Последние можно рассматривать как исходя из контекста, в котором они были обнаружены (2-й отдел), так и с точки зрения особенностей самого изделия. Хотя в данном исследовании основное внимание будет уделяться анализу декора, необходимо учесть и попавшие в выборку неорнаментированные псалии (3-й отдел). Большинство изделий Волго-Донского региона имеют составную конструкцию, включающую щиток и вставленные в него шипы, торцы которых выводятся на поверхность щитка и часто орнаментируются. При этом шипы, вероятно, могли заменяться; использоваться в погребальном обряде без щитков или с деревянными щитками, которые исчезли в процессе археологизации. Эти причины обусловили необходимость отдельного изучения декора щитков и орнаментированных шипов (4-й отдел). На характер орнамента щитков, видимо, большое влияние оказывала изобразительная поверхность, на которую он был нанесен. Поэтому отдельно рассматриваются орнамент на изделиях с горизонтально выраженной верхней частью щитка (5-й отдел) и декор на псалиях, в которых подчеркивание горизонтали верхней части щитка отсутствует или выражено относительно слабо (6-й отдел).

Вариативность внутри отделов достаточно велика. Они включают 30 разрядов.

1. В основу разделения захоронений колесничих лошадей положена уже проделанная работа (Черленок, 2001). Согласно предложенной классифика-

ции, все погребения распадаются на четыре типа, из которых в Волго-Донском регионе представлено лишь три: черепа и конечности лошадей на перекрытии (разряд 1.1), костяки лошадей на перекрытии (разряд 1.3) и костяки лошадей за пределами могильной ямы (разряд 1.4). Необходимо лишь дополнить, что в последнее время опубликованы новые данные из Саратовского Поволжья, где зафиксировано несколько погребений с парными черепами и конечностями лошадей, уложенными на край могильной ямы. В настоящем исследовании эти комплексы отнесены к особой подгруппе (разряд 1.2). В итоге использовано 15 погребений, основная часть которых сконцентрирована в Самарской области (рис. 2).

2. Анализ положения псалиев имеет свои сложности. В первую очередь они связаны с потребностью ряда погребений, а также с распространением в начале позднего бронзового века обряда создания кенотафов, трупосожжений и обряда вторичного захоронения костей. Из всех случаев такого рода в выборку включены лишь те, где псалии обнаружены *in situ* за пределами могильной ямы, т. е. на краю погребения или на морде лошади (разряд 2.1). Все остальные ситуации связаны с ингумацией. Псалии могли находиться на дне могилы в головах (разряд 2.2), на дне в различных местах, в том числе в головах (разряд 2.3), на дне или перекрытии в ногах (разряд 2.4) и на дне у пояса (разряд 2.5). Несмотря на сравнительно небольшую выборку (всего 19 случаев), две позиции демонстрируют достаточно выразительную территориальную привязку: положение псалиев в головах характерно для Самарской области, а основная концентрация погребений, где псалии уложены в ногах умершего, — Саратовское Поволжье (рис. 3).

3. Базовыми конструктивными частями дисковидных псалиев были щиток, планка и шипы. Их вариативность стала фундаментом для построения крупномасштабных типологий, которые охватывают значительные территории и протяженные хронологические периоды (Кузьмина, 1994; Бочкарев, Кузнецов, 2013). Для данной работы, посвященной локальному в рамках Евразии региону и сравнительно непродолжительному временному отрезку, мы будем использовать упрощенную структуру одной из предложенных древовидных классификаций (Гончарова, 1995). В итоге дисковидные псалии без орнамента подразделяются на изделия с монолитными шипами без выделенной планки (разряд 3.1), псалии с моно-

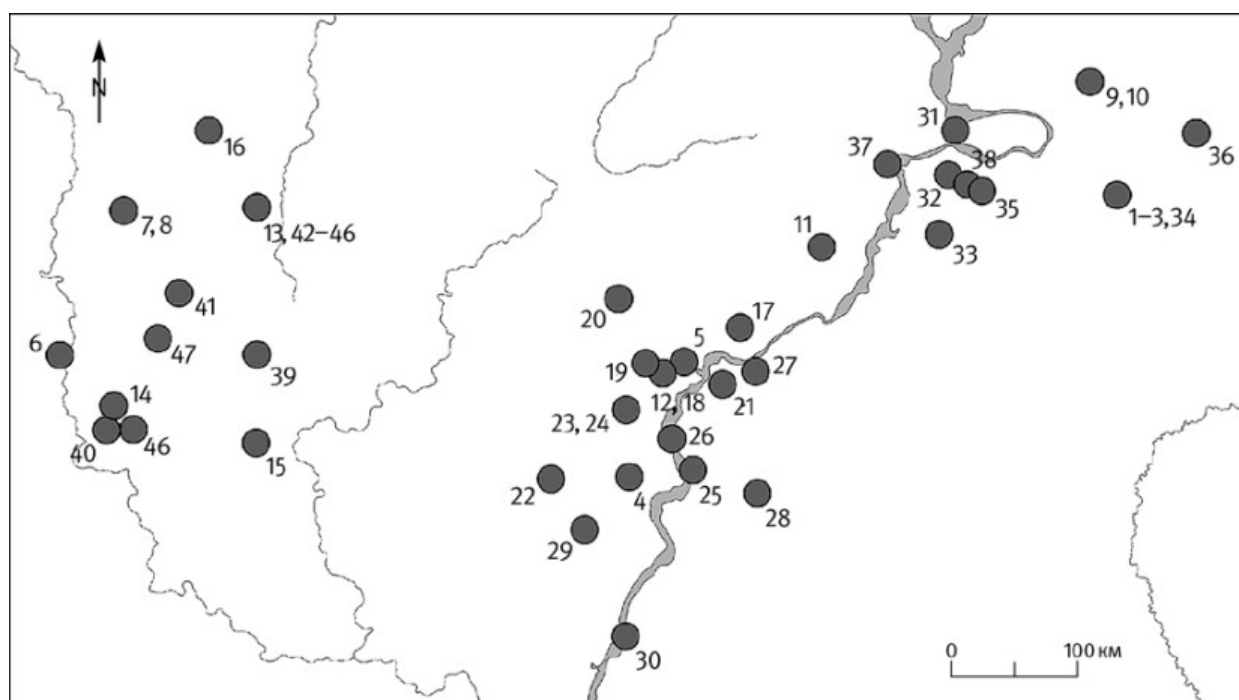

РИС. 1. Комплексы, рассмотренные в работе (нумерация соответствует каталогу): 1 – Утевский VI 6/4; 2 – Утевский VI 6/6; 3 – Утевский VI 6/5; 4 – Суворовский-2, отд. кург., погр. 1; 5 – Клещевка, разруш. кург.; 6 – Богоявленское, погр. 3; 7 – Филатовский, погр. 3; 8 – Филатовский, погр. 1; 9 – Потаповский 3/4; 10 – Потаповский 5/8; 11 – Дубовый Гай, отд. кург., погр. 4; 12 – Сторожевка 1/1; 13 – Селезни-1 1/2; 14 – Кондрашкинский, отд. кург., погр. 1; 15 – Елка-1 2/1; 16 – Староюрьево 2/2; 17 – Медяниково 2/8; 18 – Сторожевка 43/1; 19 – Идолга, кург. 3; 20 – Тарумовка-1 2/1; 21 – Старицкое, разр. кург., погр. 2; 22 – Баранниково 1/1 и 1/2; 23 – Золотая Гора 1/1; 24 – Золотая гора 4/1; 25 – Краснополье 2/4; 26 – Березовка 3/2; 27 – Калмыцкая Гора 1/21; 28 – Усатово G5/8; 29 – Неткачево 11/1, 3; 30 – Быковский 1/5; 31 – Комаровка 5/1; 32 – Калиновский 5/6; 33 – Крутенький II, отд. кург., погр. 3; 34 – Утевский VI 5/2; 35 – Песочное 7/1; 36 – Новые Ключи III 1/1; 37 – Уваровский II 11/2 и 11/3; 38 – Красноселки, отд. кург., погр. 1; 39 – Пичаевский, погр. 1; 40 – Рождествено-1 4/1; 41 – Большая Плавица, отд. кург., погр. 2; 42 – Селезни-2 1/1; 43 – Селезни-2 1/2; 44 – Селезни-2 1/4; 45 – Селезни-2 1/3; 46 – Красный I 1/2; 47 – Плясоватский-1, погр. 1

FIG. 1. Complexes considered in the study (numbering corresponds to that in the catalogue): 1 – Utevsky VI, kurgan 6, burial 4; 2 – Utevsky VI, kurgan 6, burial 6; 3 – Utevsky VI, kurgan 6, burial 5; 4 – Suvorovsky-2, single kurgan, burial 1; 5 – Kleshchevka, disturbed barrow; 6 – Bogoyavlenskoye, burial 3; 7 – Filatovsky, burial 3; 8 – Filatovsky, burial 1; 9 – Potapovsky, kurgan 3, burial 4; 10 – Potapovsky, kurgan 5, burial 8; 11 – Dubovy Guy, single kurgan, burial 4; 12 – Storozhevka, kurgan 1, burial 1; 13 – Selezni-1, kurgan 1, burial 2; 14 – Kondrashkin-sky, single kurgan, burial 1; 15 – Yelka-1, kurgan 2, burial 1; 16 – Staroyuryevo, kurgan 2, burial 2; 17 – Medyanikovo, kurgan 2, burial 8; 18 – Storozhevka, kurgan 43, burial 1; 19 – Idolga, kurgan 3; 20 – Tarumovka-1, kurgan 2, burial 1; 21 – Staritskoye, disturbed barrow, burial 2; 22 – Barannikovo, kurgan 1 burials 1, 2; 23 – Zolotaya Gora, kurgan 1, burial 1; 24 – Zolotaya gora, kurgan 4, burial 1; 25 – Krasnopolye, kurgan 2, burial 4; 26 – Berezovka, kurgan 3, burial 2; 27 – Kalmytskaya Gora, kurgan 1, burial 21; 28 – Usatovo, kurgan G5, burial 8; 29 – Netkachevo, kurgan 11, burials 1, 3; 30 – Bykovsky, kurgan 1, burial 5; 31 – Komarovka, kurgan 5, burial 1; 32 – Kalinovsky, kurgan 5, burial 6; 33 – Kruten'ky II, single kurgan, burial 3; 34 – Utevsky VI, kurgan 5, burial 2; 35 – Pesochnoye, kurgan 7, burial 1; 36 – Novyye Klyuchi III, kurgan 1, burial 1; 37 – Uvarovsky II, kurgan 11, burials 2, 3; 38 – Krasnoselki, single kurgan, burial 1; 39 – Pichayevsky, burial 1; 40 – Rozhdestveno-1, kurgan 4, burial 1; 41 – Bolshaya Plavitsa, single kurgan, burial 2; 42 – Selezni-2, kurgan 1, burial 1; 43 – Selezni-2, kurgan 1, burial 2; 44 – Selezni-2, kurgan 1, burial 4; 45 – Selezni-2, kurgan 1, burial 3; 46 – Krasny I, kurgan 1, burial 2; 47 – Plyasovatsky-1, burial 1

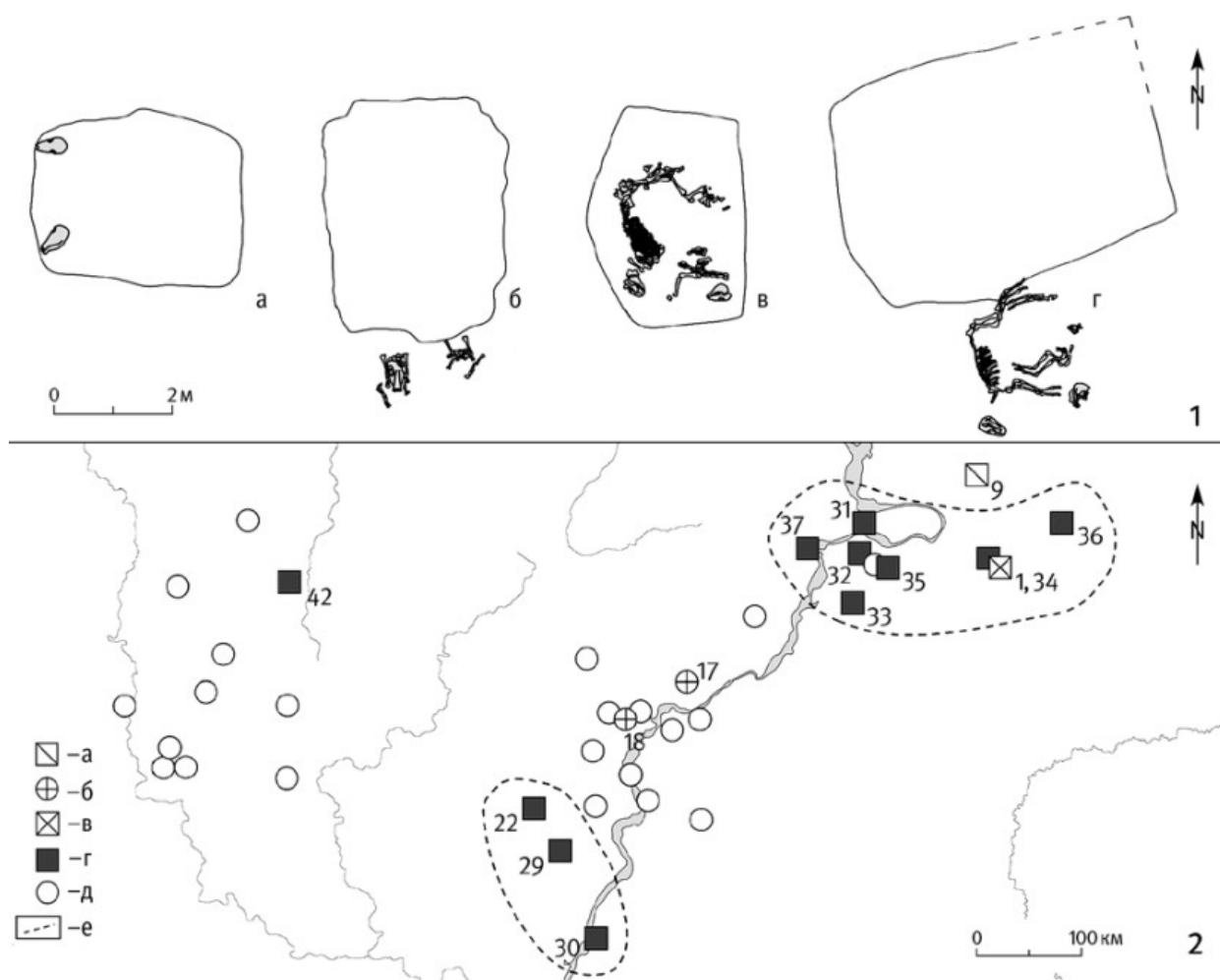

РИС. 2. Погребения колесничих лошадей (отдел 1): 1 – примеры погребений каждого разряда (а – разряд 1.1. Потаповский 3/4 (по: Васильев и др., 1994. Рис. 9; 10); б – разряд 1.2. Медяниково 2/8 (по: Малов, 2003. Рис. 10); в – разряд 1.3. Утевский VI 6/4 (по: Кузнецов, Семенова, 2000. Рис. 5, 3); г – разряд 1.4. Песочное 7/1 (по: Зудина, Скарбовенко, 1985. Рис. 4)); 2 – территория распространения погребений каждого разряда (нумерация соответствует каталогу): а – разряд 1.1; б – разряд 1.2; в – разряд 1.3; г – разряд 1.4; д – нет данных по отделу; е – зона концентрации погребений разряда 1.4

FIG. 2. Burials of chariot horses (unit 1): 1 – examples of burials of each grade (a – grade 1.1. Potapovsky, kurgan 3, burial 4 (after Васильев и др., 1994. Fig. 9; 10); б – grade 1.2. Medyanikovo, kurgan 2, burial 8 (after Малов, 2003. Fig. 10); в – grade 1.3. Utevsky VI, kurgan 6, burial 4 (after Кузнецов, Семенова, 2000. Fig. 5, 3); г – grade 1.4. Pesochnoye, kurgan 7, burial 1 (after Зудина, Скарбовенко, 1985. Fig. 4)); 2 – territory of the distribution of each grade (numbering corresponds to that in the catalogue): а – grade 1.1; б – grade 1.2; в – grade 1.3; г – grade 1.4; д – no data for the unit; е – zone of the concentration of burials of grade 1.4

литными шипами и выделенной планкой (разряд 3.2); псалии со вставными шипами без выделенной планки (разряд 3.3) и псалии со вставными шипами и выделенной планкой (разряд 3.4). В выборку попали также желобчатые псалии (разряд 3.5) и один безшипный псалий (разряд 3.6). Приуроченность к конкретной территории наблюдается лишь для изделий с монолитными шипами (разряды 3.1–3.2), которые в основном локализируются в Самарском Поволжье (рис. 4).

4. Орнаментации подвергалась торцовая, выведенная на лицевую часть щитка поверхность шипов. Вариативность этой группы исключительно велика, поэтому мы сконцентрируемся на таких композициях, которые зафиксированы более чем в одном комплексе. Это многокружковый однорядный орнамент (разряд 4.1), крестовидный кружковый орнамент (разряд 4.2), крестовидный волновой орнамент (разряд 4.3), композиция типа «колесо» (разряд 4.4), горизонтальный зигзаг и/или линия мелких

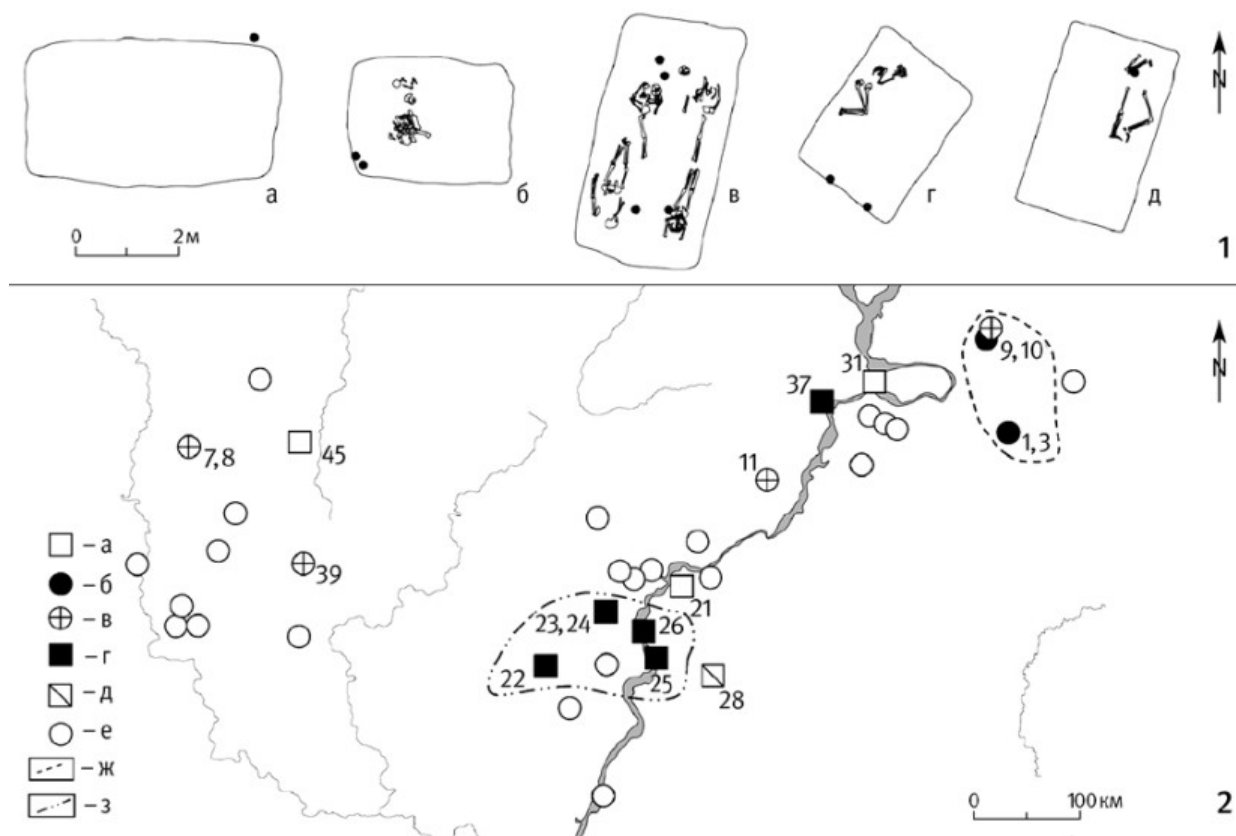

РИС. 3. Расположение псалий (отдел 2): 1 – примеры погребений каждого разряда (а – разряд 2.1. Селезни-2 1/3 (по: *Пряхин и др.*, 1998. Рис. 7); б – разряд 2.2. Потаповский 3/4 (по: *Васильев и др.*, 1994. Рис. 10); в – разряд 2.3. Филатовский, погр. 1 (по: *Синюк, Козмирчук*, 1995. Рис. 7); г – разряд 2.4. Золотая Гора 4/1 (по: *Юдин, Матюхин*, 2006. Рис. 18, 1); д – разряд 2.5. Усатово G5/8 (по: *Синицын*, 1947. Рис. 69)); 2 – территория распространения погребений каждого разряда (нумерация соответствует нумерации каталога): а – разряд 2.1; б – разряд 2.2; в – разряд 2.3; г – разряд 2.4; д – разряд 2.5; е – нет данных по отделу; ж – зона концентрации погребений разряда 2.2; з – зона концентрации погребений разряда 2.4

FIG. 3. Positions of the cheekpieces (unit 2): 1 – examples of burials of each grade (a – grade 2.1. Selezni-2, kurgan 1, burial 3 (after *Пряхин и др.*, 1998. Fig. 7); б – grade 2.2. Potapovsky, kurgan 3, burial 4 (after *Васильев и др.*, 1994. Fig. 10); в – grade 2.3. Filatovsky, burial 1 (after *Синюк, Козмирчук*, 1995. Fig. 7); г – grade 2.4. Zolotaya Gora, kurgan 4, burial 1 (after *Юдин, Матюхин*, 2006. Fig. 18, 1); д – grade 2.5. Usatovo, kurgan G5, burial 8 (after *Синицын*, 1947. Fig. 69)); 2 – territory of the distribution of each grade (numbering corresponds to that in the catalogue): а – grade 2.1; б – grade 2.2; в – grade 2.3; г – grade 2.4; д – grade 2.5; е – no data for the unit; ж – zone of the concentration of burials of grade 2.2; з – zone of the concentration of burials of grade 2.4

углубленных треугольников (*разряд 4.5*), простой крест (*разряд 4.6*) и крест, заполненный точками (*разряд 4.7*). Пространственное распространение разрядов показывает концентрацию изделий с композицией типа «колесо» на Среднем Дону (**рис. 5**).

5. В группу орнаментированных щитковых псалий с выделенной горизонтальной планкой включены изделия с сегментовидными и подпрямоугольными щитками. В большинстве случаев они снабжены вставными шипами. В первую очередь выделяются псалии с бедной орнаментацией (*разряд 5.1*): их отличительными чертами являются отсутствие орнамента вокруг центрального отвер-

стия и волновых мотивов. У псалий с простой волновой орнаментацией (*разряд 5.2*) украшаются край щитка, пространство под планкой и пространство вокруг центрального отверстия, при этом в двух последних зонах используется простая волна. Последний раздел включает псалии со сложной волновой орнаментацией (*разряд 5.3*). Здесь также орнаментируются край щитка, пространство под планкой и пространство вокруг центрального отверстия, но используются различные варианты волн. Как правило, орнамент вокруг центрального отверстия и под планкой не совпадают друг с другом (**рис. 6**).

РИС. 4. Неорнаментированные псалии (отдел 3): 1 – примеры псалиев каждого разряда (а – разряд 3.1. Потаповский 5/8 (по: Усачук, 2013. Рис. 28, 3); б – разряд 3.2. Утевский VI 6/4 (по: Усачук, 2013. Рис. 25, 1); в – разряд 3.3. Потаповский 3/4 (по: Усачук, 2013. Рис. 28, 1), г – разряд 3.4. Пичаевский, погр. 1 (по: Усачук, 2013. Рис. 52, 2); д – разряд 3.5. Новые Ключи III 1/1 (по: Мышкин, Турецкий, 2006. Рис. 4, 1), е – разряд 3.6. Золотая Гора 4/1 (по: Усачук, 2013. Рис. 39, 2)); 2 – территория распространения псалиев каждого разряда (нумерация соответствует нумерации каталога): а – разряд 3.1; б – разряд 3.2; в – разряд 3.3; г – разряд 3.4; д – разряд 3.5; е – разряд 3.6; ж – нет данных по отделу; з – зона концентрации псалиев с монолитными шипами

FIG. 4. Undecorated cheekpieces (unit 3): 1 – examples of cheekpieces of each grade (a – grade 3.1. Potapovsky, kurgan 5, burial 8 (after Усачук, 2013. Fig. 28, 3); б – grade 3.2. Utevsky VI, kurgan 6, burial 4 (after Усачук, 2013. Fig. 25, 1); в – grade 3.3. Potapovsky, kurgan 3, burial 4 (after Усачук, 2013. Fig. 28, 1), г – grade 3.4. Pichayevsky, burial 1 (after Усачук, 2013. Fig. 52, 2); д – grade 3.5. Novye Klyuchi III, kurgan 1, burial 1 (after Мышкин, Турецкий, 2006. Fig. 4, 1), е – grade 3.6. Zolotaya Gora, kurgan 4, burial 1 (after Усачук, 2013. Fig. 39, 2)); 2 – territory of the distribution of cheekpieces of each grade (numbering corresponds to that in the catalogue): а – grade 3.1; б – grade 3.2; в – grade 3.3; г – grade 3.4; д – grade 3.5; е – grade 3.6; ж – no data for the unit; з – zone of the concentration of cheekpieces with monolithic tenons

Основные принципы разделения этой группы изложены ранее (см. Черленок, 2010), однако в настоящем исследовании в содержание внесены незначительные изменения. Они касаются двух комплексов: Уваровский II 2/11² (кат. № 37) и Пичаевский кург. погр. № 1 (кат. № 39), изделия из которых были отнесены к псалям со сложной волновой орнаментацией. Распространение волновых

орнаментов в первую очередь связано с территорией Среднего Дона и, в меньшей степени, Самарской областью. На территории Нижнего Поволжья они обнаружены лишь в одном случае (рис. 7).

6. Желобчатые псалии, а также предметы, имеющие вставные шипы и выделенный округлый или фигурный щиток, могут быть украшены простым геометрическим орнаментом (разряд б.1). Как правило, он сводится лишь к одному мотиву, зигзагу, и лишь однажды дополняется линией мелких углубленных треугольников. Сложный геометрический орнамент (разряд б.2) кроме зигзага включает в себя декор из мелких кружков и различные

² Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем – номер погребения: Уваровский II 11/2 соответствует – могильник Уваровский II, курган 11, погребение 2. Далее в тексте слово «могильник», как правило, опускается.

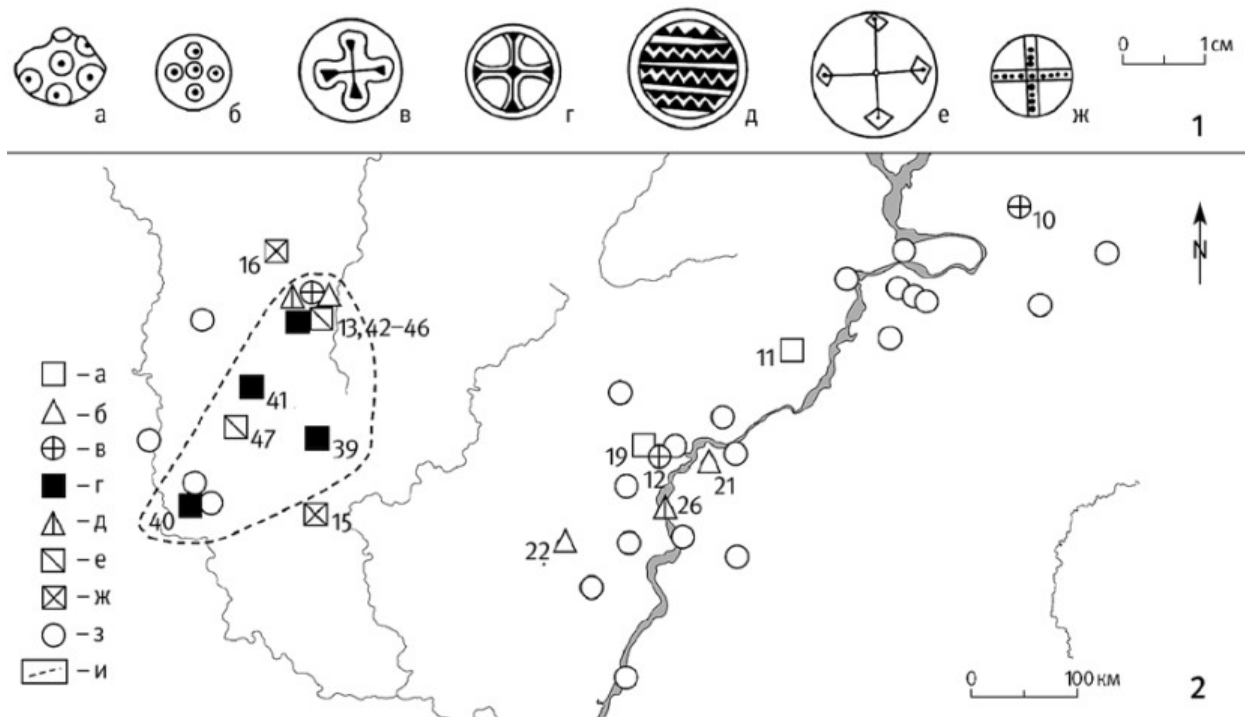

РИС. 5. Орнаментированные шипы (отдел 4): 1 – примеры орнамента каждого разряда (а – разряд 4.1. Дубовый Гай, отд. кург., погр. 4 (по: Зеленева, Юдин, 2010. Рис. 69, 3); б – разряд 4.2. Старицкое, разр. кург., погр. 2 (по: Усачук, 2013. Рис. 34, 3); в – разряд 4.3. Потаповский 5/8 (по: Васильев и др., 1994. Рис. 33, 2); г – разряд 4.4. Пичаевский, погр. 1 (по: Усачук, 2013. Рис. 52, 1); д – разряд 4.5. Селезни-2 1/4 (по: Пряхин и др., 1998. Рис. 11, 5); е – разряд 4.6. Плясоватский-1, погр. 1 (по: Синюк и др., 2004. Рис. 2, 19); ж – разряд 4.7. Старо-юрьево 2/2 (по: Усачук, 2013. Рис. 53, 1); 2 – территория распространения шипов с орнаментом каждого разряда (нумерация соответствует нумерации каталога): а – разряд 4.1; б – разряд 4.2; в – разряд 4.3; г – разряд 4.4; д – разряд 4.5; е – разряд 4.6; ж – разряд 4.7; з – нет данных по отделу; и – зона концентрации шипов разряда 4.4

FIG. 5. Decorated tenons (unit 4): 1 – examples of decoration of each grade (a – grade 4.1. Dubovy Gay, single kurgan, burial 4 (after Зеленева, Юдин, 2010. Fig. 69, 3); б – grade 4.2. Staritskoye, disturbed barrow, burial 2 (after Усачук, 2013 Fig. 34, 3); в – grade 4.3. Potapovsky, kurgan 5, burial 8 (after Васильев и др., 1994. Fig. 33, 2); г – grade 4.4. Pichayevsky, burial 1 (after Усачук, 2013. Fig. 52, 1); д – grade 4.5. Selezni-2, kurgan 1, burial 4 (after Пряхин и др., 1998. Fig. 11, 5); е – grade 4.6. Plyasovatsky-1, burial 1 (after Синюк и др., 2004. Fig. 2, 19); ж – grade 4.7. Staroyuryevo, kurgan 2, burial 2 (after Усачук, 2013, Fig. 53, 1); 2 – territory of the distribution of tenons with decoration of each grade (numbering corresponds to that in the catalogue): а – grade 4.1; б – grade 4.2; в – grade 4.3; г – grade 4.4; д – grade 4.5; е – grade 4.6; ж – grade 4.7; з – no data for the unit; и – zone of the concentration of tenons of grade 4.4

варианты усложненного мелкого треугольника. Отличительной особенностью изделий с простым волновым орнаментом (разряд 6.3) является использование простой волны для орнаментации пространства вокруг центрального отверстия. Сложным волновым орнаментом (разряд 6.4) украшена лишь пара желобчатых псалиев. Их особенность – наличие сложных разновидностей волн. Последняя подгруппа связана с трансформированным волновым орнаментом (разряд 5.5). Здесь используются видоизмененные волновые мотивы, при этом отличительной особенностью стилизации было заполнение фигуры горизонтальной

штриховкой (рис. 8). Картографирование выделенных разрядов показывает концентрацию изделий с волновым орнаментом на территории Среднего Дона, а псалиев с геометрической орнаментацией – в Нижнем Поволжье (рис. 9).

Для дальнейшего анализа была создана таблица, в которой по вертикали обозначены комплексы, а по горизонтали – признаки (рис. 10). Сопряженность признаков и комплексов, на наш взгляд, позволяет выделить **три базовые хронологические группы**. Внутри каждой группы комплексы расположены по территориальному принципу: Средний Дон, Нижнее Поволжье, Самарское Поволжье,

№ кат.	памятники	зоны мотивов																		№ разр.	стиль
		I	I	I	II	I	I	III	II	I	I	III	I	I	II	III	II	III			
5	Клещевка, разр. кург.	x																	5.1	?	
4	Суворовский-2, о.к, п.1		x																5.2	?	
2	Утевский VI, к.6, п.6			x	x																
7	Филатовский, п.3 (пс. 1)					x															
7	Филатовский, п.3 (пс. 2)						x														
8	Филатовский, п.1 (пс. 1)							x													
8	Филатовский, п.1 (пс. 2)								x												
6	Богоявленское, п.3								x												
11	Дубовый Гай, о.к., п.4	x								x	x										
10	Потаповский, к.5, п.8 (пс. 1)									x	x	x									
10	Потаповский, к.5, п.8 (пс. 2)									x	x	x									
14	Кондрашкинский, о.к., п.1									x	x	x									
13	Селезни-1, к.1, п.2									x	x		x								
24	Золотая Гора, к.4, п.1										x		x	x							
37	Уваровский II, к.11, п.2-3									x				x							
40	Рождествено-1, к.4, п.1									x		x	x								
39	Пичаевский, п.1										x			x	x						
46	Красный I, к.1, п.2 (пс. 1)										x				x	x					
46	Красный I, к.1, п.2 (пс. 2)										x				x	x					
44	Селезни-2, к.1, п.4 (пс. 1)													x	x		x				
44	Селезни-2, к.1, п.4 (пс. 2)													x		x	x				
38	Красноселки, о.к., п.1 (пс. 1)														x		x				
38	Красноселки, о.к., п.1 (пс. 2)														x		x				

РИС. 6. Группировка мотивов на дисковидных псалях с сегментовидными и подпрямоугольными щитками (отдел 5): I – орнамент расположен вдоль края щитка; II – орнамент расположен под планкой; III – орнамент расположен вокруг центрального отверстия. Сокращения в таблице: к. – курган; о. к. – отдельный курган; п. – погребение; пс. – псалий

Fig. 6. Grouping of the motifs on discoid cheekpieces with segmented and subrectangular shields (unit 5): I – decoration along the edge of the shield; II – the design is beneath the bar; III – the design is around the central hole. Abbreviations in the table: к. – kurgan; о. к. – single kurgan; п. – burial; пс. – cheekpieces

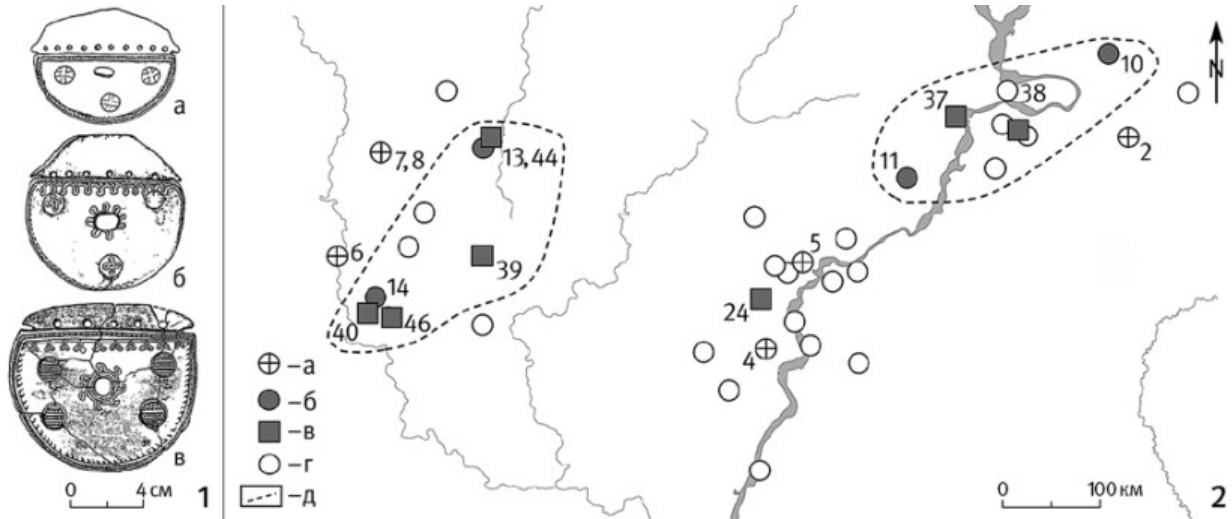

РИС. 7. Орнаментированные дисковидные псалии с сегментовидными и подпрямоугольными щитками (отдел 5): 1 – примеры псалиев каждого разряда (а – разряд 5.1. Филатовский, погр. 3 (по: Синюк, Козмирчук, 1995. Рис. 11, 6); б – разряд 5.2. Потаповский курган 5, погр. 8 (по: Васильев и др., 1994. Рис. 33, 2); в – разряд 5.3. Селезни-2 1/4 (по: Пряхин и др., 1998. Рис. 11, 5)); 2 – территория распространения псалиев каждого разряда (нумерация соответствует каталогу): а – разряд 5.1; б – разряд 5.2; в – разряд 5.3; г – нет данных по отделу; д – зоны концентрации псалиев с волновой орнаментацией

FIG. 7. Decorated discoid cheekpieces with segmented and subrectangular shields (unit 5): 1 – examples of cheekpieces of each grade (a – grade 5.1. Filatovsky, burial 3 (after Синюк, Козмирчук, 1995. Fig. 11, 6); б – grade 5.2. Potapovsky kurgan 5, burial 8 (after Васильев и др., 1994. Fig. 33, 2); в – grade 5.3. Selezni-2, kurgan 1, burial 4 (after Пряхин и др., 1998. Fig. 11, 5)); 2 – territory of the distribution of cheekpieces of each grade (numbering corresponds to that in the catalogue): а – grade 5.1; б – grade 5.2; в – grade 5.3; г – no data for the unit; д – zone of the concentration of cheekpieces with a wavy design

№ кат.	памятники	МОТИВЫ																				№ разр.	стиль
		⊘	▲	▲	▲	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕			
31	Комаровка, к.5, п.1 (пс. 1)	x																					
31	Комаровка, к.5, п.1 (пс. 2)	x																					
28	Усатово, к. G5, п.8	x	x																				
26	Березовка, к.3, п.2 (пс. 1)	x																					
26	Березовка, к.3, п.2 (пс. 2)	x																					
27	Калмыцкая Гора, к.1, п.21	x		x																			
23	Волотая Гора, к.1, п.1 (пс. 1)	x			x																		
23	Волотая Гора, к.1, п.1 (пс. 2)	x			x	x																	
21	Старицкое, разр. кург., п.2	x			x																		
20	Тарумовка-1, к.2, п.1 (пс. 1)				x	x																	
20	Тарумовка-1, к.2, п.1 (пс. 2)	x			x																		
22	Бараниново, к.1, п.1-2 (пс. 1)	x					x																
22	Бараниново, к.1, п.1-2 (пс. 2)	x		x	x		x	x															
19	Идолга, к.3	x							x	x													
16	Староюрьево, к.2, п.2 (пс. 1)	x			x				x	x													
16	Староюрьево, к.2, п.2 (пс. 2)	x							x	x													
13	Селезни-1, к.1, п.2	x							x	x		x											
46	Красный I, к.1, п.2 (пс. 1)	x					x					x	x										
46	Красный I, к.1, п.2 (пс. 2)	x										x	x										
44	Селезни-2, к.1, п.4 (пс. 1)						x					x	x										
44	Селезни-2, к.1, п.4 (пс. 2)													x	x								
45	Селезни-2, к.1, п.3															x	x						

РИС. 8. Группировка мотивов на желобчатых и дисковидных псалях с округлыми и фигурными щитками (отдел 6). Сокращения в таблице: к. – курган; п. – погребение; пс. – псаляй

FIG. 8. Grouping of the motifs on grooved and discoid cheekpieces with round and figured shields (unit 6). Abbreviations in the table: к. – kurgan; п. – burial; пс. – cheekpieces

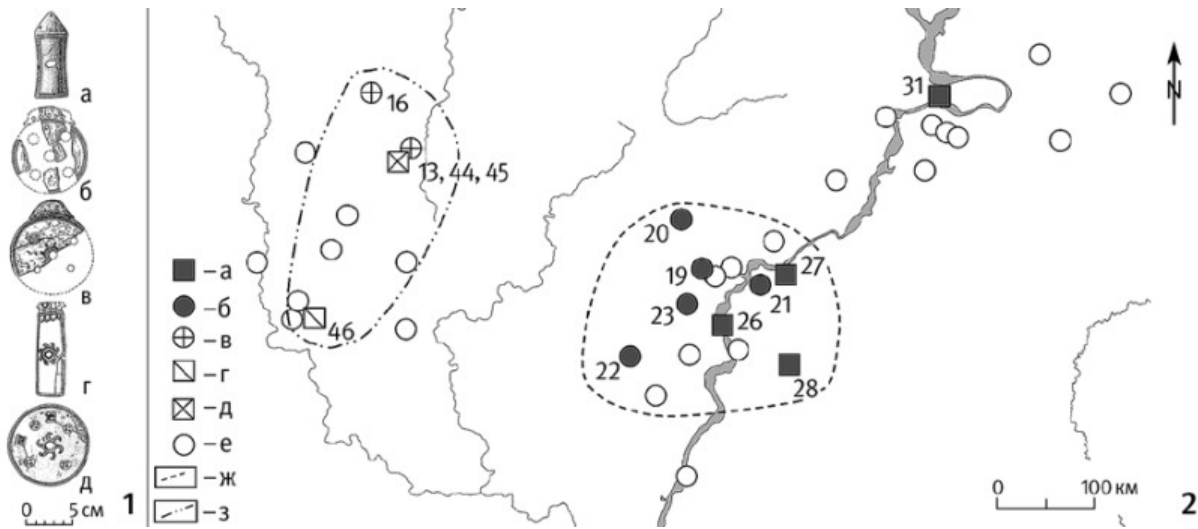

РИС. 9. Орнаментированные желобчатые и дисковидные псаляй с округлыми и фигурными щитками (отдел 6): 1 – примеры псаляев каждого разряда (а – разряд 6.1. Комаровка 5/1 (по: Усачук, 2013. Рис. 32, 1); б – разряд 6.2. Старицкое, разр. кург., погр. 2 (по: Усачук, 2013. Рис. 34, 1); в – разряд 6.3. Селезни-1 1/2 (по: Мусеев, 1996. Рис. 2, 4); з – разряд 6.4. Красный I 1/2 (по: Матвеев и др., 2005. Рис. 7, 1); д – разряд 6.5. Селезни-2 1/3 (по: Пряхин и др., 1998. Рис. 8, 3)); 2 – территория распространения псаляев каждого разряда (нумерация соответствует каталогу): а – разряд 6.1; б – разряд 6.2; в – разряд 6.3; з – разряд 6.4; д – разряд 6.5; е – нет данных по отделу; ж – зона концентрации псаляев с геометрической орнаментацией, з – зона концентрации псаляев с волновой орнаментацией

FIG. 9. Decorated grooved and discoid cheekpieces with round and figured shields (unit 6): 1 – examples of cheekpieces of each grade (a – grade 6.1. Komarovka, kurgan 5, burial 1 (after Усачук, 2013. Fig. 32, 1); б – grade 6.2. Stariitskoye, disturbed kurgan, burial 2 (after Усачук, 2013. Fig. 34, 1); в – grade 6.3. Selezni-1, kurgan 1, burial 2 (after Мусеев, 1996. Fig. 2, 4); з – grade 6.4. Krasny I, kurgan 1, burial 2 (after Матвеев и др., 2005. Fig. 7, 1); д – grade 6.5. Selezni-2, kurgan 1, burial 3 (after Пряхин и др., 1998. Fig. 8, 3)); 2 – territory of the distribution of cheekpieces of each grade (numbering corresponds to that in the catalogue): а – grade 6.1; б – grade 6.2; в – grade 6.3; з – grade 6.4; д – grade 6.5; е – no data for the unit; ж – zone of the concentration of cheekpieces with geometric design; з – zone of the concentration of cheekpieces with wavy design

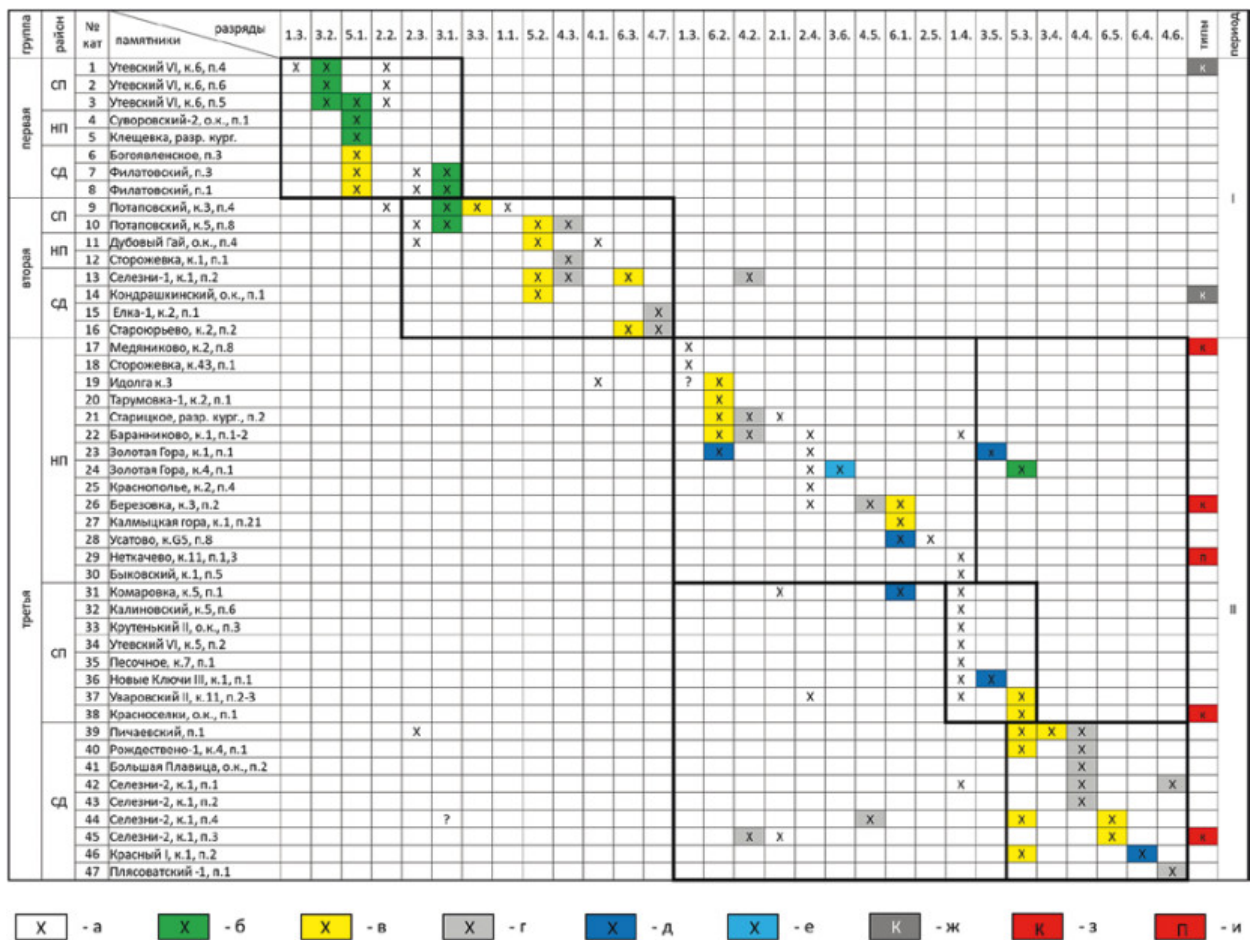

РИС. 10. Группировка разрядов: *а* – разряд, связанный с погребальным обрядом; *б* – псалии с моноклитными шипами; *в* – псалии со вставными шипами; *г* – шипы; *д* – желобчатые псалии; *е* – безшипные псалии; *ж* – тип наконечников копий, характерный для I-го периода позднего бронзового века; *з* – тип наконечников копий, характерный для II-го периода позднего бронзового века; *и* – тип подвесок, характерный для II-го периода позднего бронзового века. *Сокращения в таблице:* СП – Самарское Поволжье; НП – Нижнее Поволжье; СД – Средний Дон; к. – курган; о. к. – отдельный курган; п. – погребение; пс. – псалий

FIG. 10. Grouping of the grades: *a* – the grade related to burial rite; *b* – cheekpieces with monolithic tenons; *v* – cheekpieces with insert tenons; *z* – tenons; *d* – grooved cheekpieces; *e* – cheekpieces without tenons; *ж* – type of spear heads characteristic of period I of the Late Bronze Age; *з* – of spear heads characteristic of period II of the Late Bronze Age; *и* – type of pendants characteristic of period II of the Late Bronze Age. *Abbreviations in the table:* СП – Samara Volga region, НП – Lower Volga region, СД – Middle Don; к. – kurgan; о. к. – single kurgan; п. – burial; пс. – cheekpieces

что позволяет более отчетливо различать региональные тенденции.

Наиболее характерными чертами **1-й группы** можно считать использование неорнаментированных псалий с моноклитными шипами и орнаментированных экземпляров с бедным декором. Традиция изготовления псалий со вставными шипами фиксируется только в Донском регионе. В Самарском Поволжье псалии кладутся в головы, а на Дону они встречаются как в головы, так и в других местах могильной ямы.

Выделенная **2-я группа** имеет переходный характер. Наиболее архаичные признаки, тяготеющие к предшествующему времени, зафиксированы в Самарском Поволжье. Здесь известны псалии с моноклитными шипами, сами предметы укладываются в головы или в головы и у пояса. Основная новация этого этапа связана с появлением простой волновой орнаментации, которая фиксируется на псалиях с сегментовидной формой щитка, округлой формой щитка, а также на торцах вставных шипов.

К 3-й группе отнесено наибольшее количество комплексов, которые имеют выраженные региональные особенности. В Нижнем Поволжье широко распространяются псалии, украшенные своеобразным геометрическим орнаментом в двух его основных вариантах. Наиболее устойчивое положение псалиев — в ногах. Иногда за пределами могильной ямы встречаются «шкуры» и костяки колесничих лошадей. В Самарском Поволжье также известны случаи положения псалиев в ногах и изделия с геометрическим орнаментом. Однако наиболее заметным признаком запряжки в этом регионе выступают захоронения колесничих лошадей. На Среднем Дону редко встречаются захоронения колесничих лошадей, а расположение псалиев в ногах ни разу не зафиксировано. Наиболее выразительной чертой погребальных памятников являются сами псалии, которые здесь покрываются сложным волновым декором и украшаются шипами с орнаментом в виде «колеса». Схожие предметы эпизодически встречаются в Самарском и Саратовском Поволжье. К общим для всех областей чертам можно отнести распространение традиции изготовления желобчатых псалиев.

Верификация полученных результатов была проведена через сопоставление выделенных групп с хронологией развития металлопроизводства позднего бронзового века в Восточной Европе. В настоящее время древности начала поздней бронзы подразделяются на два периода (Бочкарев, 2020). Первый можно назвать раннепокровским (в Самарском Поволжье в него также включаются потаповские памятники), второй — позднепокровским. Характерными металлическими изделиями I-го периода являются круглые в плане желобчатые подвески в 1,5 оборота из бронзы и длинноперые наконечники копий с разомкнутой слепой втулкой. Для II-го периода характерны небольшие, овальные в плане височные подвески и крупные наконечники копий с длинным пером остролистной формы, цельнолитой втулкой, стержень которой имеет ромбическое или овально ромбическое сечение (Бочкарев, 2020. С. 490–491, 506–507). Во втором справа столбце нашей таблицы характерные для I-го периода типы обозначены серым цветом, а древности II-го периода — красным цветом (рис. 10). Несмотря на малое количество случаев, можно полагать, что 1-я и 2-я хронологические группы синхронизируются с I-м (раннепокровским) периодом (два случая из 16). Более надежные данные получены для синхронизации

3-й хронологической группы со II-м (позднепокровским) периодом — пять случаев из 31.

Основные выводы. Для I-го этапа позднего бронзового века Волго-Донского региона характерна бедная орнаментация псалиев, которая лишь в конце этого периода уступает место простой волновой орнаментации. Со II-м этапом связаны изделия, украшенные сложным волновым декором и геометрическим орнаментом. В отношении погребального обряда отчетливая динамика прослеживается лишь в Поволжье. Здесь на I-м этапе псалии укладывались в головах погребенного, а «шкуры» и туши лошадей — на перекрытии. На II-м этапе распространяется традиция положения псалиев в ногах, а лошадей — за пределами могильной ямы.

Каталог

1. Утевский VI 6/4³ (Васильев и др., 1992. С. 52–61; Кузнецов, Семенова, 2000. Рис. 5, 3, 4; Усачук, 2013. Рис. 25; информация по положению псалиев предоставлена П. Ф. Кузнецовым).
2. Утевский VI 6/6 (Васильев и др., 1992. С. 52–61; Усачук, 2013. Рис. 27; информация по положению псалиев предоставлена П. Ф. Кузнецовым).
3. Утевский VI 6/5 (Васильев и др., 1992. С. 52–61; Усачук, 2013. Рис. 26; информация по положению псалиев предоставлена П. Ф. Кузнецовым).
4. Суворовский 2-й одиночный кург., погр. № 1 (Африканов, 2010. С. 10–11, рис. 5; Усачук, 2013. Рис. 42).
5. Клещевка, разрушенный курган (Усачук, 2013. Рис. 33).
6. Курган у с. Богоявленское, погр. № 3 (Пряхин, Матвеев, 1991. С. 263–265, рис. 2; 3).
7. Филатовский курган, погр. № 3 (Синюк, Козмирчук, 1995. С. 47–48, рис. 11).
8. Филатовский курган, погр. № 1 (Синюк, Козмирчук, 1995. С. 46–47, рис. 7–9).
9. Потаповский 3/4 (Васильев и др., 1994. С. 22–25, рис. 9; 10; 28).
10. Потаповский 5/8 (Васильев и др., 1994. С. 32–34, рис. 15; 33).
11. Дубовый Гай, одиночный курган, погр. № 4 (Зеленев, Юдин, 2010. С. 138–142, рис. 65–70).
12. Сторожевка 1/1 (Кочерженко, 1996; Усачук, 2013. Рис. 35, 7–13).
13. Курганная группа Селезни-1 1/2 (Моисеев, 1996; Усачук, 2013. Рис. 46; 47).

³ Принятые сокращения в Каталоге — см. сн. 2. Слово «могильник» опускается.

14. Кондрашкинский одиночный курган, погр. № 1 (*Пряхин и др.*, 1989. С. 4–6, рис. 3–6).
15. Елка-1 2/1 (*Медведев*, 2015. С. 11–24, рис. 3).
16. Староюрьево 2/2 (*Пряхин*, 1972. С. 233–243; *Усачук*, 2013. Рис. 53).
17. Медяниково 2/8 (*Малов*, 2003. С. 180, рис. 10–12).
18. Сторожевка 43/1 (*Тихонов*, 2013. С. 29, рис. 11).
19. Идолга, кург. № 3 (*Малов*, 2003. С. 186, рис. 13).
20. Курганная группа Тарумовка-1 2/1 (*Малов*, 2012. С. 75–49, рис. 1–16).
21. Старицкое, разрушенный курган, погр. № 2 (*Дремов*, 1991. С. 101–102, рис. 1; 2).
22. Баранниково 1/1 (захоронение лошадей) и Баранниково 1/2 (основное погребение) (*Мыськов и др.*, 2004. С. 128–134, рис. 1–7).
23. Золотая Гора 1/1 (*Юдин, Матюхин*, 2006. С. 21–23, рис. 13; 14).
24. Золотая гора 4/1 (*Юдин, Матюхин*, 2006. С. 25–26, рис. 17; 18).
25. Краснополье 2/4 (*Синицын*, 1959. С. 157, рис. 53, 5, 6; *Малов*, 1983. Рис. 2; *Усачук*, 2013. Рис. 38, 3, 4).
26. Березовка 3/2 (*Дремов*, 1996. С. 55, рис. 1; *Усачук*, 2013. Рис. 35, 1–5).
27. Калмыцкая Гора 1/21 (*Лопатин*, 2009. С. 54–55, рис. 8; *Усачук*, 2013. Рис. 36, 3–5).
28. Усатово G5/8 (*Синицын*, 1947. С. 97–100, рис. 69, табл. 6, 1; *Смирнов*, 1961. Рис. 1, 4; *Малов*, 1983. Рис. 1, 7).
29. Неткачево 11/1 (захоронение лошадей) и Неткачево 11/3 (основное погребение) (*Дьяченко и др.*, 2006. С. 105–163, рис. 13, 14, 1; 16, 6, 7).
30. Быковский 1/5 (*Смирнов*, 1957. С. 209–214, рис. 2; 3).
31. Курганная группа Комаровка 5/1 (*Алихова*, 1955. С. 91–98, рис. 34–38).
32. Калиновский 5/6 (*Михайлова, Кузьмина*, 1999. С. 84).
33. Крутенький II одиночный курган, погр. № 3 (*Михайлова, Кузьмина*, 1999. С. 99–102, рис. 5; 6; 10).
34. Утевский VI 5/2 (*Васильев и др.*, 1992. С. 45, рис. 57).
35. Песочное 7/1 (*Зудина, Скарбовенко*, 1985. С. 56–58, рис. 4).
36. Новые Ключи III 1/1 (*Мышкин, Турецкий*, 2006. С. 316–321, рис. 2–4).
37. Уваровский II 11/3 (захоронение лошадей) и Уваровский II 11/2 (основное погребение) (*Михайлова, Кузьмина*, 1999. С. 104–108, рис. 13–19).
38. Красноселки, одиночный курган, погр. № 1 (*Халыпин, Порохова*, 2000. С. 109, рис. 1; 3, 1; 7).
39. Пичаевский курган, погр. № 1 (*Моисеев, Ефимов*, 1995. С. 73–75. Рис. 3).
40. Могильник Рождествено, курганная группа № 1 4/1 (*Шишлина и др.*, 2015. С. 262–272).
41. Большая Плавица, одиночный курган, погр. № 2 (*Мельников*, 2003. С. 239–241, рис. 2).
42. Курганная группа Селезни-2 1/1 (*Пряхин и др.*, 1998. С. 4–11, рис. 2–4).
43. Курганная группа Селезни-2 1/2 (*Пряхин и др.*, 1998. С. 11–14, рис. 5; 6).
44. Курганная группа Селезни-2 1/4 (*Пряхин и др.*, 1998. С. 18–24, рис. 10–13).
45. Курганная группа Селезни-2 1/3 (*Пряхин и др.*, 1998. С. 14–18, рис. 7–9).
46. Красный I 1/2 (*Матвеев и др.*, 2005. С. 139–147, рис. 5–7).
47. Плясоватский первый курган (Плясоватский-1), погр. № 1 (*Синюк и др.*, 2004. С. 162–177, рис. 2).

Литература

- Алихова*, 1955 — *Алихова А. Е.* Курганы эпохи бронзы у с. Комаровка // КСИИМК. 1955. Вып. 59. С. 91–98.
- Африканов*, 2010 — *Африканов Ю. А.* Курганы эпохи бронзы у разьезда Суворовский // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.) / Ред. А. И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2010. С. 7–15.
- Беседин*, 1999 — *Беседин В. И.* «Микенский» орнаментальный стиль эпохи бронзы в Восточной Европе // Евразийская лесостепь в эпоху металла / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. С. 45–59. (АВЕЛ; Вып. 13).
- Бочкарев*, 2020 — *Бочкарев В. С.* К вопросу относительной хронологии металлопроизводства в позднем бронзовом веке южной половины Восточной Европы (зона степи и лесостепи) // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком в бронзовом и железном веке: диалог культур, культура диалога: Междунар. науч. конф. по археологии Кавказа и Гумбольдт-лекторий (5–8 октября 2015 года, Санкт-Петербург) / Отв. ред.: М. Т. Кашуба, С. Райнхольд, Ю. Ю. Пиотровский. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2020. С. 477–525. (Archäologie in Iran und Turan; Bd. 19).
- Бочкарев, Кузнецов*, 2013 — *Бочкарев В. С., Кузнецов П. Ф.* Культурно-типологические характеристики древнейших дисковидных палиев Северной Евразии // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематич. науч. конф. / Отв. ред. Е. А. Черленок. СПб.: Скифия-принт, 2013. С. 61–79.
- Васильев и др.*, 1992 — *Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П.* Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // АВ. 1992. № 1. С. 52–61.
- Васильев и др.*, 1994 — *Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П.* Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: СамГУ, 1994. 208 с.

- Гончарова, 1995 — Гончарова Ю. В. К вопросу о классификации дисковидных псалий с шипами эпохи поздней бронзы на территории Восточной Европы // Древние культуры и технологии: Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга / Отв. ред.: Д. Г. Савинов, В. М. Массон. СПб.: Петербургкомстат, 1995. С. 34–43. (АИ; Вып. 34).
- Дремов, 1991 — Дремов И. И. Погребение из кургана у с. Старицкое // КСИА. 1991. № 203. С. 101–105.
- Дремов, 1996 — Дремов И. И. Курган покровского времени у с. Березовка как материал для социокультурных реконструкций эпохи поздней бронзы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: Тезисы докладов и мат-лы конф. (Воронеж, 30 сентября–02 октября 1996 г.). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. С. 54–58. (АВЕЛ; Вып. 11).
- Дьяченко и др., 2006 — Дьяченко А. Н., Кривошеев М. В., Шинкарь О. А. Раскопки курганного могильника Неткачево в Котовском районе Волгоградской области // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3 / Отв. ред. И. В. Сергацков. Волгоград: Изд-во ВолгГУ, 2006. С. 105–163.
- Зеленев, Юдин, 2010 — Зеленев Ю. А., Юдин А. И. Курган у села Дубовый Гай // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.) / Науч. ред. А. И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2010. С. 134–155.
- Зудина, Скарбовенко, 1985 — Зудина В. Н., Скарбовенко В. А. Раннесрубный могильник у с. Песочное // Древности Среднего Поволжья / Отв. ред. Г. И. Матвеева. Куйбышев: Изд-во КГУ, 1985. С. 51–78.
- Кочерженко, 1996 — Кочерженко О. В. Курганы эпохи поздней бронзы у пос. Сторожевка // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году / Науч. ред. А. И. Юдин. Саратов: Орион, 1996. С. 53–56.
- Кузнецов, Семенова, 2000 — Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. Памятники потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Под ред. Ю. И. Колева и др. Самара: Изд-во Самарского НЦ РАН, 2000. С. 122–152.
- Кузьмина, 1994 — Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: МГП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994. 463 с.
- Лопатин, 2009 — Лопатин В. А. Бородаевские курганы (по раскопкам 1982 года на Малом Карамане) // АВЕС. 2009. Вып. 7. С. 44–97.
- Малов, 1983 — Малов Н. М. Конструктивные особенности псалия из Краснополя // СА. 1983. № 4. С. 204–209.
- Малов, 2003 — Малов Н. М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5 / Отв. ред. А. И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2003. С. 157–220.
- Малов, 2012 — Малов Н. М. Погребение покровской культуры с фрагментами щитковых псалиев из Тарумовского индивидуального кургана № 2 // АВЕС. 2012. Вып. 9. С. 74–90.
- Матвеев и др., 2005 — Матвеев Ю. П., Сафонов И. Е., Добрынин А. В. Исследование кургана эпохи бронзы в могильнике Красный I // Пастушеские скотоводы восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, исследования) / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. С. 139–147. (АВЕЛ; Вып. 19).
- Медведев, 2015 — Медведев А. П. Первые результаты археологических раскопок на реке Елани (курганый могильник Елка 1) // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2015. № 2. С. 11–24.
- Мельников, 2003 — Мельников Е. Н. Покровско-абашевские погребения кургана у с. Большая Пластица // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: Мат-лы междунар. науч. конф., Чебоксары, Россия, 26–30 мая 2003 года / Редкол.: В. С. Бочкарев и др. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 2003. С. 239–247.
- Михайлова, Кузьмина, 1999 — Михайлова О. В., Кузьмина О. В. Новые памятники эпохи бронзы в Самарском Поволжье // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области / Редкол.: Д. А. Сташенков (сост.) и др. Самара, 1999. С. 98–141.
- Моисеев, 1996 — Моисеев Н. Б. Дисковидные псалии из Селезневской парной курганной группы // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Тамбов: Тамбовский ГУ им. Г. Р. Державина, 1996. С. 24–46.
- Моисеев, Ефимов, 1995 — Моисеев Н. Б., Ефимов К. Ю. Пичаевский курган // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья / Отв. ред. И. Б. Васильев. Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. С. 72–82.
- Мыськов и др., 2004 — Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Литвиненко Р. А., Усачук А. Н. Погребение колесничего из бассейна Дона // Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности / Отв. ред. А. Н. Усачук. Донецк: Донецкий областной краеведческий музей, 2004. С. 128–138. (Археологический альманах; № 15).
- Мышкин, Турецкий, 2006 — Мышкин В. Н., Турецкий М. А. Курганы бронзового века на реке Малый Кинель // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4 / Отв. ред. И. Н. Васильева Самара: Научно-технический центр, 2006. С. 314–334.
- Пряхин, 1972 — Пряхин А. Д. Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // СА. 1972. № 3. С. 233–243.
- Пряхин, Матвеев, 1991 — Пряхин Ю. П., Матвеев Ю. П. Курган у с. Богоявленское // СА. 1991. № 1. С. 262–266.
- Пряхин и др., 1989 — Пряхин А. Д., Беседин В. И., Левых Г. А., Матвеев Ю. П. Кондрашкинский курган. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. 20 с.
- Пряхин и др., 1998 — Пряхин А. Д., Моисеев Н. Б., Беседин В. И. Селезни-2. Курган Донно-Волжской абашевской культуры. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. 44 с.
- Синицын, 1947 — Синицын И. В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов: Тип. № 1 Полиграфиздата, 1947. 134 с. (Ученые записки СГУ; Т. 17, вып. Исторический).
- Синицын, 1959 — Синицын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // Памятники Нижнего Поволжья. (Итоги работ Ста-

- линградской археологической экспедиции). Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 39–205. (МИА; № 60).
- Синюк, Козмирчук*, 1995 — *Синюк А. Т., Козмирчук И. А.* Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья / Отв. ред. И. Б. Васильев. Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. С. 37–72.
- Синюк и др.*, 2004 — *Синюк А. Т., Березуцкий В. Д., Зацепин А. А.* Плясоватские курганы // Археологические памятники бассейна Дона: Межвузовский сб. науч. тр. / Отв. ред. А. Т. Синюк. Воронеж: ВоронежГПУ, 2004. С. 162–177.
- Смирнов*, 1957 — *Смирнов К. Ф.* О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // СА. 1957. № XXVII. С. 209–221.
- Смирнов*, 1961 — *Смирнов К. Ф.* Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. № 1. С. 46–72.
- Тихонов*, 2013 — *Тихонов В. В.* Курганный могильник Сторожёвка (исследования 2011 года) // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11 / Отв. ред. А. И. Юдин. Саратов: Научная книга, 2013. С. 24–84.
- Усачук*, 2013 — *Усачук А. Н.* Древнейшие псалии (изготовление и использование). Киев; Донецк: ИА НАН Украины, 2013. 304 с.
- Халяпин, Порохова*, 2000 — *Халяпин М. В., Порохова О. И.* Погребальные комплексы эпохи бронзы у с. Красноселки в Самарском Поволжье // Археологические памятники Оренбуржья / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Оренбургская губерния, 2000. С. 109–125.
- Черленок*, 2001 — *Черленок Е. А.* Колесничая запряжка в погребальном обряде (начало эпохи поздней бронзы евразийских степей) // Вестник молодых ученых. 2001. № 1. С. 22–29.
- Черленок*, 2010 — *Черленок Е. А.* Орнамент на сегментовидных и подпрямоугольных псалиях покровской и потаповской культур // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии / Бочкарев В. С. и др. Екатеринбург; Самара; Донецк: ЦИКР «Рифей», 2010. С. 230–237.
- Чечушков, Епимахов*, 2010 — *Чечушков И. В., Епимахов А. В.* Колесничный комплекс Урало-Казахстанских степей // Там же. С. 182–229.
- Шишлина и др.*, 2015 — *Шишлина Н. И., Скоробогатов А. М., Кайзер Э., Усачук А. Н.* Радиоуглеродное датирование парных образцов из могильника Рождествено: результаты анализа и обсуждение // Известия Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17, № 3. С. 262–272.
- Юдин, Матюхин*, 2006 — *Юдин А. И., Матюхин А. Д.* Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов: Научная книга, 2006. 116 с.
- Penner*, 1998 — *Penner S.* Schliemanns Schachtgräberfund und der europäische Nordosten: Studien zur Herkunft der frühmykenischen Streitwagenausstattung. Bonn: Habelt, 1998. 239 S. (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde; Bd. 60).

Chariot of the beginning of the late Bronze Age in the Volga-Don region: relative chronology of the burial rite and decoration of the cheekpieces

E. A. Cherlenok

In the beginning of the late Bronze Age, there appeared the first chariots in the Volga-Don region. The elements of chariots were found mostly at burial sites. Here, paired burials of horses were found as well as cheekpieces which often were richly ornamented. For their investigation, a sample of 47 complexes was selected (Fig. 1). The investigation was carried out over six units: burials of chariot horses, positions of the cheekpieces, undecorated cheekpieces, pattern on tenons, pattern on segment-like and subrectangular cheekpieces, pattern on grooved cheekpieces and objects with rounded and figured forms of the shields. The variability within these sections units proved to be fairly high. They comprised 30 grades. This diversity is explainable first by the presence of the local traditions (Fig. 2–9). The second reason may have been in the differences in the

chronology of the studied complexes. They are divided into three chronological groups correlated with two stages of the development of metal production of the late Bronze Age in Eastern Europe (Fig. 10). The first stage is characterized by poor ornamentation of the cheekpieces which only in the end of that period was replaced by plain wavy decoration. With the second stage, objects decorated with a complex wavy design and geometric pattern are related. As the burial rite is concerned, a distinct dynamics is traceable only in the Volga region. Here, at the first stage, the cheekpieces were laid at the head of the interred while the 'hides' and carcasses were placed on the roofing. At the second stage, the tradition of putting the cheekpieces at the feet is distributed while the horses were buried outside the boundary of the grave pit.

Боспорские терракотовые фигуры в виде повозок из коллекции Государственного Эрмитажа

А. М. Бутягин¹

АННОТАЦИЯ. Боспорские терракотовые модели повозок часто служат основой для реконструкции транспорта скифов и сарматов. Между тем, все они происходят из некрополя Пантикапея, были сделаны в античной мастерской и датируются второй половиной I – началом II в. н. э. Большая часть изображенных повозок находит аналогии в античном транспорте. К кочевымномадам, пополнившим население городов, может иметь отношение только сама традиция помещения моделей повозок в могилу.

ANNOTATION. Bosphoran terracotta models of carts often serve as the basis for the reconstruction of the transport of the Scythians and Sarmatians. Meanwhile, they all come from the necropolis of Panticapaeum, were made in a Greek workshop and date back to the second half of the 1st – early 2nd century BC. Most of the carts depicted find analogies in roman transport. Only the tradition of placing models of carts in the grave can be related to the nomads who have replenished the population of the Greek city.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Боспорское царство, терракота, транспорт, римское время.

KEYWORDS: Bosphoran kingdom, terracotta, transport, Roman time.

Научные интересы Д. Г. Савинова всегда далеко выходили за пределы сибирских степных территорий, а его внимание часто обращалось на контактные зоны, где кочевники вступали во взаимоотношение с различными оседлыми культурами. К таким регионам в полной мере относится и Северное Причерноморье, где население античных поселений в течение долгого времени находилось в сложных взаимоотношениях с миром ираноязычных номадов. Этим вопросам юбиляр подробно касался и в рамках курса кафедры археологии СПбГУ по скифо-сарматской археологии.

В этой статье мне хотелось бы рассмотреть одну из категорий материала, происходящего с территории античных городов, которая часто используется для реконструкции определенного аспекта жизни культур окружающих кочевников. Речь пойдет о **терракотовых фигурах, изображающих повозки, а также впряженных в них животных.**

Впервые указание на керамическую повозку появляется в 1891 г. в переписке председателя ИАК А. А. Бобринского и В. В. Латышева. А. А. Бобринский упоминает о том, что А. В. Новиков продемонстрировал ему некий «курьезный предмет» из своей коллекции и обещал снять с него фотографический снимок (*Застржнова*, 2020. С. 168). Таким образом,

первая такая терракота была найдена еще до этого момента. Новый директор Керченского музея К. Е. Думберг отправляет А. А. Бобринскому снимок повозки только письмом от 9 сентября 1894 г., узнав о желании последнего из сообщения профессора Ю. А. Кулаковского (Там же. С. 170. Рис. 4).

В научной литературе впервые терракота в виде повозки фигурирует в протоколе заседаний Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) от 17 января 1896 г., когда А. И. Мурзакевич представил присутствующим снимок этого изделия, которое было поименовано как «детская игрушка, изображающая «скифскую тележку» с башенкой или печью сверху» (Протоколы..., 1896. С. 160). Повозка находилась в коллекции А. В. Новикова и, по его сообщению, была найдена в Керчи на Глинище в детской гробнице.

В 1900 г. небольшая заметка об этой же находке была напечатана в Праге профессором Карлова университета Й. Л. Пичем, который получил его фотографию через посредство директора Керченского музея В. В. Шкорпила (*Pič*, 1900)². В этой публикации высказываются мысли об аналогичных повозках в древних европейских культурах, а также впервые по отношению к ней цитируется сообщение псевдо-Гиппократ (Hippocr. Aeg. 25), что впоследствии становится общим местом.

¹ 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж. Отдел Античного мира. Адрес электронной почты: butyagin@gmail.com.

² К сожалению, мне оказалась доступна только часть этой заметки.

Особый интерес эта и подобные находки вызвали у профессора Ягеллонского университета П. Беньковского, который может быть назван крупнейшим исследователем этого типа терракот. Еще в 1898 г. он ознакомился с терракотовыми повозками из коллекции А. В. Новикова и сделал их фотографии. По его данным, к моменту публикации находки уже были куплены Императорским Эрмитажем, в связи с чем он получил разрешение на публикацию от хранителя. Небольшая заметка о них была опубликована только в 1902 г. (*Bienkowski, 1902*). Помимо уже опубликованной повозки, в статье опубликована еще одна терракота повозки другого типа, по словам П. И. Беньковского, также происходящая из той же коллекции и найденная на том же участке пантикапейского некрополя³. П. Беньковский указывает, что в настоящее время вся коллекция находится в Отделе древностей Эрмитажа и публикация производится с разрешения его руководства⁴. Автор предполагал, что терракоты изображают скифские повозки, цитируя древнегреческий текст псевдо-Гиппократ.

Впоследствии П. Беньковский опубликовал еще одну, намного более объемную работу, посвященную терракотовым повозкам. Она появилась два года спустя в Известиях ИАК (*Беньковский, 1904*). Здесь были рассмотрены две археологические находки терракот с повозками, сделанные В. В. Шкорпиллом, а также еще одна повозка из коллекции А. В. Новикова, купленная Эрмитажем. Любопытно, что среди них нет тех двух повозок, которые были опубликованы им в предыдущей статье. Автор подробно рассматривает археологический контекст двух находок, относя их к римскому времени, а также высказывает свои предположения относительно использования моделей, предполагая, что одна из них служила игрушкой, а другая — погребальной урной.

Следует заметить, что эта работа является, пожалуй, единственной, в которой ее автором сделана попытка выяснить назначение терракот с повозками, а также внимательно рассмотреть их археологический контекст. В дальнейшем ученые, которые привлекали этот материал для своих исследований, либо интересовались другими аспектами, либо рассуждали в духе Э. Р. фон Штерна,

который в статье, посвященной античным игрушкам, писал об аналогичной повозке, что если игрушки должны подражать реальным предметам, «то позволительно будет в этой повозочке усмотреть подражание действительно существовавшим в Скифии» (*Штерн, 1911. С. 28*). Фактически, то, что глиняные повозки являются моделями средств передвижения кочевников, с этого времени не подвергалось ни малейшему сомнению; также никаких сомнений уже не возникало в том, что представленные повозки являются исключительно игрушками. Все они попадают в эту категорию в соответствующем разделе коллективной монографии о Северном Причерноморье (*Цветаева, 1984. С. 228–229, Табл. СXXXIV, 13, 15, 19*).

К терракотовой группе из бычка и повозки обращался Г. И. Соколов (*Соколов, 1999. С. 394. Ил. 279*), но рассматривал их исключительно с точки зрения развития искусства Боспора римского времени, обращая внимание на упрощенность форм, которую трактовал как следствие усталости и невнимания к внешнему миру боспорских мастеров «в тот переломный период» (Там же).

Подавляющее большинство публикаций, в которых используются терракотовые повозки, посвящены восстановлению внешнего облика кочевнических повозок, причем как сарматского, так и скифского времени. В первую очередь здесь нужно отметить статью Л. Г. Нечаевой (*Нечаева, 1975. С. 11–13*), где не только приведены фотографии трех повозок, но и высказываются предположения об устройстве этих кочевых жилищ. В дальнейшем появляется и возможная реконструкция одного из типов кочевнической повозки (*Вайнштейн, 1976. Рис. 6, 5, 6*). Из последних работ можно упомянуть статью, где терракотовые повозки рассматриваются в рамках реконструкции жилищ кочевников Северного Причерноморья IV–II вв. до н. э. (*Синика, Тельнов, 2014. С. 19, 24–25*), хотя авторы и оговаривают более позднюю дату производства терракот.

Пожалуй, единственной работой за последние десятилетия, значительная часть которой посвящена именно терракотовым повозкам, является небольшая статья С. А. Яценко (*Яценко, 1994. С. 19–21*)⁵. Им было учтено шесть находок (в том числе пять из коллекции Эрмитажа и опубликованная П. Беньковским модель из коллекции А. В. Нови-

³ Первая модель находится в коллекции Эрмитажа, вторая, насколько мне известно, пропала.

⁴ Коллекция А. В. Новикова поступила в Эрмитаж в 1900 г. (*Федосеев, 2002. С. 168*).

⁵ Хочу поблагодарить С. А. Яценко за существенную помощь в подготовке этой работы.

кова)⁶. В статье впервые предлагается типология моделей (выделено четыре типа). Исследователь рассматривает все терракотовые модели как изображения кибиток аланских племен, а их типы — как принадлежащие к различным племенным группам.

В этой небольшой работе мне хотелось бы представить такие терракоты, находящиеся в коллекции Отдела Античного мира Государственного Эрмитажа, а также высказать некоторые соображения об их хронологии и функции. В настоящее время в музее хранится шесть **моделей повозок**, к двум из которых прилагаются фигурки запряженных в них быков, также снабженные колесиками:

1. Повозка четырехколесная с пирамидальным возвышением (высота 24 см) (**рис. 1, 1**). Состоит из прямоугольного кузова, в котором сделаны отверстия для осей (по два с каждой стороны). В кузове также сделаны прямоугольные отверстия, возможно, имитирующие окна, в торце со стороны пирамидального возвышения (вероятно, задней) — два, в правой — три, в левой — два. В торцевых сторонах сделаны два круглых отверстия, возможно, для крепления дышла. Примерно половина кузова перекрыта возвышением в виде усеченной пирамиды. В частях, соответствующих торцам кузова, сделано по одному прямоугольному отверстию. При этом в передней части над отверстием наличествует прямоугольный козырек, а в задней части такой же козырек расположен снизу (он отсутствовал и восстановлен аналогично козырьку в передней части, так что его форма, в действительности, неясна). Следует отметить, что первые издатели считали передней частью повозки ту, на которой стоит пирамидальное возвышение (Протоколы..., 1896. С. 160). На внешней поверхности кузова есть слабые следы красной краски. Колеса сделаны со ступицами в виде усеченного конуса с обеих сторон. По сообщению находчиков, повозка была найдена на Глинице в детской гробнице. Поступила в Эрмитаж в 1900 г. из собрания А. В. Новикова (Инв. № Г.1188). Опубликована в ИТУАК (Протоколы..., 1896. С. 160), а также Й. Л. Пичем (*Pič*, 1900. S. 224–225), П. Беньковским (*Bieńkowski*, 1902. S. 394–397) и в каталогах выставок (*L'Or...*, 1995. № 18; Сокровища..., 2008. С. 154, № 76).

2. Повозка четырехколесная с кузовом, закрытым полуцилиндрическим сводом, и фигура

впряженного в нее быка (вола) (высота повозки 18,9 см, фигурки бычка 14,2 см) (**рис. 1, 3**). Состоит из прямоугольного кузова, с боковых сторон которого поднимаются прямые стенки, завершающиеся полуцилиндрическим сводом. В передней (предположительно) части повозки — квадратное отверстие с небольшой выступающей рамкой, слева сверху выступ, возможно, для крепления дверцы. Ниже два небольших прямоугольных отверстия, возможно, для крепления оглоблей. В верхней части задней стенки сделаны пять узких вертикальных отверстий, под ними три горизонтальных. Также в центре над вертикальными отверстиями и по бокам горизонтальных сделано три круглых отверстия, одно из которых задело крайнее горизонтальное отверстие. Небольшое глухое отверстие также сделано слева в нижней части задней стенки. Внизу кузова по краям находятся четыре петли, через которые продевались оси. Колеса изготовлены с цилиндрическими ступицами. На одном видны прочерченные линии от края к центру, возможно, имитирующие спицы. Фигура бычка сделана грубо, отверстия для крепления колес отсутствуют, на теле схематично изображены ремни запряжки. Судя по их асимметричному расположению, можно предполагать, что фигурка была изготовлена для изображения парной запряжки. Поступила в Эрмитаж в 1911 г. из покупок в Керчи (Инв. № Г.2671). Опубликована в Отчете ИАК за 1911 г. (ОИАК за 1911. С. 31. Рис. 56а; 56б; 57) и П. Ф. Силантьевой, где датирована II–III вв. н. э. (*Силантьева*, 1974. С. 37, № 231. Табл. 51, 2; 52).

3. Повозка четырехколесная с кузовом, расширяющимся в центральной части (высота 19,5 см) (**рис. 1, 4**). Состоит из кузова, представляющего собой прямоугольник со скругленными углами, расширяющийся в центральной части и сужающийся кверху. В верхней части находится прямоугольное отверстие, по углам которого расположены небольшие прямоугольные выступы. Нижняя часть была частично утрачена в древности и восстанавливается не полностью. Судя по всему, четыре выступа по углам нижней части кузова соединяли его с еще одним прямоугольным кузовом, с небольшими бортиками, в боковых сторонах которого были сделаны круглые отверстия для осей. В одном из торцов, вероятно, переднем, наличествует одно круглое отверстие. Колеса без ступиц. Подарена известным керченским коллекционером И. А. Терлецким (*Федосеев*, 2002. С. 167) в 1912 г. и поступила в Эрмитаж в 1914 г. (Инв. № Г.2635).

⁶ При этом не была учтена как раз самая известная модель с пирамидальным возвышением.

РИС. 1. Терракотовые модели повозок из коллекции Государственного Эрмитажа: 1 – Г.1188; 2 – П.1903-103 (по: Беньковский, 1904. Таб. IVa); 3 – Г.2671; 4 – Г.2635; 5 – Г.1190; 6 – П.1903-132, с бычком П.1903-133. Масштаб разный

FIG. 1. Terracotta models of carts from the collection of the State Hermitage: 1 – inv. No. Г.1188; 2 – П.1903-103 (after Беньковский, 1904. Pl. IVa); 3 – Г.2671; 4 – Г.2635; 5 – Г.1190; 6 – П.1903-132, with a young ox П.1903-133. Scale varies

4. Пвозка четырехколесная с кузовом, расширяющимся в центральной части и разделенным на сегменты (высота 16,5 см) (рис. 1, 5). Устройство кузова напоминает предыдущую терракоту, однако он разделен на участки вертикальными углублениями. Боковые стороны разделены на пять, а торцевые — на два сегмента. Прямоугольное отверстие в верхней части окружено рамкой с выступами по углам (сохранилось два из них). В нижней части одного из торцов расположена горизонтальная петля. В нижней части кузова по углам сделаны четыре петлеобразных выступа с отверстиями для продевания осей. Колеса со ступицами в виде усеченных конусов. Поступила в Эрмитаж из собрания А. В. Новикова в 1900 г. (Инв. № Г.1190). Впервые опубликована П. Беньковским под № 2 (*Беньковский*, 1904. С. 65).

5. Пвозка четырехколесная с кузовом, расширяющимся в центральной части и разделенным на сегменты, вместе с двумя фигурками бычков (волов) (один сохранился хорошо, второй во фрагментах) и фрагментом ярма (?) (высота пвозки 22,6 см, бычка 14,7 см) (рис. 1, 6). По своему устройству кузов аналогичен предыдущей терракоте, но сильнее вытянут вертикально. Колеса с цилиндрическими ступицами, отверстия глухие (в отличие от всех остальных). На одном из колес процарапанные черты от края к центру, которые П. Беньковский трактовал как следы букв (Там же. С. 67) (Инв. № пвозки П.1903-132). Фигура бычка трактована обобщенно, в ногах сделаны отверстия для крепления осей (одна на две ноги). На переднем левом плече процарапаны два знака, по всей видимости, тамги. Колеса для фигурки без ступиц. От второго бычка сохранилась голова, обломок хвоста и часть туловища (части фигуры — инв. № П.1903-133, колеса — инв. № П.1903-137). От ярма (?) сохранилась прямоугольная пластина с двумя сквозными и двумя глухими отверстиями (Инв. № П.1903-137). Найдена в ходе раскопок В. В. Шкорпила на Глинище в могиле № 312 (189) в 1903 г. (*Шкорпил*, 1905. С. 64). Гробница представляла собой детское грунтовое погребение. Бычки и пвозка с 21 астрагалом внутри находились в ногах скелета. Все предметы поступили в Эрмитаж в 1904 г. В настоящее время пвозка и бычок хорошей сохранности выставлены на постоянной экспозиции музея. Впервые опубликована П. Беньковским под № 3 (*Беньковский*, 1904. С. 65-67), а также П. Ф. Силантьевой и датирована ею I-II вв. н. э. (*Силантьева*, 1974. С. 37, № 230. Табл. 51, 1); помимо этого — в каталогах выставок

(Rome..., 1993. P. 27, № 15.02, 15.03; Greeks..., 2007. P. 207-208, № 106, 107).

6. Пвозка четырехколесная с кузовом, расширяющимся в центральной части (высота 27,2 см) (Инв. № П.1903-103) (рис. 1, 2). Кузов прямоугольный с вертикально поднимающимися стенками, примерно в середине высоты стенки сходятся к прямоугольному отверстию в верхней части с рамкой и выступами по углам. В нижней части пвозки поперечно сделаны выступы с каналами для крепления осей. На одном из торцов сделано круглое отверстие и сохранились следы от вдавленного прямоугольника. Колеса с цилиндрическими ступицами. Поверхность пвозки покрыта светлой обмазкой. Найдена в ходе раскопок В. В. Шкорпила на Глинище в могиле № 210 (87) в 1903 г. (*Шкорпил*, 1905. С. 45). Гробница представляла собой взрослое грунтовое погребение. Пвозка находилась, видимо, поверх деревянного саркофага и содержала внутри кремацию. Впервые опубликована П. Беньковским под № 1 (*Беньковский*, 1904. С. 63-65).

Кроме того, имеются сведения еще о трех пвозках. В коллекции Одесского археологического музея находится четырехколесная пвозка с кузовом заостренной формы в передней части и скругленной — в задней (*Штерн*, 1911. С. 26-28) (рис. 2, 2). Задняя часть кузова перекрыта, над перекрытием конструкция из двух дуг, пересекающихся крестнакрест. Еще одна дуга находилась над передней частью пвозки. В задней части кузова есть очерченные участки круглой и прямоугольной формы, покрытые штриховкой, судя по всему, прочерченные по сырой глине. В нижней части бортов сделаны отверстия для осей, причем передняя внутри пвозки проходит через цилиндр, на котором сидит схематическая фигурка человека. Колеса с коническими ступицами и спицами, причем в центральной части спиц идут прочерченные линии. Поступила как покупка у керченского торговца древностями Е. Р. Запорожского (*Федосеев*, 2002. С. 165); по его словам, она найдена в 1909 г. в ходе раскопок в детской могиле на Глинище в Керчи. Эта пвозка по форме и оформлению, а также наличию «возницы» сильно отличается от всей рассматриваемой группы.

В коллекции ГИМ находится двухколесная пвозка с фигурой барана на колесиках, предположительно происходящая из Керчи (На краю Ойкумены..., 2002. С. 73, № 273, 274). Пвозка с прямоугольным

⁷ Карточки подготовлены Н. З. Куниной.

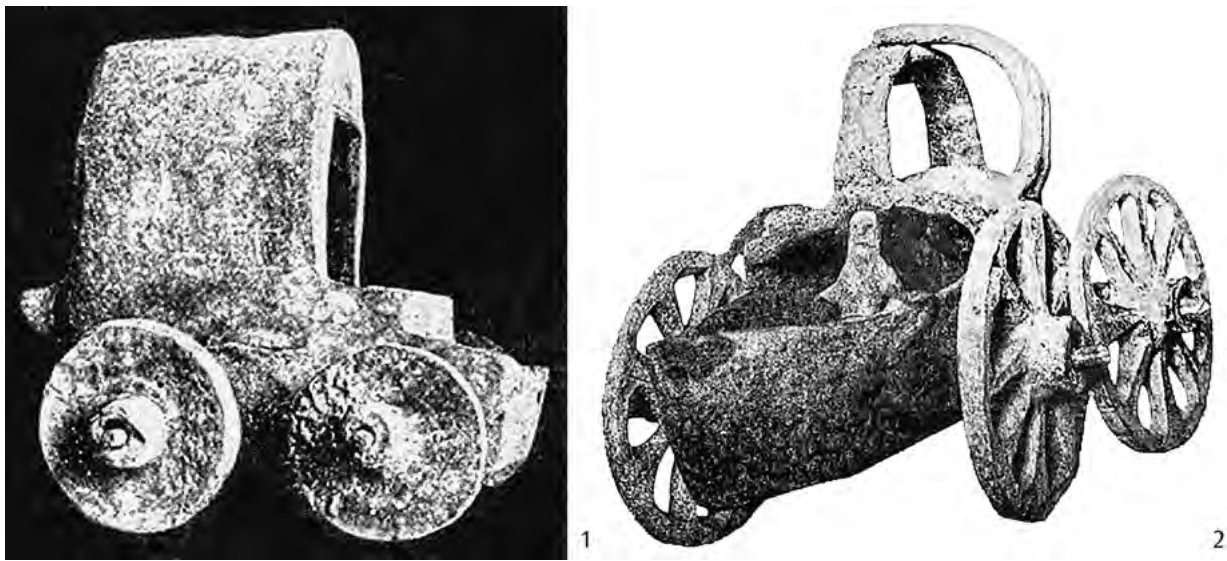

РИС. 2. Терракотовые модели повозок: 1 – из коллекции А. В. Новикова (по: *Bieńkowski*, 1902. Fig. 2); 2 – из коллекции Одесского археологического музея (по: *Штерн*, 1911. Рис. 346). Масштаб разный

FIG. 2. Terracotta models of carts: 1 – from A. V. Novikov's collection (after *Bieńkowski*, 1902. Fig. 2); 2 – the collection of the Odessa Archaeological Museum (after *Штерн*, 1911. Fig. 346). Scale varies

кузовом, задняя часть которого перекрыта полуцилиндрическим сводом, с небольшим отверстием у переднего верхнего края (высота с колесами 12 см, без них 5 см). Колеса без ступиц. Фигурка барана по качеству очень напоминает фигурки бычков, найденных с описанной выше повозкой № 5. Колеса на ногах аналогичны повозке. Одновременность находки повозки и фигуры барана находится под вопросом.

Наконец, следует упомянуть повозку, опубликованную П. И. Беньковским, дальнейшая судьба которой неизвестна (*Bieńkowski*, 1902. S. 395). О ее форме можно судить по описанию в статье и приведенной там же фотографии (высота 24 см) (рис. 2, 1). Повозка с кузовом четырехугольной формы, в передней части которого находится круглое отверстие, а в задней – прямоугольное. Задняя часть повозки перекрыта помещением с прямыми стенками и полуцилиндрическим завершением. В его передней и задней части находятся квадратные окна. Под задним расположен прямоугольный козырек, а перед передним – небольшая приступка, которую публикатор описывает как «детскую кроватку», видимо, в связи с тем, что она ограничена вертикально поставленными стенками. Колеса с цилиндрическими ступицами, причем задние по диаметру больше передних. Печально, что такая любопытная терракота не сохранилась до настоящего времени.

Несмотря на то, что из археологических раскопок происходит только две повозки, практически все сведения указывают на одно и то же место находки – керченский некрополь в районе Глинища. Оценивая находки стеклянных сосудов, а также монеты из соседних погребений, П. Беньковский предположил, что открытые в 1903 г. погребения с повозками можно отнести в целом к римскому времени (*Беньковский*, 1904. С. 68). В могиле, где обнаружена повозка № 6, был найден хорошо сохранившийся стеклянный кувшин (Инв. № П.1903-105), верхняя часть аналогичного кувшина обнаружена вместе с повозкой № 5 (Инв. № П.1903-206). Кувшин хорошей сохранности относится ко второй половине I в. н. э. (*Кунина*, 1997. С. 307. Кат. 260). Этой датой представляется возможным датировать оба погребения.

Для того чтобы определить, насколько остальные находки соответствуют этой дате, нужно выяснить, насколько они едины в типологическом отношении. Можно разделить известные нам терракотовые повозки на двухколесные и четырехколесные. Пока к первым может относиться только модель из коллекции ГИМ. По форме нижней части кузова можно выделить две формы повозок. Почти все они имеют четырехугольную нижнюю часть кузова, за исключением повозки из коллекции Одесского музея, с кузовом в форме лодки. Более важной, как кажется, является форма верхней ча-

сти кузова. Здесь можно выделить повозки: с пирамидальным возвышением (№ 1); с расширяющимся кузовом, иногда разделенным на сегменты (№ 3–5), к которым, по всей видимости, примыкает и модель № 6, у которой не так выражено расширение; с полуцилиндрическим завершением, к которым относятся модель № 2, повозка из ГИМ и опубликованная П. И. Беньковским повозка из коллекции А. В. Новикова; опять же особняком стоит повозка из Одесского музея. Кроме того, терракоты различаются формой крепления колес: отверстия в бортах у повозок № 1, 3, из ГИМ и из Одесского музея, петли у повозок № 2, 4–5 и цилиндры у повозки № 6 (последнее, возможно, объясняется большим весом терракоты). Также различается форма колес: в большинстве случаев — это сплошные колеса со ступицами цилиндрической или усеченно-конической формы (у моделей № 1, 2, 4, 6 и из коллекции А. В. Новикова), у модели № 5 отверстия глухие, у повозки из Одесского музея показаны спицы, а у повозок № 3 и из ГИМ колеса без ступиц, характерные также для впряженных в повозки животных (бычков и барана). Помимо этого, имеются еще многочисленные различия в деталях.

Таким образом, можно констатировать, что все модели повозок и, вероятно, предназначенных для них тягловых животных изготавливались индивидуально. Более-менее четким можно считать разделение на: 1) повозки с отверстием сверху, кузов которых обычно расширяется в центральной части и может быть сегментирован (условно можно назвать их «телега»); 2) крытые повозки с разными вариантами перекрытия (условно — «кибитка»), хотя следует понимать, что они могут изображать однотипные транспортные средства, перекрытые различными способами. Сходство колес и одинаковые детали устройства разнотипных повозок позволяют думать, что такие предметы могли изготавливаться одной мастерской или группой мастеров в один период. Особняком здесь стоит повозка из Одесского музея. Для всех терракотовых повозок из коллекции Эрмитажа можно предполагать производство в мастерских Пантикапея во второй половине I в. н. э., возможно, в самом начале II в. н. э.

В этой связи стоит остановиться на распространенности таких терракот среди населения Боспора. В том случае, если они служили «любимыми игрушками» (Цветаева, 1984. С. 228–229), их фрагменты должны встречаться в слоях поселений.

Колеса от повозок (?) были найдены на городище Нимфей (в коллекции ГЭ, инв. № НФ-82.435), в Илурате (Гайдукевич, 1981. Рис. 38, 2) и Танаисе (Яценко, 1994. С. 20. Табл. II, 1). Конечно, некоторые фрагменты повозок и колес могли остаться неузнанными, но факты заставляют предполагать крайнюю редкость употребления таких предметов в быту боспорских жителей.

Теперь обратимся к назначению терракотовых моделей. В своей работе П. Беньковский, опираясь на находки В. В. Шкорпила, предполагает два варианта использования таких вещей (Беньковский, 1904. С. 69–71). В том случае, когда терракотовая модель найдена в детской могиле, она является игрушкой, захороненной вместе с ее владельцем. В другом случае — кузов повозки использовался как погребальная урна, что прямо явствует из археологического контекста.

Рассмотрим возможность использования глиняных повозок как игрушек. Наличие катающихся игрушек известно в Греции как минимум с раннегеометрического периода. Для классического времени существуют изображения на вазах детей, катающих игрушки. По изображениям невозможно понять, из какого материала сделаны игрушки, но таковым может являться и глина, и дерево, тем более что делать из дерева игрушки, связанные с движением, более разумно. В Северном Причерноморье такие игрушки зафиксированы, например, в Херсонесе (коллекция ГЭ, инв. № Х.1893-52) и в Ольвии (Штерн, 1911. С. 26. Рис. 33). Обе относятся к римскому времени.

Однако в использовании рассматриваемых терракот как игрушек есть определенные сомнения. Во-первых, об этом говорит небольшое количество изделий, что делает их редким штучным товаром, а это нехарактерно для игрушек, часто выпускавшихся в форме. Во-вторых, как уже было показано выше, фрагменты таких предметов фактически отсутствуют в городских слоях, при этом другие виды игрушек встречаются.

Кроме того, существенные сомнения в отнесении этих моделей к игрушкам внушает еще одна необычная находка (Инв. № П.1906-50). В 1906 г. при раскопках В. В. Шкорпила на горе Митридат в районе Нагорной улицы был открыт склеп № 53 (Шкорпил, 1909. С. 68–69). Он был ограблен, но кое-какие находки удалось обнаружить. Среди них присутствовала терракота, интерпретированная находчиками как фигурный сосуд (высота 22,5 см) (рис. 3).

РИС. 3. Фигурный сосуд (?) на колесах. П.1906-50. Размеры изделия указаны в тексте

FIG. 3. Figured jar (?) on wheels. Inv. No. П.1906-50. The scale is indicated in the text

Основание его прямоугольной формы, сверху находится ручка, горло расположено в передней части, и на нем изображена гротескная голова пожилого человека, по бокам шеи помещены два рельефа с изображением Эротов, а на груди, видимо, фигура воина. На дне сохранились остатки петель для крепления осей. Естественным образом автором находки и Б. В. Фармаковским предмет был интерпретирован как игрушка (*Pharmakowski*, 1907. S. 133–134). Однако гротескный вид фигуры, рельефы с Эротами и ее положение в погребальном контексте позволяют исключить этот вариант. По всей видимости, мы имеем дело с изображением монстра, который может или самостоятельно передвигаться, или быть впряженным в повозку, подобную тем, о которых мы говорили. Причины, по которым фигуре была придана форма сосуда или, наоборот, сосуд был сделан в форме монстра, неясны, но вероятна связь этого факта с погребальной традицией, причем античной. Система крепления осей у фигуры аналогична повозкам № 2, 4 и 5. Из датирующего материала в склепе найдена монета Котиса I, что позволяет датировать погребение второй половиной I в. до н. э. (*Шкорпил*, 1909. С. 69), т. е. тем же временем, когда были произведены повозки, датированные совместным археологическим материалом.

Этим наблюдениям противоречит тот факт, что как минимум одна повозка была найдена достоверно в детской могиле и еще о нескольких так сообщали находчики. Использование каких-то из моделей повозок в качестве игрушек теоретически возможно, так как часто для игр использовались терракоты, предназначенные для других целей, в первую очередь культовых (такая ситуация не редкость и в настоящее время). В связи с этим мне кажется, что не эта функция была основной при их изготовлении.

Учитывая, что модели повозок изготавливались на Боспоре в течение относительно недолгого времени, можно предположить, что мы имеем дело с культовой традицией, предполагающей помещение в могилу изображения средства передвижения. Одним из вариантов такого использования повозки может быть помещение в нее кремированного праха, как это зафиксировано раскопками В. В. Шкорпила. Для этого идеально подходят повозки типа «телега», которые при желании могли снабжаться крышками, которые можно было укрепить за выдвигающиеся выступы на углах. В таком случае можно предположить, что модели повозок изготавливались, в первую очередь, как погребальный инвентарь и могли помещаться в могилу либо самостоятельно, либо в качестве урны с пеплом. Использование их в качестве детских игрушек возможно, но является дополнительной функцией изделий.

Важный вопрос состоит в том, что за повозки изображали представленные модели. С самого первого сообщения об этих предметах и до настоящего времени они интерпретировались исключительно как изображения кочевнических кибиток. На это, как казалось интерпретаторам, однозначно указывала форма верхней части терракоты № 1, которую даже предполагали каркасной юртой, поставленной на повозку (*Нечаева*, 1975. С. 12–16). Вторым важным обстоятельством являются процарапанные на плече одного из бычков терракоты № 5 знаки. П. Беньковский интерпретировал их как греческие буквы и предполагал их магическое значение (*Беньковский*, 1904. С. 69–70), но сейчас не может быть никакого сомнения, что это тамги. По мнению С. А. Яценко, тамги на плече бычка могут быть датированы II–III в. н. э.⁸ Это порождает опре-

⁸ Благодарю С. А. Яценко за комментарии в переписке; по его сообщению, верхний знак имеет аналогию на зеркале в сарматском погребении (*Яценко*, 2018. Рис. 7, 26; 9, 7),

деленную проблему с датировкой модели № 5. Тем не менее, датировка погребения по фрагменту стеклянного кувшина кажется мне пока более точной, тем более что она поддерживается датировкой другого погребения с повозкой и склепа с фигурой «монстра». В своей работе С. А. Яценко однозначно интерпретирует все находки повозок как жилища сармато-аланов (Яценко, 1994. С. 20–21). В качестве аналогий могут быть предложены изображение на надгробье из Танаиса (Там же. С. 20. Табл. II, 2) и граффити из святилища Байте III (Яценко, 2017. Рис. 1, 3; 2020. Рис. 2, 4).

Если руководствоваться тем, что рассматриваемые терракоты выпускались на территории греческих городов в мастерских местных коропластов, то удивительным является тот факт, что, начиная с самого открытия моделей, не было попытки искать аналогии им среди античных транспортных средств. Это не составит особого труда. Нет никаких сомнений, что повозки типа «телега» изображают как раз телеги с ребристым кузовом, в которые груз помещался в огромных мешках. Например, такая телега изображена на мозаике из Орба (Sartorio, 2015. P. 65. Fig. 71). Изображения повозок с полуцилиндрическим завершением также не редки. Самым известным из них является изображение из церкви Святой Марии в Клагенфурте (Rossi et al., 2016. P. 17. Fig. 10). Сходная повозка имеется на фреске из Помпей и надгробии из Беневента (Sartorio, 2015. P. 62. Fig. 74; 75). Они очень похожи на повозки типа «кибитка», в том числе на пропавшую повозку из коллекции А. В. Новикова, столь часто используемую для реконструкции скифского образа жизни. Есть аналогии и небольшой двухколесной повозке из коллекции ГИМ (Rossi et al., 2016. P. 16. Fig. 7). Уникальной является только повозка с пирамидальным возвышением, аналогий которым мы не видим и в степи, если не учитывать сомнительную идею о том, что она изображает юрту, установленную прямо на телегу. В целом можно заключить, что большая часть моделей повозок находит значительно больше аналогий в античной традиции, чем в сарматской (или в целом кочевой) и может быть рассмотрена как модели античных телег, использовавшихся на Боспоре в римское время.

а также в «энциклопедии тамг» 1871 г. (Драчук, 1975. Табл. VII, № 439–441) и может быть отнесен к I–II вв. н. э., а нижний помещен на плите из Танаиса (Яценко, 2001. Рис. 20, 2) и относится к середине II – середине III в. н. э.

В заключение хочется остановиться на причине появления повозок в погребениях. Нет никаких сомнений, что мы имеем дело с традицией, которая возникла исключительно на территории европейской части Боспорского царства в I в. до н. э., возможно, исключительно в Пантикапее. Большинство хронологических указаний свидетельствует о том, что погребения датируются узким периодом, далеко не выходящим во II в. н. э., но, может быть, традиция продолжалась и несколько позже. Маловероятно, что ее можно выводить из древних эллинских обычаев, тем более что ничего подобного на Боспоре до этого времени мы не наблюдаем. В таком случае все свидетельствует о том, что мы имеем дело с появлением нового обычая под влиянием проникновения в греческую среду варварских элементов, точнее, сарматских или, если угодно, сармато-аланских (Яценко, 2004. С. 19; 2020. С. 141). Появление на плече фигуры бычка тамг позволяет связывать эту традицию с сарматскими семьями, не принадлежащими к племенной элите (могилы, в которых найдены повозки, довольно скромные, хотя, конечно, не бедные), вошедшими в состав населения эллинских городов. Быстрая эллинизация, однако, не оказалась полной, что привело к использованию в эллинском по происхождению обряде (в частности, кремации) такого элемента, как изображение движущегося средства, которое могло быть использовано как урна или само по себе. В таком виде связь моделей повозок с сарматским населением Боспора вполне правительна и демонстрирует нам сложный процесс эллинизации кочевых варваров.

Таким образом, можно констатировать, что терракотовые модели повозок и упряжных животных изготавливались в течение довольно узкого времени (в пределах второй половины I – начала II в. н. э., хотя возможно, что и несколько позже) в мастерских или даже одной мастерской Боспора, а скорее всего, исключительно Пантикапея, с целью использования в погребальной практике. Возможно, это произошло в ходе эллинизации определенных групп сарматского населения. Подавляющее большинство таких терракот находят аналогии среди транспортных средств античного мира и не могут быть однозначно использованы для реконструкции кибиток сарматской и, тем более, скифской культуры. Конечно, замечания, высказанные в этой работе, имеют предварительный характер и, вероятно, могут быть уточнены в будущем.

Литература

- Беньковский, 1904 — Беньковский П. О терракотовых повозочках из Керчи // ИИАК. 1904. Т. 9. С. 63–72.
- Вайнштейн, 1976 — Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. 1976. № 4. С. 42–62.
- Гайдукевич, 1981 — Гайдукевич В. Ф. Боспорские города: Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат. Л.: Наука, 1981. 136 с.
- Драчук, 1975 — Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья: Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев: Наукова думка, 1975. 176 с.
- Застрожная, 2020 — Застрожная Е. Г. Письма А. А. Бобринского, К. Е. Думберга и В. В. Шкорпила к В. В. Латышеву (в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН) // ПИФК. 2020. № 1. С. 164–174.
- Кунина, 1997 — Кунина Н. З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб.: АРС, 1997. 360 с.
- На краю Ойкумены..., 2002 — На краю Ойкумены: Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского: Каталог выставки из фондов ГИМ, ГМВ, КГИАМЗ / Науч. ред. Д. В. Журавлёв. М., 2002. 144 с.
- Нечаева, 1975 — Нечаева Л. Г. О жилище кочевников юга Восточной Европы в раннем железном веке (I тыс. до н. э. — первая половина II тыс. н. э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы / Ред. М. Г. Рабинович. М.: Наука, 1975. С. 7–49.
- ОИАК за 1911 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1911 год. Петроград, 1914. 123 с.
- Протоколы..., 1896 — Протоколы заседаний Комиссии 21 сентября 1896 г. и 17 января 1896 г. // ИТУАК. Симферополь, 1896. Т. 24. С. 155–163.
- Силантьева, 1974 — Силантьева П. Ф. Терракоты Пантикапея // Терракоты Северного Причерноморья. М.: Наука, 1974. С. 5–37. (САИ; Вып. Г 1–11. Ч. 3).
- Синика, Тельнов, 2014 — Синика В. С., Тельнов Н. П. Скифские жилища IV–II вв. до н. э. в Северном Причерноморье // Археологія і давня історія України. 2014. Вип. 2 (13). С. 19–36.
- Соколов, 1999 — Соколов Г. И. Искусство Боспорского царства. М.: Изд-во МЭИ, 1999. 532 с.
- Сокровища..., 2008 — Сокровища сарматов. Каталог выставки: К 100-летию со дня рождения академика Бориса Борисовича Пиотровского / Науч. ред. И. П. Засецкая. СПб.; Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2008. 176 с.
- Федосеев, 2002 — Федосеев Н. Ф. Керченский музей древностей // ВДИ. 2002. № 1. С. 154–178.
- Цветаева, 1984 — Цветаева Г. А. Мебель, бытовая утварь, отопление, освещение, предметы туалета, игрушки // Античные государства Северного Причерноморья / Гл. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 227–229. (Археология СССР; Т. 9).
- Шкорпил, 1905 — Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1903 г. // ИИАК. 1905. Т. 17. С. 1–76.
- Шкорпил, 1909 — Шкорпил В. В. Отчет о раскопках, произведенных в 1906 г. в г. Керчи и его окрестностях // ИИАК. 1909. Т. 30. С. 51–98.
- Штерн, 1911 — Штерн Э. фон. Из жизни детей в греческих колониях на северном побережье Черного моря // Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской археологической комиссии. СПб., 1911. С. 13–30.
- Яценко, 1994 — Яценко С. А. Изображения аланских кочевых кибиток в погребальном ритуале боспорских городов I–III вв. н. э. // Боспорский сборник. М., 1994. Вып. 4. С. 19–23.
- Яценко, 2001 — Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература РАН, 2001. 190 с.
- Яценко, 2017 — Яценко С. А. Искусство у порога иного мира // Вестник РГГУ. 2017. № 10–2. С. 269–279.
- Яценко, 2018 — Яценко С. А. Планиграфия знаков-тамг в некрополях оседлого населения Сарматии // Stratum plus. 2018. № 6. С. 217–242.
- Яценко, 2020 — Яценко С. А. Некоторые центрально-азиатские элементы в культуре Сарматии раннего времени // Stratum plus. 2020. № 4. С. 135–145.
- Bieńkowski, 1902 — Bieńkowski P. V. Über skythische Wagen // Wiener Studien. Zeitschrift für klassische Philologie. Wien, 1902. S. 394–397.
- Greeks..., 2007 — Greeks on the Black Sea: Ancient Art from the Hermitage / Ed. A. A. Trofimova. Los Angeles: Getty Publications, 2007. 384 p.
- L'Or..., 1995 — L'Or des Sarmates: Nomades des steppes dans l'Antiquité. Daoulas: Abbaye de Daoulas, 1995. 142 p.
- Pič, 1900 — Pič J. L. Zprávy a drobnosti // Památky archaeologické a místopisné. Praha, 1900. Dílu XIX. Sešit III. S. 224–225.
- Pharmakowski, 1907 — Pharmakowski B. Südrußland // Archäologischer Anzeiger. 1907. H. 1. S. 126–153.
- Rome..., 1993 — Rome faces the barbarian: 1000 years to create an empire. Briec: Abbaye de Daoulas, 1993. 207 p.
- Rossi et al., 2016 — Rossi G., Chondros T. G., Milidonis K. F., Savino S., Russo F. Ancient roman transport devices: Development from the Bronze age to the Roman Empire // Frontiers of Mechanical Engineering. 2016. Vol. 11. No. 1. P. 12–25.
- Sartorio, 2015 — Sartorio G. P. Mezzi di trasporto e traffico. Roma: Quasar, 2015. 88 p. (Vita e costumi dei romani antichi; Vol. 6).

Bosporan terracotta models of carts from the collection of the State Hermitage Museum

A. M. Butyagin

First finds of terracotta models of carts come from the necropolis of Pantikapaion in the late 19th century. Researchers surmised at once that these models were representations of the nomadic wagons which are mentioned in the ancient written sources. Since those times, on the basis of analysis of the models, several reconstructions have been proposed and these are constantly used to illustrate the wagons of the nomads. Presently, in the collection of the Hermitage there are six models of this kind and three other ones are also known. The two of the examples are provided with figures of harnessed oxen and one cart is drawn by a ram. From archaeological excavations, two models are provenient, moreover both were uncovered in burials datable to the second half of the 1st century AD. The known carts may be subdivided into two types: 'carts' with a rectangular hole in the upper part and carts with the body completely or partly covered. In the strata of the Classic sites of Bosporos, finds of wheels are ex-

tremely rare while no fragments of carts have been found at all. Hence, the models were manufactured by the piece in the ancient workshops of Pantikapaion during a narrow period within the limits of the second half of the 1st – beginning of the 2nd century BC. It is little probable that they served as toys but rather they were specially intended for use in burials. This is suggested, in particular, by a figured jar (?) on wheels with a grotesque head and reliefs on the body found in Bosporos and which, evidently, served for the same purposes. Almost all the types of the carts have analogues among representations on artistic objects of the Roman Empire. The appearance of the models in the Greek graves of Bosporos, considering the Sarmatian tamgas drawn on the figure of the ox attached to one of the carts, can be related with the process of inclusion of the nomadic families in the composition of the urban populations that led for a short time to the emergence of new elements of the burial rite.

О цветном металле Тимерёвского поселения (по результатам раскопок 1970–1980-х гг.)

В. Н. Седых¹, Я. В. Френкель²

АННОТАЦИЯ. В статье проанализированы изделия из цветных металлов Тимерёвского поселения из раскопок 1970–1980-х гг. Изделия сгруппированы по фактической близости химического состава. Группировка на основе анализа состава сплавов металла сопоставлена с культурно-стилистической. Разработана дробная классификация сплавов цветных металлов.

ANNOTATION. The paper analyses objects from non-ferrous metals yielded by the excavations of the 1970s and 1980s at the Timerevo settlement. The products found are grouped through the actual closeness of the chemical composition. The grouping based on the analysis of the composition of metal alloys is compared with the cultural and stylistic one. A fractional classification of non-ferrous alloys has been developed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Тимерёво, поселение, археологические исследования, естественнонаучные методы, метод РФЛА, выборка, результаты, состав металла, медь, цинк, олово, свинец, сплавы, группировка, классификация.

KEYWORDS: Timerevo, settlement, archaeological research, natural science methods, XRF method, sampling, results, metal composition, copper, zinc, tin, lead, alloys, grouping, classification.

Тимерёвский археологический комплекс под Ярославлем в настоящее время хорошо известен в науке. В период, предшествующий исследованию Ярославской экспедиции ЛГУ, основное внимание уделялось раскопкам могильника. В начале 1970-х гг. приступила к своим работам Ярославская экспедиция кафедры археологии ЛГУ под руководством Игоря Васильевича Дубова (1947–2002). Уже первые исследования в зоне Тимерёвского могильника показали возможность и перспективность изучения курганов, носящих следы раскопок прежних лет. Тогда же были начаты раскопки открытого близ могильника поселения, в ходе которых на распахке обнаружено скопление серебряных восточных монет из клада, сокрытого в IX в. (Дубов, 1982).

В 1983–1990 гг. Ярославская экспедиция кафедры археологии ЛГУ продолжила комплексное исследование в Тимерёво (Седых, 1998; 2001; 2010; 2012). Были раскопаны самые крупные насыпи некрополя и расположенные на границе могильника участки поселения, а также место находки монетного клада. В ходе работ найдены разнообразные материалы, отдельные категории которых подвергнуты исследованиям с применением естественнонаучных методов (Седых, Френкель, 2012а; 2012б; 2012в; 2014б; 2017; 2019).

Целью настоящей работы является публикация предварительных результатов новых исследований составов сплавов цветных металлов изделий, происходящих из раскопок комплексов и культурного слоя Тимерёвского поселения в 1976–1977 и 1984–1986 гг.

В 1976 г. исследования на территории поселения продолжались на трех раскопах — А, Б и В (Дубов, 1982. С. 161–171). В перемешанном пахотном слое наряду с массовым материалом были обнаружены различные бытовые изделия, предметы вооружения, куфические монеты из клада (основной массив которых зафиксирован в 1973 г.) и украшения. Из металлических предметов, найденных в распаханном слое в этом сезоне, в выборку для исследования вошли накладки разных форм с орнаментом, поясное кольцо, фрагменты гривен и подковообразной спиралеконечной фибулы, фрагменты бортика металлического сосуда, навершие булавки/шила или пинцета, позолоченный обломок направляющего ремней оголовья с орнаментом в виде ленточного плетения и звериного (рис. 1, 1–4, 7–10, 12, 13, 15, 18, 20) и др. (Седых, Френкель, 2019. С. 257–258).

Из комплексов ям поселения раскопок 1976 г. происходят различные интересующие нас металлические предметы: височное кольцо «мерянского типа» с заходящими заостренными концами, обломок пластинчатого широкосрединного перстня с продольно-выпуклым орнаментом плохой сохранности, фрагмент привески-бубенчика грушевидной формы, привеска с отверстием в виде «бутылочки» (рис. 2, 1–6) и др. Исследованные в 1976 г.

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5. Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории. E-mail: valsedykh@yandex.ru.

² 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж, Сектор архитектурной археологии. E-mail: reserv-jashafrenkel@mail.ru.

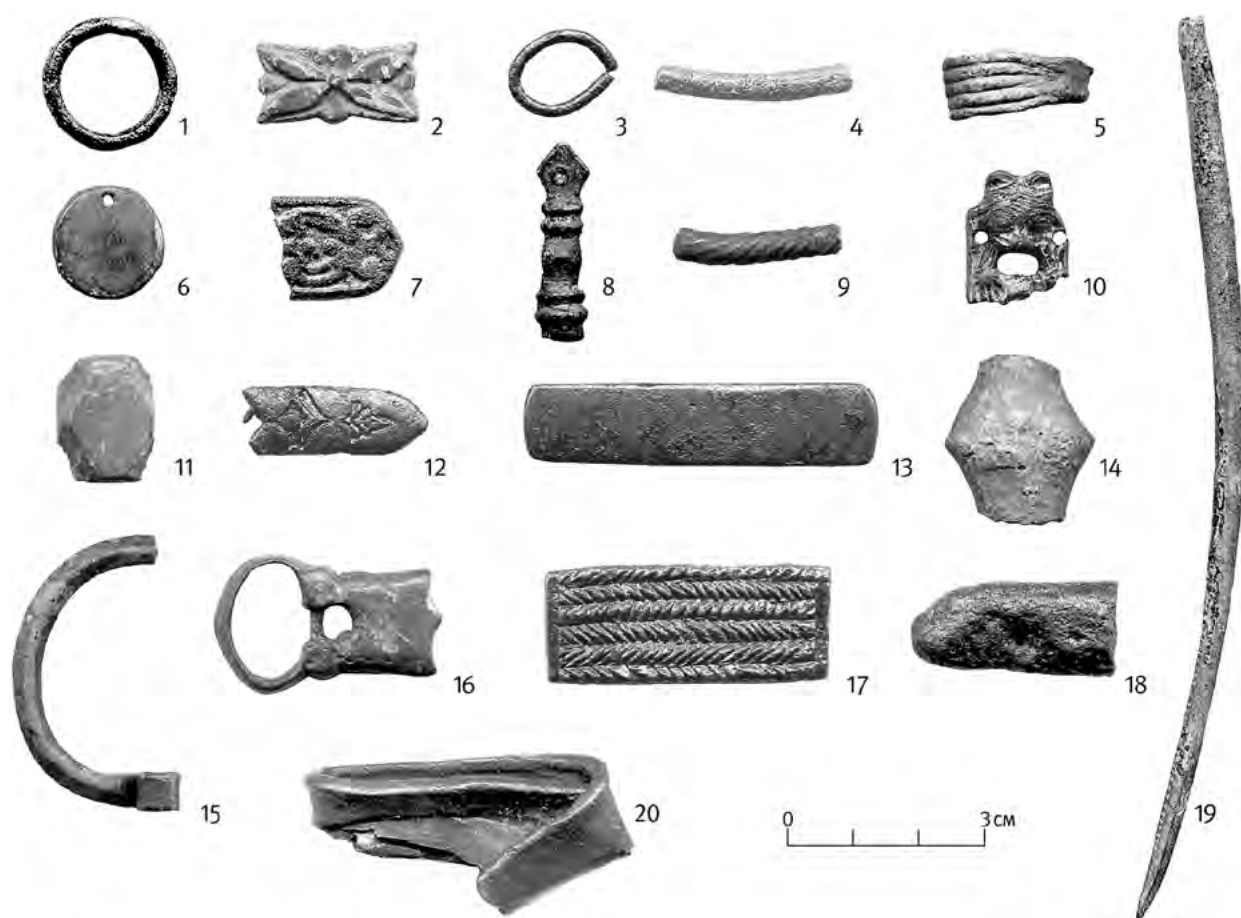

РИС. 1. Металлические изделия из раскопок Тимерёвского поселения. Пахотный слой. 1–4, 7–10, 12, 13, 15, 18, 20 – сезон 1976 г.; 5, 6, 11, 14, 16, 17, 19 – сезон 1977 г. Фото авторов

FIG. 1. Metal objects from excavations at the Timerevo settlement. Arable layer. 1–4, 7–10, 12, 13, 15, 18, 20 – field season of 1976; 5, 6, 11, 14, 16, 17, 19 – season of 1977. Photo by the authors

участки поселения на основании находок датируются X – первой половиной XI в. (Там же. С. 258–259).

В сезоне 1977 г. в перепаханном культурном слое, наряду с предметами из глины, кости, камня, стекла и железа, были найдены изделия и их фрагменты из цветного металла: фрагмент металлического граненого предмета с продольным отверстием, биконическое «грузило», фрагмент пластинчатого перстня с продольно-выпуклым орнаментом, накладка со шпеньком и отверстием, фрагменты бортиков металлических сосудов, пряжка со щитком, фрагмент длинной иглы с орнаментом от кольцевидной фибулы, пластина, орнаментированная «косоплеткой» (рис. 1, 5, 6, 11, 14, 16, 17, 19), и др. (Там же. С. 259–260).

В комплексах ям, исследованных в сезоне 1977 г., интересующие нас металлические предметы представлены перстнями, бляшками, металлическим ушком от сосуда, накладками, крестом с грубым

изображением распятия³, перстнеобразным завязанноконечным височным кольцом, слитками металла (рис. 2, 7–12) и др. (Там же. С. 260–261).

Объектами раскопок 1984–1986 гг. стали участок поселения на границе селитебной зоны и южной части некрополя (раскоп А), раскоп на месте находки монет клада 1973 г. в центральной части селища и раскоп в его юго-восточной части (раскоп Б).

В пахотном слое исследованных участков поселения среди изделий из цветных металлов обнаружены: элементы поясной/сбруйной гарнитуры (пряжки, кольца, бляшка), фрагменты цепочек и браслета, гирьки, трапециевидная подвеска, бузина, проволока, фрагменты фибул, иглы и заготовка иглы для фибулы, слитки и другое (все – из сплавов на основе меди), а также серебряные височные кольца (рис. 3, 1–21).

³ Данной находке авторы совместно с А. Ю. Кононович планируют посвятить отдельную публикацию.

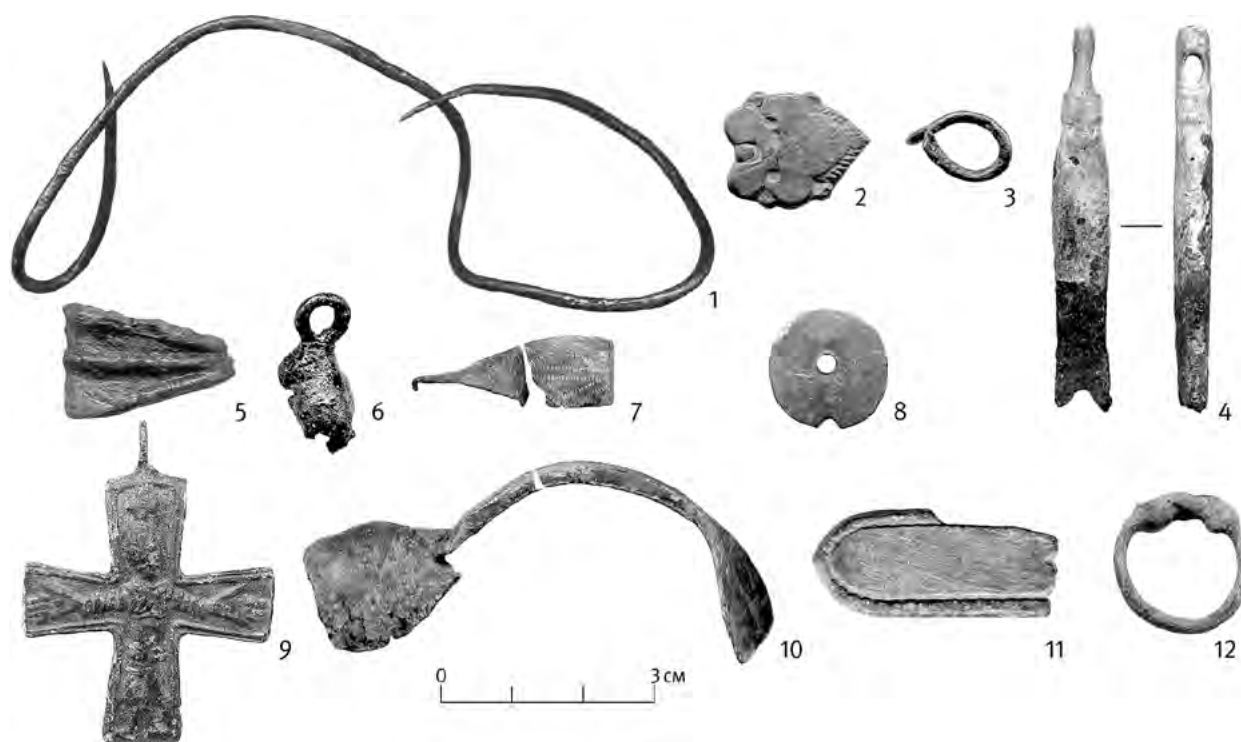

РИС. 2. Металлические изделия из раскопок Тимерёвского поселения. Комплексы ям. 1–6 – сезон 1976 г.; 7–12 – сезон 1977 г. Фото авторов

FIG. 2. Metal objects from excavations at the Timerevo settlement. Pit complexes. 1–6 – season of 1976; 7–12 – season of 1977. Photo by the authors

В выборке также представлены объекты из двух комплексов ям раскопок 1985 г. – № 1 раскопа А и № 3 раскопа Б (рис. 3, 22–26). В состав комплекса ямы № 1 входят: железные наконечник стрелы ромбовидной формы, гвоздик и ладейная заклепка, шиферное пряслице, каменная литейная формочка, желтая стеклянная и сердоликовая бусины, шлаки, фрагмент льячки. В нижнем горизонте заполнения ямы обнаружены бронзовые кольцо (рис. 3, 23), две привески с орнаментом на колечках, имеющие с обратной стороны шпеньки – одна из привесок, вероятно, представляет собой производственный брак (рис. 3, 24, 25), фрагмент бронзового браслета с раскованными концами (рис. 3, 22). В развале очага обнаружены фрагменты арабского дирхама IX–X вв. плохой сохранности⁴.

В прирезке, осуществленной с целью полного вскрытия ямы № 3 раскопок 1984 г., наряду с фрагментами керамики и фаунистическими остатками, обнаружены железная пластинка, обломки кремневых изделий и бронзовая привеска на колечке с шпеньками на обратной стороне (рис. 3, 26).

⁴ Определение снс Отдела нумизматики ГЭ И. Г. Добровольского.

На данном этапе работы выборку составили 83 предмета из цветного металла и серебра, представляющих собой как законченные изделия, так и слитки, проволоку и т. п.⁵

Для исследования использовался неразрушающий рентгенофлуоресцентный анализ (далее – РФЛА)⁶. Всего на данном этапе работы было исследовано 83 изделия, при этом было произведено 235 измерений металла (в т. ч. 38 измерений корродированного металла)⁷. Полученные результаты помещены в Приложение 1⁸.

⁵ Один найденный в пахоте объект (рис. 3, 2) был изготовлен из сплава свинца (ок. 93 %) с сурьмой (ок. 6 %) и кадмием (ок. 1 %). Это изделие предположительно является карточной или ружейной пулей от огнестрельного оружия нового времени и далее не рассматривается.

⁶ Измерения произведены Я. В. Френкелем в Лаборатории научно-технической экспертизы ГЭ на приборе AgTAX (используемый режим: 50 kV, 700 mA, время экспозиции – 40 сек.). Сердечно благодарим С. В. Хаврина и Д. С. Прокуратова за помощь.

⁷ Без учета патины.

⁸ В ходе исследований подавляющее большинство приборных измерений выявило содержание в анализируемых металлах примеси никеля в интервале 0,06–0,08 %. В нескольких анализах содержание никеля достигало 0,5 %. К сожалению, оказалось, что данные по содержанию

РИС. 3. Металлические изделия из раскопок Тимерёвского поселения 1984–1986 гг. 1–21 – из пахотного слоя; 22–26 – из комплексов ям. Фото авторов

FIG. 3. Metal objects from excavations at the Timerevo settlement. 1984–1986. 1–21 – from the arable layer; 22–26 – from pit complexes. Photo by the authors

никеля, получаемые непосредственно в ходе измерения, с ростом содержания никеля существенно занижаются: содержание никеля могло достигать десятых долей процента. Значение поправки для нас сейчас не очевидно. Ранее опубликованные нами данные о содержании никеля в меди и сплавах на основе меди должны быть скорректи-

рованы. По этой причине данные по содержанию никеля мы в настоящую публикацию не включаем, отмечая лишь значительное его содержание в меди изделий № 29, 34 и в сплаве № 48. Благодарим С. В. Хаврина за своевременную консультацию.

Для определения состава изделия методом РФЛА необходимо расчистить небольшой участок поверхности металлического изделия от патины⁹. Расчистка производилась механически, до появления специфического металлического блеска. Иногда на расчищенном участке удавалось обнаружить небольшой фрагмент хорошо сохранившегося металла, выделявшегося на фоне металла разрушенного (корродированного). В ряде случаев (№ 8, 9, 18, 19, 45, 53, 54, 67, 68, 74, 82, 83) цветной металл изделий был корродирован насковзь. В этих случаях результаты анализов демонстрируют не состав металла, а состав продуктов его разрушения, и количественные результаты РФЛА позволяют лишь определить класс материала изделия (медь, бронза, латунь) и тип сплава. Материал рассматриваемой выборки на первом этапе исследования был сгруппирован по классам (табл. 1).

Таблица 1. Распределение изделий выборки по классам металла

Table 1. Distribution of the objects from the sample through classes of the metal

Металл	Число изделий	% изделий	Изделия, №	Металл разрушен или плохой сохранности, №
Медь	16	19,4	2, 5, 6, 8, 9, 13, 18, 19, 29, 31, 34, 37, 38, 44, 46, 59	8, 9, 18, 19
Бронзы	9	10,9	14, 21, 30, 33, 39, 54, 55, 73, 74	54, 74
Латуни и цинковые бронзы	54	65,3	1, 3, 4, 7, 10, 11, 15–17, 20, 22–28, 32, 35, 40–43, 45, 47–51, 52, 53, 56–58, 60–66, 67–72, 75–77, 78, 79, 82, 83	45, 53, 67, 68, 82, 83
Серебро	3	3,6	12; 80, 81	-
Свинцово-оловянный сплав	1	1,2	36	-

Три изделия – фрагмент гривны (№ 12 – рис. 2, 1) и височные кольца (№ 80 и 81 – рис. 3, 6, 7) – были изготовлены из **серебра**, в одном случае высокого качества (№ 12), в двух других – содержащего 23–35 % примесей. Материалом одного изделия (№ 36 – рис. 1, 14) оказался **свинцово-оловянный сплав**, 16 изделий были изготовлены из меди. Прочие изделия были изготовлены из медных сплавов.

⁹ Результаты анализа патины в данной работе не представлены. Отметим только, что эти измерения позволили выявить следы оловянного лужения (№ 14). Кроме того, в патине наружной поверхности трапедиевидной подвески (№ 61) было выявлено 0,1 % Ag, в то время как в металле этого изделия присутствия серебра нет. Возможно, следы серебра свидетельствуют о том, что подвеска была посеребрена.

1. ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕДИ. Из меди изготовлены 16 изделий¹⁰ – № 2, 5, 6, 8, 9, 13, 18, 19, 29, 31, 34, 37, 38, 44, 46, 59 – чуть меньше 20 % выборки. В это число входят слиток (№ 46), оковка, слиток-выплеск и пластины (№ 5, 37, 18, 19, 44, 2, 8, 9), заостренная проволока (№ 29), колечко (№ 31), фрагменты сосудов (№ 6, 34, 38)¹¹, а также фрагмент браслета (№ 59) – единственное сколько-нибудь эффектное украшение, выполненное из меди. Медь изделий № 8, 9, 18, 19 сильно разрушена коррозией.

Метод РФЛА зафиксировал в медных предметах примеси (табл. 2): в двух случаях – заметную примесь цинка (0,6–0,8 %), в пяти случаях – олова (0,2–0,8 %), в семи случаях – незначительную примесь серебра (0,1–0,2 %), в восьми случаях – мышьяка (0,2–0,6 %). В одном случае в меди зафиксирована примесь сурьмы, в двух случаях – никеля. В большинстве случаев (14 из 16) обнаруживается

примесь свинца (0,2–1 %), причем в 4-х случаях (№ 44, 38, 31, 13) содержание свинца близко к значимому значению (0,9–1 %)¹².

Таким образом, по составу примесей медные изделия делятся на две неравные группы. В одну входят медные изделия почти без примесей – № 2, 8, 9, 37. Во вторую группу входят прочие медные изделия, результаты анализа их состава выдают «хвост» примесей – мышьяк, серебро, олово, цинк, никель, сурьма, значительные примесные содержания свинца. Чаще всего обнаруживаются при-

¹⁰ Эти 16 изделий отвечают 14 шифрам.

¹¹ Один фрагмент (№ 6) специфически согнут – для компактности? при сборе лома?

¹² Отметим, что изделия № 13, 44 и 46 с формальных позиций могут быть интерпретированы как свинцовые бронзы с крайне низким содержанием свинца.

Таблица 2. Примеси в медных изделиях выборки
Table 2. Admixtures in the copper objects from the sample

Объект, №	Cu	Zn	Pb	Sn	As	Ag	Иные	Сохранность
9	Основа	-	-	-	-	-	-	Коррозия
8	--	-	-	-	0,3	-	-	Коррозия
2	--	-	0,2	-	-	-	-	
37	--	-	0,2	-	-	-	-	
46*	--	-	ок.1,0	-	-	?	-	
19	--	-	0,3	-	0,2	-	-	Коррозия
5	--	0,6	0,2	-	-	-	-	
13	--	-	ок.1,0	0,3	-	-	-	
6	--	-	0,6	-	0,2	0,2	-	
34	--	-	0,6	-	0,2	0,2	Ni +	
29	--	-	0,4	0,2	-	0,2	Ni +	
38	--	-	0,9	-	0,2	0,1	-	
18	--	-	0,3	0,5	0,3	-	-	Коррозия
44	--	-	1,0	0,5	0,3	0,2	-	
31	--	0,8	0,9	0,8	0,6	0,2	-	
59	--	-	0,8	-	-	0,1	Sb 0,5	

Примечание: * – состав слитка № 46 неоднороден: свинец в силу ликвации распределен здесь крайне неравномерно. Большинство анализов выявило содержание свинца в пределах 0,6–0,8 %, но на маленьком участке поверхности слитка (1,5 × 1,5 мм), выявленном в ходе многочисленных анализов, содержание свинца достигало 2 %. Значение содержания свинца в этом изделии, приведенное в таблице, условно.

меси мышьяка (8 раз) и серебра (7 раз), реже всего – сурьмы (1 раз). Заметим, что во второй группе оказываются медные изделия со сравнительно выраженными формами: фрагмент браслета, детали сосудов, заостренная проволока, колечко. К сожалению, в рамках применяемой методики невозможно уверенно различать геохимическое и технологическое происхождение примесей (Енисосова и др., 2008. С. 159; ср.: Валиулина, Храмченкова, 2001. С. 266). В нескольких случаях (№ 8, 9 и 37) патина медных изделий содержала примеси стронция, кальция и фосфора. Полагаем, это загрязнения, связанные с тем, что медные изделия контактировали в культурном слое с костями (кухонные отходы?).

2. БРОНЗЫ (№ 14, 21, 30, 33, 39, 54, 55, 73, 74). Из бронзы изготовлены 9 изделий – ок. 11 % выборки. В двух случаях встречена оловянная бронза (№ 14, 21), в одном – свинцовая бронза (№ 54). Результаты

анализа прочих шести изделий (№ 30, 33, 39; 55, 73, 74)¹³ соответствуют оловянно-свинцовым бронзам¹⁴. Сплавы № 54 и № 74 сильно разрушены коррозией. В оловянных бронзах содержание олова низкое (2–4,4 %), примесь свинца – 0,7–0,9 %. В сильно корродированной свинцовой бронзе РФЛ-анализ выявил ок. 11 % свинца, 2,5 % мышьяка, 0,6 % серебра. В оловянно-свинцовых бронзах содержание олова 6,5–19,7 %, свинца – 1–8,2 %; в двух случаях отмечена примесь цинка (0,8 %). Большинство изделий из бронз – части поясной гарнитуры: бляш-

¹³ Низкое содержание свинца в сплавах № 30 и 39 (1 % и 1,4 % соответственно) при не жестком соблюдении критерия «1 %» позволяет трактовать эти сплавы как оловянные бронзы, при изготовлении которых использовалась медь с примесью свинца. Однако это уже будет иной шаг исследовательской процедуры – интерпретация результатов.

¹⁴ В том числе № 33, где содержание свинца больше содержания олова (свинца 8,2 %, олова 4,5 %).

ки-накладки, деталь пряжки и украшения (подвеска на колечке). В одном случае на поверхности поясной бляшки-накладки № 30 сохранились следы оловянного лужения.

3. ЛАТУНИ И ЦИНКОВЫЕ БРОНЗЫ. Цинко-содержащие сплавы выборки представлены изделиями № 1, 3–4, 7, 10, 11, 15–17, 20–28, 32, 35, 40–43, 45, 47–51, 52, 53, 56–58, 60–66, 67–72, 75–77, 78, 79, 82, 83. Из таких сплавов изготовлено 54 экз. — почти две трети выборки, из которых сплавы № 45, 53, 67, 68, 82, 83 сильно корродированы. В число цинкосодержащих сплавов выборки входят 9 изделий из **двойной латуни** (№ 20, 22, 25, 48, 53¹⁵, 71, 76, 77, 79); 2 изделия из сплавов, легированных оловом и цинком: **оловянной латуни** и **цинково-оловянной бронзы** (№ 11, 43); 21 изделие из **свинцовой латуни** (№ 1, 3, 10, 17, 24, 27, 28, 32, 35, 41, 45, 47, 50, 56, 57, 60, 61, 62, 65, 70, 78); 22 изделия из **многокомпонентных латуней и цинковых бронз** (№ 4, 7, 15, 16, 23, 26, 40, 42, 49, 51; 52, 58, 63, 64, 66, 67, 68, 69, 72, 75, 82, 83). Доли таких сплавов от общего числа цинкосодержащих сплавов выборки показаны в **табл. 3**.

Таблица 3. Цинкосодержащие сплавы выборки
Table 3. Zinc-containing alloys of the sample

Сплавы, содержащие Zn	Кол-во экз.	%
Двойная латунь	9	16,65
Оловянная латунь и оловянно-цинковая бронза	2	3,7
Свинцовая латунь	21	38,85
Многокомпонентные латуни и цинковые бронзы	22	40,7
Итого	54	100

В **двойных латунях** цинк содержится в интервале 4,7–19,3 %, причем только в двух случаях содержание цинка менее 9 % (4,7 % и 5,2 %). В двух случаях зафиксирована примесь олова (0,5–0,6 %). Содержание свинца — 0,6–0,9 %. **Двойные латуни** являются материалом очень разных предметов. Среди них есть слиток (№ 20), проволочные колечки (№ 25, 76), моток проволоки (№ 48), литое кольцо (№ 76), фрагмент браслета (№ 79), рамка поясной пряжки со следами ремонта (№ 77). **Оловянная латунь** № 11 содержит 12,4 % цинка и 1,9 % олова. Из этого материала была изготовлена гривна (фраг-

мент). **Оловянно-цинковая бронза** № 43 содержит 17,8 % олова и 2 % цинка. Такой сплав послужил материалом для круглой пластинки с отверстием.

В **свинцовой латуни** изделия № 1 содержит максимальное содержание цинка выборки — 34 %; у прочих изделий из **свинцовой латуни** содержание цинка — 4,6–19,6 %, свинца — 1,1–8,7 %; встречается примесь олова: 0,1–0,8 %. Из **свинцовой латуни** изготовлены предметы, относящиеся к разным категориям материальной культуры. Среди этих предметов есть: проволока (№ 10, 65); пластинка (№ 27); кольцо (№ 1); цепочка (№ 62); ушко сосуда (№ 47); гирька (№ 78); трубочка (№ 45¹⁶); пластинка, орнаментированная многорядной рельефной «косоплеткой» (№ 35); перстни (№ 24, 32); элементы поясной гарнитуры (№ 17, 28, 70); колечко с завязанными концами (№ 50); трапециевидная привеска (№ 61); фрагменты фибул (№ 41, 57, 60); изделия, назначение которых не очевидно (№ 3, 56). В **многокомпонентных цинковых бронзах**, металл которых хорошо сохранился (№ 4, 26, 42, 49, 51), содержится цинка 1–7,5 %, олова 1,8–17,1 %, свинца 4,7–23 %. Из **многокомпонентных цинковых бронз** изготовлены украшения (бубенчик № 24, перстень № 42), элементы поясной гарнитуры (№ 4, 49), предмет личного благочестия — крестик с грубым изображением распятия (№ 51), а также наружный кожух биметаллического изделия, назначение которого не очевидно (№ 52). В **многокомпонентных латунях**, металл которых хорошо сохранился (№ 7, 15, 16, 23, 40, 58, 63, 64, 66, 69, 72, 75) содержится цинка 5,2–13,8 %, олова 1,1–9,5 %, свинца 1,1–4,5 %. Из **многокомпонентных латуней** изготовлены разнообразные предметы: слиток (№ 63), проволока (№ 66), колечко (№ 67), деталь весов (№ 15), элементы поясной гарнитуры (№ 75, 82, 83), детали украшений (№ 40, 72), фрагменты фибул (№ 7, 58, 64, 69), а также изделие, назначение которого не очевидно (№ 23).

Полученные выше данные о цветном металле исследованной выборки Тимерёвского поселения можно сопоставить с предварительными данными о цветном металле 329 изделий Гнёздовского археологического комплекса, опубликованными Н. В. Енисовой (Енисова, 2016а. С. 726–728). Сравнительные результаты представлены в **табл. 4**.

Хотя прямое сравнение не вполне корректно (в гнёздовской выборке материала примерно в 4 раза больше, при этом учтены материалы и поселе-

¹⁵ Металл разрушен.

¹⁶ У изделия № 45 металл корродировал.

Таблица 4. Сравнительные данные по цветным металлам Гнёздова и Тимерёва
Table 4. Comparative data on the non-ferrous metals from Gnezdovo and Timerevo

Цветной металл	Гнёздово, %	Тимерёво, %
Медь	28	16
Оловянная бронза	3,8	2,4
Свинцовая бронза	4	1,2
Двойная латунь	16	10,8
Оловянно-свинцовая бронза	2,6	7,2
Оловянно-цинковая бронза	0,3	1,2
Оловянная латунь	0,9	1,2
Свинцовая латунь	24	25,2
Многокомпонентные цинковые бронзы	2,6	7,2
Многокомпонентные латуни	9	19,2
Иные	3,9	4,8*

Примечание: * – Учтено одно изделие из свинцово-оловянного сплава.

ния, и могильника), все же обращают на себя внимание региональные различия, особенно отчетливо заметные в разных долях оловянно-свинцовых бронз, многокомпонентных цинковых бронз и многокомпонентной латуни.

В соответствии с разработанной ранее методикой (Седых, Френкель, 2019; 2020), результаты РФЛ-анализов медных изделий и сплавов на основе меди¹⁷ по трем показателям (содержание цинка, олова, свинца) рассматривались как координаты точек в трехмерной системе координат, по осям которой отложены процентные доли Zn, Sn и Pb. Далее в таком трехмерном пространстве рассматривалось распределение облака точек, каждая из которых отвечает усредненному результату количественного анализа металла одного изделия. Изделия, металл которых сохранился плохо¹⁸, были выделены особо. Прочие изделия группировались в соответствии с материалом – медь, оловянная бронза, оловянно-свинцовая бронза, двойная латунь, оловянная латунь, свинцовая латунь, многокомпонентные цинксодержащие сплавы (рис. 4).

При рассмотрении трехмерного изображения и его проекций легко заметить, что распределение точек (результатов РФЛ изделий) в пространстве этой системы координат подчиняется известным закономерностям. Точки (результаты анализов),

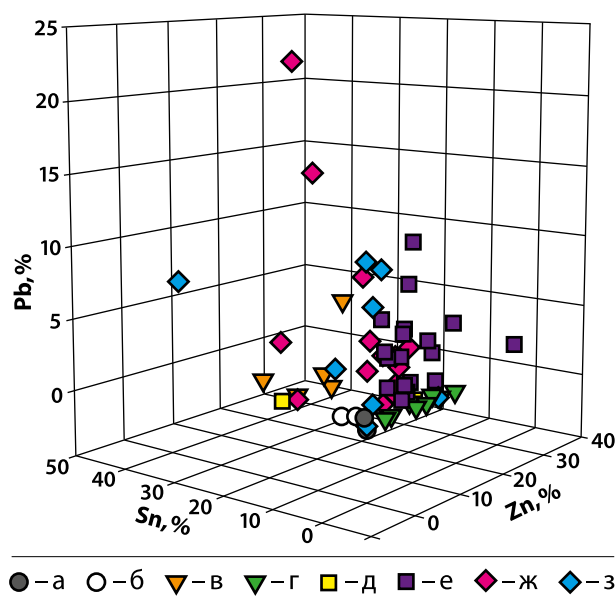

РИС. 4. Отношение интенсивности РФЛА-излучения Zn, Sn и Pb в цветных металлах выборки: разделение по материалу и сохранности.

Условные обозначения: а – медь; б – оловянная бронза; в – оловянно-свинцовая бронза; г – двойная латунь; д – оловянная латунь; е – свинцовая латунь; ж – многокомпонентные цинксодержащие сплавы; з – металлы плохой сохранности

FIG. 4. The ratio of the intensity of the X-ray fluorescent radiation of Zn, Sn and Pb in non-ferrous metals from the sample: division according to the material and state of preservation. Keys: а – copper; б – tin bronze; в – tin-lead bronze; г – two-component brass; д – tin brass; е – lead brass; ж – multi-component zinc-containing alloys; з – metals in poor preservation state

¹⁷ Изделия из серебра (№ 12, 80, 81) и свинцово-оловянного сплава (№ 36) из дальнейшего анализа исключены.

¹⁸ № 8, 9, 18, 19, 45, 53, 54, 67, 68, 74, 82, 83.

отвечающие хорошо сохранившемуся металлу, как и положено, распределились в соответствии с принадлежностью металла анализируемых изделий к тому или иному классу и типу: изделия из меди образовали плотное маленькое скопление у начала координат, двойные латуни вытянулись вдоль оси Zn-Sn, свинцовые латуни «прижались» к плоскости Zn-Pb, оловянные и свинцовые бронзы – к плоскости Sn-Pb, многокомпонентные цинксодержащие сплавы распределились в трехмерном пространстве и т. д. Но помимо тривиального распределения в соответствии с содержанием цинка, олова и свинца, выявилось образование точками (результатами анализов) локальных скоплений в соответствии с фактической близостью количественных показателей. Более отчетливо такая группировка обозначилась после того, как из рассмотрения исключались изделия, металл которых сохранился плохо, в результате чего выборка сузилась до 67 изделий.

На данном этапе исследования удается выделить шесть групп точек (№ I–VI) и одну отдельно расположенную точку (рис. 5, ж). Группа I представлена на графике двумя позициями: в одной «соединились» результаты анализа 12 медных изделий, вторая точка отвечает результатам анализа оловянной бронзы (2 % олова, 0,9 % цинка). В группах II–VI, отвечающих сплавам, отчетливо выделяются подгруппы, различающиеся в соответствии с содержанием в сплавах свинца¹⁹. Отдельно отметим ячейку VII, в пределах которой локализуется единственная точка²⁰, отвечающая результатам анализа материала изделия № 1. Распределение изделий выборки по семи группам представлено в табл. 5.

Существенно, что группы I–VI включают точки, отвечающие результатам анализов разных типов (в группе I – даже классов) материала. Распределение по классам и типам представлено в табл. 6.

В группу I входят все изделия из меди и одно изделие из низкооловянной бронзы. Группа II представлена изделиями из двойной латуни, свинцовой латуни и многокомпонентными цинксодержащими сплавами (многокомпонентные латуни и цинковые бронзы). В группу III входят изделия из двойной латуни, оловянной латуни и сплавов меди с цинком и свинцом. Группа IV представлена оло-

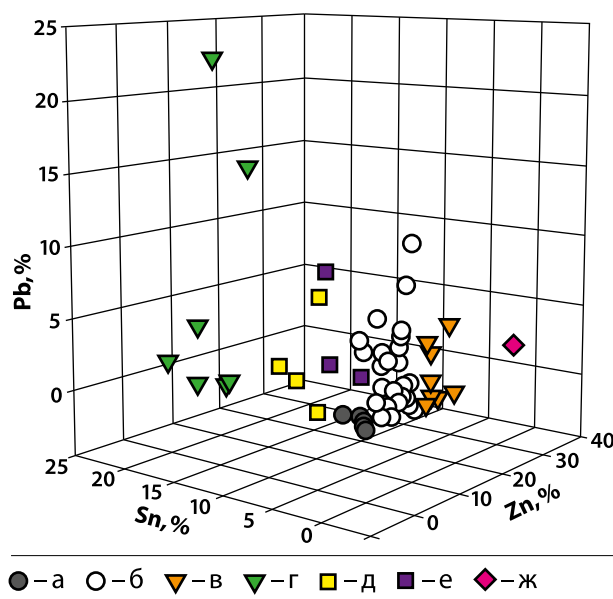

РИС. 5. Отношение интенсивности РФЛА-излучения Zn, Sn и Pb в цветных металлах выборки: разделение по группам. Условные обозначения: а – группа I; б – группа II; в – группа III; г – группа IV; д – группа V; е – группа VI; ж – многоцинковая свинцовая латунь № 1

FIG. 5. The ratio of the intensity of the X-ray fluorescent radiation of Zn, Sn and Pb in non-ferrous metals from the sample: division according to the groups. Keys: а – group I; б – group II; в – group III; г – group IV; д – group V; е – group VI; ж – zinc-rich brass No. 1

вянно-свинцовыми бронзами, оловянно-цинковой бронзой и многокомпонентными цинксодержащими сплавами. Группа V представлена оловянной бронзой, оловянно-свинцовой бронзой и многокомпонентными латунями. В группу VI входят многокомпонентные латуни. Ячейку VII занимает единственное изделие из свинцовой латуни.

Изделия всей выборки (в т. ч. изделия, металл которых корродировал) далее рассматривались с позиций культурно-стилистической атрибуции. При этом учитывалось, что с функциональных и культурно-стилистических позиций изделия выборки обладают различным информационным потенциалом.

Исходя из стилистики и морфологии изделия выборки, выполненные из меди и медных сплавов, были разделены на пять серий:

Серия 1. Изделия североевропейского облика (№ 15, 16²¹, 41, 57, 69).

¹⁹ В малочисленных группах V и VI в подгруппах, отвечающих более высокому содержанию свинца, находятся только по одной точке в каждой.

²⁰ Обозначение «ячейка» здесь использовано, чтобы не называть «группой» единственную точку.

²¹ При публикации цветного металла, полученного в ходе работ И. В. Дубова, это изделие (№ 16 по нумерации в настоящей статье) в результате недоразумения один раз

Таблица 5. Распределение изделий с металлом хорошей сохранности по группам на основе сходства составов**Table 5.** Distribution of the objects with metal of good preservation state through groups on the basis of the similarity of the alloys

Группа	№ изделий
I	2, 5, 6, 13, 21, 29, 31, 34, 37, 38, 44, 46, 59
II	3, 7, 16, 17, 20, 22, 23, 24, 27, 28, 32, 40, 41, 48, 50, 51, 57, 58, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 69, 70, 71, 72, 75, 78
III	10, 11, 25, 35, 47, 56, 76, 77, 79
IV	4, 26, 30, 39, 43, 48, 52
V	14, 33, 55, 73
VI	15, 42, 66
VII	(отдельная точка): № 1

Таблица 6. Распределение группировок изделий по классам и типам цветных металлов**Table 6.** Distribution of the groups of objects through classes and types of non-ferrous metals

Группа (ячейка)	I	II	III	IV	V	VI	VII
Медь		12					
Оловянная бронза		1			1		
Оловянно-свинцовая бронза				2	3		
Двойная латунь	4		4				
Оловянная латунь и цинково-оловянная бронза			1	1			
Свинцовая латунь	14		4				1
Многокомпонентные латуни, цинковые бронзы	11			4		3	

Серия 2. Изделия степного облика (№ 4, 14, 21, 30, 70, 82, 83²²).

Серия 3. Изделия восточноевропейского («лесного») облика, отвечающие финской и славянской традициям²³ (№ 22, 35, 45, 61, 74, 80, 81²⁴).

Серия 4. Изделия простых невыразительных форм (целые и фрагменты), в силу чего их культурно-стилистический потенциал, по мнению авторов, не позволяет провести сколько-нибудь узкую атрибуцию (№ 1, 2, 3, 5, 10, 11, 13, 20, 23, 25, 27, 29, 31, 37, 38, 44, 46, 48; 53, 54, 63, 65, 66, 67, 71, 73, 76, 77).

ошибочно было обозначено как № 6 (Седых, Френкель, 2019. С. 281). Под № 6 в этой работе выступал фрагмент медного сосуда. При дальнейшем изложении нумерация изделий обозначена правильно (Там же. С. 283).

²² Две детали одного изделия: рамка со щитком и хоботок.

²³ Мы полагаем, что для финского и славянского населения Верхнего Поволжья X–XI вв. и позднее культурно-этнические традиции цветной металлургии будут проявляться в первую очередь в технике изготовления и формах изделий. Сырьевые различия представляются в этом случае малосущественными.

²⁴ № 80, 81 изготовлены из серебра и далее не учитываются.

Серия 5. Изделия морфологически выраженные, разнородные и широко распространенные, поэтому с X–XI вв. (время расцвета Тимерёвского поселения) они уже не могут быть, на наш взгляд, четко соотнесены с определенными этнокультурными группами древностей (№ 6, 7, 17, 24, 26, 28, 32, 33, 34, 39, 40, 42, 43, 47, 49, 50, 52²⁵, 55, 56²⁶, 58, 60, 59, 62, 64, 68, 72, 75, 78, 79). Подчеркнем, что **серия 5** включает типы изделий, исходно имевшие определенную этнокультурную окраску, впоследствии утраченную в результате тиражирования и отмеченного широкого распространения.

Далее результаты РФЛА изделий этих пяти серий по той же схеме рассматривались как координаты точек в трехмерной системе координат, описанной выше, и сопоставлялись с данными, полу-

²⁵ Бусина № 52 (рис. 3, 10) датируется в пределах развитого и позднего средневековья. Сравнительно немногочисленные изделия этого времени встречаются в распаханном слое Тимерёвского поселения (Седых, Френкель, 2012в).

²⁶ № 56 к этой группе отнесен условно, датировка этого изделия не очевидна.

ченными для групп I–VI и ячейки VII (рис. 6; 7). При этом существенно, что сохранившие форму изделия, металл которых корродировал (напр., серия 3, № 45; серия 2, № 82, 83), стилистически диагностируются, но в силу плохой сохранности металла не могут быть включены в распределение по группам.

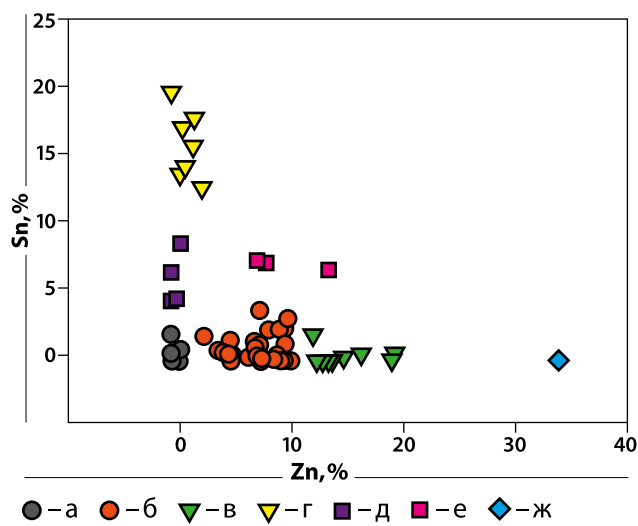

РИС. 6. Отношение интенсивности РФЛА-излучения Zn и Sn в цветных металлах выборки: разделение по группам. Условные обозначения: а – группа I; б – группа II; в – группа III; г – группа IV; д – группа V; е – группа VI; ж – многоцинковая свинцовая латунь № 1

FIG. 6. The ratio of the intensity of the X-ray fluorescent radiation of Zn and Sn in non-ferrous metals from the sample: division according to the groups. Keys: a – group I; б – group II; в – group III; г – group IV; д – group V; е – group VI; ж – zinc-rich brass No. 1

В ГРУППУ I входит пятая часть выборки (13 изделий из 67). Среди этих изделий оказалось одно кочевнической стилистики серии 2 (№ 21 – рис. 2, 12) – единственное изделие этой группы, выполненное из оловянной бронзы с низким содержанием олова (2%). Прочие изделия выполнены из меди и отнесены к серии 4 (№ 2, 5, 29, 31, 37, 44, 46)²⁷ и серии 5 (№ 6, 34, 38, 59)²⁸.

В ГРУППУ II входит большинство изделий выборки (30 изделий из 67). Среди них оказались изделия североевропейского облика из серии 1 (№ 16,

²⁷ Серия 4 в группе I представлена изделиями, связанными с технологическим процессом – слитками (№ 37, 44, 46), проволокой (№ 29, 31), пластинками (№ 2 и 5), небольшими фрагментами изделий (№ 13, 38).

²⁸ Серия 5 в группе I представлена фрагментами сосудов (№ 6, 34) и фрагментом браслета (№ 59).

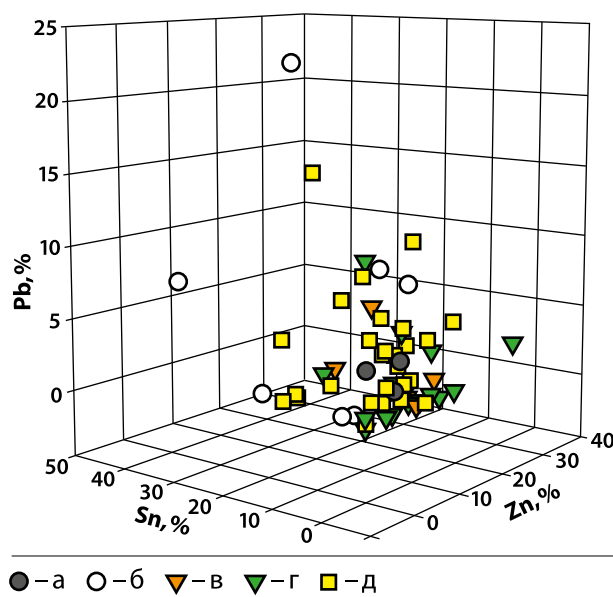

РИС. 7. Отношение интенсивности РФЛА-излучения Zn, Sn и Pb в цветных металлах выборки: разделение на основании культурно-стилистической информативности.

Условные обозначения: а – серия 1, североевропейский облик; б – серия 2, кочевническо-степной облик; в – серия 3, восточноевропейский «лесной» облик; г – серия 4, изделия простых форм; д – серия 5, разнородные широко распространенные изделия

FIG. 7. The ratio of the intensity of the X-ray fluorescent radiation of Zn, Sn and Pb in non-ferrous metals from the sample: division according to the cultural and stylistic information.

Keys: a – series 1, North-European type; б – series 2, nomadic-steppe type; в – series 3, East-European ‘forest’ type; г – series 4, objects of plain forms; д – series 5, widespread objects of diverse types

41, 57, 69 – рис. 1, 10, 19; 3, 19, 20), изделие кочевнической стилистики серии 2 (№ 70 – рис. 3, 3) и два изделия «лесной» серии 3 (№ 22, 61 – рис. 2, 1; 3, 16). Все это многокомпонентные и свинцовые латуни. Содержание цинка в этих изделиях находится в пределах 7,4–9,5%, олова (где есть) – 0,2–2,3%, свинца – 1,1–8,7%. При этом самое большое содержание свинца выявлено у изделия серии 2, у остальных изделий интервал содержания свинца заметно уже (1,1–3,8%). Прочие изделия, результаты анализов сплавов которых попадают в группу II, отнесены к сериям 4²⁹ и 5³⁰. Интересно, что у подавляющего

²⁹ Серия 4 в группе II представлена фрагментами изделий (№ 3, 23), слитками (№ 20, 63), пластинкой (№ 27), мотком проволоки (№ 48).

³⁰ Серия 5 в группе II представлена цепочкой (№ 62), бортиком сосуда (№ 17), перстнями (№ 24, 32), привеской

большинства латуней серии 4 (изделия простых форм, лом и полуфабрикаты — проволока, пластинки, слитки) содержание свинца крайне невелико (не более 3 %).

Подчеркнем, что в этой группе встречаются изделия, связанные с технологическим процессом, изделия широко распространенных типов, изделия разного культурно-стилистического облика. Мы интерпретируем близость составов сплавов таких находок как отражение ремесленной практики изготовления изделий из цветных металлов (ювелирных украшений и др.), опирающейся на однородную (хотя, возможно, складывающуюся из разных источников) сырьевую базу. Такое ремесло обслуживало полиэтничное и/или поликультурное население, группировавшееся на рубеже первого — второго тысячелетий н. э. на территории, ныне составляющей Тимерёвский археологический комплекс.

Понятен особый интерес к изделиям северо-европейского облика серии 1. В список изделий группы II входят 4 из 5 изделий этой серии, представленных в выборке. Состав сплавов этих 4 изделий серии 1 хорошо согласуется с изложенной интерпретацией: точки, отвечающие результатам анализов их сплавов, находятся в самом центре, «ядре» группы II, буквально «слипаясь» там с точками, отвечающими результатам анализов изделий серий 3–5 (рис. 7). Отметим заметное отличие состава изделий серии 1 группы II от состава гнёздовских фибул северо-европейского облика, опубликованных Н. В. Енисовой (Енисова, 2001. С. 91. Табл. 3): латуни большинства гнёздовских фибул содержат меньше цинка (1–4 %) и олова (менее 0,4 %). Кроме того, несколько гнёздовских фибул изготовлено из меди и свинцовой бронзы — материалов, не представленных в группе II. Существенно, что Н. В. Енисова специально подчеркивает: раскопки Гнёздовского поселения позволяют утверждать, что там было налажено изготовление фибул северо-европейского облика. Иначе говоря, состав изделий северо-европейских форм группы II, близкий большинству исследованных изделий тимерёвского металла, отличается от состава северо-европейских по облику изделий, изготовленных в Верхнем Поднепровье. При этом и состав собственно скандинав-

ских изделий (фибулы, сосуды) эпохи викингов из Бирки и Готланда, опубликованных Хеленой Форшелл (Forshell, 1992. P. 61–65. Tab. 5, 3; 5, 8) заметно отличается от составов изделий серии 1 группы II.

Особенно интересен в этом отношении результат анализа фрагмента равноплечной фибулы № 69 (рис. 3, 19), найденной в 1986 г. в распаханном слое Тимерёвского поселения. В случае с этим изделием археометрическая аргументация коррелируется с данными, базирующимися на морфологических и хронологических аргументах. Уже отмечалось, что датировка собственно северо-европейских аналогий этого изделия заметно предшествует времени расцвета Тимерёвского поселения в X — первой половине XI в. (Седых, 2010). При этом морфологические особенности декора тимерёвской находки отличаются известной неотчетливостью. Эта фибула была отлита тогда, когда на раннедревнерусских памятниках равноплечные фибулы использовались женщинами, структура костюма которых отвечала скандинавской традиции. Учитывая датировку наиболее раннего известного авторам тимерёвского погребального комплекса (Седых, Френкель, 2014а) и верхнюю хронологическую границу интервала бытования равноплечных фибул в Восточной Европе (не позднее рубежа X–XI вв.), время изготовления фибулы-реплики определяется в пределах X в. То, что состав сплава фибулы и составы сплавов очень разных изделий «ядра» группы II неразличимы, позволяет заключить, что все они являются продуктами местного ремесла³¹. Из этого следует, что фибулу отлили где-то в районе Тимерёвского поселения. Использованная литейная форма, в свою очередь, была сделана с оригинальной северо-европейской фибулы, датирующейся заметно более ранним временем. Пути и обстоятельства попадания такой ранней северо-европейской фибулы в Верхнее Поволжье не очевидны.

В группу III входит 13 % выборки (9 изделий из 67). Среди этих изделий одно относилось к «лесной» серии 3 (№ 35, свинцовая латунь с низким содержанием свинца (1,7 %)). Прочие изделия выполнены из двойной латуни (№ 25, 76, 77, 79), оловянной латуни (№ 22) и свинцовой латуни (№ 10,

(№ 28), деталью украшения (№ 40), колечком с завязанными концами (№ 50), фрагментами фибул (№ 7, 58, 60), нательным крестиком (№ 51).

³¹ Мы отдаем себе отчет в том, что какая-то часть сплавов могла быть включена в группу II в силу случайного совпадения составов. Такие сплавы, конечно, не имеют региональной специфики.

47, 56). Из этого перечня 5 экз. отнесены к серии 4 (№ 10, 11, 25, 76 и 77)³², 3 экз. — к серии 5 (№ 32, 47, 56)³³.

В группу IV входит 10,5 % выборки (7 изделий из 67). Среди этих изделий два изделия «степной» серии 2 (№ 4 и 30 — **рис. 1, 2; 2, 2**), изготовленных из многокомпонентной цинковой бронзы и оловянно-свинцовой бронзы с низким содержанием свинца (1 %). Прочие изделия выполнены из оловянно-свинцовой бронзы с низким содержанием свинца — 1,4 % (№ 39), оловянно-цинковой бронзы (№ 43) и многокомпонентной цинковой бронзы (№ 26, 49, 52). Все изделия этого перечня отнесены к серии 5³⁴, т. е. являются законченными изделиями. Заметим, половина названных изделий серии 5 (№ 39, 49) относятся к типам, исходное происхождение которых связано со степной субкультурой. В рассмотренной выборке именно в группу IV входят низкоцинковые многокомпонентные цинковые бронзы с содержанием цинка 1–2,7 % (№ 4, 26, 49, 52), в наибольшей степени соответствующие термину «смешанные многокомпонентные сплавы» (см. ниже).

В группу V входят 4 изделия. Среди этих изделий одно относится к «степной» серии 2 (№ 14 — **рис. 1, 7**). Изделие изготовлено из оловянной бронзы с низким содержанием олова (4,4 %). Прочие изделия выполнены из оловянно-свинцовой бронзы (№ 33, 55, 73). Из этого перечня 1 экз. отнесен к серии 4³⁵, остальные 2 изделия отнесены к серии 5³⁶.

В группу VI входят 3 изделия. Среди этих изделий одно относится к «северной» серии 1 (№ 15 — **рис. 1, 8**). Изделие изготовлено из многокомпонентной латуни. Прочие изделия (№ 42, 66) также выполнены из многокомпонентной латуни. Из этого перечня по одному экз. отнесены к серии 4³⁷ и к серии 5³⁸.

³² Серия 4 в группе III представлена литым кольцом (№ 76), несомкнутыми проволочными колечками (№ 10, 25), фрагментами гривны (№ 11) и ременной пряжки (№ 77).

³³ Серия 5 в группе III представлена фрагментом перстня (№ 2), ушком от сосуда (№ 47) и изделием (№ 56).

³⁴ Серия 5 в группе IV представлена фрагментом бубенчика (№ 26), ременной пряжкой со щитком (№ 39), ременной концевой накладкой (№ 49) и бусиной (№ 52).

³⁵ Серия 4 в группе V представлена незамкнутым проволочным колечком (№ 73).

³⁶ Серия 5 в группе V представлена бляшкой-накладкой с отверстием и шпеньком (№ 33) и рамкой ременной пряжки (№ 55).

³⁷ Серия 4 в группе VI представлена проволочным завитком (№ 66).

³⁸ Серия 5 в группе VI представлена фрагментами пластинчатого щиткового перстня (№ 42).

В ЯЧЕЙКУ VII входит одно изделие — массивное кольцо № 1 (серия 4 — **рис. 1, 1**), найденное в распавшем слое поселения. Рассмотрим подробнее состав сплава этого изделия. Кольцо № 1 изготовлено из свинцовой латуни с самым значительным в выборке содержанием цинка (ок. 34 %). Такое содержание цинка указывает на сравнительно позднюю дату, не ранее XV в., скорее в пределах Нового времени (*Шемаханская*, 2015. С. 40–41; *Хаврин, Чугунова*, 2004. С. 351–355). Авторы работы (*Ениосова и др.*, 2008), основываясь на экспериментах О. Вернера и К. Хеддеке, в качестве граничного значения для цинка в средневековых двойных латунях берут 30 % (Там же. С. 130). П. Крэддок за граничное значение берет 33 % (*Craddock*, 2009. Р. 149). Содержания цинка, превышающие 32 %, практически не встречаются в составах европейских средневековых латуней, протестированных методом РФЛА. Исключения из этого правила единичны и труднообъяснимы³⁹. Археометрический подход к датировке кольца № 1 оказывается наиболее продуктивным — это изделие простой формы визуально не отличается, например, от кольца из погребения 5 псковского камерного некрополя (конец X в.), тоже изготовленного из свинцовой латуни, только с меньшим содержанием цинка (*Ениосова*, 2016б. С. 535, **рис. 18, 3462**).

Анализ находок из цветных металлов, полученных в ходе раскопок Тимерёвского поселения, еще не закончен, и обобщающие выводы делать пока рано — на этом статью можно было бы закончить, добавив несколько общих фраз о том, что работы по исследованию материалов раскопок Тимерёвского археологического комплекса продолжаются. Однако помимо введения в научный оборот нового фактического материала, мы поставили целью поделиться опытом оптимизации его классификационного обобщения.

³⁹ Так, доля цинка в 40 % указана в подготовленном А. А. Коноваловым анализе чашки весов конца X — начала XI в., изготовленной из двойной латуни (*Коновалов*, 2008. С. 63, 87, № 608). Среди анализов цветных металлов могильника Залахтовы, полученных В. А. Галибиным, есть два анализа (бубенчика и перстня), доля цинка в которых — 42 % и 40 % (*Ениосова и др.*, 2008. С. 169–170, № 1041, 1062). Отметим, что столь высокое значение концентрации цинка, возможно, связано с применяемым методом анализа: В. А. Галибин и А. А. Коновалов использовали оптический эмиссионный спектральный анализ. В литературе отмечалось, что результаты, полученные этим методом, несколько отличаются от результатов, полученных методом РФЛА (*Ениосова и др.*, 2017. С. 197).

В группы II–VI входят сплавы с широкими вариациями содержаний металлов. Приведенный выше перечень таких сплавов с указаниями интервалов содержания легирующих компонентов труден для восприятия и последующей обработки. Отметим, что при изложении результатов практической работы о химическом составе металла больших выборок неизбежны длинные списки формул сплавов в тексте и большие по объему таблицы численных значений в приложениях. Но сами по себе списки формул, составленных по схеме Ениосовой – Митояна – Сарачевой (*Ениосова и др.*, 2008), громоздки, а вложенная в такие формулы информация о составе металлов абсолютно неконкретна, и без отсылки к таблице результатов и конкретно-му анализу малоинформативна.

Заметим здесь, что это не недостаток схемы Ениосовой – Митояна – Сарачевой, а проблема ее механического применения. Данные авторы прямо пишут о своем выборе, сознательно сделанном в пользу «обобщенной классификации, в которой основной единицей выступает тип сплава без учета групп, выделенных внутри каждого типа», добавляя далее, что «более дробное деление в зависимости от концентрации легирующих элементов – дело будущего» (*Ениосова и др.*, 2008. С. 130–131)⁴⁰. Сталкиваясь с необходимостью использования более узкой характеристики, исследователи все же вводили дробные показатели: низкое, среднее, высокое содержание того или иного легирующего компонента сплава (Там же. С. 137).

В случаях фактической близости результатов анализов формальные распределения сплавов по двойным, тройным и многокомпонентным представляется искусственным (**рис. 4**). Особо отметим задачу разделения латуней и цинковых бронз. Полагаем, что в рамках решаемой задачи достаточно условная граница между такими типами сплавов

может не только облегчать, но и существенно усложнять поиск закономерностей в полученных результатах анализов. Аргументы, основанные на разнице механических свойств сплавов (Там же. С. 130), справедливы для изделий, несущих сильную механическую нагрузку (орудия, оружие, статуи, ворота и др.), представляются значительно менее существенными для мелких литых средневековых украшений, составляющих большую часть изделий выборки, сохранивших форму⁴¹. Отнюдь не упрощает задачу и введение особой группы сложных низкоцинковых бронз – «перемешанные сплавы». Авторы работы 2008 г. использовали этот термин для технических целей, не вводя его в классификационную схему (Там же. С. 143). Позднее «смешанные сплавы» в некоторых работах стали использоваться как особая группа сплавов, объединяющая сложные сплавы с незначительным количеством цинка, получающиеся в ходе неоднократных переплавов лома изделий из цветных металлов (*Зайцева*, 2012. С. 69; *Зайцева, Сапрыкина*, 2014. С. 198, 200). Не возражая по существу против введения в группировку подобной классификационной единицы, все же отметим, что практика ее использования, на наш взгляд, способна запутать процедуру классификации. В самом деле, обоснование выделения таких сплавов в отдельную группу – это уже интерпретация, т. е. следующий шаг исследовательской процедуры. При этом распределение сплавов по группам «перемешанные сплавы», «многокомпонентные латуни» и «цинковые бронзы» иногда происходит, на наш взгляд, с некоторой непоследовательностью⁴².

Отметим также известную проблему выделения нижней значимой границы лигатуры. Часто

⁴⁰ Нельзя не отметить известную аналогию с классификацией стеклянных бус. Техническая классификация бус, созданная З. А. Львовой (*Львова*, 1968), в силу своей кажущейся простоты стала очень популярна. Так как З. А. Львова создавала именно техническую классификацию, то в одну и ту же классификационную ячейку порой попадали бусы, отличающиеся по таким параметрам, как происхождение и датировка, о чем имеются прямые указания в тексте З. А. Львовой. Про эту особенность данной классификации через 30 лет писала В. Б. Ковалевская: «...накидываемые на <...> материал ячейки классификационной сетки слишком широки» (*Ковалевская*, 1998. С. 6). Однако **техническая** классификация З. А. Львовой по-прежнему активно (иногда – бессмысленно) используется при **морфологической** характеристике бус.

⁴¹ Данный тезис не претендует на роль абсолютного – существуют специфические требования к составам сплавов изделий, выполняющих определенные функции: музыкальных инструментов, колоколов, зеркал и т. д. Но для рассматриваемой выборки эти соображения можно оставить за скобками. Более существенна известная связь между содержанием лигатур и эстетикой украшений (содержание цинка и олова влияет на цвет изделия, содержание свинца – на качество высокого рельефа и т. д.). Однако такие особенности сплавов неизбежно актуализируются на шагах исследовательской процедуры, следующих за формальным анализом состава материала. При этом указания в формулах сплавов на дробные интервалы содержания лигатуры представляются необходимой частью классификационной схемы.

⁴² Ср., например, анализ 3 (перемешанный сплав: Zn 6,7 %, Sn 7 %, Pb 1,8 %) и анализ 7 (многокомпонентная латунь: Zn 4,5 %, Sn 1,5 %, Pb 1,8 %) изделий средневекового Ярославля (*Зайцева, Сапрыкина*, 2014. С. 199–200).

принимаемое за смысловой порог содержание в сплаве 1 % металла, разделяющее примесь и лигатуру (Ениосова и др., 2008. С. 128), взято из современной рациональной металлургии и имеет конвенционно-условный характер⁴³. Несомненно, актуальная во все времена при работе с драгоценными металлами задача принимать во внимание близкие к 1 % концентрации примеси и лигатуры все же вряд ли вставала перед большинством средневековых ювелиров-литейщиков, особенно при их работе с ломом цветных металлов и полиметаллическими рудами. Полагаем, более удобно было бы жесткую границу, отделяющую лигатуру от примеси, заменить переходным интервалом, тем более известно, что геохимическая примесь свинца к меди иногда заметно превышает 1 %.

Цинковая бронза занимает промежуточное положение между латунями и бронзами. Основной рабочей единицей классификации был установлен уровень подтипов, детализующих состав сплавов.

За основу выделения тех или иных подтипов были приняты дробные распределения содержания цинка, олова и свинца в медных сплавах выборки. Определение значимых интервалов содержания металлов в сплавах было осуществлено посредством анализа ступенчатых перегибов профилей частотных диаграмм, отражающих содержание этих металлов в сплавах выборки⁴⁶. Таким образом, была выработана шкала из 4-х градаций для каждого из трех металлов: (Zn (1–4), Sn (1–4), Pb (1–4)). Получившийся ключ классификации отражен в табл. 7.

Таблица 7. Шкала распределения содержания цинка, олова и свинца по классификационным градациям

Table 7. Scale of the distribution of the contents of zinc, tin and lead through the classification gradations

Ранг	Zn, %	Sn, %	Pb, %	Характеристика
4	Более 14,5	Более 14,5	Более 15	много...
3	10–14,5	7,3–14,5	7,8–15	средне...
2	2,5–10	1,8–7,3	2,1–7,8	умеренно...
1	0,8–2,1	0,8–1,8	0,9–2,1	мало...

По этим причинам, исходя из практических соображений, мы приступили к разработке дробной классификации сплавов, базирующейся на полученных количественных данных о составах сплавов (Седых, Френкель, 2019; 2020).

Для медных изделий и сплавов на основе меди были приняты три условных уровня обобщения: классы, типы, подтипы. К классам отнесены медь, бронза, латунь⁴⁴. К типам для бронзы: оловянная бронза, свинцовая бронза, оловянно-свинцовая бронза. К типам для латуни: двойная латунь, оловянная латунь, свинцовая латунь, многокомпонентная латунь. К латуням примыкает цинковая бронза: оловянная, свинцовая, многокомпонентная; такие бронзы имеют в составе значимый, но небольшой приплав цинка (несколько процентов⁴⁵).

При словесной характеристике сплава содержание в сплаве металла, отвечающее градационным рангам 1–4, обозначалось как «малое», «умеренное», «среднее» и значительное («много»). Линейная запись индексов $X(k)$, состоящих из символов значимых металлов X с отвечающими им числовыми рангами градации k (кроме меди), осуществленная в фиксированном порядке (цинк-олово-свинец для цинкосодержащих сплавов (латуней и цинковых бронз), олово-свинец для прочих бронз) принималась за формулу сплава⁴⁷. Результаты количественного РФЛА выборки были пропущены через процедуру классификации, осуществленной по изло-

⁴³ Дискуссионность порогового 1 % в случае цинка отмечена, например, в работе С. В. Хаврина и К. С. Чугуновой (Хаврин, Чугунова, 2004).

⁴⁴ Сплавы с серебром и золотом не рассматривались.

⁴⁵ Конкретная граница, разделяющая латуни и цинковые бронзы, определяются в ходе обобщения полученных результатов.

⁴⁶ Границы интервалов, приведенные здесь и в работе (Седых, Френкель, 2020. С. 216. Табл.) за счет существенного увеличения источниковедческой базы незначительно отличаются от варианта, представленного в работе (Седых, Френкель, 2019. С. 289. Табл. V). При дальнейшем расширении выборки приведенные границы интервалов могут быть вновь скорректированы.

⁴⁷ Например, Cu-Zn(3)-Sn(4)-Pb(2) – среднецинковая многооловянная умеренносвинцовая многокомпонентная латунь.

женной схеме. Полученный список подтипов сплавов выборки помещен в *Приложение 2*.

Сопоставление этих подтипов со списками анализов, отвечающих выделенным ранее группам, позволило переобозначить металлы (медь и сплавы) исследованных изделий, объединенные в выделенные шесть групп, и упорядочить подтипы внутри групп. Это привело к существенному уменьшению объема записей без утраты информации:

ГРУППА I. Изделия из меди: Cu и Cu-Pb(1). К группе примыкает изделие Cu-Sn(2)-Pb(-/1) с самым низким содержанием олова у сплавов, не содержащих цинка.

ГРУППА II. Умеренноцинковые латуни: двойные Cu-Zn(2), свинцовые Cu-Zn(2)-Pb(1-2), многокомпонентные Cu-Zn(2)-Sn(1-2)-Pb(1-2). К группе примыкают среднецинковые (Zn(3)) латуни (двойная № 22 и свинцовая № 60), и средненсвинцовые (Pb(3)) свинцовые латуни (№ 28, 70).

ГРУППА III. Средне- и многоцинковые латуни: двойные Cu-Zn(3-4) и свинцовые Cu-Zn(3-4)-Pb(1-2).

ГРУППА IV. Многооловянные сплавы: оловянно-свинцовая бронза Cu-Sn(4)-Pb(1), оловянно-цинковая бронза Cu-Zn(1)-Sn(4), многокомпонентные малоцинковые цинкосодержащие сплавы Cu-Zn(1)-Sn(3-4)-Pb(1-2, 4).

ГРУППА V. Умереннооловянные бронзы: оловянная Cu-Sn(2) и оловянно-свинцовая Cu-Sn(2)-Pb(2-3).

ГРУППА VI. Умереннооловянные многокомпонентные латуни Cu-Zn(2-3)-Sn(2)-Pb(1-3).

Полученные обобщенные результаты химического анализа выборки изделий из цветных металлов Тимерёвского поселения, представленные в тексте в такой форме, на наш взгляд, удачно характеризуют состав металла исследованных изделий. Надеемся, что коллег заинтересует не только представленный фактический материал, но и предложенная классификационная схема, существенно упрощающая изложение результатов исследования. В заключение добавим, что данная схема не является законченной: на следующих этапах работы предполагается подключить к классификационной процедуре информационный потенциал примесей.

Литература

- Валиулина, Храмченкова, 2001 – Валиулина С. И., Храмченкова Р. Ч. Химический состав изделий из цветного металла Больше-Тиганского могильника // Древние ремесленники Приуралья / Отв. ред. В. И. Завьялов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 264–279.
- Дубов, 1982 – Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Историко-археологические очерки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 248 с.
- Ениосова, 2001 – Ениосова Н. В. Скандинавские рельефные фибулы из Гнёздова // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. М.: ГИМ, 2001. С. 83–92. (Труды ГИМ; Вып. 124).
- Ениосова и др., 2008 – Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи Средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья / Отв. ред. Н. В. Рындина. М.: Восточная литература, 2008. С. 107–180.
- Ениосова, 2016а – Ениосова Н. В. Химический состав цветного металла из Гнёздова // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 6 (36). С. 724–733.
- Ениосова, 2016б – Ениосова Н. В. Исследование химического состава металла и техники изготовления украшений и бытовых предметов из камерных погребений Старовознесенского некрополя // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века / Отв. ред. И. К. Лабутина. СПб.: Нестор-История, 2016. Т. 2. С. 518–559.
- Ениосова и др., 2017 – Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Синх В. К. Новые данные о химическом составе сырья Новгородских ювелиров X–XV вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова: Мат-лы 62 заседания (19–21 апреля 2016 г.) / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков: ИА РАН, 2017. С. 187–203.
- Зайцева, 2012 – Зайцева М. В. Цветной металл поселений Крутик и Никольское V в Белоозерье: состав сплавов, пути поступления // Северная Русь и проблемы формирования древнерусского государства. Сб. мат-лов междунар. конф. Вологда – Кириллов – Белозерск. 6–8 июня 2012 / Отв. ред. С. Д. Захаров. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 65–72.
- Зайцева, Сапрыкина, 2014 – Зайцева И. Е., Сапрыкина И. А. Новые данные к характеристике цветного металла (по материалам исследований в средневековом Ярославле) // КСИА. 2014. № 232. С. 193–209.
- Ковалевская, 1998 – Ковалевская В. Б. Хронология восточноевропейских древностей V–IX веков. Вып. 1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М.: ИА РАН, 1998. 77 с.
- Коновалов, 2008 – Коновалов А. А. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья / Отв. ред. Н. В. Рындина. М.: Восточная литература, 2008. С. 9–106.
- Львова, 1968 – Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. 1 // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 64–94.
- Орлов, 1984 – Орлов Р. С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. //

- Культура и искусство средневекового города / Отв. ред. И. П. Русанова. М.: Наука, 1984. С. 32–52.
- Седых*, 1998 — *Седых В. Н.* Тимерёво: древнерусская деревня? скандинавская фактория? протогород? // Поселения: среда, культура, социум: Мат-лы тематич. науч. конф., Санкт-Петербург, 6–9 октября 1998 г. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С. 22–26.
- Седых*, 2001 — *Седых В. Н.* Новые данные к истории Велико-го Волжского пути // Великий Волжский путь: материалы круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути» / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань: Изд-во Мастер Лайн, 2001. С. 173–188.
- Седых*, 2010 — *Седых В. Н.* О ранней дате Тимерёва // Археология — история и перспективы. Четвертая межрегиональная конференция: Сб. ст. / Под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2010. С. 157–167.
- Седых*, 2012 — *Седых В. Н.* Тимерёво: итоги исследований 1983–1990 гг. // Археология: история и перспективы. Пятая межрегиональная конференция. Сб. ст. / Отв. ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2012. С. 157–170.
- Седых, Френкель*, 2012а — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* Бусы из погребальных комплексов Тимерёва: хронологический аспект // XIII Тихомировские краеведческие чтения. К 150-летию со дня рождения Илариона Александровича Тихомирова: Мат-лы науч. конф. / Отв. ред. В. Н. Дегтеревская. Ярославль: Конверсия, 2012. С. 296–322.
- Седых, Френкель*, 2012б — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* Об одной категории находок из раскопок Тимерёвского поселения (о времени функционирования комплекса) // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств: Мат-лы междунар. конф. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 230–240.
- Седых, Френкель*, 2012в — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* Результаты археометрических анализов стеклянных изделий XII–XIV вв. из раскопок Тимерёво // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2012. Вып. 4. С. 77–104.
- Седых, Френкель*, 2014а — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* О времени и обряде основного погребения кургана 95 Тимерёвского могильника // Археология: история и перспективы. Шестая межрегиональная конференция: Сб. ст. / Под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2014. С. 165–198.
- Седых, Френкель*, 2014б — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* Изделия из цветных металлов Тимерёвских курганов (предварительное сообщение) // XIV Тихомировские краеведческие чтения: Материалы научной конференции. Ярославль 22–23 октября 2013 года. Ярославль: ЯГИАХМЗ, 2014. С. 222–233.
- Седых, Френкель*, 2015 — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* О металле украшений комплексов курганов № 285 и № 382 Тимерёвского могильника // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Н. А. Макарова / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера. 2015. С. 213–228.
- Седых, Френкель*, 2016 — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* О сплавах украшений кургана № 285 Тимерёвского могильника // Археология: история и перспективы. Седьмая межрегиональная конференция: Сб. ст. / Под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль: ЯГИАХМЗ, 2016. С. 124–149.
- Седых, Френкель*, 2017 — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* Об одной категории находок из раскопок Тимерёвского поселения (о времени функционирования археологического комплекса) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье / Отв. ред. тома А. С. Щавелев; отв. ред. серии Е. А. Мельникова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 329–373.
- Седых, Френкель*, 2019 — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* Цветной металл Тимерёвского поселения (по материалам раскопок 1976–1977 гг.) // XVI Тихомировские чтения: К 100-летию революций в России: Мат-лы науч. конф. Ярославль, 19–20 октября 2017 года. Ярославль: ЯГИАХМЗ, 2019. С. 256–290.
- Седых, Френкель*, 2020 — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* Опыт классификации медных сплавов Тимерёвского археологического комплекса // Труды VI (XXII) ВАС в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. Т. II. С. 214–217.
- Хаврин, Чузунова*, 2004 — *Хаврин С. В., Чузунова К. С.* Древняя латунь: проблемы происхождения, распространения и интерпретации // Комплексные исследования древних традиционных обществ Евразии / Отв. ред.: Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 351–355.
- Шемаханская*, 2015 — *Шемаханская М. С.* Металлы и вещи. М.: Индрик, 2015. 288 с.
- Craddoc*, 2009 — *Craddoc P.* Scientific investigation of copies, fakes and forgeries. Burlington: Butterworth-Heinemann, 2009. 640 p.
- Forshell*, 1992 — *Forshell H.* The inception of copper mining in Falun // Theses and papers in Archaeology B:2. Stockholm: Archaeology research laboratory Stockholm University, 1992. 190 p.

Non-ferrous metals from the site of Timerevo (results of excavations of 1970s–1980s)

V. N. Sedykh, Ya. V. Frenkel'

This paper continues the investigations of the composition of non-ferrous and precious metals from the Timerevo archaeological complex of the 10th – first half

of the 11th century. Eighty three objects from excavations of the site in 1976–1977 and 1984–1986 (Fig. 1–3) have been investigated using the X-ray fluorescent analysis (RFA).

The distribution of the objects by the material is presented in **Table 1**. Two thirds of the sample is found to be made from zinc-containing alloys (**Table 3**). The quantitative results of the analyses are summarized in Appendix 1. A graphic representation of the results of the analyses by three indicators (Zn, Sn, Pb) is shown in **Fig. 4**. These data are compared with the results obtained by N. V. Eniosova on the non-ferrous metal from the Gnezdovo archaeological complex (**Table 4**). The non-ferrous metals from the Timerevo sample were grouped according to the closeness of the composition (**Fig. 5, 6; Table 6**).

The objects from the sample were divided into 5 series basing on cultural-stylistic analysis. The metal compositions of the objects in a good state of preservation (67 examples) were considered with regard to the belonging to these series (**Fig. 7**) and were compared with a previously conducted grouping of the alloys. The conclusion was drawn about the local production of the majority of the objects from the sample. In the final section of the paper, a fractional scheme of classification of the non-ferrous metal is proposed on the basis of the quantitative percentage of Zn, Sn and Pb (**Table 7**).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

APPENDIX 1

Химический состав изделий выборки

Chemical composition of objects from the sample

№ п/п	Рисунок	Fe	Cu	Zn	Sn	Pb	As	Ag	Sb	Примечание
1	1, 1	0,2	Основа	34,0	—	2,3	—	—		
2	—	0,1	—	—	—	0,2	—	—		
3	—	0,3	—	7,6	—	5,6	0,1	0,2		
4	1, 2	1,8	—	1,9	15,7	23,0	1,1	0,7	0,5	Au 0,3 %
5	—	0,2	—	0,6	—	0,2	—	—		
6	1, 20	0,1	—	—	—	0,6	0,2	0,2		
7	1, 15	0,2	—	10,0	2,3	3,3	—	—		
8	—	0,3	—	—	—	—	0,3	—		Металл разрушен
9	—	0,1	—	—	—	—	—	—		Металл разрушен
10	1, 3	0,2	—	14,0	—	3,8	—	—		
11	1, 4	0,2	—	12,4	1,9	0,4	0,2	0,6		
12	1, 9	0,7	3,2	0,2	—	1,3	—	Основа	—	Bi 0,4 %; Au 0,3 %
13	—	0,1	Основа	—	0,3	1,0	—	—		
14	1, 7	0,3	—	—	4,4	0,7	—	—		
15	1, 8	0,4	—	8,3	7,2	2,6	1,1	0,1	0,2	
16	1, 10	0,2	—	7,4	1,4	1,6	—	0,2	0,2	Au 0,1 %
17	1, 13	0,7	—	7,6	0,3	1,1	—	—		
18	—	0,1	—	—	0,5	0,3	0,3	—		Металл разрушен
19	—	0,3	—	—	—	0,3	0,2	—		Металл разрушен
20	1, 18	0,2	—	9,2	—	0,7	—	—		
21	1, 12	0,1	—	—	2,0	0,9	0,2	0,2		
22	2, 1	0,2	—	10,4	—	0,4	0,2	—	0,2	
23	—	0,7	—	8,5	2,2	1,3	—	—		
24	2, 5	0,4	—	4,1	0,8	6,9	0,4	0,1		
25	—	0,3	—	13,7	—	0,9	1,1	—		
26	2, 6	1,8	—	2,7	12,7	15,9	?	0,9		Au 0,9 %
27	—	0,2	—	5,4	0,4	4,2	—	0,1	0,2	Bi 0,2 %
28	2, 4	0,4	—	9,7	—	11,5	—	—		Bi 0,2 %; Au 0,2 %
29	—	0,2	—	—	0,2	0,4	—	0,2		
30	2, 2	0,1	—	—	19,7	1,0	—	—		

31	2, 3	0,2	--	0,8	0,8	0,9	0,6	0,2		
32	1, 5	0,4	--	4,6	0,5	4,7	0,2	0,2		
33	1, 6	0,3	--	0,4	4,5	8,2	0,5	0,6	0,4	
34	—	0,1	--	—	—	0,6	0,2	0,2		
35	1, 17	0,4	--	15,1	0,3	1,7	0,4	—	0,1	
36	1, 14	0,1	0,31	0,1	45,6	52,3	—	0,5	—	
37	—	0,1	Основа	—	—	0,2	—	—		
38	—	0,1	--	—	—	0,9	0,3	0,1		
39	1, 16	0,2	--	0,8	13,7	1,4	0,2	—		
40	1, 11	0,3	--	7,3	1,1	4,1	0,2	0,2	0,5	Bi 0,1 %
41	1, 19	0,3	--	7,8	0,4	3,8	0,3	0,1		Bi 0,1 %
42	2, 7	0,2	--	7,5	7,3	9,0	—	—		
43	1, 8	0,8	--	2,0	17,8	0,5	—	—		
44	—	0,1	--	—	0,5	1,0	0,3	0,2		
45	—	0,2	--	2,4	0,9	7,8	—	0,2		Металл разложился
46	—	0,2	--	—	—	0,6–2,0	—	—	0,3	Ag 0,1 %
47	1, 10	0,1	--	13,2	—	4,6	0,1	—		
48	—	0,2	--	5,2	—	0,5	0,2	—		Ni 0,48 %
49	1, 11	0,1	--	1,0	17,1	4,7	0,6	—		
50	1, 12	0,2	--	5,1	0,7	2,3	0,3	0,1	0,2	
51	1, 9	0,2	--	2,9	1,8	5,5	0,4	0,2	0,2	
52	3, 10	0,2	--	1,2	14,2	1,0	0,3	0,4	—	
53	3, 21	7,4	--	15,5	—	0,5	0,2	0,3	—	Металл разложился
54	—	2,1	--	—	—	10,9	2,5	0,6	0,6	Металл разложился
55	3, 18	0,3	--	—	6,5	2,5	—	0,2	—	
56	—	1,3	--	19,6	0,5	5,2	—	0,1	—	
57	3, 20	0,4	--	6,6	0,2	2,0	—	0,1	—	
58	3, 14	0,4	--	10,2	3,1	2,9	—	—	—	
59	3, 4	0,2	--	—	—	0,8	—	0,1	0,5	
60	3, 17	0,1	--	9,4	—	1,4	—	0,1	—	
61	3, 16	0,1	--	8,8	—	1,3	—	—	—	В патине 0,1 Ag %
62	3, 12	0,2	--	7,7	—	5,9	—	0,3	—	
63	—	0,2	--	7,7	1,2	1,5	0,5	0,2	—	
64	3, 15	0,4	--	10,0	1,2	4,5	0,3	0,1	—	
65	3, 11	0,2	--	8,8	0,1	1,6	—	0,1	—	
66	3, 13	0,3	--	13,8	6,7	1,2	—	—	—	
67	3, 25	0,1	--	10,5	1,2	1,7	0,3	0,2	—	Металл плохо сохранился
68	3, 25	0,2	--	3,5	1,9	1,3	0,5	0,2	0,2	Металлы плохо сохранился
69	3, 19	0,5	--	9,5	2,3	1,1	—	0,1	—	
70	3, 3	0,3	--	9,5	0,5	8,7	—	0,2	—	
71	3, 24	0,2	--	4,7	0,6	0,4	—	0,2	0,1	
72	3, 24	0,3	--	5,2	1,5	1,1	0,3	0,2	0,2	
73	3, 26	0,4	--	0,8	8,6	3,1	0,3	—	—	
74	3, 26	1,1	--	0,7	6,4	3,6	0,2	—	—	Металл плохо сохранился
75	3, 1	0,4	--	7,8	3,7	4,0	0,4	0,2	—	
76	3, 23	0,1	--	16,7	0,5	0,4	0,1	0,1	—	
77	3, 9	0,4	--	19,3	—	0,5	—	—	—	
78	3, 8	0,2	--	8,0	—	2,3	—	0,1	—	Cd 0,3 (?) %
79	3, 22	0,1	--	12,8	—	0,4	0,4	—	—	
80	3, 6	0,1	12,0	2,5	0,3	4,4	4,4	Основа	—	Bi 0,3 %; Au 0,2 %
81	3, 7	0,1	30,7	—	0,1	2,1	2,1	Основа	—	Bi 0,1 %; Au 0,3 %
82	3, 5	0,5	Основа	1,6	39,1	7,4	—	—	—	Металлы плохо сохранился
83	3, 5	0,3	--	7,9	4,3	9,6	—	—	—	Металлы плохо сохранился

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
APPENDIX 2

Формулы металлов и сплавов выборки по предлагаемой классификации

Formulae of individual metals and alloys from the sample according to the proposed classification

№ п/п	Формула сплава (металла)	Примечание
1	Cu-Zn(4)-Pb(2)	
2	Cu	
3	Cu-Zn(2)-Pb(2)	
4	Cu-Zn(1)-Sn(4)-Pb(4)	
5	Cu	
6	Cu	
7	Cu-Zn(2/3)-Sn(2)-Pb(2)	
8	Cu	Металл разложился
9	Cu	Металл разложился
10	Cu-Zn(3)-Pb(2)	
11	Cu-Zn(3)-Sn(2)	
13	Cu-Pb(1)	
14	Cu-Sn(2)	
15	Cu-Zn(2)-Sn(2)-Pb(2)	
16	Cu-Zn(2)-Sn(1)-Pb(1)	
17	Cu-Zn(2)-Pb(1)	
18	Cu	Металл разложился
19	Cu	Металл разложился
20	Cu-Sn(2)-Pb(-/1)	
21	Cu-Zn(2)	
22	Cu-Zn(3)	
23	Cu-Zn(2)-Sn(2)-Pb(1)	
24	Cu-Zn(2)-Sn(-/1)-Pb(2)	
25	Cu-Zn(3)-Pb(-/1)	
26	Cu-Zn(2)-Sn(3)-Pb(4)	
27	Cu-Zn(2)-Pb(2)	
28	Cu-Zn(2)-Pb(3)	
29	Cu	
30	Cu-Sn(4)-Pb(1)	
31	Cu-Zn(-/1)-Sn(-/1)-Pb(-/1)	
32	Cu-Zn(2)-Pb(2)	
33	Cu-Sn(2)-Pb(3)	
34	Cu	
35	Cu-Zn(4)-Pb(1)	
37	Cu	
38	Cu-Pb(-/1)	
39	Cu-Zn(-/1)-Sn(3)-Pb(1)	
40	Cu-Zn(2)-Sn(1)-Pb(2)	
41	Cu-Zn(2)-Pb(2)	
42	Cu-Zn(2)-Sn(2/3)-Pb(3)	
43	Cu-Zn(1)-Sn(4)	

44	Cu-Pb(1)	
45	Cu-Zn(1)-Sn(1)-Pb(3/2)	Металл разложился
46	Cu-Pb (1)	
47	Cu-Zn(3)-Pb(2)	
48	Cu-Zn(2)	
49	Cu-Zn(1)-Sn(4)-Pb(2)	
50	Cu-Zn(2)-Pb(2)	
51	Cu-Zn(2)-Sn(1/2)-Pb(2)	
52	Cu-Zn(1)-Sn(3)-Pb(1)	
53	Cu-Zn(4)	Металл разложился
54	Cu-Pb(3)	Металл разложился
55	Cu-Sn(2)-Pb(1/2)	
56	Cu-Zn(4)-Pb(2)	
57	Cu-Zn(2)-Pb(2)	
58	Cu-Zn(2)-Sn(2)-Pb(2)	
59	Cu-Pb(1)	
60	Cu-Zn(3)-Pb(1)	
61	Cu-Zn(2)-Pb(1)	
62	Cu-Zn(2)-Pb(2)	
63	Cu-Zn(2)-Sn(1)-Pb(1)	
64	Cu-Zn(1/2)-Sn(1)-Pb(2)	
65	Cu-Zn(2)-Pb(1)	
66	Cu-Zn(3)-Sn(2)-Pb(1)	
67	Cu-Zn(3)-Sn(1)-Pb(1)	Металл плохо сохранился
68	Cu-Zn(2)-Sn(2)-Pb(1)	Металл плохо сохранился
69	Cu-Zn(2)-Sn(2)-Pb(1)	
70	Cu-Zn(2)-Pb(3)	
71	Cu-Zn(2)	
72	Cu-Zn(2)-Sn(1)-Pb(1)	
73	Cu-Sn(2)-Pb(2)	
74	Cu-Sn(2)-Pb(1)	Металл плохо сохранился
75	Cu-Zn(2)-Sn(2)-Pb(2)	
76	Cu-Zn(4)	
77	Cu-Zn(4)	
78	Cu-Zn(2)-Pb(2)	
79	Cu-Zn(3)	
82	Cu-Zn(1)-Sn(4)-Pb(2)	Металл плохо сохранился
83	Cu-Zn(2)-Sn(2)-Pb(3)	Металл плохо сохранился

PERSONA GRATA

Борис Леонидович Богаевский – филолог, археолог, историк, искусствовед, профессор, ректор Томского университета

А. В. Литвинов¹

АННОТАЦИЯ. Данная статья является кратким биографическим очерком, посвященным памяти русского и советского ученого, одного из ведущих специалистов своего времени по истории и культуре Древнего Востока и Древней Греции, – профессора Б. Л. Богаевского. Особое внимание уделено его деятельности в Томском университете.

ANNOTATION. The article is a short biographical essay dedicated to the memory of the Russian and Soviet scientist, professor B. L. Bogaevsky – one of the leading experts of his time in the history and culture of the Ancient East and Ancient Greece. Special attention is paid to his activities at Tomsk University.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Б. Л. Богаевский, Томский университет, Древний Восток, Древняя Греция, история, археология, культура.

KEYWORDS: B. L. Bogaevsky, Tomsk University, Ancient East, Ancient Greece, history, culture.

Борис Леонидович Богаевский – один из ведущих специалистов своего времени по истории и культуре Древнего Востока и Древней Греции (рис. 1). Важная страница его жизни связана с Томском: с 1919 по 1922 г. Б. Л. Богаевский жил в Томске, в 1921–1922 гг. был ректором Томского государственного университета (ТомГУ) – первого университета Азиатской России. Информации об этом периоде его жизни сохранилось не так много и она мало доступна широкой публике. Данная статья отчасти восполняет имеющиеся пробелы в описании жизни и профессиональной деятельности Б. Л. Богаевского в его томский период. Ее публикация в настоящем юбилейном сборнике неслучайна: профессор Б. Л. Богаевский – дед (по линии матери) профессора Дмитрия Глебовича Савинова.

При подготовке настоящего очерка были использованы материалы Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 740. Оп. 19.

Д. 164), Государственного архива Томской области (ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 80); энциклопедические материалы справочника «Научные работники Ленинграда» (Научные..., 1934. С. 38), Большой советской энциклопедии (Богаевский..., 1950), биографических изданий, в подготовке которых автор настоящего очерка принимал непосредственное участие (Богаевский..., 1998; Богаевский..., 2003), и электронной энциклопедии Томского государственного университета (Богаевский...). Помимо этого, были учтены электронные ресурсы, посвященные истории Санкт-Петербургского института истории РАН (Румынская), Томского областного краеведческого музея им. М. Б. Шатилова (История...).

Б. Л. Богаевский родился 18 (30) марта 1882 г. в Санкт-Петербурге. Он происходил из потомственных дворян Харьковской губернии. Его отец, Леонид Григорьевич Богаевский (1858–1911), был действительным статским советником, адъюнкт-профессором Петербургского Технологического института, деканом химического отделения.

По окончании 10-й петербургской гимназии Б. Л. Богаевский поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета.

¹ 634050, Россия, Томск, пр. Ленина, д. 36. Национальный исследовательский Томский государственный университет. Факультет исторических и политических наук, кафедра российской истории. Адрес электронной почты: litvinov-1977@yandex.ru.

РИС. 1. Б. Л. Богаевский. 1939 г.
Фотография (© НА ИИМК РАН. ФО. О.1638.48)

FIG. 1. B. L. Bogaevsky. 1939. Photo (© Photo Department of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture RAS. Photographic print 1638.48)

В 1907 г. окончил его классическое отделение с дипломом 1-й степени.

После окончания университета был оставлен для приготовления к профессорскому званию при кафедре классической филологии. В октябре 1907 г. был командирован с ученой целью за границу. В течение двух с половиной лет пребывания в Германии (Гейдельберг и Мюнхен), Греции и Италии он посещал лекции, работал в семинарах профессоров университетов и собирал материал для магистерской диссертации.

По возвращении в Россию преподавал историю Древнего Востока, Греции, античного искусства и культуры, вел занятия по греческому языку на Высших женских курсах П. Ф. Лесгафта, в Психоневрологическом институте и частной гимназии М. Н. Стоюниной в Петербурге (Петрограде). Состоял членом Археологического, Географического и Исторического обществ.

С 23 июня 1916 г. он становится приват-доцентом по кафедре классической филологии Петроградского университета с поручением читать лекции и вести практические занятия на отделении Петроградского университета в Перми (будущий Пермский университет), куда был направлен в октябре этого же года. С 1 июля 1917 г. — исполняющий должность ординарного профессора кафедры классической филологии, в октябре 1917 г. он был избран деканом историко-филологического факультета Пермского университета. На тот момент Б. Л. Богаевский уже был член-учредителем, действительным членом Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском университете (1917). В этом же году он выступил с рядом докладов на его заседаниях («Легенда о рае в Шумерском эпосе», «Учение о примирении противоположностей в античной Греции» и другие).

Летом 1919 г. при отступлении колчаковской армии Б. Л. Богаевский был эвакуирован в Томск. 20 октября 1919 г. студентам историко-филологического факультета Томского университета он прочитал лекцию «Современные задачи изучения религии античной Греции». С 12 декабря 1919 г. он становится приват-доцентом при кафедре классической филологии историко-филологического факультета Томского университета. А уже с 1 июня 1920 г. — профессором кафедры истории античного мира этнолого-лингвистического отделения (бывший историко-филологический факультет) факультета общественных наук Томского университета. Тут он заведовал кабинетами западноевропейской литературы и истории религии. Читал курсы: «История Древнего Востока»; «История античной литературы»; «История мировоззрения античной Греции»; «Греческая эпиграфика»; «Восточные элементы в западноевропейской литературе XVII–XIX вв.»; «История быта античной Греции»; «Эпизодический курс по истории античного искусства». Вместе с профессором Э. В. Дилем вел семинарий по чтению греческих авторов, а также руководил практическими занятиями («Гофман и немецкие романисты»). Его лекции пользовались популярностью среди студентов.

С января 1921 г. Б. Л. Богаевского назначают ректором Томского университета, эту должность он занимал по 25 июня 1922 г. Будучи ректором, Б. Л. Богаевский предпринимал усилия, направленные на улучшение материального положения университета после Гражданской войны. В январе 1922 г. выезжал в составе делегации томских вузов в Новонико-

лаевск (ныне – Новосибирск) для переговоров с уполномоченным Наркомпроса по Сибири Д. К. Чудиновым. Б. Л. Богаевский направил также в Наркомпрос РСФСР «Записку о состоянии Томского университета и его нуждах», в которой обратил внимание на тяжелое материальное положение профессорско-преподавательского состава университета. Сибревкомом было принято решение о выделении университету дополнительных средств.

Помимо этого, вскоре после ухода из Томска колчаковских войск и установления советской власти, Б. Л. Богаевский принял участие в спасении и сохранении культурных исторических и художественных ценностей Сибири и организации музейного дела в Томске. Так, еще с декабря 1919 г., Б. Л. Богаевский, наряду с профессорами Томского университета Б. П. Деннике и В. Ф. Смолиным, архитектором А. Л. Шиловским, художниками А. Н. Тихомировым и М. М. Беринговым, студентом Томского университета И. М. Мягковым, принял участие в работе секции, позднее – Томского губернского комитета по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Б. Л. Богаевский также руководил открытыми в конце 1920 г. пятимесячными курсами подготовки специалистов-музейщиков. Эти люди положили начало формированию первых музейных коллекций и собраний. 18 марта 1922 г. была развернута первая экспозиция, в октябре того же года музей получил название «Томский краевой музей» (ныне – Томский областной краеведческий музей, крупнейшее музейное учреждение Томской области).

После закрытия в Томском университете факультета общественных наук Б. Л. Богаевский вернулся в Петроград. С 1922 г. он получает должность профессора кафедры истории материальной культуры факультета общественных наук, в 1926–1930 гг. становится профессором кафедры истории древнего мира факультета языкознания и материальной культуры (преобразован из факультета общественных наук), в 1929–1930 гг. – профессор, заведующий кафедрой доисторической археологии историко-лингвистического факультета (преобразован из факультета языкознания и материальной культуры) Петроградского (Ленинградского) университета. На факультете он читал лекции по истории, искусству и религии античного мира.

Уже с 1926 г. Б. Л. Богаевский был назначен проректором Ленинградского университета по студенческим делам, в 1928–1929 гг. состоял заместителем декана и секретарем факультета языкознания и материальной культуры.

С 1930 г. Б. Л. Богаевский – профессор, заведующий кафедрой и кабинетом истории материальной культуры дофеодалного периода Ленинградского историко-лингвистического института (основан на базе выделенного из ЛГУ историко-лингвистического факультета, с 1933 г. – Ленинградский институт истории, философии и лингвистики). С 1935 г. – профессор Всероссийской академии художеств.

Одновременно с 1922 по 1936 г. Б. Л. Богаевский состоял действительным членом Государственной академии истории материальной культуры (далее – ГАИМК), принял участие в подготовке многотомной «Истории Древнего мира», написал вторую и третью главы 2-го тома «История Древней Греции» (Богаевский, 1936а; 1936б).

В период реорганизации ГАИМК в 1936–1937 гг. он был зачислен в штат Ленинградского отделения Института истории АН СССР, где состоял старшим научным сотрудником и проработал два года.

В автобиографии, сохранившейся в личном деле, Б. Л. Богаевский писал: «За время моей деятельности я, кроме чтения лекций, ведения занятий и руководства аспирантами, напечатал свыше 70 печатных работ, в том числе книги» (Румынская).

С 1938 г. Б. Л. Богаевский занял должность старшего научного сотрудника Института истории материальной культуры АН СССР.

Основные труды Б. Л. Богаевского посвящены истории, культуре, хозяйству античной Греции, трипольской культуре, яфетической теории, этнологии, творчеству Лукиана, древней истории Ливии. 14 мая 1916 г. в публичном собрании историко-филологического факультета Петроградского университета Б. Л. Богаевский защитил в качестве диссертации на ученую степень магистра классической филологии 1-й том своей монографии «Земледельческая религия Афин». 15 октября 1934 г. по представлению Квалификационной комиссии по Отделению общественных наук Президиум АН СССР присудил Б. Л. Богаевскому ученую степень доктора исторических наук без защиты диссертации.

Б. Л. Богаевский был женат на Ольге Эдуардовне, они воспитали дочь Ольгу. У Ольги Борисовны в супружестве с потомственным художником Г. А. Савиновым в 1941 г. родился сын Митя – т. е. Дмитрий Глебович Савинов. В следующем, 1942 г. Борис Леонидович, оставшийся в Ленинграде, 11 мая умер от голода, а Ольге Эдуардовне и Ольге Борисовне с маленьким сыном удалось эвакуироваться из блокадного города.

Литература и источники

- Богаевский*, 1936а – *Богаевский Б. Л.* Крито-микенская эпоха // *История Древней Греции*. М.: Соцэкгиз, 1936. Т. 2, ч. 1, гл. 3. С. 35–49.
- Богаевский*, 1936б – *Богаевский Б. Л.* Природа восточного средиземноморья // *История Древней Греции*. М.: Соцэкгиз, 1936. Т. 2, ч. 1, гл. 2. С. 35–49.
- Богаевский... – *Богаевский Борис Леонидович* // Национальный исследовательский Томский государственный университет. Электронная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php/Богаевский,_Борис_Леонидович (дата обращения: 28.01.2021).
- Богаевский..., 1950 – *Богаевский Борис Леонидович* // БСЭ. М.: Советская энциклопедия, 1950. Т. 5. С. 337.
- Богаевский..., 1998 – *Богаевский Борис Леонидович* // Профессора Томского университета: Биографический словарь / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, Л. Л. Берцун, А. В. Литвинов. Томск: Изд-во ТомГУ, 1998. Т. 2. С. 52–54.
- Богаевский..., 2003 – *Богаевский Борис Леонидович* // Ректоры Томского университета: Биографический словарь (1888–2003) / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, К. В. Петров, А. В. Литвинов, К. В. Зленко. Томск: Изд-во ТомГУ, 2003. С. 85–89.
- ГАТО. Ф. Р-815: Л. Р. Богаевский. Оп. 1. Д. 80.
- История... – История музея [Электронный ресурс]. URL: https://tomskmuseum.ru/about_mus/about_hist (дата обращения: 28.01.2021).
- Научные..., 1934 – Научные работники Ленинграда: с приложением перечня научных учреждений Ленинграда // Наука и научные работники СССР: справочник / Акад. наук СССР; сост. Комис. «Наука и науч. работники СССР». Л., 1934. Ч. 5. 723 с.
- РГИА. Ф. 740: Л. Р. Богаевский. Оп. 19. Д. 164.
- Румынская – Румынская М. Н.* *Богаевский Борис Леонидович* [Электронный ресурс]. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/bogaevski_b_1 (дата обращения: 28.01.2021).

Boris Leonidovich Bogaevsky – philologist, archaeologist, historian and art historian, professor, rector of Tomsk University

A. V. Litvinov

This article is a short biographical sketch dedicated to the memory of the Russian and Soviet scientist Professor B. L. Bogaevsky, one of the leading experts of his time in the history and culture of the Ancient East and Ancient Greece. The essay talks about the origin of the

scientist and his education. In the future, we are talking about the beginning of his work in St. Petersburg and Perm. Particular attention is paid to his activities at Tomsk University. The conclusion is about his activities after returning to Petrograd (Leningrad).

«Ваше мнение и все замечания относительно моих соображений я приму с громадной благодарностью». Письма С. А. Теплоухова и Г. Мергарта¹

С. В. Кузьминых², Е. В. Детлова³

АННОТАЦИЯ. Письма С. А. Теплоухова и Г. Мергарта относятся к периоду наиболее плодотворной научной деятельности ученых на ниве изучения енисейских древностей, прежде всего, бронзового и раннего железного веков. В 1920-е гг. они стояли у истоков формирования базовых концепций развития культур юга Сибири III–I тыс. до н. э. Публикуемая переписка приоткрывает для нас завесу над поисками и разысканиями, ошибками и сомнениями и в целом «рабочей кухней» авторов этих концепций.

ANNOTATION. The letters of S. A. Teploukhov and G. von Merhart belong to the period of the most productive scientific activities of these scholars in the field of studies of Yenisey antiquities, primarily of the Bronze and early Iron Age. In the 1920s, they stood at the sources of the formation of the basic concepts on the evolution of the cultures of South Siberia in the 3rd–1st millennium BC. The correspondence here published lifts for us the veil on searches and studies, errors and doubts and, in general, on the entire 'know-how of the profession' of the authors of these concepts.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история археологии, переписка, С. А. Теплоухов, Г. Мергарт, Сибирь, Батени, эпохи бронзы и раннего железа, Томск, Красноярск, Русский музей.

KEYWORDS: History of archaeology, correspondence, S. A. Teploukhov, G. von Merhart, Siberia, Bateni, Bronze Age, early Iron Age, Tomsk, Krasnoyarsk, Russian Museum.

Летом 1920 г. на небольшом пятячке на берегах Енисея в абаканской степи встретились ассистент кафедры географии и антропологии Томского университета С. А. Теплоухов⁴, возглавлявший отряд Абакано-Минусинской экспедиции, и заведующий археологическим отделом Музея Приенисейского края в Красноярске Геро фон Мергарт⁵, также отправившийся в Минусинскую котловину для археологических разысканий (рис. 1; 2). Личное

общение предварило заочное знакомство — будучи в отсутствие коллеги в Красноярском музее, Теплоухов увидел и по достоинству оценил качество работы Мергарта по приведению в порядок археологических фондов музея и реставрации экспонатов и его профессионализм (см. письмо № 1). Равно и Мергарт — еще до их первой встречи — был наслышан о Теплоухове и начатых им исследованиях на Енисее. О той встрече австрийский археолог вспоминал в мемуарах: «Мой дорогой коллега Теплоухов из Томского университета, который совсем незадолго до начала наших раскопок совершил несколько дневных поездок по северу степи, тотчас же узнал, что у Абакана, там-то и там-то, военнопленный раскапывает курганы. Было известно даже то, где мы проживаем» (Merhart, 2008. S. 132).

Сам факт встречи и сближения этих ученых, зафиксированный в переписке, мемуарах, отчетах, весьма примечателен и достоин внимания историков сибирской археологии. К тому времени они сделали только первые шаги в изучении енисейских древностей, но в итоге эти шаги определили дальнейшее развитие археологии эпох бронзы и раннего железа юга Сибири и вывели Теплоухова и Мергарта в первый ряд исследователей древнейшего прошлого данного региона.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения грантов РФФИ № 19-59-23008 РЯИК_а (руководитель проекта — Данила Серых) и РФФИ 18-09-40115 Древности. The study was conducted with the support of Russian Foundation for Fundamental Research (RFFI), grants nos. 19-59-23008 РЯИК_а and 18-09-40115 «Antiquity».

² 252036, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19. Институт археологии РАН. Лаборатория «Естественно-научные методы в археологии». Адрес электронной почты: kuzminykhsv@yandex.ru.

³ 660049, Россия, Красноярск, ул. Дубровинского, д. 84. Красноярский краевой краеведческий музей. Методический отдел.

Адрес электронной почты: detlova2012@yandex.ru.

⁴ См. подробнее о жизни и научной деятельности С. А. Теплоухова: Грязнов, 1988; Китова, 2010а.

⁵ См. подробнее о жизни и научной деятельности Г. Мергарта в Сибири: Ларичев, 1969. С. 148–153, 215–221; Белокобыльский, 1986. С. 119–132; Detlova, Swozilek, 2006; Китова, 2007. С. 164–170; Детлова, 2007; 2011; 2016а; Кузьминых и др., 2007; Кузьминых, Детлова, 2010; Parzinger, 2008; Детлова, Кузьминых, 2019; и др.

РИС. 1. С. А. Теплоухов. 1923 г. Снимок Ф. Ф. Станчу[ка?]. Фотография, фрагмент. Публикуется впервые (© личное собрание Н. Ю. Смирнова)

FIG. 1. S. A. Teploukhov. 1923. Photo by F. F. Stanchu[k?]. Photo, fragment. First ever publication (© personal archives of N. Yu. Smirnov)

Для нас гораздо важнее, конечно, содержание бесед Сергея Александровича и Геро Вальтеровича⁶, которое, к сожалению, осталось за рамками официальных протоколов и иных — менее формальных — документов. Теплоухов лишь в следующем году публично выступит с предварительным изложением культурно-хронологической схемы развития культур Минусинской котловины⁷, а пока она только рождалась при осмыслении первых результатов раскопок в микрорайоне Батени. Мергарт к тому времени произвел разбор и систематизацию археологических фондов Красноярского

⁶ Так величали Мергарта русские коллеги и иногда — с некоторой долей иронии — один из его ближайших друзей финский археолог А. М. Тальгрэн.

⁷ Впервые с публичным изложением культурно-хронологической схемы развития культур Южной Сибири (доклад «Доисторические культуры Минусинского края») С. А. Теплоухов выступил 21 ноября 1921 г. на заседании краеведческой секции Томского общества естествоиспытателей и врачей (Жук, 2004. С. 5); через год состоялся доклад «Древние культуры Минусинского края» в ГАИМКе (Китова, 2004. С. 10) и опубликовано тезисное изложение схемы (Теплоухов, 1922а).

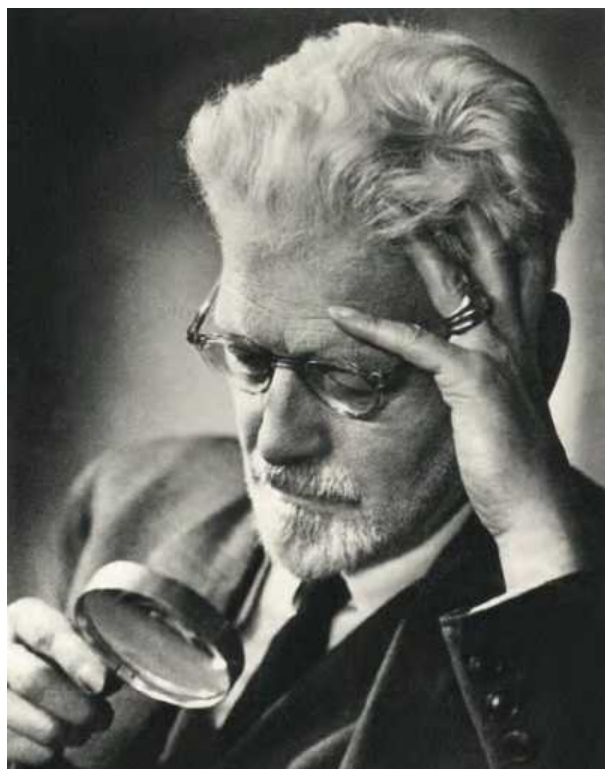

РИС. 2. Г. Мергарт в 1940-е гг. Фотография (по: Merhart, 2008)

FIG. 2. G. von Merhart in 1940s. Photo (after Merhart, 2008)

музея и был готов изложить свои представления о процессах развития минусинских культур. В этой связи неудивительно обоюдное желание встретиться — у них были темы для разговоров и дискуссий. С большой уверенностью мы можем судить об исключительной важности этого общения, которое касалось, вероятнее всего, вопросов древнейшего прошлого юга Енисейской губернии. Рискнем предположить, что этот диалог отчасти предварил характеристику минусинской культуры бронзового века Мергарта (Merhart, 1926) и знаменитую теплоуховскую классификацию археологических культур региона (Теплоухов, 1926; 1927; 1929), получившую первоначальное оформление и отражение в материалах к Отчетной выставке Этнографического отдела Русского музея за 1923 г. (Отчетная выставка..., 1924). Спустя десятилетия Мергарт вспоминал: «Фундаментальное распределение культур Теплоухова [тогда] еще не было разработано и таким образом у нас было много возможностей подискутировать. А «степной телефон» летом сразу же сообщил ему, что я провожу раскопки в Абакане, и как он, так и я сам сочли

в равной степени прекрасным тогда встретиться» (*Merhart*, 1958. S. 229; *Кузьминых и др.*, 2007. С. 168). Думается, что тот обмен мнениями — на Енисее, а затем через полгода в Томске — был не просто полезным для обоих, но во многом способствовал созданию концепций, с которыми они выступили в последующие годы.

Следующая встреча ученых состоялась 10–15 февраля 1921 г. в Томске. Музей Приенисейского края делегировал Мергарта на конференцию по планированию изучения Сибири, организуемую ректором Томского университета В. В. Сапожниковым (Тянь-Шанским)⁸. Конференция в итоге не состоялась, однако Мергарт провел время в Томске с большой пользой для себя, в общении и дискуссиях с Теплоуховым и «славным Фиельструпом». В Географическом кабинете Сергей Александрович показал ему материалы своих и С. И. Руденко раскопок на Енисее. В археологическом музее университета, основанном В. М. Флоринским в 1882 г., Мергарт познакомился с богатейшими коллекциями древностей, в том числе из Минусинской котловины, Красноярско-Канской лесостепи, Алтая, Урянхайского края (прежде всего, из раскопок А. В. Адрианова 1915–1916 гг.), сделал фото и зарисовки некоторых предметов, заинтересовавших его в связи с задуманным исследованием о минусинской культуре бронзового века (*Merhart*, 1926. Taf. IX, 7; Abb. 30; 31; 35; 51; 55).

Несмотря на горячее обоюдное желание и надежду на новые встречи, продолжить очное общение ученым больше не довелось. Теплоухов, кроме Тувы и Монголии, в другие страны не выезжал. Напрасно ожидали в Берлине его приезда в апреле 1929 г. на юбилей Германского археологического института и в августе 1933 г. в Стокгольме на 2-й Международный конгресс доисторических и протоисторических наук. По окончании конгресса Тальгрэн написал Мергарту (13.09.1933): «Сергея Александровича, увы, не было <...> Само путешествие было чудесным, лишь русских и Геро Вальтеровича там не было» (цит. по: *Детлова*, 2016а. С. 235). В силу разных причин не осуществились и планы Мергарта продолжить полевые археологические исследования в СССР (*Детлова*, 2016а. С. 236). Возглавив в 1928 г. кафедру доисторической археологии в Марбургском университете, в 1930–е гг. он со своими студентами всецело погрузился

в проблематику бронзового и раннего железного веков приальпийских областей.

В итоге после встречи в Томске все дальнейшее общение ученых происходило заочно, по переписке. В личном архиве австрийского ученого в Марбургском университете сохранилось пять писем Теплоухова (№ 1–4, 6) и машинописная копия послания Мергарта (№ 5)⁹. Переписка велась с 1920 по 1929 г., но крайне нерегулярно. Три первых письма Теплоухова адресованы в Красноярск в октябре, ноябре и декабре 1920 г. Фактически они являются продолжением летнего диалога с Мергартом на берегах Енисея. Затем последовал обмен письмами — ключевыми в диалоге ученых — в июне и августе 1924 г. (№ 4 и 5). Последнее письмо-открытку Теплоухов отправил в Марбург в сентябре 1929 г.

Все ли письма русского ученого сохранились в архиве Мергарта, судить сложно. Не исключено, что в конце Второй мировой войны какие-то из них могли быть утрачены. Но фактом является и то, что Сергей Александрович не был образцовым корреспондентом. Его красноярские коллеги Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский неоднократно сетовали Геро Вальтеровичу на длительное молчание Теплоухова¹⁰. После конфликтной ситуации, вызванной небрежными и недоброжелательными высказываниями В. А. Городцова в адрес австрийского археолога (*Детлова и др.*, 2014), Мергарт обратился за поддержкой к коллегам на западе (А. М. Тальгрэн) и в России, в том числе к Теплоухову как знатоку енисейской археологии, но его «настоящий товарищ, готовый придти на помощь» (*Кузьминых и др.*, 2007. С. 168), предпочел отмолчаться.

Остается сожалеть, что в нашем распоряжении имеется только одно послание Мергарта. Не исключено, что австрийский ученый сохранил машинописную копию (№ 5) в силу особой научной значимости письма Сергея Александровича (№ 4) и своего обстоятельного ответа на него. В преддверии защиты докторской диссертации обсуждавшиеся в письмах 1924 г. проблемы и вопросы енисейской археологии были для него особенно актуальны. В дальнейшем иных машинописных копий писем, адресованных Теплоухову, в архиве Мергарта не отложилось.

⁸ См. о подробностях поездки Мергарта в Томск: *Merhart*, 2008. S. 209–211.

⁹ Авторы благодарят проф. Клауса Добиата и проф. Свенда Хансена за возможность работы с эпистолярным фондом Геро фон Мергарта в Марбургском университете.

¹⁰ Судим об этом по их письмам в фонде Мергарта в архиве Марбургского университета (*Детлова*, 2011; 2014).

Переписка русского и австрийского (с 1928 г. уже немецкого) ученых — в начале 1920-х гг. лучших знатоков енисейских древностей бронзового и раннего железного веков — ценна для нас, прежде всего, потому, что в те годы они стояли у истоков формирования своих базовых концепций развития культур Минусинской котловины и ее северного пограничья, и письма, безусловно, отражают поиски Теплоухова и Мергарта на этом пути. Мы мало знакомы с эпистолярным наследием русского ученого¹¹, но если оценивать его переписку с австрийским коллегой с точки зрения научной значимости, то, несмотря на непродолжительность общения и немногочисленность писем, только эпистолярный диалог Мергарта с Тальгреном может соперничать с ней по степени углубленности в проблематику евразийской археологии¹². Помимо научной информативности письма Теплоухова и Мергарта передают личностный колорит, дух той эпохи и его восприятие обоими учеными.

Коротко о содержании писем. Первое из них (3.10.1920) — из Томска, отправленное вскоре после экспедиции и встречи ученых в Абаканской степи. Теплоухов сожалеет, что не было возможности побеседовать еще раз и обсудить результаты начатых им раскопок близ села Батени. Первые же пробы вызвали несомненный интерес исследователя. Он констатирует наличие скорченных захоронений «с намеком на бронзу», но в большей степени радуется открытию могильника «предположительно неолитической эпохи» со своеобразной керамикой и каменными орудиями¹³. Однако для более определенных выводов необходимо сравнение с аналогичными находками из Батеней из музейных коллекций. Томского археолога интересует, «какие типичные неолитические орудия и керамика» имеются в Красноярском музее из Батеней и «велика ли вообще коллекция оттуда». Теплоухов также обращается к Мергарту как к умелому реставратору с просьбой поделиться рецептом мастики для восстановления и склеивания керамики.

¹¹ В числе редких образцов, помимо переписки с Мергарту, письма В. А. Городцову (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Д. 439), Н. К. Ауэрбаху (устное сообщение А. С. Вдовина; письма хранятся в научном архиве ИАЭТ СО РАН) и А. М. Тальгрено (Китова, Кузьминых, 2006).

¹² Подробнее о проблематике переписки Тальгрена и Мергарта см.: Кузьминых, Детлова, 2017.

¹³ Речь идет о могильнике Афанасьева Гора — эпонимном памятнике афанасьевской культуры раннего бронзового века (Вадецкая, 1986. С. 24).

Это письмо в целом задает и определяет тональность всей дальнейшей переписки. Деловая, но душевная, без формализма, окрашенная в позитивные уважительные тона. И если в диалоге Мергарта, например, со своим ассистентом в Красноярском музее Г. П. Сосновским (Детлова, 2014) или молодым М. П. Грязновым (Детлова, Кузьминых, 2014), чувствуется все же иерархическая соподчиненность «учитель — ученик», то в случае с Теплоуховым это общение на равных, мастера с мастером, каждый из которых имел возможность оценить профессионализм и высочайшее качество работы другого.

Месяцем позже (14.11.1920) последовало очередное послание из Томска в Красноярск. Из упоминания в первой же фразе становится ясно, что это — ответ на недавно полученное от австрийского археолога письмо, в котором тот, по-видимому, поделился рецептом состава для склеивания керамики, выслал фотографии ряда предметов, но главное — высказал свои соображения относительно батеневских захоронений. Некоторые из выводов довольно неожиданны для Теплоухова. Мергарт, знакомый с находками близ с. Батени лишь по музейным коллекциям и подъемному материалу с дюн близ этого села, довольно бегло осмотренных им в ходе экспедиции, не обнаружил в них следов культуры эпохи бронзы, разглядев только признаки палеолита и железного века. Сергей Александрович, подтвердив заключение о находках в дюнных сборах керамики и вещей эпохи железа, тем не менее, опроверг ошибочное мнение коллеги об отсутствии здесь материалов бронзового века. Фрагменты керамики, найденные в выдувах Батеневской и Лепешинской дюн, свидетельствуют об обратном. В подтверждение своих слов Теплоухов приложил к письму набросок одного из реконструированных круглодонных сосудов, а также изображения сосуда и черепков еще от двух, обнаруженных в погребениях и позволяющих датировать их неолитическим временем. В пользу этого утверждения перечислены характерные признаки захоронений: краниологические особенности черепа, положение костяка, внешний вид погребений, сопутствующий инвентарь (шлифованный каменный жезл) и др. В керамике намечены три типа, соответствующие определенным культурным ступеням. Также им высказано сомнение насчет присутствия среди каменного инвентаря дюн палеолитических орудий — томский археолог просит коллегу представить более веские

доказательства. Можно заметить, что уже в этих ремарках намечается эскиз его будущей классификации археологических культур Минусинской котловины и их распределения по эпохам (Теплоухов, 1926; 1927; 1929).

Третье письмо (28.12.1920) — лаконичное и последнее из Томска. В дополнение к рисункам предыдущего письма Теплоухов послал графические реконструкции двух неолитических (афанасьевских) сосудов из батеневских погребений и сообщил, что в середине декабря доложил о своих разведках в Батенях в Обществе археологии и этнографии при Томском университете. Сергей Александрович несколько озадачен молчанием коллеги. Он в ожидании отклика Мергарта на ноябрьское письмо: для Теплоухова мнение австрийского археолога «чрезвычайно важно», и он надеется, что Геро Вальтерович еще не покинул Красноярск, планируя отъезд на родину. Откликнулся ли Мергарт на это письмо, увы, неизвестно.

Затем в переписке следует перерыв в 3½ года — эпистолярное общение возобновилось в 1924 г. На этот раз по инициативе австрийского археолога, который выслал русскому коллеге отпечатки вышедших к тому времени своих «сибирских» статей (Merhart, 1923a; 1923b; 1924). Об этом мы узнаем из ответного письма Сергея Александровича (9.06.1924), начатого с благодарности за полученные печатные работы и извинений за «такое долгое мое молчание». Теплоухов надеется на великодушные Мергарта. Из контекста письма следует — перерыв в переписке вызван «очень и очень» тяжелыми условиями работы, «мы должны служить во многих учреждениях, чтобы существовать удовлетворительно». К тому времени Теплоухов вместе с другими сотрудниками и учениками С. И. Руденко (Ф. А. Фиельструп, М. П. Грязнов, Е. Р. Шнайдер, А. Н. Глухов и др.) уже покинул Сибирь¹⁴, обосновался в Петрограде и состоит на службе в Этнографическом отделе Русского музея и РАИМК. Сибирская проблематика и главным образом исследования в микрорайоне Батени по-прежнему в центре его научных интересов — «систематическому обследованию этого района»

¹⁴ Осенью 1921 и в 1922 г. под угрозой закрытия естественного отделения физико-математического факультета С. И. Руденко и С. А. Теплоухов посчитали для себя невозможным работать в Томском университете и уехали в Петроград (Решетов, 1998. С. 12), куда следом за ними потянулись и их ученики.

ученый придает «большое значение по многим основаниям».

Письмо начато накануне отъезда в экспедицию и завершено уже в Красноярске перед отплытием в Батени. Ленинградский археолог сжато познакомил коллегу с результатами исследований 1920–1923 гг., привел статистические данные о вскрытых погребениях и распределения их по культурам. При этом важна его приписка в подвале письма: «Везде пишу культура, но лучше было бы назвать культурные этапы». В контексте задачи «дать схему относительной классификации древностей» Минусинского края такой подход на первоначальном этапе исследований представляется оправданным. По этой же причине Теплоухов предпочел воздерживаться «от хронологической датировки ранних культур». В тексте письма фигурируют уже вполне конкретные обозначения: афанасьевская, андроновская культуры, культура гробниц, первая и вторая курганные, между ними и культурой гробниц — переходная. Первостепенной задачей раскопок 1924 г. намечено выявление погребений раннего железного века и переходных от бронзового к железному веку. В предыдущий год обследованы также ряд могил, относящихся к позднему железному веку, носителей так называемой «киргизской» (по Радлову) или «хакасской» (по Теплоухову, который, впрочем, не считает это название вполне удачным) культуры. Самая поздняя из названных в письме культур — «настоящая кочевническая», захоронения которой характеризуются отсутствием керамики.

Теплоухов знакомит Мергарта с краткой, но обстоятельной характеристикой каждой из перечисленных им культур (количество обследованных погребений, отличительные особенности внешнего вида захоронений, положение костяка, сопроводительный инвентарь), в случае с андроновской культурой акцентирует внимание на ее ареале в азиатской и восточноевропейской степи и лесостепи. В дополнение к описанию культур к письму приложены брошюра «Отчетная выставка Этнографического отдела Русского музея за 1923 год» и фото реконструкции погребальной (таштыкской) маски.

Среди вопросов, представляющих особый интерес, исследователь упоминает «звериный стиль», который, по его мнению, развивается во второй курганной культуре и дает начало более развитому «звериному стилю» раннего железного века не только в Минусинском крае, но и, возможно, зве-

риному стилю скифской культуры, истоки которой он предлагает искать в Саяно-Алтайской области. Эта гипотеза оказалась провидческой в свете выявления архаического пласта звериного стиля в древностях ранних кочевников данного региона (Аржан-1 и др.). Вторым, не менее важным явлением, требующим также самого пристального внимания и глубокого изучения, Теплоухов считает погребальные маски «хакасской» культуры¹⁵, о чем также упоминает в письме.

С ответом на письмо ленинградского коллеги Мергарт задержался до конца августа, понимая, что большую часть лета Теплоухов будет на раскопках на Енисее. Австрийский археолог, правда, не предполагал, что Сергей Александрович вместе с Григорием Боровкой исследует в том же полевом сезоне один из курганов хуннской знати в могильнике Ноин-Ула в Северной Монголии (Археологические..., 1962. С. 29). Письмо написано из Цюриха (28.08.1924). Мергарт здесь на отдыхе со своей семьей, но, конечно, не может полностью отвлечься от своего диссертационного исследования о бронзовом веке на Енисее. В дальнейшем он планирует продолжить работу по изучению сибирских древностей — ему крайне важно оставаться в курсе событий и открытий советских археологов и обладать максимальной полнотой информации и печатных новинок. Помимо личного интереса им также движет стремление способствовать популяризации научных достижений археологии СССР в Европе.

Этим мотивам, побуждающим Геро Вальтеровича обращаться вновь и вновь к русским коллегам и благодарить Теплоухова за присланные работы, посвящены первые абзацы письма. В нем, как и в письмах финскому другу и коллеге Таллгрену, он также излагает свои взгляды на совместную работу, призывая к консолидации сил и знаний в родственных областях исследований: обособленная работа каждого, по его мнению, гораздо менее продуктивна, подобный подход исключает широту охвата и рассмотрения проблем. Результаты наблюдений должны не дублировать, а дополнять друг друга, опираться на уже имеющиеся открытия и знания. Объединение усилий, кроме того, позволит избежать многих заблуждений и ошибок, естественных без подтверждения данными из иных источников. При этом Мергарт указывает (но далее не распространяется) на расхождение его и Теплоухова мнений относительно гробниц или,

по современной терминологии, могильных сооружений карасукской культуры. Также он излагает свои наблюдения относительно конкретных культур: афанасьевской и андроновской, определяя европейские истоки последней.

Примечательна фраза австрийского археолога о том, что Теплоухов принял его «обозначение андроновской культуры». Не в первый раз Мергарт высказывается о пришлых корнях «культуры андроновских могил» в Минусинском крае (Мергарт, 1923. С. 36), отстаивая свое право первенства на это название (Кузьминых и др., 2007. С. 166, 171–172), которое с 1920-х гг. прижилось в советской археологии. Некоторые употребляемые русским ученым названия культур он пытается синхронизировать со своими. Так, первая курганная — это его «культура могил с угловыми камнями развитого бронзового века», вторая курганная — «коллективных могил».

Мысли Мергарта также занимает скифская проблема. Он жаждет получить больше информации относительно погребальных масок, звериного стиля — тех его образцов, что позднее будут отнесены к скифской и гунно-сарматской эпохам. Происхождение скифо-сибирского звериного стиля являлось в те годы (впрочем, и в наши дни) предметом оживленной дискуссии (Rostovtzeff, 1922; Bоровка, 1928; Tallgren, 1933). Мергарт убежден в появлении звериного стиля в первой курганной культуре (оперируя введенным Теплоуховым обозначением). Однако подлинного расцвета он достигает в группе, «из которой мы почти не имеем могил». Очаг происхождения данного явления он затрудняется определить в силу недостаточности более точных и надежных сведений, но исключает при этом Минусинскую котловину в качестве прародины звериного стиля. Австрийский археолог выражает надежду на то, что дальнейшие изыскания Сергея Александровича прольют свет на эти спорные вопросы. Он указывает на необходимость более пристального внимания к изучению керамики, небрежение которой ученый причисляет к «самым ужасным грехам упущения наших предшественников».

В письме немало иных ценных замечаний и рекомендаций. Каждая его строка насыщена информацией, содержательна, а само послание — бесспорный рекордсмен по объему среди всех адресованных русским ученым эпистолярных посланий Мергарта.

Примечательны последние строки этого письма, в которых он призывает Теплоухова: «Будьте

¹⁵ Подробнее об этой проблеме см.: Вадецкая, 2009.

терпеливы со мной и моими многочисленными желаниями». Мергарт сожалеет о том, что потерял пять лет своей жизни в русском плену, которые мог бы потратить на науку, особенно после того, когда увидел, «как много полезной работы я и в Сибири смог бы сделать хотя бы и как военнопленный». Теплоухов, пожалуй, единственный из его русских корреспондентов, кому он раскрывает свою душу, написав, что «распрощался после 6½ лет искренним другом русского народа с еще сегодня живущей ностальгией по далекой жизни в Сибири». Для Мергарта и в научном, и в моральном плане важен успех интенсивной работы Сергея Александровича, который поможет «исправить что-то из тяжелой потери времени, что осложняет мою жизнь». В то же время годы, проведенные в Сибири, остаются для австрийского ученого «одним из тяжелейших, но также и одним из богатейших времен моей жизни».

Точку в переписке Теплоухова и Мергарта ставит финальное письмо русского археолога (24.11.1929). Между предшествующим и данным посланием — более чем пятилетний перерыв, и вновь мы, увы, в неведении об отношениях ученых в эти годы. Геро Вальтерович не мог обойти вниманием своего ближайшего научного собрата и оппонента после выхода из печати труда «Бронзовый век на Енисее» (*Merhart*, 1926), но мы не располагаем сведениями, получил ли Сергей Александрович эту книгу. Ее отправка и получение, как принято между учеными, должны были сопровождаться обменом письмами. Аналогичная ситуация и с выходом из печати двух основополагающих трудов Теплоухова (1927; 1929) с опытом классификации древних и средневековых культур Минусинского края. К 1929 г. профессор Марбургского университета распростился с надеждой продолжить разработку сибирской проблематики. В отличие от Тальгрена, кратко, но весьма положительно откликнувшегося на опыт культурно-хронологической периодизации археологических культур Минусинского края (*Tallgren*, 1928; 1931¹⁶), Мергарт оставил труды Теплоухова без внимания. Возможно, все, что он мог сказать, отражено в письме 1924 г. При этом важно отметить, что в 1927–1930 гг. состоялся его эпистолярный диалог с М. П. Грязновым (*Детлова, Кузьминых*, 2014), и письма ученика Теплоухова в Марбур-

ге сохранились. Поэтому не исключено, что в силу неких обстоятельств перерыв в переписке Мергарта и Теплоухова действительно был реальным.

Возобновление общения, по-видимому, вновь произошло по инициативе немецкого ученого, который в коротком письме («письмеце», по выражению Теплоухова) интересуется исследованиями ленинградского археолога в Урянхайском крае. В 1926, 1927 и 1929 гг. наряду с раскопками в Минусинской котловине Сергей Александрович провел обширные разыскания в Туве. В столь же коротком ответе он сообщает о масштабах своей работы в этой горной стране: «Раскопал до 150 памятников, относящихся к 8 культурам». Но в целом речь в письме вращается около очерков С. Р. Минцлова о древностях Урянхайского края. Теплоухов, знакомый с книгами этого автора (*Минцлов*, 1916; 1928), просит немецкого коллегу сообщить название книги Минцлова. Он собирает максимально полную информацию о древностях Тувы. Для него важны все сведения об археологии края.

Никто из участников этого эпистолярного диалога не мог предположить, что переписка оборвется так внезапно. О трагической судьбе Теплоухова немецкий археолог узнал много позже. Долгое время он, как и многие коллеги на западе, полагал, что Сергей Александрович погиб в лагере. Своими теплыми воспоминаниями о русском ученом Мергарт поделился спустя годы в очерке «Некоторые воспоминания о Сибири» (*Merhart*, 1958; *Кузьминых и др.*, 2007. С. 166–168). Для него Теплоухов «был самым коллегиальным, самым сердечным и любезным собратом по профессии, которого я встретил в России», он был для него человеком, «с которым я ощутил тесную связь уже с первого рукопожатия» (*Кузьминых и др.*, 2007. С. 167).

Сергей Александрович Теплоухов и Геро фон Мергарт в 1920-е гг. являлись лучшими из знатоков енисейских древностей бронзового и раннего железного веков. В те годы они стояли у истоков формирования базовых концепций развития культур юга Сибири III–I тыс. до н. э. Не только опубликованные труды, но и эпистолярное наследие приоткрывают для нас завесу над поисками и разысканиями, ошибками и сомнениями и в целом «рабочей кухней» этих корифеев сибирской археологии. Переписка Теплоухова и Мергарта является примером продолжения международных связей российских и европейских археологов, не прервавшихся в тяжелейшие послереволюционные годы,

¹⁶ Весьма примечательно, что Тальгрэн поместил в этом обзоре только два фото — Н. М. Мартыанова и С. А. Теплоухова (*Tallgren*, 1931. S. 185).

а история их взаимоотношений, безусловно, должна стать частью глубокого исследования о российско-немецких связях в области археологии. Публикуемые ниже письма — скромная лепта в этот будущий проект.

Завершая комментарий, отметим, что все письма Теплохова — рукописи (написаны чернилами), послание Мергарта — машинопись в переводе Е. В. Детловой. Сокращенные, усеченные и недописанные слова и даты в большинстве случаев заменены на их полные формы. Названия научных трудов, журналов и ряда терминов заключены в кавычки (в оригинальных текстах они нередко отсутствуют). Пропущенные, но необходимые по

смыслу слова и разъяснения, а также ссылки на литературу, введенные в текст писем, заключены нами в квадратные скобки. Литература, цитируемая во вступительном очерке и комментариях, а также авторы ряда постраничных сносок (*примечание С. А. Теплохова или авт.*) даны в круглых скобках. Фамилии лиц в письмах оставлены в авторской передаче, их имена и отчества при необходимости раскрыты в комментариях. Биографические данные приведены избранно, только для персон, поиски сведений о которых затруднены в Интернете. Исправлены очевидные опуски. Тексты писем приведены в соответствии с современными нормами орфографии.

Письма С. А. Теплохова и Г. Мергарта

№ 1

Геро Вальтерович,

Вот уже пять дней, как мы вернулись из нашей экскурсии в Томск. Я очень жалею, что мне с Вами не удалось еще раз встретиться там больше, что о некоторых результатах раскопок я бы очень хотел с Вами поговорить. Думаю, что и для Вас результаты моих Батеневских раскопок были бы интересны¹⁷.

Сообщу вкратце. В конце августа я произвел раскопки в нескольких местах около Батеней. Моя прежняя находка погребения детск[ого] трупа в скорченном состоянии меня несколько разочаровала, т. к. в соседстве я нашел такие же погребения с намеком на бронзу. Но зато последующие вознаградили меня. Три погребения трупов с подогнутыми ногами с совершенно своеобразной керамикой и, в одном случае, даже с каменным орудием заставляют меня думать, что я встретился действительно с неолитическим кладбищем.

Мне было бы очень интересно знать, долго ли Вы пробудете в Красноярске¹⁸, т. к. надеюсь обменяться еще не раз с Вами мнениями относительно этих последних трех погребений после разборки керамики и своеобразных костяков.

Сейчас же я обращаюсь к Вам с большой просьбой. Сообщите, пожалуйста, если найдете возможным, какие типы неолитических орудий и керамики имеются в Красноярском музее из Батеней и велика ли вообще коллекция оттуда.

Вторая моя просьба к Вам — технического характера. Сообщите, пожалуйста, Ваш способ реставрации керамических изделий и рецепт мастики для склеивания, если это не является секретом¹⁹. Когда я был в музее, видел Вашу работу и восхищался ей; очень жалею, что не могу лично у Вас поучиться.

Примите уверения в совершенном почтении, готовый к услугам,

Серг. Теплохов.

3 октября/20. Томск, Университет, Географич[еский] Кабинет

¹⁷ См. о предварительных результатах раскопок 1920 г.: *Теплохов*, 1922а; 1922б.

¹⁸ Теплохов знал о намерении Мергарта в скором времени вернуться на родину.

¹⁹ К сожалению, восстановить в подробностях рецепты веществ, применяемых Мергартом для реставрации археологических предметов, не представляется возможным. В его мемуарах мы встречаем следующие упоминания: «С некоторой опаской мне доверили ряд пакетов, из замазанного глиной содержимого которых пугцгольцы и щетки, вода и соляная кислота извлекли постепенно узнаваемые камни и кости, которые с помощью клейкой жидкости, рыбьего клея и гипса срастались в пригодные для выставки находки и в итоге, распределенные по местонахождениям, возрасту и типам, могли быть искусно смонтированы проволокой на больших досках и снабжены этикетками как великолепные коллекции культурных остатков древнекаменного века <...> Я потребовал глину, после чего принесли настоящую глину для лепки, из-за которой скульптор разразился бы слезами радости. Я потребовал гипс, и появился очаровательный алебастровый гипс, который я не только не испытал, а безотлагательно применил, чтобы полностью восстановить большой неолитический котел» (*Merhart*, 2008. S. 72–73).

№ 2

14 ноября 1920 г.
Томск, Университет

Глубокоуважаемый Геро Вальтерович,

Прежде всего — большое спасибо за письмо, которое получил недели три тому назад! С большим удовольствием познакомился в нем с Вашими взглядами на Батеневскую керамику. За сообщенные рецепты для склеивания и за присланные фотографии²⁰ — еще раз — спасибо!

Извините, что долго Вам не отвечал: хотел закончить обработку материала, но вижу, что она затянется на неопределенное время, а потому спешу ответить Вам письмом сейчас.

Ваше героическое решение, печальное для Вас, — меня только радует: буду иметь возможность не раз обменяться с Вами письмами!²¹

Меня очень поразило Ваше заключение о нахождении на Батеневских и Лепешинских выдувах предметов двух культур: железной и палеолитической! (если верно Вас понимаю.)

В том, что на указанных выдувах можно найти остатки железной культуры — в этом я не сомневаюсь, т. к. помимо черепков с обжигом железного века, мной самим найдено было несколько железных пряжек исчезнувших в настоящее время форм. Правда, больше непосредственной связи между черепками железного века и железными предметами мне не удалось установить²².

Но зато удалось констатировать, что некоторые черепки, найденные на выдувах, относятся к бронзовому веку и, таким образом, являются относительно синхроничными с теми бронзовыми и медными предметами, которые найдены были как нами, так и батеневцами. Что на выдувах мы подобрали черепки и бронзового века, убеждает меня сопоставление их с разбитым сосудом, найденным на выдувах в одном из разрытых осенью погребений. О форме и орнаменте сосуда Вы можете судить по прилагаемому рисунку [№ 4] (рис. 3). Обжиг его довольно хороший. (Обжигом, мне думается, и можно объяснить кажущуюся глубину орнамента, т. к. не глубина, а отчетливость резких обожженных краев рисунка придает орнаменту характерный вид, совпадающий, вообще говоря, с хорошим обжигом всего сосуда.) Вместе с разбитым сосудом в могиле гробницы (из мелких, хорошо поставленных плит) найдено было: несколько костей с пятнами окиси меди, часть медного колечка и несколько бус из перламутра раковины двустворчатого моллюска. Таким образом сходство некоторых черепков на выдувах с сосудом найденного погребения (не подходящего, между прочим, по многим особенностям к погребениям курганного типа) служит, мне кажется, хорошим доказательством того, что среди черепков с Батеневских выдувов есть черепки, несомненно относящиеся к бронзовой эпохе²³.

Кроме описанной части сосуда [№ 4] посылаю Вам изображение почти склеенного сосуда (№ 1) и несколько черепков от двух еще найденных (2 и 3) (рис. 3). Все они были найдены в трех неолитических погребениях в двух верстах (maximum) от выдувов²⁴, о чем я Вам уже писал. Следующие особенности этого погребения дают мне основания считать их неолитическими.

I. Особенности костяка: 1) крайняя неразвитость лба и всей краниальной части черепа, 2) крайне широкая восходящая ветвь нижней челюсти и неглубокая *incisura mandibulae*, 3) резко выраженный гребень затылочной кости (*Crista occipitalis externa*), положение и наклон плоскости затылочного отверстия указывают на то, что центр тяжести у черепов находится значительно впереди точки опоры и во всяком случае дальше, чем мы наблюдаем у рас современных или у рас бронзовой эпохи.

II. Особенности внешнего вида погребений: круглые ямы, заваленные камнями в уровень с землей без каких-либо признаков, кроме торчащих кое-где из-под земли острорезберных камней, едва заметных глазу.

III. Скорченное положение костяков.

IV. Присутствие каменного орудия (шлифованного песта) и отсутствие всяких следов бронзы.

²⁰ Речь идет, вероятно, о фото Батеневских материалов из фондов Музея Приенисейского края.

²¹ Верный своим обязательствам перед Музеем Приенисейского края, Мергарт еще на полгода отсрочил возвращение в Австрию, отбыв из Красноярска 29 июня 1921 г.; см. об этом в письме А. Я. Тугаринову: Мергарт, 2019. С. 45–47; Детлова, Кузьминых, 2019. С. 49–50.

²² В 1924 г. Теплоухов исследовал могилу у пристани с. Батени и курган у д. Лепешкина, отнесенные позднее к сарагашенскому этапу тагарской культуры (Вадецкая, 1986. С. 118).

²³ В 1927 г. в 2 км к С от с. Батени Теплоухов раскопом площадью 4 м² вскрыл на поселении Батеневская Протока культурный слой андроновской (федоровской) культуры (Вадецкая, 1986. С. 49).

²⁴ Речь идет о могильнике Афанасьева Гора — эпонимном памятнике афанасьевской культуры (Вадецкая, 1986. С. 24).

V. Керамика, о которой дают некоторое представление прилагаемые рисунки.

Если мы согласимся считать найденные погребения за неолитические, то среди черепков, найденных нами на выдувах, есть и такие, которые обнаруживают большое сходство по облику и общему habitus²⁵ с черепками рисунков: 2-го и 3-го. Следовательно, на выдувах мы находили помимо керамики железного, бронзового века также керамику и неолита²⁶.

Но раз мы имеем следы неолитической культуры в виде керамики на выдувах, то почему не считать тот разнообразный как подъемочный материал, так и некоторые предметы из камня точно так же за неолитические? Ведь для того, чтобы считать эти обломки за несо- мненно палеолитические, разве не нужно еще доказательства со стороны фаунистической? Остатков ископаемых животных не найдено и Вами? Не правда ли?

Из всего сказанного Вы сами понимаете, что мне крайне интересны Ваши более подробные доказательства в том, что Вы нашли в указанном районе следы только железа и палеолита!

Точно так же мне очень интересно: какие Вы имеете данные о том, что «если Батеневские на- ходки относятся к неолиту, то во всяком случае не к Красноярскому» (какому Красноярскому?).

Впрочем, не знаю, что поставить из Вашего письма по интересу для меня на первый план. Я имею сейчас в виду те соображения о керамике, которые Вы изложили мне с таким бескоры- стием, за что Вам вдвойне признателен, но не кажется ли Вам, что в промежутке между двумя, обособленными сами по себе, керамиками: железной и неолитической эпохи можно выделить еще три типа бронзового века: 1) керамику курганной бронзы, не орнаментированную или очень просто и немного, с хорошим обжигом, 2) керамику с хорошим обжигом и хорошим орнаментом и 3) керамику со сплошным орнаментом и плохим обжигом.

Все три типа имеются на Батеневских выдувах и имеют связь с найденными погребениями.

Сообщу еще, что для меня до сих пор является загадкой то погребение, которое найдено было нами на Батеневских выдувах весной и рисунок которого Вы видели. Оно стоит как бы обособленно по всем признакам от всех других погребений.

Вот, кажется, все мысли, которыми я хотел с Вами поделиться. Ваше мнение и все замечания относительно моих соображений я приму с громадной благодарностью. Лыщу себя надеждой, что полученное от Вас письмо есть только начало нашей переписки. Для меня помимо громадного интереса она является и отдыхом в наше тяжелое время.

Примите уверения в самом глубоком к Вам уважении и моей к Вам признательности

Серг. Теплоухов.

Относительно «Кат[алога]» Флоринского [Археологический..., 1888] должен сообщить, что осталось его немного экземпляров, и они распределяются с большим выбором между учреж- дениями. Красноярскому музею следует официально обратиться в Библиотечную комиссию Томского Университета, членом которой состоит С. И. Руденко. Надо думать, что отказа Музей не встретит. С. И. Руденко шлет Вам привет.

СТ²⁷.

№ 3

Геро Вальтерович,

В дополнение тех сведений, которые я сообщил Вам в письме (месяца 1½–2 тому назад), посылаю Вам рисунки двух реставрирован[ных] сосудов, добытых мной в неолитических погребениях близ Батеней²⁸ (рис. 4).

Не знаю, чем объяснить столь продолжительное Ваше молчание. Две недели, как я сделал сообщение о своих разведках в Батенях в Обществе археологии и этнографии при Томском университете.

Мне было бы чрезвычайно важно знать Ваше мнение о всем, что я Вам написал. С нетерпением жду от Вас письма. Не хотелось бы думать, что Вы уже покинули Красноярск. Еще раз очень благодарю за присланные фотографии²⁹.

С глубоким уважением Серг. Теплоухов.

28 дек/20 г. Томск, Университет, Географ[ический] каб[инет], Преподав[атель] С.А.Т.

²⁵ Т. е. внешнему виду (авт.).

²⁶ Часть фразы подчеркнута, вероятно, Мергартом (авт.).

²⁷ На этой же странице письма Теплоухов поместил четыре рисунка керамики со своими пояснениями; факсимиле страницы приводится ниже (авт.).

²⁸ На отдельном листе Теплоухов приложил рисунки этих сосудов (№ 3 и 2) с пометкой: «Детали орнаментации посланы мной в прошлом письме так же, как и рисунок горшка № 1» (авт.).

²⁹ Вероятно, Мергарт откликнулся на просьбу Теплоухова и прислал ему фото материалов из Батеней из фондов Музея Приенисейского края.

№ 4

9 июня 1924 г.

Дорогой «Геро Вальтерович»³⁰,

Я был очень рад получить от Вас письмо и оттиски Ваших работ³¹. За то и другое шлю Вам самое сердечное спасибо! Винюсь перед Вами, что до сих пор Вам не ответил, хотя получил все уже месяц тому назад. Недавно только поправился: был болен малярией. После выздоровления надо было заняться ликвидацией зимнего служебно-учебного сезона, чтобы чувствовать себя спокойным на летних работах. Завтра думаю отправиться в Сибирь, в Минусинский край, опять в район Батени, чтобы окончить раскопки разнообразных погребений, главным образом культур переходных от бронзы к железу и ранних железных³². Последние у меня представлены не совсем удовлетворительно.

Позволю себе напомнить Вам, что еще в [19]20 году я уделил большое внимание могильникам в районе Батеней, придаю систематическому обследованию этого района большое значение по многим основаниям (рис. 5).

Раскопки [19]21 года, после того, когда мы с Вами расстались, производились мною у с. Батени. Крайне ограниченные средства не позволили мне выполнить намеченный план. Раскопано было 12 могил. 9 из них под Афанасьевой горой (Афанасьевская культура), 2 на выдувах (Андроновская культура) и 1 – также на выдувах (культура гробниц).

Раскопки [19]21 года и предшествующего [19]20 (когда раскопано было под Афанасьевой горой – 4 могилы, одна – Андроновской культуры на выдувах в Батенях; три – культуры гробниц – там же и два кургана первой курганной культуры у Подгорного озера близ Батеней)³³, так же как и материал, добытый Руденко [Rudenko, 1929], материал, хранящийся в Минусинском и Красноярском музеях, соответствующая литература – все это дало мне возможность наметить относительную классификацию доисторических культур, представленных раскопками в Минусинском крае. Краткая схемка ее напечатана в «Географическом Вестнике», издаваемом Географическим Институтом в Ленинграде, т. I, вып. 2–3, 1922 (Вы ее имеете, по-видимому; если нет, то я ее Вам вышлю) [Теплоухов, 1922a].

В [19]23 году раскопано мною в районе Батени–Сарагаш 6 курганов и 54 могилы (всего в [19]23 году раскопано 75 могил), относящихся к различным культурам: 4 могилы из Афанасьевского могильника; 5 могил – Андроновской (3 из них у с. Новоселово); 14 могил – культуры гробниц; 4 кургана с 11 могилами – переходные от культуры гробниц к следующим; 1 [один] курган с тремя могилами – первой курганной культуры; 1 курган – второй курганной культуры. Быть может, развившийся уже во второй курганной культуре «звериный стиль» дал начало еще более пышно развитому «звериному стилю» раннего железа не только в Минусинском крае, а, быть может, и дальше на Запад – звериному стилю скифов. Быть может, я еще в этом не совсем уверен, скифы вышли из Саяно-Алтайской области.

Могильники культур переходных от бронзы к железу и могильники раннего железа мною еще не обследованы в районе Батеней. Предполагаю сделать это предстоящим летом.

Следующие, раскопанные мною в [19]23 г. могилы в районе Батеней, относятся уже к позднему железу, к культуре, называемой Радловым «киргизской»³⁴ или, как я назвал (не совсем, правда, удачно), хакасской³⁵. К этой же культуре я отношу пока и выкопанные мною маски с пьедесталами (обычай налагать на сгнившее лицо при вторичном погребении известь или гипс, а затем и изготовлять изображение умершего появился, по-видимому, в Минусинском крае в начале железа). Могил, относимых мною к этой культуре, раскопано 17. Датирую ее VIII–X в. по Р.Х. (предположительно) на основании кривого железного ножа (найденного в одной из могил), совершенно тождественного с ножом из клада, хранящегося в Минусинском музее. В кладе были найдены монеты Танской династии³⁶.

Наконец, в [19]23 г. мною раскопано еще 6 могил из могильника более поздней культуры, по-видимому, настоящей кочевнической (керамики нет совершенно).

³⁰ Разрешите по-русски величать Вас отчеством (*прим. в подвале С. А. Теплоухова*).

³¹ Речь идет, вероятно, о статьях: *Merhart*, 1923a; 1923b; 1924.

³² См. об итогах работ 1920–1923 гг.: *Теплоухов*, 1922a; 1922b; 1927.

³³ Везде пишу культура, но лучше было бы назвать культурные этапы. Порядок и краткая характеристика изложены в «Отчетной выставке» (1924), которую и посылаю (*прим. в подвале С. А. Теплоухова*).

³⁴ См. подробнее о «киргизских могилах»: *Радлов*, 1989. С. 454–480.

³⁵ В современных исследованиях за этой культурой закрепилось название «аскизская» (*Кызласов*, 1983).

³⁶ Танская династия, Тан – государство в Китае в 618–907 гг.; см. подробнее: *Дмитриев*, 2016.

От хронологической датировки ранних культур я пока воздерживаюсь. Моя задача: дать схему относительной классификации. Намеченная мною в [19]21 г. схема [Теплоухов, 1922а; 1922б] блестяще подтвердилась раскопками [19]23 года. Кроме того, раскопки [19]23 г. дали возможность пойти дальше в этом направлении [Отчетная выставка..., 1924].

Напишу Вам некоторые подробности о раскопанных могилах и кое-какие соображения.

Афанасьевская культура. Могильник из 20 могил под Афанасьевской горой (Батени)³⁷. Раскопано всего 17 могил. Могилы представляют собою ямы глубиной до 1½ метров, различной формы. Внешних признаков почти нет; могилы завалены каменными кольцами, из которых некоторые едва выдаются из-под поверхности над горизонтом почвенного слоя террасы, на которой расположен могильник. Положение костяков чаще скорченное, на боку, с согнутыми в коленях ногами и в локтях руками. Однако есть костяки и в разрозненном положении или неполные, что указывает на обычай вторичного погребения. Инвентарь погребальный — скудный: каменные песты (плоские и цилиндрические), каменные терки, каменный наконечник стрелы, костяной игольник, иголки и др[угие] поделки из кости, ожерелья из раковины *Corbicula fluminalis*³⁸. Кроме того, в одной из могил найдена медная пластинка — по-видимому, оковка края деревянного сосуда. Найденные ожерелья на шее, руках и ногах из раковины двустворчатого моллюска *Corbicula fluminalis* (Müll[er, 1774]), водящегося только в Туркестане, указывают нам на импорт и на связь с Туркестанским краем в эпоху этой культуры. Афанасьевская культура — культура энеолитическая.

В Ленинграде я не успел закончить письма. Заканчиваю в Красноярске, но, к сожалению, не имею с собою ни Вашего письма, ни работ, которые остались в Ленинграде. Было так много работы, что не успел закончить письма.

Еще раз очень и очень прошу [извинить], дорогой доктор, за такое долгое мое молчание. Надеюсь в этом отношении на Ваше великодушие. Условия работы у нас очень и очень тяжелые, при этом все мы должны служить во многих учреждениях, чтобы существовать удовлетворительно³⁹.

Продолжаю. Характеристику Андроновской культуры и ее географическое распространение Вы знаете. Сейчас, пока что, добавлю только: она идет до средней части Европейской России, судя по керамике и подъемному материалу, а также помимо указанных Вами [пунктов] представлена раскопками в Тамбовской губернии⁴⁰ и отдельными находками на средней Волге⁴¹. Способом погребения и керамикой она связана с Афанасьевской культурой. Мною раскопано за 3 года 8 могил этой культуры, кроме того, стоянка с ненарушенным культурным слоем близ Анаша⁴².

Культура гробниц связана точно так же с Андроновской культурой, как способом погребения, так и керамикой (промежуточной по форме и по орнаменту). За три года раскопано мною до 20 могил этой культуры⁴³.

Следующим культурам дана краткая характеристика в «Отчетной выставке»⁴⁴, которую я Вам с фотографией реконструкции погребальной маски и высылаю.

Физический тип населения, судя по остеологическому материалу, резко изменяется в железную эпоху, когда на смену длинноголового, узколицего с большим выпуклым носом типа энео-

³⁷ См. краткую информацию о раскопках С. А. Теплоухова 1920 и 1923 гг. и М. П. Грязнова 1963 и 1964 гг.: *Вадецкая*, 1986. С. 24.

³⁸ *Corbicula fluminalis* (O.F. Müller, 1774) — широко распространенный вид двустворчатых моллюсков, обитающий в пресных водоемах Ближнего Востока, Средней Азии, Закавказья, Центральной и Восточной Азии (*Набоженко М., Набоженко С.*, 2016. С. 61, 62). Теплоухов, а вслед за ним и другие исследователи (*Збруева*, 1946. С. 184; *Толстов*, 1948. С. 65; *Формозов*, 1949. С. 58; *Киселев*, 1951. С. 28) полагали, что моллюски этого вида обитали только в устье Амударьи. На этой основе выдвигалась гипотеза о связях и торговле Южной Сибири со Средней Азией и даже о родстве кельтеминарской и афанасьевской культур, хотя при раскопках собственно кельтеминарских поселений эти раковины не были обнаружены (*Толстов*, 1948. С. 65).

³⁹ Теплоухов с 1922 по 1933 г. помимо Этнографического отдела Русского музея служил в ГАИМК, преподавал в Петроградском/Ленинградском университете.

⁴⁰ Речь идет, вероятно, о материалах поселений срубной культуры близ Пензы, опубликованных Н. И. Спрыгиной (1923). На территории Тамбовской губернии все раскопанные к началу 1920-х гг. памятники являлись средневековыми (*Голотвин*, 2013).

⁴¹ По всей вероятности, Теплоухов указывал на известные ему памятники срубной культуры в Самарской и Казанской губерниях (*Гольмстен*, 1928. С. 131–133; *Худяков*, 1920), в керамике которых проявлялось сходство с андроновской.

⁴² Речь идет, вероятно, о могильниках Ярки I и Ярки II и поселении Батеневская Протока (*Вадецкая*, 1986. С. 49).

⁴³ Культура гробниц после раскопок 1925 г. могильника Карасук I была названа Теплоуховым карасукской. В письме имеется в виду, по-видимому, могильник Ярки I (*Вадецкая*, 1986. С. 67).

⁴⁴ В этом издании (Отчетная..., 1924. С. 9–13, 27–32) дан обзор археологических раскопок Государственного Русского музея, в том числе Минусинской экспедиции.

лита и бронзы появляется другой тип железной эпохи: круглоголовый, широколицый с плоским носом.

Громадный остеологический материал по домашним животным из могил уже получил соответствующее определение специалистов⁴⁵.

Очень бы хотел более обстоятельно ответить Вам на Вашу просьбу — сообщить о результатах работ, но боюсь, что не успею сделать этого сейчас. Даю Вам слово, что осенью, по окончании работ, я Вам напишу подробнейший отчет обо всем.

Пока, дорогой Геро Вальтерович, разрешите мне закончить письмо.

Что касается присылки литературы и информации Вас в области археологии, то я выполню все, о чем Вы просите, с величайшим удовольствием осенью.

Точно так же отвечу Вам по поводу некоторых мыслей, высказанных в Ваших работах, и если разрешите, то прореферирую их в Ленинграде, где может быть удастся и напечатать реферат Ваших работ, но, конечно, с Вашего разрешения.

Спасибо Вам за присланное.

Искренне преданный Вам Серг. Теплоухов.

P.S. Прошу извинить, что не имею возможности написать Вам письмо на машинке.

Мой адрес: Ленинград, Русский музей, Инженерная, 4.

Через два часа уезжаю на пароходе из Красноярска в Батени.

30 июня/24 г.

№ 5

(машинопись)

Цюрих, 28.VIII.24

Дорогой Сергей Александрович!

Вы уже должны позволить мне использовать и в немецком языке русское обращение. Иначе я должен был бы написать: г-н Теплоухов, и это было бы намного более официально, чем это подразумеваем мы оба. Видите ли, мне не нужно извинять Вас за долгое ожидание, т. к. мне для ответа понадобилось на месяц больше, чем Вам. Я, конечно, рассчитывал ведь на то, что Вы в Сибири и достаточно заняты⁴⁶. Т. е. так и так не имеете ни времени, ни материала, чтобы ответить мне. Но сейчас постепенно наступает осень, и Вы скоро вернетесь. Так что время напомнить о себе (рис. 6).

Огромное, огромное Вам спасибо за Ваше длинное письмо и брошюру⁴⁷. И поверьте в мою большую и сердечную благодарность за Ваше доброжелательство, с которым Вы откликнулись на мою просьбу. Я считаю очень важным оставаться в курсе дела относительно русских работ. Во-первых, я лично заинтересован, чтобы все же дальше и все больше работать в этой области. А потом я бы хотел писать регулярные рефераты в «Венском доисторическом журнале», т. к. по собственному опыту знаю, как трудно это у нас и, в особенности из-за русского языка, не под силу получить обзор о достигнутой там работе и также о важных для нас результатах. Может быть, у меня чрезмерное самомнение, что я смог бы сделать для наших и для русских ученых полезную работу, но только тогда это, конечно, станет сносно выполненной работой, если я сам буду знать так много, как возможно, о русских публикациях.

Мои русские друзья — очень любезные люди, от которых можно действительно все получить, если они получили это сами! Но мои друзья совсем не так усердны в том, чтобы что-то послать. Именно поэтому я ищу человека, который всегда помнит обо мне и который также понимает мой план и поддерживает ради дела. Смотрите, я послал некоторое количество моих работ в Россию, но только о части из них получил сообщение, что они дошли. Я предположил, что они, может быть, были потеряны в пути, и послал посылку прямо к Григорову⁴⁸ в Наркомпрос с просьбой распределить их и выпросить себе за это что-то новое из русской специальной литературы. Я вообще не получил ответа и не знаю, во-первых, получил ли он мое послание.

⁴⁵ Речь идет, по-видимому, об определениях В. И. Громова (1931).

⁴⁶ В 1924 г. Теплоухов продолжил исследования в микрорайоне Батени. В том же году в составе Монгольской экспедиции П. К. Козлова он провел раскопки кургана № 24 гуннской знати в могильнике Ноин-Ула (Археологические..., 1962. С. 10, 29; Жук, 1994).

⁴⁷ Вероятнее всего, имеется в виду издание: Отчетная выставка..., 1924.

⁴⁸ Григоров Сергей Павлович (1886–1968), музейный деятель. По окончании Московского университета работал в 1918–1931 гг. в Музейном отделе и Главнауке НКП РСФСР; см. подробнее: Гордцов, 2015. С. 617–618.

Дальше я распределил переданные мне от Ефименко оттиски⁴⁹ и сам отправил ответные послания от Биркнера⁵⁰ и Байера⁵¹ тому. Также об их прибытии я не получил подтверждения. Единственные люди, которые шлют мне свои издания, это красноярцы⁵² и Сосновский⁵³. Последний также раздобыл для меня другие новинки из Иркутска⁵⁴, и этим дал мне возможность написать серьезный реферат о новых результатах работ по сибирскому палеолиту и неолиту⁵⁵. Следующий должен теперь изложить эпоху металла, и здесь я очень прошу о «Географическом Вестнике»⁵⁶. Тальгрэн, который видел Ваши раскопки, пишет мне, что они очень интересны⁵⁷. Можно мне напечатать в реферате изображение гипсовых бюстов?⁵⁸ Я вообще хотел бы предложить Вам, чтобы Вы мне на изображениях, которые Вы мне любезно вышлете, сразу написали бы, могу ли я использовать их в рефератах. Само собой разумеющееся, что Вы можете реферировать мои работы, я настоятельно об этом Вас прошу. Как только будет напечатана моя маленькая книга⁵⁹, она уйдет к Вам с этой целью. Именно это мне так отраднo, что мои исследования сразу будут контролироваться Вашими раскопками. Это даст корректуру и дополнения, и в общей работе мы более верно приблизимся к цели, чем если будем делать это дальше своими собственными путями. Насколько я вижу из писем Тальгрена, также г-н Боровка найдет в моих трактатах по бронзовой культуре всякое, не совпадающее с его взглядами⁶⁰. Т. е. достаточный повод для критики и, прежде всего, — т. к. это ведь самое важное — для опровержения. Я нахожу непродуктивным писать работы, которые либо просто принимаются, либо просто отклоняются, не будучи проработанными и проверенными другими экспертами. Я всегда готов заменить заблуждения новыми выводами и защищаюсь тогда, когда не могу признать опровержение моих взглядов обоснованным.

Так, например, я делаю вывод из Вашего письма, где наши мнения насчет гробниц расходятся. При условии, что мы оба имеем перед глазами тот же самый так окрещенный в свое время Кузнецовым тип могил⁶¹. Я называю этот тип по-немецки «курганы с одиночной могилой

⁴⁹ Речь идет, вероятно, об оттисках статей коллег П. П. Ефименко. Цикл его костенковских статей вышел уже после 1924 г. (Советская..., 1965. С. 112). А свои дореволюционные статьи (Русская..., 2003. С. 159) он имел возможность преподнести Мергарту в Москве летом 1921 г., когда австрийский археолог сделал доклады о енисейском палеолите в Обществе друзей Российского Исторического музея (29.06.1921), затем в Московском Археологическом обществе (14.08.1921) (Детлова и др., 2014).

⁵⁰ Биркнер (Birckner) Фердинанд (1868–1944), немецкий доисторик, профессор Мюнхенского университета, один из составителей и авторов трудов «Человек в его прошлом и настоящем» (1913–1914), «Расы и народности человечества» (1913); см. о нем: Filip, 1966. S. 120.

⁵¹ Байер (Bayer) Йозеф (1882–1931), австрийский археолог, директор отдела антропологии и доистории Музея естественной истории в Вене, создатель журнала «Eiszeit»; см. о нем: Filip, 1966. S. 96.

⁵² Речь идет о переписке и обмене литературой с А. Я. Тугариновым и Н. К. Ауэрбахом; см. подробнее: Детлова, 2007; 2011; Мергарт, 2019. С. 40–81; Детлова, Кузьминых, 2019. С. 45–78.

⁵³ О Г. П. Сосновском и истории его взаимоотношений с Г. Мергартом см.: Китова, 2010б; Вдовин и др., 2012; Детлова, 2014.

⁵⁴ Вероятнее всего, Сосновский прислал работы Б. Э. Петри (1923а; 1923б; 1923в) и В. И. Подгорбунского (1923), вышедшие до 1924 г.

⁵⁵ Часть этого обзора о палеолите Сибири уже была опубликована (Merhart, 1923а). Неолиту Сибири позднее Мергарт посвятил статью в энциклопедии Макса Эберта (Merhart, 1928).

⁵⁶ Журнал издавался Географическим институтом в Петрограде. В нем как раз была опубликована информация о первых результатах экспедиционных работ ученого в Минусинской котловине (Теплоухов, 1922а).

⁵⁷ Тальгрэн познакомился с материалами раскопок Теплоухова в Минусинской котловине в 1924 г., когда состоялось их личное знакомство во время первой послереволюционной поездки финского ученого в Россию. В дневниках Тальгрена есть запись о том, что в Петрограде он посетил Русский музей и лично познакомился с «господином С. А. Теплоуховым». Встречались они и весной 1925 г. (Китова, Кузьминых, 2006).

⁵⁸ Речь идет о гипсовых масках, выявленных Теплоуховым в 1923 г. в погребениях, которые позднее будут отнесены к таштыкской культуре. Эти маски произвели сенсацию в отечественной и европейской археологии. Сосновский писал о них Мергарту 24.12.1923 из Иркутска: «Особенно интересна находка в одном кургане железного века (при раскопке я присутствовал) 12 фрагментов гипсовых масок» (Детлова, 2014).

⁵⁹ Мергарт весьма скромно оценивает свой диссертационный труд «Бронзовый век на Енисее», готовящийся им к изданию (Merhart, 1926).

⁶⁰ Несовпадение взглядов Г. И. Боровки и Г. Мергарта касалось, прежде всего, истоков скифского звериного стиля. Взгляды Боровки кардинально расходились с представлениями австрийского ученого и, как выяснилось позднее, были гораздо ближе к истине; см. о жизни и судьбе Боровки: Зуев, 1995; Leben und Wirken..., 2015.

⁶¹ По-видимому, речь идет о золотопромышленнике, меценате и археологе И. П. Кузнецове-Красноярском (см. о нем: Черняк, Дмитриенко, 2016) и его трудах (Кузнецов-Красноярский, 1889; 1908). См. о его исследованиях в Минусинской котловине: Длужневская, Лазаревская, 2009. С. 618–621.

из плит» и об этом подал маленькую рукопись в Гельсингфорс⁶². Я также тогда очень благодарил Вас за критику, т. к. кто мог бы мне сказать что-то новое об этой проблеме, если не Вы! И так для нас, возможно, еще чаще будет выпадать удобный случай подискутировать, пусть в письмах, пусть в журналах, и при этом мы станем, надеюсь, еще большими друзьями.

Тальгрэн сейчас потерпел неудачу с некоторыми пунктами своей фатьяновской культуры и Сеймы⁶³. Что делает этот замечательный человек? Он пишет мне, знаю ли я выход из дилеммы. Я думаю, что я узнал этот выход, и написал о нем Тальгрэну. Тогда он будет размышлять об этом дальше. Именно поэтому Тальгрэн так глубоко симпатичен мне, т. к. он — без конкурентной зависти, без претензии на безоговорочное авторство и без той радости при ошибке своих коллег, неприятность, которую не преминули бы сделать наши сотоварищи по профессии. Если бы он был одним из этих неприятных людей, то я давно усадил бы себя за разработку в по возможности как можно более научном и язвительном сочинении слабостей его точки зрения и выгладел бы толковым человеком. Но такое мне вообще не приходит в голову, т. к. я знаю, что Тальгрэн намного лучше исправит себя, чем это мог бы я, что он также исправит себя, как только ясно осознает свою ошибку, т. к. он работает не из единственно тщеславия, а из воодушевления, для прогресса науки. Его письма всегда являются для меня большой радостью и всегда полны интересных вещей. Я ужасно ему завидую, что он нынче смог съездить в Россию.

Ну, часть того, что я хотел бы узнать там нового, я узнаю из Ваших писем, если у Вас только достанет терпения писать мне и Вы посчитаете эти усилия не потраченными безрассудно.

Я хотел бы написать еще несколько слов в ответ на Ваше письмо, но то будут лишь мимолетные замечания, т. к. я здесь у моей семьи, на месте летнего пребывания, и не имею ни литературы, ни присланной Вами брошюры.

Итак, афанасьевская культура — та самая, которую я видел у Вас в Томске⁶⁴. Я тогда не хотел поверить, что это неолитическая культура, и был в любом случае убежден, что она не имеет ничего общего с неолитом Красноярского района. Теперь Вы признали ее энеолитической, и, мне кажется, уже можно доказать, что Вы действительно открыли там новую культуру. Отношение к Туркестану чрезвычайно интересно, если оно полностью доказано! Нет ли возможности для сравнения с могилами Глазково⁶⁵? То, что Вы приняли мое обозначение андроновской культуры, меня, конечно, радует, но Вы, наверное, найдете более подходящее, которое должно быть взято из европейской России. Т. к. я до поры до времени твердо верю, что эта культура пришла оттуда⁶⁶. Кроме того, я полагаю, что она имеет связи с неолитической культурой с гребенчатой керамикой, т. к. сосуды Красноярского музея, которые я точно зарисовал себе для публикации, мне кажется, показывают именно смешение форм и орнамента обеих культур. Что Вы думаете по этому поводу? Я считаю схематизм Петри совсем несостоятельным. Такой простой, как он представляет доисторию Сибири, конечно, она не является⁶⁷. Я твердо верю, что мы просто не можем представить ее себе достаточно сложной.

Впрочем, я очень надеюсь, что Вы еще не закончите в нынешнем году Вашу работу в Сибири. Т. к. я полагаю, что необходимо копать на Алтае, чтобы прояснить некоторые темные пункты курганной культуры. Вы ведь думаете об Алтае даже как об исходной провинции скифов.

В моей книге я допустил вероятность того, что звериный стиль в Сибири — чистый импорт и что особая волна его же пришла из культуры золотых пластин. Это был бы звериный стиль железного века п о с л е коллективных могил⁶⁸.

⁶² См.: *Merhart*, 1923b; 1924.

⁶³ Речь идет о статье Тальгрэна о фатьяновской культуре (*Tallgren*, 1924) и его диспуте в письмах с Мергартом о культурной связи Сеймы и Галичского клада с фатьяновской культурой, их хронологическом соотношении и истоках Сеймы. См. подробнее об этой дискуссии: *Кузьминых, Детлова*, 2017. С. 44–46.

⁶⁴ См. о встрече с Теплоуховым в Томске в воспоминаниях Мергарта: *Кузьминых и др.*, 2007.

⁶⁵ См. о дореволюционных исследованиях Глазковского могильника: *Базалийский*, 1987.

⁶⁶ См. о формировании взглядов Мергарта на андроновскую культуру: *Кузьминых, Детлова*, 2017. С. 41–42.

⁶⁷ За этой фразой, возможно, кроется отклик на идеи, изложенные в брошюре Б.Э. Петри (1923а).

⁶⁸ В книге «Бронзовый век на Енисее» Мергарт подробно анализирует образы и сюжеты, характерные для звериного стиля енисейских культур, и на основе диагностических форм инвентаря пытается выделить внутри него различные культурно-хронологические горизонты («культура звериных пластин», «культура золотых пластин») (*Merhart*, 1926. S. 120–134). В стилевом отношении образы минусинского звериного стиля, по мнению Мергарта, были неоднородны. В Азии существовали две их ветви: более древняя — праскифская и более молодая — времени звериных пластин (иначе — тесинского и таштыкского времени).

II.

К сожалению, как сказано, у меня здесь нет Вашей книжки [Отчетная выставка..., 1924], и я не могу вспомнить, точно ли там различие между «I курганной культурой» и «II курганной культурой»⁶⁹. Впрочем, об этом мы еще будем говорить, если Вы напишете мне Ваши замечания к моему исследованию о курганах [Merhart, 1926], которых я жду, конечно, с большим нетерпением. Т. е. я временно принимаю, что Ваша I курганная культура есть то, что я называю курганами с угловыми камнями развитого бронзового века⁷⁰, а Ваша II курганная культура — коллективных могил. В этом случае я убежден, что звериный стиль появлялся уже в первой группе. Я могу изучить Адриановские отчеты⁷¹, которые, к счастью, появились сейчас благодаря доброте Тальгрена⁷², по его экземпляру, и из Финского Национального музея получил фотографии находок, так что смог изготовить две типовые таблицы для обеих групп. Точно то, что звериный стиль в некоторых формах представлен уже в первой группе. Во второй он богаче. Но только в группе, из которой мы почти не имеем могил, он достигает своего полного расцвета.

Я очень надеюсь, что Вы сослужите нам всем большую службу, аккуратно опубликовав раскопки Радлова на Алтае⁷³, т. к. там явно находится ключ к взаимоотношениям поздних коллективных могил⁷⁴ и могил развитого железного века, которые приводят НОВЫЙ звериный стиль⁷⁵. Для меня это было, т. к. я, к сожалению, не смог изучить радловские могилы в Москве⁷⁶ и также не смог увидеть золотые пластины, почти невозможно — получить какой-либо обзор, нужный для разработки проблемы звериного стиля. Но все же я постарался проследить отдельные мотивы и убежден, что они почти все происходят с Древнего Востока. Далее в Минусинск они пришли уже в прочно отчеканенных формах, т. е. конечно не возникли там. Так что нам остается лишь предположить родину развития скифского звериного стиля, расположенную ни на древнем Востоке, ни на Енисее, но менее всего в Восточной России⁷⁷.

Если Вы для этого сможете доказать Алтай, это было бы прекрасно и полностью соответствовало бы моим идеям, хотя я даже скорее искал бы южнее. В любом случае я полагаю, что ни Миннз, ни Дальтон, ни Фармаковский не правы, или пусть и полностью правы, также ни Эберт, который следует Фармаковскому. Все то, что я пытался изложить в одной полной работе⁷⁸, я нашел задним числом в блестящей книге Ростовцева «Иранцы и греки» [Rostovtzeff, 1922], выраженным в одном коротком предложении. — Минусинск — периферийная культура, которая не имеет ничего созидательного! Это, сверх того, периферийная культура с многочисленными запаздываниями противу Запада! В связи с этим я жду с большим нетерпением более подробных отчетов от него о могилах с масками-бюстами. Картина потрясающе интересная и прямо-таки захватывает дух! Тогда мы в Турфане? Если бы можно было бы когда-нибудь под ранними масками увидеть лицо! Правда, их мало! Я попытаюсь выстроить абсолютную хронологию курганов в связи с моей северной культурой красноярских топоров⁷⁹, восточ-

⁶⁹ Курганный бронзовый век в современном понимании — это ранняя и развитая тагарская культура. Мергарт справедливо синхронизировал свою северную провинцию бронзового века (Красноярско-Канская лесостепь) с «куранным БВ» (степи Минусинской котловины) — РЖВ в современном понимании.

⁷⁰ Термин Мергарта «Vollbronzezeit» (см. также главы 9 и 10 в его книге: Merhart, 1926. S. 120–143), вероятно, правильное переводить как развитый бронзовый век. Согласно современной периодизации, он охватывал подгорновский и сарага-шенский этапы тагарской культуры.

⁷¹ См. их подборку в: Русская..., 2003. С. 346.

⁷² При написании книги «Бронзовый век на Енисее» Мергарт постоянно обращался к Тальгрелю за помощью и консультациями, использовал его публикации и материалы. Подготовка книги — лейтмотив практически всей их переписки 1920-х гг., которая в эти годы была наиболее регулярной и содержательной (Кузьминых, Детлова, 2017. С. 43).

⁷³ Речь идет, вероятно, о раскопках В. В. Радлова на Алтае в 1865 г., когда были исследованы Большой Катандинский курган — первый памятник пазырыкской культуры, могила которого находилась в слое мерзлоты, и пазырыкские курганы в Берельской степи, включая Большой Берельский; см. об этих раскопках в дневниках Радлова (1989. С. 445–451).

⁷⁴ «Поздние коллективные могилы» соответствуют второму этапу «минусинской бронзовой культуры» (по Мергарту) или тагарской (согласно современным разработкам).

⁷⁵ Под новым звериным стилем Мергарт рассматривал изделия, позднее отнесенные к позднетагарским (тесинским) древностям; см. их обзор и наиболее полную сводку: Дэвлет, 1980.

⁷⁶ Речь идет о материалах Берельских курганов, которые спустя четыре года опубликовал А. А. Захаров (Zakharov, 1928).

⁷⁷ Восточная Россия в научной литературе начала XX века — это восточные области Европейской России, лежащие за Волгой. В таком понимании термин использовался не только иностранными авторами (в их числе Мергарт и Тальгрелен), но и русскими.

⁷⁸ См. подробнее об этой дискуссии: Merhart, 1926. S. 120–134.

⁷⁹ См. подробнее о кельтах красноярско-ангарского типа и их связи с северной провинцией бронзового века Енисейского края в представлениях Мергарта: Кузьминых, Детлова, 2017. С. 51–52.

но-русскими находками⁸⁰ и так далее и попробую связать их с алтайскими могилами Радлова [1989. С. 442–451], у Джиды (Талько-Грынцевич)⁸¹ и золотыми пластинами⁸². Я там только лишь сдержанно дал мои цифры, ну и полагаю по Вашим находкам, что я слишком далеко забежал назад. Для нас, среднеевропейцев, бронзовая культура, которая почти доживает до Р. Х., уже достаточно невероятна. Ну, все это Вам придется раскритиковать, и чем подробнее Вы это сделаете, тем более я буду благодарен Вам.

Но скажите мне, как Вы намереваетесь опубликовать результаты Ваших работ. Если Вы хотите все раскопки опубликовать вместе в одной книге с необходимыми изображениями, тогда это будет толстая и дорогая книга. Вам напечатают такую? И когда? Или Вы будете вещи издавать по частям? Это было бы проще и, прежде всего, также быстрее. Я ведь не хочу стать стариком, прежде чем буду иметь в руках эту книгу, которая на долгое время станет самым важным источником по древней истории Северной Азии. Я все же должен написать мою древнюю историю Востока, и тогда она мне просто необходима. Итак, напишите мне, каковы перспективы публикации⁸³. И когда можно ожидать книгу Боровки?⁸⁴

Чего я жду от Вашей книги с особым интересом, это множество керамики. Т. к. к самым ужасным грехам упущения наших предшественников относится пренебрежение керамикой. Если бы на фотографиях Археологической комиссии была бы керамика, все-таки этого материала было бы достаточно, чтобы набросать неопровержимую хронологию. А так здесь остается Х⁸⁵, который нельзя даже основательно покритиковать. Спорно, можно ли точным контролем лежащих в Минусинске и Красноярске черепков и сосудов до некоторой степени исправить промахи. Я выпросил себе у г-на Кожанчикова⁸⁶ изображения лежащей в Минусинске погребальной керамики, и он написал мне, что выслал их. В любом случае я их не получил и тем самым лишился важного материала. Жаль! Но Вы в любом случае использовали этот материал, и скоро можно будет узнать, сможет ли это привести что-то в обсуждение.

Скажите все же, Вы еще думаете о том, чтобы опубликовать Адриановские могилы из Урянхай⁸⁷, которые я видел у Вас в Томске? Я совсем не сделал заметок об этом, чтобы не вызвать подозрение в нечестности, но я все же часто сожалел, что не сделал как минимум таких заметок, которых было бы достаточно, хотя и не для публикации, но все же по меньшей мере для личной оценки положения тех могил. Существует ли надежда получить в обозримое время их обработку?⁸⁸ Я убежден, что и финны с удовольствием напечатали бы отдельные Ваши сочинения⁸⁹. И если Вам понадобится переводчик на немецкий язык, тогда я охотно предложил бы свои услуги, если бы Вы почтили меня таким доверием. Меня ведь беспокоит

⁸⁰ Мергарт пытался проследить динамику культурного взаимодействия между Восточной Европой и Сибирью в эпохи бронзы и раннего железа на основе анализа различных групп кельтов. Этому посвящена значительная часть его книги о бронзовом веке на Енисее (*Merhart*, 1926. S. 40–119). Причем в ней характеризуются орудия, известные как по коллекциям сибирских бронз, так и с территории Восточной, Центральной и Северной Европы. Последние были изучены им в музеях Казани, Москвы и Петрограда, а также учтены по «корочкам» А. А. Спицына и публикациям А. А. Штукенберга, В. А. Городцова, А. М. Тальгрена и др.; см. подробнее: Кузьминых, Детлова, 2017. С. 46–51.

⁸¹ Археологические памятники долины р. Джиды известны с конца XIX в. в трудах кяхтинского врача-антрополога Ю. Д. Талько-Грынцевича (1999. С. 102–116). Мергарт вспоминает о погребальных комплексах хунну (Дырэстуйский Култук, Хара Усу и др.). Памятником мирового уровня, безусловно, является Дырэстуйский могильник с уникальными находками бронзовых деталей конской сбруи, литых ажурных пластин с изображением борьбы животных, тонких золотых и бронзовых пластин в «зверином стиле» и др.; см. подробнее: Миняев, 2007.

⁸² Термин «золотые пластины» в представлении Мергарта охватывал золотые и бронзовые пластины с изображениями сцен борьбы животных из знаменитой Сибирской коллекции Петра I в Эрмитаже (*Руденко*, 1962), добытой бугровщиками в лесостепных районах Западной Сибири, вероятно, в элитных курганах саргатской культуры, а также из курганов пазырыкской культуры Горного Алтая (по материалам раскопок Радлова); см.: *Merhart*, 1926. S. 151–175.

⁸³ Теплоухов в итоге опубликовал лишь основные результаты своих семилетних исследований — каркас культурно-хронологической периодизации древностей Минусинской котловины (*Теплоухов*, 1927; 1929).

⁸⁴ Книга Боровки вышла через четыре года (*Borovka*, 1928).

⁸⁵ Икс, вопрос — *авт.*

⁸⁶ Кожанчиков Василий Дмитриевич (1866–1931), энтомолог, директор Минусинского музея им. Н. М. Мартянова (1915–1929). Подробнее о Кожанчикове и о его взаимоотношениях с Мергартом см.: *Детлова*, 2016б. С. 323.

⁸⁷ Речь идет о материалах экспедиции 1915–1916 гг. А. В. Адрианова в Урянхайский край. Они были переданы автором раскопок 10.12.1919 в географический кабинет Томского университета — за 12 дней до ареста (*Беликова*, 2014. С. 8, 560–564); см. о его жизни и судьбе: *Дзвлет*, 2004.

⁸⁸ Этот проект осуществился в недавние годы. О. Б. Беликова опубликовала дневник археологических исследований Адрианова в Туве в 1915–1916 гг. (*Адрианов*, 2008), а также все архивные материалы и археологические источники, связанные с его последней экспедицией (*Беликова*, 2014).

⁸⁹ В ESA-IV, который Тальгрэн намеревался издать к 70-летию Спицына, Теплоухов планировал опубликовать новые материалы по карасукской культуре, однако не успел подготовить статью к обозначенному сроку (декабрь 1928 г.) (*Китова*, Кузьминых, 2006).

то, что книгоиздание в России осложнит появление Вашей такой важной работы нежелательными промедлениями.

Что касается выпрошенной мной присылки как можно большего количества литературы, то я прошу Вас послать мне лишь «за спасибо» то, что Вы сами для меня получили «за спасибо». И напротив, я бы охотно заплатил за посылки, которые были куплены, если Вы сообщите мне, каким путем надежно переправить деньги. Это большое требование, что я использую Вас таким образом, как своего книготорговца, но я с удовольствием готов оказать Вам такие же услуги, если Вы хотите иметь что-либо из здешней литературы. Я обещаю Вам в любом случае сделать все возможное. Вероятно, было бы возможным получить публикации Екатеринбургского общества⁹⁰, в которых сообщается Клером о Шигирском [торфянике] и о древностях Урала?⁹¹ У меня только тетрадь с гарпунами⁹², и я вижу, что было бы важно обсудить также другой материал. Но у меня не получилось добыть эти издания здесь в библиотеке.

Дорогой Сергей Александрович, будьте терпеливы со мной и моими многочисленными желаниями. Подумайте о том, что я потерял 5 лет своей жизни в русском плену, которые я должен считать потерянными для моего рабочего времени. Но я действительно научился оплакивать эти годы, когда увидел, как много полезной работы я и в Сибири смог бы сделать хотя бы и как военнопленный, и что я распрощался после 6½ лет искренним другом русского народа с еще сегодня живущей ностальгией по далекой жизни в Сибири. Если Вы подумаете над этим, Вы поймете, какое благое дело Вы сделаете, если поможете мне укрепить интенсивной работой мой обусловленный фактом пленения особый пост среди европейских древних историков и этим исправить что-то из тяжелой потери времени, что осложняет мою жизнь. Но одновременно с этим, по меньшей мере в воспоминаниях, остается одним из тяжелейших, но также и одним из богатейших времен моей жизни.

С искренней сердечностью я шлю Вам свои дружеские приветы

Преданный Вам Г. Мергарт.

Адрес: Приват-доцент, д-р Г. Мергарт, университет, Инсбрук, Австрия

№ 6

(открытка)

Дорогой «Геро Вальтерович»,
Очень был рад получить от Вас письмецо. Меня очень интересует, какую книгу Вы читали Минцлова об Урянхайском крае. Я знаю его отчет, напечатанный в Восточ[ом] отд[елении] Русского Арх[еологического] общ[ества] под названием «Памятники древности в Урянхайском крае», Петербург, 1916 [Минцлов, 1916]; кроме того, мне известна его книга, изданная в Риге, «Секретное поручение» [Минцлов, 1928]. Вы справедливо отмечаете, что он дилетант, но я собираю все сведения об Урянхайской археологии. Сейчас занят обработкой моих трехлетних исследований в Урянхае, где раскопал до 150 памятников, относящихся к 8 культурам⁹³. Не оставляю и Минусинский край, где каждый год продолжаю раскопки. К сожалению, имею мало времени для полной его обработки⁹⁴. Но думаю, что этой зимой многое сдам в печать.

Искренне преданный Вам с глубоким уважением Серг. Теплоухов (рис. 7).

24/XI/29.

Очень прошу, напишите мне название книги Минцлова⁹⁵.

⁹⁰ «Записки Уральского общества любителей естествознания», издававшиеся в Екатеринбурге.

⁹¹ Речь идет об Онисиме Егоровиче Клере (1845–1929) и его исследованиях на Среднем Урале; см. подробнее: Зорина, 1989; Памяти..., 1995.

⁹² Речь идет о работе В. Я. Толмачева «Древности Восточного Урала», которая выходила в ЗУОЛЕ в трех выпусках. Вторая часть труда (Толмачев, 1914) посвящена находкам из Шигирского торфяника и сопровождается большим количеством прекрасных фото с игловидными и зубчатыми наконечниками стрел. «Записки» УОЛЕ выпускались в мягкой обложке — неслучайно Мергарт называет журнал тетрадью.

⁹³ Интерес к археологическим памятникам Тувы возник у Теплоухова со времени студенческой экспедиционной поездки 1913 г. (Теплоухов, 1913/1914). Знакомство с материалами раскопок Адрианова в Томске также притягивало его к изучению древностей Тувы (Беликова, 2014. С. 16). В продолжение работ в Минусинской котловине он предпринял в 1926, 1927 и 1929 гг. обширные исследования в этой горной стране, выявил и изучил многочисленные памятники разных эпох, прежде всего в Турано-Уюкском районе (Археологические..., 1962. С. 44; Грязнов, 1988; Китова, 2007. С. 79–82).

⁹⁴ Фактически после 1929 г. вышли только энциклопедические статьи ученого (Теплоухов, 1931; 1932).

⁹⁵ Последняя фраза написана по левому краю открытки поперек строк письма (авт.).

9 июня 1924г.

Дорогой „Геро Васильевич“, x)

Я был очень рад получить от Вас письмо и отписки Ваших работ. За то и другие шлю Вам самые сердечные спасибо! Выпьюсь пред Вами, что до сих пор Вам не ответил, хотя получил все уже месяц тому назад. Недавно только поправился: был болел малярией. После выдровки надо было заниматься ликвидацией зимнего службно-учебного сезона, чтобы почувствовать себя спокойнее на летних работах. Завтра думаю отправиться в Сибирь, в Минусинский край, опять в район Батини, чтобы окончить раскопки разнообразных погребений, главным образом, культур переходных от бронзы к железу и ранним железным. Результаты у меня представлены не совсем удовлетворительно.

Позвольте себе напомнить Вам, что еще в 20 году, я уделил большое внимание могильникам в районе Батини, ~~и~~ придаю систематическому обследованию этого района большое значение по многим основаниям.

Раскопки 21 года, поем того когда мы с Вами работали производились мной у с. Батини. Крайне ограниченные средства не позволили мне выполнить намеченный план. Раскопано было 12 моги. 9 из них под Архангельской горой (Архангельская культура), 2 на выдувах (Андроновская культура) и 1 — также на выдувах (культура гребниль)

Раскопки 21 года и предшествующего 20 (когда раскопано было под Архангельской горой — 4 моги, одна — Андроновской культуры)

x) Разрешите по русски вышлати Вас отчетов.

РИС. 5. Первая страница письма С. А. Теплоухова (09.06.1924). Автограф. Чернила. Публикуется впервые (© АМУ-Мергарт)

FIG. 5. First page of S. A. Teploukhov's letter (09.06.1924). Autograph. Ink. First ever publication (© University of Marburg Archives-Merhart)

Zürich, 28. VIII. 24

Lieber Sergei Alexandrowitsch!

Sie müssen mir schon erlauben, auch im Deutschen die russische Anrede zu gebrauchen. Ich müsste ja sonst schreiben! Herr Seplouchov und das wäre doch viel offizieller, als wir es beide meinen.

Sie sehen, dass ich Ihnen keine Verzeihung für langes Wartenlassen zu erteilen habe, da ich noch um einen Monat länger zur Antwort brauchte als Sie. Ich habe allerdings damit gerechnet, dass Sie ja in Sibirien und vollauf beschäftigt sind, also sowieso weder Zeit noch Material haben, um mir zu antworten. Nun aber wird es langsam Herbst und Sie kehren bald einmal zurück. Da ist es Zeit, mich in Erinnerung zu bringen.

Haben Sie einmal vielen, vielen Dank für Ihren grossen Brief und für das Heftchen. Und glauben Sie an meine grosse und herzlichste Dankbarkeit für das Wohlwollen, mit dem Sie meine Bitte aufgenommen haben. Mir liegt wirklich viel daran, dass ich über die russischen Arbeiten auf dem Laufenden erhalten bleibe. Einmal bin ich persönlich interessiert, da ich doch weiter und immer mehr auf diesem Gebiet arbeiten will. Dann aber möchte ich eben in der Wiener Prähistorischen Zeitschrift regelmässige Referate schreiben, da ich aus eigener Erfahrung weiss, wie schwer es bei uns und besonders für die der russischen Sprache nicht Mächtigen ist, einen Ueberblick über die dort geleistete Arbeit und über die auch für uns wichtigen Resultate zu bekommen. Ich habe die vielleicht übermässige Einbildung, dass ich da eine für unsere wie für die russischen Gelehrten nützliche Arbeit tun könnte, aber es kann natürlich nur dann eine leidlich vollkommene Arbeit werden, wenn ich selbst so viel als möglich von den russischen Publikationen in die Hand bekomme. Meine russischen Freunde sind sehr lebenswürdige Leute, von denen man wirklich alles haben kann -- wenn man es selbst holt! Im Schicken sind meine Freunde nicht ganz so eifrig! Darum eben suche ich einen Mann, der immer an mich denkt und der meinen Plan auch versteht und um der Sache willen unterstützt. Sehen Sie, ich habe eine Anzahl meiner Arbeiten nach Russland geschickt, aber nur für einen Teil derselben den Bericht bekommen, dass sie ankamen. Darauf nahm ich an, sie seien vielleicht verloren gegangen und schickte ein Paket direkt an Grigorov im NarKomPross mit der Bitte, sie zu verteilen und mir dafür Neues aus der russischen Fachliteratur zu erbitten. Ich bekam überhaupt keine Antwort und weiss nicht einmal, ob meine Sendung ihn erreichte. Ferner habe ich die von Jefimenko mir mitgegebenen Separata verteilt und selbst von Birkner und Bayer Gegenseudungen an ihn expediert. Auch für deren Ankommen erhielt ich keine Empfangsbestätigung. Die einzigen Leute, die mir ihre Ausgaben schicken, sind die Krasnojarsker und Sosnovskij. Letzterer besorgte mir auch andere Neuerscheinungen aus Irkutsk und setzte mich nur dadurch in die Lage, ein erstes Referat über die neuen Ergebnisse der Arbeiten zum sibirischen Paläolith und Neolith zu schreiben. Das nächste sollte nun die Metallzeiten behandeln und da bitte ich sehr um den "Geographischen Wjestnik". Tallgren, der Ihre Grabungen gesehen hat, schreibt mir, dass sie SEHR interessant seien. Darf ich das Bild der Gipsbüste im Referate abdrucken? Ueberhaupt möchte ich Ihnen vorschlagen, dass Sie mir auf Bilder, welche Sie mir zu schicken die Freundlichkeit haben, gleich daraufschreiben, ob ich sie in Referaten verwenden darf. Es ist selbstverständlich, dass Sie meine Arbeiten referieren können, ja ich bitte Sie ausdrücklich darum. Sobald mein kleines Buch gedruckt ist, wird es Ihnen zum gleichen Zwecke zugehen. Gerade das ist mir ja erfreulich, dass meine Studien nun gleich durch Ihre Grabungen kontrolliert werden. Da wird es Korrekturen und auch Ergänzungen geben und in gemeinsamer Arbeit werden wir dem Ziel sicherer nahe kommen, als wenn wir immer auf eigenen Wegen weitermachen. Soviel ich aus Tallgrens Briefen sehe, wird auch Herr Boroffka in meinen Studien zur Bronzezeit allerlei nicht mit seinen Ansichten Uebereinstimmendes finden, also reichlich Anlass zur Kritik und vor allem -- denn das ist ja das Wichtigere -- zur Widerlegung haben. Ich finde es unfruchtbar, wenn man Arbeiten schreibt, die entweder einfach angenommen oder einfach abgelehnt werden, nicht aber von anderen Sachverständigen durchgearbeitet und überprüft.

РИС. 6. Первая страница письма Г. Мергарта (28.08.1924). Машинопись (на нем. яз.). Публикуется впервые (© АМУ-Мергарт)

FIG. 6. First page of G. von Merhart's letter (28.08.1924). Typewriting (in German). First ever publication (© University of Marburg Archives-Merhart)

Дорогой "Геро Валентинович"
 Очень бы рад почитать от Вас
 писемко. Меня очень интересует,
 к чему книгу Вы читали Минусова
 об Урянгайском крае. Я знаю его
 отчет, написанный в военном
 опис. Русского Арх. воис. по названию
 "Памятники древности в Урянгайском
 крае" Телур. 1916г.; кроме того мне известна
 его книга изданная в Риге "Секретные
 поручения". Вы справедливо пишете,
 что он дилетант, но я собирал все
 сведения об Урянгайской археологии.
 Сейчас занимаюсь обработкой моих пер-
 лентных исследований в Урянгае, где
 раскопан до 150 памятников, отнес-
 шихся к культуре. Не сомневаюсь
 и Минусовский край, где каждый
 год производится раскопки. Материал
 он огромный. К сожалению имею
 мало времени для полной его обработки.
 Но думаю, что этой зимой многое
 сдать в печать. Уверены преданный
 Вам с глубоким уважением
 24/11/29. Сем. Теплоухов

РИС. 7. Последнее письмо С. А. Теплоухова Г. Мергарту (24.11.1929). Автограф. Чернила.
 Публикуется впервые (© АМУ-Мергарт)

FIG. 7. Last letter of S. A. Teploukhov to G. von Merhart (24.11.1929). Autograph. Ink. First ever publication
 (© University of Marburg Archives-Merhart)

Литература

- Адрианов, 2008 — Адрианов А. В. Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува) / Публ. О. Б. Беликовой. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. 146 с.
- Археологические..., 1962 — Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг. Указатель / Ред. Н.Н. Воронин, М.А. Тиханова. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 264 с.
- Археологический..., 1888 — Археологический музей Томского университета / Сост. В. М. Флоринский. Томск: Типо-лит. Михайлова и Макушина, 1888. 452 с.
- Базалийский, 1987 — Базалийский В. И. Глазковский некрополь: к 100-летию открытия древнейших сибирских захоронений. Иркутск: РИО Упрполиграфиздата, 1987. 32 с.
- Беликова, 2014 — Беликова О. Б. Последняя экспедиция А. В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект). Томск: Изд-во ТГУ, 2014. 570 с., 301 ил.
- Вадецкая, 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 179 с.
- Вадецкая, 2009 — Вадецкая Э. Б. Древние маски Енисея. СПб.; Красноярск: Версо, 2009. 248 с.
- Вдовин и др., 2012 — Вдовин А. С., Детлова Е. В., Макаров Н. П. «Я только еще учусь работать и каждый Ваш совет и в особенности критические замечания послужат мне только на пользу»: Г. П. Сосновский в 1918–1922 гг. // Евразийский археолого-историографический сборник / Отв. ред.: А. С. Вдовин, И. В. Тункина. СПб.; Красноярск: СПбФ АРАН, КГПУ, 2012. С. 104–123.
- Голотвин, 2013 — Голотвин А. Н. Из истории выявления объектов археологического наследия на территории Тамбовской губернии // Вестник Тамбовского государственного университета. 2013. Вып. 4 (120): Гуманитарные науки. Политология. С. 106–111.
- Гольмстен, 1928 — Гольмстен В. В. Археологические памятники Самарской губернии // В. А. Городцову — XL / Ред. В.М. Фриче и др. М.: РАНИОН, 1928. С. 125–137. (ТСА РАНИОН; Т. IV).
- Городцов, 2015 — Городцов В. А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 2. 1936–1944 / Сост.: И. В. Белозёрова, С. В. Кузьминых. М.: ИД Триумф принт, 2015. 695 с.
- Громов, 1931 — Громов В. И. О костных остатках животных из курганов эпохи бронзы Сибири // СГАИМК. 1931. № 1. С. 37–38.
- Грязнов, 1988 — Грязнов М. П. С. А. Теплоухов и его роль в истории сибирской археологии // Источники и историография: Археология и история / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: Изд-во ОмГУ, 1988. С. 69–75.
- Детлова, 2007 — Детлова Е. В. Письма Геро Мергарта в Красноярский музей // Енисейская провинция / Отв. ред. А. С. Вдовин. Красноярск: Изд-во КГПУ, 2007. Вып. 7. С. 76–87.
- Детлова, 2011 — Детлова Е. В. «Я часто вспоминаю о Красноярске и о дружбе, которую я там встретил...»: (По страницам писем и мемуаров Геро фон Мергарта) // Второй век подвижничества: Сб. науч. статей / Отв. ред. В. Ярошевская. Красноярск: КККМ, 2011. С. 90–105.
- Детлова, 2014 — Детлова Е. В. «Для меня Вы являетесь единственным человеком в Сибири, у которого я могу смело учиться...»: (К истории взаимоотношений Г. П. Сосновского и Геро фон Мергарта) // Верхний палеолит Северной Азии и Америки: памятники, культуры, традиции / Отв. ред.: С. А. Васильев, Е. С. Ткач. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 88–95. (Серия «Archaeologica Petropolitana»).
- Детлова, 2016а — Детлова Е. В. Геро фон Мергарт и российское археологическое научное сообщество 1920-х гг. // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 229–241.
- Детлова, 2016б — Детлова Е. В. В. Д. Кожанчиков и Геро фон Мергарт: штрихи к портрету // Мартъяновские краеведческие чтения (2014–2015 гг.) / Отв. ред. Н. А. Голованенко. Минусинск: Издательские решения, 2016. Вып. IX. С. 323–326.
- Детлова и др., 2014 — Детлова Е. В., Буровский А. М., Кузьминых С. В. Конфликт В. А. Городцова и Геро фон Мергарта в контексте истории науки // Stratum plus. 2014. № 1. С. 211–227.
- Детлова, Кузьминых, 2014 — Детлова Е. В., Кузьминых С. В. «Я очень интересуюсь Вашими работами»: к истории взаимоотношений М. П. Грязнова и Г. Мергарта // ТПАИ. 2014. № 2 (10). С. 112–121.
- Детлова, Кузьминых, 2019 — Детлова Е. В., Кузьминых С. В. «Там было часто трудно и тягостно, но это было славное время!»: письма Геро фон Мергарта в Музей Приенисейского края // ИОАИЭ при Казанском университете. 2019. Т. 39, № 4. С. 42–93.
- Длужневская, Лазаревская, 2009 — Длужневская Г. В., Лазаревская Н. А. Археологические памятники Сибири в исследованиях Императорской Археологической Комиссии (1859–1917): К столетию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 594–636.
- Дмитриев, 2016 — Дмитриев С. В. Тан // Большая Российская энциклопедия. Т. 31. М.: БРЭ, 2016. С. 635–636.
- Дэвлет, 1980 — Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины (II в. до н. э. — I в. н. э.). М.: Наука, 1980. 66 с. (САИ; Вып. Д 4-7).
- Дэвлет, 2004 — Дэвлет М. А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 65 с.
- Жук, 1994 — Жук А. В. Батени под лопатой С. А. Теплоухова: археологический микрорайон? // Археологические микрорайоны Западной Сибири: Тез докл. Всерос. науч. конф. Ч. 1 / Отв. ред. С. С. Тихонов. Омск: Изд-во ОмГУ, 1994. С. 29–33.
- Жук, 2004 — Жук А. В. Организация археологических исследований в Томске в 1919–1921 гг. // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. С. 4–6.
- Збруева, 1946 — Збруева А. В. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья // ВДИ. 1946. № 3. С. 182–190.
- Зорина, 1989 — Зорина Л. И. Онисим Егорович Клер. 1845–1920. М.: Наука, 1989. 125 с.

- Зуев, 1995 — Зуев В. Ю. Материалы к биографии Григория Иосифовича Боровки (1894–1941) // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки / Отв. ред. И. Л. Тихонов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 145–156.
- Киселев, 1951 — Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири / Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 643 с.
- Китова, 2004 — Китова Л. Ю. Неизвестные архивные материалы о биографии и деятельности С. А. Теплоухова // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. С. 7–10.
- Китова, 2007 — Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы): Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 272 с.
- Китова, 2010а — Китова Л. Ю. Сергей Александрович Теплоухов // РА. 2010. № 2. С. 166–173.
- Китова, 2010б — Китова Л. Ю. Георгий Петрович Соновский // РА. 2010. № 3. С. 146–153.
- Китова, Кузьминых, 2006 — Китова Л. Ю., Кузьминых С. В. Штрихи к научной биографии С. А. Теплоухова: два письма А. М. Тальгрена // Археология Южной Сибири. Кемерово: Летопись, 2006. Вып. 24. С. 152–159.
- Кузнецов-Красноярский, 1889 — Кузнецов-Красноярский И. П. (Кузнецов Инн.) Древние могилы Минусинского округа. Томск: Типо-лит. В. В. Михайлова и П. И. Макушина, 1889. VI, 36 с., 18 л. ил.
- Кузнецов-Красноярский, 1908 — Кузнецов-Красноярский И. П. Минусинские древности. Вып. 1. Медно-бронзовый и переходный периоды. Томск: Типо-лит. Сиб. т-ва печ. дела, 1908. 25 с., 13 л. ил.
- Кузьминых, Детлова, 2010 — Кузьминых С. В., Детлова Е. В. Из истории российской археологии 1920-х годов: Геро фон Мергарт и Сибирь // Вестник РГНФ. 2010. № 1 (58). С. 42–51.
- Кузьминых, Детлова, 2017 — Кузьминых С. В., Детлова Е. В. Проблемы бронзового и раннего железного веков Северной Евразии в трудах и переписке А. М. Тальгрена и Г. Мергарта // Эпоха бронзы и ранний железный век: Мат-лы III междунар. конф. «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации» / Отв. ред.: С. В. Кузьминых, А. А. Чижевский. Казань: Изд-во ИА АН РТ, 2017. С. 37–62. (Археология евразийских степей; № 3).
- Кузьминых и др., 2007 — Кузьминых С. В., Детлова Е. В., Салминен Т. Геро фон Мергарт и его последнее воспоминание о Сибири // Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья / Отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. С. 160–173.
- Кызласов, 1983 — Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 128 с. (САИ; Вып. ЕЗ-18).
- Ларичев, 1969 — Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1. Азия и проблема родины человека: (Исследования и идеи). Новосибирск: Наука, 1969. 390 с.
- Мергарт, 1923 — Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // Известия Красноярского отдела Русского географического общества. Красноярск, 1923. Т. III. С. 29–36.
- Мергарт, 2019 — Мергарт Геро фон. Воспоминания о Советской России. Письма / Вступ. статьи, публ. и коммент. Е. В. Детловой и С. В. Кузьминых. Красноярск: ККМ, 2019. 100 с.
- Мицилов, 1916 — Мицилов С. Р. Памятники древности в Урянхайском крае // ЗВОРАО. 1916. Т. 23, вып. 3–4. С. 291–312.
- Мицилов, 1928 — Мицилов С. Р. Секретное поручение: (Путешествие в Урянхай). Рига: Сибирское книгоиздательство, 1928. 276 с.
- Миняев, 2007 — Миняев С. С. Дырестуйский могильник / 2-е изд., доп. СПб.: Изд-во Филол. ф-т СПбГУ, 2007. 233 с. (Археологические памятники сянну; Вып. 3).
- Набоженко М. В., Набоженко С. В., 2016 — Набоженко М. В., Набоженко С. В. Corbicula fluminalis (O. F. Müller, 1774) — новый для российского сектора Каспийского бассейна вид двустворчатых моллюсков // Наука юга России (Вестник Южного научного центра). 2016. Т. 12, № 1. С. 61–64.
- Отчетная выставка..., 1924 — Отчетная выставка Этнографического отдела [ГРМ] за 1923 год. Пг.: ГРМ, 1924. 32 с.
- Памяти..., 1995 — Памяти Онисима Егоровича Клера: к 150-летию со дня рождения: Мат-лы научн.-практич. конф. Екатеринбург, февраль 1995 г. / Отв. ред. А. Г. Нестеров. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. 118 с.
- Петри, 1923а — Петри Б. Э. Задачи Этнологической секции Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск, 1923. 11 с.
- Петри, 1923б — Петри Б. Э. Сибирский палеолит // Сб. трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркутск. ун-та. Иркутск, 1923. Вып. 5. С. 209–253.
- Петри, 1923в — Петри Б. Э. Программа исследования стоянок под открытым небом. Иркутск: Тип. Губ-ВПО, 1923. 15 с. (Рус. географ. об-во. Вост.-Сиб. отд. Этнолог. секция).
- Подгорбунский, 1923 — Подгорбунский В. И. К вопросу об изучении стоянок Торской и Тункинской котловины // Сб. трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркутск. ун-та. Иркутск, 1923. Вып. 4. С. 198–208.
- Радлов, 1989 — Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника / Пер. с нем. К. Д. Цивиной и Б. Е. Чистовой; отв. ред. С. И. Ванштейн. М.: Вост. лит., 1989. 749 с. (Серия «Этнографическая библиотека»).
- Русская..., 2003 — Русская археологическая литература. Библиографический указатель. 1900–1917 / Сост. Т. Н. Заднепровская. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 480 с.
- Решетов, 1998 — Решетов А. М. С. И. Руденко — антрополог, этнограф, археолог // С. И. Руденко и башкиры / Отв. ред.: Р. М. Юсупов, М. В. Мурзабулатов. Уфа: Гилем, 1998. С. 5–25.
- Руденко, 1962 — Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. М.; Л.: АН СССР, 1962. 51 с., 27 табл. (САИ; Вып. ДЗ-9).
- Советская..., 1965 — Советская археологическая литература. Библиография. 1918–1940 / Сост.: Н. А. Вин-

- берг, Т. Н. Заднепровская, Р. Ш. Левина и А. А. Любимова. М.; Л.: Наука, 1965. 376 с.
- Спрыгина*, 1923 — *Спрыгина Н. И.* Стоянка первобытного человека в долине р. Суры близ г. Пензы. Пенза, 1923. 16 с. (Труды Пензен. об-ва любителей естествознания; Вып. 5).
- Талько-Грынцевич*, 1999 — *Талько-Грынцевич Ю. Д.* Материалы к палеоэтнологии Забайкалья / Отв. ред. С. С. Миняев. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1999. 124 с. (Археологические памятники сюнну; Вып. 4).
- Теплоухов*, 1913/1914 — *Теплоухов С. А.* Поездка в Урянхайский край (Монголия) // Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей при имп. Казанском университете. Засед. 473. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1913/1914. С. 17.
- Теплоухов*, 1922а — *Теплоухов С. А.* Следы доисторической жизни в Минусинском крае // Географический вестник. Пг., 1922. Т. 1. Вып. 2–3. С. 27–29.
- Теплоухов*, 1922б — *Теплоухов С. А.* Этнологические исследования в Сибири [1919–1922] // Наука и ее работники. Пг., 1922. № 3–4. С. 46–47.
- Теплоухов*, 1926 — *Теплоухов С. А.* Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Л.: ЭО ГРМ, 1926. С. 88–94.
- Теплоухов*, 1927 — *Теплоухов С. А.* Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Л.: ЭО ГРМ, 1927. Т. 3, вып. 2. С. 57–112.
- Теплоухов*, 1929 — *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. (В кратком изложении) // Материалы по этнографии. Л.: ЭО ГРМ, 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41–62.
- Теплоухов*, 1931 — *Теплоухов С. А.* Курганы и могилы // ССЭ. 1931. Т. 2. Стб. 1124–1129.
- Теплоухов*, 1932 — *Теплоухов С. А.* Металлический период // ССЭ. 1932. Т. 3. Стб. 400–415.
- Толмачев*, 1914 — *Толмачев В. Я.* Древности Восточного Урала: Материалы по первобытной и историческо-бытовой археологии Зауральской части Пермской губернии. Ч. 1–2 // ЗУОЛЕ. 1914. Т. XXXIV, вып. 11/12. С. 217–266.
- Толстов*, 1948 — *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: МГУ, 1948. 440 с.
- Формозов*, 1949 — *Формозов А. А.* Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С. 49–58.
- Худяков*, 1920 — *Худяков М. Г.* К посещению Казани В. А. Городцовым [в 1920 г.] // КМВ. 1920. № 7–8. С. 117–118.
- Черняк, Дмитриенко*, 2016 — *Черняк Э. И., Дмитриенко Н. М.* И. П. Кузнецов-Красноярский — историк и музейвед // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 157–163.
- Borovka*, 1928 — *Borovka G.* Scythian Art. Kai Khosru Monographs on Eastern Art. London: Ernest Benn, 1928. 112 p., 74 pl.
- Detlowa, Swozilek*, 2006 — *Detlowa K., Swozilek H.* Briefe des Gero von Merhart nach Krasnojarsk und ein "Vorschlag betreffs der Organisation der archäologischen Erforschung des Jenissei-Gebietes" // Jahrbuch des Vorarlberger Landesmuseumsvereins – Freunde der Landeskunde 2005. Bregenz, 2006. S. 7–45.
- Filip*, 1966 — *Filip J.* Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. T. 1. Prag: Academia, 1966. 664 S., XL Abb.
- Leben und Wirken...*, 2015 — *Leben und Wirken des deutsch-russischen Forschers Gregor Boroffka (1894–1942). Briefe (1913–1935) an die Familie aus Russland nach Deutschland / Hrsg. und komment. von I. Zerbst-Boroffka.* Hamburg: Verlag Dr. Kovač GmbH, 2015 (Schriften zur Kulturgeschichte; Bd. 36). 320 S.
- Merhart*, 1923а — *Merhart G.* The palaeolithic period in Siberia: contributions to the prehistory of the Yenisei region // American Anthropologist. 1923. Vol. 25:1. P. 23–55.
- Merhart*, 1923b — *Merhart G.* Beiträge zur Urgeschichte der Jenissei Gubernie. Bericht über die Öffnung zweier Kurgane in der Abakansteppe // SMYA. 1923. T. XXXIV:1. S. 2–46.
- Merhart*, 1924 — *Merhart G.* Beiträge II. Die Gruppe der Kurgane mit Platten-Einzelgrab // SMYA. 1924. T. XXXV:2. S. 3–19.
- Merhart*, 1926 — *Merhart G. von.* Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: Anton Schroll & Co., 1926. 189 S.
- Merhart*, 1928 — *Merhart G.* Sibirien, B: Neolithikum // Reallexikon der Vorgeschichte / Hrsg. von M. Ebert. Berlin: Walter de Gruyter, 1928. Bd. 12. S. 57–70.
- Merhart*, 1958 — *Merhart G.* Einige Erinnerungen an Sibirien // Palaeologia. Osaka, 1958. № 7. S. 227–229.
- Merhart*, 2008 — *Merhart G. von.* Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen / Hg. H. Parzinger. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2008. 287 S.
- Parzinger*, 2008 — *Parzinger H.* Einführung // Merhart G. Daljoko: Bilder aus sibirischen Arbeitstagen. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2008. S. 11–45.
- Rostovtzeff*, 1922 — *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: The Clarendon Press, 1922. XV, 260 p.
- Rudenko*, 1929 — *Rudenko S.* Les sépultures de l'époque des Kourganes de Minoussinsk // L'Anthropologie. 1929. T. XXXIX. P. 401–430.
- Tallgren*, 1924 — *Tallgren A. M.* Fatjanovokulturen i Centralryssland // Finskt Museum. Helsinki, 1924. P. 1–30.
- Tallgren*, 1928 — *Tallgren A. M.* Рец.: S. Teplouchov. Древние погребения в Минусинском крае // ESA. 1928. Vol. III. S. 186–187.
- Tallgren*, 1931 — *Tallgren A. M.* Zur archäologischen Bibliographie betr. das Gebiet der jetzigen Sowjetunion für die Zeitperiode 1927–1929 // ESA. 1931. Vol. VI. S. 181–209.
- Tallgren*, 1933 — *Tallgren A. M.* Zum Ursprungsgebiet des sog. skythischen Tierstils // Acta Archaeologica. Bd. IV. Wien, 1933. S. 258–264.
- Zakharov*, 1928 — *Zakharov A. A.* Materials on the Archaeology of Siberia (Dr. V. V. Radloff's Excavations in the Berel Steppe) // ESA. 1928. Vol. III. P. 132–140.

“I will accept with immense gratitude your opinion and notes concerning my considerations”.

Letters of S. A. Teploukhov and Gero von Merhart

S. V. Kuz'minykh, E. V. Detlova

In 1920s, Sergey Aleksandrovich Teploukhov and Gero von Merhart were the best connoisseurs of Yenisey antiquities of the Bronze and early Iron Ages. In those years, they stood at the sources of the formation of the basic concepts on the evolution of the cultures of South Siberia in the 3rd-1st millennium BC. Not only their published works, but also their epistolary heritage lifts for us the veil of searches and studies, errors and doubts and, in general, the entire 'know-how of the profession' of these coryphaei of Siberian

archaeology. The correspondence between Teploukhov and Merhart is a vivid example of the continuation of international links between Russian and West-European archaeologists uninterrupted during the extremely heavy post-revolutionary years, while the history of their relations, undoubtedly, should become part of a comprehensive investigation of Russian-German connections in the sphere of archaeology. The letters published below is a modest contribution to this future project.

Владимир Яковлевич Толмачёв: судьба археолога¹

Б. Б. Овчинникова², В. В. Сумин³

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена судьбе одного из основателей уральской археологии – Владимира Яковлевича Толмачёва (1876–1942). Являясь представителем «первой волны» русской эмиграции в Китае, он сумел внести существенный вклад не только в русскую археологию, но и в археологию Дальнего Востока и Китая, а также в культуру русского зарубежья. Некоторые документы и фотографии публикуются впервые.

ANNOTATION. This paper is devoted to the fate of one of the founders of the Ural archaeology Vladimir Yakovlevich Tolmachyov (1876–1942). As a representative of the 'first wave' of the Russian emigration in China, he succeeded to make an essential contribution not only to Russian archaeology but also to archaeology of the Far East and China, as well as to Russian culture abroad. A number of documents and photos are here first published.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: археологические памятники, В. Я. Толмачёв, Шигирский идол, УОЛЕ, Екатеринбург, Иркутск, Чита, Харбин, Шанхай, эмигрант, русское зарубежье.

KEYWORDS: archaeological objects, V. Ya. Tolmachyov, Shigir Idol, UOLE (Ural Society of Devotees of Natural History), Yekaterinburg, Irkutsk, Chita, Harbin, Shanghai, emigrant, Russian Community Abroad.

История археологической науки – тема, актуальность которой отмечалась неоднократно. При изучении археологического объекта часто возникает интерес не только к памятнику, но и к судьбе тех, кто стоял у истоков его открытия. Анализируя их методы исследования, выводы, к которым они приходили, идеи, которые они высказывали, невольно составляешь представление о человеке и его судьбе. И каждый факт из жизни предшественника, порой случайно обнаруженный в материалах архивов, позволяет уточнить, дополнить, а иногда и заполнить неизвестные страницы его биографии. Так и в настоящей статье мы вновь возвращаемся к истории жизни и научных открытий одного из ведущих профессионалов-археологов тех далеких времен.

Вторая половина XIX в. Для России – это время проведения ряда реформ, затрагивающих как экономическую, политическую, так и культурно-

просветительскую сферы жизни общества. Именно тогда учреждаются и получают мощный стимул к развитию новые общественные научные учреждения, такие как Общество истории и древностей, Русское географическое общество (далее – РГО), Уральское общество любителей естествознания (далее – УОЛЕ, г. Екатеринбург) и др. Несомненно, на этот процесс оказало существенное влияние основание в 1859 г. первого государственного учреждения, на которое была возложена ответственность за сбережение национального культурного наследия – Императорской Археологической Комиссии (далее – ИАК). Именно она представляла собой координационный центр, ведавший вопросами охраны и реставрации всех памятников на территории Российской Империи.

Среди регионов, сотрудничавших с ИАК, определенное место занимал Урал, и тот факт, что древности края вошли в сферу ее интересов, не был случайным. Еще С. Г. Строганов, будучи председателем ИАК и уделяя особое внимание своей уникальной коллекции серебряных вещей, признавал в российских древностях достойными внимания «лишь классические, пермские и хазарские» (Императорская..., 2009. С. 640). Практически вся плеяда первых уральских исследователей в области естественных наук (в том числе археологии), признанных в России и за рубежом, начинала свои первые шаги в тесном сотрудничестве с ИАК. Среди них были и те, кто связал свою судьбу непосредственно с уральской наукой: это и археологические дина-

¹ Авторы приносят свою искреннюю благодарность хранителю музея-архива Русской культуры в Сан-Франциско (США) Иву Франквену за любезно предоставленную возможность работы с фондом В. Я. Толмачёва (http://www.mrcsf.org/ru_home/).

² 620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральский гуманитарный институт. Исторический факультет. Кафедра истории России. Адрес электронной почты: bovchinnikova@mail.ru.

³ 620014, Россия, Екатеринбург, ул. Малышева, д. 46. Свердловский областной краеведческий музей им. О. Е. Клера. Адрес электронной почты: vitsumin64@gmail.com.

стии — Теплоуховы, Клер; и авторитетные исследователи — В. М. Малахов, В. Г. Дружинин, Н. К. Минко и др. (*Длужневская и др.*, 2010).

К числу первых исследователей Уральского края относится и Владимир Яковлевич Толмачёв — археолог, пожизненный член Уральского общества любителей естествознания, член ИАК и Русского археологического общества, член РГО, Оренбургской ученой архивной комиссии, Общества по изучению Маньчжурского края, Восточно-Азиатского археологического общества и др. Остановимся на непростой судьбе ученого и его не прерывавшейся археологической деятельности, который на какое-то время был незаслуженно забыт «большой наукой».

Бурные перемены, происходившие в России на рубеже XIX — начала XX в., оказали влияние на жизнь и деятельность увлеченного археологией Толмачёва. Волей судеб он вместе с семьей оказался на востоке: сначала в Дальневосточной Республике (ДВР), а затем в Маньчжурии и Китае. В связи с отрывочностью сведений об этом значимом для Урала исследователе археологи проявляют особый интерес к его личности и наследию (*Зорина*, 1996. С. 99, 126–127; *Овчинникова, Панова*, 1988; *Овчинникова*, 2012; *Яркин*, 1961). Как оказалось, деятельность Толмачёва — это определенный этап в развитии археологии не только Урала, но и Южной Сибири, Дальнего Востока, Китая (*Алкин*, 1994; 2005; *Алкин и др.*, 2001; *Киселёв, Киселёва*, 2013а). Возможность знакомства с материалами фондов и архивов как отечественных, так и зарубежных учреждений⁴: материалами архива Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи (БРЭМ), созданного японцами, а в 1945 г. вывезенного в Государственный архив Хабаровского края (ГАХК) и рассекреченного в конце 1980-х гг. (*Бендик*, 1996. С. 145; *Киселёв, Киселёва*, 2013б. С. 298); материалами архивов США — Гуверовского института и Музея русской культуры (далее — МРК) в Сан-Франциско, Калифорния, — позволяет сегодня осветить и дополнить некоторые неизвестные страницы в судьбе уральского ученого.

Владимир Яковлевич Толмачёв (1876–1942)⁵ — потомственный дворянин, русский, родился 21 ноя-

бря (ст. стиль) 1876 г. в г. Шадринске Пермской губернии. Его отец Яков Алексеевич (годы жизни неизвестны) служил нотариусом, мать Мария Ефимовна (1853 г. р., уроженка с. Новое Новгородской губ.) — домохозяйка; они воспитывали четырех детей: Владимира — старшего, его брата Николая (1882 г. р.) и двух сестер — Марию (ок. 1885 г. р.) и Елену (ок. 1888 г. р.). Школьное образование Владимир получил в мужской гимназии г. Екатеринбург, где он сблизился с семьей Онисима Егоровича Клера, преподавателя французского языка (**рис. 1, 1, 2**). Онисим Егорович, являвшийся основателем УОЛЕ, уже тогда считался крупным натуралистом, прекрасным знатоком края. Первые краеведческие маршруты по окрестностям Екатеринбурга Толмачёв провел под руководством своего авторитетного учителя. В последующие годы Владимир Яковлевич будет поддерживать тесные связи с О. Е. Клером и его семьей (ГАСО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 16, 17) (**рис. 1, 3, 5, 6**). Онисим Егорович всегда помогал молодому исследователю советами и практическими рекомендациями. Любимым местом их встречи была Мельница в имении Толмачёвых, которая находилась в устье р. Синара с видом на оз. Багаряк (**рис. 1, 4**). Вблизи располагалось село Огневское, недалеко от которого находилась алебастровая копь. Позже мать молодого ученого подарила музею УОЛЕ образец алебастра с Мельницы, на которой можно было перемолоть алебастр и получить муку для гипса, что засвидетельствовано Актом приемки от 15 июля 1905 г.: «Образец алебастра (гипса) с арендованного ею [М. Е. Толмачёвой. — Б. О.] прииска и обрабатываемого на ее мельнице на р. Синара близ села Усть-Караболки» (Ф СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 268). Очевидно, в собственности семьи было несколько мельниц. Близкое знакомство с процессом изготовления гипса невольно сказалось на увлечении Толмачёва — он занимался изготовлением копий различных предметов, в том числе предметов древностей.

После окончания гимназии в 1896 г. Толмачёв уезжает в Санкт-Петербург и поступает в университет на естественнонаучное отделение физико-математического факультета, специальность — география, а с 1900 г. — на 2-й курс вечернего отделения Археологического института; оба вуза он закончил одновременно в 1902 г. (ГАСО. Ф. 140. Оп. 1.

⁴ В данной статье привлечены архивные материалы: музея УОЛЕ; ГАСО; ГАЧО; ГАХК (БРЭМ); музея-архива Русской культуры в Сан-Франциско (МРК, МРК) и др.

⁵ До сих пор в публикациях встречаются разночтения в датах рождения и смерти В. Я. Толмачёва. Благодаря официальным данным сегодня установлены: дата рожде-

ния 21 ноября (3 декабря) 1876 г. — по личным записям В. Я. Толмачёва в анкетах из архива БРЭМ (1935. Д. 30504), дата смерти 7 мая 1942 г. — по представлению заметки от жены и родственников в Шанхайской газете от 8 мая 1942 г.

РИС. 1. 1 – здание Мужской гимназии. Екатеринбург. Фото 1890-х гг.; 2 – Мужская гимназия. О. Е. Клер среди учеников (в центре), справа от него – Володя Толмачёв. Екатеринбург. Фото 1896(?) г.; 3 – О. Е. Клер в гостях у В. Я. Толмачёва (слева) на Мельнице; 4 – Мельница Толмачёвых на оз. Огневском (совр. Большой Куяш). Совр. Челябинская обл., Каплинский район. Фото начала XX в.; 5 – озеро Огневское. Справа налево: Владимир Яковлевич Толмачёв, Мария Яковлевна – сестра (жена Георгия Клера); Николай Яковлевич – младший брат. Фото начала XX в.; 6 – Мельница Толмачёвых. Семья Толмачёвых на крыльце дома (слева направо): Сарра Гарле (жена брата Николая), Николай Толмачёв, Мария Клер-Толмачёва (сестра), Мария Ефимовна Толмачёва (мать), Владимир Толмачёв (ГАСО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 16, 17)

FIG. 1. 1 – House of Men's gymnasium. Yekaterinburg. Photo of the 1890s; 2 – Men's gymnasium. O. E. Kler (Onesim Claire) among the pupils (in centre), on his right – Volodya Tolmachev. Yekaterinburg. Photo of 1896 (?); 3 – O. E. Kler visiting V. Ya. Tolmachev (left) at the Mill; 4 – Tolmachev's Mill at Lake Ognevskoye (now Lake Bolshoy Kuyash). Modern Chelyabinsk Oblast, Kaslinsky District. Photo of the early 20th century; 5 – lake Ognevskoye. From right to left: Vladimir Yakovlevich Tolmachev, Maria Yakovlevna – sister (wife of Georgiy Kler); Nikolay Yakovlevich – the younger brother. Photo of the early 20th century; 6 – Tolmachev's Mill. Tolmachev family on the porch of the house (from left to right): Sarrah Garlet (wife of brother Nikolay), Nikolay Tolmachev, Mariya Kler-Tolmachev (sister), Mariya Efimovna Tolmachev (mother), Vladimir Tolmachev (SASR. Archive group 139, inv. 1, file 16, 17)

Д. 31. Л. 8). Кроме того, он несколько лет учился в Санкт-Петербургской Художественной школе Всероссийского Общества поощрения художеств, изучая там рисунок и живопись (МРС.ВОХ.01_07. Р. 3). Начало систематических занятий Толмачёва археологией можно отнести к 1900 г., когда определился его интерес к изучению прошлого Уральско-го края. Все летние каникулы в период учебы в университете Толмачёв посвящает археологическим изысканиям, путешествуя со своим братом Николаем по родному Шадринскому уезду, по берегам рек Синары и Караболки, где открывает целый ряд новых памятников (рис. 2, 1). Вместе с тем он тесно сотрудничает с ИАК. Именно тогда (1900 г.) им были проведены рекогносцировочные раскопки на северном берегу знаменитого Шигирского озера, а также на восточном склоне горы Скворцовой. Особое внимание при исследовании берега озера Исетское Толмачёв уделяет торфяным болотам (рис. 2, 2). Молодой исследователь присылает О. Е. Клеру свою первую статью о городищах на р. Синаре (ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 6. Л. 260 об.). Он тщательно изучает археологические коллекции как в Академии наук в Санкт-Петербурге, так и в музее УОЛЕ на Урале. Результатом работы с уральским материалом стала зачетная работа, представленная им профессору Д. А. Коропчевскому: «Остатки древнейшей культуры в районе Екатеринбургского уезда Пермской губернии» (31 марта 1901 г.). По окончании университета В. Я. Толмачёв успешно защищает дипломную работу на тему: «Материалы по археологии восточного склона Урала».

После университета Толмачёв сразу поступает на военную службу, отбывая воинскую повинность «вольноопределяющим» 1-го разряда Лейб-гвардии Павловского полка (1902–1903 гг., г. Санкт-Петербург). В 1904 г. он «выдержал экзамен на чин «прапорщика»» (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 47591. Л. 1 об.).

Январь 1904 года. Началась Русско-японская война. В Иркутске на базе резервных батальонов разворачиваются стрелковые полки, куда прибывают мобилизованные. Толмачёв получает назначение в Иркутск на должность адъютанта командира 4-го батальона 6-го Енисейского стрелкового Сибирского пехотного полка (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 47591. Л. 1, 20). Кстати, в этом городе Толмачёв принял участие в одном интересном мероприятии, а именно в свадебной церемонии А. В. Колчака. Колчак вернулся в феврале в Иркутск из возглавляемой им спасательной экспедиции, организованной Восточно-Сибирским Отделом Импера-

торского РГО для поиска пропавших членов полярной экспедиции барона Э. В. Толля, ушедших на поиски земли Санникова. Венчание лейтенанта флота А. В. Колчака с С. Ф. Омировой состоялось 5 марта 1904 г. Поручителями со стороны жениха были отец Александра Васильевича генерал-майор В. И. Колчак и боцман Н. А. Бегичев. Поручителями со стороны невесты были подпоручик Иркутского сибирского полка И. И. Желейщиков и прапорщик Енисейского сибирского пехотного полка В. Я. Толмачёв (Плотников, 1998. С. 29). В апреле А. В. Колчак уже был в Порт-Артуре, а прапорщик В. Я. Толмачёв — в Ляояне. Он участвовал в боях под Ляояном и на реке Шахе. Из действующей армии Толмачёв писал письмо своей матери, проживавшей в то время в Красноярске: «Дорогая мамка, уже третью ночь ночую с полком в 10 в. от Ляояна, о японцах почти ничего не знаем, т. к. ни телеграмм ни газет здесь нет <...>. В чемодане 2 шелковых платка и 2 идола китайских, которые надо бы отправить А. Левантуеву. В дороге посылаю тебе телеграмму с оплаченным ответом, но ответ еще не получал. Пишите 4-й Сибирский корпус, 2-й дивизии, 6-й Енис. полк в Действующую армию. <...> Твой сын Владимир»⁶. Адрес отправления — Красноярск, Мельница Е. В. Т., Марии Ефимовне Толмачёвой (ГАСО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 13). За время военной службы прапорщик В. Я. Толмачёв (рис. 2, 3) был награжден орденами: Анны 3-й степени с надписью «За храбрость», Анны 3-й степени с мечами и бантом, Анны 2-й степени, Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Владимира 4-й степени, Румынской короны 5-й степени и медалями: в память войны с Японией 1904–05 гг. и в память трехсотлетия Дома Романовых (Шаронова, 2013. С. 437–438).

Казалось бы, на время Русско-японской войны Толмачёву пришлось прервать планомерные занятия археологией, но, как повествуют источники, он использует любую малейшую возможность, чтобы заниматься изучением Дальневосточного края, и собирает коллекцию восточных древностей, о которой сообщает в ИАК. Часть этой коллекции Толмачёв передает в музей УОЛЕ, о чем свидетельствуют Акты приемки предметов на хранение в музей УОЛЕ: Акт от 28 декабря 1904 г. о полученных четырех посылках с «вещами предназначенными для научных целей», привезенных офицером Завадским из Харбина, и Акт от 15 октября 1905 г. о двух посылках, полученных от В. Я. Толмачёва

⁶ Содержание письма дано авторами в сокращении.

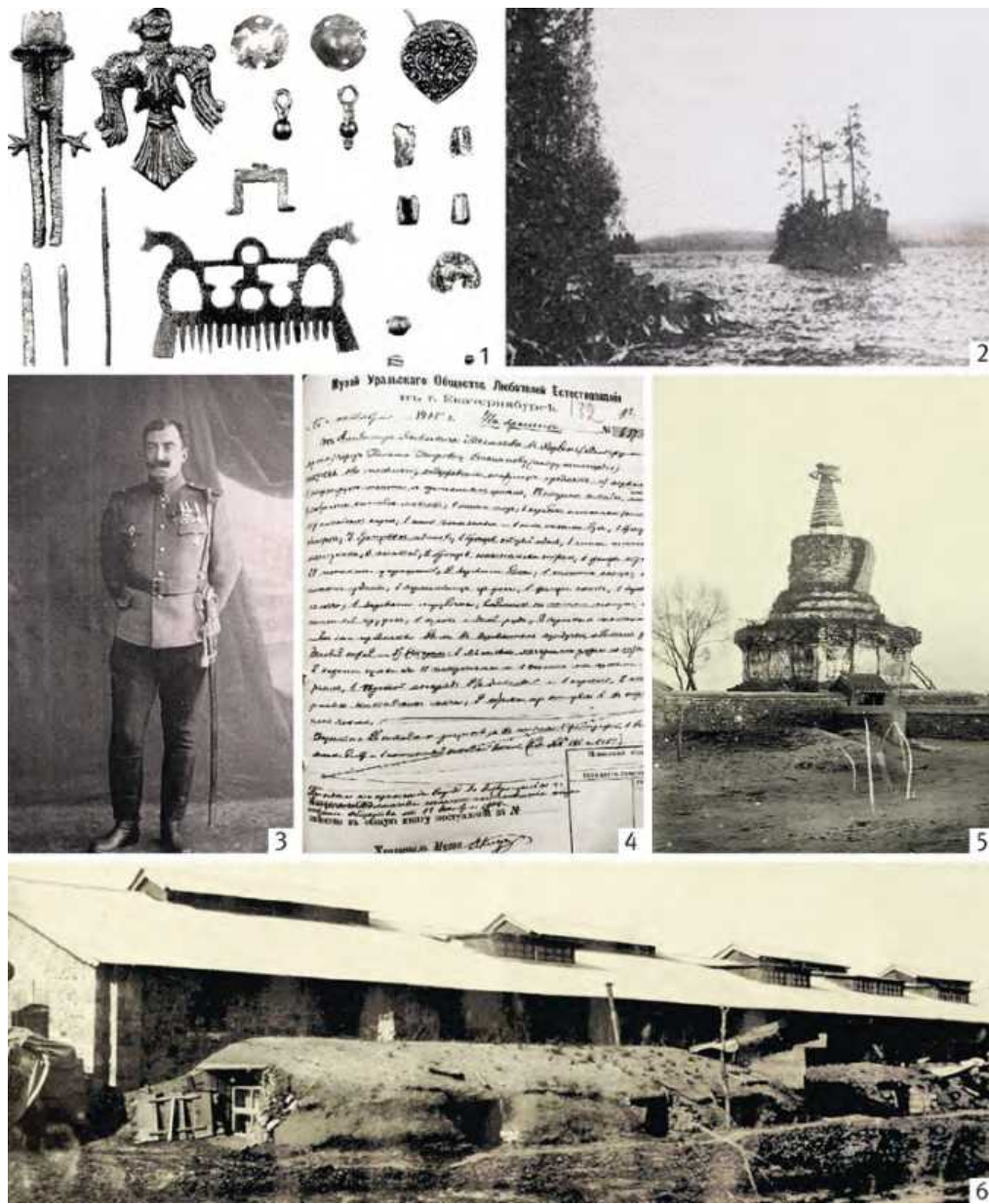

РИС. 2. 1 – бронзовые пряжки и бляшки, иглы и пр. Ильтяковское с., б. Шадринский у., б. Пермская губ. Древности: «идолы». Раскопки и фото В. Я. Толмачёва (НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 34. Нег. III 14067. Оп. 153/542; Прошлое Урала..., 1993. С. 165. Фото 17); 2 – на скалистом берегу озера – писаница. Исетское озеро. Екатеринбургский у., Пермская губ. Фото В. Я. Толмачёва (НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 34. Нег. II 42330–42332. Оп. 153/196–198; Прошлое Урала..., 1993. С. 191. Фото 1); 3 – В. Я. Толмачёв в военной форме. Автор фото неизвестен (ГАСО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 16–17); 4 – акт приемки от 15.10.1905 на хранение в музей УОЛЕ находок, полученных от В. Я. Толмачёва из Харбина (СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 268); 5 – буддийский храм. Фото В. Я. Толмачёва. 1905 (?) г. (ГАСО. Ф. 139. Оп. 1. Д. 16, 17); 6 – военный склад. Харбин. Фото В. Я. Толмачёва. 1905 (?) г. (Там же)

FIG. 2. 1 – bronze buckles and plaques, needles, etc. V. Ilytyakovskoye, former Shadrinskiy Uyezd, Perm Province. Antiquities: 'idols'. Excavations and photo by V. Ya. Tolmachyov (PhD IIMK RAS. Archive group 34, negative III. 14067, inv. 153/542; Прошлое Урала..., 1993. P. 165. Photo 17); 2 – on the rocky shore of the lake – Pisanitsa. Lake Isetskoye. Yekaterinburg Uyezd, Perm Province. Photo by V. Ya. Tolmachyov (PhD of IIMK RAS. Archive group 34, negative II. 42330–42332, inv. 153/196–198; Прошлое Урала..., 1993. P. 191. Photo 1); 3 – V. Ya. Tolmachyov in a military uniform. Photographer unknown (SASR. Archive group 139, inv. 1, file 16–17); 4 – acceptance Act of 15.10.1905 on submitting of the finds received from V. Ya. Tolmachyov from Harbin to the museum of UOLE (SRMLL. Archive group 1, inv. 1, file 268); 5 – Buddhist temple. Photo by V. Ya. Tolmachyov. 1905 (?) (SASR. Archive group 139, inv. 1, file 16, 17); 6 – military depot. Harbin. Photo by V. Ya. Tolmachyov. 1905 (?) (Ibid)

из Харбина через П. П. Степанову — сестру милосердия (Ф СОКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 268) (рис. 2, 4). В 1905 г., совмещая со службой заведующим складом военного имущества в Харбине, ученый продолжает собирать сведения и о древних архитектурных памятниках (рис. 2, 5, 6).

После окончания войны В. Я. Толмачёв служил в ведомстве Министерства финансов в Красноярске, старшим контролером акцизного управления Енисейской губернии. В 1906 г. он предпринял за свой счет «образовательные путешествия» в Индию и Египет, на Цейлон и Малакку (ГАСО. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 3038. Л. 13), а затем поездку по Южной Сибири. Путешествуя в 1907 г. по Енисею до Усинского пограничного округа, Толмачёв собрал коллекцию сибирских древностей, которая вместе с описанием была приобретена Императорской Академией наук (Бирюков, 1964. С. 108; МРС.ВОХ.01_03. Р. 2). В том же году он был избран действительным членом УОЛЕ (Отчет о..., 1908. С. 121).

С 1908 по 1914 г. Толмачёв являлся делопроизводителем Крестьянского поземельного банка Министерства финансов в Санкт-Петербурге. Службу в банке он совмещал с археологической деятельностью, уделяя внимание розыску коллекций и рукописи М. В. Малахова⁷, зарисовывая найденные им и Ф. Ю. Гебауэром вещи для УОЛЕ (ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 33. Л. 14–29). По поручению ИАК с целью изучения археологических памятников Толмачёв осуществляет командировки в Оренбургскую (1908), Самарскую (1909) и Пермскую губернии, представляя в Комиссию подробные отчеты, иногда с приложением атласа древностей (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 95. Л. 4). В 1911 г. Толмачёв возвращается на Урал, где его приглашают работать в музей УОЛЕ. Вероятно, именно в это время он увлеченно занимается рисунком и живописью под руководством

художников Н. М. Плюснина (члена УОЛЕ с 1877 г.)⁸ и А. А. Шереметевского — членов Екатеринбургского общества любителей изящных искусств (Крадин, 2012. С. 123).

По возвращении в Екатеринбург Толмачёв продолжает исследования в области изучения уральских древностей. Он узнает о кладе с загадочными «человечками», представляющем собой 12 медных антропоморфных фигур, который был случайно обнаружен в 1900 г. крестьянином В. М. Говорухиным в 4 км северо-западнее деревни Сапогово близ реки Караболки Шадринского уезда, на земле, принадлежавшей крестьянину Ш. Шмакаеву в селе Больше-Кизилове. Позже в литературе этот клад приобретет известность как «Сапоговский клад» (Толмачёв, 1913а. Табл. I; II — фото Н. А. Терехова). В 1911 г. Толмачёв изучил место находки клада, вскрыв площадь в 150 кв. м, однако никаких признаков присутствия какого-либо памятника выявлено не было. Попытки приобрести клад у владельцев не увенчались успехом. Тогда, по просьбе Толмачёва, ИАК обратилась к пермскому губернатору, который распорядился конфисковать «чудских божков» (Зуев, 1993. С. 95). Так в 1911 г. фигурки в количестве 10 экземпляров (две — потеряны сразу) были изъяты и в этом же году переданы В. Толмачёвым в ИАК (Прошлое Урала..., 1993. С. 137–138. Фото И. Ф. Чистякова, 1912 г.). В 1913 г. он дал подробное описание клада в публикации в «Записках УОЛЕ» (Толмачёв, 1913а. С. 201–207) (рис. 3, 1, 2). В 1914 г. клад поступает в Эрмитаж. Позже, в 1928 г., в Свердловский областной краеведческий музей было передано еще шесть женских фигурок из этой же деревни. Сегодня, по мнению ведущего уральского археолога В. Д. Викторовой, Сапоговский клад металлических фигур помогает воспроизвести структуру воинской организации раннего железного века на Урале (VII в. до н. э. — V в. н. э.) (Викторова, 2012. С. 101–102).

На протяжении ряда лет, в 1911–1919 гг., В. Я. Толмачёв активно занимается систематизацией археологических коллекций музея УОЛЕ, работая над составлением нового каталога. Особое внимание он уделяет Шигирской коллекции. Еще в 1890 г. на Втором Курьинском прииске Шигирского торфяника в 70 км к северо-западу от Екатеринбурга в районе деревни Калата (сейчас г. Кировград Сверд-

⁷ Малахов Михаил Викторович (1856–1885) — уральский археолог. Окончив гимназию в Екатеринбурге, он поступил на естественное отделение Петербургского университета. Являлся членом Императорского РГО и хранителем его музея. Известно, что его коллекции с Палкинского городища были выставлены на Московской антропологической выставке в 1879 г. В начале 80-х гг. XIX в. по заданию РГО он организовал экспедицию по Уралу, которая обнаружила 500 археологических памятников, в т. ч. Шигирский торфяник, «Чудские копии», наскальные рисунки на реках Вишере, Реже, Тагиле. Часть материалов была передана в музей УОЛЕ, а часть осталась в фондах ИАК, где продолжал работать М. В. Малахов. Преждевременная смерть молодого талантливого исследователя прервала его деятельность.

⁸ Плюснин Николай Михайлович (1848–1920) — уральский художник, педагог. С 1875 г. переехал в Екатеринбург. В 1911–1913 гг. Н. М. Плюснин работал учителем рисования Екатеринбургского епархиального училища и руководил иконописной мастерской Ново-Тихвинского монастыря.

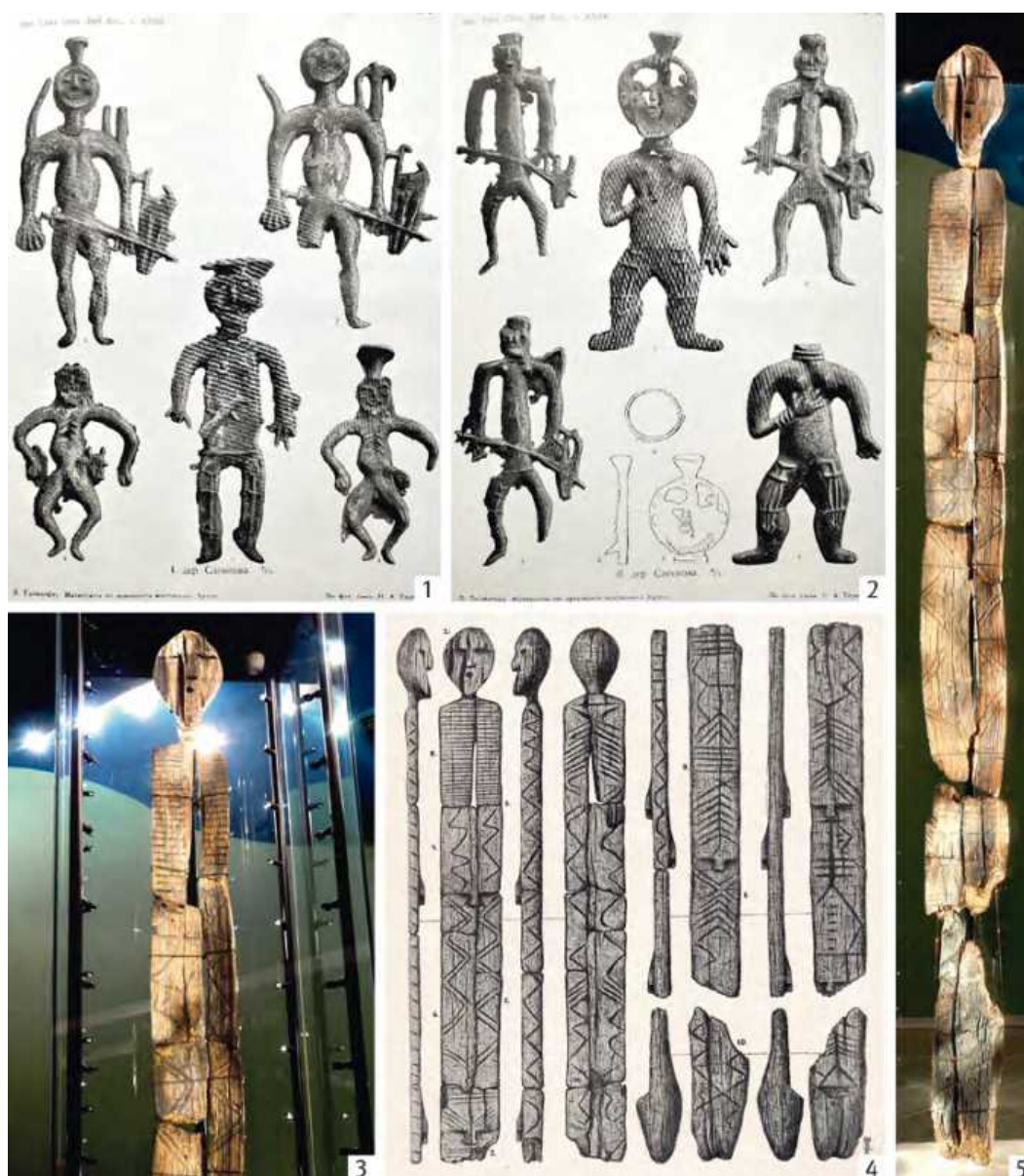

РИС. 3. 1, 2 – «Сапоговский клад» металлических «чудских идолов». Д. Сапогово, б. Екатеринбургский у., б. Пермская губ. (совр. с. Новобурино Кунашакского р-на Челябинской обл.) (Толмачёв, 1913а. С. 96. Табл. I и II; сним. Н. М. Терехова, переснято В. В. Суминым, ноябрь 2020 г.); 3 – «Большой Шигирский идол». Фрагмент. СОКМ, музей истории и археологии Среднего Урала. Екатеринбург. В современной экспозиции «Шигирская кладовая». Фото В. В. Сумина, ноябрь 2020 г.; 4 – деревянный «идол». Курьянский прииск Шигирского торфяника, д. Калата (совр. г. Кировград Свердловской обл.). Прорисовка В. Я. Толмачёва с автографом (Толмачёв, 1916; переснято В. В. Суминым, ноябрь 2020 г.); 5 – «Большой Шигирский идол». СОКМ, музей истории и археологии Среднего Урала. Екатеринбург. В современной экспозиции «Шигирская кладовая». Фото В. В. Сумина, ноябрь 2020 г.

FIG. 3. 1, 2 – ‘Sapogovo hoard’ of metal ‘Chudidols’. V. Sapogovo, former Yekaterinburg Uyezd, Perm Province (modern v. Novoburino, Kunashak District of Chelyabinsk Oblast) (Толмачёв, 1913а. P. 96. Tab. I and II, photo by N. M. Terekhov, re-photographed by V. Sumin, November 2020); 3 – ‘Large Shigir Idol’. Fragment. Sverdlovsk Oblast Museum of Local History, Museum of the History and Archaeology of the Central Urals. Yekaterinburg. In the present-day exposition ‘Shigir storeroom’. Photo by V. Sumin, November 2020; 4 – Wooden ‘idol’. Kurya mine of the Shigir peatbog, v. Kalata (modern city of Kirovgrad, Sverdlovsk Oblast). Redrawing by V. Ya. Tolmachyov with an autograph (Толмачёв, 1916; re-photographed by V. Sumin, November 2020); 5 – ‘Large Shigir Idol’. Sverdlovsk Oblast Museum of Local History, Museum of the History and Archaeology of the Central Urals. Yekaterinburg. In the present-day exposition ‘Shigir storeroom’. Photo by V. Sumin, November 2020

ловской обл.) была обнаружена большая по размерам деревянная скульптура. Дерево пролежало в слое торфа не одну тысячу лет, и извлечь ее из слоя торфа смогли лишь по частям. После неудачных попыток реставрации Шигирского идола предшественниками Толмачёв решил уточнить историю находки и выехал изучить условия первоначального залегания идола на Шигирском торфянике. В 1914 г. УОЛЕ поручило В. Я. Толмачёву выполнить новую реконструкцию музейного экспоната, известного как «Большой Шигирский идол». Толмачёв применил системный подход к реконструкции, группируя фрагменты по совпадению очертаний. Все фрагменты ученый сфотографировал и прорисовал. На опубликованной прорисовке деталей «идола» сохранился автограф В. Я. Толмачёва в виде двух сплетенных букв «ТВ» в правом нижнем углу (Толмачёв, 1916. Табл. II) (рис. 3, 4). Исследователь добился полного совпадения прорисовок орнамента по краям фрагментов (сегодня этот метод можно назвать «создать и собрать пазлы»). В результате деревянная скульптура оказалась высотой около 5,30 м. На деталях четко проявился насыщенный сложным геометрическим орнаментом декор, покрывающий скульптуру со всех четырех сторон. Сложная семантика линий до сих пор не нашла полной интерпретации. Сам Толмачёв считал, что «комбинации из прямых линий в нескольких местах образуют изображения человеческих фигур типа восточно-уральских писанцев». Форму идола он находил похожей на идолов «вогулов и остяков» (Толмачёв, 1916. С. 98). В «Записках УОЛЕ» за 1913 и 1927 гг. были опубликованы две его статьи о находках на Шигирском озере. (Толмачёв, 1913б; 1927). Сегодня получивший всемирную известность «Большой Шигирский идол» признан самой древней деревянной скульптурой, возраст которой составляет около 11 000 лет, и экспонируется он в «Шигирской кладовой» Свердловского областного краеведческого музея им. О. Е. Клера (рис. 3, 3, 5).

В 1913 г. Толмачёв закончил каталог коллекций музея УОЛЕ и представил его на рассмотрение Общества, передав рукопись каталога музею для публикации. Однако впоследствии в фондах музея рукописи не оказалось (Берс, 1959. С. 8), местонахождение ее так и остается неизвестным. На Урале Толмачёв сотрудничает с коллегами — земляками по г. Шадринску: Ю. П. Аргентовским (*Аргентовский*, 1911; ГАСО. Ф. 101. Оп. 3. Д. 71а. Л. 84) и В. П. Бирюковым (*Бирюков*, 1964). В результате их совместных

исследований в музей УОЛЕ поступило немалое количество артефактов из раскопок на берегах озер Багаряк, Иткуль, рек Багаряк, Синара и др.

В 1914 г., продолжая совмещать службу в банке с археологической деятельностью, Толмачёв по просьбе УОЛЕ был «откомандирован» банком в ИАК. Комиссия направила его в район строящейся Казанско-Екатеринбургской железной дороги с целью археологического обследования мест строительства (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 290. Л. 16). Таким образом, В. Я. Толмачёва можно считать одним из первых археологов, работающих в зоне новостроек на Урале. В 1914 г. он также обследовал все известные в то время наскальные изображения в Верхотурском, Ирбитском, Камышловском, Екатеринбургском и Шадринском уездах. Видимо, тогда Толмачёв решает обобщить и издать весь известный к тому времени материал по археологии восточного склона Урала. Свод уральских археологических материалов — «Древности Восточного Урала» — относится к числу важнейших трудов в области археологии этого края. К сожалению, труд остался незаконченным — помешала война (о подробностях неопубликованной части Свода см.: *Овчинникова, Панова*, 1995. С. 82–91). Все же Толмачёв успел опубликовать два первых выпуска своего многотомного издания «Древности Восточного Урала» (Толмачёв, 1913б; 1914), позже выйдет еще один, но без иллюстраций (Толмачёв, 1927).

В 1914 г. Толмачёва призывают на военную службу, и в ноябре он возвращается в Петроград, где представляет в ИАК отчет с чертежами, фотографиями и коллекциями, собранными во время поездок по Волжско-Уральскому региону. Кроме того, довольно значительное количество его фотоснимков, выполненных в 1911–1914 гг. к работе «Древности Восточного Урала», было передано им в ИАК и осталось в фонде А. А. Спицына (ИИМК РАН. ФО. Ф. 34) (рис. 4, 1–4), так же как и материалы, полученные в результате археологических исследований на Урале (*Прошлое Урала...*, 1993. С. 7, 71–77).

Вскоре Толмачёв был мобилизован как прапорщик запаса и отбывал военную службу адъютантом запасного батальона в лейб-гвардии Семеновском полку. В письме к О. Е. Клеру от 6 января 1915 г. он сообщает: «Сейчас обучаю чтению планов и их черчению молодых солдат <...> читаю молодым прапорщикам топографию» (ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 40. Л. 102, 102 об.). Хотя занятия археологией отходят на второй план, однако и в это время ему удается подготовить некоторые материалы к печат-

РИС. 4. 1 – зеркало металлическое, орнаментированное, с древнекитайской или монгольской надписью в прорисовке Витзена. Г. Верхотурье, б. Екатеринбургский у., б. Пермской губ. Музей УОЛЕ. Фото В. Я. Толмачёва (НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 34. Нег. II. 42414. Оп. 153/487; *Прошлое Урала...*, 1993. С. 135. Фото 17); 2 – древности: птицевидные «идолы» (бронза). П. Сысерть, б. Екатеринбургский у., б. Пермской губ. Сысертский музей. Фото В. Я. Толмачёва (Там же. Нег. II. 42399–42401. Оп. 153/448–450; *Прошлое Урала...*, 1993. С. 134. Фото 15); 3 – сосуд (глина). Оз. Исетское, б. Екатеринбургский у. Пермской губ. Музей УОЛЕ. Фото В. Я. Толмачёва (Там же. Нег. II. 42287. Оп. 153/103; *Прошлое Урала...*, 1993. С. 136. Фото 19); 4 – древности, д. Замараева, Пермская губ. Фото В. Я. Толмачёва (Там же. Нег. II. 42465–42468, III. 14000–14004. Оп. 153/338–346; *Прошлое Урала...*, 1993. С. 128. Фото 3); 5 – сабля китайская «дао». Из коллекции В. Я. Толмачёва (СОКМ. СМ-665. О-263. Фото В. В. Сумина, 2020 г.); 6 – палаш китайский двуручный. Из коллекции В. Я. Толмачёва (Там же. СМ-749. О-265. Фото В. В. Сумина, 2020 г.)

Fig. 4. 1 – mirror, metal, ornamented, with an ancient Chinese or Mongolian inscription in redrawing by Vitzen. Town of Verkhoturys, former Yekaterinburg Uyezd, Perm Province. Museum of UOLE. Photo by V. Ya. Tolmachyov (PhD of IIMK RAS. Archive group 34, negative II. 42414, inv. 153/487; *Прошлое Урала...*, 1993. P. 135. Photo 17); 2 – antiquities: bird-like ‘idols’ (bronze). Urban settlement of Sysert, former Yekaterinburg Uyezd, Perm Province. Sysert museum. Photo by V. Ya. Tolmachyov (Ibid. Archive group 34, negative II. 42399–42401, inv. 153/448–450; *Прошлое Урала...*, 1993. P. 134. Photo 15); 3 – vessel (clay). Lake Isetskoye, former Yekaterinburg Uyezd, Perm Province. Museum of UOLE. Photo by V. Ya. Tolmachyov (Ibid. Archive group 34, negative II. 42287, inv. 153/103; *Прошлое Урала...*, 1993. P. 136. Photo 19); 4 – antiquities. V. Zamarayeva, Perm Province. Photo by V. Ya. Tolmachyov (Ibid. Archive group 34, negative II. 42465–42468, III. 14000–14004, inv. 153/338–346; *Прошлое Урала...*, 1993. P. 128. Photo 3); 5 – Chinese sabre ‘dao’. From V. Ya. Tolmachyov’s collection (SRMLL. СМ-665. О-263. Photo by V. Sumin, 2020); 6 – chinese two-hand broadsword. From V. Ya. Tolmachyov’s collection (Ibid. СМ-749. О-265. Photo by V. Sumin, 2020)

ти. В 1915 г. Толмачёв закончил «Археологическую карту Зауральской части Пермской губернии», где им было отмечено 400 памятников, но издать ее он не успел⁹.

В 1917 г. из запасных учебных батальонов была сформирована 1-я гвардейская резервная бригада, в которой Толмачёв получает должность старшего адъютанта. Однако уже в сентябре он был демобилизован по состоянию здоровья и вернулся в Екатеринбург с женой — Екатериной Петровной (1892 г. р., г. Санкт-Петербург, специальность — бухгалтер). В 1918 г. у них родилась дочь Елена (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 47600. Л. 5, 6).

В 1917–1918 гг. Толмачёв являлся выборным лектором в Высшей педагогической школе, читал лекции в Народном университете Екатеринбурга, принимал активное участие в его работе, являясь членом правления университета. Одновременно он служил сотрудником земельного отдела городского Совета рабочих и крестьянских депутатов, а также делопроизводителем канцелярии попечителя Оренбургского учебного округа (ГАСО. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 3038. Л. 67). В 1919 г. Толмачёв становится хранителем музея Екатеринбургской земской управы; позже в опросных анкетах в Харбине он назовет свою должность — «заведующий центральным музеем учебных коллекций», в подчинении которого находится 37 районных музеев (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 47591. Л. 18). Заметим, что с приходом советской власти на Урал Толмачёв подал заявление о добровольной передаче доставшегося ему от отца имения на р. Синаре. Когда Красная армия на Урале временно отступила на запад, местная антисоветская группировка начала травлю археолога за сотрудничество с большевиками (Бирюков, 1964. С. 111).

Видимо, в первой половине 1919 г. Толмачёв был вынужден покинуть родные края. Следуя с семьей маршрутом эвакуации из районов Урала по линии Транссибирской магистрали, они достигают Дальневосточной республики (ДРВ) и оказываются в Чите. Можно согласиться с предположением С. В. Алкина, что такой вариант миграции мог внушать В. Я. Толмачёву надежду на возможность не покидать Россию вообще (Алкин, 1999. С. 70). В Чите заметно его активное участие в Комиссии по реор-

ганизации краевого музея, что зафиксировано протоколом заседания от 19 ноября 1920 г. Он становится членом Забайкальского отделения Российского Географического общества (ЗОРГО), выступает с сообщением об археологических находках в окрестности г. Читы, проводит сборы артефактов на берегах оз. Кенон. Им передано большое количество находок со стоянок каменного века в местный музей (Алкин, 1994. С. 18).

Толмачёв продолжает совмещать археологические исследования края с гражданской службой в Областной земской управе. Он работает делопроизводителем управления Уполномоченного министерства народного просвещения (правительства ДРВ), а в конце 1920 г. назначается на должность инструктора Отдела искусств секции охраны памятников искусств и старины. Позже Толмачёв избирается на должность заведующего отделом мастерской учебных пособий Минпроса ДРВ (Алкин, 1999. С. 71). В анкете БРЭМ он упоминает о работе в лаборатории, где занимались обжигом гипса при изготовлении строительного материала (Киселев и др., 2013а. С. 497): занятие, которое было хорошо ему знакомо по работе на своих Мельницах. Нужно отметить, что, несмотря на занятость по службе, Толмачёв продолжает активно участвовать в научной жизни Забайкалья, занимаясь археологией, о чем свидетельствует его публикация о предметах «костяного века» из Восточной Сибири (Толмачёв, 1929). В 1921 г. он был принят в качестве «постоянного преподавателя» в Государственный институт народного образования (ГИНО), где читал лекции по истории материальной культуры и геологии (MRC.BOX. 01_07. P. 3). Кроме того, он организует и заведует мастерской учебных коллекций Читинской управы. В том же году Толмачёв был принят в действительные члены Читинского отделения Приамурского отдела РГО. Но в октябре 1921 г. он просит (по непонятным причинам) об увольнении со службы в мастерской учебных пособий, а 14 февраля следующего года по неизвестным обстоятельствам выбывает из числа преподавателей ГИНО (Алкин и др., 2001. С. 180).

В июле 1922 г. Толмачёв покидает Читы и с семьей переезжает в Харбин, имея при себе паспорт ДРВ. В анкетах БРЭМ цель переезда обозначена как выезд в Америку, но, как отмечает позже сам Толмачёв, «при недостатке средств осуществить этой поездки не мог» (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 47591. Л. 21). Первое время в Харбине он работает десятником на стройке у своего брата, инженера-строителя.

⁹ Карта опубликована в 2009 г. (Овчинникова, 2009. С. 128–131. Рис. 2, л. 1–4); в 2012 г. карта публикуется вновь, но уже с Приложением «Археологические памятники, расположенные в различных районах, упоминаемые в черновиках архива Вл. Толмачёва» (Овчинникова, 2012. С. 31–32, 39–40).

В то время в городе создается Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК), и Толмачёв становится его членом (1923), при этом он активно занимается организацией выставок, посвященных юбилеям г. Харбина и КВЖД. В 1924 г. при ОИМК он создает торгово-промышленный и археологический отделы.

В 1925 г. Толмачёв поступает на службу на Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), где происходит замена его паспорта гражданина ДРВ на советский паспорт. При КВЖД он формирует «тарифно-показательный музей» и до 1 апреля 1935 г. возглавляет его в должности временного хранителя (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 47591. Л. 28). Все археологические исследования Толмачёва в этот период осуществлялись в границах района прохождения линии КВЖД. Он обследовал окрестности городов Харбин и Хайлар, бассейн реки Хайлань и другие районы.

В 1927 г. по приглашению токийского Дальневосточного археологического общества (ДАО) Толмачёв принимает участие в раскопках на юге Ляодунского полуострова (Алкин, 1999. С. 77). Вообще он принимает активное участие в изучении древних памятников Северной Маньчжурии, составляет археологическую карту этого района, отметив на ней 400 пунктов, пишет ряд статей. В этом плане интересен факт, отмеченный в работе А. В. Шмелева, который свидетельствует о том, что в коллекции А. С. Лукашкина¹⁰ — бывшего директора музея ОИМК (1932–1941 гг.) — есть два альбома фотографий, сделанных на строительстве Хухайской железной дороги коллегой А. С. Лукашкина «профессором В. Я. Толмачёвым, археологом и зоологом, основателем и куратором железнодорожного музея в Харбине...» (Шмелев, 2005. С. 176–186). Сам Толмачёв в резюме для Шанхайского музея сообщал о том, что «исследовал ряд мест в Северной Маньчжурии и установил для нее — палеолит, неолит и присутствие скифо-сибирской культуры» (MRC.VOX.01_03. P. 2). По приглашению ДАО он участвует в Токио в крупномасштабных раскопках на юге полуострова Ляодун. Заметим, в это время в Токио проживала его племянница (дочь сестры) — Мария Клер, швейцарская подданная (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 47591. Л. 27). Среди своих знакомых В. Я. Толмачёв

в анкете указывает также «ниппонских» профессоров Самамура и Кобояси, а также директора Японского музея Кавасуми (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 47591. Л. 15 об.). Не исключено, что благодаря их содействию в 1928 г. Толмачёв получил приглашение на съезд археологов в Киото в качестве члена Восточно-Азиатского археологического общества. К сожалению, участвовать в нем он не смог, т. к. не получил отпуск на службе.

Интересы исследователя не замыкались только на древней истории. Известно, что в течение шести лет Толмачёв преподавал в Харбине товароведение ответственным сотрудникам КВЖД (MRC.VOX.01_07. P. 3). К началу 1933 г. им было опубликовано 17 статей, посвященных изучению товарного рынка в Маньчжурии: о шелководстве, изготовлении крахмальной визиги, зерновых продуктах и др. По мнению С. В. Алкина, многие из этих статей и сегодня могут быть интересны для этнографии края (Алкин, 1994. С. 19).

Несмотря на сложности и трудности «харбинского» периода жизни, Толмачёв не забывает про Урал. Он добивается разрешения высылки его рукописных материалов, необходимых для продолжения работы над «Древностями Восточного Урала» (ГАСО. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 3038. Л. 70; Ф. 101. Оп. 3. Д. 71а. Л. 84). Известно, что рукописи к отправке в Харбин готовил его земляк В. П. Бирюков, который хорошо был знаком с их содержанием. Очевидно, что научная деятельность Толмачёва в большей степени все-таки была связана непосредственно с археологией. И в этой области его научный кругозор был чрезвычайно широким, авторитет — неоспоримым. Его интересовали древности всех тех районов, где ему приходилось бывать. Но, где бы он не был, главной работой его жизни оставалось составление всеобъемлющего свода археологических материалов Урала — это «Древности Восточного Урала».

23 марта 1935 г. в Токио было подписано Соглашение между СССР и Маньчжоу-го об уступке прав СССР в отношении КВЖД. Советским гражданам предписывалось выехать в СССР, начиналась массовая эвакуация. Как и многие советские граждане, оставшиеся в Маньчжурии, члены семьи Толмачёвых возбуждают ходатайство о переходе в эмигрантское состояние (апрель 1935 г.) и отказываются от советского гражданства. В начале декабря 1936 г. семья Толмачёва выехала из Харбина в Шанхай (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 47600. Л. 5 об. продолж.; МРК. Кол. № 616. К. № 4. П. № 9. Л. 0002).

¹⁰ Лукашкин Анатолий Стефанович (1901–1988) — уроженец Южной Маньчжурии (Ляолянь), биолог по образованию, куратор музея ОИМК в 1932–1941 гг., эмигрировал в 1941 г. в США, с 1954 г. — председатель Музея русской культуры в Сан-Франциско.

Русский эмигрантский комитет в Шанхае помог В. Я. Толмачёву и всем членам его семьи получить паспорта Китайской республики. Заметим, в анкете для получения паспорта от 5.07.1938 г. по неясным обстоятельствам Толмачёв указывает дату своего рождения как 1889 г. (МРК. Кол. № 616. К. № 4. П. № 9. Л. 0001). Между тем, как известно по Личному делу В. Я. Толмачёва, согласно всем анкетам БРЭМ, которые он заполнял лично, дата его рождения указывается как 21 ноября 1876 г. Свою профессию он описал так: «Музеевед, ученый археолог и натуралист, спец. занятия — живопись, товароведение» (МРК. Кол. № 616. К. № 4. П. № 9. Л. 0003). Его дочь Елена в 1937 г. вышла замуж за русского эмигранта и взяла фамилию мужа — Корейша. Также следует указать, что В. Я. Толмачёв в 1937–1938 гг. в Шанхае работал учителем в 1-ом русском реальном училище им. А. С. Пушкина, затем в училище им. Н. И. Пирогова. В 1938 г. Толмачёв получает от К. Ф. Егорова¹¹ приглашение читать лекции по естественным наукам в Академии заочного обучения в Тяньцзине, где имеется и Археологический факультет (MRC.VOX.01_07. P. 2). В Шанхае Толмачёв становится одним из основателей кружка любителей естествознания. Археология по-прежнему продолжает оставаться в центре его внимания. Неслучайно А. М. Тальгрэн, редактор журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua», в письме Толмачёву от 17.02.1937 из Хельсинки так описывает содержание XI выпуска журнала, выход которого планирует в мае месяце: «Он содержит некоторые темы, которые м. б. содержит темы, которые доставляют Вам некоторый интерес: археологическая бронзовая культура; Оглахтинские вещи <...> Нак из Минусинска; заметки о Оренбургских каменных блюдах и пр.». В этом же номере А. М. Тальгрэн планирует издать статью В. Я. Толмачева «о железных стрелах» (MRC.VOX.01_09. P. 1).

Всего количество опубликованных работ Толмачёвым — по данным анкеты русского эмигрантского комитета в Шанхае от 5.07.1938 — уже насчитывало около 100 (МРК. Кол. № 616. К. № 4. П. № 9. Л. 0003).

В течение двух лет Толмачёв состоял членом и секретарем Гимнастического Общества «Русский

¹¹ Егоров Константин Федорович (1876–?) — горный инженер, выпускник двух институтов Санкт-Петербурга — Горного и Археологического. Даже в период эмиграции (Китай, США) коллеги отмечали К. Ф. Егорова как достойного представителя сообщества горных инженеров Российской империи.

Сокол», популярного в то время в ряде стран. В Китае оно зародилось в 1930-е гг., когда инициативная группа русских офицеров, юнкеров и моряков образовала общество в Шанхае и в Тяньцзине. К 1940 г. Общество «Русский Сокол» стало не столько спортивным, сколько приобрело общественно-политическую направленность, руководствуясь идеей панславизма (Астафьев, 2012. С. 60–61). Исследователями отмечалось и то, что Толмачёв был «горячим блюстителем чистоты русского языка, засоряемого и искаженного в эмиграции. Его посмертной работой явилась почти законченная книга о чистоте русской речи» (Шаронова, 2013, С. 439).

Весной 1937 г. Толмачёв попал в автокатастрофу. Долго болел и лечился. Вероятно, именно в это время он особое внимание уделял занятию живописью. 18 июня 1939 г. в Шанхае состоялась публичная выставка картин и этюдов В. Я. Толмачёва. Выставка проходила как раз в зале спортивной национальной организации «Русского Сокола». Вход — свободный, бесплатный. На выставке было представлено 63 работы, написанных им в период 1927–1937 гг. (MRC.VOX.01_04). В многочисленных отзывах на его работы отмечался профессионализм, посетители свидетельствовали, что в его картинах присутствуют «лиризм письма, особая славянская мягкость, которые дают возможность бесконечно смотреть...» (MRC.VOX.01_04. P. 7). Особое внимание привлекали картины «Мельница на Урале», «Закат» и др. Позже три его работы (в том числе «Русская церковь на Ру Корнелле» и две работы «Джесфилд парк») были воспроизведены в Книге «Бриллиантовый юбилей международного селтльмента Шанхая» (1940). Как отмечает исследователь этой «Книги» Т. А. Лебедева, «все три пейзажа выполнены с натуры в традиционной реалистической манере. Они «необитаемы». В них царит природа и восхищение ее красотой и умиротворенностью» (Лебедева, 2009. С. 30). Хотя выставка продолжалась всего один день, был издан каталог картин и этюдов В. Я. Толмачёва. В каталоге также был опубликован и список всех статей автора, напечатанных им с 1913 по 1938 г. на русском, английском, немецком и французском языках (MRC.VOX.01_04. P. 2–5). Свои работы автор разделил по темам: 1) по истории материальной культуры; 2) по биологии; 3) по товароведению; 4) по филателии. Здесь также публикуется информация об «изделиях мастерской учебных коллекций В. Я. Толмачёва...» (MRC.VOX.01_04. P. 13–19). Между тем жизнь

в Шанхае для Толмачёва становилась все сложнее, о чем свидетельствуют несколько строк из его переписки с К. Ф. Егоровым: «Мои планы — любая работа. Моя мечта — приготовление научных и учебных коллекций <...> повсюду нищета <...>. Я меняю комнату» (MRC.VOX.01_07. P. 3).

Владимир Яковлевич хлопочет о возвращении на Родину. Получив разрешение на въезд в Россию и получение советского гражданства, в 1942 г. Толмачёв с женой поездом отправляются домой. Но до Урала археолог не доехал, в пути он заболел и умер, успев переслать большую часть материалов своих исследований на Урал (*Бирюков*, 1964. С. 111). Жена, видимо, не решилась одна продолжать путь и вернулась в Шанхай. О смерти Толмачёва последовало сообщение в газете «Шанхайская Заря» от 8 мая 1942 г.: «Профессор. [слово не закончено, очевидно, «профессорша» или «жена профессора». — Б. О.] Екатерина Петровна Толмачёва, дочь и зять извещают друзей и знакомых о том, что вчера, 7-го мая в 2 часа дня, скончался профессор Владимир Яковлевич Толмачёв». Некролог подписали: Лига русских женщин, Е. Л. и В. Ф. Божко. Похоронен В. Я. Толмачёв в Шанхае на кладбище Люкавей. На следующий день в этой же газете был опубликован некролог (*Шаронова*, 2013. С. 437–439). Впоследствии жена Толмачёва переехала в Сан-Франциско, где проживал его брат Николай.

Архив своего мужа Екатерина Петровна передала в полное распоряжение его друга И. В. Козлова¹², который работал вместе с ним в Харбине с 1923 по 1930 г. (MRC.VOX.01_02. P. 7). В 1947 г. И. В. Козлов, понимая научную значимость исследований В. Я. Толмачёва и пытаясь сохранить его научное наследие, предлагает материалы из архива ученого различным профильным организациям — музеям и академическим учреждениям, распределив их по направлениям. С этой целью он отправил информационные письма по нескольким адресам, в том числе: в «Академию наук, г. Шанхай (о зер-

новых культурах); в Департамент Lingnan университета Canton, Китай (книги о пище); в Русскую Академию наук, г. Москва (исследования по Китаю с 1920 по 1942 г.; каталог картин с выставки в Шанхае); Директору Энтомологического музея, г. Париж (сведения по Китаю); в Американское консульство в Шанхае (в агрокультурный отдел)» (MRC.VOX.01_09. P. 1–10). Получил ли И. В. Козлов ответы на письма, и были ли отправлены им материалы Толмачёва по адресатам — неизвестно. Вероятнее всего, наиболее полная часть зарубежного архива Толмачёва поступила в архивы Гуверовского института и Музея русской культуры в Сан-Франциско. Основатели этого музея — П. Ф. Константинов, А. С. Лукашкин — такими словами определили значение его создания: «Это новое в США общественное хранилище материалов о нашем прошлом, о духовном творчестве лучших людей эмиграции и о всем том, что освещает частную и общественную жизнь и быт русских людей, рассеянных по разным странам. Российская эмиграция имела в своих рядах талантливых ученых <...>. К сожалению, о многих из них сохранились лишь разрозненные сведения <...>. Назовем В. Я. Толмачёва — экономиста, археолога и краеведа, члена обществ русских ориенталистов и изучения Маньчжурского края. В его коллекции хранятся путевые дневники, письма, наброски статей по археологии, геологии и фауне Маньчжурии. Вероятно, кто-то из родственников, переехавших в Америку, передал эти материалы в музей» (*Хисамутдинов*, 1999).

В заключение хотелось бы привести слова из письма Н. М. Тальгрена, обращенные к Владимиру Яковлевичу Толмачёву: «Ваши археологические знания были бы так важны для науки, и как мне кажется, археология — она самая великая любовь Вашей жизни!» (MRC.VOX.01_09. P. 1). Действительно, археология в судьбе В. Я. Толмачёва являлась смыслом всей его жизни.

¹² Козлов Иннокентий Валерьянович (1898–1984) — ботаник, опубликовал множество работ о природе Приморья, Маньчжурии и США. Он известен как первооткрыватель динозавров на территории России. В эмиграции (с 1922 г.) работал на опытной станции «Эхо», был членом Общества изучения Маньчжурского края в Харбине (*Хисамутдинов*, 2016. С. 101). Из-за прихода японцев уехал в Тяньцзянь (1931), работал в музее. Занимался описанием гербария, собранного рериховской Маньчжурско-монгольской экспедицией (1934–1935). С 1939 г. работал в Шанхае в музее естествознания (Heude). В дальнейшем ученый эмигрировал в США, преподавал в гимназии в Сиэтле, затем проживал в Сан-Франциско.

Литература и источники

- Алкин, 1994 — Алкин С. В. В. Я. Толмачёв в Китае (1922–1942 гг.) // II Берсовские чтения: Мат-лы науч. конф. / Отв. за вып. А. Г. Нестеров. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1994. С. 18–21.
- Алкин, 1999 — Алкин С. В. Археолог Владимир Яковлевич Толмачёв // «...на пользу и развитие русской науки»: Сб. ст. / Ред.-сост.: М. В. Константинов, А. В. Константинов. Чита: Забайк. гос. пед. ун-т, 1999. С. 67–79.
- Алкин, 2005 — Алкин С. В. Археолог Владимир Яковлевич Толмачёв // На пользу и развитие русской науки / 2-е изд., доп. и перераб. / Отв. ред.: А. Д. Столяр, Ю. В. Иванова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. С. 90–100.
- Алкин и др., 2001 — Алкин С. В., Панина С. Н. Археолог (Владимир Яковлевич Толмачёв) // Забытые имена: статьи и очерки. Владивосток: Дальнаука, 2001. Вып. 2. С. 176–184.
- Аргентовский, 1911 — Аргентовский Ю. П. Археологические находки в дюнах близ дер. Могилевой Кондинской волости Шадринского уезда // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1911. Т. XXXI. С. 30–33.
- Астафьев, 2012 — Астафьев Д. А. Молодежные движения России: история и современность: Учеб. пособие. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2012. 176 с.
- Бендик, 1996 — Бендик Н. Н. Краткий обзор фондов русской эмиграции в Северной Маньчжурии в 1922–1945 гг. // Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург: Русская энциклопедия, 1996. № 1. С. 145–146.
- Берс, 1959 — Берс Е. М. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея / Отв. за вып. Ю. А. Буранов. Свердловск: Свердловский областной краеведческий музей, 1959. 82 с.
- Бирюков, 1964 — Бирюков В. П. Записки уральского краеведа. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1964. 144 с.
- Викторова, 2012 — Викторова В. Д. Образы предков в представлениях древних людей (эпоха металла) // Вестник УрО РАН. Наука. Общество. Человек. Екатеринбург: Издательский дом «Автограф», 2012. № 4 (42). С. 97–107.
- ГАСО. Ф. 101. Личный фонд Толмачёва. Оп. 3. Д. 26, 71а; Ф. 139. Оп. 1. Д. 16, 17.
- ГАСО. Ф. 140. Письма В. Толмачёва О. Е. Клеру. Оп. 1. Д. 6, 13, 31, 33, 40.
- ГАСО. Ф. Р–2266. Письма В. Толмачёва В. Бирюкову. Д. 3038.
- ГАХК. Ф. Р–830. Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи; г. Харбин. Оп. 3, Д. 738, 47591, 47600.
- Длужневская и др., 2010 — Длужневская Г. В., Мусин А. Е., Овчинникова Б. Б. Урал в исследованиях Императорской Археологической Комиссии: история и лица // Наука, общество, человек: Вестник Уральского отделения РАН. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН. 2010. № 1 (3). С. 85–99.
- Зорина, 1996 — Зорина Л. И. Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала // Ученые записки Свердловского областного краеведческого музея. Екатеринбург: Банк Культурной Информации, 1996. Т. 1. 208 с.
- Зуев, 1993 — Зуев В. Ю. «Пляшущие человечки» Сапоговского клада // Ad Polus. Сборник статей памяти Л. П. Хлобыстина / Отв. ред. Г. Н. Грачёва. СПб.: Фарн, 1993. С. 95–103. (АИ; Вып. 10).
- ИИМК РАН. НА. РО. Фонд 1. Отчеты за Толмачёва В. Я. 1911–1914 гг. Оп. 1. Д. 95, 290.
- ИИМК РАН. НА. ФО. Снимки В. Я. Толмачёва. Фонд Спицына А. А. Ф. 34. Оп. 153.
- Императорская..., 2009 — Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Под общ. ред. Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1192 с.
- Киселёв, Киселёва, 2013а — Киселёв Е. А., Киселёва Н. А. Биография археолога В. Я. Толмачёва — новые данные // Десятые Татищевские чтения: Мат-лы всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. Г. Е. Корнилова. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2013. С. 496–498.
- Киселёв, Киселёва, 2013б — Киселёв Е. А., Киселёва Н. А. Биография археолога В. Я. Толмачёва по материалам архива БРЭМ // «Грибушинские чтения — 2013. Кунгурский диалог»: Тезисы докладов и сообщений IX Междунар. социально-культурного форума (г. Кунгур, 22–27 апреля 2013 г.) / Редкол.: С. М. Мушкалов, О. А. Ренёва, С. Т. Лапшина. Кунгур: Кунгурский музей-заповедник, 2013. С. 298–300.
- Крадин, 2012 — Крадин Н. П. Русские художники в Китае (236 персоналий) // История и культура Приамурья. Хабаровск, 2012. № 2 (12). С. 40–136.
- Лебедева, 2009 — Лебедева Т. А. Книга «Бриллиантовый юбилей международного селтльмента Шанхая» как памятник культуры и художественной жизни Шанхая 1930-х годов // Книжная культура Ярославского края: Мат-лы науч. конф. (Ярославль, 8–9 октября 2008 г.). Ярославль: Конверсия — Высшая школа бизнеса, 2009. С. 18–34.
- МРК. Анкета (Опросный лист. Русский Эмигрантский комитет в Шанхае) и письма В. Н. и П. М. Алиных из Харбина В. Я. Толмачёву в Шанхай. 1937–1941. Кол. № 616. К. № 4. П. № 9. Л. 0003.
- Овчинникова, 2009 — Овчинникова Б. Б. Уральское археологическое наследие В. Я. Толмачёва // Урал в зеркале тысячелетий: В 2-х кн. Кн. 2 / Отв. ред. Б. Б. Овчинникова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. С. 5–17.; ил. С. 127–136. (Очерки истории Урала; Вып. 51).
- Овчинникова, 2012 — Овчинникова Б. Б. Прошлое Урала в исследованиях Императорской Археологической Комиссии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Историческая уралистика и русистика на Урале и в Будапеште: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Г. Дьёни. Budapest: Russica Pannonicana, 2012. С. 7–41.
- Овчинникова, Панова, 1988 — Овчинникова Б. Б., Панова О. Ю. Архивное наследие В. Я. Толмачёва // Историко-географическая общественная мысли дореволюционного Урала / Отв. ред. Р. Г. Пихоя. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1988. С. 62–69.
- Овчинникова, Панова, 1995 — Овчинникова Б. Б., Панова О. Ю. О «Древностях Восточного Урала» В. Я. Толмачёва. // Памяти Онисима Егоровича Клера: к 150-летию со дня рождения: Мат-лы науч.-практ. конф. Екатеринбург, февраль 1995 г. / Отв. ред. А. Г. Не-

- стеров. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. С. 82–91.
- Отчет о..., 1908 — Отчет о деятельности УОЛЕ в 1907 г. // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1908. Т. 24. С. 120–124.
- Плотников, 1998 — Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: Жизнь и деятельность. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 320 с.
- Прошлое Урала..., 1993 — Прошлое Урала в фотографиях. Каталог фотоархива Института истории материальной культуры РАН: Справ. изд. / Отв. ред. Б. Б. Овчинникова Екатеринбург: Виролл, 1993. 196 с.
- Толмачёв, 1913а — Толмачёв В. Я. Деревня Сапогова. Близ реки Караболки, Шадринского уезда // Записки УОЛЕ. Екатеринбург: Тип. Ершова и К., 1913. Т. XXXII. Вып. 2. С. 201–207, с табл. I и табл. II.
- Толмачёв, 1913б — Толмачёв В. Я. Древности Восточного Урала, материалы по первобытной и исторической бытовой археологии Зауральской части Пермской губернии // Записки УОЛЕ. Екатеринбург: Типография Е. Н. Ершова и К°, 1913. Т. XXXII. Вып. 2. С. 196–206.
- Толмачёв, 1914 — Толмачёв В. Я. Древности Восточного Урала, материалы по первобытной и исторической бытовой археологии Зауральской части Пермской губернии // Записки УОЛЕ. Екатеринбург: Типография Ершова и К., 1914. Т. XXXIV, вып. 9–10. С. 163–266.
- Толмачёв, 1916 — Толмачёв В. Я. Деревянный идол из Шигирского торфяника // Изв. ИАК. СПб., 1916. Вып. 60. С. 94–99.
- Толмачёв, 1927 — Толмачёв В. Я. Древности Восточного Урала, материалы по первобытной и исторической бытовой археологии Зауральской части Пермской губернии // Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1927. Т. 40. Вып. 2. С. 55–83.
- Толмачёв, 1929 — Толмачёв В. Я. Предметы «костяного века» из Восточной Сибири // Сообщения ГАИМК. Л., 1929. Т. II. С. 334–338.
- Ф СОКМ. Коллекция оружия. Из коллекции В. Я. Толмачёва. СМ–665, О–263, СМ–749, О–265.
- Ф СОКМ. Ф. 1. Акты от 28 декабря 1904 г. и от 15 октября 1905 г. о полученных посылках от В. Я. Толмачёва из Харбина. Оп. 1. Д. 268 (за период с 23.07.1904 по 22.04.1906).
- Хисамутдинов, 1999 — Хисамутдинов А. А. Музей русской культуры в Сан-Франциско: Материалы дальневосточной эмиграции // Отечественные архивы. М., 1999. № 5. С. 22–29.
- Хисамутдинов, 2016 — Хисамутдинов А. А. У истоков дальневосточной науки: энтузиасты из Уссурийска // ДВО РАН. История и археология. 2016. № 3. С. 95–106.
- Шаронова, 2013 — Шаронова В. Г. Некрополь русского Шанхая. М.: Старая Басманная, 2013. 520 с.
- Шмелев, 2005 — Шмелев А. В. К истории русской эмиграции в Китае: архивные фонды Музея русской культуры на микрофильме // Документальное наследие русской культуры в отечественных архивах и за рубежом: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. 29–30 октября 2003 г. М.: РОССПЭН, 2005. С. 176–186.
- Яркин, 1961 — Яркин А. В. Материалы по археологии Зауралья в архиве В. Я. Толмачёва // Итоги и проблемы изучения археологии Урала: Второе Урал. археол. совещание при Урал. ун-те, 1–7 февр. 1961 г. / Отв. ред. В. Ф. Генинг. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1961. С. 142–145. (Вопросы археологии Урала; Вып. 1).
- MRC. Tolmachev. BOX.01_03. Резюме Толмачёва В. Я.
- MRC. Tolmachev. BOX.01_04. Книга отзывов и каталог выставки В. Я. Толмачёва.
- MRC. Tolmachev. BOX.01_07. Письма от Егорова К.
- MRC. Tolmachev. BOX.01_09. Письмо от Тальгрена А. М.

Vladimir Yakovlevich Tolmachev: the fate of an archaeologist

B. B. Ovchinnikova, V. V. Sumin

Modern science ever more frequently turns to the scientific and cultural heritage of the creative intelligentsia of Russia at the boundary between the 19th–20th century. Examination of the sources at the collections and archives of both national (O. E. Kler Sverdlovsk Museum of Local History, Institute for the History of Material Culture RAS, etc.) and foreign institutions, in particular, collections of the Bureau of Russian Emigrants (BREM) at the State Archives of Khabarovsk Kray, as well as archives in U.S. — the Hoover Institute and the

Museum of Russian Culture in San-Francisco — enabled to fill the unknown pages of the life and activities of the Ural scholar and one of the founders of the Ural archaeology — Vladimir Yakovlevich Tolmachev (1876–1942). As a representative of the ‘first wave’ of the Russian emigration in China, he succeeded to make an essential contribution not only to Russian archaeology but also to archaeology of the Far East and China, as well as to Russian culture abroad. A number of documents and photos are here first published.

ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Рельеф как внешний фактор в развитии традиций полукочевого скотоводства народов Алтае-Саяно-Хангайского нагорья и Тянь-шане-восточно-туркестанских гор

А. В. Соколов¹

АННОТАЦИЯ: *Статья находится в русле работ по этногеографии и в ней рассматривается вопрос о роли рельефа в комплексе особенностей хозяйства и материальной культуры этнографических скотоводов-полукочевников Алтае-Саяно-Хангайского нагорья и Тянь-шане-восточно-туркестанских гор. В ходе обобщения научных данных автор выявляет типологический набор рельефно-ландшафтных условий, характеризующих основной ареал полукочевого скотоводческого хозяйства в границах названного региона.*

ABSTRACT: *The article is congruent with ethnographic researches and discusses the role of the landform within a set of economic characteristics and the material culture of ethnographic semi-nomadic herders in the region of the Altay-Sayan-Hangay highlands and the Tian Shan mountains in East Turkestan. Having reviewed a body of research evidence, the author conducted an analysis in order to identify a typological set of landform and landscape conditions that describe the main area of the semi-nomadic cattle breeding within the limits of the region under consideration.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Алтай, полукочевое скотоводство, рельеф, Синьцзян, Тыва, Тянь-Шань, этногеография.*

KEYWORDS: *Altay, semi-nomadic cattle breeding, landform, Xinjiang, Tyva, Tian Shan, ethnogeography.*

В географической науке принято считать, что именно рельеф (и, конечно, положение по широте) контролирует и перераспределяет по земной поверхности влагу и тепло (вещество и энергию), то есть выступает основополагающим началом природы любой территории, определяя ее климат, характер и разнообразие ландшафтного ряда, особенности флоры и фауны. В пределах евразийского степного пояса данная аксиома нагляднее всего подтверждается на примере наиболее нетипичного и разнообразно устроенного участка – Алтае-Саяно-Хангайского нагорья и Тянь-шане-восточно-туркестанских гор, которые разделяют Великую Степь на две области: Причерноморско-Казахстанскую и Даурско-Монгольскую (их контакт осущест-

вляется только через узкий коридор Джунгарских Ворот). Перехват хребтами осадков северного и западного переноса обеспечивает здесь обилие (по сравнению с равнинными территориями) озерных и речных ландшафтов и, как следствие, вызывает скачок «биоразнообразия» животных и растительных форм. Одновременно, ввиду экранирующего влияния хребтов, именно здесь, в Северо-Западной Монголии, отмечается максимально выраженная в масштабах планеты континентальность климата, а в области Лобнорской депрессии, в Заалтайской и Алашаньской Гоби – регистрируется самая высокая в Центральной Азии аридность (Береснева, 2006. С. 257; Гунин и др., 1998. С. 9, 11, 39, 58; Мурзаев, 1961. С. 8). В ландшафтном отношении данный регион – это область, где широтная зональность евразийских равнин уступает свое место вертикальной поясности южно-сибирских (Алтай, Саяны), среднеазиатских (Западный Тянь-

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48. РГПУ им. А. И. Герцена. Факультет географии, кафедра геологии и геоэкологии (соискатель). Адрес электронной почты: sokolov-ossa@mail.ru.

Шань, северные цепи Восточного Тянь-Шаня) и центральноазиатских (южные цепи Восточного Тянь-Шаня, Кунь-Лунь) гор, а чередование хребтов и впадин создают здесь разнородную, в том числе чересполосную и «островную», конфигурацию зональных рубежей и ландшафтов.

Подобно тому, как велики физико-географические различия между рассматриваемым регионом и окружающими его с запада и востока степными пространствами, настолько же существенны и различия в их скотоводческой культуре. Так, равнинное скотоводство Казахстана и Монголии по признаку формирования и существования в крайне ограниченных по диапазону и типологически однообразных физико-географических условиях относится к тому типу культур, которые, с некоторыми оговорками, могут быть названы «моноландшафтными». Закономерно, что и для скотоводческих навыков, и для быта самих скотоводов там характерны жесткая экологическая детерминированность и высокая степень консервативности (Масанов, 1995. С. 24, 27). Одна из причин такого их постоянства в подобных условиях заключается, по мнению историко-географов, в константности самой литогенной основы равнин (рельеф, подстилающие породы, режим увлажнения), которая выступает гарантом как накопления навыков и технологий, так и их сохранения и преемственности (Жекулин, 1982. С. 95). Собственно, именно данный механизм, согласно точке зрения знатока казахской культуры Н. Э. Масанова, стал непосредственно «внешней» (природной) основой этногенеза казахов (Масанов, 1995. С. 246)².

При переходе от равнинного ареала евразийских степей к их горному сектору в Алтае-Саянском регионе, Тянь-Шане и Синьцзяне часть традиций скотоводства сохраняет свое сходство. Это просматривается во многих аспектах хозяйства и материальной культуры: в составе выпасаемых животных, жилище (юрта), типах утвари, в системе питания и пр. Более того, этнографические материалы показывают, что в предгорьях, во внутригорных впадинах, в озерных котловинах и на плато у «горцев» порой встречаются также сходные с равнинными способы обустройства зимников

² Здесь прослеживается та мысль, что в пределах равнинных ареалов скотоводческой культуры стабильность и однообразие природной среды, по существу, выступает фактором культурогенеза и этноисторического процесса.

(Козлов, 1948. С. 45). Особое место в ряду примеров занимает скотоводство сыртов Внутреннего Тянь-Шаня и некоторых районов Кунь-Луны. Их пологувальные и холмистые пастбища с фрагментами альпийских лугов, холодных степей и арктопустынными видами в совокупности с незначительным снежным покровом зимой создавали условия не только для сезонного, но и круглогодичного выпаса там скота с постоянными перекочевками, что близко к укладу равнинных скотоводов³. Кроме того, в ряде случаев наблюдаемые совпадения в параметрах жизненного уклада «горцев» и «степняков» могут быть объяснены также широтно-зональными закономерностями в распределении ресурсов⁴. Однако ввиду высотно-зональной структуры пространства региона и крайне широкого спектра ландшафтов (от снежных вершин, тундр и холодных пустынь высокогорий до полупустынь и даже пустынь субтропиков во впадинах) этнохозяйственный рисунок изменяется кардинальным образом.

Общий обзор этнографических материалов рассматриваемой территории позволяет принципиально выделить два варианта расселения и хозяйствования.

Первый вариант характерен для этносов и/или их подразделений, осевших в отдельных элементах рельефа, в определенных высотных поясах или типах ландшафтов, где присутствуют условия для их традиционных занятий. То есть такие группы населения представляют собой географически высокоизбирательные хозяйственно-культурные комплексы-анклавы («моноландшафтные культуры»), истоки и основной ареал которых, кстати, нередко имеет территориально весьма удаленное происхождение и распространение. В пределах Алтае-Саяно-Хангайского нагорья к носителям таких традиций (с некоторыми оговорками) от-

³ Другая особенность сыртов — яководство (черта памиротибетских нагорий), которое формируется в условиях больших высот, недостатка кислорода и круглогодично низких температур. Именно як в таких районах стал основным видом транспортного и рабочего животного, его шкуры шли на изготовление одежды и утвари, а мясо и молоко употреблялись в пищу. Более того, эти животные выступали даже мерилем богатства и средством выплаты калыма (Абрамзон, 1959. С. 342; 1971. С. 153, 199; Беллью, 1877. С. 147; Лус, 1930. С. 152, 199; Скрайн, 1935. С. 89; Шибалева, 1956. С. 28).

⁴ Более подробный обзор таких закономерностей представлен автором в публикации (см. Соколов, 2015).

носятся, например, проживающие в горной тайге кумандинцы, туболары, челканцы и шорцы. В Тянь-шане-восточно-туркестанской области, где хребты круче и выше, перевалы труднопроходимее, а колонка ландшафтной поясности развернута полнее и ее рисунок сложнее, «культурно-географическая» картина выглядит более пестро. В частности, в Киргизском Тянь-Шане русские переселенцы, подобно местным земледельцам, занимали участки под земледелие в предгорьях, дунгане-рисоводы, в свою очередь, избирали для жизни заболоченные берега р. Чу, Или и Чилик, а таранчи предпочитали оазисы (Эмме, 1929. С. 195–197). Еще более показательное высотно-стратифицированное – в соответствии с закономерностями концентрической зональности – распределение хозяйственно-географических ниш и материальной культуры зафиксировано различными источниками XVIII – первой трети XX в. в Таримской впадине. Сверху вниз (от высокогорий до дна впадины) последовательно сменяли друг друга высокогорное скотоводство тибето-памирских нагорий, полукочевое горное скотоводство, оазисно-земледельческая культура предгорий и, наконец, в наиболее низкой точке (в Лобнорской впадине) комплексное рыболовно-охотничье – скотоводческо-земледельческое хозяйство.

Второй вариант расселения и хозяйствования отличает противоположная, но тоже хорошо известная ситуация: этносы связаны в своем существовании и производственной деятельности с несколькими группами/типами ландшафтов, то есть их хозяйство обладает ярко выраженным комплексным географическим началом («мультиландшафтные культуры»). Именно к такому типу культур относится полукочевое скотоводство. Однако перекочевки здесь носят уже не горизонтальный, а «лестнично»-вертикальный характер (в различные высотные-ландшафтные пояса гор⁵)

⁵ Весенние пастбища часто располагаются в предгорьях, в равнинных частях межгорных впадин и по наиболее обогреваемым южным склонам гор, которые раньше других покрываются растительностью. Летом скот перегоняется в приледниковую зону, субальпийский и альпийский пояса. В августе с наступлением холодов стада животных вновь направляются вниз, в предгорья и долины рек. Пастбища там обычно лежат в «дождевой тени», на солнечных и наветренных склонах, откуда сдувается снег (Вайнштейн, 1972. С. 57; Грум-Гржимайло, 1926. С. 342; Потапов, 1969. С. 121; Рязанцев, Павленко, 1956. С. 45; и др.).

и осуществляются по сезонам (теплый/холодный) или временам года в зависимости от метеорологических условий, сроков вегетации растительности и доступности пастбищ. Поскольку рельеф вносит и другие существенные коррективы в данную модель, то этнографы уже давно рассматривают ее как самостоятельный хозяйственно-культурный феномен типологического уровня. Несомненно, что в общей системе хозяйственной дифференциации это не просто модификация скотоводческого комплекса, а новое направление в его развитии.

Горы здесь, по образному выражению Н. М. Ядринцева, не только сократили «размах кочевого маятника» (Ядринцев, 1891. С. 113), но, как писали работавшие в регионе исследователи, обусловили также и уникальный локально-изолированный характер многих черт хозяйства в соседних долинах или даже в урочищах, а также территориальную замкнутость коллективов, разделение местности на хозяйственно-родовые наделы и обособленное землепользование (Современный аул..., 1927. С. 59–60; Материалы по обследованию..., 1913. С. 92; Мухараджи, Назарьевский, 1936. С. 44). С транспортировкой в условиях круторасчлененного и резконаклонного рельефа, труднопреодолимых перевалов, извилистых троп и узких проходов связаны уменьшение составных частей юрты (Кармышева, 2009. С. 108) и замена колесного транспорта волокушами. Каменистым грунтом и его неровностями, как полагают этнографы, нужно объяснить использование в телегах уже не спицевых («степных») колес, а более примитивных, но прочных цельнодеревянных (Рона-Таш, 1964. С. 166). Различные же сосуды и емкости в целях сохранности изготавливались не только из кожи, но также из легкого и небьющегося дерева.

Аккумуляция горами водных ресурсов предопределяет тучность местных пастбищ и их концентрацию, что приводит к сокращению миграций и долгому пребыванию скотоводов на одном месте. У алтайцев, например, перекочевки не превышали 50 км (Ядринцев, 1891. С. 113, 263), у тувинцев – менее 30 км (Вайнштейн, 1972. С. 61), у киргизов – до 30 км (Симаков, 1978. С. 19), в Хангае и на западе Кунь-Луня – не более 10–15 км (Симуков, 2007. С. 129; Скрайн, 1935. С. 84). С ростом продуктивности пастбищных угодий и изменениями в составе их растительности происходит уменьшение поголо-

вья овец и верблюдов, и одновременно, как неоднократно замечалось, увеличивается количество крупного рогатого скота и лошадей (*Вайнштейн*, 1972. С. 139, 145–149; *Потапов*, 1960. С. 171; *Радлов*, 1989. С. 150; *Руденко*, 1930. С. 12, 61–62; *Симуков*, 2007. С. 299).

Следующим звеном в цепи следствий, порожденных горным рельефом, могут считаться продолжительные по времени остановки у полукочевников (доходившие порой до 6 месяцев), а суровость климата привела к появлению у них на месте зимовок «тяжелых» стационарных жилищ (деревянных, глинобитных, лессовых и пр.) и даже, как отмечалось, возникновению представлений о дворе (огораживание территории, строительство заборов), препятствующем разбреданию скота (*Харузин*, 1896. С. 52–53). Другим результатом долгого пребывания на одном месте нужно считать «вплетение» в скотоводческий цикл разнообразных занятий и промыслов, которые подстраиваются под кочевые ритмы: охоты, собирательства и земледелия⁶, а также ремесленного и кустарного производства. Притом важно подчеркнуть, что на уровне региональной модели все они являются составной частью полукочевого хозяйства, а не просто факультативным дополнением к скотоводческой отрасли. Интересно, что по признаку многокомпонентности данный комплекс нередко рассматривается как более прогрессивный, рентабельный и динамичный, нежели хозяйство «степняков» или «лесников», а с точки зрения приспособления к природным условиям (но не по техническому оснащению) он оценивался иногда даже выше, чем у русских колонистов (*Васильев*, 1915. С. 76; *Потапов*, 1969. С. 83). **Таким образом, в этногеографической и геоэкологической трактовке горное полукочевое скотоводство рассматриваемого региона представляет собой, по существу, комплексную систему с выраженной сезонно-ярусной («многоэтажной») организацией функционирования в различных**

⁶ Обобщение материалов показывает, что для собирательства в качестве наиболее продуктивных ниш нужно выделять, по-видимому, долины озерно-речных бассейнов и среднегорья, а в качестве главных периодов для этого занятия — весну (сбор молодых побегов), вторую половину лета и осень (период вызревания плодов). Земледельческие участки, в свою очередь, обычно привязаны к весенним, осенним и зимним стоянкам в полосе предгорий, низкогорий и отчасти среднегорий. И только, надо полагать, охота в отношении простирается по высотному профилю угодий может соперничать со скотоводством. Но и в этом случае выявляется тяготение к собственным нишам — высокогорьям и богатым дичью лесным массивам.

ландшафтах, где каждый вид хозяйственной деятельности определяется ресурсной базой конкретной высотной ниши.

Данное определение во многом справедливо и в отношении скотоводов предгорий — зоны сочленения горных поднятий с равнинными платформами, где наблюдается мозаичный и чересполосный рисунок ландшафтов. Типичными для предгорий являются: чередование равнин с низкогорными грядами, останцами и сопками; оригинальные по составу и условиям накопления четвертичные осадки; более мягкий, по сравнению с горами, климат и плавный ход температур; обострение фронтальных процессов; меандрирующие реки с островной или сегментарной поймой; переходные от равнинных к горным типы почв со смешанными растительными группировками и пр. (*Барышников*, 2012. С. 11, 268–270, 284; *Барышников*, *Барышникова*, 2012. С. 97; *Николаев*, 1994. С. 64; *Храмцов*, 2003. С. 158). Столь же пестрый наблюдается здесь состав местного населения, а также набор хозяйственных навыков, связанных с культурами как равнин, так и гор. Обзор этнографических материалов показывает, что местные предгорья — это области расселения скотоводов, кочевой круг которых определяется сезонной сменой классов ландшафтов: летом кочуют на равнинах, в открытых и незамкнутых котловинах, зимой — в горах (или наоборот) (*Бломквист*, *Писарев*, 1945. С. 13; *Бурдаков*, 1915. С. 11; *Вайнштейн*, 1972. С. 66–69; Живописное путешествие..., 1839. С. 197–198; Жизнь в киргизских..., 1867. С. 3; *Захарова*, 1956. С. 127; *Корбе*, *Махова*, 1952. С. 39; *Потанин*, 1950. С. 533; *Симуков*, 2007. С. 129–131, 273–275; *Энциель*, *Вагнер*, 1865. С. 296). То есть каждому сезонно-ландшафтному периоду кочевания присущ соответствующий набор адаптивных признаков⁷.

Говоря о предгорьях, важно констатировать, что приведенные материалы и характеристики, будь то географическая наука или гуманитарные дисциплины, в сочетании с данными смежных направлений и новыми подходами, все чаще используются учеными для обоснования выделения предгорий в качестве отдельных единиц высокого

⁷ Как можно заметить, данная модель скотоводства (и ее аналоги) в научных источниках фигурирует не так уж и редко, но (как ни удивительно!) в контексте типологии скотоводства (и отдельного «экотипа») она, по сути, никогда специально в работах не рассматривалась.

таксономического уровня. В значительной степени это выделение представляется оправданным, но во многом остается все-таки делом будущего, поскольку целенаправленное изучение этих территорий под таким углом зрения — достаточно молодое направление в науке, которому еще нужно преодолеть многие методологические сложности, сопровождающие саму тему о переходных зонах и/или состояниях. Впрочем, как показывают растущее число публикаций и их характер, эта тема становится все более востребованной. Не осталось в стороне от нее и археологическое сообщество. Среди работ следует особо выделить сборник «Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез» (2007) под редакцией Д. Г. Савинова, где предгорья рассматриваются как самостоятельная культурно-экологическая область или зона. Рядом авторов данного сборника в ходе изучения археологических материалов предгорий Алтае-Саян была дана характеристика культурно-географических процессов. В частности, обращалось внимание на мозаичность типов памятников и культур, на дискретность традиций и их взаимопроникновение, отмечались также размывание границ ареалов и постепенный взаимопереход признаков (Савинов, 2007. С. 219; Тишкин, 2007. С. 87–88).

Возвращаясь к общей характеристике полукочевников обсуждаемого региона, нужно отметить следующее: в силу многоукладности хозяйства и эксплуатации различных природных ниш, в их повседневной жизни постоянно фиксируется крайне смешанный и во многом, казалось бы, противоречивый набор навыков и традиций бытовой культуры (стационарных и мобильных), географических зон, сезонов и пр. Например, легко перевозимое разборное жилище (юрта, аланчик, чум, шалаш и т. п.) сочетается с зимним стационарным типом и нередко стоит с ним в пределах одного двора. Среди домашней утвари, помимо кожаной тары, присутствуют деревянные, металлические и керамические сосуды, земледельческий и ремесленный инвентарь, встречается также деревянная мебель (сундуки, этажерки). Наконец, именно тут, в горных впадинах Алтая и на сыртах Тянь-Шаня, благодаря переплетению и быстрой смене ландшафтов, типов грунта, почв и растительности, наблюдается соседство животных сразу нескольких географических зон и экологических

ниш — яков, овец, коров, верблюдов и овец (Игнатов, 1897. С. 23; Кашкаров и др., 1937. С. 131; Сапожников, 1949. С. 140, 224; Шишкин, 1914. С. 97). Закономерно, что в погребальном обряде полукочевников также фиксируются не только типично скотоводческие предметы и атрибуты, но и свидетельства иных занятий (Дьяконова, 1975. С. 19, 26, 28 и сл.; Табалдиев, 1990. С. 147, 151 и сл.).

Дальнейший более детализированный анализ рельефно-ландшафтной и территориальной приуроченности хозяйственных элементов и их сочетаний позволяет выделить основную область и периферические районы распространения полукочевого комплекса. Как показывают материалы, в пределах оговоренной территории основные области приходятся на некогда выделенную видным советским луговедом и поймоведом Р. А. Еленевским территорию с единообразным набором рельефно-природных компонентов. Эта территория представляет собой ландшафтно-типологическую цепь из хребтов (с резкими экспозиционными различиями природных систем по склонам) и внутриворонных котловин (с ярусно-концентрическим принципом распределения ландшафтов). Она протянулась от Центрального Алтая, Западных и частично Восточных Саян вплоть до Памиро-Алая (Еленевский, 1938. С. 235, 237–238). При всех локальных физико-географических и климатических различиях общим свойством выделенной территории являются преобладание осадков западного переноса и в меньшей степени — северного, а также сходство (не географо-генетическое!) колонок поясности по наличию лесных, альпийно-типных, часто луговых, степных и пустынно-степных ландшафтов. Именно здесь полукочевую культуру отличает наибольшая комплексность, а слагающие ее занятия: скотоводство, земледелие, охота, собирательство и ремесла, — многообразие проявлений⁸.

⁸ В качестве поликультурного центра с максимумом разнообразия признаков можно выделить северные хребты Тянь-Шаня и Джунгарию. Притом в Джунгарии разнообразие признаков и хозяйственных укладов очевидным образом соотносится еще и с полиэтничностью (алтайцы, дунгане, казахи, киргизы, монголы, тувинцы, уйгуры и др.). Полукочевники там, с одной стороны, выпасают монгольские и киргизские породы скота, с другой — практикуют овощеводство и птицеводство, а по северной периферии занимаются еще и охотой (Брук, 1956. С. 91, 92; Габит, 1924. С. 15, 17; Закржевский, 1889. С. 23; Калмыкова, Овдиенко, 1957. С. 143, 145; Монгуш, 2002. С. 52, 55–56; и др.). В географическом отношении эта

Совсем другая ситуация складывается в периферических районах, которые характеризуются уменьшением ландшафтного диапазона, обеднением набора полукочевых традиций и контактами с другими хозяйственно-культурными провинциями. В таких районах выпадают не только отдельные знаковые явления или звенья, но целые цепочки и даже адаптивные системы, выступающие «визитной карточкой» скотоводства евразийских степей в целом и региональной полукочевой культуры в частности. Так, в преддверье Сибири: в Восточном, Северо-Восточном Алтае и Тодже (районы значительного количества осадков, выположенного рельефа низкогорий и среднегорий и абсолютного доминирования лесных ландшафтов), — юрта уступает место бревенчатым и дощатым конструкциям и/или коническим шалашам. Базисом хозяйственно-экономического развития там является уже круглогодичная охота в соединении с собирательством и рыболовством, в то время как скотоводческие по происхождению элементы представлены единично (*Вайнштейн*, 1954. С. 166; 1971. С. 80; 1972. С. 9–10, 184; *Островских*, 1927. С. 87; *Потапов*, 1953. С. 43, 60; 1972. С. 56; 2001. С. 24; *Руденко*, 1926. С. 72; *Ядринцев*, 1891. С. 115). Сокращается поголовье выпасаемых животных, упрощаются техника и навыки скотоводства. Например, в горной тайге и в черневых лесах Алтая население вело малоподвижный (оседлого типа) образ жизни, предпочитая селиться скорее деревнями, нежели рассеянно, как это принято у скотоводов. Основу стада составляли исключительно крупный рогатый скот и лошади, но конь тут, в отличие от степных юго-восточных районов Алтая, использовался только для подвоза продуктов и охоты в летний период (*Потапов*, 2001. С. 57–58; *Руденко*, 1926. С. 74; *Ядринцев*, 1891. С. 100; и др.). Еще меньше общего с традициями региональной модели полукочевое скотоводство у тоджинцев Восточной Тувы с их достаточно архаичными навыками оленеводства и значительным, даже по меркам скотоводов, ко-

личеством перекочетов (до 20). Из практики разведения скота следует, что именно оленеводство в пронизанной реками и заполненной озерами заболоченной Тоджинской депрессии с мерзлыми и переувлажненными грунтами, ледниковыми формами рельефа и заморозками даже летом, является наиболее рентабельным. В условиях крутых ущелий, карнизов гор, болотистых (с мягким грунтом) низин и гольцев (с их скудным травяным, но развитым тундровым покровом) более устойчивый, легкий и неприхотливый олень доказал свое преимущество перед другими животными. Неоспоримо его превосходство и перед лошадью как транспортным животным, поскольку зимой из-за раздвоенного копыта он быстрее коня идет по заснеженной тайге (*Богораз-Тан*, 1933. С. 223; *Вайнштейн*, 1972. С. 90, 98–99; *Даржа*, 2009. С. 226; *Кызылоол*, 1971. С. 206; *Менхен-Хелфен*, 2007. С. 253, 255, 258; *Островских*, 1927. С. 84; *Фабрициус*, 1899. С. 111).

Выклинивание основ полукочевое комплекса наглядно демонстрируют и данные по хозяйству юго-восточной окраины региона — Таримской впадины. Огороженная высокими горами, она испытывает острый дефицит осадков, особенно весной. Поэтому там, как на равнине, так и в горах, абсолютно преобладают пустыни (жаркие и холодные), крайне ограничен пастбищный фонд, а весенние пастбища с эфемерами и эфемероидной растительностью, столь широко распространенные на равнинах и в предгорьях Средней Азии, практически отсутствуют (*Юнатов*, 1961. С. 142)⁹. Неслучайно путешественники и исследователи неоднократно писали об ограниченных (по сравнению с Киргизским Тянь-Шанем) возможностях развития скотоводства в Восточном Туркестане и особенно в Кашгарии. Упоминаются, в том числе, недостаток кормов и необходимость их массовой заготовки, худоба местных лошадей, баранов, коз и коров, и, как следствие дефицита мяса, — открытие китайцами границы перед среднеазиатскими скотоводами для обмена их скота на товары (*Валиханов*, 1985. С. 26, 29, 84, 114, 199, 209, 226; *Певцов*, 1949. С. 58, 81, 96). Поэтому в Кашгарии, в отличие от Джунгарии, преобладающим стало стойловое животноводство

территория тоже крайне многообразна. Алтайские спектры ландшафтов встречаются здесь с джунгарскими и семиреченскими, а восточная оконечность Тянь-Шаня принадлежит уже центральноазиатской области. Небезынтересно, что именно в Джунгарии, как считал Л. Н. Гумилев, проходит граница между культурами запада и востока Центральной Азии, чему способствуют как раз переходные явления в характере увлажнения, составе растительности и в иных физико-географических параметрах (*Гумилев*, 1965. С. 117–119).

⁹ Некоторым аналогом пастбищ с эфемероидной растительностью по сезонности своего использования (но не составу!) может считаться растительность долин рек Такла-Макан, где выпас скота происходит весной (*Гедин*, 1899а. С. 378).

с заготовкой кормов, а полукочевой образ жизни сменился на (полу)оседлый быт. Закономерно в этой связи выглядит и количественно-качественное сокращение скотоводческих традиций, в том числе уменьшение ареала юрты, повсеместное использование для передвижения ослов, перенос изготовления войлоков в оазисы и пр. (*Валиханов*, 1985. С. 201; *Калмыкова, Овдиенко*, 1957. С. 182; *Обручев*, 1896. С. 13; *Певцов*, 1949. С. 167; *Пржевальский*, 1948. С. 281–282; *Менон*, 1958. С. 213). На все эти особенности накладываются еще и памиро-тибетские хозяйственные элементы, что в сумме следует понимать как переходные явления на стыке крупных культурно-географических областей.

Отдельно следует остановиться на следующем обстоятельстве. Как утверждают исследования географов, в Средней Азии ключевую роль («главного нерва») в биотических связях играют предгорья (*Алибеков*, 1991. С. 120). Во многом согласуются с такой позицией этнографические материалы приферганских предгорий, где пересекались интересы земледельцев и скотоводов¹⁰. Аналогичную картину можно наблюдать и в Таримской впадине, где эта полоса жизни (прежде всего по руслу малочисленных рек) притягивала население разнородной хозяйственной и культурной направленности. Но поскольку в Кашгарии она сильно сжата, то там как конкуренция за зоны жизни, так и последующее сближение этих двух групп происходили еще

интенсивнее. Например, к экономической зоне оазисов относились не только сельские усадьбы и фермы или уходящие по рекам в Такла-Макан галерейные леса, где выпасали свой скот жители оазисов и окрестных поселений, но и горы. Речь идет, по крайней мере, о Кунь-Луне, который оказался в сфере интересов богатых горожан, чьи стада использовали эти территории в качестве пастбищ (*Беллью*, 1877. С. 14; *Гедин*, 1899б. С. 105, 136; *Громбчевский*, 1890. С. 89; *Певцов*, 1949. С. 60, 75, 79 и сл.; *Пржевальский*, 1948. С. 282). Вместе с тем можно привести сведения и о глубоких интеграционных процессах между земледельческими и скотоводческими группами. Скажем, с одной стороны, выпас стад в горах Кашгарии осуществлялся киргизами и укрепившимися там на постоянной основе уйгурскими субэтнотами (таглыками и группами мачин) или выходцами из поселений, а с другой стороны – отмечается проживание многих скотоводов в оазисах (*Беллью*, 1877. С. 14; *Певцов*, 1949. С. 75, 112; *Пржевальский*, 1948. С. 278).

В заключение необходимо отметить, что настоящая статья относится к числу тех научных исследований, которые базируются на внутренней связи исторических дисциплин и географии. В этом русле долгие годы развиваются идеи юбилея – Дмитрия Глебовича Савинова, который отстаивает принципы палеоэтнографической школы. Его исследования и опубликованные труды наглядно демонстрируют, что выход за пределы одной науки позволяет обнаружить новые грани в изучаемых явлениях, увидеть их в своей естественной полноте и зависимости от многих факторов. Плодотворность такого широкого и дальновидного подхода к пониманию объективных процессов исторического развития культурных традиций в прошлом и настоящем уже по достоинству оценена учениками профессора Д. Г. Савинова и всем научным сообществом.

¹⁰ Однако есть основания полагать, что до второй половины XIX в. хозяйственно-природные ареалы земледельцев и скотоводов были значительно дистанцированы. Указание на это нам дают труды классиков российской и советской этнографии, где зафиксированы многие навыки и черты природопользования, которые относятся к периоду, предшествующему появлению русских переселенцев. Согласно работам этнографов, до середины XIX в. полукочевой комплекс киргизов характеризовался большей «ландшафтной рельефностью», в нем отчетливее были выражены скотоводческие, а не земледельческие структура расселения, высотные границы проживания и образ жизни (*Абрамзон*, 1971. С. 114; *Винников*, 1957. С. 74–75; *Рязанцев, Павленко*, 1956. С. 89). По-видимому, тогда же шире использовалась ими и лесная ниша. Это тяготение к лесным ландшафтам в связке с высотными характеристиками проживания было зафиксировано Б. Х. Кармышевой в домостроительстве изолированно живущих каратегинских киргизов. Их поздние жилые постройки, датируемые временем активных контактов с таджиками, – это типичные среднеазиатские жилища (с пристройкой-сенями), которые располагаются, как и у земледельцев, в нижних частях долин. Старый же, так называемый припамирский тип жилищ с трапециевидными срубными крышами и световым люком, приурочен у киргизов к верхним частям долин (*Кармышева*, 2009. С. 87).

Литература

- Абрамзон*, 1959 — *Абрамзон С. М.* Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики // Труды КАЭЭ. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 332–369.
- Абрамзон*, 1971 — *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 403 с.
- Алибеков*, 1991 — *Алибеков Л. А.* Полоса жизни. Между горами и пустынями. М.: Наука, 1991. 175 с.
- Барышников*, 2012 — *Барышников Г. Я.* Рельеф переходных зон горных стран. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2012. 497 с.
- Барышников*, *Барышникова*, 2012 — *Барышников Г. Я., Барышникова О. Н.* Переходные зоны горных стран в системе классификационных единиц ландшафтов // Известия АлтГУ. Серия: Науки о земле. 2012. № 3-1 (75). С. 95–99.
- Беллю*, 1877 — *Беллю Г. В.* Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873–1874 г. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1877. 309 с.
- Береснева*, 2006 — *Береснева И. А.* Климаты аридной зоны Азии. М.: Наука, 2006. 287 с.
- Бломквист*, *Писарев*, 1945 — *Бломквист Б. Л., Писарев В. И.* Отгонно-пастбищное содержание скота в колхозах. М.: Сельхозгиз, 1945. 176 с.
- Богораз-Тан*, 1933 — *Богораз-Тан В. Г.* Оленеводство. Возникновение, развитие и перспективы // Проблема происхождения домашних животных. Вып. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. 219–251.
- Брук*, 1956 — *Брук С. И.* Этнический состав и размещение населения в Синьцзянском уйгурском автономном округе Китайской Народной Республики // СЭ. 1956. № 2. С. 89–94.
- Бурдаков*, 1915 — *Бурдаков А.* Очерк Байтского хошуна князя Тюмы-Баир-гуна. Томск: Типо-лит. Сибирского Печатного Дела, 1915. 22 с.
- Вайнштейн*, 1954 — *Вайнштейн С. И.* Этнографическая экспедиция Тувинского музея в Юго-Восточную Туву // СЭ. 1954. № 2. С. 163–169.
- Вайнштейн*, 1971 — *Вайнштейн С. И.* Вопросы этнической истории и этнографии тувинского народа // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. 15. С. 77–82.
- Вайнштейн*, 1972 — *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972. 316 с.
- Валиханов*, 1985 — *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. 415 с.
- Васильев*, 1915 — *Васильев В. А.* Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины. Пг.: Б. и., 1915. 282 с.
- Винников*, 1957 — *Винников Я. Р.* Дореволюционное родоплеменное деление киргизов и расселение их в Южной Киргизии // КСИЭ. 1957. Вып. XXVI. С. 71–75.
- Габит*, 1924 — *Габит И.* Перспективы торговли по Западно-Китайской границе // Народное хозяйство Средней Азии. Ташкент: Ср.-Аз. краев. контора Госбанка, 1924. № 4-5. С. 13–18.
- Гедин*, 1899а — *Гедин С.* В сердце Азии. Т. I. СПб.: А. Ф. Девриен, 1899. 485 с.
- Гедин*, 1899б — *Гедин С.* В сердце Азии. Т. II. СПб.: А. Ф. Девриен, 1899. 455 с.
- Громбчевский*, 1890 — *Громбчевский Б. Л.* Вести из экспедиции // Известия ИРГО. 1890. Т. XXVI. Вып. 1. С. 85–107.
- Грум-Гржимайло*, 1926 — *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Л.: Государственное РГО, 1926. Т. 3. Вып. 1. 412 с.
- Гумилев*, 1965 — *Гумилев Л. Н.* По поводу предмета исторической географии (ландшафт и этнос) // Вестник ЛГУ. Серия: геология и география. 1965. № 18. С. 112–120.
- Гунин и др.*, 1998 — *Гунин П. Д., Востокова Е. А., Матюшкин Е. Н.* Охрана экосистем Внутренней Азии. М.: Наука, 1998. 219 с.
- Даржа*, 2009 — *Даржа В.* Традиционные мужские занятия тувинцев. Т. 1. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2009. 592 с.
- Дьяконова*, 1975 — *Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.
- Еленевский*, 1938 — *Еленевский Р. А.* Динамика ландшафтных смен от Алтая к Тянь-Шаню // Бюллетень МОИП. Отд. биология. М.: Объед. науч.-техн. изд-во НКТП СССР, 1938. Т. XLVII(3). С. 233–244.
- Жекулин*, 1982 — *Жекулин В. С.* Историческая география: предмет и методы. Л.: Наука, 1982. 224 с.
- Живописное путешествие...*, 1839 — Живописное путешествие по Азии, составленное на французском языке под руководством Эйри и украшенное гравюрами. Т. 1. М.: Тип. Н. Степанова, 1839. 296 с.
- Жизнь в киргизских...*, 1867 — Жизнь в киргизских степях // Биржевые ведомости. 1867. № 108. С. 177–181.
- Захарова*, 1956 — *Захарова И. В.* Материальная культура казахов-колхозников юго-восточного Казахстана (По материалам Алма-Атинской и Джамбульской областей) // Труды ИИАЭ. 1956. Т. 3. С. 105–189.
- Закржевский*, 1889 — *Закржевский Р. М.* Краткий очерк Барлыкской горной страны (с картой) // Записки Западно-Сибирского отделения ИРГО. Омск: Тип. Округ. Штаба, 1889. Кн. X. С. 1–27.
- Игнатов*, 1897 — *Игнатов П.* По Южному Алтаю // Землеведение. Кн. I–II. М., 1897. С. 1–28.
- Калмыкова*, *Овдиенко*, 1957 — *Калмыкова В. Г., Овдиенко И. X.* Северо-Западный Китай. М.: Географгиз, 1957. 192 с.
- Кармышева*, 2009 — *Кармышева Б. X.* Каратегинские киргизы. М.: Наука, 2009. 284 с.
- Кашкаров и др.*, 1937 — *Кашкаров Д., Жуков А., Станюкевич К.* Холодная пустыня Центрального Тянь-Шаня. Л.: ЛГУ им. А. С. Бубнова, 1937. 167 с.
- Козлов*, 1948 — *Козлов П. К.* Монголия и Кам. М.: Географгиз, 1948. 438 с.
- Корбе*, *Махова*, 1952 — *Корбе О. А., Махова Е. И.* Экспедиция в Казахстан // КСИЭ. 1952. Вып. XIV. С. 39–52.
- Кызыл-оол*, 1971 — *Кызыл-оол Ч. Т.* О развитии оленеводства в Туве // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. 15. С. 201–208.

- Лус, 1930 — Лус Я. Я. Домашний як и его гибриды на Алае и Тянь-Шане // *Материалы комиссии экспедиционных исследований*. Л.: Б. и., 1930. Вып. 21. С. 149–227.
- Масанов, 1995 — Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы; Москва: Горизонт; Социнвест, 1995. 320 с.
- Материалы по обследованию..., 1913 — *Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева Т. П.* СПб.: Тип. «Экономия», 1913. 895 с.
- Менон, 1958 — Менон К. П. *Шивашанкара*. Древней тропой (путевые заметки) // пер. с англ. А. Зелениной и Д. Куниной. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 215 с.
- Менхен-Хелфен, 2007 — Менхен-Хелфен О. Путешествие в азиатскую Туву // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае-Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Туву (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.): В 7 т. Т. 6: Танну-Тувинская Народная Республика (1921–1944 гг.) / Сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. С. 225–351.
- Монгуш, 2002 — Монгуш М. В. Тувинцы Монголии и Китая. Новосибирск: Наука, 2002. 128 с.
- Мурзаев, 1961 — Мурзаев Э. М. Географические особенности Кунь-Луны // *Куньлунь и Тарим* / Отв. ред.: Э. М. Мурзаев, Чжоу Ли-сань. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 5–27.
- Мухараджи, Назарьевский, 1936 — Мухараджи А. Т., Назарьевский Н. И. Животноводство и кормовая база районов оседания Киргизской АССР. Фрунзе: Киргосиздат, 1936. 195 с.
- Николаев, 1994 — Николаев В. А. Предгорья Алтая — региональный ландшафтный экотон // *Вестник МГУ*. Сер. 5: География. 1994. № 2. С. 58–65.
- Обручев, 1896 — Обручев В. А. *Природа и жители Центральной Азии и ее юго-восточной окраины* // *Землеведение*. М.: Тов-во тип. А. И. Мамонова, 1896. Т. III. Кн. II. С. 1–72.
- Островских, 1927 — Островских П. Е. Оленные тувинцы // *Северная Азия*. 1927. Кн. 5–6. С. 79–94.
- Певцов, 1949 — Певцов М. В. Путешествие в Кашгарию и Кунь-Лунь. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1949. 326 с.
- Потанин, 1950 — Потанин Г. Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1950. 652 с.
- Потапов, 1953 — Потапов Л. П. Пища алтайцев (этнографический очерк) // *Сборник МАЭ*. 1953. Т. XIV. С. 37–71.
- Потапов, 1960 — Потапов Л. П. *Материалы по этнографии тувинцев районов Монгун-Тайги и Кара-Холя* // *Труды ТКАЭЭ АН СССР*. М.; Л.: АН СССР, 1960. Т. I. С. 171–237.
- Потапов, 1969 — Потапов Л. П. *Очерки народного быта тувинцев*. М.: Наука, 1969. 402 с.
- Потапов, 1972 — Потапов Л. П. Тубалары Горного Алтая // *Этническая история народов Азии* / [Отв. ред.: С. М. Абрамзон и Р. Ф. Итс]. М.: Наука, 1972. С. 52–66.
- Потапов, 2001 — Потапов Л. П. *Охотничий промысел алтайцев*. СПб.: МАЭ РАН, 2001. 167 с.
- Пржевальский, 1948 — Пржевальский Н. М. *От Кяхты на истоки Желтой реки*. М.: Географгиз, 1948. 366 с.
- Радлов, 1989 — Радлов В. В. *Из Сибири*. Страницы дневника. М.: Главная редакция восточной литературы, 1989. 749 с.
- Рона-Таш, 1964 — Рона-Таш А. *По следам кочевников*. Монголия глазами этнографа. М.: Прогресс, 1964. 310 с.
- Руденко, 1926 — Руденко С. И. *Алтайская экспедиция // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг.* Л.: Государственный Русский музей, 1926. С. 61–78.
- Руденко, 1930 — Руденко С. И. *Очерк быта северо-восточных казаков* // *Материалы комиссии экспедиционных исследований*. Л.: 1930. Вып. 15: Казаки. С. 1–72.
- Рязанцев, Павленко, 1956 — Рязанцев С. Н., Павленко В. Ф. *Киргизская ССР*. М.: Географгиз, 1956. 120 с.
- Савинов, 2007 — Савинов Д. Г. *Археологическая периодизация и культурно-экологические области Саяно-Алтайского нагорья // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез* / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 211–228.
- Сапожников, 1949 — Сапожников В. В. *По Русскому и Монгольскому Алтаю*. М.: Географгиз, 1949. 580 с.
- Симаков, 1978 — Симаков Г. Н. *Опыт типологизации скотоводческого хозяйства у киргизов (конец XIX — начало XX в.)* // СЭ. 1978. № 6. С. 14–27.
- Симуков, 2007 — Симуков А. Д. *Труды о Монголии и для Монголии*. Т. 1. Осака: Государственный музей этнологии, 2007. 977 с.
- Скрайн, 1935 — Скрайн К. *Китайская Центральная Азия (Синь-Цзян)*. М.: Молодая гвардия, 1935. 140 с.
- Современный аул..., 1927 — *Современный аул Средней Азии: Социально-экономический очерк*. Вып. 10: Загорная волость (Каракол-Нарынского округа Киргизской АССР) / Под ред.: Б. Б. Карп, И. Е. Сулова. Ташкент: Изд. Ср.-Азии бюро ЦК ВКП(б), 1927. 225 с.
- Соколов, 2015 — Соколов А. В. *Историко-географические аспекты развития скотоводства запада Внутренней Азии и ее горного обрамления (Алтай, Саяны, Тянь-Шань)* // АВ. 2015. Вып. 21. С. 328–351.
- Табалдиев, 1990 — Табалдиев К. Ш. *Новые данные о типах погребальных сооружений у киргизов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии* / Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Б. и., 1990. С. 146–156.
- Тишкин, 2007 — Тишкин А. А. *Культурно-экологические области и контактные зоны на юге Западной Сибири // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез* / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 85–93.
- Фабрициус, 1899 — Фабрициус М. П. *Саянский край. Краткий географический очерк края и описание путей и способов в нем* // *Известия ИРГО*. 1899. Т. 35. Вып. 1. С. 98–112.

- Харузин*, 1896 — *Харузин Н.* История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М.: Тов-во скоропеч. А. А. Левинсон, 1896. 124 с.
- Храмцов*, 2003 — *Храмцов В. Н.* Предгорные пустыни // Ботаническая география Казахстана и Средней Азии (в пределах пустынной области) / Под ред.: Е. И. Рачковской, Е. А. Волковой, В. Н. Храмцова. СПб.: Б. и., 2003. С. 157–166.
- Шибалева*, 1956 — *Шибалева Ю. А.* Материалы по одежде мургабских киргизов // КСИЭ. 1956. Вып. XXV. С. 26–41.
- Шишкин*, 1914 — *Шишкин Б. К.* Очерки Урянхайского края. Томск: Типо-лит. Сибирск. тов-ва печати, 1914. 327 с.
- Эмме*, 1929 — *Эмме А.* Некоторые черты экономической географии Семиречья // Экономико-географический сборник / Ред.: Н. Н. Баранский, С. В. Бернштейн-Коган, А. А. Рыбников, Л. Д. Синицкий. М.: Изд-во Коммун. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1929. С. 194–204.
- Энцель*, *Вагнер*, 1865 — *Энцель А. фон*, *Вагнер Г.* Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т. У. Аткинса, А. Т. фон Миддендорфа, Г. Радде и др. СПб.: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1865. 518 с.
- Юнатов*, 1961 — *Юнатов А. А.* К познанию растительного покрова Западного Куньлуня и прилегающей части Таримской впадины // Куньлунь и Тарим. Очерки природных условий / Отв. ред.: Э. М. Мурзаев, Чжоу Ли-сань. Москва: Изд-во АН СССР, 1961. С. 133–153.
- Ядринцев*, 1891 — *Ядринцев Н. М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб.: И. М. Сибиряков, 1891. 308 с.

Landform as an external factor in the development of the semi-nomadic cattle breeding traditions among the peoples in the Altay-Sayan-Hangay highlands and the Tian Shan mountains in East Turkestan

A. V. Sokolov

The article presents a complex evaluation of the influence of the landform on the features of the economy and material culture of ethnographic semi-nomadic herders of the Altay-Sayan-Hangay highlands and Tian Shan — East-Turkestan mountains. Examination of the evidence on the economy and everyday life of the semi-nomads of the region under study showed that it is exactly the features of the mountain landform that defined the spatial and temporal, producing, rhythmic/regime and domestic material specifics of their pattern of economy and land use.

Summarizing of the aggregate of scientific data has induced the author to consider the semi-nomadic pastoralism as a system with a marked seasonal-tier ('multystoried') organization of the functioning in different altitudinal zones and landscapes where each form of economic activities and each phase of subsistence is defined by the resource base of a particular natural niche. On these grounds, the author also identified the

typological set of relief-landscape conditions characterizing the main area of the semi-nomadic herding economy within the boundaries of the territory under consideration. This area is correlated with the defined by R. A. Elenevskiy landscape-typological chain of ridges (with sharp exposition differences of the natural systems on the slopes) and inter-mountain hollows (with a tier-concentric principle of the distribution of the landforms). This area extends from the Central Altay, Western and, partly, Eastern Sayans up to the Pamir-Altay (*Еленевский*, 1938). The present author draws the conclusion that, notwithstanding all the local physico-geographic and climatic differences, the common feature of the mentioned area includes the predominance of precipitations of western (rarer of the northern) carrying, the indispensable presence of a typologically (but not geographically genetic) similar set of landforms: Alpine type, forest, frequently meadow landscapes, steppe and desert-mountain ones.

Древние поселения Хакасии. Бырганов IV¹

В. М. Лурье², И. П. Лазаретов³

АННОТАЦИЯ. В статье даются описание и анализ материалов комплекса позднего бронзового века Бырганов IV (Республика Хакасия, Аскизский район) — одного из немногих исследованных поселений этого времени в Минусинских котловинах. Работы на памятнике проводились в 1990 г. И. П. Лазаретовым, материалы ранее не публиковались.

ANNOTATION. This paper presents a description and analysis of materials of the complex of the Late Bronze Age Byrganov IV (Republic of Khakassia, Askiz district) which is one of the few investigated settlements of that period in the Minusinsk Hollows. The investigations were conducted at this site in 1990 by I. P. Lazaretov; the materials have not been published before.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поселения, Минусинские котловины, поздний бронзовый век.

KEYWORDS: settlements, Minusinsk Hollows, Late Bronze Age.

В изучении памятников археологии эпохи бронзы Минусинских котловин существует очевидная диспропорция: на несколько сотен известных могильников приходится всего лишь несколько десятков поселений. На данный момент раскопки проводились на пяти поселениях эпохи поздней бронзы, но опубликованы материалы только поселения Торгажак (Савинов, 1996). Именно поэтому введение в научный оборот материалов, связанных с исследованиями поселений, является на данный момент одной из приоритетных задач. В статье рассматриваются материалы поселения позднего бронзового века Бырганов IV, в первой части дается описание памятника, вторая посвящена анализу конструкций и инвентарного комплекса.

Описание памятника и комплексов

Поселение Бырганов IV находится в Аскизском р-не Республики Хакасия, в 6 км на ВСВ от с. Полтаков, в 2,5 км на СВ от с. Усть-Есь и в 3 км на ЮЗ от аала Бырганов. Комплекс расположен на низкой пойменной террасе левого берега р. Таштып, на удалении 1 км от ее современного русла. Поселение

открыто в 1990 г. И. П. Лазаретовым при исследовании могильника Бырганов V. Результаты раскопок этого поселения до сих пор не публиковались, отчеты хранятся в НОА ИА РАН и НА ИИМК РАН (Лазаретов, 1991а; 1991б), коллекция находок — в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л. Р. Кызласова (г. Абакан).

Поселение было исследовано после раскопок курганов, отсюда оказалось невозможным в полной мере соблюсти все требования археологической методики: почвенный слой памятника был разрушен, пришлось ограничиться только разрезами, а одно жилище было изучено лишь частично.

До начала исследований поселение не имело никаких внешних признаков. Во время раскопок курганов № 3, 5 и 17 были отмечены золистые пятна. Последующей расчисткой выявлены четыре жилища, располагавшиеся в ряд по линии ВСВ–ЗЮЗ (рис. 1). Плиты каменных конструкций курганов были уложены практически прямо на золистый слой; стерильная прослойка между ними составляла не более 1–2 см.

На поселении заложено два раскопа, ориентированных по сторонам света с небольшим смещением к оси СЗ–ЮВ, относительно ориентировки жилищ. В раскопе № 1 (64,7 кв. м) обнаружены жилища № 1–3, в раскопе № 2 (82,2 кв. м) — жилище № 4 (рис. 1–4). Раскопы разбивались на квадраты со сторонами 2 м. Линии между ними имели цифровое и буквенное обозначение, номер квадрата определялся по пересечению линий в северном углу. Все высотные отметки на поселении и на могильнике даны от единого репера.

Жилище № 1 (рис. 2). Частично разрушено погребениями № 1 и 3 кургана № 5 могильника Быр-

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2020-0002 «Древняя история Саяно-Алтайского нагорья от эпохи бронзы до средневековья: хронология и кросс-культурное взаимодействие».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Южно-сибирский филиал Института истории материальной культуры РАН; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., д. 5. Институт истории СПбГУ. Адрес электронной почты: verqa@list.ru.

³ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Южно-сибирский филиал Института истории материальной культуры РАН. Адрес электронной почты: lazaretov@yandex.ru.

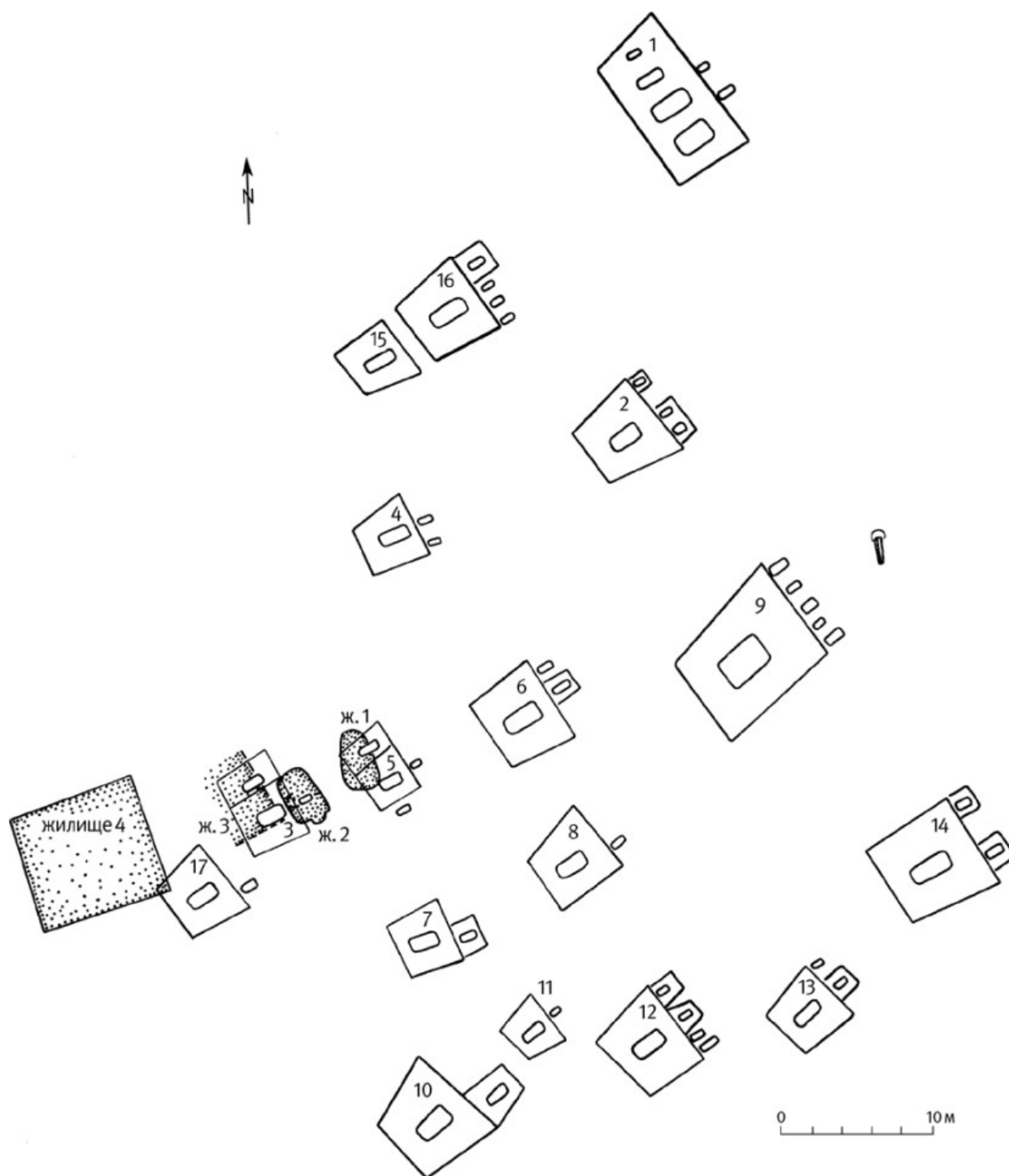

РИС. 1. План могильника Бырганов V и поселения Бырганов IV

FIG. 1. Plan of the burial ground of Byrganov V and settlement of Byrganov IV

ганов V. При расчистке кургана выявлено золистое пятно подпрямоугольной формы размерами $4,65 \times 2$ м. Ось жилища ориентирована по линии ССЗ–ЮЮВ. Сооружение углублено в галечный материковый слой на 0,2 м. Следов столбовых и хозяйственных ям не обнаружено. В заполнении

найлены дробленые кости животных и фрагменты керамики от не менее четырех сосудов (рис. 5, 1–4).

Жилище № 2 (рис. 2). Частично разрушено при сооружении ограды кургана № 3. На горизонте зафиксировано золистое пятно трапециевидной формы размерами $1,6-2,2 \times 3,2$ м. Жилище ориен-

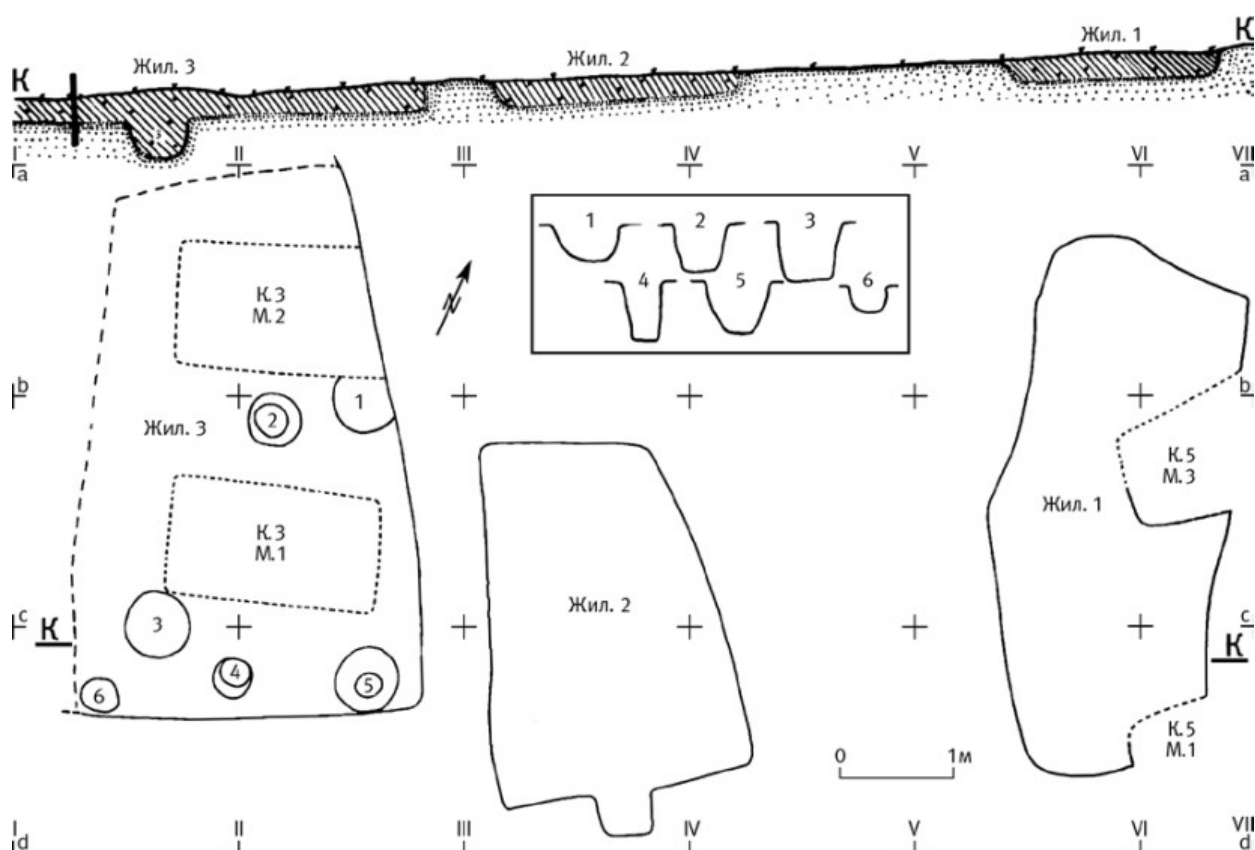

РИС. 2. Бырганов IV. Раскоп № 1. Жилища № 1–3. План и разрезы

FIG. 2. Byrganov IV. Excavation No 1. Dwellings No 1–3. Plan and sections

тировано осью по линии ССЗ–ЮЮВ. Сооружение углублено в галечник на 0,2 м. Следов столбовых и хозяйственных ям не обнаружено. В золистом слое заполнения найдены дробленые кости животных, фрагмент костяного предмета с отверстием, костяная пластинка подтрапцевидной формы и фрагменты керамики от не менее двух сосудов (рис. 5, 5, 6).

Жилище № 3 (рис. 2). Частично разрушено оградой и могилами № 1, 2 кургана № 3. Раскопан только восточный угол, над которым был сооружен курган № 3, общей площадью около 17 кв. м. Жилище, по-видимому, было прямоугольной формы, углублено в галечник на 0,3 м. Вдоль бортов котлована выявлены столбовые ямы (№ 1, 4–6). Деревянные конструкции сгорели полностью. В заполнении котлована найдены дробленые кости животных и фрагменты керамики от не менее четырех сосудов (рис. 5, 7, 8).

Жилище № 4 (рис. 3; 4). Обнаружено при раскопках кургана № 17, ограда которого разрушила ЮВ угол жилища. Частично жилище уходило под картофельное поле, при этом глубина распашки

достигала в ряде мест уровня залегания дерева. Возможно, часть верхних бревен сруба и перекрытия были разрушены. Культурный слой также был нарушен распашкой, что не позволяет определить его первоначальную мощность. Жилище имело форму квадрата с размерами сторон по 8,3 м, было ориентировано по сторонам света с отклонением в 20° против часовой стрелки. Глубина от 0,2 до 0,4 м в центральной части.

Вдоль стен жилища удалось проследить остатки сруба: у восточной стенки сруб сохранился на высоту до четырех венцов из бревен диаметром 0,10–0,15 м. Способ стыковки углов выявить не удалось. Вдоль стен котлована на удалении 2–3 м друг от друга зафиксированы многочисленные столбовые ямки диаметром 0,25–0,6 м, глубиной 0,35–0,58 м. Они располагались в каждом из углов (№ 9–12, 30), и в середине северной и южной стенок (№ 16, 17, 42 и 14). На западной и восточной стенках опорные столбы были парными и располагались не по центру борта котлована, а на удалении 1,8–2 м к северу и югу от него (№ 5–8). В некоторых местах столбовые ямки перекрывали друг друга или на-

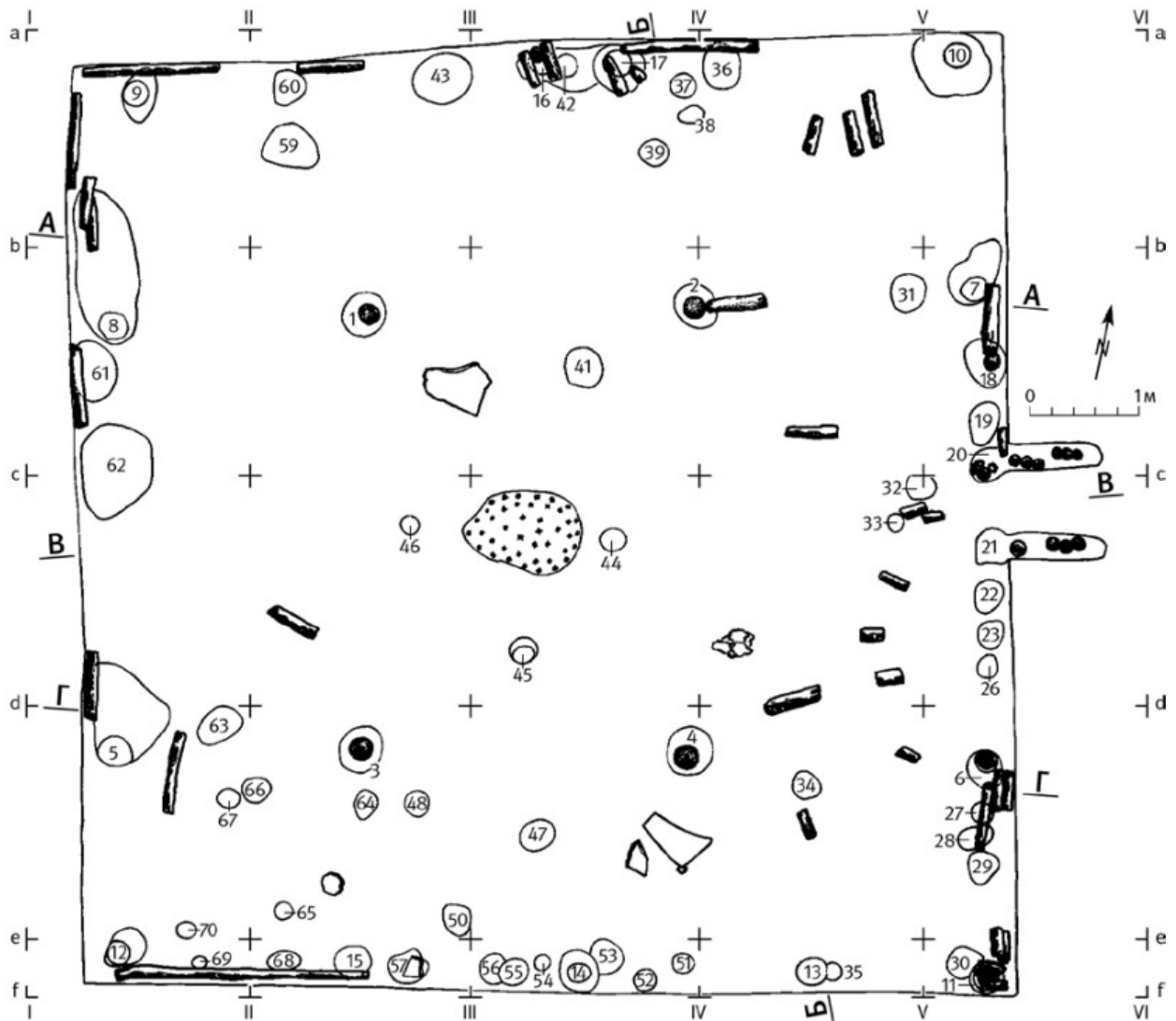

РИС. 3. Бырганов IV. Раскоп № 2. Жилище № 4. План
 FIG. 3. Byrganov IV. Excavation No 2. Dwelling No 4. Plan

ходились довольно близко (например, № 14 и 55; 16, 17 и 42; 18 и 19; 30 и 11), что может свидетельствовать о проводившемся в жилище ремонте — замене столбов. В центральной части сооружения зафиксированы четыре столбовых ямки (№ 1–4), расположенные на одной линии с опорными столбами западной и восточной стенок, на расстоянии 2,2–2,6 м от них. Центральные столбы образуют прямоугольник со сторонами примерно 2,9 и 3,9 м. В центре этого прямоугольника зафиксирована очажная овальная яма со следами прокала размерами 1,05 × 0,7 и глубиной 0,2 м.

В некоторых из ямок были обнаружены фрагменты столбов — вертикально вкопанных бревен толщиной около 0,4 м. На площади жилища за-

фиксированы фрагменты деревянных плах длиной до 1,3 м и толщиной 0,2–0,3 м. Между центральными столбами они лежали в направлении З–В, в северной и южной части — в направлении С–Ю.

В центральной части восточной стенки жилища зафиксированы еще две столбовые ямки (№ 20, 21), от которых на восток отходили канавки длиной около 1 м и глубиной 0,4 м. В канавках, образующих коридор шириной 0,7 м, отмечены фрагменты вертикально вкопанных бревен толщиной до 0,2 м.

В культурном слое жилища найдены кости животных: в центральной углубленной части находились фрагменты нескольких черепов лошадей. Основная же масса находок концентрировалась вдоль стен жилища: фрагменты керамики от не-

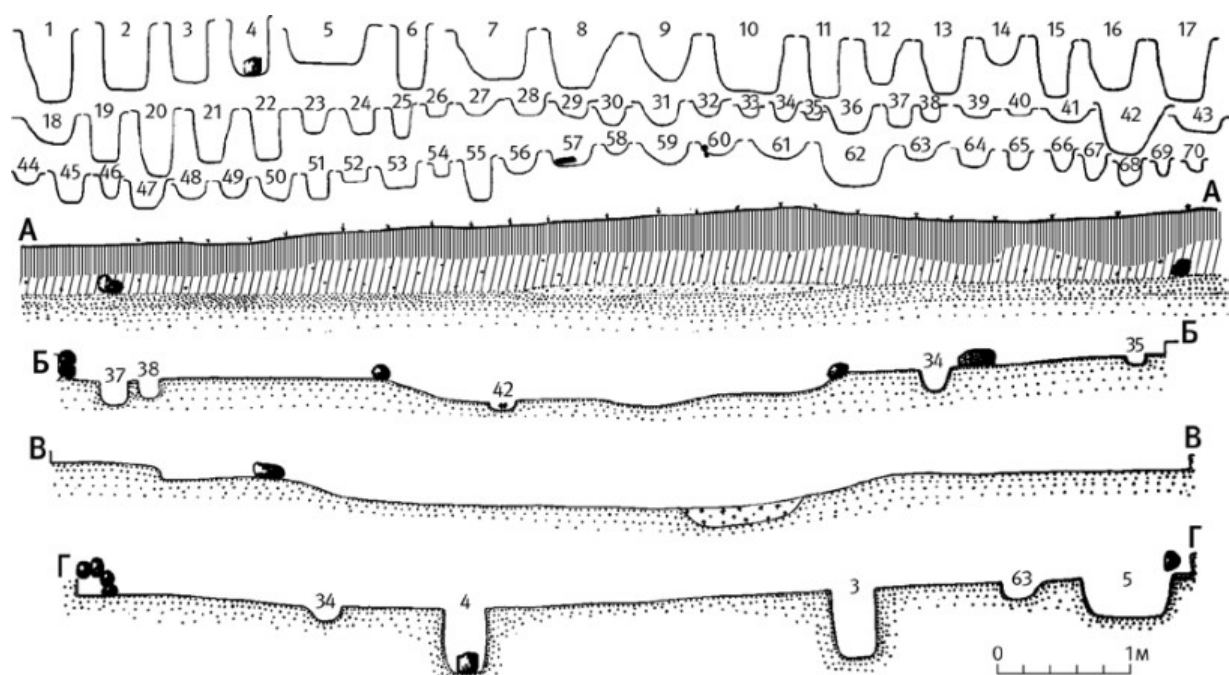

РИС. 4. Бырганов IV. Раскоп № 2. Жилище № 4. Разрезы

FIG. 4. Byrganov IV. Excavation No 2. Dwelling No 4. Sections

менее 18 сосудов (рис. 5, 9–21); бронзовое шильце; костяной псалий с тремя отверстиями в разных плоскостях; костяные проколки; зажимной наконечник стрелы (рис. 5, 23); куски рога со следами резки. Каменные изделия представлены крышками для сосудов из оббитых плиток песчаника и обломками зернотерок.

На площади поселения были собраны фрагменты керамики (рис. 6), четыре каменных отбойника со следами забитости и железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы, относящийся к эпохе средневековья (рис. 5, 22).

Анализ материалов

Конструкции. На поселении Бырганов IV обнаружено два различных типа конструкций: малые, без опорных столбов, и большие, со следами столбовых конструкций.

К первому типу относятся жилища № 1 и 2 площадью 8 и 6 кв. м соответственно. Глубина котлованов — 0,2 м, ямок и остатков деревянных конструкций внутри жилищ не зафиксировано (рис. 2). Подобные сооружения ранее не были встречены ни на одном из известных поселений эпохи поздней бронзы в Минусинских котловинах, поэтому восстановить внешний вид таких построек очень сложно. Возможно, они представляли собой легкие каркасные деревянные конструкции.

Несмотря на то, что жилище № 3 было раскопано не полностью, его можно отнести ко второму типу: оно больше, чем первое и второе (минимальная длина стен — 3 и 4,8 м). На поверхности, не нарушенной могилами, зафиксировано несколько ямок, некоторые из которых могли быть столбовыми (рис. 2). К этому же типу относится и жилище № 4 (рис. 3). К характерным особенностям этих жилищ относятся неглубокие котлованы, значительная площадь, наличие опорных столбов в центре и вдоль стен.

Четыре столба в центральной части вместе с четырьмя столбами около стен образуют две линии (первая линия: ямки № 1, 2, 7, 8; вторая линия: ямки № 3–6) (рис. 3; 7), разделяющие жилище на три примерно равных по ширине «нефа». Вероятно, эти столбы составляли основу несущей конструкции, на которую опиралось перекрытие. Установить характер перекрытия сооружения довольно сложно из-за плохой сохранности дерева, однако можно привлечь материалы других поселений, где аналогичные по конструкции жилища сохранились лучше.

В Минусинских котловинах подобные постройки были обнаружены на поселениях позднего бронзового века Тунчух (Севастьянова, 1977. С. 13–20) и Торгажак (Савинов, 1996). На поселении Торгажак раскопано семь жилищ. В большинстве из них

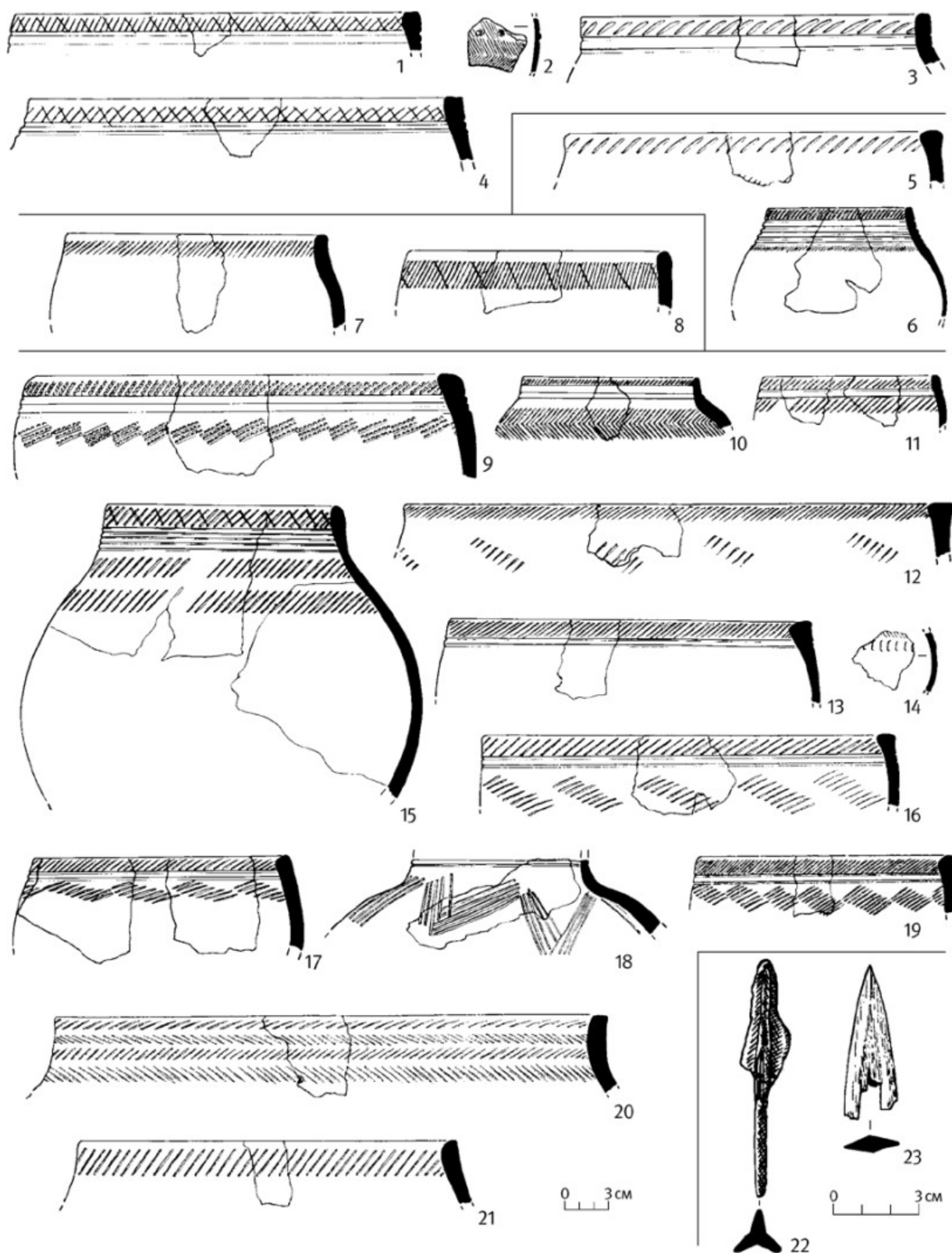

РИС. 5. Бырганов IV. Находки: 1-4 – жилище № 1; 5, 6 – жилище № 2; 7, 8 – жилище № 3; 9-23 – жилище № 4. 1-21 – керамика; 22 – железо; 23 – кость

FIG. 5. Byrganov IV. Finds. 1-4 – dwelling No 1; 5-6 – dwelling No 2, 7-8 – dwelling No 3, 9-23 – dwelling No 4. 1-21 – ceramics; 22 – iron; 23 – bone

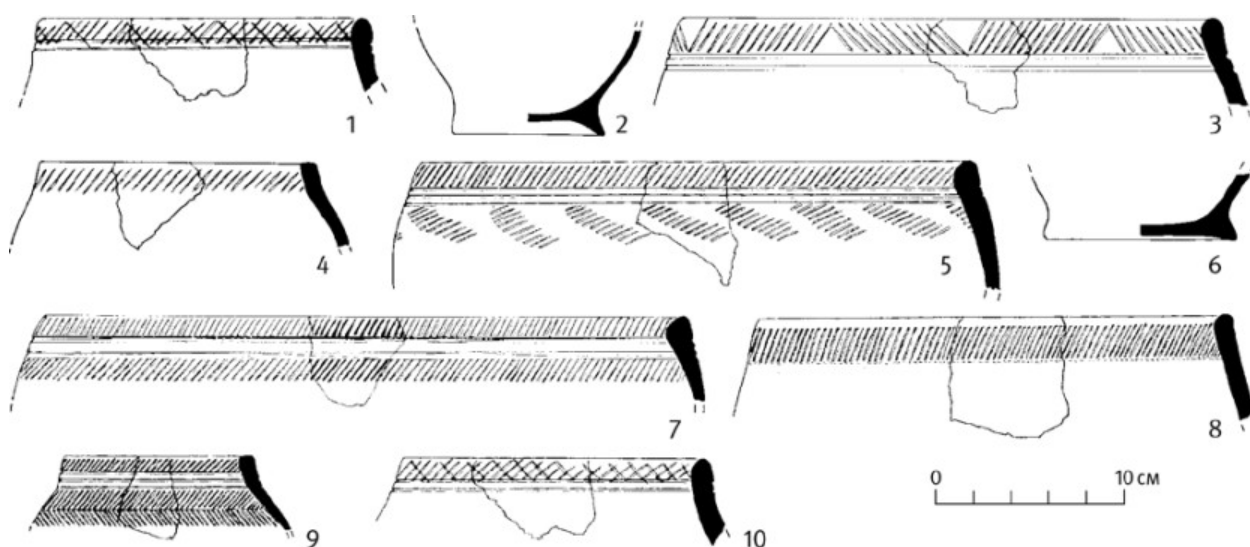

РИС. 6. Бырганов IV. Находки. Подъемный материал. Керамика

FIG. 6. Byrganov IV. Surface finds. Ceramics

сохранились деревянные конструкции, на основании которых можно реконструировать внешний вид таких построек.

Каждая стена состояла из нескольких секций высотой как минимум в четыре венца (не менее 0,5 м), длиной около 3–5 м, которые в местах стыка запирались вертикальными столбами, установленными в ямах (№ 9–19, 22, 30, 42, 55) (рис. 7). Центральная часть жилища перекрывалась бревенчатым накатом по оси З–В, боковые – в направлении С–Ю, образуя двускатную крышу с плоским верхом. На северной и южной стенках перекрытие крепилось на сруб, противоположные концы бревен опирались на лаги, соединяющие столбы несущей конструкции. Торцовые стены при этом закладывались горизонтально лежащими бревнами⁴. Данная конструкция позволяла равномерно распределить нагрузку на все опорные столбы. В центре плоской части перекрытия, между центральными столбами, могло находиться отверстие – световое или дымовое окно. Высота сооружения, по-видимому, составляла не менее 2 м, но точно установить ее не представляется возможным (рис. 8).

В центре восточной стенки котлована находился вход в жилище, оформленный в виде коридора-пандуса шириной 0,7 м и длиной около 1 м. Стенками коридора служил тын, нижние концы бревен

которого были установлены в сплошную канавку. На тын, вероятно, было уложено потолочное перекрытие (рис. 8).

Аналогичные жилища встречаются в Западной Сибири и на Алтае в ирменских комплексах и памятниках «бурлинского типа» (Милованово, жилища № 10 и 11; Быстровка-4, жилище № 5 (Матвеев, Сидоров, 1985); Тамбар, жилища № 3 и 5 (Бобров, 1993), Бурла-3, сооружение № 1 (Федорук и др., 2018). Похожие конструкции распространены в андроновских и постандроновских памятниках на территории Южного Приуралья, Северного и Центрального Казахстана. Наибольшее сходство с быргановскими жилищами обнаруживают постройки на поселениях Бутыкаты II и Тургенъ I (Горячев, 2013), жилища № 14 и 21 поселения Шортанды-Булак (Маргулан, 1998. С. 264–279). Вероятно, такие архитектурные комплексы были характерны для андроновской домостроительной традиции, и их широкое распространение связано с продвижением андроновских и постандроновских культур (Лурье, 2020. С. 119–122).

Вполне возможно, что описанные жилищные конструкции имеют более древние корни. В 2015 г. на территории Тувы в пределах могильника Красная Горка 15 было исследовано святилище (объект № 10) чаа-хольской культуры раннего бронзового века. В плане это сооружение детально соответствует жилищам Торгажак и Бырганова: прямоугольный углубленный котлован, облицованный камнем; наклонный пандус с восточной стороны,

⁴ И. П. Лазаретов в жилище № 5 поселения Торгажак на одной из торцевых стенок проследил 11 сохранившихся бревен такой закладки.

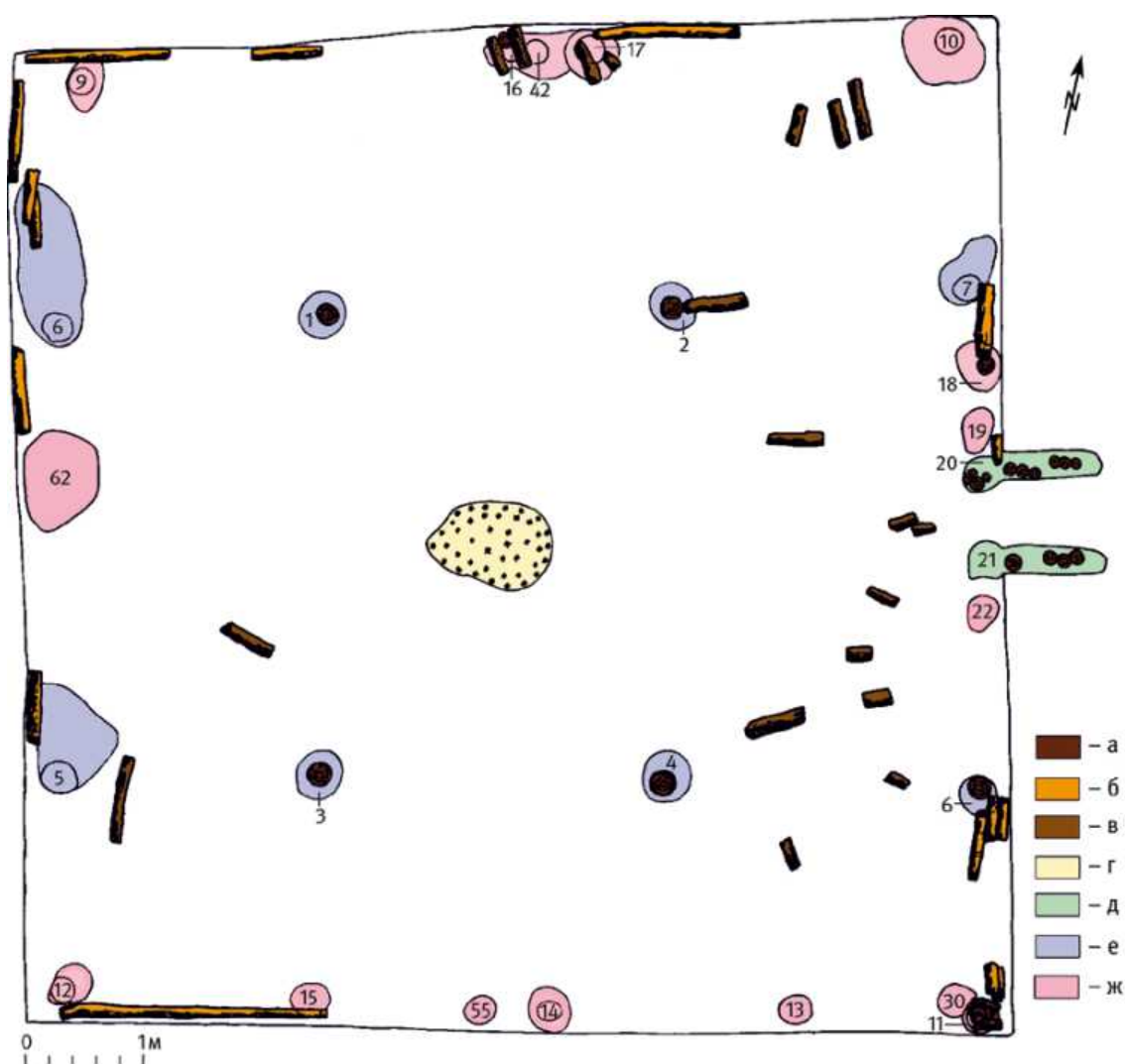

РИС. 7. Бырганов IV. Жилище № 4. Схема основных конструктивных элементов. Условные обозначения: а – опорные столбы; б – бревна сруба; в – бревна перекрытия; г – прокал; д – вход; е – ямки от столбов, поддерживавших перекрытия; ж – ямки от столбов в местах стыковки бревен сруба

FIG. 7. Byrganov IV. Dwelling No 4. Scheme of the main construction elements. Keys to the figure: а – supporting pillars; б – logs of the frame; в – logs of the roof; г – calcined earth; д – entrance; е – holes from the pillars supporting the roofs; ж – holes from the pillars at the joints of the logs of the frame

оконтуренный плитами и заканчивающийся небольшим тамбуром с двумя вертикальными стенами (имитация опорных столбов входа); каменные перегородки, разделяющие помещение на три приблизительно равные части – «нефы»; центральный очаг-жертвенник, а по периметру от него – четыре каменные стелы, символизирующие четыре основных опорных столба (Лазаретов, Поляков, 2018. С. 73–93). Аналогичные по конструкции ритуальные площадки обнаружены у целого ряда курганов раннего бронзового века на территории Минусинских котловин, Тувы и Монголии. Они располагались к востоку от погребальных комплек-

сов и предназначались для проведения поминальных церемоний. Именно они, а не курганы с захоронениями, могут считаться «домами мертвых», имитирующими реальные жилища. Если наши предположения верны, то жилищные конструкции с подобным набором признаков появились задолго до момента формирования культур андроновского круга и восходят к комплексам окуневско-чумурчекской общности раннего бронзового века (Лазаретов, 2017).

Инвентарный комплекс. Основная масса находок концентрировалась в нижнем слое вдоль стен жилища, что может свидетельствовать о своеобразной

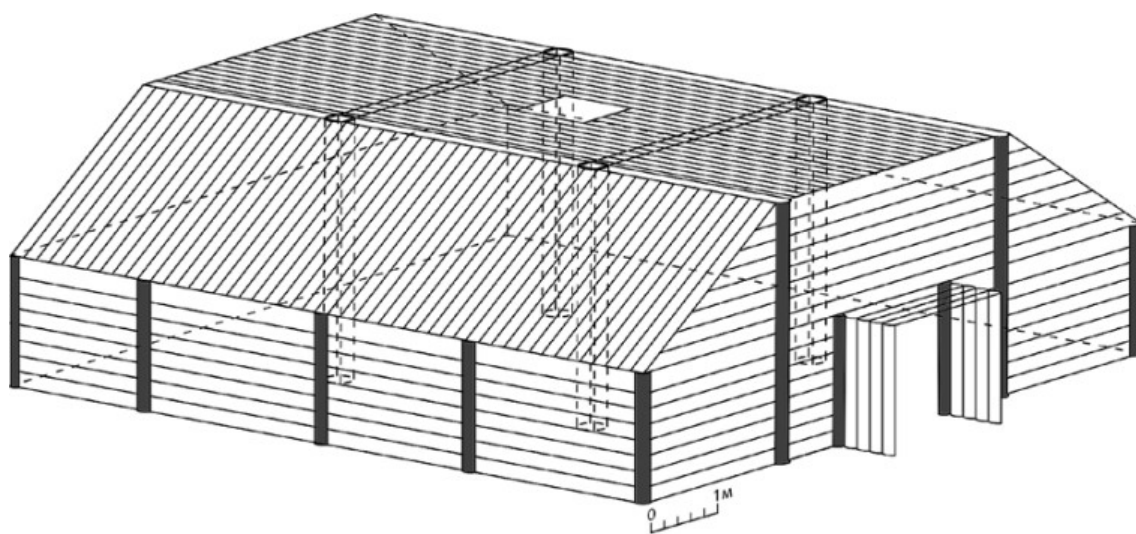

РИС. 8. Реконструкция внешнего облика жилища

FIG. 8. Reconstruction of the external view of a dwelling

«уборке» помещений, при которой весь «мусор» перемещался ближе к стенкам, а центральная часть вокруг очага оставалась свободной. На поселении обнаружено большое количество дробленых костей животных (определения не проведены).

Большинство находок представлено мелкими или сломанными предметами, которые могли быть потеряны или забыты случайно. Это может свидетельствовать о том, что жилище было покинуто намеренно, без особой спешки, возможно, из-за того, что пришло в негодность. Обнаружено всего одно изделие из бронзы – четырехгранное шильце. К костяным изделиям относятся фрагмент неизвестного предмета с отверстием, пластинка подтрапециевидной формы, псалий с тремя отверстиями в разных плоскостях, проколки, фрагменты рога со следами резки, зажимной наконечник стрелы (рис. 5, 23). Подобные наконечники стрел были обнаружены и на других поселениях позднего бронзового века в Минусинских котловинах – на поселении Торгажак (Савинов, 1996. Рис. 1, 1) и Каменный Лог I (ГЭ, кол. 2399, 2400).

Особенно интересная находка – роговой псалий. Аналогичные стержневидные псалии с отверстиями в разных плоскостях найдены на поселениях Торгажак (Савинов, 1996. Рис. 3, 2, 5), Каменный Лог I и Каменка IV (ГЭ, кол. 2603), в могильниках Саяны-Пограничное (Амзараков и др., 2015. Рис. 4) и Устинкино (Савинов, Бобров, 1983. Рис. 25). Все известные на данный момент в Южной и Западной Сибири псалии с отверстиями в разных плоскостях относятся к комплексам позднего

бронзового века. Именно в это время они встречаются вместе с псалиями с отверстиями в одной плоскости, которые становятся доминирующим типом в раннем железном веке (Савинов, 1996. С. 26; Амзараков и др., 2015. С. 79).

Каменные изделия на поселении Бырганов IV представлены крышками для сосудов из оббитых плиток песчаника, обломками зернотерок и четырьмя каменными отбойниками со следами забитости. Подобные изделия обнаружены и на других поселениях позднего бронзового века в Минусинских котловинах (Савинов, 1996. Табл. 15–19).

На площади поселения найдены фрагменты от не менее 38 сосудов: два обломка нижних частей горшков на невысоком поддоне (рис. 6, 2, 6), три – орнаментированных стенок (рис. 5, 2, 14, 18), 26 – венчиков и большое количество фрагментов неорнаментированных стенок. Необходимо отметить, что на поселении не обнаружено целых сосудов или их развалов, что подтверждает предположение о том, что жилища были покинуты без спешки, а вся посуда, которую еще можно было использовать, унесена жителями. Такая же ситуация зафиксирована на поселениях Торгажак (Лазаретов, 1996. С. 32) и Каменный Лог I (Турье, 2019. С. 97). Их сожжение по окончании функционирования, по-видимому, являлось символическим актом.

Форму и орнаментацию посуды можно восстановить, в первую очередь, по обнаруженным венчикам. Ни один профиль не удастся восстановить полностью. По форме керамические сосуды можно разделить на слабопрофилированные

банки (рис. 5, 1, 3–5, 7–9, 11–13, 16, 17, 19–21; 6, 1, 3–5, 7, 8, 10) и сферические сосуды с высоким узким горлом и широкими плечиками (рис. 5, 6, 10, 15, 18; 6, 9). Отсутствие фрагментов плоских доньшек, скорее всего, свидетельствует о том, что большинство сосудов имело округлое или слегка уплощенное дно. Все венчики украшены косыми насечками или оттисками штампа, в некоторых случаях расчеченными разреженными насечками противоположного направления (рис. 5, 1, 4, 8, 15; 6, 1, 3, 10). У большей части сосудов под венчиком нанесены от двух до пяти прочерченных линий, под которыми – один или несколько рядов косых насечек (рис. 5, 6, 10, 11, 15, 20; 6, 7, 9), наклонные ряды косых линий или оттисков штампа (рис. 5, 12, 16, 17, 19; 6, 5). В отдельных случаях встречаются длинные прочерченные линии, соединяющиеся под острым углом с такими же линиями, направленными в другую сторону (рис. 5, 18), жемчужины (рис. 5, 2) и прямые насечки (рис. 5, 14).

Керамический комплекс Бырганова IV однороден и отражает относительно короткий период существования памятника. Такая керамика характерна для хронологического горизонта III–в позднего бронзового века (Лазаретов, Поляков, 2008. С. 46, рис. 6), который датируется IX в. до н. э. (Поляков, Лазаретов, 2019. С. 202). Керамика, найденная на поселении Бырганов IV, обнаруживает близкое сходство с материалами погребальных памятников и жилищ № 1 и 2 поселения Каменный Лог I (Лурье, 2019. С. 97–98). На данный момент, в связи с плохой изученностью поселений, невозможно выделить какие-либо особенности, характерные именно для поселенческой керамики.

Вероятно, поселение Бырганов IV функционировало непродолжительное время, о чем говорит отсутствие насыщенного культурного слоя вокруг жилищ и однородность керамического комплекса. Однако в жилище № 4 были зафиксированы следы ремонта. Возможно, поселение использовалось на протяжении 20–30 лет, после чего было добровольно покинуто жителями. Они забрали с собой все предметы, которые могли пригодиться в хозяйстве, включая керамические сосуды. После

этого жилища были сожжены. Вероятной причиной прекращения функционирования поселения могло стать изменение русла р. Таштып. В настоящее время река протекает почти в километре от жилищ, хотя рядом с ними отчетливо видны следы древнего русла.

Могильник Бырганов V на этом же месте сооружен через небольшой промежуток времени после того, как поселение было заброшено. На это указывает очень тонкая стерильная прослойка между слоями поселения и плитами могильных конструкций. Материалы этого погребального памятника относятся к хронологическому горизонту IV–б позднего бронзового века и датируются второй половиной IX – началом VIII в. до н. э. (Лазаретов, Поляков, 2008. С. 46; Поляков, Лазаретов, 2019. С. 202).

В заключение следует отметить, что комплекс поселения Бырганов IV в значительной степени расширяет наши представления о домостроительной традиции позднего бронзового века. Основными для этого времени жилищными комплексами являлись большие, слабо заглубленные в землю срубные конструкции с трехчастной крышей с плоской центральной частью и скатами над двумя боковыми «нефами». Они имели четко оформленный вход-пандус, укрепленный бревенчатым тыном и перекрытый потолком. Вместе с тем, на поселении Бырганов IV обнаружен еще один тип построек (жилища № 1 и 2), который на данный момент не имеет аналогий в материалах Минусинских котловин. Вероятно, это были легкие разборные каркасные конструкции. Их появление, по-видимому, связано с возросшей подвижностью населения вследствие массового освоения верховой езды. Неслучайно, начиная со II этапа позднего бронзового века Минусинских котловин мы регулярно обнаруживаем на поселениях роговые стержневидные псалии. В остальном материал поселения Бырганов IV типичен для своего времени. Обнаруженная в жилищах керамика уверенно датируется хронологическим горизонтом III–в и имеет многочисленные соответствия в погребальных комплексах, таких как Арбан III, Маткечик, Калы и Усть-Бюрь.

Литература и источники

Амзараков и др., 2015 – Амзараков П. Б., Лазаретов И. П., Поляков А. В. Погребение финальной стадии эпохи поздней бронзы в истоках реки Иджим (Ермаковский район Красноярского края) // Вестник НГУ, Серия: История, филология. Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2015. С. 72–83.

Бобров, 1993 – Бобров В. В. Жилища лугавской культуры в Ачинско-Мариинской лесостепи // Культура народов Евразийских степей в древности. / Отв. ред.: Ю. Ф. Кирюшин, А. Б. Шамшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1993. С. 118–132.

Горячев, 2013 – Горячев А. А. Вопросы типологии и хронологии поселений эпохи бронзы на северных

- склонах Заилийского Алатау // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сборник научных статей, посвященный 65-летию Ж. Курманкулова / Отв. ред. А. З. Бейсенов. Алма-Ата: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 348–370.
- Лазаретов, 1991a — Лазаретов И. П. Отчет о раскопках могильников Бырганов III, V, Федоров улус и поселения Бырганов IV в Аскизском районе и могильника Белое озеро I в Бейском районе Хакасской автономной области в 1990 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 95.
- Лазаретов, 1991b — Лазаретов И. П. Отчет о раскопках могильников Бырганов III, V, Федоров улус и поселения Бырганов IV в Аскизском районе и могильника Белое озеро I в Бейском районе Хакасской автономной области в 1990 г. // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 13960.
- Лазаретов, 1996 — Лазаретов И. П. Глава IV. Керамика поселения Торгажак // Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. С. 33–37.
- Лазаретов, 2017 — Лазаретов И. П. Общность культур Саяно-Алтая в эпоху ранней бронзы // Труды V (XXI) ВАС в Барнауле-Белокурихе / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. Т. 1. С. 277–282.
- Лазаретов, Поляков, 2008 — Лазаретов И. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы / Отв. ред. А. Б. Шамшин. Барнаул: Концепт, 2008. С. 33–54.
- Лазаретов, Поляков, 2018 — Лазаретов И. П., Поляков А. В. Святилище раннего бронзового века в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 83–93.
- Лурье, 2019 — Лурье В. М. Керамический комплекс поселения Каменный Лог I (предварительное сообщение) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск — Хэйхэ, 8–12 апреля 2019 г. / Науч. ред. О. А. Шеломихин. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 97–98.
- Лурье, 2020 — Лурье В. М. К вопросу об истоках сложения домостроительной традиции в Минусинских котловинах в позднем бронзовом веке // АВ. Вып. 26. СПб., 2020. С. 117–122.
- Матвеев, Сидоров, 1985 — Матвеев А. В., Сидоров Е. А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и Средневековье / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1985. С. 29–54.
- Маргулан, 1998 — Маргулан А. Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана // Сочинения А. Х. Маргулана: в 14 т. Т. I. / Отв. ред. Н. А. Назарбаев. Алма-Ата: Атамұра, 1998. 400 с.
- Поляков, Лазаретов, 2019 — Поляков А. В., Лазаретов И. П. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии) / Отв. ред.: Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. С. 188–202.
- Савинов, 1996 — Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 112 с.
- Савинов, Бобров, 1983 — Савинов Д. Г., Бобров В. В. Устинкинский могильник // Археология Южной Сибири. ИЛАИ. Вып. 12. Кемерово: КемГУ, 1983. С. 34–72.
- Севастьянова, 1977 — Севастьянова Э. А. Отчет об охраняемых раскопках областного музея на Старо-Аскизской оросительной системе. Абакан, 1977 // НОА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 6378.
- Федорук и др., 2018 — Федорук А. С., Папин Д. В., Федорук О. А. Домостроительство населения степного и лесостепного Алтая в среднем и позднем бронзовом веке // АЭАЕ. 2018. Т. 46, № 3. С. 75–82.

Early settlements of Khakassia. Byrganov IV

Vera M. Lurie, Igor' P. Lazaretov

The complex of the settlement of Byrganov IV (Republic of Khakassia, Russia) expands to a great extent our knowledge of the house-building tradition of the Late Bronze Age. During this period, the most typical dwelling complexes were represented by large log structures, slightly deepened into the surface, with a flat top and a gable roof (Fig. 3; 4). They had a distinctly shaped ramp entrance strengthened with a timber fence and covered with roofing (Fig. 8). Simultaneously, at the settlement of Byrganov IV, yet another type of buildings was revealed (dwelling 1, 2; Fig. 2) which at present has no parallels among the materials from the Minusinsk

Hollows. Probably these houses were dismountable light frame constructions. Their appearance was evidently related with the increased mobility of the population owing to the mass adoption of riding. It is no mere chance that from the 2nd stage of the Bronze Age of the Minusinsk Hollows, we regularly find horn rod-like cheekpieces at the sites. In other respects, the material from the settlement of Byrganov IV is typical of its time. The pottery found in the dwellings (Fig. 5, 1–21; 6) is reliably dated to the chronological horizon III-в and has numerous analogues in such burial complexes as Arban III, Matkechik, Kaly, Ust-Byur.

О камнях-обелисках, деревянных столбах и изваяниях в погребальной практике древних народов Евразии

В. В. Бобров¹

АННОТАЦИЯ. В статье в качестве своеобразной знаковой системы рассматривается традиция установки погребально-поминальных обелисков, стел, столбов, изваяний на территории евразийских степей, существовавшая от неолита до раннего средневековья. Особое внимание уделено памятникам эпохи бронзы азиатской части ареала, для которой такая традиция наименее изучена. В результате выявлена тенденция развития этого своеобразного компонента погребально-поминальных сооружений в пространстве и времени, связанная с его локализацией в сакрализованном пространстве некрополя.

ANNOTATION. The paper considers, as a specific semiotic system, the tradition of installation of funerary-memorial obelisks, steles, pillars and sculptures practiced from the Eneolithic to the early Middle Age in the area of the Eurasian steppe. Special attention is concentrated on the Bronze Age sites of the Asiatic part of this region where this tradition is the most poorly investigated. The study has resulted in distinguishing of a tendency in the space and time evolution of this peculiar component of funerary-memorial installations as connected with its location within the sacralised area of necropolises.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эпоха бронзы, скифское время, раннее средневековье, курган, поминальная ограда, камень-обелиск, антропоморфная стела, столб, олений камень, изваяние, Евразия.

KEYWORDS: Bronze Age, Scythian period, early Middle Ages, kurgan, memorial fence, stone obelisk, anthropomorphic stele, pillar, deer stone, sculpture, Eurasia.

Дмитрий Глебович Савинов — первый из отечественных исследователей первобытных древностей, который дал научную оценку открытию камней-обелисков, установленных в погребальных памятниках андроновской культуры и поздней бронзы (ирменская, карасукская культуры) Южной Сибири и Казахстана (Савинов, 1994а. С. 26–27). Ему в какой-то степени самому удалось убедиться в их реальности.

В 1993 г. Дмитрий Глебович проводил археологическую практику студентов Санкт-Петербургского государственного университета совместно с нашей экспедицией, базировавшейся на западном берегу оз. Танай, прижатого к горам Салаирского кряжа. Для раскопок был выбран курган эпохи раннего средневековья, расположенный в девяти километрах от базового лагеря в местечке Озерки около с. Калтышино. Исследован он был на высочайшем профессиональном уровне, что свойственно Дмитрию Глебовичу, как полевику. Во время раскопок его поразила одна деталь погребального комплекса. Он подвел меня ко рву, огра-

ничивающему сакрализованную площадь кургана, проход на которую был заложен камнем.

«Смотри, — сказал он, — они использовали камень-обелиск из ирменского захоронения, который ты открыл в этих местах, для того чтобы закрыть пространство кургана. Представляешь, какая интересная археологическая комбинация — камень-обелиск эпохи поздней бронзы в качестве "замка" на входе в курган последнего столетия I тыс. н. э.»

«Неплохая шутка-намек кочевников раннего средневековья. Мол, дескать, не сомневайтесь в существовании погребального обряда с установкой намогильного камня на рубеже II–I тыс. до н. э. А с другой стороны, они как будто бы предчувствовали, что именно мы будем стоять перед оформленным ими курганным пространством. И вот, таким способом, решили обозначить прочность наших дружеских отношений», — была моя реакция на увиденное археологическое явление.

Вот так, через тысячу лет дал о себе знать камень-обелиск эпохи поздней бронзы. Это был удивительный археологический феномен, вновь вернувший нас к длительным беседам о древностях Сибири и Центральной Азии у костра на берегу озера.

Так как идея о вертикально установленных объектах на погребальных памятниках эпохи бронзы Южной Сибири и Казахстана получила

¹ 650000, Россия, г. Кемерово, пр. Советский, д. 18. Институт экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН. Отдел гуманитарных исследований; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6, КемГУ. Кафедра археологии. Адрес электронной почты: bobrov@kemsu.ru.

освещение преимущественно в тезисном виде (Бобров, 1989; 1992), возникла исключительная возможность изложить ее более детально и по возможности хронологически шире. Поводом стал замечательный юбилей друга во все и на все времена – Дмитрия Глебовича Савинова.

Введение

В 1987–1989 гг. Южносибирская археологическая экспедиция Кемеровского государственного университета проводила исследования на территории Танайского археологического микрорайона. За эти несколько лет был раскопан крупнейший ирменский некрополь – Журавлёво-4. В этом могильнике в пяти курганах из 22 были обнаружены камни-обелиски, установленные на 12 могилах (Бобров и др., 1993). Несколько раньше, в первой половине 80-х гг. прошлого столетия, исследования курганов андроновской культуры в окрестностях сел Титово и Васьково позволили выявить в некоторых могилах деревянные столбы, не являвшиеся конструктивной деталью внутримогильных сооружений (Бобров, Михайлов, 1989). Эти материалы послужили поводом и составили основу для проведения исследования своеобразных объектов в погребальной практике населения эпохи бронзы степного и лесостепного пояса Евразии.

В последнее десятилетие XX в., несмотря на сложные социально-экономические условия в стране, активные полевые исследования велись на территории Горного Алтая. Результаты работ Института археологии и этнографии СО РАН на плато Укок достаточно хорошо известны не только в нашей стране, но и в мире, причем не только среди специалистов. В данном случае нас интересуют не уникальные находки из «замерзших курганов», а вертикально установленные камни-плиты на кургане № 1 памятника Бертек-1 и кургане № 1 Бертек-10 (Древние культуры..., 1994. С. 64, 72). Немногим позже Ю. Ф. Кирюшин и А. А. Тишкин среди археологических памятников раннескифского времени Горного Алтая выделили бийкенскую культуру (Кирюшин, Тишкин, 1997). Одним из элементов погребальных сооружений этой культуры были камни-обелиски (Тишкин, 1996). В начале 1990-х гг., работая в АлтГУ совместителем, я обратил внимание А. А. Тишкина на то, что в некоторых погребальных конструкциях раннескифского времени Горного Алтая, в частности раскопанных им, есть камни, морфологически идентичные камням-обелискам ирменской культуры.

К чести Алексея Алексеевича, в следующий полевой сезон он привез камень из горно-алтайского памятника, и мы убедились в правомерности идеи, что вертикальные объекты, использовавшиеся в погребальном обряде населения раннескифского времени, схожи с ирменскими камнями-обелисками. Именно исследования алтайских памятников показали необходимость изучения этой погребальной практики древних и средневековых народов.

Через несколько лет эта идея независимо от хронологии исследуемых археологических памятников приобрела «народный» характер. В качестве примера сошлюсь на работу Е. В. Шелеповой (Шелепова, 2010). Историографическая ситуация напоминает один анекдот: «Позавчера доктору Альцгеймеру исполнилось бы 105 лет. Интересно то, что об этом никто не вспомнил».

В рамках историографии проблемы и в аспекте появления новых источников о вертикальных объектах в погребальных памятниках Евразии целесообразно обозначить тенденцию развития этого своеобразного компонента погребально-поминальных сооружений в пространстве и времени. Эта целевая установка публикуемой работы предполагает ряд задач, среди которых наиболее актуальными являются такие, как определение истоков практики установки вертикальных объектов при погребении и времени ее возникновения, места размещения в сакрализованном пространстве некрополя, морфологии и «плана выражения» объектов.

Основная часть

В современной археологии утвердилось представление, что наиболее ранние менгиры, по крайней мере на территории Старого Света, появились в конце неолита или в энеолите. Но в отличие от расположенных рядами менгиров, каменные стелы с антропоморфными чертами и изваяния в виде человека связаны с некрополями (Испания, юг Франции, север Италии). По мнению исследователей, в большей степени такие стелы получили распространение в Средиземноморье, однако они известны и на территории северо-западной Франции. Наиболее показательна в этом отношении коридорная гробница в местности Керкадо (Гимбутас, 2006. С. 215). На территории юга Восточной Европы, в качестве примера, следует упомянуть антропоморфные стелы древнеямной культурно-исторической общности, которые, сохраняя при-

знаки монументального искусства, приобрели новое смысловое наполнение (Новицкий, 1990). Свидетельство этому – принадлежность стел погребальным комплексам. Особенно показательны кеми-обинские памятники Крыма, в которых стелы являлись элементом погребальной конструкции, находились в насыпи кургана или были уста-

новлены рядом с ним (Тоцев, 2007). Известно 35 кеми-обинских стел-изваяний (рис. 1, 1).

В связи с традицией использования камня в погребальной практике населением древних этносоциальных объединений, на мой взгляд, следует обратить внимание на некрополи неолитических и раннебронзовых культур Байкальской Сибири

РИС. 1. Бронзовый век: 1 – каменные стелы из Тиритака (по: Каменные стелы...); 2, 3 – окуневские изваяния (по: Леонтьев и др., 2006); 4 – чемурчекское изваяние (по: Ковалёв, 2012. С. 10); 5 – курган Хар хошуу (по: Ковалёв, 2012. С. 143); 6, 7 – деревянные столбы в андроновских могилах, Танай XII (фото автора); 8 – алакульское погребение (по: Ткачев, 2012. С. 53, рис. 3, 2); 9, 10 – стелы в могильнике Журавлёво-4 (фото автора); 11 – стелы в могильнике Журавлёво-4 (рисунок автора); 12 – менгир, могильник Бугулы-II (по: Бейсенов и др., 2014. С. 18); 13 – мавзолей Бугулы-III (по: Бейсенов и др., 2014. Рис. 17). Масштаб разный

FIG. 1. Bronze Age: 1 – stone stelae from Tiritak (after Каменные стелы...); 2, 3 – Okunevo sculptures (after Леонтьев и др., 2006); 4 – Chemurchek sculpture (after Ковалёв, 2012. С. 10); 5 – Khar Khoshuu barrow (after Ковалёв, 2012. С. 143); 6, 7 – wooden pillars in Andronovo graves, Tanay XII (photo by the author); 8 – Alakul burial (after Ткачев, 2012. С. 53, рис. 3, 2); 9, 10 – stelae from the burial ground of Zhuravlevo-4 (photo by the author); 11 – stelae from the burial ground of Zhuravlevo-4 (drawn by the author); 12 – menhir at the cemetery Buguly-II (after Бейсенов и др., 2014. С. 18); 13 – mausoleum Buguly-III (after Бейсенов и др., 2014. Рис. 17). Scale varies

и прилегающих территорий. Начиная с раннего неолита (китайская культура, VII тыс. до н. э.), в погребальном обряде было принято засыпать могилу грунтом с камнем. Соответственно, первоначально места захоронений на территории могильника выделялись только площадками скопления камней. Семантическое содержание этой традиции относится к универсальным представлениям, связанным с жизнью и смертью.

Вертикальный объект на могиле выделяет погребенного в ней человека среди других сородичей, также ушедших в иной мир. В его смысловом содержании проявляется социальная компонента, значимая для общества. Такая идеологическая установка могла отражать ранжированный характер общества. Концепция «верх — середина — низ» является не только абстрактной формализацией трехчастного деления мира, но и отражением существования конкретных социальных страт, где каждый член общества занимает свое место. Неслучайно представление о социально значимом, вероятнее всего, конкретном человеке, возникает на рубеже смены эпох камня и металла, в связи с новыми социально-экономическими условиями. Повсеместное и одновременное распространение, а также однотипное воплощение этой идеи невозможно в силу неравномерности исторического развития обществ в дописьменный период истории. Даже в географических пределах древнейшей культурной общности антропоморфные стелы получили распространение на ограниченной территории: Северо-Западное Причерноморье и часть Балкано-Карпатского региона, где сформировался локальный вариант ямной КИО (Иванова, 2014). В начале 80-х гг. прошлого столетия только в Бугско-Ингулецком междуречье было найдено 179 антропоморфных стел (Шапошникова, 1985). В культурах восточных регионов ее ареала они пока неизвестны. Возникнув в восточноевропейских степях, традиция использования менгиров, стел и изваяний в погребальной практике сохранялась и развивалась в некоторых культурах катакомбной и срубной общностей. Можно проследить даже устойчивость способов их использования. Как в некоторых ямных погребениях антропоморфные стелы закрывали могилу сверху, так иногда при катакомбном захоронении они служили закладом входа (Братченко, Шапошникова, 1985. С. 409). Любопытно, что такой же способ был зафиксирован в степях Среднего Енисея в кургане Уйбат-Чарков,

который исследователи относят к раннему этапу окуневской культуры (Лазаретов, Поляков, 2018).

На территории восточных регионов евразийских степей практика установки на погребальном комплексе памятного знака в виде камня-obeliska или изваяния получила распространение только в сейминско-турбинское время. Причем изваяния, как главный объект воплощения образа, вероятно, героя-первопредка, предстают сразу в композиционно сформировавшемся виде монументальной скульптуры, а простые камни-obeliski, без изображений, носителям сейминско-турбинской традиции, скорее всего, незнакомы. Монументальная скульптура чемурчекской культуры сопровождает погребальные сооружения в степях Джунгарии, Западной Монголии (рис. 1, 4, 5) и Восточного Казахстана (Ковалёв, 2012). Время существования культуры — вторая половина III — первая треть II тыс. до н. э. В то же время в непосредственной близости с чемурчекской культурой существовала окуневская культура. На относительно небольшой территории (Минусинские котловины) известно несколько сотен изваяний и стел (Вадецкая, 1980; Леонтьев и др., 2006). Большая часть из них не сохранилась *in situ*, но в результате раскопок кургана № 1 могильника Уйбат III И. П. Лазаретову удалось определить, что антропоморфная стела была установлена вертикально внутри ограды рядом с могилкой. Вторая идентичная стела находилась в огражденной могиле (Лазаретов, 1997). Еще один камень с близким по стилю антропоморфным изображением был обнаружен в качестве заклада катакомбы № 6 могильника Уйбат-Чарков (Лазаретов, Поляков, 2018. С. 56). Другим вариантом размещения стел была их установка в стенке ограды кургана. А. В. Поляков приводит в качестве примера единственный случай, когда в могиле № 6 кургана № 14 могильника Итколь II был поставлен камень-obelisk (Поляков, 2020. С. 207–208). Можно полагать, что в данной этнокультурной среде смысловое содержание изваяний и стел, установленных на площади кургана, было таким же, как у населения древнейшей и чемурчекской культур.

В связи с исследуемой проблемой чрезвычайно важное значение приобретает реконструированный Д. Г. Савиновым образ «дерева-маски» в окуневском искусстве, относящийся к его архетипическому пласту. Речь идет о деревянном столбе, увенчанном изображением головы или лица человека. По мнению автора идеи, этот образ представлен в искусстве синхронных культур Саяно-Алтая,

а также населения верхней Лены и юга Западной Сибири (Савинов, 2016).

В период развитой бронзы степь и лесостепь Западной Сибири, а также значительную часть казахстанских степей занимали племена андроновской культуры. Их погребальный обряд также предполагал традицию установки камней-обелисков или деревянных столбов. Но на пространстве от Южного Урала до Среднего Енисея чаще они встречаются в погребальных памятниках восточных районов ареала культуры. В 1992 г. мною было отмечено, что в андроновских погребениях Минусинских котловин выявлено семь столбов и два обелиска (могильники Орак, Усть-Ерба, Каменка II, Ланин Лог). Несмотря на то, что в последнее время было исследовано четыре новых андроновских памятника, статистика не изменилась (столбы в могиле № 30 могильника Косоголь-3 поддерживали перекрытие). В тот же период, по другую сторону Кузнецкого Алатау, в межгорной Кузнецкой котловине, было исследовано три андроновских могильника – Юрман, Чудиновка и Танай-12. Тринадцать деревянных столбов, обнаруженных в курганных захоронениях некрополей Титово, Васьково-5, Танай-1, дополняют еще шесть из могильника Танай-12 (рис. 1, 6, 7) и пять из погребений трех курганов Юрмана. Небезынтересно то, что в андроновское захоронение (могила № 2 кургана № 2 могильника Танай-12) был поставлен камень-обелиск (Ковтун, Горяев, 2001). Еще один камень-обелиск, от которого сохранилось только основание, был установлен около захоронения в каменном ящике на площади небольшого сооружения курганного типа (погребение № 15). Его культурную принадлежность установить сложно, но нет сомнения в том, что это сооружение содержало элементы, восходящие к окуневской традиции (Бобров, 2006).

В степном и лесостепном Алтае камни-обелиски обнаружены в могильнике Сигнал-1, в могиле № 7 (фрагмент *in situ*) и могиле № 4 (использован при устройстве перекрытия); Чекановский Лог-II, могила № 39; Чесноково-1 (Грушин, Леонтьева, 2020; Кирюшин, Шульга, 1996). Каменный обелиск, установленный в андроновской могиле на памятнике Чесноково-I, возвышался на 40 см над поверхностью.

Сомнение вызывает большое количество деревянных столбов в андроновских погребениях алтайского региона. Хотя, доверившись специалистам, я использовал публикуемый количествен-

ный показатель, проведенная критика источника позволила убедиться, что при подсчетах были допущены неточности (Кирюшин и др., 2015б. С. 22) или учтенные столбики имели отношение к конструкции могильного сооружения, например в могильнике Кытманово (Уманский и др., 2007). Отмечу только случаи, в которых столбы достоверно связаны с погребально-поминальным обрядом и не являлись простым элементом конструкции. Фирсово-XIV – по два столба в могилах № 33 и 34 (раскопки 2010–2011 гг.); Рублёво-VIII – погребение № 11 (Кирюшин и др., 2015а); Барсучиха-II (данные мной не проверены). Любопытно, что в Алтайском крае, по сведениям специалистов, исследовано не менее 700 андроновских погребений. Следует полагать, что столбов было обнаружено больше, чем перечислено выше.

Камни-обелиски и деревянные столбы в погребениях известны в памятниках андроновского мира казахстанских степей и Южного Урала. Однако их значительно меньше, чем в восточных районах ареала распространения андроновской культурной общности. Описание их местонахождений приведено в работах С. А. Рахимова, В. В. Боброва, С. В. Сотниковой, И. В. Ковтуна и В. С. Горяева. Только два объекта – изваяние (в центральном погребении) и камень-обелиск (в центре кургана) – обнаружены в могильниках алакульской культуры (рис. 1, 8) (Ткачёв, 2012). Редкие случаи установки изваяний на кургане были зафиксированы в степной зоне для срубной историко-культурной области (цит. по: Сотникова, 2016. С. 239).

География распространения вертикально установленных объектов на погребальных памятниках не изменилась и в эпоху поздней бронзы, и переходное время к раннему железу. Укажем на некоторые ранее не рассматривавшиеся в этом ключе памятники. На юге Хакасии, в погребении кургана Уй, которое, на мой взгляд, следует относить к лугавской культуре финальной бронзы, зафиксирована пара столбов. На синхронном ирменском могильнике Камень-I, расположенном в верхнеобском бассейне, и могильнике Танай-7 в Кузнецкой котловине также зафиксированы камни-обелиски (Новиков, 2001; Бобров и др., 2004. С. 25). Особо выделим территорию, освоенную населением бегазы-дандыбаевской культуры, на которой А. Х. Маргуланом было определено не менее 100 местонахождений менгиров (койтас). Современные раскопки, в частности могильников Сангыру I (ограда № 13) и Сангыру III (ограда № 2),

подтвердили принадлежность, по крайней мере некоторых из них, к погребальным сооружениям бегазы-дандыбаевской культуры (рис. 1, 12, 13) (Бейсенов и др., 2014). Если обратить внимание на восточный вектор распространения этой традиции, — в степях Монголии и Забайкалья, вероятно, идентичное смысловое содержание вертикальных объектов можно предположить для культуры херексуров, представители которой, по мнению ряда исследователей, могли поддерживать тесные связи с бегазы-дандыбаевскими племенами. На мой взгляд, этот тип погребально-поминальных памятников имеет отношение к новой эпохе.

Качественно новый культурный мир ранних кочевников, который вызревал в недрах культур поздней бронзы и переходного времени в евразийских степях, наполнен изваяниями и стелами. Восточные районы Центральной Азии, по некоторым данным, насчитывают не менее тысячи оленных камней (рис. 2, 2, 4, 5), многие из которых установлены или в пределах погребального сооружения, или на территории некрополя (Волков, 2002; Кубарев, 1979; Савинов, 1994а; Килуновская, Семёнов, 1998). В монголо-забайкальском регионе большая часть оленных камней находилась в составе комплексов типа херексуров. Чем дальше на запад, тем меньше встречается оленных камней. Границей их распространения становится территория Западной Европы, где были сделаны лишь единичные их находки. Какое-то исключение представляет Северный Кавказ (Савинов, 1977). На степных пространствах между Причерноморьем и Алтае-Саянским нагорьем оленные камни, изваяния и стелы представлены, начиная с раннесакского времени (Бейсенов, 2015; Бейсенов, Ермоленко, 2014; Ермоленко, 2018). Как правило, они связаны с погребальным сооружением (рис. 2, 3, 6, 8). В ареале обитания скифов в погребальной практике использовали как изваяния, так и камни-obelisks (рис. 2, 1, 7), место расположения которых заключалось в пределах сакрализованного пространства кургана или погребения (Ольховский, Евдокимов, 1994; Канторович, Маслов, 2017).

На мой взгляд, в скифский культурно-хронологический период более отчетливо выражена логическая взаимосвязь вертикальных объектов, установленных в пространстве сакрализованной территории некрополя и представленных менгирами, камнями-obeliskами, оленными камнями и изваяниями. В этой последовательности можно усматривать общую тенденцию развития заложен-

ного в них образа. Несомненно, он имел также общую семантическую основу с вертикальными объектами на погребальных сооружениях, возведенных в предшествующие хронологические периоды. Полагаю, что есть исследователи, придерживающиеся этой точки зрения. Так, А. З. Бейсенов видит в сакских менгирах, стелах, изваяниях генетическую связь с культурами бегазы-дандыбаевской и даже андроновской эпохи (Бейсенов, 2015).

На мой взгляд, скифская эпоха являла собой расцвет мифологемы образа лидера, наделенного эпитетами превосходной степени в соответствии с социальным рангом в реальной жизни (также не исключая его идеализацию). Представляется, что причина этого кроется в совпадении как минимум трех факторов: демографического роста, изменения социально-экономических отношений в условиях политогенеза и классовобразования и, как следствие этого, — утверждения «психологии войны».

На рубеже эр центробежные силы победоносной военной политики нового племенного объединения — сюнну/хунну — внесли существенные изменения в культурогенез народов степной Евразии и сопредельных территорий. Рассматриваемый в данной статье сюжет погребально-поминальной практики — незначительная, но показательная часть процессов трансформации традиций. Не вступая в полемику о термине и понятии этого культурно-хронологического периода, отметим, что в азиатском ареале почти исчезает практика установки вертикальных объектов на могиле, около нее или на кургане. В некоторых культурах, в пределах некрополя, появляются специальные, небольших размеров, поминальные площадки с камнем-obeliskом, возле которого устанавливается сосуд (Савинов, 2010. С. 194–195), в других случаях — выстраивается ряд (один или более) вертикально поставленных стел, возле которых выкапывается яма и сооружается небольшой каменный ящик (Кызласов И., 1975). В булан-кобинской культуре Горного Алтая практически полностью исчезает традиция установки менгиров, но следует иметь в виду, что исследованы только погребальные памятники (Соёнов, 2003). Известные на этой территории единичные поминальные сооружения гунно-сарматского времени в высокогорной долине Бертек идентичны кокэльским памятникам (Савинов, 1994б). Эти примеры вписываются в общую тенденцию развития культур рубежа эр на территории азиатских степей, описанных в том же серии

РИС. 2. Ранний железный век: 1 – основание каменной стелы, могильник Новозаведенное-III (Ставропольский край), курган № 2 (по: Канторович, Маслов, 2017. С. 112); 2 – олений камень, могильник Нуэрцзя (по: Ковалёв, 2018. С. 99); 3, 6 – могильник Койшоку-5 (по: Бейсенов и др., 2020. С. 173, рис. 7); 4 – олений камень близ г. Мурен аймака Хувсгел (по: Дэвлет...); 5 – чуйский олений камень (по: Чуйский...); 7 – скифское изваяние, Херсон (по: Скифские...); 8 – изваяние сакской эпохи, р. Жинишке (по: Ермоленко, 2018. С. 123). Масштаб разный

FIG. 2. Early Iron Age: 1 – the base of a stone stele at kurgan No. 2. Cemetery Novozavedennoye-III (Stavropol Krai) (after Канторович, Маслов, 2017. С. 112); 2 – deer stone in a burial of the Nuerjia cemetery (after Ковалёв, 2018. С. 99); 3, 6 – cemetery of Koyshokuy-5 (after Бейсенов и др., 2020. С. 173, рис. 7); 4 – deer stone near the city of Muren in Khuvsgel aymag (after Дэвлет...); 5 – Chuysk deer stone (after Чуйский...); 7 – Scythian sculpture, Kherson (after Скифские...); 8 – sculpture of the Saka period, Zhinishke River (after Ермоленко, 2018. С. 123). Scale varies

«Археология СССР» (Степная полоса..., 1992). Для памятников северной периферии Центральной Азии и ее пограничья с Северной Азией в погребально-поминальной практике можно выделить два изменения. Во-первых, в гунно-сарматское или хунно-сяньбийское время обелиски теряют очевидную связь с погребальными памятниками. Во-вторых, символика памятного образа исчезает или теряет монументальность. В этом отношении очень важный вывод сделал Д. Г. Савинов — на примере поминальных памятников хунно-сарматского времени Западных Саян он указал на тенденции развития ритуально-погребальной традиции в последующую древнетюркскую эпоху. Отмечая отделение поминальных сооружений от погребальных, он пишет: «В законченном виде этот процесс завершился в эпоху раннего средневековья известной композицией древнетюркских ритуальных сооружений (ограда — каменное изваяние с сосудом в руке — ряд камней-балбалов), как правило, уже непосредственно не связанных с погребениями» (Савинов, 2010. С. 195).

Во второй половине I тыс. н. э. поминальные памятники в виде многочисленных каменных оградок получили распространение в степях Монголии, Забайкалья, в горных долинах Саяно-Алтая, на территории Восточного и Центрального Казахстана. Значительной степенью изученности ритуальных памятников отличаются Горный Алтай и Монголия (см. Серёгин, Шелепова, 2015; Идэрхангай, 2017). Их разнообразие вызвало необходимость классификации, опыт которой приведен в многочисленных работах. В каждой из них, невзирая на особенности авторского видения классификационной схемы, присутствуют оградки с камнем-обелиском, балбалами, изваяниями, как классический тип, или варианты этого типа без какого-либо из указанных компонентов (рис. 3, 1–3). Небезынтересен тип оградок с деревянным столбом, хотя, по мнению многих специалистов, он имел утилитарную функцию. Значительное количество каменных-обелисков было небольшого размера, некоторые из них, по данным Н. Н. Серёгина, имеют антропоморфные черты (иногда изображалось лицо). Но обратим внимание на изваяния, которые получили распространение практически на той же территории, что оленные камни и изваяния в скифский культурно-хронологический период (рис. 3, 4–8). Они, как правило, устанавливаются

у поминальной ограды, заменяя менгир у таких же объектов гунно-сарматского времени. Древнетюркская эпоха представляла собой ренессанс монументальной скульптуры (Грач, 1961; Кызласов Л., 1969; Баяр, 1997; Кубарев, 1984; Ермоленко, 2004; Федоров-Давыдов, 1979; Плетнёва, 1974; Шер, 1966; и др.). В этой связи небезынтересно то, что в XI–XII вв. в кыпчако-половецкий период изваяния «вернулись на курган» или приобрели место в святилищах (рис. 3, 9–13).

Результаты

Несмотря на тезисный характер изложенного, можно сделать несколько выводов. Во-первых, возникновение «вертикально-знаковой» символики в погребально-поминальной практике исторически связано с обществами, находившимися на качественно новом уровне социально-экономического развития. Хронологически их появление относится к позднему неолиту и ранней бронзе. Во-вторых, есть основание считать, что это явление имело универсальный характер. В-третьих, необходимо подчеркнуть, что существование и развитие идеи и образа, воплощенных в камне-обелиске (стеле, менгире), столбе или изваянии было непрерывным. Это подтверждают новые материалы эпохи бронзы (недостающее звено между энеолитом и скифским временем) на территории евразийских степей. В-четвертых, фиксируется преемственность традиции относительно места расположения вертикального объекта на погребальном сооружении вплоть до рубежа эр (III–II вв. до н. э.), после наступления которого произошло изменение этой традиции, но с последующим возрождением монументальной скульптуры. Можно полагать, что практика установки «вертикально-знаковой» символики в погребально-поминальных сооружениях была также у населения лесостепных и лесных ландшафтов. Об этом свидетельствуют антропоморфные стелы ананьинской культуры и деревянные идолы средневековых ритуальных сооружений кыштовской культуры (Молодин, Соловьёв, 2007).

P. S. Тезисный характер рассуждений, касающихся археологии скифского времени, гунно-сарматского периода и средневековья, обусловлен тем, что в многочисленных публикациях в достаточной мере представлены относящиеся к проблеме материалы этих периодов (сожалею, что нет возможности упомянуть работы всех исследователей).

РИС. 3. Древнетюркское время: 1 – Баян булаг-I, оградка № 2 (по: *Тишкин и др.*, 2018. С. 187); 2 – древнетюркские поминальные оградки с изваяниями (по: *Кубарев*, 2017. С. 95); 3 – поминальные оградки, Казахстан (по: В поисках...); 4 – тюркское изваяние у ур. Толоно (по: Урочище...); 5 – святилище Мерке, Казахстан (по: *Досымбаева*, 2006. Фото 51); 6 – древнетюркское изваяние, район оз. Сарыколь (по: *Кубарев*, 2016); 7, 8 – мемориальный комплекс древнетюркского аристократа из Хар-Ямаатын-Гола (Монгольский Алтай) (по: *Кубарев*, 2015. С. 137); 9 – курган с половецким изваянием. Музей мегалитов Запорожья (по: *Беспалов*...); 10 – половецкое изваяние, Парк-музей половецких баб (Луганск) (по: Парк-музей...); 11 – кыпчакское святилище на р. Жинишке (по: Каменные изваяния...); 12 – кыпчакское «святилище» с изваяниями (по: *Ермоленко*, 2004. С. 115); 13 – кыпчакские изваяния (по: Каменные изваяния...). Масштаб разный

FIG. 3. Early Turkic period: 1 – Bayan Bulag-I. Fence No. 2 (after *Тишкин и др.*, 2018. С. 187); 2 – early Turkic memorial fences with sculptures (after *Кубарев*, 2017. С. 95); 3 – memorial fences, Kazakhstan (after В поисках...); 4 – Turkic sculpture near the Tolono tract of land (after Урочище...); 5 – Merke Sanctuary in Kazakhstan (after *Досымбаева*, 2006. Фото 51); 6 – early Turkic sculpture, near Lake Sarykol (after *Кубарев*, 2016); 7, 8 – memorial complex of an Early-Turkic aristocrat from Khar-Yamaatyn-Gol (Mongolian Altay) (after *Кубарев*, 2015. С. 137); 9 – kurgan with a Polovtsian sculpture, Museum of Megaliths of Zaporozhye (after *Беспалов*...); 10 – Polovtsian sculpture at the park-museum of Polovtsian statues (Lugansk) (after Парк-музей...); 11 – Kipchak sanctuary on the Zhinishke River (after Каменные изваяния...); 12 – Kipchak sanctuary with sculptures (after *Ермоленко*, 2004. С. 115); 13 – Kipchak sculptures (after Каменные изваяния...). Scale varies

Литература

- Баяр*, 1997 — *Баяр Д.* Тюркские каменные изваяния Центральной Монголии. Улаанбаатар: Ин-т истории АН МНР, 1997. 148 с. (на монг. яз.).
- Бейсенов*, 2015 — *Бейсенов А. З.* Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии / Отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 11–38.
- Бейсенов, Ермоленко*, 2014 — *Бейсенов А. З., Ермоленко Л. Н.* Новые каменные изваяния сакской эпохи из Сарыарки // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59). Т. 3. С. 34–40.
- Бейсенов и др.*, 2014 — *Бейсенов А. З., Варфоломеев В. В., Касеналин А. Е.* Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана / Отв. ред. В. В. Евдокимов. Алматы: Ин-т археологии, 2014. 192 с.
- Бейсенов и др.*, 2020 — *Бейсенов А. З., Ахияров И. К., Джуманазаров Н. Ш., Дуйсенбай Д. Б.* Олений камень на кургане с «усами» в долине Койшоки в Центральном Казахстане // АВ. 2020. № 26. С. 166–177.
- Беспалов... — Беспалов А.* Скифский стан. Музей мегалитов Запорожья // Lifejournal [Электронный ресурс]. URL: <https://ua-travels.livejournal.com/2247884.html> (дата обращения: 04.05.2021).
- Бобров*, 1989 — *Бобров В. В.* О генезисе оленных камней // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов областной конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. проф. Б. Н. Гракова. Запорожье: Изд-во Запорожского ГУ, 1989. С. 16–17.
- Бобров*, 1992 — *Бобров В. В.* К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Евразия от древности до средневековья. Тезисы конф. к 90-летию со дня рожд. Михаила Петровича Грязнова / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 54–57. (АИ; Вып. 2).
- Бобров*, 2006 — *Бобров В. В.* Окуневские реминисценции в культуре поздней бронзы Кузнецкой котловины // Окуневский сборник: культура и ее окружение / Отв. ред.: Д. Г. Савинов и др. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 322–324.
- Бобров, Михайлов*, 1989 — *Бобров В. В., Михайлов Ю. И.* Памятники андроновской культуры в Обь-Чулымском междуречье // ИНИОН. № 38518 от 26.06.1989. Рукопись. 198 с.
- Бобров и др.*, 1993 — *Бобров В. В., Михайлов Ю. И., Чикишева Т. А.* Могильник поздней бронзы — Журавлево-4. Новосибирск: Наука, 1993. 155 с.
- Бобров и др.*, 2004 — *Бобров В. В., Мильникова Л. Н., Мильников В. П.* К вопросу об ирменской культуре в Кузнецкой котловине // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. С. 4–34.
- Братченко, Шапошникова*, 1985 — *Братченко С. Н., Шапошникова О. Г.* Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР: в 3-х тт. / Гл. редкол.: И. И. Артеменко и др. Киев: Наукова думка, 1985. Т. 1. С. 403–420.
- В поисках... — В поисках каменных воинов // Vox populi [Электронный ресурс]. URL: <https://voxpopuli.kz/1093-v-poiskakh-kamennykh-voinov/> (Дата обращения: 04.05.2021).
- Вадецкая*, 1980 — *Вадецкая Э. Б.* Изваяния окуневской культуры // Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 37–91, табл. XXXII–LVI.
- Волков*, 2002 — *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- Гимбутас*, 2006 — *Гимбутас М.* Цивилизация Великой Богини: мир Древней Европы. М.: РОССПЭН, 2006. 572 с.
- Грач*, 1961 — *Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. Л.: Восточная литература, 1961. 95 с.
- Грушин, Леонтьева*, 2020 — *Грушин С. П., Леонтьева Д. С.* Особенности погребального обряда андроновского населения в контактной зоне Северо-Западного Алтая (по материалам могильника Сигнал-1) // Вестник ТомГУ. История. 2020. № 64. С. 156–167.
- Досымбаева*, 2006 — *Досымбаева А.* Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. Алматы: б. и., 2006. 168 с.
- Древние культуры..., 1994 — Древние культуры Бертекской долины / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.
- Дэвлет... — Дэвлет Е. Г.* Оленные камни [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/archeology/text/2684764> (дата обращения: 06.05.2021).
- Ермоленко*, 2004 — *Ермоленко Л. Н.* Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 132 с.
- Ермоленко*, 2018 — *Ермоленко Л. Н.* Каменные изваяния раннего железного века в западной части азиатских степей // Очерки первобытного искусства Южной Сибири и Центральной Азии (скифская эпоха) / Отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Изд-во Кузбасского регион. ин-та повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2018. С. 99–125.
- Иванова*, 2014 — *Иванова С. В.* Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической общности // РА. 2014. № 2. С. 5–20.
- Идэрхангай*, 2017 — *Идэрхангай Т.-О.* Тюркские оградки Монгольского Алтая: систематика, хронология и интерпретация: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 238 с.
- Каменные изваяния... — Каменные изваяния — величественные памятники в степи // Казах.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://ehistory.kazakh.ru/ehistory/42194.php> (дата обращения: 04.05.2021).
- Каменные стелы... — Каменные стелы эпохи бронзы // Открытая археология [Электронный ресурс]. URL: <https://открытаяархеология.рф/finds/каменные-стелы-эпохи-бронзы> (дата обращения: 04.05.2021).
- Канторович, Маслов*, 2017 — *Канторович А. Р., Маслов В. Е.* Могильник Новозаведенное III, как свидетельство пребывания скифов в Центральном Предкавказье в конце V — IV в. до н. э. // Исторические исследо-

- вания. Журнал исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 2017. № 3(8). С. 107–139.
- Килуновская, Семёнов, 1998 — Килуновская М. Е., Семёнов Вл. А. Оленные камни Тувы // АВ. 1998. № 5. С. 143–154.
- Кирюшин, Тишкин, 1997 — Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1997. 232 с.
- Кирюшин, Шульга, 1996 — Кирюшин Ю. Ф., Шульга П. И. Андроновское погребение на р. Чарыш // Известия АлтГУ. Серия Педагогика. Юриспруденция. Экономика. 1996. № 2. С. 33–38.
- Кирюшин и др., 2015а — Кирюшин Ю. Ф., Папин В. Д., Тур С. С., Филипенко А. С., Федорук А. С., Федорук О. А., Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья: материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово XIV. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. 209 с.
- Кирюшин и др., 2015б — Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук О. А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. 108 с.
- Ковалёв, 2012 — Ковалёв А. А. Древнейшие статуи Чемурчека и прилегающих территорий. СПб.: Музей-институт семьи Рерихов, 2012. 160 с.
- Ковалев, 2018 — Ковалев А. А. Захоронения оленных камней в подкурганых могилах Синьцзяна — новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г.В. Длужневской) / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 96–103.
- Ковтун, Горяев, 2001 — Ковтун И. В., Горяев В. С. Могильник Танай-12 и культурно-хронологические особенности андроновской статуарной и изобразительной традиции // Историко-культурное наследие Северной Азии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2001. С. 53–63.
- Кубарев, 1979 — Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая: Оленные камни. Новосибирск: Наука, 1979. 99 с.
- Кубарев, 1984 — Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
- Кубарев, 2015 — Кубарев Г. В. Мемориальный комплекс древнетюркского аристократа из Хар-Ямаатын-Гола (Монгольский Алтай) // Вестник НГУ. Серия. История, филология. 2015. Т. 14. № 7. С. 136–158.
- Кубарев, 2016 — Кубарев Г. В. Мир в миниатюре: традиция помещения вотивных вещей в древнетюркские поминальные оградки // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 429–479.
- Кубарев, 2017 — Кубарев Г. В. Древнетюркские изваяния из Апшияхты в Центральном Алтае (к проблеме выделения женских статуарных памятников у древних тюрков) // АЭАЕ. 2017. Т. 45, № 1. С. 93–103.
- Кызласов И., 1975 — Кызласов И. Л. Поминальные памятники таштыкской эпохи // СА. 1975. № 2. С. 30–47.
- Кызласов Л., 1969 — Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: МГУ, 1969. 212 с.
- Лазаретов, 1997 — Лазаретов И. П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник / Отв. ред.: Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–41.
- Лазаретов, Поляков, 2018 — Лазаретов И. П., Поляков А. В. Исследование могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // ТПАИ. 2018. № 3 (23). С. 41–69.
- Леонтьев и др., 2006 — Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 2006. 234 с.
- Молодин, Соловьёв, 2007 — Молодин В. И., Соловьёв А. И. Типология культовых комплексов эпохи средневековья Обь-Иртышской лесостепи и некоторые аспекты их семантики // АЭАЕ. 2007. № 3 (31). С. 44–52.
- Новиков, 2001 — Новиков А. В. Исследования на могильнике ирменской культуры Камень-1 // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во ТомГУ, 2001. С. 62–64.
- Новицкий, 1990 — Новицкий Е. Ю. Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья. Одесса: Изд-во Управления культуры, 1990. 181 с.
- Ольховский, Евдокимов, 1994 — Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М.: МТО Метео, 1994. 188 с.
- Парк-музей... — Парк-музей каменных баб // Онлайн энциклопедия. Вы знали? (freejournal.org/) [Электронный ресурс]. URL: <https://amp.www.ru.freejournal.org/4677207/1/park-muzey-kamennykh-bab.html> (дата обращения: 04.05.2021).
- Плетнёва, 1974 — Плетнёва С. А. Половецкие каменные изваяния. М.; Л.: Наука, 1974. 200 с. (САИ; Вып. Е4–2).
- Поляков, 2020 — Поляков А. В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2020. Т. I. 414 с.
- Савинов, 1977 — Савинов Д. Г. О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / Отв. ред. Н. Л. Членова. М.: Наука, 1977. С. 123–129.
- Савинов, 1994а — Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: СПбГУ, 1994. 208 с.
- Савинов, 1994б — Савинов Д. Г. Гунно-сарматское время // Древние культуры Бертегской долины / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1994. С. 144–146.
- Савинов, 2010 — Савинов Д. Г. К изучению мировоззрения населения кокэльской культуры // Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования / Редкол.: Д. Г. Савинов и др. СПб.: ЭлекСис, 2010. С. 187–201.
- Савинов, 2016 — Савинов Д. Г. Дерево и маска: архетип одного из образов окуневского искусства // Образ и архетип в традиционной архаике: ритуально-мифологический контекст и семантика. Сб. науч. трудов семинара «Теория и методология архаики» / Отв. ред.: М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинов. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 50–60. (ТЕМА; Вып. IX).

- Серёгин, Шелепова*, 2015 — *Серёгин Н. Н., Шелепова Е. В.* Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н. э.). Барнаул: Азбука, 2015. 168 с.
- Скифские... — Скифские бабы // Херсонщина туристическая [Электронный ресурс]. URL: <https://kherson-region.com/skifskie-baby/> (дата обращения: 04.05.2021).
- Соёнов*, 2003 — *Соёнов В. И.* Археологические памятники гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. 160 с.
- Сотникова*, 2016 — *Сотникова С. В.* Погребальные памятники синташтинского и андроновского населения как источник по реконструкции ритуалов и представлений. Омск: Наука, 2016. 290 с.
- Степная полоса..., 1992 — Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. 493 с. (Археология СССР; Т. 10).
- Тишкин*, 1996 — *Тишкин А. А.* Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племён Алтая / Отв. ред.: Ю. Ф. Кирюшин, А. Л. Кунгуров. Барнаул: АлтГУ, 1996. С. 20–54.
- Тишкин и др.*, 2018 — *Тишкин А. А., Горбунов В. В., Серёгин Н. Н., Мунхбаяр Ч.* Результаты исследований тюркского комплекса Баян Булаг-I (монгольский Алтай) // ТПАИ. 2018. № 2 (22). С. 184–195.
- Ткачёв*, 2012 — *Ткачёв В. В.* Погребально-культурный комплекс алакульской культуры в Восточном Оренбуржье // АЭАЕ. 2012. № 1(49). С. 49–57.
- Тоцев*, 2007 — *Тоцев Г. Н.* Крым в эпоху бронзы. Запорожье: Изд-во Запорожского НУ, 2007. 304 с.
- Уманский и др.*, 2007 — *Уманский А. П., Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П.* Погребальный обряд андроновской культуры Причумышья (по материалам могильника Кытманово). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. 132 с.
- Урочище... — Урочище Толоно // Сиб-Гид: Сибирский туристический справочник [Электронный ресурс]. URL: <https://sib-guide.ru/siberia/di/264> (дата обращения: 04.05.2021).
- Федоров-Давыдов*, 1979 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1979. 228 с.
- Чуйский... — Чуйский олений камень (Адыр-Кан) // Туристка.ру. Путеводитель по Алтаю [Электронный ресурс]. URL: <http://www.turistka.ru/altai/info.php?ob=1924> (дата обращения: 04.05.2021).
- Шапошникова*, 1985 — *Шапошникова О. Г.* Ямная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР: в 3-х т. / Гл. редкол.: И. И. Артеменко и др. Киев: Наукова думка, 1985. Т. 1. С. 336–352.
- Шелепова*, 2010 — *Шелепова Е. В.* Вертикально установленные камни на памятниках кочевников Центральной и Северной Азии в период поздней бронзы и раннескифского времени // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы Междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 20–24 сентября 2010 г.). Улан-Удэ: БГУ, 2010. С. 143–147. (Центральная Азия и Прибайкалье в древности; Вып. 4).
- Шер*, 1966 — *Шер Я. А.* Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966. 140 с.

On the stones obelisks, wooden pillars and sculptures in the funerary practice of ancient peoples of Eurasia

V. V. Bobrov

This paper is devoted to the components of the funerary-memorial practice in the form of menhirs (obelisks, steles), pillars and sculptures in the territory of the Eurasian steppe from the Carpathian-Danubian region to as far as China. The monuments here represented and the scientific sources correspond chronologically to the period from the Eneolithic to the early Middle Ages. Special attention is concentrated on the Bronze Age of the Asiatic area where the practice of upright monuments is the most poorly investigated. The study resulted in distinguishing of a tendency of the

evolution of this peculiar component of funerary-memorial installations of the ancient and mediaeval peoples in space and time as connected with its location. From the Eneolithic to the Early Iron Age, there continued the tradition of installation of a vertical monument over a grave or in the kurgan area. In the cultures of the Xiongnu period, sculptures and monumentality disappeared while menhirs were installed near memorial structures. This tradition continued into the Early Turkic epoch but from the 4th–5th century the making of sculptures revived.

Краниологические материалы из раннетагарских курганов Могильной степи¹

А. В. Громов², Н. И. Лазаретова³

АННОТАЦИЯ. В статье приводятся индивидуальные измерения черепов и частоты краниоскопических признаков индивидов, погребенных в раннетагарских курганах Есинской группы памятников (Аскизский р-н Хакасии). На основании анализа квадратов расстояний Махаланобиса сделан вывод о сходстве мужских и женских серий из Есинских могильников не только с другими раннетагарскими группами, но и с сериями из раннетесинских курганов-склепов.

ANNOTATION. The paper presents individual measurements of crania and the frequencies of the cranioscopic traits of the individuals buried in early Tagar kurgans of the Yesino group of sites (Askiz District of Khakassia). Analysis of the Mahalanobis distances resulted in the conclusion about the similarity of male and female series from the Yesino burial grounds not only with other early Tagar groups but also with series from the early-Tes barrows/tombs.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Хакасия, тагарская культура, подгорновский этап, краниометрия, ранний железный век.

KEYWORDS: Khakassia, Tagar culture, Podgornovo stage, craniometry, Early Iron Age.

В 1986–1989 гг. А. В. Громов принимал участие в работе Средне-Енисейской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР, осуществлявшей под руководством Д. Г. Савинова охранные раскопки в зоне строительства Комсомольско-Есинской оросительной системы на территории Аскизского р-на Хакасии – в Могильной степи. Им была собрана коллекция раннетагарского краниологического материала из Есинской группы памятников, хранящаяся в настоящее время в МАЭ РАН. Публикации результатов ее исследования посвящена данная статья.

Д. Г. Савинов опубликовал результаты раскопок раннетагарских курганов Могильной степи (Савинов, 2012), где также приведены данные о костных останках погребенных. Однако следует отметить,

что подавляющее число курганов было ограблено и в первоначальном положении часто сохранялись лишь части скелетов (обычно ноги) или не сохранилось ничего. Поэтому значительная часть антропологических материалов получена из заполнения могил. Эти кости далеко не всегда отражены в описаниях погребений в указанной публикации, но использованы авторами настоящей статьи. Кроме того, в раннетагарских курганах нередко встречаются впускные погребения, обычно называемые тесинскими. Изучение антропологического материала из этих могил выходит за рамки данной работы, но представляет достаточный интерес, чтобы стать темой дальнейших исследований.

Материал и методика

Авторами были изучены черепа взрослых индивидов из раскопанных под руководством Д. Г. Савинова раннетагарских (подгорновских) могильников Есино I, II, IX, XIII, XIV, XV, XVII, XVIII (Савинов, 2012), а также три черепа из Есино XVI (два мужских и женский, раскопки Н. А. Боковенко). Для измерения по стандартной краниометрической программе (Алексеев, Дебец, 1964) оказались пригодны 26 мужских и 29 женских черепов (Приложения 1 и 2). Средние величины суммарных мужской и женской серий приведены в табл. 1. У 62 индивидов (29 мужчин и 33 женщины) были учтены шесть краниоскопических признаков: затылочный индекс (ЗИ), частота клиновидно-верхнечелюст-

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций» и темы НИР государственного задания МАЭ РАН «Старый и Новый Свет: формирование и развитие древних обществ и популяций».

² 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Отдел антропологии. Адрес электронной почты: andrey.v.gromov@mail.ru.

³ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций. Адрес электронной почты: natasha-lazaretova@yandex.ru.

Таблица 1. Средние размеры и указатели черепов из Есинских могильников (подгорновский этап)
Table 1. Mean measurements and indices of crania from Yesino cemeteries (Podgornovo stage)

№ по Мартину и др.	Признак	Мужчины			Женщины		
		<i>n</i>	<i>x</i>	<i>sd</i>	<i>n</i>	<i>x</i>	<i>sd</i>
1	Продольный диаметр	21	186.2	7.08	28	177.2	6.15
8	Поперечный диаметр	19	143.2	6.51	29	135.7	3.87
8:1	Черепной указатель	19	77.4	4.02	28	76.6	3.69
17	Высотный диаметр	18	136.6	5.88	26	129.5	4.19
20	Ушная высота	21	117.2	4.55	28	112.3	3.41
5	Длина основания черепа	19	103.7	4.68	25	99.0	4.51
9	Наименьшая ширина лба	23	99.6	3.75	28	96.2	3.97
10	Наибольшая ширина лба	19	122.5	5.31	29	116.6	3.71
29	Лобная хорда	23	112.6	4.99	28	109.0	4.41
УПИЛ	Угол поперечного изгиба лба	23	138.6	5.27	27	135.7	3.94
32	Угол профиля лба от <i>n</i>	21	84.0	4.56	27	84.1	3.06
11	Ушная ширина	21	129.9	6.89	28	121.1	4.58
12	Ширина затылка	18	111.6	4.32	22	107.1	3.46
40	Длина основания лица	17	101.9	3.50	22	98.0	5.55
43	Верхняя ширина лица	17	110.3	3.35	26	104.2	3.65
45	Скуловой диаметр	15	140.4	6.42	23	128.4	4.59
46	Средняя ширина лица	17	99.9	5.35	26	92.6	4.64
48	Верхняя высота лица	18	73.2	4.93	26	70.1	3.34
51	Ширина орбиты от <i>mf</i>	21	44.4	1.72	26	42.4	1.24
51a	Ширина орбиты от <i>d</i>	19	41.3	1.70	25	39.3	1.66
52	Высота орбиты	22	33.6	2.74	27	33.8	1.75
52:51	Орбитный указатель от <i>mf</i>	21	75.6	6.58	26	79.9	4.12
52:51a	Орбитный указатель от <i>d</i>	19	80.8	6.07	25	86.3	5.24
54	Ширина носа	19	51.5	3.42	27	49.1	2.49
55	Высота носа	19	26.0	1.60	26	23.9	1.86
54:55	Носовой указатель	19	50.5	3.30	26	48.9	5.12
MC	Максиллофронтальная ширина	18	19.8	2.50	25	18.2	2.18
MS	Максиллофронтальная высота	16	7.2	1.18	24	6.7	0.71
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	16	36.6	6.95	24	37.2	5.04
SC	Симотическая ширина	17	7.4	1.75	23	8.9	1.85
SS	Симотическая высота	16	4.4	0.95	23	4.2	0.73
SS:SC	Симотический указатель	16	59.0	11.19	23	48.3	8.33
DC	Дакриальная ширина	16	22.5	2.64	24	20.3	1.89
DS	Дакриальная высота	16	12.0	1.68	24	10.9	1.04
DS:DC	Дакриальный указатель	16	53.8	8.92	24	54.0	6.79
77	Назомаллярный угол	17	141.9	4.20	25	139.6	2.96
∠zm'	Зигомаксиллярный угол	14	130.0	4.95	24	126.6	5.11
72	Общий лицевой угол	18	85.6	2.70	26	85.8	1.95
75(1)	Угол выступания носа	14	28.3	5.43	22	25.6	4.38
FC	Глубина клыковой ямки	20	4.6	1.86	28	4.0	1.55

ного шва (КВШ), частота заднескулового шва (ЗСШ), частота подглазничного узора типа II (ПГУ II), индекс поперечного небного шва (ИПНШ), частота надглазничных отверстий (НО) (Kozintsev, 1992).

Для сравнительного анализа из имеющегося краниологического материала были сформированы по две мужских и женских серии (табл. 2; 3). Суммированы измерения черепов из Есино I, II,

Таблица 2. Средние размеры и указатели отдельных серий мужских черепов из Есинских могильников (подгорновский этап)

Table 2. Mean measurements and indices of several series of male crania from Yesino cemeteries (Podgornovo stage)

№ по Мартину и др.	Признак	Есино I, II			Есино XIII–XVIII		
		<i>n</i>	<i>x</i>	<i>sd</i>	<i>n</i>	<i>x</i>	<i>sd</i>
1	Продольный диаметр	10	184.2	4.67	11	188.1	8.51
8	Поперечный диаметр	10	142.9	6.86	9	143.6	6.49
17	Высотный диаметр	9	135.3	5.30	9	137.9	6.42
9	Наименьшая ширина лба	10	98.5	3.52	13	100.4	3.83
45	Скуловой диаметр	8	140.1	7.05	7	140.9	6.15
48	Верхняя высота лица	9	73.0	6.09	9	73.4	3.80
55	Высота носа	9	52.6	3.88	10	50.5	2.80
54	Ширина носа	9	26.2	1.61	10	25.8	1.65
51	Ширина орбиты от mf	10	44.0	1.54	11	44.8	1.85
52	Высота орбиты	11	34.0	2.42	11	33.2	3.10
77	Назюмалярный угол	9	141.1	2.81	8	142.7	5.45
$\angle zm'$	Зигомаксиллярный угол	7	129.8	5.62	7	130.2	4.63
SS:SC	Симотический указатель	8	60.9	11.96	8	57.1	10.83
75(1)	Угол выступания носа	6	27.9	4.28	8	28.6	6.44

Таблица 3. Средние размеры и указатели отдельных серий женских черепов из Есинских могильников (подгорновский этап)

Table 3. Mean measurements and indices of several series of female crania from Yesino cemeteries (Podgornovo stage)

№ по Мартину и др.	Признак	Есино I, II			Есино IX, XIV–XVII		
		<i>n</i>	<i>x</i>	<i>sd</i>	<i>n</i>	<i>x</i>	<i>sd</i>
1	Продольный диаметр	14	176.3	6.18	14	178.1	6.22
8	Поперечный диаметр	15	136.7	3.98	14	134.5	3.52
17	Высотный диаметр	13	127.6	3.86	13	131.5	3.65
9	Наименьшая ширина лба	14	96.1	4.20	14	96.3	3.89
45	Скуловой диаметр	12	127.8	4.79	11	129.1	4.47
48	Верхняя высота лица	14	70.0	2.93	12	70.2	3.90
55	Высота носа	14	48.4	2.50	13	49.8	2.35
54	Ширина носа	13	23.8	1.96	13	24.0	1.83
51	Ширина орбиты от mf	13	42.0	1.22	13	42.8	1.16
52	Высота орбиты	14	33.8	1.97	13	33.8	1.55
77	Назюмалярный угол	12	140.8	1.58	13	138.6	3.55
$\angle zm'$	Зигомаксиллярный угол	12	125.7	3.13	12	127.6	6.56
SS:SC	Симотический указатель	11	51.0	9.96	12	45.8	5.87
75(1)	Угол выступания носа	10	25.7	4.26	12	25.5	4.66

представляющих собой самые южные и ранние могильники Есинской группы памятников (Савинов, 2012. С. 19), и материалы из остальных могильников: Есино XIII, XIV, XV, XVII, XVIII – у мужчин и Есино IX, XIV, XV, XVII, XVII – у женщин. Полученные группы сравнивались с известными сери-

ями черепов раннего железного века Минусинской котловины (тагарского и тесинского времени). Авторы старались использовать только надежно атрибутированные материалы, исключая из рассмотрения погребения или целые памятники, датировка которых неизвестна или сомнительна,

а также слишком мелкие группы (менее пяти черепов хорошей сохранности одного пола). Ниже приводится список могильников, разбитый на этапы согласно традиционным представлениям:

Подгорновский этап тагарской культуры: Новая Черная I; Черновая I, IV; Кичик-Кюзюр; Каменка I; Туран I; Гришкин Лог I (Козинцев, 1977); Тагарский остров; Сыда; Усть-Сыда; Усть-Тесь; Кочергино (Алексеев, 1961); Усть-Чуль (данные авторов).

Биджинский этап тагарской культуры: суммарная серия, включающая могильники Улуг-Кюзюр (Козинцев, 1977); Белое Озеро; Трошкино; Ай-Дай II (данные авторов).

Сарагашенский этап тагарской культуры: Барсучиха I, VI, VII; Малые Копены III; Туран I; Туран II; Туран III (Козинцев, 1977); Сарагаш (Алексеев, 1961); Узун-Хыр; Катюшкино; 72 км; Ай-Дай I, III (данные авторов).

Грунтовые тесинские могильники: Черное озеро I; Есино III (данные авторов); Каменка III (Гохман, Громов, 2009).

Раннетесинские склепы: Белый Яр VI; Большое Русло; Степновка II (Громов и др., 2012).

Краниометрический анализ проведен по набору из 14 признаков: продольный, поперечный и высотный диаметры мозговой коробки, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, верхняя высота лица, ширина и высота орбиты, ширина и высота носа, симотический указатель, назомалярный и зигомаксиллярный углы, угол выступающего носа. Межгрупповое сопоставление по данным краниометрии осуществлялось путем вычисления квадратов расстояний Махаланобиса (D^2) с поправкой на численность, а также их многомерного неметрического шкалирования с использованием алгоритма Гуттмана. При проведении вычислений были использованы программы Б. А. Козинцева.

Результаты и обсуждение

Следует отметить, что мы сравниваем группы довольно близкие морфологически, поэтому ожидать больших значений D^2 не приходится. Тем не менее имеется выборка, значения D^2 которой по отношению к большинству других превышает 5 у обоих полов, — это раннетесинский склеп Большое Русло. Что касается Есинских могильников, то значения D^2 десяти наиболее близких групп к каждой из двух мужских серий приведены на рис. 1 и 2.

Скорректированные значения D^2 четырех наиболее близких к мужчинам из Есино I, II серий выражаются отрицательными величинами (т. е. ис-

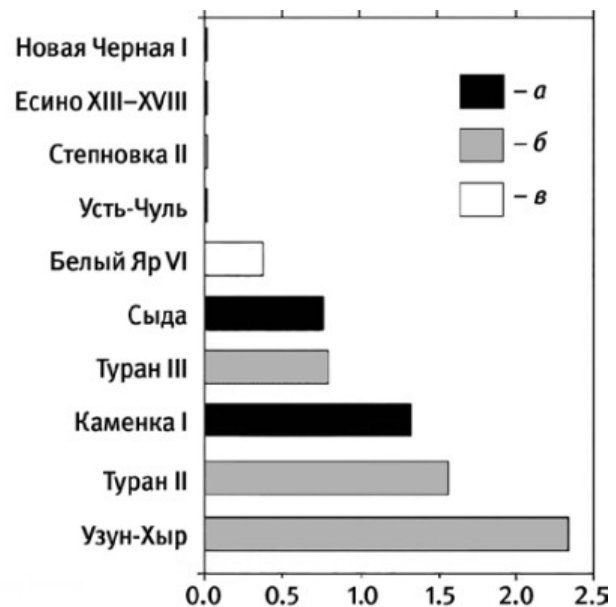

РИС. 1. Группы, наиболее близкие к мужской серии из Есино I, II: а — подгорновский этап; б — сарагашенский этап; в — тесинское время

FIG. 1. Groups closest to the male cranial series from Yesino I, II: a — Podgorново stage; б — Saragashen stage; в — Tes period

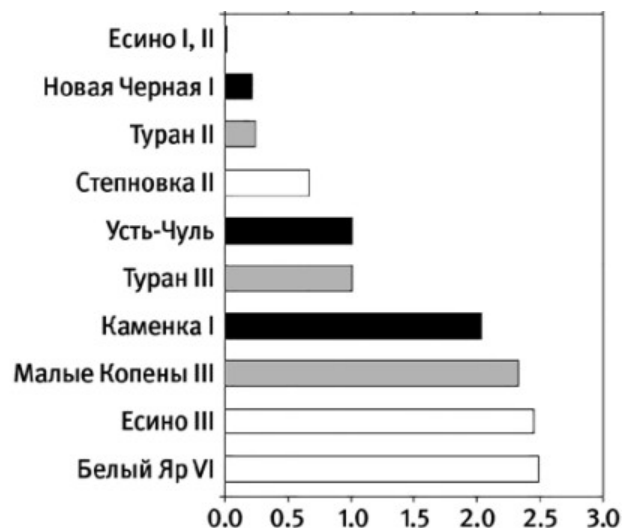

РИС. 2. Группы, наиболее близкие к мужской серии из Есино XIII-XVIII. Условные обозначения см. рис. 1

FIG. 2. Groups closest to the male cranial series from Yesino XIII-XVIII. For keys see Fig. 1

ходное расстояние меньше ошибки). Три из них относятся к подгорновскому этапу (в том числе группа из Есино XIII-XVIII) и одна представляет раннетесинские склепы (Степновка II), как и пятая группа — Белый Яр VI. Предыдущими исследова-

ниями было показано отличие населения, оставившего раннетесинские склепы, от погребенных в подгорновских и сарагашенских курганах, а также тесинских грунтовых могилах (Громов и др., 2012; Громов, Учанева, 2013). Однако серии обоих полов из Есино II, имевшиеся на тот момент в распоряжении авторов, и тогда демонстрировали сходство с материалами из склепов (Громов и др., 2012. Рис. 1; 2). К мужской серии из Есино XIII–XVIII наиболее близки подгорновские группы из Есино I, II, Новой Черной I и Усть-Чуля, а также сарагашенцы из Турана II и снова серия из раннетесинского склепа Степновка II. Группа из Белого Яра VI также попадает в десятку, но только на последнее место. Интересно, что памятником, наиболее близким обеим есинским группам, является Новая Черная I – могильник, расположенный значительно севернее.

В пространстве двух осей неметрического многомерного шкалирования квадратов расстояний Махаланобиса группа из трех раннетесинских

склепов занимает обособленное положение в зоне положительных значений оси абсцисс (рис. 3). Наиболее близкими к ним оказываются как раз обе серии из Есинской группы памятников. Они имеют более широкий череп и высокое лицо по сравнению с остальными тагарскими группами, и данные особенности сближают их с материалами из раннетесинских склепов. Явной дифференциации подгорновских и сарагашенских групп, на первый взгляд, не наблюдается. Однако верхнюю часть графика занимают три сарагашенские выборки и две – из грунтовых тесинских могильников. Эти три сарагашенские выборки происходят из могильников юга Хакасии, в то время как остальные серии этого этапа тагарской культуры, смешавшиеся на графике с подгорновцами, происходят из памятников, расположенных существенно севернее.

Значения D^2 десяти наиболее близких групп к каждой из двух женских серий из Есинских могильников приведены на рис. 4 и 5. В случае Есино I, II

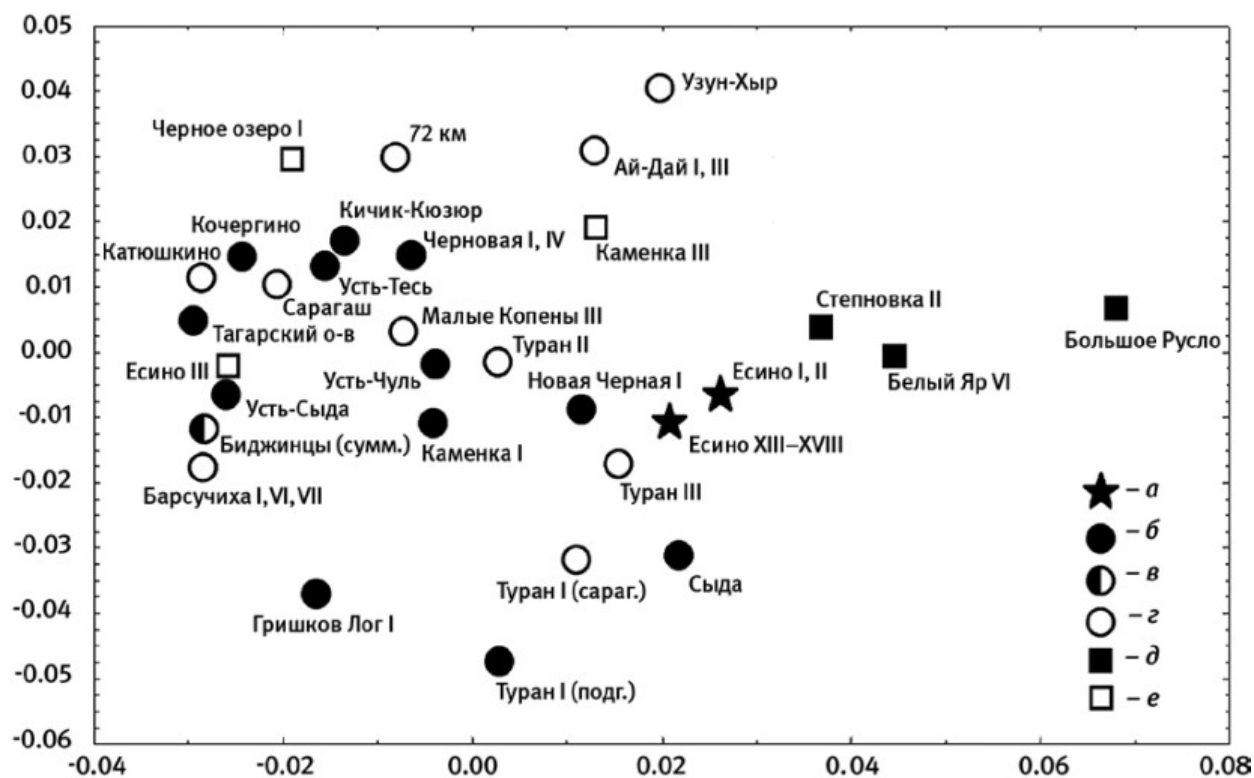

РИС. 3. Расположение мужских краниологических серий в пространстве двух осей неметрического шкалирования матрицы расстояний Махаланобиса. Условные обозначения: а – могильники Есинской группы; б – могильники подгорновского этапа; в – могильники биджинского этапа; з – могильники сарагашевского этапа; д – раннетесинские склепы; е – грунтовые тесинские могильники

FIG. 3. Positions of the male cranial series in the space of the two axes of the non-metric scale of the matrix of Mahalanobis distances. Keys to the figures: a – burial grounds of the Esin group; б – cemeteries of the Podgornovo stage; в – cemeteries of the Bidzhin stage; з – cemeteries of the Saragash stage; д – early Tes tombs; e – Tes flat-grave burial grounds

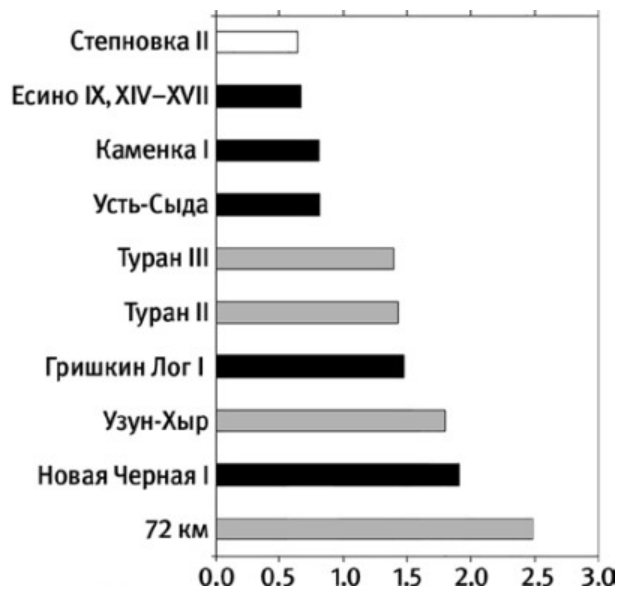

РИС. 4. Группы, наиболее близкие к женской серии из Есино I, II. Условные обозначения см. рис. 1

FIG. 4. Groups closest to the female cranial series from Yesino I, II. For keys see Fig. 1

мы не видим отрицательных расстояний, но наиболее сходен с этой серией раннетесинский склеп Степновка II – и в этом женщины обнаруживают сходство с мужской группой из этого памятника. В первую пятерку кроме указанной группы попадают три подгорновских и один сарагашенский памятники. А вот серия из Есино IX, XIV-XVII обнаруживает сильное сходство сразу с шестью группами, из которых четыре подгорновские и по одной – биджимская и сарагашенская. Да и остальные группы, представленные на графике, отличаются от серии из Есино IX, XIV-XVII незначительно – значение D^2 не превышает 1.0. Такое сильное сходство с большим количеством групп не уникально: то же можно сказать еще о ряде серий, таких как Усть-Сыда, Усть-Тесь, Каменка I, Туран III. Отметим, что большинство из них – подгорновские.

В пространстве двух осей неметрического многомерного шкалирования квадратов расстояний Махаланобиса между женскими сериями раннетесинские склепы занимают крайнее положение на диагонали графика, противоположное группе, образованной сериями из сарагашенских курганов и тесинских грунтовых могил (рис. 6). Серии из Есинской группы памятников и здесь располагаются относительно близко к двум груп-

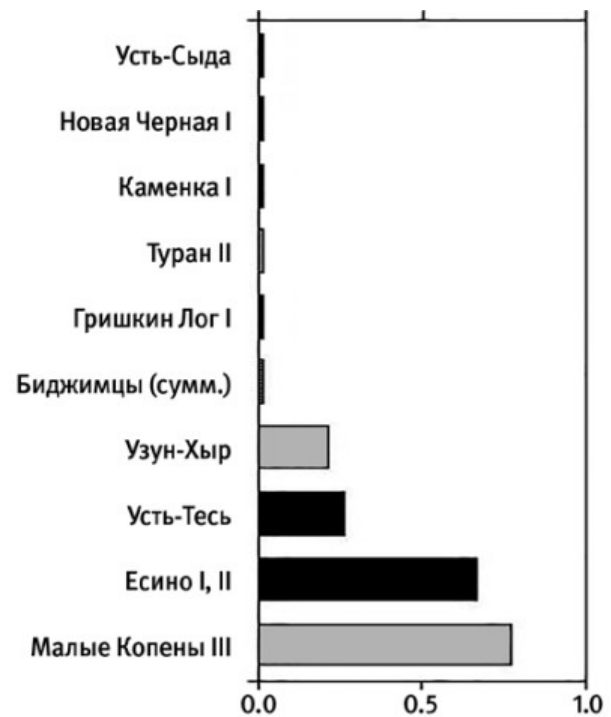

РИС. 5. Группы, наиболее близкие к женской серии из Есино IX, XIV-XVII. Условные обозначения см. рис. 1

FIG. 5. Groups closest to the female cranial series from Yesino IX, XIV-XVII. For keys see Fig. 1

пам из склепов, но то же можно сказать и еще о половине подгорновских серий. У женщин довольно четко разделяются подгорновские и сарагашенские группы (к последним примыкают выборки из тесинских грунтовых могил). В «подгорновскую область» попадают только два сарагашенских памятника – Барсучиха I, VI, VII и Узун-Хыр. Серии обоих полов из раннетесинского кургана-склепа Большое Русло максимально отличаются от прочих групп раннего железного века Минусинской котловины, в том числе от группы из однотипного памятника Степновка II, который расположен в том же районе. Стоит отметить, что выборка из Большого Русла невелика, т. к. значительная часть антропологических материалов из этого могильника была утрачена.

Краниоскопия населения раннего железного века Минусинской котловины обсуждалась ранее в специальной работе (Громов и др., 2016). В указанной статье были приведены характеристики, свойственные большинству репрезентативных групп этого региона и времени (ЗИ не обсуждается из-за малого числа наблюдений в большинстве групп). Так, величина КВШ составляет «около 25–

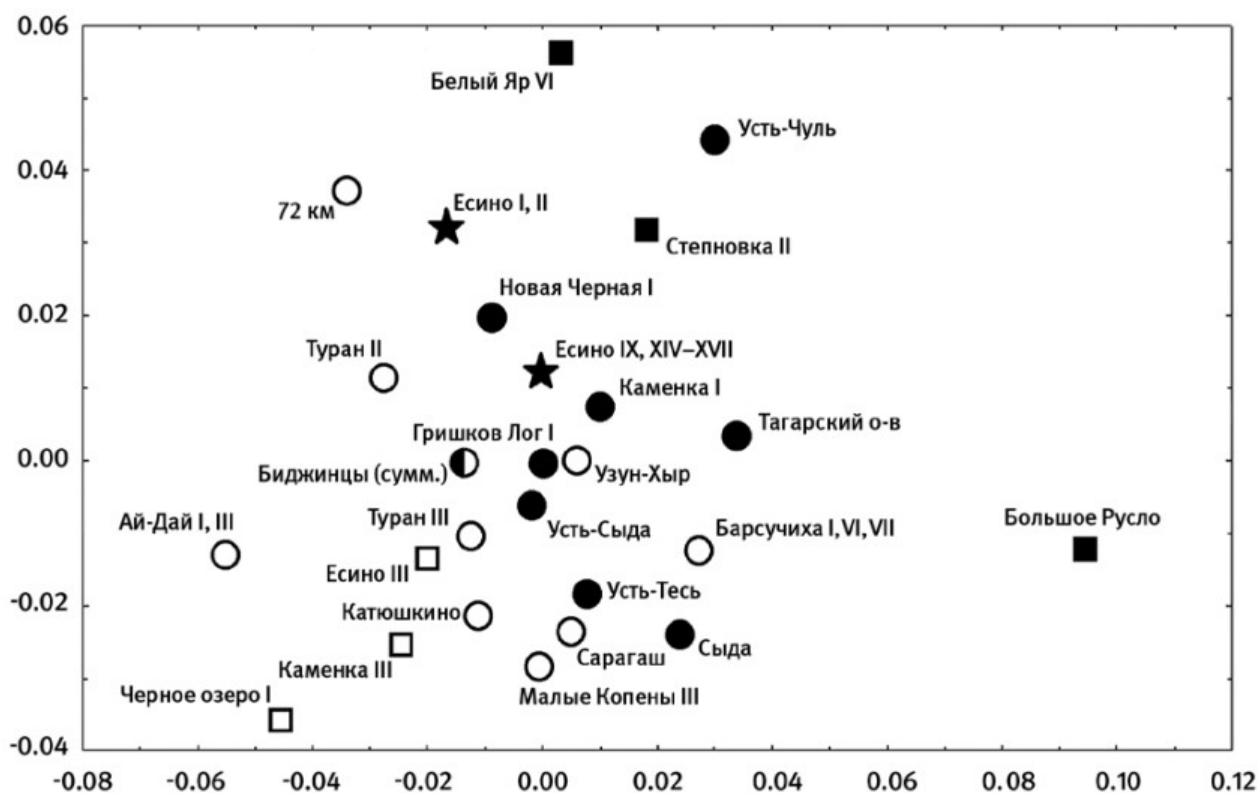

РИС. 6. Расположение женских краниологических серий в пространстве двух осей неметрического шкалирования матрицы расстояний Махаланобиса. Условные обозначения см. рис. 3

FIG. 6. Positions of the female cranial series in the space of the two axes of the non-metric scale of the matrix of Mahalanobis distances. For keys see Fig. 3

30 %, ЗСШ – около 9–17 %, ПГУ II – около 65–75 %, ИПНШ – около 60–70 % и НО – около 40–50 %» (Там же. С. 349)⁴. Для Есинской группы памятников характерны следующие частоты краниоскопических признаков: КВШ – 26,8 %, ЗСШ – 16,9 %, ПГУ II – 60 %, ИПНШ – 66,2 % и НО – 56,2 % (деление на две группы, как в случае краниометрии, здесь невозможно из-за недостаточного числа наблюдений для отдельных признаков). Как нетрудно заметить, большинство частот попадает в приведенные выше интервалы. Можно лишь отметить чуть более низкую частоту ПГУ II и более высокую – НО. Однако такие же и даже большие частоты НО отмечены в нескольких тагарских группах (биджинский этап, Барсучиха, Тепсей) и у тагарцев Кузнецкой котловины, а, судя по частоте ПГУ II, приведенной А. Г. Козинцевым (Kozintsev, 1992) для суммарной тагарской серии, в некоторых выборках, изученных им, она может быть суще-

ственно ниже наблюдаемой в Есинской группе. Таким образом, краниоскопическая характеристика серии из Есинской группы памятников укладывается в рамки изменчивости, характерной для раннего железного века Минусинской котловины. Если выйти за рамки этой территории, то относительно низкая частота ПГУ II (50,5 %) и высокая НО (57,4 %) отмечена у пазырыкцев (Моисеев, 2006).

Заклучение

Изучая краниологические материалы из раннетагарских комплексов Есинской группы памятников, невозможно рассматривать их в отрыве от точки зрения исследовавшего эти комплексы Д. Г. Савинова о центральноазиатском компоненте, «который несомненно присутствует в раннетагарском культурном комплексе и, вероятно, принимал участие в его формировании» (Савинов, 2012. С. 32). Следует напомнить, что краниологические серии из раннетесинских курганов-склепов отличаются от большинства материалов раннего железного века Минусинской котловины «в сторону» тувинских

⁴ В цитируемой работе неверно обозначены названия признаков в окончании таблицы 1. Вместо ЗИ, КВШ и ЗСШ следует читать ПГУ II, ИПНШ и НО.

и алтайских выборок этой эпохи (Учанева и др., 2017). Определенное сходство раннетагарских краниологических серий из Есинской группы памятников

(особенно мужских) с черепами из вышеупомянутых курганов-склепов определенно свидетельствует в пользу концепции Дмитрия Глебовича.

Литература

- Алексеев, 1961 — Алексеев В. П. Палеоантропология Хакасии эпохи железа // СМАЭ. Т. 20. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 238–327.
- Алексеев, Дебец, 1964 — Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Гохман, Громов, 2009 — Гохман И. И., Громов А. В. Тесинский грунтовый могильник Каменка III: данные краниометрии и краниоскопии // АЭАЕ. 2009. № 1 (37). С. 136–145.
- Громов и др., 2012 — Громов А. В., Лазаретова Н. И., Учанева Е. Н. Население Минусинской котловины на рубеже нашей эры (по антропологическим материалам из склепов) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Мат-лы Международ. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. М. П. Грязнова / Редкол.: В. А. Алёшин и др. Кн. 1. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. С. 117–122.
- Громов и др., 2016 — Громов А. В., Лазаретова Н. И., Учанева Е. Н. Краниоскопия тагарских могильников: норма и вариации // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 344–350.
- Громов, Учанева, 2013 — Громов А. В., Учанева Е. Н. Раннетесинское население Минусинской котловины по данным краниологии: (Опыт сопоставления двух систем признаков) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 32–38.
- Козинцев, 1977 — Козинцев А. Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. Л.: Наука, 1977. 144 с.
- Моисеев, 2006 — Моисеев В. Г. Краниоскопическая характеристика населения Западной и Южной Сибири скифского времени // АЭАЕ. 2006. № 1 (25). С. 145–152.
- Савинов, 2012 — Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2012. 180 с.
- Учанева и др., 2017 — Учанева Е. Н., Казарницкий А. А., Громов А. В., Лазаретова Н. И. Население Минусинской котловины в раннем железном веке: к вопросу о внутрigrупповой и междугрупповой изменчивости // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 78–87.
- Kozintsev, 1992 — Kozintsev A. G. Ethnic epigenetics: A new approach // Homo. 1992. Vol. 43, N 3. P. 213–244.

Crania from the Podgornovo burial mounds of the Mogilnaya Steppe

A. V. Gromov, N. I. Lazaretova

The authors of this paper studied early Tagar crania from excavations of the Middle-Yenisey Archaeological Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology AS USSR (LOIA AS USSR) under direction of D. G. Savinov in Mogilnaya Steppe (Askiz District of Khakassia, Yesino group of sites). There are measured 26 male skulls and 29 female ones (individual data are presented) constituting two series for each sex. Six cranioscopic traits according to A. G. Kozintsev's program were considered for 62 individuals (29 males and 33 females). On the basis of the measured parameters, squares of Mahalanobis dis-

tances (D^2) between the studied series from the Yesino burial grounds and 29 groups of the early Iron Age from the Minusinsk Hollow were calculated. The Yesino series showed a similarity not only with other early Tagar (Podgornovo) groups but also with samples from early Tes barrows/tombs. Particularly it is true as the male series from Yesino I and Yesino II are concerned. The frequencies of the cranioscopic features calculated for the combined series from the Yesino cemeteries are confined within the limits of the variation of those in Tagar and Tes series of the Minusinsk Hollow.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
APPENDIX 1

Индивидуальные размеры и указатели черепов из Есинских
могильников

Individual measurements and indices of crania
from Yesino cemeteries

№ п/п	Могильник	Полевой шифр	Пол	1	8	17	20	5	9	10	УПИЛ	11	12	29
1	Есино I	к. 1, м. 1, ск. 1*	♀	170.0	137.0	125.0	114.5	97.5	95.0	120.0	134.74	120.0	-	106.6
2	Есино I	к. 1, м. 1, чер. 2	♀	183.5	135.0	-	108.5	-	-	113.0	-	125.0	-	107.3
3	Есино I	к. 2, м. 1	♀	171.0	131.0	127.0	107.0	96.0	89.0	116.0	140.45	114.0	101.0	102.5
4	Есино I	к. 4, м. 2	♀	164.5	146.0	126.0	113.0	92.0?	95.0	124.0	139.55	127.0	110.0	113.0?
5	Есино I	к. 4, м. 3, ск. 2	♂??	179.0	129.0	128.5	107.0	100.5	93.0	110.0	139.19	116.0	103.0	102.5
6	Есино I	к. 7, м. 1	♀	180.0	137.0	124.0	110.0	95.0	103.0	118.0	128.03	126.0	105.0?	104.0
7	Есино I	к. 8, м. 1	♂	183.0	141.0	142.0	118.0	108.0	97.5	-	134.79	131.0	114.5	112.8
8	Есино I	к. 9, м. 1	♂	176.0	140.5	131.0	115.0	99.0	97.5	128.0	146.22	127.0	109.0	113.0
9	Есино I	к. 9, м. 2	♀	176.0	136.0	126.0	111.0	94.0	97.0	120.5	135.99	118.5	-	107.1
10	Есино I	к. 9, м. 3	♀?	180.0	131.0	129.0	108.5	99.0	96.0	114.0	133.14	119.0	104.0	109.6
11	Есино I	к. 9, м. 5	♂	187.5	143.0	137.0	118.5	104.0	102.0	126.0	148.26	127.0	113.0?	113.0
12	Есино I	к. 10, м. 1	♂	184.0	146.0?	139.0	115.0	103.0	-	122.0	-	135.0	112.0	108.8
13	Есино I	к. 11, м. 3, ск. 1	♀	180.0	139.5	135.0	115.5	103.0	102.0	123.0	136.01	122.0	105.0?	107.0
14	Есино II	к. 1, м. 1, ск. 1	♀	183.5	139.0	133.0	119.5	102.0	103.0	116.0	132.05	126.0	108.0	115.0
15	Есино II	к. 3, м. 1	♀	-	136.0	121.0	-	-	95.0	114.0	-	-	-	-
16	Есино II	к. 3, м. 2	♀	178.5	135.5	130.0	111.0	104.5	97.0	114.0	133.18	125.0	106.0	100.7
17	Есино II	к. 4, м. 1, ск. 1	♀	182.0	132.5	-	113.0	-	90.5	117.5	138.38	120.0	111.0	116.2
18	Есино II	к. 5, м. 1	♂	185.0	152.0	-	115.0	-	101.0	129.0	134.84	140.0	112.0	117.0
19	Есино II	к. 6, м. 1	♂	186.0	137.0	127.0	113.5	102.5	97.0	118.0	137.21	121.5	104.0	118.7
20	Есино II	к. 10, м. 1	♀	180.0	140.0	131.0	114.5	99.0	94.0	121.0	138.73	126.5	114.0	109.4
21	Есино II	к. 13, м. 3	♂	192.0	152.0	140.0	122.7	100.0	99.0	126.0	142.71	134.0	119.0	118.5
22	Есино II	к. 15, м. 1	♀	170.0	134.5	125.5	111.0	91.0	93.5	117.0	141.78	121.0	107.0	109.2
23	Есино II	к. 15, м. 2	♀	169.0	141.0	126.0	108.0	91.0	95.0	112.0	137.86	124.0	110.0	107.3
24	Есино II	к. 16, м. 1	♂	188.0	146.0	135.0	118.5	104.0	105.0	-	142.74	132.0	113.0	119.8
25	Есино II	к. 17, м. 1	♀	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
26	Есино II	к. 20, м. 1	♂	181.0	142.0	138.0	116.0	107.0	94.5	126.0	143.24	133.0	113.0	108.8
27	Есино II	к. 25, м. 1	♂	-	-	-	-	107.0	98.0	-	136.20	127.0	-	-
28	Есино IX	к. 2, м. 1	♀	178.5	131.0	132.0	111.0	100.0	88.5	109.0	136.17	120.0	112.0	107.0
29	Есино XIII	к. 1, м. 2, ск. 1	♂	179.0	147.0	136.0	122.0	98.0	101.0	119.0	137.38	128.0	109.0	115.0
30	Есино XIV	к. 1, м. 1, ск. 1	♀	180.0	136.0	130.0	111.0	99.0	95.0	114.0	136.40	121.0	106.0	110.0
31	Есино XIV	к. 1, м. 1, ск. 2	♀	172.0	134.5	133.0	111.5	99.0	93.0	114.0?	142.91	124.0	-	108.5
32	Есино XIV	к. 1, м. 2	♂	189.5	148.0?	141.0	116.5	110.0	97.5	126.0	132.01	136.0	-	121.6
33	Есино XIV	к. 1, м. 3	♂	204.0	-	-	121.0?	-	106.0	-	144.63	-	-	115.0
34	Есино XIV	к. 1, м. 4, ск. 1	♂	199.0	135.0	145.0	120.0	114.0	102.0	120.0?	133.14	123.0	112.0	111.0
35	Есино XIV	к. 1, м. 4, ск. 2	♀??	184.0	133.0	135.0	115.0	104.0	98.0	111.0	131.84	120.0	110.0	119.0
36	Есино XIV	к. 1, м. 5, ск. 1	♂	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
37	Есино XIV	к. 1, м. 5, ск. 2	♀	181.0	131.0	130.0	108.0	103.0	98.0	115.0	133.01	118.0	101.0	106.8
38	Есино XIV	к. 1, м. 6, ск. 2	♀	174.0	130.0	127.0	107.0	99.0	95.5	113.5	133.73	113.0	104.0	106.3
39	Есино XIV	к. 2, м. 1	♂?	189.0	-	-	119.0	-	101.0?	122.0?	134.84?	137.0?	110.0?	110.0?

40	Есино XIV	к. 3, м. 1, чер. 1	♀	186.0	136.0	125.0	115.5	98.0	96.0	118.0	138.47	121.5	109.0	116.6
41	Есино XIV	к.3, м.1-3, чер.2	♂	174.0	146.0	137.0	117.5	102.0	96.0	132.0	146.38	130.0	112.0	111.3
42	Есино XIV	к.3, м.1-3, чер.3	♀	176.0	130.5?	129.0	115.0	94.0	95.5	115.0	139.11	112.0	-	111.3
43	Есино XV	к. 1, м. 1	♀	173.0	140.0?	135.0	114.0	102.0	97.0	114.0	138.04	129.0	105.0	106.5
44	Есино XV	к. 1, м. 2, ск. 1	♀	175.0	133.5	138.5	115.0	102.0	95.0	120.0	131.49	121.0	104.0	108.0
45	Есино XVI	к. 1, м. 1, ск. 1	♂	190.0	148.0	137.0	120.0	101.0	102.5	120.0?	131.29	134.0	113.0?	113.5
46	Есино XVI	к. 1, м. 2, ск. 1	♀	176.0	134.5	129.0	114.5	98.5	104.0	120.0	133.20	121.0	105.0?	102.9
47	Есино XVI	к. 1, м. 2, ск. 2	♂	-	-	-	-	-	97.0	117.0?	141.37	-	-	106.0
48	Есино XVII	к. 1, м. 2, ск. 1	♂	-	-	-	-	-	92.0	-	137.26	-	-	103.0
49	Есино XVII	к. 1, м. 2, ск. 2	♀	168.0	134.0	-	110.0	-	92.0	116.0	140.09	111.0	-	108.0
50	Есино XVII	к. 1, м. 5, ск. 1	♂	189.0	138.5	135.0	117.0	98.0?	104.0	119.0	128.65	121.5	107.0	116.0
51	Есино XVII	к. 1, м. 5, ск. 2	♀?	178.0	137.0	133.0	111.5	105.0	101.0	119.0	129.53	125.0	110.0	111.0
52	Есино XVII	к. 1, м. 5, ск. 3	♀	192.0	142.0	133.0	120.0	108.0	100.0	122.0	129.65	120.0	109.0	115.0
53	Есино XVII	к. 1, м. 6	♂	185.0	134.0	124.0	105.5	100.0	100.5	123.0	138.38	119.0	-	110.6
54	Есино XVIII	к. 2, м. 1	♂	181.0	143.0	141.5	119.5	100.5	102.5	117.0	141.30	133.0	120.0	109.4
55	Есино XVIII	к. 2, м. 2, ск. 1	♂	190.0	153.0	145.0	124.0!	111.5	103.5	127.0	135.07	142.0	114.0?	115.2

Приложение 1 (продолжение 2)

№ п/п	30	31	25	26	27	28	sub. 29	sub. 30	sub. 31	45	40	48	43	46	60	61
1	110.0	85.7	347.0	121.0	121.0	105.0	25.0	21.7	25.4	121.0	102.8	66.0	100.0	87.8	56.6	61.0
2	115.0?	87.0?	363.0	123.0	127.0?	113.0?	25.0	22.4?	28.8?	-	-	72.0	-	-	-	-
3	102.0	89.1	341.0	119.0	112.0	110.0	26.0	20.0	29.0	118.0?	95.0	68.3	97.5	85.3	51.0	55.3
4	102.0	85.7	345.0?	129.0?	113.0	103.0	26.4?	21.5	23.0	130.0	95.0	69.4?	103.0?	92.2?	53.0	58.3
5	113.0	95.1	354.0	113.0	123.0	118.0	20.8	21.6	29.5	127.0	100.4	71.0	106.0	99.8	56.2	61.0
6	114.0	90.6	357.0	118.0	125.0	114.0	25.0	21.2	29.7	129.0	89.8?	68.3?	108.0	90.6	48.5?	55.0?
7	106.0	102.0	368.0	125.5	116.5	126.0	24.0	20.4	31.0?	141.0	104.5	75.0	108.5	96.2	57.8	61.0
8	111.0	89.9	363.0	134.0	124.0	105.0	30.5	24.0	25.8	136.0	99.8	63.6	106.5	94.4	53.8	62.5
9	114.0	91.1	361.0	123.0	130.0	108.0	26.5	27.0	22.6	130.0	92.7	65.5	104.0	87.4	52.0	60.0
10	112.0	90.5	363.0	126.0	124.0	113.0	27.1	22.5	28.0	126.0	95.7	75.4	105.0	100.8	51.8	59.5
11	110.0	98.5	379.0	131.0	121.0	127.0	28.8	21.3	34.3	136.0	97.1	69.4	109.0	89.0	53.0	61.5
12	112.4	99.7	370.0	124.0	124.0	122.0	24.6	21.7	29.3	-	100.0	67.5	-	-	56.0	67.5
13	110.8	93.4	364.0	122.0	125.0	117.0	25.5	23.1	28.9	128.0	101.8	69.2	107.0	93.4	54.0	66.5
14	109.5	97.0	374.0	138.0	117.0	120.0	30.2	17.9	31.1	132.0	99.5	68.0	108.0	101.5	57.0	65.0
15	110.5	88.5	-	-	120.0	104.0	-	21.8	24.0	-	-	-	-	-	-	-
16	113.2	91.4	349.0	117.0	122.0	110.0	25.7	20.7	26.8	132.0	101.4	74.7	105.8	97.7	56.0	62.1
17	108.4	91.0	360.0	134.0	118.0	108.0	30.0	20.8	27.5	121.0?	-	70.3	101.1	88.3	-	59.0
18	112.0	87.5	370.0	137.0	125.0	108.0	30.8	24.0	27.8	149.0	-	-	112.0	-	-	-
19	115.2	93.0	373.0	135.0	126.0	112.0	28.3	21.9	29.3	-	-	-	107.0	-	-	-
20	115.0	91.3	361.0	124.0	129.0	109.0	25.2	25.9	26.8	129.0	96.6	72.3	104.7	91.6	52.3	63.8
21	113.0	95.2	393.0	140.0	124.0	129.0	30.5	24.0	36.4	147.0	99.0	72.7	116.0	105.5	56.0	66.0
22	108.9	95.1	358.0	124.0	120.0	113.0	26.5	22.2	25.4	124.0	-	71.3	100.0	91.8	-	-
23	107.7	89.4	349.0	124.0	116.0	108.0	27.1	21.1	28.2	134.5	87.0	68.6	102.5	89.3	50.0	59.0
24	114.0	93.0	378.0	141.0	123.0	114.0	32.7	20.9	30.8	140.5	97.8	84.5	112.0	108.6	51.5	64.0
25	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
26	108.6	92.8	353.0	122.0	119.0	112.0	24.2	23.4	29.6	144.0	105.2	77.0	-	106.3	57.0	67.6
27	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	102.6	76.0	109.0	97.0	56.7	63.6
28	115.0	87.0	355.0	122.0	126.0	107.0	25.2	22.4	26.5	125.0	100.0	67.0	98.0	92.0	54.2	60.5
29	107.6	90.4	371.0	130.0	122.0	119.0	24.8	24.4	33.8	139.0	104.1	71.9	111.0	95.0	59.1	65.0
30	111.4	89.6	362.0	127.0	125.0	110.0	27.4	25.8	27.5	130.5	95.5	68.5	105.0	99.0	55.0	61.0
31	108.0	91.5	351.0	124.0	121.0	106.0	25.8	24.0	23.9	135.0	-	-	106.0	98.9	-	-

32	116.3	89.6	387.5	140.5	135.0	112.0	29.0	29.0	28.4	140.0	99.0	82.6	105.5	101.4	57.0	66.0?
33	122.9	-	-	136.0	135.0	-	30.8	23.4	-	-	-	74.5	114.0?	100.0	57.5	59.0
34	123.3	96.6	385.0	127.0	138.0	120.0	24.9	25.8	31.0	-	108.0?	70.4	-	-	-	-
35	111.3	90.4	371.0	136.0	124.0	111.0	28.8	22.7	28.4	127.0	105.7	71.2	111.5	88.1	58.0	60.0?
36	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
37	106.0	93.0	359.0	125.0	118.0	116.0	27.1	22.3	30.0	-	96.5	74.6	105.0	94.2	52.5	61.5
38	108.0	86.4	345.0	123.0	120.0	122.0	26.9	21.6	23.5	-	97.0	70.9	102.0	87.0?	-	-
39	117.5	-	-	128.0	130.0	-	27.5?	22.2	-	-	-	-	-	-	59.0	65.5
40	120.0	88.6	373.0	135.0	131.0	107.0	30.0	23.8	26.0	131.0	102.0	70.0	105.0	94.3	54.7	61.0
41	111.5	89.0	364.0	132.0	124.0	108.0	31.2	22.7	25.8	145.0?	101.4?	70.3?	108.5	105.3	55.5?	65.0
42	121.0?	84.8	368.0	128.0	139.0	101.0	26.9	28.0	24.5	-	-	-	-	-	-	-
43	109.0	94.1	356.0	125.0	120.0	111.0	27.5	22.4	25.0	129.0	102.6	72.0	105.0	96.0	54.0	60.5
44	112.3	93.2	358.0	125.0	124.0	109.0	27.7	23.5	23.6	125.0	90.0	68.2	102.5	86.9	45.0	56.5
45	119.0	91.5	379.0	131.0	132.0	116.0	27.4	23.5	30.4	-	104.5	75.0	-	96.0?	58.2	64.0
46	111.5	89.0	352.0	116.0	120.0	116.0	24.0	18.0	31.0	133.0	94.5	65.8	109.5	95.8	52.6	59.5
47	-	-	-	125.0	-	-	27.2	-	-	-	-	-	-	-	-	-
48	-	-	-	117.0	-	-	22.1	-	-	-	-	-	-	-	-	-
49	110.0	-	-	126.0	123.0	-	28.4	23.2	-	120.0	-	63.0?	98.0	89.6	49.3	60.0
50	119.0	97.0	393.0	138.0	132.0	123.0	29.5	24.5	31.0	134.0	-	-	109.0	95.4	-	-
51	115.0	91.0	363.0	127.0	127.0	109.0	26.1	24.5	24.5	133.0	106.2	76.0	108.5	97.4	58.6	65.0
52	121.5	89.0	381.0	130.0	133.0	118.0	26.3	24.1	33.0	132.0?	108.0	74.8	107.0	91.0	56.6	64.0
53	111.0	83.5	368.0	131.0	126.0	111.0	30.0	26.0	30.0	135.0	101.0	72.3	116.5	105.0	55.5	69.5
54	125.5	91.2	371.0	124.0	140.0	107.0	23.7	27.1	23.0	141.0	98.6	71.7	113.5	98.9	57.0	65.5
55	113.3	97.4	380.0	134.0	122.0	124.0	29.4	21.0	29.0	152.0!	109.0	72.0	111.0	104.5	57.8	66.0

Приложение 1 (продолжение 3)

№ п/п	55	54	51	51a	52	77	∠zm'	SC	SS	SS:SC	MC	MS	DC	DS	32	72	75(1)
1	45.2	24.2	40.0	36.5	33.0	139.83	122.28	8.5	5.4	63.5	15.6	6.9	18.5	11.2	87.0	83.5	28.5
2	50.3	20.7	41.9	39.4? _{np.}	36.5	-	-	-	-	-	18.0	-	-	-	79.0	88.0	-
3	48.5	22.2	41.1	37.3	31.3	141.25	122.63	6.2	3.0	48.4	15.8	5.0	18.0	9.0	88.0	85.0	27.0
4	50.0?	-	-	-	32.0	-	123.47?	-	-	-	-	-	-	-	84.5	84.0	-
5	51.0	26.9	42.0	39.2	32.9	139.96	132.46	8.7	4.1	47.1	18.3	6.3	20.0	11.2	77.5	84.0	25.0
6	48.8	23.3	44.5	42.0	35.4	139.81	123.31	10.0	5.1	51.0	17.9	7.2	19.0	9.2	84.0	88.0?	26.0?
7	55.6	27.8	44.0	40.9	37.0	141.22	127.30	7.0	5.0	71.4	17.4	8.6	19.2	12.3	80.0	86.0	29.0
8	48.2	24.6	43.9	40.5	30.8	144.38	-	6.9	4.0	58.0	17.1	6.1	20.0	12.2	90.0	85.0	31.0
9	46.4	22.0	41.8	35.4	34.0?	141.33	126.23	5.6	3.1	55.4	15.9	5.8	21.0?	12.0?	85.0	85.0	22.0
10	51.3	24.0	42.8	38.0	34.0	138.09	126.05	7.4	4.5	60.8	15.7	6.8	20.5	11.8	82.0	85.0	29.5
11	46.9	23.3	43.4	40.9	32.7	141.59	126.45	8.1	4.7	58.0	19.2	7.0	21.0	11.0	89.0	90.0	27.5
12	51.6	28.3	44.0 _{np.}	41.6 _{np.}	31.6 _{np.}	-	-	7.1	5.2	73.2	20.0	7.6	21.8	12.0	82.0?	83.0?	-
13	46.0	24.4	43.0?	40.6	32.2	142.34	133.04	10.4	4.2	40.4	20.0	6.5	21.4	10.0	88.0	84.0	22.0
14	42.5	27.5	41.0	38.7	31.5	142.21	127.46	10.8	4.7	43.5	18.7	7.6	22.1	10.4	91.0	88.5	25.5
15	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
16	49.8	26.8	43.5	39.2	33.0	139.75	126.87?	10.7	4.4	41.1	19.0	7.5	22.5	11.4	86.0	86.0	17.0
17	49.0	23.3	40.8	39.3	32.0	140.54	122.52	-	-	-	16.7	6.3	17.8	11.3	82.5	84.0	-
18	-	-	42.5	-	32.0	138.31	-	-	-	-	-	-	-	-	83.0	-	-
19	-	-	-	-	34.7	136.99	-	-	-	-	-	-	-	-	76.0	-	-
20	51.0	21.8	41.8	39.3	34.6	139.39	127.17	8.0	5.4	67.5	16.9	7.3	18.7	12.1	85.0	86.5	28.5
21	52.0	25.0	47.1	43.3	34.1	143.39	125.71	4.6	3.6	78.3	17.1	7.5	21.3	11.3	87.5	85.5	33.5
22	50.0	25.5	41.4	38.0	35.3	143.91	-	8.2	3.1	37.8	16.4	5.8	19.1	9.4	83.0	-	-
23	48.7	23.8	42.0	39.4	37.8	141.44	127.94	8.3	4.3	51.8	17.5	7.2	20.4	11.0	82.0	85.5	31.0
24	58.6	27.0	42.7	-	38.9	145.16	137.81	-	-	-	-	-	-	-	85.0	90.0	-

25	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
26	57.0	26.3	45.1	42.7	35.7	-	135.74	8.3	4.0	48.2	22.6	7.2	25.2	12.6	81.0	81.5	21.5
27	52.5	26.7	45.5	40.7	33.3	138.95	122.81	9.5	5.0	52.6	19.5	7.9	22.8	14.3	82.0	87.0	-
28	47.4	23.3	41.1	38.5?	30.0	136.18	-	10.0	5.0	50.0	17.1	7.2	18.0?	11.0?	84.5	83.0	33.0
29	48.0	23.0	44.5	40.0	33.9	141.60	125.93	5.6	4.0	71.4	18.0	7.1	22.4	11.6	84.0	82.0	25.0
30	48.8	27.0	43.5	40.7	33.3	141.49	133.41	9.0	3.8	42.2	18.5	5.5	21.5?	9.7?	85.0	88.0	18.0
31	50.0	27.0	42.5	39.6	35.9	143.68	130.22	9.0	4.0	44.4	19.8	6.4	21.5	11.0	82.0	84.0?	26.0?
32	55.8	25.2	43.2	39.8	36.8	134.59	125.09	-	-	-	16.0	-	-	-	76.0	90.0	-
33	52.0?	24.8	48.5 _{пр.}	45.5 _{пр.}	36.2	152.68	128.57	5.6	2.8	50.0	18.8	7.0	21.5	11.0	87.0?	86.0?	27.0?
34	50.4	25.0	46.1	42.8	36.7	-	-	9.4	5.0	53.2	20.6	8.0	22.0?	13.0?	79.0	83.0?	23.0?
35	48.6	24.2	43.8	41.6	35.0	133.39	125.66	6.6	3.4	51.5	21.5	7.2	21.5	11.0	79.5	85.0	25.0
36	-	-	42.8 _{пр.}	39.8? _{пр.}	30.0 _{пр.}	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
37	52.7	24.9	41.8	39.0	34.5	138.02	125.55	9.9	3.8	38.4	22.0	6.4	23.0	12.2	79.0	85.0	24.0
38	50.9	22.1	42.7	39.6	33.5	136.81	120.23	7.6	4.1	53.9	17.3	7.0	18.9	13.0	84.0	83.0	29.0
39	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
40	49.4	24.2	43.5	40.1	32.9	138.23	127.45	9.9	4.7	47.5	17.6	7.2	19.1	10.3	83.0	87.0	22.0?
41	51.0	26.8	44.4	41.0	27.7	147.17	137.17	5.8	3.3	56.9	20.7	5.3	23.8	9.0	90.5	87.0	26.0
42	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
43	52.0	23.2	42.5?	-	34.2	143.41	118.85	-	-	-	-	-	-	-	87.0	86.0?	-
44	49.0	20.2	43.3	39.4	35.5	140.23	128.90	7.0	3.6	51.4	15.6	6.7	17.8	10.7	86.0	90.0	31.0
45	50.2	25.2	43.6 _{пр.}	41.0 _{пр.}	36.0 _{пр.}	-	-	7.2	4.6	63.9	21.5?	7.2	22.0?	10.5?	89.0	83.0	33.0
46	47.2	25.0	43.5	41.2	32.5	140.25	140.93	10.9	4.1	37.6	22.4	6.3	22.0	10.5	87.0	87.0	20.0
47	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
48	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
49	46.3	23.0	40.7	36.6	33.0	141.62	132.71	7.4	3.5	47.3	16.7	6.4	18.0	10.8	85.0	87.0?	21.0?
50	46.5	26.4	43.2	38.6	30.0	139.77	-	5.5?	-	-	22.0	-	-	-	89.0	-	-
51	54.5	23.9	45.0	41.4	34.2	133.58	118.23	9.7	4.7	48.5	21.0	8.0	23.4	12.3	78.0	84.0	29.0
52	51.0	24.5	42.9	40.9	35.0	134.39	128.47	13.6	5.0	36.8	21.9	6.8	23.0	9.8	83.0	89.0	28.0
53	52.6	27.2	46.1	41.0	32.2	140.67	133.36	7.1	3.0	42.3	26.3	6.0	30.6	11.5	85.0	88.0	21.0
54	47.1	24.9	47.2	44.0	33.0	144.74	134.07	11.1	5.3	47.7	20.1	6.4	23.0	11.4	85.0	84.0	34.0
55	51.7	29.0	44.0	42.2	32.1	140.61	127.40	9.0	6.4	71.1	22.0	10.3	23.0	16.5	87.0	86.0	40.0

Примечание: * – В приложении приняты сокращения: к. – курган; м. – могила; ск. – скелет; пр. – правый/ая; чер. – череп.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

APPENDIX 2

Индивидуальные измерения нижних челюстей из Есиных могильников

Individual measurements of lower jaws from Yesino cemeteries

№ п/п	Могильник	Полевой шифр	Пол	68(1)	79	68	70	71а	65	66	67	69	69(1)	69(3)	∠С
1	Есино I	к. 1, м. 1, ск. 1*	♀	-	124.0 _{пр.}	-	-	34.8 _{пр.}	-	-	45.5	33.3	32.2	13.5 _{пр.}	78.0?
2	Есино I	к. 1, м. 1, чер. 2	♀	103.0	123.0	75.5	56.0	29.8	118.3	91.6	45.0	31.0	29.0	10.8	73.0
3	Есино I	к. 2, м. 1	♀	99.0	126.0	70.0	56.0	29.7	111.8	91.7	44.0	33.6	30.0	12.0	77.0
4	Есино I	к. 4, м. 2	♀	98.0	116.0	75.0	57.0	31.2	112.5	94.0	44.2	32.7	31.0	11.8	73.0
5	Есино I	к. 4, м. 3, ск. 2	♂??	116.0	126.0	82.5	63.0	37.4	107.4	86.0	50.8	34.2	30.0	12.4	66.0
6	Есино I	к. 6, м. 2	♀?	-	-	-	-	38.3	-	-	-	-	33.0	16.4	-

7	Есино I	к. 8, м. 1	♂	114.0	116.5	86.5	73.0	35.2	124.0	115.0	48.0	35.7	35.0	13.1	73.0
8	Есино I	к. 9, м. 1	♂	110.0	113.0	88.5	60.0	39.0	125.2	105.0	47.5	34.3?	30.0?	14.5	63.0
9	Есино I	к. 9, м. 2	♀	100.0	128.0	69.0	53.5	32.0	119.6	90.0?	43.5	34.5	27.5	12.0	73.0
10	Есино I	к. 9, м. 3	♀?	105.0	124.0	73.0	64.0	33.0	109.5	87.0	42.5	34.8	33.0	11.0	70.0
11	Есино I	к. 9, м. 5	♂	105.0	122.0	76.5	64.0	31.5	119.5	102.0	46.6	33.1	30.0	10.8	68.0
12	Есино I	к. 10, м. 1	♂	111.0	113.0	87.0	67.0	35.0 _{пр.}	-	102.0	47.0	33.5	31.8	14.0?	68.0
13	Есино I	к. 11, м. 3, ск. 1	♀	101.5	119.5	74.5	62.5	32.4	115.5	99.6	47.5	33.0	31.0	12.0	75.0
14	Есино I	к. 12, м. 1	♂	108.0	134.0	70.0	60.0	31.5	122.0	114.0	49.0	36.5	30.0	13.0	70.0
15	Есино I	к. 14, м. 1	♂	100.5	107.0	85.0	59.0	40.7	122.0	110.0	45.4	33.8	30.0	12.5	75.0
16	Есино II	к. 1, м. 1, ск. 1	♀	-	124.5	76.0	53.0	35.0	-	92.5	46.0	32.0	29.0	-	73.0
17	Есино II	к. 1, м. 1, ск. 2	♂	116.0	117.0	89.0	70.5	38.5	136.0	105.0	47.7	33.8	35.0	13.0	63.0
18	Есино II	к. 3, м. 1	♀	98.0	126.0	70.0	55.0	32.9	116.0	98.2	43.5	30.3	28.7	9.0	63.5
19	Есино II	к. 3, м. 2	♀	105.3	133.5	67.0	57.0	30.2	125.0	95.7	45.0	39.3	31.0	12.2	70.0
20	Есино II	к. 4, м. 1, ск. 1	♀	98.5	120.5	73.0	54.0	31.3	116.5	93.0	41.0	29.2	29.0	10.7	68.0
21	Есино II	к. 6, м. 1	♂	118.0	123.0	86.5	62.5	39.2	122.3	104.5	46.3	35.0	34.7	10.7	65.5
22	Есино II	к. 13, м. 3	♂	-	109.0	89.0	75.0	34.0	-	113.0	52.5	38.0	37.0	12.5	65.0
23	Есино II	к. 15, м. 1	♀	104.0	124.0	73.0	61.5	30.3	116.0	92.0	44.2	35.4	-	-	67.5
24	Есино II	к. 15, м. 2	♀	102.0	115.0	77.0	65.0	33.4	123.0	97.0	45.0	31.0	29.5	12.0	68.0
25	Есино II	к. 16, м. 1	♂	101.3	108.5	81.0	73.0	39.0	121.5	106.0	47.6	34.8	34.6	14.6	75.0
26	Есино II	к. 17, м. 1	♀	104.0	121.0	76.0	55.5	31.9	126.0	94.3	38.2	34.6	28.5	9.2	65.0
27	Есино II	к. 20, м. 1	♂	114.0	119.0	83.5	71.0	40.2	129.9	109.5	49.2	37.5	34.0	14.8	-
28	Есино II	к. 25, м. 1	♂	114.0	123.5	83.0	61.0	32.3	119.2	108.3	51.4	37.5	31.3	14.0	67.0
29	Есино IX	к. 2, м. 1	♀	104.0	117.0	81.0	56.5	36.4	111.0	87.4	44.0	32.5	29.3	11.0	-
30	Есино XIII	к. 1, м. 2, ск. 1	♂	110.0	112.0	87.5	67.5	37.5	123.0	89.0	49.0	35.0	34.0	11.5	78.0
31	Есино XIV	к. 1, м. 1, ск. 1	♀	108.0	127.0	76.0	60.0	29.6	120.0	92.8	45.6	30.7	28.5	11.0	62.0
32	Есино XIV	к. 1, м. 1, ск. 2	♀	107.0	121.0	79.5	59.0	35.2	120.5	98.6	51.2	31.8	30.7	12.7	65.0
33	Есино XIV	к. 1, м. 2	♂	106.0	123.0	75.0	63.5	33.0	127.7	105.2	47.0	39.0	31.7	14.0	75.0
34	Есино XIV	к. 1, м. 3	♂	113.0	110.5	92.5	71.0	43.0	133.0	104.8	44.6	37.5	32.2	14.0	68.0
35	Есино XIV	к. 1, м. 4, ск. 1	♂	113.0	119.0?	85.0	63.0	36.0	122.0?	107.0	49.5	-	32.5	13.0	-
36	Есино XIV	к. 1, м. 4, ск. 2	♀??	106.5	124.0	76.0	60.0	36.5	106.6	94.5	48.4	35.2	31.5	14.5	85.0
37	Есино XIV	к. 1, м. 5, ск. 1	♂	103.0	116.0	76.0?	66.0	31.8	122.0	98.0?	49.0?	37.6	32.0	14.0	76.0
38	Есино XIV	к. 1, м. 5, ск. 2	♀	108.0	125.0	76.0	62.5	33.0	115.6	105.0	45.5	33.0	28.8	11.3	60.0
39	Есино XIV	к. 1, м. 6, ск. 1	♂	112.0	126.0	78.0	66.0	33.8	114.8?	106.0	48.7	37.3	32.6	13.6	70.0
40	Есино XIV	к. 1, м. 6, ск. 2	♀	109.0	132.0	75.5	57.0	30.0	99.5	96.0	45.8	32.0	30.0	10.8	63.0
41	Есино XIV	к. 4, м. 1	♀	98.5	119.0	72.5	62.0	34.0	120.5	99.0	45.3	32.5?	28.8	11.2	78.0?
42	Есино XV	к. 1, м. 1	♀	111.5	124.5	84.0	53.5	34.4	117.5	92.0	46.0	32.5	31.8	10.0	60.0
43	Есино XV	к. 1, м. 2, ск. 1	♀	104.5	134.0	69.0	56.5	28.7	101.3	92.5	45.8	28.4	28.0	14.0?	58.0
44	Есино XVI	к. 1, м. 1, ск. 1	♂	109.0	115.5 _{пр.}	82.5	69.0	36.5 _{пр.}	125.5?	-	47.6	35.9	33.9 _{пр.}	14.0? _{пр.}	77.0
45	Есино XVI	к. 1, м. 2, ск. 2	♂	112.0	119.0	83.0	68.0	37.5	137.0	113.0	44.0	37.0	35.8	12.0	75.0
46	Есино XVI	к. 1, м. 2, ск. 1	♀	96.0	111.5	78.0	58.0	32.3	112.0	96.8	43.5	28.8	27.9	11.3	75.0
47	Есино XVII	к. 1, м. 2	♀	100.0	120.0	77.5	51.0	34.0	114.0?	91.0	45.2	29.8	25.5	11.0	70.0
48	Есино XVII	к. 1, м. 5, ск. 1	♂	114.0	120.0	85.5	63.0	36.2	125.7	99.5	45.5	36.1	-	-	68.0
49	Есино XVII	к. 1, м. 5, ск. 3	♀	105.5	129.5	71.5	59.0	33.0	116.8	92.7	40.6	-	33.5	11.7	-
50	Есино XVII	к. 1, м. 6	♂	-	116.5 _{пр.}	81.0	66.0 _{пр.}	36.4	-	-	45.4	38.0	36.0	11.5	76.0
51	Есино XVIII	к. 1, м. 1	♂	102.0	114.0	77.5	66.5	33.2	135.0	108.0	47.5	37.0	31.0	12.0	75.0
52	Есино XVIII	к. 2, м. 1	♂	108.0	117.5	80.0	68.0	34.0	125.0	109.8	51.0	34.7	32.5	12.2	72.0
53	Есино XVIII	к. 2, м. 2, ск. 1	♂	106.5	116.5	79.5	68.0	37.6	134.6	107.2	46.6	38.8	30.5	11.2	77.0

Примечание: * — В приложении приняты сокращения: к. — курган; м. — могила; ск. — скелет; пр. — правый/ая; чер. — череп.

ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРЫ

Курган Туннуг 1 – новые данные об «аржанском горизонте» раннескифской культуры¹

Т. Р. Садыков², Дж. Каспари³, Е. К. Блохин⁴

АННОТАЦИЯ. Проблема появления высокоподвижного кочевого скотоводства в степях Евразии и связанные с ней вопросы происхождения «скифской» материальной культуры имеют богатую историю изучения, но попытки их решения все еще упираются в недостаток данных. В статье представлены предварительные результаты работ на «царском» кургане раннего железного века Туннуг 1 в Туве. Памятник принадлежит той же культурной традиции, что и Аржан-1, и многие ее элементы можно проследить в предшествующей монгун-тайгинской археологической культуре и родственной ей традиции строителей херексуров. Глиняная архитектура, обнаруженная на Туннуге 1, не находит каких-либо территориально близких аналогий и, возможно, указывает на западное влияние в формировании самого раннего «скифского» горизонта. Демонстрируется ценность мультидисциплинарного подхода, включающего анализ спутниковых изображений, аэрофотоснимков, 3D-моделей, цифровых моделей рельефа, применение геофизических методов и радиоуглеродного датирования наряду с традиционными планиграфическими и стратиграфическими наблюдениями.

ANNOTATION. The problem of the emergence of a highly mobile nomadic herding in the steppe of Eurasia and the questions of the origin of the 'Scythian' material culture related to it have a rich history of studies but the attempts of their solution still are hindered by the lack of data. This paper proposes to your attention the preliminary results of investigations of the 'royal' kurgan Tunnug 1 of the early Iron Age in Tuva. This site belongs to the same cultural tradition as Arzhan 1; many elements of this tradition are traceable in the precedent Mongun-Taiga archaeological culture and its kindred tradition of the builders of kherekurs. The clay architecture revealed at Tunnug 1 finds no territorially close analogies and, possibly, indicates some western influence on the formation of the earliest 'Scythian' horizon. The paper demonstrates the value of the multidisciplinary approach including analysis of satellite images, 3D-models, digital models of the relief, application of the remote sensing methods and radiocarbon dating along with the more traditional planigraphic and stratigraphic observations.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: курган Туннуг 1, Тува, формирование раннего «скифского» горизонта, мультидисциплинарный подход.

KEYWORDS: kurgan Tunnug 1, Tuva, formation of the earliest 'Scythian' horizon, multidisciplinary approach.

Введение

История евразийских степей раннего железного века, когда культуры мобильных кочевых ско-

товодов впервые демонстрируют необычайно тесные связи между Европой и Азией, давно стала специальным предметом археологических исследований. Опираясь на исторические источники,

¹ Данная публикация является авторизованным переводом англоязычной статьи (Sadykov et al., 2020). К настоящему времени проведен еще один полевой сезон, который несколько дополнил имеющиеся данные (новые данные мы приводим курсивом). Незначительно сокращены историографическая, культурно-историческая, терминологическая и методическая части текста, поскольку в русскоязычном специализированном издании они выглядят избыточно. При этом все основные выводы, наблюдения, структура и библиография оригинальной статьи остались неизменными. Полевые исследования проводятся совместной экспедицией ИИМК РАН, РГО (проект «Экспедиция Туннуг») и швейцарского фонда ArchaeoExploration при финансовой и материально-технической помощи РГО

(№ 53/04/2019) и финансовой помощи доктора Ф. Паульсена, the Society for the Exploration of EurAsia и Министерства культуры РФ (проекты № 656-01-1-41/12-18 и № 1205/12-20). Постэкспедиционная обработка материалов Т. Р. Садыковым и Е. К. Блохиным проведена в рамках Программы ФНИ ГАН, по темам государственных заданий № 0160-2020-0002 и № 0184-2019-0011. Работа Дж. Каспари финансировалась Швейцарским национальным научным фондом, номер гранта P400PG_190982. Благодарим С. В. Хаврина (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) за определения медных сплавов и К. В. Чугунова (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург) за консультации.

в частности на Геродота, эти культуры чаще всего ассоциируют со скифами. И хотя этот термин исторически обозначал только племена Северного Причерноморья, его использование расширилось за счет включения большого комплекса археологических культур, выходящего далеко за пределы собственно «Скифии». В археологических исследованиях понятия «этноним» и «материальная культура» чаще рассматриваются как принципиально разные и не обязательно связанные друг с другом категории. Ряд археологических культур раннего железного века евразийских степей четко выделен и достаточно изучен. При всем своеобразии они обладают сильным сходством в образе жизни, экономических характеристиках и художественном самовыражении. Поэтому термин «скифская культура» по-прежнему широко используется в российской и немецкой археологической литературе по отношению к комплексу археологических культур высокоомобильных кочевых скотоводов евразийских степей раннего железного века (около IX–II вв. до н. э.), хотя и требует обоснования и уточнения в каждом конкретном регионе исследования. Несмотря на значительный прогресс в изучении «скифской культуры» во всем ее многообразии, ее истоки в значительной степени остаются дискуссионными. Раскопки Аржана-1 в 1970-х гг. (Грязнов, 1980) выявили один из самых ранних «царских» курганов «скифской культуры». Уникальное архитектурное строение этого кургана, находящегося в Республике Тыва, и связанные с ним находки укрепили гипотезу о первоначальной скифской прародине IX в. до н. э. где-то в восточных степях Евразии, хотя до этого открытия традиционно считалось, что корни скифов уходят в причерноморские степи. На протяжении десятилетий материальный комплекс кургана Аржан-1 остается одним из основных аргументов в споре о скифской прародине.

В 2017 г. в ходе проведенного авторами предварительного обследования были сделаны трехмерные модели и получены первые радиоуглеродные даты кургана Туннуг 1, по результатам которых

возникло предположение, что Туннуг 1 также относится к самому раннему «скифскому» горизонту (Caspari et al., 2018). Памятник расположен недалеко от Аржана-1, в заболоченной пойме Уюкской котловины. В этой статье мы представляем новые данные, относящиеся к «раннескифскому» горизонту, полученные в результате исследований и раскопок, проведенных в 2018 и 2019 гг. Наблюдения, сделанные в течение первых двух полевых сезонов, позволяют провести повторный анализ культурных компонентов, связанных с «раннескифским» комплексом. Структурные особенности этого важного археологического памятника в некотором смысле уникальны и отличаются как от предыдущих культурных традиций в этом регионе, так и от последующих хорошо изученных классических погребальных комплексов раннего железного века.

Выделение структурных компонентов кургана Туннуг 1 и его периферии не ограничивается исследовательскими вопросами регионального уровня, но дает возможность проанализировать слияние архитектурных традиций, что может явиться ключом к пониманию формирования «скифской» идентичности. Курган Туннуг 1 датируется временем возникновения новой культуры в IX в. до н. э. (Caspari et al., 2020a. P. 56) и, таким образом, теоретически может содержать исходные культурные компоненты в наиболее чистом виде. Важно отметить, что исследуется памятник «переходного времени», и интерпретация новых данных априори гипотетична и не может быть «устоявшейся». Связи между «раннескифским» горизонтом и территориально близкими культурами позднего бронзового века отмечались уже давно. В частности, определенный вклад монгун-тайгинской культуры практически общепризнан, отмечаются и параллели с родственной ей «культурой херексуров и оленных камней Монголии» (Honeychurch, 2015. P. 174–175; Houle, 2010. P. 11). Речь шла и о других культурных влияниях, связанных с постандроновскими культурами с запада (Кызласов, 1979. С. 35; Савинов, 2002. С. 31–32) или юго-востока (Чугунов, 2020. С. 141). Мы рассматриваем структуру и архитектурные элементы Туннуга 1 с учетом этой историографической традиции.

Ранний железный век в Туве и проект Туннуг 1

Научные раскопки курганов, приуроченных к «скифо-сибирской» общности, начались более столетия назад (Радлов, 1884; 1896), но позже, чем в Северном Причерноморье (Shcheglov et al., 1991). Отчасти

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел охранной археологии.

Адрес электронной почты: tim.sadykov@gmail.com.

³ University of Bern, Mittelstrasse 43, 3012 Bern, Switzerland.

Адрес электронной почты: gino.caspari@iaw.unibe.ch.

⁴ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.

Институт истории материальной культуры РАН. Отдел охранной археологии.

Адрес электронной почты: jegor.blochinn@gmail.com.

поэтому термин «скифы» приобрел такое широкое значение. Как правило, «скифские» курганы в Азии интерпретировались как ответвление традиций, зародившихся в европейских степях (Артамонов, 1975). Между тем, в археологии раннего железного века степной Азии выделялись и отдельные археологические культуры: тагарская (Bokovenko et al., 1995), пазырыкская — на Алтае, включая казахский (Hiebert, 1992), монгольский (Molodin et al., 2008) и китайский (Caspary, 2020a) Алтай, а также алдыбельская и уюкско-саглынская — в Туве (Чугунов, 2020; Parzinger, 2006. P. 606–608). В каждой из этих культур выделяются специфические характерные элементы, но в целом материальная культура включает «скифскую триаду» (специфическое оружие, конское снаряжение и предметы, украшенные в скифском зверином стиле). У Геродота упоминается, что скифы мигрировали в Северное Причерноморье из Азии, и с новыми археологическими данными все больше ученых склонялись к центральноазиатской гипотезе происхождения скифской материальной культуры (см. Тереножкин, 1971). Открытие кургана Аржан-1 в Туве (Грязнов, 1980) усилило эту гипотезу. Первоначально этот «царский» курган был датирован VII в. до н. э., а последующие анализы с усовершенствованием радиоуглеродного датирования и дендрохронологии позволили поместить его еще раньше — на рубеже IX–VIII вв. до н. э. (Zaitseva et al., 2007). С тех пор центральноазиатская гипотеза строится в основном на материале из Аржана-1, который до сих пор остается уникальным.

Курганы раннего железного века в Республике Тыва времени после «аржанского горизонта» достаточно хорошо изучены, а их материалы относятся к последовательным археологическим культурам. В VII–VI вв. до н. э. на территории Тувы распространилась «раннескифская» алдыбельская культура, которая обладает целым рядом специфических признаков и в полной мере включает в себя «скифскую триаду». В VI в. до н. э. происходят значительные изменения в погребальной практике, формируется и широко распространяется уюкско-саглынская⁵ археологическая культура. Она существует до III или, возможно, даже до II в. до н. э. Поздние уюкско-саглынские памятники демонстрируют влияние материальной культуры сюнну

⁵ Иногда определяемая просто как уюкская или просто как саглынская археологическая культура из-за неустоявшейся терминологии.

и определяются как озен-ала-белигский этап (Семенов, 2003; Чугунов, 2020. С. 139).

В 1980 г. М. П. Грязнов описал три больших кургана в Уюкской котловине в Туве, которую он назвал «Долиной царей», как наиболее интересные с точки зрения изучения раннескифского горизонта (Грязнов, 1980. С. 5). Стоит отметить, что здесь расположено более 150 курганов диаметром более 25 м, включая несколько очень крупных курганов диаметром более 100 м (Caspary, 2020b).

Первый из них — собственно Аржан-1, расположенный в поселке Аржаан. Второй, получивший название Аржан-2, раскопан российско-германской экспедицией в начале 2000-х гг. и привлек внимание всего мира: основное захоронение кургана осталось неразграбленным (Čugunov et al., 2010). Недавний анализ показал, что в долине Уюк около 92 % курганов пострадали от сильного разграбления (Caspary, 2020b), что соотносится с данными и на других территориях (Caspary, 2018). Несмотря на богатый и разнообразный погребальный инвентарь Аржана-2, его анализ не дает ответов на вопросы о зарождении скифской материальной культуры, т. к. Аржан-2 надежно датирован серединой VII в. до н. э. (Čugunov et al., 2010) и является ярким примером царского кургана алдыбельской культуры. Третьим курганом, который, по мнению М. П. Грязнова, представляет интерес, был Туннуг 1, названный по ближайшему топониму.

Разведки, проведенные авторами в 2017 г., позволили уточнить местонахождение кургана и получить предварительные радиоуглеродные даты (Caspary et al., 2018), которые поместили памятник в хронологический контекст Аржана-1. В период между раскопками на Аржане-1 и Туннуге 1 был изучен только один относительно крупный курган, относящийся к «аржанскому горизонту», — Аржан-5. Этот курган меньшего размера, около 55 м в диаметре, его раскопки приостановлены, но предварительные результаты показывают архитектуру, сходную с Аржаном-1 (Рукавишникова, Гладченков, 2016. С. 55). Аржан-5 получил такой номер, поскольку курганы, расположенные в цепочке между Аржаном-1 и Аржаном-2, традиционно именуются Аржан-3 и Аржан-4, но их датировка остается неясной (рис. 1).

Предварительное обследование памятника Туннуг 1 летом 2017 г. показало его значимость. Внутренняя радиальная структура кургана, напоминающая Аржан-1, была определена спутниковыми данными, аэрофотоснимками, 3D-моделями и кар-

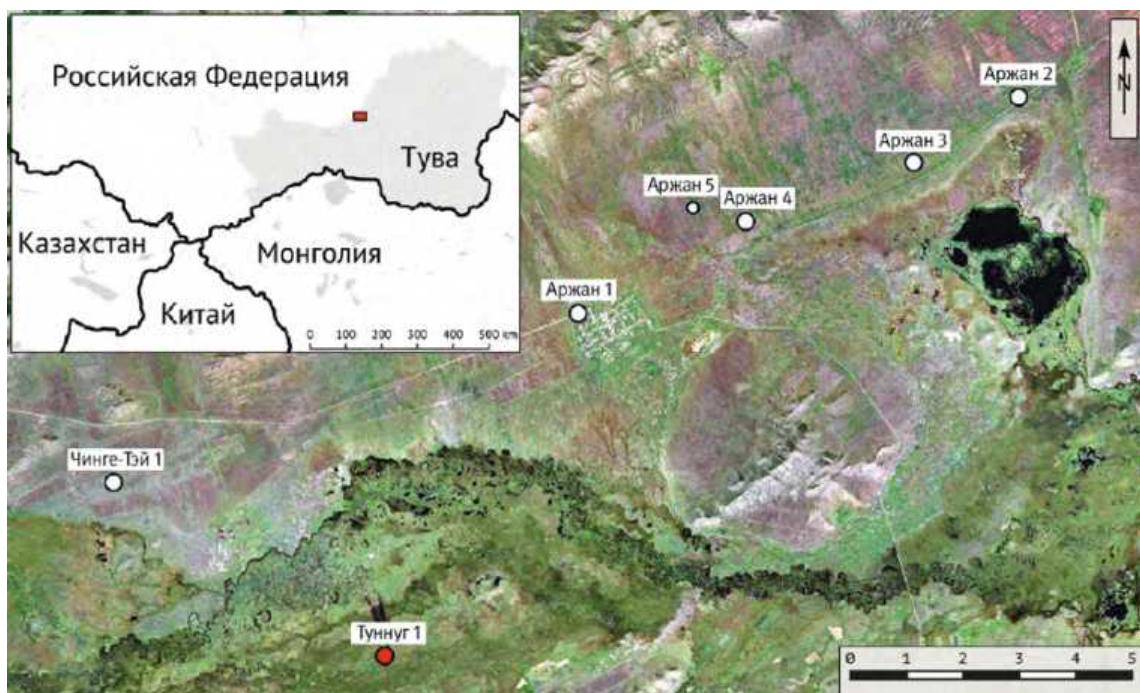

РИС. 1. Карта «Долины царей» в Уюкской котловине в Туве. Отмечены упоминаемые памятники. Полную карту царских курганов на северной террасе реки см. Caspari, 2020b

FIG. 1. Map of the “Valley of the Kings.” The most important early Scythian kurgans are noted. For a complete map of the royal burial mounds on the northern river terrace, see Caspari, 2020b

той высот. Расположение кургана в речной пойме породило гипотезы о значительных ландшафтных изменениях на рубеже позднего бронзового и раннего железного веков, и, как следствие, возникло предположение, что на памятнике не должно быть более поздних археологических материалов. Однако первый сезон раскопок выявил объекты и отдельные находки от бронзового века до Средневековья (Садыков и др., 2019). Последующие исследования с использованием оптических данных и данных SAR показали, что курган, по всей видимости, является изолированным памятником в заболоченной зоне (Caspari et al., 2020b), что отличает его от расположенных группами курганов на высоких речных террасах. Уникальное расположение в болотистой пойме и наличие льда на глубине около 1 м ниже уровня поверхности в июне 2017 г. (Caspari et al., 2018) предполагают возможность хорошей сохранности органики — действительно, последующие раскопки выявили прекрасно сохранившуюся древесину. Более точная дата кургана была получена в 2019 г. методом «wiggle-matching», в результате чего дата кургана Туннуг 1 уточнилась в пределах 833–800 гг. до н. э. (Caspari et al., 2020a) (табл. 1). Это позволяет напрямую сопоставлять

Туннуг 1 с Аржаном-1 как по размеру, так и по хронологическому положению.

В дополнение к отличной сохранности, уникальному расположению, размеру и датировке, памятник отличается и отсутствием значительных позднейших разрушений. Эти положения заложили фундамент для проведения крупного междисциплинарного российско-швейцарского исследовательского проекта с привлечением специалистов в области антропологии, палеогенетики, геоморфологии, палеозоологии, дендрохронологии, палинологии, почвоведения и т. д. Учитывая большое количество полученных данных, в настоящей статье представлены только археологические результаты полевых исследований и только «раннескифский» горизонт памятника.

Методы

Специфические топографические условия (памятник расположен в пойменной зоне и регулярно затапливается), сложная внутренняя структура и огромный объем работ (иногда на памятнике одновременно работает более сотни археологов и добровольцев) потребовали разработки специальной методики раскопок. По итогам предвари-

Таблица 1. Радиоуглеродные даты по дереву из кургана Туннуг 1. Для калибровки использовалась кривая IntCal13 (по: *Reimer et al.*, 2013). Результаты wiggle-matching-моделирования (по: *Caspari et al.*, 2020a) – 833–800 BCE

Table 1. Radiocarbon dates of the wood from kurgan Tunnug 1. Curve IntCal13 (after *Reimer et al.*, 2013) was used for calibration. Results of wiggle-matching technique (after *Caspari et al.*, 2020a) – 833–800 BCE

Код	Результат до калибровки	После калибровки (95,4 % вероятности)	Источник
ETH-80046	2719 ± 16	904–824 BCE	<i>Caspari et al.</i> , 2018
ETH-80047	2678 ± 19	895–868 BCE	<i>Caspari et al.</i> , 2018
		859–802 BCE	
BE-9513.1.1	2712 ± 23	903–814 BCE	<i>Caspari et al.</i> , 2020a
BE-9512.1.1	2728 ± 23	915–822 BCE	<i>Caspari et al.</i> , 2020a
BE-9516.1.1	2740 ± 23	926–828 BCE	<i>Caspari et al.</i> , 2020a
BE-9515.1.1	2708 ± 23	902–813 BCE	<i>Caspari et al.</i> , 2020a
BE-9514.1.1	2644 ± 23	832–795 BCE	<i>Caspari et al.</i> , 2020a

тельных исследований в 2017 г. мы разделили площадь памятника на основной курган и его периферию, состоящую из множества погребальных и ритуальных каменных структур, как современных основному кургану, так и более поздних. Выбранный способ фиксации отражает планиграфическую сложность памятника.

С самого начала работ используется двойная система описания и разметки площади памятника. Основной курган разделен на 16 секторов, границы которых обозначены латинскими буквами (A–P), периферия разделена на квадраты 8 × 8 м. Условное начало координатной сетки расположено в ЮЗ углу памятника. Линии квадратов пронумерованы по горизонтальной (X) и вертикальной (Y) осям. Квадраты определяются комбинацией двух чисел: сначала X, затем Y. Секторальная и квадратная координатные системы привязаны друг к другу, условный центр кургана (и центр секторальной разметки) является также точкой квадратной разметки. Выбранная система позволяет не только отображать наиболее корректные стратиграфические разрезы, но и эффективно организовать полевые работы одновременно на основном кургане и на периферии (рис. 2). Кроме разрезов по линиям секторов и квадратов дополнительные разрезы были сделаны через каждый выделенный «объект». Через большинство объектов были сняты реальные профили, однако при невозможности получения стабильных стенок (основная причина – высокий уровень грунтовых вод) объекты документируются 3D-моделями тонких горизонтов, которые скла-

дываются в стратиграфический профиль в процессе постобработки.

Раскопки основного кургана организованы в виде этапов разборки, зачистки и документирования. Сначала были удалены растительность и верхний слой почвы, зачищена каменная поверхность кургана. На втором этапе убирается камень и зачищается поверхность глиняной конструкции кургана. При этом под камнем, но над уровнем глины, фиксируются следы верхнего уровня деревянных конструкций, как правило очень плохой сохранности. Зачистка по поверхности глины выявляет внутреннюю структуру кургана, и дальнейшая разборка тела кургана происходит уже с учетом проявившихся частей («камер»). Снятие глины производится участками, с обязательной фиксацией разрезов через проявившиеся на предыдущем этапе «камеры», при этом расчищаются лежащие в основе «камер» на материковом уровне деревянные конструкции (на этом уровне они, как правило, прекрасной сохранности). В некоторых камерах выявлены ямы, которые разбираются с фиксацией разреза, продолжающего линию разреза камеры. Общие стратиграфические профили кургана фиксируются по границам секторов (в 2019 г. зафиксирован профиль E), а профили объектов (в том числе камер) фиксируются с момента выявления.

Вся фиксация раскопок ведется методом фотограмметрического 3D-моделирования в системе координат, созданной для памятника во время первых работ 2017 г. После каждого этапа каждая единица раскопок (квадрат, часть сектора или объект) документируется с помощью БПЛА и/или

цифровой фотографии. Из этих наборов фотографий программным обеспечением Agisoft Metashape создаются трехмерные модели, модели высот и ортофотографии. Чертежи создаются в Autodesk AutoCAD с использованием данных из 3D-моделей.

Все находки, сделанные во время раскопок (кости животных, фрагменты керамики, железо, бронза, кости и каменные предметы), а также образцы древесины, почвы или костей, взятые для анализа, снимаются тахеометром в принятой системе координат. Фиксация точных координат для

каждой точки требует много времени на месте, но крайне важна на этапе последующей обработки, например, при реконструкции сосудов или анализе археозоологических данных.

Внутреннее устройство памятника

Археологический памятник Туннуг 1 оказался намного сложнее, чем просто насыпь над погребением. Комплекс состоит из частей, относящихся к раннему железному веку, и ряда конструкций, относящихся к более поздним периодам (рис. 2).

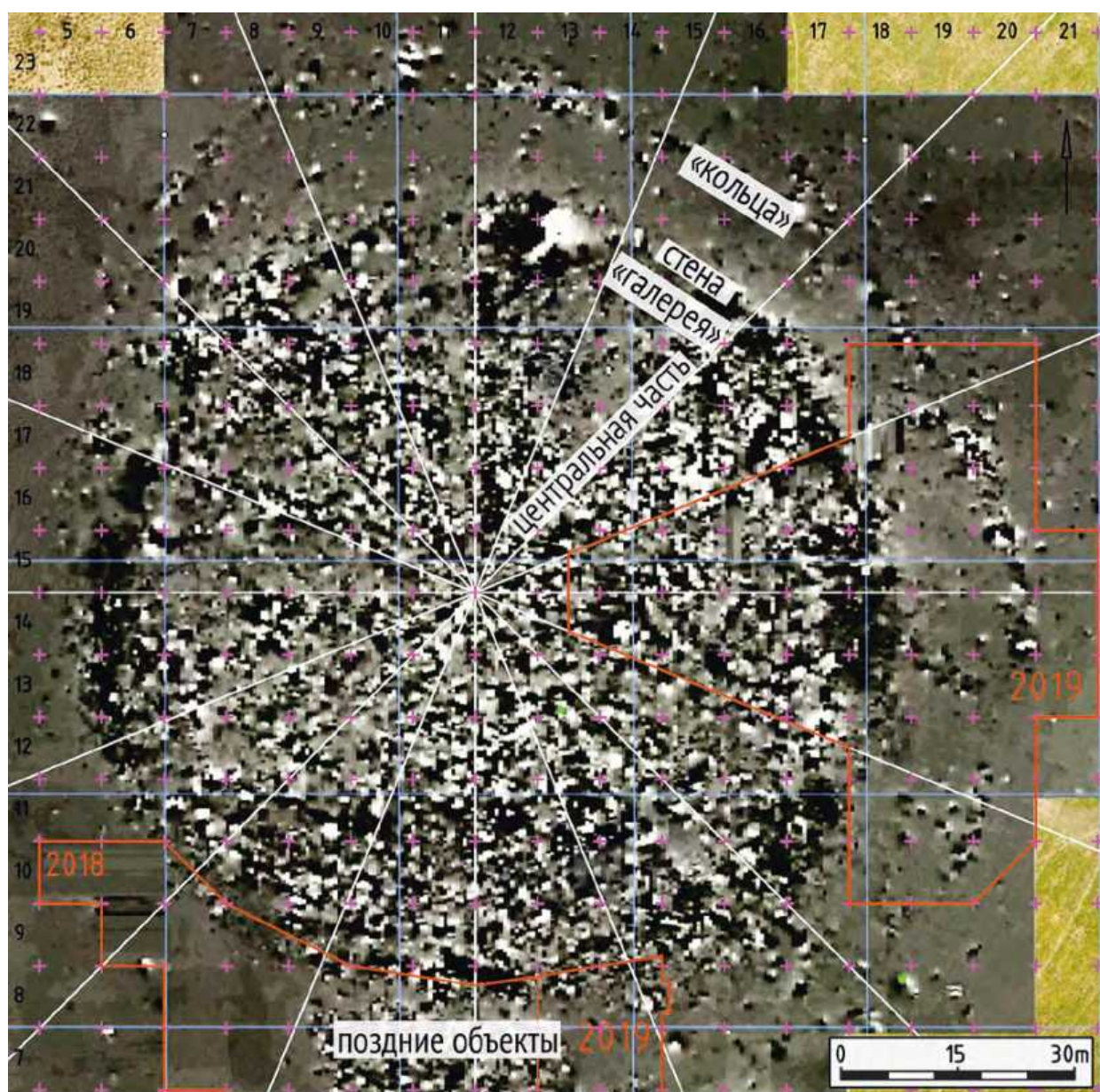

РИС. 2. Туннуг 1. Магнитометрический план, отмечены границы раскопов и основные структурные элементы

FIG. 2. Tunnug 1. Magnetometric plan with excavated areas and main structural elements marked

Конструктивно выделяются: центральная часть основного кургана, сложенная из дерева, глины и камня; окружающая галерея с глиняными конструкциями и ямами; стена вокруг галереи, сложенная из каменных плит; каменные кольца и другие, более-менее синхронные основному кургану сооружения, окружающие курган в целом; большой аморфный курган-кладбище и несколько меньших синхронных погребальных и ритуальных сооружений, датируемых первыми веками нашей эры, которые также частично разрушили каменные кольца и край каменной стены на южной периферии памятника; средневековые захоронения на южной периферии памятника; и, наконец, случайные находки, относящиеся к среднему бронзовому веку.

Было раскопано около 10 % структур раннего железного века, включая часть основного кургана, галереи и стены, а также каменные конструкции и кольца на ближайшей периферии. Далее дано описание отдельных исследованных комплексов, которые позволяют проводить сравнения с другими археологическими памятниками или имеют отношение к предыдущим гипотезам, для которых наши выводы вносят дополнения в дискуссию об архитектуре раннего железного века в евразийских степях.

Периферийные каменные кольца как признак многолетней ритуальной практики

Каменные кольца, окружающие центральный курган, — часто встречающийся элемент курганов раннего железного века в Центральной Азии (см.: *Čugunov et al.*, 2010. S. 15; *Gheyle*, 2009. P. 181; *Caspari et al.*, 2017, fig. 3; *Bourgeois et al.*, 2007. P. 14), к тому же эта традиция наиболее близкие параллели находит в культуре «оленных камней и херексуров» Монголии (*Allard, Erdenebaatar*, 2005; *Fitzhugh*, 2009). Давний вопрос заключается в том, отражают ли они ритуальные практики, совпадающие во времени непосредственно с погребением, или же происходило их постепенное пристраивание в течение длительного периода, когда курган служил местом постпогребальных активностей. Недавнее исследование, в котором анализируются каменные кольца вокруг нескольких херексуров позднего бронзового века в Цацын Эрег в Монголии, определило, что каменные кольца вокруг памятников строились в течение примерно 50 лет (*Zazzo et al.*, 2019). Результаты исследования каменных колец на Тун-

нуге 1 также поддерживают гипотезу длительного периода постройки этих периферийных элементов.

Перед началом раскопок 2019 г. была проведена геофизическая съемка площади памятника (*Caspari et al.*, 2019). В связи с особенностями почвообразования периферийные структуры вокруг основного кургана в большинстве случаев не видны на современной поверхности. Из трех примененных методов геофизической разведки (геомагнитометрия, георадар и измерение электрического сопротивления почвы) только геомагнитометрия дала достаточно показательные результаты. Исследованная территория к востоку от основного кургана, судя по всему, не была нарушена более поздней антропогенной деятельностью (**рис. 3**).

Каменные кольца вокруг Туннуга 1, насколько можно судить по раскопкам и по геомагнитной съемке, расположены в один ряд. Количество рядов различно для разных памятников, и в некоторых случаях они могут окружать курган не со всех сторон. На Аржане-1, например, прослежено от одного до трех рядов колец (*Грязнов*, 1980. С. 11), а на Аржане-2 зафиксировано до четырех рядов каменных колец (*Čugunov et al.*, 2010. S. 15).

Среди исследованных колец выделяется как минимум три типа по породам камня, расположению и тщательности конструкции (**рис. 4, А–С**). Кольца 1-го типа сооружены из крупных фрагментов подработанного серого плитняка. Этот тип камня достаточно редок среди камней стены или основной насыпи кургана. В тех случаях, когда он все-таки встречается, то лежит, как правило, на поверхности, и в большинстве случаев один из его краев имеет скругленный контур. Можно предположить, что это части разобранных колец. Кольца 2-го типа сложены из плитняка, но цвет и фактура этих плит достаточно произвольны. Кроме того, в этих кольцах могут использоваться фрагменты камней из колец первого типа, но при этом скругленный подработанный край этих колец не обязательно используется как внешний. В одном случае (кольца DE-R2 и DE-R3) напрямую видно стратиграфическое соответствие — под кольцом второго типа прослежена прослойка земли с мелкими обломками камня, характерного для колец 1-го типа (**рис. 4**). Кольца 3-го типа сложены из рваного скальника и не имеют четкой структуры. Все они зафиксированы на одном из участков, пять подряд.

Для покрытия кургана и постройки колец использовалось не менее 10 типов камня (этому вопросу будет посвящено отдельное исследование,

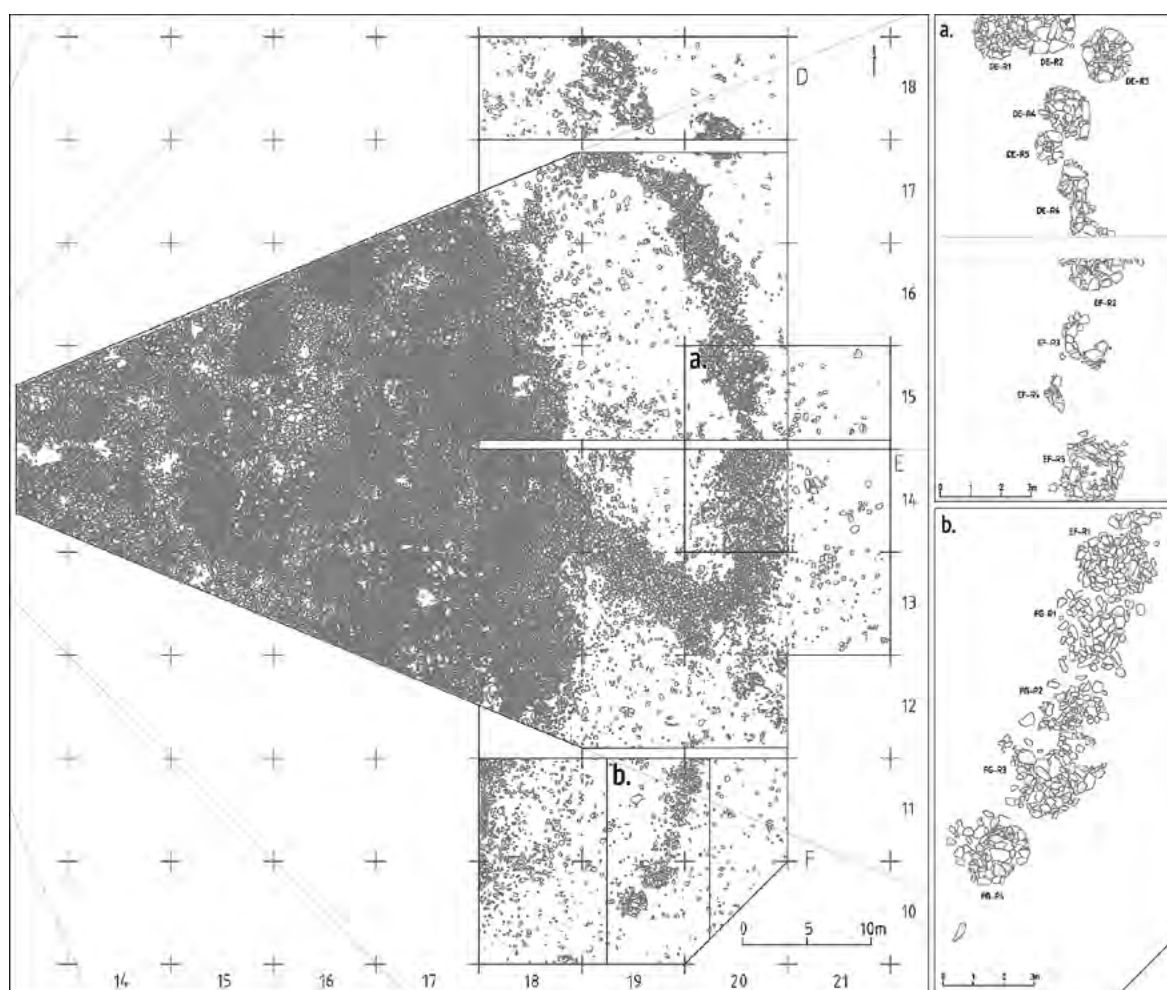

РИС. 3. Туннуг 1. Восточная периферия после раздерновки. На вкладках – расчищенные каменные кольца общей периферии памятника раннего железного века, а также херексуры позднего бронзового века
FIG. 3. Tunnug 1. Eastern area after topsoil removal. Insets show details of the stone rings – a common peripheral monument with Early Iron Age burial mounds, but also Late Bronze Age khirigsuurs

основанное на анализе источников). Какой-то системы в их расположении на кургане пока не отмечено. В пределах видимости от памятника была отмечена только одна возможная каменоломня, но тип камня оттуда – не самый распространенный на памятнике. Мы мало знаем о типах камня в Аржане-1, как и о месте его добычи. Намного яснее информация о камне, из которого сложен Аржан-2, – в отличие от Туннуга 1 он построен почти исключительно из одного типа камня (девонский песчаник), и карьер для его добычи располагался в 2 км от кургана (Чугунов, 2011. С. 264).

Главный вывод из всего вышесказанного – все кольца, судя по всему, одновременны строительству основного кургана. По крайней мере, они частично являются остатками более поздних ритуальных действий, и камни колец могли быть

повторно использованы или разбросаны во время последующих действий. В то же время разнообразие колец может также указывать на неоднородность населения, использовавшего курган как место поклонения. Различные источники камней, разные методы строительства и разное планиграфическое положение колец разных типов могут отражать хронологические или, вероятно, культурные различия.

Находки среди колец относительно редки и, как правило, не могут быть однозначно отнесены к конкретному кольцу. Непосредственно в кольцах зафиксированы только отдельные обломки костей животных. Вокруг них найдены бронзовый нож, бронзовый кельт и фрагменты керамики, которую достаточно уверенно можно отнести к «скифской» (целые формы отсутствуют).

РИС. 4. Туннуг 1. Типы каменных колец и их стратиграфическое соотношение

FIG. 4. Tunnug 1. Types of stone rings in the periphery of the burial mound and their stratigraphic relationship

Интересной планиграфической деталью являются широкие каменные вымостки, соединяющие каменную стену с линией каменных колец, окружающих курган (рис. 3). Эти вымостки выявлены, но еще не разобраны. Подобные конструкции зафиксированы в некоторых случаях в херексурах Монголии, например, Улан-Уушиг I, X-1 (Hayashi, 2013. Fig. 7) или Тубшин Нуур, X-3 (Liu, 2014. Fig. 9). Еще одна далекая, но интересная параллель в данном случае – это так называемые курганы «с усами» из Казахстана и Южного Урала (Бейсенов, 2017). Датировка этих «усов» остается дискуссионной (Грудочко, 2018), и на Туннуге 1, возможно, они не относятся к первоначальной стадии строительства кургана. Однако интересно совпадающее направление этих «усов» на восток. Учитывая данные геомагнитной съемки на еще не раскопанных участках, мы не ожидаем найти что-то подобное на остальной периферии.

Курган как карьер – возможное разрушение советской техникой

М. П. Грязнов (1980. С. 5), посетивший Туннуг 1 22 августа 1971 г., указывал, что, по словам очевидцев, из кургана добывали камень для строительства близлежащей зимней дороги. Мы попытались определить степень возможных разрушений разными способами. Геомагнитные данные достаточно четко показали структуру периферии памятни-

ка, но основной курган на магнитометрическом плане выглядит сплошным «шумом» из-за плотного каменного покрытия на поверхности. В ходе разведки в 2017 г. мы создали цифровую модель рельефа (DEM) кургана (Caspary et al., 2018), и этот метод оказался во многих отношениях более эффективным в выявлении структуры основного кургана. В 2019 г., перед началом раскопок, с насыпи кургана была удалена вся растительность, скошена трава, и фотограмметрией была сгенерирована новая, более точная модель насыпи с разрешением 3 см/пиксель. На этой модели наиболее отчетливо проявляется архитектурный план кургана (рис. 5).

После удаления растительности радиальная, паутиная структура кургана становится еще более очевидной. Некоторые небольшие участки, где общая структура нарушается, мы можем предварительно интерпретировать как следы возможных разрушений. Похоже, если камень и добывали в недавнем прошлом, то в очень небольшом объеме. Мы предполагаем, что следы попыток использования центральной части кургана для добычи камня можно увидеть на рис. 5 (отмечены области D1 и D2). Это полностью подтвердилось в ходе полевого сезона 2020 г., когда была исследована часть области D2, где зафиксировано разрушение каменного слоя, под которым на глубину не более 0,5 м задет и слой глины. Ниже следов разрушения нет.

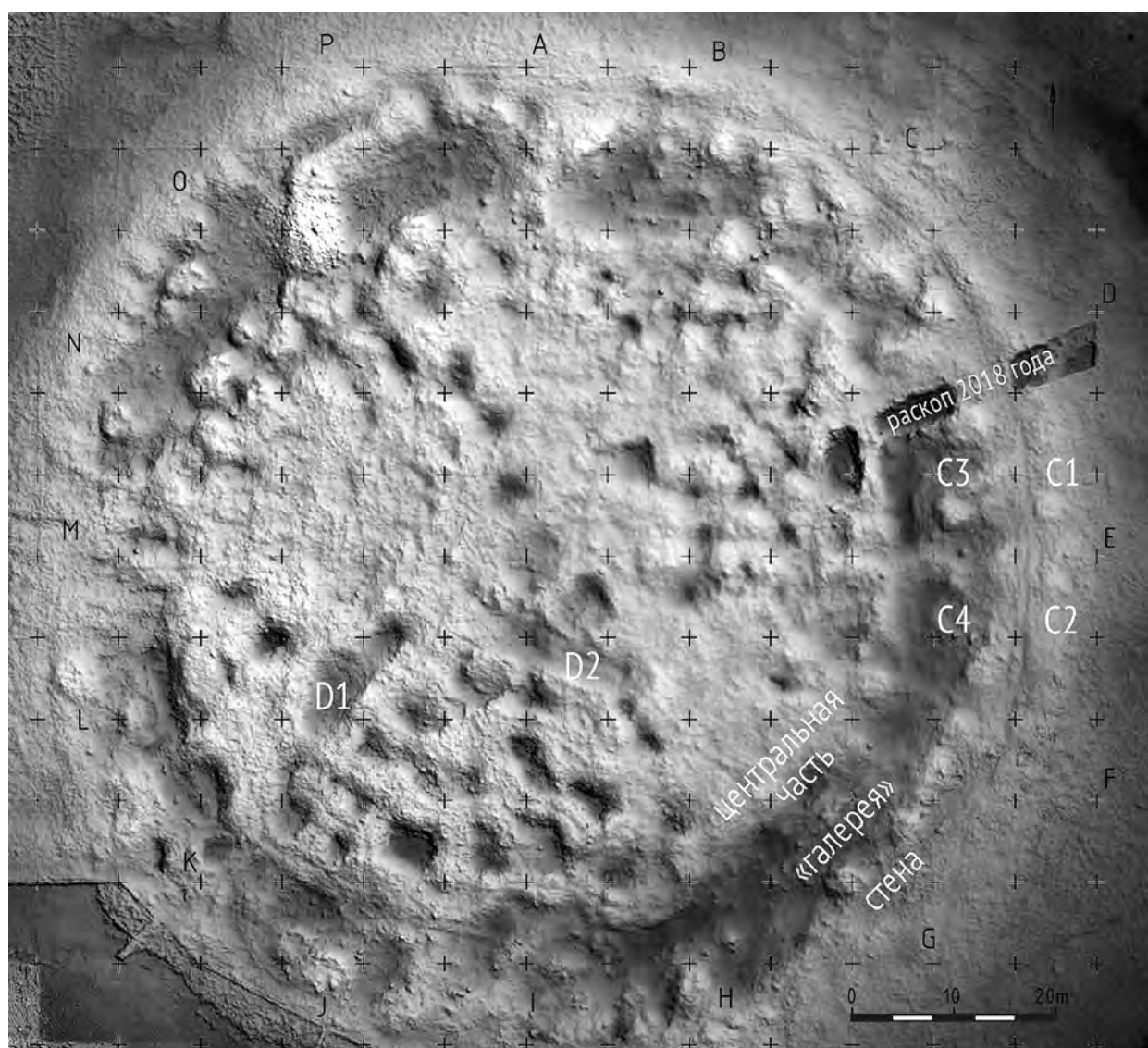

РИС. 5. Туннуг 1. Карта высот поверхности (DEM) с разрешением 3 см/пиксель, сделанная до начала полевого сезона 2019 г.

FIG. 5. Tunnug 1. 3 cm/pixel DEM before excavation in summer 2019

По всей видимости, камень могли добывать с территории галереи, окружающей центральную часть, где он свободен от растительности и легкодоступен. Но и здесь видны только незначительные изменения первоначальной формы кургана. Мы осмотрели линию близлежащей зимней дороги, но камней по этой линии не обнаружили. Летом окружающее курган пространство часто бывает затопленным и непроходимым; для исключительной зимней дороги камень, в общем-то, не нужен. Возможно, М. П. Грязнов истолковал все открытые, незадернованные участки как следы выемки камня. Судя по аэрофотоснимкам и цифровой модели

рельефа, эти участки явно являются структурными частями кургана, однако с земли понять это практически невозможно.

Кроме общей структуры кургана на высотной модели можно отметить и отдельные участки, исследование которых может представлять специальный интерес. Например, западный и юго-восточный секторы центральной части почти не имеют понижений на современной поверхности. Возможно, это значит, что «камеры» на этих участках не провалились и здесь надо проводить особенно тщательные раскопки на верхнем уровне, где можно будет попробовать зафиксировать деревянные

конструкции, расположенные над слоем глины. Можно отметить и отсутствие понижения уровня на небольшом участке в самой западной части галереи. Возможно, здесь будет открыт какой-то дополнительный архитектурный элемент (вход/выход?).

Каменная стена и «галерея»

Первые архитектурные реконструкции Аржана-1 предполагали наличие сплошной плоской каменной площадки на всей поверхности памятника. В описаниях, сделанных до разрушения каменной насыпи кургана, упоминается некоторая вогнутость его верхней поверхности, но наличие стены и галереи не фиксируется, данные о высоте несколько разнятся (Кызласов, 1979. С. 34). К началу раскопок Аржана-1 в 1971 г. каменная насыпь кургана была уже практически разрушена. Курган находился на территории поселка Аржаан, и через него проходила автомобильная дорога, так что большая часть камней была использована при строительстве поселковой школы и подсыпки дорожного полотна. Полностью исследовалась только центральная часть кургана (диаметром 75–80 м). Вокруг было заложено несколько отдельных раскопов, но полностью периферия кургана не исследовалась. Гораздо позже, опираясь на полевые отчеты М. П. Грязнова, альтернативную версию реконструкции строения Аржана-1 (рис. 6) предложил Д. Г. Савинов (1992; 2002. С. 179). Эта реконструкция выделяет центральную часть, каменную стену и «галерею» между центральным курганом и окружающей каменной стеной. Такие же конструктивные части были четко задокументированы при раскопках Туннуга 1, что косвенно подтверждает правомерность реконструкции Д. Г. Савинова для Аржана-1.

Центральная часть кургана окружена отстоящей от нее каменной стеной и расположенной между ними «галереей» (рис. 7). Каменная стена (высотой до 1 м и шириной до 12 м) в основном сложена из каменных плит относительно регулярной кладкой насухо. Внутренний фасад стены определяется достаточно четко, в то время как внешний фасад во многих случаях кажется развалившимся или разрушенным (рис. 8). На исследованном участке в теле стены выделяются два глиняных возвышения (диаметром 3–4 м), построенные еще до или во время возведения каменной кладки. Эти глиняные «столбы» в теле стены фиксируются еще на 3D-модели, сделанной до начала раскопок (рис. 5, С1, С2). Подобные возвышения

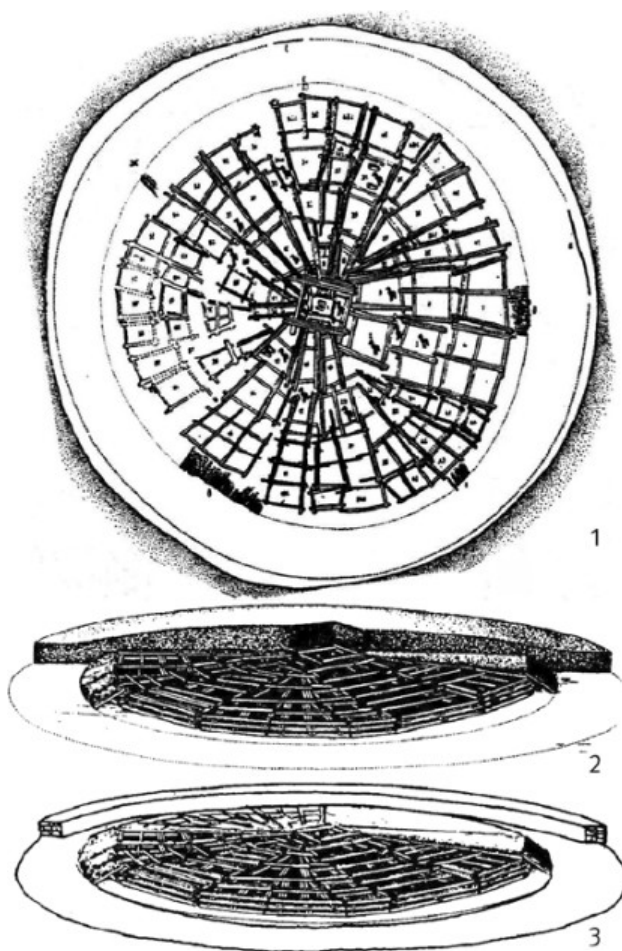

Рис. 6. Реконструкция Аржана-1 (1–3) согласно М. П. Грязнову (2) и Д. Г. Савинову (3) (по: Савинов, 2002. Рис. 5)

FIG. 6. Reconstruction of Arzhan-1 (1–3), according to M. P. Gryaznov (2) and D. G. Savinov (3) (after Savinov, 2002. Рис. 5)

можно увидеть и на других участках стены. Возможно, глиной был оформлен и внешний фасад стены, что требует дополнительного подтверждения (и дополнительных разрезов).

«Галерея» шириной 8–10 м отделяет каменную стену от центральной части кургана. На современной поверхности это выглядит как кольцо понижения, покрытое по большей части незадернованным камнем, после разборки которого открывается материковая поверхность. Каменных конструкций здесь не выделяется, весь этот камень — следствие простой засыпки плюс следы разрушения и сползания со стены (рис. 8) и с центральной части.

На раскопанной площади галереи отчетливо выделяются два глиняных возвышения диаметром 4–5 м (рис. 5; 7, С3, С4). Еще три не вполне пока

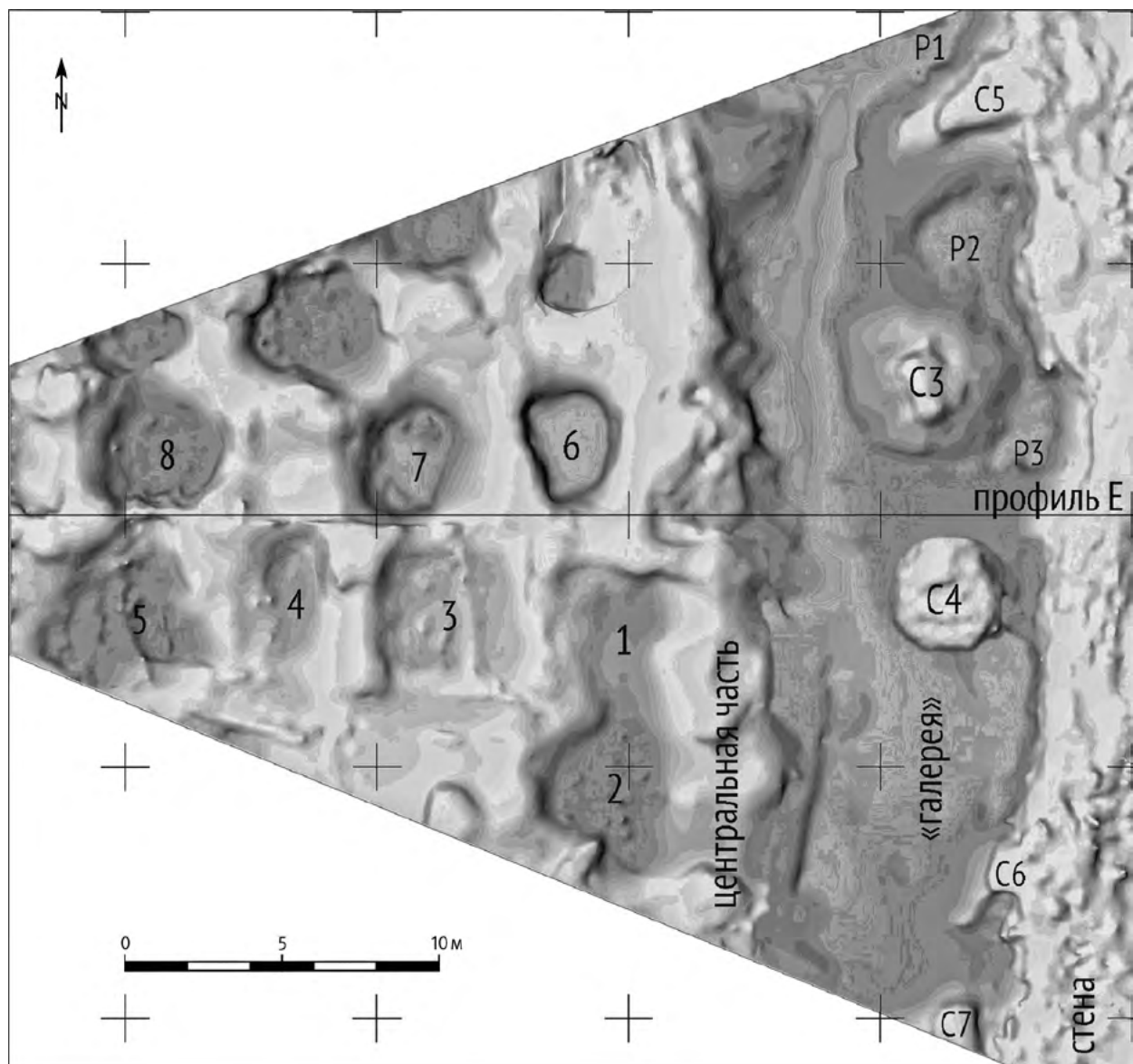

РИС. 7. Туннуг 1. DEM поверхности глины, галереи и края каменной стены

FIG. 7. Tunnug 1. DEM of the clay surface, gallery, and stone wall

РИС. 8. Туннуг 1. Разрез каменной стены (по линии E)

FIG. 8. Tunnug 1. Profile of the stone wall (profile E)

очерченных глиняных возвышения (рис. 7, C5–C7) и как минимум три ямы зафиксированы на границе галереи и каменной стены (рис. 7, P1–P3), но они пока не исследованы.

По карте высот очевидно (рис. 5), что дополнительные глиняные столбы и, видимо, ямы будут зафиксированы в галерее и на других участках. В целом складывается впечатление, что мы наблюдаем наложение каменной структуры на изначально глиняную, что, конечно, неожиданно. В то же время вся структура памятника выглядит единой и спланированной, несмотря на разный строительный материал.

Находка каплевидного каменного сосуда, связанная со стеной (рис. 9), определяет *terminus ante quem* и косвенно подтверждает одновременность центральной части кургана и стены. У этого сосуда имеются многочисленные аналогии: такие сосуды хорошо известны в Приаралье на памятниках Уйгарак и Южный Тагискен (Итина, Яблонский, 1997), в Северном Казахстане (Таиров, 2017. Рис. 6), имеется и территориально ближайшая находка – в кургане Аржан-2 в Туве (Сугинов et al., 2010. Taf. 83, 5). Каменные сосуды этого типа обычно связаны с курганами, датируемыми VII в. до н. э., но к настоящему времени исследовано не так много памятников, которые можно надежно отнести к чуть более

раннему времени, и, возможно, на Туннуге 1 мы имеем более ранний экземпляр.

Определение принципов оформления сакрального пространства дает дополнительную информацию не только для культурных реконструкций, но и для перекрестных сравнений и исторической интерпретации. Отделение центрального объекта отстоящей от него стеной – традиция, характерная преимущественно для бронзового века. На территории Тувы это в полной мере проявляется в так называемых памятниках монгун-тайгинского типа (Чугунов, 1994), которые продолжают возводиться, вероятно, еще и в раннескифское время (Чугунов, 2018). Эта же традиция характерна и для строителей херексуров, где центральные объекты окружены прямоугольной или круглой оградой (Wright, 2007). В памятниках «скифской» традиции отделенные от основного кургана ограды постепенно сменяются «крепидами», т. е. становятся частью основного кургана.

Глина – неожиданный компонент степной архитектуры раннего железного века

В архитектурной традиции монгун-тайгинской культуры позднего бронзового века все курганы построены исключительно из камня. Херексуры строятся почти исключительно из камня. Одним

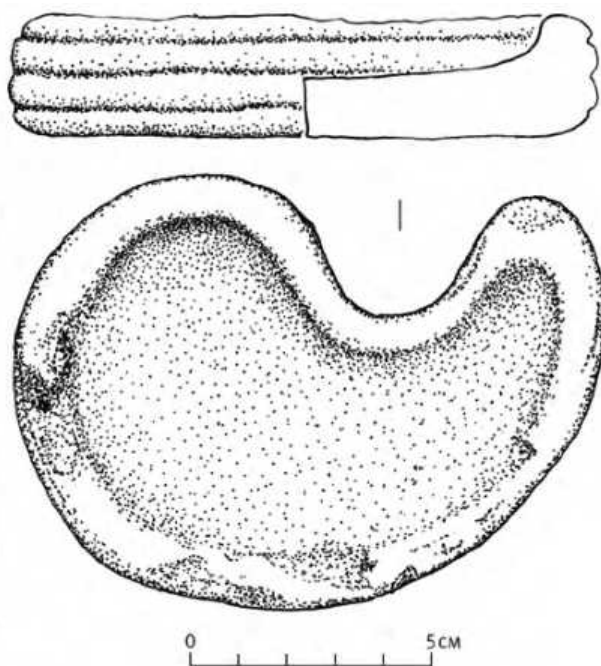

РИС. 9. Туннуг 1. Каменный сосуд и его положение *in situ*

FIG. 9. Tunnug 1. Stone vessel and its *in situ* position between the stones of the wall

из немногих исключений является памятник Ху-ахайцзы (Сандаохайцзы) в северном Синьцзяне, где обнаружены остатки деревянных бревен и «земляные кучи» (Guo et al., 2017. P. 154).

подавляющее большинство курганов раннего железного века в Туве представляют собой каменные постройки, исключения очень редки. В алдыбельской культуре большинство известных курганов построено из камня. Курганы Аржан-1 и Аржан-5 представляют собой деревянные конструкции, покрытые камнем, другие материалы исследователями не упоминаются (Грязнов, 1980; Рукавишников, Гладченков, 2016). Перед началом раскопок кургана Туннуг 1 мы надеялись найти деревянные конструкции на уровне основания, но предполагали, что основная часть тела кургана состоит исключительно из камня.

После раскопок двух секторов выяснилось, что центральная часть кургана Туннуг 1 сложена из глины и покрыта относительно тонким слоем камня (рис. 10). Этот слой не содержит каких-то дополнительных архитектурных компонентов. Перед началом раскопок на план были нанесены все вертикально расположенные камни, видимые на поверхности кургана, поскольку казалось важным выявить все возможные признаки сознательно расположенных каменных конструкций. Однако в процессе исследования стало ясно, что все эти вертикальные камни на поверхности связаны с краями понижений (как правило, под понижениями расположены «камеры»), а не поставлены вертикально изначально.

Одним из основных на сегодняшний день результатов нашего исследования является факт, что центральная часть кургана сложена преимущественно из глины. При этом глина является не «насыпью» кургана, а имеет форму развала архитектурного сооружения с выделяемыми стенами, столбами и платформами. На карте высот поверхности глиняного уровня (рис. 7) все эти элементы прослеживаются.

Глиняные конструкции продолжают в структуре галереи (рис. 7, СЗ, С4) и, по всей видимости, в структуре каменной стены. Глиняные стены разделяют центральную часть кургана на отдельные участки («камеры»). В англоязычной терминологии мы используем не только «chamber», но и «compartment», как более описательный термин.

Радиальная конструкция из бревен лиственницы (рис. 11), лежащая в основе кургана Туннуг 1,

по всей видимости, играла лишь вспомогательную роль. Возведенные над бревнами глиняные стены, в целом повторяя их расположение (рис. 12), образовали сеть камер. Эти камеры, возможно, были перекрыты дополнительными деревянными балками, и на последнем этапе весь курган был покрыт слоем камня. Это пока предварительная, хотя и наиболее вероятная реконструкция, требующая дальнейшего подтверждения. Под слоем камня, лежащего непосредственно на глине, мы часто фиксировали плохо сохранившуюся древесину. Во многих случаях проследить направление перекрытия или определить сам факт его наличия не удалось из-за плохой сохранности на этом уровне. Западная и юго-восточная части кургана, где камеры, возможно, еще не обрушились (рис. 5), могут быть наиболее многообещающими для исследования этих особенностей в будущем.

Исходя из вышеперечисленного, мы можем сделать осторожное предположение, что между внешней границей основного кургана и его центром может быть около 4–5 рядов камер. По нашим оценкам, во внешнем кольце присутствуют около 32 камер, размер и количество которых уменьшаются к центру. Исходя из этого, общее количество камер в центральной части кургана будет около 100, что сопоставимо с Аржаном-1 (рис. 6).

В основании глиняных стен лежат одно, два или даже три деревянных бревна (рис. 10–12). Глина для стен была добыта где-то недалеко от кургана – в некоторых случаях глина строения почти неотличима от природного, лежащего под ней геологического слоя.

Использование глины в качестве строительного материала совершенно неизвестно как в предшествующей монгун-тайгинской культуре в Туве, так и в традиции строительства херексуров. Иногда глина используется в объектах, связанных уже с раннескифской культурой (Чугунов, 2011), но все примеры позже Туннуга 1 и в тех немногих случаях, когда использовалась глина, она никогда не служила основным строительным материалом. Подтверждение использования глины в качестве основного строительного материала в одном из самых ранних курганов «скифской» традиции стало неожиданным результатом наших раскопок и поднимает вопрос о том, не содержат ли истоки «скифской» материальной культуры компонент, выходящий за ареалы предшествующих культур позднего бронзового века этого региона. Может ли

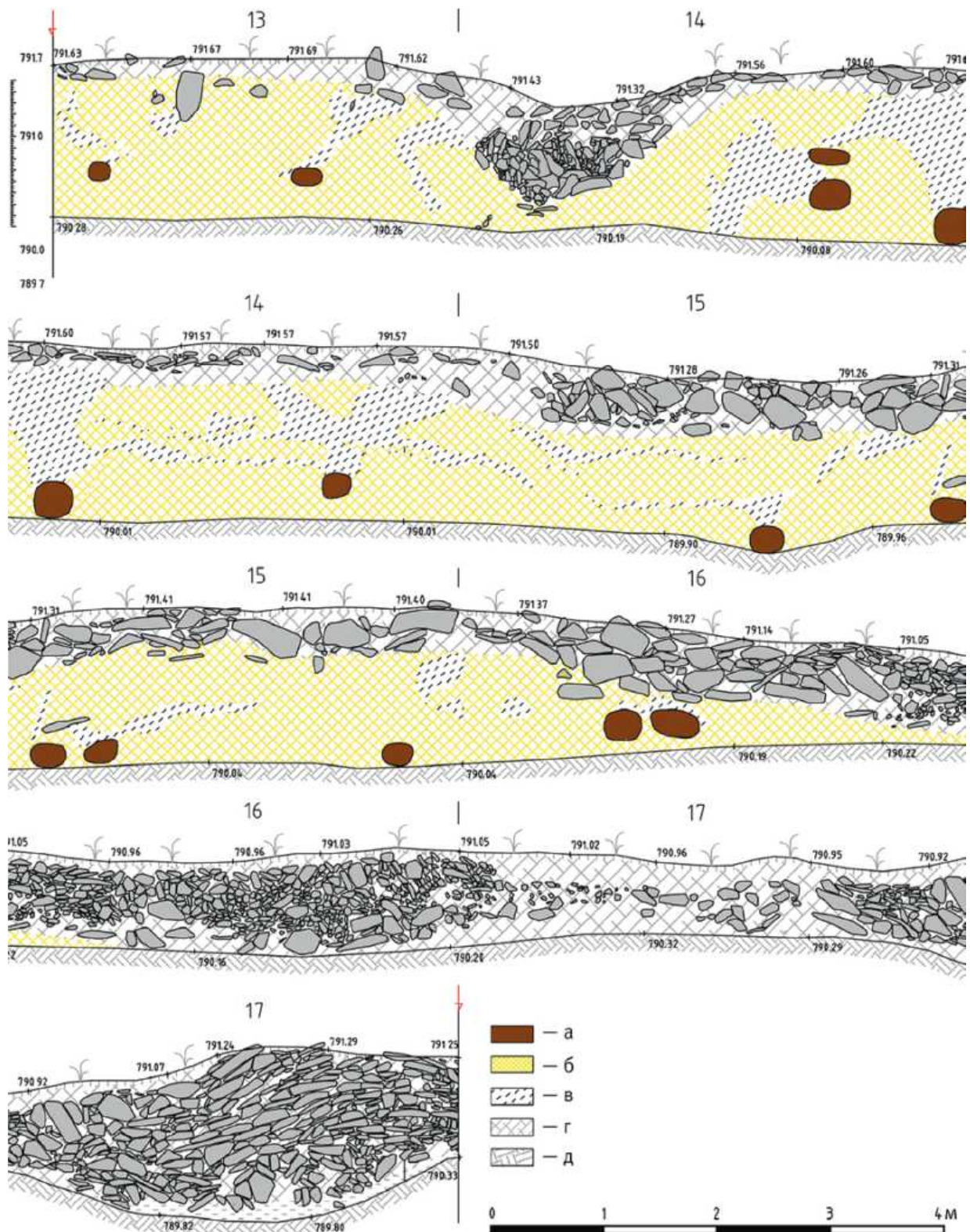

РИС. 10. Туннуг 1. Разрез основной насыпи кургана (профиль Е). Условные обозначения: а – дерево; б – желтая глина; в – сильногумусированные прослойки; г – мешанный гумусированный суглинок; д – материк

FIG. 10. Tunnug 1. Profile E showing the clay and wood composition of the main burial mound with a thin layer of stones on top. Keys to the figure: a – wood; б – yellow clay; в – strongly humic intercalations; г – mixed humic loam; д – virgin soil

быть другое влияние, вероятно, со стороны сообщества, знакомого с традициями глины как строительного материала в монументальной архитектуре? Если это так, то в настоящее время в ближайших окрестностях таких сообществ не известно.

Радиальная деревянная конструкция — сходства и отличия Туннуга 1 от Аржана-1

Радиальная деревянная конструкция с внутренними «камерами» Аржана-1 часто упоминается в специальной литературе как уникальная (см., например: *Parzinger, 2017; Honeychurch, 2015. P. 173*). В ходе раскопок летом 2019 г. на Туннуге 1 обнаружена сопоставимая структура из бревен лиственницы под курганом: исходя из этих новых данных можно говорить, что существует как минимум еще один «царский» курган с радиальной камерной архитектурной традицией. Этот результат имеет значение и для наших знаний об «аржанском горизонте» и, возможно, приведет к более ясному представлению о его длительности.

Нижний уровень центральной части кургана Туннуг 1 образован деревянной конструкцией. Ее форму можно описать как «колесо со спицами, идущими из центра, разделенными перекладинами» или другая вероятная метафора — конструкция в форме паутины.

При строительстве использовались бревна лиственницы, скорее всего, окоренные. Бревна положены друг на друга без каких-либо вырезов или элементов срубных конструкций, которые известны в более поздних погребальных камерах алдыбельской и уюкско-саглыньских культур (*Сигинов et al., 2010*). В большинстве случаев бревна, идущие по окружности кургана, положены первыми, а радиальные — поверх. На многих бревнах зафиксированы вырезы для транспортировки перетаскиванием. Бревна сохранились практически полностью, и для дендрохронологии взяты образцы из каждого возможного ствола. В будущем это даст возможность установить, была ли конструкция построена за один сезон или ее собирали постепенно в течение нескольких лет. Некоторые образцы содержат более 280 колец, что, вероятно, позволит получить временное наложение с Аржаном-1, и мы сможем определить хронологическую взаимосвязь между этими двумя памятниками. Структура бревен (рис. 11) имеет явные сходства с Аржаном-1, но есть и заметные отличия: все бревна в Туннуге 1 уложены в один слой и не образуют стен «камер»,

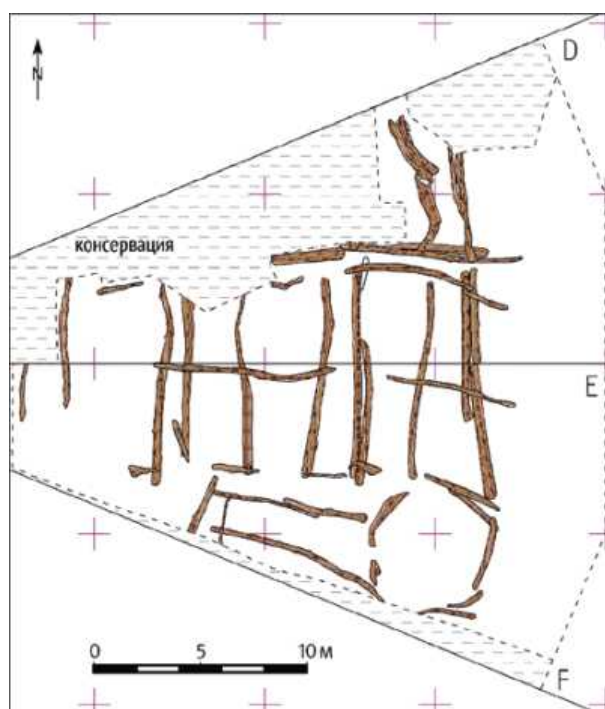

РИС. 11. Туннуг 1. Деревянные конструкции основной насыпи

Fig. 11. Tunnug 1. The wooden architecture of the main burial mound

как это реконструировано для Аржана-1 (*Грязнов, 1980*). При этом расположение бревен коррелирует с размещенными над ними глиняными конструкциями, стены «камер» построены из глины. Дерево в Туннуге 1, таким образом, не является основным строительным материалом, а, скорее, имеет укрепляющую или маркировочную функцию для глиняной архитектуры.

Ямы в камерах

Внутри камер в кургане зафиксировано несколько ям: они раскопаны в камерах 1–4. Ямы точно вписываются в общую древесно-глиняную структуру кургана и одновременны его постройке (рис. 13). Поскольку памятник регулярно затапливается, исследование ям можно проводить только в течение нескольких недель в году (обычно в мае и начале июня). К концу июня быстрое повышение уровня грунтовых вод очень затрудняет работу, даже при постоянном использовании помп.

Исследованные ямы в камерах 1 и 4 расположены немного ниже материкового уровня и могут быть интерпретированы как камни с поверхности кургана, провалившиеся в камеры и утопленные ниже материкового уровня под действием естественных причин. В камере 3 каменное заполнение

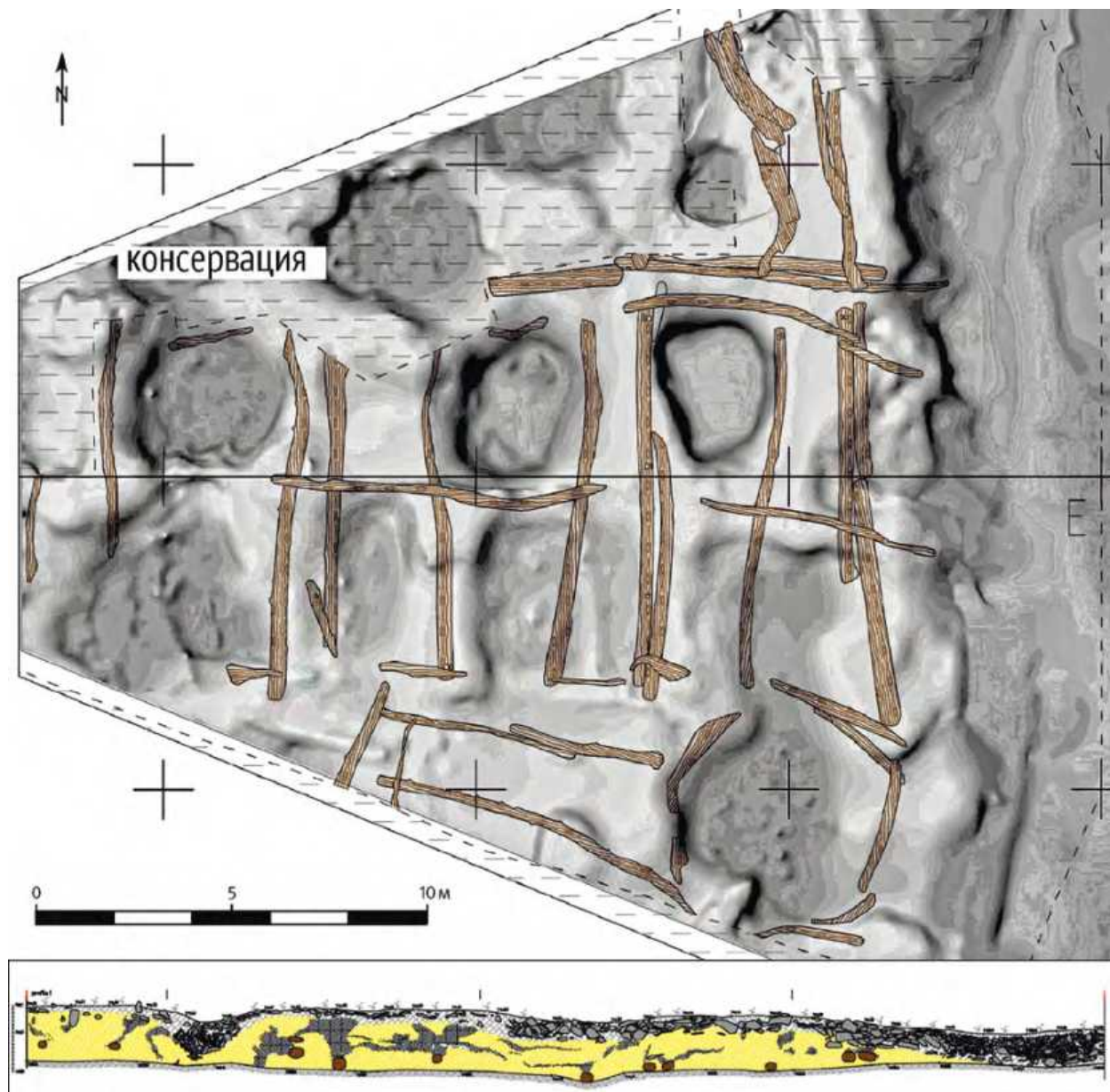

РИС. 12. Туннуг 1. Соотношение глиняных и деревянных конструкций в основной насыпи

FIG. 12. Tunnug 1. Clay and wooden architecture of the main burial mound

ямы перекрыто деревянной балкой (рис. 14), ее глубина около 0,5 м (от уровня перекрытия). Яма в камере 2, вероятно, также была перекрыта деревом. Глубина ямы достигала 1,3 м, но в ее заполнении обнаружена только лисья челюсть.

Изученные ямы не являются погребальными и не содержат археологических материалов, но при этом нет никаких оснований считать их более поздними и интерпретировать как следы ограбления или разрушения. Их функция пока непонятна. Из заполнения ям взяты флотационные пробы, которые, вероятно, прояснят ситуацию.

Несмотря на отсутствие материала, наличие ям — еще одно важное различие между Туннугом 1 и Аржаном-1, где ям не было зафиксировано, а все погребения и жертвоприношения находились на уровне древней поверхности. Здесь же можно отметить, что лишь в немногих камерах Аржана-1 обнаружен археологический материал. Закономерности расположения археологического материала в структуре Аржана-1 все еще однозначно не интерпретированы, но в камерах внешних колец никаких находок не обнаружено, что, кажется, повторяется и в Туннуге 1.

РИС. 13. Туннуг 1. «Камеры» 1 и 2 в секторе EF. Вид с запада

FIG. 13. Tunnug 1. Compartments in sector EF. View towards the west

РИС. 14. Туннуг 1. Яма в «камере» 3 до начала разборки. Вид с юга

FIG. 14. Tunnug 1. Pit in compartment 3 before the start of excavation. View from the south

Отдельные находки

Памятники «аржанского горизонта» все еще очень малочисленны, и Аржан-1 остается практически единственным объектом для сравнения. Полное отсутствие керамики в погребальном обряде характерно не только для Аржана-1, но и для более ранней монгун-тайгинской и более поздней алды-бельской культуры. Нет сомнений в том, что

В центральной части кургана пока не обнаружено полных погребальных или ритуальных комплексов; тем не менее, имеются несколько находок, сделанных во время раскопок глиняного сооружения, однозначно соответствующих времени его постройки. Это сломанные в древности удила без окончаний (рис. 15, 1), простая бронзовая пластина (рис. 15, 2), два фрагмента керамики, которые пока

РИС. 15. Туннуг 1. Находки из центральной части кургана. 1 – удила с отломанными окончаниями; 2 – пластина; 3, 4 – фрагменты керамики; 5 – пряжка.

1, 2, 5 – бронза; 3, 4 – обожженная глина

FIG. 15. Tunnug 1. Finds from the central part of the kurgan. 1 – bridles without end pieces; 2 – unspecified copper alloy item; 3, 4 – ceramic sherds; 5 – buckle.

1, 2, 5 – bronze; 3, 4 – fired clay

керамика использовалась в повседневной жизни, известны «случайные находки», но, скорее всего, керамика не использовалась в качестве погребального инвентаря. Первые, редкие находки фрагментов керамики из центральной части кургана Туннуг 1 (не связанные с погребениями) пока не могут быть однозначно отнесены к какой-либо известной керамической традиции. Как и ожидалось для раннего этапа «скифской» материальной культуры, основные находки на сегодняшний день относятся к категории конского снаряжения, и можно провести четкие параллели с элементами конского снаряжения, найденными на Аржане-1.

не находят прямых параллелей в других памятниках Тувы (рис. 15, 3, 4), и самое интересное – бронзовая пряжка (рис. 15, 5), имеющая близкую аналогию как в кургане Аржан-1, так и в отдельных памятниках предскифского времени, в том числе в Северном Тагискене (Чугунов, 2015. Рис. 4).

С. В. Хаврин из Лаборатории научно-технической экспертизы ГЭ определил состав металла методом рентгенофлуоресцентного анализа на спектрометре ArgTAX (табл. 2). Этот метод имеет некоторые ограничения: его точность не превышает 0,1 % по большинству элементов и 0,4 % по цинку (Тишкин, Хаврин, 2006. С. 145), но он нераз-

Таблица 2. Состав металла в находках из кургана Туннуг 1 (в процентах)

Table 2. Composition of the metal of the finds from kurgan Tunnug 1 (percents)

№	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Zn	Fe	Ni	Bi
Рис. 15, 1	Удила	осн.	4–5	< 0,2	-	2–4	сл.	-	< 0,2	сл.	~1
	Удила	осн.	3–4	< 0,3	-	2–4	сл.	-	< 0,2	сл.	~1
Рис. 15, 2	?	осн.	< 0,3	< 0,5	< 0,9	-	сл.	-	< 0,2	-	-
Рис. 15, 3	Пряжка	осн.	2–4	< 0,2	-	3–5	сл.	-	сл.	сл.	~1

рушающий и позволяет провести все необходимые сравнения. «Мышьяковистая медь» из Туннуга 1 имеет очевидное сходство с составом металла большинства находок из Аржана-1 и сильно отличается от высокооловянистых сплавов, характерных для последующей алды-бельской культуры Тувы (Хаврин, 2003. С. 171).

Выводы

Уже первые данные о планиграфии и стратиграфии кургана Туннуг 1 относят его к той же архитектурной традиции, что и курган Аржан-1, и показывают кардинальные отличия как от более ранних, так и от более поздних памятников Тувы. Нет близких параллелей и на близлежащих территориях. Это говорит о переходном характере памятника, он построен во время сильных изменений в культурной традиции. Его предварительная дата – конец IX в. до н. э. соотносится с возникновением «скифской» материальной культуры – периодом глобальных экономических и социальных преобразований в евразийских степях.

В архитектуре памятника отчетливо прослеживаются элементы предшествующей монгунтайгинской культуры Тувы и родственной ей культуры «херексуров и оленных камней Монголии». Это выражается в цепочках каменных колец вокруг кургана, в пространственном отделении центрального объекта от окружающей территории стеной, в радиальной структуре памятника и т. д.

Тем не менее Туннуг 1 демонстрирует и элементы какого-то иного культурного влияния, наиболее явно выражающегося в использовании глины как строительного материала – эта традиция не имеет аналогов в близлежащих регионах. Д. Г. Савинов еще при рассмотрении материалов Аржана-1 (Савинов, 1992. С. 109) предлагал искать потенциальный источник сложения скифской материальной культуры на западе и указывал на параллели с мавзолеями Северного Тагискена (Итина, Яблонский, 2001),

датировка которых, впрочем, еще остается предметом дискуссий (Bonora, 2018). Обладая гораздо более скромными размерами, планиграфически мавзолеи Северного Тагискена содержат схожие архитектурные элементы, теперь же появилось и некоторое соответствие в материале строительства. Этому не противоречат и немногочисленные находки, происходящие непосредственно из основной насыпи. На огромном пространстве между Аральским морем и Восточным Казахстаном в традициях «постандроновских» культур мы также находим традицию строительства мавзолеев, но, за некоторыми исключениями (Мери, 2013) – они построены из камня, а не из глины. По всей видимости, необходимы дополнительные доказательства, чтобы подтвердить западный, постандроновский вклад в формирование раннескифской материальной культуры, однако в настоящий момент это влияние может рассматриваться в качестве основной рабочей гипотезы.

Каким бы ни был этот второй, пришлый источник сложения, «аржанский горизонт» не может быть определен просто как сумма влияний. Мы предлагаем рассматривать Туннуг 1 как переходный комплекс, несущий в себе следы разных традиций бронзового века, но относящийся уже к следующей, «скифской» эпохе. Появление монументальных «царских курганов» отражает изменения в структуре общества, быстро трансформируется материальная культура, что, по всей видимости, сопровождается и изменением коллективных представлений. И центром этого процесса видится, на современном этапе исследования, Уюкская котловина, где появляются первые памятники новой традиции.

Раскопки кургана Туннуг 1 будут продолжаться в течение нескольких лет и позволят в будущем поддержать или опровергнуть представленные здесь гипотезы.

Литература

- Артамонов, 1975 — Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы в Азии // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 100–108.
- Бейсенов, 2017 — Бейсенов А. З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана / Отв. ред.: А. З. Бейсенов, В. Г. Ломан. Алматы: Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 31–37.
- Грудочко, 2018 — Грудочко И. В. Курганы с «усами» Урало-Казахстанских степей (типология и хронология) // III-й Международный мадьярский симпозиум. Будапешт, 6–10 июня 2016 г. / Ред.: А. Türk, А. С. Зеленков. Budapest, 2018. С. 63–90. (Archaeological Studies of PPCU Institute of Archaeology; Vol. 12).
- Грязнов, 1980 — Грязнов М. В. Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 63 с.
- Итина, Яблонский, 1997 — Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН, 1997. 187 с.
- Итина, Яблонский, 2001 — Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М.: Восточная литература, 2001. 295 с.
- Кызласов, 1979 — Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. 207 с.
- Мери, 2013 — Мери В. К. Бегазинский комплекс из Караоба (Семипалатинское Прииртышье) // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы, 2013. С. 270–282.
- Радлов, 1884 — Радлов В. В. Древние аборигены Сибири // Живописная Россия. СПб., 1884. Т. 11. С. 3–30.
- Радлов, 1896 — Радлов В. В. Сибирские древности: из путевых записок по Сибири. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896. 72 с.
- Рукавишников, Gladchenkov, 2016 — Рукавишников И. В., Gladchenkov А. А. Исследования Аржана-5 в Турано-Уюкской котловине // КСИА. 2016. Вып. 243. С. 49–58.
- Савинов, 1992 — Савинов Д. Г. Реконструкция погребального комплекса кургана Аржан, его компоненты и аналогии // Северная Евразия от древности до средневековья (тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова). СПб., 1992. С. 108–112.
- Савинов, 2002 — Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 204 с.
- Садыков и др., 2019 — Садыков Т. Р., Каспари Дж., Блохин Е. К. Раннескифский курган Туннуг 1: результаты первых работ на южной периферии памятника // ТПАИ. Барнаул, 2019. Т. 25. С. 29–38.
- Семёнов, 2003 — Семёнов Вл. А. Суглуг-Хем и Хайгыркан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 240 с.
- Таиров, 2017 — Таиров А. Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н. э. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2017. 392 с.
- Тереножкин, 1971 — Тереножкин А. И. Скифская культура // Проблемы скифской археологии / Отв. ред.: П. Д. Либеров, В. И. Гуляев. М.: Наука, 1971. С. 15–24. (МИА; № 177).
- Тишкин, Хаврин, 2006 — Тишкин А. А., Хаврин С. В. Использование рентгенофлюоресцентного анализа в археологических исследованиях // ТПАИ. Барнаул, 2006. Т. 2. С. 143–157.
- Хаврин, 2003 — Хаврин С. В. Металл скифских памятников Тувы и кургана Аржан // Степи Евразии в древности и средневековье: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. П. Грязнова. Кн. 2. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. С. 171–173.
- Чугунов, 1994 — Чугунов К. В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // ПАВ. 1994. Т. 8. С. 43–53.
- Чугунов, 2011 — Чугунов К. В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // РАЕ. 2011. Т. 1. С. 262–335.
- Чугунов, 2015 — Чугунов К. В. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) // Труды ГЭ. 2015. Т. 77. С. 457–486.
- Чугунов, 2018 — Чугунов К. В. Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской) / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 79–85.
- Чугунов, 2020 — Чугунов К. В. Тува в первом тысячелетии до н. э.: модель мультикультурности // АВ. 2020. Т. 26. С. 136–143.
- Allard, Erdenebaatar, 2005 — Allard F., Erdenebaatar D. Khirigsuurs, Ritual and Mobility in the Bronze Age of Mongolia // Antiquity. 2005. Vol. 79 (305). P. 547–563.
- Bokovenko et al., 1995 — Bokovenko N. A., Davis-Kimball J., Bashilov V. A., Yablonsky L. T. The Tagar Culture in the Minusinsk Basin // Nomads of the Eurasian Steppes in the Early Iron Age / Ed. by J. Davis-Kimball, V. A. Bashilov, L. T. Yablonsky. Berkley: Zinat Press, 1995. P. 299–314.
- Bonora, 2018 — Bonora G. L. A General Revision of the Chronology of the Tagisken North Burial Ground // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2018. Vol. 24. P. 307–330.
- Bourgeois et al., 2007 — Bourgeois J., Gheyle W., Goossens R., De Wulf A., Dvornikov E., Van Hoof L., Loue S., De Langhe K., Cappelle R., Te Kiefte T. Survey and Inventory of the Archaeological Sites in the Valley of the Karakol

- (Uch-Enmek Park): Report on the Belgian-Russian Expedition in the Russian Altay Mountains 2007–2008. Gent: University of Gent/GASU, 2007. 36 p.
- Caspari, 2018 – Caspari G. Assessing Looting from Space: The Destruction of Early Iron Age Burials in Northern Xinjiang // *Heritage*. 2018. Vol. 1 (2). P. 320–327.
- Caspari, 2020a – Caspari G. Quantifying the Funerary Ritual Activity of the Late Prehistoric Southern Kanas Region (Xinjiang, China) // *Asian Perspectives*. 2020. Vol. 59 (2). P. 421–452.
- Caspari, 2020b – Caspari G. Mapping and Damage Assessment of “Royal” Burial Mounds in the Siberian Valley of the Kings // *Remote Sensing*. 2020. Vol. 12 (5). P. 773.
- Caspari et al., 2017 – Caspari G., Plets G., Balz T., Fu B. Landscape Archaeology in the Chinese Altai Mountains – Survey of the Heiliutan Basin // *Archaeological Research in Asia*. 2017. Vol. 10. P. 48–53.
- Caspari et al., 2018 – Caspari G., Sadykov T., Blochin J., Hajdas I. Tunnug 1 (Arzhan 0) – An Early Scythian Kurgan in Tuva Republic, Russia // *Archaeological Research in Asia*. 2018. Vol. 15. P. 82–87.
- Caspari et al., 2019 – Caspari G., Sadykov T., Blochin J., Buess M., Nieberle M., Balz T. Integrating Remote Sensing and Geophysics for Exploring Early Nomadic Funerary Architecture in the “Siberian Valley of the Kings” // *Sensors*. 2019. Vol. 19. P. 3074.
- Caspari et al., 2020a – Caspari G., Sadykov T., Blochin J., Bolliger M., Szidat S. New Evidence for a Bronze Age Date of Chariot Depictions in the Eurasian Steppe // *Rock Art Research*. 2020. Vol. 37 (1). P. 53–58.
- Caspari et al., 2020b – Caspari G., Blochin J., Sadykov T., Balz T. Deciphering Circular Anthropogenic Anomalies in PALSAR Data – Using L-Band SAR for Analyzing Archaeological Features on the Steppe // *Remote Sensing*. 2020. Vol. 12 (7). P. 1076.
- Čugunov et al., 2010 – Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der Skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan II in Tuva. Mainz: von Zabern, 2010. 330 S. (Archäologie in Eurasien; Bd. 26. Steppenvölker Eurasiens; Bd. 3).
- Fitzhugh, 2009 – Fitzhugh W. W. The Mongolian Deer Stone-Khirigsuur Complex: Dating and Organization of a Late Bronze Age Menagerie // *Current Archaeological Research in Mongolia* / Ed. by J. Bemmann, H. Parzinger, E. Pohl, D. Tseveendorj. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2009. P. 183–199.
- Gheyle, 2009 – Gheyle W. Highlands and Steppes: An Analysis of the Changing Archaeological Landscape of the Altay Mountains from the Eneolithic to the Ethnographic Period: Ph.D. diss., University of Ghent. Belgium, 2009.
- Guo et al., 2017 – Guo W., Zhang H., Lu E., Wu D., Zheng J., Yao R., Man J., Wang L., Kost C. The Excavation of the Huahaizi No. 3 Site in Qinghe County, Xinjiang // *Chinese Archaeology*. 2017. Vol. 17. P. 152–161.
- Hayashi, 2013 – Hayashi T. The Beginning and the Maturity of Nomadic Powers in the Eurasian Steppes: Growing and Downsizing of Elite Tumuli // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2003. Vol. 19. P. 105–141.
- Hiebert, 1992 – Hiebert F. T. Pazyryk Chronology and Early Horse Nomads Reconsidered // *Bulletin of the Asia Institute*. 1992. Vol. 6. P. 117–129.
- Honeychurch, 2015 – Honeychurch W. Inner Asia and the Spatial Politics of Empire: Archaeology, Mobility, and Culture Contact. New York: Springer, 2015. 332 p.
- Houle, 2010 – Houle J. L. Emergent Complexity on the Mongolian Steppe: Mobility, Territoriality, and the Development of Early Nomadic Polities: Ph. D. diss., University of Pittsburgh. Pennsylvania, 2010.
- Liu, 2014 – Liu W. Archaeological Remains of Sacrificial Rituals in the Eastern Altay Mountains // *Eurasian Studies*. 2014. Vol. 2. P. 1–28.
- Molodin et al., 2008 – Molodin V. I., Parzinger H., Ceveendorz D., Garkusha J. N., Grishin A. E. Das Skythenzeitlichen Kriegergrab aus Olon-Kurin-Gol. Neue Entdeckungen in der Permafrostboden des Mongolischen Altaj: Vorbericht der Russisch-Deutsch-Mongolischen Expedition im Sommer 2006 // *Eurasia Antiqua*. 2008. Vol. 14. P. 241–265.
- Parzinger, 2006 – Parzinger H. Die Frühen Völker Eurasiens: Vom Neolithikum bis zum Mittelalter. München: Verlag C. H. Beck, 2006. 1044 S.
- Parzinger, 2017 – Parzinger H. Burial Mounds of Scythian Elites in the Eurasian Steppe: New Discoveries // *Journal of the British Academy*. 2017. Vol. 5. P. 331–355.
- Reimer et al., 2013 – Reimer P. J., Bard E., Bayliss A., Beck J. W., Blackwell P. G., Ramsey C. B., Buck C. E. et al. 2013. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years Cal BP // *Radiocarbon*. 2013. Vol. 55 (4). P. 1869–1887.
- Sadykov et al., 2020 – Sadykov T., Caspari G., Blochin J. Kurgan Tunnug 1 – New Data on the Earliest Horizon of Scythian Material Culture // *Journal of Field Archaeology*. 2020. Vol. 45 (8). P. 556–570.
- Shcheglov et al., 1991 – Shcheglov A. N., Katz V. I., Salmond W. A Fourth-Century BC Royal Kurgan in the Crimea // *Metropolitan Museum Journal*. 1991. Vol. 26. P. 97–122.
- Wright, 2007 – Wright J. Organizational Principles of Khirigsuur Monuments in the Lower Egiin Gol Valley, Mongolia // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2007. Vol. 26 (3). P. 350–365.
- Zaitseva et al., 2007 – Zaitseva G. I., Chugunov K. V., Alekseev A. Yu., Dergachev V. A., Vasiliev S. S., Sementsov A. A., Cook G., Scott E. M., van Der Plicht J., Parzinger H., Nagler A. Chronology of Key Barrows Belonging to Different Stages of the Scythian Period in Tuva (Arzhan-1 and Arzhan-2 Barrows) // *Radiocarbon*. 2007. Vol. 49 (2). P. 645–658.
- Zazzo et al., 2019 – Zazzo A., Lepetz S., Magail J., Gantulga J. O. High-Precision Dating of Ceremonial Activity around a Large Ritual Complex in Late Bronze Age Mongolia // *Antiquity*. 2019. Vol. 93 (367). P. 80–98.

Kurgan Tunnug 1 – new data on the ‘Arzhan horizon’ of the early Scythian culture

T. R. Sadykov, G. Caspari, J. K. Blochin

Questions surrounding the emergence of highly mobile nomadic pastoralism and the origins of the associated Scythian material culture have a long history in Eurasian steppe archaeology, but advances in knowledge have been hindered by a lack of data. This article is an authorized translation of the English-language article (Sadykov *et al.*, 2020) and presents the preliminary results of our research of the “royal” Early Iron Age kurgan Tunnug 1 in Tuva.

In this article we address the following topics: – the general structure of the site (Fig. 2), based, *inter alia*, on magnetometric surveys; – data on excavated peripheral structures (“rings” and stone-settings) and their preliminary interpretation (Fig. 3; 4); – comparison of the results of excavated area and their correspondence to the DEM of the site before excavation. DEM (Fig. 5) analysis was carried out and assumptions about the general structure of the central structure were made; – the kurgan is divided into the central wood-clay-stone part and a stone wall, separated by a “gallery” (Fig. 5; 7); – the presence of a “gallery” indirectly supports the possible reconstruction of the kurgan Arzhan-1 before destruction, proposed by D. G. Savinov (Fig. 6); – the stone wall. Its cross-section is shown (Fig. 8) together with the associated find of a stone vessel (Fig. 9); – general section of the central structure (Fig. 10); – log structures underlying the central part (Fig. 11); – the correlation of wooden and clay structures (Fig. 12). On this basis, assumptions are made about the structure of the kurgan before archeologization; – division of the central wooden-clay structure into “chambers” (Fig. 7; 12–14); – first finds associated with the central original wood-clay structure (Fig. 15).

While the site belongs to the same cultural tradition as Arzhan-1, the conceptual roots of the funerary

ritual architecture can be traced to precursors in the Mongun-Taiga culture and the Mongolian deer stone khirigsuur complex. The clay architecture uncovered at Tunnug 1 does not find any regional comparisons and possibly hints towards a western Central Asian contribution to the formation of the earliest Scythian horizon. Our research demonstrates the value of a multi-disciplinary approach to documenting monumental earthen architecture, including technical approaches (satellite imagery, aerial photographs, 3D-models, digital elevation models, geophysics, and radiocarbon dating) with an analysis of construction, material and associated finds.

Acknowledgments. The field investigations have been carried out by the joint expedition of the Institute of the History for Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Russian Geographical Society (project ‘Expedition Tunnug’) and the Swiss foundation ArchaeoExploration with the financial and logistical help of the Russian Geographical Society (№ 53/04/2019) and financial help of Dr. F. Paulsen, the Society for the Exploration of EurAsia and the Russian Ministry of Culture (projects № 656-01-1-41/12-18 and № 1205/12-20). Post-excavation work by Timur Sadykov and J. K. Blochin was carried out within the framework of the Program of Fundamental Scientific Research of the State Academies of Sciences, State Assignment № 0160-2020-0002 and № 0184-2019-0011 respectively. The work of Gino Caspari was funded by the Swiss National Science Foundation, grant number P400PG_190982. We wish to thank S. V. Khavrin (Hermitage Museum, Saint Petersburg) for the copper alloy definitions and K. V. Chugunov (Hermitage Museum, Saint Petersburg) for consultations.

Ранние скифоидные культуры Северного Китая¹

П. И. Шульга²

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются материалы наиболее ранних скифоидных культур Северного Китая — «верхнего слоя Сяцзядянь» XI–VII вв. до н. э. и юйхуанмяо середины VII – VI вв. до н. э. Делается вывод о последовательном формировании этих культур под влиянием трех источников: 1) местной культуры скотоводов; 2) северных кочевников; 3) китайской культуры, включающей культуру Центральной равнины, царства Янь и некоторых других. Предполагается, что первоначально в IX–VIII вв. до н. э. в культуре «верхнего слоя Сяцзядянь» к скифской «триаде» относится только звериный стиль, тогда как другой инвентарь еще сохраняет некоторые черты эпохи поздней бронзы. Подобная ситуация прослеживается в Синьцзяне на могильнике Мохучахань, где обнаружены псалхи аржанского типа. Для VII–VI вв. до н. э. отмечается распространение погребений типа юйхуанмяо в Забайкалье и Монголии.

ANNOTATION. The article considers the materials of Northern China the earliest Scythian-like cultures — the «Upper Xiajiadian culture» of the 11th–7th centuries BC and the Yuhuangmiao of the middle of the 7th–6th century BC. It is concluded that these cultures were gradually formed under the influence of three sources: (1) local culture of pastoralists, (2) northern nomads, (3) Chinese culture, including the Zhongyuan cultures, Yan and some other kingdoms. It is assumed that initially in the 9th–8th centuries BC in the «Upper Xiajiadian culture» only the animal style belongs to the Scythian «triad», while other implements still retained some features of the Late Bronze Age. A similar situation can be traced in Xinjiang at the Mohuchahan burial ground where the Arzhan type cheek pieces were found. For the 7th–6th centuries BC the Yuhuangmiao-type burials distribution in Transbaikalia and Mongolia is noted.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Северный Китай, ранние скифоидные культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» и юйхуанмяо, звериный стиль, конское снаряжение.

KEYWORDS: Northern China, the earliest Scythian-like cultures the «Upper Xiajiadian» and the Yuhuangmiao, animal style, horse harness.

Предположение о существовании культур скифо-сибирского облика в Северном Китае было сделано еще в конце XIX в. Однако накопление материалов происходило очень медленно, а потому общая картина их происхождения, расположения и взаимосвязей стала проявляться лишь 20–25 лет тому назад (Bunker, 1997; У Энь, 2007). Процесс этот далеко не закончен: делаются яркие открытия, публикуются новые памятники, видоизменяются взгляды. Тем не менее к настоящему времени накоплен значительный археологический материал, позволяющий с большей достоверностью вычленять этнокультурные образования, располагавшиеся на границах государств Древнего Китая в IX–III вв. до н. э. (рис. 1). Особую роль в этом играют публикуемые материалы из Синьцзяна, позволившие сделать вывод об обособленном развитии

культур на этих территориях в IX–III вв. до н. э. Многочисленные предположения о контактах культур Северного Китая с Синьцзяном, а также с сакским миром через Синьцзян не получили подтверждения (Шульга П., Шульга Д., 2020а). Вместе с тем имеются многочисленные данные о меридиональных связях некитайского населения Северного Китая с культурами Монголии и Южной Сибири уже с позднего бронзового века. Появились основания для пересмотра представлений о социально-экономическом устройстве «номадов» Северного Китая, сформировавшихся на основе традиционных оценок хозяйства и образа жизни сюнну и других кочевых народов на северных границах Китая. Так, по имеющимся данным, многие «варвары» на границах с китайскими царствами уже с IX в. до н. э. создавали свои протогосударства; вступали в родственные отношения с элитой китайских царств; по меньшей мере до IV в. до н. э. не имели кавалерии из конных лучников и воевали пешими или на колесницах; вели оседлый или полуоседлый образ жизни.

Остановимся на одной из особенностей так называемых «номадов», живших на территории Северного Китая в скифское время. Многие из них

¹ Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 21-59-23003 «Верховые и упряжные лошади в археологических культурах степей Евразии в XX–III вв. до н. э. по материалам конского снаряжения и археозоологии».

² 630090, Россия, Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Отдел палеометалла.

Адрес электронной почты: shulgapi55@yandex.ru.

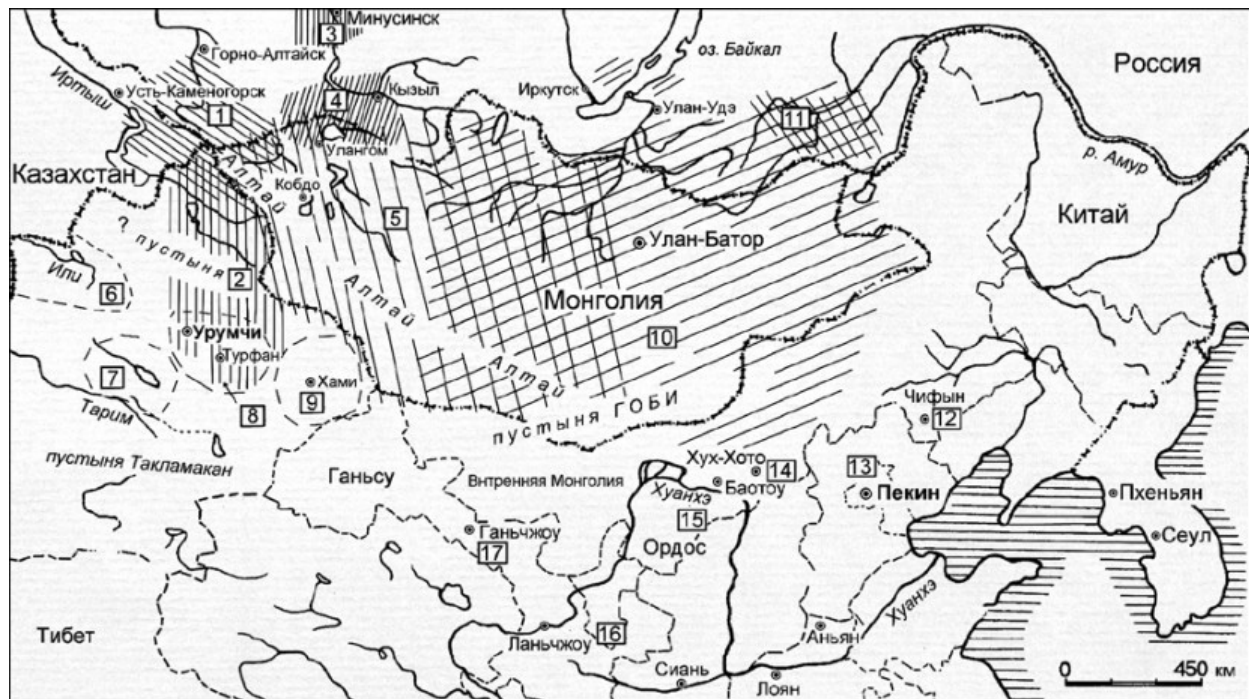

РИС. 1. Схема расположения скифоидных археологических культур в Центральной Азии: 1 – ареал пазырыкской культуры; 2 – территория, заселявшаяся в V–III вв. до н. э. племенами, близкими пазырыкцам; 3 – тагарская культура; 4 – алды-бельская и уюкско-саглынская культуры; 5 – культура херексурсов и оленных камней; 6 – культура содунбулакэ; 7 – культура чауху; 8 – культура субейси; 9 – «культура» янбулакэ; 10 – культура плиточных могил; 11 – дворцовая культура; 12 – культура «верхнего слоя Сяцзядянь»; 13 – культура юйхуанмяо; 14 – культура маоцингоу; 15 – «культура» таохунбала; 16 – культура янлан; 17 – культура шацзин

FIG. 1. Scheme of Scythian-like archaeological cultures in Central Asia location: 1 – area of the Pazyryk culture; 2 – the territory inhabited in the 5th–3rd centuries BC by tribes close to the Pazyryks; 3 – Tagar culture; 4 – Aldy-Bel and Uyuk-Sagly cultures; 5 – culture of khereksurs and deer stones; 6 – Sodunbulake culture; 7 – Chawuhu culture; 8 – Subeixi culture; 9 – Yanbulake “culture”; 10 – Slab graves culture; 11 – Dvortsovo culture; 12 – Upper Xiajiadian culture; 13 – Yuhuangmiao culture; 14 – Maoqinggou culture; 15 – Taohongbala “culture”; 16 – Yanglang culture; 17 – Shajing culture

с VIII по III вв. до н. э. достоверно пользовались колесницами, подобно жителям китайских царств и государственных образований типа Чжуншань. При этом не вполне ясно, когда и в какой форме они освоили верховую езду. Судя по изображениям всадников со сценами охоты на двух пряхках

в культуре «верхнего слоя Сяцзядянь», можно полагать, что верховая езда там была известна уже в IX–VIII вв. до н. э. (рис. 2, 19) (Jianhua Yang et al., 2020. С. 255, рис. 4.14, 16, 17). Однако достоверных комплектов снаряжения верховой лошади с деталями узды и седла с подпругой для IX–III вв. до н. э. в Северном

РИС. 2. Культура «верхнего слоя Сяцзядянь». Бронзовые оружие, сбруя и изделия в зверином стиле: 1–7 – кинжалы; 8 – клевец с изображениями в зверином стиле; 9 – пряжка колесничного; 10 – шлем; 11, 12 – ножи с навершиями в виде противопоставленных существ и свернувшегося животного; 13, 14, 16, 17 – неразъемные удила с псалиями; 15 – удила со стремечковидными окончаниями; 18 – стержневидный псалий с подвесками; 19 – пряжка с изображением охоты всадников; 20, 21 – бляшки с изображением лежащего и свернувшегося существ; 22–24 – бляшки с изображениями в зверином стиле; 25 – роговая пластина со сценой охоты на колесницах (по: У Энь, 2008. Рис. 85–87; 89; 91). Масштаб различный

FIG. 2. “Upper Xiajiadian culture”. Bronze weapons, harness and animal-style items: 1–7 – daggers; 8 – “spear ge” with animal-style images; 9 – charioteer buckle; 10 – helmet; 11, 12 – knives with tops in the form of opposed creatures and a curled animal; 13, 14, 16, 17 – one-piece bits with cheek pieces; 15 – bits with stirrup-shaped ends; 18 – rod-shaped cheek piece with pendants; 19 – buckle with horsemen hunting image; 20, 21 – badges with the image of lying and curled creatures; 22–24 – badges with images in the animal style; 25 – horn plate with a chariot hunting scene (after У Энь, 2008. Рис. 85–87; 89; 91). Scale is different

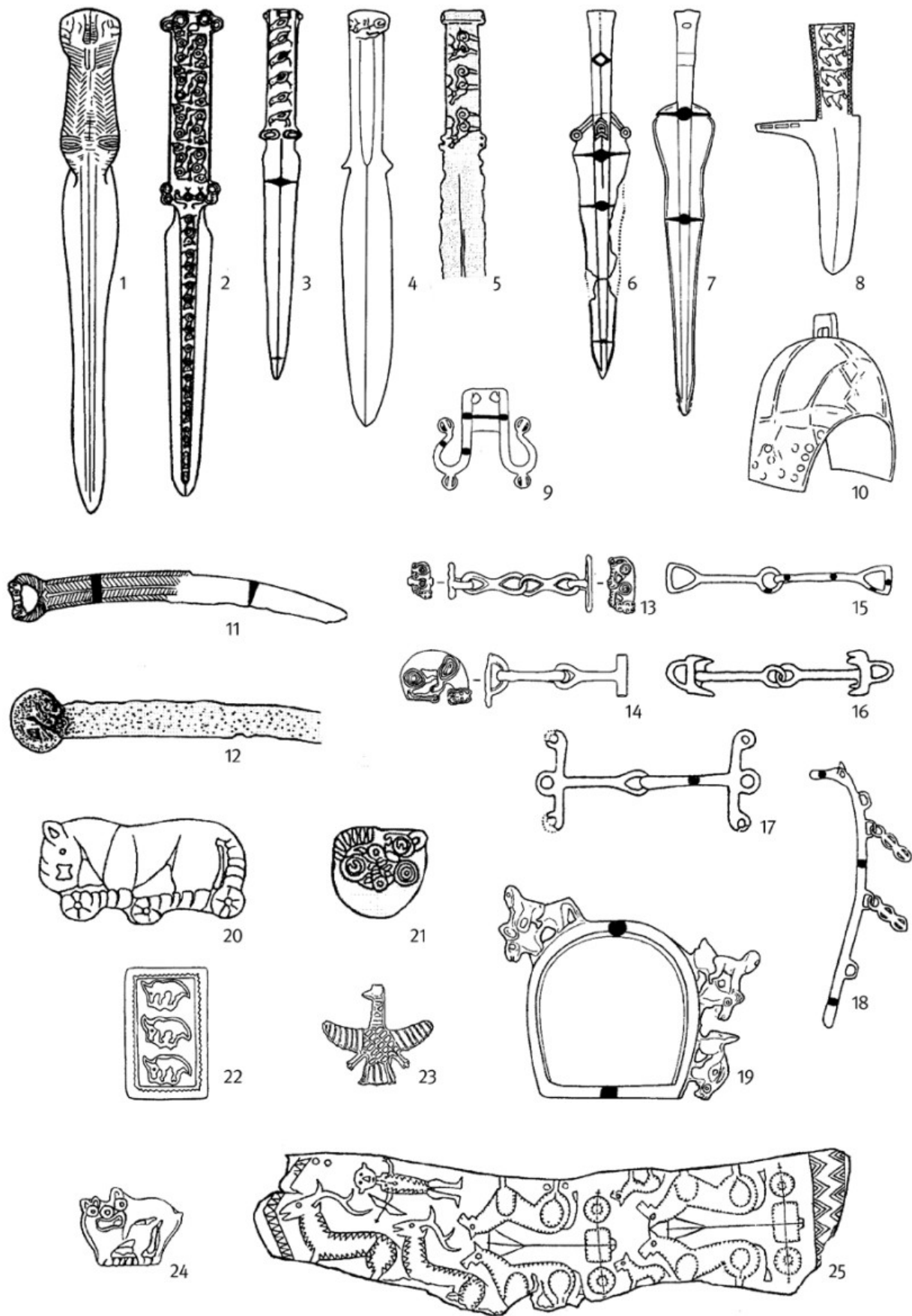

РИС. 3. Могильник Юйхуанмяо. План могилы M18 (1) и находившийся в ней инвентарь (2–23): 2 – удила с двудырчатыми псалиями; 3 – тройник от упряжи; 4, 5 – нож и кинжал; 6, 7 – кельт и «долото»; 8 – трубчатый игольник; 9 – клевец; 10–12 – черешковые наконечники стрел; 13 – серьга; 14–16, 20, 21 – украшения одежды; 17 – поясной крючок; 18, 19 – подвески; 22 – ритуальный сосуд *лей*; 23 – «скифский» котел (по: Шульга, 2015. Рис. 17–20).

14 – золото; остальное – бронза

FIG. 3. Yuhuangmiao burial ground. The plan of the grave M18 (1) and the inventory (2–23): 2 – a bit with two-hole cheek pieces; 3 – harness tee; 4, 5 – knife and dagger; 6, 7 – celt and “adze”; 8 – tubular needle case; 9 – “spear ge”; 10–12 – shaft arrowheads; 13 – earring; 14–16, 20, 21 – clothing decorations; 17 – belt hook; 18, 19 – pendants; 22 – ritual vessel *lei*; 23 – “Scythian” cauldron (after Шульга, 2015. Рис. 17–20).

14 – gold; the rest is bronze

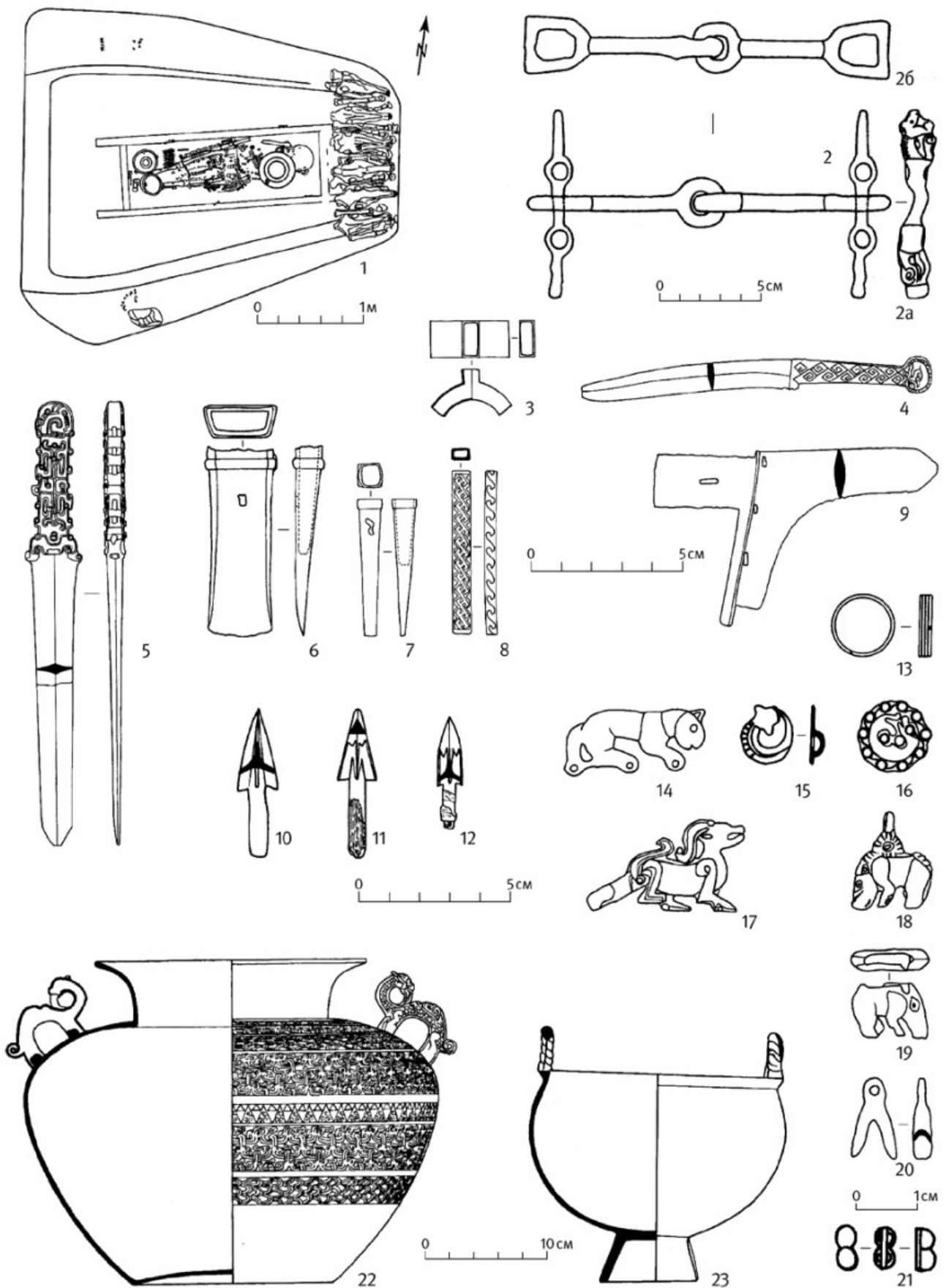
Китае пока не найдено. Изображения верховых лошадей с седлами мы видим лишь в «терракотовой армии» Цинь Шихуанди, отражающей ситуацию во второй половине III в. до н. э. Вместо этого в культуре «верхнего слоя Сяцзядянь» имеются изображения колесниц (рис. 2, 25), а в юйхуанмяо (с VII в. до н. э.) и янлан (с V по III–II вв. до н. э.) найдены погребения колесничих с деталями упряжной сбруи и колесниц (рис. 3, 2, 3). У воинов из Юйхуанмяо обнаружены свисавшие сзади от пояса особые украшения колесничего, непригодные для всадника (Шульга, 2015. С. 59–60; Шульга П., Шульга Д., 2020а). В связи с этим вполне актуально мнение Т. Дж. Барфилда, что «конные кочевники-скотоводы появились на китайской границе вскоре после начала IV в. до н. э.». Исследователь отмечал: «Более ранние китайские источники по истории пограничных районов, собранные в сочинении «Цзо Чжуань», упоминают лишь слабо организованные племена *жунов* и *ди*, которые сражались небольшими пешими отрядами» (Барфилд, 2009. С. 36). Примерно об этой же дате появления конницы писали Фань Вэнь-лань (1958. С. 150–151) и Ярослав Пружек (цит. по: Psarras, 1999. Р. 69). Пешими сражались и некоторые объединения *шаньжунов* в конце VIII в. до н. э. Так, правитель царства Чжэн отмечал: «Они воюют в пешем строю, тогда как мы – на колесницах» (Крюков и др., 1978. С. 186). Несомненный интерес представляет предположение, что строительство в IV в. до н. э. «великих стен» на северных и северо-западных границах царств было вызвано появлением крупных соединений конных лучников (см.: Jianhua Yang et al., 2020. Р. 374–375). Возможно, с этим же изменением в тактике «варваров» связано и создание правителем Чжао в конце IV в. до н. э. кавалерии лучников.

Таким образом, данные о большинстве народов, обитавших в IX–VI вв. до н. э. на северных границах китайских царств, не подтверждают представления о них как о кочевых ордах, стреляющих на

скаку неуловимых всадников. Прежде всего это относится к двум самым ранним скифоидным культурам Северного Китая – «верхнего слоя Сяцзядянь» и юйхуанмяо. В последние десятилетия эти культуры рассматривались в работах многих китайских и англоязычных исследователей (Bunker, 1997; Уэнь, 2007; 2008; Jianhua Yang et al., 2020). В русскоязычной научной литературе указанная тема не получила должного развития, хотя материалы захоронений некитайского населения (типа наньшаньгэнь IX–VII вв. до н. э. и типа юйхуанмяо VII–VI вв. до н. э.) начали публиковать в Китае уже в 1960–70-е гг. Основными причинами тому являлись языковой барьер и малодоступность литературы на китайском языке. Все это не позволяло в должной мере использовать указанные материалы для решения проблемы становления и развития скифо-сибирского мира. Показательно, что Н. Л. Членова датировала инвентарь из памятников типов наньшаньгэнь и юйхуанмяо в диапазоне VI–III вв. до н. э. (Членова, 1976. С. 63–64, табл. 12; 1993. С. 55, 60, 65), а М. П. Грязнов в своей концепции полицентрического формирования скифо-сибирских культур эти памятники вовсе не отметил, хотя и включил Ордос в перечень 10 областей/центров (Грязнов, 1983. С. 10–12, 16).

К наиболее ранним образованиям с элементами скифской триады в Северном Китае относится культура «верхнего слоя Сяцзядянь»³, датируемая в пределах XI–VII(VI) вв. до н. э. (см.: Bunker, 1997; Уэнь, 2007; Jianhua Yang et al., 2020. Р. 246). Погребальные и поселенческие памятники этой культуры расположены в благоприятной для скотоводства и земледелия области, включающей район Внутренней Монголии (г. Чифын) и примыкающие с юга районы провинций Хэбэй и Ляонин. Население вело оседлый образ жизни. Относимые к этой

³ В англоязычных публикациях культура, как правило, называется «Upper Xiajiadian culture» без упоминания слоя.

культуре памятники занимают площадь примерно 300 × 300 км, но наибольшая их концентрация наблюдается в полосе, протянувшейся вдоль р. Лаохахэ на 150 км к югу от г. Чифын. При этом южные памятники находятся всего в 200 км от г. Пекин, где долгое время находилась столица царства Янь. Китайские археологи исследуют и анализируют погребальные и поселенческие комплексы этой культуры уже более 60 лет (см. сводки: Лю Госян, 2000; У Энь, 2007. С. 174–176; Чжао Шаоцзюнь, 2018). Не обошли ее вниманием и англоязычные авторы (Bunker, 1997; Psarras, 1999). Археологам на постсоветском пространстве данная культура почти не известна, поскольку в целом она рассматривалась лишь однажды, в краткой форме и с малым количеством иллюстраций (Комиссаров, 1987)⁴. Частично особенности культуры затрагивались по вопросам истоков звериного стиля (Ковалёв, 1998; Богданов, 2006. С. 36; 2011; Кан Ин Ук, 2011; и др.), происхождения культуры юйхуанмяо (Шульга, 2015. С. 18–19) и связей с сюнну. Однако единых взглядов на содержание и хронологию культуры у китайских и зарубежных исследователей не сложилось, и едва ли они сложатся в ближайшее время. Тому несколько причин. Во-первых, в различно определяемом ареале культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» выявлено несколько типов погребальных и поселенческих памятников, включая захоронения типа шиэртаинцзы с характерными скрипковидными кинжалами. Интерпретируют эти погребальные и поселенческие памятники по-разному. Соответственно, одни и те же памятники (например, представительные погребения типа наньшаньгэнь) могут относиться к культурам «верхнего слоя Сяцзядянь», «наньшаньгэнь» и «скрипковидных кинжалов» (Кан Ин Ук, 2011. С. 88, 90; и др.). Во-вторых, существует проблема разграничения памятников культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» и культуры юйхуанмяо. Ареалы их частично перекрывают друг друга, а инвентарные комплексы VII–VI вв. до н. э. и погребальный обряд похожи. Поэтому до изучения могильника Юйхуанмяо их было трудно уверенно атрибутировать.

Расцвет культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» определяется IX–VIII вв. до н. э. Многие исследователи предполагают, что носителями культуры были горные жуны (шаньжуны) (Ковалёв, 1998; У Энь,

2007. С. 176; Jianhua Yang et al., 2020. P. 256), однако некоторые рассматривают их как восточных ху (дунху) (Bunker, 1997. P. 62; и др.). Наибольший интерес представляет группа захоронений типа наньшаньгэнь, в которых найдены оружие, конское снаряжение и предметы звериного стиля в соседстве с характерными для культуры Китая датирующими бронзовыми ритуальными сосудами и клевцами. Принадлежность многих изображений к скифо-сибирскому звериному стилю из могильников Наньшаньгэнь и Сяохэйшигоу не вызывает сомнений. Достаточно сказать, что там представлены свернувшиеся и припавшие к земле кошачьи хищники (рис. 2, 1, 2, 4, 12–14, 20, 21), олени (рис. 2, 5) и стилизованные головки хищных птиц (рис. 2, 2). При этом на многих изделиях изображены группы одинаковых существ в горизонтальной или вертикальной позиции (рис. 2, 2, 3, 5, 8, 22, 24) (У Энь, 2007. Рис. 84–87, 89; Лю Госян, 2000. Рис. 11–15; Ковалёв, 1998; Богданов, 2006. С. 36–39, 56–57; Кан Ин Ук, 2011; и др.).

По мнению У Эня и многих других исследователей, наиболее представительные погребения из Наньшаньгэнь и Сяохэйшигоу датируются по китайским ритуальным сосудам и другому инвентарю IX–VIII вв. до н. э. (У Энь, 2007. С. 177; Jianhua Yang et al., 2020. P. 254)⁵. Позиция А. А. Ковалёва, на первый взгляд, не имеет особых отличий, поскольку он признает, что китайские изделия (сосуды и клевцы) из погребений типа наньшаньгэнь датируются не позже VIII в. до н. э. (Ковалёв, 1998. С. 127). Однако при этом А. А. Ковалёв полагает, что китайские сосуды «являлись безусловно военными трофеями» шаньжунов (Там же. С. 129). В этом случае сосуды уже нельзя считать узко датируемыми, поскольку они могли быть захвачены и помещены в погребения типа наньшаньгэнь на одно-два столетия позже времени их изготовления. Неслучайно А. А. Ковалёв датировал образцы звериного стиля не IX–VIII вв. до н. э., а лишь не позднее 60 гг. VII в. до н. э. (Там же. С. 130) — т. е. не позднее предполагаемого разгрома шаньжунов (?) в 663 г. до н. э. Фактически из этого предположения следует, что образцы звериного стиля из погребений типа наньшаньгэнь нельзя с уверенностью считать «древнейшими». С таким подходом нельзя согласиться. Согласно опубликованному тексту и схеме (Там же. С. 129, рис. 3), с территории, близкой ареалу погребений типа нань-

⁴ Следует отметить и опубликованную на немецком языке малоизвестную в России работу А. А. Ковалёва с рисунками инвентаря, сгруппированного по погребальным комплексам типа наньшаньгэнь (Kovalev, 1992).

⁵ Особую позицию занимала С.-К. Псаррас, ошибочно датировавшая культуру «верхнего слоя Сяцзядянь» в рамках III–II вв. до н. э., как памятники ранних сюнну (Psarras, 1999. P. 15–21, 80).

шаньгэнь, зафиксирован лишь один поход на царство Янь в 664 г. до н. э. Если же исходить из этого единственного свидетельства о нападении *шаньжунов* (?) в 664 г. до н. э., которое можно с оговорками соотнести с ареалом культуры «верхнего слоя Сяцзядянь», то выводы будут иными. Очевидно, для пересмотра датировок китайскими исследователями комплексов типа наньшаньгэнь в пределах IX–VIII вв. до н. э. пока нет оснований. Инвентарь (кинжалы, ножи, шлемы, конское снаряжение), сохраняющий черты позднего бронзового века, хронологически соотносится с сопутствующими ритуальными сосудами, а потому встреченные в этих комплексах образцы звериного стиля могут датироваться примерно этим же временем.

В комплекс вооружения культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» входили кинжалы, ножи, наколенники стрел, кельты (топоры), долота, иногда, клевцы *гэ* китайского типа, в том числе местного производства (рис. 2, 8). Из вышеуказанного к традиционному вооружению скифо-сибирского мира можно с большими оговорками отнести лишь кинжалы с прямым сужающимся клинком, поскольку на них имеются изображения в зверином стиле. Однако они существенно отличаются шиповидными перекрестиями с выемками в основании клинка (рис. 2, 1–5), имеющими аналогии в позднем бронзовом веке. Некоторые перекрестия в виде направленных под углом к лезвию «усиков» с колечками (шишечками) на концах (рис. 2, 6), подобны найденным в Аржане-1 (Грязнов, 1980. Рис. 11, 2, 3; Савинов, 2018. С. 94). В скифском мире эта форма перекрестий не получила распространения, как и лезвия скрипковидной формы, появившиеся с юго-востока под влиянием культуры шиэртайнцзы (Кан Ин Ук, 2011. С. 90).

Что касается конского снаряжения (рис. 2, 13–18), то немногочисленные детали уздечек (удила и псалии) из погребений культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» и примыкающих к ней памятников типа шиэртайнцзы практически не имеют ничего общего с раннескифскими IX–VII вв. до н. э. Отличаются они и от случайных находок из Монголии, а также от большинства удил и псалиев китайских колесничных уздечек. Единственное сходство имеется лишь в овальной форме небольших окончаний шарнирных удил, имеющих ранние аналогии в Китае и Минусинской котловине (рис. 2, 13) (Шульга, 2013). По имеющимся данным, представленные в ареале культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» неразъемные конструкции из псалиев и удил

различных типов являются местными вариациями⁶. Лишь в VI в. до н. э. в комплексах на этой территории появляются широко распространенные «восточные» удила с рамкой повода (Кан Ин Ук, 2011. Рис. 5, 7) и удила со стремечковидными окончаниями (рис. 2, 15). Как видим, за исключением звериного стиля, в инвентаре IX–VIII вв. до н. э. культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» совсем немного общего с культурами скифо-сибирского круга. Отличаются также планиграфия могильников и устройство надмогильных сооружений.

Итак, в материалах культуры «верхнего слоя Сяцзядянь», датировемых исследователями IX–VIII вв. до н. э., хорошо прослеживаются следы традиции позднего бронзового века Северного Китая (Лю Госян, 2000; *Jianhua Yang et al.*, 2020. Р. 189–196), влияние культуры «скрипковидных кинжалов» и китайской культуры. На этом вполне понятном и объясняемом фоне мы «неожиданно» обнаруживаем яркие полностью сложившиеся образы животных в скифо-сибирском стиле. Ни один из трех вышеуказанных источников влияния их не содержал. Не наблюдается и следов генезиса образов в среде самой культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» или предшествующих образований на данной территории. В подобных случаях исследователи традиционно обращают внимание на ближайшую слабо изученную территорию, которая могла быть источником инноваций. Таковой является Монголия с загадочной «культурой» оленных камней, а также выходящий за ее рамки ареал культуры тотально разграбленных плиточных могил. Этот вывод в конечном итоге сделал и А. А. Ковалёв, заключивший, что «образы звериного стиля», обнаруженные в могилах типа наньшаньгэнь, «сформировались гораздо раньше, то есть по крайней мере в VIII в. до н. э., и бытовали в это время на близлежащих к внутренней Монголии территориях» (Ковалёв, 1998. С. 130)⁷. Действительно, «репертуар, иконография, стиль зооморфных сюжетов оленных камней полностью соответствуют традициям скифо-сибирского изобразительного искусства» (см.: Волков, 2002. С. 18). По мнению многих иссле-

⁶ По мнению Ян Цзяньхуа, редкие своеобразные псалии с подвесками (рис. 2, 18), как и шлемы, были заимствованы на раннем этапе из района излучины Хуанхэ (*Jianhua Yang et al.*, 2000. Р. 189–192).

⁷ В более ранней работе А. А. Ковалёв предполагал «наличие скифо-сакских кочевников в Маньчжурии в VIII в. до н. э. или несколько позже», с которыми связывал появление некоторых или всех (?) образов звериного стиля (Kovalev, 1992. S. 74).

дователей, ранние оленные камни изготавливались еще в начале I тыс. до н. э. (Там же. С. 22). Разнообразие ложечковидных подвесок в культуре «верхнего слоя Сяцзядянь» и сходство других изделий (шлемы, пряжки колесничего, ножи, серьги, украшения) демонстрируют сходство с культурой плиточных могил Монголии и Забайкалья, сохранявшееся и в VII–VI вв. до н. э. По мнению Ян Цзяньхуа, тесное взаимодействие этих культур возникло в период становления культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» и еще более усилилось в период ее расцвета в IX–VIII вв. до н. э. (Jianhua Yang et al., 2020. P. 262–263). Логично предположить, что уже в XII–X вв. до н. э. с территории Китая в Монголию проникают образы свернувшихся и припавших к земле хищников (Богданов, 2006. С. 36, 56; 2011), где они были видоизменены и впоследствии распространились в комплексе с другими образами в культуре «верхнего слоя Сяцзядянь».

Таким образом, в культуре «верхнего слоя Сяцзядянь» из скифской триады можно отметить лишь звериный стиль. Тем не менее имеется еще одно обстоятельство, позволяющее отнести этот переходный памятник к ранним культурам скифского мира. Если сравнить материалы культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» и юйхуанмяо, то мы увидим, что инвентарь и погребальный обряд этих культур очень близки. Неслучайно памятники Сыбоцзы, Хаоцзыгоу и Шандоуин первоначально относились к культуре «верхнего слоя Сяцзядянь». В Китае это сходство трактуется как результат влияния более ранней культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» (Ян Цзяньхуа, 2004. С. 78; Лю Госян, 2000. Рис. 17; 19; Цзинь Дунъи, 2018. С. 65; и др.). К такому же выводу пришел и автор в ходе анализа материалов могильника Юйхуанмяо (Шульга, 2015. С. 18–19).

Наиболее полно и на большом материале погребальный обряд культуры юйхуанмяо прослежен на могильнике Юйхуанмяо середины VII–VI вв. до н. э., расположенном в 80 км к северо-западу от г. Пекин. Там было вскрыто 400 непо потревоженных захоронений, прослежена их относительная хронология в пределах второй половины VII–VI вв. до н. э. (Могильники..., 2007; Шульга, 2015). Могилы располагались довольно плотно и без значительных надмогильных сооружений. Это характерная черта крупных кладбищ, оставленных населением, длительно проживавшим на одном месте. Могилы подпрямоугольной формы, но некоторые вписаны в более обширную яму. Глубина могил около 1,5–2 м, ориентация длинной осью широтная. В узкой по-

гребальной камере захоранивался один человек в положении на спине, вытянуто, головой в восточный сектор (рис. 3, 1). В изголовье часто ставился крупный керамический сосуд. В заполнении могилы, на уступе или над головой (на позднем этапе иногда сбоку) умершего находились обращенные к востоку черепа и кости ног лошадей, а также черепа крупного рогатого скота, овец, коз и собак. У мужчин в районе пояса часто встречались бронзовые кинжалы в паре с ножами (рис. 3, 4, 5) и детали наборных поясов, а в ногах — бронзовые наконечники стрел, кельты в паре с «долотами» (рис. 3, 6, 7) и конское снаряжение (рис. 3, 2, 3). Женщины погребались с серьгами, ложечковидными подвесками на обшитых бляшками гайтанах и игольниками у правого бедра. Многие из этих черт обрядности зафиксированы в культуре «верхнего слоя Сяцзядянь», в том числе и традиция покрывать лицо умершего тканью с несколькими нашитыми на нее бляшками.

Принадлежность культуры юйхуанмяо к скифскому миру не вызывает сомнений. В инвентаре и искусстве там имеются все составляющие «триады». Из оружия использовались кинжалы с бабочковидным перекрестием и наконечники стрел, имеющие полные аналогии на Саяно-Алтае (рис. 3, 10–12; 4, 1, 2). Конское снаряжение содержит характерные для восточной части скифского мира удила с пешковидными окончаниями, «восточные» с рамкой повода и евразийские со стремечковидными окончаниями (рис. 3, 2б), а также самую раннюю конструкцию из удил и двудырчатых псалиев, вставлявшихся в их внешние окончания (рис. 3, 2). Звериный стиль представлен многочисленными изображениями свернувшихся и припавших к земле кошачьих хищников (рис. 4, 3а, 4, 5, 7–9), оленями с подогнутыми ногами (рис. 4, 12, 13), стоящими кабанчиками (рис. 3, 18, 19), стилизованными головками хищной птицы (рис. 4, 2), лошадами без оскала зубов в различных позах (рис. 4, 15), козерогами (рис. 4, 14), а также специфическими изображениями оскалившихся коней в позе припавшего к земле хищника (рис. 4, 10) и собак (рис. 4, 17). В инвентаре и искусстве культуры юйхуанмяо хорошо прослеживается влияние населения культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» и северных кочевников, слившихся до прихода в горы Цзюньдушань, что следует и из данных антропологии (Могильники..., 2010. С. 720). Аналогии инвентаря «северных кочевников» приводят нас в Монголию и Забайкалье, а также в заселенные европе-

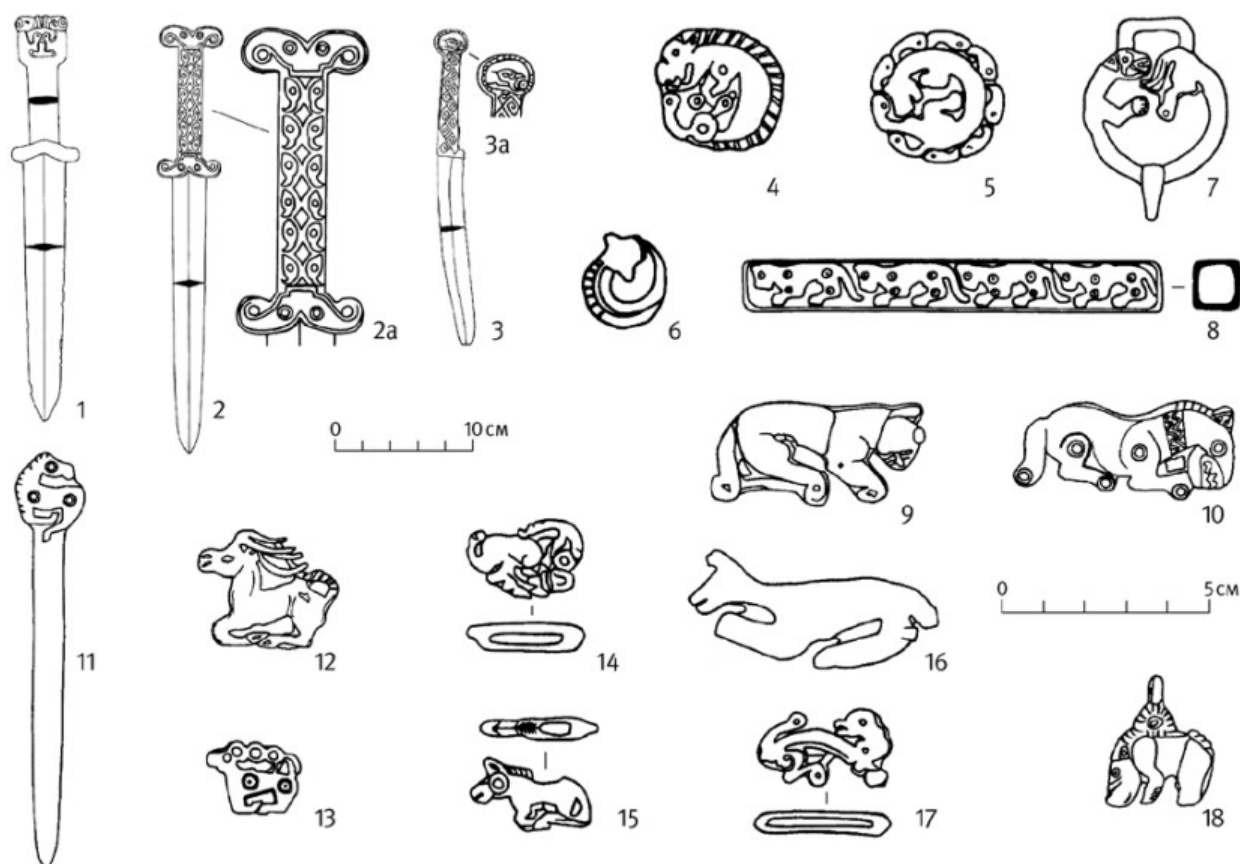

РИС. 4. Культура юйхуанмяо. Бронзовые изделия с изображениями в зверином стиле: 1, 2 – кинжалы; 3 – нож с навершием в виде свернувшегося животного; 4–6 – бляшки с одежды в виде свернувшихся существ; 7 – поясная пряжка; 8 – игольник, украшенный изображениями идущих кошачьих хищников; 9–18 – подвески, обоймы и бляшки (по: Шульга, 2015. Рис. 69; 87; 94; 98; 101; 104; 116)

FIG. 4. Yuhuangmiao culture. Bronze items with the animal-style images: 1, 2 – daggers; 3 – a knife with a pommel in the form of a curled animal; 4–6 – badges from clothes in the form of curled up creatures; 7 – belt buckle; 8 – needle case, decorated with images of walking feline predators; 9–18 – pendants, clips and badges (after Шульга, 2015. Рис. 69; 87; 94; 98; 101; 104; 116)

оидами Туву и Минусинскую котловину (Шульга, 2015. Рис. 123; 128). Однако последние в этом нашествии участия не принимали, поскольку умершие в Юйхуанмяо были монголоидами.

Особая близость в погребальном обряде и инвентаре прослеживается между погребальными комплексами раннего этапа культуры юйхуанмяо и дворцовским типом памятников в Забайкалье. До недавнего времени на разделявшем их пространстве протяженностью более 1200 км в разграбленных плиточных могилах таких погребений не встречалось. Однако в 2020 г. в Монголии (Архангайский аймак) у горы Оорцог, примерно в 400 км к западу от Улан-Батора, исследовано погребение женщины (?) в довольно узкой могиле, устроенной в более обширной яме с подквадратной забитой камнем оградкой (6 × 6,5 м) (Энхтөр и др., 2020). Умер-

ший был захоронен на спине вытянуто, головой на ЮВ, с бронзовыми бляшкой в виде свернувшегося хищника, ложечковидной подвеской и характерной кольцевидной серьгой. В изголовье на уступе были выложены черепа жертвенных животных резцами (мордами) на ЮВ: по центру один череп КРС, с юга два черепа лошади и 12–13 черепов МРС с севера. По погребальному обряду и инвентарю это погребение с одинаковой вероятностью можно было бы отнести к варианту культуры юйхуанмяо (рис. 3, 1), а также к дворцовскому или коргантаскому типам захоронений. На последний указывает наличие лопатки животного на левой стороне груди умершего.

Значение этого открытия трудно переоценить, поскольку оно позволяет с уверенностью атрибутировать объекты, исследованные В. В. Волковым

в том же Архангайском аймаке в 1989–90 гг. (Волков, 2001. С. 341–353). Нет сомнений, что оградки 2 и 3 из «жертвенника Жаргалант» однотипны с погребением у горы Оорцог. Отличие лишь в том, что в Жаргаланте исследованы ограбленные элитные могилы в оградках размерами около 7 × 8 м. В оградках 2, 3 и перекрытиях могил находились оленные камни, а количество жертвенных животных было больше (80 и 100 черепов) и разнообразней (найжены также черепа верблюдов и собак). При этом в ограде 3 рядом с черепами лошадей обнаружены воткнутые в грунт четыре пары бронзовых трехдырчатых псадиев, по мнению В. В. Волкова, имеющие аналогии в Аржане-1 (Там же. С. 353).

Все это служит подтверждением жизненности идей о существовании на территории от Северного Китая до Забайкалья историко-культурной общности, в разных контекстах отмечавшейся исследователями (Савинов, 1994. С. 160; см. сводку: Шульга, 2015. С. 27–28). Наличие в Архангайском аймаке рядовых и элитных захоронений, подобных Юйхуанмяо, дворцовскому и коргантасскому типам, также указывает на одну из исходных точек миграции восточного населения, оставившего на своем пути захоронения в Туве, Горном Алтае, Северном Сынцзяне и Центральном Казахстане (Бейсенов, 1996; см. сводку: Шульга, 2015; Шульга Д., Шульга П., 2017. Рис. 3). Из всех указанных выше образований наиболее хорошо исследована культура юйхуанмяо. В настоящее время ее материалы являются ключевыми для понимания процессов, происходивших в IX–VI вв. до н. э. на территории от Северного Китая до Забайкалья. Они связывают «разбросанные» на значительной территории более ранние памятники культуры Верхнего слоя Сяцзядянь IX–VIII вв. до н. э., синхронные из Монголии и Забайкалья VII–VI вв. до н. э. и более позднюю культуру маоцингоу VI–IV(III) вв. до н. э.

Материалы могильника Юйхуанмяо наиболее хорошо демонстрируют процесс постепенной китаизации «варваров». Район их обитания, по видимому, контролировался царством Янь, и пришедшие скотоводы стали своеобразным буфером на границах Янь. По мнению Цзинь Фэнъи и Ван Цзихун, «государство Янь до поздних этапов эпохи Чуньцю (до начала V в. до н. э. — прим. автора) в силу недостаточности своих сил оставалось беспомощным перед всадниками горных жунов, сидящих «с бравым видом» в двух шагах от северных границ государства, и не могло создать достаточно силь-

ную армию для противостояния противнику» (Могильники..., 2010. С. 807).

Однако все имеющиеся материалы убеждают в правоте других китайских исследователей, связывающих наличие китайских вещей в культурах «верхнего слоя Сяцзядянь» и юйхуанмяо не с военными действиями и грабежами «шаньжунов», а с мирными отношениями и процессом «китаизации» скотоводов (У Энь, 2007. С. 205; Ян Цзяньхуа, 2004. С. 79). К тому же и указанные выше авторы не считали грабежи основным источником китайских вещей у «шаньжунов» (Могильники..., 2010. С. 809–812). В элитных погребениях Юйхуанмяо, как и в Наньшаньгэнь, найдены престижные китайские изделия: бронзовые ритуальные сосуды, клевцы *гэ* и кинжалы. Показательно, что наибольшее количество сосудов (11 экз.) находилось в женской могиле M2 с деталями колесничной сбруи, ожерельем китайского типа и сундуком с бронзовыми китайскими сосудами в головах (Шульга, 2015. Рис. 14–16). Эти ярко выраженные особенности китайской культуры демонстрируют использование ритуальных сосудов и другие изделия в M2 по назначению, а не как военную добычу. Многочисленные кельты и большинство ножей для жителей уже изготавливались серийно, вероятно, в царстве Янь (Шульга, 2015. С. 114–116). В этом отношении наибольший интерес представляют захоронения воинов-колесничих в могилах M18 и M250. В M18 комплект снаряжения лошади включал характерные для верховых лошадей евразийские стремечковидные удила с двудырчатыми псадиями (рис. 3, 2), но с тройником — деталью упряжной сбруи (рис. 3, 3). В комплект вооружения входили бронзовые «китайские» кинжал, клевец *гэ* и кельт с «долотом» (рис. 3, 5–7, 9), а также наконечники стрел, характерные для Саяно-Алтая (рис. 3, 10–12). Такое же соседство мы видим в зверином стиле (рис. 3, 15, 16) и в сосудах, один из которых ритуальный сосуд *лэй* (рис. 3, 22), а другой — котел скифского типа (рис. 3, 23). Почти такое же сочетание стилей и изделий — в M250, где также присутствовали аналогичные сосуд *лэй* и котел (Шульга, 2015. Рис. 28, 12, 13). Аналогичный сосуд *лэй* находился и в погребении женщины в M2. Очевидно, что это не случайно захваченные «шаньжунами», а намеренно помещенные с умершими ритуальные сосуды определенного типа. На некоторых изделиях культурные особенности сочетались. Так, бронзовый нож по форме и навершию (в виде свернувшегося хищника) от-

носятся к кочевникам, но орнаментация ручки у него «китайская» (рис. 3, 4).

После исхода из Юйхуанмяо «северных кочевников» примерно в середине VI в. до н. э. (Шульга П., Шульга Д., 2020а. С. 19) по китайской технологии там стали изготавливать и керамику на круге. Еще большее влияние китайская культура оказывала на государственные образования типа царства Чжуншань, основанного «варварами» *ди*.

Много общего было выявлено в ходе сравнения погребального обряда Юйхуанмяо с изображениями на оленных камнях монголо-забайкальского типа (Шульга, 2015. С. 44–48). В ушах воинов из Юйхуанмяо, как и на оленных камнях, были кольцевидные серьги с бусинами-подвесками (Волков, 1981. С. 86). На шее воинов находились ожерелья из бусин, пекторали или заменявшие их шейные бляхи в виде лошади или тигра. У камней монголо-забайкальского типа (тип I) совпадают набор и расположение оружия на ранних этапах Юйхуанмяо: топоры (клевцы, кельты) находились справа, а кинжалы слева; кинжалы и ножи составляли пары; гориты (колчаны) часто находились с топорами. Почти по всем этим особенностям ранние захоронения в Юйхуанмяо и камни типа I характерны для восточной общности и отличаются от культур, существовавших западней. Как видим, круг аналогий между расположением инвентаря и украшений в Юйхуанмяо и на оленных камнях довольно широк. Очевидно, что среди основателей культуры юйхуанмяо было значительное количество выходцев из кочевой среды восточной части Монголии и Забайкалья, где были распространены оленные камни монголо-забайкальского типа, погребения дворцового и коргантасского типов с подобным обрядом, украшениями, сбруйными деталями и оружием.

Таким образом, рассматривая взаимосвязанные культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» и юйхуанмяо в Северном Китае, мы должны учитывать, по меньшей мере, три источника их формирования: 1) местную культуру скотоводов; 2) влияние северных кочевников (в Юйхуанмяо приход значительных групп населения); 3) влияние китайской культуры, включающей культуры *чжуньюань* Центральной равнины, царства Янь и некоторых других. С достаточной уверенностью можно полагать, что культура «верхнего слоя Сяцзядянь», воспринявшая в IX–VIII вв. до н. э. звериный стиль в результате контактов с Монголией, становится первым скифоидным образованием на территории

Северного Китая. На основе этой культуры и пришедших «северных кочевников» во второй половине VII в. до н. э. формируется культура юйхуанмяо. Ареал ее располагался непосредственно к северу от границ царства Янь и частично перекрывал ареал трансформирующейся и угасающей культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» (рис. 1).

Подводя итог обзору ранних культур Северного Китая, обратим внимание на материалы недавно исследованного в Синьцзяне крупного могильника Мохучахань, датируемого IX–VIII вв. до н. э. (Чжан Тенань и др., 2016; Шульга П., Шульга Д., 2020б). Почти весь инвентарный комплекс могильника имеет переходный облик от бронзы к раннему железу; звериный стиль не зафиксирован. Однако в Мохучахань имеются детали уздечек с бронзовыми и роговыми псалями аржанского типа, которые типологически выглядят более ранними, чем в Аржане-1 (рис. 5, 1–8) (Чугунов, 2018. С. 274; Шульга П., Шульга Д., 2020б. С. 76). Фактически с раннескифскими памятниками Мохучахань сближают только хронология и форма этих специфических псалий и, отчасти, удил. Вместе с тем этот памятник по погребальному обряду и керамике, несомненно, относится к известной скифоидной культуре чауху, ранее датированной VIII–VI вв. до н. э. (Худяков, Комиссаров, 2002; Комиссаров, 2011; Шульга, 2010; Шульга П., Шульга Д., 2020б. С. 61–78). Подобную связь мы наблюдаем между культурами «верхнего слоя Сяцзядянь» и юйхуанмяо. В культуре «верхнего слоя Сяцзядянь» к скифской триаде относится только звериный стиль, но она является основой формирования последующей скифоидной культуры юйхуанмяо. Иными словами, в погребениях типа наньшаньгэнь в Северном Китае и в могильнике Мохучахань в Синьцзяне фиксируется самый ранний этап формирования в IX–VIII вв. до н. э. культур раннескифского облика. К подобным памятникам, по-видимому, может быть отнесен и Аржан-1, в материалах которого также просматривается наследие позднего бронзового века (Смирнов, 2012; 2015; Савинов, 2017. С. 43). Все это служит значимым подтверждением концепции Д. Г. Савинова относительно формирования раннескифского культурного комплекса. По наблюдениям исследователя, «ни в одной культуре предшествующего времени типологических предшественников подобного рода изделий «в полном наборе» до сих пор не обнаружено» (Савинов, 2018. С. 92). Вместе с тем «РСКК, классическим выражением которого стала "скифская триада", сформированная на территории Северного Китая» (Савинов, 2018. С. 92).

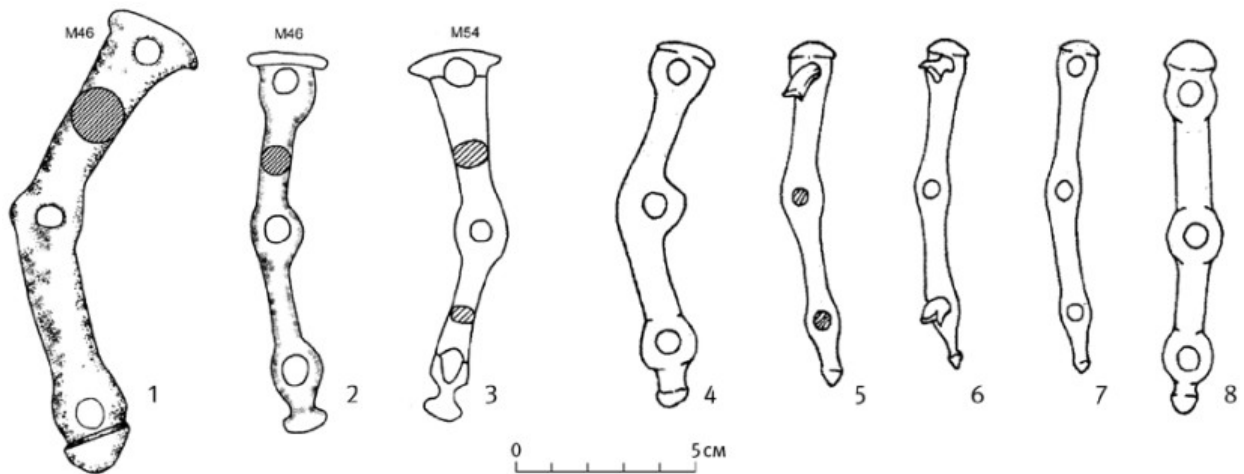

РИС. 5. Псалии аржанского типа: 1–3 – могильник Мохучахань; 4–8 – курган Аржан-1 (по: Грязнов, 1980. Рис. 30, 2–5, 18; Шульга П., Шульга Д., 2020б. Рис. 113).

1 – рог, 2–8 – бронза

FIG. 5. Arzhan-type psalia: 1–3 – Mohuchahan burial ground; 4–8 – mound Arzhan-1 (after Грязнов, 1980. Рис. 30, 2–5, 18; Шульга П., Шульга Д., 2020б. Рис. 113).

1 – horn, 2–8 – bronze

ровался на определенном историческом этапе из разных компонентов, каждый из которых имеет свой генезис. Значительную роль при этом, несомненно, сыграло соседство Древнекитайской цивилизации...» (Там же. С. 94).

В первой половине VI в. до н. э. северный компонент на могильнике Юйхуанмяо внезапно полностью исчезает, и культура угасает в V в. до н. э. Вместе с тем в VI в. до н. э. часть населения культуры юйхуанмяо перемещается примерно на 300 км западней, где у оз. Дайхай на ее основе складывается культура маоцингоу VI–IV(III) вв. до н. э. (рис. 1). При этом в ее формировании участвовали пред-

ставители двух основных культур, находившихся к югу от Ордоса (культура янлан) и в Ганьсу (культура шацзин) (Шульга и др., 2014). Следует отметить, что у оз. Дайхай на могильнике Синьдяньцзы культуры маоцингоу представлены изделия, синхронные этапам 1–3 могильника Юйхуанмяо (Шульга Д., Шульга П., 2018). Вполне вероятно, что небольшие группы населения с культурой типа юйхуанмяо продвинулись к западу в район оз. Дайхай еще в конце VII – начале VI в. до н. э. На территории к югу и юго-западу – в Ордосе, Нинься и в Ганьсу – памятники раннекифского облика IX–VII вв. пока не выявлены.

Литература

- Барфилд, 2009 – Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / Пер.: Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д. В. Рухлядева. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. 488 с.
- Бейсенов, 1996 – Бейсенов А. З. Коргантасские погребения конца I тыс. до н. э. Центрального Казахстана и проблема изучения головных внутримогильных жертвенников // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: Тезисы докладов. Ч. I / Отв. ред. С. В. Данилов. Улан-Удэ: б. и., 1996. С. 89–94.
- Богданов, 2006 – Богданов Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.
- Богданов, 2011 – Богданов Е. С. Образы свернувшегося и припавшего к земле хищника, оленя «на цыпочках» в контексте зарождения скифо-сибирского искусства // «Terra Scythica»: Мат-лы междунар. симпозиума «Terra Scythica» / Отв. ред.: В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 23–28.
- Волков, 1981 – Волков В. В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 254 с.
- Волков, 2001 – Волков В. В. Ранние кочевники Северной Монголии // Мировоззрение древнего населения Евразии: Сб. статей к 70-летию М. Ф. Косарева / Отв. ред. М. А. Дэвлет. М.: ТОО «Старый сад», 2001. С. 330–354.
- Волков, 2002 – Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- Грязнов, 1980 – Грязнов М. П. Аржан: Царский курган раннекифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.

- Грязнов, 1983 — Грязнов М. П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1983. Вып. 12. С. 3–18.
- Кан Ин Ук, 2011 — Кан Ин Ук. Распространение звериного стиля в I тыс. до н. э. на территории провинции Ляонин (КНР) и Корейского полуострова в связи с культурой бронзовых скрипковидных кинжалов // «Terra Scythica»: Мат-лы междунар. симпозиума «Terra Scythica» / Отв. ред.: В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 82–96.
- Ковалёв, 1998 — Ковалёв А. А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: РИЦ «Культ-информ-пресс», 1998. С. 122–131.
- Комиссаров, 1987 — Комиссаров С. А. Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сяцзядянь // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред.: В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 39–53.
- Комиссаров, 2011 — Комиссаров С. А. Культура чауху — центральная культура скифской эпохи на территории Синьцзяна (КНР) // «Terra Scythica»: Мат-лы междунар. симпозиума «Terra Scythica» / Отв. ред.: В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 121–129.
- Крюков и др., 1978 — Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978. С. 343.
- Савинов, 1994 — Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
- Савинов, 2017 — Савинов Д. Г. Нуклеарное искусство звериного стиля // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 28–49.
- Савинов, 2018 — Савинов Д. Г. К теории образования скифо-сибирского культурного пространства // Записки ИИМК РАН. 2018. № 19. С. 91–102.
- Смирнов, 2012 — Смирнов Н. Ю. Западные компоненты в культуре ранних кочевников Саяно-Алтайского нагорья (VIII–V вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. 25 с.
- Смирнов, 2015 — Смирнов Н. Ю. Курган Аржан-1, Волго-Камье и Северный Кавказ: неочевидные связи // ПА. 2015. № 2 (12). С. 104–113.
- Фань Вэнь-лань, 1958 — Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая: От первобытнообщинного строя до образования централизованного феодального государства. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 298 с.
- Худяков, Комиссаров, 2002 — Худяков Ю. С., Комиссаров С. А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2002. 156 с.
- Членова, 1976 — Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976. 104 с.
- Членова, 1993 — Членова Н. Л. О поздней дате карасукских бронз в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордосе // ПАВ. 1993. Вып. 4. С. 31–69.
- Чугунов, 2018 — Чугунов К. В. Трансконтинентальные связи Европы и Азии в предскифское время: старые проблемы и новые данные // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье / Отв. ред. У. Ю. Кочкаров. Карачаевск, 2018. С. 272–275.
- Шульга, 2010 — Шульга П. И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.
- Шульга, 2013 — Шульга П. И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н. М. Мартыанова). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2013. 149 с.
- Шульга, 2015 — Шульга П. И. Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до нашей эры). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 304 с.
- Шульга Д., Шульга П., 2017 — Шульга Д. П., Шульга П. И. Проникновение пазырыкской культуры в Синьцзян // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 4. С. 24–29.
- Шульга Д., Шульга П., 2018 — Шульга Д. П., Шульга П. И. Данные о формировании культуры маоцингоу (Северный Китай) // Вестник ТомГУ. История. 2018. № 54. С. 166–168.
- Шульга П., Шульга Д., 2020а — Шульга П. И., Шульга Д. П. О миграциях ранних кочевников в Китае и на соседних территориях // Stratum plus. 2020. № 3: Война и пир в кочевой степи. С. 15–30.
- Шульга П., Шульга Д., 2020б — Шульга П. И., Шульга Д. П. Могильник Мохучахань культуры чауху в предгорьях Тянь-Шаня (Синьцзян, Китай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. 259 с.
- Шульга и др., 2014 — Шульга П. И., Шульга Д. П., Гирченко Е. А. Происхождение скифоидной культуры маоцингоу (Северный Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. Т. XX. С. 321–324.
- Энхтөр и др., 2020 — Энхтөр А., Мөнхтулга Р., Хүрэлсүх С., Мөнхбаяр Л., Батбаяр Т., Батболд Г., Эрдэнэ Б. Архангай аймгийн Батцэнгэлээс Өгийнуур чиглэлийн автозамын трассын дагуу явуулсан археологийн авран хамгаалах малтлага судалгааны товч үр дүн // Монголын Археологи — 2020. Улаанбаатар: б. и., 2020. С. 15–23 (на монг. яз.).
- Bunker, 1997 — Bunker E. C. Ancient bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York: Abrams, 1997. 373 p.
- Jianhua Yang et al., 2020 — Jianhua Yang, Huiqiu Shao, Ling Pan. The Metal Road of the Eastern Eurasian Steppe. The Formation of the Xiongnu Confederation and the Silk Road. Singapore: Springer, 2020. 640 p.
- Kovalev, 1992 — Kovalev A. «Karasuk-Dolche», Hirschsteine und die Nomaden der chinesischen Annalen im Altertum // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region — Innere Mongolei / Nach der Veröffentlichung von T. Guangjin, G. Suxin; beschrieben und kommentiert von T. O. Höllmann, G. W. Kossack; unter Mitarbeit und mit Beiträgen von K. Jettmar et al. Mainz am Rhein: von Zabern, 1992. S. 46–87. (Materialien zur Allgemeinen und Vergleichbaren Archäologie; Bd. 50).
- Psarras, 1999 — Psarras S.-K. Upper Xiajiadian // Monumenta Serica. 1999. Vol. 47. P. 1–126.

На китайском языке

- Лю Госян, 2000 — Лю Госян. Сяцзядянь шанцэн вэньхуа цинтунци яньцзю [刘国祥. 夏家店上层文化青铜器研究 // 考古学报2000年第4期]. Исследования бронзовых артефактов культуры верхнего слоя Сяцзядянь // Каогусюэбао. 2000. № 4. С. 451–500.
- Могильники..., 2007 — Могильники в горах Цзюньдуншань: Юйхуанмяо / Труды Пекинского городского института культурного наследия. Пекин: Вэнь У чубаньшэ, 2007. 1660 с., 449 табл. (в 4 т.) [北京市文物研究所编. 军都山墓地: 玉皇庙. 北京: 文物出版社, 2007.10].
- Могильники..., 2010 — Могильники в горах Цзюньдуншань: Хулугоу и Силянгуан // Труды Пекинского городского института культурного наследия. Пекин: Вэнь У чубаньшэ, 2010. 850 с., 114 табл. (в 2 т.) [军都山墓地. 葫芦沟与西梁沟/北京市文物研究所编著. 一北京: 文物出版社, 2010.1].
- У Энь, 2007 — У Энь (Уэньюэсыту). Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века [乌恩岳斯图. 北方草原考古学文化研究: 青铜时代至早期铁器时代北京: 科学出版社] Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2007. 386 с.
- У Энь, 2008 — У Энь (Уэньюэсыту). Бэйфанцао юань каогу сюэвэнь хуабичэяо яньцзю — цинтун шидай чжицаоци сюнну шици [乌恩岳斯图. 北方草原考古学文化比较研究-青铜时代至早期匈奴时期] Сравнительные исследования археологических культур северных степей: С эпохи бронзы до периода ранних сюнну. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2008. 364 с.
- Цзинь Дуньби, 2018 — Цзинь Дуньби. Юйхуанмяо вэньхуа цинтунци яньцзю [金东一. 玉皇庙文化青铜器研究. 长春: 吉林大学 (博士论文). 2018]. Исследование бронзовых изделий культуры Юйхуанмяо (диссертация на степень PhD). Чанчунь: Цилиньский ун-т, 2018. 252 с.
- Чжан Тенань и др., 2016 — Чжан Тенань, Алифуцзян Нияз, Тань Нинчжи. Синьцзян Мохучахань муди [张铁男、阿里甫江·尼亚孜、谈宁执. 新疆莫呼查汗墓地. 北京: 科学出版社, 2016]. Могильник Мохучахань в Синьцзяне. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2016. 410 с.
- Чжао Шаоцзюнь, 2018 — Чжао Шаоцзюнь. Сяцзядянь шанцэн вэньхуа ши гоу муцзан чубу яньцзю [赵少军. 夏家店上层文化石构墓葬初步研究 // 地域文化研究 2018第2期]. Предварительные исследования каменных гробниц культуры верхнего слоя Сяцзядянь // Диюй вэньхуа яньцзю. 2018. № 2. С. 90–106.
- Ян Цзяньхуа, 2004 — Ян Цзяньхуа. Чуньцзю Чжаньго шици Чжунго бэйфан вэньхуадай дэ синчэн [杨建华. 春秋战国时期中国北方文化带的形成]. Формирование археологических культур северного пояса Китая в периоды Чуньцзю и Чжаньго. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. 219 с.

Northern China the earliest Scythian-like cultures**P. I. Shulga**

The article considers the materials of Northern China the earliest Scythian-like cultures — the “Upper Xiajiadian culture” of the 11th–7th centuries BC and the Yuhuangmiao of the middle of the 7th–6th centuries BC. To date, a large amount of material has been accumulated on Xinjiang and Northern China territory, which in general allows to reconstruct the ethno-cultural situation among Northern China pastoralists in the 9th–3rd centuries BC. The Scythian-like cultures formation and transformation process in North China is as follows. The “Xiajiadian upper layer” culture is the earliest. There, in sites like Nanshangen (9th–8th centuries BC) already established animal style images were

recorded for the first time. On this basis, by the middle of the 7th century BC with the participation of nomadic Mongoloid tribes the Yuhuangmiao culture is taking shape on the Yan Chinese kingdom northern border (Fig. 1). This culture population was gradually “Chineseizing”, but in the second half of the 6th century BC part of it, which retained ties with the “northern nomads” migrated 250–300 km west to Ordos in the Lake Daihai area. It is possible that the Daihai lake inhabited by Yuhuangmiao culture representatives from the 7th century BC. On this basis, in the 6th–5th centuries BC the Maoqinggou culture, which partially adopted the aliens from the Yanglangg and Shajing cultures formed there.

Тасмолинский курган с каменными изваяниями в могильнике Кызылжартаc¹

А. З. Бейсенов²

АННОТАЦИЯ. К настоящему времени известно более 20 каменных изваяний, относящихся к тасмолинской культуре Центрального Казахстана (VIII–V вв. до н. э.), некоторые из них были открыты и исследованы автором. Новые каменные изваяния найдены в 2020 г. при раскопках кургана № 1 могильника Кызылжартаc, который находится на территории Шетского района Карагандинской области. В статье приводятся предварительные данные исследования этого кургана, диаметр которого составил 37 м, диаметр круглой ограды — 56 м. В ходе работ 2020 г. был раскопан восточный сектор памятника. Под земляной насыпью кургана находились три каменных изваяния, еще одно было установлено в дромосе. По мнению автора, три изваяния изображают мужчин, одно является женским. Захоронение ограблено в древности. Возле могильной ямы найден железный топор длиной 21 см и весом 1,7 кг. В могиле находилась часть костей скелета человека. Ниже коленного сустава были найдены свыше 300 мелких золотых украшений. Находки, а также особенности устройства и параметры кургана свидетельствуют о том, что здесь погребен представитель элиты тасмолинского общества. Курган датируется VII–V вв. до н. э.

ANNOTATION. To date, about 20 stone statues are known belonging to the Tasmola culture of Central Kazakhstan (8th–5th centuries BC). Including some of them were discovered during the research of the author. New stone statues were found in 2020 during excavations of kurgan 1 of the Kyzylzhartas burial ground, which is located on the territory of the Shet district of the Karaganda region. The report provides preliminary data from the study of this mound. Its diameter is 37 m, the diameter of the circular fence is 56 m. During the work in 2020, the eastern sector of the monument was excavated. There were three stone statues under the earthen mound, and one more was installed in the dromos. According to the author, three statues depict men, one is female. The burial was robbed in antiquity. An iron ax 21 cm long and 1.7 kg in weight was found near the grave pit. The grave contained part of the bones of the human skeleton. Over 300 small gold ornaments were found below the knee joint. The finds, as well as features of the construction and parameters of the mound, indicate that a representative of the elite of the Tasmolinian society is buried here. The mound dates on the period of the 7th–5th centuries BC.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Центральный Казахстан, тасмолинская культура, курган, ограда, дромос, каменные изваяния.

KEYWORDS: Central Kazakhstan, Tasmola culture, kurgan, fence, dromos, stone sculptures.

Могильник Кызылжартаc находится на территории Шетского района Карагандинской области, в 10 км северо-восточнее села Талды, в левобережной части долины р. Талдынура, в среднем ее течении. В статье приведены предварительные данные о результатах исследования кургана № 1, раскопки восточной части которого произведены в полевом сезоне 2020 г. Полученные материалы позволили отнести комплекс к памятникам тасмолинской культуры, которая в настоящее время датируется VIII–V вв. до н. э. (Beisenov et al., 2016). Исследования на кургане не завершены, автор надеется продолжить работы на памятнике в ближайшее время.

Могильник Кызылжартаc состоит из двух крупных курганов, вытянутых по линии ЗЮЗ–ВСВ

(рис. 1), и одной малой насыпи, скорее всего относящейся к другой исторической эпохе. Исследованный курган № 1 расположен на востоке. Его диаметр — 37 м, высота — 1,75 м, диаметр большой ограды, составленной из двух рядов вертикально вкопанных плит, — 56 м. Курган № 2 (диаметр — 35 м, высота — 2,5 м) расположен на расстоянии около 10 м от первого, у него отсутствует большая ограда, но имеется ров шириной около 3–4 м; центр насыпи значительно поврежден. Курган № 3 (диаметр — 7 м, высота — 0,3 м) находится в 15 м юго-восточнее кургана № 1.

В 2020 г. был исследован весь восточный сектор кургана № 1, включая большую ограду (рис. 1, б), вскрыта могильная яма с большим дромосом, направленным на В–СВ. Работы производились полностью вручную. Расчищенные участки большой ограды (рис. 2, 1–6) и крепиды, окаймляющей земляную насыпь (рис. 2, 7–9), не разбирались с целью проведения последующей музеефикации. Три каменных изваяния (рис. 3) находились под

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Министерства образования и науки РК, проект AP08857177.

² 050008, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Жамбула, д. 175, кв. 61. Научно-исследовательский центр истории и археологии Бегазы-Тасмола.
Адрес электронной почты: azbeisenov@mail.ru.

РИС. 1. Курганы могильника Кызылжартас. Начало исследования

FIG. 1. Kurgans of the cemetery of Kyzylzhartas. Beginning of the studies

насыпью, еще одно — в дромосе. Фиксация стратиграфии насыпи (рис. 4) производилась с помощью одного основного профиля (А–В), проходящего по линии С–Ю через центр кургана, и второго дополнительного (В–Г), проходящего от центра на восток. Соответственно, раскопки проводились послойно по двум секторам: северо-восточному и юго-восточному. Раскоп был разбит с полным охватом участков большой ограды, включая полосу земли за плитами шириной 1 м.

Раскопки показали³, что для сооружения большой ограды были использованы крупные плиты, которые устанавливались вертикально, «на ребро». Наибольшая длина плит составляет от 1,3 м до 1,8 м (рис. 2, 1): такие крупные плиты выступают над современной дневной поверхностью на высоту до

0,35 м. Самые маленькие плиты имеют длину около 0,4–0,5 м и выступают над землей на 0,05–0,1 м. На всем протяжении ограды наблюдается особая система установки плит: они вкопаны в грунт таким образом, что образуют два строго параллельных ряда. С учетом наклона плит наружу, максимальная ширина ограды составляет 1,3–1,5 м. При этом, судя по взаиморасположению нижней части плит на наиболее сохранившихся участках, первоначальная ширина ограды составляла 0,7–1 м (рис. 2, 2, 3). Внутреннее пространство ограды было заполнено мелкими камнями, забутовка хорошо сохранилась на восточном участке, к северу и югу плотность забутовки снижается и она сходит на нет. Возможно, такой порядок забутовки ограды был задуман строителями кургана, или камни были выбраны из нее уже в ходе строительства второго кургана, находящегося с западной стороны. Исследование западного сектора кургана будет способствовать выяснению этого и ряда других важных вопросов.

Для изучения особенностей установки плит на одном участке ограды в юго-восточном секторе был разбит раскоп размерами 1,6 × 1,2 м (рис. 2, 3, 4). В результате раскопок выявлено, что два ряда плит были установлены внутри вырытой с уровня древней дневной поверхности траншеи шириной не менее 0,7–0,8 м. Причем плиты ставились внутрь, вплотную к ее краям, а затем оставшееся пространство заполнялось вынутой ранее землей, поверх которой укладывались камни забутовки, преимущественно в два слоя. Верхний, плотно уложенный слой камней распирает плиты, не позволяя им заваливаться внутрь ограды, однако вследствие именно этого фактора многие плиты ограды имеют наклон наружу. Раскопки показали, что нижние края плит углублены в землю на 0,2–0,27 м.

К настоящему моменту изучены многие курганы, где сохранились большие наружные ограды, составленные из вертикально установленных плит (есть также ограды из горизонтальных плит), но описанные выше особенности ограды тасмолинских элитных курганов автором встречены впервые. В определенной степени с этой традицией можно сопоставить конструктивные особенности оград, выявленные нами на двух других памятниках. В кургане № 1 могильника Кызылшилик исследована ограда из одного ряда плит, установленных «на ребро» в узкой траншее (Бейсенов, Касеналин, 2018). Двойная ограда изучена в кургане № 2 могильника Нуркен-2 (Бейсенов, 2007), в ограде ко-

³ Автор выражает признательность Д. Шашенову, Д. Дуйсенбаю, И. Ахиярову, Н. Джуманазарову, принявшим активное участие в исследовании памятника и оказавшим помощь в подготовке настоящей статьи.

РИС. 2. Кызылжартас, курган № 1: 1-6 – виды ограды; 7-9 – виды крепиды
 FIG. 2. Kyzylzhartas, kurgan No. 1: 1-6 – types of the fence; 7-9 – types of crepis

торого, в отличие от рассматриваемого в настоящей статье кургана № 1 могильника Кызылжартас, два ряда плит были установлены в две параллельных траншеи. Мы продолжаем придерживаться мнения о том, что такие ограды, одинарные или двойные, находящиеся на значительном расстоянии от насыпи, в целом характерны для раннего этапа тасмолинской культуры, хотя полной уверенности в этом нет. Вместе с тем, нам известны исследованные курганы, без сомнения относящиеся к раннему этапу культуры, имеющие крупные размеры и являющиеся местами погребения знати, но, притом, не обладающие большими внешними оградками, как, например, курганы могильника Талды-2.

Яркой особенностью оформления пространства вокруг рассматриваемого кургана является наличие слоя из крупного щебня, насыпанного вдоль вну-

тренней стороны ограды, – в виде полосы шириной 3,5–4 м (рис. 2, 5, 6). На вскрытой площади щебень, лежащий в 1–2 слоя, прослеживается равномерно по всей окружности ограды. Вплотную к плитам ограды фиксируется некоторое утолщение щебенчатой насыпи: здесь камни залегают в 2–3 слоя.

На восточной стороне кургана, за оградой, на расстоянии 2 м от нее находится жертвенник в виде сформированной каменно-земляной полосы длиной 11 м и шириной 6 м, ориентированной по линии С-Ю. На протяжении этой полосы, частично разрушенной распашками, фиксировались не менее трех округлых «звеньев», которые выделялись лишь небольшим возвышением. Автором уже рассматривались некоторые особенности тасмолинских прикурганых жертвенников, которые встречаются как в виде отдельных сооружений

РИС. 3. Кызылжартас, курган № 1: 1, 2 – изваяния № 1, 2; 3 – изваяние № 3

Fig. 3. Kyzylzhartas, kurgan No. 1: 1, 2 – sculptures Nos. 1, 2; 3 – sculpture No. 3

круглой, овальной или прямоугольной форм, так и в виде вышеуказанной полосы (Бейсенов, 2015б). На южной оконечности жертвенника был заложен раскоп размерами 6 × 4 м для изучения округлой ограды (диаметр – 3,5 м), которая была сложена из плоских плит, уложенных на древний горизонт. Находки отсутствовали. В будущем планируется полное вскрытие всей площади жертвенника.

Жертвенники, располагающиеся в прикурганном пространстве и имеющие вид каменных «кругов», «колец», «оград» и «выкладок», широко распространены в регионах скифо-сакского мира (Тишкин, Шелепова, 2006; Савинов, 2012). Такие сооружения, а также их более сложные варианты, в состав которых входят менгиры и оленные камни, остаются малоисследованными, однако в настоя-

щее время общепризнана важность изучения прикурганных жертвенников.

Крепида насыпи (рис. 2, 7–9) зафиксирована в ходе исследования восточного сектора. Как и на многих других тасмолинских курганах, ее покрывал нижний край каменного слоя, нередко называемого в описаниях «панцирем». Замечено, что довольно часто в курганах тасмолинской культуры, обычно в относительно крупных и земляных, этот слой укладывался по всему кургану, кроме его вершины, на которой оставляется пространство округлой формы, не заполненное камнями. Такое состояние насыпи не связано с ограблением курганов, но до сих пор неизвестна причина подобного устройства насыпи. Возможно, камень клали с единственной целью – укрепить склоны насыпи, вершина которой в укреплении не нуждалась. Аналогичная ситуация была зафиксирована и на нашем кургане. Каменный слой покрывал только края (склоны) земляной насыпи на ширину от 3,5 до 5–6 м.

Диаметр крепида кургана составляет 34 м, ее ширина – 1–1,3 м, высота – 0,2–0,35 м. Крепида составлена из двух рядов уложенных плашмя крупных камней длиной до 0,5–0,7 м, пространство между которыми (шириной около 0,7–0,8 м) забутовано мелким камнем в 2–3 слоя (рис. 2, 9). По-видимому, строители кургана специально подбирали соответствующие камни для разных участков сооружения. Для ограды необходимы были плоские плиты относительно прямоугольных форм или же с одной прямой гранью, толщиной около 0,1–0,15 м. Каменный слой, опоясывающий склоны насыпи, состоит из разных обломков плит средней величины, преимущественно уплощенного сечения, размерами в среднем около 0,3–0,4 × 0,2–0,3 × 0,1–0,15 м. Для сооружения крепида использованы другие типы камней: продолговатой формы брусковидного или валунообразного сечения, но с одной уплощенной плоскостью. Такие камни составляют основу конструкции, образуя два довольно правильных ряда, с аккуратной стыковкой торцов. В забутовке использованы и обломки плит, но, вместе с тем, немало камней подквадратных и округлых в сечении.

С внешней стороны крепида, под дерном, находится довольно плотный слой, состоящий из сулинка и щебня. Он был сложен в виде окольцовывающей курган полосы шириной 1,2–1,5 м. Наибольшая мощность этого слоя, фиксируемая сразу за крепидой, достигает 0,2–0,25 м. Щебень исполь-

зовался тот же, что был зафиксирован вдоль ограды. В обоих случаях заметен одинаковый принцип засыпки: несколько слоев щебня укладывали непосредственно возле самой конструкции (ограда, крепиды), с целью наибольшего уплотнения этого участка, далее этот слой явно становится тоньше. Вероятно, одновременно с этим принципом укладки соблюдался и другой. Ширина покрытой щебнем полосы возле ограды — до 4 м, возле крепиды — до 1,5 м. Стоит отметить, что полусферическая насыпь со склонами, покрытыми камнями, большая двойная ограда, забутованная мелким камнем, две кольцевые полосы из равномерно уложенного щебня — все это должно было придавать кургану монументальный вид.

В северо-восточном секторе находились каменные изваяния № 1 и № 2, использованные в крепиде. Изваяния касались друг друга нижними концами, а верхними были направлены в противоположные стороны, по длине образуя один ряд. Первый камень лежал лицевой частью вверх, второй — вниз (рис. 3, 1, 2). В юго-восточном секторе под насыпью было обнаружено изваяние № 3 (рис. 3, 3), которое лежало на боку на 0,5 м выше от уровня древнего горизонта, на расстоянии 2,4 м от крепиды.

В юго-восточном секторе, за крепидой, в 0,5 м от нее, на уровне древнего горизонта было расчищено скопление камней, состоящее из 10 плит средней величины, лежащих в один слой. Оно не связано ни с крепидой, ни с каким-либо другим конструктивным элементом памятника. Нельзя исключать, что камни могли располагаться на месте первоначального нахождения одного из изваяний.

Мощность дернового слоя насыпи на вершине кургана составляет всего 0,05–0,07 м, и увеличивается на склонах, внизу, у крепиды, дерновый слой достигает уже толщины 0,2–0,3 м. Камни укладывались наверху насыпи в один слой, а ниже, рядом с крепидой, уже в 2–3 слоя. Ниже будет описана стратиграфия насыпи, структурные элементы которой отмечены цифровыми индексами (рис. 4, А, Б). Основной слой насыпи — желто-красноватый по цвету суглинок (рис. 4, 1). Наибольшая глубина его залегания достигает 1,95 м. Он сложен валлообразным в сечении кольцом, диаметром около 32 м, имеющим в центральной части овально-продолговатое пространство, ориентированное в широтном направлении и предназначенное для могильной ямы с дромосом. Грунт, по-видимому, брали с по-

верхности древнего горизонта, но ввиду многолетней распашки пространства вокруг памятника поиск предполагаемых мест выборки не представляется возможным. Земляное кольцо, не имеющее на вскрытой площади каких-либо разрывов, соорудили, по всей видимости, после захоронения человека и закрытия могилы и дромоса. В пользу этого говорит то обстоятельство, что конец дромоса (восточная его оконечность) оказался перекрытым этим слоем. Участок под курганной площадкой, занятый засыпанной могилкой с дромосом, не стали заполнять этим же слоем, в чем, видимо, был определен смысл. Овальное пространство внутри земляного вала по верху имело ширину около 6,5 м, а внизу сужалось до 3–4 м. Протяженность его с запада на восток, по-видимому, составляла около 11–12 м. Слои западной оконечности этого участка перемешаны вследствие ограбления кургана.

Таким образом, на определенной стадии сооружения кургана внутри глиняного вала находилось открытое пространство чашеобразного сечения, ориентированное длинной осью с запада на восток. В ходе дальнейших работ в этом месте была вскрыта ограбленная могила с длинным дромосом. В центре профиля А–Б была сделана прирезка в сторону западного сектора, размерами 4 × 6 м.

В стратиграфии указанного пространства внутри кольца заметно другое заполнение, в котором по цвету и структуре выделяются три слоя (рис. 4, 2–4), а также слой выкида из грабительской ямы (рис. 4, 5), довольно четко фиксируемый на профилях.

Выше могильной ямы и дромоса залегает слой (рис. 4, 2), имеющий оттенки от беловато-серого до темно-серого и черного. В свою очередь, он лежит выше каменного покрытия склонов глиняного вала. Этот слой образован кусками дерна с перемешанным грунтом, в том числе с участием речного ила. По структуре и цвету слой разделяется на две части. Зафиксировано, что более однородный слой состоит из кусков дерна, имеет близкий к черному цвет, плотную структуру и залегает преимущественно над дромосом. Наибольшая его мощность составила ~1 м, ширина ~2,5–3 м, длина ~5,7–6 м. Западнее его, над могилкой, стратиграфия кургана нарушена грабительским лазом, однако удалось установить, что здесь использовался смешанный беловато-серый грунт с илом, по структуре комковидный и довольно рыхлый. Здесь, преимущественно в этом слое, а также выше находились камни, уложенные вперемежку с илистой

РИС. 4. Кызылжартас, курган № 1. Профили насыпи: А – юго-восточный сектор; Б – северо-восточный сектор; а – каменные изваяния № 1 и № 2; б – верхняя часть изваяния № 4; в – предполагаемое место установки изваяния

FIG. 4. Kyzylzhartas, kurgan No. 1. Profiles of the mound: А – south-eastern sector; Б – north-eastern sector; а – stone sculptures Nos. 1, 2; б – the upper part of sculpture No. 4; в – presumed place of the installation of the sculpture

глиной. В расположении этих камней какую-то четкую систему выяснить не удалось, за исключением того, что они однозначно были связаны с указанным слоем.

Подобная структура курганной насыпи, при которой в слоях присутствуют дерн, ил и глиняные блоки, хорошо известна по материалам ранее изученных курганов тасмолинской культуры (Талды-2, Серекты-1 и др.), а также в многочислен-

ных памятниках сакского времени Казахстана и всей степной Евразии. Вопрос заключается только в том, в каком виде и в какой части насыпи использовалось подобное сочетание строительного материала.

Следующий слой (рис. 4, 3) залегает поверх предыдущего, имеет темно-серый цвет и однороден по цвету и по структуре. Можно предположить, что указанные два слоя связаны происхождением

строительного материала с речным побережьем, откуда доставлялись куски дерна, илестые массы, возможно не просушенные до конца, а также рыхлый и мягкий грунт, залегавший непосредственно под снятым дерном. Поверх темно-серого грунта, почти заполнившего центральную часть глиняного вала, был досыпан выравнивающий светло-серый слой суглинка (рис. 4, 4), который по цвету и структуре был близок к первому слою. Центр насыпи был нарушен грабительским лазом, темное заполнение которого четко фиксируется в основном профиле (рис. 4, 5).

Оставшаяся часть выкида из могильной ямы и дромоса (рис. 4, 6) была аккуратно сложена в северо-восточном секторе, на уровне древнего горизонта. Примечательно, что валообразный в сечении слой выкида отстоит от дромоса на значительном расстоянии, в 3,5 м, т. е. его изначально старались расположить подальше от вырытой ямы, где предстояло произвести значительный объем работ по установке плит обкладки и большого каменного изваяния.

При вскрытии центрального участка насыпи западнее предполагаемого грабительского лаза, на поверхности фиксировалась небольшая западина, ориентированная по линии СЗ–ЮВ. Здесь находилось впускное погребение, по всей видимости, казахского времени. Скелет, анатомический порядок которого явно нарушен, находился на глубине 0,8 м от верха насыпи. Погребенный был уложен головой на СЗ, с полуоборотом направо, без вещей.

Всего на вскрытой площади найдено 16 фрагментов лепной керамики и более 10 плохо сохранившихся обломков костей животных, в том числе 14 фрагментов керамики обнаружены в северо-восточном секторе (на 0,1–0,7 м выше древнего горизонта), а два фрагмента обнаружены в юго-восточном секторе (на 0,2–0,3 м выше древней дневной поверхности). Основная часть фрагментов найдена в слое глиняного вала, преимущественно вдоль крепиды, с ее внутренней стороны. Девять фрагментов костей животных обнаружены в северо-восточном секторе, три – в юго-восточном.

При расчистке центральной площадки на уровне древнего горизонта выявлено скопление камней, потревоженных грабителями, имеющее округло-овальную форму и размеры ~4,2 × 3,3 × 0,5 м. В восточном направлении от этого скопления находилась полоса камней длиной ~8 м, шириной 1,6 м и высотой 0,4–0,6 м. Фиксировались верхние края

отдельных плит обкладки стен могильной ямы и дромоса, а также верхняя часть изваяния № 4, выступающая на поверхность на 0,6 м (рис. 4, Б). Назначение указанной каменной полосы неизвестно, так как дромос находился не строго под ней, а немного южнее. Около восточной оконечности этой полосы из камней найдено бронзовое шило, лежащее на древнем горизонте.

Могильная яма и дромос длинной осью ориентированы по линии ЗЮЗ–ВСВ (рис. 5, 1, 2, 4). Яма имеет овальную форму, размерами по верху 2,9 × 2,5 м и по низу – 2,4 × 1,45 м; глубина – 1,45 м. Стены могилы, как и стены дромоса, обложены крупными вертикальными плитами. В могилу проникли с запада, со стороны изголовья, разрушив в этом месте плиты обкладки. Перекрытие могилы было полностью разрушено. Заполнение могильной ямы состояло из смешанного грунта с включением крупных обломков плит. В верхней части заполнения найдена расколота нижняя челюсть человека и фрагменты других костей скелета в плохой сохранности. На дне были расчищены кости правой руки, несколько позвонков и кости ног ниже коленного сустава (рис. 5, 4). Судя по расположению этих костей, находившихся в анатомическом порядке, погребенный был ориентирован головой на ЗЮЗ. В районе ног, ниже коленного сустава, найдены мельчайшие детали украшения одежды или обуви, выполненные из золота и какого-то сплава (серебро, золото?). С западной стороны ямы, на 0,25 м выше древнего горизонта, найден фрагмент плечевой кости человека плохой сохранности. Там же на древнем горизонте, на расстоянии 0,37 м от края могилы, находился железный топор (рис. 5, 1, 2).

В дромосе, в заполнении которого также находились крупные плиты и их обломки, на расстоянии 6,2 м от края могилы, вдоль южной стены, было установлено изваяние № 4 (рис. 5, 1–3). Камень стоял лицевой стороной наружу, т. е. на юг. Длина дромоса составляет 9 м, ширина у стен могильной ямы – 1,15 м, ширина в середине – 1,43 м и ширина в конце – 1,15 м. Пол дромоса находится выше дна могильной ямы, и на их стыке образуется ступенька высотой 0,4 м, далее к востоку пол дромоса поднимается с очень незначительным повышением. Глубина, на которой находится пол дромоса: у входа в могильную яму – 1,05 м, в конце – 1 м. Конец дромоса на участке длиной около 1 м заполнен почти доверху чистым слоем материкового щебня с песком. С западной стороны этого участка запол-

РИС. 5. Кызылжартас, курган № 1. Виды могильной ямы и дромоса: *a* – верхняя часть изваяния № 4
 FIG. 5. Kyzylzhartas, kurgan No. 1. Views at the grave pit and dromos: *a* – the upper part of sculpture No. 4

нение другое – перемешанный грунт с камнями разной конфигурации, в том числе и крупными обломками плит. На 0,2 м западнее от того места, где щебнистое заполнение сменяется смешанным грунтом, лежали несколько поперечных камней. Можно предположить, что это было специальное

разделение частей дромоса, однако трудно судить о назначении подобной границы. В этом отсеке уровень наклона пола дромоса изменился: на последнем отрезке длиной 0,8 м он приобретает вид пандуса и идет наклонно, образуя угол примерно в 50–60°.

В дальнейшем появляется ранее не встречавшаяся и любопытная деталь оформления входного участка дромоса. На глубине 0,25 м от уровня древнего горизонта вышеуказанный пандус сужается с обеих сторон и далее, уже имея ширину около 0,9 м, поднимается с дальнейшим же равномерным сужением под небольшим наклоном (под углом 30°). На плане это место имеет форму равнобедренной трапеции длиной 0,7 м, основание которой, шириной 0,9 м, обращено вниз, в дромос, а вершина, шириной 0,5 м, устремлена наклонно вверх наружу на ВСВ. Пол дромоса в этом месте прогнут и нижняя часть хода имеет сечение, близкое к чашевидному. Если последний участок дромоса забит, как было сказано, плотным щебнем, то рассмотренное углубление в форме трапеции заполнено камнями. На уровне древнего горизонта вся площадь этого углубления также заложена камнем. Следует добавить, что процедура оформления входной части дромоса этим не завершилась. Трапециевидный участок заканчивается на глубине 0,05 м от древнего горизонта. Далее к востоку идет еще одно углубление, продолжающее общее направление всей конструкции. Имея в начале ширину около 0,5 м, углубление сужается, а затем расширяется, в целом приобретая бесформенные очертания, и через 0,8 м не фиксируется. С внешней стороны этого углубления, на поверхности, лежат два продолговатых камня длиной до 0,4 м. Таким образом, общая длина указанных углублений в конце дромоса составляет около 1,5 м.

Три найденных под насыпью каменных изваяния первоначально могли стоять в разных местах: вокруг могильной ямы или вдоль крепиды. Они могли быть расположены в районе описанного выше скопления камней возле крепиды, в юго-восточном секторе, но также изваяния могли стоять и у входной части дромоса, на поверхности, например в районе последнего описанного углубления. Их могли установить и непосредственно возле могилы, где также фиксируются скопления плит (рис. 4, Б). После завершения поминальных обрядов или первого этапа похорон и поминок камни могли повалить, чтобы затем использовать как строительный материал при возведении кургана, либо же они просто были засыпаны. Например, в курганах могильников Талды-2 и Нуркен-2 найдены крупные стелы, уложенные в насыпь кургана. Высказано предположение, согласно которому они были связаны с первоначальными конструкциями захоронений, впоследствии закрытыми верхними

слоями (слоем) насыпи, и, в дальнейшем, на следующем этапе строительства кургана, уже повалены (Бейсенов, 2016). Возможно, новые данные Кызылжартаса подтверждают это предположение. В дромосе рассматриваемого кургана отсутствуют такие детали, как материковая перемычка (Бейсенов, 2015а. С. 26–27, рис. 10, 1), вертикальная плита, ограничивающие доступ в могилу, деревянное или плиточное перекрытие, стена-кладка вдоль конструкции, в целом характерные для памятников раннего этапа тасмолинской культуры.

Находки. Бронзовое шило (рис. 6, 1) имеет длину 8,2 см, прямоугольное сечение посередине (со сторонами 4 × 2,5 мм) и заострено с обеих сторон. Мелкие украшения для одежды или обуви состоят из трех групп. Первую составляют 328 золотых обойм прямоугольной формы (рис. 6, 2), стороны которых имеют длину более 2 мм (2,6 × 2,8 мм, 2,4 × 2,5 мм). Обоймы свернуты из тонкого золотого листа в 1,5 оборота так, что внутри образуется уплотненное отверстие шириной около 0,5–0,6 мм. Вторая группа состоит из 18 похожих по форме украшений (рис. 6, 3), отличающихся от предыдущей группы своим темным или черным цветом. Возможно, эти изделия выполнены из какого-то сплава. В третью группу входят 25 золотых спиралей, максимальная длина которых составляет 7,8 мм, диаметр колец — около 1,6 мм.

Железный топор (рис. 7) имеет длину 21 см, вес его в нынешнем виде — 1,7 кг. Диаметр отверстия для рукояти — 2,9 см. Лезвие топора, дугообразно скошенное, сработано в ходе длительного употребления, так же как и противоположная рабочая поверхность тесловидной формы. Изделие сильно корродировало, специальные исследования, в том числе металлографические и другие анализы, еще не проводились.

Относительно керамики, находимой в тасмолинских курганах, автор уже высказывался в предыдущих публикациях (Бейсенов, 2018). Обнаруженные в кургане № 1 могильника Кызылжартас 16 фрагментов лепных сосудов (рис. 8) демонстрируют, что керамика из захоронения морфологически близка посуде, найденной на поселениях (Бейсенов и др., 2017а).

Изваяния. Каменное изваяние № 1 (рис. 9, 1а–1г). Его длина составляет 1,07 м, ширина: внизу — 0,18 м, в середине — 0,26 м, вверху — 0,25 м. Толщина стелы — 0,12 м. Основание неровное, скошено справа налево. На макушке в невысоком рельефе показан шишкообразный выступ, который может

РИС. 6. Кызылжартас, курган № 1. Находки: 1 – бронзовое шило; 2–4 – золотые украшения. Без масштаба, увеличено

FIG. 6. Kyzylhartas, kurgan No. 1. Finds: 1 – bronze awl; 2–4 – gold ornaments. Without scale, magnified

быть интерпретирован как чуб (по поводу этой детали см.: Бейсенов, Ермоленко, 2014; Бейсенов, 2015а; Ермоленко и др., 2015). Длина выступа – 6,6 см, высота – 1,5 см. С обеих сторон от выступа поверхность изваяния хорошо заметно уплощена и зашлифована (рис. 9, 1г). Сам выступ сужается⁴ как кверху, так и в заднюю сторону, и имеет ширину: по низу – 4,6–3,6 см; по верху – 3,7–1,9 см. Глаза изваяния переданы круглыми ямками диаметром 4 см (правый глаз) и 4,5 см (левый глаз), расстояние между ними – 2,3 см. Нос сформирован в невысоком рельефе в виде вертикального выступа длиной 5,8 см, шириной 2,3 см; внизу круглыми ямками диаметром около 1,5 см переданы ноздри. Хорошо раз-

⁴ Автор уже рассматривал такие этнографические разновидности чуба, как «айдар» и «кекил» у казахов (Бейсенов, 2015а. С. 35). Шишковидный выступ этого изваяния явно сужается назад, в сторону затылка. Это дает основание считать, что в данном случае рассматриваемая деталь изваяния подходит именно для сравнения с «айдаром», который ниспадает назад.

РИС. 7. Кызылжартас, курган № 1. Железный топор

FIG. 7. Kyzylhartas, kurgan No. 1. Iron axe

личим рот, обозначенный горизонтальной полосой длиной около 7 см. Ниже рта слабо заметной контррельефной окружностью глубиной около 4–5 мм и диаметром 4 см передана, возможно, борода.

Большие уши овальной формы (рис. 9, 1б, 1в) имеют размеры: левое – 11 × 5,7 см; правое – 9,1 × 5,8 см. Изображение под правым ухом (рис. 9, 1б) нам представляется правомерным трактовать как серьгу. Переданная в неглубоком контррельефе фигура овальных очертаний в середине образует выступ длиной около 4,5 см, имеющий форму обращенного вершиной вниз, а основанием вверх, к уху, вытянутого конуса. Сложная форма и особенности передачи этой «серьги» требуют дополнительного исследования данного участка изваяния. Переход от головы к туловищу изваяния оформлен двумя отдельными почти горизонтальными контррельефными полосами (рис. 9, 1а) шириной 2,5 см и глубиной 5 мм. Они начинаются на боковых

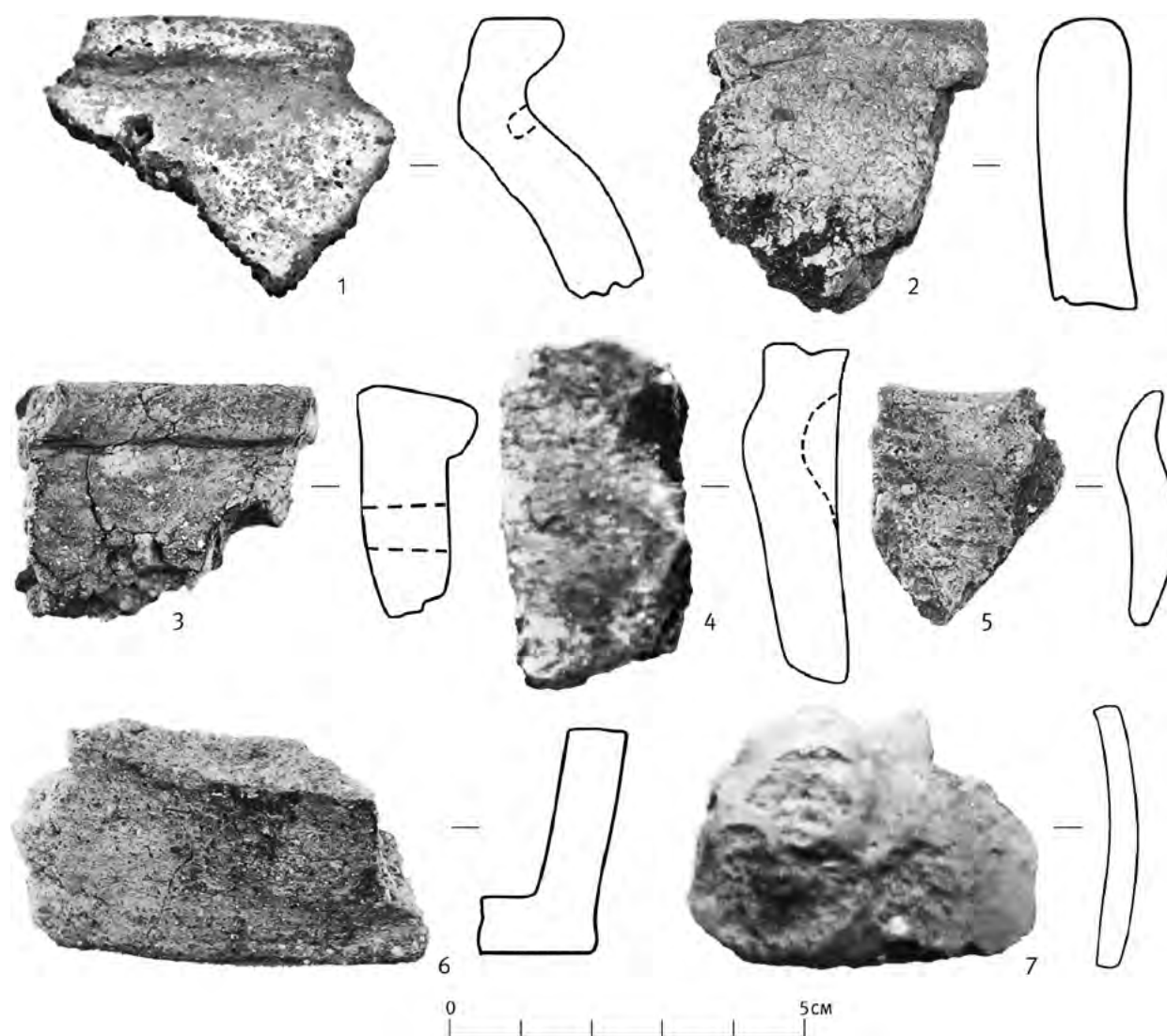

РИС. 8. Кызылжартас, курган № 1. Фрагменты керамики

FIG. 8. Kyzylzhartas, kurgan No. 1. Fragments of pottery

сторонах, а спереди их концы свисают вниз, напоминая отвороты верхней одежды.

Изваяние № 2 (рис. 9, 2, 2а, 2б). Длина камня — 1,17 м, ширина: внизу составляет 0,18 м, в середине — 0,24 м, сверху — 0,2 м. Толщина камня — 0,17 м. Диаметр округлых глаз — 3,5 см, расстояние между ними — 4,5 см. Длина вертикального выступа-носа — 8 см, ширина: сверху — 1,6 см, внизу — 2,6 см. Заметно, что нос изображен с отклонением влево. Ширина рта — 4,8 см. Уши не показаны. Контррельефная полоса, отделяющая голову изваяния от туловища, имеется только спереди. К краям она расширяется до 6 см, в середине — 4 см.

Каменное изваяние № 3 (рис. 9, 3, 3а, 3б). Длина камня 0,93 м, ширина: внизу — 0,1 м, в середине —

0,16 м, сверху — 0,15 м. На макушке изваяния имеется подпрямоугольной формы выступ размерами 7,5 × 6,5 см с ровной поверхностью, который в этом случае автором рассматривается как головной убор женщины (в качестве гипотезы). На овальном лице, подчеркнутым контррельефной выборкой, круглыми углублениями диаметром 3 см переданы глаза и рельефом вертикально расположенный нос, практически переходящий в лоб (8,2 × 2,8 см). Рот не показан. Изображено только одно ухо, левое, овальной формы, размерами 7 × 4,1 см. Переход от головы к туловищу изваяния подчеркнут широкой контррельефной выборкой на передней грани. В отличие от двух предыдущих, это изваяние дополнительно обработано сзади и немного с боков,

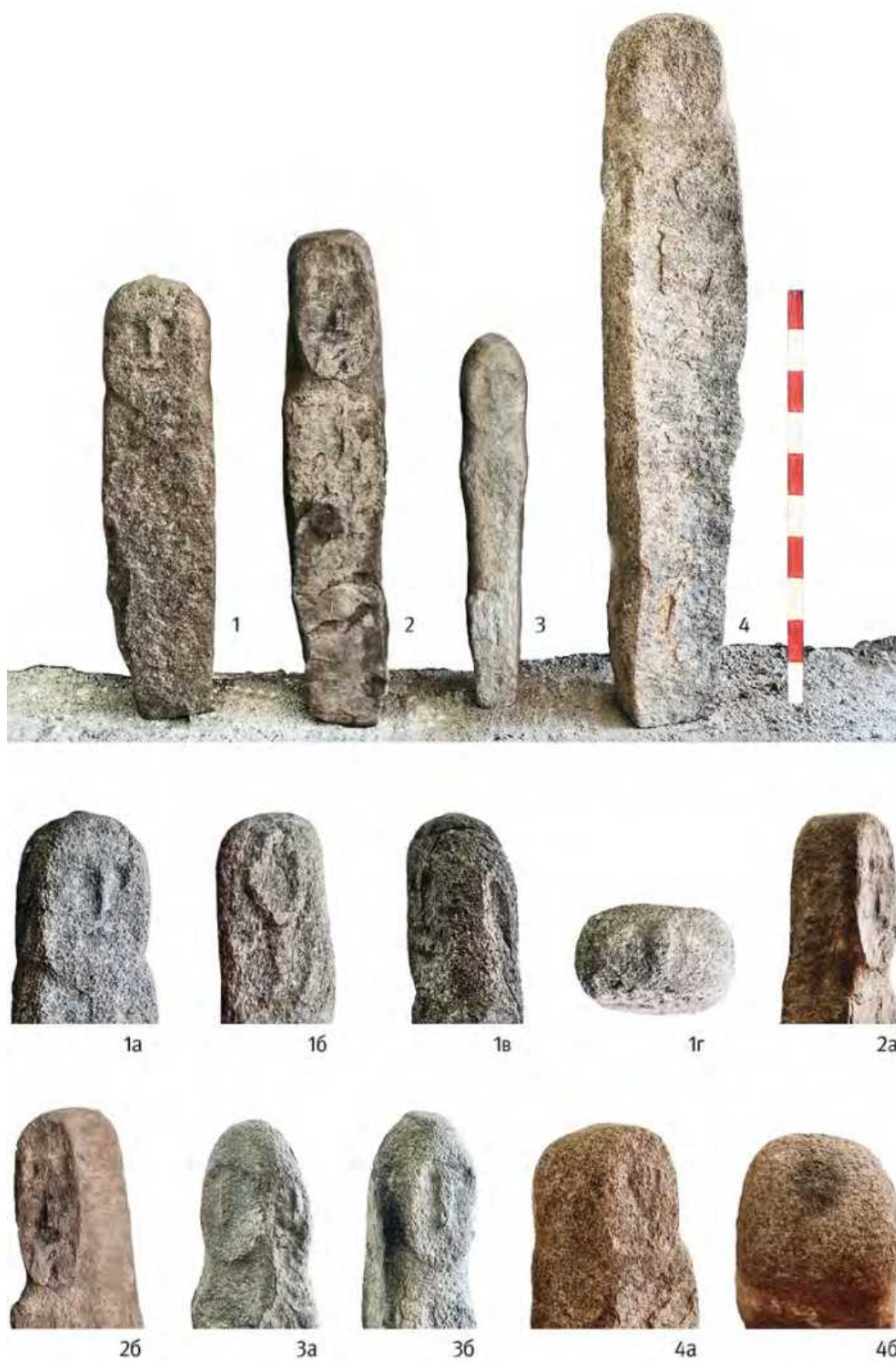

РИС. 9. Кызылжартас, курган № 1. Каменные изваяния: 1, 1а, 1б, 1в, 1г – изваяние № 1; 2, 2а, 2б – изваяние № 2; 3, 3а, 3б – изваяние № 3; 4, 4а, 4б – изваяние № 4. 1а-4б – масштаб разный

FIG. 9. Kyzylhartas, kurgan 1. Stone sculptures: 1, 1a, 1b, 1v, 1g – sculpture No. 1; 2, 2a, 2b – sculpture No. 2; 3, 3a, 3b – sculpture No. 3; 4, 4a, 4b – sculpture No. 4. 1a-4b – the scale is different

что приближает его абрис к фигуре человека. Явные признаки пола отсутствуют, но, учитывая небольшие размеры и изящество исполнения, изваяние, возможно, передает женский образ.

Каменное изваяние № 4 (рис. 9, 4, 4а, 4б). Длина камня – 1,65 м, ширина: внизу – 0,21 м, в середине – 0,27 м, вверху – 0,2 м. Толщина камня – 0,2 м. Макушка изваяния уплощена, причем по середине ее имеется слабо заметная округло-овальная выпуклость размерами 9 × 8 см, которая может рассматриваться как плохо проработанный шишковидный выступ (на фото показан темным цветом). Лицо изваяния имеет подпрямоугольную форму, как и на стелах № 1 и № 2. Показаны оба глаза: левый – 3 × 2,5 см, правый имеет диаметр 2,7 см. От нижнего края углублений, изображающих глаза, вниз отходят две углубленные полосы длиной 12,3 см, образующие знак в виде римской цифры «V». Переход от головы к туловищу изваяния оформлен контррельефной выборкой спереди и с боков шириной 2–3 см.

Три из четырех стел (изваяния № 1, № 2 и № 4), скорее всего, изображают мужчину, тогда как изваяние № 3, возможно, передает женский образ. В целом, четыре новых изваяния существенно пополняют имеющийся фонд статуарных изображений Центрального Казахстана. Они близки типу антропоморфных стел, выделенных среди каменных изваяний Скифии и некоторых других регионов (Ольховский, 2005). Следует также отметить, что по целому ряду черт они обнаруживают близость каменным изваяниям раннего железного века, найденным как в Центральном Казахстане, так и далеко за его пределами⁵.

Мы полагаем, что все четыре изваяния, найденные в кургане № 1 могильника Кызылжарта, связаны с поминальными обрядами, проводимыми древними сообществами долины Талдынуры до возведения насыпи над захоронением. Центральным сюжетом этих обрядов, видимо, было непосредственно погребение усопшего. Можно отметить определенное сходство с традицией установки оленных камней в центральноазиатском регионе и на Кавказе. По мнению Д. Г. Савинова и

ряда других исследователей, оленные камни устанавливались около погребальных сооружений (курганов и иного типа захоронений), в жертвенниках, или же непосредственно в погребениях (Савинов, 1994; Базарбаева, Джумабекова, 2017). В нашем случае камни располагаются не в жертвенниках и не возле погребального сооружения, а именно возле погребения (три камня) и даже внутри погребения (один камень). Особо следует отметить мнение Д. Г. Савинова о том, что большинство оленных камней западного ареала как раз связано непосредственно с погребениями, причем, «мужчин-воинов» (Савинов, 1994. С. 143). Заслуживает пристального внимания и его замечание о том, что «именно от андроновских камней-obelisks следует начинать генезис оленных камней, но не всех, а только связанных с погребениями» (Там же. С. 144). Вертикальные камни сакского времени в виде менгиров, стел, каменных изваяний, исследуемых в казахстанском ареале (Касенова, 2019), напрямую связаны, по мнению автора настоящей статьи, с традициями населения, оставивших андроновскую и бегазы-дандыбаевскую археологические культуры (см. Бобров, 1992). То же самое следует сказать и в отношении жертвенников, сложенных из камня в форме округлых или овальных колец (Бейсенов, 2015б; Варфоломеев, 2017).

В дромосе кургана № 1 могильника Кызылжарта было установлено каменное изваяние (№ 4). При этом верхняя часть камня на высоту 0,6 м выступала над древней дневной поверхностью. Скорее всего, для этих целей строителями кургана было преднамеренно выбрано именно это изваяние (самое тяжелое и неудобное для установки в дромосе). Остальные три изваяния имеют длину всего около 1 м. Таким образом, если бы идея заключалась в установке в дромосе любого изваяния, то подошла бы каждая из этих трех стел, или, по крайней мере, одна из двух мужских. Но как видно из зафиксированной при раскопках ситуации, требовалось изваяние, верхняя часть которого должна была выступать на достаточную высоту над поверхностью у края дромоса (его глубина на этом участке достигает 1,05 м). Указанное обстоятельство подтверждает точку зрения Д. Г. Савинова о том, что установленные в погребении деревянные столбы и стелы, верхняя часть которых выступала на поверхности, «служили связующим звеном между миром мертвых и живых» (Савинов, 1994. С. 144).

⁵ Последние годы регулярно появляются новые материалы и выходят исследования, посвященные древним изваяниям казахстанского региона (Базарбаева, Джумабекова, 2017; Ермоленко, 2018; Касенова, 2019), однако рассмотрение многочисленных вопросов, связанных с этой категорией памятников вообще, а также детальный анализ новых материалов, полученных на Кызылжарта, выходят за рамки настоящей статьи.

Курган № 1 могильника Кызылжартас, несомненно, является могилой представителя тасмолинской элиты. Находки украшений из драгоценных металлов могут указывать на то, что в нем был захоронен один из «Золотых воинов». На данном этапе исследований курган № 1 могильника Кызылжартас предварительно датируется достаточно широко — в рамках VII–V вв. до н. э. Однако в процессе раскопок были отобраны образцы органических материалов для проведения радиоуглеродного анализа, результаты которого, несомненно, будут способствовать уточнению даты памятника. Исследование кургана не завершено. В случае его доследования в ближайшее время новые данные позволят получить более полную картину. Актуальным представляется также исследование кургана № 2 могильника Кызылжартас. Этот объект, находящийся в непосредственной близости от изучаемого памятника, скорее всего, относится к тому же хронологическому периоду.

В заключение нужно отметить, что отсутствие данных о каменных изваяниях тасмолинской культуры в более ранних исследованиях было связано с недостаточным вниманием к памятникам основных районов Казахского мелкосопочника, а также с кратковременным и эпизодическим характером работ в этих районах. Причиной стали объективные трудности тех лет, отсутствие планомерных и целенаправленных исследований в глубинных районах мелкосопочника. Однако, как сейчас ясно, именно с этими территориями связаны памятники тасмолинской культуры, наиболее полно отражающие ее реальное содержание: курганы элиты, поселения, менгиры, каменные изваяния.

Открытые к настоящему моменту каменные изваяния тасмолинской культуры составляют не такую уж малую серию — более 20 stel. С каждым годом появляется новая интересная информация, например, — изваяние, зафиксированное нами в дромосе кургана в Кызылжартасе. Отдаленные аналогии для этого случая пока можно обнаружить только среди оленных камней Синьцзяна (Ковалёв, 2018). Возможно, в будущем мы получим дополнительные материалы для сравнения.

Очевидно, что в настоящее время при поиске тасмолинских менгиров и изваяний необходимо обследовать самые разные, иногда не очевидные места: они могут находиться далеко за пределами кургана, в том числе быть скрытыми степной растительностью, их можно обнаружить в районе

старых кошар и кладбищ и т. д. В качестве показательного примера можно привести недавний полевой опыт автора статьи, обнаружившего осенью 2020 г. древнее изваяние на территории старого казахского кладбища. Исследовательская группа под руководством автора посетила кладбище с целью осмотреть старинную арабографичную надпись на кулпытасе (намогильном камне). Неподалеку от кулпытаса лежало изваяние тасмолинского облика, с шишкообразным выступом на макушке. Оказалось, что в центре кладбища находится группа курганов, насыпи которых были разобраны для строительства позднейших надмогильных конструкций. С этими разрушенными курганами и связано обнаруженное изваяние (в ближайшее время планируется публикация стелы).

Говоря об основных районах Казахского мелкосопочника, особенно перспективных с точки зрения изучения тасмолинской культуры, следует кратко остановиться на особенностях долины Талдынуры, где и расположен исследуемый памятник. Кызылжартас — могильник тасмолинской элиты, и расположение его в долине Талдынуры вполне закономерно, если обратить внимание на историко-топографический фон этой местности.

Долина реки Талдынура — места «маргулановские». Основные памятники долины Талдынуры и прилегающих к ней отрогов горы Кызылтау известны еще со времен работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А. Х. Маргулана (Маргулан, 1979). Начальный отрезок 70-километрового течения Талдынуры, впадающей в Шерубайнуру (ее крупный правый приток), протекает по северным склонам Кызылтау. Далее река течет на ЮЗ, по долине, вдоль северо-западного фаса Кызылтау. В среднем течении реки расположено село Талды, далее на ЮЗ, в сторону села Нураталды, находящегося в 15 км от предыдущего, местность переходит в обширную равнину, окружающую нижнее течение реки. Для округи горы Кызылтау примечательна концентрация древних поселений (Аккезен, Шортандыбулак, Ажар, Байбала-2, Бада и др.), относящихся к эпохе бронзы и раннему железному веку (Маргулан, 1979; Варфоломеев и др., 2018; Косинцев и др., 2020). Имеются здесь и представительные курганы сакского времени.

Как в среднем течении Талдынуры, где находится описываемый в статье могильник, так и ниже по реке расположено значительное количество ярких и высокоинформативных памятников древ-

ности. В 2,8 км восточнее могильника Кызылжартаc расположен известный могильник бегазы-дандыбаевской культуры Каражартаc, где раскопан крупный каменный мавзолей и группа малых оград. В районе Каражартаcа имеются курганы сакского времени, курган с «усами». Юго-восточнее нашего могильника, на левобережье, имеются еще два могильника позднего бронзового века, до ближайшего из них не более 2 км. На расстоянии 1 км к СЗ от Каражартаcа расположен андроновский могильник Сенкибай-1, западнее от него исследован могильник этой же эпохи Сенкибай-2. Юго-западнее, в районе села Нураталды, также отмечается значительная концентрация памятников, в числе которых могильники Нураталды-1, Нураталды-2 и др.

Район интересен и для изучения памятников казахского времени. Много здесь, в первую очередь на склонах Кызылтау, остатков зимовок; вблизи села Талды находится мавзолей батыра XVIII в. Сенкибая Оразгулова. И это далеко не полный перечень открытых к настоящему времени памятников, поиски продолжаются.

В течение последних 10 лет ведутся активные исследования памятников Талдынуры, а в последние годы поиски и раскопки проводятся почти непрерывно. Следует отметить высокую скорость

введения новых данных в научный оборот (Кукушкин и др., 2016; Бейсенов и др., 2017а; 2017б; Ломан и др., 2017; Шашенов, Бейсенов, 2017; Кукушкин и др., 2018; Косинцев и др., 2020; Кукушкин, Дмитриев, 2020). Основную часть археологических исследований долины Талдынуры в течение ряда лет финансирует Карагандинское областное управление культуры. Помимо собственно раскопок памятников, особое внимание уделяется вопросам сохранения и использования историко-культурного наследия, что отражается в проведении работ по рекультивации раскопов, реставрации и восстановлению первоначального облика памятника, созданию охранных зон. Высокий уровень концентрации памятников, наличие дорог, населенных пунктов будут способствовать созданию в ближайшем будущем историко-археологического музея-заповедника, в пределах которого окажутся основные памятники и их группы. Именно в русле этих задач было начато исследование кургана № 1 могильника Кызылжартаc, при раскопках которого со стороны заказчика предписывалось сохранение части насыпи. Планируются музеефикация памятника и ограждение территории; вместе с тем, доисследование кургана остается актуальной задачей ближайшего времени.

Литература

- Базарбаева, Джумабекова, 2017 — Базарбаева Г. А., Джумабекова Г. С. Новое изваяние эпохи ранних кочевников из Тургая // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 2 (19). С. 117–121.
- Бейсенов, 2007 — Бейсенов А. З. Работы на могильнике Нуркен-2 // Историко-культурное наследие Сарыарки / Отв. ред. В. Г. Ломан. Караганда: Изд-во КарГУ, 2007. С. 173–198.
- Бейсенов, 2015а — Бейсенов А. З. Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии / Отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 11–38.
- Бейсенов, 2015б — Бейсенов А. З. Околокурганские жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник ТГУ. История. 2015. № 4 (36). С. 96–104.
- Бейсенов, 2016 — Бейсенов А. З. Каменные изваяния и менгиры сакской эпохи // Вестник Хакасского государственного университета. 2016. № 16. С. 17–22.
- Бейсенов, 2018 — Бейсенов А. З. Тасмолинские погребения могильника Кызыл // Современные решения актуальных проблем Евразийской археологии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. Вып. 2. С. 139–149.
- Бейсенов, Ермоленко, 2014 — Бейсенов А. З., Ермоленко Л. Н. Новые каменные изваяния сакского времени из Сарыарки // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59). Т. 3. С. 36–40.
- Бейсенов, Касеналин, 2018 — Бейсенов А. З., Касеналин А. Е. Тасмолинский могильник Кызылшилик // ТПАИ. 2018. № 4 (24). С. 85–100.
- Бейсенов и др., 2017а — Бейсенов А. З., Кукушкин И. А., Дуйсенбай Д. Б. Каражартаc, могильник // Сакральная география Казахстана: Реестр объектов природы, археологии, этнографии и культовой архитектуры. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. Вып. 1. С. 451–453.
- Бейсенов и др., 2017б — Бейсенов А. З., Шульга П. И., Ломан В. Г. Поселения сакской эпохи. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. 208 с.
- Бобров, 1992 — Бобров В. В. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Евразия от древности до средневековья. Тез. конф. к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб., 1992. С. 54–57.
- Варфоломеев, 2017 — Варфоломеев В. В. Каменные жертвенные кольца на р. Карагайлы в верховьях Ишима // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. ст., посвящ. 70-летию Центрально-Казахстанской археологической экспедиции / Отв. ред.: А. З. Бейсенов, В. Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 90–95.

- Варфоломеев и др.*, 2018 — *Варфоломеев В. В., Кукушкин И. А., Кукушкин А. И., Мәжен Ә. Б., Дмитриев Е. А., Элкей Е. А., Шохатаев О. С.* Археологическая карта Шетского района Карагандинской области. Караганда: Альфапринт, 2018. 173 с.
- Ермоленко*, 2018 — *Ермоленко Л. Н.* Каменные изваяния раннего железного века в западной части азиатских степей // Очерки первобытного искусства Южной Сибири и Центральной Азии (скифская эпоха): [коллективная монография] / Отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2018. С. 99–113.
- Ермоленко и др.*, 2015 — *Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д.* Новые данные о специфической разновидности изваяний сакской эпохи // Вестник КемГУ. 2015. № 1 (61). Т. 3. С. 26–32.
- Касенова*, 2019 — *Касенова А. Д.* История изучения древних и средневековых каменных изваяний Сарыарки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2019. 21 с.
- Ковалёв*, 2018 — *Ковалёв А. А.* Захоронения оленных камней в могилах Синьцзяна — новое подтверждение Синьцзянской гипотезы происхождения европейских оленных камней // «Маргулановские чтения — 2018. Духовная модернизация и археологическое наследие». Сб. мат-лов Междунар. научно-практ. конф. Алматы; Актобе, 2018. С. 255–268.
- Косинцев и др.*, 2020 — *Косинцев П. А., Варфоломеев В. В., Кисагулов А. В.* Новые материалы по животноводству населения Казахского мелкосопочника в конце эпохи бронзы // Маргулановские чтения — 2020: Мат-лы междунар. научно-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2020. Т. 1. С. 169–179.
- Кукушкин и др.*, 2016 — *Кукушкин И. А., Ломан В. Г., Кукушкин А. И., Дмитриев Е. А.* Погребение с металлическим сосудом в могильнике Нураталды I (эпоха бронзы) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2016. № 4 (53). С. 85–92.
- Кукушкин и др.*, 2018 — *Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А., Кукушкин А. И.* Каражартас — новый социально-стратифицированный некрополь бегазы-дандыбаевской культуры (предварительные результаты исследований) // АВ. 2018. Вып. 24. С. 102–109.
- Кукушкин, Дмитриев*, 2020 — *Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А.* Алакульские захоронения могильника Сенкибай-2 // Маргулановские чтения — 2020: Мат-лы междунар. научно-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2020. Т. 2. С. 84–98.
- Ломан и др.*, 2017 — *Ломан В. Г., Дмитриев Е. А., Кукушкин И. А., Кукушкин А. И.* Золотоордынские погребения могильника Нураталды-2 // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 209–218.
- Маргулан*, 1979 — *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 360 с.
- Ольховский*, 2005 — *Ольховский В. С.* Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 299 с.
- Савинов*, 1994 — *Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
- Савинов*, 2012 — *Савинов Д. Г.* Идея множественности как залог успешного жертвоприношения // Жертвоприношения в архаике: атрибуция, назначение, цель. Сб. научных трудов семинара «Теория и методология архаики» / Отв. ред.: М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинов. СПб.: МАЭ РАН, 2012. Вып. V. С. 49–62.
- Тишкин, Шелепова*, 2006 — *Тишкин А. А., Шелепова Е. В.* Околокурганские объекты на памятниках скифского времени Яломанского археологического микрорайона // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2006. С. 143–150.
- Шашенов, Бейсенов*, 2017 — *Шашенов Д. Т., Бейсенов А. З.* Сенкибай батыр, мавзолей // Сакральная география Казахстана: Реестр объектов природы, археологии, этнографии и культовой архитектуры. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. Вып. 1. С. 477–478.
- Beisenov et al.*, 2016 — *Beisenov A. Z., Svyatko S. V., Kassenalin A. E., Zhambulatov K. A., Duisenbai D., Reimer P. J.* First radiocarbon chronology for the early Iron Age sites of Central Kazakhstan (Tasmola culture and Korgantass Period) // Radiocarbon. 2016. No. 58. P. 179–191.

Tasmola kurgan with stone sculptures in the Kyzylzhartas burial ground

A. Z. Beisenov

Presently, a considerable volume of new evidence is gained on the Tasmola archaeological culture (8th–5th century BC) of Central Kazakhstan. Only two decades ago, we did not know anything about the features of the construction of large kurgans where the elite was buried, had no data on the menhirs, stone sculptures, and

settlements of this culture. Now, in essence, a process of new characterization of Asmola culture is taking place in the archaeology of Kazakhstan. Until recently, about 20 stone cultures have been known in the territory of Central Kazakhstan. Some of them were discovered in the course of the author's investigations. New stone

cultures were found in 2020 during excavations of kurgan 1 at the cemetery of Kyzylzhartas (Fig. 1) situated in the territory of the Shet District of Karaganda Region.

In this report, preliminary results of the investigation of this barrow are presented. Its diameter is 37 m, the diameter of the circular fence is 56 m, the diameter of the crepis encircling the foundation of the earthen mound is 34 m (Fig. 2). In the course of the works in 2020, the eastern sector of the monument was excavated; a continuation of the researches is planned. Beneath the mound of the barrow, there were three stone sculptures (Fig. 3), still another one was installed in the dromos. The main constituent of the mound was earth of clayey structure laid in the form of a round bank with its middle filled with other layers (Fig. 4). In the centre, a grave

with a long dromos was excavated (Fig. 5). The dromos was oriented to east-north-east. The burial was looted in antiquity. In the grave, there were some skeletal remains of an individual laid head to the west-south-west. Below the knee joint there were found over 300 small gold ornaments (Fig. 6, 2–4). Near the grave pit, was found an axe 21 cm long and 1.7 kg in weight (Fig. 7). In addition, under the mound there were 16 fragments of handmade pottery (Fig. 8) and a bronze awl (Fig. 6, 1). In the opinion of the author, three of the sculptures represent men and the fourth one is female (Fig. 9). The finds, as well as the construction and parameters of the kurgan, suggest that here a representative of the elite of the Tasmolan society was buried. The kurgan is dated to the period of the 7th–5th century BC.

Новые сведения о раскопках кургана № 6 («Верхнего») на севере Монголии в горах Ноин-Ула¹

Н. А. Сутягина²

АННОТАЦИЯ. Раскопанный сотрудниками Монголо-Тибетской экспедиции под руководством П. К. Козлова в 1924–1925 гг. курган № 6 («Верхний») представляет собой один из самых богатых погребальных комплексов эпохи хунну. Полевые работы здесь проводились в два этапа. На основании сохранившейся полевой и учетно-хранительской документации удалось восстановить стратиграфию могильной ямы и детали погребального обряда, скорректировать план деревянной гробницы и уточнить расположение предметов сопроводительного инвентаря. Полученные сведения позволили сопоставить выявленные детали погребального обряда с материалами расположенных рядом захоронений.

ANNOTATION. Barrow No. 6 ('Upper'), excavated in 1924–1925 by members of the Mongolia-Tibetan Expedition led by Pyotr K. Kozlov, is one of the richest burials of the Xiongnu period. The excavations were conducted in two stages. Basing on the preserved field and registration documents it is possible to reconstruct the stratigraphy of the grave pit and details of the funerary ritual, to correct the plan of the wooden chamber and to clarify the positions of the funerary objects. The acquired information allows to compare the revealed details of the funerary rite with materials from neighbouring burials.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ноин-Ула, погребальный обряд, деревянная гробница, полевые материалы, учетно-хранительская документация, музейная коллекция.

KEYWORDS: Noin-Uul, funerary rite, wooden chamber, field documents, museum registration documentation, museum collection.

Введение

В ходе работы Монголо-Тибетской экспедиции в горах Ноин-Ула в трех падах (Суцзуктэ, Цзурумтэ и Гуджиртэ) было исследовано 13 захоронений двух типов: дромосные гробницы и погребения с круглой каменной оградой. Самый большой по размерам наземной конструкции курган № 6 («Верхний») занимал наиболее высокую северную позицию на площади могильника в пади Суцзуктэ (рис. 1). Его раскопки начаты в 1924 г., а в 1925 г. С. А. Кондратьев провел исследование этого объекта и завершил его изучение³ (рис. 2а, б).

Находки из кургана № 6 неоднократно публиковались в статьях и каталогах вместе с предметами из других ноин-улинских курганов (Краткие отчеты..., 1925; *Yetts*, 1926; *Ausstellung chinesischer Kunst...*, 1929. P. 438–458; *Trever*, 1932; *Umehara*, 1960; *Лубо-Лесниченко*, 1961; *Елихина*, 2017. С. 53–170). На основании материалов именно этого погребения сформировалось представление о памятнике в целом. Самой известной находкой, происходящей из комплекса кургана № 6, является китайская лакированная чашечка *эр бэй*, дата изготовления которой на долгие годы определила *terminus post quem* для всего могильника⁴. Наиболее полную информацию об этом кургане дает монография С. И. Руденко. Здесь впервые были опубликованы полевые чертежи погребальной конструкции, фотографии и рисунки многих найденных вещей, приложена

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОКНСМ в рамках научного проекта № 20-59-44005. Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and MECSS, project number 20-59-44005.

² 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж. Отдел Востока. Адрес электронной почты: na.sutiagina@gmail.com.

³ Раскопки кургана проводились в два этапа, шурфами. В 1924 г. работы не были завершены из-за опасности обрушения грунта и конструкций, укрепляющих экспедиционный шурф, частично совпавший с древним грабительским лазом. Весной 1925 г. раскопки возобновились. К северу от старого шурфа в нетронутой грабителями части могильной ямы сотрудники экспедиции заложили новый шурф. На глубине около 9 м их соединили в единый раскоп общей площадью около 15 кв. м, охватив практически полностью перекрытие внешнего сруба (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 117–117 об.). Опубликованная

С. И. Руденко информация отражает только первый этап исследования (Руденко, 1962. С. 16–19; АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 1–3 об, 12–14 об.). В то же время данные отчета 1925 г. позволяют скорректировать информацию о заполнении могильной ямы, конструкции деревянной гробницы и расположении находок (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 117–122, 122 об.).

⁴ Переводу и интерпретации надписи на лакированной чашечке из кургана № 6 посвящена специальная литература (*Yetts*, 1929. P. 338–339; *Бернштам*, 1937. С. 948, 955–957; 1951. С. 37–38; *Umehara*, 1960. P. XIII, 29–30; *Miniaev, Elikhina*, 2009. P. 23–24; *Чистякова*, 2011. С. 84–85).

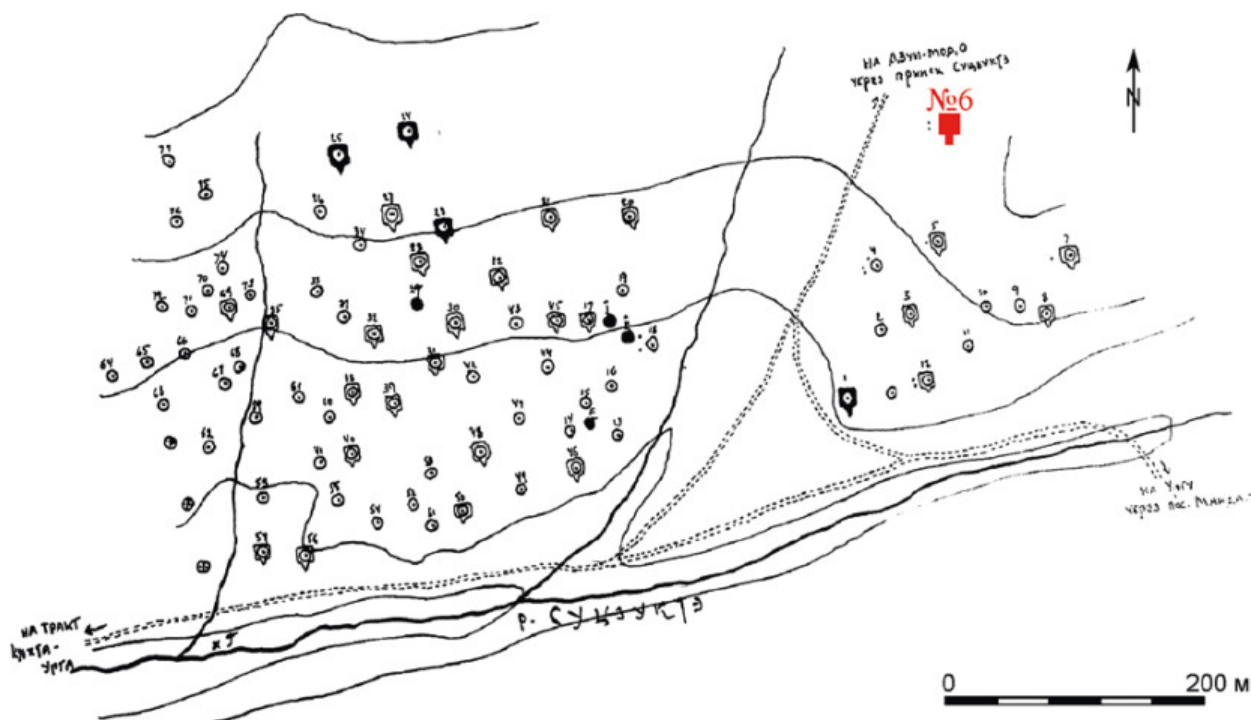

РИС. 1. План могильника в пади Суцзуктэ и местоположение кургана № 6 (по: АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 231. Л. 41)

FIG. 1. Plan of the cemetery in the Sutszukté valley and the location of barrow No. 6 (after Scientific Archive of the Russian Geographical Society. Arch. col. 18. Inv. 1. F. 231. Sh. 41)

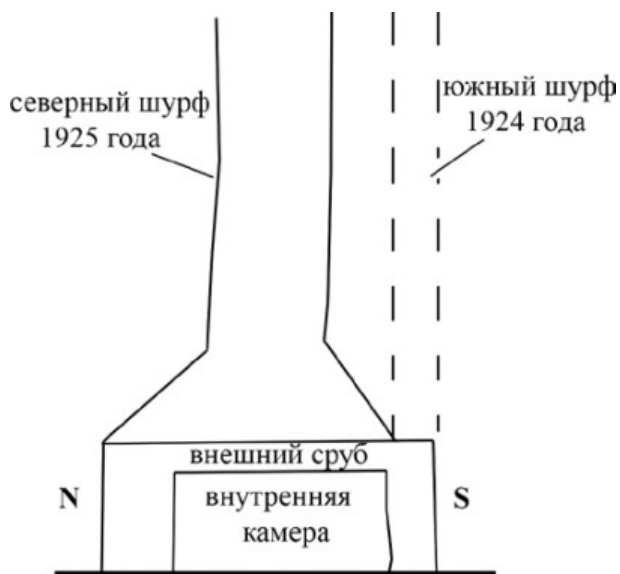

РИС. 2а. Положение южного и северного шурфов 1924 и 1925 гг. раскопок. Продольный профиль. Прорисовка автора с оригинала (по: АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 55. Л. 2 об.). Масштаб не указан

FIG. 2а. Location of the southern and northern pits excavated in 1924 and 1925. Longitudinal profile. Tracing by the author from the original document (after Scientific Archive of the Russian Geographical Society. Arch. col. 18. Inv. 4. F. 55. Sh. 2 rev). Scale is not specified

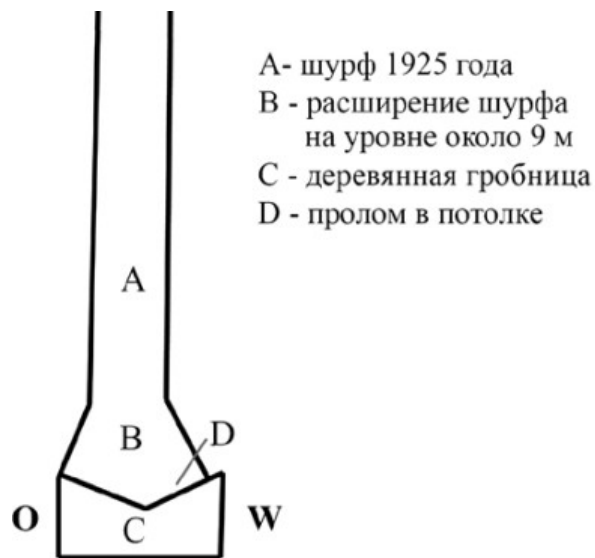

РИС. 2б. Положение северного шурфа 1925 г. Поперечный профиль. Прорисовка автора с оригинала (по: НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 117). Масштаб не указан

FIG. 2б. Location of the northern pit of the 1925. Cross-section profile. Tracing by the author from the original document (after Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture RAS. Manuscript Department. Arch. col. 2. Inv. 1. 1925. F. 202. Sh. 117). Scale is not specified

опись находок. Придерживаясь традиций палеоэтнографической школы, он представил ноин-улинские захоронения хунну со всей полнотой этнографических подробностей (Руденко, 1962).

Для дальнейшего исследования материалов этого захоронения необходимо привлечение документов из архивных собраний различных научных учреждений, в которых хранятся исследовательские материалы, делопроизводственная и учетно-хранительская документация. Информация о процессе раскопок и фиксации вещей, сохранности и местоположении отдельных предметов, их внешнем виде позволяет дополнить и скорректировать сведения об одном из самых крупных курганов Ноин-Улы.

Основные источники и методы исследования

Комплексный анализ археологических⁵, письменных⁶, изобразительных⁷ источников и применение разных источниковедческих методов их исследования дают возможность получить новую информацию о погребальном обряде и внутреннем устройстве кургана № 6.

Сведения о процессе раскопок кургана № 6 содержатся в отчете П. К. Козлова о проведенных в 1924 г. работах и дополнительном отчете С. А. Кондратьева о исследовании погребения в 1925 г. (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 1–3, 3 об., 12–14, 14 об., 20 об.–21; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 117–122 об.). В дневнике руководителя экспедиции встречаются описания отдельных этапов исследования этого кургана в 1924 г. (Козлов, 2003. С. 192–194, 199). Они дополняются информацией из ежедневных записей и переписки участников экспедиции (например: АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 231. Л. 35, 39–45, 68–

69; Оп. 4. Д. 55. Л. 1 об.–2 об.). Критический анализ данных опубликованных и неизданных архивных документов позволяет верифицировать их содержание, выявить обстоятельства создания и определить достоверность содержащейся в них информации.

Поскольку место временного хранения коллекции Ноин-Улы менялось несколько раз, то сведения о составе и количестве предметов отражены в учетно-хранительской документации нескольких учреждений. Сравнительный анализ содержания полевой описи находок из кургана № 6⁸, описи Склада древностей ГАИМК⁹, составленного С. А. Теплоуховым списка поступивших в Этнографический отдел Русского музея предметов¹⁰, инвентарных книг Государственного Эрмитажа с шифром «МР» и информации на маркировках предметов обеспечивает верификацию состава комплекса сопроводительного инвентаря кургана № 6, идентификацию музейного экспоната и полевой находки, что позволяет определить глубину обнаружения предметов в заполнении могильной ямы и восстановить топографию вещей внутри деревянной гробницы.

Раскопки кургана № 6 сопровождалась тщательной фиксацией всего процесса работы. В результате были составлены план и профили деревянной гробницы, зафиксировано расположение раскопочных шурфов, созданы отдельные планы с указанием положения находок. В процессе реставрации и изучения предметов в Институте археологической технологии при ГАИМК (далее — ИАТ) и подготовки всей ноин-улинской коллекции к изданию, сотрудники сделали фотографии, цветные и графические рисунки многих вещей. На каждом архивном документе указана принадлежность предмета к комплексу кургана (НА ИИМК РАН. РО. Р-1. Д. 776; НА ИИМК РАН. ФО. О. 240–246)¹¹. Хотя часть находок из кургана № 6 была возвращена

⁵ Под археологическими источниками в данной работе понимаются археологический памятник в горах Ноин-Ула в целом, погребальная конструкция кургана № 6, вся совокупность находок, большая часть которых в настоящее время хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа.

⁶ Под письменными источниками в данной статье понимаются документы, освещающие процессы изучения и хранения материалов из кургана № 6. К ним относятся официальные отчеты о раскопках, переписка участников экспедиции, личные дневники и полевые записи, учетно-хранительская документация.

⁷ К изобразительным источникам относятся чертежи, схемы, рисунки, фотографии предметов. На листах архивных документов имеются сведения о размерах, форме и деталях погребальных сооружений, а также обозначена принадлежность к комплексу конкретного кургана.

⁸ Начата сотрудниками Монголо-Тибетской экспедиции в 1924 г., дополнена в 1925 г. по итогам исследования кургана (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 12–14 об., 20 об.–21 об.; Д. 231. Л. 68–69 об.; НА ИИМК. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 118 об.–122).

⁹ Номера по Книге поступлений ГАИМК (далее — КП ГАИМК) присвоены после 1925 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 64. Л. 8–9, 9 об.; АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. 1934 г. Д. 1789 (78). Л. 84–92, 119–133).

¹⁰ Опись была передана вместе с предметами коллекции в ГАИМК в 1925 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68. Л. 37–38).

¹¹ Значительная часть рисунков опубликована в монографии С. И. Руденко (1962).

в Монголию, изобразительные источники позволяют представить внешний вид переданных предметов и изучить весь комплекс сопроводительного инвентаря независимо от места хранения находок¹².

Таким образом, в настоящее время изучение письменных и изобразительных материалов является необходимым этапом исследования погребального обряда и сопроводительного инвентаря кургана № 6. Обозначенный корпус источников дает возможность реконструировать стратиграфию могильной ямы, уточнить детали деревянной погребальной конструкции, состав и положение предметов внутри гробницы на момент раскопок.

Описание процесса исследования могильной ямы

Расположенный в восточной части Суцзуктэ курган № 6 является самым крупным захоронением этого могильника. Его насыпь оформлена мощной каменной оградой, длина стороны которой составляет 29 м, длина примыкающего с юга дромоса — 22,5 м, ширина у основания — 9,25 м (*Руденко*, 1962. С. 16).

В 1924 г. сотрудники МТЭ заложили шурф 2,15 × 2,15 м в центре грабительской воронки таким образом, что его стены были параллельны сторонам каменной ограды. Заполнение раскопчного шурфа в южной и северной частях различалось, поскольку в южной половине он частично совпал с грабительским лазом. На основании данных полевого отчета последовательность слоев заполнения могильной ямы можно реконструировать следующим образом. Верхнюю часть шурфа заполняла мерзлота. Камни, аналогичные тем, из которых сделана наземная конструкция, встречались вплоть до глубины 4–5 м. Яма была заполнена глиной, которую с отметки примерно 4,9 м сменил красноватый песок. Уголь начал попадаться на глубине 6–6,5 м в северной половине шурфа. На уровне 9,23–10,7 м залегал мощный угольный слой. На глубине 8,69–10,34 м зафиксированы бревна, торчащие из северной стены шурфа¹³; крупные фрагменты были обуглены только снаружи, а вну-

три сохранилась древесина (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 1 об.–2; Д. 231. Л. 44–44 об.).

Интерпретировать данное наблюдение позволяет отчет 1925 г. о раскопках в северном шурфе. В последнем, на глубине около 9 м, в большом количестве стали попадаться камни, с 10 м грунт приобрел черный цвет. На этом уровне зафиксированы три слоя плохо отесанных бревен толщиной 0,18–0,3 м, положенных в продольном и поперечном направлениях на расстоянии 0,2–0,4 м друг от друга. Укладка бревен и обилие угля свидетельствовали о том, что в яме был разведен погребальный костер (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 117–117 об.). Данная ситуация нашла отражение в опубликованной А. Н. Бернштамом реконструкции стратиграфии кургана № 6 (*Бернштам*, 1951. С. 36–37, рис. 4; 5). В нетронутой грабителями северной части могильной ямы в слое погребального костра были найдены детали конской упряжи и связанные с колесницей предметы (*рис. 3а*). В СВ углу южного шурфа на этом же уровне обнаружены фрагменты удила и нижняя часть втулки колеса (*рис. 3б*) (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 12; Д. 231. Л. 44; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 118 об.).

Над перекрытием внешнего сруба залегал слой синей глины с песком и крупным щебнем мощностью 0,3–0,4 м (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 53. Л. 3, 8, 9). Под ним последовательно лежали слой шишек, листьев и веток брусничника, тонкий неорнаментированный войлок и большое шерстяное покрывало (*Руденко*, 1962. С. 18–19). Наличие шерстяного покрывала на перекрытии — особенность обряда этого кургана.

Исследование деревянной погребальной камеры

Внутри деревянной гробницы сотрудники МТЭ попали с помощью южного шурфа, заложенного в центре кургана. Он вел в южный «коридор» внешнего сруба, куда рабочие смогли проникнуть через старый пролом в перекрытии (АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 53. Л. 2; *Руденко*, 1962. С. 16, рис. 14)¹⁴. Описанная

¹² Подробнее о процессе передачи вещей в Монголию и принципах деления коллекции см.: *Юсупова*, 2011. С. 30–35; *Сутягина*, 2020а. С. 337.

¹³ В черновых записях о раскопках южного шурфа С. А. Кондратьев отметил, что первоначально эти бревна посчитали частью сломанного перекрытия. Они располагались под наклоном в северном направлении. Отсюда были взяты образцы угольной массы (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 231. Л. 44 об.).

¹⁴ В рабочих документах экспедиции имеется запись от 13 мая 1924 г., в которой описывается сделанная работа: «...Приступили к расширению грабительского хода во внутреннюю камеру. Ход этот был вырублен ими (грабителями. — Н. С.) в виде окна в О [восточной] части S [южной] стены внутренней камеры. Грабители прорубили два бревна, нами было прорублено еще два... В дальнейшем ходе работ нам пришлось вырубить еще значительную часть этой стены» (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 2 об.).

РИС. 3а. Предметы, найденные в северном шурфе (1925 г.) в слое погребального костра. 1–4, 6–9 – предметы конской упряжи; 5, 10–14 – детали колесницы. © Коллекция Государственного Эрмитажа (2, 4, 9 – © НА ИИМК РАН. РО. Р-1. Д. 776. Л. 13, 20; 5 – по: Руденко, 1962, табл. XXVIII, 7; остальное – фото автора)

FIG. 3a. Finds from the layer of the funerary fire in the northern pit (1925). 1–4, 6–9 – details of the horse harness; 5, 10–14 – details of a chariot. © Collection of the State Hermitage Museum (2, 4, 9 – © Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture RAS. Manuscript Department. Arch. col. P–I. F. 776. Sh. 13, 20; 5 – after Руденко, 1962, Pl. XXVIII, 7; the rest – photo by the author)

ситуация свидетельствует о том, что в кургане № 6 погребальная камера была смещена относительно центра наземной конструкции кургана к северу или северо-западу.

Деревянная гробница была установлена на дно могильной ямы на глубине 13,15 м. Зафиксированные по внутренней стороне размеры внешнего

РИС. 3б. Предметы, найденные в северо-восточной части южного шурфа (1924 г.) в слое погребального костра. 1 – удила, 2 – обломок втулки. © Коллекция Государственного Эрмитажа (фото автора)

FIG. 3b. Finds from the layer of the funerary fire in the north-eastern section of the southern pit (1924). 1 – horse-bit, 2 – fragment of an axle head. © Collection of the State Hermitage Museum (photo by the author)

сруба составляли 5,34 × 3,96 м при высоте 1,98 м (семь венцов). Выявленное на глубине 11,34 м перекрытие внешнего сруба было сделано из крупных, отесанных со всех сторон 20 бревен, уложенных в поперечном направлении. Оно опиралось на три продольные матицы. Внутренняя камера была установлена на пол внешнего сруба. Ее размеры по внутренней стороне составляли 3,31 × 2,23 м при высоте 1,66 м (шесть венцов). Поперечное перекрытие камеры было сделано из 13 бревен; оно опиралось на одну продольную матицу. Внутренняя камера была размещена таким образом, что сохранились северный (0,98 м), западный (0,64 м), восточный (0,75 м) и южный (0,66 м) «коридоры». Гроб (2,29 × 0,98 м, высота 0,9 м) располагался около восточной стены камеры: снятая крышка была сделана из трех досок, остальные части – из двух. Способы их соединения между собой удалось проследить и зафиксировать. На поверхности досок гроба сохранились следы краски и лака (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 118.; АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 53. Л. 3–6; Руденко, 1962. С. 17–18, рис. 15–17).

Опубликованные С. И. Руденко сведения и графические изображения требуют корректировки, поскольку в ходе повторных раскопок 1925 г. были выявлены важные детали конструкции, описание которых приводится в отчете, но в публикации они не отражены:

1) в северном «коридоре» кроме зафиксированных в 1924 г. трех колонн-опор обнаружены еще три столба, расположенные вдоль северной стены внутренней камеры. Таким образом, три продольные матицы поддерживались не шестью, а девятью колоннами, расположенными в северном и южном «коридорах» (рис. 4);

2) способ соединения стен внутренней камеры был таким, что продольные бревна выступали на

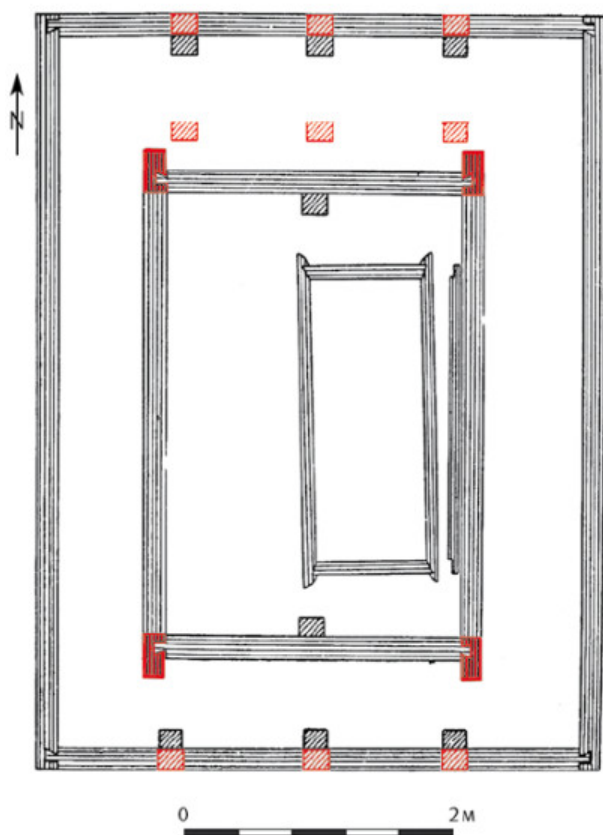

РИС. 4. План деревянной гробницы по итогам исследования 1925 г. Реконструкция выполнена на основании архивных материалов (по: НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 117–118)

FIG. 4. Layout of the wooden chamber according the results of the investigations of 1925. Reconstruction carried out on the basis of archive materials (after Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture RAS. Manuscript Department. Arch. col. 2. Inv. 1. 1925. F. 202. Sh. 117–118)

0,08–0,10 м за поперечные, которые были вставлены в соответствующие пазы;

3) продольные матицы внешнего сруба вставлялись в вырубленные в поперечных стенах пазы (0,23 × 0,19 × 0,13 м);

4) в верхней части колонн сохранились остатки «капителей», в которых сделаны углубления для укладки продольных матиц;

5) зафиксированное на чертеже положение гроба не является первоначальным. Смещенные подгробные доски и грубые складки ковра свидетельствуют о том, что гроб передвигали (НА ИИМК. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 117 об.–118).

Выявленные подробности устройства деревянной гробницы в кургане № 6 важны для изучения типологии погребальных конструкций ноин-улинских курганов.

Пол гробницы был покрыт просочившимися внутрь глиной и песком (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 53. Л. 3, 8, 9). В процессе расчистки погребальной камеры и гроба весь грунт подвергся ручной переборке. В результате, согласно полевой описи, в кургане было найдено 377 предметов (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 12–14 об., 20 об.–21 об.; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 118 об.–122; Руденко, 1962. С. 118–121). Согласно полевым записям, южный «коридор» был полностью заполнен вещами до самого потолка. Многие предметы находились в южной части внутренней камеры, а также в южной части восточного «коридора». П. К. Козлов, отметивший в отчете, что большинство находок происходит из южного «коридора», предполагал, что «разнообразные предметы были собраны и брошены здесь, как куча хлама» (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 2–2 об.). Вероятно, вещи действительно были заранее перенесены ближе к грабительскому лазу для удобства извлечения из гробницы. Разбор заполнения южной части гробницы сотрудники экспедиции проводили с послойной фиксацией предметов (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 12–14 об.). В настоящее время большая часть предметов сопроводительного инвентаря кургана № 6 опубликована (Елихина, 2017. С. 53–170).

Оформление деревянной гробницы

Несмотря на губительные действия грабителей и очевидное перемещение вещей, некоторые элементы декора гробницы сохранились *in situ*. Об использовании войлочных ковров и шерстяных полотен для украшения полов и стен кратко писали К. В. Тревер, С. Умэхара, С. И. Руденко (Trever, 1932.

Р. 11; Umehara, 1960. P. XV–XVI; Руденко, 1962. С. 18–19). Сравнительный анализ различных источников позволил выявить в коллекции находок, происходящих из кургана № 6, многочисленную группу предметов, которые не относятся к категории сопроводительного инвентаря, а связаны с оформлением погребальной камеры и гроба (Сутягина, 2020б. С. 218–223).

Шерстяной вышитый ковер, неорнаментированный войлок, слой веток и листьев брусники, сосновых и лиственничных шишек закрывали перекрытие внешнего сруба гробницы с наружной стороны практически полностью. Поскольку перекрытия внешнего сруба и внутренней камеры были сломаны, а центральная часть просела внутрь, ткань покрывала разорвалась по границам бревен. Значительная ее часть вокруг грабительского лаза утрачена. Расположение фрагментов ковра с описанием орнамента было зафиксировано в полевой описи находок 1925 г. и на отдельном плане-схеме (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 117 об., 118 об., 119–120, 121 об., 122; Краткие отчеты..., 1925, табл. 9) (рис. 5а). Несмотря на сильные повреждения, покрывало было восстановлено на основании маркировок отдельных фрагментов и схемы их расположения, подготовленных сотрудниками экспедиции (рис. 5б).

«Мозаичность» изделия позволяет говорить о том, что для его изготовителей не представляли ценности ни сложный орнамент, ни символика вышитых изображений. Вероятно, основная задача заключалась в достижении необходимого размера изделия. Согласно полевым записям С. А. Кондратьева, с восточной и западной сторон покрывало немного не доставало до границ перекрытия сруба. Северный край был обрезан и лежал на уровне четвертого поперечного бревна. С южной стороны установить точный размер ковра во время расчистки не удалось из-за значительных утрат (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 117 об., 122–122 об.).

На полу внутренней камеры лежал войлочный ковер, который сохранился практически без утрат. К моменту раскопок он был смят и разорван в нескольких местах. Его размеры составляют 258 × 150 см, что меньше внутренней камеры примерно на 70 см с каждой стороны (рис. 6а). Отдельные фрагменты второго войлочного ковра были обнаружены в «коридорах» внешнего сруба (рис. 6б; 7).

Хорошо известное шерстяное полотно с изображением всадников и лошадей было зафиксировано в южном «коридоре» *in situ*. Самый круп-

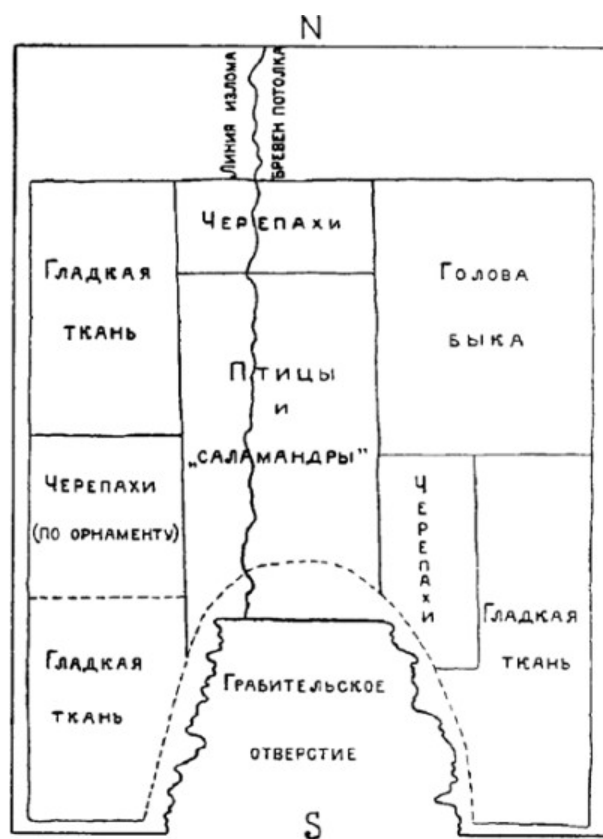

Рис. 5а. Схема расположения фрагментов шерстяного покрывала (по: Краткие отчеты..., 1925. Табл. 9)

FIG. 5a. Layout of the fragments of a woollen carpet Scale is not specified.

(after Краткие отчеты..., 1925. Табл. 9)

ный фрагмент вышивки с изображением фигур всадников и коней, а также ткань с горизонтальными полосами сохранились на стене внутренней камеры (рис. 8, 1, 2). Отдельные фрагменты лежали на полу. Шерстяная вышивка с аналогичным сюжетом была обнаружена в северном «коридоре» между северной стеной внешнего сруба и примыкавшими к ней столбами-опорами (рис. 8, 3, 4) (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 12; Д. 231. Л. 45–45 об.; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 119–119 об., 122 об.; Сутягина, 2020б. С. 220).

Согласно полевым материалам, поверхность опорных колонн и горизонтальных балок была задрапирована монохромным шелком (иногда сшитыми между собой частями ткани). Его остатки сохранились на столбах в южном «коридоре» и матицах внешнего сруба. В не затронутой грабительским лазом северной части сруба на поверхности балок найдено несколько фрагментов по-

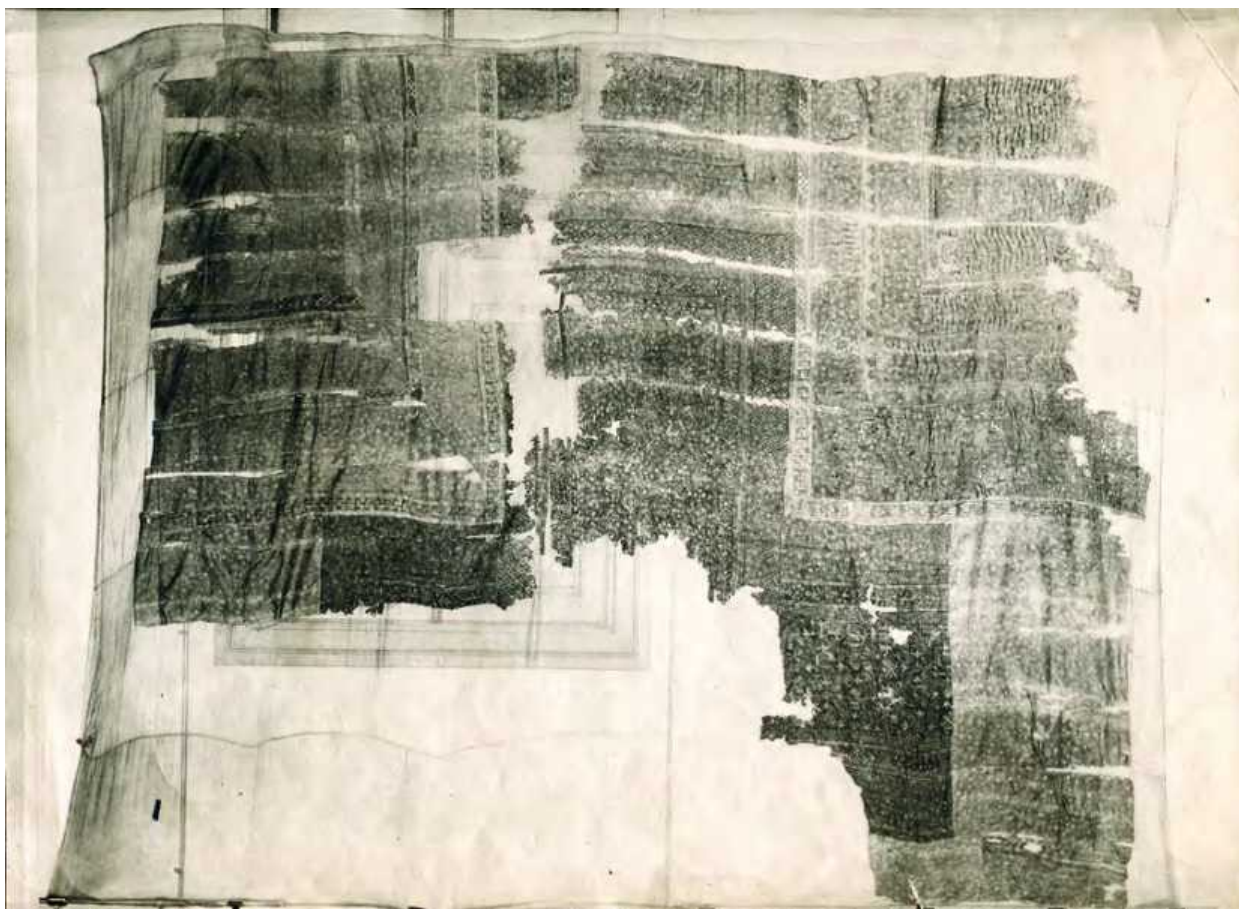

РИС. 5б. Шерстяное покрывало с перекрытия внешнего сруба. Восстановленный вид.
© Фотография из собрания Отдела Востока Государственного Эрмитажа

FIG. 5б. Woollen carpet from the ceiling of the outer chamber. Restorated view.
© The photo from the collection of the Oriental Department of the State Hermitage Museum

лихромного шелка с фестонами. Близким по орнаменту шелком были оформлены стены внутренней камеры и подгробные доски. В обоих случаях остатки ткани зафиксированы *in situ* (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 12–14 об., 20 об.–21 об.; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 117–122; АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. 1934 г. Д. 1789 (78). Л. 84–92, 119–133)¹⁵.

В составленном С. А. Кондратьевым отчете 1925 г. и в монографии С. И. Руденко есть упоминание о следах краски и лака на досках гроба (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 118; Руденко, 1962. С. 18). П. К. Козлов в дневнике описал гроб следующим образом: «На доске крышки видны

орнаменты бывших золотых и шелковых украшений. Очень любопытно, что покровом доски в виде украшения служил шелк с художественной тонкой вышивкой...» (Козлов, 2003. С. 199). Согласно полевой описи, фрагменты вышитого шелка разного цвета и орнамента в форме треугольников и ромбов зафиксированы на досках гроба, вокруг и под ним. Здесь же были собраны части однотипных деревянных четырехлистников и треугольников (рис. 9, 1–6), повторяющих по форме золотые украшения из других курганов, остатки фигурных аппликаций из кожи (рис. 9, 7–9) и ее обрывки с красным лаковым покрытием (рис. 9, 10–13). Можно предположить, что в оформлении гроба из кургана № 6 использовали драпировку шелком, а также покрытые красным лаком деревянные и кожаные детали. Единственной находкой из золота был гвоздик и два крошечных фрагмента неопределенной формы, поэтому доказательства использования

¹⁵ Фрагмент шелка с северной подгробной доски хранится в Государственном Эрмитаже (МР-1834). Аналогичная по размеру и орнаменту ткань с южной доски (КП ГАИМК 1451) возвращена в Монголию (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927 г. Д. 119. Л. 83) и хранится в Национальном музее Монголии.

Рис. 6а. Большой войлочный ковер (MR-2300). © Коллекция Государственного Эрмитажа (фото А. Я. Лаврентьева)

FIG. 6a. Large felt carpet (MR-2300). © Collection of the State Hermitage Museum (photo by A. Ya. Lavrentiev)

золота в оформлении гроба (о чем писал П. К. Козлов) в настоящее время отсутствуют.

Предметы сопроводительного инвентаря

Относительно расположения предметов сопроводительного инвентаря можно привести только общие наблюдения, поскольку большинство вещей было перемещено в южную часть гробницы к грабительскому лазу, где они и обнаружены в общих скоплениях. Пол южного «коридора» покрывали два фрагмента войлочного ковра¹⁶, на которых лежало большинство найденных в кургане № 6 предметов (АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 2 об.). В южной части восточного «коридора» также на ковре зафиксировано большое скопление вещей, в основном одежда и украшения погребенного, несколько серебряных украшений конской упряжи¹⁷ и луки седла. В север-

ном «коридоре» на фрагментах войлочного ковра обнаружены «развалы» керамических сосудов. Один кусок ковра лежал в западном «коридоре» и еще один небольшой фрагмент – во внутренней камере (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 119–119 об., 122 об.). Вероятно, отдельные части войлочного ковра грабители использовали в качестве мягких носилок для перемещения вещей к грабительскому лазу. Расположение фрагментов второго войлочного ковра и находок было зафиксировано на отдельном чертеже (рис. 7). Сопоставление имевшихся на нем литерных обозначений, описи находок 1925 г. и маркировок на музейных экспонатах позволило определить, какие именно предметы отмечены на графической схеме гробницы.

Большой интерес представляют найденные в западной и северной частях гробницы предметы, поскольку они могли сохраниться на первоначальных местах. Здесь сотрудники экспедиции собрали шелковые футляры и косы, детали седел, фрагменты керамических, бронзовых и лакированных сосудов. В расположении этих предметов удалось проследить некоторые закономерности.

¹⁶ Большой фрагмент (КП ГАИМК 13868) возвращен Ученому комитету Монголии (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927 г. Д. 119. Л. 83) и хранится в Национальном музее Монголии.

¹⁷ Во время экспонирования данных предметов на выставке в Берлине в 1929 г. в отверстиях, расположенных по внешнему краю серебряных блях, находились узкие кожаные ремешки для крепления (Yetts, 1929. P. 128).

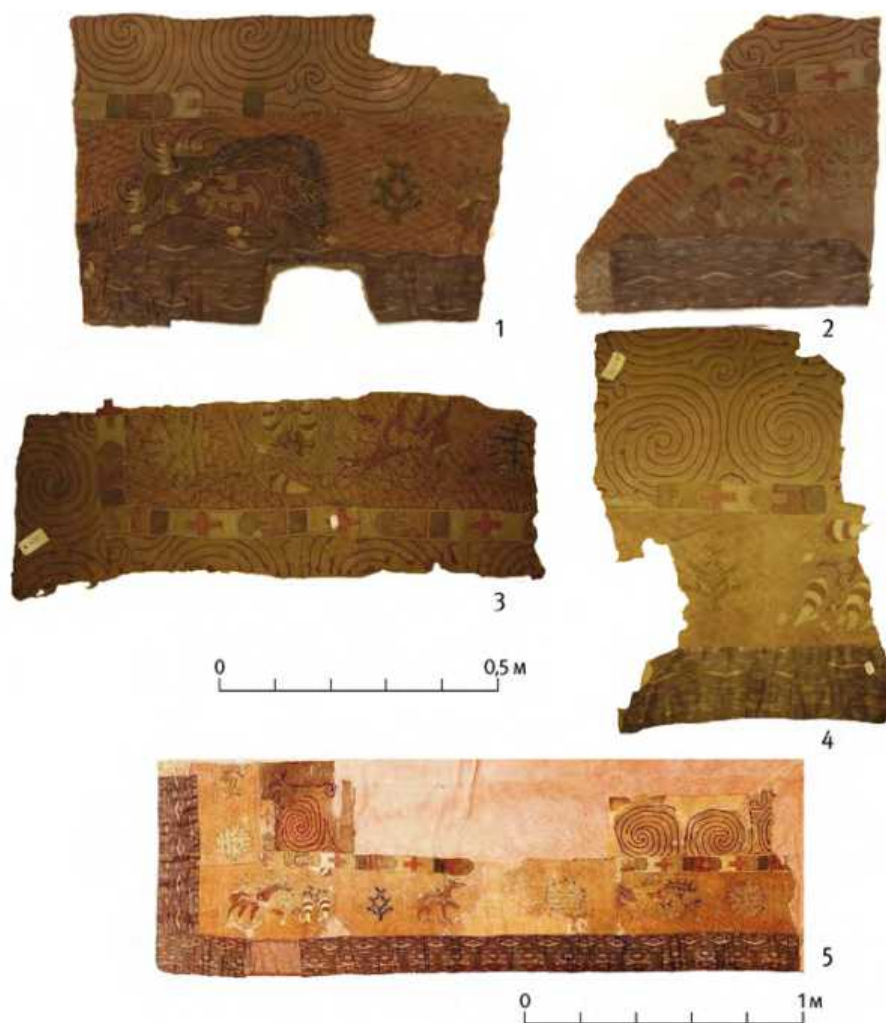

РИС. 6б. Фрагменты второго войлочного ковра. 1 – МР-1957, 2 – МР-1960, 3 – МР-1958, 4 – МР-1959, 5 – МР-1956.
© Коллекция Государственного Эрмитажа (фото автора)

FIG. 6b. Fragments of the second felt carpet. 1 – MR-1957, 2 – MR-1960, 3 – MR-1958, 4 – MR-1959, 5 – MR-1956.
© Collection of the State Hermitage Museum (Photo by the author)

В кургане № 6 шелковые футляры с косами и без них, а также украшенные фестонами шелковые полотна и флаги найдены преимущественно в «коридорах» внешнего сруба. Единственным исключением стал шелковый футляр, обнаруженный в северной части внутренней камеры. Деревянные луки седел, бархатная обшивка, фрагменты кожаных ремней, плетеных шнуров и веревок собраны преимущественно в северном «коридоре». В отчете о доследовании кургана С. А. Кондратьев уточнил, что к моменту раскопок на поверхности некоторых деревянных частей седел еще сохранялась бархатная обивка (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 122 об.).

Здесь же были собраны фрагменты бронзового котла, лакированные ножки и пробка от лакиро-

ванного фигурного сосуда (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1925 г. Д. 202. Л. 119–120, 121 об.–122). Сам сосуд найден в южном «коридоре» среди перемещенных туда вещей.

Останки погребенного лежали около гроба и в юго-западном углу внутренней камеры. С. А. Кондратьев предполагал, что покойного вытащили из гроба и бросили в восточном «коридоре» сруба (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 122 об.). Кости конечностей со следами окислов бронзы были извлечены из штанов в процессе расчистки. На основании проведенного анализа М. П. Грязнов определил, что останки принадлежат взрослому мужчине (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 41. Л. 51–52, 79; Сутягина, 2020а. С. 334–335).

РИС. 7. План гробницы и расположение находок. Реконструкция выполнена на основании опубликованных и архивных материалов (по: Краткие отчеты..., 1925. Табл. 9; АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102. Л. 12–14 об., 20 об.–21 об.; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202. Л. 117–122).

Условные обозначения: *a-b-c-d* – большой войлочный ковер (MR-2300); *f* – фрагменты второго войлочного ковра (1 – MR-1957, КП ГАИМК 13868 (передан в Монголию); 2 – MR-1960; 3 – MR-1958; 4 – MR-1959; 5 – MR-1956); *e* – фрагмент полихромного шелка с северной подгробной доски (1 – MR-1834) и южной подгробной доски (2 – КП ГАИМК 14511 (передан в Монголию)); *h* – серебряные украшения конской упряжи (MR-2970, 2971); *g* – фрагменты простеганного войлока (MR-1820–1824) со скоплением одежды и украшений

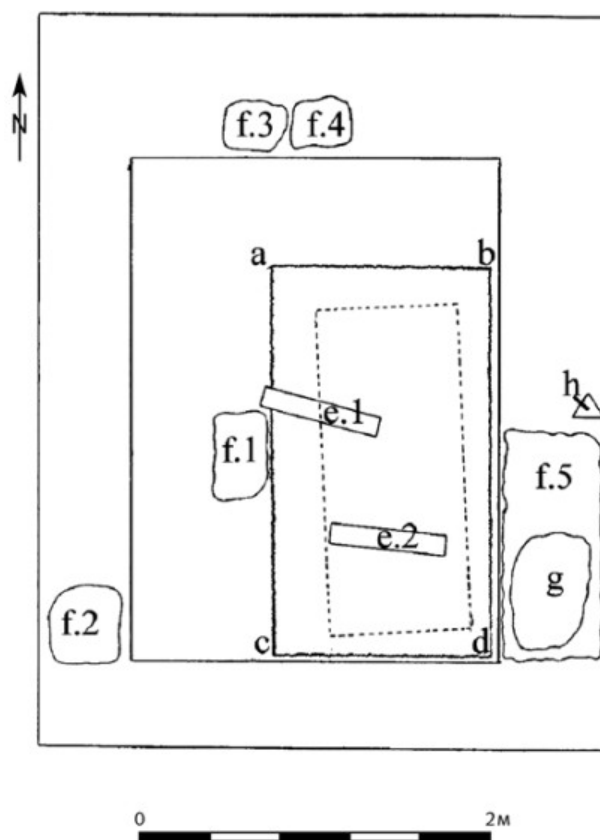
FIG. 7. Layout of the chamber and topography of some objects. Reconstruction carried out on the basis of published and archive materials (after Краткие отчеты..., 1925. Табл. 9; Scientific Archive of the Russian Geographical Society. Arch. col. 18. Inv. 1. F. 102. Sh. 12–14rev., 20rev.–21rev.; Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture RAS. Manuscript Department. Arch. col. 2. Inv. 1. 1925. F. 202. Sh. 117–122).

Keys: *a-b-c-d* – large felt carpet (MR-2300); *f* – fragments of the second felt carpet (1 – MR-1957, The Registration Book of the State Academy of the History of Material Culture 13868 (returned to Mongolia); 2 – MR-1960; 3 – MR-1958; 4 – MR-1959; 5 – MR-1956); *e* – fragment of polychromatic silk from the northern under-coffin board (1 – MR-1834) and southern under-coffin board (2 – The Registration Book of the State Academy of the History of Material Culture 14511 – returned to Mongolia)); *h* – horse harness silver ornaments (MR-2970, 2971); *g* – fragments of quilted felt carpet (MR-1820–1824) with pieces of clothes and ornaments

Основные выводы и интерпретация полученных сведений

Представленные в статье сведения и методика анализа всего корпуса источников, освещающих процесс раскопок кургана № 6, позволили выявить ранее неизвестные особенности данного захоронения и обряда хунну в целом.

Смещение сруба относительно центра наземной конструкции в кургане № 6 не является исключительным случаем. Аналогичная ситуация также зафиксирована в кургане «С» в пади Цзурумтэ (к югу) и в кургане № 11 (С) (к северу) (Симукон, 2008. С. 43; Полосьмак, Богданов, 2015. С. 11). Возможно, подобный факт можно объяснить желанием скрыть гробницу от проникновения грабителей, но представляется, что истинные причины могли быть гораздо сложнее.

Мощная угольная засыпка, по предположению Н. В. Полосьмак и Е. С. Богданова, могла иметь функциональный характер – использоваться для сохранения герметичности погребальной камеры, как в китайском похоронном обряде (Полосьмак, Богданов, 2015. С. 37–38). Однако остатки разведенного внутри могильной ямы костра и найденные в слое угля предметы конской упряжи и детали колесницы позволяют связывать эту практику с традициями кочевой культуры более ранних периодов. Поскольку данная ситуация была выявлена в самом крупном кургане пади Суцзуктэ, нельзя исключать, что в условиях имитации и адаптации китайских погребальных традиций кочевники объединили традиционное использование огня и угля в обряде захоронения с новой функцией.

Особого внимания заслуживает структура деревянной гробницы. Изучение опубликованных чертежей позволяет думать, что детали конструкций деревянных гробниц в ноин-улинских курганах различались. По типу соединения бревен, положению внутренней камеры и опорных столбов наиболее близким деревянной гробнице из кургана № 6 оказывается погребальное сооружение кургана № 1 (Руденко, 1962. С. 15, рис. 12). Поскольку

РИС. 8. Шерстяные вышитые полотна. В южном коридоре: 1 – МР-1953, 2 – МР-4195; в северном коридоре: 3 – МР-1950; 4 – МР-2522. © Коллекция Государственного Эрмитажа (1 – фото Д. В. Сироткина; 2 – фото В. С. Теребенина; 3 – по: Umehara, 1960. Ill. III; 4 – по: Елихина, 2017. С. 65, рис. 65)

FIG. 8. Woollen embroidered carpets. In the southern corridor: 1 – MR-1953, 2 – MR-4195; in the northern corridor: 3 – MR-1950; 4 – MR-2522. © Collection of the State Hermitage Museum (1 – photo by D. V. Sirotkin; 2 – photo by V. S. Terebenin; 3 – after Umehara, 1960. Ill. III; 4 – after Елихина, 2017. С. 65, рис. 65)

оба захоронения находятся рядом в восточной группе Суцзуктэ, можно предположить наличие локальных особенностей устройства погребальных конструкций.

Зафиксированный в ноин-улинских курганах погребальный обряд кочевников хунну предусматривал соблюдение определенных правил не только в области инженерной работы, но и во внутреннем оформлении гробницы. Опираясь на материалы кургана № 6, можно утверждать, что в ноин-улинских дромосных гробницах декорировались

три яруса погребальной конструкции: перекрытие и горизонтальные балки, стены и вертикальные опоры, пол.

Если шерстяное покрывало и тонкая кошма на перекрытии срубов найдены только в двух курганах (№ 6, «С»), то наличие напольного ковра и оформление поверхности стен зафиксировано в большинстве захоронений. Единственный полностью сохранившийся войлочный ковер из кургана № 6 дает представление о внешнем виде, способе оформления и размерах готового изделия. Зафик-

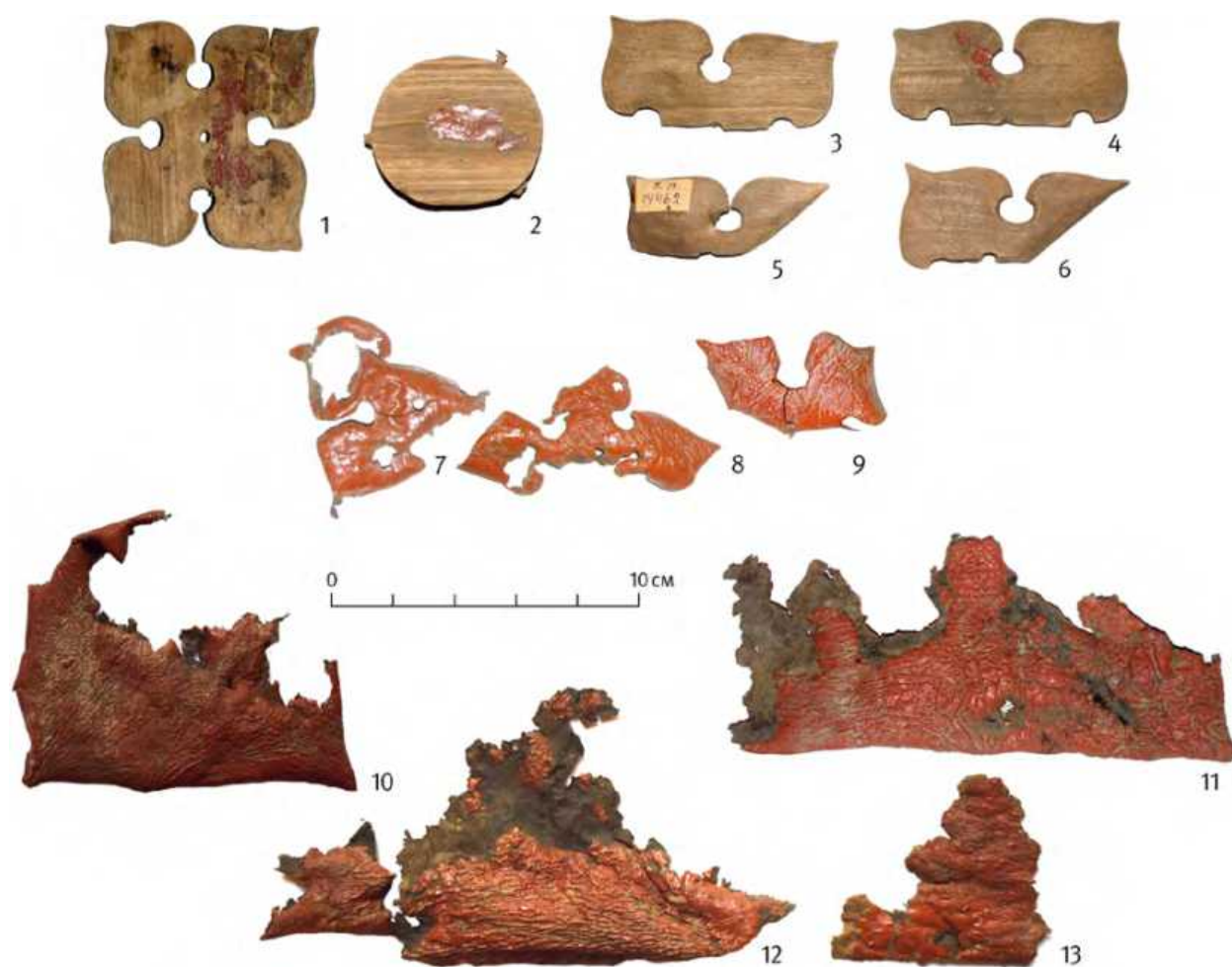

РИС. 9. Оформление гроба. 1–6 – деревянные фигурные украшения с остатками красного лака; 7–9 – кожаные фигурные лакированные украшения; 10–13 – фрагменты лакированной кожи. © Коллекция Государственного Эрмитажа (фото автора)

FIG. 9. Decoration of the coffin. 1–6 – wooden ornaments with remains of red lacquer; 7–9 – lacquered leathern ornaments; 10–13 – fragments of lacquered leather. © Collection of the State Hermitage Museum (photo by the author)

сированные *in situ* на стенах южного и северного «коридоров» деревянного погребального сооружения шерстяные вышитые полотна дают возможность считать, что они использовались для драпировки вертикальных поверхностей гробницы. Для достижения необходимого размера, соответствующего высоте стен внутренней камеры, сверху и снизу эти вышивки надставлены шерстяной полосатой тканью¹⁸. Нельзя исключить, что обнаруженная на полу узкого западного «коридора» в кургане № 20 большая вышитая завеса с аналогичным сюжетом и вставками полосатой ткани по верхнему и нижнему краю первоначально также

украшала стены деревянного погребального сооружения (*Полосьмак и др.*, 2011. С. 70). В отличие от обнаруженного на перекрытии сруба покрывала, полотна с изображением всадников, коней и ритуальных процессий не подвергались произвольной кройке, а сохранялись целиком. Размещение вышитых шерстяных тканей с узнаваемыми сюжетами могло быть связано с их охранной функцией, нацеленной на защиту погребальной камеры, а также могло отражать разделение сакрального пространства деревянной гробницы на внешнюю и внутреннюю зоны.

Такая интерпретация находит подтверждение в устойчивом положении отдельных категорий сопроводительного инвентаря внутри ноин-улинских гробниц. Найденные в кургане № 6 керамические

¹⁸ Общая высота вышивки с фигурами всадников и лошадей с учетом ее деформации составляет 134 см при высоте стен внутреннего сруба 168 см.

и бронзовые сосуды занимали традиционное для культуры хунну место в северной части. Во внешних «коридорах» сруба, преимущественно в северной его половине¹⁹, в кургане № 6, а также в курганах № 20 и № 22 найдены отдельные детали конской упряжи и седел. Выявленная при анализе документальных свидетельств о раскопках кургана № 6 закономерность в размещении пряжей волос, кос в футлярах и без них, а также погребальных флагов и полотен с фестонами в северном, восточном и западном «коридорах» находит подтверждение в шести больших ноин-улинских курганах, в том числе в полностью раскопанных крупных захоронениях хунну (*Полосьмак и др.*, 2011. С. 70; *Полосьмак, Богданов*, 2015. С. 23, рис. XI, 55, 65, 66). Состав обнаруженных во «внешней зоне» погребального сооружения находов отражает активный образ жизни кочевников, что согласуется с церемониальными сюжетами шерстяных вышитых полотен, которые находились

на стенах внешнего сруба и «объясняли» это назначение пространства «коридоров».

Заключение

Курган № 6 является одним из наиболее известных и хорошо сохранившихся погребений хунну, расположенных в горах Ноин-Ула. Это захоронение — яркий пример того, как в культуре хунну соединились традиции кочевого мира и привнесенные с территории древнекитайского государства новации. Предложенная методика исследования материалов раскопок прежних лет позволила дополнить и скорректировать ранее известные сведения. Она дает новые возможности для изучения вопросов появления дромосных курганов и формирования новой погребальной традиции в конце I в. до н. э. — первой половине I в. н. э. с учетом данных полевых отчетов и иных архивных документов.

Литература и источники

- АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. 1934 г. Д. 1789 (78): Акты и переписка о поступлении в Эрмитаж музейных предметов на постоянное хранение. Т. 1.
- АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 102: П. К. Козлов. Предварительный отчет об археологических работах Тибетской экспедиции в горной местности «Ноин-Ула», Южный Хэнтей, Монголия. [Улан-Батор, 1924].
- АРГО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 231: П. К. Козлов. Монголо-Тибетская экспедиция 1923–1926 гг. Археологические материалы.
- АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 53: П. К. Козлов. Чертежи С. Кондратьева.
- АРГО. Ф. 18. Оп. 4. Д. 55: Письма С. Кондратьева. 1. Письмо от 15/IV из Суцзуктэ к П. К. Козлову; 2. Отдельный лист из письма.
- Бернштам*, 1937 — *Бернштам А. Н.* Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение // *Известия АН СССР. ООИ*. 1937. № 4. С. 947–968.
- Бернштам*, 1951 — *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. 256 с.
- Елихина*, 2017 — *Елихина Ю. И.* Эрмитаж дахь Ноён-уулын эрдэнэс. П. К. Козловын шинжилгээний анги 1924–1926. Улаанбаатар: б/и, 2017. 368 с.
- Козлов*, 2003 — *Козлов П. К.* Дневники Монголо-Тибетской экспедиции. 1923–1926. СПб.: Наука, 2003. 1037 с. (Серия: НН. Т. 30).
- Краткие отчеты..., 1925 — Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи

с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 58 с.

- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 41: О Козловской коллекции из раскопок в Монголии (Смета и план работ, докладные записки об очистке, реставрации, консервации и изучении и протоколы заседаний).
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 68: О передаче в Академию коллекций, добытых экспедицией П. К. Козлова в Монголии. Описание вещей, отчеты С. Теплоухова и С. Кондратьева, протоколы, переписка и акты.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1925 г. Д. 202: [С. А. Кондратьев. Отчеты о раскопках курганов № 1 и № 6].
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1927 г. Д. 119: Монголо-Тибетская экспедиция под начальством П. К. Козлова. Переписка, акты, описи, журналы заседаний комиссии по изучению древностей, добытых экспедицией.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 64: Указатель к Книге Поступлений Склада Древностей. 1930 г.
- НА ИИМК РАН. РО. Р-1. 776: [Альбом с цветными и графическими иллюстрациями].
- НА ИИМК РАН. ФО. О. 240: [Фонд Монгольской эксп. Академия Наук СССР].
- НА ИИМК РАН. ФО. О. 241: [Фонд Монгольской эксп. Академия Наук СССР].
- НА ИИМК РАН. ФО. О. 242: [Фонд Монгольской эксп. Академия Наук СССР].
- НА ИИМК РАН. ФО. О. 243: [Фонд Монгольской эксп. Академия Наук СССР].
- НА ИИМК РАН. ФО. О. 244: [Фонд Монгольской эксп. Академия Наук СССР].
- НА ИИМК РАН. ФО. О. 245: [Фонд Монгольской эксп. Академия Наук СССР].

¹⁹ В курганах № 6 и № 22 детали седел также обнаружены и в районе грабительского лаза.

- НА ИИМК РАН. ФО. О. 246: [Фонд Монгольской эксп. Академия Наук СССР].
- Лубо-Лесниченко, 1961 — Лубо-Лесниченко Е. И. Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э. — III в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог. Л.: Изд-во ГЭ, 1961. 68 с.
- Полосьмак и др., 2011 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.
- Полосьмак, Богданов, 2015 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). Ч. 1. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2015. 136 с.
- Руденко, 1962 — Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 203 с.
- Симуков, 2008 — Симуков А. Д. Отчет по раскопке двух курганов в падах Суцзуктэ и Цзурумтэ // А. Д. Симуков. Труды о Монголии и для Монголии. Осака: Государственный музей этнологии, 2008. Т. 3. С. 40–45.
- Сутягина, 2020а — Сутягина Н. А. Основные направления исследований археологической коллекции ноин-улинских курганов в 1924–1935 гг. // АВ. 2020. Вып. 30. С. 330–342.
- Сутягина, 2020б — Сутягина Н. А. Реконструкция внутреннего убранства ноин-улинских гробниц (по материалам раскопок Монголо-Тибетской экспедиции) // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Мат-лы Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. д. и н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рожд. д. и н. И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред.: В. П. Никоноров и др. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 218–223.
- Чистякова, 2011 — Чистякова А. Н. Анализ лаковых чашек эпохи Западная Хань по иероглифическим надписям (Ноин-Ула, Монголия) // АЭАЕ. 2011. № 4 (48). С. 83–89.
- Юсупова, 2011 — Юсупова Т. И. История не совсем обычного археологического открытия // Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. С. 9–51.
- Ausstellung chinesischer Kunst..., 1929 — Ausstellung chinesischer Kunst. Veranstaltet von der Gesellschaft für Ostasiatische Kunst und der Preußischen Akademie der Künste. Berlin: Würfel Verlag, 1929. 458 S.
- Miniaev, Elikhina, 2009 — Miniaev S. S., Elikhina J. On the Chronology of the Noyon uul Barrows // The Silk Road. 2009. Vol. 7. P. 21–35.
- Trever, 1932 — Trever K. Excavation in Northern Mongolia (1924–1925). Leningrad: Fedorov, 1932. 76 p. (МАНМС; Vol. III).
- Yetts, 1926 — Yetts W. P. Discoveries of the Kozlów Expedition // BMC. 1926. Vol. 48 (277). (Apr., 1926). P. 169, 172–177, 180–182, 185.
- Yetts, 1929 — Yetts W. P. Exhibition of Chinese Art in Berlin // JRAS. 1929. № 2. P. 337–339.
- Umehara, 1960 — Umehara S. Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia. Tokyo: The Toyo Bunko, 1960. 301 p.

New information on the excavations of Barrow No. 6 ('Upper') in Northern Mongolia in the Noin-Uul mountains

N. A. Sutiagina

The Noin-Uul archaeological complex situated in Northern Mongolia is a main site of the Xiongnu period. Most of the burials excavated here are dated within the end of the 1st century BC — first half of the 1st century AD. The barrows are located in three valleys: Tszurumte, Sutszukte and Gudzhirte. Barrow No. 6 ('Upper') is the largest dromos tomb in the Sutszukte valley. It was excavated in 1924–1925 by members of the Mongolia-Tibetan Expedition. This paper proposes a method of interdisciplinary analysis of archaeological, written and illustrative sources for study of materials from past years excavations. This method allows reconstruct the archaeological complex of the barrow, and funerary rite, the composition of the funerary objects and topography of the objects inside the burial chamber. The conducted analysis of the total corpus of information sources has

resulted in establishing that in barrow No. 6 there was a thick layer of charcoal and preserved remains of the funerary fire lighted immediately in the pit. In the bonfire layer were found details of horse harness and a few parts of a chariot. The wooden chamber was covered with a woollen embroidered carpet, a felt undecorated coverlet, a layer of branches of foxberry bushes and cones. The design of the wooden chamber included nine upright supports in the outer chamber and three horizontal beams. The inner chamber was constructed so that the long walls were projecting beyond the transversal ones. These features are not reflected in the previously published layouts but have been established through the information from field documents. They are of important value for studies of the typology of burials of the Xiongnu.

The materials of the Barrow No. 6 suggest that, in the Noin-Ula dromos tombs, ceiling, floor, and walls were decorated. The topographic positions of the finds inside the wooden chamber defined on the basis of the field notes have allowed us to reveal the regularity in the arrangement of different categories of the accompanying funerary inventory in the space of the 'corridors' (external world) and within the inner chamber (internal world). The composition of the finds recovered from the 'outer zone' of the chamber reflects the activities of a nomad as is reflected in the ceremonious themes of the woollen embroidered cloths which dec-

orated the walls of the outer chamber and explained the purpose of the space of the 'corridors'.

Thus the proposed method of investigation of the materials from excavations of the past years was helpful in supplementation and correction of the previously known information about the Barrow No. 6 – the richest and the most well-known one among the Noin-Ula burials. The data obtained reveal new possibilities for further studies of the problem of the formation of the new burial tradition and appearance of the Xiongnu dromos barrows in the end of the 1st century BC – first half of the 1st century AD.

Тайна пещеры Гасяньдун¹

В. Б. Трубникова²

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется надпись, обнаруженная в 1980 г. на стене в пещере Гасяньдун. Впервые сделан ее перевод на русский язык; содержание надписи проанализировано с точки зрения лингвистики и исторического контекста; приведены аргументы в пользу подтверждения версии ее сяньбэйской атрибуции. Также привлечены археологические материалы двух могильников Эркэцзянь и Кулэцзянь, находящихся в непосредственной близости от пещеры Гасяньдун, и сделано предположение о выделении нового раннего пласта сяньбэй в провинции Хэйлуцзянь.

ANNOTATION. The article discusses an inscription discovered in 1980 on a wall in Gaxian Cave. For the first time, its translation into Russian was made; the content of the inscription was analyzed from the point of view of linguistics and historical context; arguments were given in favor of confirming the version of its Xianbei attribution. Archaeological materials from two burial grounds Erkeqian and Kuleqian, located in the immediate vicinity of the Gaxian Cave, were also involved, and an assumption was made about the allocation of a new early Xianbei group in Heilongjiang province.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пещера Гасяньдун, сяньбэй, тоба, ухуань, Вэй шу, Тоба Тао, Северо-Восточный Китай, Северная Вэй, ранние сяньбэй, Эркэцзянь, Кулэцзянь, пластина саньлу.

KEYWORDS: Gaxian Cave, Xianbei, Tuoba, Wuhuan, Wei Shu, Tuoba Tao, Northeast China, Northern Wei, Early Xianbei, Erkeqian, Kuleqian, Sanlu Buckle.

Открытие пещеры Гасяньдун

В 1980 г. китайский археолог Ми Вэньпин с двумя своими коллегами в ходе археологической разведки обнаружил каменный грот естественного происхождения (Ми Вэньпин, 1981). Грот, впоследствии ставший известным как пещера Гасяньдун³ (嘎仙洞), находится в 10 км к северо-западу от города Алихе Ороchonского автономного округа во Внутренней Монголии (рис. 1, 1). Пещера образовалась на южной поверхности наклонной скальной по-

верхности 100-метрового пика в верховьях небольшой р. Гасяньхэ, притока более крупной р. Ганьхэ (приток р. Нэньцзянь) (Ми Вэньпин, 1981. С. 1–2). Непосредственно по обеим сторонам реки расположен березовый лес, хотя остальные невысокие предгорья Больших Хинганских гор покрывают преимущественно хвойные деревья. Эта гористая местность находится в центре Хинганских гор на высоте около 500–1000 м над уровнем моря.

Существует несколько версий объяснения этимологии названия пещеры. Первая, лингвистическая — с языка сибо (язык протоманчжурской этнической группы сибэ/сибинцы) *гасянь* переводится как «родина», и с китайского языка *дун* — «пещера» (Забияко, 2014. С. 116). Вторая версия связана с мифологией орочонов, одного из тунгусских народов, заселивших предгорья Малого и Большого Хингана в середине II тыс. н. э. Согласно легенде, в пещере обитал злой дух. Герой Гаосянь одержал победу над духом в состязаниях красноречия и меткости, и тот, признав поражение, покинул пещеру. После этого события она стала носить имя героя (Ван Цзяньлинь, 2015. С. 62–64).

Изначально во время разведки 1980 г. внимание китайских археологов привлек просторный треугольный вход в пещеру на высоте 25 м от уровня земли: 12 м в высоту и 19 м в ширину (рис. 2). Внутри пещера значительно расширяется, создавая просторное помещение размерами 92 × 30 × 20 м, по его центру находилась необработанная плоская каменная плита размерами 3,5 × 3 м, напоминающая

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: bagbarega@gmail.com.

³ Пещера Гасяньдун упоминается в отечественной археологической литературе в аспекте изучения петроглифов, сделанных на окрестных скальных обнажениях. Это название закрепилось за ней в соответствии с нормами перевода китайских топонимов (Инструкция..., 1983. С. 26; Чжуан Хунъянь, 2015. С. 236; Забияко, 2017. С. 72). Также встречается еще один близкий по звучанию вариант транслитерации «пещера Гасяньдон» (Забияко, 2014; Ван Цзяньлинь, 2015). При этом важно уточнить, что с кит. яз. *дун* означает «пещера» и более правильным было бы использовать топоним «пещера Гасянь». Перевод топонима на английский язык представляется более корректным — Gaxian grotto (Holcombe, 2013. P. 1) и Gaxian cave (Ford, 2013). Тем не менее в этой статье мы продолжим устоявшуюся традицию использования названия «пещера Гасяньдун».

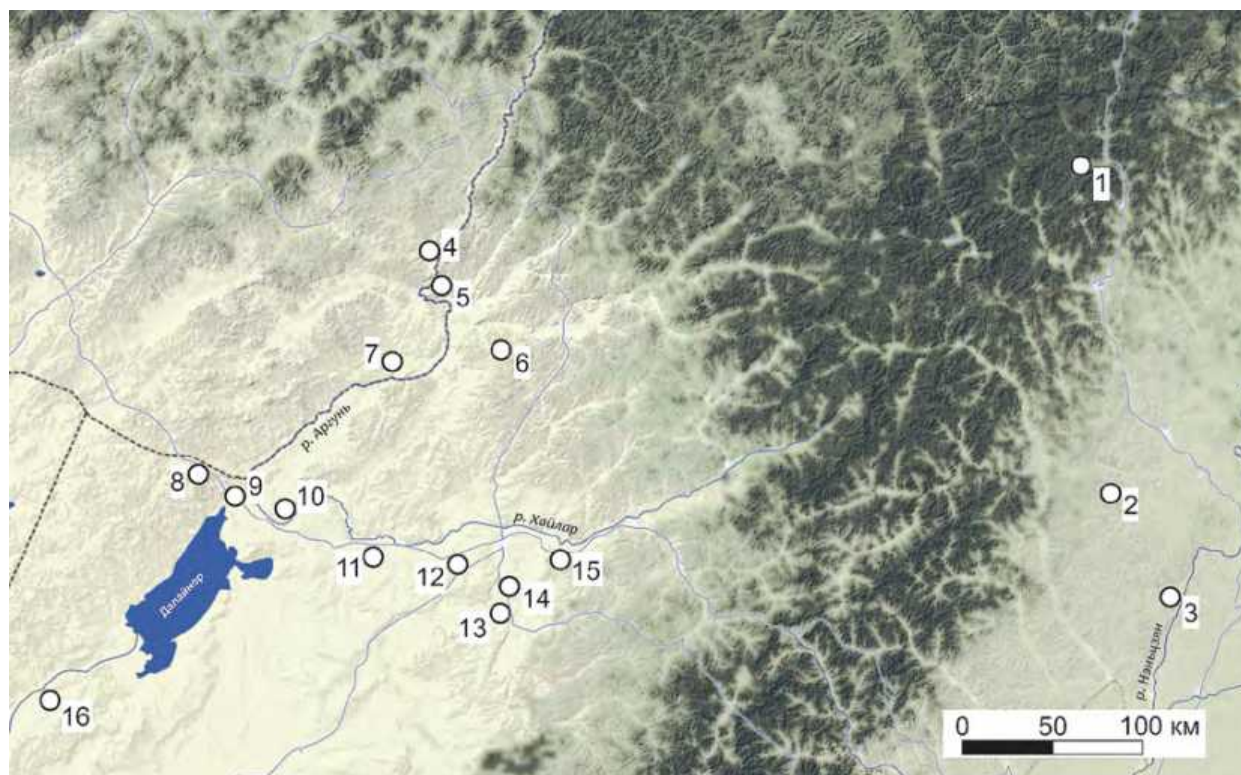

РИС. 1. Карта сяньбэйских памятников. Северо-восточная ранняя группа: 1 – пещера Гасяньдун; 2 – Эркэцянь; 3 – Кулэцянь; 4 – Зоргол; 5 – Цика; 6 – Лабудалинь; 7 – Дурой II; 8 – Могушань; 9 – Чжалайнор; 10 – Ихэула; 11 – Ваньгун; 12 – Эрдаогу; 13 – Иминьчэчжань; 14 – Мэнгэньчулу; 15 – Туаньцзе; 16 – могильник у Хунсин Шенчаньду

FIG. 1. Xianbei archaeological site map. Northeastern early group: 1 – Gaxian Cave; 2 – Erkeqian; 3 – Kuleqian; 4 – Zorgol; 5 – Qika; 6 – Labudalin; 7 – Duroi II; 8 – Mogushan; 9 – Zhalainur; 10 – Yihewula; 11 – Wangong; 12 – Erdaogou; 13 – Yiminchezhan; 14 – Menggenchulu; 15 – Tuanjie; 16 – cemetery from Hongxing Chengchandu

каменный стол. Вокруг нее по кругу примерно на равном расстоянии были установлены еще 7 камней меньшего размера. Камни были незначитель-

но углублены в небольшой культурный слой пещеры, что позволило предположить несовременное происхождение композиции.

РИС. 2. Зал пещеры Гасяньдун, местоположение надписи (по: Гасяньдун...)

FIG. 2. Interior of Gaxian Cave, location of the inscription (after Гасяньдун...)

Впоследствии вдоль входа в пещеру был заложен раскоп — небольшая траншея размерами 1 × 20 м (Вэнь Юйчэн, 2011). Раскопки продемонстрировали несколько культурных слоев: пещера использовалась почти постоянно с момента отступления последнего ледника. Среди находок обнаружены небольшие палеолитические каменные орудия, фрагменты неолитической керамики, а также средневековые железные инструменты, фрагменты лепной глиняной посуды и кости диких животных. Также в 2007 г. Шу Сихун и Фу Сяньчжань зафиксировали на скальной поверхности над входом в пещеру рукотворную нишу в стене: вероятно, стены и свод в этом месте были незначительно обработаны человеком (Вэнь Юйчэн, 2011. С. 44). Исследователи предположили, что это было специальное углубление для постановки в него статуи Будды; к сожалению, отсутствуют дополнительные находки, подтверждающие это предположение.

Надпись пещеры Гасяньдун: перевод и анализ

Главным открытием стала обнаруженная на западной стене пещеры еще в 1980 г. хорошо сохранившаяся надпись 70 см в высоту и 120 см в ширину (рис. 3). Она высечена на скальной поверхности на уровне глаз и состояла из 19 вертикальных строк и 201 иероглифа (Ми Вэньпин, 1981. С. 2). Удивительно хорошая сохранность надписи изначально навела исследователей на подозрения об ее относительно современной дате, хотя последующие трасологические изучения позволили признать ее древней. Почти сразу после открытия памятника Ми Вэньпин сделал подробный лингвистический и палеографический анализ текста — разбил его на смысловые части: абзацы и предложения, — что позволяет выполнить корректный перевод (Ми Вэньпин, 1981. С. 3).

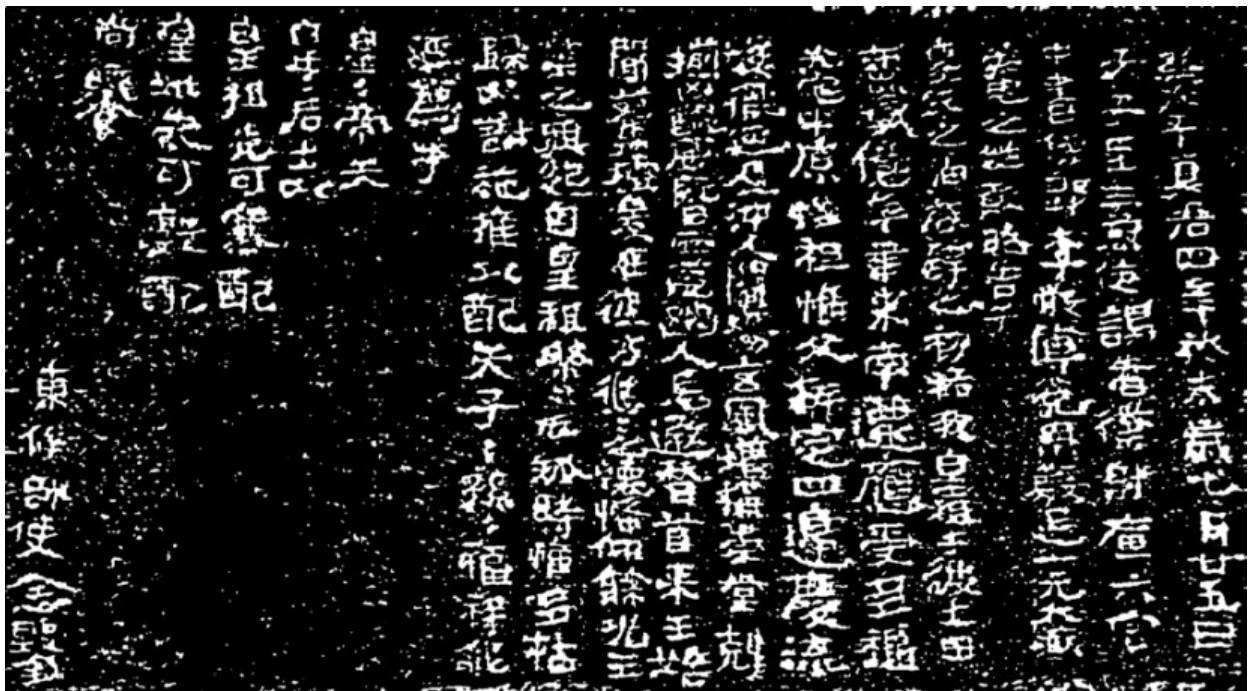

РИС. 3. Надпись на западной стене пещеры Гасяньдун (по: Лю Гуосян, Ни Жуньянь, 2014. Рис. 5)

FIG. 3. The inscription on the western wall of Gaxian Cave (after Лю Гуосян, Ни Жуньянь, 2014. Рис. 5)

維太平真君四年，癸未歲七月廿五日，天子臣燾使謁者僕射庫六官中書侍郎李敞、傅雀用駿足，一元大武，柔毛之牲，敢昭告於皇天之神：啓闢之初，佑我皇祖，於彼土田，歷載億年。聿來南遷，應受多福。光宅中原，惟祖惟父。拓定四邊，慶流後胤，延及冲人。闡揚玄風，增構崇堂。克翦凶刃，威暨四荒。幽人忘遐，稽首來王。始聞舊墟，爰在彼方。悠悠之懷，希仰余光。王業之興，起自皇祖。綿綿瓜瓞，時惟多祜。歸以謝施，推以配天。子子孫孫，福祿永延。

薦於：皇之帝天、皇之后土以皇祖先可寒配，皇妣先可敦配。

尚飨！東作帥使念當。

В двадцать пятый день седьмого месяца четвертого года эры правления Тайпин чжэньцзюнь⁴, в год Гуйвэй⁵, Сын Неба, слуга Тао отправил чиновников, главного мастера церемоний [старшего чиновника по поручениям]⁶ Кулюгуня, заместителей начальника канцелярий⁷ Ли Чана и Фу Цюэ принести в жертву быстроногих лошадей, быка, овец и других жертвенных животных, чтобы смиренно обратиться к божествам великого неба.

С момента рождения [наши] императорские предки были благословлены на этой земле на десятки тысяч лет. Переместившись южнее, все [предки] также были благословлены. Предки заняли Срединную равнину. [Они] расширили и заселили эти земли во всех четырёх направлениях, проливая благословение небес на всех последующих потомков вплоть до меня [молодого императора]. [Они] распространили даосское учение недеяния в обществе, также построили величественные храмы. [Они] победили и истребили вражеские мечи, завоевали уважение вплоть до границ империи. Чужеземцы, невзирая на дальнюю дорогу, являются ко двору кланяться и подтверждать свою покорность. Впервые узнав о древней земле [предков], которая находится здесь, в этом месте, [я] преисполнен надеждой положиться на благодеяния предков. Основание [нашей] династии берет начало от предков. Непрерывная преемственность [нашей] линии благословлена [ими] на долгие годы. Возвращаясь к месту истоков, приношу [эту] жертву [предкам] наравне с Небом. [Пусть] у сыновей и внуков счастье и почет вечно преумножаются. Эта жертва [посвящена] Небесному верховному владыке и изобильной священной земле, царственному праотцу, кагану, и царственной праматери, кату.

Да будет это воспринято!

Военачальник восточных земель по моему приказу выбил [эту надпись]⁸.

Обычай оставлять надписи на каменных стелах и других поверхностях в значимых местах сложился и широко распространялся в рамках конфуцианской традиции в Китае с первых веков I тыс. н. э. И «храм предков», как следует из текста, несомненно, является одним из таких значимых и достойных надписи мест. Из текста мы узнаем, что чиновники высокого ранга Кулюгунь, Ли Чан и Фу Цюэ по приказу Сына Неба, императора, посещают некий храм. Указание на то, что событие происходило в четвертый год эры Тайпин чжэньцзюнь, позволяет реконструировать точную дату – 25 июля 443 г. н. э. *Тайпин чжэньцзюнь* – девиз правления, который в 440 г. провозгласил император Тоба Тао, правитель государства Северная Вэй. В текстах не принято было писать личные имена императоров, вместо них использовали формулу, когда к титулу императора

прибавляли его девиз, или иначе эру правления. Их названия были уникальными, период правления под определенным девизом мог продолжаться любое количество лет по усмотрению самого императора и за его жизнь меняться несколько раз. Название китайских эр правления в общей переводческой традиции принято передавать транслитерацией, хотя зачастую перевод иероглифов способен кратко охарактеризовать политический курс императора, принятый в данный момент времени. *Тайпин чжэньцзюнь* дословно переводится как «великое спокойствие совершенного владыки», что отражает чаяния императора Тоба Тао: в 439 г. он одержал ряд важных побед в раздробленном и охваченном смутой Китае, фактически завоевав титул императора Северного Китая, хотя надежды на мирное правление в эру нового девиза в полной мере так и не оправдались.

Для понимания смысла надписи следует дать несколько характеристик императора Тоба Тао. С начала своего правления в 424 г. Тоба Тао одержал череду блистательных побед, при этом с самого начала он активно изучал даосскую философию и частично отождествлял свои триумфы с даосизмом. Впоследствии все это переросло в важнейший для истории Северного Китая государственный акт 444 г., постановивший даосизм новой государственной религией и одновременно спровоцировавший гонения на буддистских монахов и разорение их святынь. Отсюда в тексте встречается упоминание даосского «принципа недеяния», хотя надпись и была оставлена еще при официально номиналь-

⁴ *Тайпин чжэньцзюнь* 太平真君 – эра правления императора Тоба Тао (440–451 гг. н. э.).

⁵ *Гуйвэй* 癸未 – год овцы (козы) по китайскому лунному календарю.

⁶ *Эчжэ пуе* 謁者僕射; перевод должности по: *Таскин*, 1984. С. 431.

⁷ *Чжуншу шилан* 中書侍郎; перевод должности по: *Zhang et al.*, 2020. P. 115, 139.

⁸ Здесь и далее перевод всех китайских текстов выполнен автором. Выражаю огромную благодарность за помощь с переводом А. А. Ковалёву и Чэнь Цзыцю. Также сделанный русский перевод сравнивался с двумя английскими вариантами: Чинь-инь Цэна (*Tseng*, 2012) и Р. А. Форда (*Ford*, 2013). Стоит отметить, однако, что оба английских перевода отличаются большой степенью свободы в смысловой трактовке сюжета надписи, а также содержат терминологические неточности.

но господствовавшей буддистской доктрине. Впрочем, поручения о разрушении буддистских святынь не мешали Тоба Тао активно посещать или устраивать церемонии в святилищах предков, построенных его предшественниками: Тоба Гуем (386–409 гг.) и Тоба Сы (409–423 гг.). Упоминания об этих «каменных» святилищах встречаются в цзюане 108 «Вэй шу» (Вэй шу, цзюань 108а; цзюань 108г).

В один из таких храмов предков и были отправлены трое чиновников — Кулюгунь, Ли Чан и Фу Цюэ, чтобы там совершить обряд жертвоприношения. Вероятно, главным ответственным лицом среди них был Кулюгунь: он упоминается в перечислении чиновников первым. Также важно, что его фамилия указывает на его сяньбэйское происхождение, а именно принадлежность к родственному сяньбэй племени ухуань (*Вэнь Юйчэн*, 2011. С. 49–50). Такого рода фамилии встречаются как в «Вэй шу», так и в «Бэй ши» как «варварские», не китайские. А его должность «главного мастера

церемоний» отвечает представлению, что именно он отвечал за сохранение сяньбэйских традиций в проведении обрядов. При этом любопытно, что имя Кулюгуня в других исторических текстах не встречалось: китайские хронисты могли либо не знать его имени, либо сознательно не упоминать, преуменьшая тем самым его роль. Что касается двух других чиновников — они были китайцами. Закон о запрете ношения сяньбэйских фамилий и замене их на китайские имена к тому моменту еще был не издан, это произойдет лишь в 496 г. при императоре Сяовэнь-ди.

Для совершения обряда жертвоприношения были использованы разные животные — овца (в тексте подчеркивается, что она была в единственном числе), лошади, крупный рогатый скот. Больше уточнений о церемонии надпись в пещере Гасяньдун не содержит. Однако в «Вэй шу» имеется краткое описание обряда жертвоприношения духам предков.

敞等既祭, 斫桦木立之, 以置牲体而还。生长成林, 其民益神之, 咸谓魏国感灵抵之应也。

(Вэй шу, цзюань 108а).

Широкие слои населения издавна совершают жертвоприношения, [для этого] срубленные березы устанавливаются вертикально, кладут жертвенных животных и отступают назад. Выращенная простым народом [березовая] роща приносит благодать духу, все говорят, что Царство Вэй находится под защитой духа, пока [люди Вэй] приезжают сюда.

Не очень ясно, для каких целей использовались срубленные березы, возможно, их пускали на дрова для разведения ритуального костра, впрочем, в самой пещере при раскопках не обнаружены следы прокаливания почвы или кострищ. Более верным кажется предположение, что в «Вэй шу» описывается известный по этнографическим материалам обряд тюрко-монгольских народов, когда в землю втыкались молодые березы или березовые ветви для проведения обряда жертвоприношений или посвящения шаманов (*Михайлов*, 1980. С. 192). Любопытно также наблюдение, что березовая роща, раскинувшаяся рядом с пещерой, была специально посажена сяньбэй тоба, чтобы всегда иметь возможность проводить необходимые обряды (*Вэнь Юйчэн*, 2011. С. 50). Так или иначе, береза для сяньбэй была знакомым и важным материалом — на раннем этапе своей истории из нее делали доски для гробов, а из бересты плели туески. И наличие самой пещеры Гасяньдун в березовой роще кажется не только символическим, но и закономерным.

Далее в тексте идет переход от вступительной нарративной части к основной, более мифологиче-

ской. В ней рассказывается общая концепция возвышения сяньбэй, об их переселении на юг, покорении соседей. Все это происходило под благословением духов предков. Несмотря на то, что во фрагменте мало фактов и рассказанная история может отражать историю любого варварского государства в той или иной мере, понятно, тем не менее, что речь идет о государстве Северная Вэй, известном также под названием Тоба Вэй. Оно возникло на территории Северо-восточного Китая в конце IV в., в 386 г., в эпоху шести династий, когда глубокие политический и экономический кризисы наложились на период активизации северных кочевых народов. Основатели династии происходили как раз из «северных кочевых народов» — тоба, вероятно, крупнейшего сяньбэйского племени. На раннем этапе своего возвышения благодаря консолидации усилий с Восточной Хань сяньбэй тоба устранили своих главных соперников — хунну, а позже и их государственное объединение — Северную Хань. После падения империи Восточная Хань сяньбэй тоба удалось воспользоваться борьбой за власть между китайскими «наследниками» и основать собствен-

ное государство Северная Вэй. Столицей государства стал город Пинчен, бывший гарнизонный город Восточной Хань, охранявший границы Срединного государства в том числе и от самих сяньбэй.

Наибольшее сомнение и дискуссии у исследователей вызывают употребленные термины в отношении праотца и праматери. Дело в том, что в тексте употреблены не ходившие на тот момент времени в употреблении термины: мужской титул *каган* 可寒 и женский парный титул — *катун* 可敦 (Вэнь Юйчэн, 2011. С. 50; *Holcombe*, 2013. Р. 15). Такие титулы не встречаются в хронике «Вэйшу» и «Хоу Ханьшу» относительно сяньбэйских правителей и, по мнению многих исследователей, не были характерны для времени династии Северная Вэй. Между тем исследования этимологии титула «каган» находят истоки непосредственно в омофоничных сяньбэйских титулах «хэгань» и «кэхань». Хотя правители сяньбэй, стремившиеся узаконить свою власть, сначала заимствовали хуннский титул «шаньюй», а уже позже китайский — «император», титул «каган» также встречается при упоминании двух сяньбэйских племен цифу и туюйхуней для описания событий еще конца III в. н. э., а впоследствии этот титул переняли и другие кочевые племена (*Таскин*, 1986. С. 213–215). По мнению Вэнь Юйчэна, титул «каган» мог появиться среди сяньбэй уже в тот период, когда полководец Цао Цао привлек сяньбэй к военным действиям против остатков хунну. Сяньбэй того времени описываются как варварский народ, в связи с чем китайцами им были даны фамилии и титулы, среди которых мог быть и титул «каган» (Вэнь Юйчэн, 2011. С. 50).

Наконец, в заключение краткого историко-лингвистического анализа, обратимся к последним фразам надписи. Тут мы встречаем штампы, сложившиеся в Китае еще в период конфуцианских текстов. К примеру, фраза *цзыцзысуньсунь фулу юнь* 子子孫孫，福祿永延 — «[пусть] у сыновей и внуков счастье и почет вечно преумножаются» — яв-

ляется одним из вариантов стандартного пожелания (*Крюков*, 2010. С. 320). К таким принятым в конфуцианстве обязательным формулам относится и возношение молитвы одновременно Небу и Земле. В конце использован еще один характерный для такого рода надписей шаблон *шан сян* 尚飡 — «да будет это воспринято». Он был введен в ритуальную литературу впервые в «И ли» («Образцовые церемонии и правила благопристойности»), одном из каноничных текстов конфуцианства, входящем в «Тринадцатикнижие» («Ши сань цзин») и раскрывающем правила проведения различных церемоний, захоронений и ритуалов (*Кобзев*, 2006. С. 722–724; *Васильев*, 1988. С. 173, 196–197). Соединение в одном тексте китайских формул речи с описаниями сяньбэйских ритуальных традиций иллюстрирует, вероятно, непродолжительный период китаизации сяньбэйских правителей.

Интерпретация надписи

Сделанный выше анализ не ставил целью охватить все лингвистические тонкости и максимально глубоко осветить исторические сюжеты, но должен был раскрыть общее содержание надписи из пещеры Гасяньдун, а также подготовить почву для ее интерпретации и дальнейшего обсуждения. В первую очередь, следует оценить степень доверия к источнику. Выше уже упоминалось, что по тем или иным причинам исследователи высказывали свое недоверие относительно синхронности памятника с приведенной в тексте датой, однако вся критика касалась отдельных моментов надписи и не выстраивалась в единую критическую концепцию, способную разоблачить исторический подлог. Главным же аргументом для датирования памятника 443 г. или около него является упоминание похожего исторического сюжета в «Вэй шу» в двух цзюанях. Оба фрагмента уже были пересказаны В. С. Таскиным, однако дословного перевода опубликовано не было (*Таскин*, 1984. С. 43).

世祖真君四年來朝，稱其國西北有國家先帝舊墟，石室南北九十步，東西四十步，高七十尺，室有神靈，民多祈請。世祖遣中書侍郎李敞告祭焉，刊祝文於室之壁而還。

(Вэй шу, цзюань 100).

В четвертый год правления Ши-цзу⁹ чжэньцзюня явились [посланцы] ко двору с изъявлением покорности и сообщили о том, что на северо-западе страны существуют древние реликвии императорских прародителей, скальная пещера с севера на юг в 90 шагов, с востока на запад 40 шагов, высотой в 70 чи¹⁰, в этой комнате живёт дух, [к нему] множество людей ходят молиться. Ши-цзу отправил секретаря государственной канцелярии, помощника министра Ли Чана совершить жертвоприношение туда. [Он] вырезал ритуальный текст на стене комнаты и вернулся домой.

⁹ Храмовое имя императора Тоба Тао (424–452 гг.).

¹⁰ Чи — кит. мера длины, равная 0,32 м.

按《禮志》，魏先之居幽都也，鑿石為祖宗之廟於烏洛侯國西北，自後南遷，其地隔遠。真君中，烏洛侯國遣使朝獻，雲石廟如故，民常祈請，有神驗焉。其歲遣中書侍郎李敞詣石室告祭天地，以皇祖先妣配。

(Вэйшу, цзюань 108а).

Согласно «Ли цзи» [禮志 – книга обрядов], предки Вэй жили на северных окраинах, [они] высекли в камне храм предков на северо-западе от государства Улохоу [烏洛侯國], потомки же их перебрались на юг, отдалившись от этого места на большое расстояние. В эпоху чжэньцзюнья государство Улохоу отправило гонца [в государство Северная Вэй] сделать подношение и уведомить, что храм их предков из юньнаньского мрамора сохранился как и прежде, местное население постоянно [приходит туда] совершать обряды, и благодать нисходит [на них] в этом месте. В этот год секретарь государственной канцелярии, чиновник личной охраны императора Ли Чан был отправлен посетить скальную пещеру совершить жертвоприношение небу и земле, царственному праотцу и царственной праматери.

Отметим ряд важных совпадений между записями в хрониках и надписью в пещере Гасяньдун. Во всех трех текстах упоминается чиновник Ли Чан, совпадает эра правления, во время которой посланцы были отправлены в «храм предков»: Тайпин чжэньцзюнь при императоре Тоба Тао. В цзюане 100 также приводится точный год события – 443 г., который соответствует дате из надписи в пещере. Более того, в хронике приведены размеры пещеры, которые пропорционально совпадают с размерами Гасяньдуна: по «Вэй шу», параметры пещеры ~149 × 66,5 × 22,4 м – против реальных 92 × 30 × 20 м (несовпадение параметров длины и ширины, возможно, связано с тем, что древний автор мог учитывать в подсчетах площадку перед входом в пещеру). Наконец, важный факт – это упоминание этнонима улохоу, вероятно, родственного племени ухуань: они занимали северные предгорья Хинганского хребта, где и находится пещера Гасяньдун (Таскин, 1984. С. 8).

При этом важно заметить, что сама историческая хроника «Вэй шу» является достаточно надежным источником, особенно в части описания более ранней истории. Дело в том, что она была сделана по приказу императора династии Северная Ци и составлена придворным историком Вэй Шоу. Работа над хроникой пришлась на середину VI в., однако доподлинно известно, что за основу труда была взята историческая хроника, которая велась при вэйском дворе еще в V в. Впоследствии во времена правления династии Суй текст подвергся изменениям из-за необходимости подчеркнуть правопреемственность нового государства от Северной Вэй. В поздних цзюанях текст переделывался, некоторые его части были даже утеряны, однако впоследствии каноничной версией все-таки был признан первоначальный труд Вэй Шоу (Бокицзини, 1980. С. 6–7). Вероятно, касательно более ранней истории первых императоров хроника не была

сильно искажена, что и позволяет оказывать историческому довольно большую степень доверия.

Наконец необходимо учесть еще один критический аспект: новое открытие, сделанное в последующие годы исследования пещеры. В сентябре 2002 г. археолог Ван Лиминь обнаружил остатки еще одного текста, написанного на восточной, противоположной от надписи стене пещеры. Однако можно было разобрать лишь четыре иероглифа: «четыре», «император», «великий» и «ван» (Ван Лиминь, 2003. С. 75–76). Все эти иероглифы встречаются и в «оригинальной» надписи, обнаруженной в 1980 г., а общая планиграфия их расположения позволяет заключить, что на восточной стене была сделана аналогичная надпись. Очевидно, что восточная стена подвергалась большему воздействию эрозии выветривания из-за конфигурации самой пещеры. По мнению некоторых исследователей, изначально надпись могла быть нанесена именно на восточную стенку, однако довольно быстро признав выбранную плоскость неудачной для сохранения послания потомкам из-за сильных северо-западных ветров, надпись продублировали на противоположной стороне (Лю Гуосян, Ни Жуньань, 2014. С. 58). Такое предположение частично снимает вопросы относительно хорошей сохранности гравировки первой оригинальной надписи. Однако прямых свидетельств дублирования текста нет: надписи могли быть сделаны также и одновременно, что соответствовало общему архитектурному принципу симметрии, доминировавшему в Китае со времен западной Хань и продолжавшему использоваться и при сооружении гробниц периода Северной Вэй.

Подытоживая: сегодня большинство исследователей признают пещеру Гасяньдун ранним сяньбэйским памятником. Помимо всех вышеперечисленных выводов и доказательств, сторонники признания памятника подлинным дополнительно

приводят еще несколько умозаключений, касающихся не столько анализа самой надписи, сколько общей морфологии пещеры. Во-первых, размеры пещеры и ее ровные пологие стены и пол наиболее удобны для устройства «храма» или «места почитания предков». В «Вэйшу» описывается, что традиция использовать каменные гроты в целях устройства в них храмов предков была довольно популярной. Несколько таких храмов «открыли» Тоба Гуй (386–409 гг.), основатель династии Северная Вэй, и его преемник Тоба Сы (409–423 гг.). Во-вторых, обращает на себя внимание выгодное географическое расположение: с одной стороны, в удалении от Центрального Китая и кочевья северных номадов, с другой – на стыке двух лощин, что обеспечивает досягаемость пещеры с западной и восточной сторон. Таким образом, пещера Гасяньдун спрятана от случайных посетителей, но ее посещение не сопряжено с большими трудностями дороги. В-третьих, любопытны попытки интерпретировать фигуру из восьми камней на полу в центре зала пещеры, описанную в начале статьи. Высказывается предположение, что центральный камень символизирует династию Северная Вэй, а семь камней вокруг него представляют разные северные племена, объединившиеся в союз (*Вэнь Юйчэн*, 2011. С. 48). Однако, несмотря на неординарность данного предположения, в хрониках «Вэйшу» и «Хоуханьшу» отсутствуют прямые указания, что в сяньбэйский союз непосредственно входили восемь племен.

Пещера Гасяньдун в свете археологических находок

Если исходить из тезиса, что пещера Гасяньдун – это памятник сяньбэй, то становится возможным перейти к обсуждению следующего важного вопроса. Можно ли признать окрестности пещеры Гасяньдун «родиной» сяньбэй? Существовало ли в этой пещере место поклонения духам предков еще до «переселения» племен на юг? Или, в русле общей конфуцианской тенденции устройства святилищ, этот храм был основан уже только в период становления государства Северная Вэй? Однозначных ответов на эти вопросы получить не удастся, поскольку прямых археологических находок, указывающих на сяньбэй, в культурном слое пещеры сделано не было. Ми Вэньпин аккуратно замечает, что обнаруженные фрагменты керамики рядом с каменной фигурой по центру пещеры могут напоминать более простую раннюю кера-

мику сяньбэй. Однако на этих фрагментах нет орнаментов, они не позволяют реконструировать форму сосудов, соответственно, подобные заключения представляются неубедительными (*Ми Вэньпин*, 1981. С. 6).

Единственной подсказкой для ответа на поставленные вопросы остается только географическое положение самой пещеры относительно других сяньбэйских памятников. В районе города Пинчен, столицы Северной Вэй, тоба сяньбэй оказались только после падения Восточной Хань в 220 г. До этого они компактно проживали на берегах Аргуни, в основном на территории современной китайской провинции Внутренняя Монголия, в округе Хулун-буир. Обнаруженные на сегодняшний день на этой территории 13 могильников со сходными элементами погребального обряда и единым инвентарным комплексом позволяют считать эти памятники синхронными, относящимися к периоду поздней Хань (25–220 гг. н. э.). При этом племена, оставившие тут свои погребальные памятники, появились в окрестностях Хулун-буира с уже сложившимися культурными традициями и их пребывание на этой территории, вероятно, было непродолжительным (*Трубникова*, 2020. С. 228). В связи с этим становится опять актуальным вопрос о «сяньбэйской прародине». Не пересказывая всю историографию вопроса, отметим, что сегодня большинство исследователей склоняется к мнению, что появление сяньбэй в Северо-Восточном Китае стало следствием амурской миграции протомонгольских племен (*Таскин*, 1980. С. 43; *Кычанов*, 2010. С. 68). Пещера Гасяньдун располагалась на пути этой миграции: она находится восточнее группы могильников примерно на 250–400 км. Такое расстояние не могло являться помехой для кочевников, пещера вполне могла быть единовременным с могильниками памятником. Однако за последние десятилетия в непосредственной близости от пещеры Гасяньдун было открыто несколько новых могильников, анализ которых позволяет как уточнить дату самой пещеры, так и по-новому взглянуть на начальные этапы формирования сяньбэйской культуры.

На берегу р. Нэньцзян, в верховьях водного бассейна которой находится пещера Гасяньдун, еще в середине 1960-х гг. был обнаружен любопытный памятник – могильник Эркэцян (*рис. 1, 2*) (*Ан Лу, Цзя Вэймин*, 1986; *Ли Яньте и др.*, 2003). Его исследования проходили в несколько этапов, в ходе которых раскопано 68 погребений. При изучении мо-

гильника зафиксированы две группы погребений. Первая группа, к которой принадлежало большинство погребений, отнесена к историческому периоду Китая *Чуньцю шидай* (период «Вёсны и осени» с 722 по 481 г. до н. э.). Позже памятник дал название новой выделенной культуре позднего бронзового века, близкой по хронологии к последнему этапу культуры Байцзиньбао.

Вторую группу погребений (всего 21 погребение) изначально не выделяли от первой, даже несмотря на несколько случаев перекрытия погребений бронзового века более глубокими могилами из второй группы. Исследователи отмечали только отдельные обрядовые особенности. Погребения относительно друг друга располагались хаотично, совпадала лишь ориентация по оси север–юг (у ранних сяньбэйских памятников планиграфия могильников представлена рядами, доминирует северная ориентировка, однако почти во всех случаях фиксируется небольшое отклонение к западной стороне оси). Погребения совершались в более глубоких ямах (глубиной до 1,2 м), погребальные конструкции не были зафиксированы (сяньбэйские погребения совершались в деревянных гробах или конструкции также отсутствовали, в отдельных случаях фиксируют берестяные коробы). В трех могильных ямах (M20, M23, M60) установлено применение огня, что является уникальным явлением. В одном погребении (M11) по периметру ямы была устроена ступенька (такая особенность погребального обряда также часто фиксируется в ранних сяньбэйских памятниках – Лабудалинь, Чжалайнор, Мэнгэнчүлу и Туаньцзэ). Часть погребений – одиночные, однако встречаются и парные захоронения, и даже тройное семейное (M8) (погребения сяньбэй преимущественно одиночные). Из инвентаря отмечены в основном керамические сосуды, ставившиеся в изголовье, и отдельные железные изделия, а также бусины. Самая примечательная находка – пластина саньлу (прямоугольная резная пластина с изображением трех оленей), обнаруженная в погребении M36 (*Ли Яньте и др.*, 2003. Рис. 5). Такие пластины являются одним из сяньбэйских маркеров и встречаются в эталонных сяньбэйских могильниках Чжалайнор, Сандаован, Чаньцзябао, имеется также небольшая серия случайных находок (*Цзяо Лян*, 2005). Обнаружение пластины саньлу окончательно позволяет выделить вторую группу погребений из общего пласта могильника Эркэцзянь и продатировать ее более поздним временем – начало первых веков н. э.

В 1996 г. недалеко от г. Нэхэ провинции Хэйлунцзян, в непосредственной близости от могильника Эркэцзянь был обнаружен еще один могильник Кулэцзянь, в котором прослеживалась аналогичная ситуация (**рис. 1, 3**) (*Zhang, Wang*, 2007). Из 52 изученных погребений исследователи 37 могил относят к бронзовому веку, к тому же этапу, что и могильник Эркэцзянь, а 15 определены как более поздние. Погребальный обряд второй группы погребений аналогичен обряду в могильнике Эркэцзянь, также в погребениях встречается однотипная лепная керамика – все это позволяет считать два могильника синхронными памятниками. При этом важно отметить, что по сравнению с уже выделенной группой сяньбэйских памятников в Хулун-буире погребальный обряд этих двух могильников представляется еще не устоявшимся, с большой вариабельностью признаков, а керамика более грубая. Это позволяет предположить, что памятники датируются более ранним временем, чем уже известные западные сяньбэйские памятники. Эркэцзянь и Кулэцзянь могли быть оставлены мигрировавшим с востока племенам сяньбэй. При этом пластина саньлу, вероятно, самая ранняя из всех найденных, позволяет уверенно говорить о сяньбэйской атрибуции памятников.

Любопытна также дублирующаяся ситуация с наложением двух разновременных культурных пластов на могильниках Эркэцзянь и Кулэцзянь. Пока представляется затруднительным рассмотреть вариант неслучайности этого наложения и увидеть связь между культурой Эркэцзянь, которую китайские археологи относят к позднему бронзовому веку, и ранними сяньбэйскими памятниками.

Принимая Эркэцзянь и Кулэцзянь пока за самые ранние известные сяньбэйские памятники, остается решить вопрос об их взаимосвязи с пещерой Гасяньдун. Находясь в непосредственной близости друг к другу, памятники Гасяньдун, Эркэцзянь и Кулэцзянь образуют новую локальную группу сяньбэйских памятников с восточной стороны от Больших Хинганских гор. Безусловно, соседство пещеры Гасяньдун рядом с двумя могильниками не может позволить однозначно продатировать пещеру Гасяньдун еще более ранним временем, но само это обстоятельство представляется неслучайным и лишь подкрепляет версию миграции сяньбэй по восточному пути, с одной стороны, и, с другой, в очередной раз подтверждает сяньбэйскую атрибуцию пещеры Гасяньдун.

Литература

- Бокшанин, 1980 — Бокшанин А. А. Введение // Материалы по экономической истории Китая в раннее Средневековье / Отв. ред. Р. В. Вяткин. М.: Наука, 1980. С. 3–24.
- Ван Цзяньлинь, 2015 — Ван Цзяньлинь. Выражение религиозных верований и практик в наскальных изображениях (на материалах религиозных традиций Северо-Восточного Китая): Дис. ... канд. фил. наук (09.00.14). — Благовещенск, 2015. 197 с.
- Васильев, 1988 — Васильев Л. С. Этика и ритуал в трактате «Ли цзи» // Этика и ритуал в традиционном Китае: Сб. ст. / Отв. ред. Л. С. Васильев. М.: Наука, 1988. С. 173–201.
- Забяко, 2014 — Забяко А. П., Ван Цзяньлинь. Петроглифы пещеры Гасяньдун (Северо-Восточный Китай) // Религия в истории народов Центральной Азии: Мат-лы II Междунар. науч. конф. / Под ред. П. К. Дашковского. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 116–121.
- Забяко, 2017 — Забяко А. П. Ван Цзяньлинь. Петроглифы Северо-Восточного Китая: новые памятники и интерпретации // АЭАЕ. 2017. Т. 45, № 3. С. 69–78.
- Инструкция..., 1983 — Инструкция по русской передаче географических названий Китая. ГКИНП-13-162-82. М.: Наука, 1983. 132 с.
- Кобзев, 2006 — Кобзев А. И. Ли Цзи // Духовная культура Китая: энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Изд-во Восточная литература, 2009. Т. 5. С. 722–724.
- Крюков, 2010 — Крюков В. М. Текст и ритуал: Опыт китайской интерпретации древнекитайской эпиграфики Инь-Чжоу. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 464 с.
- Кычанов, 2010 — Кычанов Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гунов до маньчжуров). СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010. 364 с.
- Михайлов, 1980 — Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII век) / Отв. ред. П. Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
- Таскин, 1980 — Таскин В. С. Материалы по истории ухуней и сяньби // Дальний Восток и соседние территории в средние века / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1980. С. 54–102. (История и культура востока Азии).
- Таскин, 1984 — Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984. 487 с.
- Таскин, 1986 — Таскин В. С. О титулах шаньюй и каган // Mongolia. М.: Наука, 1986. С. 213–216.
- Трубникова, 2020 — Трубникова В. Б. Опыт выделения локально-хронологических групп сяньбэйской культуры // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Мат-лы Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рожд. д. и. н. И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред.: В. П. Никоноров и др. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 227–228.
- Чжуан Хуньянь, 2015 — Чжуан Хуньянь. Культурные особенности и культурная ценность наскальных изображений на хребте Большой Хинган // Россия и АТР. 2015. Т. 89, № 3. С. 236–249.
- Ford, 2013 — Ford R. A. The Gaxian cave inscription: The perpetuation of steppe tradition under the Northern Wei Dynasty // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 2013. Vol. 20. P. 23–66.
- Holcombe, 2013 — Holcombe Ch. The xianbei in Chinese history // Early Medieval China. 2013. Vol. 19. P. 1–38.
- Tseng, 2012 — Tseng C.-Y. The making of the Tuoba Northern Wei: Constructing material cultural expressions in the Northern Wei Pingcheng period (398–494 CE). A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy University of Oxford Michaelmas Term. Oxford, 2012. 351 p.
- Zhang, Wang, 2007 — Zhang Wei, Wang Changming. Kuleqian Cemetery of the Bronze Age to the Early Iron Age in Nehe City, Heilongjiang // Chinese archaeology, 2007. Vol. 7, Issue 1. P. 4755.
- Zhang et al., 2020 — Zhang Y., Xue S., Xue Z., Ni L. Chinese-English Dictionary of Ming Government Official Titles. 2020. [Electronic resource.] Access mode: <https://escholarship.org/uc/item/2bz3v185> (access date: 20.01.2021).

На китайском языке

- Ан Лу, Цзя Вэймин, 1986 — Ан Лу, Цзя Вэймин. Хэйлунцзян Нэхэ Эркэцянь мудицици вэньти таньтао [安路. 贾伟明. 黑龙江洒河二克浅墓地及其问题探讨]. Обсуждение проблем могильника Эркэцянь, провинция Хэйлунцзян, уезд Нэхэ // Бэйфан вэньбу. 1986. № 2. С. 2–8.
- Ван Лиминь, 2003 — Ван Лиминь. Гуанью Гасяньдун цэ бэй бэй шиби синь фасянь вэньцзы дэ чубу фэнси [王立民. 关于嘎仙洞东侧背北石壁新发现文字的初步分析]. Предварительный анализ вновь обнаруженных надписей на восточной стене пещеры Гасяньдун // Бэйфан вэньбу. 2003. № 1. С. 75–78.
- Вэй шу, цзюань 100 — Вэй шу. Цзюань 100. Гаоцзюйли Байци Уцзи Шивэй, Доумолоу, Дидоую, Кумоси, Цидань, Улуохоу [魏書. 卷100高句麗百濟勿吉失韋豆莫婁地豆于庫莫奚契丹烏洛侯]. Вэй шу. Книга 100. Когурё, Пэкче, Уцзи, Шивэй, Доумолоу, Дидоугань, Кумоси, Кидань, Улуохоу. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://chinesenotes.com/weishu/weishu106.html> (дата обращения: 20.01.2021).
- Вэй шу, цзюань 108а — Вэй шу. Цзюань 108. Чжи и ли чжи сы чжи и [魏書. 卷108之一禮志四之一]. Вэй шу. Книга 108а. Трактат 4, Ритуалы. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://chinesenotes.com/weishu/weishu120.html> (дата обращения: 20.01.2021).
- Вэй шу, цзюань 108г — Вэй шу. Цзюань 108. Чжи сы ли чжи сы чжи сы [魏書. 卷108之四禮志四之四]. Книга 108г. Трактат 4, Ритуалы. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://chinesenotes.com/weishu/weishu123.html> (дата обращения: 20.01.2021).
- Вэнь Юйчэн, 2011 — Вэнь Юйчэн. Гасяньдун ичжи каоча [溫玉成. 嘎仙洞遗迹考察]. Изучение находок в пещере Гасяньдун // Чжонгуо гуоцзя бовугуань гуань кань. 2011. № 10. С. 44–53.
- Гасяньдун... — Гасяньдун ичжи [嘎仙洞遗址]. Руины пещеры Гасяньдун // Чжунвэнь байкэ. [Электрон-

ный ресурс.] Режим доступа: <https://www.newton.com.tw/wiki/%E5%98%8E%E4%BB%99%E6%B4%9E%E7%9F%B3%E5%AE%A4> (дата обращения: 16.03.2021).

Ли Яньте и др., 2003 — *Ли Яньте, Тянь Хэ, Синь Цзянь, Ван Шан, Мин Чэньлу*. Хэйлунцзян Нэхэ ши Эркэцянь цинтун шидай чжи цзаоци теци шидай муцзан [李砚铁, 田禾, 辛建, 王长明, 陈璐. 黑龙江讷河市二克浅青铜时代至早期铁器时代墓葬]. Гробницы Эркэцянь от бронзового века раннего железного века в городском уезде Нэхэ провинции Хэйлунцзян // Каогу. 2003. № 2. С. 11–23.

Лю Гуосян, Ни Жуньянь, 2014 — *Лю Гуосян, Ни Жуньянь*. Гасяньдун ичжи дэ фасянь цзи сянгунь вэньти таньтао [刘国祥, 倪润安. 嘎仙洞遗址的发现及相关问题

探讨]. Обнаруженные древности пещеры Гасяньдун и связанные с ними вопросы // Вэнью. 2014. № 11. С. 53–59.

Ми Вэньпин, 1981 — *Ми Вэньпин*. Сяньбэй шиши дэ фасянь ю вэньти таньтао [米文平. 鲜卑石室的发现与初步研究]. Открытие и предварительное исследование пещеры сяньбэй // Вэнью. 1981. № 2. С. 1–8.

Цяо Лян, 2005 — *Цяо Лян*. Эркэцянь муду чуту саньлу вэньши пай дэ няндай (цянь си ханьшу эр ци вэньхуа дэ няндай сясянь) [乔梁. 二克浅墓地出土三鹿纹饰牌的年代。— 兼析汉书二期文化的年代下限]. Датировка бляшек типа саньлу могильника Эркэцянь (анализ нижнего слоя культуры Ханьшу 2) // Бэйфанвэнью. 2005. № 4. С. 24–29.

Mystery of Gaxian Cave

V. B. Trubnikova

The article discusses an inscription discovered in 1980 on a wall in Gaxian Cave. For the first time, its translation into Russian was made; the content of the inscription was analyzed from the point of view of linguistics and historical context. Historical and linguistic analysis has established that the inscription was made during the reign of Emperor Tuoba Tao in 443 AD. This is also confirmed by excerpts from the chronicle of Wei Shu (Book of Wei), which almost literally duplicate the text of the inscription. The chosen place for the inscription is the ancient temple of the Xianbei ances-

tors. After the cave was recognized as Xianbei, the main issue was the attempt to establish its date. According with the data of the inscription itself and Wei Shu, two archaeological sites located in the immediate vicinity of the cave can also testify in favor of an early dating. Analysis of the material indicates that these burial grounds are possibly the earliest Xianbei sites. And their proximity to the Gaxian Cave allows the latter to be dated to an earlier time than the previously known Xianbei monuments. The author proposes a chronology of the 1st–2nd c. AD.

Карлуки Алтая по письменным и археологическим данным

Г. В. Кубарев¹

АННОТАЦИЯ. Исследованные за последние 200 лет на Алтае раннесредневековые памятники специалисты обозначают, как правило, как «древнетюркские» или «тюркские», либо как памятники «алтае-телеских тюрок» или «алтае-орхонских тюрок», подразумевая под ними принадлежность к тюркам-тугю. Предпринятые автором сбор, картирование и анализ тамг в виде остроугольного угла, встречающихся в погребениях с конем, на скалах и стелах на Алтае и в сопредельных регионах, а также сопоставление их с данными письменных источников позволяют утверждать, что эти памятники принадлежали карлукам. Картирование этих тамг фиксирует основную территорию расселения карлуков — прежде всего, географический Алтай, а также иллюстрирует все перипетии и этапы их бурной истории: переселение части из них в Центральную и Внутреннюю Монголию, в Семиречье.

ANNOTATION. Scholars interpret the early medieval objects investigated over the past 200 years in Altai, as a rule, as “ancient Turkic” or “Turkic”, or as objects of “Altai-Teles Turks” or “Altai-Orkhon Turks”, meaning that they belong to the Turks-Tugyu. The collection, mapping and analysis of tamgas in the form of an acute angle, found in burials with a horse, on rocks and steles in Altai and in neighboring regions, undertaken by the author, and comparison with the data of written sources allows us to confirm that these monuments belonged to Karluks. The mapping of these tamgas fixes the main territory of their settlement — first of all, the geographical Altai, and also illustrates all the peripetia and stages of the turbulent history of the Karluks: resettlement part of them to Central and Inner Mongolia, to the Semirechye.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Географический Алтай, карлуки, тюрки-тугю, тамги в виде остроугольного угла, этническая принадлежность погребений с конем, политическая история, миграции.

KEYWORDS: Geographical Altai, Karluks, Turks-Tugyu, tamgas in the form of an acute angle, ethnicity of burials with a horse, political history, migration.

Введение

С самого начала археологического и этнографического изучения Сибири в XVIII и XIX вв. Алтай неизменно привлекал внимание исследователей, с ним были связаны первые гипотезы о населявших его народах, их миграциях на запад и т. п. Именно на Алтае-Саянском нагорье финские ученые искали прародину своего народа, считая, что их предкам должна была принадлежать руноподобная письменность, обнаруженная в Южной Сибири. Несколько позднее А. Гумбольдт и В. В. Радлов, в значительной степени основываясь на сведениях византийских историков, помещали ставку кагана тюрок-тугю на т. н. малом Алтае (российской его части) и идентифицировали Золотую гору греческих источников с Алтайскими горами. Наконец, Н. Я. Бичурин в комментариях к своему переводу китайских династийных хроник идентифицировал Цзиньшань (Золотые горы) древних тюрок-тугю с горами юга Российского Алтая.

История археологического изучения этого региона насчитывает без малого два столетия, с момента раскопок К. Ф. Ледебура в 1826 г. Позднее, в 1860–70-х гг. они были продолжены академиком В. В. Радловым. На сегодняшний день Российский Алтай является одним из наиболее изученных в археологическом отношении регионов Южной Сибири. Раскопки советских и российских археологов позволили накопить большой фактический материал по древнетюркской эпохе. Им же принадлежит и опыт осмысления этого археологического материала с привлечением для его интерпретации исторических, лингвистических, этнографических и других данных. К настоящему моменту на Алтае раскопано около 210–220 раннесредневековых погребений, преимущественно в сопровождении коня, и порядка 300 поминальных оградок. Количество неисследованных оградок не поддается точному подсчету — они исчисляются десятками и сотнями. В этом регионе Южной Сибири зафиксировано чуть более 300 каменных изваяний и около 110–120 руноподобных надписей. Кроме того, на Алтае известно большое количество как выбитых, так и гравированных наскальных рисунков эпохи раннего Средневековья.

¹ 630090, Россия, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Отдел археологии палеометалла. Адрес электронной почты: gvkubarev@gmail.com.

Чаще всего исследованные на Алтае раннесредневековые памятники специалисты обозначают как «древнетюркские» или «тюркские», либо как памятники «алтае-орхонских тюрков», подразумевая под ними принадлежность, прежде всего, к тюркам-тугю. К началу 1970-х гг. сложились две основные точки зрения относительно этнической принадлежности погребений с конем, распространенных на обширной территории Алтае-Саянского региона, Монголии, Минусинской котловины, Восточного Казахстана и Семиречья, Средней Азии (Трифонов, 1973; Нестеров, 1990. С. 69). Одни исследователи настаивают на принадлежности погребений с конем алтайским или орхоно-алтайским тюркам-тугю (Л. Р. Кызласов, Ю. С. Худяков, С. И. Вайнштейн, А. Д. Грач, Л. П. Потапов, Я. А. Шер, Б. Б. Овчинникова). Их оппоненты причисляли погребения с конем к другим тюркоязычным кочевникам, и прежде всего к группе племен теле (Л. Н. Гумилев, А. А. Гаврилова, Ю. И. Трифонов, Г. В. Длужневская и др.). Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев заняли компромиссную позицию: погребения с конем в разных регионах могли принадлежать различным тюркоязычным племенам, включая тюрков-тугю, теле, кыргызов (Трифонов, 1973. С. 356; Нестеров, 1990. С. 69).

Книга Дмитрия Глебовича Савинова «Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху» является классической и основополагающей работой по этнической истории некоторых южносибирских народов эпохи раннего Средневековья (Савинов, 1984). Многие из ее положений и выводов отличались новизной и оригинальностью и остаются актуальными до сих пор. Исследователь, ссылаясь на проблему несоответствия сведений о трупосожжении у тюрков-тугю и наличии погребений с конем на Алтае, также предложил некую компромиссную точку зрения об этнической принадлежности погребений с конем. Он выдвинул свой термин, или, как его назвал сам автор, этнонимический нововвод — «алтае-телеские тюрки» (Савинов, 1984. С. 55–57; 2013. С. 451–453)². Признавая, что такое этническое наименование в письменных источниках отсутствует, исследователь считает, что «алтае-телеские тюрки» — это тюркоязычное население алтайского происхождения, входившее в состав конфедерации теле и обладавшее культурой древнетюркского

типа (Савинов, 2013. С. 452–453). По его мнению, эта общность образовалась в результате взаимодействия собственно тюркских и телеских племен на северной периферии Древнетюркских каганатов (Савинов, 1984. С. 67). Исследователь исходит из того, что на территории Российского Алтая, Западной и Центральной Тувы обитали телеские племена, однако затрудняется определить, какие конкретно из числа упомянутых китайскими династийными хрониками (Там же. С. 49).

К настоящему времени у исследователей не вызывает сомнений этническая принадлежность, пожалуй, только кыргызских и кимако-кипчакских памятников. Все остальные археологические объекты, и прежде всего погребения с конем, рассматриваются археологами как один огромный конгломерат и по-разному интерпретируются. Попыток сопоставить те или иные памятники с многочисленными племенами теле, обитавшими к северу от тюрков-тугю, не предпринималось. Выявить, например, собственно уйгурские погребения, которые бы соответствовали весьма фантастическому погребальному обряду (с установкой трупа вертикально, не засыпанной землей ямой и т. п.), описанному в китайских источниках, до сих пор не удается. Так можно ли приблизиться к определению племенной принадлежности погребений с конем на территории Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху раннего Средневековья? Впрочем, для тех исследователей, которые утвердились во мнении, что «реальное и хорошо датированное событие, связанное с переселением жуань-жуанями в 460 г. племени Ашина на Алтай», согласно интерпретации Н. Я. Бичурина, действительно имело место (Тишкин, 2007. С. 4 и др.), такой вопрос не существует.

Тамги автохтонного племени географического Алтая

В вышеупомянутом списке памятников по истории и археологии раннесредневекового населения Алтая я сознательно не упомянул родоплеменные знаки — тамги. Раннесредневековые тамги Алтая встречаются на стелах, предметах из погребений, местонахождениях петроглифов либо сопровождают рунические надписи. Таким образом, тамговые знаки объединяют различные раннесредневековые археологические и рунические памятники. Обнаружение тамг, тщательное копирование, накопление как можно большего их числа, картирование и сопоставление с данными китай-

² До недавнего времени я придерживался такой же терминологии, либо называл памятники «древнетюркскими», особо не акцентируя внимания на их возможной племенной или этнической принадлежности (Кубарев, 2005. С. 143).

ских письменных источников и руническими текстами способны помочь в определении этнической или племенной принадлежности археологических памятников. К сожалению, этот важнейший источник по этнической истории раннесредневекового населения Южной Сибири и Центральной Азии по-настоящему еще практически не привлекался для анализа.

На сегодняшний день опубликовано лишь две статьи по тамгам Алтая, в которых в предварительном виде предпринят опыт их идентификации и соотнесения с теми или иными тюркоязычными племенами (Кубарев, 2018; Рогожинский, Черемисин, 2019). По опубликованным данным и результатам собственных полевых работ на территории Российского Алтая мне известно по меньшей мере 130 тамг, большая часть из которых относится к эпохе раннего Средневековья. В их числе выделяется многочисленная группа знаков в виде острого угла. Особую ценность представляет тот факт, что подобные тамги обнаружены вырезанными на предметах из раннесредневековых погребений с конем, в скоплениях тамг на петроглифических местонахождениях на Алтае и в Монголии, в некоторых случаях они сопровождаются руническими надписями. Все это позволяет достаточно узко датировать как сами тамги, так и памятники, и высказать гипотезу об их этнической принадлежности.

Кратко перечислим и охарактеризуем памятники с тамгами в виде острого угла на территории Российского Алтая:

1. *Кара-Коба I, курган 8*. Тамга вырезана на роговой застежке для пут из погребения (рис. 1, 6; 7, 5 – по: Могильников, 1990. Рис. 5, 7).

2. *Уландрык I, курган 10*. Тамги вырезаны на двух роговых застежках для пут из погребения (рис. 2, 26, 27; 5, 7; 7, 9 – по: Кубарев, 2005. Табл. 3, 12, 13).

3. *Барбургазы II, курган 9*. Тамга, в числе прочих знаков, вырезана на пряжке поясного ремня из погребения (рис. 3, 31в; 7, 8 – по: Кубарев, 2005. Табл. 83, 8, 12).

4. *Катанда, курган 2* (раскопки В. В. Радлова 1865 г.). Тамга, в числе прочих знаков, вырезана на дне серебряного сосуда из погребения (рис. 5, 5; 7, 3 – по: Тыбыкова и др., 2012. Ил. 173).

5. *Калбак-Таш I*. Скопление тамг на петроглифическом местонахождении Калбак-Таш I (рис. 4; 7, 1). Знаки достаточно крупные и выдержаны примерно в одном размере: от 3 до 11 см, в среднем – 5–6 см. По-видимому, большинство тамг выполнено одновременно, одним инструментом и имеют

одинаковую степень патинизации. Собрание насчитывает 37 тамг, шесть из которых, вероятно, нанесены позднее, неглубокими и светлыми линиями. Самую представительную группу тамг в собрании Калбак-Таш I образуют знаки в виде острого угла, преимущественно направленного вправо, реже – налево (рис. 4). Они составляют одну треть от общего числа – 13 экз. Насчитывается 9 разновидностей одной и той же тамги.

6. *Сырпах-Гозы*. На одной из центральных композиций эпохи бронзы – раннего железного века компактного петроглифического комплекса вырезаны две крупные тамги (12–15 см в высоту), одна из которых в виде угла (рис. 5, 1; 7, 2).

7. *Уркош*. На поверхностях петроглифического комплекса выбито 12 крупных тамг (25–40 см), три из которых в виде острого угла (рис. 5, 2, 3; 7, 4).

8. *Серлю II*. Тамга в виде острого угла (14 × 8 см) сопровождает руническую надпись (рис. 5, 4; 7, 7).

9. *Калгутинский рудник*. На одной из поверхностей петроглифического комплекса выбито и прорезано около 20 знаков, один из которых в виде острого угла (рис. 5, 6; 7, 6 – по: Молодин, Черемисин, 2007. Рис. 12а).

Тамги в виде острого угла в большом количестве зафиксированы в петроглифах Монгольского Алтая: Бага-Ойгур III (рис. 5, 8; 7, 10 – по: Кубарев и др., 2005. С. 397, № 1050); Цагаан-Салаа IV (рис. 5, 10; 7, 10 – по: Кубарев и др., 2005. С. 235, № 379), Дарви (Ховдский аймак) (рис. 6, 3, 4; 7, 11 – по: Самашев и др., 2010. Рис. 39; 44), Дундмандал (Гурванмандал) (Баянхонгорский аймак) (рис. 5, 16; 7, 12 – по: Кызласов, 2004. Рис. 8, 4, 5, 10; Самашев и др., 2010. С. 76, рис. 79) и Адагмандал (Гурванмандал) (Баянхонгорский аймак) (рис. 7, 13 – по: Самашев и др., 2010. С. 76, рис. 80). Территориально к этим памятникам примыкает стела с рунической надписью и тамгами из местности Бомбогор (Баянхонгорский аймак) (рис. 6, 1; 7, 14 – по: Самашев и др., 2010. С. 37–38).

Эти тамги (около 42 экз.) оставлены одним из алтайских автохтонных племен (племенами?) эпохи раннего Средневековья, которое занимало территорию географического Алтая. В пользу этого свидетельствуют как большое количество подобных тамг, так и, в особенности, факт нахождения их на предметах из раннесредневековых погребений, исследованных на территории Российского Алтая: Кара-Коба I, курган 8 (Могильников, 1990. Рис. 5, 7), Уландрык I, курган 10 (по: Кубарев, 2005. Табл. 3, 12, 13), Барбургазы II, курган 9 (по: Кубарев, 2005. Табл. 83, 8, 12), Катанда, курган 2 (по: Тыбыкова и др., 2012.

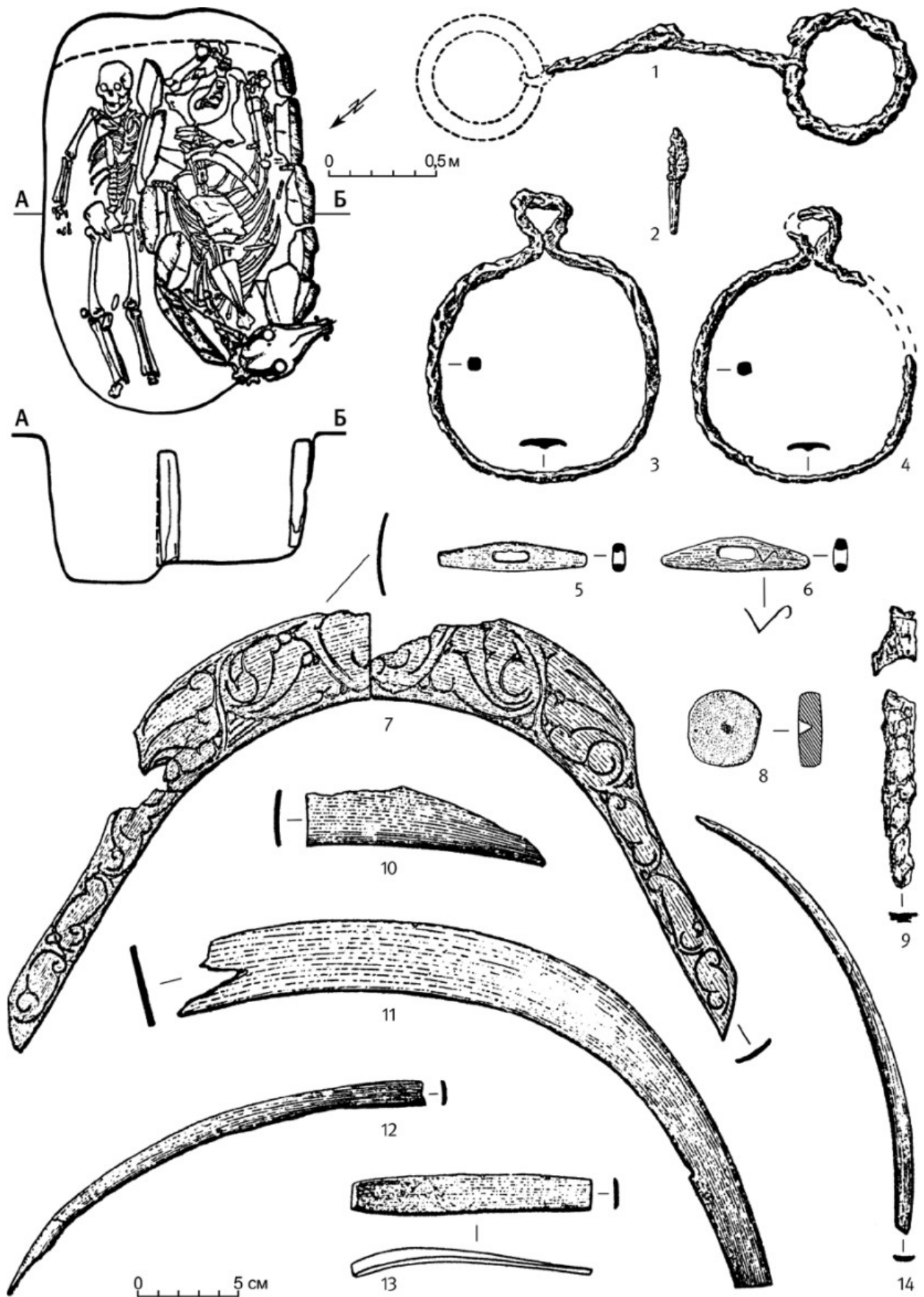

РИС. 1. План раннесредневекового погребения человека с конем и сопроводительный инвентарь из него. Кара-Коба I, курган № 8. Российский Алтай (по: Могильников, 1990. Рис. 4–8). 1 – удила с кольчатými псалиями; 2 – наконечник стрелы или шило (?); 3, 4 – стремяна; 5, 6 – застёжки для пут; 7 – передняя лука седла; 8 – заготовка пряслица; 9 – нож; 10–14 – фрагменты задней луки седла.

1–4, 9 – железо; 5–7, 10–14 – рог; 8 – керамика

FIG. 1. Plan of an early mediaeval human burial with a horse and accompanying grave goods. Kara-Koba I, kurgan No. 8. Russian Altay (after Могильников, 1990. Рис. 4–8). 1 – horse bit with annular cheekpiece; 2 – an arrowhead or an awl (?); 3, 4 – stirrups; 5, 6 – clasps for hobbles; 7 – saddle pommel; 8 – blank for a spindle-whorl; 9 – knife; 10–14 – fragments of a saddle cantle.

1–4, 9 – iron; 5–7, 10–14 – horn; 8 – ceramics

Ил. 173). Погребения из Уландрыка и Барбургазы датируются радиоуглеродным методом в пределах VIII – первой половины IX в., т. е. относятся к периоду Второго Тюркского (679–744 гг.) и Уйгурского (745–840 гг.) каганатов³. Концом VII–VIII в. датировал кара-кобинское погребение В. А. Могильников (1990. С. 157). Еще одним доводом в пользу датировки рассматриваемых тамг преимущественно VIII в. является совместное нанесение на скалу тамги в виде острого угла с тамгой, принадлежащей знатному уйгурскому роду Яглакар, в местности Сырнах-Гозы (рис. 5, 1).

Тамги, подобные алтайским >-образным знакам, также представлены на территории Центральной, Северной и Юго-Восточной Монголии: на стеле мемориального комплекса Шивээт улаан (Булганский аймак) (рис. 6, 2; 7, 15 – по: Войтов, 1996. Рис. 55; Самашев, 2016. Рис. 22, 20; Самашев и др., 2010. Рис. 38), на плитах комплекса Унгет (Центральный аймак) (рис. 7, 16 – по: Самашев и др., 2010. Рис. 33), местонахождении Бичигт улан хад (Центральный аймак) (рис. 6, 13; 7, 17 – по: Самашев и др., 2010. С. 62), на горе Дэл уул (Дундговь аймак) (рис. 6, 7; 7, 18 – по: Кызласов, 2004. Рис. 5; 8). И. Л. Кызласов датировал тамги Дэл уула и Гурванмандала уйгурским периодом, т. е. VIII – началом IX в., хотя и не высказал предположения об их этнической или племенной принадлежности (Кызласов, 2004. С. 116). Многие исследователи (С. Г. Кляшторный, В. Е. Войтов, С. Каржаубай, З. Самашев) приписывают шивээтуланский комплекс основателю Второго Восточно-тюркского каганата Елтерис (Гудулу, Кутлуг) кагану и датируют его самым концом VII в. – 693 г. (Самашев, 2016. С. 55–56).

Различные варианты >-образных тамг в большом количестве, в том числе в составе собраний тамг, зафиксированы в степи Уланчаб, к северу от гор Улашань и Дациншань – восточных хребтов

гор Иньшань, в северном Китае (Внутренней Монголии) (рис. 6, 5, 6, 8–12; 7, 19–21 – по: Гай Шанлинь, 1989. Рис. 82; 166; 244; 255; 473; 509 и др.).

Наконец, варианты подобных тамг известны в Семиречье в следующих памятниках: Тамгалы (рис. 5, 14; 7, 26 – по: Рогожинский, 2016. Рис. 1, 5), Алай, Булолу (рис. 5, 9; 7, 30 – по: Табалдиев, Жолдошов, 2003. Рис. 17, 1), Тескей Ала-Тоо, Тосор (рис. 5, 11; 7, 29 – по: Табалдиев, Жолдошов, 2003. Рис. 13F), Кулжабасы (рис. 5, 12; 7, 27 – по: Novozhenov, 2020. Р. 621, № 28), Чиим-Таш (рис. 5, 13; 7, 31 – по: Hermann, 2020. Fig. 4H), Доланкара (рис. 5, 15; 7, 22 – по: Novozhenov, 2020. Р. 620, № 4) и др. В том случае, если А. Е. Рогожинский под V-образными тамгами подразумевал тамги в виде острого угла, то он эти и две другие разновидности тамг на Алтае и Западной Монголии датировал второй половиной VI – первой половиной VIII в. и идентифицировал как карлукские (Рогожинский, 2016. С. 172). Появление подобных тамг в Семиречье, по его мнению, было связано с началом переселения карлукских племен после 745 г. с территории Алтая. Ареал >-образных тамг достигает Восточной Ферганы (Там же. С. 171–172).

Таким образом, подводя итог нашему обзору местонахождений >-образных тамг, укажем, что их основной ареал приходится на географический Алтай, включая российскую его часть на севере и Гобийский Алтай на юге (рис. 7). Их общее число и варианты знаков наиболее представительные, именно в Российском Алтае раскопаны погребения с конем, содержащие вещи с подобными тамгами. Тамги в виде острого угла представлены также на территории Центральной, Северной и Юго-Восточной Монголии. Следующим районом концентрации подобных тамгообразных знаков к востоку и юго-востоку от Алтая являются степи Уланчаба, расположенные к северу от гор Иньшань, во Внутренней Монголии. В Семиречье и более западных районах Средней Азии также во множестве зафиксированы тамги в виде острого угла (рис. 7). На Алтае и в Мон-

³ Серия новых радиоуглеродных дат погребения в кургане 10 могильника Уландрык I будет представлена мной в отдельной публикации.

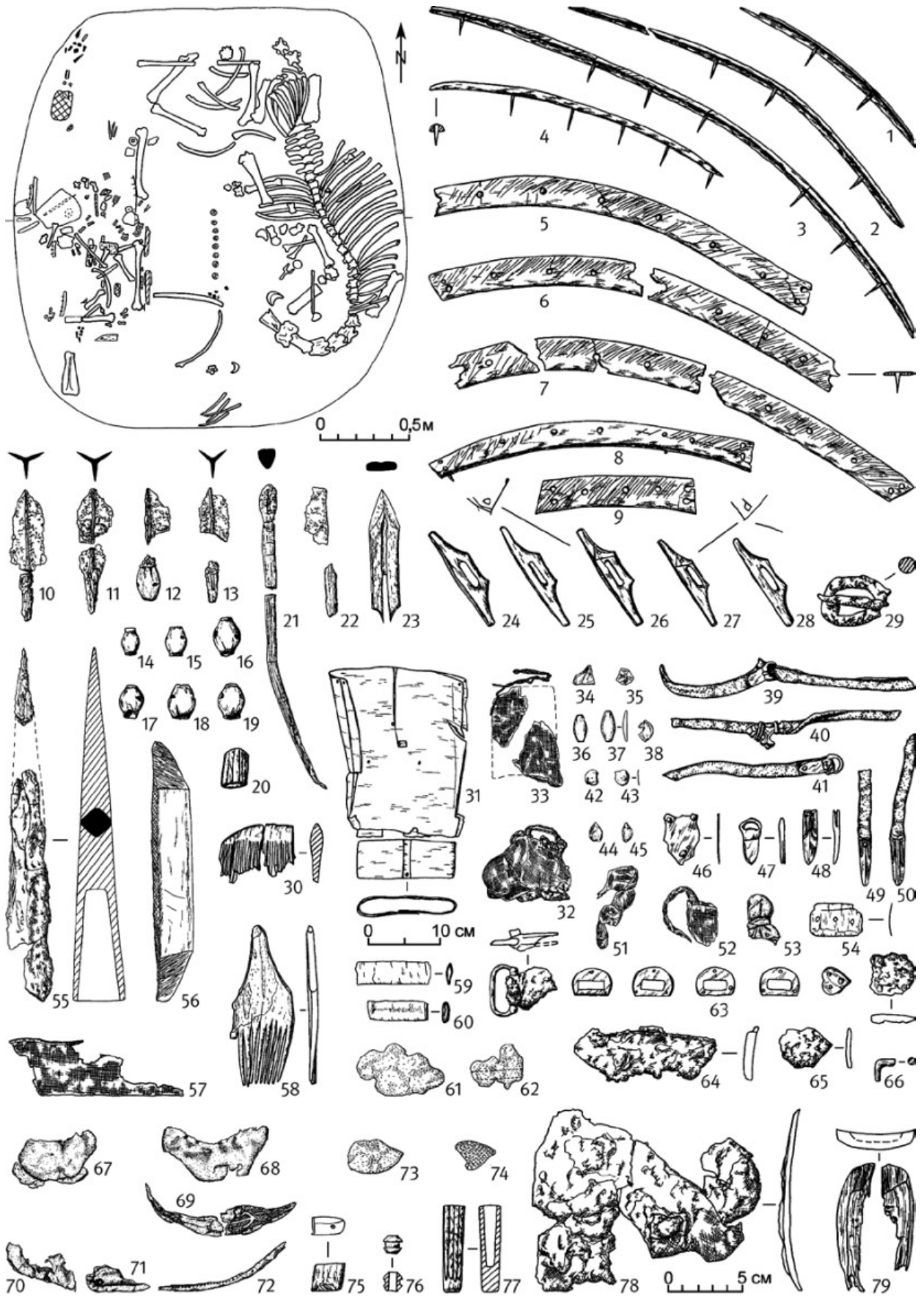

РИС. 2. План раннесредневекового погребения человека с конем и сопроводительный инвентарь из него. Уландрык I, курган № 10. Российский Алтай (по: Кубарев, 2005. Табл. 2–6). 1–9 – седельные канты и накладки; 10–13, 21–23 – наконечники стрел с древками и свистунками; 14–19 – свистунки стрел; 20 – заготовка свистунка стрелы; 24–28 – застежки для пут; 29 – пряжка; 30, 58 – гребни; 31 – фрагмент колчана; 32, 33 – фрагменты сумочек; 34, 35 – кремь; 36, 37 – бляшки; 38, 44, 45 – косточки миндаля; 39–41, 47–50 – обувные бляшки, пряжки и наконечники с ремешками; 42, 43 – украшение поясной сумочки в виде чешуек; 46 – фрагмент бляшки; 51, 52, 57 – фрагменты шелка; 53 – «куколка»; 54 – накладка с отверстиями; 59, 60, 75 – предметы неизвестного назначения; 61, 62, 73, 74 – фрагменты войлока; 63 – бляшки, пряжка и наконечник поясного набора; 64, 65, 78 – фрагменты котла; 66 – деталь обоймы; 67–72 – фрагменты сумочки; 76 – пронизь; 77 – наконечник стека; 79 – фрагменты лотка.

1–9, 14–20, 24–28, 36, 37, 58, 76, 77 – рог; 10, 11, 13, 22, 29, 64, 65, 78 – железо; 12 – железо/рог; 21 – железо/дерево; 30, 75, 79 – дерево; 31, 54, 59, 60 – береста; 32, 33, 51, 52, 57 – шелк; 39–41, 49, 50 – бронза/кожа; 46–48, 66 – бронза; 42, 43 – серебро; 53, 67–72 – кожа; 63 – бронза/железо

FIG. 2. Plan of an early mediaeval human burial with a horse and accompanying grave goods. Ulandryk I, kurgan No. 10. Russian Altay (after Кубарев, 2005. Табл. 2–6). 1–9 – saddle edgings and mounts; 10–13, 21–23 – arrowheads with shafts and whistles; 14–19 – arrow whistles; 20 – blank for an arrow whistle; 24–28 – clasps for hobbles; 29 – buckle; 30, 58 – combs; 31 – fragment of a quiver; 32, 33 – fragments of purses; 34, 35 – flint striker; 36, 37 – plaques; 38, 44, 45 – almond stones; 39–41, 47–50 – footwear plaques, buckles and straps with tips; 42, 43 – fish-scale decoration of a belt purse; 46 – fragment of a plaque; 51, 52, 57 – fragments of silk; 53 – ‘doll’; 54 – mount with holes; 59, 60, 75 – objects of unknown purpose; 61, 62, 73, 74 – fragments of felt; 63 – plaques, buckle and a tip from a belt set; 64, 65, 78 – fragments of a cauldron; 66 – fragment of a ferrule; 67–72 – fragments of a purse; 76 – spacer-bead; 77 – tip of a stick; 79 – fragments of a tray.

1–9, 14–20, 24–28, 36, 37, 58, 76, 77 – horn; 10, 11, 13, 22, 29, 64, 65, 78 – iron; 12 – iron/horn; 21 – iron/wood; 30, 75, 79 – wood; 31, 54, 59, 60 – birchbark; 32, 33, 51, 52, 57 – silk; 39–41, 49, 50 – bronze/leather; 46–48, 66 – bronze; 42, 43 – silver; 53, 67–72 – leather; 63 – bronze/iron

голии они датируются VII–VIII вв. и, возможно, до середины IX в., на территории Средней Азии – преимущественно, второй половиной VIII – IX в.

Проведенный обзор свидетельствует о том, что население, оставившее на Алтае курганы с погребениями в сопровождении коня, является автохтонным, а >-образные тамги в других районах Центральной и Средней Азии нанесены выходцами именно с Алтая. Что же это было за племя (племена?), сведения о котором можно было бы найти в раннесредневековых письменных источниках? Как и почему выходцы с Алтая переселились сначала в Центральную, а затем во Внутреннюю Монголию (на удалении около 2 тыс. км от Алтая)? Наконец, вероятно, другая их часть мигрировала на территорию Семиречья и далее вплоть до Восточной Ферганы.

Письменные источники о карлуках Алтая

Изучение и попытка идентификации раннесредневековых тамг Алтая и сопредельных регионов заставили меня вновь обратиться к письменным источникам, и в первую очередь к китайским династийным хроникам в переводах разных китайцев. Несмотря на использование в публикациях в отношении раннесредневековых памятников Алтая терминов «древнетюркский» или «алтае-

телеские тюрки», я никогда не пытался обосновать переселение «500 семейств» Ашина на юг Российского Алтая. Для этого должны быть очень веские основания. Перечитав перевод Н. Я. Бичурина в «Собрании сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (Бичурин (Иакинф), 1998), касающийся генеалогических легенд тюрков-тугю, я начал сомневаться в этом «историческом факте», и в частности в идентификации Н. Я. Бичуриным Цзиньшань с горами на юге Российского Алтая. Мои сомнения еще больше укрепились после знакомства с переводами Э. Шаванна, Лю Мао-цзя, А. Г. Мальякина, Л. А. Боровковой и др. Учитывая ограниченный объем статьи, доводы против переселения тюрков-тугю рода Ашина на юг Российского Алтая и в пользу ошибочности локализации Цзиньшаня Н. Я. Бичуриным я приведу в отдельной публикации. На основе письменных источников (китайских и рунических текстов) в сопоставлении их с ареалом >-образных тамг я пришел к выводу, что эти тамги (а значит и погребения с конем) были оставлены карлуками.

Если археологи оперируют пространными и обобщенными терминами в отношении раннесредневекового населения Алтая («древнетюркская культура», «тюркская культура», «алтае-телеские тюрки», «орхоно-алтайские тюрки»), то историки весьма конкретны в вопросе этнической или

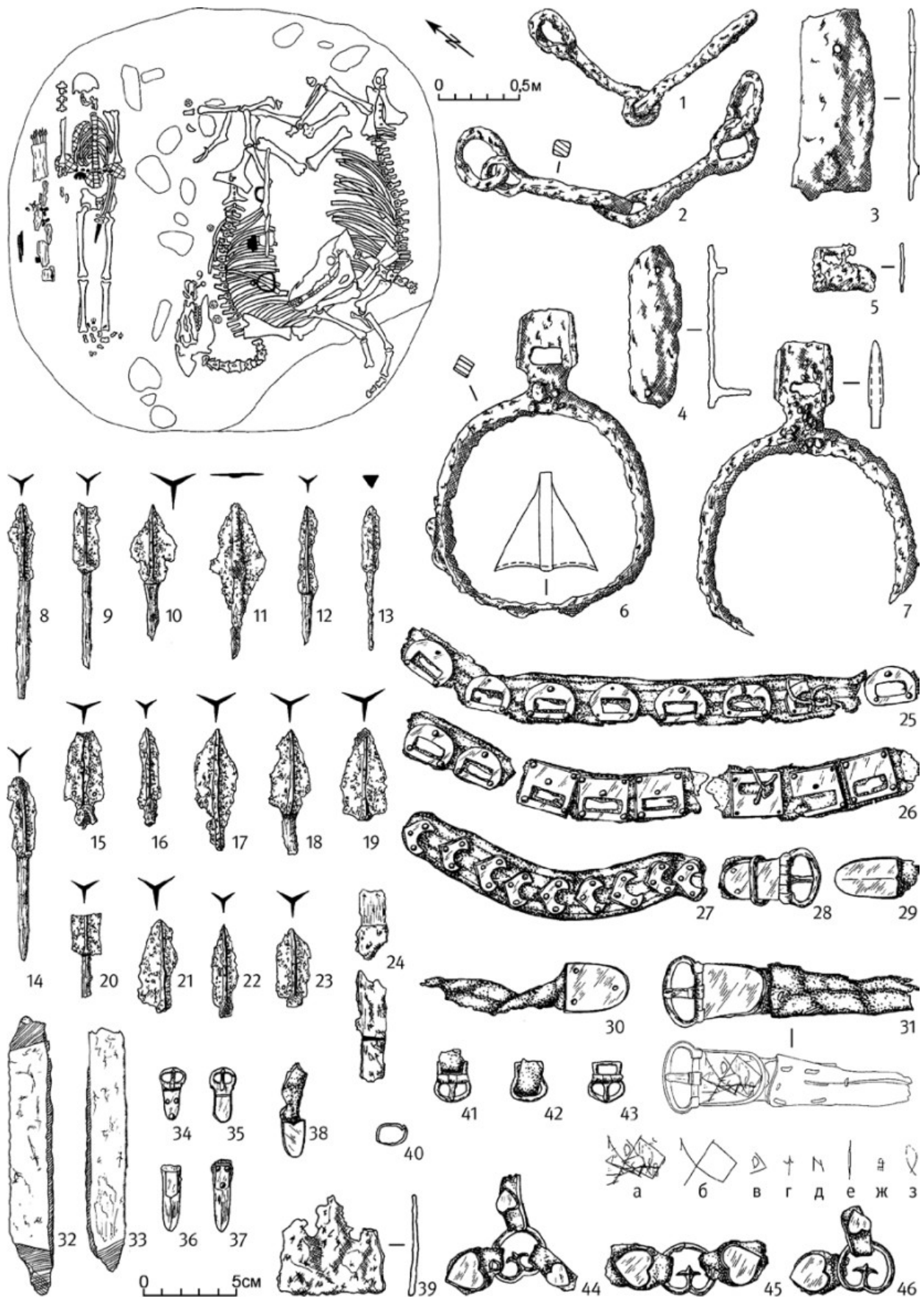

РИС. 3. План раннесредневекового погребения человека с конем и сопроводительный инвентарь из него. Барбургазы II, курган № 9. Российский Алтай (по: Кубарев, 2005. Табл. 79–83). 1, 2 – удила; 3, 4 – пластины от снаряжения коня; 5 – колчанная (?) пластина; 6, 7 – стремена; 8–23 – наконечники стрел; 24 – нож; 25–27, 30, 31, 38, 40 – бляшки, наконечник, обойма и пряжка на остатках ремня; 28, 29, 41–46 – пряжки, наконечник и тройник-распределитель ремней от саадачного пояса; 32, 33 – срединные накладки на лук; 34–37 – пряжки и наконечники обувных ремней; 39 – огниво.

1–24, 39 – железо; 25–31, 44–46 – бронза/кожа; 32, 33 – рог; 34–37, 40, 43 – серебро; 41, 42 – серебро/кожа

FIG. 3. Plan of an early mediaeval human burial with a horse and accompanying grave goods. Barburgazy II, kurgan No. 9. Russian Altay (after Кубарев, 2005. Табл. 79–83). 1, 2 – horse bits; 3, 4 – plates of horse equipment; 5 – quiver (?) plate; 6, 7 – stirrups; 8–23 – arrowheads; 24 – knife; 25–27, 30, 31, 38, 40 – plaques, tip, ferrule and buckle on the remains of a strap; 28, 29, 41–46 – buckles, tip and tee-divider of straps from a horseman's belt; 32, 33 – middle bow mounts; 34–37 – buckles and tips of footwear straps; 39 – fire-striker.

1–24, 39 – iron; 25–31, 44–46 – bronze/leather; 32, 33 – horn; 34–37, 40, 43 – silver; 41, 42 – silver/leather

племенной принадлежности населения Алтая. Так писал о карлуках С. Г. Кляшторный: «Кочевья в Джунгарии, Восточном Казахстане и на Алтае (включая Монгольский Алтай) в течение нескольких

столетий оставались главной территорией карлукских племен» (Кляшторный, Савинов, 2005. С. 113). А. К. Камалов, ссылаясь на китайские источники, также не сомневается в проживании карлуков

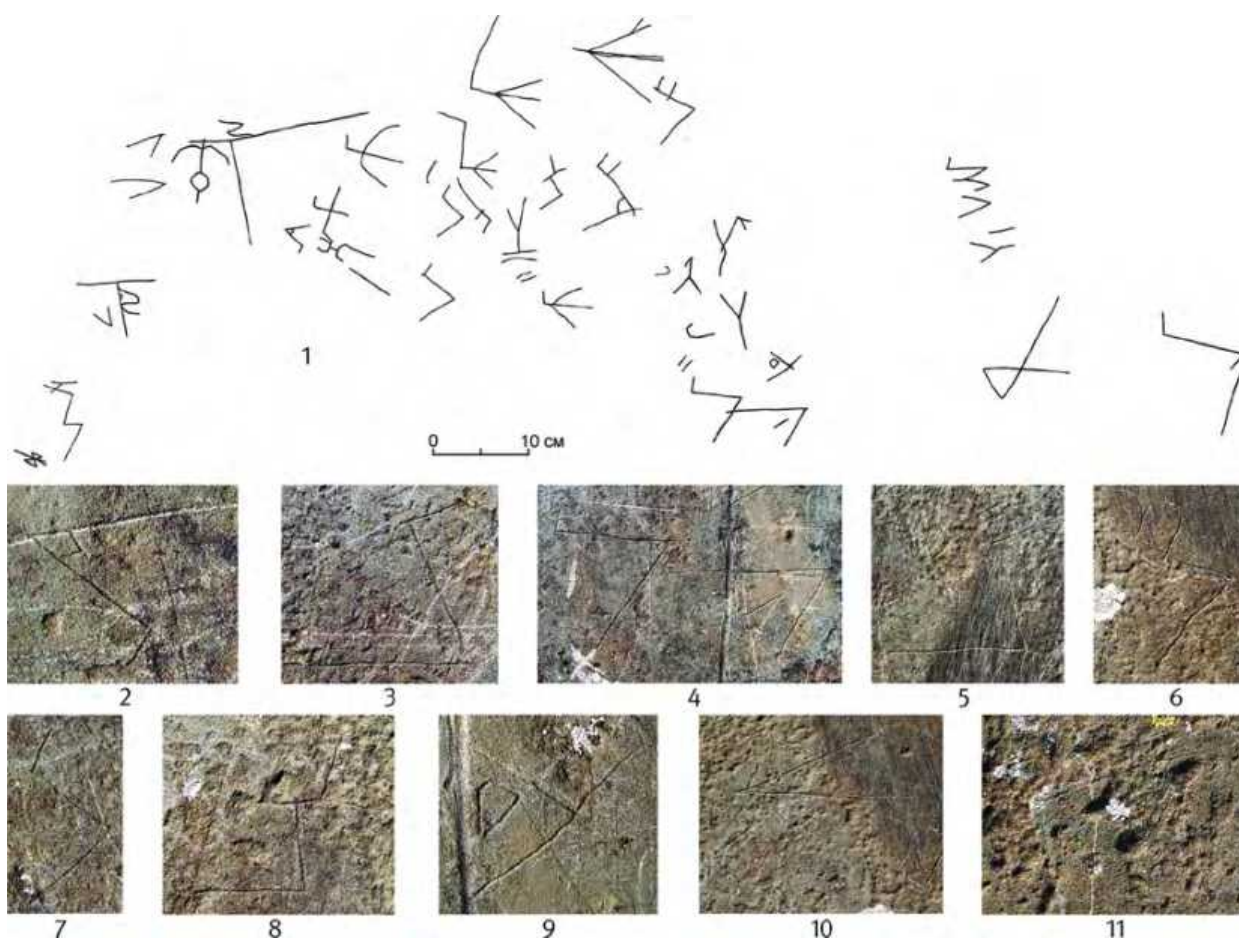

РИС. 4. Собрание раннесредневековых тамг на местонахождении петроглифов Калбак-Таш I (1) и карлукские тамги в виде острого угла (2–11). Российский Алтай. Рисунок и фото автора

FIG. 4. Collection of early mediaeval tamgas at the petroglyph site of Kalbak-Tash I (1) and Karluk tamgas shaped as an acute angle (2–11). Russian Altay. Drawing and photo by the author

1

2

3

4

5

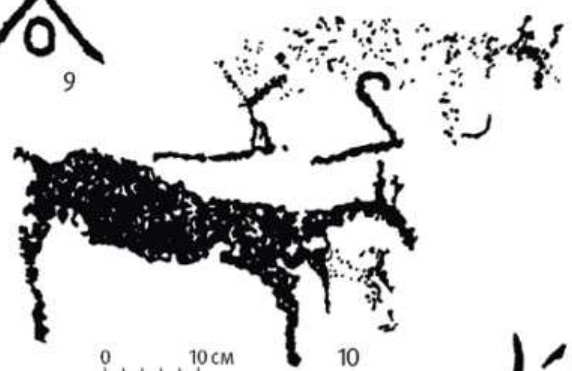
6

7

9

10

8

11

12

13

14

15

16

РИС. 5. Карлукские тамги, вырезанные на скалах и на предметах из погребений, на территории географического Алтая (1–8, 10, 16) и Семиречья (9, 11–15). 1 – Сырнах-Гозы (фото автора); 2, 3 – Уркош (фото автора); 4 – Серлю II (рисунок автора); 5 – Катанда, курган № 2 (рисунок автора); 6 – Калгутинский рудник (по: Молодин, Черемисин, 2007. Рис. 12а); 7 – Уландрык I, курган № 10 (фото автора); 8 – Бага-Ойгур III (по: Кубарев и др., 2005. С. 397, № 1050); 9 – Алай, Булолу (по: Табалдиев, Жолдошов, 2003. Рис. 17, 1); 10 – Цагаан-Салаа IV (по: Кубарев и др., 2005. С. 235, № 379); 11 – Тескей Ала-Тоо, Тосор (по: Табалдиев, Жолдошов, 2003. Рис. 13F); 12 – Кулжабасы (по: Novozhenov, 2020. P. 621, № 28); 13 – Чиим-Таш (по: Hermann, 2020. Fig. 4H); 14 – Тамгалы (по: Рогожинский, 2016. Рис. 1, 5); 15 – Доланкара (по: Novozhenov, 2020. P. 620, № 4); 16 – Дундмандал (Гурванмандал) (Баянхонгорский аймак Монголии) (по: Самашев и др., 2010. Рис. 79)

FIG. 5. Karluk tamgas carved on the rocks and objects from burials in the territory of geographic Altay (1–8, 10, 16) and Semirechye (9, 11–15). 1 – Syrnakh-Gozy (photo by the author); 2, 3 – Urkosh (photo by the author); 4 – Serlyu II (drawing by the author); 5 – Katanda, kurgan No. 2 (drawing by the author); 6 – Kalguty mine (after Молодин, Черемисин, 2007. Рис. 12а); 7 – Ulandryk I, kurgan No. 10 (photo by the author); 8 – Baga-Oygur III (after Кубарев и др., 2005. С. 397, № 1050); 9 – Alay, Bulolu (after Табалдиев, Жолдошов, 2003. Рис. 17, 1); 10 – Tsagaan-Salaa IV (after Кубарев и др., 2005. С. 235, № 379); 11 – Teskey Ala-Too, Tosor (after Табалдиев, Жолдошов, 2003. Рис. 13F); 12 – Kulzhabasy (after Novozhenov, 2020. P. 621, № 28); 13 – Chiim-Tash (after Hermann, 2020. Fig. 4H); 14 – Tamgaly (after Рогожинский, 2016. Рис. 1, 5); 15 – Dolankara (after Novozhenov, 2020. P. 620, № 4); 16 – Dundmandal (Gurvanmandal) (Bayanhongor aimak of Mongolia) (after Самашев и др., 2010. Рис. 79)

на Алтае, Джунгарии и Восточном Казахстане (Камалов, 2001. С. 90–93).

История карлуков всегда рассматривалась китайскими летописцами в русле истории сначала тюрок-тугю, а затем уйгур. Возможно, именно поэтому в современной исторической литературе карлукам, как правило, посвящены лишь краткие разделы или главы в монографиях (Бартольд, 1968. С. 547–548; Golden, 1992. P. 196–201; и др.). К тому же в большей степени они освещают историю этого племенного объединения после переселения в Семиречье и Среднюю Азию в середине VIII в. и практически не касаются его ранней истории на территории Центральной Азии. В действительности же история карлуков заслуживает значительно большего внимания, т. к. это крупное племенное объединение самым активным образом участвовало в политической и военной истории центрально-и среднеазиатского регионов. Пожалуй, только отдельные статьи, посвященные истории карлуков на основании китайских, тибетских и других письменных источников, можно считать фундаментальными (см. Pritsak, 1951; Ecsedy, 1980).

Крупное племенное образование уч карлук («три карлука») (葛邏祿 гэлolu или ко-ло-лу, ка-ла-лук – кит., ḡarluḡ – араб., ḡalluḡ – персид., гар-лог – тиб.) впервые упоминается в китайских письменных источниках в связи с событиями первой половины VII в. Трехплеменная карлукская конфедерация (уч карлук) включала в себя три крупных племени: чисы (чигил), моуло (булак) и таши (ташлык). По-видимому, в состав карлуков кроме трех главных входили также несколько более мелких и подчиненных им племен, например, племя сэбэг

(Ecsedy, 1980. P. 29–30; Малявкин, 1989. С. 42). Карлуки относились китайскими летописцами к родоплеменным подразделениям (цзу) тюрок туцзюе. Кочевали к северо-западу от Бэйтина, к западу от гор Цзиньшань (Алтай), за р. Пугучжень, в районе хребта Дода. Сосуществовали с племенем кагана Чеби (Малявкин, 1989. С. 41, 170–171). Именно это сообщение способствовало тому, что большинство историков и археологов локализовали карлуков исключительно к западу от Алтая – в джунгарской степи и Тарбагатае. Однако из других упоминаний карлуков в китайских письменных источниках становится очевидным, что территорией их проживания являлся географический Алтай, а также Тарбагатай и Восточный Казахстан. Кроме того, в состав Тохаристана входила большая группа автономных владений, наместники которых, вероятно, уплачивали дань правителю страны, носящему титул «ябгу». В начале VIII в. ябгу Тохаристана также называли ябгу карлуков, что, по мнению С. Г. Кляшторного, свидетельствует о ранней инфильтрации карлуков в Припамирье (Кляшторный, 1964. С. 143).

В качестве доказательства обитания карлуков на территории географического Алтая можно привести следующие упоминания в письменных источниках. События 630–650 гг. в алтайском регионе тесно связаны с судьбой кагана Чеби (в китайских источниках – Ашина Хубо), возглавлявшего тюркское племя тули (чеби). В течение длительного времени он был «малым каганом», но после поражения последнего кагана Первого Восточнотюркского каганата Сели (Хйели) в 630 г. вожди хотели поставить его «большим каганом». Однако в это время каганом стал вождь племени сеяньто,

1

2

3

4

7

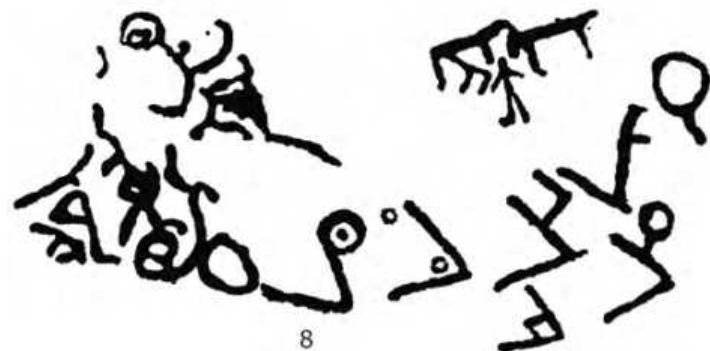

10

5

6

8

9

10

11

12

13

РИС. 6. Карлукские тамги, выбитые и вырезанные на скалах и стелах Монголии (1–4, 7, 13) и Северного Китая (Внутренней Монголии) (5, 6, 8–12). 1 – стела из комплекса Бомбогор (Баянхонгорский аймак) (по: Самашев и др., 2010. Рис. 42); 2 – стела из Шивээт улаана (по: Войтов, 1996. Рис. 55); 3, 4 – Дарви (Ховдский аймак) (по: Самашев и др., 2010. Рис. 39; 44); 5, 6, 8–12 – Уланчаб (по: Гай Шанлинь, 1989. Рис. 82; 166; 244; 255; 473; 509); 7 – Дэл уул (Среднегобийский аймак) (по: Кызласов, 2004. Рис. 5); 13 – Бичигт улаан хад (Центральный аймак) (по: Самашев и др., 2010. С. 62)

FIG. 6. Karluk tamgas embossed and cut on the rocks and steles of Mongolia (1–4, 7, 13) and North China (Inner Mongolia) (5, 6, 8–12). 1 – stele from the complex of Bombogor (Bayan-Hongor aimak) (after Самашев и др., 2010. Рис. 42); 2 – stele from Shiveet Ulaan (after Войтов, 1996. Рис. 55); 3, 4 – Darvi (Hovd aimak) (after Самашев и др., 2010. Рис. 39; 44); 5, 6, 8–12 – Ulanchab (after Гай Шанлинь, 1989. Рис. 82; 166; 244; 255; 473; 509); 7 – Del Uul (Central-Gobi aimak) (after Кызласов, 2004. Рис. 5); 13 – Bichigt ulaan had (Central aimak) (after Самашев и др., 2010. С. 62)

которому Чеби подчинился. Из-за растущей популярности сеяньто решили убить Чеби, который был вынужден бежать в места своих кочевий (Монгольский и, вероятно, южная часть Российского Алтая), где ему подчинились карлуки. Собрав под свои знамена тридцать тысяч воинов, он объявил себя каганом Ичжу Чеби (Малявкин, 1989. С. 115). Объединение в мощный союз нескольких кочевых племен, усиление их военной мощи под руководством кагана Чеби не могло не обеспокоить танский Китай. После нескольких неудачных попыток приведения его к покорности был послан полководец Гао Кань во главе конницы двух токуз-огузских племен – уйгуров и буку (пугу). В 650 г. они взяли в плен кагана Чеби и препроводили его в Чаньянь.

После пленения кагана Чеби все три племени карлуков подчинились Танскому государству. Остатки народа кагана Чеби (племени чеби), а также часть карлуков (одно из карлукских племен?) в 650 г. частично были переселены в восточную часть нагорья Хангай (Отюкен). На мой взгляд, совместное переселение племен лишний раз подтверждает их совместное проживание на Алтае. На новом месте танским Китаем были созданы округа дуду Хуньхэ – для «остатков народа кагана Чеби, племени карлуков левого (восточного) крыла», Ланшань – «на территории правого (западного) крыла народа карлуков» и Синьли – «на территории племени сына кагана Чеби Цземаньто» (Там же. С. 19, 117). Дуду Ланьшань управлялся тутуком Карлуком (Гэлолу) Чили (Шэли). Однако уже в 658 г. все три округа были перенесены из Хангая в Северный Китай, к большой излучине р. Хуанхэ (современная Внутренняя Монголия). В 658–659 гг. для каждого из трех племен танской администрацией были созданы управления (дуду). На должности тутуков назначены вожди племен. На территории расселения племени моуло было создано управление дуду Иньшань, племени чисы – дуду Дамо, племени ташили – дуду Сюаньчи (Там же. С. 41).

Впоследствии племя чисы было разделено и создан округ Цзиньфу. Конечно, создание подобных административно-территориальных единиц со стороны танских властей было «изъявлением покорности» и носило исключительно номинальный характер. По мнению А. Г. Малявкина, перенос округов может служить неопровержимым свидетельством консолидации сил уйгуров и установления ими господства в степи (Там же. С. 118). Судя по всему, к горам Иньшань должны были перекочевать небольшие группы карлуков, вожди которых были тесно связаны с танским Китаем.

Как справедливо заметила И. Эчеди, описание округов, которые были созданы танской администрацией для карлуков, «несколько не вписывались» в территорию их расселения к «западу от Алтая» и такие регионы как Цзиньшань (Алтай), Тамо (Гоби), Иньшань (Внутренняя Монголия) должны быть признаны в качестве карлукских территорий (Ecsedy, 1980. P. 31). Три племени карлуков находились между восточными и западными тюрками-тугю и в зависимости от их усиления или упадка то подчинялись им, то выступали против. Позже переселились немного южнее, и их вожди сами провозгласили себя ябгу трех родов (до этого предводитель карлуков, так же как у уйгуров, азов и других крупных племен, имел титул «эльтебер»). «Воины их сильны и воинственны. Все туцзюеские племена, кочевавшие к западу от округа Тиньчжоу, боялись их» (Бичурин (Макинф), 1998. С. 354–355; Малявкин, 1989. С. 41).

Период 711–715 гг. являлся временем тюрко-карлукских войн. Как сообщают китайские источники, Капаган-каган (Мочжо) поступал бесчеловечно с подчиненными, «а когда состарился, стал глупее и неистовее. Аймаки возроптали и начали отлагаться» (Бичурин (Макинф), 1998. С. 278). Среди прочих восставших против тюрко-тугю были три племени карлуков. Их военачальники Дэуцзиньжус в Дамо (пустыня Гоби), Мулофути в Иньшане, Ташили Хуби

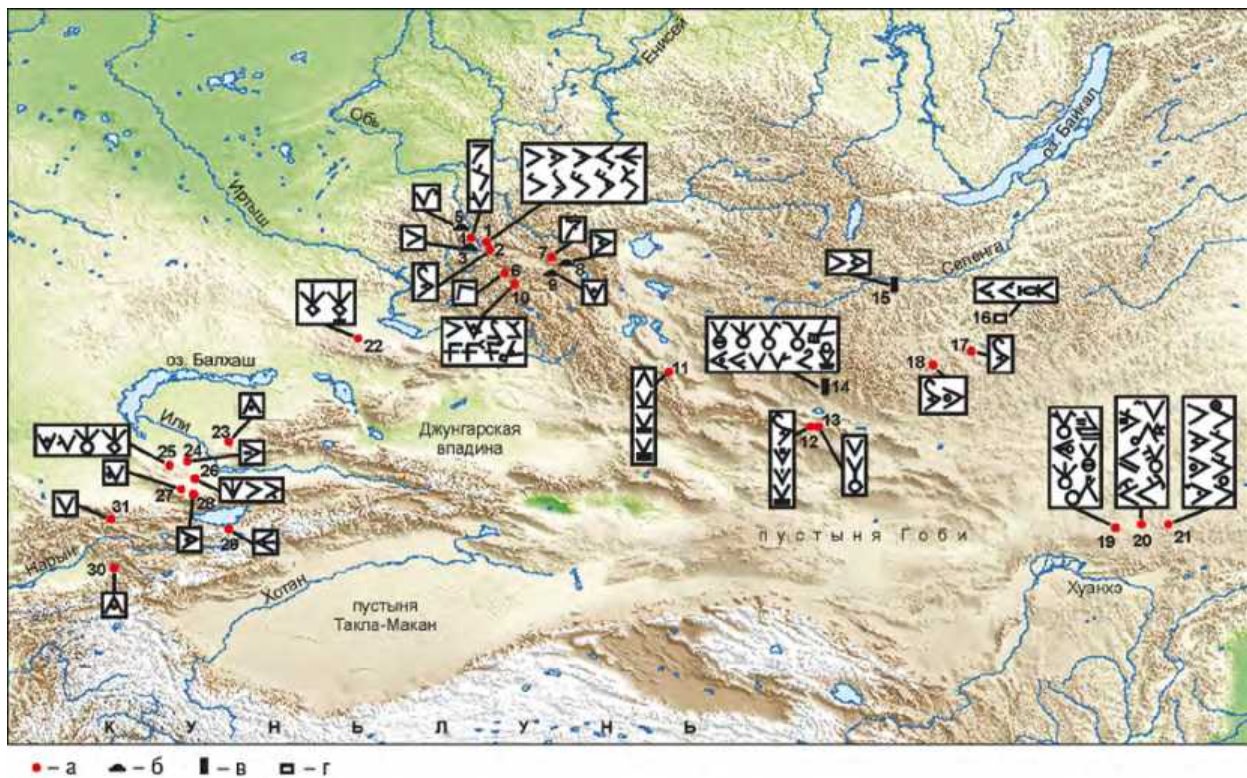

РИС. 7. Распространение карлукских тамг в виде острого угла на территории Центральной Азии. 1 – Калбак-Таш I; 2 – Сырнах-Гозы; 3 – Катанда, курган № 2; 4 – Уркош; 5 – Кара-Коба I, курган № 8; 6 – Калгутинский рудник; 7 – Серлю II; 8 – Барбургазы II, курган № 9; 9 – Уландрык I, курган № 10; 10 – Бага-Ойгур III и Цагаан-Салаа IV; 11 – Дарви; 12 – Дундмандал (Гурванмандал); 13 – Адагмандал (Гурванмандал); 14 – Бомбогор; 15 – Шивээт улаан; 16 – Унгет; 17 – Бичигт улаан хад; 18 – Дэл уул; 19–21 – Уланчаб; 22 – Доланкара; 23 – Ешкиольмес; 24 – Шолакэспе; 25 – Жынгылды; 26 – Тамгалы; 27 – Кулжабасы, Аккайнар; 28 – Актерек; 29 – Тескей Ала-Тоо, Тосор; 30 – Алай, Булолу; 31 – Чиим-Таш.

Условные обозначения: а – наскальные изображения тамг; б – изображения тамг на предметах из погребений с конем; в – изображения тамг на стелах; з – изображения тамг на стенках саркофагов поминальных сооружений

FIG. 7. Distribution of Karluk tamgas shaped as an acute angle throughout the territory of Central Asia. 1 – Kalbak-Tash I; 2 – Syrnakh-Gozy; 3 – Katanda, kurgan No. 2; 4 – Urkosh; 5 – Kara-Koba I, kurgan No. 8; 6 – Kalguty mine; 7 – Serlyu II; 8 – Barburgazy II, kurgan No. 9; 9 – Ulandryk I, kurgan No. 10; 10 – Baga-Oygur III and Tsagaan-Salaa IV; 11 – Darvi; 12 – Dundmandal (Gurvanmandal); 13 – Adagmandal (Gurvanmandal); 14 – Bombogor; 15 – Shiveet Ulaan; 16 – Unget; 17 – Bichigt ulaan had; 18 – Del Uul; 19–21 – Ulanchab; 22 – Dolankara; 23 – Eshkiolmes; 24 – Sholakespe; 25 – Zhyngyldy; 26 – Tamgaly; 27 – Kulzhabasy, Akkaynar; 28 – Akterek; 29 – Teskey Ala-Too, Tosor; 30 – Alay, Bulolu; 31 – Chiim-Tash.

Keys to the figure: a – rock representations of tamgas; b – representations of tamgas on objects from burials with a horse; v – representations of tamgas on steles; z – representations of tamgas on walls of sarcophagi in memorial construction

в Сюань-чи вместе со своими подчиненными перешли на сторону Китая в 715 году. Было «указано поселить их при Алтайских горах (курсив мой. – Г. К.)» (Liu Mau-tsay, 1958. S. 221; Бичурин (Иакинф), 1998. С. 278), т. е. на их исконную территорию. Северная и западная границы Второго Тюркского каганата проходили в конце VII – начале VIII в. по Танну-Ола, Алтаю и Тарбагатаю (Кляшторный, 1964. С. 35). Алтай если и входил в состав Второго Тюркского каганата, то скорее номинально. Карлуки Алтая постоянно

проявляли сепаратизм и совместно с другими племенами (азами, чиками и др.) неоднократно поднимали восстания против тюрок-туغو. Последние отвечали карательными походами, что подробно описано в орхонских текстах. О номинальности вхождения карлуков в состав Второго Восточнотюркского каганата также свидетельствует тот факт, что в начале правления Кай-юань (713–742 гг.) карлукские посольства дважды приезжали к танскому двору (Малявкин, 1989. С. 41).

Карлуки вместе с уйгурами и басмылами приняли самое активное участие в разгроме Восточно-тюркского каганата в 741–745 гг. и убийстве последнего тюркского кагана Озмыша в 744 году. После победы над тюрками-тугю вождь басмылов Ашина Ши был поставлен каганом Седеиши с титулом Хэла пицзя. Однако союз уйгуров и карлуков с басмылами оказался недолговечным, и уже через три года каган басмылов был убит карлуками и уйгурами (Там же. С. 104, 172). После этого карлуки и токуз-огузы поставили во главе уйгурского ябгу — т. н. кагана Хуай-жэнь. Война уйгуров с карлуками и басмылами продолжалась с 744 по 754 гг. Согласно Терхинской надписи, в 746 году часть восставших против уйгур карлуков бежала на территорию Тюркешского каганата. Уйгуры разбили карлуков и басмылов и присоединили к себе по одному из их племен. Таким образом, карлуки, жившие в районе Отюкенской черни, подчинились уйгурам, и им был учрежден отдельный тутук. Однако карлуки, проживавшие на Алтае и в районе Бешбалыка, остались независимыми от уйгуров и своим правителем поставили ябгу (Камалов, 2001. С. 90).

В 745, 746, 753 и 754 гг. три карлука (три карлукских племени) посылали послов к танскому двору. В 745 г. «уйгурский великий вождь Тон-чур-ло тархан, отправленный токуз-огузами, и вождь трех карлуков У прибыли ко двору» (Малявкин, 1989. С. 43). В 746 г. «вождь трех карлуков Бильге ябгу тон-апаркин-чур отправил послов ко двору с данью. Ябгу произведен в левые большие военачальники воинственной гвардии запаса, как и прежде, с несением службы в орде. Его послам пожалованы двухцветные халаты из узорчатого шелка и пояса, расшитые золотом, — семь предметов. Послы отправлены назад в орду» (Там же).

В 753 г. «три карлука отправили ко двору послов. Послам пожалованы парчовые халаты, пояса, украшенные золотой вышивкой, поясные мешочки для хранения верительных бирок — всего семь предметов» (Там же). В том же году «три карлука отправили ко двору послов, всего 130 чел., которые были разделены на четыре группы и один за другой приняты при дворе. Всем пожалованы чины и подарки. Все их просьбы приказано удовлетворить полностью» (Там же. С. 43–44). Наконец, в 754 г. «карлуки и государство Ши (Ташкент) прислали послов с подарками, состоящими из местной продукции» (Там же. С. 44).

Необходимо отметить, что императорский двор уделял большое внимание и почет карлук-

ским послам и щедро их одаривал. Невозможно не согласиться с выводом А. Г. Малявкина, который объяснял этот факт тем, что карлуки рассматривались танским Китаем в качестве союзников, важной политической и военной силы, способной противостоять уйгурам, возрождавшим в этот период свое государство. Поэтому «уйгурский вопрос» был одной из важнейших тем переговоров с карлуками (Там же. С. 43).

В 754 г. карлукский Ябгу Тон-бильге захватил в плен восставшего против танского Китая вождя одного из токуз-огузских племен Абусы и препроводил его сначала в Бэйтин, а затем ко двору. За это карлукский ябгу получил звание кай-фу-и-тун сань-сы и титул «князь второй степени цзиньшань» — «князь Алтая» (Малявкин, 1989. С. 175; Бичурин (Иакинф), 1998. С. 355; Камалов, 2001. С. 92). В китайском источнике недвусмысленно сообщается, что одна из двух групп карлуков, не подчинившихся уйгурам, обитала на Алтае.

Проживавшие на территории Тувы племена чиков, азов, племени «земли Девяти огдамдамов» (по И. В. Кормушину), по-видимому, входили в конфедерацию карлукских племен Алтая и являлись их союзниками. Об этом может свидетельствовать перевод И. В. Кормушина надписи памятника E-110 (Уюк-Оорзак III) в северной Туве, в которой упоминается «мое божественное государство, ябгу Алтая» (Кормушин, 1997. С. 269). Единственным ябгу Алтая мог быть только ябгу карлуков, что лишним раз подтверждает свидетельство о нем в китайских хрониках и факт проживания карлуков на Алтае. Карлукская конфедерация племен лишь вынужденно на определенных этапах истории подчинялась тюркам и при первой же возможности вела с ними ожесточенную борьбу. Кыргызы почти неизменно выступали союзниками карлуков в этой борьбе.

Собрание раннесредневековых тамг в Калбак-Таше I (рис. 4) на Алтае является, на мой взгляд, свидетельством создания антиуйгурской коалиции племен во главе с алтайскими карлуками (Кубарев, 2018. С. 38). В эту коалицию, судя по калбак-ташским тамгам, входили басмылы, сеяньто (?), чики, азы (?), народ «земли Девяти огдамдамов» Тувы и, возможно, тюркешши. Из надписи в Могон Шине Усу хорошо известно, что во время своего правления уйгурский Элетмиш Бильге-каган (747–759 гг.) предпринимал многочисленные завоевательные походы против карлуков, басмылов, тюркешей, чиков, енисейских кыргызов, которые и создали антиуйгурскую коалицию. Имен-

но периодом 747–759 гг. я склонен датировать калбак-ташские тамги. По-видимому, призыв к созданию подобной коалиции содержится в одной из рунических надписей Калбак-Таша I (Калбак-Таш II/XV (А-33)): «Я, мое имя Ч(ес). Я написал. Пять элей (народов) должны войти (в конфедерацию)» (Тыбыкова и др., 2012. С. 80). Калбак-ташское собрание тамг подтверждает и иллюстрирует хорошо известную по письменным источникам канву исторических событий на территории Центральной Азии в середине VIII в.

Важнейшим свидетельством принадлежности >-образных тамг карлукам или одному из карлукских племен является перевод рунической надписи с бомбогорской стелы в Центральной Монголии. В ней упоминаются этнонимы басмылов и карлуков (Самашев и др., 2010. С. 45; Şirin, 2016. P. 367–372). В верхней части стелы вырезаны, вероятно, тамги басмылов, в нижней — карлуков (рис. 6, 1). Сам курган со стелой возведен, по всей видимости, в интервале 741–754 гг., в период коалиции басмылов, карлуков и уйгуров против тюрок-тугю, либо во время противостояния карлуков и басмылов против уйгур.

«После эры правления Чжи-дэ (756–758) карлуки стали постепенно усиливаться и вступили в противоборство с уйгурами; переселились на старые земли каганов десяти племен... и овладели городами Суяб, Талас и др. Но, отрезанные уйгурами от Срединного государства, не могли сами прибывать ко двору» (Малаякин, 1989. С. 41). На этом ранняя, центральноазиатская история карлуков заканчивается и начинается новая, среднеазиатская. Именно карлуки стали наследниками тюргешей и Тюргешского каганата в Семиречье и основали свой Карлукский каганат (766–840 гг.), а впоследствии Караханидское государство (840–1210 гг.). Чагатайский среднеазиатско-тюркский книжно-письменный язык XV–XVI вв. принадлежит к юго-восточной (карлукской) группе тюркских языков и сложился под сильным влиянием караханидско-уйгурской литературно-языковой традиции.

Заключение

Подводя итог нашему исследованию, можно прийти к следующим нескольким выводам:

1. Письменные источники, как китайские династийные хроники, так и рунические тексты, свидетельствуют о том, что географический Алтай, Джунгария, Восточный Казахстан были на протяжении, по меньшей мере, VII — первой половины

IX в. территорией обитания карлукских племен. Это подтверждают такие факты, как присвоение карлукскому ябгу звания «князь Алтая», прямые упоминания проживания карлуков в Алтайских горах и др.

2. Методика использования тамгообразных знаков и данных письменных источников для определения этнической или племенной принадлежности археологических памятников очень перспективна, и определение алтайских памятников как карлукских это подтверждает. Раннесредневековые кочевники наносили тамги на самые различные объекты (стелы, изваяния, скалы) и артефакты из погребений, часто тамги сопровождают рунические надписи, что позволяет связывать между собой эти памятники и очерчивать вполне конкретные территории обитания тех или иных племен.

3. Различные варианты тамг в виде острого угла, несомненно, принадлежат карлукам. Картирование этих тамгообразных знаков позволяет установить основную территорию их расселения — прежде всего, географический Алтай, а также проиллюстрировать все перипетии и этапы бурной истории карлуков. Действительно, наличие >-образных тамг в Северной и Центральной Монголии можно объяснить переселением в 650 г. части карлуков в Хангайское нагорье. Здесь они прожили, по меньшей мере, столетие и были подчинены уйгурами в середине VIII в. Представительная серия >-образных тамг во внутренней Монголии, к северу от гор Иньшань подтверждает письменные данные о переносе в 658 г. всех трех округов (дуду) для карлукских племен с территории Монголии в Иньшань. Важнейшим доказательством карлукской принадлежности >-образных тамг является их упоминание в надписи на бомбогорской стеле. Наконец, появление подобных тамг в Семиречье связано с переселением карлуков после их поражения от уйгуров в 746 и 756–758 гг.

4. Карлуки Алтая всегда больше тяготели к западным тюркам, нежели восточным, их всегда связывали тесные контакты. Об этом свидетельствуют очень близкие археологические памятники Алтая и Семиречья, ранняя инфильтрация карлуков в Семиречье и Тохаристан (в частности, управление последним, осуществляемое карлукским ябгу). Поэтому когда карлуки в середине VIII в. проиграли уйгурам борьбу за каганский престол в Отюкене, они знали, куда им уходить. Часть карлуков бежала на территорию Тюргешского кагана-

та еще в 746 г., основная же их часть переселилась в 756–758 гг. Вероятно, именно поэтому богатых и многочисленных погребений с конем второй половины IX – X в. на Алтае практически не известно. Погребения X в. единичны, и можно констатировать резкую трансформацию или смену материальной культуры, связанную с миграцией (?) сюда пришлого населения.

5. Идентификация археологических памятников с карлуками делает логичным объяснение значительного количества богатых погребений с конем на Алтае в VIII в. после разгрома Второго Восточнотюркского каганата. Они содержат серебряные и позолоченные пояса, серебряные сосуды, многочисленные предметы китайского импорта. Из письменных источников известно, что карлуки отправляли многочисленные посольства в Китай в первой половине – середине VIII в. Эта интерпретация ставит под сомнение факт сохранения многочисленного населения тюркок-тугю на Алтае во второй половине VIII – первой половине IX в. (Кубарев, 2005. С. 143; Савинов, 2013). Напротив, можно говорить о «звездном часе» карлуков Алтая в VIII в., которые сначала боролись с тюрками-тугю, оспаривали Отюкен у уйгуров и поддерживали активные дипломатические контакты с танским Китаем.

6. Относительно переселения «500 семейств» Ашина на юг Российского Алтая (хотя это тема отдельного исследования) можно констатировать, что комментарий Н. Я. Бичурина по этому поводу превратился в непреложный «исторический факт». Однако никаких неопровержимых доказательств этому пока не существует. Скорее на роль колыбели

ранних тюркок-тугю могут претендовать Монгольский или Гобийский Алтай либо горы Восточного Тянь-Шаня.

7. Погребения с конем, поминальные оградки с изваяниями и другие «древнетюркские» памятники на Алтае в основной своей массе должны быть признаны карлукскими. Следует согласиться с Л. А. Евтюховой, С. В. Киселевым и Ю. И. Трифоновым в том, что погребения с конем на обширной территории Южной Сибири, Центральной и Средней Азии не могли принадлежать одной небольшой этнической единице (Трифонов, 1973. С. 351, 356). Большинство тюркоязычных племен, входивших в Тюркские, Уйгурский и Кыргызский каганаты, обладали очень близкой материальной культурой и погребально-поминальным обрядом. Это, в частности, подтверждает нанесение отличных друг от друга тамг на предметы, происходящие из погребений с конем. Другими словами, погребения с конем в разных регионах Центральной Азии могли быть оставлены разными тюркоязычными племенами. Даже обряд трупосожжения у знати, как сообщают письменные источники, был распространен не только у тюркок-тугю, но и, например, у телеского племени пугу (Камалов, 2018. С. 252). Поэтому вычленение памятников тех или иных раннесредневековых тюркоязычных племен из огромного массива археологических объектов Центральной Азии и Южной Сибири во многом становится возможным с поиском, тщательным копированием и картированием тамг и сопоставлением полученной информации с данными письменных источников.

Литература

- Бартольд, 1968 – Бартольд В. В. Карлуки // Академик В. В. Бартольд. Сочинения. М.: Наука, 1968. Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. С. 547–548.
- Бичурин (Иакинф), 1998 – Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы: Жалын баспасы, 1998. Т. 1. 390 с.
- Войтов, 1996 – Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Гос. музей Востока, 1996. 152 с.
- Гай Шанлинь, 1989 – Гай Шанлинь. Уланчабу яньхуа [盖山林. 乌兰察布岩画]. Петроглифы степи Уланчаб. Пекин: Вэньбу, 1989. 355 с. (на кит. яз.).
- Камалов, 2001 – Камалов А. К. Древние уйгуры. VIII–IX вв. Алматы: Наш мир, 2001. 216 с.
- Камалов, 2018 – Камалов А. К. Эпитафия токуз-огузского вождя пугу из Шороон бумбагар // Тюркологический сборник 2015–2016 / Отв. ред. Т. Д. Скрынникова. М.: Наука, Восточная литература, 2018. С. 242–262.
- Кляшторный, 1964 – Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. 204 с.
- Кляшторный, Савинов, 2005 – Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
- Кормушин, 1997 – Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования. М.: Наука, 1997. 303 с.
- Кубарев, 2005 – Кубарев Г. В. Культура древних тюркок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.

- Кубарев, 2018 — Кубарев Г. В. Раннесредневековые тамги Калбак-Таша I и их исторический контекст // Значение природного и культурного наследия в современном обществе: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня основания Бюджет. учреждения Республики Алтай «Национальный музей Республики Алтай им. А. В. Анохина» / Отв. ред. Р. М. Еркинова. Горно-Алтайск: НМРА; ГАГУ, 2018. С. 33–39.
- Кубарев и др., 2005 — Кубарев В. Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 640 с.
- Кызласов, 2004 — Кызласов И. Л. Удаль витязя и благочестие попа (Шаханшах Варахран I, пророк Мани и рунические надписи горы Дэл-ула в Монголии) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии: Сб. ст. памяти В. В. Волкова / Отв. ред. А. Н. Гей. М.: ИА РАН, 2004. С. 104–122.
- Малявкин, 1989 — Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: Тексты и исследования. Новосибирск: Наука, 1989. 432 с.
- Могильников, 1990 — Могильников В. А. Древнетюркские курганы Кара-Коба I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая / Отв. ред. А. С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИ-ЯЛ, 1990. С. 137–185.
- Молодин, Черемисин, 2007 — Молодин В. И., Черемисин Д. В. Петроглифы Укока // АЭАЕ. 2007. № 4 (32). С. 91–101.
- Нестеров, 1990 — Нестеров С. П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.
- Рогожинский, 2016 — Рогожинский А. Е. Тамги Тамгалы // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района: Сб. ст. / Отв. ред. Б. А. Байтанаев. Алматы: Танбалы, 2016. С. 28–30, 161–174.
- Рогожинский, Черемисин, 2019 — Рогожинский А. Е., Черемисин Д. В. Тамги кочевников тюркской эпохи на Алтае и в Семиречье (опыт сопоставления и идентификации) // АЭАЕ. 2019. № 2 (47). С. 48–59.
- Савинов, 1984 — Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.
- Савинов, 2013 — Савинов Д. Г. «Звездный час» раннесредневекового населения Горного Алтая (середина VIII — середина IX вв.) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию акад. А. П. Деревянко / Отв. ред.: В. И. Молодин, М. В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 445–458.
- Самашев, 2016 — Самашев З. Древнетюркский культово-мемориальный комплекс на горе Шивээт Улаан в Центральной Монголии // Кадырбаевские чтения — 2016: Мат-лы V Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. А. Бисембаев. Актобе, 2016. С. 19–64.
- Самашев и др., 2010 — Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. Алматы: АБДИ Компани, 2010. 168 с.
- Табалдиев, Жолдошов, 2003 — Табалдиев К. Ш., Жолдошов Ч. М. Образцы изобразительной деятельности древнетюркских племен Тенир-Тоо // «Манас» Университети. Коомдук илимдер журналы. Бишкек, 2003. Sayı 7. С. 111–136.
- Тишкин, 2007 — Тишкин А. А. Алтай в период раннего средневековья (историко-культурная панорама и результаты археологических исследований) // Средневековая археология евразийских степей: Мат-лы Учредительного съезда Междунар. конгресса (Казань, 14–16 февр. 2007 г.) / Отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. Т. 1. С. 3–8. (Археология евразийских степей; Вып. 1).
- Трифонов, 1973 — Трифонов Ю. И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) // Тюркологический сборник 1972. М.: Наука, Восточная литература, 1973. С. 351–374.
- Тыбыкова и др., 2012 — Тыбыкова Л. Н., Невская И. А., Эрдал М. Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2012. 152 с.
- Ecsedy, 1980 — Ecsedy I. A contribution to the history of Karluks in the T'ang Period // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1980. No. 34 (1–3). P. 23–37.
- Golden, 1992 — Golden P. B. An introduction to the history of the Turkic peoples. Ethnogenesis and state-formation in medieval and early modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. 483 p.
- Hermann, 2020 — Hermann L. Repertory of the tamgas in the Talas region (Kyrgyzstan) // Rock Art Chronicles of Golden Steppe from Karatau to Altai. Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures, 2020. Vol. 2. P. 185–191.
- Liu Mau-tsai, 1958 — Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-Kü). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. Buch 1: Texte. 484 S. (Göttinger Asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache und Literatur der Völker Süd-, Ost- und Zentralasiens; Bd. 10).
- Novozhenov, 2020 — Novozhenov V. A. Rock art chronicles of Golden Steppe. Model of communication in Antiquity and Early Middle Ages. Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures, 2020. Vol. 1. 780 p.
- Pritsak, 1951 — Pritsak O. Von den Karluk zu den Karachaniden // ZDMG. 1951. Vol. 101 (n. F. 26). S. 270–300.
- Şirin, 2016 — Şirin H. S. Bombogor inscription: Tombstone of a Turkic Qunçuy ("Princess") // JRAS. 2016. Vol. 26 (3). P. 365–373.

Altay Karluks after the documentary and archaeological evidence

G. V. Kubarev

Most scholars consider the early medieval antiquities investigated over the past 200 years in Altay as 'early Turkic' or 'Turkic'. Sometimes they are called antiquities of 'Altay-Teles Turks' or 'Altay-Orkhon Turks', implying that they belong to the Turks-Tugyu. Collecting, mapping and analysis conducted by the author with tamgas of an acute angular shape found in burials with a horse (Fig. 1, 6; 2, 26, 27; 3, 31B; 5, 5, 7), on rocks and steles in Altay and in neighbouring regions (Fig. 4–7), and comparison with the evidence of written sources allow us to assert that these monuments belonged to the Karluks. The author examines in detail the early history of the Karluks of the 7th–8th century in Central Asia basing on Chinese dynastic chronicles and runic texts. These suggest that the geographic Altay, Dzhungaria and Eastern Kazakhstan, for at least the 7th – first half of the 9th century, were

the territory of settlement of the Karluk tribes. This is confirmed by such facts as the assignment of the title of the 'Prince of Altay' to the Karluk Yabgu, the direct mentioning of the Karluks inhabiting the Altay Mountains, etc. In the 8th century, the Karluk tribal confederation maintained active diplomatic contacts with Tang China. Mapping of tamgas shaped as an acute angle reveals the main territory of the Karluk settlement – primarily the geographic Altay, and illustrates all the peripeteia and stages of the tumultuous history of the Karluks: their migration to Central and Inner Mongolia, and then to Semirechye (Fig. 7). Identification of the early mediaeval sites of Altay as related with the Karluks logically explains the considerable numbers of rich burials with a horse in this region in the 8th century, as well as their almost complete vanish in the 10th century.

Раннетюркские оградки комплекса Кок-Паш (Восточный Алтай): по материалам раскопок А. С. Васютина¹

Н. Н. Серёгин², С. А. Васютин³

АННОТАЦИЯ. В статье вводятся в научный оборот, включая культурно-хронологическую интерпретацию, материалы из серии оградок на разновременном археологическом комплексе Кок-Паш в Восточном Алтае. Приведена подробная характеристика 17 объектов, исследованных в 1982–1984 гг. Алтайским отрядом Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А. С. Васютина, которые оставались практически неопубликованными. Раскопанные оградки, расположенные в разных частях памятника, демонстрируют варибельность традиций сооружения «поминальных» комплексов у кочевников раннего средневековья. Анализ зафиксированных конструкций и обнаруженных предметов (конское снаряжение, оружие, орудия труда) позволяет определить время возведения объектов в пределах второй половины V – VI в. н. э. и отнести их к начальному этапу развития культуры тюрков. Высказано предположение о том, что материалы комплекса Кок-Паш отражают процессы взаимного влияния в середине I тыс. н. э. между местной и пришлой группами населения.

ANNOTATION. The article is a publication and the cultural–chronological interpretation of materials from the excavations of a series of enclosures at the Kok-Pash archaeological complex in the Eastern Altay. A detailed description of 17 objects is presented which were investigated in 1982–1984 by the Altay detachment of the South Siberian archaeological expedition of Kemerovo State University under direction of A. S. Vasutin. These studies practically have not been published before. Excavated enclosures, located in different areas of the site, demonstrate the variability of the traditions in construction of ‘memorial’ complexes by the nomads of the early Middle Ages. Analysis of the structures and discovered objects (horse equipment, weapons, tools) provides a basis for dating objects within the gap of the second half of the 5th–6th centuries AD and linking them with the initial stage in the Turkic archaeological culture. There are grounds for assuming that the materials from the excavations of the Kok-Pash complex reflect the processes of mutual influence of the local and alien groups of the population that took place in the middle of the 1st millennium AD.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: раннее средневековье, тюрки, археологический комплекс, Алтай, оградка, интерпретация, хронология.

KEYWORDS: early Middle Ages, Turks, archaeological complex, Altay, enclosure, interpretation, chronology.

Введение

Дмитрий Глебович Савинов в ряде своих работ последовательно обращался к проблемам реконструкции процессов формирования и первоначальной эволюции культурного комплекса тюрков Центральной Азии, в значительной степени определивших вектор развития обществ номадов этого обширного региона (Савинов, 1984. С. 31–40; 1987. С. 18–20; 2005.

С. 197–201; и др.). Он неоднократно отмечал, что большое значение для решения многих вопросов в рамках указанной проблемы имеют результаты раскопок «поминальных» памятников. К настоящему времени очевидно, что, наряду с перспективами полевых работ, актуальными направлениями исследований остаются издание и детальный анализ полученных ранее данных, в силу разных причин до сих пор неопубликованных. В этой связи несомненный интерес представляют представительные материалы раскопок тюркских оградок Восточного Алтая, выявленные в ходе изысканий А. С. Васютина. В настоящей статье в научный оборот вводятся результаты исследований «поминальных» объектов памятника Кок-Паш, демонстрирующие важные характеристики ритуальной практики кочевников раннетюркского времени.

Характеристика материалов раскопок

Погребально-поминальный комплекс Кок-Паш расположен на высокой террасе в месте слияния

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование»). The study was conducted with the financial help of the Russian Scientific Foundation (RSF) (Project № 20-78-10037 “Early Turks of Central Asia: interdisciplinary historical and archaeological research”).

² 656049, Россия, Барнаул, пр. Ленина, д. 61. Алтайский государственный университет. Кафедра археологии, этнографии и музеологии. Адрес электронной почты: nikolay-seregin@mail.ru.

³ 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, д. 6. Кемеровский государственный университет. Кафедра всеобщей истории и международных отношений. Адрес электронной почты: vasutin2012@list.ru.

рек Чулышман и Башкаус, в 15 км на юг-юго-восток от с. Балыкча, в Улаганском районе Республики Алтай (рис. 1). Памятник включает более 300 объектов, датирующихся в широких хронологических пределах от энеолита до этнографической современности. В 1982–1987 гг. систематические работы на данном комплексе проводились Алтайским отрядом Южносибирской археологической экспедиции Кемеровского государственного университета под руководством А. С. Васютина. Раскопанные объекты относятся к нескольким группам одновременных сооружений. Наиболее многочисленными являются погребения предтюркского (жужанского) времени. Результаты исследований этих объектов (43 захоронения) полностью опубликованы в отдельной монографии (Бобров и др., 2003). Остальные комплексы, включающие «ритуальные»

курганы без погребений и захоронения различных хронологических периодов, а также другие сооружения, за редким исключением (Серёгин, Васютин С., 2020), остались неопубликованными. Особое значение имеет серия тюркских оградок из 17 объектов. Информация об этих комплексах представлена в специальной литературе в виде кратких обобщенных описаний, включая сведения об отдельных находках, но без характеристики контекста их обнаружения (Васютин А., 1983; 1984; 1985; 1994; Бобров и др., 2003).

Тюркские оградки зафиксированы в разных частях могильника Кок-Паш, практически на всей площади памятника. При этом большая часть раскопанных сооружений (14 из 17 объектов) расположена на его южной окраине; остальные локализованы в центральной части комплекса. Исследован-

РИС. 1. Карта-схема расположения комплекса Кок-Паш

FIG. 1. Schematic map of the location of the complex of Kok-Pash

ные оградки получили обозначения А-1-3, Б-1-3, В-1-4, Г-1-2, Д, Е, Ж, И-1-2.

Комплекс смежных оградок А-1-3 – первая группа раннесредневековых объектов, исследованных на памятнике Кок-Паш в 1982 г. Сооружения расположены в южной части комплекса. Объекты ориентированы стенками по сторонам света, с небольшим отклонением (рис. 2).

Оградка А-1 сооружена из 14 поставленных на ребро каменных плит (из них четыре составляли общую стенку с оградкой А-2). От южной стенки сооружения отходил ряд из четырех балбалов. Внутренняя площадь объекта была забутована камнями различных размеров и песчаным грунтом. Размеры сооружения – 3,8 × 2,6 м. В центре оградки под слоем забутовки обнаружен каменный ящичек (1,0 × 0,2 м), сложенный из шести плит (четыре плиты составляли его длинные стороны, и две являлись торцевыми). В СЗ углу ящичка зафиксированы железные однокольчатые удила, уложенные на стремя, две подпружные пряжки и кости животных. В южной части ящичка обнаружены

железный однолезвийный нож с прямой спинкой и фрагмент кости животного (рис. 3).

Оградка А-2 возведена из 14 поставленных на ребро каменных плит (из них восемь составляли общие стенки с оградками А-1 и А-3). У южной стенки сооружения, на расстоянии 0,27 м установлен балбал. Внутренняя площадь объекта забутована камнями различных размеров и песчаным грунтом. Размеры сооружения – 2,6 × 2,2 м. В восточной части оградки, в заполнении, обнаружено железное стремя (рис. 4, 1). У южной стенки объекта найден железный наконечник стрелы плохой сохранности. В центре оградки под слоем забутовки обнаружен каменный ящичек (1,1 × 0,25 м), сооруженный из семи плит (шесть плит составляли его длинные стороны, и одна являлась торцевой). В центре ящичка зафиксированы два железных и два костяных наконечника стрел, костяные накладки на лук и кости животных (рис. 4, 2-6).

Оградка А-3 сооружена из 10 поставленных на ребро каменных плит (из них четыре составляли общую стенку с оградкой А-2). Северная стенка объ-

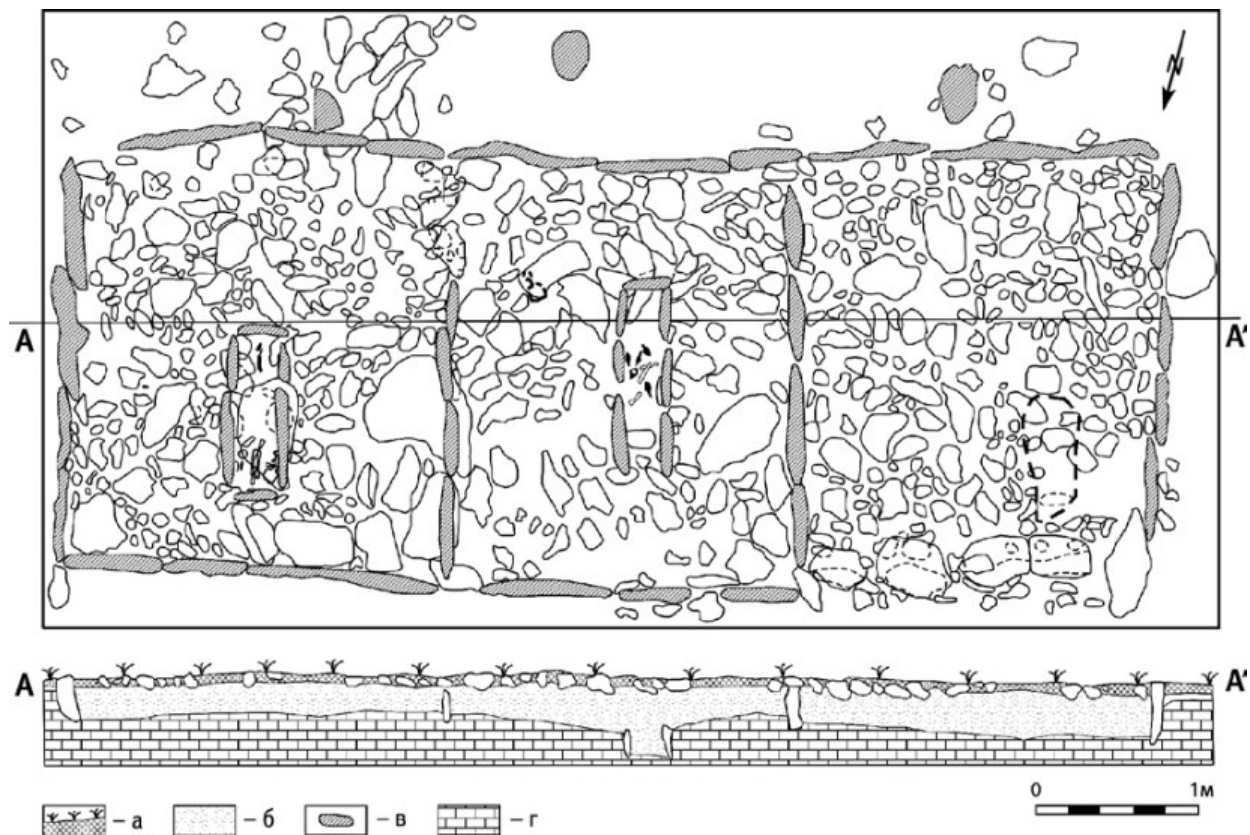

РИС. 2. Кок-Паш. План оградок А-1-3. Условные обозначения: а – дерн; б – заполнение; в – плиты оградок и ящичков; z – материк

FIG. 2. Kok-Pash. Plan of enclosures A-1-3. Keys: a – topsoil; б – fill; в – slabs of fences and stone boxes; z – virgin soil

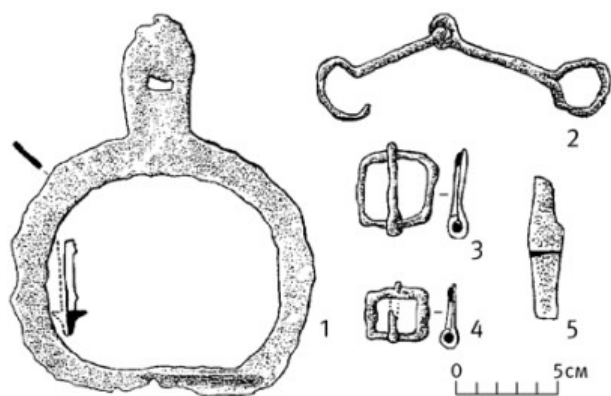

РИС. 3. Кок-Паш. Находки из оградки А-1.
1-5 – железо

FIG. 3. Kok-Pash. Finds from enclosure A-1.
1-5 – iron

екта оказалась разрушена. У южной стенки оградки, на расстоянии 0,1 м от нее установлен балбал. Внутренняя площадь сооружения забутована камнями различных размеров и песчаным грунтом. Размеры объекта – 2,3 × 2,3 м. В СЗ части оградки под слоем

забутовки на уровне материка расчищена плита, под которой обнаружен обломок железного ножа.

Комплекс оградок Б-1-3 представляет собой самый южный объект памятника Кок-Паш (раскопаны в 1983 г.). Сооружения расположены к юго-западу от оградок А-1-3. Внутренняя площадь оградок оказалась частично разрушена, что определило практически полное отсутствие смежных стенок, от которых сохранились единичные плиты. Учитывая особенности данного сооружения, а также конструктивные характеристики других раскопанных объектов могильника Кок-Паш, можно предположить, что изначально это были три смежные оградки. Объекты ориентированы стенками по сторонам света (рис. 5).

Оградка Б-1 сооружена из девяти поставленных на ребро каменных плит, одна из которых представляет собой единственный элемент конструкции общей стенки с оградкой Б-2. Вплотную к южной стенке сооружения установлен балбал. Внутренняя площадь объекта забутована в один слой мелкими и средними камнями и песчаным грун-

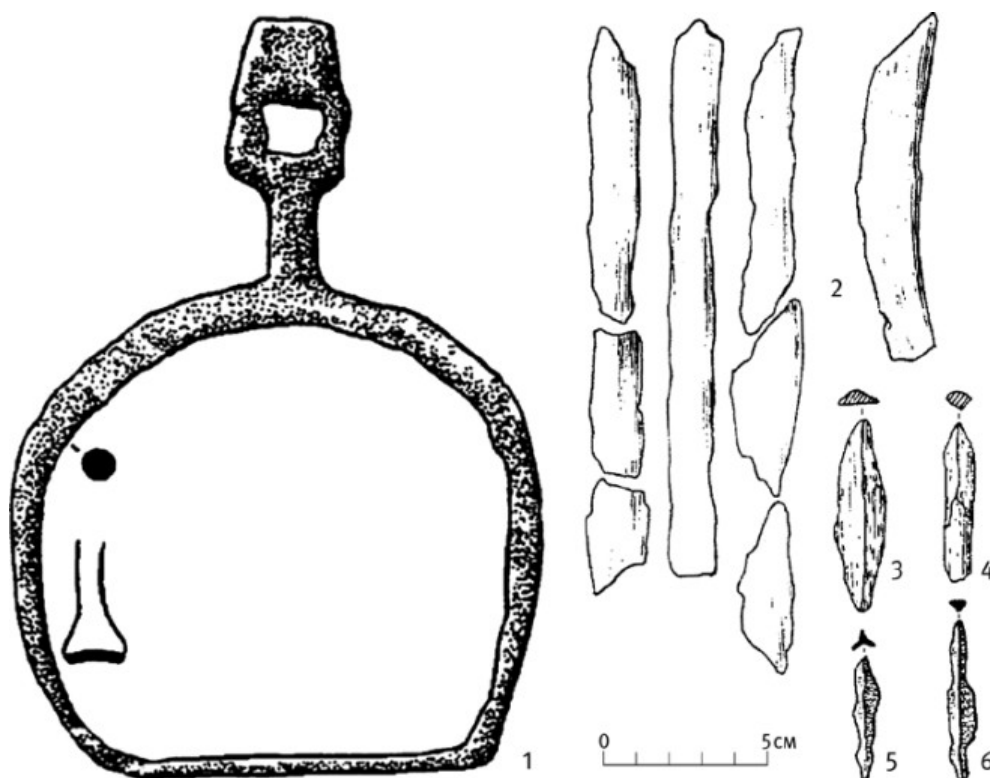

РИС. 4. Кок-Паш. Находки из оградки А-2.
1, 5, 6 – железо; 2-4 – кость

FIG. 4. Kok-Pash. Finds from enclosure A-2.
1, 5, 6 – iron; 2-4 – bone

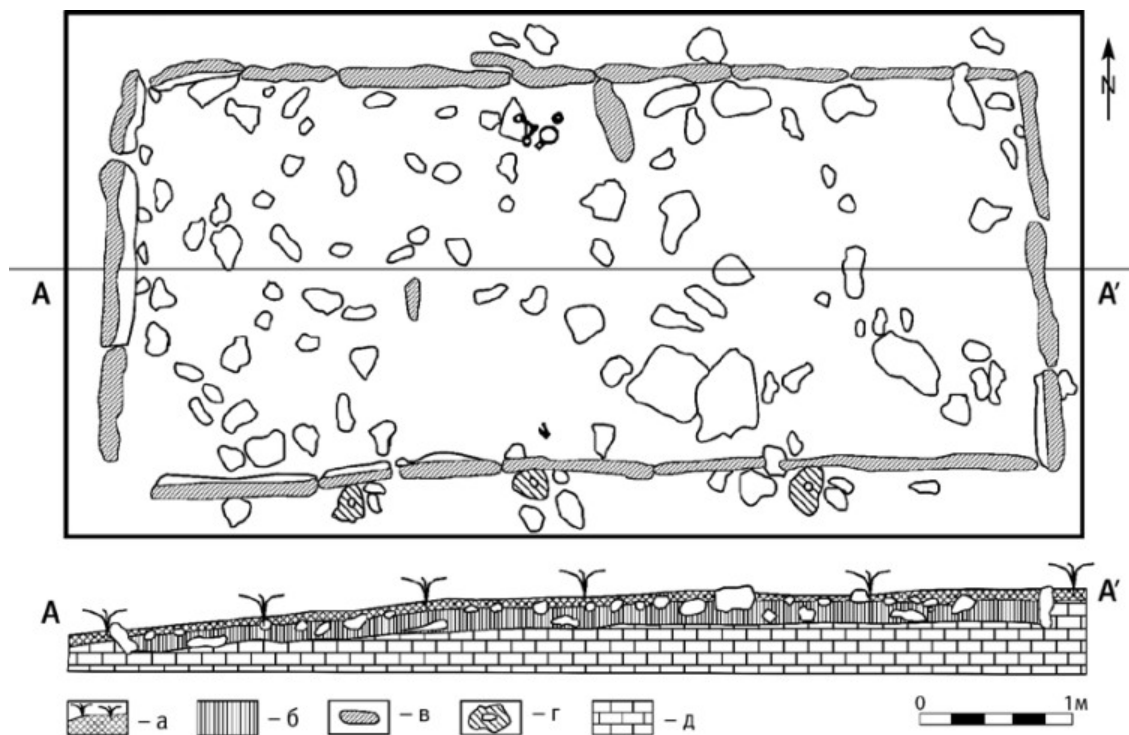

РИС. 5. Кок-Паш. План оградок Б-1–3. Условные обозначения: а – дерн; б – заполнение; в – плиты оградок и ящичков; з – балбалы; д – материк

FIG. 5. Kok-Pash. Plan of enclosures B-1-3. Keys: a – topsoil; б – fill; в – slabs of fences and stone boxes; з – balbals; д – virgin soil

том. Размеры сооружения – 2,6 × 1,9 м. Каких-либо конструкций и находок в ходе раскопок внутренней площади оградки не обнаружено.

Оградка Б-2 сооружена из шести поставленных на ребро каменных плит, две из которых представляют сохранившиеся элементы общих стенок с оградками Б-1 и Б-3. Вплотную к южной стенке оградки установлен балбал. Внутренняя площадь объекта забутована в один слой мелкими и средними камнями и песчаным грунтом. Размеры сооружения – 2,4 × 1,2 м. Рядом с южной стенкой, на внутренней площади оградки, обнаружен зуб лошади. В СВ части сооружения, на уровне материка, расчищены железное стремя, удила и пряжка (рис. 6).

Оградка Б-3 сооружена из 10 поставленных на ребро каменных плит, одна из которых представляет единственный элемент конструкции общей стенки с оградкой Б-2. Вплотную к южной стенке сооружения установлен балбал. Внутренняя площадь объекта забутована в один слой мелкими и средними камнями и песчаным грунтом. Размеры сооружения – 2,6 × 2,5 м. Каких-либо конструкций и находок в ходе раскопок внутренней площади оградки не обнаружено.

Комплекс смежных оградок В-1–4, раскопанных в 1983 г., расположен к северо-востоку от сооружений А-1–3. Оградки ориентированы углами по сторонам света, с незначительным отклонением (рис. 7).

Оградка В-1 сооружена из 14 поставленных на ребро каменных плит (из них четыре составляли общую стенку с оградкой В-2). Внутренняя площадь объекта забутована мелкими и средними камнями и песчаным грунтом. Размеры сооружения – 2,5 × 2,1 м. В юго-западной части оградки расчищен каменный ящичек (0,65 × 0,4 м), составленный из четырех плит. На дне ящичка обнаружены железные удила (рис. 8, 1).

Оградка В-2 возведена из девяти поставленных на ребро каменных плит (из них семь составляли общие стенки с оградками В-1 и В-3). Внутренняя площадь объекта забутована мелкими и средними камнями и песчаным грунтом. Размеры сооружения – 2,0 × 1,1 м. В северо-западном углу оградки расчищен каменный ящичек (0,7 × 0,42 м), составленный из четырех плит. На дне ящичка обнаружены железные удила (рис. 8, 2).

Оградка В-3 сооружена из 10 поставленных на ребро каменных плит (из них шесть составляли

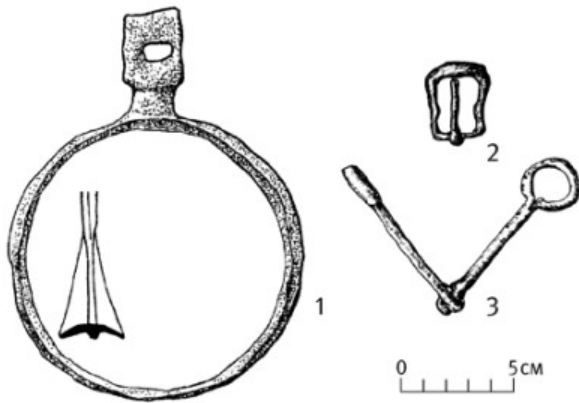

РИС. 6. Кок-Паш. Находки из оградки В-2.

1-3 – железо

FIG. 6. Kok-Pash. Finds from enclosure В-2.

1-3 – iron

общие стенки с оградками В-3 и В-4). Внутренняя площадь объекта забутована мелкими и средними камнями и песчаным грунтом. Размеры сооружения – 2,0 × 1,2 м. В юго-западном углу объекта расчищен каменный ящик (0,6 × 0,4 м), пристроенный к стенке оградки и составленный из четырех плит. На дне ящика обнаружены железные удила (рис. 8, 3).

Оградка В-4 сооружена из девяти поставленных на ребро каменных плит (из них три составляли общую стенку с оградкой В-3). Внутренняя площадь объекта заполнена забутовкой из мелких и средних камней и песчаного грунта. Размеры сооружения – 2,0 × 1,1 м. В юго-западном углу объекта расчищен каменный ящик (0,45 × 0,3 м), пристроенный к стенке оградки и составленный из четырех плит. На дне этой конструкции обнаружены железные удила, трехлепестковая уздечная бляха-нашивка и обоймы из бронзы (рис. 8, 4–6), а также кость животного.

Смежные оградки Г-1–2, раскопанные в 1983 г., расположены в юго-восточной части комплекса Кок-Паш, к востоку от рассмотренных выше объектов. Оградки ориентированы стенками по сторонам света (рис. 9).

Оградка Г-1 сооружена из 11 поставленных на ребро каменных плит (из них четыре составляли общую стенку с оградкой Г-2). Внутренняя площадь объекта забутована мелкими и средними камнями и песчаным грунтом. Размеры сооружения – 2,05 × 1,5 м. В северной половине оградки расчищен каменный ящик (0,36 × 0,34 м), составленный из четырех плит. Какие-либо допол-

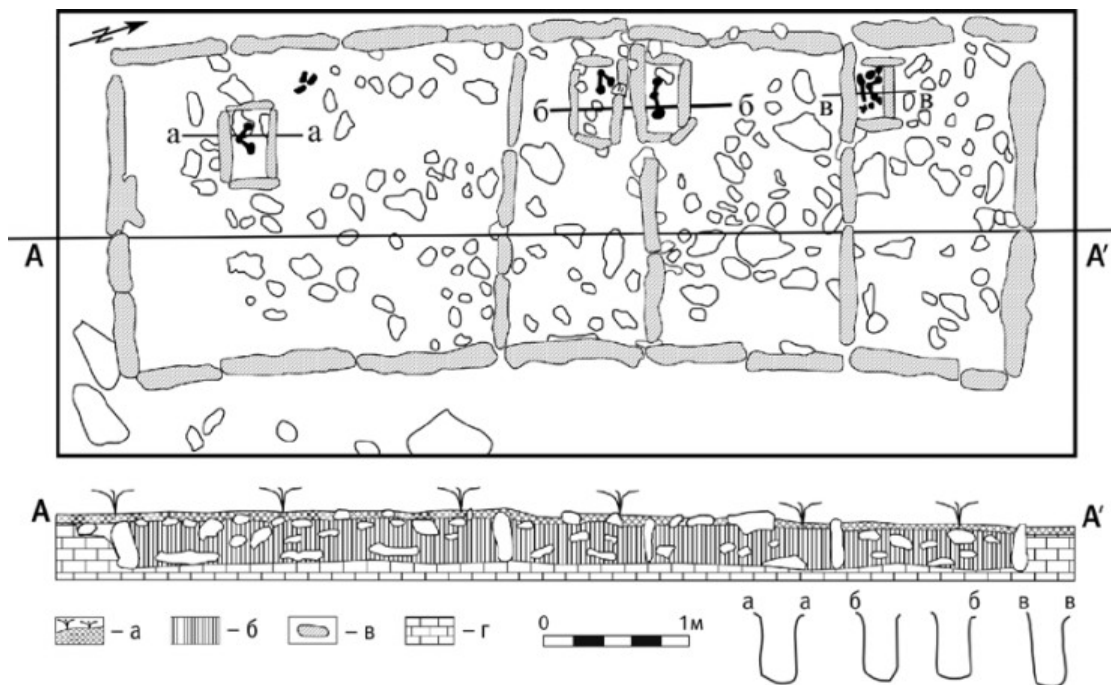

РИС. 7. Кок-Паш. План оградок В-1–4. Условные обозначения: а – дерн; б – заполнение; в – плиты оградок и ящиков; z – материк

FIG. 7. Kok-Pash. Plan of enclosures В-1–4. Keys: а – topsoil; б – fill; в – slabs of fences and stone boxes; z – virgin soil

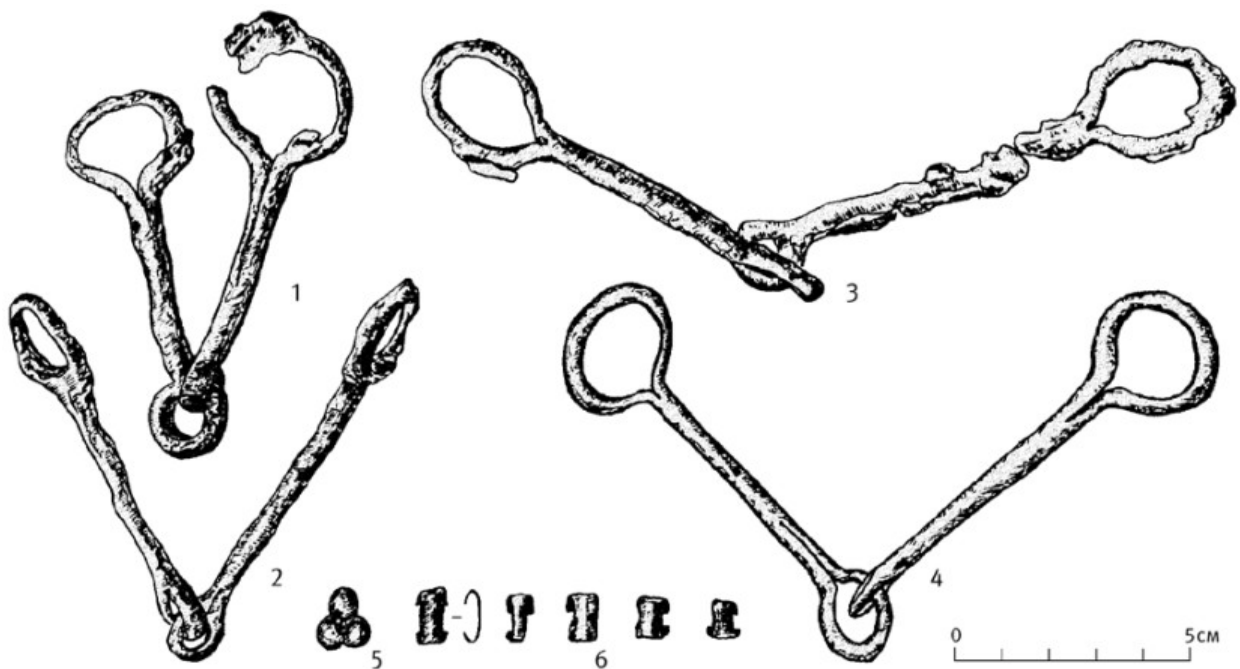

РИС. 8. Кок-Паш. Находки из оградок В-1-4.
1-4 – железо; 5, 6 – бронза

FIG. 8. Kok-Pash. Finds from enclosures B-1-4.
1-4 – iron; 5, 6 – bronze

нительные конструкции и находки не зафиксированы.

Оградка Г-2 возведена из 15 поставленных на ребро каменных плит (из них четыре составляли общую стенку с оградкой Г-1). У северной стенки сооружения установлен балбал. Внутренняя площадь объекта забутована мелкими и средними камнями и песчаным грунтом. Размеры сооружения – 1,95×1,9 м. В центре оградки расчищен каменный ящичек (0,3 × 0,29 м), составленный из четырех плит и перекрытый сверху еще одной плитой. Какие-либо дополнительные конструкции и находки не зафиксированы.

Оградка Д расположена в центральной части комплекса Кок-Паш, в 0,3 м от кургана № 7 жу-жанского времени. Объекты в 1983 г. были исследованы единым раскопом (рис. 10). Оградка, ориентированная углами по сторонам света, сооружена из восьми поставленных на ребро каменных плит. Восточный угол объекта оказался разрушен. Внутренняя площадь оградки забутована мелкими и средними камнями и песчаным грунтом. Размеры сооружения – 1,08 × 0,95 м. В северо-восточной части объекта расчищен каменный ящи-

чек (0,6 × 0,4 м) из пяти плит, пристроенный к стенке оградки. На дне ящичка обнаружен железный черешковый нож.

Оградка Е, раскопанная в 1983 г., выявлена в восточной части комплекса Кок-Паш. Объект представляет собой плоскую вымостку неопределенной формы. По периметру сооружения уложены более крупные камни (рис. 11). Размеры объекта 2,4 × 2,1 м. Под вымосткой, на глубине 0,3 м, расчищен каменный ящичек (0,3 × 0,2 м), сооруженный из четырех плит и перекрытый плоскими камнями. В заполнении ящичка обнаружена каменная цилиндрическая бусина. Какие-либо другие находки не зафиксированы. Не исключено, что объект представлял собой не оградку, а «ритуальный» курган, подобный сооружениям № 1-2, раскопанным на комплексе Кок-Паш.

Оградка Ж, раскопанная в 1983 г., расположена в центральной части могильника Кок-Паш. Объект частично разрушен. Сохранились пять поставленных на ребро каменных плит, пространство между которыми забутовано камнями различных размеров и песчаным грунтом. Размеры сооружения – 2,4 × 1,3 м. Оградка ориентирована длинной сторо-

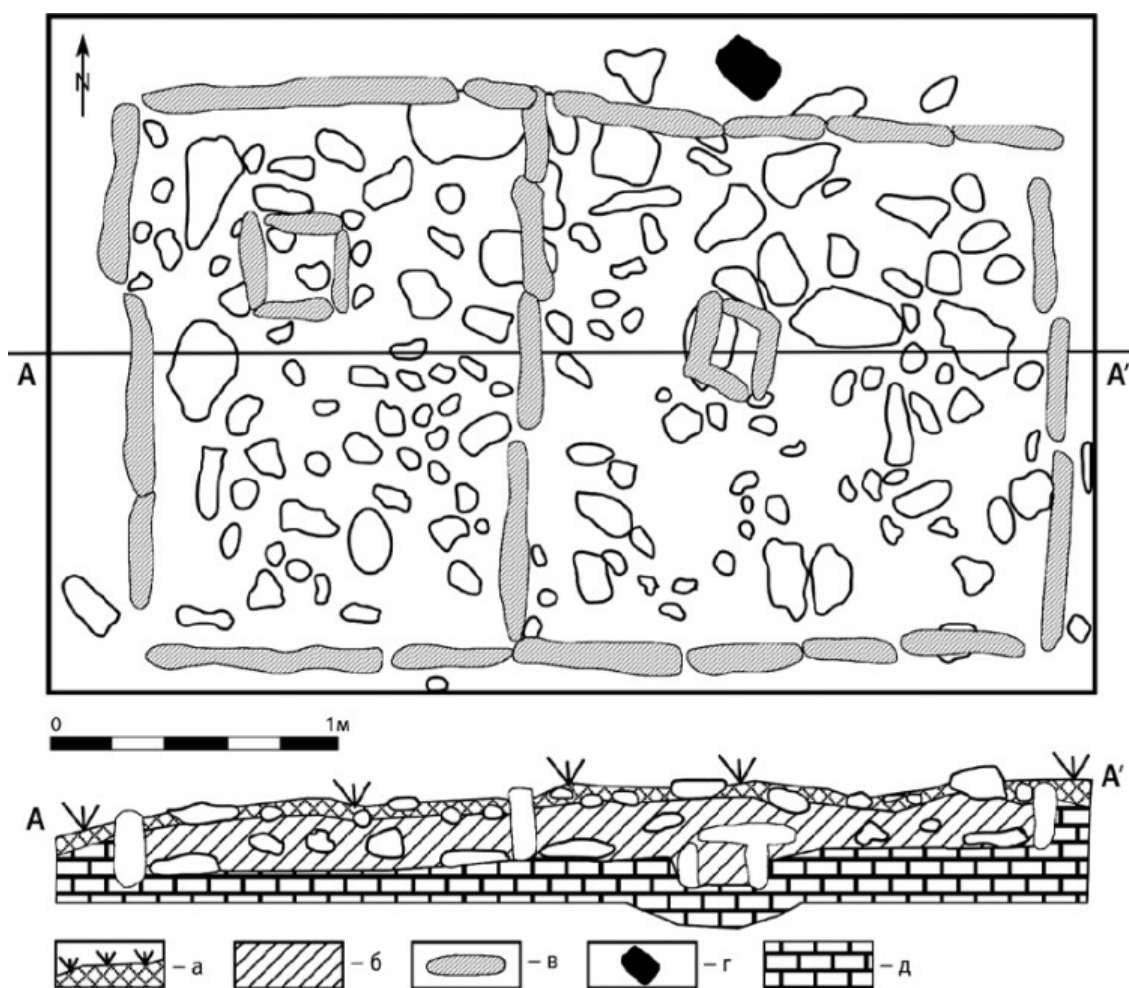

РИС. 9. Кок-Паш. План оградок Г-1-2. Условные обозначения: а – дерн; б – заполнение; в – плиты оградок и ящичков; г – балбал; д – материк

FIG. 9. Kok-Pash. Plan of enclosures Г-1-2. Keys: а – topsoil; б – fill; в – slabs of fences and stone boxes; г – balbal; д – virgin soil

ной по линии СВ-ЮЗ. В центре сооружения зафиксирована небольшая стела, основание которой укреплено по периметру камнями, возвышающаяся над уровнем внутреннего заполнения оградки на 0,14 м (рис. 12). Какие-либо другие конструкции и находки не обнаружены.

Смежные оградки И-1-2, раскопанные в 1984 г., расположены в юго-западной части комплекса Кок-Паш. Сооружения ориентированы стенками по сторонам света (рис. 13).

Оградка И-1 сооружена из 15 поставленных на ребро каменных плит (из них пять составляли общую стенку с оградкой И-2). Внутренняя площадь объекта забутована двумя слоями беспорядочно уложенных плит, булыжников, речной гальки и песчаного грунта. Размеры сооружения – 1,9 × 1,4 м. При разборке второго слоя заполнения в северной части

оградки выявлен каменный ящичек (0,35 × 0,15 м) из трех вертикально установленных плит, заглубленных в материк на 0,16 м. В северной части ящичка обнаружены железные однокольчатые удила очень плохой сохранности.

Оградка И-2 сооружена из 19 поставленных на ребро каменных плит (из них четыре составляли общую стенку с оградкой И-1). Внутренняя площадь объекта забутована двумя слоями беспорядочно уложенных плит, булыжников, речной гальки и песчаного грунта. Размеры сооружения – 2,95 × 2,45 м. При разборке второго слоя заполнения в центральной части оградки зафиксирован каменный ящичек (0,35 × 0,2 м) из четырех вертикально поставленных плит, заглубленных в материк на 0,4 м. Каких-либо других сооружений и находок не обнаружено.

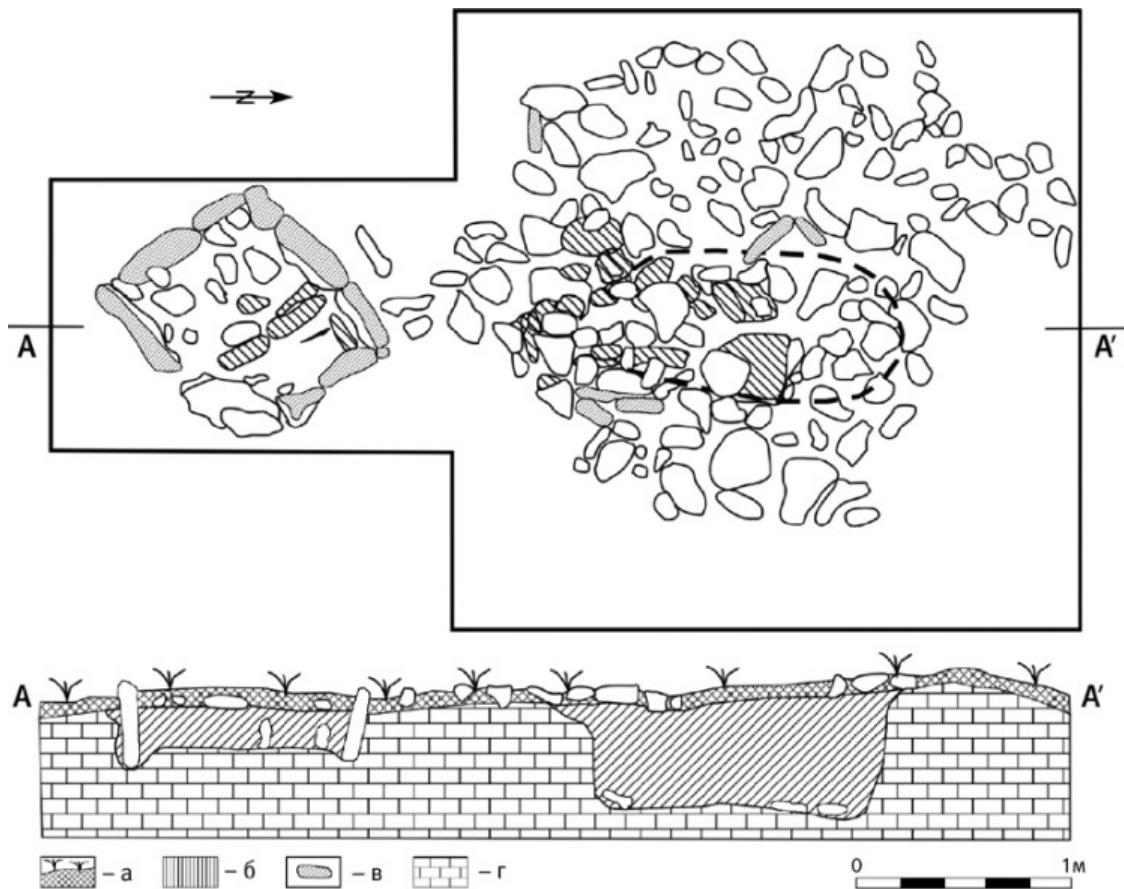

РИС. 10. Кок-Паш. План оградки Д и кургана № 7. Условные обозначения: а – дерн; б – заполнение; в – плиты оградок и ящичков; z – материк

FIG. 10. Kok-Pash. Plan of enclosure D and barrow No. 7. Keys: a – topsoil; б – fill; в – slabs of fences and stone boxes; z – virgin soil

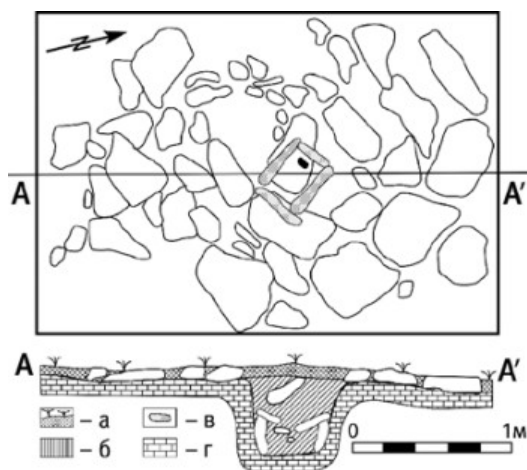

РИС. 11. Кок-Паш. План оградки Е. Условные обозначения: а – дерн; б – заполнение; в – плиты оградок и ящичков; z – материк

FIG. 11. Kok-Pash. Plan of enclosure E. Keys: a – topsoil; б – fill; в – slabs of fences and stone boxes; z – virgin soil

Культурно-хронологическая интерпретация объектов

Оградки памятника Кок-Паш являются примером традиции возведения «поминальных» комплексов, которая в раннем средневековье получила распространение на обширных пространствах центральноазиатского региона и связывается с археологической культурой тюрков (Грач, 1961; Кубарев, 1984; Серёгин, Шелепова, 2015; Идэрхангай, 2017; и др.). Объекты комплекса Кок-Паш имеют целый ряд характерных черт, анализ которых, учитывая накопленный опыт интерпретации подобных сооружений, позволяет детализировать их хронологию.

Важным признаком большей части оградок комплекса Кок-Паш (объекты А-1-2, В-1-4, Г-1-2, Д, Е, И-1-2) являются небольшие каменные ящички, возведенные во внутреннем пространстве или пристроенные к одной из стенок. К настоящему времени в разных частях Алтая изучена серия

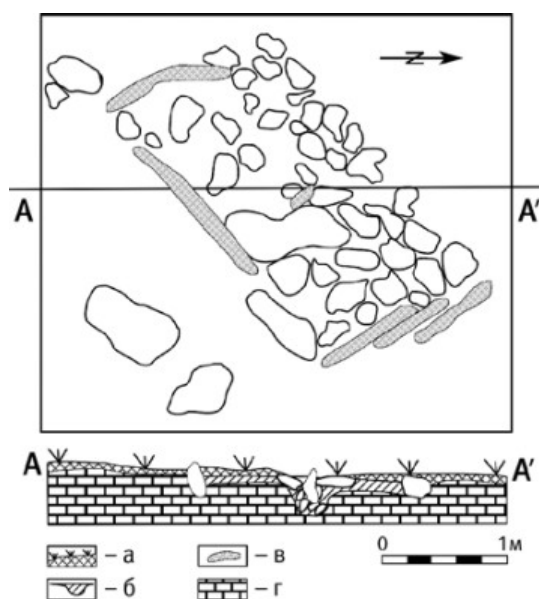

РИС. 12. Кок-Паш. План оградки Ж.
Условные обозначения: а – дерн; б – заполнение;
в – плиты оградки; з – материк

FIG. 12. Kok-Pash. Plan of enclosure Ж.
Keys: a – topsoil; б – fill; в – slabs of fence;
z – virgin soil

подобных конструкций, часть которых содержит датирующие находки – главным образом, предметы вооружения и конского снаряжения, которые позволяют отнести сооружения к ранним этапам истории тюрков (Гаврилова, 1965. Табл. IV; Соёнов, Эбель, 1997. Рис. II; Илюшин, 2000. Рис. I–V; и др.). Распространение небольших каменных ящичков в «поминальной» обрядности раннесредневековых кочевников можно связывать с существовавшей на Алтае в хуннуско-сяньбийско-жужанское время традицией захоронения в каменном ящике, а также специфическими объектами, условно обозначаемыми как «миниатюрные» кенотафы (Серёгин, Матрёнин, 2016. С. 35–37, 62–63). Основным признаком последних является создание погребальной камеры в виде ящика, не предназначенного по своим пропорциям для размещения взрослого человека. Отметим, что характеристики предметов инвентаря, обнаруженных в тюркских оградках с каменными ящичками, позволяют говорить о распространении традиции сооружения последних вплоть до VII – начала VIII в. н. э. (Кубарев, 1984. С. 54, 167–168).

В ходе раскопок 14 из 17 оградок комплекса Кок-Паш (объекты А-1-3, Б-1-3, В-1-4, Г-1-2, И-1-2) выявлены смежные конструкции, имеющие общие

стенки. Подобные сооружения А. А. Гаврилова (1965. С. 99–100) объединила в кудыргинский тип памятников. Анализ материалов, полученных в последующие десятилетия, подтверждает тезис о том, что смежные оградки относятся к ранним этапам в развитии культуры тюрков. Судя по имеющимся сведениям, большая часть таких объектов датируется в пределах второй половины V – VI в. (Матрёнин, Сарафанов, 2006. С. 209–210; Серёгин, Шелепова, 2015. С. 70, 72). Смежные оградки, в том числе сооружения, содержащие датирующие материалы указанного выше периода, исследованы на комплексах Ак-Кообы, Кара-Коба-I, Кудыргэ, Мендур-Соккон-I, Яломан-II и др. (Гаврилова, 1965. Табл. III; IV; Могильников, 1992. Рис. 1; Соёнов, Эбель, 1997. Рис. I–IV; Кубарев, 2011. Рис. 2; 3; и др.).

Косвенным признаком, указывающим на раннюю датировку большей части раскопанных оградок памятника Кок-Паш, является их конструкция в виде ящика, сооруженного из многочисленных плит. Отмечено, что подобная конструктивная особенность характерна в большей степени для «поминальных» комплексов, возведенных не позднее периода существования Первого каганата (Войтов, 1996. С. 61, 70). Такой же хронологической характеристикой можно считать отсутствие у оградок памятника Кок-Паш изваяний – как лицезовых, так и реалистичных.

Редкой чертой ритуальной практики, зафиксированной в ходе исследований рассматриваемых сооружений, является нетипичная ориентировка балбалов, установленных у южной (объекты А-1-3, Б-1-3) или у северной (объект Г-2) стенок оград. Известно, что у тюрков при размещении «внеоградных» конструкций (изваяний, стел, балбалов) классическим направлением является восточное. Отклонения от этого стандарта, судя по имеющимся материалам, характерны для объектов, возведенных на ранних этапах существования культуры. Об этом, в частности, свидетельствуют датирующие находки, зафиксированные в ходе раскопок подквадратных и округлых оградок на памятниках Кара-Коба-I, Булан-Кобы-IV, Усть-Карасу и др., где зафиксировано расположение стел и балбалов к северу или к западу от основного комплекса (Мамадаков, 1994. С. 59, рис. 2, 7–12; Могильников, 1994. Рис. 6; 7; 16–19; и др.). Вариативность ориентировок в данном случае может быть обусловлена поиском форм обрядовой практики в начальные периоды формирования и развития культуры тюрков, а так-

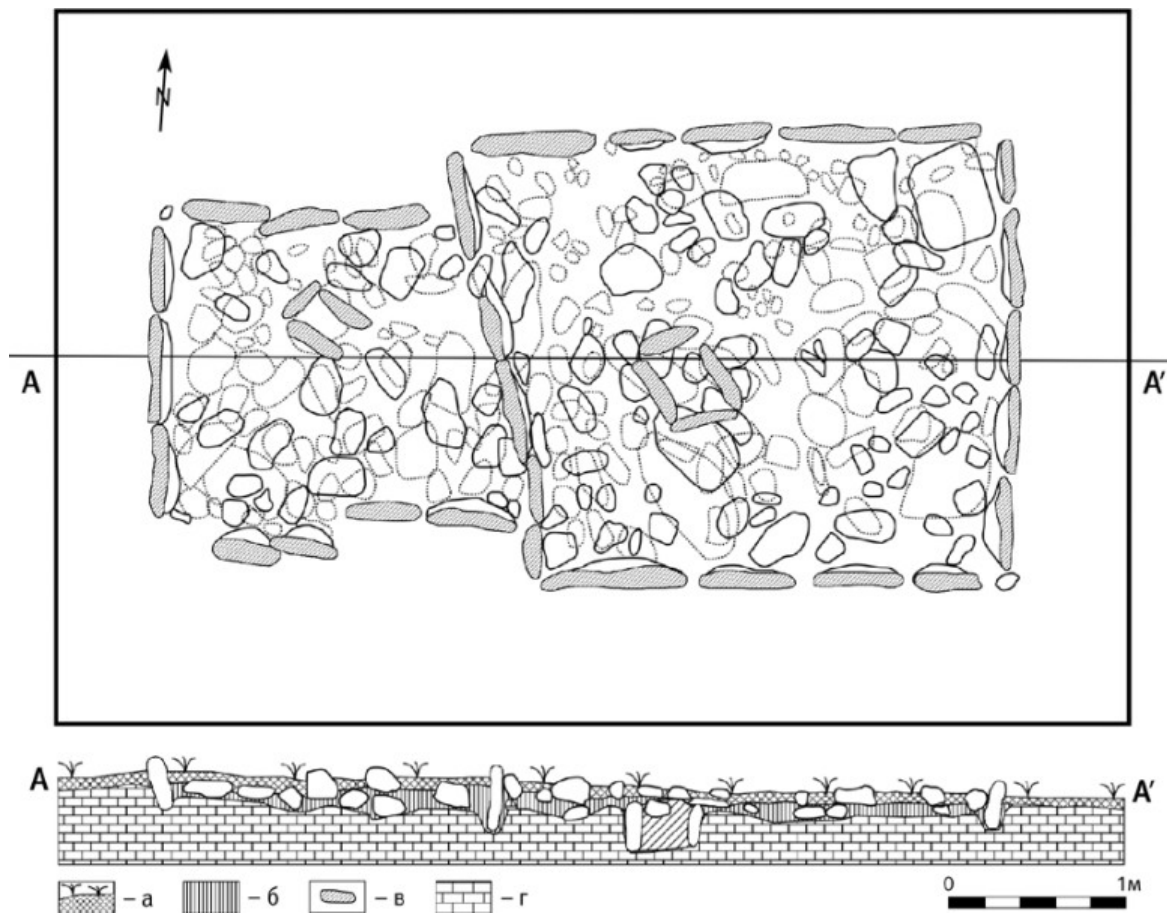

РИС. 13. Кок-Паш. План оградок И-1-2. Условные обозначения: а – дерн; б – заполнение; в – плиты оградок и ящиков; z – материк

FIG. 13. Kok-Pash. Plan of enclosures I-1-2. Keys: a – topsoil; б – fill; в – slabs of fences and stone boxes; z – virgin soil

же определенным влиянием традиций населения Алтая предшествующего времени.

В контексте изучения вопроса о возможной связи традиций тюрков с обрядовой практикой кочевников жужанского времени, отдельного упоминания заслуживает расположение оградки Д практически вплотную к кургану № 7, датируемому второй половиной IV – V в. Не исключено, что подобная ситуация обусловлена наличием определенной преемственности между группами населения, оставившими эти объекты.

Основой для уточнения хронологии «поминальных» объектов комплекса Кок-Паш являются обнаруженные при раскопках изделия, большая часть которых зафиксирована в каменных ящиках оградок А-1-2, Б-2, В-1-4, Д, Е, И-1. Кроме того, ряд находок найден в объектах А-2-3 и Б-2 вне каких-либо конструкций.

Наиболее показательной категорией находок из оградок являются железные *стремена* (рис. 14). Изделие, выявленное в ходе раскопок объекта А-1 (рис. 14, 1), относится группе плоских пластинчатых стремей с Т-образной подножкой. Какие-либо следы орнаментации, характерные для серии подобных вещей, не фиксируются, что, вероятно, связано с высокой степенью коррозии предмета. Судя по имеющимся материалам, период распространения таких стремей в памятниках Центральной и Северной Азии ограничивается второй половиной V – началом VII в. н. э. (Серёгин и др., 2020). Около половины предметов данного типа обнаружено на территории Алтая, что, видимо, связано с формированием и первоначальным распространением общности раннесредневековых тюрков (Гаврилова, 1965. С. 23, табл. XIV, 7; Могильников, 1994. Рис. 13, 2, 3; 14, 2; Гричан, Плотников, 1999. С. 77; Төрбат

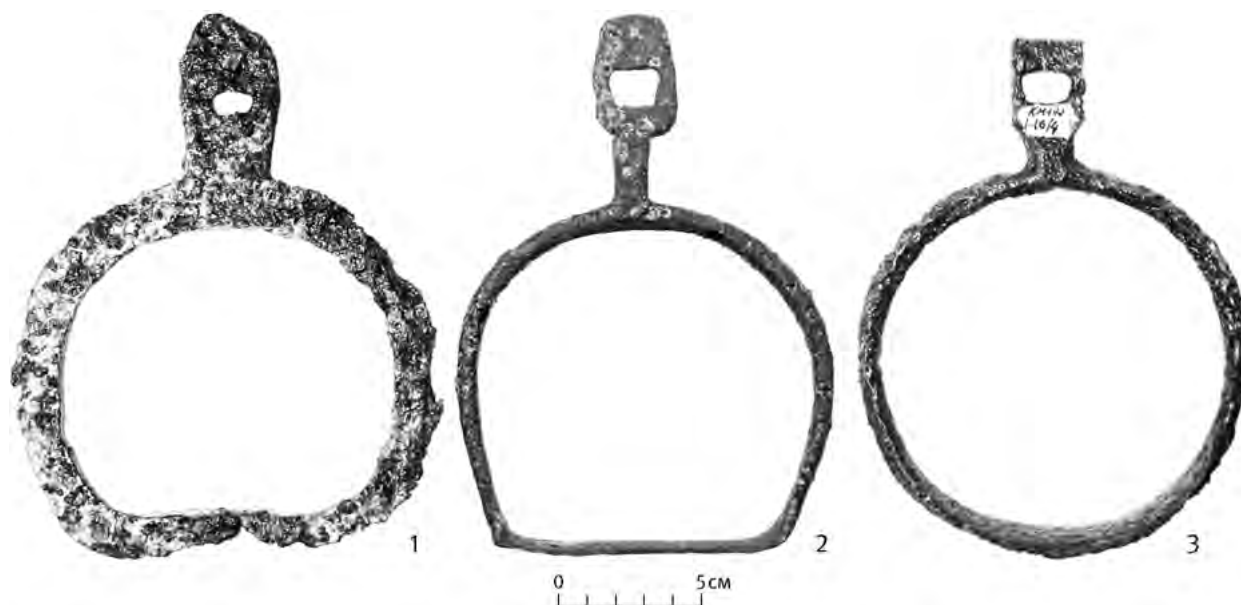

РИС. 14. Железные стремена из оградок комплекса Кок-Паш. Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Фото авторов.

1–3 – железо

FIG. 14. Iron stirrups from enclosures at the complex of Kok-Pash. Museum “Archaeology, ethnography and ecology of Siberia” of the Kemerovo State University. Photo by the authors.

1–3 – iron

и др., 2016. Рис. 3; Серёгин, Васютин С., 2019. Рис. 4; Серёгин и др., 2020. Рис. 7, 3; и др.).

Железное стремя из оградки А-2 комплекса Кок-Паш (рис. 14, 2) отличается от представленного выше изделия оформлением подножки и пластины, а также тем, что изготовлено из прута округлого сечения. На основании совокупности ранних признаков подобных предметов (узкая прямая плоская подножка, высокая узкая «шейка» и высокая вертикальная пластина) данная находка может быть отнесена ко второй половине V – первой половине VI в. н. э. Аналогичное стремя обнаружено при раскопках оградки № 76 памятника Кара-Коба-I в Центральном Алтае (Могильников, 1994. Рис. 7, 1), причем в других «поминальных» объектах данного комплекса были зафиксированы также плоские пластинчатые стремена с Т-образной подножкой (Там же. Рис. 13, 3, 14, 2).

Отличительными особенностями железного пластинчатого стремени из оградки Б-2 (рис. 14, 3) являются округлый проем, образованный дужками подквадратного сечения, наличие нервюры у довольно широкой подножки, а также более широкая и короткая «шейка». Судя по этим признакам, данное изделие может быть рассмотрено как типологически более позднее и отнесено

к VI – первой половине VII в. Формы, близкие подобным стременам, имеются в материалах раскопок погребений комплекса Кудыргэ эпохи Первого каганата (Гаврилова, 1965. Табл. XIV, 12, XXII, 9).

Другой категорией конского снаряжения, зафиксированной в оградках комплекса Кок-Паш (объекты А-1, Б-2, В-1-4, И-1), являются железные двусоставные удила, имеющие кольчатое окончание звеньев и кольчатое (скованное) соединение. Своеобразной характеристикой этих предметов является отсутствие псалиев у всех обнаруженных изделий. В целом подобные находки не могут рассматриваться как показательные для определения хронологии рассматриваемых объектов. Удила такой морфологии получили распространение начиная с раннего этапа культуры тюрков (Тишкин, Серёгин, 2011. Рис. 1, 1–3) и бытовали на протяжении второй половины I тыс. н. э.

Для определения хронологии изученных оградок мало что дают железные бесщитковые подпрямоугольные *подпружные пряжки*, обнаруженные в оградках А-1 и Б-2. Подобные изделия фиксируются уже в раннетюркских памятниках Алтая и сопредельных территорий (Тишкин, Серёгин, 2011. Рис. 3, 13–15) и присутствуют в предметном комплек-

се кочевников на протяжении нескольких столетий I тыс. н. э. (Овчинникова, 1990. С. 120–121, рис. 49, 1–13).

Единственными элементами украшения конского снаряжения, выявленными в ходе раскопок оградок комплекса Кок-Паш, являются трехлепестковая уздечная бляха-нашивка с отверстием в центре и обоймы, изготовленные из бронзы. Похожая по форме бляшка, но со шпеньковым креплением, имеется в материалах одного из погребений могильника Кудьргэ (Гаврилова, 1965. Табл. XX, 14). Из «поминальной» оградки этого же памятника происходят бронзовые обоймы (Илюшин, 2000. Рис. V, 7).

Достаточно редкую группу находок из оградок комплекса Кок-Паш составляют предметы вооружения. В объекте А-2 зафиксированы фрагменты костяных накладок на лук. Эти конструктивные детали вооружения дальнего боя представлены узкой прямой фронтальной, двумя срединными боковыми и одной концевой накладками. Плохая сохранность находок не позволяет подробно проанализировать их характеристики и, соответственно, описать закономерности распространения подобных изделий. Отметим, что схожие узкие и довольно короткие фронтальные накладки обнаружены при раскопках отдельных объектов, относящихся к ранним этапам в развитии культуры тюрков (Савинов, 1982. Рис. 3, 3; Соёнов, Эбель, 1996. Рис. 2, 2).

Комплект предметов вооружения дальнего боя из оградки А-2 дополняют два железных наконечника стрел. К сожалению, находки отличаются плохой сохранностью, что не позволяет судить об их характеристиках. В той же оградке А-2 обнаружены также два костяных наконечника стрел с че-

решковым насадом. Подобные изделия, предназначенные, главным образом, для охоты, являются весьма редкой группой находок в памятниках тюрков Алтая (Матрёнин, Серёгин, 2019. Рис. 2). Следует отметить, что костяные наконечники стрел с черешковым насадом до сих пор не обнаружены в раннесредневековых объектах рассматриваемого региона. Такие предметы более характерны для памятников булан-кобинской культуры. Можно утверждать, что само наличие костяных наконечников стрел является архаичным признаком для материального комплекса тюрков. В целом распространение таких изделий в погребальных и «поминальных» объектах раннесредневековых кочевников Алтая ограничивается пределами второй половины V – VII в. н. э. (Евтюхова, Киселев, 1941. Рис. 62; Гаврилова, 1965. Табл. XX, 5; Мамадаков, 1994. Рис. 2, 12; и др.).

Железные однолезвийные ножи с прямой спинкой из оградок А-1 и Д представляют собой универсальные орудия труда. Подобные изделия фиксируются в памятниках тюрков начиная с ранних этапов (Тишкин, Серёгин, 2011. Рис. 4, 11–15) и бытуют на территории Алтае-Саянского региона на протяжении всей второй половины I тыс. н. э. (Овчинникова, 1990. С. 56).

Таким образом, учитывая зафиксированные особенности конструкций, а также возможности определения времени бытования обнаруженных предметов, публикуемые «поминальные» оградки комплекса Кок-Паш можно датировать в пределах второй половины V – VI в. н. э. и отнести к начальным этапам в развитии культуры раннесредневековых тюрков.

Литература

- Бобров и др., 2003 — Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.
- Васютин А., 1983 — Васютин А. С. Исследования древнетюркских оградок в Горном Алтае // АО 1981 года М.: Наука, 1983. С. 192.
- Васютин А., 1984 — Васютин А. С. Новые находки из древнетюркских оградок Горного Алтая // АО 1982 года. М.: Наука, 1984. С. 193.
- Васютин А., 1985 — Васютин А. С. О хронологии и этнической принадлежности раннекудыргинского комплекса археологических памятников // Археология Южной Сибири / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1985. С. 73–79.
- Васютин А., 1994 — Васютин А. С. Некоторые вопросы относительной хронологии комплексов со стременами и удилами кудьргинского и катандинского типов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н. э. / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994. С. 55–68.
- Войтов, 1996 — Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.
- Гаврилова, 1965 — Гаврилова А. А. Могильник Кудьргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов, 2006 — Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. 232 с.

- Грач, 1961 — Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Восточная литература, 1961. 94 с.
- Гричан, Плотников, 1999 — Гричан Ю. В., Плотников Ю. А. Архаичное стремя из Горного Алтая // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций / Отв. ред. О. А. Митько. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. Вып. 2. С. 76–77.
- Евтюхова, Киселев, 1941 — Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Тр. ГИМ. 1941. Вып. 16. С. 75–117.
- Идэрхангай, 2017 — Идэрхангай Т.-О. Тюркские оградки Монгольского Алтая: систематизация, хронология и интерпретация: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 26 с.
- Илюшин, 2000 — Илюшин А. М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии / Отв. ред.: В. И. Молодин и др. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 157–169.
- Кляшторный, Савинов, 2005 — Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Изд-во Филолог. фак-та СПбГУ, 2005. 346 с.
- Кубарев, 1984 — Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
- Кубарев, 2011 — Кубарев Г. В. Оградки кудыргинского типа в урочище Ак-Кообы (Юго-Восточный Алтай) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 7: Археология и этнография. С. 219–235.
- Мамадаков, 1994 — Мамадаков Ю. Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая / Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1994. С. 58–63.
- Матренин, Сарафанов, 2006 — Матренин С. С., Сарафанов Д. Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / Отв. ред. В. И. Соёнов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. Вып. 3–4. С. 203–218.
- Матренин, Серёгин, 2019 — Матренин С. С., Серёгин Н. Н. Костяные (роговые) наконечники стрел кочевников Алтая рубежа древности и средневековья // Известия АлтГУ. Серия: Исторические науки и археология. 2019. № 3 (107). С. 104–113.
- Могильников, 1992 — Могильников В. А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-1 // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая / Отв. ред. А. С. Суразаков. Горно-Алтайск: б. и., 1992. С. 175–212.
- Могильников, 1994 — Могильников В. А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-1 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая / Отв. ред. А. С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.
- Овчинникова, 1990 — Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск: Изд-во УралГУ, 1990. 223 с.
- Савинов, 1982 — Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии / Отв. ред.: А. К. Конопацкий, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука. 1982. С. 102–122.
- Савинов, 1984 — Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.
- Савинов, 1987 — Савинов Д. Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур в Южной Сибири: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1987. 54 с.
- Савинов, 2005 — Савинов Д. Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии // С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов. Степные империи древней Евразии. СПб.: Изд-во Филолог. фак-та СПбГУ, 2005. С. 183–343.
- Серёгин, Васютин С., 2019 — Серёгин Н. Н., Васютин С. А. Тюркские «поминальные» объекты комплекса Усть-Карасу (Центральный Алтай): по материалам раскопок А. С. Васютина // ПА. 2019. № 2 (28). С. 32–46.
- Серёгин, Васютин С., 2020 — Серёгин Н. Н., Васютин С. А. «Ритуальные» курганы могильника Кок-Паш (Восточный Алтай): к вопросу о формировании культурного комплекса раннесредневековых тюрков // Сибирские исторические исследования. 2020. № 1. С. 123–143.
- Серёгин, Матренин, 2016 — Серёгин Н. Н., Матренин С. С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н. э. — XI в. н. э. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. 272 с.
- Серёгин и др., 2020 — Серёгин Н. Н., Фокин С. М., Ключников Т. А. Ранние пластинчатые стремена из памятников Центральной и Северной Азии: новые находки и возможности культурно-хронологической интерпретации изделий // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48). С. 34–42.
- Серёгин, Шелепова, 2015 — Серёгин Н. Н., Шелепова Е. В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н. э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул: Азбука, 2015. 168 с.
- Соёнов, Эбель, 1996 — Соёнов В. И., Эбель А. В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 115–118.
- Соёнов, Эбель, 1997 — Соёнов В. И., Эбель А. В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-1 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 103–115.
- Тишкин, Серёгин, 2011 — Тишкин А. А., Серёгин Н. Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V — 1-я половина VI в. н. э.): традиции и новации // ТПАИ. 2011. Вып. 6. С. 14–32.
- Төрбат и др., 2016 — Төрбат Ц., Баярхүү Н., Ленец С., Бернанд В. «Монгол Алтайн түрүү ба түүхэн үеийн оршин суугчдын цогц судалгаа» төслийн хээрийн шинжилгээний товч үр дүн // Монголын археологи-2015 / Отв. ред. С. Чулуун. Улаанбаатар: Шинжлэхуааны Академийн Түүх, 2016. Т. 172–176 (на монг. яз.).

Early-Turkic funerary enclosures at the complex of Kok-Pash (Eastern Altay): after the materials from excavations of A. S. Vasyutin

N. N. Seregin, S. A. Vasyutin

Enclosures at the complex of Kok-Pash considered in this paper essentially expand our knowledge about the peculiarities of the formation of the 'memorial' traditions of the early mediaeval Turks of Altay in the mid-1st millennium BC. It must be noted that the complex of Kok-Pash is among the rare sites where there are objects of the pre-Turkic period and of the early stage of the culture of the Turks (second half of the 5th – 6th century). The latter evidence is represented by a series the enclosures here published and two 'ritual' mounds (*Серёгин, Васютин С., 2020*) which are characterized by an entire series of 'early' features (unstable orientation of the out-of-fence objects, the presence of miniature stone boxes, building of adjoining structures, the absence of sculptures, etc.). Although the mentioned groups of objects of different periods demonstrate diverging traditions of the ritual practice, there are indications of a possible connection between them.

Of considerable interest in relation to the classical information of Chinese chronicles about funerary traditions of the Turks is a burial in the rite of cremation revealed during excavations of kurgan No. 43 (*Бобров и др., 2003. С. 180, рис. 28*) which is a single reliably recorded example of the realization of this tradition in the territory of Altay at the sites of the first half of the 1st millennium AD. Thus it can be preliminarily stated that the materials from excavations of the site of Kok-Pash demonstrate processes of the mutual influence of the local and newly arrived groups of population which were occurring, as it seems, in the second half of the 5th – early 6th century AD. Further field investigations of the site under consideration, as well as other objects of the Rouran and early Turkic period in Altay will enable us to consider in more details various aspects of the history of the nomads of this region in the middle of the 1st millennium AD.

Всадники эпохи Тюркских каганатов на Северном Алтае (по материалам могильника Чумыш-Перекал)¹

А. В. Фрибус², С. П. Грушин³

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена публикации материалов 4 погребений в сопровождении лошадей раннесредневекового комплекса могильника Чумыш-Перекал в Верхнем Приобье. По комплексу признаков эти погребения и комплекс в целом могут быть датированы второй половиной VII – началом VIII в. Могильник Чумыш-Перекал является на сегодняшний день самым северным памятником, на котором представлен кудыргинский предметный комплекс, ассоциирующийся с памятниками алтае-телеских тюрков эпохи Первого каганата.

ANNOTATION. The paper is a publication of materials from four burials with horses from the early Mediaeval complex of the burial ground of Chumysh-Perekat in the Upper Ob region. Through the aggregate of their features, as of the complex in general, these burials are datable to the second half of the 7th – early 8th century. The cemetery of Chumysh-Perekat is at present the northernmost site where the Kudyrge complex of artefacts is represented. It is associated with sites of Altay-Teles Turks of the epoch of the First Khaganate.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: раннее средневековье, погребения с конем, Верхнее Приобье, древние тюрки, тюркизация.

KEYWORDS: Early Middle Ages, burials with a horse, Upper Ob region, early Turks, Turkization.

Круг научных интересов Дмитрия Глебовича Савинова поистине впечатляет. В разные годы в центре его внимания оказывались проблемы, связанные с изучением древностей эпохи бронзы и раннего железного века, раннего и развитого средневековья, первобытного искусства. Дмитрий Глебович является автором ярких открытий, неординарных концепций и исторических реконструкций. Пожалуй, одно из самых замечательных качеств Д. Г. — способность видеть за археологической вещью живую историю. Нам пришлось общаться в экспедициях, на многочисленных конференциях, в Сибири и Санкт-Петербурге. И в поле, и в городе всегда можно рассчитывать на его доброжелательное слово, дружескую поддержку, мудрый совет и подкинутую как бы невзначай интересную идею. Идеями Дмитрий Глебович всегда делится щедро, свидетельством тому его многочисленные последова-

тели и ученики. От всей души хочется пожелать Дмитрию Глебовичу здоровья, новых ярких исследований и открытий!

Введение

Вклад Д. Г. Савинова в изучение древнетюркской эпохи трудно переоценить. Его полевые исследования, статьи и фундаментальные монографии дали возможность по-новому взглянуть на историю становления, развития и упадка одной из первых евразийских империй, реконструировать сложные этнокультурные процессы, происходившие во второй половине I тыс. н. э. на просторах Центральной Азии и Южной Сибири (Савинов, 1984; 1987; 2011; Кляшторный, Савинов, 1994; 2005; Савинов, Длужневская, 2008; и др.).

Влияние древнетюркской культуры на северную периферию, проблемы раннего проникновения южных (тюркских) традиций и вещей на территорию юга Западной Сибири в последнее время вновь оказались в центре внимания специалистов. Во многом это связано с публикацией новых материалов, прежде всего, могильника Горный 10, где обнаружены погребения в сопровождении коня, что для лесостепного Алтая эпохи Тюркских каганатов является редкостью (Серёгин и др., 2019; Серёгин, Степанова, 2020).

В этой связи представляется актуальным познакомить заинтересованных коллег с серией погребений с лошадьми, исследованных на могильнике Чумыш-Перекал в Западном Присалаирье.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа; Адрес электронной почты: fribus@list.ru.

³ 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, д. 61. Алтайский государственный университет. Кафедра археологии, этнографии и музеологии. Адрес электронной почты: gsp142@mail.ru.

Общие сведения, а также результаты археозоологических исследований частично опубликованы ранее (Fribus et al., 2019; Фрибус и др., 2019). Основная цель данной работы – дать комплексное представление об этих погребениях, включая детальную характеристику погребального обряда и инвентаря, оставляя принципиальные вопросы интерпретации на суд специалистов-номадологов.

Описание погребений и погребальный обряд

Грунтовый могильник Чумыш-Перекаат расположен в Западном Присалаирье, на северо-востоке Алтайского края, на правом берегу р. Чумыш (рис. 1). К периоду раннего Средневековья относятся 17 захоронений единичной культуры (16 – ингумация, 1 – кремация), в четырех из них присутствовали останки лошадей.

Погребения 25 и 28 расположены в центральной части некрополя, в составе компактной группы из 9 могил (№ 18, 20–26, 28). Погребение 25, по всей видимости, является здесь центральным, погребение

28 расположено в 3 м к СВ. Погребения 33 и 34 располагались параллельно друг другу в северной части могильника на значительном расстоянии от основной группы.

Могила № 25 (рис. 2). Могильная яма имела неправильную прямоугольную форму со скругленными углами (размеры: 265 × 165 × 65 см) и была ориентирована длинной осью по линии север–юг. В заполнении встречены отдельные кости человека (по всей видимости, из разрушенной при устройстве погребения более ранней могилы). В западной части могильной ямы располагался скелет лошади в положении на животе, ноги подогнуты, шея вытянута, голова находилась практически на борту ямы. Животное было ориентировано головой на север. В пасти находились железные удила и роговые псалии, около черепа найден блок для чумбура. В юго-западном углу ямы, слева от крупы лошади, найдена прорезная роговая подпружная пряжка с язычком. Скелет принадлежит жеребцу, возраст 11–12 лет, высота животного в холке составляла 135–136 см, зафиксирован ряд патологий зубной

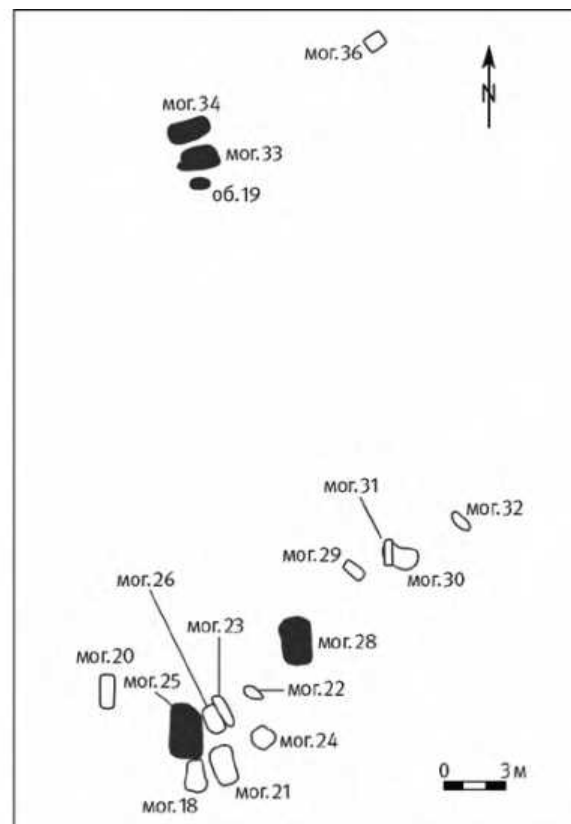

РИС. 1. Местоположение могильника Чумыш-Перекаат и схема расположения раннесредневековых погребений (могилы с лошадьми отмечены черным цветом)

FIG. 1. Location of the cemetery of Chumysh-Perekat and scheme of the positions of early mediaeval burials (graves with horses are marked with black)

РИС. 2. Могильник Чумыш-Перекаат, могила № 25: 1 – общий вид; 2 – положение лошади в погребении; 3 – железное стремя *in situ*; 4 – псалии и удила *in situ*

FIG. 2. Cemetery of Chumysh-Perekat, grave No. 25: 1 – general view; 2 – position of the horse in a burial; 3 – iron stirrup *in situ*; 4 – cheekpieces and bits *in situ*

системы и посткраниального скелета (Fribus et al., 2019. P. 862–863).

Погребенный мужчина был уложен вплотную к восточной стенке ямы, в положении «вытянуто на спине», ориентирован головой на юг, с небольшим отклонением к юго-востоку. Череп повернут вправо, руки вытянуты вдоль тела, кисть левой руки уложена на бедро. С левой стороны около кисти были помещены железное стремя и тесло. В области таза справа найдено два фрагмента железного предмета. Под подбородком располагалась подвеска, представлявшая собой бронзовую ремennую пряжку. Здесь же были найдены бронзовые цилиндрические пронизи. С левой стороны на ребрах найдены две мелкие бусины. Под тазом и в районе подбородка сохранились остатки органического тлена. Под правым бедром обнаружен железный кинжал (?) плохой сохранности и рукоятка из рога. Под черепом обнаружена бронзовая серьга. В юго-восточном углу ямы, справа от погребенного, на небольшой приступке был уложен берестяной колчан с железным колчаным крюком. В колчане находилось три костяных и четыре железных наконечника стрел и фрагменты древков.

Могила № 28 (рис. 3). Могильная яма имела прямоугольную форму со скругленными углами (размерами 217 × 125 см и глубиной 83 см от уровня материка) и была ориентирована длинной осью по линии север–юг, с небольшим отклонением к СЗ. В заполнении встречались остатки дерева, отдельные кости животных, найдены железные удила. На дне могильной ямы располагался скелет мужчины в сопровождении коня.

Скелет животного находился не в анатомическом порядке. Туша была расчленена, кости размещены в южной и северной части могилы, вдоль западной стенки. Скелет принадлежит жеребцу в возрасте около 5 лет. Высота животного в холке составляла 135–136 см. Зафиксированы функциональные патологии зубной системы, свидетельствующие об использовании животного для верховой езды. Способы и последовательность разделки туши, а также последующие манипуляции с костями были реконструированы (Fribus et al., 2019. P. 863–864).

Погребенный мужчина был уложен у восточной стенки ямы, в положении «вытянуто на спине», головой ориентирован на север, руки вытянуты вдоль тела, кисти рук располагались на бедрах.

РИС. 3. Могильник Чумыш-Перекаат, могила № 28, общий вид

FIG. 3. Cemetery of Chumysh-Perekat, grave No. 28, general view

Умерший был накрыт полотнищами бересты. Под берестой в районе левой плечевой кости зафиксированы остатки двух параллельно уложенных деревянных плашек. В разных частях могильной ямы зафиксированы многочисленные фрагменты древесного угля, остатки дерева и древесного тлена.

В погребении обнаружены следующие находки. У западной стенки ямы среди костей лошади располагались железное стремя и пряжка. С правой стороны (к западу) от погребенного на берестяное покрытие был уложен колчан с железным колчаным крюком и набором стрел, снабженных костяными и железными наконечниками. У правой бедренной кости обнаружено фрагментированное костяное изделие (блок чумбура?). При разборе берестяного покрытия зафиксировано также три бляшки из цветного металла и цилиндрическая пронизь.

В районе таза погребенного обнаружены остатки кожаного наборного пояса с бляшками различных форм и размеров, двумя наконечниками ремней и пряжкой. Отдельные бляшки, относящиеся к комплекту поясной гарнитуры, были обнаружены также под костями ног, в районе черепа и таза

погребенного. Под тазом зафиксированы остатки органического тлена, фрагменты кожи и ткани. Под костями таза с левой стороны обнаружен железный кинжал (?) плохой сохранности с остатками деревянных ножен. У правого предплечья располагался костяной предмет – «кочедык», у правой бедренной кости обнаружена железная пряжка.

Могила № 33 (рис. 4). Могильная яма прямоугольной в плане формы со скругленными углами была ориентирована длинной осью в направлении запад–восток с небольшим смещением и имела следующие размеры: 215 × 120 × 20 см. Погребение было нарушено, кости человека находились на дне ямы в беспорядке. Череп располагался около западной стенки, кости стоп – около восточной. Вероятно, погребенный был ориентирован головой в западном направлении. Среди разрозненных костей человека обнаружены следующие находки: железное тесло, рукоятка шила, фрагменты изделия из цветного металла, фрагменты бусины, каменный скол и железная пряжка.

Рядом с могилой № 33 в небольшой прямоугольной яме были компактно уложены кости лошади (объект № 19). Размеры ямы: 95 × 50 см, глубина залегания костей от современной поверхности 34 см. Объект был ориентирован длинной осью по линии запад–восток. Некоторые кости находились в сочленении, здесь же обнаружены роговая подпружная пряжка и железный нож. Кости принадлежат жеребцу в возрасте 2,5–3 года. Высота животного в холке составляла 138 см.

Могила № 34 (рис. 4). Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами была ориентирована длинной осью по линии запад–восток с небольшим смещением и имела размеры: 208 × 95–105 × 20 см. В могиле совершено погребение мужчины в сопровождении коня. Скелет человека располагался в восточной половине ямы, кости лошади слева от него, в западной половине. У западной и восточной стенок ямы зафиксированы остатки нескольких деревянных плашек, располагавшихся продольно.

Погребенный мужчина был уложен в положении «вытянуто на спине», головой ориентирован на запад, руки слегка согнуты в локтях и вытянуты вдоль туловища, кости кистей рук отсутствуют. Кости лошади были расположены на дне могилы в беспорядке. Череп находился в западной части ямы, слева от черепа человека, часть костей была найдена в сочленении. Кости принадлежат жеребцу в возрасте 3–3,5 года. Высота животного в холке составляла 137 см.

РИС. 4. Могильник Чумыш-Перекаат. Могилы № 33, 34 и объект 19 — общий вид
 FIG. 4. Cemetery of Chumysh-Perekat. Graves Nos. 33, 34, object No. 19 — general view

В могиле обнаружены следующие находки: фрагменты пронизок из цветного металла, пять костяных наконечников стрел, обращенных перьями вверх на костях таза, фрагмент железного тесла, подпружная пряжка, роговой псалий и кочедык.

В погребальном обряде рассматриваемых могил можно выделить некоторые особенности. Все могилы имели подпрямоугольную в плане форму. Значительными размерами отличалась могильная яма в погребении № 25, где вместе с покойником была помещена целая туша коня. Остальные ямы имеют близкие параметры, за исключением небольшой глубины (около 20 см) могил № 33 и 34. Ориентировка ям различна. Могилы № 25 и 28 ориентированы длинной осью по линии север–юг, как и большинство остальных раннесредневековых погребений на памятнике. Погребения № 33 и 34, образующие обособленную группу, ориентированы по линии запад–восток. Внутримогильные конструкции не прослежены. В могиле № 28 погребенный был накрыт полотнищем бересты, подобные покрытия встречены еще в нескольких могилах на памятнике.

Положение всех погребенных — «вытянуто на спине», ориентировка различна. В погребении № 25 человек был уложен головой на юг, в погребении № 28 — на север, в погребении № 34 — на запад, аналогичное положение можно предположить для потревоженного погребения № 33. Ориентировка в северном направлении на памятнике преобладает, южная встречена лишь дважды, а западная — только в обособленной группе могил № 33–34. В данном случае можно проследить следующую закономерность: на юг были ориентированы «основные» мужские погребения в группах, в то время как остальные мужские, женские и детские погребения имели северную ориентировку. Южная ориентировка зафиксирована в могиле № 25, а также в одиночной могиле № 15, расположенной обособленно в южной части некрополя. Ориентировку в западный сектор в этом контексте следует считать исключением.

Особенностью погребального обряда в рассматриваемых могилах является наличие в них сопроводительных захоронений коней, по всей видимости, связанных с влиянием южных (тюркских) погребальных традиций. Однако все четыре

погребения значительно отличаются от классических канонов погребальной обрядности, принятых в кочевнической среде (захоронение с конем или шкурой коня). В могиле № 25 конь был уложен рядом с погребенным в нетипичной позе, в могилах № 28 и 34 расчлененные части туши животного были помещены рядом с человеком, в могиле № 33 кости коня были уложены в прямоугольную яму рядом с погребением. Особенно странно выглядят приемы разделки туши коня в могиле № 28, включавшие расчленение передних автоподий, особенно фаланг, и вырубание эпифизов крупных трубчатых костей изнутри. Интересно, что во всех четырех погребениях в сопровождении коня нет керамических сосудов, хотя в остальных мужских, женских и детских могилах они присутствовали.

Сопроводительный инвентарь (рис. 5–10)

Конская упряжь

Комплекс предметов конской упряжи включает стремена (2 экз.), железные удила (2 экз.), роговые псалии (3 экз.), подпружные пряжки (3 экз.), блоки для чумбура (2 экз.).

Стремена. В могилах № 25 и 28 найдено по одному петельчатому (восьмеркообразному) железному стремени. Экземпляр из могилы № 25 имел плохую сохранность (форму подножки зафиксировать не удалось) (рис. 2, 3). Стремя из могилы № 28 имеет закругленную подножку с выраженной нервюрой; диаметр изделия 15 см, ширина подножки 3 см (рис. 8, 3). Датой появления таких стремян можно считать вторую половину VI – середину VII в. (Савинов, 1996. С. 16–20; Серёгин, 2013. С. 196–197), Г. В. Кубарев относит подобные стремена к VII–VIII вв. (Кубарев, 2005. С. 132–133).

Удила и псалии. Комплект из могилы № 25 был найден *in situ* в пасти коня. Он состоял из однокольчатых удил с одним широким сомкнутым внешним кольцом на каждом звене для крепления

ремня повода и двудырчатых стержневых роговых псалиев для раздвоенного ремня оголовья. Длина удила 18 см, диаметр колец 2 см. Псалии разного размера и отличаются по форме, что связано со спецификой исходного сырья. Изготовлены они из рога косули, длина 12 и 15 см, отверстия овальные (рис. 2, 4; 5, 21). Железные однокольчатые удила из могилы № 28 имели плохую сохранность. Длина сохранившейся части 10 см, диаметры колец 2 и 4 см (рис. 6, 29). Псалий из могилы № 34 – стержневой роговой двудырчатый, плохой сохранности, длина 14 см, отверстия овальные (рис. 10, 2).

Подобные однокольчатые удила представлены в раннетюркских погребениях кудыргинского типа (VI–VII вв.) могильника Кудыргэ (Гаврилова, 1965. С. 22–24, табл. VII, 1; VIII, 8; X, 9; XII, 14; XIV, 11 и др.). В отдельных случаях вместе с удилами сохранились двудырчатые роговые псалии (Там же. С. 80, табл. VII, 1) или только сами псалии без удил (Кубарев, 2005. С. 120, рис. 34, 13). Однокольчатые удила с псалиями разных типов широко использовались и в VIII в., однако сочетание таких удил с двудырчатыми роговыми псалиями указывает на то, что на Чумыш, вероятно, с некоторым запозданием, попали удила более ранних для средневековья форм.

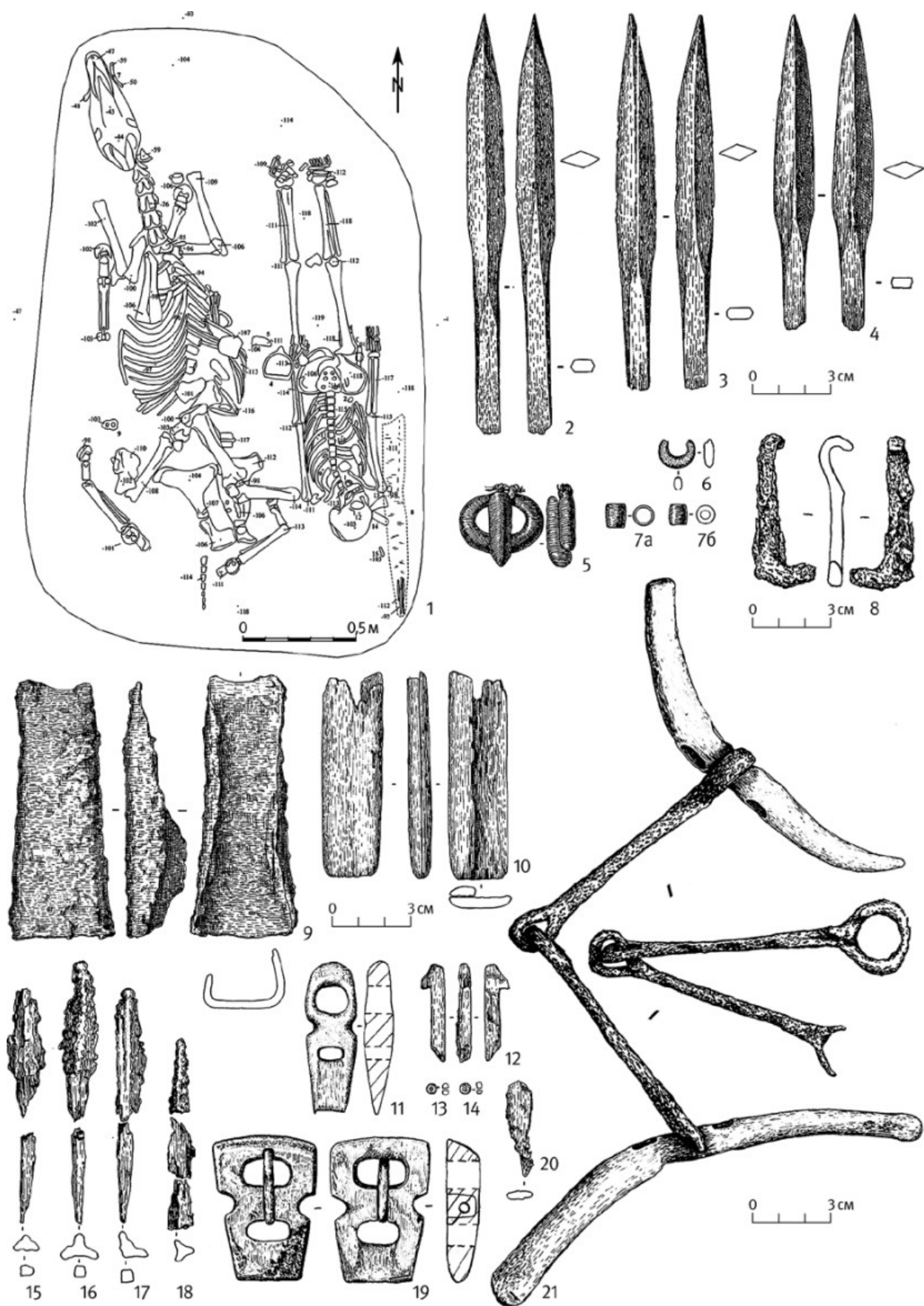
Подпружные пряжки. Все три предмета изготовлены из кости. Подпружная пряжка из могилы № 34 имеет следующие размеры: длина 5,5 см, ширина 3,9 см, толщина 1,4 см. Представляет собой двухтавровую прорезную пряжку, язычок отсутствует, в средней части с боковых сторон имеются сквозные отверстия для его крепления (рис. 10, 4). Плоская прорезная пряжка из объекта № 19 имеет овальную форму, два подовальных отверстия расположены горизонтально, размеры предмета 7,5 × 3,1 см, толщина 0,5 см (рис. 9, 7). Необычную форму имеет двухтавровая прорезная пряжка с язычком из могилы № 25 (рис. 5, 19). Ее размеры

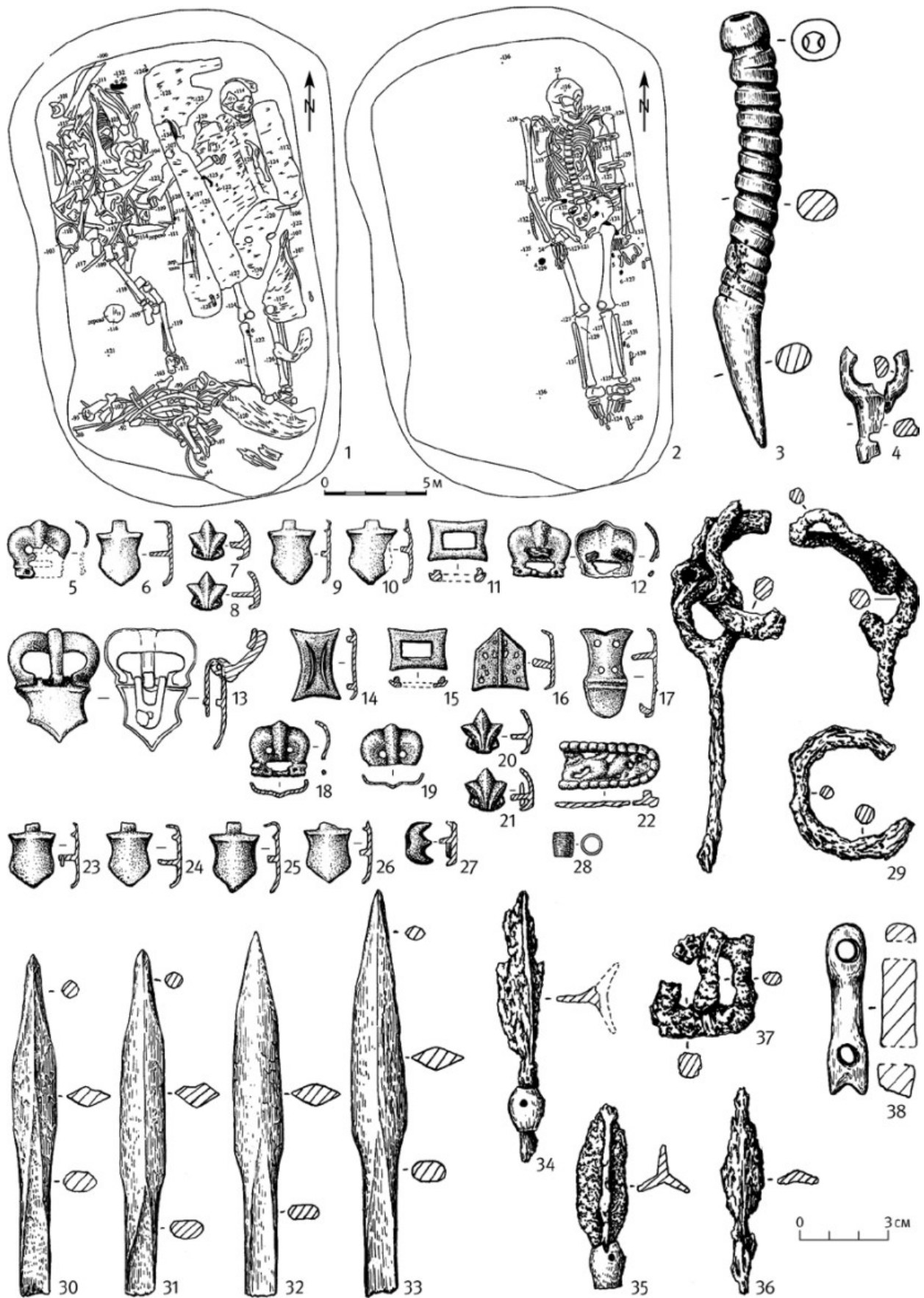
РИС. 5. Могильник Чумыш-Перекаат. Могила № 25: 1 – план погребения; 2–4, 15–18 – наконечники стрел; 5 – подвеска-пряжка; 6 – серьга; 7а, 7б – пронизки; 8 – колчаный крючок; 9 – тесло; 10 – рукоять; 11 – блок для чумбура; 12 – крючок (?); 13, 14 – бусины; 19 – подпружная пряжка; 20 – фрагмент изделия; 21 – удила с псалиями.

2–4, 10–12, 19 – кость, рог; 5 – цветной металл с веревкой; 6, 7а, 7б, 13, 14 – цветной металл; 8, 9, 15–18, 20 – железо; 21 – железо, рог

FIG. 5. Cemetery of Chumysh-Perekat. Grave No. 25: 1 – plan of the burial; 2–4, 15–18 – arrowheads; 5 – pendant/buckle; 6 – earring; 7a, 7b – spacer-beads; 8 – quiver hook; 9 – adze; 10 – handle; 11 – block for chembur (long bridle rein); 12 – hook (?); 13, 14 – beads; 19 – saddle-girth clasp; 20 – fragment of an object; 21 – bits with cheekpieces.

2–4, 10–12, 19 – bone, horn; 5 – nonferrous metal with a rope; 6, 7a, 7b, 13, 14 – nonferrous metal; 8, 9, 15–18, 20 – iron; 21 – iron, horn

5,5 × 3,5 см, толщина 1 см. В плане читается трапециевидная форма, но в середине длинных контуров присутствуют вырезы, поперечные прорезы овалы, продольная прорезь практически незаметна, поскольку ее ширина совпадает с шириной язычка. Учитывая эти особенности, данную подпружную пряжку можно отнести к ранним типам VI–VII вв. Аналогии имеются в материалах могильника Кудыргэ (Гаврилова, 1965. С. 22, табл. VIII, 7; XXII, 11; XXIII, 3).

Блоки чумбура. Малая прорезная роговая пряжка без язычка, обнаруженная около черепа коня в могиле № 25, могла использоваться как блок для скользящего повода на чумбуре. Изделие имеет трапециевидную форму с вырезами по бокам, верхнее отверстие практически круглое, нижнее — подовальное, размеры 5,5 × 2 см, толщина 1 см (рис. 5, 11). Наиболее близкая аналогия данному предмету происходит из кургана № 22 могильника Кудыргэ, который датирован VI–VII вв. (Там же. С. 27, табл. XXIII, 3). Обычно подобные предметы имеют наконечник или носик (Гаврилова, 1965. Табл. XXII, 11; Овчинникова, 1990. С. 123–126, рис. 50; Кубарев, 2005. С. 136, рис. 39, 1–6) и рассматриваются в широких хронологических рамках, при этом наиболее ранние экземпляры имеют укороченные пропорции. Блок из могилы № 28 фрагментирован, он имеет ажурный контур, присутствует наконечник с выемкой, длина сохранившейся части 4,2 см (рис. 6, 4).

Предметы вооружения

Садачные наборы. Берестяные колчаны зафиксированы в могилах № 25 и 28, в могиле № 34 обнаружен комплект наконечников, однако колчан не сохранился или отсутствовал изначально. Колчан из погребения 25 имел цилиндрическую форму, с расширением книзу, размеры 90 × 15–10 см. Также найден железный колчаный крюк со щитком в виде несомкнутой петли, загнутой под углом 90° от язычка, длина изделия 5,2 см (рис. 5, 8).

Колчан из могилы № 28 имел аналогичную конструкцию, размеры 135 × 20–10 см (рис. 7). Железный колчаный крюк плохой сохранности, длина изделия 7 см. Также найдена костяная накладка на колчан с двумя отверстиями, длина 5 см, диаметр около 1 см (рис. 6, 38). Кроме рассматриваемых погребений, колчаны зафиксированы также в мужских погребениях 15 и 20, причем в могиле № 20 сохранился и сам деревянный лук, что является редкостью.

Колчаны с Чумыша-Переката имеют широкий круг аналогий как на Саяно-Алтае, так и в лесостепи (Гаврилова, 1965. Табл. XI, 18; XXV, 3; Овчинникова, 1990. С. 75–80, рис. 37; Худяков, 1986. С. 151; Кубарев, 2005. С. 88–91, рис. 26; 27; и др.), однако конструкцию их, из-за плохой сохранности, восстановить сложно. Г. В. Кубарев считает, что единственным типом, который использовался тюрками и их соседями в VI–X вв., является колчан, расширяющийся книзу, с перехватом и щитком, в котором стрелы располагались наконечниками вверх (Кубарев, 2005. С. 90–91).

Наборы стрел присутствуют в трех из рассматриваемых погребений: могила № 25 (три костяных наконечника и четыре железных) (рис. 5, 2–4; 15–18), могила № 28 (четыре костяных и три железных (два из них со свистунками)) (рис. 6, 30–33; 34–36), могила № 34 (пять костяных наконечников) (рис. 10, 6–10). Все железные наконечники черешковые, трехлопастные, с узкими лопастями, их общая длина колеблется от 6,5 до 9,5 см, длина пера 4–5,7 см. Костяные наконечники из могил № 25 и 28 — черешковые, ромбические, общая длина колеблется от 11 до 16 см, длина пера 6,5–11 см. Наконечники из могилы № 34 — черешковые, трехгранные, отличались меньшими размерами, их общая длина 7–7,5 см, длина пера около 4 см. Подобные типы широко распространены во второй половине I тыс. н. э. как в Центральной Азии, так и на юге Западной Сибири и имеют широкую хронологию (Овчинникова, 1990. С. 71–75, рис. 12; Троицкая, Новиков, 1998. С. 35–42, рис. 21; 22; Кубарев, 2005. С. 84–87, рис. 25; и др.).

РИС. 6. Могильник Чумыш-Перекат. Могила № 28: 1, 2 — планы погребения; 3 — кочедык; 4 — блок для чумбура (?); 5–27 — бляшки, наконечники, пряжка поясного набора; 28 — пронизка; 29 — фрагменты удил; 30–36 — наконечники стрел; 37 — пряжка; 38 — накладка на колчан.
3, 4, 30–33, 38 — кость, рог; 5–28 — цветной металл; 29, 36, 37 — железо; 34, 35 — железо, рог

FIG. 6. Cemetery of Chumysh-Perekat. Grave No. 28: 1, 2 — plans of the burial; 3 — *kochedyk* (weaving tool); 4 — block for chembur (?); 5–27 — plaques, tips, clasp of a belt set; 28 — spacer-beads; 29 — fragments of bits; 30–36 — arrowheads; 37 — buckle; 38 — quiver mount.

3, 4, 30–33, 38 — bone, horn; 5–28 — nonferrous metal; 29, 36, 37 — iron; 34, 35 — iron, horn

РИС. 7. Могильник Чумыш-Перекаат. Могила № 28: берестяной колчан *in situ*

FIG. 7. Cemetery of Chumysh-Perekat. Grave No. 28: birchbark quiver *in situ*

Ножи и кинжалы (?). В могилах № 25 и 28 были обнаружены железные предметы плохой сохранности, которые можно интерпретировать как ножи или кинжалы. Общая длина фрагментов предмета из могилы № 25 составляет 33 см, сохранилась также рукоятка из рога (рис. 5, 10). Длина предмета из погребения 28 составляет 17 см, сохранились остатки деревянных ножен. К сожалению, форму лезвия в обоих случаях установить невозможно. Фрагмент

железного ножа также найден среди костей лошади в объекте 19, его длина 5,8 см (рис. 9, 8). Необходимо отметить, что находки кинжалов в памятниках эпохи Тюркских каганатов крайне редки, а известные экземпляры не позволяют составить однозначное представление об их облике (Овчинникова, 1990. С. 82–83).

Орудия и предметы быта

Топоры-тесла. Три железных тесла происходят из могил № 25, 33 и 34. Тесло из могилы № 25 имеет разомкнутую втулку, трапециевидное, лезвие шире втулки, размеры 8,5 × 3,5 см (рис. 5, 9). Тесло из могилы № 33 также трапециевидное, с разомкнутой втулкой, размеры 10 × 2,5 см (рис. 9, 2). От тесла из могилы № 34 сохранился только фрагмент, поэтому форму его установить сложно, размеры 6 × 4,5 см (рис. 10, 5). Еще один топор-тесло обнаружен в мужском погребении № 20. Подобные изделия имеют широкий круг аналогий в памятниках второй половины I тыс. н. э. (Овчинникова, 1990. С. 56–60, рис. 29; Троицкая, Новиков, 1998. С. 25–26, рис. 13 и др.; Кубарев, 2005. С. 72–74, рис. 20; и др.).

Рукоять шила. Предмет найден в могиле № 33. Рукоять изготовлена из рога, поверхность залощена, длина изделия 7,7 см, диаметр 1,5–2 см (рис. 9, 3).

РИС. 8. Могильник Чумыш-Перекаат. Могила № 28: 1 – роговой кочедык; 2 – фрагмент наборного пояса *in situ*; 3 – железное стремя

FIG. 8. Cemetery of Chumysh-Perekat. Grave No. 28: 1 – horn *kochedyk* (weaving tool); 2 – fragment of a composite belt *in situ*; 3 – iron stirrup

РИС. 9. Могильник Чумыш-Перекаат. Могила № 28 (1-5) и объект № 19 (6-8): 1, 6 – планы; 2 – тесло; 3 – рукоять шила; 4, 7 – пряжки; 5 – кремьень; 8 – нож.

2, 4, 8 – железо; 3, 7 – рог; 5 – камень

FIG. 9. Cemetery of Chumysh-Perekat. Grave No. 28 (1-5) and object No. 19 (6-8): 1, 6 – plans; 2 – adze; 3 – awl handle; 4, 7 – buckles; 5 – flint; 8 – knife.

2, 4, 8 – iron; 3, 7 – horn; 5 – stone

Кочедыки (приспособления для развязывания узлов). Роговые кочедыки обнаружены в могилах № 28 и 34. Изделие из погребения 28 имеет «рабочую часть» и рукоять с навершием. Стержень заполирован, имеет естественный изгиб, в сечении круглый, длина около 5 см. Рукоять круглая в сечении, украшена резным орнаментом в виде спирали, длина 9 см. Навершие овальной в сечении формы, высота 0,8 см, в верхней части проделаны сквозные отверстия, которые выходят под навершием с боковых сторон. Общая длина предмета 15 см (рис. 6, 3; 8, 1).

Предмет из могилы № 34 имеет конусовидную форму с естественным изгибом, в сечении овальный, длина изделия 9 см. Рукоять не оформлена. Навершие обломано, в верхней части проделана глухая конусовидная втулка глубиной 1,5 см, диа-

метром 0,6 см. С одной стороны оформлено сквозное отверстие диаметром 0,3 см, с противоположной стороны намечено аналогичное (рис. 10, 3). Вероятно, изделие не было доделано, после того как «дужка» одного из отверстий была отломана, сверление второго отверстия было прекращено. Предмет практически не использовался, о чем свидетельствует отсутствие заполировки поверхности, характерное для изделий подобного типа.

Всего на Чумыше-Перекаате найдено пять таких предметов, еще одно изделие происходит из мужской могилы № 20, и два меньших размеров – из детского погребения 18. Ближайшие аналогии этим редким находкам известны в ранних тюркских погребениях Алтая: Катанда II, курган 1 (Гаврилова, 1965. С. 58, рис. 6), Юстыд XII, курган 29, Балык-Соок I, курган 11 (Кубарев, 2005. С. 76, рис. 22, 6, 10); на Енисее:

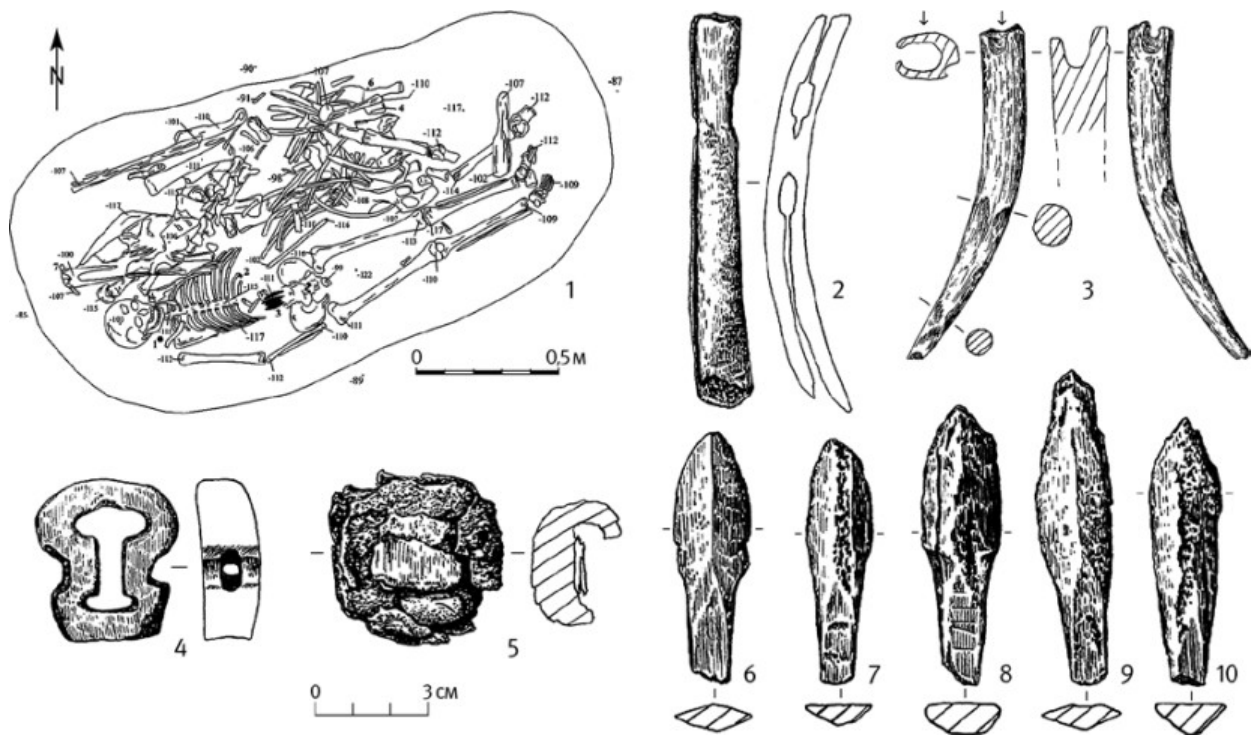

РИС. 10. Могильник Чумыш-Перекаат. Могила № 34: 1 – план погребения; 2 – псалий; 3 – кочедык; 4 – пряжка; 5 – фрагмент тесла; 6–10 – наконечники стрел.

2–4, 6–10 – кость, рог; 5 – железо

FIG. 10. Cemetery of Chumysh-Perekat. Grave No. 34: 1 – plan of the burial; 2 – cheekpiece; 3 – *kochedyk*; 4 – buckle; 5 – fragment of an adze; 6–10 – arrowheads.

2–4, 6–10 – bone, horn; 5 – iron

Капчалы II, курган 3 (Левашова, 1952. Рис. 5, 22), Таштык (Овчинникова, 1990. Рис. 34, 10); в Туве: Кокэль, курган 23 (Вайнштейн, 1966. Табл. VII, 9); в аварских памятниках Центральной и Восточной Европы (Erdélyi, 1966. Abb. 55; Daim, 1996. S. 359). Находка из Юстыда датируется по данным радиоуглеродного анализа в диапазоне 663–744 г. н. э. (Кубарев, 2005. С. 139), кыргызское погребение из Капчалы II датировано по китайской монете втор. пол. IX в. н. э. (Левашова, 1952. С. 134). Таким образом, подобные приспособления бытовали в кочевнической среде в течение довольно продолжительного времени.

Поясная гарнитура

Фрагменты наборного пояса были обнаружены в могиле № 28 *in situ*. Комплект состоял из 23 предметов, изготовленных из цветного металла: двадцати бляшек, двух наконечников ремней и пряжки. Все бляшки можно разделить на несколько групп.

Первую составляют четыре экземпляра оригинальных лотосовидных бляшек, аналогии которым нам не известны (рис. 6, 7, 8, 20, 21). Ко второй мож-

но отнести семь бляшек геральдического стиля в виде щитка (рис. 6, 6, 9, 10, 23–26). Третью составляют четыре псевдопряжки (рис. 6, 5, 12, 18, 19). Кроме того, в наборе присутствовали две прямоугольные прорезные бляшки (рис. 6, 11, 15), подпрямоугольная бляшка с вогнутыми сторонами и двумя прорезями (рис. 6, 14), геральдическая бляшка в виде рыбки (рис. 6, 17) и бляшка 3-образной формы (рис. 6, 27). Все они сопоставимы с геральдическими наборами могильника Кудыргэ (Гаврилова, 1965. Табл. X, 14–16; XII, 8, 9 и др.), Осинкинского могильника (Савинов и др., 2008. С. 25, табл. VI, 6, 7, 11–13; XI, 8, 9), ряда памятников Новосибирского Приобья (Троицкая, Новиков, 1998. Рис. 20, 8; 26, 36, 37 и др.).

В составе пояса также обнаружено два ремешковых наконечника. Один из них, видимо, использовался на подвесном ремне, он представляет собой ажурный щиток с отверстиями (рис. 6, 16). Второй – прямоугольный, с закругленным окончанием, размеры: 4 × 1,6 × 0,2 см. Внутренняя поверхность заполнена неясным (зооморфным?) изображением, бортик оформлен пуансоном,

с внутренней стороны имеются штифты для крепления (рис. 6, 22). Подобные наконечники также находят аналогии в памятниках кудыргинского этапа (Гаврилова, 1965. Табл. XVIII, 24, 25 и др.). Бронзовая пряжка из этого набора – овално-рамчатая, со щитком и прорезным язычком (рис. 6, 13).

Для всех элементов наборного пояса из могилы № 28 проведен анализ металла. Основным сплавом, который был использован для изготовления элементов поясной гарнитуры, являлась свинцовая латунь – медно-цинковый сплав, в который в качестве лигирующего элемента добавлялся свинец. Судя по всему, все предметы были произведены в одной мастерской, где была отработана соответствующая технология (Грушин и др., 2020. С. 131–133).

Фрагменты поясов, а также отдельные элементы поясной гарнитуры происходят из шести могил Чумыш-Переката (№ 18, 23, 25, 28, 29, 30), коллекция насчитывает 78 предметов. Примечательно, что они найдены не только в мужских, но и в женских, и даже детских погребениях, что несвойственно для классической тюркской традиции, где наборный пояс являлся непременным атрибутом мужчины-воина (Добжанский, 1990. С. 73–74).

Украшения

Украшения, найденные в рассматриваемых погребениях, немногочисленны, основная их часть происходит из могилы № 25. Здесь, под подбородком погребенного, была найдена пряжка из цветного металла, которая была использована в качестве подвески. Пряжка овално-рамчатая, без щитка, с язычком, размеры $3 \times 2 \times 0,5$ см, в месте крепления язычка к рамке сохранился фрагмент веревочки, завязанной на узел (рис. 5, 5). Также найдены две мелкие бусины, одна из них пастовая, вторая из цветного металла (рис. 5, 13, 14), серьга в виде несомкнутого кольца (рис. 5, 6) и две цилиндрические пронизи (рис. 5, 7а, 7б). Подобная же пронизь происходит из могилы № 28 (рис. 6, 28), фрагменты от еще одной – из могилы № 34. Фрагментированная бусина из камня серо-коричневого цвета найдена в могиле № 33.

Прочие находки

Железные пряжки. В могилах № 28 и 33 найдено две железные пряжки. Определить их принадлежность к какому-либо комплексу (колчаный набор, поясная гарнитура, конская упряжь) по расположению в погребениях было невозможно. Пряжка из могилы № 28 рамчатая, подпрямоугольной формы, в сечении прямоугольная, с язычком, размеры 3×3 см, предмет фрагментирован (рис. 6, 37).

Пряжка из могилы № 33 рамчатая, подпрямоугольной формы, в сечении круглая, с язычком, размеры $3,7 \times 2,8$ см (рис. 9, 4).

В могиле № 25 найден небольшой крючок из кости, назначение которого неясно (рис. 5, 12).

Заключение

Анализ представленных материалов позволяет высказать некоторые соображения об основных особенностях раннесредневекового комплекса могильника Чумыш-Перекат и возможных этнокультурных процессах, происходивших на территории Северного Алтая в эпоху Тюркских каганатов. Судя по всему, могильник Чумыш-Перекат был оставлен небольшой по численности, но сложной по составу группой. В погребальном обряде и предметном комплексе, наряду с местным (самодийским), присутствуют южный (тюркский) и северный (угорский) компоненты.

К южным (тюркским) элементам можно отнести обряд погребения в сопровождении коня, зафиксированный в рассматриваемых могилах, несмотря на то, что он значительно отличается от классических тюркских канонов. Предметный комплекс, в частности элементы снаряжения верхового коня, кочедыки, отдельные типы украшений (серьги с Y-образной дужкой и подвеской-шариком) и элементов поясных гарнитур, находит прямые аналогии в материалах кудыргинских погребений Горного Алтая. На сегодняшний день Чумыш-Перекат является самым северным памятником, на котором представлен кудыргинский предметный комплекс.

Местным, лесостепным (самодийским) компонентом можно считать керамику. Она представлена круглодонными сосудами, украшенными оттисками мелкозубой гребенки и жемчужником. Керамические сосуды присутствуют практически во всех женских и детских погребениях, а также в могилах, принадлежащих «пешим мужчинам-воинам». В предметном комплексе к этому компоненту относятся некоторые характерные типы украшений, происходящие, в частности, из ярусного женского погребения № 23: лапчатые серьги, подвеска-лунница, бобовидные подвески, подвески в виде лопаточек, головное украшение. К этому же культурному пласту следует отнести и характерную орнитоморфную подвеску из мужского погребения № 20. Аналогичные предметы известны на памятниках Барнаульского, Новосибирского и Томского Приобья, в Кузнецкой котловине

(Грязнов, 1956. Табл. XLIV; *Троицкая, Новиков*, 1998. Рис. 17, 1–10; *Бобров*, 2002. С. 206–212, рис. 1; и др.).

К северным территориям тяготеет находка бронзовой бляхи с изображением «медведей в сакральной позе» из могилы № 30, происхождение которой можно связать с угорским миром (*Фрибус, Грушин*, 2020а. С. 478–479, рис. 68). По всей видимости, это самая южная находка такого рода на юге Западной Сибири, ближайшие аналогии известны в материалах могильника Красный Яр в Новосибирском Приобье (*Троицкая, Дураков*, 1995. Рис. 3).

Таким образом, состав группы, оставившей могильник Чумыш–Пережат, вероятно, был многокомпонентным. Основа этого комплекса, безусловно, является местной, однако какая-то часть мужского населения, по всей видимости, подверглась определенному тюркскому влиянию, что выразилось в опыте поверхностного знакомства с канонами тюркской погребальной обрядности (по-своему интерпретированной) и появлении вещей кочевнического облика.

Рассматривая погребения Осинкинского могильника, содержащие кудыргинский предметный комплекс, Д. Г. Савинов полагал, что «они оставлены местным населением верхнеобской культуры, находившимся под очень сильным тюркским влиянием или инкорпорировавшим в свой состав пришлые группы алтае-телеских тюрок, продвигнувшихся сюда в период распада Первого Тюркского каганата» (*Савинов*, 2000. С. 177). На наш взгляд, более вероятным представляется не проникновение отдельных тюркских групп на территорию северного Алтая в это время, а, наоборот, вовлечение какой-то части мужского населения лесостепи

в орбиту военно-политических событий на северной периферии Первого тюркского каганата в период его упадка и распада. Свидетельством тому своеобразная интерпретация тюркского погребального обряда с конем, использование некоторых вещей тюркского облика не по назначению (ременная пряжка-подвеска, которая могла быть трофеем), наличие украшений тюркского облика в женских погребениях (импорт, престижные подарки).

Вопросы хронологии рассматриваемых погребений являются дискуссионными. По костям человека из могилы № 28 получена радиоуглеродная дата — 1526±95 BP, с учетом калибровки по 1δ (68,2 %) 427–605 AD; по 2δ (95,4 %) 268–669 AD (*Фрибус, Грушин*, 2020б. С. 103). Предметный комплекс позволяет датировать могилы с сопроводительными захоронениями коней, а также раннесредневековый комплекс некрополя Чумыш–Пережат в целом второй половиной VII — началом VIII в.

Таким образом, могильник Чумыш–Пережат, расположенный в лесостепной части Верхнего Приобья, судя по целому ряду признаков, функционировал задолго до событий, связанных с распадом Второго тюркского каганата и массовым распространением на юге Западной Сибири погребений с тюркской обрядностью и предметами кочевнического облика во второй половине VIII — IX в.

Благодарности: авторы выражают глубокую признательность к б. н. С. С. Онищенко за археологический анализ скелетов лошадей, Е. В. Трусовой и В. О. Сайберт за неоценимую помощь в полевых исследованиях, подготовке иллюстраций и графической документации, а также всем участникам Салаирской археологической экспедиции.

Литература

- Бобров*, 2002 — *Бобров В. В.* Атрибуты шаманского костюма из клада у с. Лебеди (Кузнецкая котловина) // *Клады: состав, хронология, интерпретация: Мат-лы тематич. науч. конф. / Отв. ред. Д. Г. Савинов.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 206–212.
- Вайнштейн*, 1966 — *Вайнштейн С. И.* Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве // *Труды ТКАЭЭ.* Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1966. С. 292–347.
- Гаврилова*, 1965 — *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Грушин и др.*, 2020 — *Грушин С. П., Фрибус А. В., Тишкин А. А., Сайберт В. О.* Комплексный анализ раннесредневековых наборных поясов из могильника Чумыш–Пережат (Верхнее Приобье) // *Вестник ТомГУ. История.* 2020. № 67. С. 128–136. DOI: 10.17223/19988613/67/17.
- Грязнов*, 1956 — *Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 160 с. (МИА; № 48).
- Добжанский*, 1990 — *Добжанский В. Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Наука, 1990. 174 с.
- Кляшторный, Савинов*, 1994 — *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994. 166 с.
- Кляшторный, Савинов*, 2005 — *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.
- Кубарев*, 2005 — *Кубарев Г. В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- Левашова*, 1952 — *Левашова В. П.* Два могильника кыргызов-хакасов // *Материалы и исследования по археологии Сибири.* Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 121–136. (МИА; № 24).

- Овчинникова, 1990 — Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.
- Савинов, 1984 — Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
- Савинов, 1987 — Савинов Д. Г. Формирование и развитие раннесредневековых археологических культур Южной Сибири: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1987. 54 с.
- Савинов, 1996 — Савинов Д. Г. К проблеме происхождения металлических стремян в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии: [Тез. докл. к конф., 12–13 янв. 1996 г. / Отв. ред.: А. Б. Шамшин]. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 16–20.
- Савинов, 2000 — Савинов Д. Г. Кудыргинский предметный комплекс на Северном Алтае (по материалам Осинкинского могильника) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2000. С. 170–177.
- Савинов, 2011 — Савинов Д. Г. Южная и Западная Сибирь в I тыс. н. э. (проблема культурных контактов и взаимодействия) // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале. Т. IV / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2011. С. 13–18.
- Савинов, Длужневская, 2008 — Савинов Д. Г., Длужневская Г. В. Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири. СПб.: Ладога, 2008. 170 с.
- Савинов и др., 2008 — Савинов Д. Г., Новиков А. Н., Росляков С. Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.
- Серёгин, 2013 — Серёгин Н. Н. Появление и первоначальное распространение петельчатых стремян (хронологический и этнокультурный аспекты) // Известия АлтГУ. Сер.: История, политология. 2013. № 4/1 (80). С. 194–198.
- Серёгин и др., 2019 — Серёгин Н. Н., Абдулганеев М. Т., Степанова Н. Ф. Погребение с двумя лошадьми эпохи Тюркских каганатов из некрополя Горный 10 (Северный Алтай) // ТПАИ. 2019. № 2 (26). С. 15–34.
- Серёгин, Степанова, 2020 — Серёгин Н. Н., Степанова Н. Ф. Роговое стремя из некрополя эпохи Тюркских каганатов Горный 10 (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. XXVI. С. 603–610.
- Троицкая, Дураков, 1995 — Троицкая Т. Н., Дураков И. А. Еще раз о культе медведя // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...»: Сб., посвящ. памяти этнографов Г. Н. Грачевой и В. И. Васильева / Отв. ред. Л. А. Чиндина. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. С. 97–107.
- Троицкая, Новиков, 1998 — Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- Фрибус и др., 2019 — Фрибус А. В., Грушин С. П., Онищенко С. С. Раннесредневековые погребения с лошадьми в Западном Присалаирье // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвящ. 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред.: Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 184–188.
- Фрибус, Грушин, 2020а — Фрибус А. В., Грушин С. П. Результаты исследований грунтового могильника Чумыш-Перекаат в 2017–2018 гг. // Археологические открытия. 2018 год. М.: ИА РАН, 2020. С. 476–479. <https://doi.org/10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-326-8.476-479>.
- Фрибус, Грушин, 2020б — Фрибус А. В., Грушин С. П. Серия радиоуглеродных дат с одновременного могильника Чумыш-Перекаат в Западном Присалаирье // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее: Мат-лы междунаrod. науч. конф. / Отв. ред.: Н. Д. Бурова, А. А. Выборнов, М. А. Кулькова. СПб.: ИИМК РАН; РГПУ; Самара: СГСПУ; Порто-принт, 2020. С. 103–104.
- Худяков, 1986 — Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 268 с.
- Daim, 1996 — Daim F. Holz-, Knochen- und Geweihverarbeitung // F. Daim, K. Kaus, P. Tomka. Hunnen und Awaren: Reitervölker aus dem Osten; Burgenländische Landesausstellung 1996, Schloß Halbturn, 26. April – 31. Oktober 1996; Begleitbuch und Katalog. Eisenstadt: Amt der Burgenländischen Landesregierung, Abteilung XXII/1 – Kultur und Wissenschaft, 1996. S. 358–361.
- Erdélyi, 1966 — Erdélyi I. Die Kunst der Awaren. Budapest: Corvina Verlag, 1966. 61 S., 60 Taf.
- Fribus et al., 2019 — Fribus A. V., Grushin S. P., Onishchenko S. S., Vasyutin S. A. Horses from atypical Turkic period burials in southwest Siberia // International Journal of Osteoarchaeology. 2019. Vol. 29 (5). P. 860–867. <https://doi.org/10.1002/oa.2789>.

Horsemen of the epoch of the Turkic Khaganates in Northern Altay (after the materials of the cemetery of Chumysh-Perekat)

A. V. Fribus, S. P. Grushin

The paper is a publication of materials from four burials accompanied by horses from the early Medieval complex of the burial ground of Chumysh-Perekat

in the northern Altay. The cemetery of Chumysh-Perekat was left by a rather small group of population although it was complex in terms of its composition.

In the burial rite and the set of artefacts, along with the local (Samoyedic) component there are a southern (Turkic) and northern (Ugrian) ones. The southern (Turkic) elements evidently comprise the rite of burials accompanied by horses and categories of grave goods: elements of saddle horse gear, *kochedyks* (tools for weaving), certain types of ornaments and elements of belt fittings. The local component includes pottery and characteristic ornaments. The find of a bronze plaque with a representation of 'bears in a sacral pose' possibly provenient from the Ugrian world is related with the northern regions. Thus the composition of the group who left the cemetery of Chumysh-Perekat was evidently multicomponent. The basis of this complex undoubtedly was local however some part of the male popula-

tion evidently was subjected to a certain Turkic influence expressed in a superficial acquaintance with the canons of the Turkic funerary rite and appearance of objects of the nomadic type.

The complex of artefacts allows us to date the graves with accompanying horse burials, as well as the early mediaeval complex of the Chumysh-Perekat necropolis generally to the second half of the 7th – beginning of the 8th century. Thus the cemetery of Chumysh-Perekat, judging through quite a number of features, had been functioning long before the events connected with the disintegration of the Second Turkic Khaganate and the mass distribution of burials with the Turkic rite and artefacts of the Turkic type in the south of West Siberia in the second half of the 8th – 9th century.

Черемза 1 — необычный комплекс в ареале верхнеобской культурной общности

Ю. В. Ширин¹

АННОТАЦИЯ. В статье представлены материалы раннесредневекового памятника юга Кузнецкой котловины. В комплексе имеются бронзовые поясные детали западносибирского и геральдического стилей, а также разнообразные железные изделия, побывавшие на кремационном костре. Вероятна связь этих находок с некой постпогребальной обрядностью. Поставлен вопрос о формировании условий для наблюдаемых в регионе культурных трансформаций на рубеже VI–VII вв., их связи с подобными явлениями на юге Западной Сибири — от Притоболья до Енисея.

ANNOTATION. This paper presents materials from the early mediaeval site in the south of the Kuznetsk Hollow. This is a complex containing bronze belt accessories of the West-Siberian and heraldic styles, as well as diverse iron objects which were subjected the exposure to burial fire. There is the possibility that these finds are related with some post-funerary rite. The question is here raised about the formation of conditions for the cultural transformations observed in this region at the boundary between the 6th and 7th centuries and their links with similar phenomena in the south of West Siberia from the Tobol River to as far as the Yenisey.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: раннее Средневековье, кузнечная традиция, верхнеобская культурная общность, ременные гарнитуры геральдического стиля.

KEYWORDS: early Middle Ages, smithery tradition, Upper-Ob cultural unity, belt sets in the heraldic style.

В ареале верхнеобской культурной общности на юге Западной Сибири наряду с типичными для него памятниками неоднократно встречались весьма «странные» комплексы, как погребальные, так и иного характера. Из выявленных материалов в последние годы можно назвать находки из могильника Чумыш-Пережат (*Fribus et. al.*, 2019; *Грушин и др.*, 2020) и культовое место на поселении Верхний Сузун-10 (*Семакова*, 2020). В силу своей уникальной природы, сложности научной интерпретации или по иным причинам подобные находки в научный оборот редко вводятся в полном объеме. Например, до сих пор мало известны Лебединский (*Бобров*, 2002) и Терёхинский клады (*Ожередов*, 2011), а ведь последний был найден еще в 1908 г. Такая практика отрицательно сказывается на теоретическом осмыслении региональных исторических процессов. Именно среди подобных нестандартных комплексов могут находиться материалы, важные для детальной реконструкции культурогенеза, в том числе и духовной жизни (*Савинов*, 2013).

Поводом для обращения к данной теме стали находки остатков своеобразной погребально-поминальной обрядности эпохи раннего Средневековья на многослойном памятнике Черемза 1. По месту своего расположения — на юге Кузнецкой котловины, в верховьях р. Томи, — эти находки

могут быть отнесены к кузнечному варианту верхнеобской культурной общности. Краткая информация с частичной характеристикой этого памятника, выявленного в 2010 г., уже публиковалась (*Ширин*, 2014; 2019; *Постнов и др.*, 2019). Памятников подобного типа в Кузнецкой котловине нам до сих пор более не известно.

Памятник Черемза 1, расположенный в 2 км к западу от дер. Берензас Новокузнецкого р-на Кемеровской обл., приурочен к останцевому бугру высотой 12 м и диаметром более 75 м (**рис. 1**). В 2010 г. он подвергся частичному разграблению, но все находки вскоре удалось вернуть, а участок разрушений площадью 196 кв. м — детально исследовать. В раскопе на вершине бугра (**рис. 2**), на глубине от 5 до 25 см (здесь и далее все глубины даны от современной поверхности), в пахотном слое, выявлены рассеянные без видимых скоплений металлические предметы и их обломки, а также единичные фрагменты керамики (**рис. 3–10**). Максимальный перепад высот в раскопе составил 143 см. От наиболее высокой юго-восточной части раскопа (на пересечении линий кв. 3, И, 7, 8) (**рис. 2**) его поверхность полого понижалась во все стороны. Через северо-западную часть раскопа с юго-запада на северо-восток проходила современная глубокая задернованная межевая борозда шириной около 80 см.

Почти все железные предметы имеют следы огня, многие бронзовые изделия оплавлены. В пахотном слое по северо-западному склону бугра встречены редкие крошки пережженных косточек,

¹ 654032, Россия, Новокузнецк, Крепостной проезд, д. 1. Музей-заповедник «Кузнецкая крепость». Адрес электронной почты: shirin_a@mail.ru.

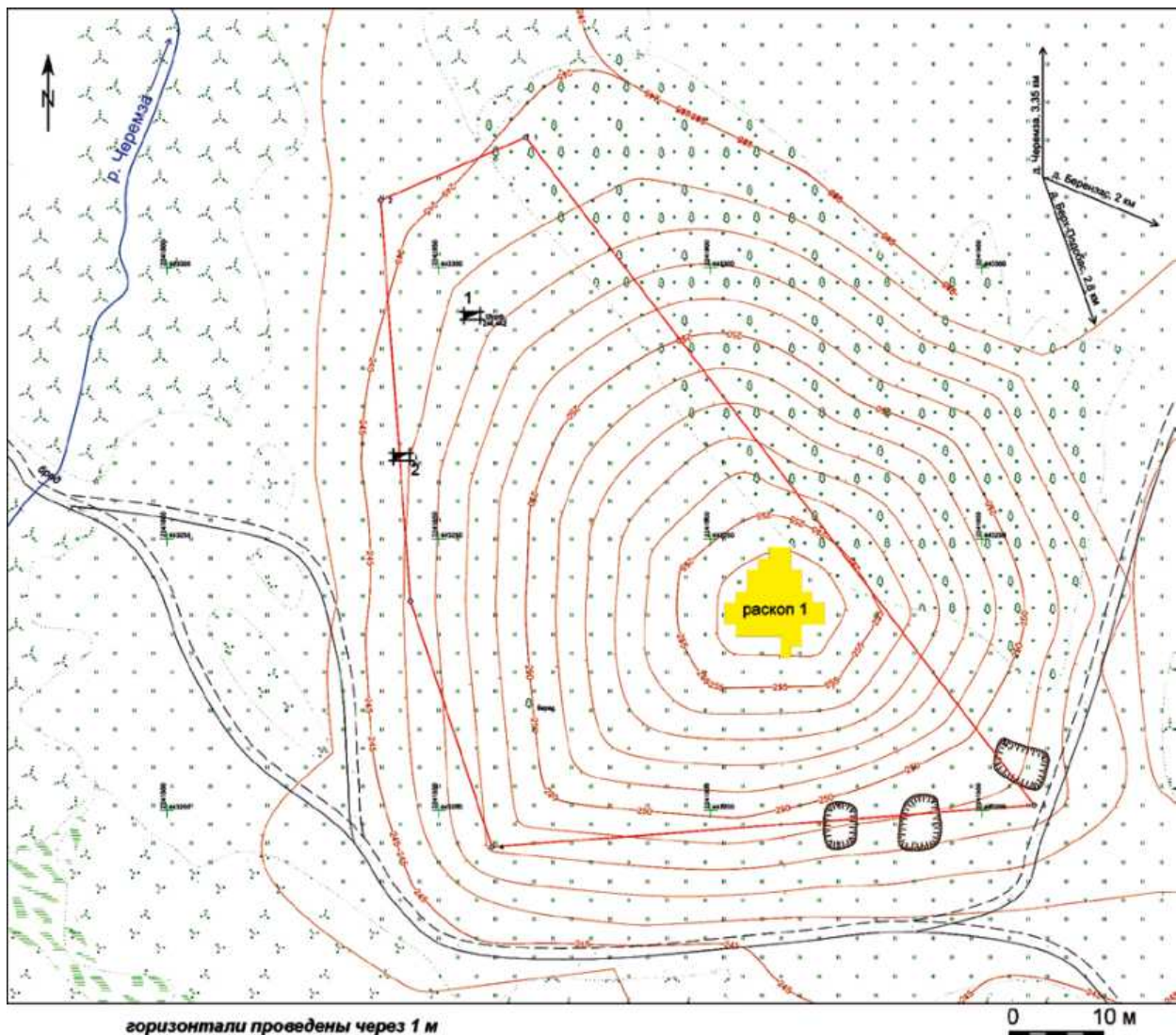

РИС. 1. Многослойный памятник Черемза 1 с обозначением установленных границ, двух шурфов и раскопа-1 (рисунок автора)

FIG. 1. Long-occupation site of Cheremza 1 with the location of the boundaries, two trenches and excavation-1 (after a drawing by the author)

визуально неопределимые. Здесь также попадались капли бронзы, а в кв. Е3 на глубине 12 см найдены бронзовая литая тонкая симметричная фигурная поясная накладка с двурогим фасетированным краем и с тремя остроугольными выступами с противоположной стороны, гладкая, с одним крепежным шпеньком на обороте (рис. 6, 10), а также железный черешковый нож, по одной кромке обушка которого нанесены три группы частых насечек, чередующиеся с тремя короткими фасетированными участками (рис. 7, 2).

Основная масса предметов концентрировалась ближе к вершине. Кроме металлических изделий

здесь найдены фрагменты от небольших глиняных сосудов с гребенчатым узором на тулове (рис. 10). Обломки одного из них расчищены в виде скопления в кв. И4 на глубине 30–40 см (рис. 2). Это был круглодонный горшок с короткой прямой шейкой и узким плечиком, выделенным небольшим ребром. Вся поверхность сосуда орнаментирована линейными узорами из оттисков гребенчатого штампа (рис. 10, 4). Вместе с этим сосудом обнаружены: два бронзовых сомкнутых портупейных кольца с фигурными щитками (в обломках), вырезанными из тонкой бронзовой пластины; они крепились к ремню при помощи двух штифтов

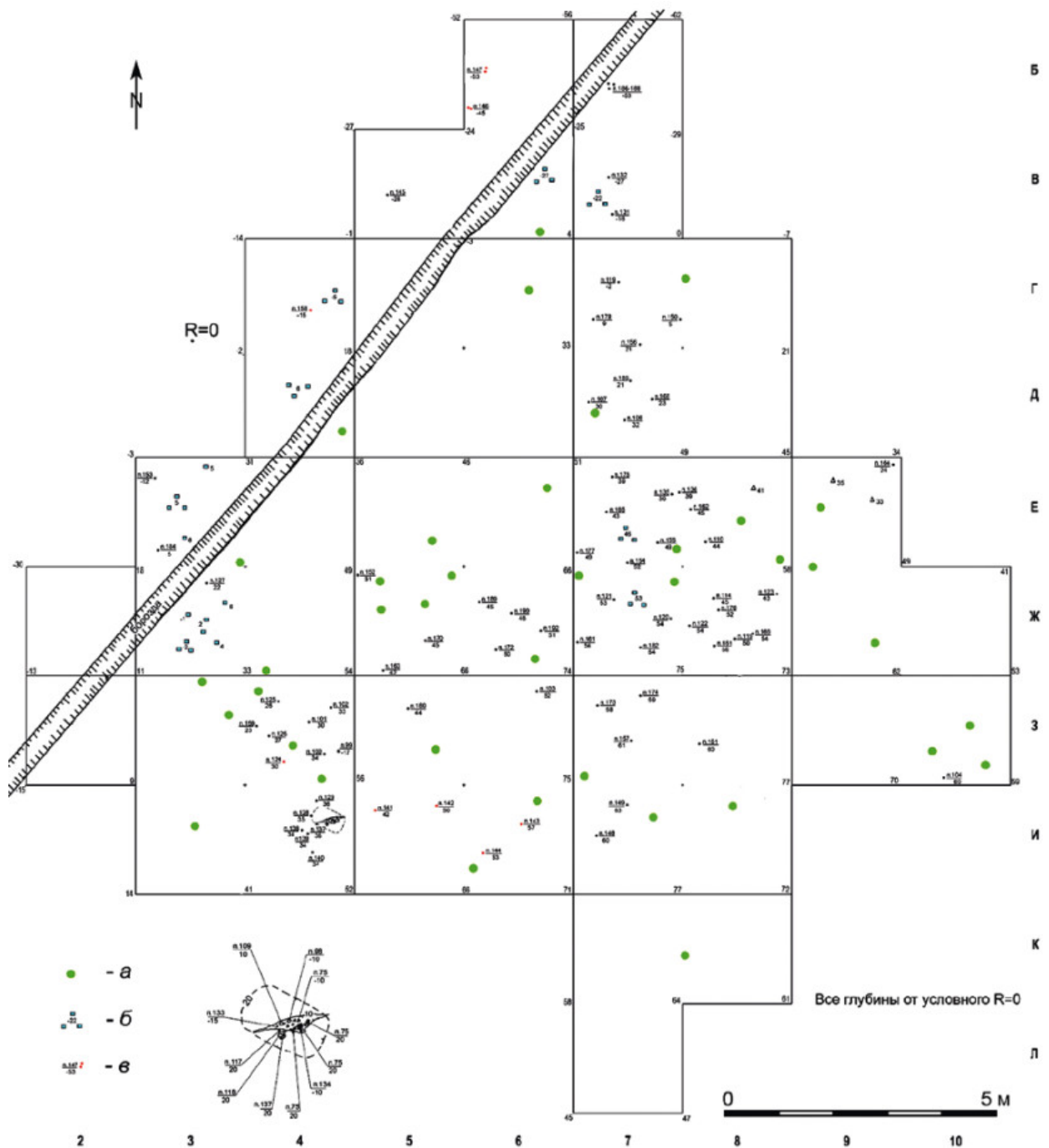

РИС. 2. Черемза 1, план раскопа-1 с обозначением находок раннесредневекового комплекса; а – места изъятия предметов грабителями; б – крошки пережженных костей; в – капли бронзы (рисунок автора)

FIG. 2. Chermza 1, plan of excavation-1 with finds of the early mediaeval complex; a – spots of extraction of the artefacts by the robbers; б – crumbles of calcined bones; в – drops of bronze (after a drawing by the author)

с заклепками, с подквадратными железными шайбами-заглушками с тыльной стороны; у колец утолщенная в средней части рамка, а у щитков полукруглые вырезы по бокам и двурого завершение (рис. 5, 4, 5); бочонковидная бронзовая пронизь (диаметром 0,9 см) с узким каналом (рис. 4, 4);

бронзовый литой нависающий язычок пряжки с тупоугольным переломом в средней части, полукруглым поперечным сечением, двумя валиками у основания и поперечными желобками на кончике (рис. 5, 3), крепежная петля обломана; железная П-образная скоба, обернутая пластинчатой желез-

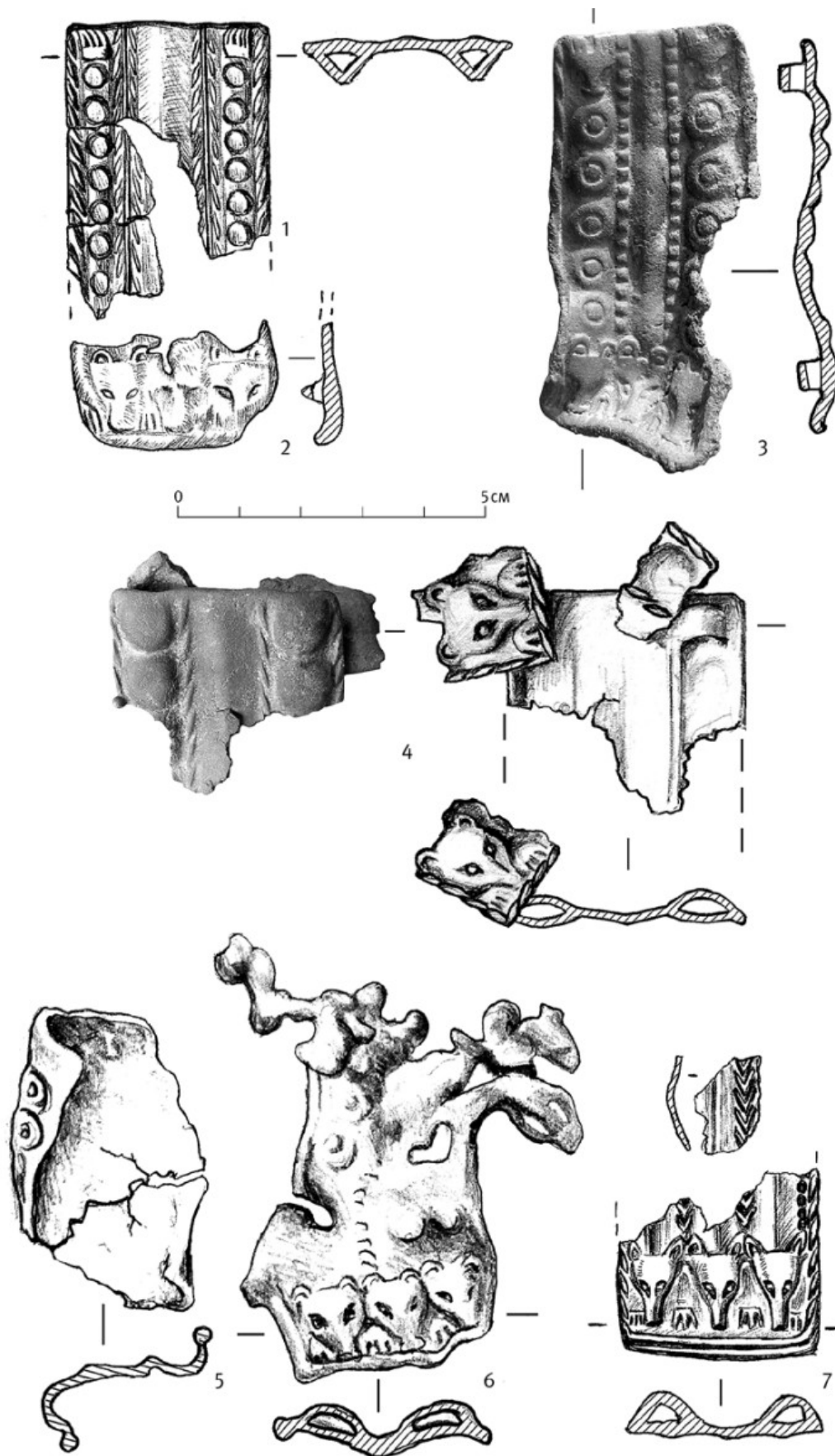

РИС. 3. Находки на памятнике Черемза 1, раскоп-1. Поясные накладки. 1 – кв. Б7, по. № 186–188; 2 – кв. Ж5, по. № 152; 7 – кв. Д7, по. № 168, 185; 3–6 – сборы грабителей. Все – бронза (рисунки автора)

FIG. 3. Finds from the site of Cheremza 1, excavation-1. Belt mounts. 1 – square Б7, field inv. Nos. 186–188; 2 – square Ж5, field inv. No. 152; 7 – square Д7, field inv. Nos. 168, 185; 3–6 – the robbers' takings. Bronze (after a drawing by the author)

ной обоймой, скрепленной штифтом с заклепкой; внутри обоймы – остатки органики, пропитанной окислами железа (рис. 7, 5). Вокруг скопления предметов и керамики фиксировалось темное пятно подпрямоугольных очертаний (35 × 60 см) со слабо различимыми границами, вытянутое по линии ЮВ–СЗ (рис. 2). Это могло быть дно ямы. Следует отметить, что это единственная яма, которую удалось связать со средневековыми находками на площади раскопа.

В кв. И4, выше описанного скопления, на глубине 15 см найдены: бронзовая литая бочонковидная пронизь с узким каналом (рис. 4, 5); бронзовое сомкнутое поясное кольцо с утолщенной спереди рамкой (рис. 5, 7), аналогичное кольцам из скопления; два фрагмента бронзовых пластинчатых поясных обойм с заклепкой (рис. 5, 15, 16); квадратная железная шайба-заглушка (рис. 5, 17); оплавленная бронзовая пластинка.

В смежном кв. 34 на глубине 15 см обнаружены: две бронзовые бочонковидные пронизы с узким каналом (рис. 4, 8, 9); бронзовое литое височное кольцо диаметром около 3,5 см, разомкнутое, с утолщением в средней части, круглого сечения (рис. 4, 11); железная узкая полоска с продольными нервюрами по кромкам (возможно, обломок от оковки ножен) (рис. 8, 13); обломанный кончик лезвия ножа; обломок железной согнутой полоски; железный гнутый стерженек.

Остальные находки в раскопе были распределены следующим образом.

В кв. Ж5 на глубине 15 см – фигурка, вырезанная из гладкой бронзовой пластинки, в виде птицы с фронтально развернутыми приостренными крыльями, с чуть заметной полукруглой головкой (рис. 4, 7); отломанный уголок бронзовой литой ажурной поясной накладки, на лицевой поверхности которого имеются две жемчужины в обрамлении псевдозерни, а на обороте сохранилась крепежная петля (рис. 4, 2); на глубине 18 см найден оплавленный фрагмент бронзовой литой поясной накладки, вдоль кромки заметны три головы медведей между лапами, на обороте по углам – петли (рис. 3, 2).

В кв. Ж6 на глубине 17 см – железная П-образная плоская скоба с насечками по кромке средней части (рис. 7, 6); бесформенный оплавленный обломок поясной накладки с петлей на обороте; желез-

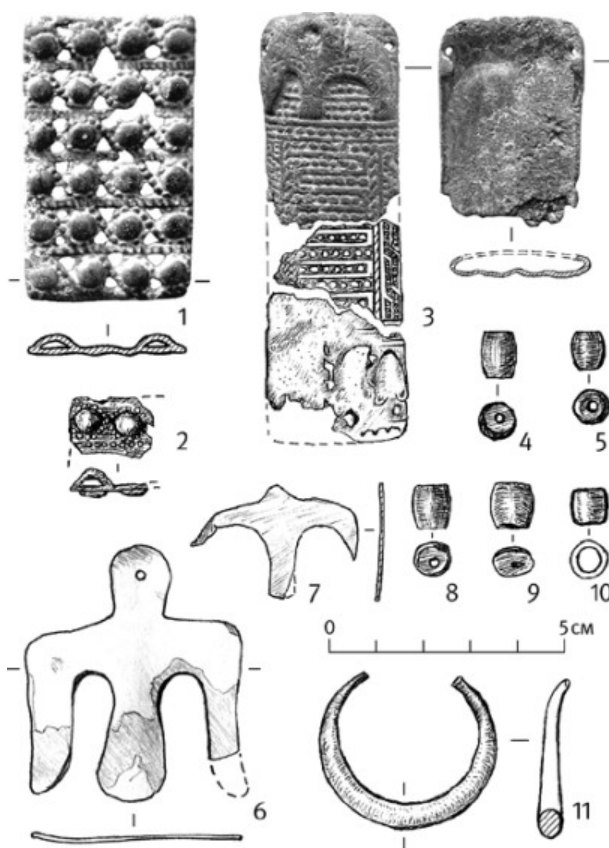

РИС. 4. Находки на памятнике Черемза 1, раскоп-1. 1, 2 – поясные накладки; 3 – обойма; 4, 5, 8–10 – пронизы; 6, 7 – птицевидные нашивки; 11 – височное кольцо. 1, 3, 6 – сборы грабителей; 2, 7 – кв. Ж5, по. № 170, 163; 3 – кв. 36, 35, по. № 103, 180; 4, 5 – кв. И4, по. № 133, 140; 8, 9, 11 – кв. 34, по. № 125, 126, 99; 10 – кв. Ж8, по. № 122. Все бронза (рисунки автора)

FIG. 4. Finds from the site of Cheremza 1, excavation-1. 1, 2 – belt mounts; 3 – ferrule; 4, 5, 8–10 – spacer-beads; 6, 7 – bird-like sewn-on figures; 11 – temple ring. 1, 3, 6 – robbers' takings; 2, 7 – square Ж5, field inv. Nos. 170, 163; 3 – square 36, 35, field inv. Nos. 103, 180; 4, 5 – square И4, field inv. Nos. 133, 140; 8, 9, 11 – square 34, field inv. Nos. 125, 126, 99; 10 – square Ж8, field inv. No. 122. Bronze (after a drawing by the author)

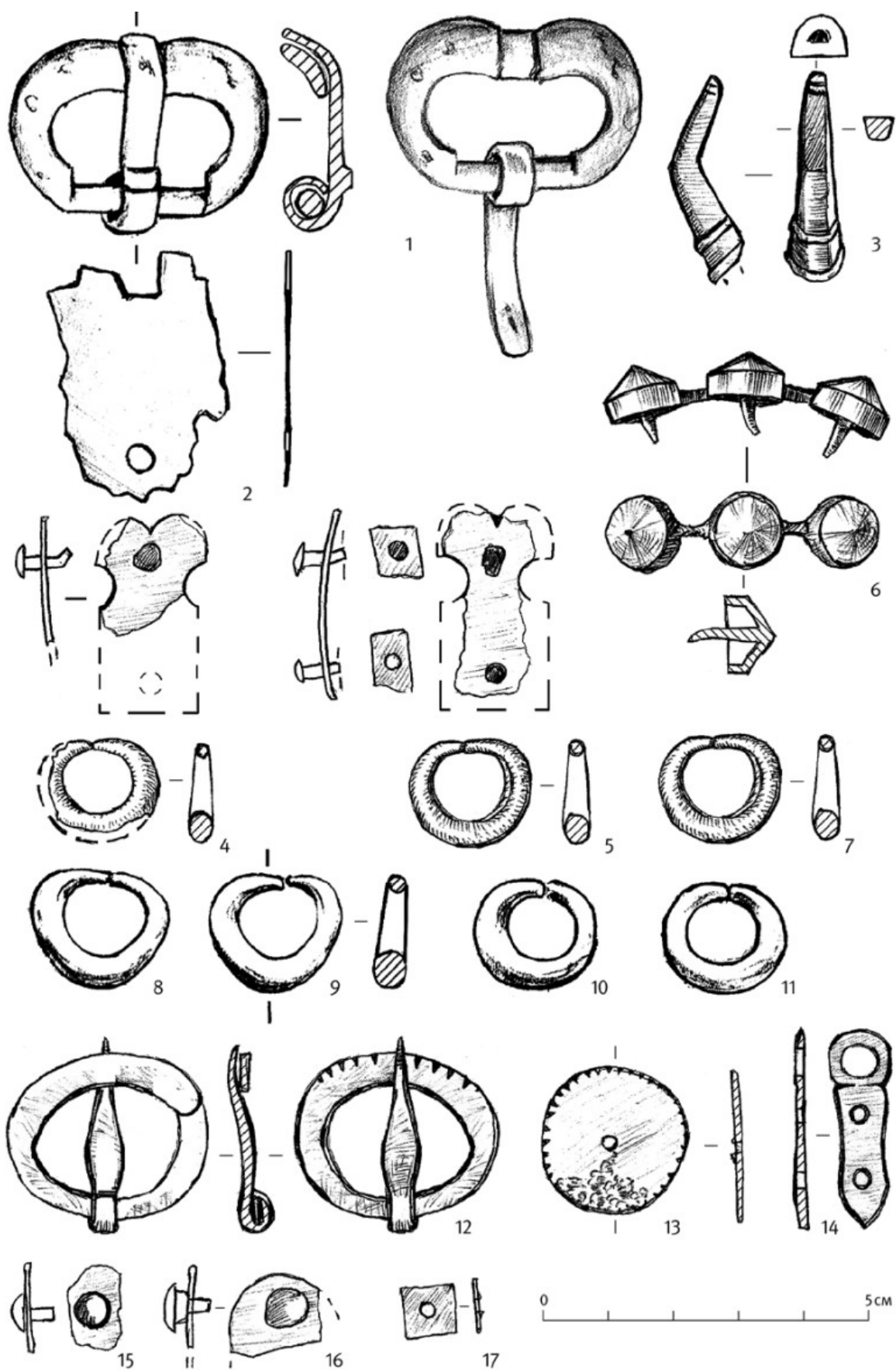

РИС. 5. Находки на памятнике Черемза 1, раскоп-1. 1, 12 – пряжки; 2 – фрагмент щитка пряжки; 3 – язычок от пряжки; 4, 5, 7–11 – портупейные кольца с фрагментами пластинчатых крепежных щитков; 6 – набойка на торец бутероли; 13 – шайба; 14 – концевик ремня; 15–17 – крепежные детали ременной фурнитуры. 1, 2, 8–11 – сборы грабителей; 3, 4, 5, 7, 15–17 – кв. И4, по. № 134, 98 (138), 117 (137), 116, 139, 118, 128; 6 – кв. Е-9, по. № 164; 12 – кв. В4, по. № 145; 13 – кв. Ж7, по. № 120; 14 – кв. Е7, по. № 136.

1–4, 6–11, 15, 16 – бронза; 5 – бронза, железо; 12–14, 17 – железо (рисунки автора)

FIG. 5. Finds from the site of Cheremza 1, excavation-1. 1, 12 – buckles; 2 – fragment of a buckle plate; 3 – tongue of a buckle; 4, 5, 7–11 – waist belt rings with fragments of lamellar fixing plates; 6 – mount for the bouterole butt; 13 – washer; 14 – tip of a belt; 15–17 – fixing parts of a belt set. 1, 2, 8–11 – robbers' takings; 3, 4, 5, 7, 15–17 – square И4, field inv. Nos. 134, 98 (138), 117 (137), 116, 139, 118, 128; 6 – square Е-9, field inv. No. 164; 12 – square В4, field inv. No. 145; 13 – square Ж7, field inv. No. 120; 14 – square Е7, field inv. No. 136.

1–4, 6–11, 15, 16 – bronze; 5 – bronze, iron; 12–14, 17 – iron (after a drawing by the author)

ная игла с уплощенным острием и утраченным ушком (**рис. 8, 7**); железная прямоугольная пластина с двумя пробитыми отверстиями (**рис. 8, 3**).

В кв. Ж7 на глубине 10–15 см – осколок бронзовой оплавленной пластины; железная круглая шайба с маленьким отверстием в центре и с частой насечкой по кромке, прокаленная на огне (**рис. 5, 13**); маленькая железная пластинка; на глубине 18 см обнаружены два железных черешковых ножа с прямым обушком, один – полноразмерный (**рис. 7, 1**), а второй – миниатюрный, кончик лезвия обломан (**рис. 7, 7**).

В кв. Ж8 на глубине 15 см – короткая бронзовая цилиндрическая пронизь (**рис. 4, 10**); капля бронзы; осколок бронзовой оплавленной пластины; железный стержень, с заостренным крючком на одном конце, прокален (**рис. 8, 9**); железная треугольная равнобедренная пластинка с двумя отверстиями (**рис. 8, 2**); железный заостренный стержень, погнут, сечение в средней части квадратное, на остром кончике – круглое (**рис. 8, 10**). На глубине 20 см найдены: двурогий кончик бронзовой литой поясной накладки (**рис. 6, 7**); железная узкая пластинка толщиной не более 1 мм, со следами кузнечной сварки на одном кончике (**рис. 8, 12**); железный стержень квадратного сечения, приостренный с одного конца (**рис. 8, 11**). Последние два предмета могут быть частями варгана.

В кв. Е7 на глубине 12–15 см – оплавленный обломок бронзовой литой поясной накладки (**рис. 6, 24**); обломок бронзовой литой пряжки геральдического стиля с В-образной выпуклой рамкой (**рис. 6, 1**); несколько разрозненных мелких кусочков пережженных костей; обломок оплавленного бронзового удлиненного наконечника ремня с отверстиями (**рис. 6, 23**); железный наконечник ремня с выделенной кольцевидной петлей и двумя крепежными отверстиями на длинном щитке,

прокаленный на огне (**рис. 6, 14**); бронзовая литая пряжка геральдического стиля с В-образной выпуклой рамкой, подвижным нависающим язычком выгнутого сечения и двумя узкими щитками-обоймами на заклепках (**рис. 6, 3**); два обломка от бронзовой гладкой поясной накладки в виде геральдического щита, с крепежными шпеньками на обороте (**рис. 6, 9**).

В кв. Е8 на глубине 10 см найдены железный гвоздик и капля бронзы.

В кв. Е9 на глубине 12 см зафиксированы соединенные в линию тонкими перемычками три конические бляшки с приостренными шпеньками с тыльной вогнутой стороны (**рис. 5, 6**).

От вершины бугра «полоса» находок протянулась в северном направлении.

В кв. Д7 на глубине 12 см – кусочек железной пластинки; оплавленный бронзовый обломок предмета, возможно, рамка пряжки; на глубине 17 см найдены два осколка бронзовой литой поясной накладки с тремя медвежьими головами между лапами, с продольными орнаментальными полосами из рельефных уголков; на обороте, по углам, крепежные петли (**рис. 3, 7**).

В кв. Г7 на глубине 10 см обнаружены две бронзовые литые круглые поясные бляшки, гладкие, со шпеньком на тыльной стороне (**рис. 6, 18, 20**); на глубине 17 см найдены две бронзовые литые поясные бляшки, горизонтально симметричные, с двурогими противоположащими окончаниями и боковыми выемками в средней части, гладкие, с продольной гранью, с двумя крепежными шпеньками на обороте (**рис. 6, 12, 15**). Еще две аналогичных горизонтально симметричных накладок зафиксированы на площади смежного кв. В7 на глубине 15 см (**рис. 6, 13, 14**).

В кв. В5 на глубине 18 см найдена железная пряжка; ее плоская кольцевая рамка соединена

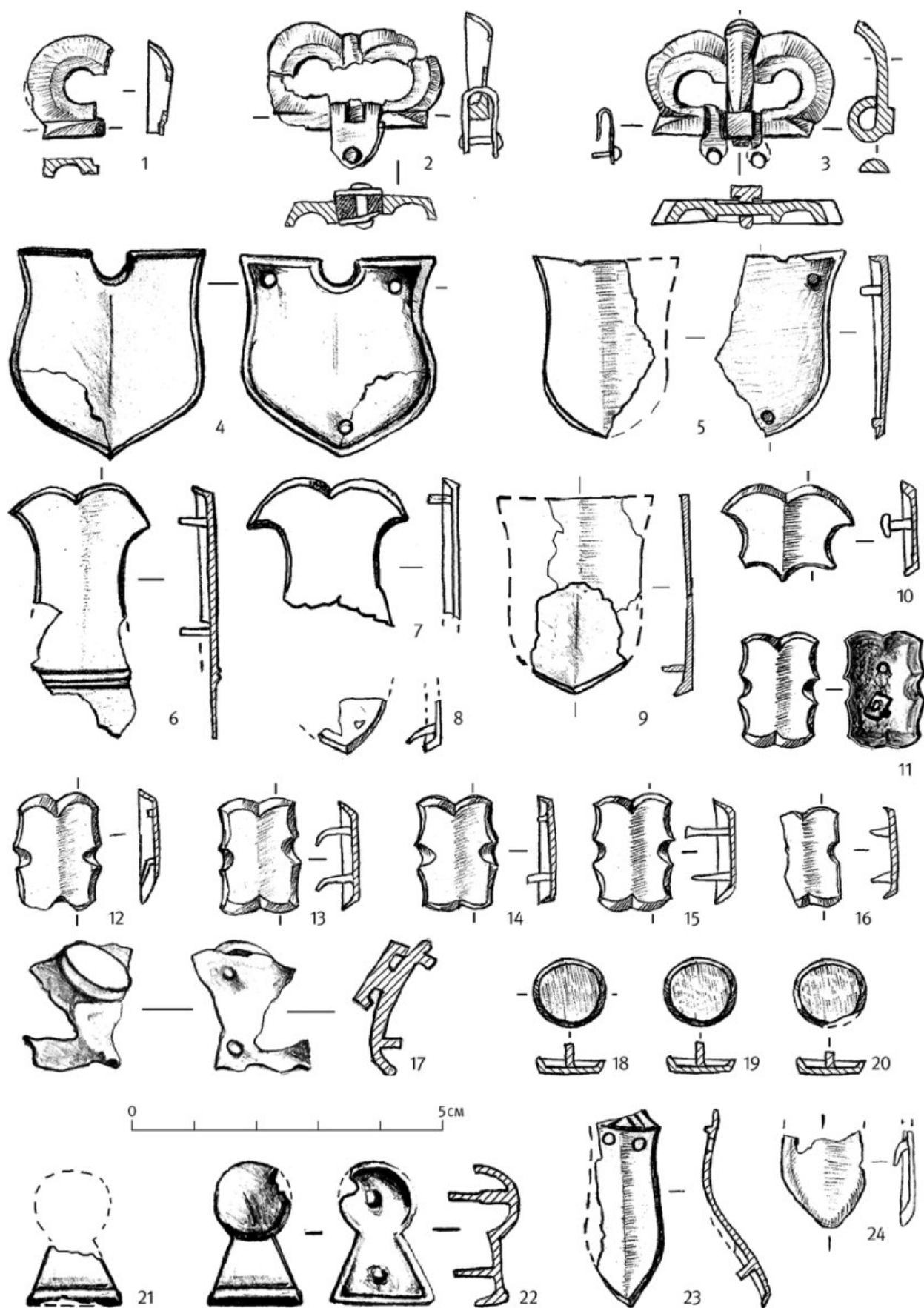

РИС. 6. Находки на памятнике Черемза 1, раскоп-1. 1–12, 16–23 – поясные накладки; 13–15 – пряжки. 1, 3, 9, 23, 24 – кв. Е7, по. № 155, 165, 154 (178), 135, 177; 2, 21 – кв. 37, по. № 157, 173; 4, 11, 17, 22 – сборы грабителей; 5, 19 – кв. И7, по. № 149, 130; 6 – кв. 310, по. № 104; 7, 8 – кв. Ж8, по. № 123, 113; 10 – кв. Е3, по. № 153; 12, 15, 18, 20 – кв. Г7, по. № 119, 179, 150, 156; 13, 14 – кв. В7, по. № 131, 132; 16 – № 167, отвал. 1–10, 12–24 – бронза; 11 – бронза, железо (рисунки автора)

FIG. 6. Finds from the site of Cheremza 1, excavation-1. 1–12, 16–23 – belt mounts; 13–15 – buckles. 1, 3, 9, 23, 24 – square E7, field inv. Nos. 155, 165, 154 (178), 135, 177; 2, 21 – square 37, field inv. Nos. 157, 173; 4, 11, 17, 22 – robbers' takings; 5, 19 – square И7, field inv. Nos. 149, 130; 6 – square 310, field inv. No. 104; 7, 8 – square Ж8, field inv. Nos. 123, 113; 10 – square E3, field inv. No. 153; 12, 15, 18, 20 – square Г7, field inv. Nos. 119, 179, 150, 156; 13, 14 – square В7, field inv. Nos. 131, 132; 16 – № 167, earthen spoil. 1–10, 12–24 – bronze; 11 – bronze, iron (after a drawing by the author)

внахлест кузнечной сваркой, кончик плоского язычка приострен, вдоль передней кромки рамки сделаны частые насечки (рис. 5, 12).

В кв. В7 на глубине 15 см – осколки бронзовой поясной накладки, с уплощенными жемчужинами по кромкам и когтистыми лапами по углам, на обороте, по углам, крепежные петли (рис. 3, 1).

Южнее вершины бугра, в кв. 35 на глубине 17 см – обломок бронзовой оплавленной накладки с орнаментом из полосок и псевдозерни (средняя часть обоймы) (рис. 4, 3). Еще один оплавленный фрагмент этого же предмета найден в кв. 36 на глубине 20 см от современной поверхности – это крайняя часть обоймы с изображением стоящего зверя и орнаментом из полосок и псевдозерни под ним (рис. 4, 3).

В кв. 37 на глубине 17 см – обломки бронзовой пряжки геральдического стиля с литой В-образной выпуклой рамкой и маленьким пластинчатым щитком-обоймой на заклепке (язычок утрачен) (рис. 6, 2); трапециевидный обломок бронзовой литой поясной накладки, гладкой, с валиком по широкой кромке, со шпеньком на обороте (рис. 6, 21); обломок уголка бронзовой литой поясной накладки, гладкой, со шпеньком на обороте. В этом же квадрате на глубине 20 см обнаружены: осколок пластины бронзового оплавленного предмета; обломок бронзовой геральдической накладки (приостренный кончик со шпеньком на обороте) (рис. 6, 8).

В кв. 38 на глубине 18 см найден трапециевидный, продольно выгнутый обрубок стального лезвия шириной 2,6 см.

В кв. 310 на глубине 15 см зафиксирован литая бронзовая поясная накладка геральдического стиля, с двурогим окончанием и обломанной противоположной стороной вдоль поперечного двойного валика, с двумя шпеньками на обороте (рис. 6, 6).

В кв. И7 на глубине 15 см обнаружен обломок бронзовой литой поясной накладки в виде гераль-

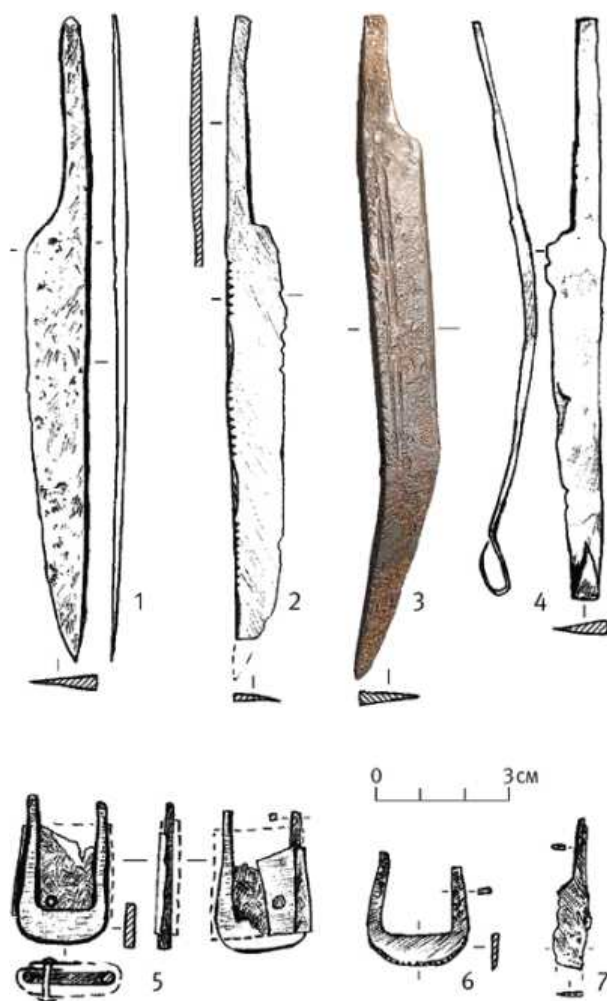

РИС. 7. Находки на памятнике Черемза 1, раскоп-1. 1, 7 – кв. Ж7, по. № 161, 168; 2 – кв. Е3, по. № 184; 3, 4 – сборы грабителей; 5 – кв. И4, по. № 109; 6 – кв. Ж6, по. № 172. Все железо (рисунки автора)

FIG. 7. Finds from the site of Cheremza 1, excavation-1. 1, 7 – square Ж7, field inv. Nos. 161, 168; 2 – square E3, field inv. No. 184; 3, 4 – robbers' takings; 5 – square И4, field inv. No. 109; 6 – square Ж6, field inv. No. 172. Iron (after a drawing by the author)

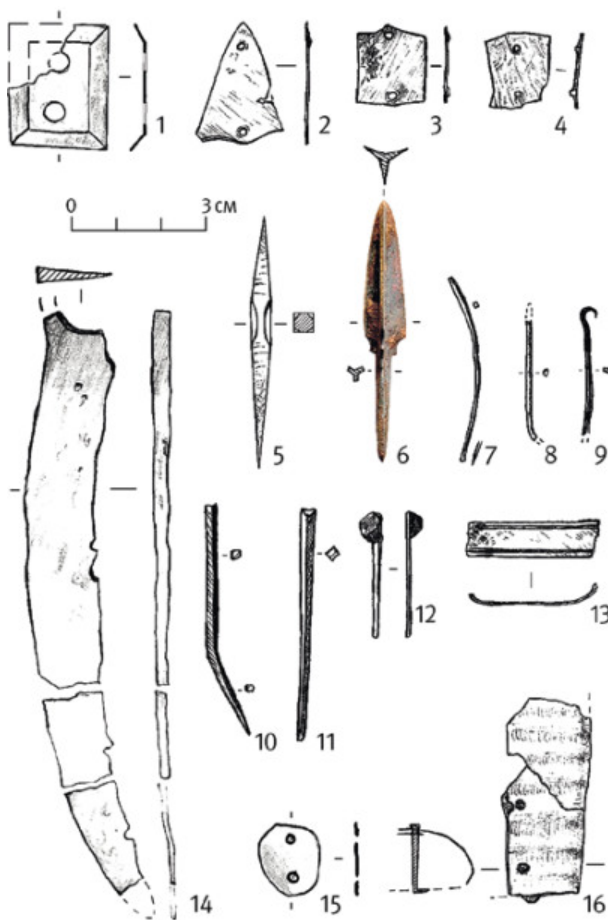

РИС. 8. Находки на памятнике Черемза 1, раскоп-1. 1-4, 15 – детали поясных накладок; 5, 10 – шилья; 6 – наконечник стрелы; 7-9 – иголки; 11, 12 – фрагменты варгана; 13, 16 – оковки ножен; 14 – серп. 1, 5, 6, 14-16 – сборы грабителей; 2, 4, 9-12 – кв. Ж7, по. № 176, 121, 169, 181, 115, 114; 3, 7 – кв. Ж6, по. № 190, 189; 6 – отвал; 13 – кв. 34, по. № 159. Все железо (рисунки автора)

FIG. 8. Finds from the site of Cheremza 1, excavation-1. 1-4, 15 – parts of belt mounts; 5, 10 – awls; 6 – arrowhead; 7-9 – needles; 11, 12 – fragments of a *vargan* (mouth harp); 13, 16 – sheath bindings; 14 – sickle. 1, 5, 6, 14-16 – robbers' takings; 2, 4, 9-12 – square Ж7, field inv. Nos. 176, 121, 169, 181, 115, 114; 3, 7 – square Ж6, field inv. No. 190, 189; 6 – earthen spoil; 13 – square 34, field inv. No. 159. Iron (after a drawing by the author)

дического щита с крепежными шпеньками на обороте (рис. 6, 5), а на глубине 20 см – бронзовая литая круглая поясная бляшка, со шпеньком на тыльной стороне (рис. 6, 19).

В отвале отработанного грунта из центральной части раскопа обнаружены: бронзовая поясная горизонтально симметричная накладка геральдического стиля, аналогичная четырем, описанным

выше (рис. 6, 16), и железная игла с обломанными ушком и кончиком (рис. 8, 8).

Предметы, извлеченные грабителями из пахотного слоя:

- оплавленные обломки не менее пяти бронзовых литых прямоугольных поясных накладок с псевдошнуровой окантовкой, с тремя головами медведей между лапами вдоль одной короткой стороны и двумя рядами выпуклых полушарий вдоль длинных сторон (рис. 3); в одном случае ряды полушарий заканчивались головами медведей (рис. 3, 3), в другом – задними лапами (рис. 3, 2); на обороте, в углах пластин, отлиты петли;

- бронзовая литая прямоугольная поясная ажурная накладка с шестью рядами выпуклых полушарий (по четыре в ряд), обрамленных псевдозернью, с петлями в углах на обороте (рис. 4, 1); фрагмент именно от такой же накладки обнаружен в ходе раскопок (рис. 4, 2);

- фрагмент оплавленной бронзовой литой выгнутой обоймы с фигурой на торцевой части стоящего боком зверя с фронтально развернутой головой и полосами псевдозерневого орнамента вдоль тела; ниже плоскость обоймы покрыта плотным узором из зигзага и псевдозерни; на обороте торца обоймы есть остатки узкой поперечной дугообразной перемычки, после утраты которой в кромках изделия были просверлены два отверстия (рис. 4, 3); этот фрагмент удалось состыковать с двумя фрагментами из раскопа;

- вырезанная из бронзовой пластины контурная фигурка в виде птицы с фронтально развернутыми и опущенными под прямым углом узкими крыльями, с полукруглым хвостом и с отверстием в полукруглом выступе на месте головы; кончик одного крыла обломан (рис. 4, 6);

- бронзовая литая пряжка с В-образной выпуклой рамкой и нависающим подвижным уплощенным язычком с выступающей площадкой в основании (рис. 5, 1);

- фрагмент бронзового пластинчатого щитка пряжки с вырезом под язычок и отверстием для заклепки (рис. 5, 2);

- четыре бронзовых сомкнутых портупейных кольца с утолщением в передней части рамки (рис. 5, 8-11);

- бронзовая литая поясная накладка в виде гладкого геральдического щита с полукруглой выемкой на верхней кромке, с бортиком и тремя шпеньками на обороте (рис. 6, 6);

- бронзовая тонкая литая поясная накладка геральдического стиля, симметричная, гладкая,

РИС. 9. Находки на памятнике Черемза 1. Железные цепные подвесы. Сборы грабителей (рисунки автора)
FIG. 9. Finds from the site of Cheremza 1. Iron chain suspensions. Robbers' takings (after a drawing by the author)

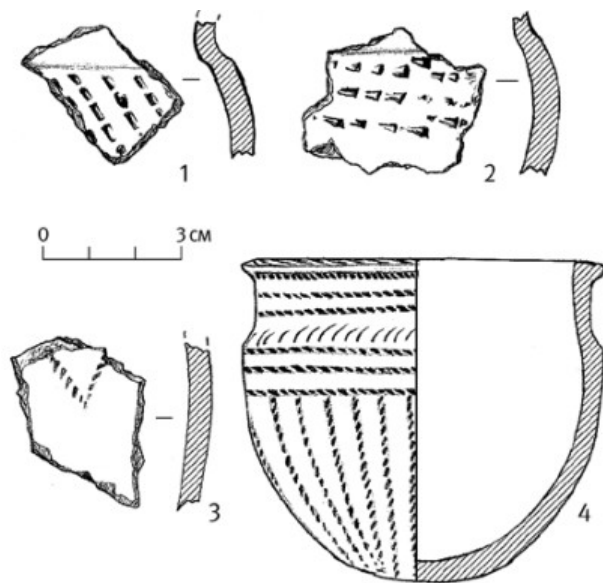

РИС. 10. Находки на памятнике Черемза 1, раскоп-1. Керамика. 1, 3 – кв. Е9; 2 – кв. Е-8; 4 – кв. И4 (рисунки автора)

FIG. 10. Finds from the site of Cheremza 1, excavation-1. Pottery. 1, 3 – square E9; 2 – square E-8; 4 – square И4 (after a drawing by the author)

со слабо заметной гранью по оси, с двурогими окончаниями с противоположных сторон и двумя противоположащими выемками в средней части; на обороте два крепежных шпенька с одной уцелевшей железной пластинчатой квадратной заглушкой (рис. 6, 2);

– бронзовая литая поясная накладка геральдического стиля в виде круглой выпуклой бляшки со смежной плоской трапециевидной пластиной с валиком по широкой внешней кромке (на обороте два шпенька) (рис. 6, 21);

– бронзовая литая круглая плоская поясная накладка с центральным крепежным шпеньком, сплавленная с неопределенным бронзовым пластинчатым предметом с крепежными шпеньками (рис. 6, 16);

– пять железных кованых витых двухзвенных цепочек, прокаленных на огне; звенья длинные (не менее 7,5 см); с одной стороны петля глухая, а с противоположной – несомкнутая, проволока скручена внахлест для сцепления с глухой петлей; глухие петли с внешней стороны более крупного диаметра, плоско раскованные с утолщением в средней части; у четырех цепочек глухая петля второго звена круглого сечения, у пятой – плоско раскованная с насечками по внешней кромке (рис. 9, 1–4, 6);

– звено железной кованой витой цепочки, прокаленное на огне, с утратой разомкнутой петли; уцелевшая глухая петля плоско раскована, с утолщением в средней части (рис. 9, 5);

– железный нож с коротким черешком, с уступом при переходе к лезвию, обушок прямой, по одной из его кромок нанесены группы косых насечек с чередующимся наклоном; вдоль насечек по плоскости лезвия нарезаны два продольных желобка; прокален на огне, кончик погнут (рис. 7, 3).

– железный нож с длинным черешком, с уступами при переходе к лезвию и обушку, обушок прямой; прокален на огне, лезвие погнуто, его кончик загнут (рис. 7, 4);

– железный черешковый серповидный нож (в трех обломках с обломанным черешком), обушок выгнут, кончик лезвия утрачен (рис. 8, 14);

– железное черешковое шило или шиловидный наконечник стрелы; оба кончика четырехгранного сечения; в средней части стержня на гранях сделаны фаски; предмет прокален на огне (рис. 8, 5);

– железный черешковый трехлопастный наконечник стрелы, вытянуто треугольной формы, с трехлопастной короткой шейкой-упором, прокален на огне (рис. 8, 6);

– железная выпуклая прямоугольная пластинка (с обломанным одним углом) с двумя отверстиями, по кромке тиснением имитированы широкие фаски, прокалена на огне (рис. 8, 7);

– железная овальная пластинка с двумя пробитыми отверстиями, прокалена на огне (рис. 8, 15);

– два обломка железной обоймы, свернутой из слабо рифленой пластины; сохранилось два крепежных шпенька вдоль кромки; возможно, это деталь ножен; прокалены на огне (рис. 8, 16).

К сожалению, точные места каждой из находок, изъятых грабителями (более 30 металлических предметов и их фрагментов), не могут быть установлены. Однако по следам разрушений нам удалось определить общую картину их распределения. Грабительские ямки показаны на плане раскопа зелеными кружками (рис. 2). Как видно, площадь распределения этих разрушений в целом вписывается в контуры основных скопления предметов, выявленных в ходе раскопок.

Обсуждение материалов

Дата для находок из раннесредневекового слоя Черемзы 1, предложенная мной при первой публикации, – конец VI – начало VII в. н. э. (Ширин, 2014), – может показаться неоправданно зауженной. Дей-

ствительно для некоторых изделий (рис. 3; 4, 7; 5, 1) допустима и более ранняя дата, тогда как другие (рис. 6, 9, 10, 22) представляются более поздними. Судя по материалам ременных гарнитур, найденные комплексы могли быть сформированы при жизни нескольких поколений в интервале середины VI – середины VII в., но вряд ли границы этого интервала стоит значительно расширять в ту или иную сторону.

В Черемзе 1 не выявлено ни одного скопления, которое можно было бы уверенно атрибутировать как единый комплекс, преимущественно объединяющий условно «ранние» или условно «поздние» типы изделий. К тому же на площади раскопа разнохарактерные предметы распределены относительно равномерно. Ременные бронзы геральдического стиля и местные изделия с архаичным обликом неоднократно встречены в подобных сочетаниях при раскопках раннесредневековых памятников Западной Сибири (Могильников, Коников, 1983. Рис. 2; Генинг, Зданович, 1987. Рис. 3, 2–4; 10, 8–10; Васютин, 1997. С. 24–25; Троицкая, Новиков, 1998. Рис. 17–19; 25; 26). Для таких комплексов обычны и ажурные бронзовые поясные накладки из полшарий, обрамленных псевдозернью или псевдошнуром, и прямоугольные поясные накладки с медвежьими головами, и птицевидные фигурки. Обращает на себя внимание группа бронзовых предметов с архаичным петлито-зерневым орнаментом, известным в Западной Сибири с первых веков н. э. В Черемзе 1 такой орнамент представлен на бронзовой обойме (рис. 4, 3).

Вполне вероятно, что для ряда мест как геральдические бронзы, так и сопутствующие им западносибирские, были одновременными импортами. Это предполагает относительно узкий хронологический период их совместного бытования. Поэтому при датировке таких комплексов следует обращать большее внимание на хронологические особенности соответствующих типов геральдических бронз. Наиболее ранние из них проникают на юг Западной Сибири в начале VII в. (Савинов, 2000. С. 174). Если это так, то время проведения обрядов на Черемзе 1 стоит отодвинуть ближе к середине VII в. Косвенно это подтверждает радиоуглеродная дата погребения из могильника Чумыш-Пережат с аналогичными Черемзе 1 поясными накладками редкого типа (Грушин и др., 2020. С. 130, рис. 2; С. 134). Кроме того, можно указать на стилистическую близость некоторых изделий Черемзы 1 (рис. 5, 4,

5) геральдическим бронзам раннего этапа их распространения (Мастыкова и др., 2016. С. 14), а также на отсутствие Т-образных накладок. Геральдические поясные гарнитуры в Кузнецкой котловине и в других местах Западной Сибири будут встречаться и немного позднее, например в Лебединском кладе (Бобров, 2002), но они имеют уже иные состав, типологию и, видимо, происхождение.

Из-за многолетних распашек на площади памятника сложно однозначно судить о его первоначальном облике. С учетом того, что нам известно в Кузнецкой котловине о погребениях по обряду кремации из могильников с инвентарем, хронологически близким Черемзе 1 (в таких как Саратовка, Юрты II, Шестаки II), весьма вероятно, что на Черемзе 1 мы имеем дело не с разрушенными погребениями, а с остатками проведения неких постпогребальных обрядов. Не исключено, что сделанные здесь находки могли быть связаны с размещением инвентаря и символических остатков кремаций на поверхности или в слабо заглубленных конструкциях. Судя по широкому распределению находок по площади этого памятника – от вершины до подножия бугра (Постнов и др., 2019. С. 797), – весьма вероятно, что приносимые объекты могли быть размещены и на деревьях, росших по северному склону бугра, и у их корней.

Немногочисленная керамика Черемзы 1 принадлежит к типу, который в раннем Средневековье Притомья сопутствует сосудам с новыми для этих мест орнаментами из тонких остросереберных валиков и ногтевых насечек. Это один из признаков, по которым глубокая перемена облика материальной культуры памятников, наблюдаемая в Притомье на рубеже VI–VII вв., может быть связана с притоком нового населения из ареала лесостепных и южнотаежных культур Среднего Енисея. С этого времени в Притомье, в Горной Шории и даже в верховьях Чумыша на поселениях с валиковыми керамическими комплексами фиксируются признаки развитого кузнечного производства, истоки которого также можно видеть в материалах Енисея и Приангарья. На возможную связь с кузнечной традицией именно тех мест может указывать такая особенность кованых изделий Черемзы 1, как наличие нефункциональных насечек и фасок (рис. 5, 12, 13; 7, 2, 3, 6; 9, 6, 6а), а также свивание (рис. 9). Насечки и витье являются характерной чертой для кузнечных изделий палеоазиатов бассейна Енисея на протяжении длительного периода,

вплоть до Нового времени (*Павлинская*, 1988. С. 81). Именно в Нижнем Приангарье найдены аналогичные Черемзе 1 железные цепочки с витыми звеньями, как с длинными, так и с короткими (*Леонтьев*, *Дроздов*, 1996. С. 76, рис. 2). В этом регионе, судя по многочисленным случайным находкам, железные цепочки используются не только как декоративные элементы культовых изделий, но и как особые местные дополнения к общеупотребительным на юге Сибири типам поясной гарнитуры и конской упряжи.

Наиболее ранние цепные подвесы из железных витых звеньев известны в памятниках Тувы и Алтая первой половины I тыс. (Памятники..., 2010. С. 34, 44, 60; *Тишкин и др.*, 2018. С. 64). Однако по ряду признаков они отличаются от изделий Приангарья. Более того, цепочки приангарской кузнечной традиции, с учетом хронологического разрыва со своими южно-сибирскими аналогами, могут иметь самостоятельную линию развития. В пользу этого свидетельствует и факт, что в таежных комплексах Западной Сибири VI–VII вв. цепные подвесы южно-сибирских типов (*Беликова*, *Плетнева*, 1983. Рис. 11, 4; 53, 7) известны наряду с приангарскими (*Чиндина*, 1977. Рис. 3, 30; 19, 10). Самая западная находка цепочек приангарского типа известна в Омском Прииртышье. При этом она сочеталась с бронзовой накладкой с тремя головами медведей на торце и с валиковой керамикой (*Тихонов*, 1995. Рис. 1). Вне ареала валиковой керамики цепочки приангарского типа в большом количестве встречены только в памятниках верхнеобской культурной общности Новосибирского Приобья (*Троицкая*, *Новиков*, 1988. Рис. 23, 1, 4, 7, 8). Оттуда же происходят и другие аналогии инвентарю из раннесредневековых комплексов Правобережья Енисея, в том числе и бронзы с архаичным петлито-зерневым орнаментом (*Ширин*, 2015. С. 104).

Среди железных изделий в раннесредневековых комплексах Среднего Енисея встретилась и конструкция (*Мандрыка*, *Макаров*, 1994. Рис. 3, 31), представленная в Черемзе 1 двумя находками (рис. 7, 5, 6). Вероятно, это своеобразная бутероль для ножен ножа. Важно подчеркнуть, что изделие из Красноярской лесостепи также было связано с кремационным комплексом, в котором есть фрагмент бронзовой накладки (*Мандрыка*, *Макаров*, 1994. Рис. 3, 18), аналогичной двум изделиям из Черемзы 1 (рис. 4, 1, 2).

Появление в Притомье в раннем Средневековье нового населения из ареала лесостепных и южнотаежных культур Среднего Енисея обычно описывается как единичный труднообъяснимый миграционный феномен. В таком случае остается неясна природа социальной активности там, где практически всегда по археологическому материалу «ощущается» некая историко-культурная граница. Она достаточно проницаема для межкультурных контактов, но не более. Миграция енисейского населения на запад представляла собой смещение культурных ареалов, что могло произойти лишь в условиях разрушения такой границы, чего ранее не наблюдалось. Вместе с тем пока мало обращается внимание на то, что и культурные стереотипы верхнеобской общности в равной степени проникают на восток по лесостепной зоне, вплоть до Правобережья Енисея.

Вероятно, оба этих явления — следствие некоего более сложного процесса, который породил условия формирования вышеупомянутых сходных комплексов от Зауралья до Енисея. Как правило, исследователи, анализируя эти трансформации, происходящие на фоне проникновения степных воинских комплексов в южно-таежные культуры, ограничиваются дежурными отсылками к малопродуктивным теориям многоэтапной тюркизации. Пожалуй, только А. С. Васютин предложил подойти к этому немного иначе (*Васютин*, 1997. С. 19–20). Но высказанная им гипотеза о значительной роли в культурогенезе Верхнего Приобья южных угров достаточно спорна. В дальнейшем эта концепция была несколько смягчена рассуждениями о подчиненности местного культурогенеза этапам взаимодействия с кочевым тюркским миром (*Васютин и др.*, 2008). К сожалению, эта проблематика остается слабо разработанной.

Можно предположить, что присутствие странных комплексов в ареале верхнеобской общности — результат взаимодействия отдельных, наиболее успешных региональных социально-территориальных групп, которые стали проявлять активность вследствие глобальных перемен в степях Азии, приведших к разрушению традиционных систем социально-территориальных отношений. В этих условиях могли возродиться отдельные местные культурные образцы, которые зачастую остаются малозаметными по сравнению с массовыми подражаниями престижным комплексам, характерным для социальной верхушки.

Литература

- Беликова, Плетнева, 1983 — Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья. Томск: Изд-во ТомГУ, 1983. 244 с.
- Бобров, 2002 — Бобров В. В. Атрибуты шаманского костюма изклада у села Лебеди (Кузнецкая котловина) // Клады: состав, хронология, интерпретация: Мат-лы тематич. науч. конф. СПб., 26–29 ноября 2002 г. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 206–212.
- Васютин, 1997 — Васютин А. С. Особенности культурогенеза в истории раннего средневековья Кузнецкой котловины (V–IX вв.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины / Отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. С. 5–35.
- Васютин и др., 2008 — Васютин С. А., Васютин А. С., Онищенко С. С. Характер взаимодействия кочевого и оседлого населения на юге Западной Сибири в период раннего средневековья // Тр. II (XVIII) ВАС в Суздале 2008 г. / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: Изд-во ИА РАН, 2008. Т. II. С. 197–199.
- Генинг, Зданович, 1987 — Генинг В. Ф., Зданович С. Я. Лихачевский могильник на р. Ишим — памятник потчевашской культуры VI–VIII вв. н. э. // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 1987. С. 119–133.
- Грушин и др., 2020 — Грушин С. П., Фрибус А. В., Тишкин А. А., Сайберт В. О. Комплексный анализ раннесредневековых наборных поясов из могильника Чумыш-Перекал (Верхнее Приобье) // Вестник ТомГУ. История. 2020. № 67. С. 128–136.
- Леонтьев, Дроздов, 1996 — Леонтьев В. П., Дроздов Н. И. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Археология и этнография. 1996. № 3. С. 39–46.
- Мандрыка, Макаров, 1994 — Мандрыка П. В., Макаров Н. П. Погребения с трупосожжениями в окрестностях Красноярска (к вопросу о выделении памятников нового культурного типа) // Этнокультурные процессы в южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н. э. / Под ред.: А. И. Мартынова и др. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. С. 68–84.
- Мастыкова и др., 2016 — Мастыкова А. В., Казанский М. М., Сапрыкина И. А. Пашковский могильник № 1: В 2 т. Т. 2: Исследование материалов Пашковского могильника № 1 / Отв. ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2016. 372 с.
- Могильников, Конииков, 1983 — Могильников В. А., Конииков Б. А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье // СА. 1983. № 2. С. 162–182.
- Ожередов, 2011 — Ожередов Ю. И. Археологические коллекции с территории Среднего Притомья в собраниях музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета // Музей и наука: к 35-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ: Мат-лы междунар. науч. конф. / Сост. и техн. ред.: Л. Ю. Боброва и др. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. С. 76–81.
- Павлинская, 1988 — Павлинская Л. Р. Некоторые вопросы техники и технологии художественной обработки металлов // Материальная и духовная культура народов Сибири / Отв. ред. Ч. М. Таксами. Л.: Наука, 1988. С. 71–85. (Сб. МАЭ; Т. XLII).
- Памятники..., 2010 — Памятники кокзельской культуры Тувы: материалы и исследования. Кол. монография / Редкол.: Д. Г. Савинов и др. СПб.: ЭлекСис, 2010. 252 с.
- Постнов и др., 2019 — Постнов А. В., Ширин Ю. В., Басова Н. В. Результаты археологического обследования поселения Черемза-1 в Новокузнецком районе Кемеровской области в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXV. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 795–799.
- Савинов, 2000 — Савинов Д. Г. Кудыргинский предметный комплекс на Северном Алтае (по материалам Осинкинского могильника) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии / Отв. ред.: В. И. Молодин, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 170–177.
- Савинов, 2013 — Савинов Д. Г. О «скрытой» стороне южносибирской археологии // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. С. 42–46.
- Семакова, 2020 — Семакова Н. А. Опыт классификации художественного культового литья из памятника Верхний Сузун-10 // Междисциплинарные археологические исследования древних культур Енисейской Сибири и сопредельных территорий: Тезисы Междунар. конф. / Отв. ред. П. В. Мандрыка. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2020. С. 13.
- Тихонов, 1995 — Тихонов С. С. Возможные миграции с бассейна Оби на Тару // Средневековые древности Западной Сибири / Под ред. В. И. Матющенко. Омск: ОмГУ, 1995. С. 16–23.
- Тишкин и др., 2018 — Тишкин А. А., Матренин С. С., Шмидт А. В. Алтай в сянбийско-жужанское время (по материалам памятника Стёпушка). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. 368 с.
- Троицкая, Новиков, 1998 — Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- Чиндина, 1977 — Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: Изд-во ТомГУ, 1977. 192 с.
- Ширин, 2014 — Ширин Ю. В. О компонентах культурогенеза на раннем этапе верхнеобской культуры // Тр. IV (XX) ВАС в Казани / Отв. ред.: А. Г. Ситдииков и др. Казань: Отечество, 2014. Т. II. С. 449–452.
- Ширин, 2015 — Ширин Ю. В. Пряжка из склепа Шестаковского кургана // Сборник материалов IV межрегион. краеведческих чтений, посвящ. Леониду Романовичу Кызласову / Отв. ред. Н. В. Танбаева. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2015. С. 102–106.
- Ширин, 2019 — Ширин Ю. В. Поселение Черемза 1 // Из кузнецкой старины / Ред. Ю. В. Ширин. Новокузнецк: Лотус-Пресс, 2019. Вып. 8. С. 4–16.
- Fribus et al., 2019 — Fribus A. V., Grushin S. P., Onishenko S. S., Vasutin S. A. Horses from atypical Turkic period burials in southwest Siberia // International Journal of Osteoarchaeology. 2019. Vol. 29 (5). P. 860–867.

Cheremza 1 – a remarkable complex in the area of the Upper-Ob cultural unity

Yu. V. Shirin

This paper presents a complex of the 7th century revealed in the south of the Kuznetsk Hollow. It combines bronze belt fittings in the West-Siberian and heraldic styles, as well as objects bearing signs of the Yenisey-Angara smithery tradition. The possibility is suggested that these finds are related with some post-funerary rite. Complexes close in their composition are known in the south of Western Siberia at sites of different cultures throughout the area from

the Tobol River to as far as the Yenisey. This fact induces us to raise the problem of the formation of conditions for the appearance of such phenomena. Among the consequences of these processes there can have been a displacement of the habitat of the culture of the population of the forest zone of the Middle Yenisey westward to the Tom region, as has found its reflection in the composition of the complex under consideration.

ВЕЩИ И ОБРАЗЫ

Черная металлургия в Древнем Китае

Р. С. Минасян¹

АННОТАЦИЯ. В статье говорится об истории производства чугуна и железа в Древнем Китае. В древние времена Китай, в отличие от Малой, Передней Азии и Европы, освоил черную металлургию не с производства железа, а с литья чугуна.

ANNOTATION. This article talks about the history of the production of cast iron and iron in ancient China. In ancient times, China, in contrast to Asia Minor and Europe, mastered ferrous metallurgy, not from production of forging iron, but from cast iron casting.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Древний Китай, черная металлургия, чугунное литье, чугунные орудия, бронзовое оружие, методы производства железа и стали, кованые железные предметы, доменное производство чугуна, литье монументов.

KEYWORDS: Ancient China, ferrous metallurgy, iron casting, cast iron tools, bronze weapon, methods of steel and iron production, wrought iron items, blast-furnace pig iron production, casting of monuments.

Литое бронзовое оружие в Китае появилось в период Шан-Инь. Мечи с литыми рукоятками и ножны украшали переплетающимися узорами — «сплетениями драконов» и изображениями животных, преимущественно тигров. Защитное вооружение китайцы делали из твердой кожи носорогов. Когда носорогов и слонов в Китае истребили, панцири стали делать из бычьей кожи. Так продолжалось вплоть до последних трех или двух веков I тыс. до н. э.

В Малой и Передней Азии, в Греции, на Кавказе и в степях Причерноморья в X–VII вв. до н. э. уже пользовались железным оружием. А пешие воины и всадники в Ассирии, Урарту и кочевники в Причерноморье преимущественно носили тяжелый железный пластинчатый доспех.

В период «Весны и осени» (Чуньцю, 722–481/479 гг. до н. э.) в Китае существовало пять крупных государств, армии которых насчитывали до 10000 тысяч пехотинцев и до 1000 колесниц. В это время за счет выплавки качественной бронзы изготавливалось совершенное бронзовое оружие. Сведения о вооружении китайских войск есть в трудах Конфуция, в военных трактатах У-цзы, Сунь-цзы. Этой

теме посвящены научные работы ряда отечественных исследователей (Горелик, 1993; Комиссаров, 1988).

Л. С. Васильев со ссылкой на 328 страницу 62 главы трактата Мо-цзы, жившего в 479–400 гг. до н. э., говорит о существовании в китайских железодельных мастерских горнов с четырьмя кузнечными мехами (Васильев, 2019. С. 126–127). В отечественных публикациях трактатов Мо-цзы таких упоминаний нет («Мо-цзы», 1972; Поздние..., 1973). Кузнецам не нужны горны с таким количеством мехов — они предназначены для плавки металла. Но в начале периода Чжаньго (V в. – 221 г. до н. э.) в Китае выплавляли не железо и сталь, как обычно считают, а чугун.

В трактате Мэн-цзы (372–289 гг. до н. э.) говорится о разделении людей умственного труда и рабочих: когда земледельцы меняют зерно на орудия и утварь гончаров и литейщиков, а гончары и кузнецы меняют свою продукцию на зерно, — это никому не приносит ущерба («Мэн-цзы», 1972. С. 237). Здесь упоминается о том, что орудия для земледельцев отливали литейщики. По моему мнению, кузнецы упомянуты здесь потому, что переводчик считал (как и многие), что все древние китайские изделия из черного металла, в том числе земледельческие орудия, были сделаны из железа, а они отливались из чугуна.

Считается, что китайцы стали лить чугун в IV в. до н. э., на 18 веков раньше европейцев (Еремеев,

¹ 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Адрес электронной почты: minasyan1940@yandex.ru.

Кобзев, 2009. С. 375; Карабасов и др., 2011. С. 54). Возможно, это произошло раньше: в VI в. до н. э. население Китая в отдельных случаях в качестве податей должно было поставлять «железо» (чугун).

Особый интерес представляют такие сельскохозяйственные изделия, как втульчатые мотыги, лопаты, серпы, косы. В работах 1950-х гг. (может быть, и в более ранних) опубликованы фотографии китайских земледельческих орудий V–I вв. до н. э., якобы железных (Всемирная..., 1956. С. 454–455, 492). Однако конструкция орудий, литейные швы и, что особенно важно, тонкие рельефные иероглифы на них свидетельствуют о том, что эти вещи литые. Такого вида и качества поверхности на изделиях из черного металла нельзя достичь ковкой, но только литьем, причем не железа или стали, а чугуна. Только чугун обладает такими высокими литейными характеристиками.

Известны глиняные и чугунные формы для отливки таких изделий. В провинциях Хэнань, Шандунь, Шэнси и Цзяньсу были найдены мастерские с печами и сотнями литейных форм, предназначенных для отливки из бронзы и чугуна топоров, деталей повозок, оружия, монет и др., датируемые периодом Сражающихся царств, Чжаньго (Хуа Цзюемин, 1993; Линдафф, 2005).

Для выплавки чугуна использовали железную руду, богатую фосфором, в печах с применением каменного угля и дутья. Такая руда снижает температуру плавления чугуна до 950 градусов, что ниже, нежели требуется для выплавки меди, освоённой в Китае задолго до чугуна. Уже в эпоху Шан китайские мастера лили тяжелые бронзовые сосуды, так что производственные возможности для изготовления чугунных изделий здесь имелись. Ковкий чугун получают из термически обработанного белого чугуна, в результате чего происходит графитизация — углерод принимает форму пластинчатого графита. Графит придает ковкому чугуну высокую прочность и пластичность. С освоением способа литья черного металла и получения ковкого чугуна бронзовые изделия постепенно стали вытесняться чугунными, а в дальнейшем — коваными стальными.

Преимуществом чугунного литья является быстрое получение массовой продукции, а недостатком то, что чугунные изделия, в отличие от бронзовых и стальных, не выдерживают большие динамические нагрузки. Поэтому в Китае очень долго отливали оружие из бронзы, тогда как в дру-

гих регионах Европы и Азии уже давно пользовались кованым стальным оружием.

Есть утверждение, что железо (*те*) стали производить в Китае уже на рубеже эпох Шан-Инь и Чжоу, но истинный железный век начался в VIII–VI вв. до н. э. (Еремеев, 2009. С. 285, 302; Еремеев, Кобзев, 2009. С. 375). Здесь имеет место часто повторяемая ошибка — именование чугуна железом. Из-за этой ошибки древняя китайская металлургия представляется в искаженном виде — чрезмерно удревлен начальный этап производства железных и стальных изделий из искусственно выработанного железа. А когда стали производить именно железо, в каком масштабе, и какие вещи из него стали делать в первую очередь, когда появилась сталь — это вопросы, от решения которых зависит понимание того, как осуществлялось производство черного металла в Древнем Китае.

В реконструированной в ханьское время «Истории царств У и Юэ» изложена биография Хэ Люя. Среди даров из Ляньчжоу (Сычуань) упоминается простое и твердое железо. На основании этих сведений считают, что в царстве У, уничтоженном царством Юэ в 478 г. до н. э., уже делали хорошие железные мечи, выкованные из литой железной болванки, закаленные в воде (Сыма Цянь, 1987. С. 38; Васильев, 2019. С. 126). Поскольку обычное (малоуглеродистое) железо не закаливается, закономерно твердое железо «лоу» определили как сталь, пригодную для гравировальных работ. Таким образом, утверждается, что в Восточном Чжоу на рубеже Чуньцю–Чжаньго уже выплавляли сталь и применяли высокие технологии производства железа (Фань, 1958. С. 216; Temple, 1986. Р. 68).

Однако весьма сомнительно, что источник ханьского времени в этом случае точен в изложении событий давних времен (Васильев, 2019. С. 126). Возражения по этому поводу действительно имеют основание. В трактатах древнекитайских философов часто упоминается оружие, но нигде не говорится, из какого металла оно сделано. Во всяком случае, железо там не фигурирует. Например, Сюнь-цзы (313–238 гг. до н. э.) говорит о том, что тупой кусок металла становится острым послековки и заточки (Сюнь-цзы, 1973. С. 200). Это выражение, конечно, имеет отношение к режущим орудиям и оружию, но в процессе деформации металл твердеет, и такое качество приобретает любой металл, поддающийся ковке. Примечательно, что в трактатах, написанных в период Чжаньго, упоминается только бронзовое оружие. Если бы

железное оружие в это время в Китае производилось, такое событие обязательно нашло бы отражение в письменных источниках.

О массовом использовании железа в период Чжаньго якобы говорится в 72 главе «Хай-ван» трактата «Гуань-цзы»: «У каждой женщины обязательно имеется игла и нож; каждый земледелец владеет [железными наконечниками для] сошников *лэй* или *сы*, а также серпом; у любого ремесленника есть топор и пила, шило, долото, сверло» (Васильев, 2019. С. 126–127). В переведенном на русский язык сборнике сохранившихся работ китайских ученых из Дворца наук царства Ци (IV в. до н. э.), составленном в I в. до н. э. Лю Сянем под общим названием «Гуань-цзы», таких сведений нет («Гуань-цзы», 1973). Что касается указанных здесь орудий, то сошники и серпы в то время отливали из чугуна, а остальные инструменты были бронзовыми. О железе здесь речь не идет. Способ выплавки из чугуна слитков железа и изготовление ковкой из них оружия и других вещей в Китае изобрели позже.

В книге «Люй-ши чунь цю» («Вёсны и осени господина Люя»), энциклопедическом памятнике Древнего Китая, работа над которым была завершена в 241 г. до н. э. во время правления Цинь Ши-хуанди, изделия из металла упоминаются дважды. «Когда пришло время Тана, небо прежде всего явило меч из воды. Тан сказал: "Торжествует стихия металла". Коль скоро восторжествовала стихия металла, он отдавал предпочтение белому цвету, а в делах подражал металлу» («Люй-ши чунь цю», 1973. С. 300). Возможно, в данном случае в иносказательной форме говорится о стальном мече, закаленном в воде. Но в другом изречении все же говорится о мече бронзовом: «Медь мягкая, олово тоже мягкое, если соединить вместе эти мягкости, получится твердый металл. <...> Один смотрящий на меч сказал: "Белый цвет указывает на твердость меча, а желтый цвет — на его упругость. Когда желтый и белый цвета сочетаются вместе, [это говорит о том, что] меч и тверд, и упруг, значит прекрасный меч". <...> Поэтому и говорят: "Хороший меч проверяется на рубке, и совсем не обязательно, чтобы он был [знаменитым] мечом Мо-е"» (Там же. С. 305–306). Знаменитый меч Мо-е был отлит для правителя Хэ-Люя (514–496 г. до н. э.). Он назван именем жены мастера, которая, по преданию, бросилась в печь, чтобы ускорить плавку и улучшить качество бронзы. Цитируемые здесь изречения взяты из философского произведения, написанного в первой половине III в. до н. э. Они свидетельствуют

о том, что в это время китайские воины еще сражались бронзовыми мечами. При наличии железного оружия незачем было бы вспоминать о достоинствах бронзовых мечей.

В книге «Хань Фэй-цзы», часть глав которой, вероятно, написана учениками автора Хань Фэя (умер в 233 г. до н. э.), есть изречение: «Ведь [если] смотреть [только] голубые и желтые [отблески] то и сам Оу-е не смог бы определить [качество] меча («Хань Фэй-цзы», 1973. С. 279). Мастер Оу-е жил в период Чуньцю. Он отливал только бронзовое оружие. Именно оно здесь и имеется в виду.

Упомянутые здесь документальные свидетельства позволяют заключить, что, по крайней мере, до позднего периода Чжаньго время стального клинкового оружия собственного производства в Китае еще не наступило. Все высказывания о том, что оно появилось раньше, не подтверждаются ни письменными источниками, ни надежно датированным археологическим материалом.

Трактат «Као гун цзи» («Записки об исследовании ремесел»), входящий в шестой раздел конфуцианского канона «Чжоу ли», посвящен теории и практике тридцати ремесленных специальностей. Вероятно, этот трактат, написанный в начале периода Чжаньго в царстве Ци, был утерян и реставрировался в эпоху династии Хань при императоре Вань-ди (179–157 гг. до н. э.). Во втором разделе трактата, о металлургах, рассматривается изготовление стилетов, лезвий клевцов, алебард, мечей, колоколов, гирь. Там есть сведения о пропорциях сплавов меди с оловом, предназначенных для отливки шести видов изделий: колоколов и триподов (*чжун дин*), секир и топоров (*фу цзинь*), клевцов и трезубцев (*зэ цзы*), больших клинков (*да жень*), маленьких охотничьих стрел (*сяоша ши*), зеркал и рефлекторов (*цзань суй*) (Кобзев, Дмитриев, 2009. С. 712–713; Васильев, 2019. С. 127). На основании этого документа можно безоговорочно утверждать, что в период Чжаньго в Китае еще пользовались бронзовым, а не железным оружием. Например, бронзовые алебарды *зэ* только в начале эпохи династии Хань стали постепенно заменять железными копьями и алебардами *цзи*.

Сюнь-цзы, характеризуя военную мощь княжества Чу, объединившего в конце периода Чжаньго большую часть южного Китая, писал: «Чусцы одеты в акулью кожу, делают доспехи из шкуры носорога, которая тверда, как металл или камень, ловко работают огромными железными секирами, <...> воины подобны урагану». Учение Сюнь-цзы (313–238 гг. до н. э.) охватывает важнейшие области

философии и идеологии китайского общества конца эпохи Чжаньго (Сюнь-цзы, 1973). В 2002 г. были произведены раскопки близ Цзюляньдуна (пров. Хэбэй). В могилах, относящихся к позднему этапу периода Чжаньго, найдено много бронзовых вещей. В могиле № 1 найдено большое количество бронзовой посуды, музыкальные инструменты, украшения, погребальная утварь и бронзовое оружие для 28 человек: клевцы, копья, пики, алебарды, мечи, щиты, панцири, шлемы (Фан, 2014).

В середине III в. до н. э. из пяти существовавших в Китае царств сильнейшим стало царство Цинь. Правитель Ин Чжэн (246–210 гг. до н. э.), он же впоследствии император Цинь Шихуанди, был человеком железной воли, чем он и прославился. После поражения последнего независимого чжоуского царства Ци и объединения Китая в 221 г. до н. э. в единое государство Цинь Шихуанди велел перелить захваченное у побежденных бронзовое оружие и отлить из него статую. Воины многотысячной terra-cotta армии императора Цинь Шихуанди, «захороненные» в его гробнице, вооружены бронзовыми мечами и алебардами. Пики и стрелы имеют бронзовые наконечники, на арбалетах бронзовые спусковые механизмы. Оружие прекрасно сохранилось. В 2003 г. в 500 м от гробницы было раскопано 121 погребение. Здесь были захоронены мужчины. Судя по их крепкому телосложению, они занимались тяжелым физическим трудом. В могилах находились глиняная посуда, железные орудия и орудия пыток. Есть версия, что так были захоронены строители гробницы. Как бы то ни было, нужно иметь в виду, что при раскопках этого колоссального комплекса, сооруженного в конце III в. до н. э., железное оружие не найдено (Комиссаров, 2011).

В период династии Хань, во времена правления Вэнь-ди, простым людям была дана возможность лить медную монету, выплавлять «железо» и варить соль. Когда этими делами стало заниматься много производителей, неизбежно возникли злоупотребления, появилась некачественная или фальшивая продукция, отчего страдало население и наносился ущерб государству. В древнекитайском трактате «Янь те лунь», написанном в Западной Хань (II–I вв. до н. э.), в дискуссионной форме обсуждался вопрос о необходимости введения государственной монополии на разработку рудников, выплавку меди и монет, добычу соли и железа, изготовление сельскохозяйственных орудий. Было решено, что утварь и орудия из железа, оружие — вещи, которые больше всего использовались в Под-

небесной, — не должны изготавливаться толпами простолюдинов. Такая деятельность приводит к тому, что в мастерских изготавливаются нестандартные, некачественные или фальшивые изделия, тупые и ломкие, непригодные для земледелия и сенокоса. Когда же существует монополия на изготовление основополагающих средств производства в государственных мастерских, в которых работают обученные призывники, каторжники и ремесленники, когда наставления чиновников по отливке орудий ясны, а работники хорошо выполняют свое дело, изделия не имеют изъянов, железо закаляют после плавки и ему придают нужную твердость (Хуань Куань, 2001а. С. 152; 2001б. С. 112–113).

Император У-ди провел несколько крупных государственных реформ. Вся земля была объявлена государственной. На ней создавались крестьянские поселения, куда свозились десятки тысяч рабочих. Для обработки земли требовалось огромное количество сельскохозяйственных орудий. В 199 или 197 г. до н. э. была объявлена монополия на добычу соли, металла и на производство хорошо закаленных сельскохозяйственных орудий. Также была произведена унификация монет. «Тех, кто осмелится частным образом отливать утварь и орудия из железа и варить соль, [надлежит] заковать в ножные железа левую ногу...» (кованые железные кандалы найдены на памятниках первой — второй трети III до н. э., поздний период Чжаньго) (Бай, 2005. Р. 110–111). А в округах, которые не поставляют железо, рекомендовалось создавать казенные учреждения для литья (т. е. переплавки) старого металла (Хуань Куань, 2001а. С. 7–8). Следует понимать, что здесь речь идет не о литье железа (это техническая ошибка), а о литье чугуна с последующей термической обработкой и о переплавке поломанных чугунных вещей. Переплавлять железный лом, для чего требуется очень высокая температура, еще долго не могли. Ханьские земледельческие орудия, считавшиеся железными, на самом деле являются чугунными литыми предметами. Найдены и формы для отливки таких предметов (Всемирная..., 1956. С. 480, 504; Бай, 2005. Р. 68–81, 165, 187, 189, 192–195, 198–199, 247–254, 275, 331–332).

Судя по находкам железных деталей кандалов, железо в Китае стали обрабатывать ковкой только в конце III в. до н. э. Длинные кованые железные мечи появились на юге долины Янцзы, скорее всего, в начале периода Хань (Всемирная..., 1956. С. 504; Li et al., 2007. С. 80–81; Бай, 2005. Р. 83, 213–219). И только в эпоху Хань в Китае кожаные доспехи

заменили пластинчатыми железными панцирями (Горелик, 1993. С. 267) Появилось железное оружие, появилось железное защитное вооружение. В Корею такое оружие попало уже из Китая.

Китайские бронзовые литые мечи имеют фигурные рукояти, некоторые со скульптурными деталями. В этих предметах клинок с рукоятью — монолитный. Образец, с помощью которого отливался такой меч, формировался с участием воскового моделирования, поэтому мастер имел возможность украшать рукояти, следуя своему замыслу. Ситуация изменилась при изготовлении железных мечей и кинжалов. По форме китайские железные мечи кардинально отличаются от литых бронзовых (Всемирная..., 1955. С. 613; Всемирная..., 1956. С. 466, 504). Мечи, обнаруженные в погребениях конца I тыс. до н. э., представляют собой узкое длинное прямое полотно с черенком для рукояти длиной 1,2–1,4 м. Ковкой, в отличие от литья, скульптурный декор на рукоятях уже не сделаешь. Именно по этой причине рукояти на ранних китайских железных мечах и кинжалах, впрочем, как и везде, отливали из бронзы (Вай, 2005. Р. 87). А когда перекрестия и навершия на рукоятях стали делать из железа, исчезла необходимость отливать сложные дорогостоящие литые детали. Судя по публикациям, количество откованных железных вещей в Китае возрастает к концу I тыс. до н. э., а количество литых рудий и оружия сокращается.

Методы изготовления железа в Древнем Китае

В научных работах упоминается несколько способов, применявшихся при изготовлении железа. К сожалению, ссылки на источники, откуда взяты эти сведения, в большинстве случаев авторами не указаны и изучить сами источники пока не представилось возможным. Древнейший способ получения железа реконструируют следующим образом. Первоначально железо получали сыродутным способом в печах, в виде криц, из которых ковкой изготавливали вещи (Еремеев, 2009. С. 285, 305). Свидетельств, подтверждающих применение такого метода, в источниках не найдено. Если бы в Китае получали кричное железо столь рано, то там бы появилось кованое железное оружие.

Метод 1. Литое железо называлось «сырым железом». Скорее всего, так называли чугуны. Мягкое железо, очищенное от значительной части примеси углерода, потерявшее «все жизненные соки», считалось «зрелым» железом. Сталь — «сильное

железо» — стали производить во II в. до н. э. Ее получали путем обдувания расплавленного «сырого» железа воздухом, в процессе чего окислялся углерод. Якобы этот метод, называемый «сотня очисток», упоминается в «Хуайнань-цзы» (Ч. I) (Temple, 1986. Р. 49–50; Еремеев, Кобзев, 2009. С. 375). Отсюда следует, что «сырое железо» является чугуном. Название метода «сотня очисток» — дословный перевод с китайского языка. В китайской литературе часто оперируют только числами: 1, 10, 100, 1000, 10000, 100000. Китайцы так обозначали время или количество чего-либо, например, 1000 колесниц, 10000 лет и др., однако не следует воспринимать эти цифры буквально. Это традиционные условные выражения.

«Хуайнань-цзы» («Философы из Хуайнани») — одно из крупнейших художественных и философских произведений, написанном при дворе хуайнаньского вана, князя Лю Аня (179–122 гг. до н. э.). Перевод книги на русский язык осуществлен с китайского издания (Чжуцзы цзичен, 1956). В книге есть примечания и указатели, в которых упоминаются персонажи мифов и легенд, имена исторических лиц, географические и астрономические названия, природные явления, музыкальные термины, меры и измерительные инструменты. Здесь есть многочисленные экскурсы в историю «золотого века» Поднебесной, в эпоху правления мудрых правителей. Все примечания указаны в алфавитном порядке. Но в этой книге не упоминаются ни железо, ни метод «сотня очисток».

Метод 2. В эпоху династии Хань изобрели способ получения железа следующим образом: стопку тонких чугунных пластинок долго проковывали. В сравнении с предыдущим способом таким образом получали более твердое железо. Источник, в котором бы упоминался этот метод, мне не известен.

Метод 3. Железную поковку обкладывали углем и помещали в печь. После многократно повторенной процедуры вес исходного железа уменьшался вдвое и получалась твердая сталь. Китайцы верили, что человек может вызывать процессы более быстрые, нежели происходящие в природе, подтверждением чего служили наблюдения ремесленников, которые могли извлекать металлы из руды и производить сталь из чугуна. В III в. н. э. стали сваривать вместе разные сорта стали (Еремеев, 2009. С. 285, 288; Еремеев, Кобзев, 2009. С. 359, 375). Нужно отметить, что мне не удалось ни выяснить точное время изобретения этих способов получения железа (стали), ни определить, какие из них действительно

но применялись в древности, а какие изобретены реконструкторами.

Понять некоторые способы получения железа в Китае, очевидно, можно, сравнивая их с достижениями индийских металлургов. В Индии железоделательное производство появилось раньше. В результате раскопок поселений в долине Среднего Ганга в штате Утар-Прадеш найдены предметы из черного металла. Самые ранние свидетельства о «выплавке» орудий датированы 1300–1000 гг. до н. э. (возможно, XVI в. до н. э.). Возраст находок установлен на основании трех групп калиброванных дат (Tewari, 2003. Р. 536–544). В эпоху Хань при императоре У-ди был открыт Шелковый путь на запад и на юг в Индию. Не исключено, что какие-то методы изготовления железа китайцы заимствовали у индийцев. Этот вопрос требует специального рассмотрения.

Отливать из железа вещи в древности не могли. Их делали только кузнечным способом. Когда и какими способами получали в Китае железо, необходимо установить точно. Знать это важно не только для изучения истории китайской металлургии. Более совершенное китайское производство и их изделия, особенно оружие, не могли не оказывать влияние на военную культуру кочевых племен Центральной Азии и Западной Сибири (вероятно, впрочем, и обратное влияние: так, конницу, возможно, длинные железные мечи с кольцевым навершием и железные панцири китайцы заимствовали у кочевников).

Из железа (стали) изготавливали оружие, инструменты, но земледельческие орудия: лемеха, серпы, косы, мотыги, лопаты и многие другие массовые вещи — отливали из чугуна. В позднее время из чугуна лили котлы, монеты, скульптуру и монументальные сооружения. Следовательно, если железо в Китае стали получать из чугуна только в последних веках до н. э., значит, все более ранние китайские изделия из черного металла, которые по-прежнему считают железными, являются чугунными.

Археологические источники

В 1953 г. при раскопках в уезде Синлун в провинции Хэбэй найдены чугунные формы III в. до н. э., предназначенные для литья чугунных изделий. Такие формы, ошибочно названные железными, представлены на экспозиции в Шанхайском музее. В весьма основательной монографии, посвященной истории железного производства в Ки-

тае и охватывающей период с начала I тыс. до н. э. до III в. н. э., приведено много таблиц с рисунками вещей, но она написана на китайском языке, что, к сожалению, сильно затрудняет ее использование. Только по форме и конструкции изделий, рисунки которых опубликованы в этой работе, я могу предположить, какие из вещей являются отливками, а какие — кованные (Bai, 2005).

В этой монографии анализируются археологические находки «железных» предметов из 39 памятников. Китайскими учеными установлено, что на северо-западе Китая плавка и изготовление железных (чугунных. — Р. М.) предметов начались в Шаньдунских горах в X в. до н. э. На Великой равнине и на северо-востоке Китая это производство освоили в VIII в. до н. э. (Bai, 2005. Р. 411–414). Даже если эти датировки несколько занижены, нужно иметь в виду, что здесь речь идет о самых ранних изделиях из черного металла, сделанных не ковкой, а литьем. В эпоху бронзы и на ранней стадии железного века литейная техника в Китае была более востребована, нежели другие виды металлообработки. Китай начал железный век не с производства сыродутного железа иковки из него изделий, как в других странах Древнего мира, а с литья чугуна.

Доменное производство

Очевидно, в VI в. н. э. китайские металлурги перешли к доменному производству не «литьевого железа», а чугуна. Это позволило получать много металла и отливать большие монументальные памятники. Согласно описанию из несохранившегося источника эпохи Тан, в правление императрицы У Цзэтянь (в 695 г.) была отлита восьмигранная колонна высотой 32 м с огненной сферой на вершине, стоявшая на трехметровом постаменте, с четырьмя бронзовыми драконами на ней. На строительство такого грандиозного монумента пошло 2000000 цзиней «железа» (1194 т). В 967 г. была построена «железная» пагода в Кайфэне (пров. Хэнань) высотой 56 м. В Даньяне (пров. Хэбэй) в 1061 г. построена пагода высотой 13 м. В Лонине (пров. Шаньдун) в 1105 г. возведена пагода из «литьевого железа» (Еремеев, 2009. С. 306–307; Еремеев, Кобзев, 2009. С. 375). В городе Чанъане — древней столице Китая — стоит «железная» пагода, отлитая в X–XI вв. В 974 г. н. э. в Цзань-Чжоу была отлита чугунная статуя льва высотой более 6 м и длиной 5,5 м.

В Корее при раскопках в Ванчжу была найдена полая литая статуя Будды X в. высотой 94 см. Согласно описанию, она якобы железная. У этой ста-

ту отколоты кисти рук. Судя по характеру сколов и фактуре литейной поверхности, так мог сломаться только хрупкий металл — чугу́н (Минасян, 2014. С. 92–93). Другая статуя сидящего Будды из Ванчжу (высотой 106 см, со сцепленными кистями рук), описанная как железная (National Museum..., 2017. P. 107), несомненно, также является чугу́нной.

Подводя итог обзора китайского железодельного производства, можно констатировать следующее. Исследователи и переводчики с китайского языка на другие языки, плохо ориентируясь в технических вопросах, вероятно, не различают разные сорта черных металлов, получаемых разными способами и в разное время. Поэтому они нередко допускают терминологические ошибки. Другая проблема заключается в том, что исследователи часто оперируют сведениями из древних письменных источников, имеющих весьма относительную датировку, при этом они ориентируются на современные производственные технологии

и реконструкции древних способов получения металла, но часто не указывают источники своих знаний. Это сильно затрудняет проверку обоснованности заключений, высказываемых исследователями по существу дела.

В русском языке название *чугун* заимствовано из тюркских языков. Но тюрки, в свою очередь, могли заимствовать этот термин от китайцев. Интересно было бы выяснить, прослеживается ли в древнем китайском языке иерархическая дифференциация и хронологическая последовательность понятий: «литой чугу́н», «железо кованое», «железо литое» и «сталь». Этот вопрос автор адресует лингвистам. Необходимо также определить, соответствует ли качество древнего китайского чугу́на, выплавляемого при низкой температуре, эталонам современного литья. Это нужно знать, чтобы определить источник металла в литых чугу́нных изделиях сакского времени, найденных на территории Сибири и Казахстана. Этот вопрос следует адресовать аналитикам древнего металла.

Литература

- Васильев, 2019 — Васильев Л. С. Древний Китай. М.: КДУ, 2019. Т. 1. 384 с.
- Всемирная..., 1955 — Всемирная история: В 10 т. / Гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1. 746 с.
- Всемирная..., 1956 — Всемирная история: В 10 т. / Гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 2. 899 с.
- Горелик, 1993 — Горелик М. В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). М.: Восточная литература, 1993. 352 с.
- «Гуань-цзы», 1973 — «Гуань-цзы» / Пер. с кит.: С. Кучера, Ян Хин-шун // Древнекитайская философия. Собрание текстов: в 2 т. М.: Мысль, 1973. Т. 2. С. 14–58. (Философское наследие).
- Еремеев, 2009 — Еремеев В. Е. Инженерная мысль. Техника. Строительство // Духовная культура Китая. Энциклопедия: в 5 т. / Глав. ред. М. Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2009. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. С. 276–320.
- Еремеев, Кобзев, 2009 — Еремеев В. Е., Кобзев А. И. Науки о превращении веществ. Химия // Духовная культура Китая. Энциклопедия: в 5 т. / Глав. ред. М. Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2009. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. С. 348–387.
- Карабасов и др., 2011 — Карабасов Ю. С., Черноусов П. И., Коротченко Н. А., Голубев О. В. Китайская сыродутная металлургия // Металлургия и время: Энциклопедия: в 4 т. М.: Изд. дом МИСиС, 2011. Т. 1. Основы профессии. Древний мир и раннее средневековье. С. 54–55.
- Кобзев, Дмитриев, 2009 — Кобзев А. И., Дмитриев С. В. «Као гун цзи» // Духовная культура Китая. Энциклопедия: в 5 т. / Глав. ред. М. Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2009. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. С. 706–713.
- Комиссаров, 1988 — Комиссаров С. А. Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука, 1988. 120 с.
- Комиссаров, 2011 — Комиссаров С. А. Новый сезон раскопок терракотовой армии Цинь Шихуанди // ХЛ науч. конф. «Общество и государство в Китае» / Сост. С. И. Блюмхен. М.: ИВ РАН, 2011. С. 60–63.
- Линдаффт, 2005 — Линдаффт К. М. Как далеко на восток распространялась евразийская металлургическая традиция? // РА. 2005. № 4. С. 25–35.
- «Люй-ши чунь цю», 1973 — «Люй-ши чунь цю» / Пер. Р. В. Вяткина // Древнекитайская философия. Собрание текстов: в 2 т. М.: Мысль, 1973. Т. 2. С. 284–310.
- Минасян, 2014 — Минасян Р. С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. 472 с.
- «Мо-цзы», 1972 — «Мо-цзы» / Пер. с китайского М. Л. Титаренко // Древнекитайская философия. Собрание текстов: в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 175–200.
- «Мэн-цзы», 1972 — «Мэн-цзы» / Пер. с китайского Л. И. Думана // Древнекитайская философия. Собрание текстов: в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 225–247.
- Поздние..., 1973 — Поздние моисты / Пер. с китайского М. Л. Титаренко // Древнекитайская философия. Собрание текстов: в 2 т. М.: Мысль, 1976. Т. 2. С. 67–98.
- Сыма Цянь, 1987 — Сыма Цянь. Исторические записки (Ши Цзи): в 8 т. / Пер. с китайского, коммент., предисл. Р. В. Вяткина. М.: Наука, 1987. Т. 5. 365 с.

- Сюнь-цзы, 1973 – Сюнь-цзы / Пер. с китайского В. Ф. Феоктистова // Древнекитайская философия. Собрание текстов: в 2 т. М.: Мысль, 1973. Т. 2. С. 141–210.
- Фан, 2014 – Фан Х. Древнекитайские бронзовые изделия и краткий обзор важных археологических открытий в Хубэе: доциньский период // Общество и государство в Китае / Под ред. А. И. Кобзева. М.: ИВ РАН, 2014. Т. 46. Ч. 2. С. 27–39. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.synologia.ru>. (дата обращения: 02.02.2021).
- Фань, 1958 – Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая. От первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 294 с.
- «Хань Фэй-цзы», 1973 – «Хань Фэй-цзы» / Пер. с китайского Е. П. Сеницына // Древнекитайская философия. Собрание текстов: в 2 т. М.: Мысль, 1973. Т. 2. С. 224–283.
- Хуа Цзюемин, 1983 – Хуа Цзюемин. Производство металлических отливок в Древнем Китае // В мире науки (Scientific American). 1983. № 3. С. 84–91.
- Хуань Куань, 2001a – Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь) / Пер. с китайского, коммент. и приложения Ю. Л. Кроля. М.: Восточная литература, 2001. Т. 1. 407 с.
- Хуань Куань, 2001б – Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь) / Пер. с китайского, коммент. и приложения Ю. Л. Кроля. М.: Восточная литература, 2001. Т. 2. 830 с.
- Чжуцзы цзичен – Чжуцзы цзичен / Пер. Л. Е. Померанцевой, коммент. Гао Ю. Т. 7. Пекин, 1956.
- Bai, 2005 – Bai Y. Archaeological study on iron works before 3rd century A.D. in China. Beijing: Science Press, 2005 (in Chinese).
- Li et al., 2007 – Li Y. D., Leitner-Böchzelt S., Konrad R. Gold und Jade: Sensationsfunde aus chinesischen Herrschergräbern: Ausstellungskatalog. Leoben: Stadtgemeinde, 2007. 221 S.
- National Museum..., 2017 – National Museum of Korea. The permanent exhibition. Seoul: National Museum of Korea, 2017. 360 p.
- Temple, 1986 – Temple R. The genius of China: 3000 years of science, discovery, and invention / With a forward by J. Needham. New York: Simon and Schuster, 1986. 254 p.
- Tewari, 2003 – Tewari R. The origins of iron-working in India: new evidence from the Central Ganga Plain and the Eastern Vindhyas / Antiquity. 2003. Vol. 77 (297). P. 536–545. [Electronic resource]. URL: antiquity.ac.uk/projgall/tewari/tewari.pdf. (дата обращения: 02.02.2021).

Ferrous metallurgy in ancient China

R. S. Minasyan

In this work we are talking about ancient Chinese casting techniques, the appearance of iron and the manufacture of weapons and other items from it by forging. Researchers and translators from Chinese into other languages, being poorly versed in technical issues, obviously do not distinguish between different grades of ferrous metals obtained by different methods and at different times. Therefore, they often make terminological mistakes. Cast iron casting in China was probably developed in the early 1st millennium

BC. Agricultural tools, parts for chariots were cast from cast iron. But the weapons were cast in bronze until the end of the 3rd century BC. Then came the iron forged weapon and the plate iron armor. In China, iron was produced in several ways, but the exact date of the invention of each of them still needs to be determined. In the 6th century AD, Chinese metallurgists proceeded to the blast furnace production of cast iron and began to cast multi-ton monumental structures and statues.

Однообразие форм: кожанно-меховые сумки из курганов Саяно-Алтайского нагорья (VIII–II вв. до н. э.)¹

В. С. Бусова²

АННОТАЦИЯ. Характерная черта кочевого мира — непостоянство — определяет готовность его обитателей к регулярным перемещениям. Древние жители Саяно-Алтая были вынуждены постоянно носить с собой повседневные предметы на любой случай. Сумки и сумочки, заменявшие карман, зафиксированы в погребениях кочевников Саяно-Алтайского нагорья, датируемых VIII–II вв. до н. э. Полностью сохранившихся предметов немного, но доступные экземпляры позволяют судить с высокой долей вероятности о традициях кожевенного и скоряжного ремесел в I тыс. до н. э. Внимание к «старым» и новым находкам изделий из органических материалов помогает взглянуть на них с новой стороны. Данный обзор описывает основные формы изделий и некоторые закономерности их эксплуатации.

ANNOTATION. The milieu of the nomadic world is characteristically variable. This makes its representatives ready to regular migrations. For this reason, the early residents of Sayan-Altay had always to bear with them objects of everyday use for every case. Bags and purses substituting a pocket are recorded in burials of the nomads of the Sayan-Altay Plateau dated to the 8th–2nd century BC. The completely preserved examples are not numerous but the available ones allow us to make with a high probability an idea about the traditions of the leather-working and furriery in the 1st millennium BC. An examination of the 'old' and new finds of objects from organic materials helps us to reconsider them in a new light. The present review defines the main forms and some regularities of their use.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ранний железный век, Саяно-Алтай, курганы, мех и кожа, сумки, амулетницы.

KEYWORDS: early Iron Age, Sayan-Altai, barrows, fur and leather, bags, amulet cases.

Если в археологии памятники материальной культуры делят на закрытые и открытые комплексы, то в направлении изучения изделий из кожи кожаные сумки и сумочки (мягкие емкости) можно было бы отнести к первым. Поэтому они вызывают интерес со стороны исследователей, ведь нередко внутри сохраняются различные предметы (гребешки, зеркала, ножи, предметы для рукоделия и т. д.), которые могут косвенно указывать на назначение самих кожаных изделий. Сумки являлись неотъемлемой частью костюма. К примеру, если небольшая сумка или сумочка крепилась к поясу, то ее орнамент чаще всего совпадал с другими элементами декора пояса.

В «Пособии по основам художественного проектирования изделий из кожи» сумки разделяются на мягкие, жесткие и полужесткие комбинированные (если сумка жесткая, но одна деталь дела-

ется мягкой). Самые древние изделия сшивались из кусков шкур, привязывались к палке или сплетались из растительных волокон, как современные сетки. Почти все сохранившиеся экземпляры представлены мягкими образцами из кожи. Самой простой по конструкции сшивной сумкой является плоская сумка из двух стенок, объем которой создается путем стягивания верхней части. Мягкие сумки преимущественно затягивали на шнурок. Но в том случае, когда требовалось надежно защитить содержимое, использовался клапан, который делался достаточно массивным и занимал всю переднюю часть сумки. Его часто декорировали и закрывали на крючок. С течением времени его дизайн и форма менялись активнее всего (Козлова, 1987). Этнографически переметные кожаные сумы были характерны для народов Средней Азии и Кавказа. Они могли использоваться для разных целей: как для хранения, так и для транспортировки груза — как дорожные.

Отправной точкой для настоящего исследования стала работа с материалами IV–III вв. до н. э. из кургана 83 могильника Холаш (Семёнов, 1997), где среди фрагментов ремней хорошо сохранился кожаный кошелек для деревянного наборного гребня (Бусова, 2015. С. 1267). Обратившись вновь

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур и Цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.).

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: kulturnijkarman@gmail.com.

к этому кошельку в процессе повторной консервации в 2014 г., мы смогли выявить новые подробности. В действительности данный кошелек, а именно такое название за ним закрепилось в специальной литературе, оказался по своей конструкции чем-то вроде переметной сумы уменьшенного размера. Основное отделение закрывается сверху клапаном, почти соразмерным основной его части. Застегивается на крючок, вырезанный из кожи. Оба отделения можно было использовать в качестве соразмерных вместилищ: в основном отделении хранился деревянный наборный гребешок, в клапане — моток сухожильных нитей. С помощью рентген-флуоресцентного анализа выявлено, что внешне абсолютно ровная черная кожа была раскрашена красным пигментом — охрой (основная площадь и подложки под резные аппликации). В целом стоит обратить внимание на растительный орнамент всего изделия. Основное вместилище было создано благодаря двум сердцевидным лоскутам кожи, между которыми вшита полоса ранта кожи с помощью сухожильных нитей.

Среди материалов из кожи могильника Аймырлыг (Центральная Тува) и курганов пазырыкской культуры в Горном Алтае встречаются аналогичные по конструкции сумочки-кошельки. Опираясь на имеющиеся данные, можно говорить о широком распространении этой формы. Например, в могильнике Аймырлыг³, среди других изделий из кожи (фрагменты верхней одежды, поясов, ножен, колчанов) сохранилось несколько десятков небольших сумочек. Последние можно разделить на двусоставные кошельки (перекидные через пояс, в них часто помещали гребешок), футляры для зеркал, сумочки-мешочки (зачастую т. н. амулетницы) и оригинальные экземпляры неизвестного назначения. К примеру, два кошелька для деревянных наборных гребешков имеют прямую аналогию кошельку с гребешком внутри из могильника Холаш, курган 83 (Busova, 2020). Одновременно с ними сосуществует форма сумочки-футляра из толстой кожи с крышкой, украшенной орнаментом в виде рогов горного козла. Интересен способ подвешивания через шлёвку. Нами были исследованы кошельки, созданные по типу переметных сум, с двумя отделениями одинакового размера и формы, а также различные сумочки по типу «мешоч-

ков» с пигментами внутри, как в курганах Юстыда (Кубарев, 1991. С. 94–96).

Среди наиболее ранних находок представлены фрагменты чехлов от зеркал или поясных сумочек, в которых они хранились, из кургана 1 могильника Бай-Даг 8 (Рукавишников, Гладченков, 2017. С. 158), а также из кургана 6 могильника Бай-Даг 6 (Килуновская, Семёнов, 2013. Рис. 12). Скорее всего, сами зеркала подвешивались на широкий кожаный ремень с обоймицами (как и в Аржане-2), и на него приходился основной вес при подвешивании. Сами чехлы были сшиты из полосок тонкой узкой кожи (до 2 см в ширину) и, скорее, защищали зеркала от царапин, соприкосновения с другими предметами на поясе. Носилось такое зеркало под верхней меховой одеждой.

В могиле 5 кургана Аржан-2 (VII в. до н. э.) в районе тазовых костей погребенной лежал маленький кожаный мешочек (2,4 × 2 × 1,9 см) с зеленым пигментом внутри, а снаружи зафиксировано пятно от красного пигмента (киноварь) (Сугунов et al, 2010. Taf. 62; 77). Мягкий мешочек затягивался на шнурок и был вырезан из одного овального кусочка обработанной кожи. В этом же погребении отмечены следы сумки из органического материала, расшитой бусинами (золото, янтарь, бирюза) (Чугунов и др., 2017. С. 65). Она могла быть сделана как из кожи, так и из текстиля. Авторами раскопок в этом же погребении зафиксированы следы других сумок-мешочков из кожи, войлока, текстиля, в которых найдены различные ботанические материалы (косточки черёмухи и вишни) (Там же. С. 69, рис. 65).

В кургане 2 могильника Белое Озеро 4 (Пий-Хемский кожуун, Республика Тыва) вместе с поясным набором найдена сумочка-мешочек с бронзовой иглой внутри (рис. 1). Помимо этого, у погребенной на поясе были зеркало, тканевая сумка на бронзовом распределителе с кожаным ремнем, сшитым вдвое: в тканевой сумке находились два клыка кабарги, два зуба марала, оселок и наборный деревянный гребешок. Кроме этого, там же найден бронзовый пластинчатый нож с шилом, лежавший на кожаной сумочке. Сумочка была украшена геометрическим тиснением и окрашена втертой по рисунку охрой (Килуновская, Семёнов, 2013. С. 218, 222).

Обращаясь к материалам Пазырыкских курганов, мы не стали исключать продуктовые фляги и сумки из данного обзора. Единичные образцы полноразмерных изделий в Саяно-Алтайском нагорье важны для общего понимания контекста.

³ Памятник исследовался в 1968–1984 гг. отрядом Саяно-Тувинской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством А. М. Мандельштама.

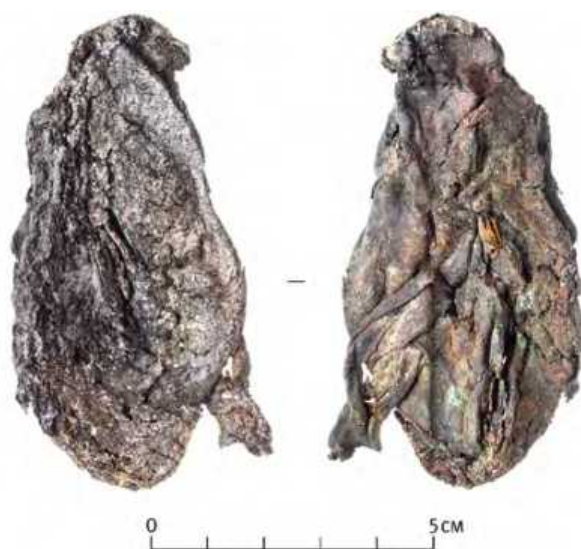

РИС. 1. Сумочка-мешочек из кургана 2, могильник Белое Озеро 4, Пий-Хемский кожуун (район), Республика Тыва (раскопки В. А. Завьялова; фото И. Г. Самоварова)

FIG. 1. Bag/purse from barrow 2, cemetery of Beloye Ozero 4, Piy-Khem Kozhuun (District), Republic of Tyva (excavation by V. A. Zav'yalov; photo by I. G. Samovarov)

С. И. Руденко упоминает «меховые и кожаные мешки, сумы и кошельки», которых немало было найдено во 2-м Пазырыкском кургане (Руденко, 1953. С. 91). Судя по контексту, автор соотнес данную категорию находок с посудой и описал кожаные сосуды как наиболее древний вид вместилищ для пастушеских народов Азии. Известны сырная фляга из конского захоронения 2-го Пазырыкского кургана (30 × 40 см) и кожаный сосуд наподобие фляги, с узким горлом. Из погребальной камеры этого же кургана описаны две кожаные фляжки с горлышком как у бутылки. Одна из них была найдена в большой (20 × 30 см) суме, которая лежала в «голове» колоды саркофага, «типа переметной». Внутри нее находились серебряное зеркало, одна из фляг с высоким горлом, плоская прямоугольная сумочка и другие, не описанные автором вещи (Там же. С. 94). По конструкции данная сумка не имеет прямых археологических аналогий. Внешний вид, спецификой которого является схожесть с переметными сумами из этнографической современности народов Средней Азии, находит близкие аналогии в материалах могильника Аймырлыг (использование тройного резного ремня для подвешивания). Две равноразмерные половины сумы с объемными внутренними карманами перекинуты и пришиты ремешком к деревянной палочке

посередине. Сумка выкроена из цельных кусков кожи, дополнена боковыми полосами-вставками и прошита сухожильными нитями. Внутри «переметной» сумы хранилась прямоугольная сумка из палеовой замши со сложным резным растительным узором из темной кожи. Посередине был пришит карман. Автор раскопок считал, что она предназначалась для хранения туалетных принадлежностей (Там же. С. 95).

Кожаная сумка с клапаном из 2-го Пазырыкского кургана, найденная среди мусора, представляет особый интерес для исследователей: сумка из плотной кожи, с внутренним карманом и наружным клапаном, прикрывающим его. «Карман больше сумочки, поэтому его верхняя свободная часть складывается и опускается вниз. Кожаный клапан снаружи покрыт мехом леопарда, а по бортику нашита полоска из тонкого войлока, выкрашенного в красный цвет» (Там же. С. 9). Сумка закрывалась на фигурное ушко, через отверстие которого продевался ремешок, заплетенный на конце в три полоски (Там же. С. 96). Также во 2-ом кургане обнаружен кошелек из толстой кожи в виде полшария, закрывающийся крышечкой с диаметром донца около 5,5 см. Резной орнамент донца и крышки этой сумочки, которая, возможно, была поясной (так как на обороте имелись следы от ремешка), отличается необычным разнообразием: пламевидный-зигзагообразный и трехлепестковые соцветия.

Надо отметить, что часть описанных выше кожаных и меховых сумок и кошельков имели следы украшения золотыми нашивками, которые нашивались с помощью сухожильных нитей. В том числе среди этих особенных экземпляров найдены простые формы: меховой мешок (20 × 27 см) из собожьего меха (одна сторона из цельной шкурки, другая в стиле «пэчворк»), простой кожаный кошелек, сшитый из двух половин, стянутый сверху ремешком. По сохранившемуся описанию, внутри находилась черная пигментная краска (Там же. С. 97).

Также из 2-го Пазырыкского кургана нам известно бронзовое зеркало на ручке, обернутое в чехол из кожи. Само зеркало было в простом чехле из шкуры леопарда мехом наружу. «На одной из его поверхностей посередине были прикреплены золотой кружок и вокруг него концентрические кольца из голубого и черного бисера» (Там же. С. 142). Предмет относился к мужскому туалетному набору.

Из кургана 3 могильника Верх-Кальджин II известен поясной набор, в составе которого под шубой у мужчины обнаружено бронзовое зеркало

в чехле из кожи мехом внутрь. Плотно облегающий чехол был сшит из двух лоскутов кожи, которые скреплены ремешками, их концы оставлены свободными и служили для привязывания к поясу (*Молодин и др.*, 2000. Рис. 122, 3).

В кургане 1 могильника Ак-Алаха I, в парном погребении мужчины и женщины, на поясе у погребенной были найдены «круглое бронзовое зеркало с петелькой в кожаном футляре и кожаная сумочка» (*Полосьмак*, 1994. С. 28, рис. 30). Более подробной информации о конструкции нет.

В отдельную категорию можно выделить «лоскуты» кожи, в которые помещались волосы или ногти. Нам известны такие материалы из 1-го (один с волосами) и 2-го Пазырыкских курганов (два с волосами, один с ногтями). Во 2-ом Пазырыкском кургане, например, еще имеется войлочный лоскут с человеческими волосами внутри, а ногти предварительно упакованные в кожаный кошелек, затем были завернуты в лоскут. Всего три таких известных примера из Пазырыкских курганов (*Руденко*, 1953. С. 368). Традиция помещения срезанных волос, ногтей и выпавших зубов известна и по материалам могильника Уландрык. Подобные обычаи хранения выпавших при жизни зубов, волос и ногтей есть и у современных казахов. Постриженные в 40-й день внутриутробные волосы и ногти ребенка заворачивали в белую ткань и хранили в сундуке. В течение жизни, если была такая возможность, подстриженные и выпавшие волосы (ногти и зубы) собирали и заворачивали в зеленую траву. Такой амулет помещали в щелях стен или потолках сараев. На похоронах комок волос, собранных при жизни умершей, могли поместить ей под голову (*Толеубаев*, 2018. С. 345–346).

В. Д. Кубарев в своей монографии «Курганы Юстыда» (V–IV вв. до н. э.) поместил сумочки в раздел «Предметы быта и культа» — к этой же категории были отнесены гребни, зеркала и пуговицы. Автор утверждает, что сумочки из кожи, войлока и ткани сопровождали всех погребенных, крепились на поясе и различались только по назначению. Точное количество неизвестно. Большинство из этих вместимостей являлись футлярами для бронзовых зеркал и служили исключительно этой цели. В других сумочках хранили минеральные краски — охру, киноварь, черный пигмент и зеленую краску (видимо, как и в Аржане-2). К третьему типу автор отнес сумочки для хранения раковин каури, косточек экзотических фруктов и бусин, иногда там же хранились шилья и игольники (*Кубарев*, 1991. С. 94–

96). Интересно отметить, что кожаные сумочки под пигменты из курганов 22 и 26 могильника Юстыд XII скроены совершенно таким же образом, как и мешочки из Пазырыкских курганов (Там же. Табл. LI). Точное количество неизвестно, по изображениям их три. В описании материалов из курганов Уландрыка наблюдается такая же картина, но здесь уточнено количество сумочек-амулетниц, зафиксированных целиком, — две (*Кубарев*, 1987. С. 89–90). В других погребениях автором были отмечены сгустки пигментов в районе пояса. Из курганов 5 и 6 (могильник Уландрык II) были известны сумочки (непонятно, были ли они фактически) с выпавшими зубами похороненных людей. Из курганов Сайлюгема известно лишь несколько аппликаций на чехлы для бронзовых зеркал (*Кубарев*, 1992).

Во II в. до н. э. на территорию Тувы приходят носители традиции хунну. Радикальным образом культура создания кожаных изделий не меняется, но появляются некоторые нюансы, первоначально едва заметные. Меняется конструкция пояса: при шивании изделий из кожи и меха используются сухожильные и шерстяные нити, а ранее использовались нити только из сухожилий. Из двух типов кошелечков дольше всех сохраняется форма «мешочка», размер которой варьируется в зависимости от содержимого. В 2018 г. Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН на могильнике Терезин (Центральная Тува, II–I вв. до н. э.) раскопаны два женских погребения в каменных ящиках с уникальными наборами предметов. В песчаном грунте сохранились некоторые изделия из органических материалов: дерева, войлока и кожи (*Килуновская и др.*, 2018. С. 137–142). В погребении № 21 была захоронена молодая женщина с деревянной шкатулкой-туеском. Внутри шкатулки, помимо копии китайского зеркала эпохи Хань в остатках войлочного чехла и фрагмента цельного деревянного гребня, сохранились также и маленький кожаный мешочек-амулетница, моток частично расщепленных сухожильных нитей и около двух десятков фрагментов тонкой кожи для рукоделия. Похожие «берестяные туески-шкатулки, содержащие в себе своего рода туалетные наборы — ножички, пинцеты, обломки зеркал (последние обычно в шелковых чехольчиках)» известны по материалам могильника Аймырлыг XXXI (*Стамбульник*, 1983. С. 39–40), расположенного в той же речной долине. В другом женском захоронении № 27 на правом плече погребенной лежала простая кожаная сумка-мешок (20 × 10 см) (раньше эта сумка была меховая), со-

стоящая из двух каплевидных лоскутов, сшитых шерстяной нитью. Помимо фрагмента зеркала из медного сплава в остатках войлочного чехла, деревянного гребня, костяного пряслица с деревянным веретенком, на дне находился маленький мешочек, затянутый веревочкой из сухожильной нити. Вероятнее всего, он использовался в качестве амулетницы, но проведенные рентгенографические исследования не подтвердили наличия контрастных объектов (металлических изделий, зубов или срезаемых ногтей).

Статистические данные позволяют интерпретировать ношение деревянных гребешков (Жогова, 2014. С. 136) вместе с зеркалами как часть женского погребального набора. Вместе с этими предметами археологи фиксируют фрагменты войлочных и кожаных «чехлов». Индивидуальные кожаные кошельки для наборов зеркал с шильями (и очень редко – с иглой) фиксируют реже, но это может быть связано с условиями сохранности на самом памятнике. Как мы видим, встречаемые в памятниках VIII–II вв. до н. э. (например, Бай-Даг 8, Белое Озеро 4, Аймырлыг в Туве и Уландрык, Пазырык 2 на Алтае) сумочки имеют две распространенные формы, определяемые содержимым:

1) сумочки «сердцевидной» формы с каплевидным низом, состоящие из основного отделения для гребешка и верхнего клапана, который мог быть использован тем же образом, что и основное отделение. Этот тип сумочек встречается вместе с гребешками внутри и, вероятно, зеркалами;

2) сумочки по типу «мешочки», затягивающиеся шнурками или ремешками у основания горла (шнурок). Второй тип встречается в качестве так называемых сумочек-амулетниц, когда внутрь помещали срезанные волосы, зубы, ногти, сухие красящие пигменты или отдельно только иглы.

Следует отметить наличие красящих пигментов, которые все чаще фиксируются внутри и снаружи сумочек. В курганах Уландрыка (Кубарев, 1987) упоминаются сумочки, в которых хранились пигменты, и в том числе автором раскопок отмечены скопления пигментов в районе пояса, которые могли быть помещены в несохранившиеся кожаные сумки. В небольшой сумке из 2-го Пазырыкского кургана хранился черный пигмент (сейчас следов этого пигмента не видно). Мы уже упоминали маленький мешочек с женского пояса из кургана Аржан-2, в котором сохранился комок зеленого цвета, который был определен как пигмент с высоким содержанием меди. Из небольшой фраг-

ментированной сумочки из могильника Саускен 1, курган 10 (рис. 2) (долина р. Эрбек, Республика Тыва) были извлечены красные сгустки в процессе реставрации. С помощью рентгенфлуоресцентного анализа они были определены как остатки охры.

На поверхности кожаных изделий часто отмечены следы втирания красного пигмента или нанесения рисунка. В некоторых случаях это охра, в других – киноварь. Киноварь наиболее устойчива к пребыванию в почве и зафиксирована в том числе на ножнах кинжала из Синьцзяна, определение пигментов на котором стало темой отдельного исследования (Kramell et al., 2016), а с охрой

РИС. 2. Сумочка-мешочек из кургана 10, могильник Саускен 1, Кызылский кожуун (район), Республика Тыва (раскопки М. Е. Килуновской; фото Е. С. Шитиковой)

FIG. 2. Bag/purse from barrow 10, cemetery of Sausken 1, Kyzyl Kozhuun (District), Republic of Tyva (excavation by M. E. Kilunovskaya; photo by E. S. Shitikova)

иногда возникают спорные вопросы (Busova, 2020. P. 18–19). Использовались ли другие цвета для декорирования изделий из кожи или в культуре кочевого населения Саяно-Алтая предпочитали красный цвет всем остальным? Или же красный цвет оказался наиболее устойчивым к процессам археологизации? Пазырыкская материальная культура «проявляет» невероятное разнообразие цветов, доступных для окрашивания войлоков, текстиля и меха. Дальнейшее изучение красителей поможет узнать больше о внешне совершенно черной археологической коже.

Выше отмечено, что традиция размещения в погребениях сумок, сумочек и футляров характерна для кочевых народов Саяно-Алтая. Если крупные сумки для фляг и туалетных принадлежностей сохранились только в Пазырыкских курганах, то более мелкие сумочки и футляры для гребешков, зеркал, игл и предметов, связанных с женским рукоделием, — чаще можно обнаружить в археологических контекстах. Основных форм

немного: «сердцевидные» сумочки-кошельки, похожие на уменьшенные переметные сумы с функциональным клапаном; сумки-мешки с затяжкой на шнурок; мешочки-амулетницы. Плотные прилегающие чехлы для зеркал конструктивно зависят от формы зеркала — с бортиком, с ручкой по центру или сбоку. Они облевали зеркало по всей плоской поверхности и чаще выполнялись из войлока.

Намеренная простота создания объектов из кожи, использовавшихся для переноски изделий, которые предназначались для хранения различных предметов, определяется строгой утилитарной функцией: форму определяет назначение. Однако при помощи декора сумок: «растительные» или меховые аппликации, резьба по коже, нанесение пигментов, — подчеркивались локальные особенности, которые, возможно, имеют культурно-хронологическое значение. Изучение этой категории бытовых и ритуальных предметов позволяет выявить традиционные черты и новшества в кожевенном деле и в целом — в технологии древнейших производств.

Литература

- Бусова, 2015 — Бусова В. С. Технологический анализ изделий из кожи скифского времени из могильника Холаш // Proceedings of VI International Academic Conference “Ancient Cultures of Mongolia, Baikalian of Siberia and the Northern area of China” (12–16 October 2015, Huhhot). Huhhot, 2015. С. 1262–1269.
- Жогова, 2014 — Жогова Н. А. Типология составных гребней эпохи ранних кочевников Саяно-Алтая // АВ. 2014. Вып. 20. С. 116–142.
- Килуновская и др., 2018 — Килуновская М. Е., Леус П. М., Бусова В. С. Уникальные наборы предметов из женских погребений эпохи хунну на могильнике Терезин (Центральная Тува) // Мужской и женский мир в отражении археологии: Мат-лы Всероссийской с международным участием конф., г. Уфа, 19–21 ноября 2018 г. / Отв. ред. Я. В. Рафикова. Уфа, 2018. С. 137–142.
- Килуновская, Семёнов, 2013 — Килуновская М. Е., Семёнов Вл. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции по трассе железной дороги Кызыл-Курагино // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2013. № 3. С. 197–222.
- Козлова, 1987 — Козлова Т. В. Основы художественного проектирования изделий из кожи: Учебное пособие для вузов. М.: Легпромбытиздат, 1987. 232 с.
- Кубарев, 1987 — Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 304 с.
- Кубарев, 1991 — Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 194 с.
- Кубарев, 1992 — Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 224 с.
- Молодин и др., 2000 — Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А. и др. Феномен алтайских мумий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 320 с.
- Полосьмак, 1994 — Полосьмак Н. В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: Наука, 1994. 125 с.
- Руденко, 1953 — Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
- Рукавишников, Гладченков, 2017 — Рукавишников И. В., Гладченков А. А. Памятник алды-бельской Культуры Тувы — могильник Бай-Даг 8. Опыт комплексного анализа // АВ. 2017. Вып. 23. С. 153–169.
- Семёнов, 1997 — Семёнов Вл. А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве в 1994–1995 гг.). СПб.: ИИМК РАН, 1997. 48 с.
- Стамбульник, 1983 — Стамбульник Э. У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве (Некоторые итоги работ) // Древние культуры евразийских степей: По материалам археологических работ на новостройках / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1983. С. 34–41.
- Толеубаев, 2018 — Толеубаев А. Т. Раннесакская шиликтинская культура. Алматы: ИП «Садвакасов А. К.», 2018. 528 с.
- Чугунов и др., 2017 — Чугунов К. В., Парцигер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.
- Busova, 2020 — Busova V. S. Red, floral appliqué leather purse-amulet from Southern Siberia, 4th–3rd century BC // Archaeological Leather Group Newsletter. March 2020. P. 17–19.

Čugunov et al., 2010 – *Čugunov K. V., Parzinger H., Nagler A.*
Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva.
Mainz: von Zabern, 2010. 330 S. (Archäologie in Eurasien; Bd. 26. Steppenvölker Eurasiens; Bd. 3).

Kramell et al., 2016 – *Kramell A. E., Wertmann P., Hosner D., Kluge R., Oehler F., Wunderlich C., Tarasov P. E.,*

Wagner M., Csuk R. A multi-analytical, techniques-based approach to study the colorful clothes and accessories from mummies of Eastern Central Asia // *Journal of Archaeological Science: Reports*. Vol. 10. P. 464–473.

The uniformity of types: leather and fur bags from barrows of the Sayan-Altay Plateau (8th–2nd century BC)

V. S. Busova

The paper presents summarizing information on the results of investigation of the cut and decoration of bags from leather and fur provenient from barrows of the Sayan-Altay Plateau (8th–2nd century BC). New information on the traditions of leather-working has been obtained. The traditions of the manufacture of

leather objects of the Scythian period are much more diverse than it has been considered before. Characteristic peculiarities of making bags and purses of different purpose are distinguishable. Generally, it may be concluded that the form of the objects was defined by their purpose.

Подвеска-амулет из тагарского захоронения (могильник Станция Казановская-1)

Е. С. Богданов¹, А. В. Выборнов²

АННОТАЦИЯ. В 2020 г. отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены спасательные археологические раскопки на курганном могильнике Станция Казановская-1 (Хакасия). Приемы строительства, организация внешнего и внутреннего пространства, погребальный инвентарь, особенности конструкций характерны для подгорновского этапа тагарской культуры. В статье особое внимание уделено погребению № 2 в основной ограде кургана № 15, в котором было обнаружено оригинальное украшение — амулет.

ANNOTATION. In 2020, a team of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences conducted rescue archaeological excavations at the kurgan cemetery of Stantsiya Kazanovskaya-1 (Khakassia). The techniques of building, organization of the external and internal space with the burial inventory and the features of the construction are characteristic of the Podgornovo stage of the Tagar culture. The paper pays special attention to burial No. 2 in the main fence of kurgan No. 15 where a peculiar ornament/amulet was found.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Хакасия, могильник, Станция Казановская-1, подгорновский этап тагарской культуры, погребальный обряд, подвеска-амулет.

KEYWORDS: Khakassia, burial ground, Stantsiya Kazanovskaya-1, Podgornovo stage of the Tagar culture, burial rite, amulet pendant.

Введение

Дмитрий Глебович Савинов — яркое явление в археологии Центральной Азии. Будучи чрезвычайно эрудированным человеком, он с азартом берется за решение абсолютно разных проблем и загадок. Поэтому не удивительно, что самобытная и противоречивая тагарская культура стала его одной из любимых тем для исследования. Десятки статей и монографии Дмитрия Глебовича стали для нас своеобразным маяком в бурном, бушующем океане дискуссий и полемики вокруг основных вопросов тагароведения. В этом смысле наша статья — еще один повод обсудить некоторые важные аспекты погребальной и ритуальной практики населения хакасско-минусинских степей.

В 2020 г. отрядом ИАЭТ СО РАН были проведены спасательные археологические раскопки шести объектов на курганном могильнике Станция Казановская-1 (Аскизский р-н Республики Хакасия). Памятник состоит из 16 каменных оград, которые условно группируются несколькими рядами, вытянутыми на северо-восточном краю подошвы горы Позикхыр. Приемы строительства, организа-

ция внешнего и внутреннего пространства, особенности конструкций характерны для раннего (подгорновского) этапа развития тагарской культуры. Полученные материалы не позволяют нам говорить о какой-то иной хронологической и культурной принадлежности исследованных объектов (подробнее см.: Богданов и др., 2020). В данной публикации особое внимание уделяется погребению № 2 в основной ограде кургана № 15, в котором обнаружено оригинальное украшение — амулет.

Описание погребального комплекса и находок

Курган № 15 состоял из двух оград (рис. 1). Вкопанные плиты из девонского песчаника были установлены в узкие траншеи на ребро на глубину от 0,3 до 0,7 м и соединены там «замковым» способом (дополнительная плита снаружи закрывает просвет между плитами в ряду). К сожалению, наземное сооружение («шестикаменный» курган) в советское время было повреждено опашкой: угловые камни обломаны и повалены (рис. 1). Сохранились в наклонном состоянии только два камня (длиной 3,25 и 2,35 м) с южной стороны объекта. Ограда № 1 (западная) имела проход (шириной 2,2 м) в восточной стенке. Размеры ограды: 11,1 × 12 м. Внутри нее было устроено четыре погребения (могильных ямы): три в центральной части, рядом друг с другом по линии север-юг. Ориентация могильных ям — запад-восток. Одно погребение (№ 1, детское) располагалось в юго-восточном углу

¹ 630090, Россия, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Сектор археологии бронзового и железного века. Адрес электронной почты: bogdanov@archaeology.nsc.ru.

² 630090, Россия, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Сектор археологии бронзового и железного века. Адрес электронной почты: vb.anton@gmail.com.

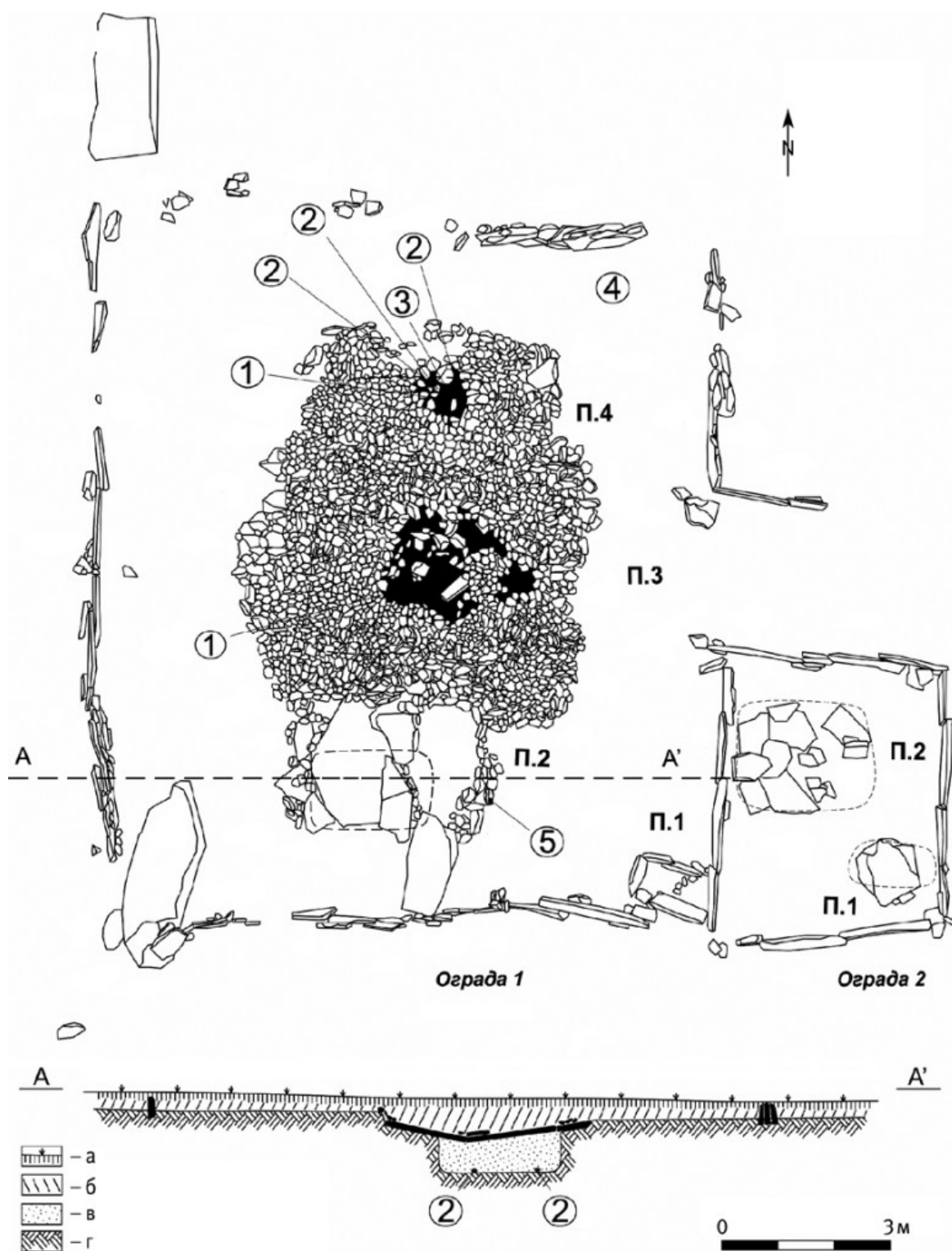

РИС. 1. Могильник Станция Казановская-1, курган № 15. План наземных конструкций (по рисунку И. П. Захаровой). Цифрами на плане обозначены: 1 – грабительский шурф; 2 – кости человека и животных; 3 – плахи перекрытия; 4 – костяной наконечник стрелы; 5 – череп коня. Условные обозначения: а – дерн; б – пахотный слой; в – заполнение могильной ямы; г – материк

FIG. 1. Cemetery of Stantsiya Kazanovskaya-1, barrow No. 15. Plan of the surface structures (after drawing by I. P. Zakharova). Numerals in the plan are: 1 – robber's trench; 2 – human and animal bones; 3 – blocks of the roofing; 4 – bone arrowhead; 5 – horse skull. Key: а – turf; б – arable layer; в – filling the grave pit; г – mainland

ограды. К юго-восточной стенке ограды № 1 с использованием плит оформления входа была построена еще одна ограда (№ 2) с двумя детскими погребениями подгорновского времени.

Надмогильные сооружения над двумя центральными погребениями (№ 3 и 4) представляли собой выкладки прямоугольной в плане формы из плитняка. Под каменными панцирями располагались деревянные перекрытия – накаты из листовых бревен, закрывающие погребения (подробнее см.: *Богданов и др.*, 2020).

Погребение № 2 располагалось практически вплотную к вкопанным плитам южной стенки ограды (**рис. 1**). Наземное сооружение (2,5 × 4,35 м) представлено двумя крупными каменными плитами, уложенными на небольшие приступки-ступени по периметру могилы. В центре (в месте соединения плит) и по периметру – закладка мелким плитняком. К востоку у плит перекрытия, на древней поверхности лежал череп лошади.

На глубине 0,9–1,05 м зафиксировано непотревоженное захоронение женщины (**рис. 2**), уложенной вытянуто на спину, головой на восток; ноги и стопы вытянуты, руки слегка согнуты в локтях и уложены вдоль тела, пальцы рук наполовину собраны. В юго-восточном углу стоял большой плоскодонный баночный сосуд с открытым устьем, с продавленными пальцем полосами по венчику и тулову (**рис. 3, 12**). На правом крыле таза лежало бронзовое зеркало с остатками кожаного чехла (**рис. 3, 5**). Рядом, на боку – еще один керамический сосуд (**рис. 3, 11**). У правой плечевой кости находились три бронзовые полушарные бляшки и две бронзовых пронизи (**рис. 3, 4, 7–9**), не соединенные между собой. В юго-западном углу могилы лежала заупокойная пища: часть туш молодой коровы и овцы, а рядом бронзовый нож с шилом в кожаном чехле (**рис. 3, 6, 10**). Отдельные кости овцы были разложены в разных местах рядом со скелетом женщины. Около правой локтевой кости удалось зафиксировать *in situ* нитку браслета из бронзовых пронизок и оригинальное украшение, которое можно трактовать как подвеску-амулет (**рис. 3, 1–4**).

Благодаря бронзе сохранились шерстяные двухжильные соединительные нити, по которым можно выполнить реконструкцию изделия (**рис. 3, 3**). В его верхней части бронзовые пронизи (трубочки и «колпачки» в парном исполнении) были симметрично расположены крестом, с сердоликовой бусиной по центру; в нижней части – на нитке из бронзовых пронизок и белых аргиллитовых бусин

висел клык кабана; в центре – в шелковом мешочке (?) – отрезанный фрагмент грудины человека. Очень хрупкие трубочки-пронизи (длина 25×30 мм, диаметр до 2 мм) были свернуты из тонкого листка. Интересно, что их слегка зауженные концы были завернуты в полоски окрашенной красным ткани, которые смотрелись как бусины.

Интерпретация материала и постановка проблемы

Основная часть погребального комплекса из исследованного погребения могильника Станция Казановская-1 имеет прямые аналогии в материалах из классических подгорновских комплексов типа Черновая I, Новая Черная I, Гришкин Лог I, Тепсей VIII и IX, Есино, Луговое, Печище-1 и др. (*Теплоухов*, 1929; *Грязнов и др.*, 1979; *Максименков*, 2003; *Савинов*, 2012; *Александров и др.*, 2001; 2014). Несмотря на то, что тагарская культура является одной из наиболее исследованных культур Южной Сибири, многие ее аспекты до сих пор недостаточно изучены. Если вопросы хронологии, классификационные схемы развития (во времени и пространстве) погребального инвентаря и искусства постоянно находятся в стадии обсуждения, полемики, то темы, связанные с погребальной одеждой ранних тагарцев и особенностями ритуальной обрядности почти всегда остаются вне зоны пристального внимания исследователей. Данный факт обусловлен несколькими причинами: во-первых, тотальным ограблением тагарских захоронений; во-вторых, разрушительной деятельностью грызунов вкуче с природными факторами (особенности грунта большей части хакасско-минусинских степей не способствуют сохранению органики); в-третьих, тем, что вследствие спасательного характера археологических работ в регионе не всегда присутствует тщательная и методичная расчистка, позволяющая при нахождении *in situ* зафиксировать все детали погребального костюма. Именно поэтому чаще всего в литературе встречаются описания общего характера: «по рассыпанным в могилах бусинам, пронизкам и раковинам трудно установить, украшали ли они голову, шею или запястье руки» (см.: *Вадецкая*, 1986. С. 91); «при прокопке дна могилы была обнаружена низка бус» (см.: *Грязнов и др.*, 1979. С. 43).

Попробуем суммировать имеющиеся факты о деталях (украшениях?) раннетагарского костюма в контексте материалов из погребений могильника Станция Казановская-1.

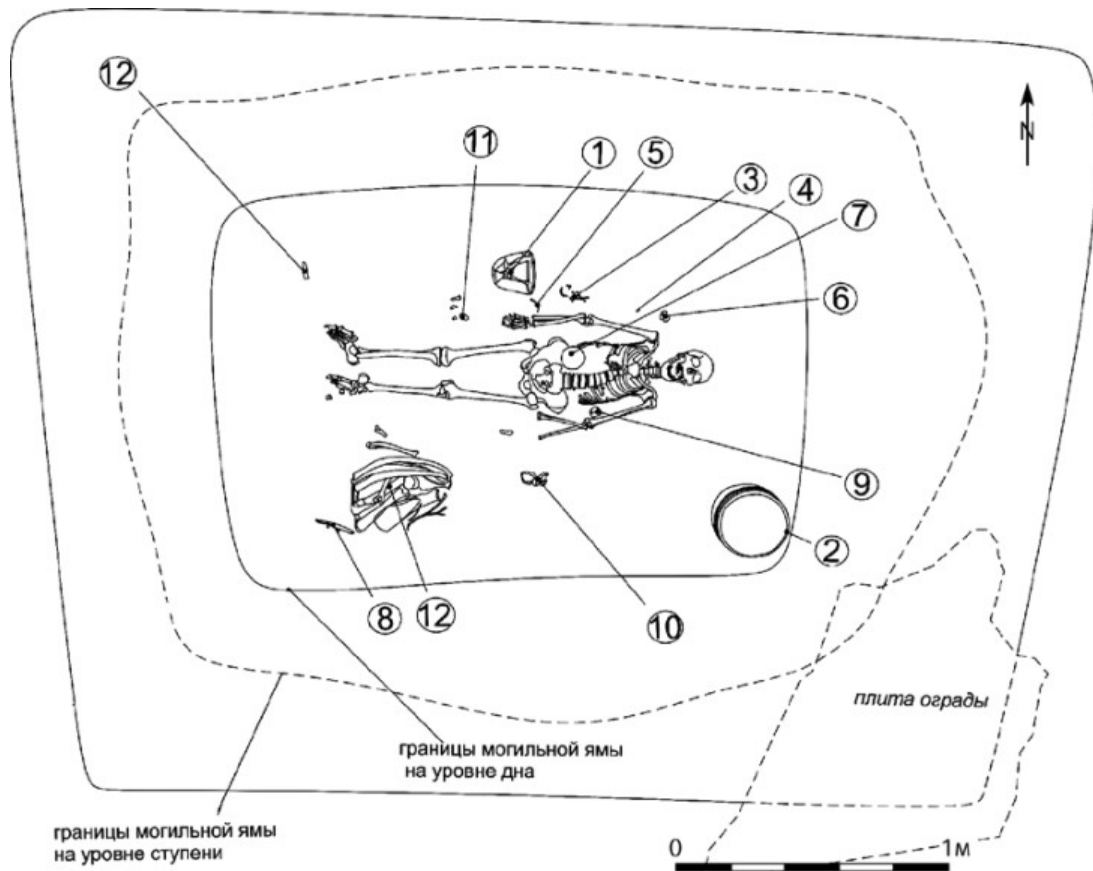

РИС. 2. Могильник Станция Казановская-1, курган № 15. План погребения № 2 (по рисунку И. П. Захаровой). Цифрами на плане обозначены: 1, 2 – сосуды; 3 – подвеска-амулет; 4 – перемещенные грызунами пронизки; 5 – браслет; 6 – полушарные бляшки; 7 – зеркало; 8 – нож и шило в чехле; 9–12 – кости животных.

1, 2 – керамика; 3–8 – бронза

FIG. 2. Cemetery of Stantsiya Kazanovskaya-1, barrow No. 15. Plan of burial No. 2 (after drawing by I. P. Zakharova). Numerals in the plan are: 1, 2 – pottery; 3 – amulet pendant; 4 – spacer beads displaced by rodents; 5 – bracelet; 6 – semi-spherical plaques; 7 – mirror; 8 – knife and awl in a case; 9–12 – animal bones.

1, 2 – ceramics; 3–8 – bronze

1. Два типа штампованных полушарных бляшек из тонкого листка бронзы: с пуансонным орнаментом по краю (мелкие бугорки выдавлены изнутри) и без него. Диаметр украшений от 1,5 до 5 см, средний размер – 2×3 см. По центру всегда есть стандартное игольное отверстие для крепления ниткой, реже – тонким кожаным шнурком. Удивительно то, что достаточно часто в раннетагарских захоронениях взрослых людей бляшки встречаются в единичном экземпляре (см.: Максименков, 2003. Рис. 27), как и в более ранних – карасукских погребальных комплексах. И. П. Лазаретов считает, что «их присутствие маркирует этническую принадлежность, а количество, судя по всему, соответствует социальному статусу их владельца»

(Лазаретов, 2007. С. 102). Это утверждение верно лишь отчасти, т. к. мы очень часто не можем установить четкие градации «статусности» для разных погребенных людей при наличии «стандартного» инвентаря и «стандартных» размеров погребальных сооружений. Например, в «стандартном» детском погребении могильника Станция Казановская-1 мы обнаружили три бляшки. Статистические данные по нашим раскопкам и другие подгорновские материалы свидетельствуют о том, что эти изделия находят в разных местах (речь идет только о непо потревоженных скелетах): у головы погребенного, у плеча, у локтя, на костях грудного отдела, реже – на костях таза и у коленных суставов. Поэтому, на наш взгляд, для реконструкции

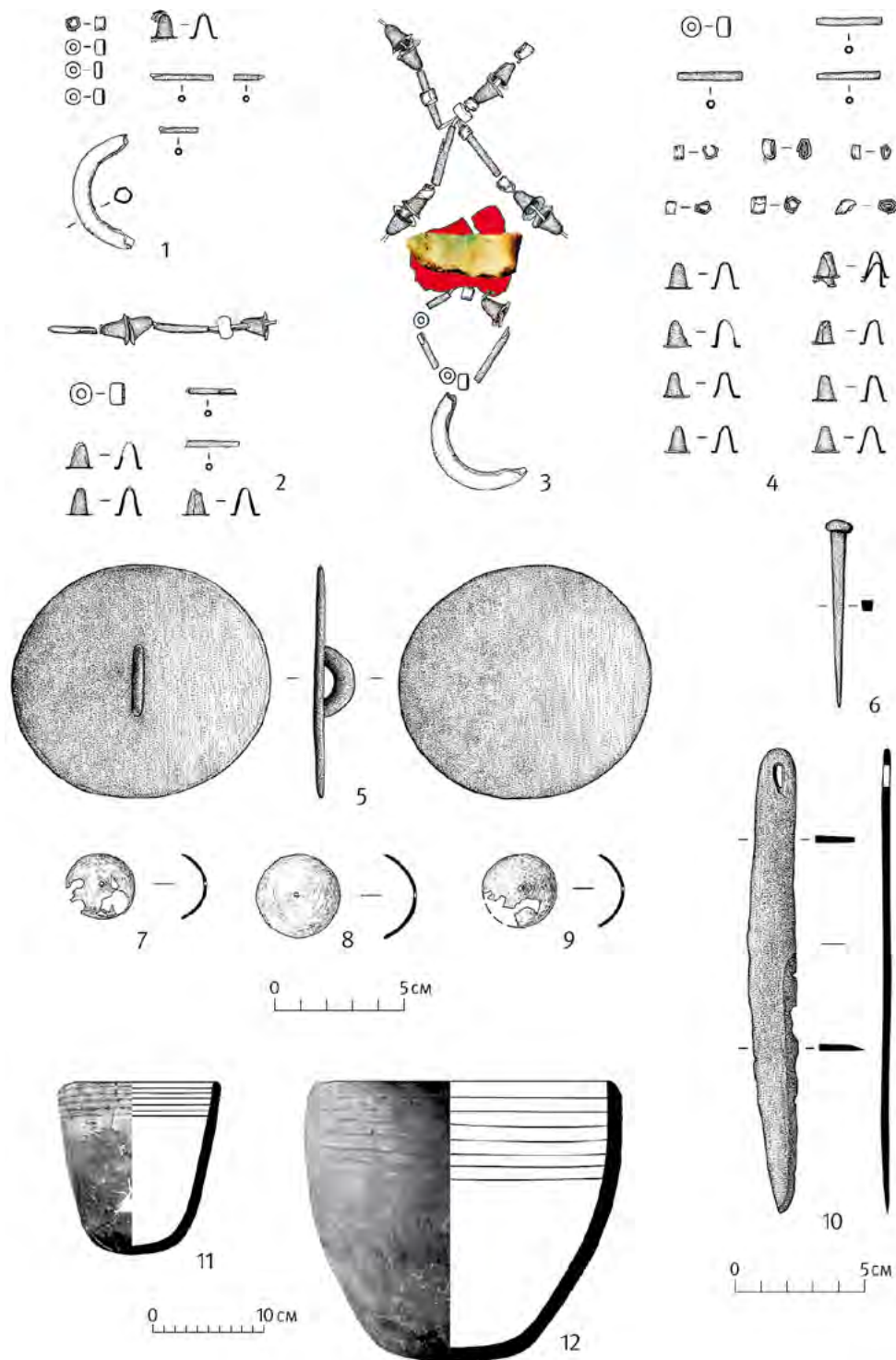

РИС. 3. Могильник Станция Казановская-1, курган № 15. Погребальный инвентарь из погребения № 2 (по рисунку И. П. Захаровой). 1, 4 – детали подвески-амулета; 2 – браслет (детали); 3 – подвеска-амулет (реконструкция); 5 – зеркало; 6 – шило; 7–9 – полусферные бляшки; 10 – нож; 11, 12 – сосуды.

1–4 – камень, текстиль, бронза, керамика; 5–10 – бронза; 11–12 – керамика

FIG. 3. Cemetery of Stantsiya Kazanovskaya-1, barrow No. 15. Funerary inventory from burial No. 2 (after drawing by I. P. Zakharova). 1, 4 – parts of the amulet pendant; 2 – bracelet (parts); 3 – amulet pendant (reconstruction); 5 – mirror; 6 – awl; 7–9 – semi-spherical plaques; 10 – knife; 11, 12 – pottery.

1–4 – stone, textile, bronze, ceramics; 5–10 – bronze; 11, 12 – ceramics

деталей погребальной одежды наибольшее значение имеет место расположения элементов. Показательно, что бляшки чаще лежат в могилах лицевой стороной вниз. Особенно странными выглядят свидетельства расположения одного-единственного предмета в погребении, и именно около локтя с внешней стороны. Имеющиеся факты позволяют нам предположить, что полушарные бляшки на раннем этапе тагарской культуры могут являться частью ритуала. Если допустить, что специальной погребальной одежды не существовало, то для захоронения могли выбираться варианты из повседневной жизни, только им придавались знаки «инаковости», через нарушение целостности: в данном случае — полушарные бляшки (как пуговицы или украшения) отпарывались и бросались рядом. Примеры намеренной порчи одежды или предметов быта в процессе похоронного ритуала известны и в археологии, и в этнографии, например, у тех же кетов Енисея (Алексеев, 2007. С. 39). На более поздних этапах существования тагарской культуры этот обычай, по всей видимости, видоизменился и полушарные бляшки (как украшения головного убора, например) оставались на костюме.

2. Бронзовые трубочки-пронизы и «колпачки» (иногда это литые «бусины», составленные из двух конусов, с широкими основаниями-бордюрами) являются самыми распространенными находками в тагарских захоронениях. Вместе с плоскими, шайбовидными и биконическими сердоликовыми и аргиллитовыми бусинами они были деталями браслетов, ожерелий, украшений кожаных чехлов для зеркал или ножей. Данный вид подвесок, по всей видимости, не нес особой семантической нагрузки, отражая только эстетические пристрастия и определяя каноны красоты в тагарском обществе. Интересно, что сердолик в подгорновских комплексах встречается редко и начинает широко бытовать уже на более поздних этапах существования этой культуры.

3. Отдельной категорией погребального костюма и ритуала являются подвески-амулеты. Их наличие и форма очень редко определяются исследователями. Например, авторы раскопок могильника Луговое, обнаружив на груди женщины в кожаном мешочке «два амулета», собранных из бронзовых трубочек и литых биконических бусин, посчитали их «шумящими подвесками» (см.: Александров и др., 2001. С. 45). Рядом были найдены зеркало, гребешок и клык кабарги. В этой же могильной яме, но на груди подростка, обнаружены «со-

ставные украшения, соединенные кожаными ремешками: коготь птицы (?) с бронзовой пронизкой, и клык кабарги с двумя бронзовыми пронизками» (Там же. С. 47, рис. 19, 10, 11). Подобный комплект «украшений» был обнаружен на груди женщины и в другой могиле этого же могильника (Там же. С. 41, рис. 13, 4–16). К сожалению, приведенные в публикации описания не позволяют реконструировать общий вид этих изделий.

Статистические данные из подгорновских материалов южной части Минусинской котловины позволяют нам выявить две закономерности. Во-первых, практически всегда подвески-амулеты из бронзовых пронизей и бусин сопровождают женские погребения. Во-вторых, обязательно наличие клыка кабарги (реже — кабана) или когтя птицы. Различные параллели из этнографических источников о роли животных (птиц) в посмертном путешествии (души) широко известны, поэтому здесь не будем отдельно их рассматривать.

Очень важным представляется факт наличия в составе подвески-амулета из могильника Станция Казановская-1 фрагмента грудины человека. Ритуалы, особенно погребальные, всегда связаны с магической семантикой «особых» предметов. Можно предположить, что часть скелета другого человека могла быть включена в состав подвески-амулета из погребального убора умершей женщины в качестве магического предмета, играющего какую-то роль в цикле «обрядов перехода», к которым относится и захоронение покойников. Различные манипуляции у «тагарцев» с частями тела умерших (ритуальные или связанные с процедурами мумифицирования тела) характерны для более позднего времени (см., например: Кузьмин, 1991). В могильнике Станция Казановская-1 зафиксированы два таких случая манипуляций в кургане № 2: в парном погребении № 3 грудина мужчины лежала на дне большого сосуда; в погребении № 2 запястную кость человека уложили в небольшой сосудик-курильницу. Примечательно, что этот комплекс, по косвенным данным, может датироваться более поздним временем, чем курган № 15.

К сожалению, в связи с ограблением большинства погребений могильника Станция Казановская-1 невозможно отметить еще какие-то «отклонения» в стандартном погребальном обряде. Представляется, что будущие тщательные раскопки тагарских захоронений помогут в более глубоком понимании сути погребальных ритуалов и роли в них амулетов.

Литература

- Александров и др., 2001 — Александров С. В., Паульс Е. Д., Подольский М. Л. Древности Аскизского района Хакасии. СПб.: ИИМК РАН, 2001. 101 с.
- Александров и др., 2014 — Александров С. В., Боковенко Н. А., Смирнов Ю. А. Археологические памятники долины Черного Июса на севере Хакасии. СПб.: ЭлекСис, 2014. 152 с.
- Алексеевко, 2007 — Алексеевко Е. А. Жизнь и смерть в представлениях народов Енисея // Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: Этнографические очерки / Науч. ред. Л. Р. Павлинская. СПб.: Наука, 2007. С. 30–50.
- Богданов и др., 2020 — Богданов Е. С., Солод Ю. А., Захарова И. П., Выборнов А. В. Исследование курганного могильника Станция Казановская-1 в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. Т. XXVI. С. 862–868.
- Вадецкая, 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука. 1986. 180 с.
- Грязнов и др., 1979 — Грязнов М. П., Завитухина М. П., Комарова М. Н., Миняев С. С., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 167 с.
- Кузьмин, 1991 — Кузьмин Н. Ю. Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель / Отв. ред. А. Д. Столяр. СПб.: ГМИР, 1991. С. 146–155.
- Лазаретов, 2007 — Лазаретов И. П. Памятники баиновского этапа и тагарская культура // АВ. 2007. Вып. 14. С. 93–105.
- Максименков, 2003 — Максименков Г. Д. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 192 с.
- Савинов, 2012 — Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2012. 180 с.
- Теплоухов, 1929 — Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. (В кратком изложении) // Материалы по этнографии. Л.: издание гос. Русского музея, 1929. Т. IV, вып. 2. С. 41–62.

Amulet pendant from a Tagar burial (cemetery of Stantsiya Kazanovskaya-1)

E. S. Bogdanov, A. V. Vybornov

In 2020, rescue archaeological investigations were conducted at the kurgan cemetery of Stantsiya Kazanovskaya-1 (Republic of Khakassia, Russia). The techniques of building (Fig. 1), organization of the external and internal space with the burial inventory (Fig. 2) and the features of the construction are characteristic of the Podgornovo stage of the Tagar culture (8th – 7th century BC). The paper pays special attention to burial No. 2 in the main fence of kurgan No. 15 where a peculiar ornament/amulet was found (Fig. 3). Finds of this kind in an undisturbed state are extremely rare in archaeological practice and allow the researchers to investigate the theme concerned with the features of the burial rituals of the early Tagar people. The evidence available allows us to suppose that the semi-spherical plaques of the early Tagar period may have been used in the ritual activities. The plaques (like buttons or ornaments) were

torn off from the everyday clothes and were dropped near the deceased. Another part of the ritual activities included putting amulet pendants from bronze beads and spacer beads together with fangs of musk deer (occasionally fangs of a boar or bird talons) into female graves. The presence of a fragment of a human breastbone in the composition of the amulet from the burial at Stantsiya Kazanovskaya-1 reveals yet another aspect of the notions of the people of the Khakassian-Minusinsk Basin about the post-mortem travel of a deceased individual. Bronze pipes/spacer beads and ‘caps’ in combination with flat, washer-like (or biconical) cornelian and argillite beads as parts of bracelets, necklaces, decorations of leather cases, mirrors and knives bore no semantic load just following canons of the beautiful in the Tagar society.

Псалии Тарасовой Балки

Т. В. Рябкова¹

АННОТАЦИЯ. Памятник Тарасова Балка обнаружен в 2011 г. Основная часть материалов датируется по найденным амфорам последней четвертью VII — началом VI в. до н. э. Среди многочисленных материалов скифского типа имеются удила и псалии из железа и кости. Некоторые из них были оформлены в скифском зверином стиле и были украшены изображениями синкретического животного, сочетающего черты хищной птицы и барана.

ANNOTATION. The settlement Tarasova Balka was discovered in 2011. The main part of the materials are dated through the dates of the associated amphorae to the last quarter of the 7th — beginning of the 6th century BC. Among the numerous materials of the Scythian type were found horse cheekpieces made from iron and bone. Some of them were decorated in the Scythian animal style and bore images of a syncretic animal combining features of a bird of prey and a ram.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: псалии, синкретический животный образ, импортная античная керамика, поселение периода скифской архаики, Тарасова Балка, Закубанье.

KEYWORDS: cheekpieces, syncretic animal image, imported antique ceramics, settlement of the Scythian archaic period, Tarasova Balka, Trans-Kuban region.

Памятник Тарасова Балка расположен в предгорьях Главного Кавказского хребта, на правобережье р. Лаба, в среднем ее течении. Равноудаленный от Майкопа и Армавира, он находится в регионе, насыщенном памятниками периода скифской архаики. Знаменитый Костромской (1-й Разменный) курган расположен в непосредственной близости — в 400 м к юго-западу. В нескольких десятках километров к западу находятся Келермесские курганы, Семиколенные курганы у пос. Тульский, курган у ст. Махошевская, могильник Фарс/Клады.

Краткая характеристика памятника и проведенных полевых работ

Памятник обнаружен в 2011 г., во время работ Южно-Кубанской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа по повторному исследованию 1-го Разменного (Костромского) кургана — эталонного комплекса раннескифского периода. Во время этих работ собраны представительная коллекция лепной керамики и фрагменты амфор и южно-ионийского кувшинчика (Рябкова, Логинова, 2013). Сходство керамического материала с найденным на соседнем с курганом поле послужило основанием для начала систематических раскопок предположительно поселенческого памятника, получившего название «Тарасова Балка».

Систематические работы на памятнике, площадь которого предположительно составляет около 2 га, ведутся с 2012 г. За прошедшие годы исследовано свыше 700 кв. м. Работы ведутся с учетом данных геомагнитной разведки, проведенной в 2015 г. Й. Фассбиндером и В. А. Тарасовым² на нескольких площадках в разных частях памятника. Его границы, определенные в результате закладки разведочных шурфов, расположены на плоской части возвышенности, примыкающей с севера к гряде с группой Разменных курганов. Наиболее исследованным является северный участок на склоне холма.

Первый раскоп (2014 г.) был заложен на участке, визуально воспринимаемом как наиболее высокое место рельефа. Дальнейшие исследования показали, что высота объясняется не столько перепадом рельефа, сколько быстрым формированием культурного слоя, повсеместно перекрывшего уровень древней погребенной поверхности. Высокая насыщенность слоя артефактами, большую часть которых составляли фрагменты керамики, обломки костей, колотая галька и куски обмазки, позволила предположить, что в этом месте в древности функционировала поселенческая свалка. Наряду с фрагментами качественной и разнообразной лепной керамики обнаружены фрагменты античных сосудов северо- и южноионийского производства. На основании общепринятых датировок этих сосудов период существования поселения

¹ 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Адрес электронной почты: ryabkova-tatyana@mail.ru.

² Jörg W. E. Fassbinder (Ludwig-Maximilians-Universitat, Munchen), В. А. Тарасов (ООО НПК «Элгео»).

определен второй половиной VII – VI в. до н. э. (Рябкова, 2015. С. 372). Общее количество фрагментов амфор весьма значительно и составляет от 1,1 до 2,1% от общего числа находок керамики на разных участках. Характерно, что фрагменты архаических амфор обнаружены во всех без исключения слоях. Вероятно, античная продукция поступала сюда уже на самых ранних этапах формирования культурного слоя. Находки многочисленных обломков предметов конской упряжи, защитного и наступательного вооружения свидетельствуют о всадническом и воинском характере занятий жителей. Из-за сложной стратиграфии памятника для всех этих изделий пока имеется недостаточно возможные для более узких датировок, чем определяемые по датам расписных ионийских сосудов.

В результате увеличения раскопов и последовательного расширения исследуемой площади памятника выявлены специфические признаки культурных отложений. Так, стало ясно, что хозяйственные ямы – обычная составляющая культурного слоя поселений – на Тарасовой Балке практически отсутствуют. Попытки объяснить это странное обстоятельство тем, что в мощном слое гумуса ямы проследить сложно, не выдерживают критики. Стратиграфические разрезы показывают, что в месте «свалки» равномерно насыщенный серый золистый слой с артефактами³ лежит на поверхности древнего горизонта и лишь в редких случаях прорезает его: в разрезах видны небольшие ямы. Похоже, что после их заполнения разбитые сосуды, поломанные предметы, камни и другой мусор бросали рядом. Свидетельством гигантских размеров скопления является тот факт, что при исследовании культурного слоя в границах раскопов, расположенных вниз по склону (к северу), в верхних горизонтах фиксируются артефакты, характерные для нижних слоев квадратов в центре скопления. Скопление, современными размерами 24–26 (запад–восток) × 16 (север–юг) м⁴, по предварительным подсчетам, имеет площадь ~ 384 кв. м и предположительно округлую форму. И если

³ Насыщенность слоя в этой части сопоставима с античными памятниками и составляет до 48000 находок на площади в 100 кв. м.

⁴ Размеры скопления определены по данным стратиграфии: там, где оно завершается, зафиксированы естественные процессы почвообразования, линза погребенной почвы не видна, хотя серый золистый слой еще фиксируется. Размеры с запада на восток определены, зафиксирована северная граница, протяженность на юг может быть определена в результате дальнейших исследований.

максимальная мощность слоя сейчас достигает 0,9–1 м, то в древности, бесспорно, высота скопления была более внушительной. В 2016 г. в его слоях было обнаружено захоронение взрослой женщины, совершенное в соответствии с раннемеотским погребальным обрядом (Рябкова, 2019б. С. 91). Предположение о том, что данное погребение относится к могильнику, расположенному по северной части склона, дальнейшими исследованиями не подтвердилось. Объекты и комплексы, зафиксированные в пределах скопления, являются, как правило, остатками небольших кострищ/ очагов на уровне древнего горизонта.

Продолжающиеся раскопки вносят коррективы в представления о памятнике, сложившиеся на начальных этапах его изучения. Существование гигантской свалки в центральной части памятника – самой высокой части холма – выглядит довольно странно. Вероятно, дальнейшие исследования позволят интерпретировать эти данные.

Именно в границах этого «мусорного скопления» была собрана представительная коллекция наконечников стрел разнообразных типов, панцирные чешуйки из железа, бронзы и кости, портупейные крюки, колчаные застежки, обломки ситул и прочих предметов, характерных для периода скифской архаики. Значительное место среди находок принадлежит предметам конской упряжи: мелким обломкам петель удил и фрагментированным псалиям разных типов. Обстоятельство само по себе немаловажное и неоднозначное: среди материалов близких по времени 1-го Разменного (Костромского) и 10-го Разменного курганов псалии отсутствуют напрочь, но зато удил много (см. ОИАК, 1900. С. 11–14; Рябкова, 2013).

Псалии

Наиболее часто встречаются *железные трехдырчатые псалии* (рис. 1, 1–10). Они представляют собой длинную плоскую пластину с тремя отверстиями в центре, сужающуюся к концам. Полностью сохранившихся экземпляров пока не найдено, однако специфическая форма фрагментированных позволяет сопоставить их с псалиями из погребений № 101, 163, 168 Владимировского могильника близ Новороссийска и кургана 41 могильника Фарс/Клады (Шишлов и др., 2007. Рис. 4, 7; Рябкова, 2012. Кат. 107).

Несколько реже встречаются железные *трехпетельчатые псалии* (рис. 1, 11–14). Они представляют собой круглый в сечении стержень, верхний

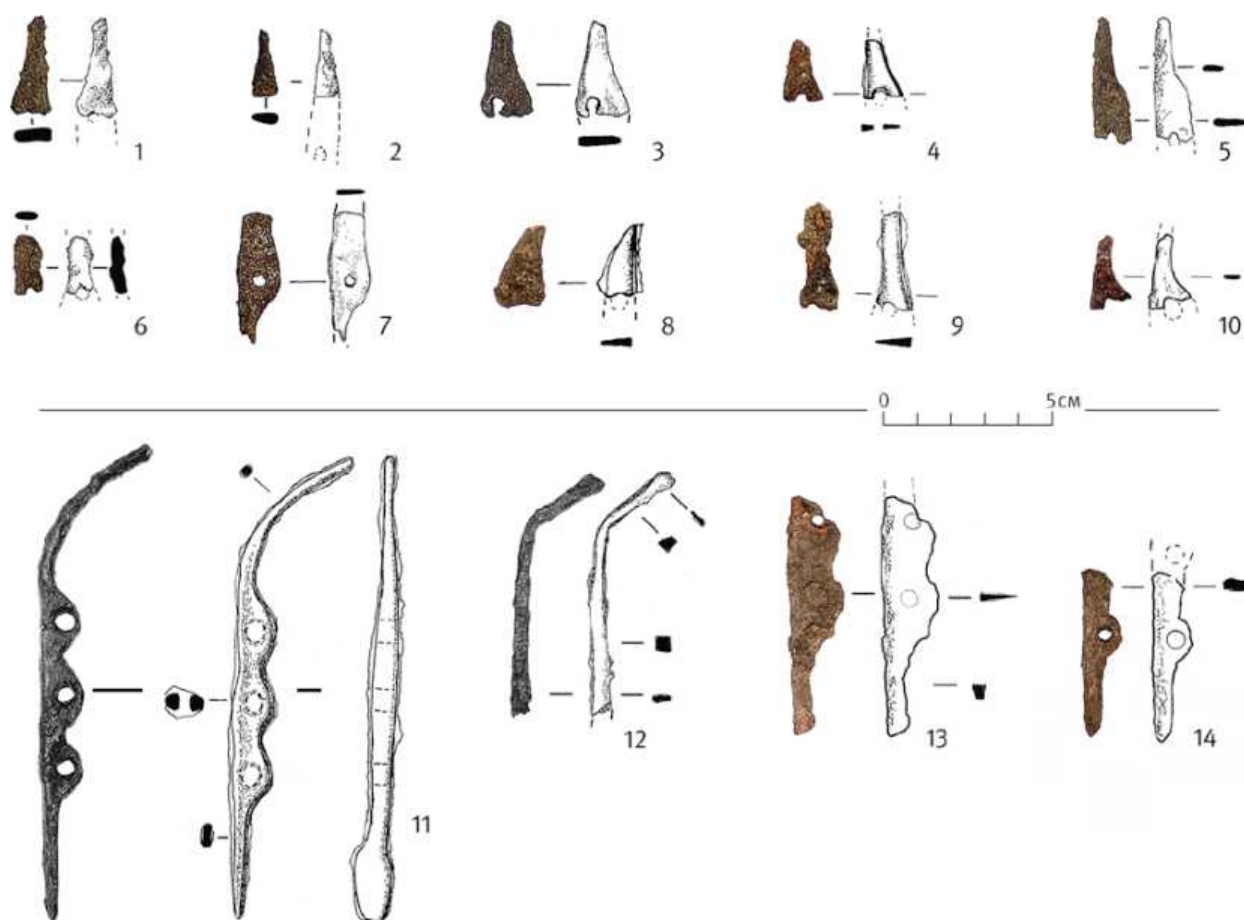

РИС. 1. Тарасова Балка. Железные псалии. 1–10 – фрагменты трехдырчатых псалий; 11–14 – фрагменты трехпетельчатых псалий

FIG. 1. Tarasova Balka. Iron cheekpieces. 1–10 – fragments of three-hole cheekpieces; 11–14 – fragments of three-looped cheekpieces

конец которого изогнут, может завершаться небольшой шишечкой, нижний может быть прямым или расклепанным в виде лопасти (копыта?). В средней части стержня три петлевидных выступа. Аналогии псалиям подобного типа широко представлены в материалах памятников Северного Причерноморья: кургана № 20 могильника Нартан (Батчаев, 1985. Табл. 48, 5–12, 15, 17), кургана 2 В могильника Келермес (Галанина, 1997. Табл. 23. Кат. 284), кургана № 15 у с. Стеблев (Клочко, Скорий, 1993. Рис. 3, 7, 8), погребения № 28 Владимировского могильника (Шишло и др., 2007. Рис. 4, 9), что позволяет соотнести эти псалии с изделиями из древнейших скифских памятников Северного Причерноморья.

В Тарасовой Балке также найдены *костяные / роговые фрагментированные псалии* и части составных псалий (рис. 2). Оформленные в виде головок барано-птиц верхние части составных псалий

крепились, вероятно, на деревянную основу (рис. 2, 1, 2). Наиболее сохранный экземпляр выполнен в технике круглой скульптуры, поверхность тщательно обработана и заполирована, в основании – отверстие для штифта. Голова животного выполнена в технике высокого рельефа, глаз передан циркульным кружком с отверстием в центре, подтреугольное небольшое ухо расположено над нижним изгибом рога. Оба рога выступают над поверхностью лба. Восковица изображена вертикальной чертой, видны ноздри, надклювье и подклювье, переданные врезными линиями. Клюв гипертрофированно изогнут, что подчеркивает стремление резчика придать изображению черты хищной птицы. Отсутствие глаза и уха на оборотной стороне может объясняться как уничтожившим их повреждением, так и пористой структурой рога (рис. 2, 1). От второго экземпляра сохранился лишь небольшой фрагмент (рис. 2, 2), однако, не-

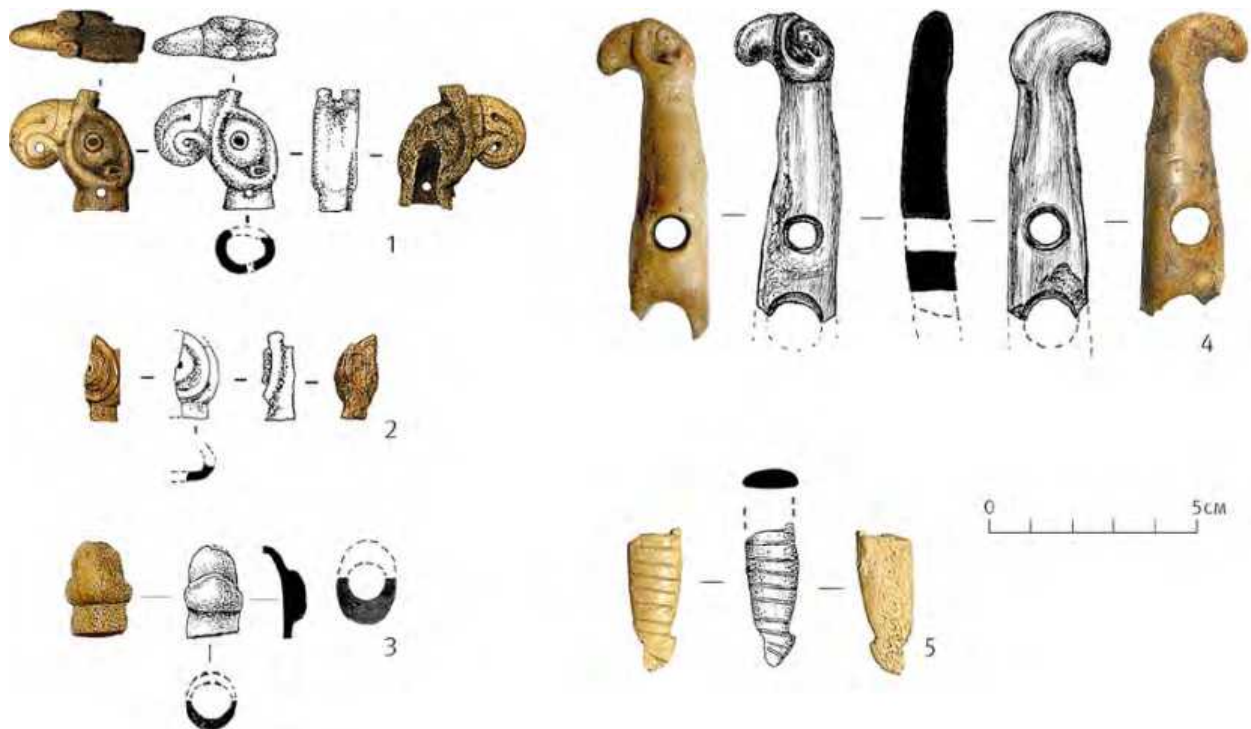

РИС. 2. Тарасова Балка. Псалии из рога / кости. 1-3 – части составных псалиев; 4 – трехдырчатый псалий; 5 – фрагмент пластинчатого трехдырчатого псалия

FIG. 2. Tarasova Balka. Cheekpieces from horn / bone. 1-3 – parts of composite cheekpieces; 4 – three-hole cheekpiece; 5 – fragment of a lamellar three-hole cheekpiece

смотря на некоторые отличия в передаче глаза и рога, его сходство с предыдущим очевидно. Однозначно определить, что изображено на третьем фрагменте составного псалия, невозможно: это могли быть как головка, так и копыто (рис. 2, 3).

Составные псалии с деревянной основой и костяными наконечниками – довольно редкое явление в репертуаре скифской культуры (Полидович, 2004. С. 152). Наибольшее распространение они получили в Закубанье и массово представлены лишь в материалах старших курганов Келермеса 1 В и 2 В. Типологически сходные, но стилистически отличающиеся от келермесских, предметы встречаются в кочевнических памятниках несколько более позднего времени (Репяховатая могила, погребение № 1, Новозаведенное-II, курганы № 5, 13, 14 (Рябкова, 2019а. С. 332)). Наибольшее стилистическое сходство с изображением барано-птицы с наконечника псалия из Тарасовой Балки имеют наконечники псалиев из Келермесского кургана 1 В (Галанина, 1997. Табл. 21, 168, 179, 180).

Синкретический образ барано-птицы или грифо-барана – одна из наиболее популярных тем раннескифского искусства звериного стиля. По всей видимости, этот образ был порожден средой нома-

дов, поскольку даже в Передней Азии он достоверно связывается только с кочевническими древностями. Изображения барано-птицы не встречаются на предметах роскоши и не были известны переднеазиатским мастерам. Давно отмечено, что этот образ объединяет черты двух основных раннескифских мотивов: барана и птицы, – и не имеет ничего общего с переднеазиатским грифоном (Ильинская, 1965. С. 100). Насколько можно судить, образ барано-птицы использовался почти исключительно для оформления предметов конского оголовья (псалии, уздечные пронизи), что подчеркивает его специфическую семантическую нагрузку. Изредка костяные втульчатые изделия с изображением барано-птицы интерпретируются как навершия ногаек или налучья, т. к. обнаружены в единичных экземплярах (см. сводку: Канторович, 2015. С. 1649).

От трехдырчатого костяного псалия, выполненного в технике круглой скульптуры, сохранилась верхняя часть стержня с двумя петлями, заканчивающаяся головой барана или барано-птицы (рис. 2, 4). «Видовую принадлежность» имеющегося на псалии зверя точно определить невозможно, поскольку конец псалия просто заполирован, ни-

каких деталей не изображено. Форма его напоминает как изогнутый клюв птицы, так и горбоносую морду барана. Этот псалий использовался недолго — на нем отсутствуют следы потертости и вмятины от удил, как правило, отчетливо видимые на рабочих предметах около центрального отверстия. Изображения глаза и рога переданы в технике объемной резьбы, основным приемом которой был подрезной рельеф: в таких случаях фон вырезался для создания объемных форм изображения (*Бородовский*, 2007. С. 103). В центре выступающего круглого глаза высверлено точечное отверстие для изображения зрачка, ухо подтреугольной формы передано двумя рельефными валиками и расположено над нижним изгибом рога, вписанного в форму головы. Обратная поверхность без изображений, тщательно заполирована, следов от использования удил не заметно.

Стержневидные трехдырчатые псалии с равными по величине отверстиями в одной плоскости из рога и кости (отдел 2, группа 1, тип 2, по классификации С. Б. Вальчака) имеют широкий территориальный и хронологический диапазон (*Вальчак*, 2009. С. 64). Тем не менее важно отметить, что округлые в сечении «скульптурные» (Рысайкино) и деревянные псалии (от которых сохранились лишь верхние и нижние костяные детали в старших курганах Келермеса), вероятно, использовались ранее уплощенных — полукруглых в сечении. По своим стилистическим особенностям изображение на псалии из Тарасовой Балки демонстрирует наибольшую близость изображениям на наконечниках псалиев и пронизям из курганов Келермеса (*Галанина*, 1997. Кат. 166–170, 232, 234, 291, 292) и пронизи из кургана № 1 у г. Новопавловска (*Канторович и др.*, 2007. Рис. 39). Заостренное ухо подтреугольной формы — характерный признак изображений барано-птиц и баранов на предметах узды из Предкавказья, в то время как на серии изображений из Приднепровья бараны часто изображаются вообще без уха (*Рябкова*, 2014. С. 214). Таким образом, этот псалий, так же как и наконечники составных псалиев, тесно связан с кругом изделий из раннескифских памятников Предкавказья.

Литература

Батчаев, 1985 — *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // Батчаев В. М., Барцева Т. Б., Кереев Б. М. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н. э. — II в. н. э.). Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7–116. (Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг.; Т. 2).

Нижняя часть костяного псалия, заканчивающегося небольшим копытцем (*рис. 2, 5*), относится к артефактам, более характерным для памятников Приднепровья. Его внешняя поверхность декорирована горизонтальными гравированными линиями, обратная заполирована. Отверстий не сохранилось, но поскольку этот тип хорошо известен, можно утверждать, что обломок из Тарасовой Балки является частью трехдырчатого пластинчатого псалия с зооморфными окончаниями. Трехдырчатые псалии широко распространены в раннескифских памятниках Приднепровья (см. сводку: *Могилов*, 2008. Рис. 42; 43; 46; 47; 53; 54). Стержни псалиев с зооморфными окончаниями часто орнаментировались различными изображениями. Гравированный узор в виде наклонных и горизонтальных линий, клеточек, углубленных треугольников и др. мог располагаться как на верхней, так и на нижней части стержня. Например, похожими горизонтальными насечками декорированы стержни псалиев из кургана № 467 у с. Аксютинцы (*Галанина*, 1977. Табл. 18, 8). Редкость пластинчатых экземпляров в Предкавказье позволяет предположить, что обломок пластинчатого псалия из Тарасовой Балки относится к кругу изделий из раннескифских древностей Приднепровья.

Обсуждение

Сложный характер стратиграфии культурного слоя Тарасовой Балки, в котором обнаружены обломки псалиев, не позволяет датировать их более узко, чем вторая половина VII — начало VI в. до н. э., согласно датировкам античных сосудов. Например, обломок трехдырчатого экземпляра обнаружен в слое вместе с фрагментами милетской ойнохойи, дата которой определяется в пределах 630–610 гг. до н. э. Тем не менее представляется, что «автоматический перенос» датировок импортных изделий на даты всех находок в слое может быть некорректным. Для более точного определения дат и для ответа на вопрос о причинах разнообразия типов псалиев, представленных на скромном по размерам поселенческом памятнике, необходимы дальнейшие исследования.

Бородовский, 2007 — *Бородовский А. П.* Древний резной рог Южной Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 176 с.

Вальчак, 2009 — *Вальчак С. Б.* Конское снаряжение в первой трети 1-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М.: Таус, 2009. 291 с.

Галанина, 1977 — *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга). М.: Наука, 1977. 68 с. (САИ; Вып. Д1–33).

- Галанина*, 1997 — *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997. 316 с. (Степные народы Евразии; Т. 1).
- Ильинская*, 1965 — *Ильинская В. А.* Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // *СА*. 1965. Вып. 1. С. 86–106.
- Канторович*, 2015 — *Канторович А. Р.* Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: Дис. ... докт. ист. наук. М., 2015. 1686 с.
- Канторович и др.*, 2007 — *Канторович А. Р., Петренко В. Г., Маслов В. Е.* Раскопки кургана раннескифской эпохи у г. Новопавловска: предварительная публикация // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Вып. 7. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 168–207.
- Клочко, Скорий*, 1993 — *Клочко В. И., Скорий С. А.* Курган № 15 біля Стеблева у Поросці // *Археологія*. 1993. Вип. 2. С. 71–84.
- Могилев*, 2008 — *Могилев О. Д.* Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ, 2008. 439 с.
- Полидович*, 2004 — *Полидович Ю. Б.* Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // *Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности*. Донецк, 2004. С. 143–165. (Археологический альманах; Вып. 15).
- ОИАК, 1900 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 г. СПб.: Типография главного управления уделов, 1900. 178 с.
- Рябкова*, 2012 — *Рябкова Т. В.* Кочевники предскифского и раннескифского времени в Северном Причерноморье // *Кочевники Евразии на пути к империи*. Из собрания государственного Эрмитажа: Каталог выставки / Общ. науч. ред. М. Б. Пиотровский. СПб.: Славия, 2012. С. 50–59.
- Рябкова*, 2013 — *Рябкова Т. В.* 1-й Разменный (Костромской) и 10-й Разменный курганы // *Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке: Мат-лы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.)* / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 378–385.
- Рябкова*, 2014 — *Рябкова Т. В.* Три костяных псалия из Прикубанья в коллекции Эрмитажа // *АВ*. 2014. Вып. 20. С. 205–215.
- Рябкова*, 2015 — *Рябкова Т. В.* Поселение Тарасова Балка — памятник раннего железного века в Закубанье (Предварительная публикация) // *Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы*. СПб.: Изд-во ГЭ, 2015. С. 359–374. (Тр. ГЭ; Вып. LXXVII).
- Рябкова*, 2019а — *Рябкова Т. В.* Формирование раннескифского культурного комплекса Келермесского могильника в Закубанье // *Stratum plus*. 2019. № 3. С. 319–338.
- Рябкова*, 2019б — *Рябкова Т. В.* Исследование 7-го Разменного кургана и продолжение работ на поселении Тарасова Балка // *АСГЭ*. 2019. № 42. С. 86–91.
- Рябкова, Логинова*, 2013 — *Рябкова Т. В., Логинова Е. Ю.* Керамический комплекс Костромского кургана (предварительная публикация) // *Шестая международная Кубанская археологическая конференция: Сборник материалов* / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 370–374.
- Шишлов и др.*, 2007 — *Шишлов А. В., Федоренко Н. В., Колпакова А. В., Кононенко А. П.* Материальная культура Владимировского могильника // *Исторические записки (исследования и материалы)*. Вып. 5. Новороссийск, 2007. С. 63–73.

Horse cheekpieces from the settlement Tarasova Balka

T. V. Ryabkova

The paper is a publication of cheekpieces found during the investigation of the site Tarasova Balka of the early Scythian period discovered in the Trans-Kuban region in 2011. In the course of the excavations in the central area of the site, an enormous accumulation of artefacts was revealed measuring about 384 sq m in area. The richness of the layer was comparable to that of the ancient cities that is untypical of the nomadic sites. Along with fragments of high-quality handmade pottery constituting the main portion of the finds, were found fragments of pottery of the Classic period of north- and south-Ionian production dated to within the 7th — first half of the 6th century BC. The quantity of the amphora fragments is from 1.1 to 2.1 percent from the total number of the finds of pottery in different areas. Numerous finds

of arrowheads, fragments of armour, and items of horse gear suggest a militarized character of the occupations of the population. Cheekpieces from Tarasova Balka are represented by different types. Three-hole iron cheekpieces characteristic of proto-Maeotic sites of the Trans-Kuban region (**Fig. 1, 1–10**) are those most frequently found. Slightly more uncommon are iron three-looped cheekpieces typical of early Scythian sites of the Black Sea littoral (**Fig. 1, 11–14**). Cheekpieces from bone and horn decorated in the Scythian animal style are rare finds (**Fig. 2**). The complicated nature of the stratigraphy of the cultural layer does not allow the researchers to date them more narrowly than the second half of the 7th — beginning of the 6th century BC in correspondence with the dates of the associated pottery of the Classic period.

О моделях в погребальном инвентаре пазырыкской культуры: обзор источников, этнографические параллели, подходы к интерпретации

Н. А. Васильева¹

АННОТАЦИЯ. Благодаря уникальной сохранности органических материалов погребения пазырыкской культуры богаты разнообразными моделями вещей. В статье рассмотрены наиболее выразительные копии и имитации, приведены рассуждения об их назначении, выборе материала и технике изготовления.

ANNOTATION. Thanks to the unique preservation of organic materials, a variety of models of different objects were uncovered in burials of the Pazyryk culture. This article discusses the most expressive copies and imitations, considers their purpose, the choice of the material and techniques of their making.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: модель, копия, имитация, вотив, апомтронеи, пазырыкская культура, Алтай.

KEYWORDS: model, copy, imitation, votive, apotropaion, Pazyryk culture, Altay.

В архаический период эпохи ранних кочевников (VIII–VI вв. до н. э.) модели, копии и имитации предметов составляют ничтожный процент находок. Редкие уменьшенные копии вещей обычно представлены металлическими подвесками в виде сосудов (Аржан-2; Усть-Хаддынныг I, курган № 1) и, скорее всего, служили знаком принадлежности к конкретному роду или социальной группе (см.: Кисель, 2007. С. 76–77; 2013, С. 60). Встречаются и вещи, специально изготовленные для погребения — как правило, они относятся к элементам костюма (Поздняков, 2017. С. 216; Кисель, 2019. С. 112). Только с наступлением «классического» периода произошли кардинальные изменения в погребальном обряде степняков. Именно тогда в захоронениях начинают массово встречаться различные модели вещей.

В погребениях Алтая в сопроводительном инвентаре выделяются изделия, специально изготовленные для захоронения. Многие из них являются полномасштабными имитациями предметов. Присутствие таких вещей С. И. Руденко связывал с производством копий ценных изделий, «металл был дорог, поэтому там, где можно было обойтись без него, использовался другой материал» (Руденко, 1953. С. 172).

Надо отметить, что погребальный обряд пазырыкской культуры был насквозь пронизан идеей имитации: мумификация умерших сохраняла их прижизненный облик; женские погребальные

«парики» повторяли внешний вид статусных головных уборов; украшение и маскировка сопроводительных коней превращали их в фантастических животных (Дыренкова, 2012. С. 210; Степанова, 2012. С. 110; Кисель, 2018. С. 122).

Изучение специфики моделей в погребальных памятниках скифского времени Алтая совпадает с началом исследований первых больших курганов с мерзлотой, благодаря которой сохранились многочисленные изделия из органических материалов. Среди них значительно преобладают изделия из дерева. Разнообразные предметы — от изящных небольших подвесок до основательных срубных конструкций — были задействованы во всех сферах жизнедеятельности «пазырыкцев». Повсеместное использование дерева, высокий уровень мастерства обработки древесины, растительные мотивы в искусстве — яркие черты пазырыкской культуры. Именно древесина тогда стала основным материалом для изготовления имитаций.

Дальнейшие археологические исследования памятников Алтая подтвердили традицию использования среди погребального инвентаря «специально изготовленных» предметов. Большая часть подобных находок стала известна благодаря систематическому и комплексному изучению малых курганов Алтая. Именно в них было найдено большинство известных моделей предметов пазырыкской культуры.

Исследователи пазырыкских курганов уделяли особое внимание обнаруженным моделям и предлагали объяснения распространения таких явлений как имитация и копия, указывая на назначе-

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж, Отдел научной реставрации и консервации.
Адрес электронной почты: nvasiljeva@yandex.ru.

ние этих предметов (Сорокин, 1966, 1974; Кубарев, 1987, 1991, 1992; Савинов, 1993, 2016; Молодин, 2000; Кубарев, Шульга, 2007 и др.). Общим местом стал вывод о том, что подмена реальных вещей их копиями связана с традицией приношения даров обитателям иного мира. Однако аргументация этого заключения была недостаточно разработана.

Говоря о традиции использования вотивов народами Саяно-Алтая в ритуальной практике, В. П. Дьяконова подчеркнула, что «в духовной культуре такая преемственность определяется этногенетическими и историко-культурными процессами, наблюдающимися в ходе исторического формирования народностей Саяно-Алтая и Центральной Азии» (Дьяконова, 1984. С. 37). Привлечение этнографического материала необходимо для иллюстрации и объяснения явления моделирования вещей, обнаруженных в погребениях пазырыкской культуры. Ранее подобный опыт был предпринят при анализе погребального инвентаря могильника Кокэль (Васильева, 2010; 2018). Однако истоки процесса вотивизации скрываются в более древнем периоде, чем хуннское время, которым датируется этот некрополь.

В курганах пазырыкской культуры среди сопроводительного инвентаря встречены как ранее бытовавшие вещи, так и модели предметов. Практически в каждой категории находок обнаружены изделия «специально сделанные» или «специально подготовленные» для захоронения. Разные категории погребального инвентаря, очевидно, несли и различную смысловую нагрузку.

Предметы, ранее бытовавшие, со следами использования или поломанные, встречены среди посуды, изделий из железа (оружие, узда, ножи, проколки и пр.). Согласно этнографическим данным, у большинства народов Юга и Северо-Востока Сибири было принято сопровождать покойного личными вещами, которые могли пригодиться ему в загробном существовании (Потанов, 1949. С. 199; Дьяконова, 1975. С. 19–20, 34–35; Народы..., 2010. С. 480, 616, 668). Как правило, женщинам клали предметы рукоделия, а мужчинам — инструменты и оружие. Широко бытовали представления, что одна из «душ» покойного «находится в его личных вещах» (Кенин-Лопсан, 2002. С. 68–69).

Поломка предметов, принадлежавших покойному, символизировала их умерщвление: в этот момент дух вещи высвобождается и отправляется вслед за душой покойного (Косарев, 2003. С. 104). По материалам погребений пазырыкской культуры

известно, что предмет могли не только ломать, но и наглухо зашивать в футляры или сумочки. В. Д. Кубарев писал, что все зеркала и их заменители, обнаруженные в могильниках Уландрыка и Юстыда, имели полностью зашитые войлочные футляры (Кубарев, 1991. С. 106). Были обнаружены также кинжалы, зашитые в кожаные ножны² (Кор-Кечу). Можно предположить, что таким образом вещь становилась недоступной для зловредных духов. Нет возможности вынуть ее из такого футляра, а значит, и воспользоваться ею.

Сохранились в немалом количестве и находки из кожи и шерсти. В большинстве курганов пазырыкской культуры одежда представлена фрагментарно. Однако изредка удавалось обнаружить целые комплекты одежды, со следами изношенности. Так, в кургане № 2 могильника Уландрык I обнаружены детская курточка, головной убор и сапоги (Кубарев, 1987. С. 84–87). Это погребение представляет собой захоронение вещей без останков погребенного, т. н. кенотаф. Вообще, среди пазырыкских захоронений кенотафные и полукенотафные захоронения не являются редкостью³.

В таких случаях сопроводительный инвентарь мог быть не только принадлежностью умершего, труп которого оказалось невозможным захоронить, но и «посылкой» в загробный мир (Дьяконова, 1960. С. 153. 1975, С. 23; Косарев, 2003. С. 99). «Затребованные» личные вещи ранее умершим могли быть отправлены на тот свет и отдельно. Такой обряд — «проводы и убиение старинных вещей» — известен в бурятской традиции (Вселенная..., 2014. С. 99).

Погребальная пища, как правило, находилась при каждом погребенном в т. н. хозяйственном отсеке. Среди посуды преобладают деревянные изделия, обычно это блюда и круглодонные сосуды. Они найдены в сломанном или фрагментарном состоянии, со следами изношенности, ремонта. Миниатюрных изделий среди них нет. Все же В. Д. Кубарев назвал некоторые экземпляры посуды «моделями», отмечу, что все они происходят из детских погребений и вполне могли быть спе-

² В некоторых погребениях тагарской культуры также обнаружены кинжалы в «глухих» ножнах.

³ Уландрык II, курганы № 6 и 11; Юстыд I, курган № 6; Юстыд XII, курган № 3; Юстыд XXII, курган № 1; Малталу IV, курган № 18; Бике-I, курганы № 4 и 6; Кайнду, курганы № 12 и 13; Тыткескень-VI, курган № 11; Салдам, курган № 7; Айрыдаш-III, курган № 4; Ак-Алаха V, курган № 1 (см.: Кубарев, 1987; 1991; 1992; Кубарев и др., 1990; Кирюшин, Степанова, 2004; Полосьмак, 2001).

циально изготовлены уменьшенного размера (Кубарев, 1987. С. 49, 51).

Среди керамических изделий привлекают внимание предметы с рудиментарными признаками. К таковым следует отнести лепные керамические сосуды, форма и орнамент которых имитирует швы кожаной посуды⁴. В свое время С. С. Сорокин отметил, что «в основе вариации очертаний части горшков лежит, скорее всего, форма, восходящая к сосудам, шитым из кожи, — округлый со слегка скругленным дном корпус, плавно переходящий в горло-раструб (могильник Кок-су 1, курганы № 15, 18, 19, 21, 29). Эта основа угадывается также в кувшинах с резко очерченным плоским дном (могильник Кок-су 1, курганы № 27, 30, 31, 33)» (Сорокин, 1974. С. 80). Подобные керамические сосуды известны и по многим памятникам пазырыкской культуры⁵. Перенос технических приемов шитья кожаной посуды⁶ на другой материал демонстрируют редкие роговые сосуды⁷ (Ак-Алаха-3, курган № 1; Верх-Кальджин II, курганы № 1 и 3; Юстыд-13, курган № 5; Пазырык, курганы № 2 и 5). Такие имитации подробно описаны в работах А. П. Бородавского (Бородавский, 2000).

В скифских захоронениях Причерноморья посуда из рога также немногочисленна. Там были найдены роговые ритоны (Талаевский курган⁸, Великая Знаменка, курган № 13, Большой Рыжановский курган). Большинство причерноморских сосудов в форме бычьего рога выполнены из драгоценных металлов (Келермесский курган № 3, Семибратний курган № 4 и др.) (Манцевич, 1957;

Власова, 2000). А. П. Манцевич приводит пример применения «рогов быков, украшенных золотом» в качестве даров в святилище Зевса (Манцевич, 1957. С. 165). Самые известные ритоны из слоновой кости происходят из храма Окса и Нисы (Литвинский, 2010. С. 135–145; Пилипко, 2001). Б. А. Литвинский о роли ритона из храма Окса писал следующее: «...в древности у иранцев ритоны находили применение в связанных с зороастризмом обрядах ритуального возлияния...» (Литвинский, 2010. С. 145). Авторы раскопок Амударьинского клада отождествляют эти находки с вотивами (Пичикян, 1998. С. 185–186).

Среди деревянной посуды выделяются ковши с зооморфными ручками⁹ и блюда-столики на фигурных или зооморфных ножках. Иногда посуда была окрашена в красный цвет. Деревянные ковши со съемной изогнутой роговой ручкой¹⁰ или с деревянной ручкой, повторяющей форму рога, среди обрядовой посуды известны уже в захоронениях VII в. до н. э., происходящих с территории Тувы (Аржан-2, Чинге-Тэй 1) (Чугунов и др., 2017; Чугунов, 2011). В кургане № 2 могильника Пазырык были обнаружены деревянный ковш с ручкой из бычьего рога и еще одна такая же ручка от другого несохранившегося деревянного сосуда (Руденко, 1953. С. 88–89). Часто такая посуда также имела накладки, украшенные растительным орнаментом¹¹, выполненные из драгоценных металлов, например, как на ковше из кургана Туэкта I (Руденко, 1960. С. 117). Данные сосуды неоднократно привлекали внимание исследователей (Манцевич, 1966; Полосмак, 2001; Королькова, 2003; Кисель, 2007, 2013; Засецкая, 2011).

Интерес также вызывает появление в пазырыкских погребениях блюд-столиков на ножках. В богатых захоронениях они имеют художественно оформленные ножки, которые могут быть зооморфными (Пазырык, курган № 2; Юстыд XII, курган № 19), выполненными из дерева или сочетающимися дерево и бронзу (Юстыд XII, курган № 19; Балык-Соок-1). В. Д. Кубарев и П. И. Шульга писали: «Блюдо-столик с уложенной на него курдючной частью барана (обычно вместе с ножом) в погребении можно также рассматривать как жертвенник, обращенный

⁴ Возможно, появление такого рода «имитации» связано именно с древнейшим технологическим приемом изготовления керамики: сосуд из органики, в данном случае кожи, обмазывался глиной и в дальнейшем подвергался обжигу — таким образом на поверхности готового глиняного изделия сохранялись отпечатки от швов. Со временем следы производства могли трансформироваться в «имитацию» шва (Семёнов, Коробкова, 1983. С. 210).

⁵ Уландрык I, курган № 2; Уландрык II, курган № 4; Барбургазы I, курган № 2; Барбургазы I, курган № 15; Юстыд XII, курган № 20; Пазырык II и др.

⁶ В тюркском мире кожаная фляга с аракой традиционно являлась почетным подношением гостю. Молочные продукты обладали очистительной силой (Сагалаев, Октябрьская, 1990. С. 158).

⁷ Возможно, единственным примером употребления рога как сосуда, можно назвать рожок из кургана 5 могильника Пазырык (Руденко, 1953. С. 98, 101). Внутри него находилась миниатюрная ложечка-лопаточка, тоже, вероятно, единственный пример миниатюрной посуды из погребений пазырыкской культуры.

⁸ Ритон Талаевского кургана был изготовлен из рога оленя.

⁹ Пазырык, курган № 2; Уландрык I, курган № 3; Уландрык II, курган № 8; Уландрык IV, курган № 1.

¹⁰ Обычно вырезаны из рога оленя. Кончик таких ручек оформлен в виде конского копыта.

¹¹ Накладки с растительным орнаментом из драгоценных металлов известны не только на ковше из кургана Туэкта I, этот же мотив представлен на серебряном украшении верхнего фриза рогового ритона из Талаевского кургана.

к душе умершего сородича и божествам потустороннего мира» (Кубарев, Шульга, 2007. С. 63).

Бронзовая ножка трона с деревянным сердечником известна по материалам храма Окса (Литвинский, 2010. С. 382–384). Подобные изделия найдены и в памятниках Причерноморья. Н. И. Сокольский писал: «...при раскопках ольвийского некрополя в могиле, относящейся к концу VI в. до н. э., были обнаружены четыре полые бронзовые ножки <...> копытного животного (козлиные), сохранившие внутри остатки древесины» (Сокольский, 1971. С. 88), там же приведены и другие примеры. Пазырыкские блюда часто были с бортиками по краю. Такую же деталь и у столиков в Геркулануме описал Н. И. Сокольский. О ножках трапез с копытами он писал следующее: «Обычай делать ножки столов, как и другой мебели, в виде ног животных уходит далеко в греческую архаику, а с эллинистического времени становится повсеместным» (Там же. С. 107).

В пазырыкских курганах ножки блюд-столиков могли быть и в виде ряда шаровидных выпуклостей — «жемчужников», причем как токарные экземпляры, так и вырезанные вручную, подражающие токарным¹² (Пазырык, курганы № 1, 2, 3 и 4). Такая форма точеных деталей широко известна по материалам Боспора (Там же. С. 194). Ножки мебели точеные и резные в форме лап были распространены в ахеменидском Иране (Литвинский, 2010. С. 386, 388).

В захоронениях пазырыкцев найдены и более простые блюда на коротких ножках, зачастую вырезанные вместе со столешницей из единого куска дерева. Похожие блюда известны по материалам Ферганы (Литвинский, 1978. С. 62–70).

Захоронения воинов часто сопровождалось погребением коня. Конь, очевидно, предназначался для перемещения умершего в загробный мир. Обращают на себя внимание случаи обнаружения фигурок животных среди сопроводительного инвентаря в могилах. Отдельные изображения (олень, конь, баран, птица и др.), выполненные из дерева, как в контексте деталей украшений и одежды, так и вне его, встречены в захоронениях разных групп населения. Однако иногда такие скульптурки находили среди набора сопроводительной посуды. Например, в кургане № 4 могильника Уландрык III в северо-восточном углу сруба «найден обломан-

ная фигурка какого-то животного», рядом находились фрагменты керамического сосуда, несколько бараньих позвонков и однолезвийный железный нож (Кубарев, 1987. С. 181). В кургане № 14 могильника Барбургазы I головка оленя лежала под блюдом. В кургане № 25 этого же могильника в большом деревянном блюде обнаружены скульптурная головка оленя и фигурка коня вместе с бараньими позвонками и обломками железного ножа. Вторая фигурка коня и «туловище» оленя найдены под обломками керамического сосуда и деревянной кружки (Кубарев, 1992. С. 131).

Возможно, в некоторых случаях деревянные изображения могли замещать жертвенное животное¹³, и поэтому среди угощений клали дефектные или вышедшие из употребления декоративные детали одежды, эгретов, гривен. В. П. Дьяконова писала, что «у тувинцев в ряде религиозных культов <...> жертвенное животное заменялось фигурками, вылепленными из муки или вырезанными из дерева, бересты и других материалов. Алтайцы и тувинцы эту традицию охраняют и поныне» (Дьяконова, 1984. С. 37).

Не исключено, что появление традиции замещения жертвоприношений у представителей пазырыкской культуры могло быть связано с внешним культурным влиянием. В Китае, в погребении № 7 могильника Ньюцапо (Чанци, Шэньси), датированном V–IV вв. до н. э., погребенного сопровождали семь «персонажей», среди которых три человеческие жертвы находились вдоль восточной и южной стен, а две пары деревянных статуэток — рядом с западной и северной. В погребении V в. до н. э. в Ланциажуан (рядом с Линци), основное захоронение было мужским, а среди 26 сопроводительных погребений 17 принадлежало молодым девушкам. Две из них сопровождалась человеческими жертвоприношениями, а шесть — маленькими глиняными статуэтками. (Howard et al., 2006. P. 43–44). Известно, что в этот период китайская погребальная скульптура разделяется на два вида, каждый из которых соответствует географическому делению страны на юг и север. Основное их различие — это материал для изготовления. Все южные фигурки из княжества Чу были сделаны из дерева, а фигурки северных княжеств — из глины. В погребениях Китая V–IV вв. до н. э. случаи обнаружения заменителей жертвоприношений еще

¹² Само появление подобных изделий у кочевников вызвано, очевидно, усилением контактов с оседлыми земледельческими цивилизациями.

¹³ При этом погребение могло сопровождаться захоронением коня.

немногочисленны. Эта традиция широко распространится в эпоху Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.).

Обычно среди погребальной пищи на блюдах или рядом с ними находят ножи. Эти предметы принято относить к «орудиям труда», но в отличие от корнекопалок, лопат, долот и других известных инструментов пазырыкских курганов, ножи подверглись процессу моделирования. Представляется, что их роль в погребальной практике пазырыкцев несколько выходила за функциональные рамки «орудий труда». Традиция помещения ножа среди сопроводительной мясной пищи распространена в погребениях кочевников разных культур Саяно-Алтая. В данном случае нож можно рассматривать и как оружие для свершения жертвоприношения, и как «столовый прибор», который необходим для разделки мяса в процессе его поедания.

В. Д. Кубарев отметил, что среди ножей встречены изогнутые формы, аналогии которым известны в материалах тагарской культуры (Кубарев, 1987. С. 52). Кроме того, нож могли использовать в качестве заменителя кинжала или чекана (Уландрык I, курган № 12; Уландрык II, курган № 6). Зафиксирован случай изготовления модели зеркала из фрагмента ножа (Тете-4, курган № 6). Кроме обломков железных ножей в погребениях пазырыкской культуры найдены бронзовые уменьшенные и миниатюрные экземпляры, а также деревянные имитации (Юстыд I, курган № 7¹⁴).

В первую очередь моделированию подверглись предметы вооружения. Алтайские курганы сохранили наибольшее число таких моделей в сравнении с погребениями скифского времени других областей Саяно-Алтая.

Самыми распространенными предметами вооружения представителей пазырыкской культуры являлись кинжалы, чеканы, луки, стрелы. Традиция включения в сопроводительный инвентарь имитаций оружия фиксируется на Алтае именно с пазырыкского этапа. В раннескифских погребениях эти предметы пока известны только как случайные находки (15 экземпляров кинжалов и три акинака) (Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 85).

В. Д. Кубарев в свое время предложил типологию вооружения (Кубарев, 1987; 1991; 1992). Для исследователя главными критериями в отделении вотивов от настоящих кинжалов стали «размеры, пропорции тех и других, материал, из которого они изготовлены, а также технология (степень обработ-

ки после отливки, аморфность или даже искажение отдельных деталей при многократном копировании)» (Кубарев, 1991. С. 73). Модели были разделены по двум группам: «уменьшенные» и «миниатюрные». Уменьшенные кинжалы имеют размеры 16–25 см, миниатюрные — 10–14 см; уменьшенные чеканы — 17–19 см, миниатюрные чеканы — 9,0–16,5 см.

Несмотря на убедительность типологий В. Д. Кубарева, можно предложить несколько иную группировку. При этом основное внимание следует уделить главному качеству модели — способу передачи цельного образа предмета, а также задействованным для этого материалам и приемам.

Модели кинжалов можно разделить на три большие группы: 1) выполненные исключительно из органических материалов (рис. 1); 2) выполненные из сочетания органических и неорганических материалов (рис. 2); 3) выполненные из металла (рис. 3).

Первая группа (рис. 1):

1. Деревянные цельные модели кинжалов и ножен, вырезанные из одного куска дерева. Такая модель была найдена в Верх-Кальджин II, курган № 3.

2. Деревянный кинжал и немонолитные ножны. Здесь можно выделить два типа.

2.1. Ножны состоят из двух дощечек и кинжал вставлен во внутренний паз (Уландрык I, курган № 1; Барбургазы I, курганы № 15 и 21).

2.2. Ножны состоят из одной дощечки, с плоской стороны которой вырезан паз, часто прикрытый лоскутом кожи. В этот паз вложен деревянный кинжал (Барбургазы I, курган № 18; Уландрык I, курган № 1¹⁵; Юстыд XII, курган № 8¹⁶).

3. Деревянные ножны типа 2.2 без кинжала (Юстыд I, курган № 2).

Вторая группа (рис. 2):

1. Бронзовый уменьшенный или миниатюрный кинжал в деревянных ножнах. Ножны такие же, как в описанной выше подгруппе 2.2. (Узунтал-III, курган № 4; Узунтал VI, курганы № 5 и 6; Уландрык III, курган № 1; Ак-Алаха-1, курган № 2).

2. Железный кинжал в деревянных ножнах того же типа (Уландрык IV, курганы № 2 и 3).

3. Деревянные ножны с бронзовым ножом вместо кинжала (Уландрык I, курган № 12; Уландрык III, курганы № 6 и 7).

¹⁵ Предмет отнесен в эту группу, исходя из описания.

¹⁶ Сохранился обломок деревянной рукоятки кинжала и деревянные ножны, не исключено, что этот предмет относится к другой группе.

¹⁴ Находился в детском погребении на блюде.

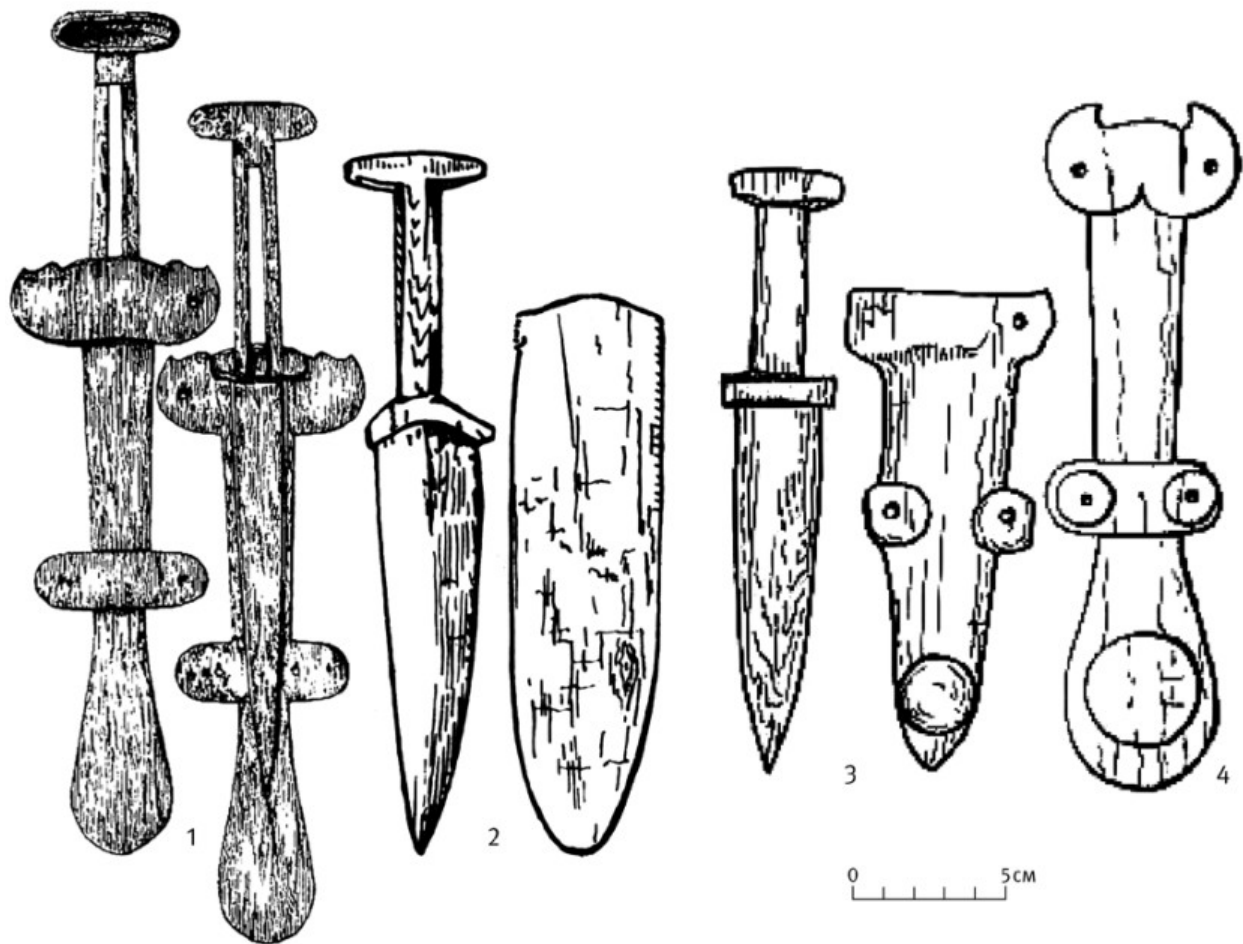

РИС. 1. Модели кинжалов, изготовленные из органических материалов: 1 – Верх-Кальджин II, курган № 3 (по: Молодин, 2000. Рис. 136); 2 – Уландрык I, курган № 1 (по: Кубарев, 1987. Табл. IV, 9, 10); 3 – Барбургазы I, курган № 18 (по: Кубарев, 1992. Табл. XXIII, 17, 18); 4 – Юстыд I, курган № 2 (по: Кубарев, 1991. Табл. V, 8).
1–4 – дерево

FIG. 1. Models of daggers made from organic materials. 1 – Verkh-Kaldzhin II, barrow No. 3 (after Молодин, 2000. Рис. 136); 2 – Ulandryk I, barrow No. 1 (after Кубарев, 1987. Табл. IV, 9, 10); 3 – Barburgazy I, barrow No. 18 (after Кубарев, 1992. Табл. XXIII, 17, 18); 4 – Yustyd I, barrow No. 2 (after Кубарев, 1991. Табл. V, 8).
1–4 – wood

4. Роговые ножны с металлическим кинжалом (Юстыд I, курган № 4).

5. Модели бронзовых кинжалов в кожаных ножнах (Кор-Кечу; Тербедок, курган № 2).

Третья группа (рис. 3), к ней третьей отнесены кинжалы без ножен:

1. Уменьшенные бронзовые кинжалы (Барбургазы I, курганы № 13 и 30; Малталу IV, курган № 11).

2. Миниатюрные бронзовые кинжалы (Барбургазы I, курган № 11; Малталу IV, курган № 12).

Традиция постепенного уменьшения бронзового вооружения была зафиксирована и в тагарской культуре (Членова, 1967; Мартынов, 1979). Происхождение деревянных ножен связывают с сак-

ской ираноязычной средой (Кубарев, 1987. С. 64; Савинов, 2016. С. 23). Ножны из слоновой кости (местного бактрийского происхождения) известны по материалам храма Окса (Литвинский, 2010. С. 105–135). Деревянные имитации оружия и ножен известны и позднее, в материалах могильников Кокэль и Оглахты (Худяков, 1986).

Вариации **моделей чеканов**, которые можно выделить по тому же принципу, что был предложен для кинжалов, немногочисленны: всего две группы (**рис. 4; 5**); большинство моделей чеканов – проушные.

К *первой группе* относятся изделия из органических материалов (**рис. 4**):

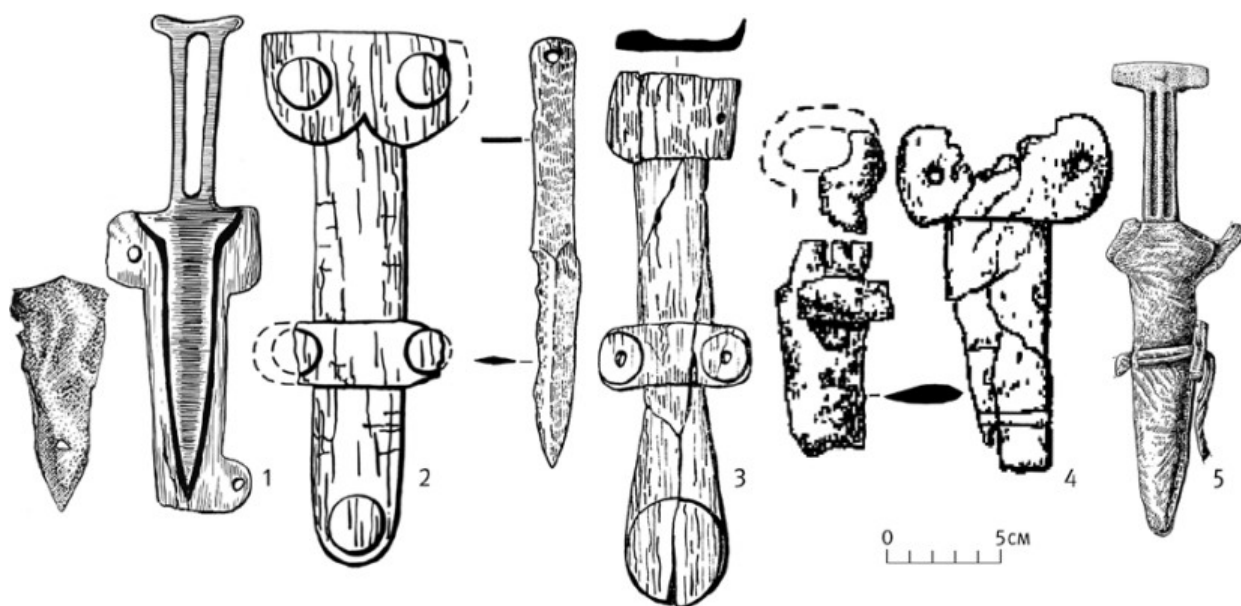

РИС. 2. Модели кинжалов, изготовленные из сочетания органических и неорганических материалов:

1 – Узунтал VI, курган № 5 (по: Савинов, 2016. Рис. 2, 4, 5); 2 – Уландрык IV, курган № 3 (по: Кубарев, 1987. Табл. LXXVIII, 12); 3 – Уландрык I, курган № 12 (по: Кубарев, 1987. Табл. XXVIII, 18, 19); 4 – Юстыд I, курган № 4 (по: Кубарев, 1991. Табл. IX, 6, 7); 5 – Тербедок, курган № 2 (по: Кубарев, Шульга, 2007. Рис. 23а).

1 – дерево, кожа; 2 – дерево, железо; 3 – дерево, бронза; 4 – рог, железо; 5 – кожа, бронза

FIG. 2. Models of daggers made from combined organic and nonorganic materials. 1 – Uzuntal VI, barrow No. 5 (after Савинов, 2016. Рис. 2, 4, 5); 2 – Ulandryk IV, barrow No. 3 (Кубарев, 1987. Табл. LXXVIII, 12); 3 – Ulandryk I, barrow No. 12 (after Кубарев, 1987. Табл. XXVIII, 18, 19); 4 – Yustyd I, barrow No. 4 (Кубарев, 1991. Табл. IX, 6, 7); 5 – Terbedok, barrow No. 2 (after Кубарев, Шульга, 2007. Рис. 23а).

1 – wood, leather; 2 – wood, iron; 3 – wood, bronze; 4 – horn, iron; 5 – leather, bronze

1. Роговые чеканы (Уландрык I, курган № 7).

2. Деревянные чеканы (Барбургазы I, курганы № 21 и 23).

Ко второй группе относятся модели, изготовленные из металла (рис. 5):

1. Уменьшенные модели (Уландрык I, курган № 5; Уландрык III, курган № 7; Кор-Кечу).

2. Миниатюрные модели (Барбургазы I, курганы № 15 и 30; Ала-Гаил-3, курган № 7).

3. Нож вместо чекана (Уландрык II, курган № 6; Юстыд XII, курган № 3). Модели этой группы могли быть как с цельной деревянной рукояткой, так и со сломанной или без нее.

Как правило, на тех рукоятках, которые сохранились на всю длину, вток был вырезан (имитирован) (Барбургазы I, курганы № 18 и 21; Уландрык III, курган № 3). Находят и отдельные рукоятки (или их фрагменты) от чеканов (Уландрык III, курган № 3; Уландрык IV, курган № 1). Опираясь только на публикации, не всегда определенно можно сказать, были они уменьшенными или являлись обломанными рукоятками настоящего оружия. Возможны оба варианта.

Вотивные чеканы появляются уже на раннем этапе пазырыкской культуры (Кубарев, Шульга, 2007). В отличие от деревянных моделей кинжалов, среди моделей чеканов нет ни одного «моноконтинентного»: и боек, и рукоять вырезались отдельно и затем соединялись как все проушные чеканы. Этот же способ моделирования сохранялся на территории Алтая и позднее. Так, например, из кургана № 62 могильника Яломан-2 происходит изящный вотивный чекан, вырезанный из дерева (Тишкин, Мильников, 2016. С. 131).

Выделенные группы моделей кинжалов и чеканов демонстрируют постепенную утрату предметом мелких черт и деталей. Прослеживается модификация самого изделия через его многочисленное копирование и потери размера и проработки. Несмотря на то, что кинжал или чекан становился миниатюрным, он мог оставаться металлическим и тем самым условно сохранять «минимальную функциональность». Наряду с этим, происходит замена вещи деревянной или роговой бутафорией. Можно отметить, что для представителей пазырыкской культуры в ряде случаев было

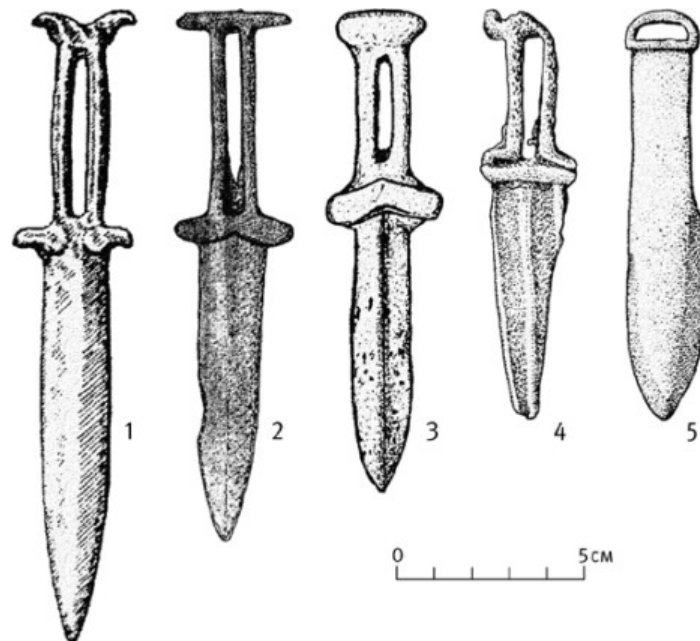

РИС. 3. Модели кинжалов, изготовленные из металла: 1 – Боротал-2, курган № 2; 2 – Тете-4, курган № 6; 3 – Ело-2; 4 – Ала-Гаил-3, курган № 7; 5 – Ала-Гаил-3, курган № 2 (по: Кубарев, Шульга, 2007. Рис. 63, 3–7). 1–5 – бронза

FIG. 3. Metal models of daggers: 1 – Borotal-2, barrow No. 2; 2 – Tete-4, barrow No. 6; 3 – Yelo-2; 4 – Ala-Gail-3, barrow No. 7; 5 – Ala-Gail-3, barrow No. 2 (after Кубарев, Шульга, 2007. Рис. 63, 3–7). 1–5 – bronze

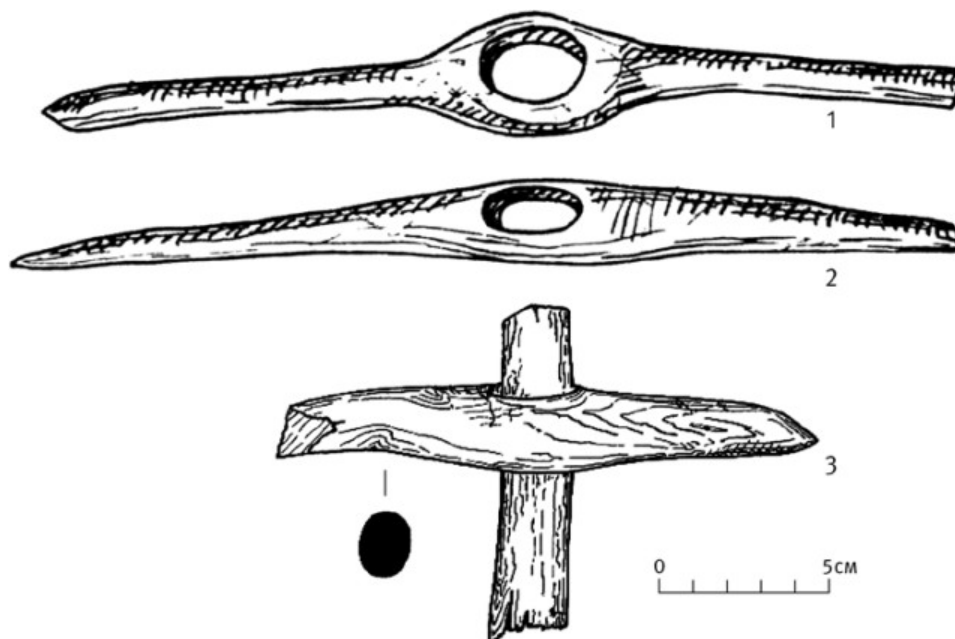

РИС. 4. Модели чеканов, изготовленные из органических материалов: 1, 2 – Уландрык I, курган № 7 (по: Кубарев, 1987. Табл. XVI, 15, 16); 3 – Барбургазы I, курган № 23 (по: Кубарев, 1992. Табл. XXVII, 12).

1, 2 – рог; 3 – дерево

FIG. 4. Models of battle axes (*chekans*) made from organic materials: 1, 2 – Ulandryk I, barrow No. 7 (after Кубарев, 1987. Табл. XVI, 15, 16); 3 – Barburgazy I, barrow No. 23 (after Кубарев, 1992. Табл. XXVII, 12).

1, 2 – horn; 3 – wood

достаточно поместить в погребение не само изделие, а его «образ», символизирующий настоящую вещь. Эти два подхода к изготовлению сопроводительного инвентаря, вероятно, могут быть объяснены как культурными или производственными традициями разных групп населения, так и различием представлений о трансформации дара в ином мире.

В пазырыкских захоронениях также известны модели луков. Все они были обнаружены в детских захоронениях. При погребенных старшего возраста находят фрагменты настоящих изделий. Модели луков у детей и подростков, как правило, были сделаны из прута тальника (Кубарев, 1987. С. 69). С одной стороны, эти предметы можно рассматривать как «игрушки» мальчиков, что позволяет трактовать их как личные вещи. Однако этнографические материалы указывают на их другое значение.

У многих тюркских народов Сибири привязывание модели лука и стрелы к колыбели служило защитой от злых духов (Дыренкова, 2012. С. 248). «По представлению телеутов, духи *каны* стреляют *кормос*'ов из луков и охраняют людей. <...> У каждого шамана есть свой особый дух-помощник — "стрелок", защищающий его в далеких и опасных путешествиях в надземные и подземные миры» (Дыренкова, 2012. С. 269–270). А. В. Анохин, описывая шаманский костюм, называл его «броней» (Анохин, 1924. С. 41). Пришитые к одеянию модели луков и стрел служили для отражения злых духов во время камлания (Там же). Манси по случаю рождения мальчика «готовили специальную жертву: лук со стрелой» (Мифология..., 2001. С. 116).

Возможно, модели луков в детских погребениях служили апотропеями, средством защиты от злых духов. Видимо, такая же роль была у моделей стрел, а, возможно, и некоторых других категорий погребального инвентаря пазырыкской культуры.

Обычай включать в сопроводительный инвентарь погребений у кочевников Саяно-Алтая стрелы зафиксирован еще в могилах раннескифской эпохи, в которых были обнаружены бронзовые и роговые наконечники стрел. С. В. Неверов и Н. Ф. Степанова подчеркнули, что «прослеживается тенденция постепенного уменьшения общей длины косяных трехгранных наконечников стрел с 7–8 см в VII–V вв. до н. э. до 4,5–5,5 см в IV–III вв. до н. э.» (Неверов, Степанова, 1990. С. 267). У пазырыкского населения стрелы тоже подверглись миниатюризации, а затем и имитированию. Например, в детском погребении Уландрык I, курган № 6 «модели

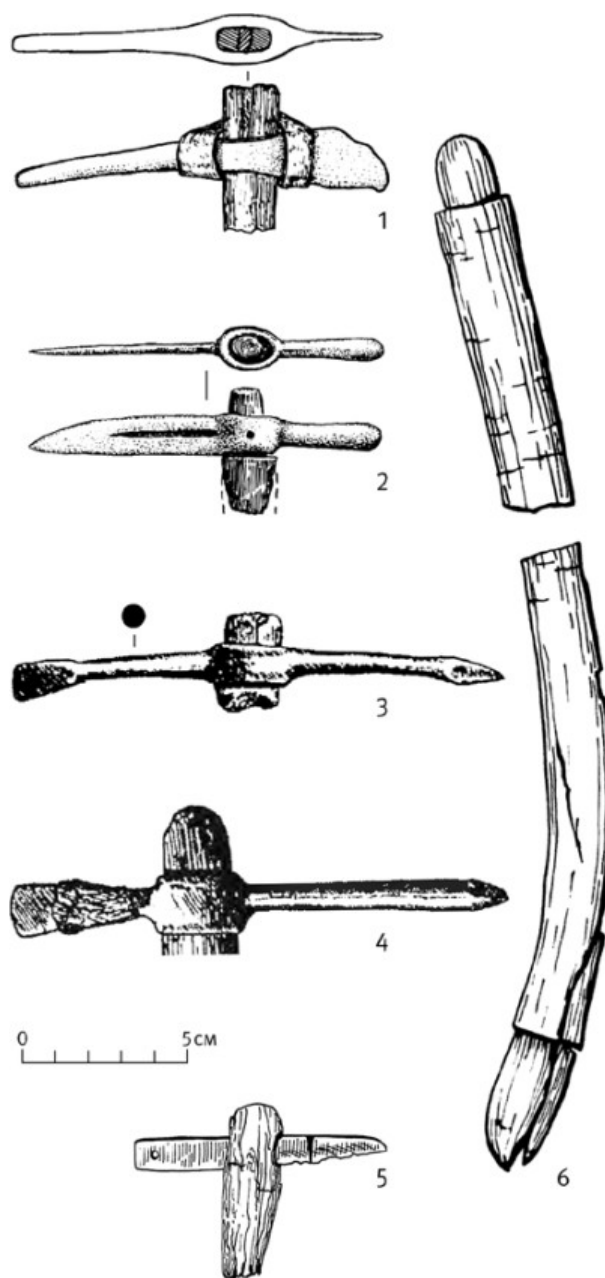

РИС. 5. Модели чеканов на деревянной рукоятке или без нее, изготовленные из металла: 1 — Тербедок, курган № 1; 2 — Ала-Гаил-3; 3, 4 — Боротал-2, курган № 2, 7 (по: Кубарев, Шульга, 2007. Рис. 67, 4–7); 5 — Уландрык II, курган № 6 (по: Кубарев, 1987. Табл. XLVI, 12); 6 — Уландрык III, курган № 3 (по: Кубарев, 1987. Табл. LX, 8). 1–5 — бронза, дерево; 6 — дерево

FIG. 5. Metal models of battle axes (*chekans*) with a wooden handle or without: 1 — Terbedok, barrow No. 1; 2 — Ala-Gail-3; 3, 4 — Borotal-2, barrow No. 2, 7 (after Kubarev, Шульга, 2007. Рис. 67, 4–7); 5 — Ulandryk II, barrow No. 6 (after Kubarev, 1987. Табл. XLVI, 12); 6 — Ulandryk III, barrow No. 3 (after Kubarev, 1987. Табл. LX, 8). 1–5 — bronze, wood; 6 — wood

луков для детей снабжались комплектом коротких стрел, обычная длина которых 40–55 см. На этих моделях стрел наконечников не оказалось. Вместо них верхний конец древка был заострен, а на нижнем намечен вырез для тетивы» (Кубарев, 1987. С. 69). В кургане № 3 могильника Верх-Кальджин II было обнаружено пять деревянных стрел. Из них «на трех стрелах наконечники деревянные, изготовлены из цельного со стрелой дерева, на двух других на специально подготовленный насад надеты втульчатые костяные наконечники» (Молодин, 2000. С. 109). В. Д. Кубарев подчеркнул «символическое присутствие стрел» в погребениях «не только для рядовых кочевников, но и для их вождей и военачальников» (Кубарев, 1992. С. 75). Он отметил следующие закономерности в отношении стрел в пазырыкских захоронениях: «1) резкое уменьшение числа стрел в погребениях или даже их полное отсутствие; 2) замена настоящих стрел моделями, имитирующими в дереве и наконечники; 3) преобладание уменьшенных костяных наконечников со скрытой втулкой и отсутствие любых бронзовых наконечников» (Кубарев, 1987. С. 71).

Часто находят только древки стрел без наконечников. Они бывают орнаментированы красной и черной красками. С. И. Руденко отметил, что «при сравнительно ограниченном количестве мотивов, вследствие использования их в различных комбинациях, варьируя краски, получали большое разнообразие узоров» (Руденко, 1953. С. 261). В пазырыкских погребениях обнаружены также костяные наконечники, на поверхности которых нанесены различные резные знаки (Кубарев, 1987. С. 71; Кубарев, Шульга, 2007. С. 265). Возможно, подобная орнаментация является своеобразным знаком собственности или указывает на «адресата», которому данная стрела посвящена.

То, что наконечник стрелы мог соотноситься с конкретным скифским воином, косвенно подтверждает рассказ Геродота. Он описал изготовление большого бронзового котла, отлитого из наконечников стрел: «Один скифский царь, по имени Ариант, пожелал узнать численность скифов. Он приказал для этого всем скифам принести по одному наконечнику стрелы...» (Геродот, 1972. С. 208).

Отмечу, что «в обрядовой практике обских угров с помощью стрел было принято обозначать фигуры духов-покровителей» (Бауло, 2004. С. 111), а у тюркских народов Саяно-Алтая «количество духов определяется числом стрел...» (Дыренкова, 2012. С. 271).

В некоторых погребениях пазырыкской культуры были обнаружены щиты. Большинство известных щитов находились в конском отсеке, как правило, прикрепленными к седлу. М. П. Грязнов предположил, что щиты «употреблялись сравнительно редко и держались в резерве лишь на случай рукопашного боя» (Грязнов, 1950. С. 63). Известны примеры обнаружения «щита» в основном захоронении. Так, в кургане № 5 могильника Уландрык I погребение воина было совершено на щите (Кубарев, 1987. С. 130). Схожий случай известен по погребениям могильника Ак-Беит (Памир)¹⁷. Однако, в отличие от захоронения в Уландрыке, там воинское погребение было накрыто «боевым щитом» (Бернштам, 1997. С. 427). А. Н. Бернштам так описывает эту находку: «Он представлял собой прямоугольную раму, размером 1,40 × 0,5 м, из арчовых плашек с шестью поперечными. Срединные две были сближены для крепления рукоятки. Остальное пространство было заполнено плетением из прутьев облепихи. Щит был обтянут кожей» (Бернштам, 1997. С. 428).

По известным материалам курганов пазырыкской культуры насчитывается 21 щит¹⁸. Они различаются не только по месту расположения, но и по способу изготовления и размерам. Найденные изделия были или плетеные (из прутьев и кожи), или только из дерева. Например, щит из кургана № 5 могильника Уландрык I был «прямоугольной формы, размерами 82 × 36 см, составлен из 40–45 тальниковых прутьев (диаметром 0,5–0,6 см каждый), во многих местах, скрепленных узкими полосками кожи» (Кубарев, 1987. С. 74). Подобная конструкция была у щитов из пазырыкских курганов (Руденко, 1953), в кургане 1 могильника Уландрык IV (Кубарев, 1987).

Большинство исследователей указывают на то, что деревянные щиты являются имитациями плетеных. Нередко резьбой и краской обозначается плетение.

Так, например, щит в кургане 1 могильника Ташанта I был также прямоугольной формы, вырезан из цельного куска дерева, его внутренняя сторона была гладкая, а «на наружной в низком рельефе вырезаны-имитированы круглые палочки

¹⁷ Подобные плетеные изделия также известны «у волжско-камских ананьинцев», в восточных районах Средней Азии, на Восточном Памире и т. д. (Горелик, 1993. С. 191).

¹⁸ По три экземпляра — в Пазырык I; Пазырык III; Туэкта I; Ак-Алаха-1, курган № 1; по два экземпляра — в Пазырык II; Пазырык IV; по одному — в Берель; Уландрык I, курган № 5; Уландрык IV, курган № 2; Ташанта I, курган № 1; Ак-Алаха-5, курган № 1.

шириной около 1 см каждая. По краям щит окаймляют рельефные бортики» (Кубарев, 1987. С. 75). Подобный «щит» был обнаружен в Первом Туэктинском кургане (Руденко, 1960. С. 122), в Берельском кургане (Самашев и др., 2000. С. 30–31), в кургане № 1 могильника Ак-Алаха-1 (Полосьмак, 2001. С. 54). На некоторых деревянных экземплярах обозначен геометрический рисунок, который присутствует на плетеных кожаных щитах. На внешней стороне двух предметов из кургана № 1 могильника Ак-Алаха-1 были «вырезаны вписанные друг в друга треугольники, вершины которых сходятся в центре. <...> Кое-где между резными полосами сохранились следы красной краски» (Полосьмак, 2001. С. 54).

По размеру изделия разделяют на «большие» и «малые». Самый большой щит был обнаружен в кургане 1 могильника Уландрык I, его размеры 82 × 36 см (Кубарев, 1987. С. 74). Описанная выше аналогия из Ак-Беита больше его. Самый маленький, размерами 24,5 × 35,5 см, найден в кургане 1 могильника Ак-Алаха-1 (Полосьмак, 2001. С. 54). Большой щит представляет собой плетеное изделие, а маленький — деревянную имитацию, причем второго вида (рисунок). Несмотря на небольшое количество щитов, прослеживается соотношение между способом изготовления и его размером. Плетеные щиты превышают отметку в 50 см по длине, а щиты-имитации меньше этой величины. При этом обращает на себя внимание то, что большие плетеные щиты из Уландрыка I, курган № 1 (82 × 36 см) и Ак-Беита (140 × 50 см), который определен как «боевой» (Бернштам, 1997. С. 427), в два и более раз превышают плетеные щиты, обнаруженные при конях Пазырыкских курганов. Например, щиты из кургана Пазырык I были размерами 35 × 27 и 42 × 30 см (Грязнов, 1950. Табл. X), из кургана Пазырык III — 53 × 69 см (Руденко, 1953. С. 263). Уменьшенный размер «конских» щитов, а также легкость и непрочность, но при этом сохранение техники изготовления дают основания предположить, что они были специально сделанными для погребения, что ранее уже предполагал М. П. Грязнов (Грязнов, 1950. С. 63). Возможно, эти изделия копировали плетеные предметы большего размера, представленные находками из Уландрыка I и Ак-Беита.

Воинский щит наделяется различными значениями, среди которых немало и символических. При этом особый смысл всегда имела его защитная функция. Не исключено, что пазырыкские модели щитов выступали оберегами от негативного воздействия потусторонних сил.

Вероятно, не только указанные выше модели предметов вооружения охраняли «душу» умерше-

го в ином мире. Такой же функцией могли обладать и «специально сделанные» детали одежды, и некоторые личные вещи. Например, из дерева были изготовлены имитации поясных пряжек (Кубарев 1987. С. 76–82; 1991. С. 85–91; 1992. С. 77–84). Считается, что это подражание бронзовым поясным пластинам из Ордоса и Забайкалья, что связывают с усилением культурного влияния хунну (Кубарев, 1987. С. 77; Молодин, 2000. С. 104). В. Д. Кубарев и П. И. Шульга отмечают: «К завершающему этапу пазырыкской культуры металлическая поясная фурнитура в захоронениях Горного Алтая практически исчезает и заменяется обычно не сохраняющейся деревянной и кожаной, при наличии небольшого количества роговой» (Кубарев, Шульга, 2007. С. 102). При этом авторы подчеркивают, что «с глубокой древности пояс становится особо значимой утилитарной и сакральной деталью одежды. Особое значение приобретают боевые пояса, служившие для ношения оружия и защиты» (Там же. С. 100).

Особое значение пояса отмечается и этнографами. В частности, алтайцы наделяют пояса «магическими свойствами талисмана — эрдине» (Сагаляев, Октябрьская, 1988. С. 182). Считалось, что пояс при жизни человека былместилищем его души (Там же. С. 83). «Дополненный оружием, пояс в кочевой среде был обязательным атрибутом посвященного в воины» (Там же).

Рядом с поясом погребенного обычно располагалось зеркало. Практически каждый захороненный, независимо от пола и возраста, сопровождался этим предметом. Часто зеркало было помещено в сумочку из кожи, войлока или ткани (Малталу IV, курган № 24; Юстыд I, курган № 2; Юстыд XII, курганы № 10, 12 и 18). Известны редкие случаи находок зеркал в деревянном футляре¹⁹ (Боротал-2, курган № 7).

Модели зеркал разнообразны. В. Д. Кубарев привел достаточно подробную типологию зеркал, опираясь на форму ручек, размеры и материал изделий (Кубарев, 1987. С. 90–92). Однако, как и в приведенной выше типологии моделей кинжалов и чеканов, зеркала можно разделить по способу моделирования: 1) модели из дерева (рис. 6); 2) модели, сочетающие дерево и металл (рис. 7); 3) модели из металла (рис. 8).

¹⁹ В кургане 2 Чильпекского могильника было обнаружено бронзовое зеркало с остатками деревянного футляра (Литвинский, 1978. С. 80). По материалам Боспора известен деревянный футляр, в котором рядом находились круглое металлическое зеркало и гребень (Сокольский, 1971. С. 144).

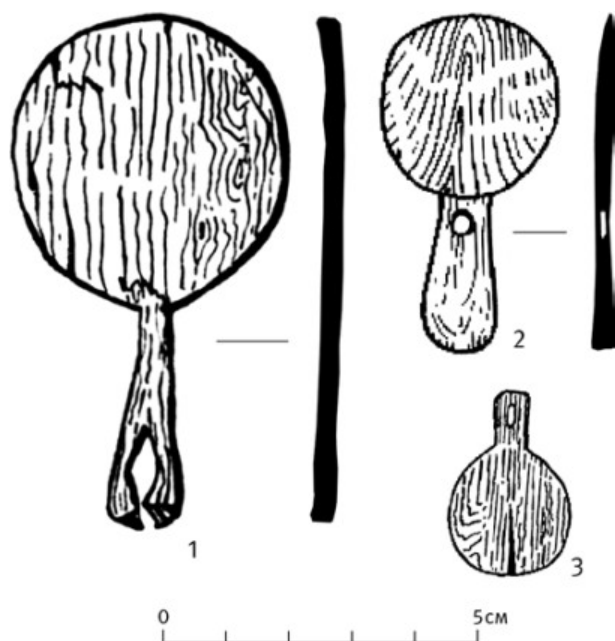

Рис. 6. Деревянные модели зеркал: 1 – Уландрык I, курган № 11 (по: Кубарев, 1987. Табл. XXIV, 5); 2 – Барбургазы I, курган № 17 (по: Кубарев, 1992. Табл. XXII, 11); 3 – Юстыд XII, курган № 20 (по: Кубарев, 1991. Табл. XLVII, 30).

1–3 – дерево

FIG. 6. Wooden models of mirrors: 1 – Ulandryk I, barrow No. 11 (after Кубарев, 1987. Табл. XXIV, 5); 2 – Barburgazy I, barrow No. 17 (after Кубарев, 1992. Табл. XXII, 11); 3 – Yustyd XII, barrow No. 20 (after Кубарев, 1991. Табл. XLVII, 30).

1–3 – wood

К первой группе (рис. 6) относятся изделия, вырезанные из одного куска дерева, с длинной ручкой (Уландрык I, курган № 11; Ташанта II, курган № 4; Барбургазы I, курганы № 15, 17 и 21; Юстыд XII, курган № 20).

Вторая группа (рис. 7) представлена экземпляром из женского захоронения Ак-Алаха-3, курган № 1. Это «четырёхугольный плоский кусочек бронзовой пластины (часть более крупного изделия), вставленный в деревянную круглую оправу с ручкой» (Полосьмак, 2001. С. 73–74). К этой же группе стоит отнести и модели зеркал в деревянных футлярах.

Третья группа наиболее разнообразна (рис. 8). Здесь имеются зеркала с ручками разных форм, с петелькой, просто диски. В некоторых случаях бронзовые пуговицы заменяли зеркало (Барбургазы I, курганы № 26, 29 и 30; Барбургазы II, курган № 3; Малталу IV, курганы № 8 и 20).

Бронзовые зеркала разделяются на уменьшенные и миниатюрные (Барбургазы I, курганы № 9 и 11; Малталу IV, курганы № 13, 16 и 18; Тете-4, курган № 6²⁰) (Кубарев, 1987. С. 90; 1991. С. 98). Известны также фрагменты настоящих зеркал, как правило, китайского происхождения (Юстыд XII, курган № 3) (Кубарев, 1991. С. 105).

Таким образом, и в случае с зеркалами прослеживаются два пути моделирования изделия – копирование металлического экземпляра с постепенной потерей в размере и проработке деталей и изготовление имитации из дерева.

Металлические миниатюрные зеркала известны по материалам тагарской культуры (Членова, 1967; Мартынов, 1979), а также по материалам погребений Ферганы (Литвинский, 1978).

В. Д. Кубарев отмечал для зеркал «бытовую и магическую принадлежность» (Кубарев, 1991. С. 104). Б. А. Литвинский на материалах древней Ферганы доказывал, что «в зеркале воплощалась душа умершего, и разламывание зеркала символически отражало смерть человека» (Литвинский, 1978. С. 107). Специально сделанные миниатюрные зеркала исследователь связывал с магической, охранительной функцией (Там же. С. 109). Кроме того, у многих

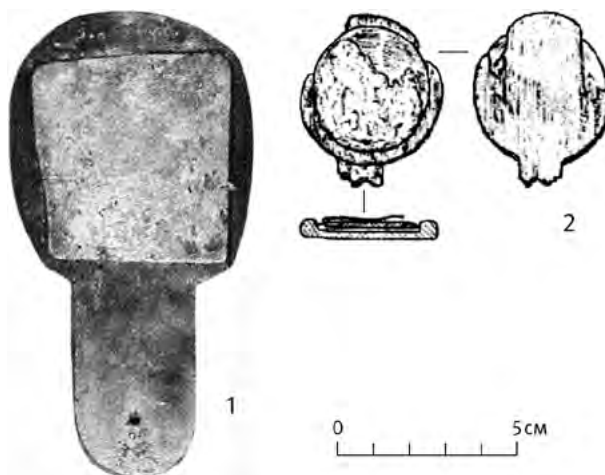

Рис. 7. Модели зеркал, изготовленные из дерева и металла: 1 – Ак-Алаха-3, курган № 1 (по: Полосьмак, 2000. Рис. 81); 2 – Боротал-2, курган № 7 (по: Кубарев, Шульга, 2007. Рис. 42, 3)

FIG. 7. Models of mirrors from wood and metal: 1 – Ak-Alakha-3, barrow No. 1 (after Полосьмак, 2000. Рис. 81); 2 – Borotal-2, barrow No. 7 (after Кубарев, Шульга, 2007. Рис. 42, 3)

²⁰ Модель изготовлена из фрагмента ножа (Кубарев, Шульга, 2007. С. 66).

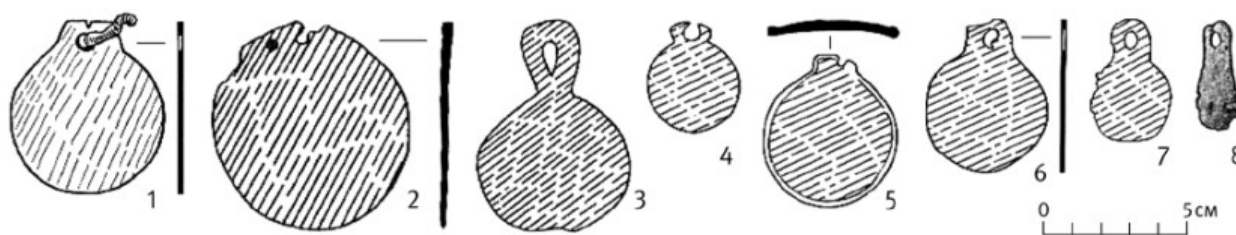

РИС. 8. Бронзовые модели зеркал: 1 – Барбургазы I, курган № 30 (по: Кубарев, 1992. Табл. XXXVI, 23); 2 – Малталу IV, курган № 20 (по: Кубарев, 1992. Табл. XLVIII, 7); 3 – Барбургазы I, курган № 11 (по: Кубарев, 1992. Табл. XV, 5); 4-7 – Малталу IV, курган № 13 (по: Кубарев, 1992. Табл. LIV, 15-18); 8 – Тете-4, курган № 6 (по: Кубарев, Шульга, 2007. Рис. 48, 2)

FIG. 8. Bronze models of mirrors: 1 – Barburgazy I, barrow No. 30 (after Кубарев, 1992. Табл. XXXVI, 23); 2 – Maltalu IV, barrow No. 20 (after Кубарев, 1992. Табл. XLVIII, 7); 3 – Barburgazy I, barrow No. 11 (after Кубарев, 1992. Табл. XV, 5); 4-7 – Maltalu IV, barrow No. 13 (Кубарев, 1992. Табл. LIV, 15-18); 8 – Tete-4, barrow No. 6 (after Кубарев, Шульга, 2007. Рис. 48, 2)

народов зеркало ассоциировалось с солнечным диском, считалось воплощением женского солнечного божества (Там же. С. 109, 112). Солярные символы в виде металлических дисков украшают плащ и пояс шамана (Сагалаев, Октябрьская, 1988. С. 176). Принимая все это во внимание, можно предположить, что и пазырыкские зеркала, в одной из своих функций, являлись апотропеями.

В рамках одной работы невозможно подробно проанализировать разнообразие моделей, которое известно по материалам погребений пазырыкской культуры. Здесь кратко были описаны наиболее выразительные экземпляры копий и имитаций погребального инвентаря V–III вв. до н. э., а также предложены иные способы их классификации.

Рассмотренные материалы позволяют разделить модели вещей по их назначению (смысловой нагрузке): 1) вотивы (модели кинжалов, чеканов и, вероятно, какая-то группа ножей); 2) заменители жертвоприношений (фигурки животных); 3) апотропеи (луки, стрелы, щиты, пояс, зеркала); 4) обрядовая посуда (ковши, столики на ножках); 5) изделия с рудиментарными признаками или «тех-

нологические имитации» (имитации кожаной посуды из глины и рога).

Круг аналогий для погребального инвентаря пазырыкской культуры достаточно разнообразен и территориально широк (Центральная и Средняя Азия, Южная Сибирь, Китай).

Выбор материала и техники изготовления моделей указывает на два принципа формирования моделей: первый связан с многочисленным копированием оригинала, второй – с его имитацией. Первый принцип, по всей видимости, уходит корнями в степную технологическую традицию кочевого и полукочевого населения и находит параллели в тагарской культуре. Второй, возможно, испытал влияние традиций древнеземледельческих культур с территории Китая и Средней Азии. Представители пазырыкской культуры, населявшие богатый лесными ресурсами регион, обладали особым мастерством резчиков по дереву, что позволяло искусно копировать и повторять некоторые приемы деревообработки оседлых соседей и копировать статусные предметы для погребений в более доступном материале.

Литература

- Анохин, 1924 – Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии (Представлено в заседании Историко-филологического отделения Академии наук 16 января 1913 года). Л.: Изд-во РАН, 1924. 148 с. (Сборник Музея Антропологии и Этнографии; Т. IV, вып. 2).
- Бауло, 2004 – Бауло А. В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 204 с.

Бернштам, 1997 – Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек: Айбек, 1997. Т. 1. 560 с.

Бородовский, 2000 – Бородовский А. П. Технология изготовления предметов из полого рога // Феномен алтайских мумий / Отв. ред.: А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 144–157.

Васильева, 2010 – Васильева Н. А. К вопросу о формах сакрализации вещи (по материалам сопроводительного инвентаря могильника Кокэль) // Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. Коллективная монография / Редкол.: Д. Г. Савинов и др. СПб.: ЭлекСис, 2010. С. 202–221.

- Васильева*, 2018 — *Васильева Н. А.* Вотивные изделия в составе сопроводительного инвентаря могильника Кокэль (в свете археологических и этнографических данных) // *Вещь и обряд: рациональное и иррациональное в архаике: Сборник научных трудов семинара «Теория и методология архаики»* / Отв. ред.: М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинов. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 137–158.
- Власова*, 2000 — *Власова Е. В.* Скифский рог // *Античное Причерноморье. Сборник статей по классической археологии* / Науч. ред. С. Л. Соловьев. СПб.: Изд-во ГЭ, 2000. С. 46–67.
- Вселенная...*, 2014 — *Вселенная сибирского шамана. История. Легенды. Обряды* / Репринт. изд. работ Б. Э. Петри по этнографии из собрания Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 2014. 328 с.
- Геродот*, 1972 — *Геродот*. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. Л. Утченко; ред. пер. Н. А. Мещерский. Л.: Наука, 1972. 599 с.
- Горелик*, 1993 — *Горелик М. В.* Оружие древнего Востока. М.: Восточная литература, 1993. 349 с.
- Грязнов*, 1950 — *Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган, Л.: Изд-во ГЭ, 1950. 90 с.
- Дьяконова*, 1960 — *Дьяконова В. П.* Поздние археологические памятники на территории Западной Тувы // *Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции* / Отв. ред. Л. П. Потапов. М.; Л.: Наука, 1960. Т. I. С. 151–170.
- Дьяконова*, 1975 — *Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 163 с.
- Дьяконова*, 1984 — *Дьяконова В. П.* Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве тюркоязычных народов Саяно-Алтая // *Этнокультурные контакты народов Сибири* / Отв. ред. Ч. М. Таксами. Л.: Наука, 1984. С. 30–49.
- Дыренкова*, 2012 — *Дыренкова Н. П.* Значение термина «buga-рууга» у алтайских турок (в связи с культом коня и оленя) // Н. П. Дыренкова. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: Наука, 2012. С. 200–229. (Кунсткамера - Архив; Т. VI).
- Засецкая*, 2011 — *Засецкая И. П.* Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во ГЭ, 2011. 328 с.
- Кенин-Лопсан*, 2002 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Мифы тувинских шаманов. Кызыл: Новости Тувы (Новосибирск: ФГУИПП Сов. Сибирь), 2002. 543 с.
- Кирюшин, Степанова*, 2004 — *Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. 292 с.
- Кирюшин, Тишкин*, 1997 — *Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1997. 232 с.
- Кисель*, 2007 — *Кисель В. А.* Рассказ Геродота и ритуальные сосуды древних кочевников // *АЭАЕ*. 2007. № 3 (31). С. 69–79.
- Кисель*, 2013 — *Кисель В. А.* Деревянные ковши с зооморфными ручками в погребальном наборе древних кочевников // *Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г.* / Отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 51–64.
- Кисель*, 2018 — *Кисель В. А.* Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы // *Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской)* / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 120–127.
- Кисель*, 2019 — *Кисель В. А.* Погребальное убранство из кургана Аржан-2: декор, технологии, авторство // *Camera Praehistorica*. 2019. № 2 (3). С. 93–122.
- Королькова*, 2003 — *Королькова Е. Ф.* Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // *АСГЭ*. 2003. № 36. С. 28–67.
- Косарев*, 2003 — *Косарев М. Ф.* Основы языческого миропонимания. По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.
- Кубарев*, 1987 — *Кубарев В. Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 304 с.
- Кубарев*, 1991 — *Кубарев В. Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.
- Кубарев*, 1992 — *Кубарев В. Д.* Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.
- Кубарев, Шульга*, 2007 — *Кубарев В. Д., Шульга П. И.* Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. 280 с.
- Кубарев и др.*, 1990 — *Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В.* Курганы урочища Бике // *Археологические исследования на Катунь* / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1990. С. 43–95.
- Литвинский*, 1978 — *Литвинский Б. А.* Орудия и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978. 215 с. (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии).
- Литвинский*, 2010 — *Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан): в 3 т. Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Восточная литература, 2010. 664 с.
- Манцевич*, 1957 — *Манцевич А. П.* Ритон Талаевского кургана // *История и археология древнего Крыма* / Отв. ред. П. Н. Шульц. Киев: Изд-во АН УССР, 1957. С. 155–173.
- Манцевич*, 1966 — *Манцевич А. П.* Деревянные сосуды скифской эпохи // *АСГЭ*. 1966. Вып. 8. С. 23–38.
- Мартынов*, 1979 — *Мартынов А. И.* Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.
- Мифология...*, 2001 — *Мифология манси* / Глав. ред. И. Н. Гемуев. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 196 с. (Энциклопедия уральских мифологий; Т. 2).
- Молодин*, 2000 — *Молодин В. И.* Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // *Феномен алтайских мумий* / Отв. ред.: А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 86–119.
- Народы...*, 2010 — *Народы Северо-Востока Сибири* / Отв. ред.: Е. П. Батянова, В. А. Тураев. М.: Наука, 2010. 773 с.

- Неверов, Степанова, 1990 — Неверов С. В., Степанова Н. Ф. Могильник скифского времени Кайнду // Археологические исследования на Катунь / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1990. С. 242–270.
- Пилипко, 2001 — Пилипко В. Н. Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М.: Наука, 2001. 432 с.
- Пичикян, 1998 — Пичикян И. Р. Возрождение большого клада Окса. Вторая часть клада Окса из коллекции Михо музея // ВДИ. 1998. № 2 (225). С. 161–186.
- Поздняков, 2017 — Поздняков Д. В. Реконструкция одежды // К. В. Чугунов, Г. Парцингер, А. Наглер. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 215–220.
- Полосьмак, 2000 — Полосьмак Н. В. Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3. Историко-культурный анализ // Феномен алтайских мумий / Отв. ред.: А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 57–85.
- Полосьмак, 2001 — Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс. 2001. 336 с.
- Потапов, 1949 — Потапов Л. П. Бубен телеутской шаманки и его рисунки // Сборник МАЭ. 1949. Т. X. С. 191–200.
- Руденко, 1953 — Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
- Руденко, 1960 — Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 360 с.
- Савинов, 1993 — Савинов Д. Г. Погребения скифского времени в долине Узунтал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая / Отв. ред. Ф. А. Сатлаев. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская тип., 1993. С. 4–71.
- Савинов, 2016 — Савинов Д. Г. Кинжалы-«вкладыши» в пазырыкской культуре Горного Алтая // ТПАИ. 2016. № 1 (13). С. 19–30.
- Сагалаев, Октябрьская, 1990 — Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.
- Самашев и др., 2000 — Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. Berel-Берел. Альбом. Алматы: Общественный фонд поддержки историко-археол. памятников и культурного наследия «Берел», 2000. 56 с.
- Семёнов, Коробкова, 1983 — Семёнов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Мезолит — энеолит. Л.: Наука. 1983. 237 с.
- Соколовский, 1971 — Соколовский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1971. 285 с. (МИА; № 178).
- Сорокин, 1966 — Сорокин С. С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 39–60.
- Сорокин, 1974 — Сорокин С. С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-су (Южный Алтай) // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 62–91.
- Степанова, 2012 — Степанова Е. В. Конское снаряжение кочевников Алтая скифского времени (по материалам курганов пазырыкской культуры) // Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки / Отв. ред.: К. В. Чугунов, А. Ю. Алексеев. СПб.: Славия, 2012. С. 103–110.
- Тишкин, Мильников, 2016 — Тишкин А. А., Мильников В. П. Деревообработка на Алтае во II в. до н. э. — V в. н. э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2016. 192 с.
- Худяков, 1986 — Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 248 с.
- Членова, 1967 — Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Чугунов, 2011 — Чугунов К. В. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология ранне-скифского времени // Terra Scythica / Отв. ред.: В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 358–369.
- Чугунов и др., 2017 — Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.
- Howard et al., 2006 — Howard A. F., Li Song, Wu Hung, Yang Hong. Chinese Sculpture. Yale: Yale University Press, 2006. 521 p.

On models in the burial inventory of the Pazyryk culture: a review of sources, ethnographic parallels, approaches to interpretation

N. A. Vasil'yeva

Numerous imitations and copies of objects were found among the funerary inventory from barrows of the Pazyryk culture. Some of them are made from organic materials preserved due to the location of the mounds in the permafrost zone. A large number of models are subdivided according to their manufacturing

materials, dimensions, and techniques of their manufacture. All the models were made with a specific purpose specifically for interment. Among the models or imitations placed in the burials there are votives, substitutes for sacrifices, apotropaea, ritual accessories and objects with rudimentary signs.

Новая находка поясной пряжки в зверином стиле скифского времени из Тувы

Н. А. Жогова¹, К. Михальчевски²

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется новое изображение в скифо-сибирском зверином стиле — фрагмент роговой поясной пряжки с гравировкой в виде «идущего» кошачьего хищника с головой копытного животного под пастью. Предмет обнаружен при исследовании культурного слоя на стоянке раннего железного века в Туве.

ANNOTATION. The paper analyses a new image in the Scytho-Siberian animal style — a fragment of a horn belt buckle with an engraving in the form of a 'walking' feline predator with the head of an ungulate animal beneath its mouth. This object was uncovered during the excavation of a cultural layer of the Early Iron Age in Tuva.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Тува, стоянка, уюкско-саглынская культура, звериный стиль, сцена терзания, поясная пряжка, рог, рельефная резьба.

KEYWORDS: Tuva, camp-site, Uyuk-Sagly culture, animal style, scene of tearing at animal, belt buckle, horn, relief carving.

В погребальных памятниках уюкско-саглынской культуры Тувы обнаружена серия поясных пластин из рога, выполненных в технике рельефной резьбы в зверином стиле. Каждая такая находка уникальна и является свидетельством культурно-исторических контактов древнего населения, развития звериного стиля и традиции косторезной художественной резьбы во второй половине I тыс. до н. э. на Верхнем Енисее. К числу таких изделий относится и новая находка фрагмента поясной пряжки в виде бляхи. Она была обнаружена в 2018 г. в культурном слое на стоянке Желвак 5 в Турано-Уюкской котловине на севере Тувы. Сезонное поселение располагается примерно в 6 км к СЗ от поселка Аржаан, в истоке небольшого лога, окруженного с трех сторон склонами горы (Жогова, 2020. Рис. 69; Жогова и др., 2020).

Контекст обнаружения

Изделие найдено в каменной оградке, сложенной из трех плит (рис. 1). Сооружение, ориентированное углами по сторонам света, первоначально имело квадратную в плане форму размерами около 0,7 × 0,7 м и глубиной 0,25–0,30 м. Конструкция, скорее всего, долгое время оставалась «открытой», в связи с чем встает вопрос о синхронности сооружения и попадания в нее пряжки, требующий дополнительного изучения.

Краткое описание

На лицевой стороне изделия в технике рельефной резьбы изображен «идущий» кошачий хищник, под пастью которого помещена голова горного архара (рис. 2). В центральной его части имелось сквозное отверстие. Пряжка была сломана пополам, вероятно, в период ее использования. Длина фрагмента — 6,8 см, ширина — 5,8 см, толщина до 1,2 см. Реконструируемая длина около 11–12 см.

Выбор сырья и заготовки

Основой для предмета служила пластина, полученная путем раскрытия рога марала. У-образное расположение губчатых волокон на оборотной стороне изделия позволяет установить, что использовался участок рогового разветвления. Такие же заготовки были применены и для подобных поясных пластин скифского времени из Саглы-Бажи II (рис. 3, 3), Туэжты и коллекции Гуляева (Бородовский, 2007. С. 118–119. Рис. 101; 102; Zhogova et al., 2020).

Способ крепления к поясу

На оборотной стороне изделия вырезано углубление, формирующее петлю, шириной около 1 см. Очевидно, на утраченной половине было такое же (рис. 2). Скорее всего, мастер-резчик произвел детали крепления — петли, характерные для бронзовых поясных блях со сценой терзания V–III вв. до н. э., широко распространенных на территории Южной Сибири и Ордоса (Ковалёв, 1999. С. 75–77). Кроме того, в роговой пластине было вырезано округлое сквозное отверстие максимальным диаметром 1,3 см, также характерное для металлических экземпляров (Богданов, 2006. С. 61. Табл. XXXIII, 5; Ковалёв, 1999. Рис. 1, 3, 5, 6).

¹ 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 34. Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Адрес электронной почты: regunina@yahoo.com.

² 31-007, Польша, Краков, ул. Голега, д. 11. Ягеллонский Университет, Институт Археологии. Адрес электронной почты: krzysztomfichalczewski@gmail.com.

РИС. 1. Стоянка Желвак 5, каменная ограда № 1 (фото Н. А. Жоговой)

FIG. 1. Site of Zhelvak 5, stone fence No. 1 (photo by N. A. Zhogova)

Можно предположить, что пряжка из Желвака 5 крепилась при помощи кожаного ремешка³, продевавшегося в петли через прорези в основном (широком) ремне пояса. Еще один или несколько кожаных ремешков выводились сквозь центральное отверстие для соединения пояса.

Подобная реконструкция основана на находках бронзовых поясных блях с изображением «идуще-

го» хищника из Западной Тувы, где сохранились кожаные ремни. Как писал А. Д. Грач, «они крепились на поясе ремennыми завязками» и носились на поясе попарно или поодиночке (Грач, 1980. С. 80). Изделие из кургана № 3 могильника Саглы-Бажи II было прикреплено к обрывку широкого ремня с помощью узенького ремешка, продетого сквозь две петли (Там же. Рис. 39, 12). На левой парной бляхе из кургана № 2 могильника Дужерлиг-Ховузу I в отверстии сохранились продетые кожаные ремеш-

³ Кожаные ремешки на окончании фиксировались узлами.

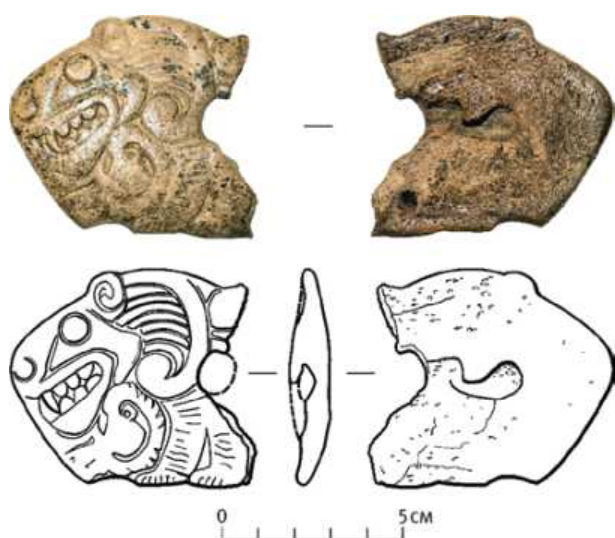

РИС. 2. Стоянка Желвак 5, фрагмент пряжки, рог (по: фото Н. А. Жоговой; рис. Д. А. Фомичева, компьютерная обработка рисунка М. Н. Никитиной)

FIG. 2. Site of Zhelvak 5, fragment of the buckle, horn (after photograph by N. A. Zhogova; drawing by D. A. Fomicheva, computer processing of the drawing conducted by M. N. Nikitina)

ки (Там же. Рис. 68), служившие для соединения пояса. На оборотной стороне аналогичного изделия из кургана № 3 могильника Даган-Тэли I имеется один горизонтальный ремешок, который, судя по опубликованной фотографии, продевался в маленькие отверстия по краям изделия. В большом отверстии сохранились несколько ремешков, связанных в узел и продетых наружу (Там же. Рис. 61, 5). Интересно, что в том же срубе найдена вторая поясная пластина⁴ из рога с двумя отверстиями по краям и изображением на ней многофигурной резной композиции (Там же. Рис. 62, 1).

С одной стороны, можно предположить, что использование ушек подходило именно для металлических блях в силу определенных свойств материала. Роговые изделия могли «не выдерживать такой нагрузки». На исследуемом предмете фрагмент перемычки с частью внутренней поверхности утрачены в процессе использования (?) (рис. 2), тогда же могла быть сломана и сама бляха. С другой стороны, наличие петель на оборотной стороне у подобных изделий на территории Тувы следует рассматривать как хронологический индикатор (?).

⁴ Бронзовая бляшка найдена на скелете № 1, а роговая пряжка-пластина относилась к скелету № 2 (Грач, 1980. С. 118).

На известных роговых поясных пластинах из погребений уюкско-саглынской культуры прослеживается иной (новый) способ. Они пришивались к поясу через парные или одиночные отверстия по краям изделия (рис. 3, 3) (Грач, 1980. Рис. 41, 62, 1; Семёнов, 2003. Табл. 111, 6; Бородовский, 2007. Рис. 101). При этом сохраняется традиция снабжения поделок сквозным «центральный» отверстием.

Сцена терзания?

Изображение на роговом изделии выполнено в характерной для скифо-сибирского искусства манере. Иконография также достаточно типична. Проблеме происхождения и развития образа на поясных бляхах с изображением идущего кошачьего хищника, несущего в пасти или пожирающего копытное животное, уделено внимание в работах А. А. Ковалёва (см.: Ковалёв, 1999) и Е. С. Богданова (Богданов, 2006. С. 60–79).

Композиции подобного рода исследователи, изучающие звериный стиль, также включают в группу сцен терзания. В большинстве таких сцен хищник изображен во время терзания еще живой добычи. Однако на рассматриваемой бляхе «терзание» показано достаточно условно, т. к. в отличие от большинства бронзовых и единичных роговых экземпляров здесь изображена «мирная» сцена. Голова травоядного животного находится под раскрытой пастью хищника, а не в ней. Бляхи с подобной трактовкой сюжета также известны в основном ареале их распространения (Богданов, 2006. Табл. XLVIII, 4).

Собственно, роговые поясные пластины со сценой терзания на территории Саяно-Алтая единичны. Они встречены в погребениях скифского времени на территории Тувы. Одна пластина с изображением «идущего» хищника и головой горного козла в пасти происходит из кургана № 2 могильника Салдам I⁵ (Богданов, 2006. С. 60. Табл. LXXIII, 1). В срубе № 5 могильника Суглуг-Хем II обнаружен фрагмент второй роговой пластины со сценой терзания (Семёнов, 2003. Табл. 111, 6). Как отмечает Е. С. Богданов, они несколько отличаются «стилистически от основной массы изображений» (Богданов, 2006. С. 61). Объяснением тому может служить, что суглуг-хемская пластина является произведением высокоразвитого искусства позднескифского времени Тувы, обладающего своими стилистическими особенностями (Килуновская, Леус, 2017. С. 93).

⁵ Публикуемое изображение плохого качества, не позволяет с точностью судить о художественной манере исполнения данной поделки и способе ее крепления к поясу.

РИС. 3. 1 – могильник Аймырлыг, группа X, сооружение № 10, пронизь (по: фото Н. А. Жоговой); 2 – могильник Аймырлыг, группа VI, сооружение № 16, застежка (по: фото Н. А. Жоговой); 3 – могильник Саглы-Бажи II, курган № 3, поясная пластина (по: Грач, 1980. Рис. 41); 4 – Алтай, случайная находка, коллекция П. К. Фролова, бляха в виде головы тигра в профиль (Государственный Эрмитаж).

1–3 – рог; 4 – дерево. 3, 4 – без масштаба

FIG. 3. 1 – cemetery of Aymyrlyg, group X, structure No 10, spacer-bead (after photograph by N. A. Zhogova); 2 – cemetery of Aymyrlyg, group VI, structure No. 16, clasp (after photograph by N. A. Zhogova); 3 – cemetery Sagly-Bazhi II, barrow No. 3, belt plaque (after Грач, 1980. Рис. 41); 4 – Altay, stray find, collection of P. K. Frolov, plaque shaped like a tiger's head in profile (State Hermitage Museum).

1–3 – horn; 4 – wood. 3, 4 – without scale

Рис. 3, 1б). В этот же период сцены терзания, напоминающие стиль «загадочных картинок», встречаются на разнообразных роговых изделиях (например, футлярах, застежках) в могильниках Центральной Тувы (рис. 3, 2) (Килуновская, Леус, 2017. С. 93; Мир кочевников, 2013. Кат. 31, 34).

Аналогии и датировка

К сожалению, сохранился только фрагмент изделия, а именно его передняя половина, что позволяет рассматривать и сравнивать пряжку согласно имеющемуся на ней изображению. С одной стороны, фигура «идущего» кошачьего хищника и голова архара на роговой поделке выполнены в манере, присущей именно бронзовым поясным бляхам со сценой терзания из Южной Сибири (Членова, 1967. Табл. 17, 1–3; Грач, 1980. Рис. 39, 12; 61, 5; 68) и всего центральноазиатского региона в целом (Богданов, 2006; Ковалёв, 1999). Аналогичен и способ крепления к поясу указанных металлических предметов и изделия из Желвака 5 (см. выше). Появление и распространение бронзовых поясных блях со сценой терзания на перечисленных терри-

ториях, приходится, по мнению исследователей, на IV, возможно, конец IV в. до н. э. (Богданов, 2006. С. 79; Ковалёв, 1999. С. 77, 80), что может быть связано с продвижением групп населения («лоуфаней») с территории Ордоса. Такие наблюдения позволяют предварительно определить нижнюю дату роговой бляхи также в пределах IV в. до н. э. Как писал А. Д. Грач, бронзовые бляхи с идущим кошачьим хищником из погребений в Туве изготавливались на протяжении всего периода существования саглынской культуры (Грач, 1980. С. 80).

С другой стороны, ближайшей аналогией пряжки из Желвака 5 по орнаментальной манере декора является поясная пластина с изображением лошади из кургана № 13, могильника Саглы-Бажи II (рис. 3, 3) (Грач, 1980. Рис. 41), которую принято датировать V–IV вв. до н. э. (Королькова, 2006. С. 239). Также подчеркнем, что при их изготовлении использовался один и тот же вид заготовки, хотя в то же время оба изделия демонстрируют разный способ крепления к поясу (см. выше).

На теле кошачьего хищника за ухом изображен завиток, напоминающий «гриву». Но при тщатель-

ном рассмотрении видно, что на сохранившейся части тела повторяется такой же завиток. В виде четырех подобных завитков украшено тело фигуры лошади на поясной бляхе из кургана № 3 могильника Даган-Тэли I (Грач, 1980. Рис. 62, 1). Элемент в виде завитка «из нескольких дуг, сходящихся в одной точке и закручивающихся в спираль» (Кисель, 1999. С. 99) является характерной особенностью резных роговых изделий уюкско-саглынской культуры Тувы (рис. 3, 1–3). Он достаточно рано встречается в Синьцзяне (Там же), а затем в различных вариантах получает широкое распространение в скифское время на территории степной полосы Евразии.

Трактовка уха в виде несложного завитка и пасти льва с клыками и зубами в виде полукругов также характерна для роговых изделий уюкско-саглынской культуры в целом (рис. 3, 2, 3). Такая манера передачи зубов в пасти весьма распространена в резьбе по дереву в пазырыкской культуре Горного Алтая (рис. 3, 4), на костяных изделиях Верхнего Приобья (Бородовский, 2007. Рис. 127), Южного Приуралья и Нижнего Поволжья (Смирнов, 1964. Табл. 78, 6, 11; 79, 2–5; 80, 8).

На морде хищника изображены подчеркнута круглый глаз и ноздря. На роговых изделиях скифского времени Южной Сибири круглый глаз встречается, например, у птиц (Бородовский, 2006. Рис. 76, 89, 1) и травоядных (рис. 3, 1, 2). Иногда он дополняется ободком, что, возможно, является следствием имитации манеры исполнения подобных деталей в металле (или наоборот?). Но в данном контексте наиболее вероятным вариантом трактовки круглого глаза и ноздри, следует считать изображения глаза и ноздри на морде свернувшегося в кольцо хищника, а также у «припавшего к земле» хищника (Богданов, 2006. Табл. I, 1, 2, 4, 8; II, 1–3, 5, 6; VI, 1, 2, 8; XXXVII, 1; XLII, 13; Королькова, 2006. Табл. 38, 5, 8) и на бляшках с симметрично сдвоенными головами (Там же. Табл. 48, 4).

На передних лапах кошачьего хищника вырезаны горизонтальные полоски. Декорирование ног кошачьих хищников таким способом встречается редко, например, на бляхах из могильников Гуюань⁶ и Янлан провинции Нинся (Богданов, 2006. Табл. XXXIV, 1, 2). Чаще всего орнаментация в виде вертикальных волнистых линий встречается на тигриных лапах. На подушечках лап изображены когти, отделенные дуговидной полоской. Такая трактовка когтей также известна на изображениях

хищников на бронзовых бляхах в основном ареале их распространения (Там же. Табл. XXXIII, 5; XXXIV, 1; XXXV, 3; L, 1, 3–7, 9; XLVIII, 1), а также на деревянных изделиях из погребений в Горном Алтае (Кубарев, 1987. Табл. XXVII, 10).

Голова архара под пастью кошачьего хищника легко узнаваема, однако степень проработки деталей хуже, чем на главной фигуре. Хорошо читаются загнутый рог, ухо, ноздря и приоткрытый рот. При тщательном рассмотрении, кажется, видны контуры глаза и как будто второго рога (?), протертые в процессе использования предмета. Аналогичным образом изображались отдельные головы архаров на металлических бляшках и поясных пряжках Южной Сибири второй половины I тыс. до н. э.

Выводы и обсуждение

Изображение сцены терзания (фигуры хищника и головы горного барана) на роговой пряжке выполнено в традиционной для скифо-сибирского искусства манере. По всей видимости, изделие из Желвака 5 может быть датировано в пределах IV в. до н. э. — времени появления на территории Южной Сибири аналогичных бронзовых поясных блях в виде идущего кошачьего хищника с головой копытного в пасти (Ковалёв, 1999. С. 77, 80; Богданов, 2006. С. 79). Мастер воплотил новый предмет в ином материале, сохранив принцип крепления металлического изделия к поясу — петли. При этом элементы декора главной фигуры: завиток на теле, ухо и пасть, — художник-резчик изобразил в стиле, характерном для уюкско-саглынской культуры Тувы.

На наш взгляд, нет оснований относить рассматриваемый предмет к более позднему времени. В памятниках озен-ала-белигского типа уюкско-саглынской культуры получают распространения поясные пластины с иным способом крепления — при помощи парных и одиночных отверстий по краям изделия. Причем данный вариант встречается на роговых и бронзовых (?) бляхах как с изображениями идущего хищника, терзающего голову травоядного, так и с многофигурными композициями в стиле, напоминающем «загадочные картинки» (рис. 3, 2) (Грач, 1980. Рис. 62, 1; Семёнов, 2003. Табл. III, 6).

Вероятно, здесь, на территории Тувы, с появлением новых деталей поясной гарнитуры происходил поиск оптимального способа крепления пряжек к поясу и, скорее всего, соединения концов пояса. Об этом свидетельствует разнообразие вариантов расположения и количества отверстий на поясных пластинах в поздних памятниках уюкско-саглынской культуры.

⁶ Интересно отметить, что на данном экземпляре может быть также изображен лев с гривой в виде витых локонов (?) (Богданов, 2006. Табл. XXXIV, 1).

Литература

- Богданов, 2006 — Богданов Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2006. 240 с.
- Бородовский, 2007 — Бородовский А. П. Древний резной рог Южной Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 176 с.
- Грач, 1980 — Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Государственный Эрмитаж — Бляха в виде головы тигра в профиль // Государственный Эрмитаж [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hermitage-museum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/25.+archaeological+artifacts/2720990> (дата обращения: 08.02.2021).
- Жогова, 2020 — Жогова Н. А. Работы отряда Южно-Сибирской экспедиции ГЭ на многослойной стоянке Желвак 5 в Пий-Хемском районе // АО. 2018 год. М.: ИА РАН, 2020. С. 486–487.
- Жогова и др., 2020 — Жогова Н. А., Олещак Л., Пенькос И., Пжибыла М. М. Многослойная стоянка Желвак 5 в Северной Туве и ее окружение: геомагнитные разведки и первые результаты исследования // Тр. VI (XXII) ВАС в Самаре. Т. II. Самара: Изд-во СГСПУ, 2020. С. 52–53.
- Килуновская, Леус, 2017 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Искусство конца I тыс. до н. э. в Туве // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 87–104.
- Кисель, 2019 — Кисель В. А. Погребальное убранство из кургана Аржан-2: декор, технологии, авторство // Camera Praehistorica. № 2. СПб., 2019. С. 93–122. [Электронный ресурс]. URL: camera-praehistorica.kunstkamera.ru/archive/2019_2 (дата обращения: 08.02.2021).
- Ковалёв, 1999 — Ковалёв А. А. О связях населения Алтая и Ордоса в V–III веках до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Отв. ред.: Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1999. С. 75–82.
- Королькова, 2006 — Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.
- Кубарев, 1987 — Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 304 с.
- Мир кочевников, 2013 — Мир кочевников. Из археологических коллекций Государственного Эрмитажа: каталог выставки [в выставочном центре «Эрмитаж-Выборг»]. СПб.: Славия, 2013. 132 с.
- Семёнов, 2003 — Семёнов Вл. А. Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 240 с.
- Смирнов, 1964 — Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 380 с.
- Членова, 1967 — Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Zhogova et al., 2020 — Zhogova N. A., Oleszczak Ł., Michalczewski K. Multi-layered site of Zhelvak 5 (Tuva) in the context of nomadic settlements in Central Asia // Recherches Archéologiques Nouvelle Serie Vol. 11. Krakow: Wydawnictwo i Pracownia Archeologiczna PROFIL-ARCHEO, 2020 (in print).

New find of a belt buckle in the animal style of the Scythian time from Tuva

N. A. Zhogova, K. Mihal'chevski

The paper analyses a new image in the Scytho-Siberian animal style — a fragment of an antler belt buckle with an engraving in the form of a 'ambulant' feline predator with the head of an ungulate animal beneath its mouth (Fig. 1; 2). This object comes from an Early Iron Age campsite in Tuva. Stylistic comparisons can be drawn from the 5th–3rd century BC bronze belt plaques

ornamented with scenes of torment found in the territories of Ordos and South Siberia. However, that the representation of a feline predator and a wild ram was more likely executed by a local master in the artistic style characteristic of the Uyuk-Sagly culture of Tuva. The authors suggest to date this new find to the 4th century BC.

Колесница из «княжеского» кургана хунну могильника Оргойтон¹

Н. Н. Николаев²

Аннотация. Возникновение в Центральной Азии на рубеже III–II вв. до н. э. племенного объединения во главе с хунну ускорило процесс социальной трансформации хуннского общества. В это время происходит окончательное обособление родовой знати, которая сосредотачивает в своих руках основную часть экономических ресурсов и всю полноту политической власти. Появление элиты, занявшей главенствующее положение в обществе, предопределило потребность в атрибутах, подчеркивающих ее статус. Одним из таких атрибутов стали колесницы, которыми при китайском дворе одаривали представителей высшей хуннской знати. Для хунну это были не только дорогие и престижные подарки. Колесницы являлись символом знатности и власти. Все известные находки колесниц в хуннских памятниках были сделаны в «княжеских» курганах. Однако колесницы свидетельствуют не только о высоком общественном статусе своего владельца, они позволяют говорить об иерархической стратификации той части хуннского общества, которую обобщенно принято называть «знатью».

Annotation. The emergence of a tribal union headed by the Xiongnu in Central Asia at the turn of the 3rd to 2nd centuries BC catalyzed the process of social transformation of the Xiongnu society. During this period, the final isolation of the tribal nobility took place. They concentrated in their hands the major part of the economic resources and the entire political power. The appearance of the elite occupying the dominating positions in the society defined the necessity of attributes highlighting its status. Chariots occurred to be among these attributes with which representatives of the supreme Xiongnu nobility were gifted at the Chinese court. For the Xiongnu, the chariots were not only rich and prestigious presents. They were symbols of nobility and power. All the known finds of chariots at Xiongnu sites were discovered in 'princely' kurgans. However, the chariots bear evidence not only of the high social status of their owners but they suggest the hierarchal stratification of that stratum of the Xiongnu society that is traditionally called the 'nobility'.

Ключевые слова: хунну, элита, «княжеские курганы», колесница, зонтик, спицы колес, лак, Оргойтон, Царам, Ноин-Ула, Гол-Мод, Дурлик-Нарс.

Keywords: Xiongnu, elite, 'princely kurgans', chariot, umbrella, wheel spokes, lacquer, Orgoyton, Tsaram, Noin-Ula, Gol-Mod, Durlik-Nars.

Впервые обломки деревянных колес, фрагменты зонтов и бронзовые детали колесниц в курганах хуннской знати были обнаружены при раскопках в горах Ноин-Ула в 1924–1925 гг. (Руденко, 1962. С. 51, табл. XXIV, 6; XXVIII, 1, 2, 4, 6–11; XXXIII, 1–6). Сами же колесницы в захоронениях «княжеских» курганов хунну найдены только в начале XXI в.

В первой половине 2000-х гг. на территории Бурятии, в пади Царам, при исследовании элитного комплекса хунну, состоявшего из самого большого в России «княжеского» кургана и 10 сопроводительных захоронений, была обнаружена

китайская колесница (Миняев, Сахаровская, 2007а; 2007б). Она представляла собой легкий одноосный экипаж, который поместили в могилу в частично разобранном виде. Несмотря на то, что колесница пострадала от деятельности грабителей³, удалось зафиксировать основные детали ее конструкции и остатки когда-то раскрытого над ней зонтика (Миняев, Сахаровская, 2007б. С. 133–134, рис. 2; 3). В эти же годы китайская колесница была найдена при раскопках элитного кургана хунну на могильнике Гол-Мод I в Монголии (Andrè et al., 2010. Р. 29–34). Вскоре после этих открытий, колесницы различной степени сохранности были обнаружены еще в нескольких «княжеских» курганах. Наиболее полно сохранившиеся экземпляры найдены в пади Суцзуктэ в горах Ноин-Ула, в кургане № 2 могильника Дурлик-Нарс, а также в кургане № 1 могильника Гол-Мод II, в котором, возможно, был погребен один из правителей

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) и их взаимодействие с сельскохозяйственными центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж.

Отдел археологии Восточной Европы и Сибири;

191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.

ИИМК РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа.

Адрес электронной почты: nikkolyanik@yandex.ru.

³ Колесница была размещена в могиле кургана на глубине около 11 м.

хунну⁴ (*Полосьмак и др.*, 2011. С. 77–91; *Полосьмак, Богданов*, 2015. С. 47–54; *Yun Hyeung-won, Chang Eun-jong*, 2011. Р. 265–266; *Эрдэнэбаатар и др.*, 2015. С. 81–82, 94–122, рис. 15; 16; 17; 18; *Erdenebaatar*, 2016. Р. 31–32).

Письменные источники сообщают о том, что колесницами при китайском дворе одаривали представителей высшей хуннской знати (*Таскин*, 1973. С. 35, 51, 57, 72). Для хунну это были не только дорогие и престижные подарки. Колесницы являлись признаком высокого социального положения.

Все известные находки колесниц были сделаны в «княжеских» курганах. Одним из них является курган № 6 в пади Оргойтон, которая расположена на левом берегу р. Селенги, примерно в 30 км к СЗ от г. Кяхта. Хуннский могильник в этом месте открыт в 1898 г. Ю. Д. Талько-Гринцевичем, который совместно с А. Я. Смолевым раскопал здесь четыре кургана. Погребальную традицию и сопроводительный инвентарь раскопанных могил Ю. Д. Талько-Гринцевич соотнос с обрядностью и вещевым комплексом захоронений Суджинского могильника Ильмовой пади (*Талько-Гринцевич*, 1999. С. 81). После раскопок Монголо-Тибетской экспедиции в горах Ноин-Ула погребения в Оргойтоне и Ильмовой пади были идентифицированы как хуннские (Там же. С. 119–123).

В 2010–2013, 2015 и 2016 гг. в северной части могильника Оргойтон проводились раскопки кургана № 6, который стал первым и пока единственным «княжеским» курганом хунну, исследованным на левом берегу р. Селенга (*Николаев, Миняев*, 2017а; 2017б; 2019; *Nikolaev, Miniaev*, 2016). Размеры наземного сооружения и погребальной камеры позволяют соотнести этот курган с курганом № 24 могильника Ноин-Ула и курганом № 54 Ильмовой пади (*Теплоухов*, 1925; *Коновалов*, 2008).

Развал надмогильного сооружения кургана № 6 могильника Оргойтон составлял около 16 м в длину и примерно 14 м в ширину⁵. Каменная кладка

на месте расположения дромоса с южной стороны кургана имела длину ~ 12 м. В пределах развала надмогильного сооружения зафиксировано несколько стел и их обломки. Трапециевидная ограда кургана возведена из горизонтально уложенных каменных плит. Могильная яма повторяет форму ограды. Длина ее северной стенки – 14,65 м, южной – 12,9 м. Дромос оказался несколько короче каменной кладки, которая обозначала его на уровне дневной поверхности, поэтому общая длина могилы и дромоса по линии север–юг составляет около 26 м.

В заполнении могильной ямы обнаружены остатки одной продольной и двух поперечных перегородок из дерева и камня. По периметру могилы зафиксировано четыре уступа (ступени). Первый уступ выявлен на глубине 1,44–2,2 м. Последний – на глубине 5,35–5,77 м. В районе СЗ угла могилы, примерно на 1 м ниже четвертого уступа, обнаружено скопление костей КРС и МРС, частично перекрытое каменной забутовкой, которая сильно пострадала в результате неоднократных ограблений. Под забутовкой находился грунт заполнения могильной ямы, уложенный на крупный гравий и щебенку, которыми засыпали погребальное сооружение. На плахах его перекрытия с западной, северной и восточной стороны выявлено не менее пяти раздавленных черепов КРС. На перекрытии центральной части погребальной камеры были найдены остатки китайской колесницы, которая оказалась практически полностью уничтожена при ограблении кургана. На момент проведения раскопок уцелело только черное лаковое покрытие колес, зафиксированное на глубине 9,43–9,84 м (**рис. 1; 2**).

Восточное колесо. Лаковое покрытие сохранилось на месте большей части спиц и значительного фрагмента обода колеса (**рис. 2**). В некоторых местах с внутренней стороны лакового покрытия зафиксированы остатки дерева. В центре колеса находилась железная втулка⁶ от оси колесницы (**рис. 3, 1**). Южнее ее и несколько ниже обнаружена железная пластина шириной 0,36 м и толщиной 0,04 м. Пластина свернута, ее несомкнутые края заходят один за другой (**рис. 3, 2**). В ЮВ секторе колеса найдена железная скобка (0,045 × 0,015 м). Еще одна скобка большего размера (0,055 × 0,02 м) обнаружена с южной стороны лакового покрытия обода (**рис. 4, 1, 2**).

⁴ Погребальное сооружение, установленное на дне могильной ямы кургана № 1 могильника Гол-Мод II, было перекрыто слоем крупного щебня, сверху которого был насыпан уголь. Мощность угольного слоя составляла около 1 м. На слое угля зафиксированы металлические детали не менее 16 повозок или колесниц. По мнению автора раскопок, все они были сломаны и сожжены на месте похорон при погребении, но в статье рассматриваются остатки только одного легкого одноосного экипажа, зафиксированного в могильной яме на глубине около 15 м (см.: *Эрдэнэбаатар и др.*, 2015).

⁵ В задернованном состоянии.

⁶ На втулке сохранились следы дерева.

РИС. 1. Могильник Оргойтон. Курган № 6. Колеса от китайской колесницы на перекрытии погребального сооружения

Fig. 1. Orgoyton gravesite. Barrow No. 6. Wheels of the Chinese chariot on the roofing of the funerary structure

Достаточно точно устанавливается диаметр ступиц колес — около 0,25 м. Он определяется по диаметру свободного пространства в центре лакового покрытия, которое формируют «разделители» спиц восточного колеса. Во время сборки они крепились над ступицей колеса между спицами и затем вместе с ними покрывались лаком. «Разделители» изготавливались из дерева. Их боковые и торцевые стороны были слегка вогнуты (рис. 4, 5–9). Размеры наиболее хорошо сохранившихся экземпляров составляют около 0,06 × 0,01 м. Ширина лакового покрытия спиц соответствует длине «разделителей», что позволяет установить примерную ширину обода колеса.

Западное колесо. Сохранилась примерно треть лакового покрытия обода колеса и меньше четверти лакового покрытия спиц (рис. 2). Абсолютное

большинство «разделителей» утрачено. В центре колеса зафиксирована железная втулка ступицы (рис. 3, 3), размеры которой сопоставимы с размерами свернутой пластины, найденной при исследовании восточного колеса. Вероятно, их предназначение было одинаковым. Втулки от оси колесницы среди остатков западного колеса не обнаружено, но на восточной стороне его лакового покрытия был выявлен крупный обломок дерева очень плохой сохранности. На его поверхности (с северного края) отмечен след от вырезанного паза. После зачистки, на обломке зафиксированы остатки зеленой краски (?). Рядом с лаковым покрытием южной части обода западного колеса найдены две железные скобки, идентичные тем, что были зафиксированы рядом с восточным колесом (0,055 × 0,02 и 0,039 × 0,016 м) (рис. 4, 3, 4).

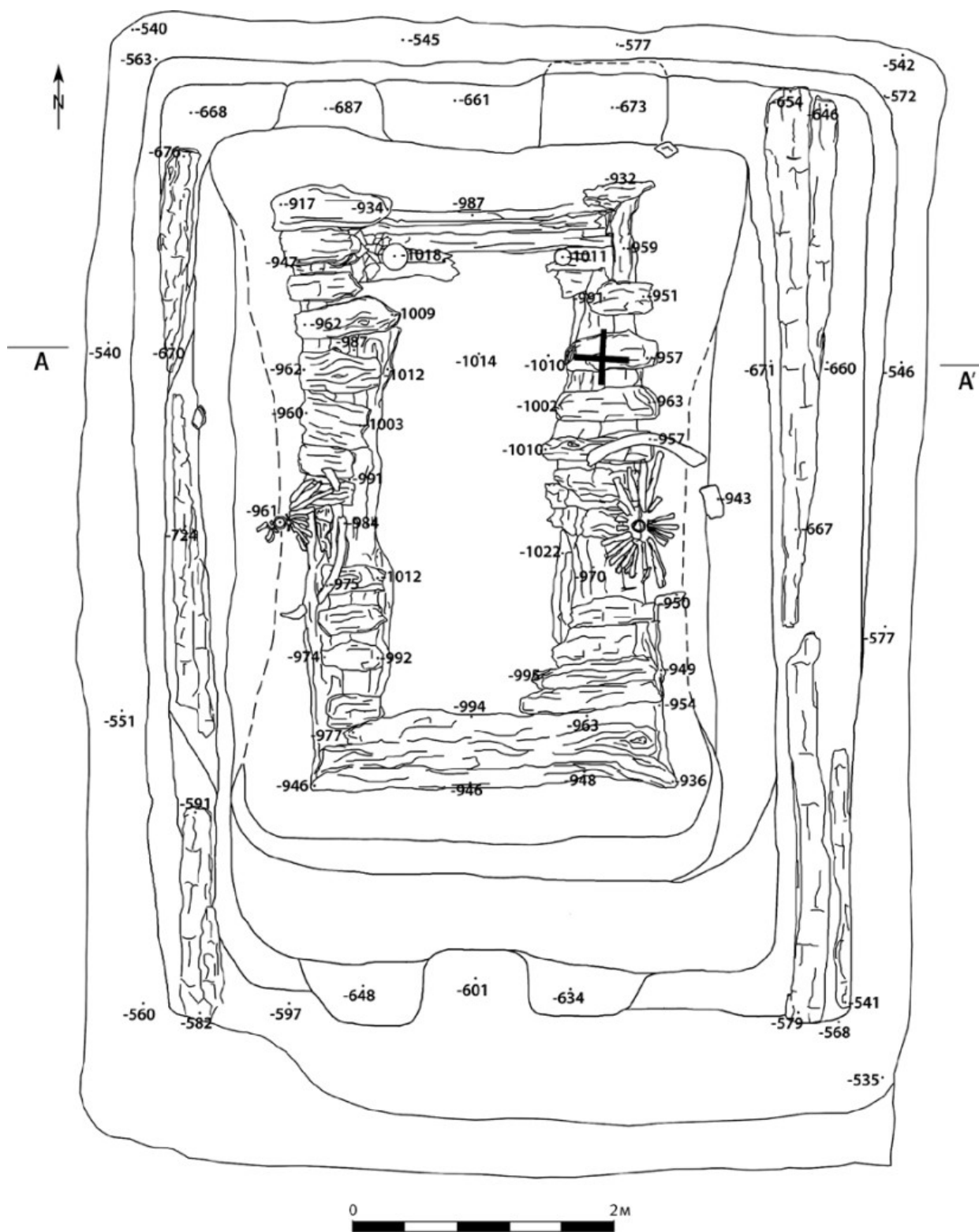

РИС. 2. Могильник Оргойтон. Курган № 6. План расположения колес от китайской колесницы на перекрытии погребального сооружения

Fig. 2. Orgoyton gravesite. Barrow No. 6. Plan of the arrangement of the wheels of the Chinese chariot on the roofing of the funerary structure

РИС. 3. Могильник Оргойтон. Курган № 6. 1 – втулка от оси колесницы (восточное колесо); 2 – свернутая металлическая пластина; втулка ступицы восточного колеса; 3 – втулка ступицы западного колеса.

1–3 – железо

FIG. 3. Orgoyton gravesite. Barrow No. 6. 1 – the hub of the axle of the chariot (eastern wheel); 2 – rolled-up metal plate; the hub of the eastern wheel; 3 – the hub of the western wheel.

1–3 – iron

В 1,5 м к северу от восточного колеса в заполнении погребального сооружения найден бронзовый наконечник спицы от зонта колесницы. Еще три наконечника оказались в заполнении северного коридора погребальной камеры. Один из них (с остатками шелка) был найден практически на полу. Все наконечники с одной стороны имеют слегка загнутый шип. В двух наконечниках сохранились обломки от спиц зонта (рис. 4, 10–13).

По оформлению окончаний наконечники от спиц зонтов можно разделить на два типа (Полосьмак и др., 2011. С. 82). Первый тип представлен двумя вариантами окончаний: в виде розеток, напоминающих распустившийся цветок. Для первого варианта первого типа характерны окончания в виде трехлепестковых розеток. Наконечники с такими окончаниями были зафиксированы в кургане № 1

могильника Гол-Мод II (Эрдэнэбаатар и др., 2015. С. 101, 118). Вторым вариантом первого типа представлен наконечниками спиц с четырехлепестковыми розетками различной формы. Эти наконечники отмечены в кургане № 1 могильника Гол-Мод II, а также в кургане № 20 пади Суцзуктэ, в могильнике Ноин-Ула (Полосьмак и др., 2011. С. 80, рис. 3.7; Полосьмак, Богданов, 2016. С. 21; Эрдэнэбаатар и др., 2015. С. 101, 118). Отличительным признаком наконечников второго типа являются сферические окончания (рис. 4, 10–13). Кроме кургана № 6 могильника Оргойтон они зафиксированы в кургане № 22 пади Суцзуктэ, в могильнике Ноин-Ула, в кургане № 20 могильника Гол-Мод I, а также в кургане № 2 могильника Дурлик-Нарс (Yun Hyeung-won, Chang Eun-jong, 2011. P. 266, fig. 5; Эроол-Эрдене, 2015. С. 194, рис. 24; Полосьмак, Богданов, 2016. С. 27).

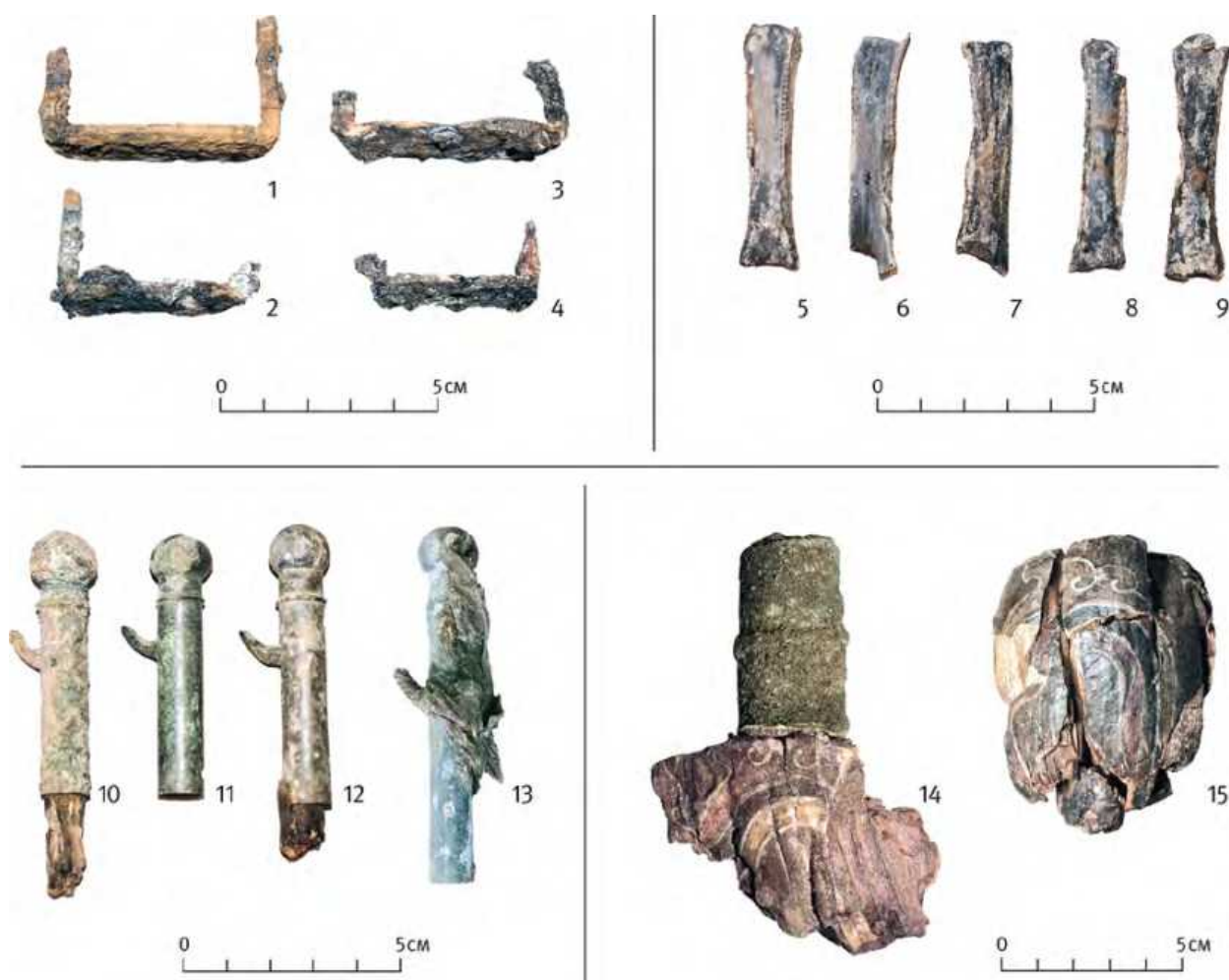

РИС. 4. 1-13 – могильник Оргойтон, курган № 6 (1-4 – металлические скобы; 5-9 – «разделители» спиц колес колесницы; 10-13 – наконечники от спиц зонта колесницы); 14, 15 – могильник Царам, курган № 7, орнаментированные фрагменты деревянных деталей колесницы (© материалы раскопок С. С. Миняева). 1-4 – железо; 5-9 – дерево, лак; 10-13 – бронза, шелк; 14, 15 – дерево, лак, бронза

FIG. 4. 1-13 – Orgoyton gravesite, barrow No. 6 (1-4 – metal brackets; 5-9 – ‘dividers’ of spokes in the wheels of the chariot; 10-13 – tips of the spokes of the umbrella on the chariot); 14, 15 – cemetery of Tsaram, barrow No. 7, decorated fragments of wooden parts of the chariot (© materials from excavation by S. S. Minyayev). 1-4 – iron; 5-9 – wood, lacquer; 10-13 – bronze, silk; 14, 15 – wood, lacquer, bronze

Определить, как выглядела колесница из кургана № 6 могильника Оргойтон, нельзя, но установить некоторые факты можно. Колесницу поместили в могилу, предварительно сняв с нее колеса, которые затем уложили с восточной и западной стороны от ее кузова. Благодаря этому, при обрушении перекрытия погребальной камеры, вызванного неоднократными ограблениями кургана, несмотря на то, что колеса сдвинулись к центру могилы, просели вниз и переломились, их остатки все-таки уцелели. Диаметр колес составлял 1,4 м, ширина не превышала 0,06 м. В них насчитывалось не менее 28 спиц.

Не исключено, что остатки такой же колесницы были найдены в кургане № 2 могильника Дурлик-Нарс на северо-востоке Монголии. Здесь были обнаружены колесо, кузов и ось от легкого двухколесного экипажа. Кузов был собран из лакированных деревянных панелей прямоугольной формы. Все сохранившиеся части были покрыты черным лаком (Yun Hyeung-won, Chang Eun-jong, 2011. P. 265-266, fig. 5-7). Диаметр колес экипажа из могильника Дурлик-Нарс – 1,25 м, что несколько меньше диаметра колес, обнаруженных на Оргойтоне. Однако лаковое монохромное покрытие (черного цвета) позволяет предположить, что рас-

краска у колесниц была одинаковой⁷. Следует также отметить, что втулка ступицы колеса в захоронении могильника Дурлик-Нарс сопоставима с втулкой ступицы, найденной на Оргойтоне (рис. 3, 3). Помимо этого, наконечники спиц одной и другой колесницы относятся ко второму типу (рис. 4, 10–13). Вместе с тем размеры кургана в могильнике Дурлик-Нарс⁸ примерно в полтора раза меньше кургана № 6 могильника Оргойтон. Причины половозрастного характера для объяснения этого факта не подходят, т. к. в кургане № 2 могильника Дурлик-Нарс был похоронен мужчина 30 лет (*Ли Ву Сон*, 2019. С. 168), а погребенный в кургане № 6 могильника Оргойтон был всего на десять лет старше.

Разновременность курганов не исключена, но критичной не является. Оргойтон датируется не ранее I в. до н. э. (*Николаев*, 2010, С. 192). Радиоуглеродная дата, полученная для кургана № 6, лежит в интервале 49 г. до н. э. – 63 г. н. э. Захоронение в кургане № 2 могильника Дурлик-Нарс датируется 60–70 гг. н. э., а на основе типологического анализа инвентаря «время функционирования могильника относится к I в. н. э.» (*Ли Ву Сон*, 2019. С. 173).

Могильники расположены на периферии хуннских владений, но существенно отличаются друг от друга. Оргойтон – небольшой по размерам памятник, формирование которого началось после того, как на его месте было совершено захоронение в кургане № 6. Дурлик-Нарс – крупный некрополь, насчитывающий около 200 погребений (*Yun Hyeung-won, Chang Eun-jong*, 2011. P. 261–262). В центральной и северной частях этого могильника зафиксированы «княжеские» курганы, сопоставимые с наиболее крупными курганами этого типа. Участок, на котором исследовалось элитное захоронение с колесницей, находится в южной части памятника, где сосредоточено несколько курганов, которые составляют небольшую локальную группу. В 70 м к ЮЗ от самого большого кургана этой группы⁹ расположен курган № 2. Разница в разме-

рах между этим курганом и курганом № 6 могильника Оргойтон не что иное, как отраженная в практике погребальной обрядности разница в прижизненном статусе погребенных, определить который позволяют находки других колесниц.

Легкие одноосные экипажи типа «яо чэ» были найдены в кургане № 20¹⁰ и кургане № 22¹¹ пади Суцзуктэ, в могильнике Ноин-Ула (*Полосьмак и др.*, 2011. С. 82). Колесницы, как и курганы, оказались практически одинаковыми. Отличались они только наконечниками спиц зонтов. В кургане № 20 наконечники относились ко второму варианту первого типа, а в кургане № 22 – ко второму типу (*Полосьмак, Богданов*, 2016. С. 21, 27). Остальные детали и элементы конструкций, а также декоративное оформление колесниц сопоставимы (*Полосьмак и др.*, 2011. С. 77–82; *Полосьмак, Богданов*, 2016. С. 47–54). Раскраска кузова и колес экипажей из Суцзуктэ, так же как колесниц из Оргойтона и Дурлик-Нарс, была монохромной. Различие заключалось только в том, что колесницы из Суцзуктэ, включая колеса со спицами, были покрыты красным лаком. Этот факт имеет принципиальное значение, т. к. согласно письменным источникам в Китае, в период Западной Хань, пользоваться экипажами, покрашенными в красный цвет, могли только люди, занимавшие очень высокое общественное положение (*Полосьмак и др.*, 2011. С. 89). Существует прямое указание на то, что «...при ханьском У-ди всей титулованной знати повелели покрасить колеса колесниц в красный цвет» (*Сыма Цянь*, 1986. С. 230, ком. 37). Поэтому остается только констатировать, что люди, погребенные в курганах № 20 и 22 пади Суцзуктэ в могильнике Ноин-Ула, обладали очень высоким социальным статусом.

Курган № 6 могильника Оргойтон примерно в полтора раза меньше курганов № 20 и 22 пади Суцзуктэ, поэтому неудивительно, что найденные в нем колеса были покрыты черным лаком. Вместе с тем, курган № 2 могильника Дурлик-Нарс меньше кургана в Оргойтоне, но обнаруженная в нем колесница тоже была черного цвета. Сопоставимая ситуация отмечается с колесницами, найденными

⁷ Фрагмент покрашенного дерева, найденный на остатках одного из колес в кургане № 6 могильника Оргойтон, нельзя с полной уверенностью рассматривать как обломок кузова колесницы.

⁸ Размер ограды кургана № 2 могильника Дурлик-Нарс составляет 9 × 11 м, при длине кладки над его дромосом 15 м.

⁹ Размер этого кургана 21 × 24 м, при длине кладки над дромосом 30–32 м. В его погребении были зафиксированы остатки кузова колесницы и ее колес, диаметр которых составлял 1,5–1,6 м. Помимо этого, в погребении были найдены наконечники от спиц зонты, относящиеся

ко второму варианту первого типа, и остатки лакового покрытия красного цвета (*Yun Hyeung-won, Chang Eun-jong*, 2011. P. 262; *Ли Ву Сон*, 2019, С. 166).

¹⁰ Размер ограды – 20 × 19 м, при длине кладки над дромосом – 17 м.

¹¹ Размер ограды – 18 × 21 м, при длине кладки над дромосом – 17 м.

в кургане № 1 могильника Гол-Мод II и кургане № 7 могильника Царам.

Размеры кургана № 1 могильника Гол-Мод II составляют 48 × 46 м при длине кладки над дромосом — 37 м (*Эрдэнэбаатар*, 2018. С. 61). Это крупнейшее элитное захоронение хунну в настоящее время. Декоративное оформление найденной в этом кургане колесницы очень сильно отличается от монохромной раскраски экипажей из курганов Суцзуктэ, которые по размерам в два раза меньше кургана в Гол-Мод II. Каркас кузова колесницы из Гол-Мод II был покрыт прямоугольными лаковыми плакетками, расписанными по темному фону вычурным полихромным орнаментом. Помимо этого на них были нанесены иероглифы (*Эрдэнэбаатар и др.*, 2015. С. 81–82, рис. 15; 17; 18). Внешняя сторона обода колеса была черной, а внутренняя, как и края спиц, примыкавшие к ободу, были покрыты красным лаком. Не исключено, что со стороны ступицы колеса спицы также были красного цвета.

Высокое общественное положение человека, погребенного в кургане № 7 могильника Царам, подтверждается не только орнаментированным лаковым покрытием, сохранившемся деревянных деталей его колесницы, но также раскраской колес (рис. 4, 14, 15). Она аналогична раскраске колес на реконструированной колеснице из захоронения китайского военачальника Хо Цюйбина (*Миняев, Сахаровская*, 2007б. С. 136; *Imperial China...*, 2000, P. 131, fig. 111). Обод каждого колеса этого экипажа с двух сторон окаймлен полосой красного цвета. Спицы, со стороны обода и со стороны ступицы колеса, покрашены в красный цвет. Ось колесницы также красная. Эта раскраска практически совпадает с раскраской колес экипажа из Гол-Мод II, декоративное оформление которого заметно богаче оформления колесниц из Суцзуктэ и вполне может быть сопоставимо с оформлением колесницы из Царама. Однако стройность этой иерархической схемы нарушает один факт. Размер кургана № 7 могильника Царам¹² в полтора раза меньше размера кургана в Гол-Мод II. Но эти параметры отходят на второй план, если учесть, что курган в Царама является самым большим среди элитных курганов на северной периферии хуннских владений. Не вызывает сомнения, что похороненный

здесь мужчина занимал главенствующее положение среди представителей местной знати. Вероятно, статус и власть, которыми он обладал, позволяли ему пользоваться колесницей, выделявшейся на фоне его окружения. Оформление его экипажа напоминало или соответствовало оформлению колесницы, найденной в кургане № 1 могильника Гол-Мод II, где был погребен человек, исключительное общественное положение которого сомнения не вызывает.

Сделанные наблюдения позволяют говорить о том, что обладание колесницей было свидетельством принадлежности к элите, а убранство и декоративное оформление экипажа позволяло судить о месте владельца в ее иерархии. Однако отразить всю сложность этой иерархии в одном атрибуте, даже таком престижном, как колесница, было невозможно. Среди живых проблема общественного статуса решалась многопланово и разнообразно. Но после смерти решение данной задачи существенно упрощалось, т. к. для окружающих самым наглядным критерием освидетельствования статуса погребенного был масштаб надмогильного сооружения его кургана. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в курганах Царама и Гол-Мод II, которые существенно отличались своими размерами, были найдены колесницы с похожим декоративным оформлением. Очевидно, что погребенные здесь люди являлись представителями хуннской аристократии, но занимали в ее иерархии различное положение. Аналогичная ситуация отмечается в кургане № 6 могильника Оргойтон и кургане № 2 могильника Дурлик-Нарс. Разница заключается только в том, что оба погребенных относились к той части хуннской элиты, статус которой был гораздо более скромным. Подтверждением этого факта, помимо размера погребальных сооружений, является внешний облик деталей колесниц, найденных в их могилах. Поэтому можно говорить о том, что колесницы свидетельствуют не только о высоком общественном статусе своего владельца, они также позволяют судить об иерархической стратификации той части хуннского общества, которую обобщенно принято называть «знатью».

¹² Размер ограды 32 × 32 м, при длине кладки над дромосом 20 м.

Литература

- Коновалов, 2008 — Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 98 с.
- Ли Ву Сон, 2019 — Ли Ву Сон. Результаты изучения могильника Дуурлигнарс в Монголии в 2006–2011 гг. // Россия и Азиатско-Тихоокеанский Регион. 2019. № 4. С. 164–175.
- Миняев, Сахаровская, 2007а — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // РА. 2007. № 1. С. 159–166.
- Миняев, Сахаровская, 2007б — Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Ханьская колесница из могильника Царам // АВ. 2007. Вып. 14. С. 130–140.
- Николаев, 2010 — Николаев Н. Н. Могильник хунну в пади Оргойтон (предварительное сообщение) // Древние культуры Евразии: Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама / Ред.: В. А. Алёкшин и др. СПб.: Инфо-ол, 2010. С. 186–191.
- Николаев, Миняев, 2017а — Николаев Н. Н., Миняев С. С. Исследование хуннских курганов в пади Оргойтон // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Мат-лы VIII междунар. науч.-практич. конф. Changchun, China, 11–15 сентября 2017 г. Чанчунь: Research center for Chinese Frontier Archaeology of Jilin University, 2017. С. 287–291.
- Николаев, Миняев, 2017б — Николаев Н. Н., Миняев С. С. Работы Центрально-Азиатской археологической экспедиции на могильнике Оргойтон // АСГЭ. 2017. № 41. С. 143–158.
- Николаев, Миняев, 2019 — Николаев Н. Н., Миняев С. С. Некоторые результаты исследования «княжеского кургана» хунну на могильнике Оргойтон // АСГЭ. 2019. № 42. С. 110–123.
- Полосьмак, Богданов, 2015 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). Ч. 1. Новосибирск: Изд-во Инфолио, 2015. 136 с.
- Полосьмак, Богданов, 2016 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. Ноин-улинская коллекция. Результаты работы российско-монгольской экспедиции, 2006–2012 гг. Новосибирск: Изд-во Инфолио, 2016. 176 с.
- Полосьмак и др., 2011 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвэндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Изд-во Инфолио, 2011. 184 с.
- Руденко, 1962 — Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
- Сыма Цянь, 1986 — Сыма Цянь. Исторические записки («Ши Цзи»). Т. 4. М.: Наука, 1986. 453 с.
- Талько-Гринцевич, 1999 — Талько-Гринцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. СПб.: Изд-во Фонд «Азиатика», 1999. 123 с.
- Таскин, 1973 — Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Выпуск второй. М.: Восточная литература, 1973. 168 с.
- Теплоухов, 1925 — Теплоухов С. А. Раскопка кургана в горах Ноин-Улы // Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 13–22.
- Эрдэнэбаатар, 2018 — Эрдэнэбаатар Д. Материальное культурное наследие империи хунну // ИЛДТ ИрНИТУ. Иркутск, 2018. Т. 4 (2). С. 54–73.
- Эрдэнэбаатар Д. и др., 2015 — Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т., Мижиддорж Э., Огилбаяр С., Батболд Н., Галбадрах Б., Маратхаян А. Балгасын тал дахь Гол Мод 2-ын хуннүгийн язгууртны булшны судалга (Исследование гробниц гуннской аристократии на Гол Мод 2 в Балгасской степи). Уланбаатар: Менхийн Усэг, 2015. 257 с. (на монг. яз.).
- Эроол-Эрдене, 2015 — Эроол-Эрдэнэ Ч. Хуннүгийн язгууртны оршуулгын дурсгалын судалгаа. (Изучение погребальных памятников хуннской аристократии). Уланбаатар: Менхийн Усэг, 2015. 210 с. (на монг. яз.).
- Andrè et al., 2010 — Andrè G., Desroches J-P., Drège J-P., Rouchon V. L'un des plus anciens papiers du monde exhumé récemment en Mongolie — découverte, analyses physico-chimiques et contexte scientifique // Arts Asiatiques. 2010. Vol. 65. P. 27–42.
- Erdenebaatar, 2016 — Erdenebaatar D. The cultural heritage of xiongnu empire. Ulaanbaatar: Munkhiin Useg, 2016. 238 p.
- Imperial China..., 2000 — Imperial China. The Art of the horse in Chinese history. Exhibition catalog. Kentucky: Kentucky Horse Park, 2000. 183 p.
- Nikolaev, Miniaev, 2016 — Nikolaev N. N., Miniaev S. S. Orgoiton — A Xiongnu Cemetery in Transbaikalia // The Silk Road. 2016. Vol. 14. P. 166–168.
- Yun Hyeung-won, Chang Eun-jeong, 2011 — Yun Hyeung-won, Chang Eun-jeong. Excavations of xiongnu tombs at Duurlig Nars cemetery in Eastern Mongolia // Xiongnu archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / Eds. U. Brosseder, B. K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011. P. 261–274.

A chariot from a 'princely' kurgan of the Xiongnu at the gravesite of Orgoyton

N. N. Nikolayev

At the turn of the 3rd and 2nd century BC, a social group emerged in the Xiongnu society where it acquired dominating positions having concentrated in its hands

the major part of the economic resources and the entire political power. This defined the appearance of the attributes highlighting the status of this group. Chariots

occurred to be among these attributes with which representatives of the supreme Xiongnu nobility were gifted at the Chinese court. For the Xiongnu society, these chariots were not only rich and prestigious presents. They were symbols of the high social status and power. All the known finds of chariots at Xiongnu sites were discovered in 'princely' kurgans. However the owning of a chariot was only an evidence of the belonging to the elite while the colour gamma of the painting of the chariot, the pretentiousness and richness of its

decoration allowed to judge about the position of its owner within the hierarchy of the Xiongnu nobility. The differences in these features give us the possibility to distinguish the owners of the carriages and to correlate their status with different categories of the Xiongnu elite. Therefore, it may be stated that the chariots indicate not only the high social status of their owners but they allow us to judge about the hierarchic stratification of that constituent of the Xiongnu society that is traditionally called the 'nobility'.

Костяные пластины-пряжки эпохи хунну в Туве¹

М. Е. Килуновская², П. М. Леус³

АННОТАЦИЯ. Во II в. до н. э. территория Тувы попадает под влияние хунну. Археологические памятники скифского облика исчезают, происходит смена археологических культур. В Туве появляются захоронения нового типа с совершенно другим погребальным инвентарем, которые выделяются в улуг-хемскую археологическую культуру. Такие погребения и вещи из них имеют прямые аналогии в памятниках хунну в соседних регионах — в Монголии, Забайкалье и пр. В статье рассматриваются костяные пряжки-пластины, происходящие из погребений хуннского типа, исследованных в Туве в последние десятилетия.

ANNOTATION. In the 2nd century BC, the territory of modern Tuva fell under the influence of the Xiongnu. Archaeological sites of the Scythian type disappear and a change of archaeological cultures occurs. In Tuva, burials of a new type emerge with entirely new funerary inventory. These graves are distinguished as the Ulug-Khem archaeological culture. The burials of this type and objects from them have direct parallels at sites of the Xiongnu in neighbouring regions, i. e. in Mongolia, Transbaikalia, etc. This paper considers bone plaques/buckles yielded by burials of the Xiongnu type excavated in Tuva in recent decades.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: хунну, сюнну, древнее искусство, Тува, поясные наборы, костяные пряжки, звериный стиль, скифский период, династия Хань.

KEYWORDS: Hunnu, Xiongnu, early art, Tuva, belt sets, bone plaques, animal style, Scythian period, Han dynasty.

Скифская эпоха в Туве завершается, вероятно, во II в. до н. э. — в период активной экспансии хунну, когда под их властью оказывается и территория Саяно-Алтая. Уюкско-саглынская культура скифского типа и ее носители исчезают, их место занимает новое население, имеющее другие традиции погребальной обрядности и материальной культуры, сходные с культурой хунну. Их памятники были выделены в улуг-хемскую культуру (Грач, 1971. С. 99; Килуновская, Леус, 2018. С. 125–127), наиболее яркие погребения которой сейчас раскапываются Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН на берегах и на дне Саяно-Шушенского водохранилища⁴ на могильниках Терезин и Ала-Тей 1 (Килуновская, Леус, 2020; *Kilunovskaya, Leus*, 2018). Для улуг-хемской культуры характерны индивидуальные погребения в каменных ящиках, деревянных гробах или рамах с каменной обкладкой и простых

грунтовых ямах. Погребенные обычно лежат вытянуто на спине, хотя встречаются и скорченные захоронения, что может свидетельствовать об общей многокомпонентности улуг-хемской культуры, объединившей в себе различные культурные традиции, как местные, так и пришлые, при несомненном доминировании культуры хунну. Если на могильнике Ала-Тей 1 большинство погребений (более 90 %) совершено вытянуто на спине, то на Терезине все не разрушенные водохранилищем захоронения были с подогнутыми ногами. Впрочем, на Терезине остается неизвестным положение погребенных в разрушенных могилах, а сами раскопки еще не завершены. Представленная в могильниках материальная культура практически идентична и соответствует находкам из других известных погребальных памятников хунну на сопредельных территориях. К настоящему моменту в захоронениях Ала-Тей 1 и Терезина найдены многочисленные ажурные пряжки из бронзы, пластины-пряжки из кости и сибирского гагата, костяные наконечники стрел и накладки на лук хуннского типа, керамика (включая хуннские вазы с вертикальным лощением и квадратным следом от поворотной подставки на дне), украшения, китайские зеркала и их местные копии, датирующиеся временем династии Западная Хань или более ранней эпохой, две монеты у-шу, дающие *terminus post quem* 118 г. до н. э. Полученная серия AMS-дат также подтверждает датировку могильников II–I вв. до н. э. (Леус, 2017). Впрочем, новые находки из про-

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: kilunmar@mail.ru.

³ Независимый исследователь. Россия, Санкт-Петербург. Адрес электронной почты: leuss@mail.ru.

⁴ Работы проводятся при поддержке «Общества по изучению Евразии» (Society for the Exploration of EurAsia) (Швейцария), а с 2018 г. — Русского географического общества.

должающихся раскопок на Ала-Тее 1 и Терезине могут уточнить их хронологию.

Контакты между носителями культуры скифского типа и хунну вполне могли происходить и до непосредственного появления последних в Туве. Приход первых инокультурных групп населения можно отнести еще к периоду доминирования позднескифских традиций, что археологически отражается в появлении новых видов погребальных сооружений, в Туве и на сопредельных территориях дотеле неизвестных, — например, коллективные погребения в своеобразных склепах, сложенных из каменных плит. В некоторых погребениях заключительного озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры в Туве появляются предметы, в первую очередь относящиеся к украшениям пояса, характерные для культуры хунну и ранее в скифских памятниках неизвестные: бронзовые котловидные подвески, ложечковидные застёжки, прямоугольные массивные железные поясные пряжки или обоймы, ажурные бронзовые колокольчики и др., а также бронзовые втульчатые трехлопастные и железные трехлопастные наколенники стрел (Семёнов, 2010. С. 101–102). При этом в них нет таких элементов культуры хунну, как большие поясные пластины-пряжки из бронзы, китайские зеркала, монеты и пр. Отсутствуют типичные хуннские вазы из лощеной глины, созданные с использованием гончарного крута (подставки?). Все эти предметы массово встречаются в памятниках улуг-хемской культуры.

Для поясного набора эпохи хунну характерны большие прямоугольные пластины-пряжки из различных материалов — золота, бронзы, сибирского гагата, кости. Литые металлические пряжки украшены изображениями людей и животных. Костяные и гагатовые пряжки инкрустированы полудрагоценными камнями или покрыты гравировками (Килуновская, Леус, 2020). В классических памятниках скифского времени Тувы такие предметы неизвестны. Скифские пряжки были фигурные/рамчатые, нередко украшенные в зверином стиле, но сильно отличающиеся от массивных и широких пластин-пряжек эпохи хунну. Различие размеров пряжек и их ширины позволяет предположить и разную ширину самих поясов: узкий пояс — в скифской традиции и широкий пояс — у хунну. Во всяком случае, это наблюдение может относиться к некоторым типам парадных поясов, так как и у хунну есть обычные рамчатые пряжки небольших размеров под неширокий ремень.

Таким образом, пояса могли быть разных типов, отличавшиеся шириной: парадный и повседневный, верхний и нижний.

Кожаная или матерчатая основа поясов сохраняется в хуннских погребениях редко, но иногда их ширину можно восстановить по найденным *in situ* поясным украшениям, к примеру, по нашивным раковинам каури, как оригинальным, так и их имитациям из различных материалов, известным в это время у хунну в Забайкалье и Монголии, у сарматов в Средней Азии. Нередко каури нашивались на пояс в два ряда, причем они могли быть расположены как вертикально, так и горизонтально (Brosseder, 2011. P. 375, 384; Олзийбаяр и др., 2019. Т. 190–191; Подушкин, 2012. С. 3). В 174 г. до н. э. император династии Хань отправил подарки хуннскому шаньюю, в числе которых упоминаются золотой пояс, украшенный раковинами, и одна золотая пряжка для пояса (Таскин, 1968. С. 45). На могильнике Суглуг-Хем в срубе 29 было исследовано неразграбленное погребение мужчины, на теле которого *in situ* сохранились различные украшения: нашивные пластинки и бляшки из золотой фольги, гривна, остатки диадемы и т. д., что позволило реконструировать одежду воина. На довольно широком поясе у него были нашиты раковины каури, обернутые золотой фольгой, и широкие золотые прямоугольные нашивки из золотой фольги в виде головы пантеры (Семёнов, 2003. Табл. 112).

Бронзовые и гагатовые пластины-пряжки эпохи хунну из Тувы недавно рассматривались в наших отдельных статьях. К настоящему времени накоплен достаточный материал по костяным пряжкам из последних раскопок на Ала-Тее 1 и Терезине, позволяющий сравнить их с находками из других памятников Тувы позднескифского и гунно-сарматского (хунно-сяньбийского) времени.

Костяные пряжки-пластины

Они появляются в Туве в скифское время, например на могильнике Саглы-Бажи II, который по обряду и инвентарю датируется IV–III вв. до н. э. (Грач, 1980). Пряжки имеют прямоугольную или подтрапециевидную форму, иногда с одной закругленной стороной. По краям они снабжены отверстиями для крепления к поясу (рис. 1, 1 — см.: Грач, 1980. Рис. 35, 10–13). У этих пряжек не было шпенька, а для продевания ремешка или шнура для завязывания пояса делалось довольно крупное отверстие круглой формы. Оно располагалось не на краю пряжки, как у большинства более поздних

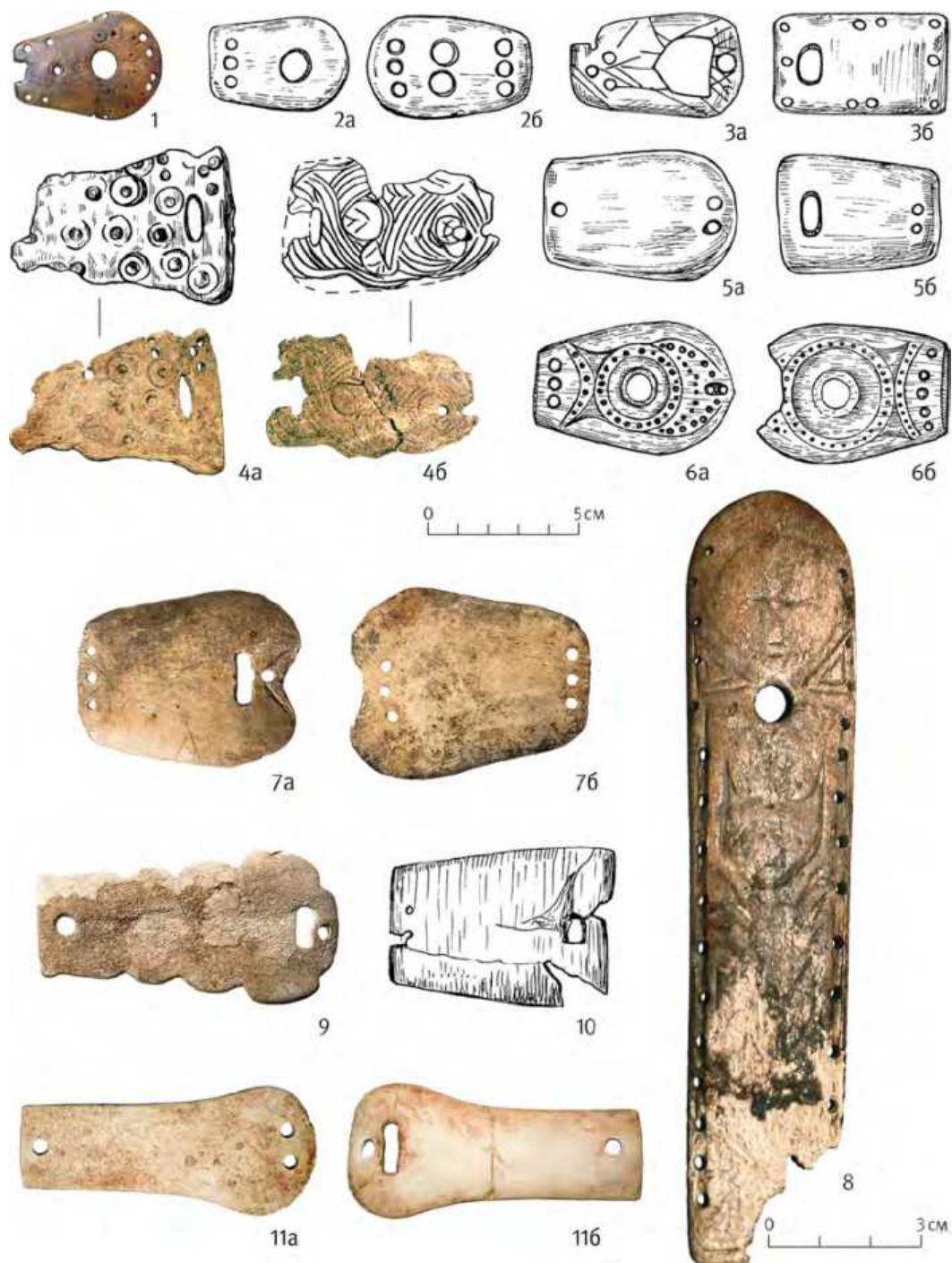

РИС. 1. Костяные пряжки озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры, III–II вв. до н. э.: 1 – Саглы-Бажи II, курган № 8; 2а, 2б, 6а, 6б – Хайыракан, курган № 4; 3а, 3б – Суглуг-Хем I, объект № 10; 4а, 4б – Суглуг-Хем, объект № 6; 5а, 5б – Хайыракан, курган № 5; 7а, 7б – Саускен I, объект № 23; 8 – Суглуг-Хем I, объект № 29; 9 – Красная Горка 2, объект № 11; 10 – Хайыракан, объект № 1; 11а, 11б – Суглуг-Хем I, объект № 25 (1 – по: Грач, 1980. Рис. 35, 10–13; 2–11 – раскопки Вл. А. Семёнова и М. Е. Килуновской)

FIG. 1. Bone buckles of the Ozen-Ala-Belig stage of the Uyuk-Sagly archaeological culture (3rd–2nd century BC): 1 – Sagly-Bazhi II, barrow No. 8 (after Грач, 1980. Fig. 35, 10–13); 2а, 2б, 6а, 6б – Hayyayakan, barrow No. 4; 3а, 3б – Suglug-Khem I, object No. 10; 4а, 4б – Suglug-Khem, object No. 6; 5а, 5б – Hayyayakan, barrow No. 5; 7а, 7б – Sausken I, object No. 23; 8 – Suglug-Khem I, object No. 29; 9 – Krasnaya Gorka 2, object No. 11; 10 – Hayyayakan, object No. 1; 11а, 11б – Suglug-Khem I, object No. 25 (1 – after Грач, 1980. Рис. 35; 2–11 – excavations by Vl. A. Semenov and M. E. Kilunovskaya)

экземпляров, а с большим отступлением от края, иногда практически по центру пряжки. Причем, это относится и к высокохудожественным изделиям, например к резной костяной лошадке (Там же. Рис. 41).

На памятниках заключительного этапа уюкско-саглынской культуры, представленных коллективными захоронениями в деревянных срубах и каменных склепах и ящиках (могильники Суглуг-Хем, Хайыракан, Аймырлыг, Саускен 1, 2, Красная Горка 2, Улангом и др. — рис. 1–4), появляются костяные пряжки-пластины с другим типом застегивания (рис 3; 4). С одной стороны у них имеется прорезь для узкого ремешка и перед ним — отверстие для шпенька. Эти пряжки, как правило, встречаются парами и отличаются довольно большими размерами, некоторые из них украшены криволинейным и циркульно-концентрическим орнаментом (рис. 1). На четырех пряжках из Аймырлыга XXIII (захоронения в склепах из каменных плит) нанесены гравированные рисунки животных и другие орнаментальные мотивы (рис. 2). Они встречаются на поясах у мужчин и женщин. Пряжки с круглым отверстием в центре также продолжают существовать.

Уникальной является костяная антропоморфная поясная пряжка из сруба № 29 могильника Суглуг-Хем 1, вероятно, изображающая женскую фигуру (рис. 1, 12). Она была найдена на поясе женщины, за головой которой сохранились фрагменты

высокого берестяного головного убора. Напротив нее лежал скелет мужчины, чью одежду украшали нашивки из золотой фольги в виде орлов, пантер и геометрических фигур (Семёнов, 2003. С. 18–20). По периметру пряжки проходит ряд круглых отверстий для ее крепления на какую-то основу. Круглое отверстие для продевания ремешка находится в верхней части пряжки, но не с краю, а на месте горла антропоморфного изображения. Отверстия такой формы в пряжках скифского времени подразумевают другую систему застегивания/завязывания пояса, а также и другую форму самих кончиков ремня — возможно, круглое плетение. При наличии круглого отверстия в центре костяной пластины, тем более с закругленным краем, продевание ремешка и его завязывание слева направо (или наоборот) кажется непрактичным. Для лошадки из Саглы-Бажи II или изображения человека из Суглуг-Хема 1 это было бы неудобно как из-за самой формы пряжек, так и по эстетическим соображениям — ремешок закрывал бы головы фигур. Таким образом, для этой пряжки можно предположить несколько иную систему завязывания пояса. К сожалению, аналогичные пряжки с сохранившимися ремнями пока не найдены.

При раскопках могильников Ала-Тей 1 и Терезин в Туве, датирующихся эпохой хунну (II–I вв. до н. э.), к настоящему моменту обнаружено девять костяных пластин-пряжек. Несмотря на значительное количество исследованных памятников хунну

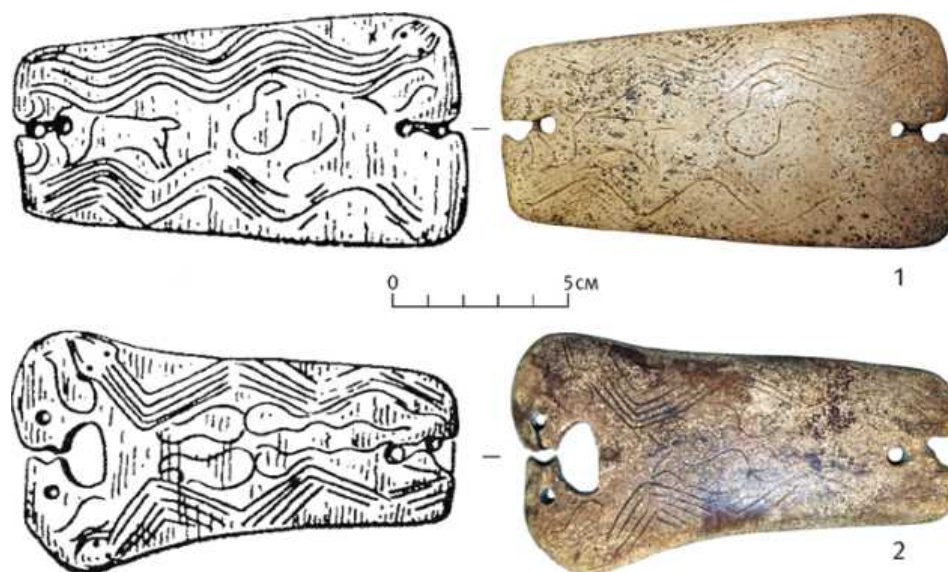

РИС. 2. Костяные пряжки из могильника Аймырлыг XXIII (фото Н. А. Жоговой)

FIG. 2. Bone buckles from the cemetery of Aymyrlyg XXIII (photo by N. A. Zhogova)

РИС. 3. Могильник Саускен 1, объект № 23. Захоронения в срубе

FIG. 3. Cemetery of Sausken 1, object No. 23. Burials in a log frame

в Центральной Азии, данный вид пряжек встречается достаточно редко: в Забайкалье они найдены, например, на Иволгинском городище (в могильнике их нет) и в погребении № 54-А в Ильмовой Пади (Коновалов, 2008. Рис. 48, 2), в Минусинской котловине в кургане № 1 могильника Толстый Мыс V, несколько экземпляров есть в Монголии (Miller et al., 2009. Fig. 7, d). На территории Горного Алтая в условиях хорошей сохранности предметов из органики встречаются пластины-пряжки из дерева (Кубарев, 1987. Табл. XVI; LXXXVI; Parzinger et al., 2009. Fig. 17).

Костяные пряжки-пластины из могильников Ала-Тей 1 и Терезин в Туве

Рассмотрим подробнее сами изделия, а также контекст находок и ближайшие аналогии. По форме и типу крепления к поясу все найденные к настоящему времени пряжки в захоронениях этих некрополей можно разделить на два типа.

ПЕРВЫЙ ТИП. Основным типом можно назвать пряжки трапециевидной формы, иногда почти прямоугольной, когда трапеция выделена очень

слабо, но прослеживается. Одна короткая сторона пряжки крепилась к поясу, для этого в ней просверливались два небольших круглых отверстия. На другой расширяющейся стороне располагается удлиненное отверстие для продевания узкого ремешка, а между ним и краем пряжки имеется еще одно круглое отверстие, куда вставлялся металлический шпенок. В нескольких случаях такой шпенок или его следы сохранились, но чаще он отсутствует.

1. *Терезин Т/2Т⁵*. С одной стороны пряжки сделано два небольших отверстия для крепления к поясу, на противоположной расширяющейся стороне — одно овальное отверстие для продевания ремешка, а также прямоугольный выступ с небольшим отверстием для шпенька (рис. 5, 5). Размеры — 7,7 × 4,1 × 0,6 см.

Пряжка находилась на поясе женщины (20–25 лет), захороненной на правом боку с подогнутыми ногами, в каменном ящике с тщательно подо-

⁵ Здесь и далее сокращение названия памятников обозначает АТ1 — Ала-Тей 1, Т — Терезин, далее через знак дроби — номер объекта/погребения.

РИС. 4. Могильник Суглуг-Хем I, объект № 23. Захоронение в склепе

FIG. 4. Cemetery of Suglug-Khem I, object No. 23. Burial in a vault

гнаным двухслойным перекрытием. Половина внутреннего пространства ящика оказалась не засыпана песком, так что на костях ног и таза погребенной сохранилась органика (рис. 5, 1). Вдоль ЮЗ стенки перед грудью погребенной стояли два керамических сосуда — вазовидный и баночный (рис. 5, 2, 3), а около головы была деревянная коробочка (рис. 5, 6), внутри которой находились бронзовое зеркало (рис. 5, 4) в войлочном футляре с остатками кожи, гребень и маленький мешочек. На поясе, помимо костяной, находились еще одна гагатова я пряжка (рис. 5, 7) и большое количество бус и бисера.

2. Терезин Т/27. Пряжка украшена Х-образным орнаментом из сквозных отверстий, с циркульным узором вокруг некоторых из них (рис. 6, 7). Отверстия пустые, но, возможно, могли быть заполнены какими-то цветными вставками в качестве инкру-

стаций, как, например, на пряжках из гагата. Некоторые из них могли использоваться для крепления пряжки к поясу. На широкой стороне трапеции прорезано узкое овальное отверстие для ремешка и рядом с ним круглое, для шпенька. Размеры — 5,1 × 4,9 × 0,6 см.

Захоронение было совершено в каменном ящике. Погребенную (30–35 лет) уложили на спину вполоборота на левую сторону, с подогнутыми ногами, головой на С (рис. 6, 1). Пряжка находилась справа в районе пояса под левой кистью. В ногах около стенки ящика стояли два сосуда — баночный с отогнутым венчиком и ваза с вертикальным полосчатым лощением (рис. 6, 2, 3). На баночном сосуде лежала берестяная крышка (рис. 6, 4). На поясе находилась круглая роговая пряжка или кольцо (рис. 6, 8). За головой — бусы (рис. 6, 13). На левом плече лежали кости барана, остатки органики и кожаная сумочка (рис. 6, 5), в которой находились железный нож (рис. 6, 12), фрагмент китайского зеркала (рис. 6, 9), гребень/чесало (рис. 6, 10), вертено (рис. 6, 11), небольшой мешочек-амулетница (рис. 6, 6) и кусочки тканей. Под локтем правой руки — прямоугольные подвески, возможно, из горного хрусталя (рис. 6, 15, 16).

3. Терезин Т/31. С одной стороны пряжки сделано два небольших отверстия для крепления к поясу, на противоположной расширяющейся стороне — одно овальное отверстие для продевания ремешка, а за ним небольшое отверстие для шпенька (рис. 7, 5). По конструкции эта пряжка почти аналогична с пряжкой из объекта № 21. Размеры — 9,0 × 4,5 × 0,9 см.

В деревянном сооружении (рама с каменной обкладкой) на спине с сильно подогнутыми ногами головой на С лежал скелет женщины (35–40 лет) (рис. 7, 1). В ногах у нее стояло два керамических сосуда — вазовидной и баночной формы (рис. 7, 2, 3). На них в сочленении лежали кости ноги барана. Около головы находились полихромные подвески и бусы (рис. 7, 7–11). У погребенной, возможно, было два пояса, «верхний» и «нижний». Центральным элементом «верхнего» пояса была большая бронзовая пряжка-пластина с изображением лошадей (рис. 7, 4). К этому поясу также относились бронзовые прямоугольные бляшки с решетчатым орнаментом и кольца (рис. 7, 15–19, 21–24), нитки бус и бронзовая колоколовидная подвеска (рис. 7, 6). Костяная пряжка могла относиться ко второму поясу, «нижнему». Пряжка лежала на костях таза, рядом найдены бронзовая пуговица (рис. 7, 20), бронзовое кольцо (рис. 7, 25) и бусы. Кроме того,

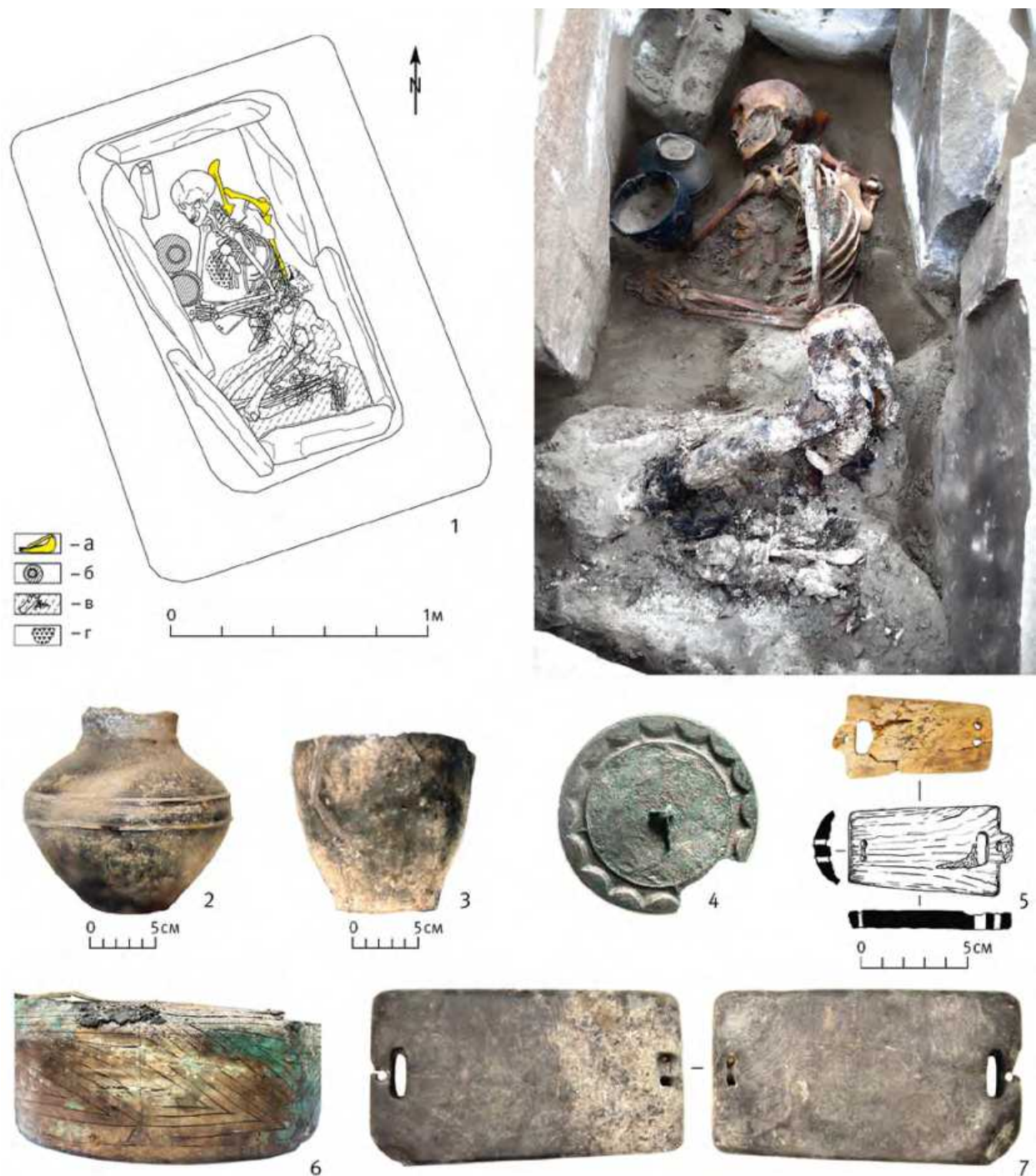

РИС. 5. Могильник Терезин, объект № 21: 1 – план и вид погребения; 2, 3 – сосуды; 4 – зеркало; 5 – пряжка; 6 – коробочка; 7 – пряжка. Условные обозначения: а – кости животных; б – керамика; в – тлен и фрагменты кожи; з – россыпь кедровых орехов.

2, 3 – керамика; 4 – бронза; 5 – кость; 6 – дерево; 7 – жагат

FIG. 5. Cemetery of Terezin, object No. 21: 1 – plan and view of the burial; 2, 3 – pottery; 4 – mirror; 5 – buckle; 6 – box; 7 – buckle. Key: a – animal bones; б – ceramic; в – ashes and leather fragments; z – deposit of pine nuts.

2, 3 – ceramic; 4 – bronze; 5 – bone; 6 – wood; 7 – jet

РИС. 6. Могильник Терезин, объект № 27: 1 – план и вид погребения; 2, 3 – сосуды; 4 – крышка; 5 – сумка; 6 – амулетница; 7 – пряжка; 8 – пряжка; 9 – фрагмент зеркала; 10 – гребень; 11 – веретено; 12 – нож; 13 – бусы; 14 – кольцо; 15, 16 – подвески. Условные обозначения: а – тлен, кожа; б – керамика; в – кости животных.

2, 3 – керамика; 4 – береста; 5 – кожа; 7 – кость; 8 – рог; 9, 14 – бронза; 10 – дерево; 12 – железо; 15, 16 – горный хрусталь

FIG. 6. Cemetery of Terezin, object No. 27: 1 – plan and view of the burial; 2, 3 – pottery; 4 – lid; 5 – bag; 6 – amulet case; 7 – buckle; 8 – buckle; 9 – fragment of a mirror; 10 – comb; 11 – spindle; 12 – knife; 13 – beads; 14 – ring; 15, 16 – pendants. Key: a – ashes, leather; b – ceramic; v – animal bones.

2, 3 – ceramic; 4 – birchbark; 5 – leather; 7 – bone; 8 – horn; 9, 14 – bronze; 10 – wood; 12 – iron; 15, 16 – rock crystal

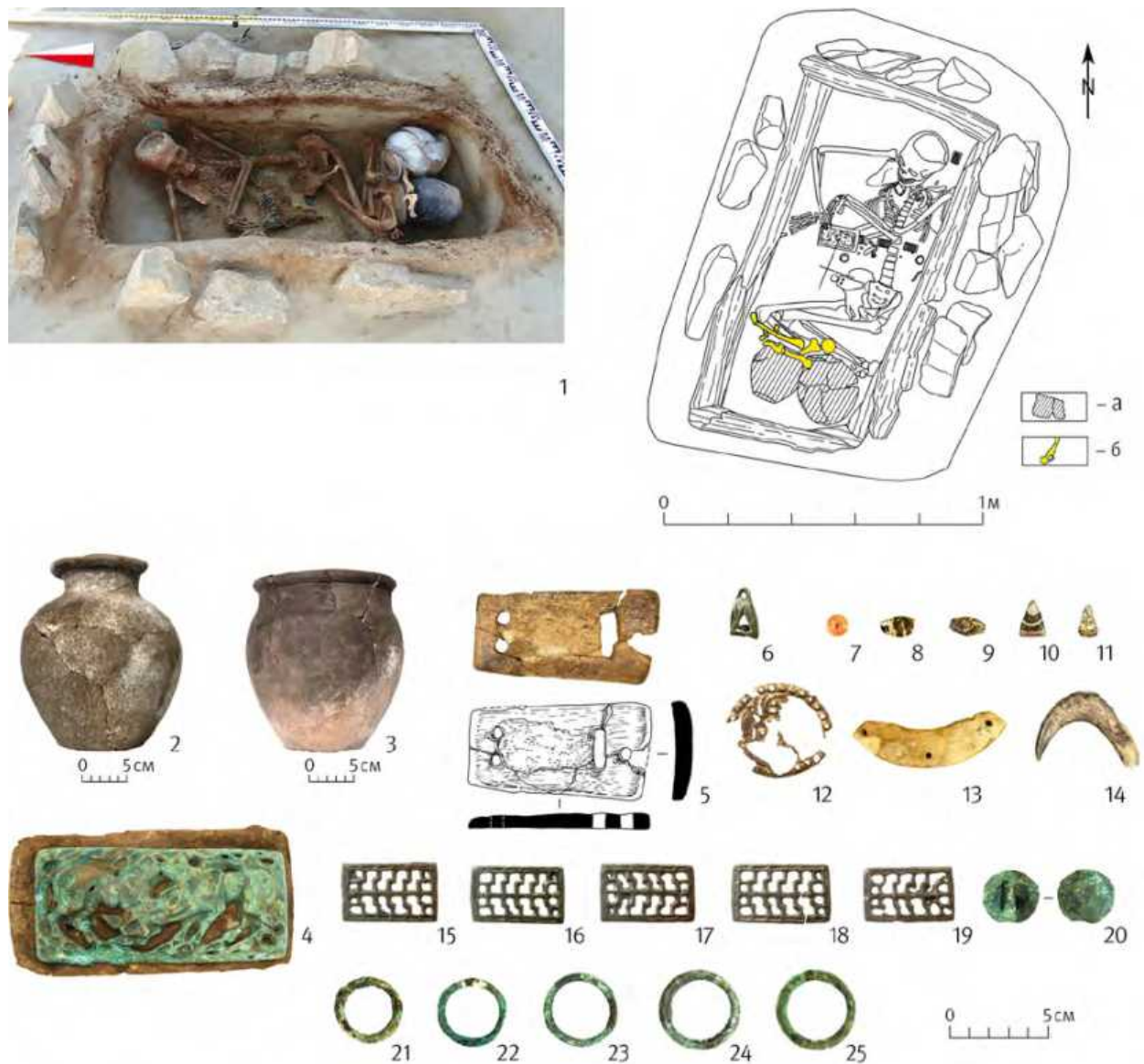

РИС. 7. Могильник Терезин, объект № 31: 1 – план и вид погребения; 2, 3 – сосуды; 4 – ажурная пряжка-пластина; 5 – пряжка; 6 – колокольчик; 7 – бусина; 8–11 – бусины и подвески; 12 – украшение; 13, 14 – предметы; 15–19 – бляшки с геометрическим орнаментом; 20 – пуговица; 21–25 – кольца. Условные обозначения: а – керамика; б – кости животных.

2, 3 – керамика; 4, 6, 15–25 – бронза; 5, 13, 14 – кость; 7 – сердолик; 8–11 – стекло; 12 – желтый металл

FIG. 7. Cemetery of Terezin, object No. 31: 1 – plan and view of the burial; 2, 3 – pottery; 4 – openwork buckle plate; 5 – buckle; 6 – little bell; 7 – bead; 8–11 – beads and pendants; 12 – ornament; 13, 14 – objects; 15–19 – plaques with a geometric pattern; 20 – button; 21–25 – rings. Key: a – ceramic; b – animal bones.

2, 3 – ceramic; 4, 6, 15–25 – bronze; 5, 13, 14 – bone; 7 – cornelian; 8–11 – glass; 12 – yellow metal

в могиле обнаружены железный нож, а под подбородком — частично сохранившееся нашивное украшение из золотой фольги, возможно, с зооморфным орнаментом (рис. 7, 12).

4. Терезин Т/29. С одной стороны пряжки имеются два круглых отверстия, с другой — одно длинное для ремешка и одно круглое для шпенька (рис. 8, 2). Размеры — 6,6 × 5,5 × 1,2 см.

Костяная пряжка находилась на поясе погребенной (30–40 лет), уложенной в каменном ящике, на правом боку с подогнутыми ногами, головой на С (рис. 8, 1). У бедра находились фрагменты железного ножа (рис. 8, 3).

5. Терезин Т/2. Трапезиевидная пряжка из рога. С узкой стороны было сделано два круглых отверстия, с широкой стороны — овальное (рис. 9, 15). Размеры — 6,0 × 4,0 × 1,2 см.

Пряжка находилась в мужском захоронении, в каменном ящике, частично разрушенном при обвале края берега водохранилища: разрушилось перекрытие ящика и плиты одной из стенок съехали вниз по склону обрыва (рис. 9, 1). Само захоронение сохранилось практически *in situ*, за исключением сдвинутых костей верхней части скелета и черепа. Покойный был уложен на правый бок, с подогнутыми ногами, головой на СВ. Погребальный инвентарь состоял из роговой пряжки, лежащей на поясе, набора разнотипных костяных наконечников стрел, в том числе с расщепленным насадом (рис. 9, 3–9), а также костяных элементов сложносоставного лука хуннского типа (рис. 9, 10–14). Здесь же были зафиксированы следы одного или нескольких железных предметов, полностью корродированных. Вероятно, это были нож

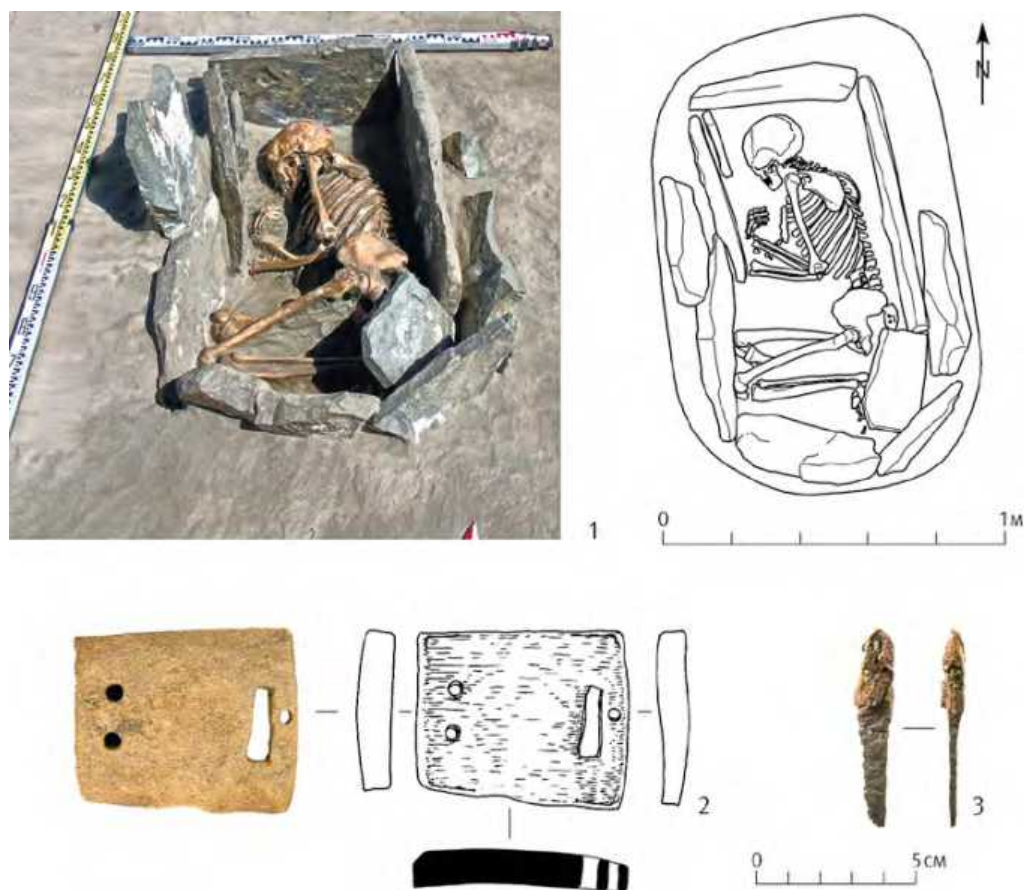

РИС. 8. Могильник Терезин, объект № 29: 1 — план и вид погребения; 2 — пряжка; 3 — предмет.
2 — кость; 3 — железо

FIG. 8. Cemetery of Teresin, object No. 29: 1 — plan and view of the burial; 2 — buckle; 3 — object.
2 — bone; 3 — iron

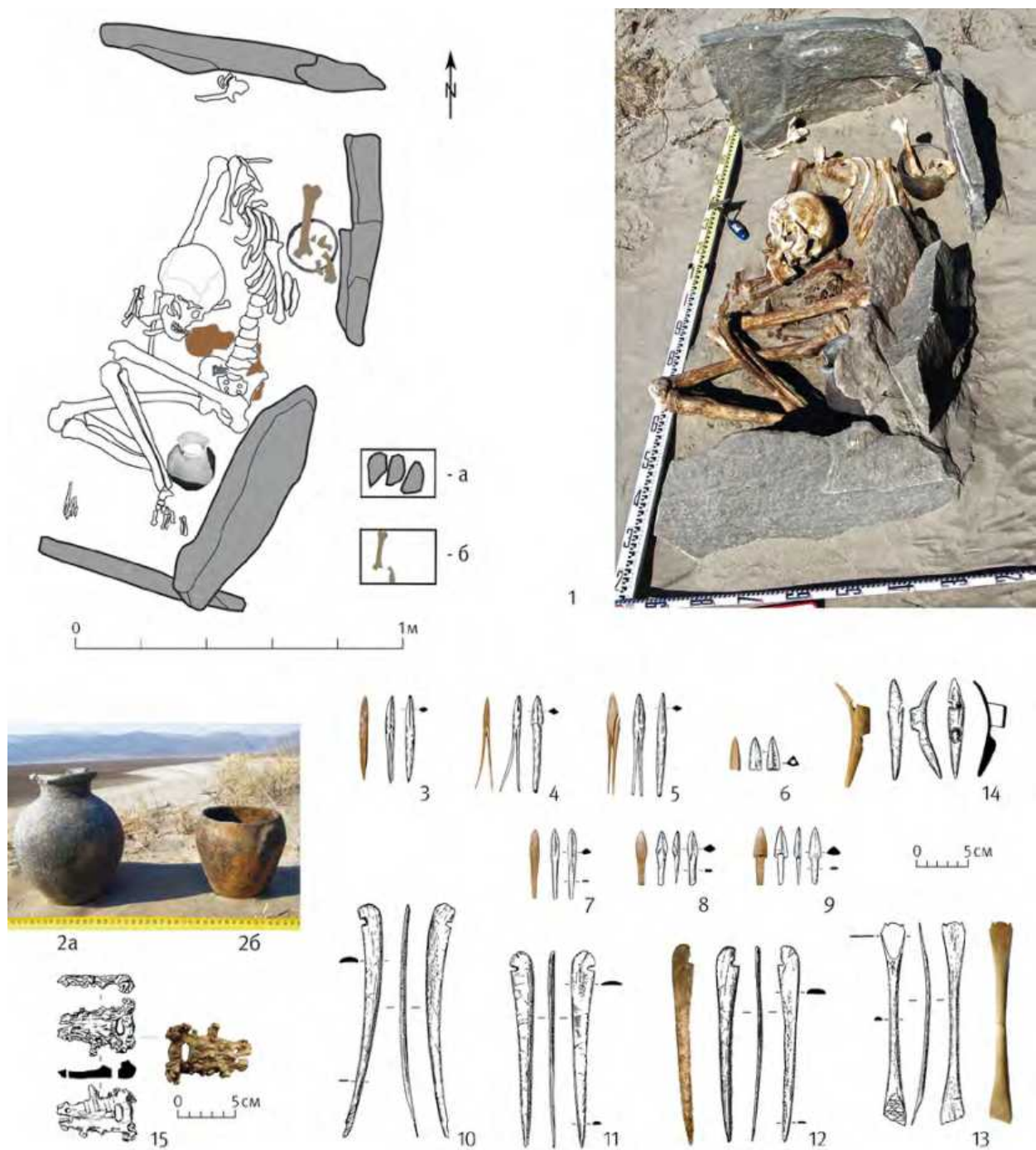

РИС. 9. Могильник Терезин, объект № 2: 1 – план и вид погребения; 2а, 2б – сосуды; 3-6, 7-9 – наконечники стрел; 10-13 – накладки на лук; 14 – приспособление для натягивания лука; 15 – пряжка. Условные обозначения: а – камни; б – кости животных.

2 – керамика; 3-14 – кость; 15 – рог

FIG. 9. Cemetery of Terezin, object No. 2: 1 – plan and view of the burial; 2a, 2b – pottery; 3-6, 7-9 – arrowheads; 10-13 – bow mounts; 14 – appliance for drawing a bow; 15 – buckle. Key: a – stones; b – animal bones.

2 – ceramic; 3-14 – bone; 15 – horn

и детали пояса. В ногах были поставлены два керамических сосуда, вазовидной и баночной формы (рис. 9, 2а, 2б). В последнем находились кости барана.

6. Ала-Тей АТ1/6. Фрагмент пряжки с прочерченным Х-образным орнаментом, возможно, повторяющим орнамент инкрустированных гагатовых пряжек (рис. 10, 2). Пряжка сохранилась примерно на две трети первоначального размера. На узкой стороне пряжки сделаны два круглых отверстия для крепления к поясу. Размеры — 5,7 × 4,0 × 0,5 см.

Погребенный мужчина (30–35 лет) был уложен в каменном ящике, вытянуто на спине, головой на З (рис. 10, 1). Костяная пряжка-пластина находилась на костях таза. Верхний слой песка над каменным ящиком не сохранился, так что перекрытие оказалось на уровне современной поверхности. Возможно, из-за этого кости черепа были сильно фрагментированы и перемещены в область пояса. Также оказалась сдвинута правая большеберцовая кость. В ногах найдены два фрагмента плоского кольца из камня черного цвета (рис. 10, 3).

7. Ала-Тей АТ1/72. Трапециевидная костяная пряжка, на узкой стороне которой сделаны два круглых отверстия для крепления к поясу, на ши-

рокой — овальное отверстие для ремешка и отверстие для несохранившегося шпенька (рис. 11, 5). Размеры — 8 × 3,5 × 0,5 см.

Погребенный мужчина (40–45 лет) был уложен в каменном ящике, вытянуто на спине, головой на ССЗ (рис. 11, 1). На костях таза находилась пряжка. Слева около головы стоял красноглиняный сосуд баночной формы (рис. 11, 4). Над могилой стояли два сосуда с перегородкой (рис. 11, 2, 3).

ВТОРОЙ ТИП. К нему относятся пряжки-пластины прямоугольной формы. Они крепились целиком на какую-то дополнительную основу или пояс, для чего в них были сделаны отверстия с двух противоположных сторон. Такой вариант крепления пряжек к поясу является наиболее распространенным и для тяжелых пряжек-пластин из бронзы или сибирского гагата, обнаруженных на Ала-Тее 1 и Терезине, что обусловлено, скорее всего, практическими соображениями.

1. Ала-Тей АТ1/104. Костяная пряжка-пластина, сохранившаяся фрагментарно, украшена Х-образным орнаментом, составленным из железных гвоздиков (рис. 12, 1). С одной стороны сохранились железный шпенок и длинная прорезь для ремешка, а также два круглых сквозных отверстия по углам

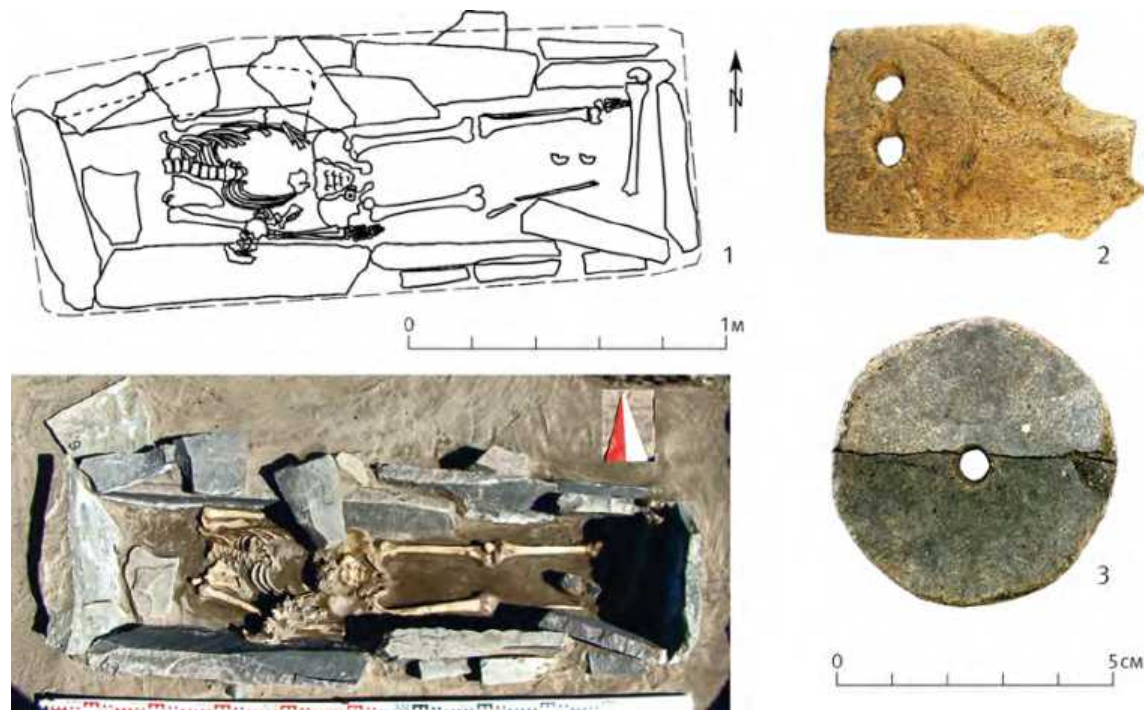

РИС. 10. Могильник Ала-Тей 1, объект № 6: 1 — план и вид погребения; 2 — пряжка; 3 — пряслице.
2 — кость; 3 — керамика

FIG. 10. Cemetery of Ala-Tey 1, object No. 6: 1 — plan and view of the burial; 2 — buckle; 3 — spindle-whorl.
2 — bone; 3 — ceramic

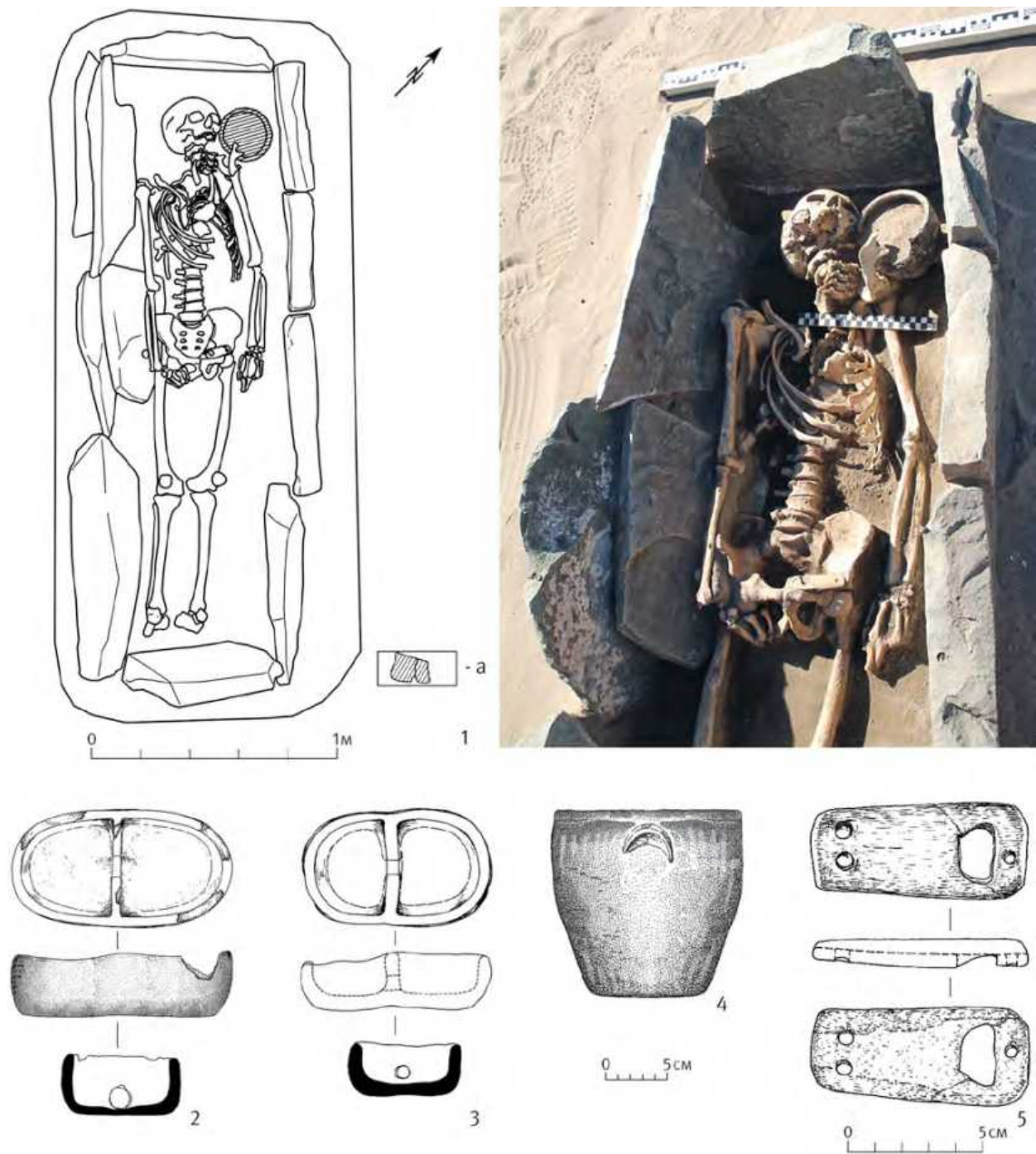

РИС. 11. Могильник Ала-Тей 1, объект № 72: 1 – план и вид погребения; 2–4 – сосуды; 5 – пряжка.
Условные обозначения: а – керамика.

2–4 – керамика; 5 – кость

FIG. 11. Cemetery of Ala-Tey 1, object No. 72: 1 – plan and view of the burial; 2–4 – pottery; 5 – buckle.
Key: a – ceramic.

2–4 – ceramic; 5 – bone

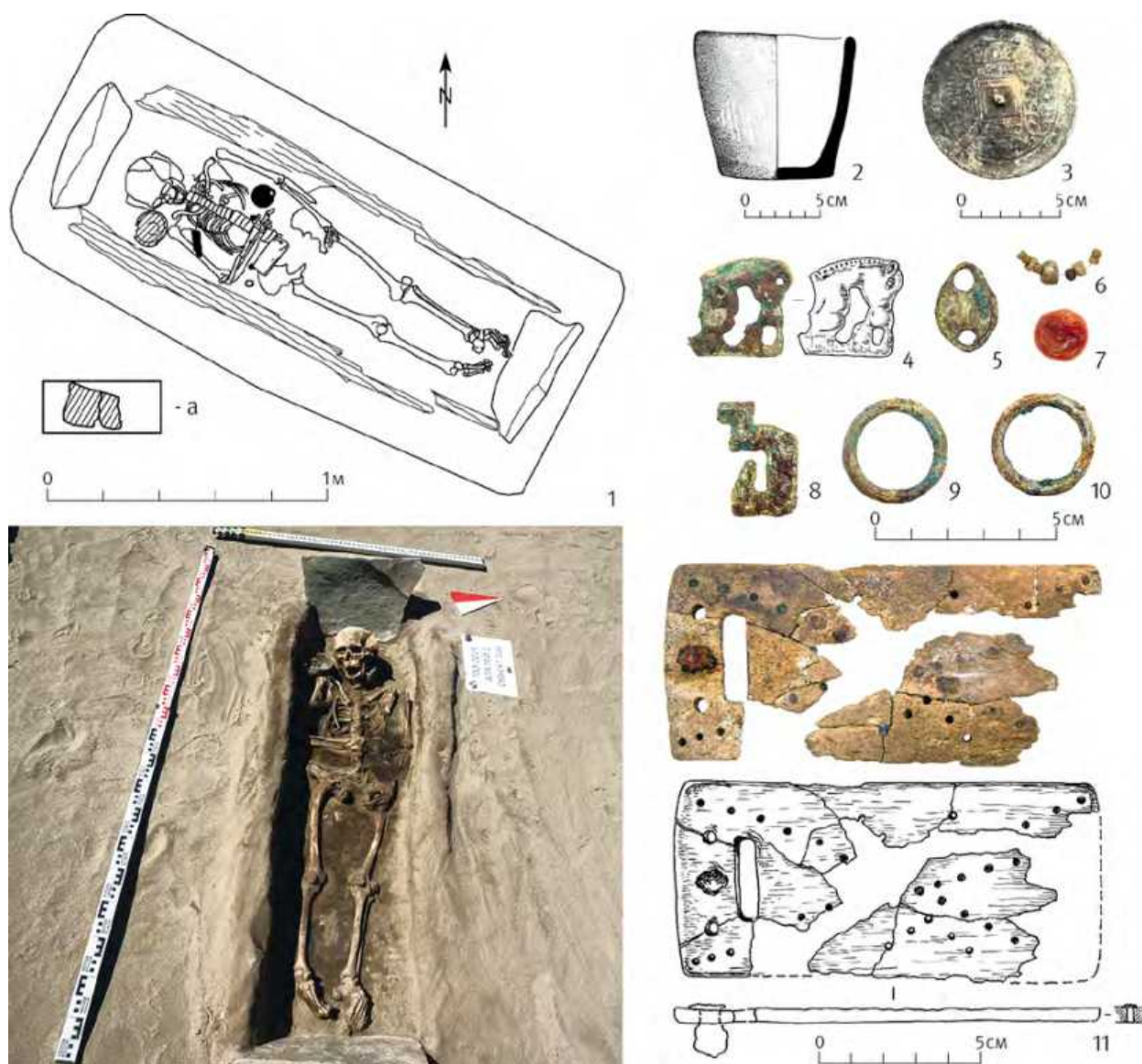

РИС. 12. Могильник Ала-Тей 1, объект № 104: 1 – план и вид погребения; 2 – сосуд; 3 – зеркало; 4 – фрагмент пряжки; 5 – имитация раковины каури; 6, 7 – бусы; 8 – фрагмент бляшки; 9, 10 – кольца, 11 – пряжка. Условные обозначения: а – керамика.

2 – керамика; 3-5, 8-10 – бронза; 11 – кость

FIG. 12. Cemetery of Ala-Tey 1, object No. 104: 1 – plan and view of the burial; 2 – vessel; 3 – mirror; 4 – fragment of a buckle; 5 – imitation of a cowry shell; 6, 7 – beads; 8 – fragment of a buckle; 9, 10 – rings, 11 – buckle. Key: a – ceramic.

2 – ceramic; 3-5, 8-10 – bronze; 11 – bone

для крепления пряжки к деревянной или кожаной основе. Другая сторона пряжки сохранилась очень плохо. Размеры – 13 × 5,5 × 0,5 см.

Пряжка лежала на поясе погребенной женщины (старше 55 лет), захороненной вытянуто на спине, головой на СЗ (рис. 12, 1), в перекрытом плитами деревянном сооружении типа гроба, от которого сохранились фрагменты досок. В голове и в

ногах находились вертикально установленные каменные плиты. К поясному набору также относились бронзовые кольца (рис. 12, 9, 10), бронзовая имитация раковины каури (рис. 12, 5), фрагмент прямоугольной бронзовой пряжки с геометрическим орнаментом (рис. 12, 8) и фрагмент бронзовой пряжки с изображением лошади (рис. 12, 4). Справа от черепа стоял керамический сосуд баночной

формы (рис. 12, 2). На груди лежало бронзовое зеркало с иероглифической надписью (рис. 12, 3), у левого плеча — скопление стеклянного бисера и сердоликовая бусина (рис. 12, 6, 7), у правого плеча — железный нож.

По орнаменту, форме и способу крепления к поясу эта пряжка похожа на инкрустированные пряжки из сибирского гагата, найденные в нескольких погребениях Ала-Тейя 1 и Терезина, и является их своеобразной репликой. Известны некоторые экземпляры из гагата, также украшенные X-образным орнаментом из металлических гвоздиков. Например, пара прямоугольных роговых пряжек, орнаментированных рядами чередующихся железных и бронзовых гвоздиков из сарматского погребения № 13 кургана № 1 у села Верхнее Погромное в Нижнем Поволжье (Шилов, 1975. С. 47; Раев, 2017. С. 295); пара пряжек, украшенных золотыми гвоздиками из Монголии (Treasures..., 2011. Fig. 169). X-образный орнамент или косая решетка часто использовались для украшения гробов хуннской знати.

2. Терезин Т/28. Длинная узкая костяная пряжка прямоугольной формы со сложным гравированным орнаментом, заключенным в прямоугольную рамку (рис. 13, 3; 14, 1). С двух сторон у нее были

сделаны пара круглых отверстий для крепления к поясу, с одной стороны удлиненное отверстие для ремешка и еще одно круглое, вероятно, для шпенька. Центральным элементом орнамента являются три стилизованные неидентифицируемые фигуры, причем боковые и центральное изображения развернуты по отношению друг к другу на 180°. Две фигуры заполнены линейным орнаментом, одна — точечным. Края композиции обрамлены прочерченной двойной рамкой с орнаментом в виде одиночных и двойных завитков. Размеры — 12,0 × 4,3 × 0,4 см.

Эта пряжка была обнаружена в захоронении женщины (45–50 лет) в грунтовой яме овальной формы (рис. 13, 1). Погребенная была уложена на левом боку с подогнутыми ногами, головой на С. Пряжка находилась между рук, ближе к бедренной кости. Слева у черепа найден керамический сосуд баночной формы с отогнутым венчиком (рис. 13, 2). На нем лежала в сочленении нога барана с лопаткой.

Пряжки такой формы и с таким орнаментом в Туве ранее были неизвестны. Аналогии в других регионах встречаются крайне редко. Несколько экземпляров найдено на Иволгинском городище в Забайкалье. Особенно интересен большой фрагмент костяной пластины, покрытой сложным

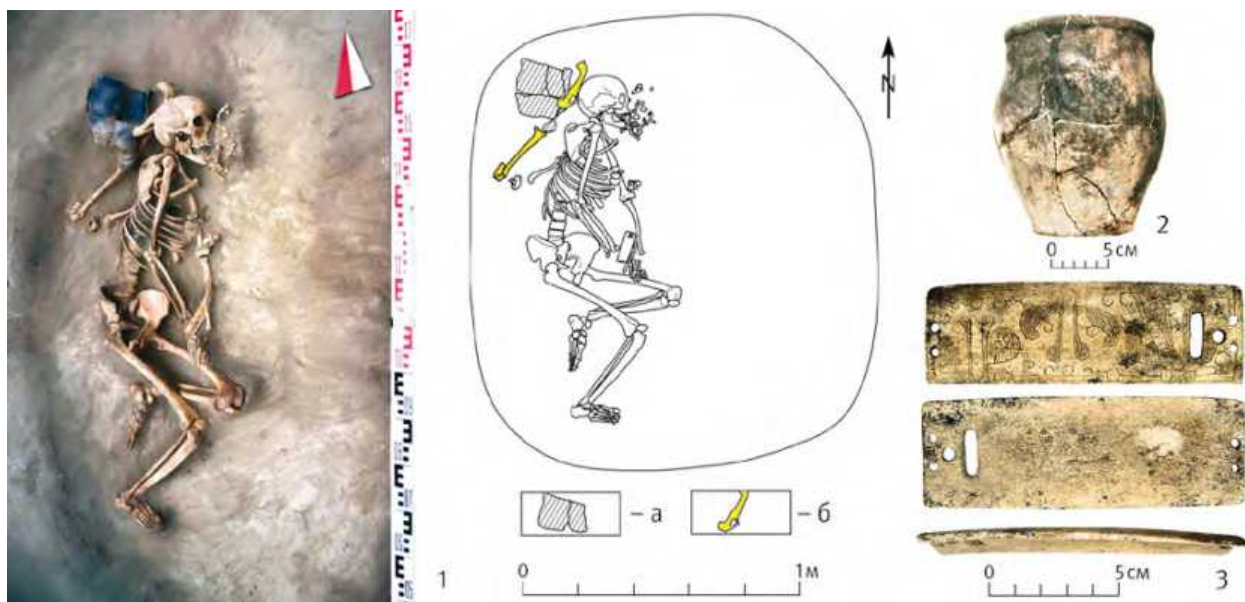

РИС. 13. Могильник Терезин, объект № 28: 1 — план и вид погребения; 2 — сосуд; 3 — пряжка. Условные обозначения: а — керамика; б — кости животных.

2 — керамика; 3 — кость

FIG. 13. Cemetery of Terezin, object No. 28: 1 — plan and view of the burial; 2 — vessel; 3 — buckle. Key: a — ceramic; б — animal bones.

2 — ceramic; 3 — bone

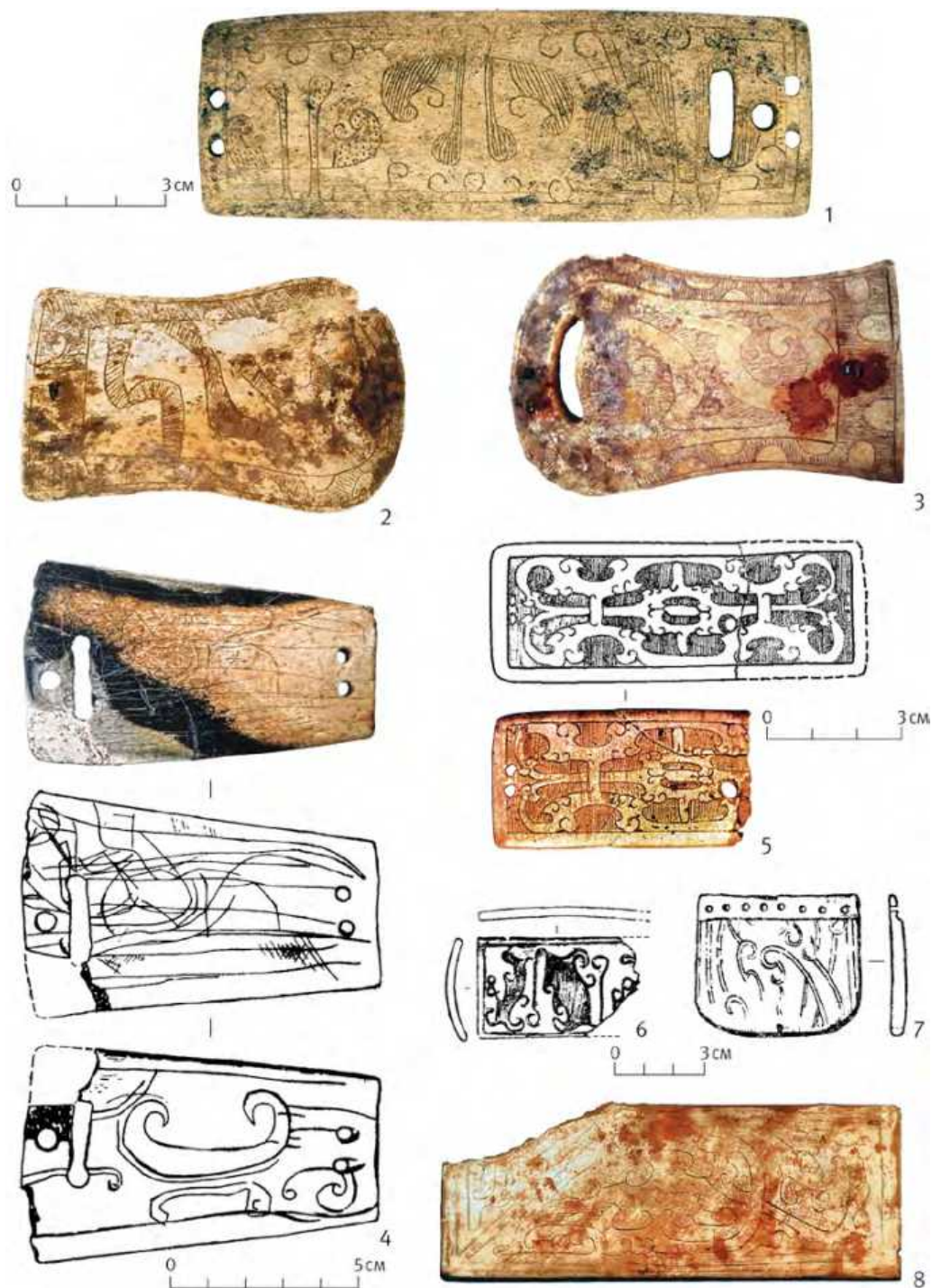

РИС. 14. Костяные пряжки с гравированным орнаментом: 1 – Терезин, объект № 28; 2, 3 – Монголия, могильник Баруун-Мухдаг, погребение № 143 (по: Treasures..., 2011. P. 136–137); 4–7 – Иволгинское городище (4 – жилище № 29 (по: Давыдова, 1995. Табл. 56, 5), 5 – Иволгинское городище (по: Давыдова, Миняев, 2008. Рис. 24), 6 – жилище № 47 (по: Давыдова, 1995. Табл. 98, 6), 7 – яма № 217 (по: Давыдова, 1995. Табл. 151, 5)); 8 – Китай, могильник Баоаньшань-2 (по: Мандашань..., 2001. P. 65. Fig. VII, 1)

FIG. 14. Bone buckles with a engraved design: 1 – Terezin, object No. 28; 2, 3 – burial No. 143, cemetery of Baruun-Mukhdag, Mongolia (after Treasures..., 2011. P. 136–137); 4–7 – Ivolga site: (4 – dwelling No. 29 (after Давыдова, 1995. Табл. 56, 5), 5 – Ivolga site (after Давыдова, Миняев, 2008. Рис. 24), 6 – dwelling No. 47 (after Давыдова, 1995. Табл. 98, 6), 7 – pit No. 217 (after Давыдова, 1995. Табл. 151, 5)); 8 – cemetery of Baoanshan-2, China (after Мандашань..., 2001. P. 65. Fig. VII, 1)

гравированным орнаментом, с изображением неясных заштрихованных фигур и завитков (рис. 14, 5). С целой стороны сохранилось два отверстия для крепления к поясу, другая сторона отсутствует (Давыдова, 1995. Табл. 183, 1; Давыдова, Миняев, 2008. Рис. 24). Недалеко от места слома есть округлое отверстие, вероятно, сделанное уже после того, как часть пряжки была утеряна, а значит, ею пользовались и дальше, несмотря на дефект.

Похожие гравировки есть на костяной пряжке из жилища № 29 (рис. 14, 4 – см.: Давыдова, 1995, Табл. 56, 5) и на еще одном обломке прямоугольной пряжки или накладки (рис. 14, 6 – см.: Там же. Табл. 98, 6). С того же городища происходит длинная прямоугольная костяная накладка, покрытая гравированными линиями по всей длине. Отверстие для ремешка на ней отсутствует, возможно, это второй экземпляр от пары пряжек.

Схожий орнамент мы видим на двух костяных парных пряжках из погребения № 143 могильника Баруун-Мухдаг в Монголии. Гравированные изображения в виде заштрихованных линиями извилистых фигур заключены в рамку. Присутствуют и характерные завитки (рис. 14, 2, 3 – см.: Treasures..., 2011. P. 136–137). Две похожие по форме и орнаменту пластины найдены в раннеханьской скальной гробнице Баоаньшань-2 в Китае (рис. 14, 8 – см.: Мандашань..., 2001. P. 65. Fig. VII, 1). У них отсутствуют отверстия для крепления к какой-либо основе, так что их предназначение не до конца понятно. Размеры этих костяных пластин 12,0 × 4,7 см.

Орнамент в виде таких же завитков часто встречается на шелковых китайских тканях, в том числе найденных в гробницах хуннской знати в Ноин-Уле в Монголии. Его можно увидеть на нефритовых и других изделиях из ханьских гробниц (The search..., 2012. Fig. 72; 83; 152), а также на черепице и зеркалах (как подлинных, так и копиях), где они соотносятся с тамгообразными знаками (Богданов, 2017. С. 5–14). Заштрихованные фигуры вполне могут быть стилизацией каких-то образов из китайского искусства. Некоторые аналогичные орнаментальные мотивы фиксируются на необычных прямоугольных пряжках из Китая, чье происхождение также связывается с племенами северных кочевников. Впрочем, для них предполагается более ранняя датировка (So, Bunker, 1995. P. 177–178).

Специфическая удлиненная форма поясных пряжек-пластин из кости обнаруживает аналогии в Средней Азии. Это пара пластин из Храма Окса

на городище Тахт-и Сангин, пара – из Тулхарского могильника и пара – из погребения на поселении Тилла-Булак (Ильясов и др., 2013. С. 196–197, рис. 1–4). Пара пластин из Тахт-и Сангина украшена высокохудожественной гравировкой со сценами конной охоты. Целая пряжка (размерами 21,6 × 6,2–6,4 см) не имеет прорези для продевания ремешка, возможно, прорезь находилась на второй пряжке, от которой сохранился лишь фрагмент. Пара пряжек из Тилла-Булака (размерами 18,0 × 5,8–6,5 см) украшена гравированной батальной сценой между вооруженными всадниками. Однако их плохая сохранность, к сожалению, не позволяет провести точную реконструкцию изображенного на них сюжета (Gruber et al., 2012. P. 356–362). Тем не менее, по стилистике они, несомненно, близки гравировкам с пряжек Тахт-и Сангина и Орлатского могильника.

Пара пряжек из Тулхарского могильника (размерами 21,0 × 4,7–6,5 см) не имеют гравировок – они орнаментированы тремя рядами серебряных заклепок. Одна из пряжек имеет прорезь для продевания ремешка и металлический шпенек для его фиксации. По краям пряжек сделаны маленькие отверстия для пришивания к поясу. На поверхности прослеживались сочетания линий, возможно, попытка нанести какой-то простой орнамент уже в процессе использования пряжек (Ильясов и др., 2013. С. 187). Датировка среднеазиатских поясных пластин остается дискуссионной. Наиболее убедительной представляется дата I в. до н. э. – II в. н. э. Если учесть близкие к орлатским и тахтисангинским изображения на роговом предмете из городища Калалы-Гыр 2 в Хорезме, датирующемся II в. до н. э. (Ильясов, 2013. С. 103), то оказывается, что гравированные костяные поясные пластины из Средней Азии вполне могут оказаться синхронны подобным по форме центральноазиатским экземплярам. Среднеазиатские пластины длиннее, чем пряжка из Терезина в Туве (18 и 21 см против 12 см), тем не менее их общая специфическая форма, предназначение, датировка, а также наличие гравированных изображений вполне позволяют добавить их в круг аналогий. Подобные пряжки могут изначально происходить из регионов Внутренней Азии, связанных с культурой хунну, откуда эта форма попадает в Среднюю Азию. Гравированный орнамент центральноазиатских пряжек связан с изобразительными традициями хунну и ханьского Китая, а среднеазиатские пряжки украшались уже в местных художественных традициях.

Результаты

Трапецевидные или полуовальные костяные пряжки с узким отверстием под ремешок обнаружены в Туве в погребениях как позднескифского, так и хуннского времени. Пластины-пряжки с круглым отверстием, в том числе в центре, известны в позднескифское время, но отсутствуют в захоронениях хунну. Прямоугольные пластины-пряжки из кости существуют в Туве только в эпоху хунну,

т. е. относительно короткий промежуток времени. Их форма повторяет, вероятно, ажурные пластины-пряжки из бронзы или золота, а также массивные пряжки из гагата. Таким образом, костяные пряжки-пластины в Туве являются определенными хронологическими и культурными индикаторами, четко маркирующими завершение скифской эпохи и начало распространения культурных традиций хунну.

Литература

- Богданов, 2017 — Богданов Е. С. Происхождение тамг хунну // Нижневолжский археологический вестник. 2017. Т. 16, № 2. С. 5–32.
- Грач, 1971 — Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. XV. 296 с.
- Грач, 1980 — Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Давыдова, 1995 — Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: Фонд «АзиатИКА», 1995. 287 с. (Археологические памятники сюнну; Вып. 1).
- Давыдова, Миняев, 2008 — Давыдова А. В., Миняев С. С. Художественная бронза сюнну. Новые открытия в России. СПб.: Гамас, 2008. 120 с. (Археологические памятники сюнну; Вып. 6).
- Ильясов, 2013 — Ильясов Дж. Я. Об изображении на роговом предмете из городища Калалы-Гыр 2 // РА. 2013. № 2. С. 96–104.
- Ильясов и др., 2013 — Ильясов Дж. Я., Каниут К., Грубер М. Тахтисангинские пластины — шкатулка или поясной набор // Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б. А. Литвинского / Редкол.: Г. Ю. Колганова, А. А. Петрова, С. В. Кулланда. М.: ИВ РАН, 2013. С. 185–199.
- Килуновская, Леус, 2018 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.
- Килуновская, Леус, 2020 — Килуновская М. Е., Леус П. М. Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 97–125.
- Коновалов, 2008 — Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского НЦ СО РАН, 2008. 49 с.
- Кубарев, 1987 — Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 304 с.
- Леус, 2017 — Леус П. М. Радиоуглеродные даты из хуннских могильников Ала-Тей и Терезин в Туве // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рожд. учёного и общественного деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892–1930). Красноярск, 27–30 сентября 2017 г. / Отв. ред.: А. С. Вдовин, Н. П. Макаров. Красноярск, 2017. С. 181–184.
- Олзийбаяр и др., 2019 — Олзийбаяр С., Очир Б., Уртнасан Э. Хуннугийн туух соелын судалгаа (Салхитын амны дурсгалт газар). Улаанбаатар, 2019. (на монг. яз.).
- Подушкин, 2012 — Подушкин А. Н. К этнической истории государства Кангюй II в. до н. э. — I в. н. э. (по материалам могильников Орлат и Культобе) // Stratum plus. 2012. № 4. С. 31–53.
- Раев, 2017 — Раев Б. А. Гагатовые пряжки из Жутовского могильника. Археологические признаки миграций // Ex Unique Leonem. Сб. статей к 90-летию Л. С. Клейна / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 291–305.
- Семёнов, 2003 — Семёнов Вл. А. Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 240 с.
- Семёнов, 2010 — Семёнов Вл. А. Усуни на севере Центральной Азии // АЭАЕ. № 3 (43). С. 99–110.
- Таскин, 1968 — Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Предисл., пер. и прим В. С. Таскина. М.: 1968. 177 с.
- Шилов, 1975 — Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. 208 с.
- Мандашань..., 2001 — Манданшань Сихань Лян ван муди [芒砀山西汉梁王墓地阎根齐主编]. Погребение принца Ляна Западной Хань, Манданшань / Отв. ред. Янь Гэньци. Пекин: Вэнью чубаньшэ, 2001. 362 с. (на кит. яз.).
- Brosseder, 2011 — Brosseder U. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the first Steppe Empire in inner Asia. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2011. P. 349–424. (Bonn Contributions to Asian Archaeology; 5).
- Gruber et al., 2012 — Gruber M., Il'yasov J., Kaniuth K. A decorated ivory belt from Tilla Bulak, Southern Uzbekistan // Ancient civilizations from Scythia to Siberia. 2012. Vol. 18. P. 339–375.
- Kilunovskaya, Leus, 2018 — Kilunovskaya M., Leus P. Recent excavations of xiongnu graves on the left bank of the Ulug-Khem in Tuva // The Silk Road. 2018. Vol. 16. P. 1–20.
- Miller et al., 2009 — Miller B., Baiarsaikhan Z., Egiimaa T., Kononov P., Logan J. Elite Xiongnu Burials at the Periphery: Tomb Complexes at Takhiltyn Khotgor, Mongolian Altai // Current archaeological research in Mongolia. Bonn, 2009. P. 301–314.

- Parzinger et al.*, 2009 — *Parzinger H., Molodin V., Tseveendorzh D.* New discoveries in Mongolian Altai: The warrior grave of the Pazyryk Culture at Olon-Güüriin-Gol 10 // *Current Archaeological Research in Mongolia: Papers from the First International Conference on "Archaeological Research in Mongolia"* held in Ulaanbaatar, August 19th–23rd, 2007 / Ed. by J. Bemann et al. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2009. P. 203–220. (Bonn Contributions to Asian Archaeology; Vol. 4).
- So, Bunker*, 1995 — *So J., Bunker E.* Traders and raiders on China's Northern Frontier. Washington: Diane Pub Co, 1995. 203 p.
- The search...*, 2012 — *The search for immortality: tomb treasures of Han China* / Ed. by James C. S. Lin. London: Yale University Press, 2012. 376 p.
- Treasures...*, 2011 — *Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first nomadic empire in Mongolia.* Ulaanbaatar: National Museum of Mongolia, 2011. 296 p.

Bone plaques/buckles of the Xiongnu period in Tuva

M. E. Kilunovskaya, P. M. Leus

In the 2nd century BC, the territory of modern Tuva fell under the influence of the Xiongnu. Archaeological sites of the Scythian type disappear and a change of archaeological cultures occurs. In Tuva, burials of a new type emerge with entirely new funerary inventory. These graves are distinguished as the Ulug-Khem archaeological culture. The burials of this type and objects from them have direct parallels at sites of the Xiongnu in neighbouring regions, i. e. in Mongolia, Transbaykalia, etc.

In burials of the Xiongnu period in Tuva, bone plaques/buckles of two types are fairly frequently found. One of these types, the most widely distributed, appears already in the late Scythian period. It is nearly trapezoid buckles fixed to the belt through two round holes. At the other side, usually there are an elongated hole for the strap and a round one for the pin. In late Scythian burials, they fairly often are found in pairs while in the Xiongnu period they are single

examples. The presence of buckles of this kind used by the late Scythians and Xiongnu in Tuva possibly indicates cultural borrowings and a brief period of a poly-cultural character of the region at a definite historical stage. Some other buckles are unique for Tuva. One is rectangular and decorated with an X-shaped design of small iron tacks. Possibly it repeats the rectangular buckles from Siberian jet occasionally decorated in the same style. Another buckle is of a specific narrow rectangular shape and is covered with engravings. Its rare parallels are known from the Xiongnu Ivolga archaeological site in Transbaykalia and burials of the Xiongnu in Mongolia. The design itself may have originated from subjects and images of the Chinese artistic tradition, known, e. g., on silk textiles and carved nephrite ornaments. Another group of parallels is found in Middle Asia. They are slightly longer and decorated with highly artistic engravings with scenes of hunting and battles.

Звери, которых не должно быть

Н. В. Полосьмак¹

АННОТАЦИЯ. В статье предлагается интерпретация образов животных, изображенных на двух серебряных фаларах из кургана № 6 могильника Ноин-Ула. Общепринятым является представление о том, что звери на бляхах — это яки. Есть альтернативные мнения, согласно которым животные отождествляются с овцебыком или такином. В зависимости от того, какой версии придерживается тот или иной ученый, предлагаются варианты происхождения этих изделий — либо эти предметы являются произведениями хунну, либо были изготовлены юэжжами или, по последней версии, их делали цяны. Автор считает, что серебряные фалары, обнаруженные в погребениях знатных хунну, изготовлены китайскими мастерами и получены в качестве подарков, которые император делал шаньюю. Образ животного, изображенного на фаларах, передает основные морфологические особенности овцебыка. Это является важным свидетельством его существования на территории Евразии, по крайней мере, две тысячи лет назад.

ANNOTATION. The paper presents an interpretation of the images of animals depicted on two silver phalerae from the 6th Noin-Ula barrow. It is generally accepted that the beasts represented on these plaques are yaks. However there are alternative opinions equalling the animals with muskox or takin. Depending on the hypothesis a particular researcher holds, variants of the provenience of these objects are proposed — either they are products of Xiongnu or were made by Yuezhi or, in the last version; they were manufactured by the Qiangs. The author supposes that the silver phalerae discovered in elite Xiongnu burials were produced by Chinese artisans and may have been the gifts which the emperor presented to the Shanyus. The image of the animal demonstrated the main morphological features of muskoxen. It is an important evidence of the latters' existence in the territory of Eurasia at least two thousand years ago.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: хунну, Ноин-Ула, серебряные фалары, овцебык, ландшафт.

KEYWORDS: Xiongnu, Noin-Ula, silver phalerae, muskox, landscape.

В 1924 г. экспедицией под руководством П. К. Козлова в кургане № 6 могильника Ноин-Ула были обнаружены три серебряные бляхи. С тех пор образ животного, изображенного на двух из них, неоднократно становился предметом обсуждения из-за неоднозначности его интерпретации (рис. 1, 1, 2). Первоначально зверь, украшавший фалары, был определен П. К. Козловым как «аргали или овцебык» (Козлов, 1963, С. 383). Но по прошествии времени среди российских и зарубежных археологов этот образ стал ассоциироваться с яком. Как об изображении яка о нем писали М. И. Ростовцев (*Rostovtzeff*, 1929. P. 59, 88, pl. XXIV, 3), К. В. Тревер (1931. С. 41, 46), А. Н. Бернштам (1935а. С. 127; 1935б. С. 35; 1937. С. 953, 962–963), Г. П. Соновский (1947. С. 37–38, рис. 27, 1), С. И. Руденко (1962б. С. 24, 81–82, 201), А. В. Давыдова (1971. С. 95), М. И. Артамонов (1973. С. 114–116, 121), Г. А. Федоров-Давыдов (1976. С. 33), В. А. Кисель (2010. С. 115–118), Ц. Доржсүрэн (1961. С. 98), К. Йеттмар (*Jettmar*, 1964. S. 152–153) и многие другие. Из последних работ, в которых звери на серебряных фаларах идентифицируются как яки, можно назвать исследование Ли Ву Соп,

посвященное звериному стилю хунну (Ли Ву Соп, 2020. С. 19).

Не нужно быть зоологом, чтобы, сопоставив изображения на пластинах и фото реального зверя, понять, что художник изображал не яка. Известны достаточно многочисленные изображения яков в древнем искусстве Центральной Азии, которые весьма убедительно доказывают, что если мастер хотел изобразить яка, то созданный им образ нельзя было спутать с изображением другого зверя (рис. 2, 1, 2). Почему же это ошибочное мнение вообладало и надолго закрепилось в научной литературе? Вероятно, потому, что было нарушено основное правило процедуры реконструкции: не создавайте интерпретации по интерпретациям (Шаповалов, 2008). Одна ошибка потянула за собой цепь ошибочных представлений.

Поскольку, как ни странно, это заблуждение до сих пор превалирует в научной литературе со многими вытекающими из этого последствиями, имеет прямой смысл вернуться к интерпретации образов животных, изображенных на фаларах из ноин-улинского кургана № 6. Надо заметить, что еще в 1985 г. зоолог Э. В. Алексеева и археолог Э. В. Шавкунов предприняли попытку разобраться с видом животного, изображенного на пластинах из Ноин-Улы. В своей статье они доказывают, что он не имеет ничего общего с яком и является

¹ 630090, Россия, Новосибирск, пр. Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Отдел палеометалла. Адрес электронной почты: polosmaknatalia@gmail.com.

РИС. 1. Рисунок фаларов из кургана № 6 могильника Ноин-Ула (1, 2), раскопки П. К. Козлова в 1924 г. (по: Руденко, 1962б. Табл. XXXVI, 3; XXXVII, 3).

1, 2 – серебро

FIG. 1. Drawing of phalerae from the Noin-Ula, barrow No. 6 (1, 2), excavations by P. K. Kozlov in 1924 (after Руденко, 1962б. Pl. XXXVI, 3; XXXVII, 3).

1, 2 – silver

изображением овцебыка (Алексеева, Шавкунов, 1985). Какими же критериями необходимо руководствоваться при определении животных, изображенных древним художником?

Вероятно, правильно будет последовать советам палеозоолога: «В случае, если морфологические детали рисунка совпадают с признаками, по которым определяется вид, видовая принадлежность изображенного животного может быть определена. Если они совпадают только с родовыми признаками – признаками более высокого ранга, то можно определить животное только до рода, семейственными – только до семейства и т. д.» (Шаповалов, 2008. С. 277). Как пример определения видовой принадлежности по рисунку он приводит изображение оленя из пещеры Комбарель (департамент Дордонь, Франция). «Характерным диагностическим признаком северного оленя, *Rangifer tarandus* (Linnaeus, 1758), – пишет А. В. Шаповалов, – наряду с про-

чими является особая форма его рогов, свойственных, в отличие от других видов оленей, и самкам, и самцам. Передние – надглазничные – отростки рогов обычно ветвятся, образуя плоскую площадку – "лопатку", основной же ствол рога направлен сначала назад, затем вверх и вперед, ветвясь и уплощаясь, как правило, у окончания. На гравировке из пещеры Комбарель надглазничные отростки плохо различимы, но зато четко распознается основной ствол рога с характерным изгибом. Этого оказывается достаточно, чтобы утверждать, что перед нами северный олень» (Там же).

Э. В. Алексеева, будучи зоологом, использует для своих заключений об изображениях на серебряных пластинах те же доводы: «Убедительным свидетельством того, что на рассматриваемых ноин-улинских пластинах изображен овцебык, а не какое-нибудь иное животное, являются характерные только для него рога. <...> своей общей формой и ярко

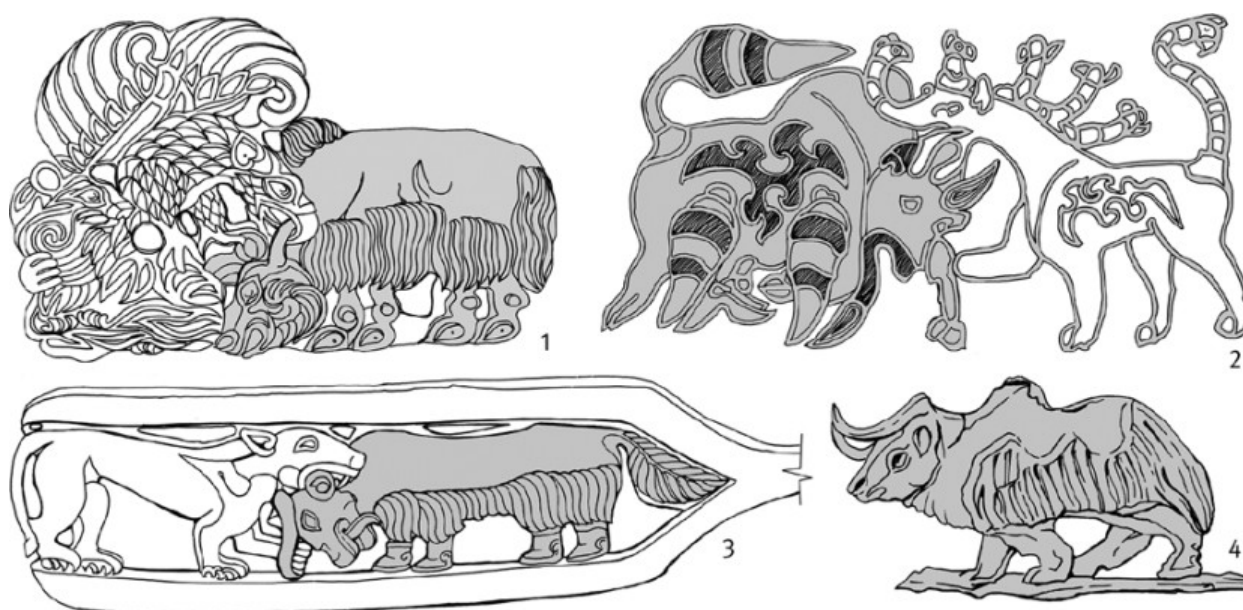

РИС. 2. Изображения яков в искусстве Центральной Азии в IV в. до н. э. – I в. н. э. 1 – рисунок бляхи с изображением сцены терзания. Сибирская коллекция Петра I (по: Руденко, 1962а. Табл. IV, 3); 2 – рисунок аппликации со сценой терзания. Ноин-Ула, курган № 6 (по: Руденко, 1962б. Табл. XLIII); 3 – рисунок поясной пряжки-крючка со сценой терзания. Находка в уезде Хуачу, провинции Цинхай, КНР (по фотографии, сделанной автором в музее г. Синина); 4 – рисунок изображения яка. Находка на памятнике Усу, могильник Сикэшу. Префектура Ташэн, Синьцзян (по: The ancient culture..., 2012. P. 235).

1, 4 – золото; 2 – войлок; 3 – бронза

FIG. 2. Representations of yaks in the art of Central Asia in the 4th century BC – 1st century AD. 1 – drawing of a plaque with representation of a scene of tearing at animals. Siberian collection of Peter I (after Руденко, 1962а. Табл. IV, 3); 2 – drawing of application with a scene of tearing at animals. Noin-Ula, barrow No. 6 (after Руденко, 1962б. Табл. XLIII); 3 – drawing of a belt buckle/hook with a scene of tearing at animals. Find from Huachu County, Qinghai Province, China (after the photo taken by the author in the museum of the city of Xining); 4 – drawing of a representation of yak. Find from the site of Wusu, cemetery of Xikeshu. Prefecture Tasheng, Xinjiang (after The ancient culture..., 2012. P. 235).

1, 4 – gold; 2 – felt; 3 – bronze

выраженной продольной исчерченностью они больше всего похожи на рога самца овцебыка... Рога же быков, козлов, баранов имеют поперечную штриховку роговых чехлов... Нижняя часть рогов животных на пластинах, их длина и изгиб концов в передне-боковом направлении также больше всего похожи на рога овцебыка... Еще одна деталь: уши у животных на ноинулинских пластинах находятся позади и выше рогов, что также является характерным для овцебыков» (Алексеева, Шавкунов, 1985. С. 4)² Не вызывает сомнений у Э. В. Алексеевой и то, как выглядит тело животных: грудь, брюхо, внутренние части передних и задних конечностей с раз-

двоенными копытами покрыты длинной шерстью. А то, что маленький хвост изображен «голым», хотя должен быть незаметен в густой шерсти, она объясняет тем, что, возможно, зверь показан в летнем наряде (Там же). Надо согласиться с авторами статьи, поскольку деревья, в окружении которых стоят овцебыки, – это довольно реалистично изображенные лиственницы и, как можно заметить, они еще не сбросили хвою³.

Пластины из № 6 ноин-улинского кургана уникальны не только потому, что стали первыми

² Курсивом выделены характерные признаки овцебыка, которые древний художник изобразил на серебряных фаларах.

³ Для того, чтобы воочию убедиться в том, что на фаларах изображены лиственницы, а не иные деревья или кустарники, достаточно сравнить реальное дерево с рисунком. В. А. Кисель предлагает интерпретировать изображения растений на бляхах как можжевельник (Кисель, 2010. С. 117).

предметами из целой серии подобных вещей, но и тем, что на них животные изображены на фоне ландшафта, что крайне редко. Композиции, в которые был включен ландшафт, довольно редки в искусстве скифского и гунно-сарматского времени. Самые известные — это ажурные застезки из Сибирской коллекции со сценой под деревом и со сценой охоты в лесу. Тему композиции с ландшафтом в скифо-сибирском искусстве подробно рассмотрел в свое время М. И. Артамонов (1971). Как можно заметить, эти изображения имеют мало общего с рассматриваемыми бляхами. Изображение холмистой местности и деревьев на бляхах из Ноин-Улы имеет гораздо больше общего с изображениями гор и деревьев в переднеазиатском искусстве — от аккадского до ассирийского (рис. 1, 2; 3). Это может быть чисто формальное сходство. Но отметить его необходимо, поскольку Китай (а именно китайские мастера изготовили эти фалары) с глубокой древности пополнял свой художественный язык образами иных культур и цивилизаций, включая их в собственный контекст. И, как нам представляется, стилистика изображений гор и деревьев на рассматриваемых бляхах является одним из таких примеров заимствований. Другой, более близкой по времени аналогией является орнамент на текстиле — шерстяных тканях — деталях женских юбок, обнаруженных в могильнике Шанпула (Синьцзян). В начале I в. н. э. орнаментальные композиции в виде гор и деревьев были популярны у местных ткачей (Vunker, 2001. P. 25–27).

Звери на пластинах из ноин-улинского кургана № 6 стоят среди невысоких всхолмлений. Это не горы с острыми вершинами, а мягких очертаний холмы, изображенные полукружьями. На круглой бляхе по обе стороны от фигуры зверя находятся два одинаковых дерева. Так как они вписаны в круг, подчиняясь форме фалара, то выглядят как клонящиеся под порывами ветра. Известно, что овцебыки развивались в условиях равнинного и низкогорного ландшафта (Данилкин, 2005. С. 176). И в настоящее время на территории России они обитают на Таймыре, в Якутии, Полярном Урале, Ямале, в Магаданской области, в предгорьях юго-восточной части плато Путорана. Их средой обитания является не только тундра, при необходимости овцебыки легко поднимаются по крутым склонам и каменистым осыпям на щебнистые платообразные вершины гор

(Там же. С. 179–181), и, конечно, основное древесное растение этих мест — лиственница.

Убедительная интерпретация вида животных Э. В. Алексеевой имела только один недостаток — овцебыки, наряду с другими представителями мамонтовой фауны, населявшей Евразию, как считается, вымерли к началу голоцена, и увидеть их можно было только в арктических регионах, где они жили еще около трех тысячелетий назад (Там же. С. 177). Причиной сокращения ареала и численности овцебыка и других крупных травоядных млекопитающих Евразии на рубеже плейстоцена и голоцена считается глобальное потепление климата. Особенно быстро сокращение численности и ареала происходило 11–12 тыс. л. н. уже при активном влиянии человека. И тем не менее, наряду с такими представителями мамонтовой фауны, как бизон (*Bison bison*), зубр (*Bison bonasus*), северный олень (*Rangifer tarandus*), сайга (*Saiga tatarica*), косули (род *Capreolus*), овцебыки и поныне живут в сравнительно теплом климате (Там же). То есть, проблема не в том, что овцебык, подобно мамонту, исчез как вид, а в том, что ареал его распространения в голоцене сузился до арктической зоны, где увидеть его могли только представители местных популяций.

Это обстоятельство послужило поводом для статьи В. А. Коренько, посвященной новой интерпретации образов животных на серебряных бляхах. Его исходной позицией было утверждение о том, что зверь, изображенный на фаларах, не может быть овцебыком, поскольку те, кто изготовил эти пластины, никогда ни при каких условиях не могли его видеть. Поэтому, как считал В. А. Коренько, надо найти прообраз в виде другого реально существующего животного: «Допустимо уверенно предположить, что натуральный прототип ноин-улинских зооморфных изображений может быть обнаружен. Этим прототипом должно быть реальное животное, жившее в историческую эпоху или даже дожившее до нашего времени. Ареал животного должен локализоваться в Центральной Азии, если не в основных, то в пограничных ее областях, и, вероятно, совмещаться с горно-лесными ландшафтами» (Коренько, 2013. С. 93). И этот зверь был найден, им оказался такин⁴. Как пишет

⁴ Такин является наименее изученным парнокопытным диким животным семейства полорогих (*Bovidae*). Впервые такин был описан зоологами в 1850 г. А золотистый такин (*B. t. bedfordi*), обитающий в горных лесах на юго-западе Китая, стал известен науке лишь в 1911 г.

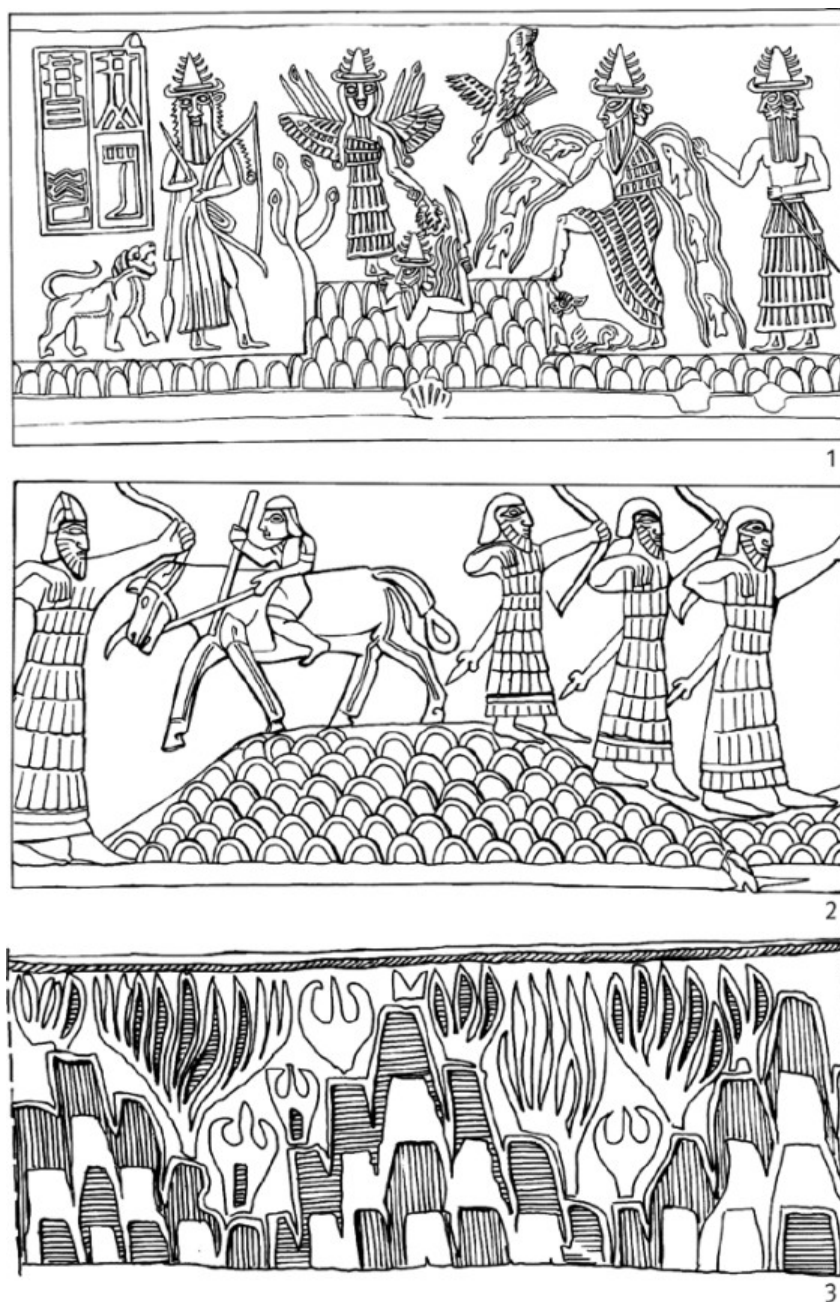

РИС. 3. Изображения гор и деревьев на предметах искусства Ассирии и Синьцзяна. 1 – рисунок оттиска аккадской печати (деталь). В центре сцены находится бог солнца Шамаш (Шумерский Уту). Он прорезает путь через горы, чтобы подняться на рассвете (по: Афанасьева, 1979. Табл. XX, а); 2 – рисунок фрагмента рельефа ворот дворца в Балавате. Поход царя Салманасара III в Северную Сирию. Ассирия, IX в. до н. э. (по: Champdor, 1964. Tab. 160); 3 – рисунок фрагмента вытканного узора. Синьцзян, начало I тыс. н. э. (по: Bunker, 2001. Fig. 17).

1 – камень; 2 – бронза; 3 – шерстяная ткань

FIG. 3. Representations of mountains and trees on objects of art from Assyria and Xinjiang. 1 – drawing from an imprint of an Akkadian seal (detail). In the centre of the scene there is the Sun-god Shamash (Sumerian Utu). He is cutting a way through mountains in order to rise at the dawn (after Афанасьева, 1979. Табл. XX, а); 2 – drawing from a fragment of a relief of the gate of the Balavat palace. Raid of King Salmanasar III to Northern Syria. Assyria, 9th century BC (after Champdor, 1964. Tab. 160); 3 – drawing from a fragment of a woven design. Xinjiang, early 1st millennium AD (after Bunker, 2001. Fig. 17).

1 – stone; 2 – bronze; 3 – woollen textile

В. А. Коренько, не он первый решил присмотреться к этому животному в связи с ноин-улинскими бляхами. Первым, кто по той же причине, что и В. А. Коренько, высказал предположение о том, что на них может быть изображен такин, был немецкий ученый зоолог В. Зергель, директор Геологического института Фрайбургского университета. В 1942 г. в статье «Жили ли 2000 лет назад мускусные быки в Северной Монголии?» (*Soergel*, 1942. S. 41–55) он досконально разобрал все «за» и «против» этих животных. По его наблюдениям получалось, что у изображенного на бляхе зверя были рога овцебыка, но тело такина. И совместить эти две крайности он никак не мог. Назвать зверя такином зоологу мешали рога овцебыка, а назвать овцебыком мешало туловище; волосной покров и окружающий ландшафт более близкие, как он считал, к такину (*Ibid.* S. 51–52). Поскольку никаких доказательств существования овцебыка в голоцене на территории Монголии не было, вопрос так и повис в воздухе (*Ibid.* S. 53–54).

В. А. Коренько же целиком воспринял версию о такине и постарался ее доказать. Для его интерпретации такины как нельзя лучше подходили средой обитания (в горных лесах Северо-Востока Индии, Непала, Восточного Тибета и китайских провинций от Сычуани на юге до стыка провинций Шэньси, Цинхай, Ганьсу и Нинся-Хуэйского автономного района по верхнему течению Хуан-

хэ – на севере), а все вопиющие несовпадения во внешнем виде реального такина и зверя, изображенного на бляхах, он объяснял особенностями звериного стиля (*Коренько*, 2013. С. 94). В соответствии с ареалом обитания зверя, В. А. Коренько были определены и авторы этих изделий – цяны – тибетоязычное население, ведшее кочевой образ жизни и какое-то время находившееся в зависимости от хунну, а найденные бляхи, по его мнению, являются «следствием южных контактов хуннов или вообще активности хуннов в южном направлении» (Там же. С. 97). То, что на территории проживания цянов не обнаружено таких изделий, он объясняет слабой изученностью этого региона (Там же).

Идентификация зверей, изображенных на бляхах из ноин-улинского кургана № 6, с такином не выдерживает никакой критики – они имеют между собой еще меньше общего, чем с яком (*рис. 4, 2, 3*). Это сравнение возникло только потому, что овцебык считается давно исчезнувшим с территории Центральной Азии видом. Сам В. А. Коренько писал, что «в общем, единственный морфологический признак, сближающий ноинулинские изображения и овцебыков – это рога» (Там же. С. 90). Но этого признака в данном случае достаточно, чтобы определить вид животного (*рис. 4*).

В свое время Э. В. Алексеевой было высказано вполне оправданное и разделяемое нами мнение,

РИС. 4. Овцебык и такин. 1 – фотография овцебыка, фрагмент (фотоснимок предоставлен Новосибирским зоопарком им. Р. А. Шило – www.zoonovosib.ru); 2 – фрагмент рисунка изображения овцебыка на фаларе из кургана № 6 могильника Ноин-Ула (по: *Руденко*, 1962б. Табл. XXXVI, 3); 3 – фотография такина, фрагмент (фотоснимок предоставлен Новосибирским зоопарком им. Р. А. Шило – www.zoonovosib.ru)

FIG. 4. Muskox and takin. 1 – photo of muskox, fragment (Photo courtesy of Shilo Novosibirsk Zoo – www.zoonovosib.ru); 2 – fragment of drawing of a representation of a muskox on a phalera from the Noin-Ula, barrow No. 6 (after *Руденко*, 1962б. Табл. XXXVI, 3); 3 – photo of takin (Photo courtesy of Shilo Novosibirsk Zoo – www.zoonovosib.ru)

что «факт находки в Ноинулинском могильнике серебряных пластин с изображениями овцебыков, по-видимому, может служить документальным подтверждением того, что еще каких-нибудь два тысячелетия назад эти животные водились если не на территории Монголии, то, во всяком случае, где-то по соседству» (Алексеева, Шавкунов, 1985. С. 5). А для того, чтобы точнее определить место обитания овцебыков, необходимо установить, где были изготовлены серебряные фалары (Там же). В период, когда была написана цитируемая статья, исследуемые серебряные бляхи были единственными в своем роде, что, конечно, очень затрудняло даже установление их назначения (Э. В. Шавкунов считал их личными украшениями – оберегами), не говоря уже об определении места, где они могли быть изготовлены. Согласившись с точкой зрения С. И. Руденко о том, что эти изделия не были произведены хунну, Э. В. Шавкунов доказывает их юечжийско-кушанское происхождение. Логика его рассуждений такова – мотив «дерево-горы-животное», который демонстрируется на бляхах, характерен для Передней Азии, откуда он распространяется в Среднюю Азию, Восточный Туркестан и Китай. Но, считая овцебыков холодолюбивыми животными, он исключает Китай из мест его проживания и выбирает Тянь-Шань или Памир – территорию расселения юэджей. Также среди доводов в пользу юэджей он приводит тот факт, что часть изделий, обнаруженных в ноин-улинском кургане № 6 (вышивки по шерсти, металлические бляхи лировидной формы), происходит из Северной Бактрии и соседних районов Средней Азии, т. е. доказательство связей существует (Там же. С. 7–9). Таким образом, решаются два вопроса: первый – о том, кто изготовил эти бляхи (юэчжи), и второй – где в этот период (конец I тыс. до н. э. – начало I тыс. н. э.) водились овцебыки (на Тянь-Шане и, возможно, на Памире). Единственной нестыковкой стало то, что ни тогда, ни теперь, по прошествии более 35 лет, никаких блях, подобных ноин-улинским, на территории Средней Азии ни у юэчжей, ни у кушан обнаружено не было. Полностью разделяя точку зрения Э. В. Алексеевой и Э. В. Шавкунова на то, что на фаларах из ноин-улинского кургана № 6 изображены овцебыки, я не вижу надежных доказательств того, что они были изготовлены в юэчжийской среде.

До сегодняшнего дня нет никаких доказательств и того, что в голоцене овцебыки обитали на территории Центральной Азии, где их могли увидеть современники хунну. Но так ли это? Здесь мы опять вторгаемся в область другой науки и можем только ограничиться ссылками на высказывания специалистов – палеозоологов и последние публикации по этой теме. Обобщающие данные о находках костей овцебыка изложены в относительно недавней статье (Markova et al., 2015). Авторы пришли к выводу, что вымирание овцебыка было результатом повышения температуры и реорганизации экосистем в самом конце плейстоцена и в голоцене, а также распада его ареала на небольшие изолированные популяции. Уменьшение генетического разнообразия овцебыка также, по их мнению, способствовало его вымиранию (Ibid. P. 99). Отмеченный палеозоологами распад ареала овцебыка на небольшие изолированные популяции в голоцене может явиться ключевым моментом в их вероятном «доживании» до начала I тыс. н. э. (как минимум) на территории Центральной Азии в т. н. рефугиумах⁵.

Этот вывод вполне соответствует современному положению дел в области изучения овцебыков. Случайность находок их останков делает процесс доказательства этого тезиса растянутым во времени, но не безнадежным. Так, только в конце прошлого века были сделаны первые находки плейстоценового быка в Монголии, в Забакалье его ископаемые остатки известны с р. Хилок (по: Данилкин, 2005. С. 176–177). База данных палеофауны медленно, но пополняется, появляются не только новые материалы, но и новые даты. По последним данным, самые «молодые» останки овцебыка – остатки волчьей трапезы – зафиксированы в 2013 г. экспедицией Института экологии растений и животных УрО РАН в одном из гротов Полярного Урала в Ямало-Ненецком автономном округе. Они датированы 2900 г. до н. э. То есть волки съели овцебыка примерно за три тысячи лет до того, как были изготовлены фалары с изображениями этого животного⁶. До этой находки самой западной

⁵ Рефугиумы – букв. убежища – «участки земной поверхности, где один вид, или чаще целая группа форм живого пережила неблагоприятный период геологического времени, в течение которого на остальных пространствах эти формы исчезли» (Быков, 1983).

⁶ Сведения, сообщенные заведующим лабораторией палеоэкологии ИЭРиЖ УрО РАН П. В. Косинцевым в докладе на V Северном археологическом конгрессе в 2019 г. в Салехарде.

точкой нахождения останков овцебыка был Таймыр. В 1959 г. Н. К. Верещагин в статье «Овцебык на севере Сибири» опубликовал данные о находке на Таймыре двух фрагментов черепов «последнего» овцебыка и сделал вывод о том, что окончательное исчезновение быка на севере Евразии могло произойти совсем недавно. Более того, обнаруженные в одном из черепов отверстия, напоминающие отверстия от пуль, позволили ему даже высказать предположение, что на них могли охотиться русские мореплаватели XVII в. (*Верещагин*, 1959. С. 106).

Изображение овцебыка там и тогда, когда и где его не должно было быть, — не первый случай несовпадений научных фактов и фактов археологии Центральной Азии. Так, Н. К. Верещагин в свое время определил, что несколько деревянных головок животных, обнаруженных в Пятом Пазырыкском кургане, которые С. И. Руденко называл головками сайги, на самом деле были изображениями особой антилопы подсемейства *Alcelaphinar*, ныне вымершей, но, вероятно, обитавшей в историческое время в приалтайских степях, о чем иных свидетельств, кроме этого изображения, не существовало (*Верещагин*, 1956. С. 1551–1552). Образ, запечатленный мастером, говорит о том, что он видел этих животных и отличал от сайгаков, которых тоже вырезал из дерева. Эти наблюдения позволяют нам еще раз напомнить, что археология не призвана подтверждать известное, а наоборот — нередко показывает, как много еще неизвестного в разных областях знаний.

Когда мы пытаемся дать верное определение изображениям животных и птиц, выполненным древними художниками, надо учитывать, что вряд ли это будут анатомически правильные изображения, во всем соответствующие оригиналу: найти полное сходство между реальным зверем или птицей и их художественным воплощением не удастся. Известный художник-анималист В. А. Ватагин писал, что научная иллюстрация и свободный художественный образ — это два направления, противоположных друг другу: «зоология всю жизнь угнетает мое искусство анималиста» (*Ватагин*, 1999. С. 164). Под «зоологией» он имел в виду выполненные им научные иллюстрации для учеников, таблицы, многочисленные панно и картины для Дарвиновского музея и Зоологического музея МГУ. В. А. Ватагин писал, что «здесь изобража-

ние трактуется с объективной и предельной точностью, с предельной ясностью: требуется передать возможно большее количество свойств и подробностей изображаемого предмета. <...> пособие такого рода справедливо выносится за пределы искусства» (Там же. С. 112), научная иллюстрация — это особый род изображения животного (Там же).

Понятно, что изображения на рассматриваемых нами фаларах не имеют ничего общего с научной иллюстрацией, и мастера, создававшие их, руководствовались совершенно иными, не ясными нам правилами, из которых понятно только одно — необходимость вписать изображение в заданную форму. Но и к анималистическому искусству в современном его понимании эти изображения также не вполне относятся, поскольку, по словам того же В. А. Ватагина, «только там, где животное трактуется как сама себя оправдывающая цель, где живой выразительный образ проникнут особой остротой восприятия и передачей характеристики, такой образ может по праву назваться анималистическим» (Там же. С. 71). Но у мастеров, которые изготавливали фалары, был иной подход к изображению животных и птиц, которые не являлись, ни научной иллюстрацией, ни анималистическим искусством, поскольку созданный образ существовал только в воображении мастеров и только в деталях соответствовал реальным животным⁷.

Надо отметить, что за последние годы стало известно большое количество серебряных, бронзовых, позолоченных фаларов, обнаруженных главным образом в ходе научных раскопок курганов хуннской знати (*Муняев*, 2009; *Desroches*, 2007; *Полосьмак и др.*, 2011; *Erdenebaatar*, 2018; и др.), есть некоторое количество случайных, недокументированных находок (например: *Bunker*, 2002), а также изделия, найденные в погребениях высокопоставленных китайских чиновников (Краткий отчет о раскопках..., 2000) или провинциальной знати присоединенных в эпоху Хань новых (некитайских) провинций (*The ancient culture...*, 2001; Погре-

⁷ Такие решения нередко подсказывала сама природа. Например, описывая такина, ученые-зоологи употребляют следующие сравнения: такин — не бык, не баран, не козел, хотя и совмещает в себе черты этих животных. Такину достались черты сразу нескольких животных: вытянутая морда лося, рога антилопы, туловище бизона, хвост медведя, ноги и прыть горного козла. Возможно, так же видели животных и древние художники — они замечали множество сходных черт у разных зверей и пользовались своего рода «графаретами», создавая тот или иной образ.

бение с бронзовыми барабанами..., 1978). К двум пластинам из Ноин-Улы через восемьдесят лет добавились десятки подобных изделий⁸, и стала очевидной локализация этих вещей – территория современных Китая и Монголии.

Эти бляхи, являвшиеся украшениями конской упряжи, можно выделить в особую группу предметов, изготавливавшихся китайскими мастерами на заказ, для подарков, которые делал император хуннским шаньюям, высокопоставленным ханьским чиновникам и правителям новых округов – провинциальной знати. Они отличаются особым стилем, что нашло выражение в их форме и тех образах и орнаментах, которые их украшают (*Полосьмак, Богданов, 2015. С. 58–65; Полосьмак, 2020*). Фантастические животные, среди которых встречаются единороги, драконы, крылатые лошади-драконы, крылатые олени, павлин, – окружены т. н. облачными лентами (*Полосьмак, 2009*). Облачная лента – важнейший элемент китайского орнамента, возникшего в конце периода Чжаньго – начале Западной Хань из стилизованного изображения птицы-дракона, постепенно становившегося все более абстрактным. Со временем этот орнамент стал восприниматься как нейтральный фон, на котором помещались деревья, реальные существа и фантастические животные, а также божества сян – бессмертные. Часто облачная лента рассматривалась как горный пейзаж и связывалась с курильницами бошань (*Лубо-Лесниченко, 1961. С. 42; 1994. С. 189*). Вероятно, на бляхах облачные ленты составляли фон, который должен был указывать на то, что все изображенные звери и птицы находятся среди гор на мифическом острове Пэнлай, который символизировали ханьские курильницы бошань, т. е. все животные и птицы, изображенные на фаларах, были «вписаны» в китайскую мифологию, становились обитателями даоссского рая. Использовать этот орнамент могли только китайские мастера.

Заключение

На двух серебряных бляхах-фаларах из ноин-улинского кургана № 6 изображены животные, образцом для которых послужил овцебык. Этот факт позволяет полагать, что еще две тысячи лет назад овцебыки могли обитать в рефугиумах, как на территории Монголии, так и на территории Китая. О том, в каких местах обитали эти животные в указанный период времени, свидетельствует пейзаж, на фоне которого они изображены, – это холмистая местность, поросшая лиственницей. Обнаружение костных останков этих животных в указанных местах – дело будущего.

Все бляхи, встреченные в курганах хунну и являющиеся украшением конской упряжи, являются произведениями китайских мастеров. Это вещи, изготовленные на заказ для определенной категории людей, существовали довольно короткий промежуток времени и являются совершенно оригинальными как по форме, так и по содержанию. Даже среди столь разнообразных и необычных изображений, которые представлены на многочисленных фаларах, две бляхи из ноин-улинского кургана № 6 являются уникальными в силу того, что, во-первых, на них изображен зверь, которого по всем имеющимся данным не должно было быть, и, во-вторых, потому, что этот зверь изображен в природном окружении – среди холмов и лесов. Для искусства этого периода (речь идет о торевтике и бронзовом литье) изображения пейзажа нехарактерно. Деревья появляются на известных хуннских поясных пряжках как их обрамление, рамка и как часть сцены, но это всегда деревья с листьями, и никаких других деталей пейзажа мы на этих пряжках не увидим. Таким образом, рассматриваемые бляхи, даже с учетом уникальности всей серии, представляют собой оригинальное произведение искусства, и надо полагать, что это только первые образцы, которые стали нам известны.

⁸ Наибольшее количество этих изделий находят сейчас в могилах хунну, что соответствует тем взаимоотношениям, которые существовали между хунну и Империей Хань. Среди других «варваров» именно хунну получали одни из самых богатых подарков от императора. В их погребениях найдены самые ценные китайские шелка – вышитые и многоцветные, с ткаными узорами; также они получали золотые и серебряные украшения, нефритовые и лаковые изделия, колесницы и предметы конской упряжи.

Литература

- Алексеева, Шавкунов*, 1985 — *Алексеева Э. В., Шавкунов Э. В.* Изображение овцебыка из Ноинулинского могильника // Древний и средневековый Восток / Отв. ред.: Д. Д. Васильев, С. В. Волков. М.: Восточная литература, 1985. Ч. 1. С. 3–11.
- Артамонов*, 1971 — *Артамонов М. И.* Композиции с ландшафтом в скифо-сибирском искусстве // СА. 1971. № 1. С. 82–92.
- Артамонов*, 1973 — *Артамонов М. И.* Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: Искусство, 1973. 278 с. (Памятники древнего искусства).
- Афанасьева*, 1979 — *Афанасьева В. К.* Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М.: Наука, 1979. 194 с. (Культура народов Востока: Материалы и исследования).
- Бернштам*, 1935а — *Бернштам А. Н.* Изображение быка в находках из Ноин-Улинских курганов // ПИДО. 1935. № 5–6. С. 127–130.
- Бернштам*, 1935б — *Бернштам А. Н.* Историческая правда в легенде об Огуз-кагане // СЭ. 1935. № 6. С. 33–43.
- Бернштам*, 1937 — *Бернштам А. Н.* Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение // Изв. АН СССР. Отд. общ. наук. 1937. № 4. С. 947–968.
- Быков*, 1983 — *Быков Б. А.* Экологический словарь. Алмата: Наука, 1983. 215 с.
- Ватагин*, 1999 — *Ватагин В. А.* Изображение животного. М.: Сварог и К, 1999. 168 с.
- Верещагин*, 1956 — *Верещагин Н. К.* О прежнем распространении некоторых копытных в районе смыкания европейско-казахстанских и центральноазиатских степей // Зоологический журнал. 1956. Т. XXXV (10). С. 1541–1553.
- Верещагин*, 1959 — *Верещагин Н. К.* Овцебык на севере Сибири // Природа. 1959. № 8. С. 105–106.
- Давыдова*, 1971 — *Давыдова А. В.* К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА. 1971. № 1. С. 93–105.
- Данилкин*, 2005 — *Данилкин А. А.* Полорогие (Bovidae). М.: Тов. науч. изд. КМК, 2005. 550 с.
- Доржсүрэн*, 1961 — *Доржсүрэн Ц.* Умард хунну (Эртний судлалын шинжилгээ). Улаанбаатар, 1961 (на монг. яз.).
- Кисель*, 2010 — *Кисель В. А.* Образ яка в торевтике гунно-сарматского времени // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2010. С. 115–118. (Тр. САИПИ; Вып. VI).
- Козлов*, 1963 — *Козлов П. К.* Русский путешественник в Центральной Азии. Избранные труды. К столетию со дня рождения (1863–1963). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 533 с.
- Коренько*, 2013 — *Коренько В. А.* Об изображениях на серебряных пластинах из Ноин-Улы // Текст. Контекст. Подтекст. Сборник статей в честь М. Н. Погребовой / Отв. ред. Г. Ю. Калганова. М.: ИВ РАН, 2013. С. 86–101.
- Краткий отчет о раскопках..., 2000 — Краткий отчет о раскопках погребения № 1 эпохи Хань, в уезде Ци, в селе Сюйцуньган // Каогу. 2000. № 1. С. 38–44 (на кит. яз.).
- Ли Ву Сон*, 2020 — *Ли Ву Сон.* Звериный стиль хунну конца I тыс. до н. э. — нач. I тыс. н. э.: классификация, типология, хронология: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2020. 31 с.
- Лубо-Лесниченко*, 1961 — *Лубо-Лесниченко Е. И.* Древние китайские шелковые ткани и вышивки V в. до н. э. — III в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог. Л.: Изд-во ГЭ, 1961. 67 с.
- Лубо-Лесниченко*, 1994 — *Лубо-Лесниченко Е. И.* Китай на Шелковом пути. Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. М.: Восточная литература, 1994. 322 с.
- Миняев*, 2009 — *Миняев С. С.* Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам (Забайкалье) // АЭАЕ. 2009. № 2. С. 49–58.
- Погребение с бронзовыми барабанами..., 1978 — Погребение с бронзовыми барабанами в Гуанси-Чжунанского автономном районе, уезде Силинь, у зерновой станции Путо // Вэнью. 1978. № 9. С. 43–51 (на кит. яз.).
- Полосьмак*, 2009 — *Полосьмак Н. В.* «Там, на неведомых дорожках следы невиданных зверей» // Наука из первых рук. Новосибирск, 2009. № 5 (29). С. 64–75.
- Полосьмак*, 2020 — *Полосьмак Н. В.* Украшения конской упряжи из погребений хунну. Новый стиль // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Великое переселение народов: диалог культур: Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. / Отв. ред. С. Г. Боталов. Челябинск, 2020. С. 16–21.
- Полосьмак, Богданов*, 2015 — *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С.* Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). Ч. 1. Новосибирск: Инфолио, 2015. 136 с.
- Полосьмак и др.*, 2011 — *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвэндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: Инфолио, 2011. 181 с.
- Руденко*, 1962а — *Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 52 с.
- Руденко*, 1962б — *Руденко С. И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
- Сосновский*, 1947 — *Сосновский Г. П.* О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикоя (Забайкалье) // КСИИМК. 1947. Вып. XIV. С. 35–40.
- Тревер*, 1931 — *Тревер К. В.* Находки из раскопок в Монголии 1924–1925 гг. // СГАИМК. 1931. № 9–10. С. 40–47.
- Федоров-Давыдов*, 1976 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976. 223 с.
- Шаповалов*, 2008 — *Шаповалов А. В.* Первобытное искусство как вспомогательный палеонтологический источник // Биологическое разнообразие, спелеологические объекты и историко-культурное наследие охраняемых природных территорий республики Башкортостан / Под ред.: Б. М. Миркин, Н. М. Сайфуллина. Уфа: Информреклама, 2008. Вып. 3. С. 274–292.

- Bunker*, 2001 – *Bunker E. C.* The Cemetery at Shanpula, Xinjiang, Simple burials, Complex textiles // Fabulous creatures from the desert sands. Central Asian Woolen textiles from the Second BC to the Second Century AD / Eds. D. Keller, R. Schorta. Riggisberg: Abegg-Stiftung, 2001. P. 15–47. (Riggisberger Berichte; Nr. 10).
- Bunker*, 2002 – *Bunker E. C.* Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. New Haven; London: The Metropolitan Museum of Art; New York: Yale University Press, 2002. 233 p.
- Champdor*, 1964 – *Champdor A.* Kunst Mesopotamiens. Leipzig: VEB E. A. Seemann Buch- und Kunstverlag, 1964. 220 S.
- Desroches*, 2007 – *Desroches J.-P.* The French Archaeological Mission in Mongolia // International symposium in celebrations of the 10-th anniversary of MON-SOL Project. Seoul: National Museum of Korea, 2007. P. 190–202.
- Erdenebaatar*, 2018 – *Erdenebaatar D.* The Cultural Heritage of Xiongnu Empire. Ulaanbaator, 2018. 239 p. (на монг. и англ. яз.).
- Jettmar*, 1964 – *Jettmar K.* Die frühen Steppenvölker. Der Eurasiatische Tierstil, Entstehung und sozialer Hintergrund. Baden-Baden: Holle, 1964. 273 S.
- Markova et al.*, 2015 – *Markova K., Puzachenko A. Yu., van Kolfschoten T., Kosintsev P. A., Kuznetsova T. V., Tikhonov A. N., Bachura O. P., Ponomarev D. V., van der Plicht J., Kuitens M.* Changes in the Eurasian distribution of the musk ox (*Ovibos moschatus*) and the extinct bison (*Bison priscus*) during the last 50 ka BP // Quaternary International. 2015. Vol. 378. P. 99–110.
- Rostovtzeff*, 1929 – *Rostovtzeff M. I.* The Animal Style in South Russia and China. Princeton: University Press; London: Milford, 1929. 52 p.
- Soergel*, 1942 – *Soergel W.* Lebten vor 2000 Jahren Moschusochsen in der Nordmongolei? // Natur und Volk. Bericht der Senckenbergischen Naturforschenden Gesellschaft. 1942. Bd. 72 (3/4). S. 41–55.
- The ancient culture..., 2001 – The ancient culture of Nangnang. Seoul: The National Museum of Korea and Sol Publication Co, 2001. 294 p. (на кор. яз.).

Beasts which must not have been

N. V. Polos'mak

This paper argues that the animals represented on the two silver plaques-phalerae (Fig. 1, 1, 2; 4, 2) from barrow No. 6 at the burial ground of Noin-Ula (Mongolia, excavations by P. K. Kozlov, 1924; the finds are kept at the State Hermitage Museum), dated to the early 1st century AD, resemble muskoxen rather than yaks (Fig. 2) or takins (Fig. 4, 3). This fact suggests that as long as two thousand years ago muskoxen possibly inhabited the refugia both in the territory of Mongolia and in China. The particulars about the natural environment (the localities) inhabited by these animals in the mentioned period are suggested by the landscape in the background against which they are depicted – it is a hilly locality grown with larches (Fig. 3 – Western Asiatic and Central Asiatic analogues of mountains).

During recent decades, in the course of archaeological excavations, tens of phalerae have been discovered in graves of Xiongnu nobility – works of art of Chinese artisans. These objects were manufactured as gifts from the emperor to the Shanyus, high-ranking Han functionaries and governors of new counties – the provincial nobility. These objects are distinguished in their high art, diversity and originality of the images of fantastic and real beasts and birds. However the depictions of the animals represented on the phalerae from barrow No. 6 at the cemetery of Noin-Ula are, as ever, unique having no parallels. They are of scientific interest not only to archaeologists but also to palaeontologists because they depict a beast which, according to the present-day evidence, would not have been found either in that time or in that place.

Модель горита из Оглахтинского могильника

С. В. Панкова¹

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрена модель горита из погребения 4 таштыкского грунтового могильника Оглахты (III–IV вв. н. э., раскопки Л. Р. Кызласова 1969 г.). Дано детальное описание модели, приведены ее фотографии и прорисовки. Судя по аналогиям в могильнике Субейси (Синьцзян) V–III вв. до н. э., конструктивно модель относилась к горитам скифского типа; можно предполагать, что к той же традиции принадлежали и полновесные таштыкские луки и гориты, данных о которых крайне мало. При этом декоративное оформление модели (окантовка полихромным шелком) отвечало вкусам своего времени.

ANNOTATION. This paper considers the model of a gorytus from burial 4 of the Tashtyk flat-grave cemetery of Oglakhty (3rd–4th century AD, excavation by L. R. Kyzlasov in 1969). A detailed description of the model is presented, as well as its photographs and their tracings. Judging through parallels from the burial ground of Subeixi (Xinjiang) of the 5th–3rd century BC, our model, in terms of its design, belonged to goryti of the Scythian type; it is possible that we should attribute to the same tradition the real Tashtyk bows and goryti on which the information is however very scarce. However, the decorative design of the model under consideration (edged with polychromatic silk) seems to have been meeting the tastes of its time.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Южная Сибирь, Минусинская котловина, таштыкская культура, грунтовые могильники, скифское время, Восточный Туркестан, вооружение, налучье, колчан, вотивы, имитации, кожа, полихромный шелк.

KEYWORDS: South Siberia, Minusinsk Hollow, Tashtyk culture, flat-grave burial grounds, Scythian period, East Turkestan, weapons, bowcase, quiver, votives, imitations, leather, polychrome silk.

Среди разных групп населения Саяно-Алтая второй половины I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. существовала традиция помещения в погребения уменьшенных копий или моделей предметов, в первую очередь предметов вооружения (Савинов, 2016). В Минусинской котловине эта традиция известна по памятникам сарагашенского и тесинского периодов, где она проявилась в изготовлении уменьшенных и совсем миниатюрных бронзовых кинжалов, чеканов, ножей, зеркал. У более позднего населения, оставившего таштыкские грунтовые могильники, традиция погребальных имитаций была распространена не менее широко, хотя представлена иными категориями вещей (Вадецкая, 1987). В могилы клали уменьшенные копии конских уздечек — железных удил, деревянных псалиев и ремешков, деревянные имитации поясных пряжек и ножен кинжалов, часто окрашенные в красный цвет и обложенные золотым листком. В могиле 4 Оглахтинского могильника найдено большое количество обработанных «палочек» и «щепочек», явно не случайных и, видимо, замещающих какие-то конкретные предметы. К проявлениям «погребального символизма» мож-

но отнести и куклы-манекены, какие бы более глубокие представления за ними ни стояли.

К числу сложных и детально исполненных погребальных моделей относится уникальный кожаный футляр с моделями лука, нагайки и оперенных древков стрел, найденный в 1969 г. в могиле 4 на Западном участке Оглахтинского могильника (Кызласов, 1992. С. 64–70) (рис. 1). Погребение датируется III–IV вв. н. э. (Панкова и др., 2010; Панкова et al., 2020). В полевом отчете Л. Р. Кызласова дано следующее описание этой находки: «У северной стенки вдоль левой ноги куклы № 2 лежал кожаный саадак (налучье вместе с колчаном для стрел). Саадак похож на горит скифского времени, край его оторочен ханьским шелком с иероглифами. С одной стороны — ременная петля для подвешивания. Внутри его модель лука, вырезанная из прутика, покрашенная красной краской. Снаружи к налучью пришит карман — колчан, в котором находились 5 моделей древков стрел с опереньем и вырезами для тетивы. Они окрашены в черный цвет, но с красным колечком. С ними вставлена модель нагайки — палочка с приклеенным ремешком. В особом кармане, рядом с кожаной петлей лежит еще какое-то изделие в виде палочки» (Кызласов, 1969. Л. 47–48).

Справедливо отмеченное автором раскопок сходство оглахтинской модели с горитом скифского времени, а также описанные ниже конструктив-

¹ 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 34. Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Адрес электронной почты: svpankova@gmail.com.

РИС. 1. Оглахтинский могильник, могила 4. Модель горита. Кожа, дерево, шелк, перо, золото.
 1, 2 – общий вид с лицевой и оборотной сторон; 3, 4 – детали с лицевой и оборотной сторон.
 © Государственный Эрмитаж, инв. № 2864/21. Фото П. С. Демидова

FIG. 1. Oglakhty cemetery, grave 4. Model of gorytus. Leather, wood, silk, feather, gold.
 1, 2 – general view from the face and rear sides; 3, 4 – details of the face and rear sides.
 © State Hermitage Museum, inv. No. 2864/21. Photo by P. S. Demidov

ные особенности этой находки позволяют называть ее моделью горита. На вероятное использование оглахтинцами сигмавидных луков скифского типа указывает фигура татуировки мужчины из той же могилы 4 (Панкова, 2011. Рис. V, 5). В целом данные о раннетащтыкских луках, налучьях и колчанах крайне скудны. Выделяющаяся на этом фоне информативность оглахтинской модели заставляет подробно остановиться на ее устройстве и деталях.

Модель представляет собой уплощенный кожаный футляр, состоящий из трех основных частей: налучья с деревянной палочкой-планкой, узкого отсека вдоль одной из сторон налучья и кармана для стрел. Длина короткой стороны горита составляет 34,5 см, длинной стороны — 42 см, ширина устья налучья — 15 см, толщина всей модели составляет от 1,5 до 4 см. Судя по конструкции, модель изначально делалась уплощенной, а не просто сплюснута в погребении, тем более что никакого серьезного давления на нее здесь не было. Модель имеет явно выраженные лицевую и оборотную стороны: на лицевой стороне находятся узкий отсек и карман для стрел, устье налучья здесь целиком окантовано шелком, тогда как на обороте окантовка неполная (рис. 1; 4).

Налучье — основа всего горита — это кожаный футляр подтреугольной формы с косо срезанным устьем. Лицевая и оборотная стороны налучья сохранились примерно на две трети высоты от верха. Нижняя часть налучья утрачена, форма дна неясна. Сохранившаяся здесь часть кармана для стрел, скорее всего, повторяла его очертания. Судя по форме кармана, весь футляр сужался книзу и мог иметь закругленное или тупое окончание.

Налучье сшито из двух кусков кожи — лицевой и оборотной, соединенных двойной сухожильной нитью по длинному (правому) краю и, видимо, продетыми в дырочки ремешками по короткому (левому) (рис. 2, 1, 2). Стык сторон налучья у левого края не виден, т. к. закрыт кожей узкого отсека и его загнутых на оборот краев. Заглянув под них, можно увидеть небольшой отрезок ровного срезанного края оборотной стороны налучья (рис. 1, 4; 3, 1 стрелка). Внизу левого края налучья, на его лицевой стороне имеется отверстие с ремешком и узелком, видимо, остатки соединения краев налучья (рис. 3, 5 черная стрелка).

Кожа лицевой стороны налучья шершавая, с отдельными волосками и со следами красной/малиновой краски (?), кожа оборотной стороны более гладкая, без волосков. Отличие подтверди-

лось исследованием наружной поверхности кожи налучья под микроскопом: кожа лицевой стороны является волосистой стороной шкуры северного оленя², кожа оборота — внутренней (мездровой) стороной шкуры. Судя по фотографиям сразу после раскопок, лицевая сторона налучья была покрыта редким коротким ворсом (рис. 3, 4).

Внутри налучья, вдоль его левого края находится деревянная **отесанная** палочка из ивы³ длиной 30 см. Большая часть ее скрыта под кожей, она выглядывает только сверху, в устье налучья (рис. 1, 3; 3, 4), и снизу, где кожа налучья разрушена (рис. 1, 2; 3, 5 зеленая стрелка). В верхней части палочка уплощена (сечение 0,7 × 0,4 см) и имеет сквозное поперечное отверстие диаметром 0,2 см, в которое продет кожаный ремешок, сшивающий детали горита (рис. 1, 3; 5, 1) (см. далее). В нижней части палочки, в 7 см от ее конца, есть еще одно отверстие (рис. 1, 2; 2, 2). Вероятно, оно также было предназначено для ремешков, скрепляющих разрушенные ныне части горита. Здесь палочка имеет размеры 1,0 × 0,6 см в сечении, а на конце немного сужается.

Деревянная палочка — это каркасная планка, актуальная для полновесных тяжелых горитов с луками и стрелами. Возможно, отверстия находились по всей длине оглахтинской планки, что можно предполагать, исходя из прошивки края горита кожаными ремешками (см. далее) (рис. 1, 3, 4; 5, 1).

Интересно устроено устье **налучья, имеющее декоративную окантовку**. К краю устья изнутри пришита полоса кожи шириной 2,5–3 см, обтянутая с одной стороны пятью кусочками полихромного шелка; их подвернутые внутрь края пришиты вровень с верхним обрезом кожи (рис. 4) (Панкова, Миколайчук, 2019). Однако окантовка охватывает лишь часть устья, так что деревянная планка оказывается за пределами кожаной-шелковой полосы. Последняя была подшита к устью налучья уже после «сборки» горита. Об этом свидетельствует тот факт, что шов, соединяющий верхний край

² Определение с. н. с. ОНТЭ ГЭ Е. А. Миколайчук, по мнению которой, поверхность кожи была обработана скребком для удаления волос, но не очень качественно, и часть оснований волос осталась. О принадлежности шкуры колчана меху северного оленя говорится и в самых первых публикациях, посвященных оглахтинским материалам (Riboud, 1971. P. 35; Riboud, Loubo-Lesnichenko, 1973. P. 142).

³ Здесь и далее определение древесины микроскопическим методом по признакам анатомического строения проведено в. н. с. ОНТЭ ГЭ к. б. н. М. И. Колосовой.

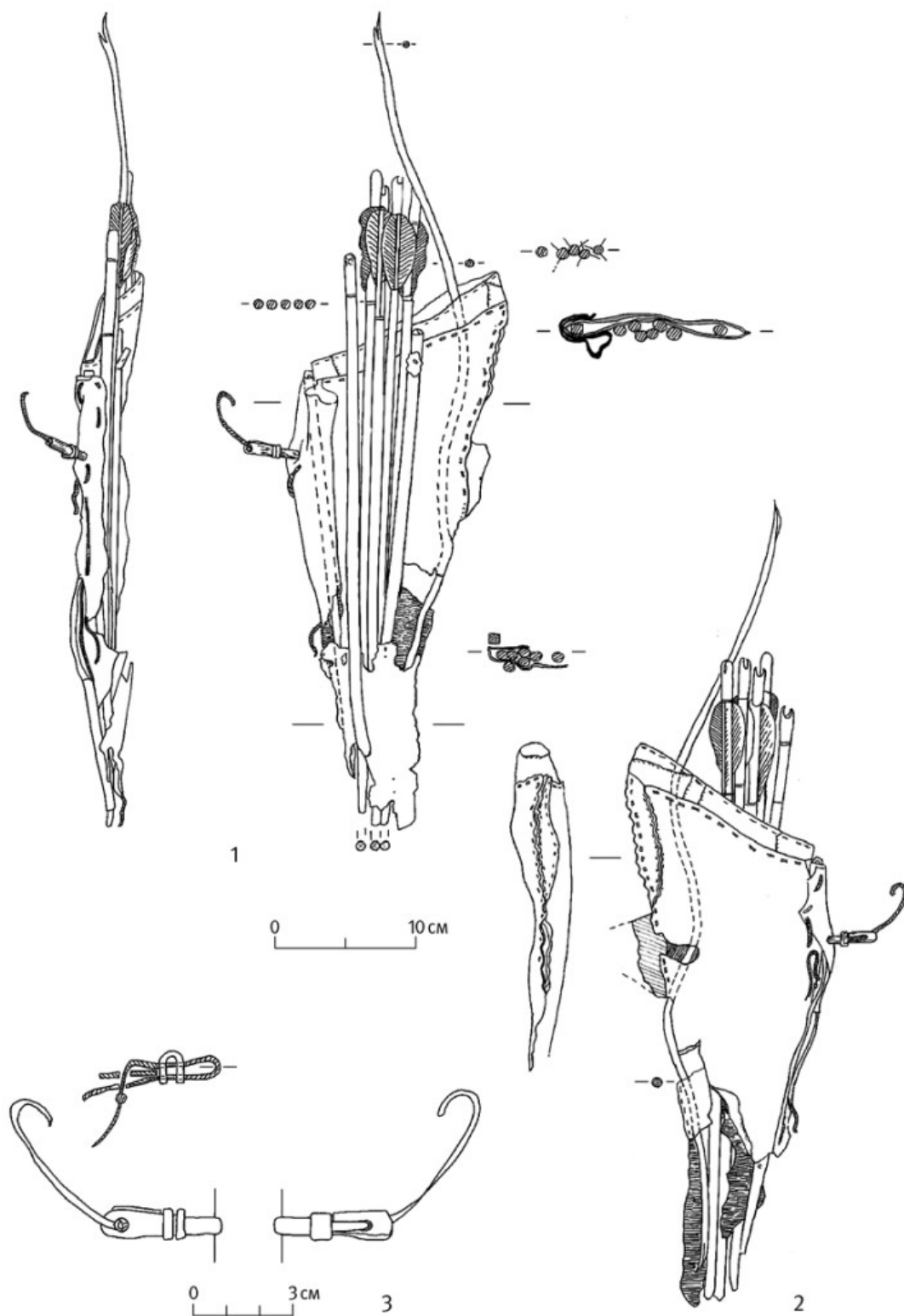

РИС. 2. Оглахтинский могильник, могила 4. Модель горита, прорисовка. 1 – лицевая сторона, вид боковой стороны с петлей, разрезы; 2 – оборотная сторона; 3 – деталь, петля для подвешивания. Рисунки А. О. Машезерской при участии С. Дж. Симпсона

FIG. 2. Oglakhty cemetery, grave 4. Model of gorytus, tracing. 1 – face side, view at the lateral side with the loop, sections; 2 – rear side; 3 – detail, suspension loop. Drawings by A. O. Mashezerskaya with participation of St J. Simpson

1

2

3

5

4

6

7

РИС. 3. Оглахтинский могильник, могила 4. Детали модели горита. 1 – боковой обрез кожи оборотной стороны налучья; 2 – линзовидная вставка в боковом шве налучья; 3 – оперение и раскраска древков; 4 – верхняя часть горита без древков; 5–7 – карман для стрел: 5 – вид со стороны деревянной палочки (зеленая *стрелка*), узелок ремешка в коже налучья (черная *стрелка*), ремешок в совпадающих отверстиях передней и задней стенок кармана (белая *стрелка*), реставрационный материал (красная *стрелка*); 6 – вид спереди, стрелки указывают на отверстия по краю кармана; 7 – вид спереди крупно, стрелки указывают на прошивку сухожильной нитью. 1–3, 5–7 – фото автора 2021 г.; 4 – фото 1970 г., Государственный Эрмитаж

FIG. 3. Oglakhty cemetery, grave 4. Details of the model of gorytus. 1 – lateral cutting of the leather of the rear side of the bowcase; 2 – lens-like insert in the lateral seam of the bowcase; 3 – feathering and painting of the shafts; 4 – upper part of the gorytus without the shafts; 5–7 – pocket for arrows: 5 – view from the side of the wooden stick (*green arrow*), knot of the strap in the leather of the bowcase (*black arrow*), strap in the coinciding holes of the front and rear walls of the pocket (*white arrow*), restoration material (*red arrow*); 6 – front view, *arrows* indicate the holes along the edge of the pocket; 7 – front view in large, *arrows* indicate the stitching with a tendinous thread. 1–3, 5–7 – photo of 2021 by the author; 4 – photo of 1970, State Hermitage Museum

налучья с полосой окантовки, на обороте пронизывает края кожи узкого отсека, уже присоединенного к налучью (рис. 1, 4).

Узкий кожаный отсек вдоль короткой стороны налучья сохранился на длину 21,5 см от верха, т. е. примерно на две трети высоты горита. Кожа узкого отсека тоньше, мягче и светлее, чем кожа налучья, тоже с остатками ворса, но без следов краски.

Узкий отсек имеет форму трубки (сейчас сплюсщенной) диаметром около 2 см и образован центральной частью сложенного пополам куска кожи, противоположные края которого соединены изнанка к изнанке (рис. 1; 2, 1, 2; 5, 1). Отсек-трубка расположен у края лицевой стороны налучья, а его соединенные края загнуты на оборотную сторону. Слои кожи узкого отсека и налучья прошиты по краю горита насквозь ремешками, которые одновременно присоединяют узкий отсек к налучью и определяют его трубчатую форму.

Не исключено, что и края налучья соединены между собой с помощью того же ремешка. На схеме-развертке (рис. 5, 1) показан его ход. Плоский ремешок шириной 0,2–0,3 см прошивает кожу узкого отсека и налучья вверху лицевой стороны горита (рис. 5, 1 синяя *стрелка*), проходит сквозь отверстие в деревянной планке, а потом сквозь слои налучья и краев узкого отсека на обороте; затем он делает стежок вниз и проходит на лицевую сторону горита сквозь те же слои кожи и, видимо, отверстие в палочке; после еще двух подобных стежков, насквозь прошивающих край горита, ремешок выходит на оборот, и здесь он оборван. Первые четыре сквозные прошива проходят, скорее всего, через отверстия в деревянной планке. Второй ремешок (или оторванная часть первого) фиксирует узкий отсек только с оборотной стороны, цепляясь за край кожи налучья и вряд ли про-

ходя сквозь планку. Он выходит изнутри налучья рядом с оборванным концом первого ремешка (рис. 5, 1 красная *стрелка*), прошивает края узкого отсека и делает длинный стежок вниз. Далее характер прошивки неясен: возможно, тот же ремешок продолжается вниз, делая еще один длинный стежок, но, может быть, это уже другой ремешок, выходящий из глубины налучья. Кожа соохлась, поэтому отвернуть ее или заглянуть внутрь, не повредив, невозможно, ремешки внутри не прощупываются.

Кожаный карман для стрел, имеющий переднюю и заднюю стенки, между которыми и вложены древки, сохранился на высоту 13–14 см; его нижняя часть утрачена, оборваны и края кармана справа (рис. 1, 1). Частично сохранились верхние и левые кромки обеих стенок кармана, позволяющие, несмотря на утраты, видеть в них его исходные края (рис. 3, 6, 7). Задняя стенка кармана была на 1–1,5 см выше передней. Боковые края кармана слева, сложенные изнанка к изнанке, были соединены тончайшим ремешком (0,1–0,2 см шириной), продетым в маленькие отверстия. Три таких отверстия сохранились на передней стороне кармана (рис. 3, 6, 7), и одно, с остатком ремешка – на задней (рис. 3, 5 белая *стрелка*).

Как соотносились меж собой карман для стрел и узкий трубчатый отсек – не совсем ясно, сохранность кожи обоих не позволяет судить о том, располагались они рядом или один поверх другого. Способ крепления кармана для стрел к налучью тоже неясен. Видно только, что маленькие сшивные отверстия кармана отличались от более крупных отверстий в коже узкого отсека и налучья, значит, более широкие ремешки, соединявшие налучье и узкий отсек, вряд ли могли быть использованы для присоединения кармана для стрел.

РИС. 4. Оглахтинский могильник, могила 4. Шелковая окантовка устья налучья. Фрагменты шелка (1–5): 1 – лицевая сторона; 2 – оборотная сторона. © Государственный Эрмитаж, инв. № 2864/21. Фото П. С. Демидова

FIG. 4. Oglakhty cemetery, grave 4. Silk edging of the mouth of the bowcase. Fragments of silk (1–5): 1 – face side; 2 – rear side. © State Hermitage Museum, inv. No. 2864/21. Photo by P. S. Demidov

Кожа кармана для стрел в целом похожа на кожу лицевой стороны налучья. По центру кармана вертикально проходит ряд мелких отверстий со следами прошивки двойной сухожильной нитью, назначение которой неясно (рис. 2, 1; 3, 7 стрелки). Небольшая высота кармана могла быть связана с миниатюрным, раздражательным характером горита. Вместе с тем карманы для стрел, достигающие лишь половины высоты налучья, встречаются у редких сохранившихся полновесных футляров (рис. 6, 1, 3).

На левом краю горита, на его торце расположена петля для подвешивания (рис. 1, 3, 4; 2). Она сделана из плоского ремешка, вдетого в отверстие-прорезь в коже узкого отсека. Деревянная планка,

как, похоже, и кожа налучья при этом не задействованы (что вряд ли было возможным у настоящего горита). Длина петли составляет 4 см, ширина ремешка у основания петли – 0,5–0,6 см, в расширенной закругленной части – 0,9 см.

На оба конца продетого в прорезь ремешка надето кожаная обойма – сложенный вдвое короткий плоский ремешок с поперечной прорезью в обоих концах; через эту прорезь продеты соединенные концы ремешка петли (рис. 2, 3). Один конец ремешка (с лицевой стороны горита) – короткий, широкий и округлый, другой (с оборота) – узкий и длинный. К широкому концу с внутренней стороны примыкает кусочек кожи с оборванными краями. Через совмещенные прорези в широком

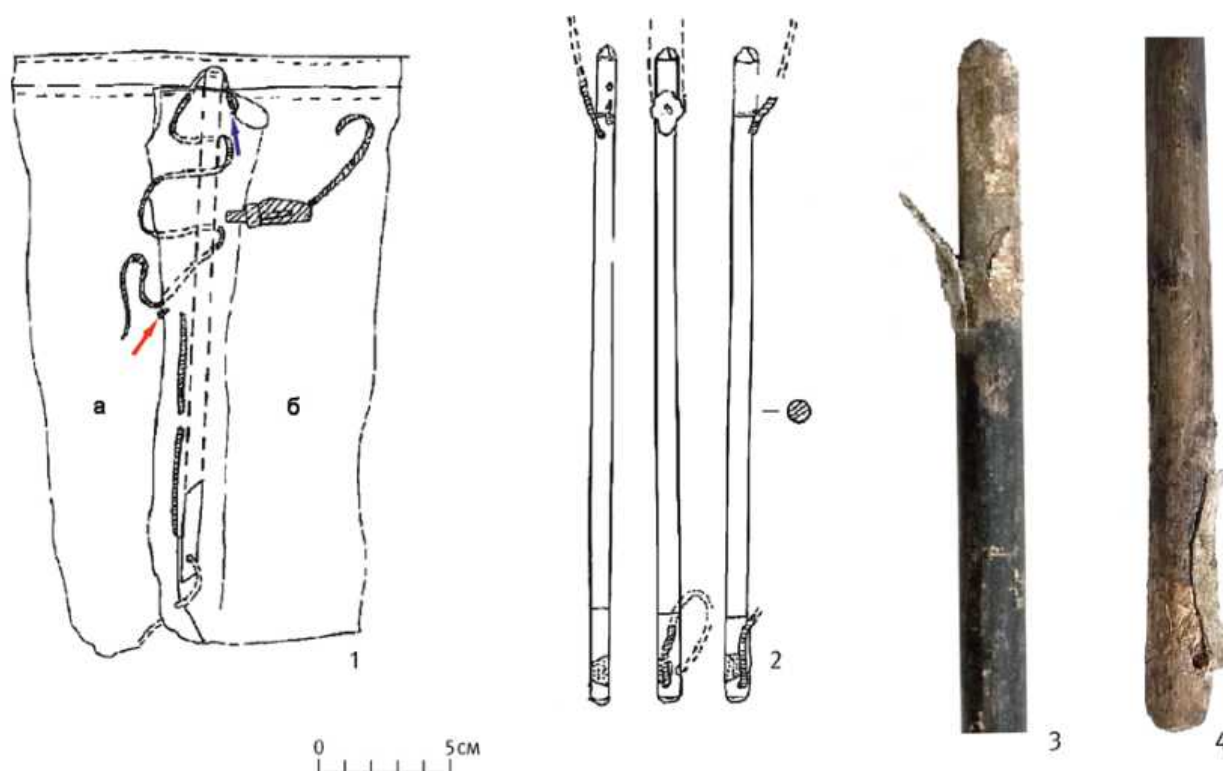

РИС. 5. Оглахтинский могильник, могила 4. 1 – схема прошивки ремешком края горита через кожу узкого отсека (а – оборотная сторона; б – лицевая сторона); 2 – модель нагайки; 3 – фрагмент модели нагайки со стороны хлыста; 4 – фрагмент модели нагайки со стороны петли. 1, 2 – рисунки А. О. Машезерской; 3, 4 – фото автора 2021 г.

FIG. 5. Oglakhty cemetery, grave 4. 1 – scheme of stitching of the edge of the gorytus with a strap through the leather of the narrow pocket (a – rear side; b – face side); 2 – model of the whip; 3 – fragment of the model of the whip from the side of the switch; 4 – fragment of the model of the whip from the side of the loop. 1, 2 – drawings by A. O. Mashezerskaya; 3, 4 – photo of 2021 by the author

конце ремешка и этом кусочке продет противоположный, узкий конец ремешка; на лицевой стороне он завязан узлом.

Похожая конструкция соединения кожаных деталей отмечена, судя по иллюстрации, у крепления клеветца (?) на ремне португалии из кургана 3 могильника Верх-Кальджин II (Молодин, 2000. Рис. 122, 1). К сожалению, ее текстовое описание не приводится. Однако изображение наводит на мысль, что и в оглахтинской модели лоскут кожи между двумя концами ремешка, составляющего петлю, – это остаток ремня, на котором был подвешен горит.

На противоположном, правом краю горита в боковой шов налучья вшиты две **кожаные вставки**. В верхнюю часть шва вставлен фрагмент кожи линзовидно-выпуклой формы (рис. 1, 2; 2, 2; 3, 2). Длина вставки составляет 9,5 см, ширина в средней части – 1,7 см. Края вставки приложены к краям

налучья изнанка к изнанке и сшиты швом вперед иголку двойной сухожильной нитью. Шов немного перетянут, и кожа собралась складками. Назначением вставки могло быть придание объема плоскому налучью. На гладкой поверхности вставки имеются следы красной/малиновой краски.

Ниже этой вставки, в том же боковом шве, помещена еще одна кожаная деталь (рис. 1, 1, 2; 2, 1, 2). Ее высота (вдоль шва) составляет 5,2 см, сохранившаяся ширина выступающей части – 1,5–2 см. Верхний и нижний края вставки выглядят исходными, а боковой край оборван. В центре оборванного края детали с обеих сторон – точечный след от железного предмета. С оборота виден внутренний край кожаной детали, которая была вставлена вглубь налучья на 1,3–1,5 см (рис. 1, 2; 2, 2). Судя по ее расположению и присутствию похожего «выступа» и у других редких сохранившихся горитов (см. далее), эта деталь не случайна и могла быть

связана с креплением горита — наряду с кожаной петлей у его противоположного края.

В основной отсек оглахтинского футляра вложена модель лука — М-образно изогнутый прут из стебля таволги (*Spiraea sp.*). Такая его форма видна на обороте горита в месте утраты кожи на лучья, а также по зафиксировавшим изгибы «кибита» деформации сохшейся кожи футляра (рис. 1, 1; 2; 2, 2). Длина «лука» составляет 58 см, толщина прута — 0,6–0,7 см (в средней части нижнего колена) и до 0,5 см на его концах. На обоих концах модели лука сделаны расщепления-вырезы для тетивы. Возможно, прут покрыт темно-красной краской.

С горитом найдены пять березовых древков стрел: одно длиной 39,5 см, другие — 47 см, диаметр у всех — 0,7–0,8 см. Все древки затесаны снизу на короткий (0,4 см) конус. Четыре длинных древка вложены в невысокий карман у основания горита (рис. 1, 1). У них сохранилось оперение из трех лопастей, каждая из которых представляет собой половину пера длиной 6,5–7 см, приклеенную за остевую часть к древку (рис. 3, 3; 4). Сразу под оперением на древках проведены красные поперечные линии шириной 0,2 см, нарисованные охрой⁴. Такие же линии проходят у верхнего края оперения, между лопастями. Окрашенные черной угольной краской окончания древков имеют выемки для тетивы. Длина древков позволяет считать их моделями. Вместе с тем толщина древков и тщательно приклеенное оперение позволяют предполагать, что для помещения в погребение были использованы настоящие обрезанные древки.

Короткое древко почему-то находится поверх кармана для стрел (рис. 1, 1): судя по прогибу продавленной им кожи и фотографиям, сделанным сразу после раскопок, это его изначальное положение. Оперение не сохранилось, однако, подобно другим древкам, его окончание выкрашено черным, и видны следы красных полосок (рис. 3, 3). Поверхность этого древка в его средней части имеет выраженный темно-малиновый оттенок; на других древках менее явный малиновый оттенок виден на их нижних окончаниях. Подобный малиновый цвет присутствует и на некоторых других деревянных предметах из оглахтинских погребений,

в частности блюдах и черпаках. Последние могли быть окрашены красителем, выделенным из марены⁵. Природу краски на древках еще предстоит выяснять.

Вместе с четырьмя древками в кармане находилась модель нагайки: палочка длиной 26,5 см и диаметром 0,8–0,9 см с отесанным на конус верхним и округло-тупым нижним концом (рис. 1, 1; 4, 1; 5, 2–4). Большая часть ее (кроме окончаний) окрашена черным. На верхнем конце сохранился лоскут кожи размерами 1,8 × 1,0 см, прошитый тонкой сухожильной нитью, обмотанной вокруг палочки и завязанной узелком (рис. 4, 1). Видимо, это остаток хлыста; на нем такие же следы малиновой «краски», что и на древках и коже налучья. Рядом, на уровне лоскута сохранились два маленьких фрагмента золотого листка, видимо, им было обтянуто неокрашенное окончание нагайки (рис. 5, 3). Остаток золотого листка сохранился и на противоположном конце нагайки. Здесь в сквозное отверстие вставлен кожаный ремешок шириной 0,3–0,4 см — остатки петли (рис. 5, 4).

Оглахтинская модель горита представляла собой красочный и тщательно сделанный предмет погребального инвентаря. Некоторая небрежность проявилась лишь в присоединении ремешка к петле, смещенной к самому краю горита. Однако впечатляют мельчайшие детали в проработке этой петли, а также аккуратно подшитые кусочки полихромного шелка (в Китае — ценнейшего материала!). Лицевая сторона горита и верхняя боковая вставка были окрашены в красный (малиновый?) цвет, окончания модели нагайки обтянуты золотой фольгой. Материалы и красители, использованные для изготовления оглахтинской модели, заслуживают дальнейшего изучения и отдельной публикации.

Хорошая сохранность оглахтинской модели и обилие деталей позволяют, несмотря на уменьшенные размеры и погребальный характер, предполагать в ней предмет, отражающий конструкцию полновесных таштыкских футляров для лука и стрел и соответствующие традиции создавшего ее населения. На территории Минусинской котловины сопоставить оглахтинскую модель не с чем — гориты не сохранились в других таштыкских, тагарских и тесинских захоронениях. На вероятное

⁴ Определение красок на древках стрел выполнено с. н. с. ОНТЭ ГЭ К. С. Чугуновой методами сканирующей электронной микроскопии с применением рентгеноспектрального анализа, оптической микроскопии.

⁵ Определение заведующей Лабораторией физико-химических исследований материалов ОНТЭ ГЭ Л. С. Гавриленко, выполненное микрохимическим, микроскопическим и масс-спектрометрическими методами.

использование доташтыкским населением Южной Сибири горитов с М-образными луками могут указывать бронзовые модели налучья и луков скифского типа – случайные находки (*Дэвлет*, 1966. Рис. 2), а также наскальные изображения (*Дэвлет*, 1966. Рис. 23; *Советова*, 2005. С. 78–79, рис. 29, В).

В других регионах Саяно-Алтая информации о горитах больше, т. к. их отдельные детали встречаются в погребениях. В захоронениях пазырыкской культуры неоднократно найдены деревянные каркасные планки, однако конструкция пазырыкских футляров все же неясна из-за плохой сохранности кожи или войлока. В. Д. Кубарев считал деревянные планки принадлежностью колчанов (*Кубарев*, 1981. С. 68), к колчану отнес деревянную планку из кургана 3 могильника Верх-Кальджин II В. И. Молодин (2000. С. 108); вопрос о горитах оставался нерешенным. Д. В. Поздняков и Н. В. Полосьмак, основываясь на тех же материалах, предложили уже реконструкцию горитов, в которых деревянные планки связаны с их основными отсеками – налучьями. Авторы привлекли для реконструкции пазырыкских футляров сохранившиеся гориты из могильника Субейси (Синьцзян), «состоящие из налучья с деревянными пластинами жесткости и пришитых к нему узких карманов – колчанов» (*Поздняков, Полосьмак*, 2000).

В Туве синхронные пазырыкским гориты не сохранились, а немногочисленные материалы предшествующего, раннескифского времени отличаются от описанных. Колчаны из курганов 1 и 2 могильника Сарыг-Булун не имели деревянных планок, налучья в погребениях не зафиксированы (*Килуновская и др.*, 2020. С. 385, 394, рис. 9; 12; 14; 18; 19). Находки из курганов Аржан-2 и Чингетей I реконструируются К. В. Чугуновым как двухчастные гориты, состоящие из отдельных налучья и колчана. Деревянная планка являлась деталью колчана, но ее могло и не быть, если основой горита было налучье из жесткой кожи. К. В. Чугунов отмечает конструктивное разнообразие горитов раннескифского времени, при этом выделяя отличные от саяно-алтайских одночастные (т. е. единые. – С. П.) гориты из Синьцзяна – описанные П. И. Шульгой экземпляры из Янхая II (*Чугунов*, 2016. С. 26–27, 31–32).

В недавней публикации материалов Янхая I–III приведены фотографии и прорисовки как многочисленных деревянных планок с отверстиями и продетыми в них ремешками, так и самих фрагментов кожаных футляров (*Report*, 2019. Vol. II.

Рис. 840, 10; 987, 9; Vol. III, табл. 226). Однако среди них нет полностью сохранившихся экземпляров, что затрудняет понимание их устройства.

Лучше сохранились гориты из могильника Субейси V–III вв. до н. э., о двух из которых удалось составить представление. Они демонстрируют наибольшее сходство с оглахтинской моделью. Это футляры из мог. 10 Субейси I (**рис. 6, 1**) и из Субейси III (**рис. 6, 4**)⁶. Материалы могильника Субейси полностью не изданы, поэтому приходится довольствоваться отдельными доступными публикациями и рисунками. Удалось соотнести схематичный рисунок горита из Субейси I (*Шульга*, 2010. С. 101, рис. 70, 4) с фотографиями, сделанными на экспозиции в Музее Синьцзян-Уйгурского автономного района (г. Урумчи). На фотографии 2013 г. горит повернут к зрителю «выступом-вставкой» (**рис. 6, 2**), а на снимке 2019 г. – уже противоположной стороной, где находятся ремешки крепления к портупее и деревянная планка (**рис. 6, 3**).

Основой обоих футляров является налучье, к лицевой стороне которого пришиты узкие карманы для стрел. В горите из Субейси I видна деревянная планка: ее внешняя дуговидная часть открыта, а внутренняя скрыта под кожей (**рис. 6, 3**). Возле устья горита в планке имеется отверстие, через которое продет тонкий кожаный ремешок. Судя по этим фотографиям, планка, скорее всего, крепится к налучью как основе горита, представляя общее для всего изделия ребро жесткости. В горите из Субейси III планку не видно, но ее присутствие предполагает ременная петля, прочность крепления которой могла быть обеспечена только фиксацией за планку; кроме того, вдоль этого края много обрывков тонких ремешков – видимо, от прошивки (**рис. 6, 4**). Описанные особенности горитов из Субейси характерны и для оглахтинской модели: налучье как основа горита с узкими карманами для стрел, наличие деревянной каркасной планки, прошивка края горита ремешками, ременная петля в прорези у планки.

Показательна еще одна общая черта футляров из Оглахты и Субейси – выступ-вставка в боковом шве. Во вставке горита из Субейси I виден соеди-

⁶ Согласно разным публикациям, горит из Субейси III происходит из могилы 2 (*Zhou, Song*, 1998. P. 104, 254, fig. 26), могилы 10 (*Wieczorek, Lind*, 2007. Kat. 82) или могилы 127 (*Qi, Wang*, 2008. P. 107, fig. 8). На иллюстрациях в этих изданиях горит развернут по-разному. На **рис. 6** настоящей публикации горит показан подобно другим предметам такого рода – планка и петля расположены слева.

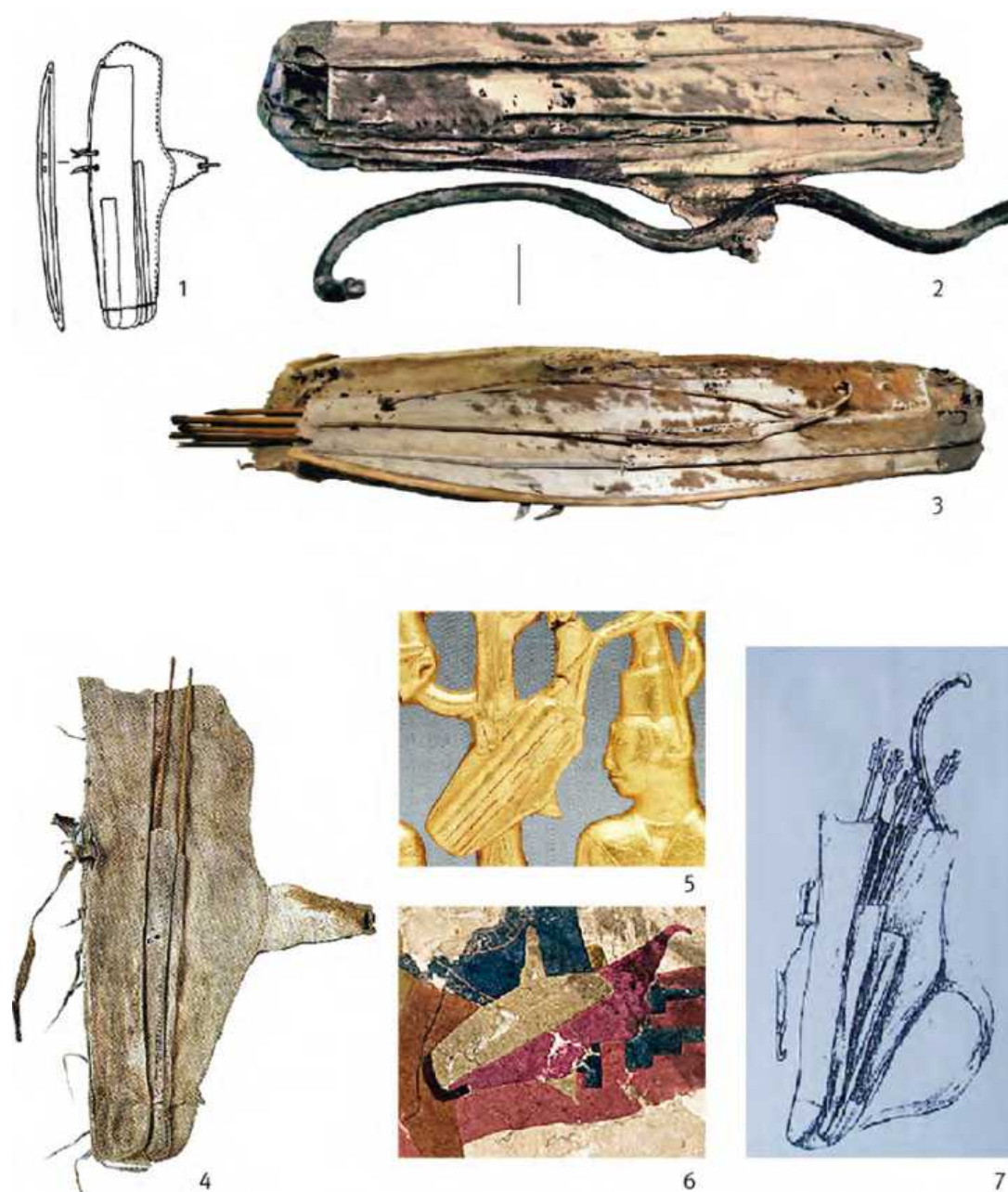

РИС. 6. Аналогии модели горита из Оглахтинского могильника. 1-3 – горит из Субейси I, могила 10, кожа/ мех, дерево (1 – прорисовка по: Шульга, 2010. Рис. 70; 2 – фото автора 2013 г. на экспозиции в Музее Синьцзян-Уйгурского автономного района (г. Урумчи); 3 – фото К. В. Чугунова 2019 г., там же); 4 – горит из Субейси III, кожа, дерево, железо (по: *Xinjiang*, 2011. P. 182); 5 – горит на золотой пластине из Сибирской коллекции Петра I «Сцена под деревом» (по: Алексеев, 2012. Фото на с. 36); 6 – горит на войлочном ковре из 5-го Пазырыкского кургана (по: Руденко, 1968. Рис. 50); 7 – рисунок горита из Субейси, № могилы не указан (по: Lü, 2006. Рис. 10 на с. 244)

FIG. 6. Parallels to the model of gorytus from the Oglakhty cemetery. 1-3 – gorytus from Subeixi I, grave 10, leather/ fur, wood (1 – tracing after Шульга, 2010. Рис. 70; 2 – photo of 2013 by the author at the exhibition in the Museum of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region (city of Urumchi); 3 – photo of 2019 by K. V. Chugunov, Ibid); 4 – gorytus from Subeixi III, leather, wood, iron (after *Xinjiang*, 2011. P. 182); 5 – gorytus on gold plate from the Siberian Collection of Peter I “Scene under a tree” (after Алексеев, 2012. Photo in P. 36); 6 – gorytus on a felt carpet from the 5th Pazyryk barrow (after Руденко, 1968. Рис. 50); 7 – drawing of a gorytus from Subeixi, grave no. is unspecified (after Lü, 2006. Fig. 10 on P. 244)

нительный элемент — ремешок (рис. 6, 7). Такую соединительную роль мог выполнять и железный предмет (крючок? скоба?), корродированный след от которого остался во вставке оглахтинской модели. У горита из Субейси III край вставки оборван, а на любительском рисунке, передающем, на мой взгляд, именно этот футляр, на ее месте показан широкий и длинный ремень (рис. 6, 7). Реальность этого ремня предстоит еще выяснить, но «выступы-вставки» действительно могли быть связаны с дополнительным креплением горита.

Подобные характерные «выступы» представлены и в изобразительных памятниках. Горит всадника с войлочного ковра из 5-го Пазырыкского кургана подвешен за пару ремешков, а с противоположной стороны показана треугольная деталь, исполненная войлоком того же цвета, что и ремешки подвеса (рис. 6, 6). Такие же пара ремешков и треугольная деталь напротив них изображены на золотой бляхе со «Сценой под деревом» из Сибирской коллекции Петра I (рис. 6, 5). Оба изображения относятся к тому же периоду, что и гориты из Субейси, и представляют их прямые аналогии. При наличии «выступа-вставки» на нескольких горитах и их изображениях свидетельствует о неслучайном характере этой детали. Обладавшая ею оглахтинская модель, учитывая и другие ее черты сходства с горитами из Субейси, относилась, по-видимому, к той же конструктивной традиции.

Сказанное позволяет предполагать, что и полностью раннеташтыкские гориты — оригиналы для оглахтинской модели — могли быть конструктивно подобны рассмотренным находкам из Субейси. Если так, то население Минусинской котловины III–IV вв. н. э. продолжало использовать архаичный тип футляра для лука и стрел скифского типа. К этому времени во многих районах Центральной Азии использовались уже луки хуннского или «кушано-сасанидского» типа и соответствующие им гориты, облик которых известен по изображениям (рис. 7, 1, 2) и находкам в бассейне Тарима (рис. 7, 3, 4). Подобными луками и соотносимыми с ними горитами пользовались, вероятно, и тесинское население Минусинской котловины, обладавшее культурой хуннского типа (Савинов, 2009). Правда, ничего конкретного о луках «тесинцев» не известно, видимо, их не клали в погребения. Тем не менее, с учетом таких предшественников и соседей архаичность таштыкского вооружения смотрится еще более удивительно. Изображения на деревянных плакетках из тепсейского и ташебинского склепов,

передающие воинов с луками и горитами скифского типа (Панкова, 2011. Рис. 1), не позволяют объяснить архаичность оглахтинской модели ее миниатюрным характером. Похоже, таким оружием действительно пользовались; возможно, архаичные по конструкции, по сути луки и гориты таштыкцев были еще вполне эффективными.

Если конструкция горитов из Субейси была «эпохальной» и характерной помимо скифоидных культур Синьцзяна и Горного Алтая для сарагашенского населения Среднего Енисея, тогда для таштыкцев она могла быть наследием местной, тагарской традиции. С другой стороны, горитами типа Субейси могли пользоваться и те переселенцы из Центральной Азии, появление которых в Минусинской котловине привело, по существующему мнению, к сложению таштыкской культуры. Серия параллелей в материалах из таштыкских грунтовых могильников и памятников бассейна р. Тарим (Панкова, 2020) позволяет предполагать, что в числе переселенцев были носители культурных традиций с территории Восточного Туркестана или соседних областей.

Важно отметить, что если конструктивно оглахтинская модель тяготеет к материалам еще скифского времени, то ее декоративное оформление — оторочка полихромным шелком — представляет уже новый элемент, известный также у населения Таримского бассейна II–IV вв. н. э. Кожаное налучье из «аристократической» мог. 8 в Ние (95MNI) было оторочено полихромным шелком подобно оглахтинской модели (рис. 7, 4⁷). Удивительно, что в обоих погребениях: в Ние и оглахтинском, — находились и однотипные шелковые ткани с узором «в виде шкуры тигра» (Zhao, Yu, 2000. P. 87, No. 42; Панкова, Миколайчук, 2019. Рис. 4, 4; 8, 8). Из Нии происходят и кожаные ножны кинжалов, по форме близкие таштыкским моделям (Тетерин, Готлиб, 2006), и даже изображения животных, сопоставимые с фигурой из таштыкской могилы Черноозерного II (Готлиб, 2006; Панкова, 2020). Все это позволяет думать, что какие-то элементы культуры были общими для таштыкцев и населения бассейна Тарима или, по крайней мере, знакомы таштыкцам.

С другой стороны, вполне вероятно, что китайский полихромный шелк периодов Хань–Цзинь пользовался спросом и у других групп степного

⁷ На фотографии это полоса бордового цвета, оторванная от верха налучья.

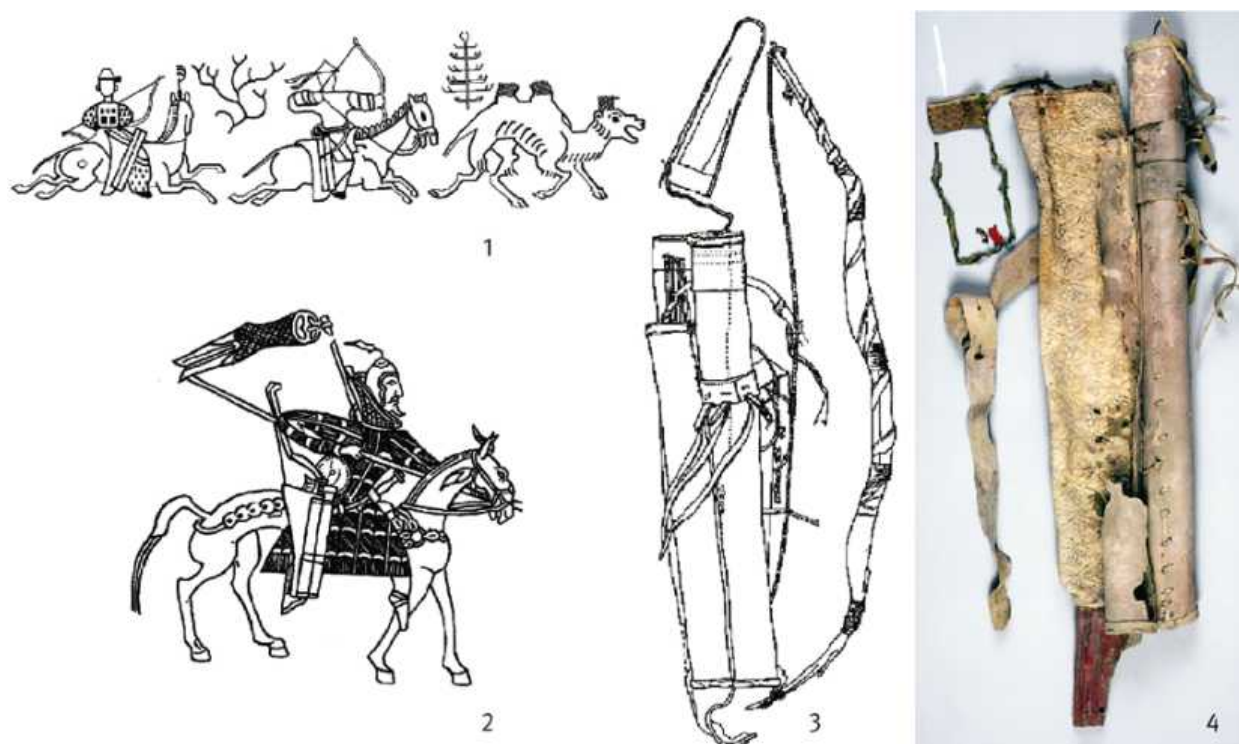

РИС. 7. Изображения и находки горитов первой половины I тыс. н. э. 1 – прорисовка-реконструкция изображения на ткани из Нии, могила 8 (по: Niya site, 1999. Vol. 2); 2 – прорисовка воина с Орлатской пластины (по: Никонов, Худяков, 1999. Рис. 4, 2); 3 – горит из Нии, могила 3 (по: Niya site, 1999, Vol. 2); 4 – горит из Нии, могила 8, стрелка указывает на шелк оторочки (по: Zhao, Yu, 2000. P. 49, no. 15)

FIG. 7. Representations and finds of goryti of the first half of the 1st millennium AD. 1 – tracing/reconstruction of a representation on a textile from Niya, grave 8 (after Niya site, 1999. Vol. 2); 2 – tracing of a warrior from the Orlat plate (after Никонов, Худяков, 1999. Рис. 4, 2); 3 – gorytus from Niya, grave 3 (after Niya site, 1999. Vol. 2); 4 – gorytus from Niya, grave 8, the arrow points to the silk of the edging (after Zhao, Yu, 2000. P. 49, no. 15)

населения Центральной Азии. Полихромные ткани и вышивки в изобилии появлялись у высшей знати хунну, а часть этих ценностей расходилась по подчиненным. В первой половине I тыс. н. э. местное население Восточного Туркестана получало шелк в обмен на зерно и другие товары для китайских военных поселенцев, полихромные ткани присылались правителям местных княжеств (Хансен, 2014. С. 78–79). Фрагменты тканей из этих источников могли появляться и на соседних степных территориях, формируя вкус к такого рода экзотике, хотя пока их присутствие отмечено только в Оглахтинском могильнике Минусинской котловины.

Будучи архаичной для своего времени по конструкции, в оформлении модель оглахтинского горита отвечала современным ей тенденциям – таримским или степным. Трудно сказать, распространялся ли подобный «эkleктизм» на полновесные таштыкские гориты или использование шелка отличало именно погребальные принадлеж-

ности, учитывая важность этой стороны жизни для таштыкцев. Присутствие полихромного шелка могло также указывать на достаточно высокий статус погребенных в Оглахтинском могильнике, несмотря на преобладание в его погребениях изделий из «простой» органики – дерева, кожи и меха. Вопросы, возникающие при рассмотрении модели горита из Оглахтинского могильника, оставляют широкое поле для размышлений и дальнейших исследований.

Благодарности. Сердечно благодарю А. О. Машезерскую за выполнение рисунков модели горита и участие в обсуждении ее конструктивных особенностей. Я также признательна д-ру С. Дж. Симпсону (Британский музей), принимавшему участие в таких обсуждениях на начальном этапе работы. Благодарю д-ра П. Вертманна (Цюрихский университет) за помощь при работе с китайской литературой. Все возможные неточности или ошибки, естественно, мои. Приношу искреннюю благодарность кол-

легам из Отдела Научно-технологической экспертизы Государственного Эрмитажа, результаты исследований которых приведены в публикации: М. И. Колосовой, Е. А. Миколайчук, К. В. Чугуновой, Л. С. Гавриленко. Благодарю с. н. с. ОАВЕС Государственного Эрмитажа К. В. Чугунова за любезное предоставление фотографии горита из Субейси III,

мог. 10 для работы и публикации. Я очень признательна художнику-реставратору Лаборатории научной реставрации предметов из органических материалов Государственного Эрмитажа Е. А. Чеховой за терпеливое приведение в порядок хрупкого экспоната после его изучения.

Литература и источники

- Алексеев, 2012 — Алексеев А. Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 271 с.
- Вадецкая, 1987 — Вадецкая Э. Б. Модели оружия таштыкской эпохи // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред.: В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1987. С. 67–75.
- Дэвлет, 1966 — Дэвлет М. А. Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакасии // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 70–74.
- Готлиб, 2006 — Готлиб А. И. Новые сюжеты таштыкского искусства (предварительная публикация) // Современные проблемы археологии России: Матлы ВАС (23–28 октября 2006 г.) / Отв. ред.: А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 2. С. 78–80.
- Килуновская и др., 2020 — Килуновская М. Е., Семёнов В. А., Бусова В. С., Мустафин Х. Х., Альборова И. Э., Мацвай А. Д. Уникальное захоронение ребенка раннескифского времени на могильнике Сарыг-Булуң (Тува) // Stratum plus. 2020. № 3. С. 379–406.
- Кубарев, 1981 — Кубарев В. Д. К интерпретации предмета неизвестного назначения из кургана 1 памятника Туэкта (Горный Алтай) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1981. С. 65–74.
- Кызласов, 1969 — Кызласов Л. Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции Московского Государственного Университета в 1969 г. // НОА ИА РАН. Р-1, № 4010.
- Кызласов, 1992 — Кызласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992. 224 с.
- Молодин, 2000 — Молодин В. И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана № 3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий / Отв. ред.: А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 86–119.
- Никонов, Худяков, 1999 — Никонов В. П., Худяков Ю. С. Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. С. 141–156.
- Панкова, 2011 — Панкова С. В. Воины таштыкских миниатюр: возможности атрибуции // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова / Отв. ред.: В. В. Бобров и др. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 118–141. (Тр. САИПИ; Вып. VII).
- Панкова и др., 2010 — Панкова С. В., Васильев С. С., Дергачев В. А., Зайцева Г. И. Радиоуглеродное датирование Оглахтинской гробницы методом “wigggle matching” // АЭАЕ. 2010. Вып. 2. С. 46–56.
- Панкова, Миколайчук, 2019 — Панкова С. В., Миколайчук Е. А. Китайские шелковые ткани из Оглахтинского могильника (раскопки 1969 г.) // Искусство древнего текстиля. Методы изучения, сохранность, реконструкция. Archaeology in China and East Asia, 2020. Vol. 7 / Отв. ред.: И. И. Елкина и др. Moscow; Berlin: Nünnerich-Asmus Verlag & Media GmbH, Openheim am Rhein, 2019. С. 108–141.
- Поздняков, Полосьмак, 2000 — Поздняков Д. В., Полосьмак Н. В. Всадники, натягивающие лук // АЭАЕ. 2000. № 3. С. 75–81.
- Руденко, 1968 — Руденко С. И. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. М.: Искусство, 1968. 133 с.
- Савинов, 2009 — Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб., 2009. 226 с.
- Савинов, 2016 — Савинов Д. Г. Кинжалы-«вкладыши» в пазырыкской культуре Горного Алтая // ТПАИ. 2016. Вып. 1 (13). С. 19–30.
- Советова, 2005 — Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 139 с.
- Тетерин, Готлиб, 2006 — Тетерин Ю. В., Готлиб А. И. Модели кинжалов таштыкской культуры // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2006. Т. 5, вып. 3: археология и этнография (приложение 2). С. 141–149.
- Хансен, 2014 — Хансен В. Великий шелковый путь. Торговые маршруты через Среднюю Азию. Китай – Согдиана – Персия – Левант / Пер. с англ. С. А. Белоусова. М.: Центрполиграф, 2014. 477 с.
- Чугунов, 2016 — Чугунов К. В. Лук и горит у номадов Центральной Азии в скифское время // История оружия и военного дела. Запорожье, 2016. № 1, ч. 1: Эпоха раннего железного века. Запорожье. С. 24–44.
- Шульга, 2010 — Шульга П. И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.
- Lü, 2006 — Lü Enguo. Subeixi fajue zhuyao shouhuo [Main achievements from the excavations of Subeixi] // Tulufan xue xinlun [New views on Turfan studies] / Ed. Yin Qing. Xinjiang People's Press, 2006. P. 239–252 (in Chinese).
- Niya site, 1999 — Zhong Ri gong tong Niya yi ji xue shu diaocha bao gao shu [The Sino-Japanese Joint Research of the Niya Site – Scientific report]. Urumqi, 1999 (in Chinese).
- Pankova, 2020 — Pankova S. Mummies and mannequins from the Oglakhty cemetery in Southern Siberia // Masters of the steppe: the impact of the Scythians and later nomad societies of Eurasia. Proceedings of a con-

- ference held at the British Museum, 27–29 October 2017 / Eds St J. Simpson, S. Pankova. Oxford: Archaeopress, 2020. P. 373–396.
- Pankova et al., 2020 – Pankova S., Long T., Leipe Ch., Tarasov P. E., Wagner M. Oglachty, Russland – Die Menschen von Oglachty in Südsibirien: Welchen Platz hatten sie in der Geschichte Eurasiens im frühen ersten Jahrtausend n. Chr.? // e-Forschungsberichte des DAI 2020, 2.
- Qi, Wang, 2008 – Qi X., Wang B. (eds.). Sichou Zhilu: Xinjiang gudai wenhua [The ancient culture in Xinjiang along the Silk Road]. Wulumuqi: Xinjiang remin chubanshe, 2008.
- Report, 2019 – *Turfan Administration of Cultural Relics*, Xinjiang Institute of Cultural Relics and Archaeology, Academia Turfanica, Turfan Museum. Xinjiang Yanghai Mudi [Xinjiang Yanghai Cemetery / Report of archaeological excavations at Yanghai cemetery]. Vol. I–III. Beijing: Wenwu Press, 2019 (in Chinese).
- Riboud, 1971 – Riboud K. New soviet finds at Oglakhty and their analogy to Aurel Stein textiles – Han period // Bulletin de Centre International d'Etude des Textiles Anciennes. 1971. Vol. II (34). P. 30–38.
- Riboud, Loubo-Lesnichenko, 1973 – Riboud K., Loubo-Lesnichenko E. Nouvelles découvertes soviétiques a Oglakty et leur analogie avec les soies façonnées polychromes de Lou-Lan – dynastie Han // Arts Asiatiques. 1973. Vol. XXVIII. P. 139–164.
- Xinjiang, 2011 – *Xinjiang Weiwu'er zi zhi qu wen wu ju* (ed.). Si lu gui bao [Silk Road Treasures]. Ürumqi: Xinjiang Renmin, 2011. 364 p.
- Wieczorek, Lind, 2007 – Wieczorek A., Lind Ch. (eds.). Ursprünge der Seidenstraße: Sensationelle Neufunde aus Xinjiang, China. Stuttgart and Mannheim: Theiss and Reiss-Engelhorn-Museen, 2007.
- Zhao, Yu, 2000 – Zhao F., Yu Zh. (eds.). Legacy of the desert king: textiles and treasures excavated at Niya on the Silk Road. Hangzhou: China National Silk Museum; Urumqi: Xinjiang Institute of Archaeology; Hong Kong: ISAT, 2000.
- Zhou, Song, 1998 – Zhou X., Song W. (eds.). Archaeological treasures of the Silk Road in Xinjiang Yugur Autonomous region. Shanghai Translation Publishing House, 1998.

Model of a gorytus from the Oglakhty Cemetery

S. V. Pankova

In grave 4 of the flat-grave cemetery of Oglakhty (excavated by Leonid R. Kyzlasov, Tashtyk culture), there was a unique funerary model of a gorytus – miniature leather bowcase with external pockets for arrows and inserted models of bows, feathered arrow shafts and a *nogayka* whip (Fig. 1). The model presented a distinctive and spectacular object (Fig. 4); the tips of the whip were plated with gold foil (Fig. 5, 3, 4). This paper is the first to consider in detail the design of the Oglakhty model. The good state of preservation and the abundance of the details allow us to consider it as an object retaining the construction of the real Tashtyk cases for bows and arrows of the 1st–4th century AD the data on which is very scarce. The Oglakhty model shows considerable resemblance to the also well preserved goryti of the 5th–3rd century BC from the cemetery of Subeixi in East Turkistan (Fig. 6, 1–4). Among the common construction

features there is the function of the case as the base of the gorytus, the presence of a wooden frame planking, small sewn-on pockets for arrows, stitching of the edge of the gorytus with straps, a belt suspension loop in the slot near the plank, and a 'projection/insert' in the opposite lateral seam. Thus, the Oglakhty model, in terms of its construction, belonged to goryti of the Scythian type. One can assume that also the real early Tashtyk goryti belonged to the same tradition, although already archaic one for their time considering the bows and goryti of new types distributed in the first half of the 1st millennium AD (Fig. 7). The design of the Oglakhty model might have been either a heritage of the Tagar epoch or linked with the Central-Asiatic migrants of the beginning of the new era. By contrast to the construction, the decorative design of the model, i. e. the edging with polychromatic silk, corresponded to its time.

Возможности методических подходов к изучению средневековой торевтики малых форм Саяно-Алтая

Г. Г. Король¹

Аннотация. В статье рассмотрены сравнительно-типологический, естественнонаучный и комплексный методы в изучении раннесредневековой торевтики малых форм Саяно-Алтая. Характерная орнаментация позволяет рассматривать ременные украшения всадника в качестве основы решения научных задач: хронологических, сравнительно-культурных, этнокультурных и др. Все подходы дают свой позитивный результат, а комплексный подход выводит на более широкий спектр задач и возможностей их решения.

Annotation. This paper considers methodological approaches (comparative-typological, natural scientific and interdisciplinary) in the researches of the early mediaeval toreutics of small forms in Sayan-Altay. The characteristic ornamentation allows us to consider horsemen's belt decorations as a basis for solution of different scientific problems, namely the chronological, comparative-cultural, ethnocultural ones, etc. All these approaches yielded their own positive results, but the interdisciplinary method leads to a wider spectrum of the problems and possibilities of their solutions.

Ключевые слова: Саяно-Алтай, раннее средневековье, ременные украшения, цветной металл, методы исследования.

Keywords: Sayan-Altay, the Early Middle Ages, belt ornaments, non-ferrous metals, research methods.

В раннем средневековье так называемая торевтика малых форм, а именно художественные изделия из цветного металла, представленные преимущественно ременной гарнитурой всадника, — одна из самых распространенных категорий предметов материальной культуры разных народов Саяно-Алтая и прилегающих территорий. Украшения коня, всадника и его снаряжения имели разнообразие формы в стиле «тюркской моды», проникшей во многие культуры населения горно-степной зоны Евразии. Литые изделия покрыты разнообразным декором в стиле так называемого степного орнаментализма или «орнаментализма нового степного стиля» (Федоров-Давыдов, 1976. С. 62). В каждом значительном по размерам регионе горно-степной зоны, а также в сравнительно небольших регионах внутри одного крупного (например, Саяно-Алтай), этот стиль имел свои особенности. Декор наиболее разнообразных и ярких видов характерен для ременных украшений конца I — начала II тыс. в культурах Саяно-Алтая и прилегающих территорий, особенно второй половины IX — начала X в. Это период так называемого кыргызского великодержавия — краткосрочного в историческом масштабе выхода енисейских кыргызов на политическую арену Центральной Азии и, соответственно, широких контактов с разными на-

родами и государствами (подробнее см.: Кляшторный, Савинов, 2005. С. 263–265).

Цель настоящей статьи — рассмотреть методические подходы к изучению или привлечению к сравнению торевтики малых форм Саяно-Алтая и прилегающих территорий в раннем средневековье на основе ряда научных работ, в которых активно использовался этот материал. Кроме того — обозначить возможности того или иного подхода в решении поставленных исследователями научных задач.

Сравнительно-типологический подход

Дмитрий Глебович Савинов, ученый с хорошо известной широтой и глубиной охвата любой проблемы, за исследование которой он берется, не обошел стороной и раннесредневековые поясные и сбруйные украшения народов Южной Сибири (в нашем понимании шире — Саяно-Алтая) и их соседей. Эти предметы (и особенно их декор), как и другие элементы материальной культуры (в основном составляющие погребальный инвентарь), были им положены в основу выделения не только хронологических этапов конкретной культуры (например, алтае-телеских тюрков, кимаков, енисейских кыргызов), но и локальных территориальных вариантов культуры в пределах одного хронологического этапа. Так, для строткинской археологической культуры (IX — середина XI в.) выделено три основных варианта. Для культуры енисейских

¹ 117292, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19. Институт археологии РАН. Центр палеоискусства. Адрес электронной почты: ggkorol08@rambler.ru.

кыргызов IX–X вв. (периода упомянутого «великодержавия») — два варианта, связанные с основной территорией проживания кыргызов на Среднем и Верхнем Енисее, и ряд других — на Алтае и прилегающих территориях, вплоть до Прибайкалья (Савинов, 1984; 1989; 1994; Кляшторный, Савинов, 2005). Созданные ученым на основе проработки огромного фактического материала таблицы с рисунками предметов, характерных для вариантов культур, служат уже не одно десятилетие подспорьем и «шпаргалкой» для других исследователей. Таблицы не отличаются детализацией по всем категориям предметов, но включают образцы, наиболее характерные для конкретного периода или варианта. При этом даны отсылки к памятникам и публикациям, т. е. все данные проверяемы и безукоризненны по своей подаче.

С течением времени появляются новые материалы, что позволяет исследователям уточнять некоторые выводы Д. Г. Савинова. Например, прибайкальский вариант — его соотнесение с собственно культурой енисейских кыргызов подвергается сомнению (Харинский, 2003). Красноярско-канский вариант к северу от основного ареала культуры был выделен на основе материалов лишь трех–четырёх памятников и отдельных предметов из сборной коллекции случайных находок, и характерный декор ременных украшений был важнейшей основой (с учетом погребальной обрядности) для обоснования такой версии (Савинов, 1984. С. 96–97). Новые, пока немногочисленные данные, подтверждающая правильность выделения особого локального варианта культуры, все же дают возможность говорить о том, что его нельзя отнести только к енисейским кыргызам. И в этом случае декор ременных украшений особенно важен для обоснования такой позиции. Интерес представляют не только неизвестные в культуре енисейских кыргызов мотивы и композиции, но главное — совершенно иные особенности иконографии даже популярных у них мотивов. В совокупности с некоторыми другими данными новые материалы позволяют полагать, что они относятся к местному населению — воинам кыштымам², участвовавшим в военных походах енисейских кыргызов периода «великодержавия», или их потомкам, возвращавшимся на свою родину (Король, Фокин, 2020; Фокин, 2021).

² Этносоциальный термин для обозначения вассального населения, использовался енисейскими кыргызами по отношению к зависимым данникам.

Нельзя сказать, что Дмитрий Глебович Савинов специально и досконально изучал раннесредневековую тюрвтику малых форм Саяно-Алтая и прилегающих территорий, но он ее прекрасно знал и, применяя классические методы (сравнительно-типологический, хронологический, а также метод аналогий) в своих упомянутых выше историко-археологических исследованиях, плодотворно использовал этот материал для поставленных перед собой задач. Высказывается мнение, что исследовательский подход с опорой только на погребальный инвентарь и особенно на такой тип предметов, как украшения, на которые быстро меняется мода, непропорционален, и, прежде всего, нужно опираться на погребальный обряд. Смещение исследовательского акцента позволяет авторам выдвинуть иные гипотезы (Адамов, 2000. С. 83; Скобелев, Митко, 2007. С. 217–219). Заметим, что погребальный обряд Д. Г. Савиновым учитывался, но упор действительно сделан на погребальный инвентарь. Подчеркнем все же, что для культур Саяно-Алтая, особенно конца I — начала II тыс., именно ременные украшения с их разнообразными формами и развитым декором как раз и могли служить основой для выделения хронологических и территориальных вариантов культур. Это в некоторой степени особая ситуация, отражавшая историко-политический аспект жизни в регионе, связанный с соперничеством и соседством тюркских этнополитических образований, в том числе Кыргызского каганата периода «великодержавия».

Сравнительно-типологические таблицы предметов сопроводительного инвентаря из погребений, созданные Д. Г. Савиновым, прекрасно иллюстрировали обоснованность его выводов о расселении носителей той или иной культуры, взаимодействиях и контактах с соседями (рис. 1).

Подобные таблицы (иногда довольно сложные) непосредственно ременных украшений с чрезвычайно развитыми формами декора или самих орнаментальных мотивов для решения вопросов дробной хронологии культуры енисейских кыргызов Тувы IX–XII вв. создала Г. В. Длужневская (подробнее о методическом опыте исследовательницы см.: Король, 2017; 2018). За основу она брала отдельные мотивы декора и выстраивала хронологическую шкалу памятников в соответствии с изменениями, как ей казалось, иконографии, соотнося с наличием аналогичных форм в точно датированных памятниках киданей династии Восточное Ляо империи Ляо (916–1125). При всей

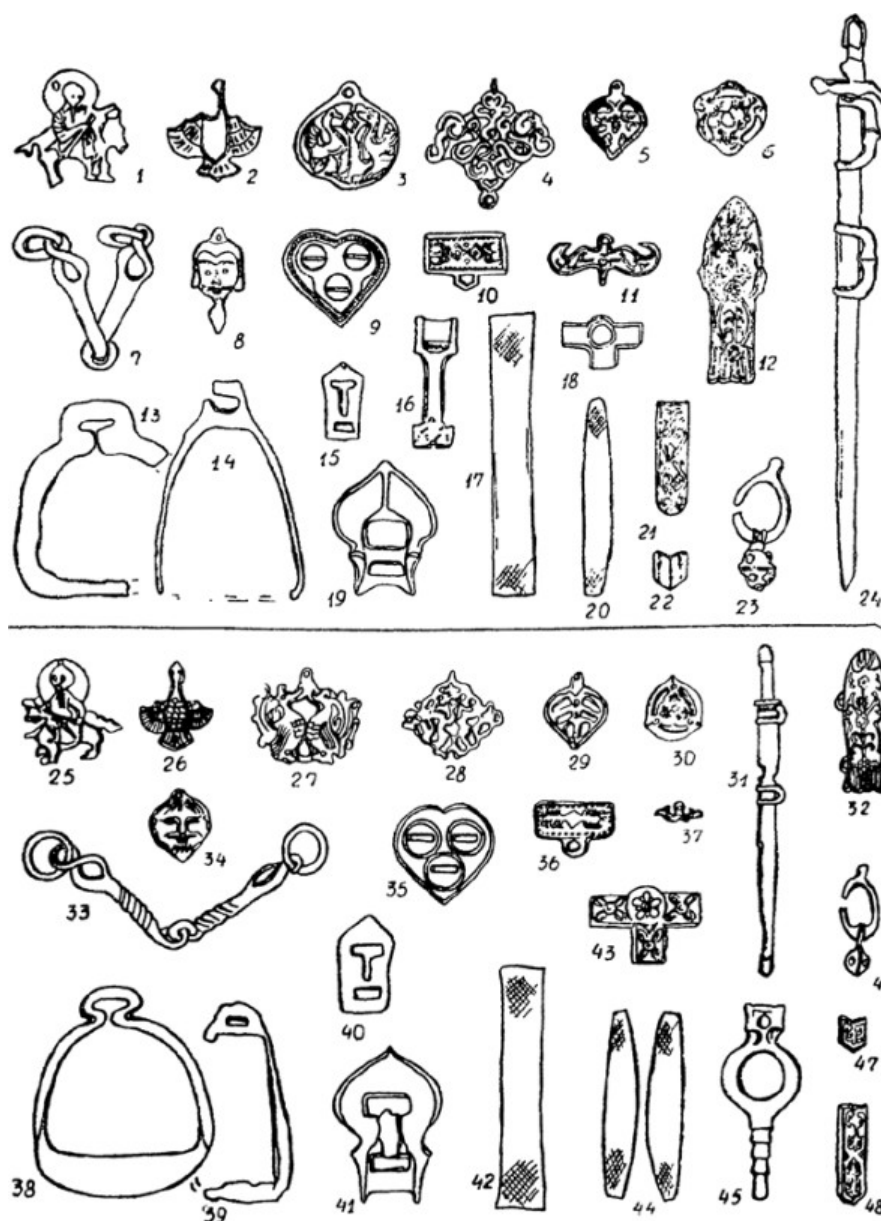

РИС. 1. Предметы сопроводительного инвентаря из погребений IX–X вв. Северного Алтая (1–24) и Восточного Казахстана (25–48). Масштаб разный (по: Савинов, 1976. Табл. I. Там же см. детальную подпись)

FIG. 1. Items of accompanying grave inventory from burials of the 9th–10th century in Northern Altay (1–24) and East Kazakhstan (25–48). Scales differ (after Савинов, 1976. Pl. I. A detailed legend, *ibid.*)

условности таких «цепочек» развития мотивов³ поставленная цель была достигнута. Как подчер-

³ Наблюдения автора настоящей статьи позволяют говорить о том, что при несомненных внутренних процессах развития мотивов декора, с течением времени приводивших иногда к их усложнению, а чаще к схематизации и упрощению, зачастую разные варианты одного мотива могли сосуществовать. Г. В. Длужневская закладывала в свои шкалы факт частичного перекрытия выделенных хронологических этапов (с «шагом» в 50 лет), когда такое сосуществование, по ее мнению, было реальным.

кнул Д. Г. Савинов, исследования Г. В. Длужневской стали новым словом в изучении енисейских кыргызов, и хронологический аспект был прекрасно решен. Но этнокультурный — определение характерных кыргызских ремennых украшений «тюхтятского облика»⁴ как лясских — Д. Г. Савинов

⁴ По наименованию тюхтятской археологической культуры енисейских кыргызов IX–X вв. (периода «великодержавия»), выделенной Л. Р. Кызласовым (Кызласов, 1981. С. 54).

справедливо отметил как вряд ли безоговорочно справедливый, ибо это «сходство, а не тождество», материалы существенно отличаются друг от друга (Савинов, 1994. С. 63). Причины сходства (рис. 2) Дмитрий Глебович видел в процессах этнокультурных контактов кыргызов и киданей.

Методические подходы Г. В. Длужневской к разработке дробной хронологии памятников были использованы в работах Т. Г. Горбуновой с опорой на типологические изменения морфологии декорированных ременных украшений по материалам памятников сrostкинской культуры на Алтае. Автор обратила внимание и на вопрос сходства кыргызского и киданьского орнаментов. Она выделила группу предметов с насыщенной растительной орнаментацией, которая условно обозначена как «кыргызско-киданьская», поскольку «значительная часть предметов, выполненных в таком стиле, представлена в памятниках этих двух культур» (Горбунова, 2005. С. 151).

На наш взгляд, говорить о «кыргызско-киданьской» орнаментации можно лишь в самых общих чертах — как о стадийном явлении в синкретической культуре государств кочевников. Киданьский вариант представлен на ременных украшениях, найденных в погребальных комплексах преимущественно ляосской знати, в отличие от кыргызского и в целом саяно-алтайского варианта. Последний известен фактически на массовом материале из обычных погребальных комплексов, преимущественно захоронений воинов, а также на украшениях, по-видимому, элементов одежды, амулетах из погребений женщин и детей.

Киданьский вариант декора вполне можно отнести к раннесредневековому стилю степного орнаментализма, известному во всей горно-степной Евразии и на соседних территориях, данный вариант имеет некоторые элементы и мотивы, очень близкие кыргызским (шире — саяно-алтайским), но все же определенно отличается от последнего. Наиболее яркие признаки киданьского варианта, ясно различимые при знакомстве с ним по немногочисленным публикациям: перегруженность композиции (декорируемая поверхность буквально сплошь «заплетена» орнаментом), что никак нельзя сказать о кыргызском варианте, где декор хоть и заполняет все пространство, но композиция всегда построена так, что есть «пустоты» между линиями, «воздух», как говорят художники; для киданьских образцов характерно переплетение растительных стеблей, такой прием редок в

кыргызском комплексе. Кроме того, в декоре ляосских ременных украшений из цветного металла помимо геометризованных растительных мотивов (наиболее характерной чертой стиля степного орнаментализма) можно увидеть и их натуралистичную иконографию, популярную в китайском искусстве, например цветы пиона, что отсутствует в кыргызском декоре.

При отсутствии детального и сплошного исследования орнамента ременных украшений из киданьских памятников, а также достоверной информации о технологии изготовления киданьских предметов и химическом составе сплавов, преждевременно даже условно говорить о едином «кыргызско-киданьском» варианте декора. Возможно, были общие прототипы композиций, с которыми работали мастера (мастерские), снабжавшие и кыргызов, и киданей своей продукцией, отсюда и некоторое сходство в декоре ременных украшений, при этом по форме они в основном общетюркские.

Таким образом, сравнительно-типологический подход к изучению и привлечению раннесредневековой тюркской малых форм предполагает в первую очередь использование этого материала как базы для решения конкретных исследовательских задач: хронологических, сравнительно-культурных, этнокультурных и др.

Естественнонаучный подход

Данный подход подразумевает изучение технологии изготовления предметов, в том числе спектроаналитические исследования. Серии музейных объектов из сборных коллекций и предметов из бронзы и латуни, полученных в результате археологических раскопок⁵ на рассматриваемой территории, разными группами ученых были подвергнуты анализу металлов с помощью эмиссионного спектрального метода и рентгенофлуоресцентной спектрометрии. При употреблении самых общих классификаций бронзы их подразделяют на безоловянные (мышьяковистые, свинцовые) и оловянные. В зависимости от количества легирующих элементов выделяют сплавы двойные (бинарные) (Cu-Sn, Cu-Pb) и многокомпонентные, с добавлением других элементов. Химические элементы в обозначении типа сплава располагаются последовательно в соответствии с их содержанием

⁵ Такие предметы, благодаря контексту условий находок, дают значительную дополнительную информацию для их интерпретации и датирования.

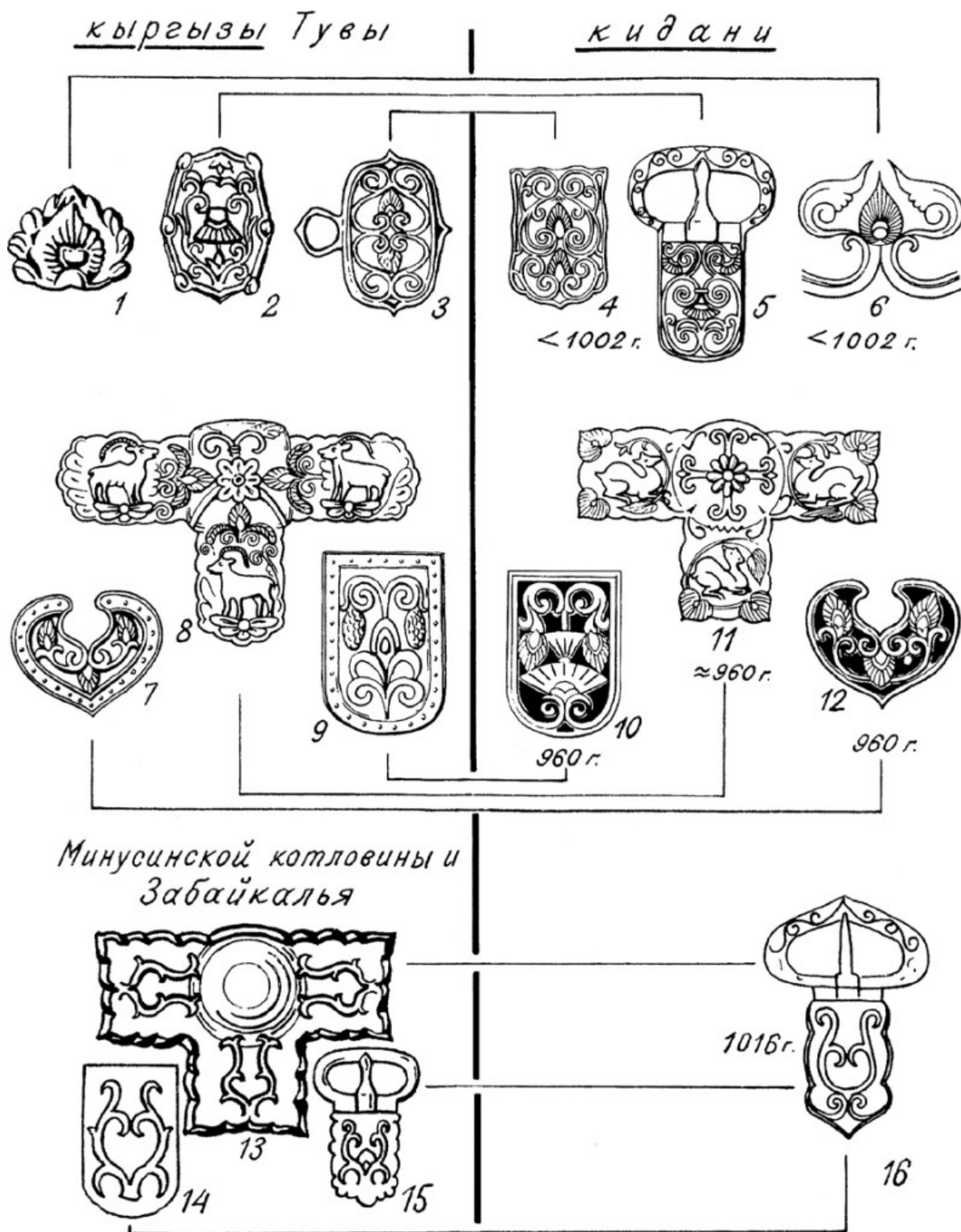

РИС. 2. Изделия «тюхтятского» облика второй половины X – середины XI в. 1–3 – Тора-Тал-Арты; 7–9 – Шанчиг; 4–6, 10–12, 16 – изделия из киданьских гробниц; 13–15 – изделия из памятников Минусинской котловины и Забайкалья (по: Длужневская, 1985. Альбом. Рис. 153; © НА ИИМК РАН. ФО. Инв. № 3156-4. Нег. I. 117414)

FIG. 2. Objects of 'Tyukhtyat' type of the second half of the 10th – mid-11th century. 1–3 – Tora-Tal-Arty; 7–9 – Shan-chig; 4–6, 10–12, 16 – objects from Khitan tombs; 13–15 – objects from sites of the Minusinsk Hollow and Transbayka-lia (after Длужневская, 1985. Album. Fig. 153; © PhD ИИМК RAS. Inv. No. 3156-4. Negative I. 117414)

от большего количества к меньшему. Аналогичный принцип используется в обозначениях латуни⁶. Различия в легирующих элементах отражают варианты изготовления предметов, а различия в микроэлементах (содержание примесей меньше 1 %) могут маркировать рудные источники.

Исследования сплавов методом эмиссионной спектроскопии. В 1980–1990-е гг. был собран и изучен материал VIII–XIII вв. с территории Саяно-Алтая и прилегающих регионов, а также с юга Дальнего Востока. В результате измерений, значительная часть которых проведена аналитиком ИИМК РАН (в те годы Ленинградского отделения ИА АН СССР) В. А. Галибиным, большого массива (2348 образцов) сплавов на медной, свинцовой, оловянной и серебряной основах⁷ была получена уникальная база данных по элементным составам бронз и латуней, обработанная и проанализированная Л. В. Коньковой в докторской диссертации (Конькова, 1996б). Материал из Саяно-Алтая и сопредельных территорий собирался в музеях и институтах совместно с автором настоящей статьи, публикация итогов аналитических исследований сплавов по отдельным памятникам была продолжена и в 2000-е гг.

Результаты столь обширного и многолетнего изучения позволили Л. В. Коньковой выявить несколько традиций обработки цветных металлов, в том числе «тюркскую» VIII–XI вв. Сплавы, выполненные в «тюркской» традиции, начиная с VIII в. включали латунь. К примеру, бронзы и латуни Тувы имеют малое содержание олова (0–19 %), концентрации в них свинца не превышают 20 %, а предел присутствия в составах изделий цинка — до 25 %. Сплавы на медной основе из Минусинской котловины содержат максимальное количество олова (до 45 %), исследовано много изделий с небольшим содержанием свинца (до 3,3 %), в то же время имеется группа объектов с его максимальным содержанием (до 50 %), в элементных составах минусинских латуней присутствует цинк в пределах до 29 % (Конькова, 1996а. С. 30–32).

⁶ Латунь — сплав меди, в котором основным легирующим элементом является цинк в концентрации выше 3–4 % (Cu-Zn, Cu-Zn-Sn, Cu-Zn-Pb и т. д.).

⁷ В образцах из Саяно-Алтая и прилегающих территорий преобладает оловянно-свинцовая бронза с разным количеством олова и свинца. Представлены оловянная бронза, свинцовая бронза, единичные случаи мышьяковой бронзы. Сплавы серебра с медью — особенность западной части региона. Имеется незначительное количество медных изделий.

В качестве примера (Конькова, 2009. С. 148, пункт 12. Рис. 2, 14) так называемой золотистой (золотой) латуни (с высоким содержанием цинка, что дает характерный цвет) периода «великодержавия» енисейских кыргызов (середина IX — начало X в.) можно привести состав ажурной накладки (Минусинская котловина) из собрания И. А. Лопатина (Государственный Эрмитаж), изготовленной из сплава типа Cu-Zn-Sn-Pb (Cu — 69,7 %, Zn — 21 %, Sn — 4,3 %, Pb — 5 %).

Анализ латунных изделий из Минусинской котловины и Тувы показал наличие высокохудожественных оригинальных изделий, произведенных в мастерских с высоким уровнем ремесленного производства. Изготовление подобных вещей из сплавов с цинком требовало профессиональных навыков городского ремесленника. Высокое качество металла позволило предположить отсутствие использования латунного лома в части предметов, происходящих из этого региона.

Совершенно иную картину дали результаты исследованного материала второй половины X — первой половины XI в. из района Змеиногорска, «Рудный Алтай», — северо-западных предгорий Алтая. Практически все латунные изделия — «вторичные» (реплики оригинальных изделий) и явно изготовлены на основе латунного лома. При этом в металле группы «грязного» серебра (сплавы на основе серебра) отмечено также значительное содержание элементов, свидетельствующих об использовании латуни в качестве легирующего компонента, возможно, в виде лома, как и в случае с латунными предметами. Предметы на основе сплава серебра — специфика именно региона «Рудного Алтая», включая Верхнее Прииртышье (Восточный Казахстан)⁸.

К сожалению, база данных, созданная Л. В. Коньковой, не опубликована, поэтому воспользоваться ей довольно сложно, хотя и возможно. Публикация отдельных коллекций, конечно, не позволяет показать все разнообразие и особенности сплавов.

Исследования сплавов методом рентгенофлуоресцентного анализа. Другой важный этап изучения состава металла средневековых ременных укра-

⁸ Значительная часть бронз и латуней Восточного Казахстана представлена группами сплавов на медной основе с небольшим содержанием свинца (не более 3,3 %), в то же время зафиксирована серия изделий, где он представляет до половины от их общего состава. Присутствие цинка в изделиях из цветных металлов региона не превышает 21 % (Конькова, 1996а. С. 30–31).

шений из цветного металла — работы 2000-х гг. коллектива ученых из Барнаульского университета (группа под руководством А. А. Тишкина) и Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург (С. В. Хаврин). Методом рентгенофлуоресцентного анализа исследованы составы 178 изделий конского снаряжения из сплавов на основе меди (около 150) и серебра, происходящих из средневековых памятников Алтая второй половины VI — первой половины XI в. (*Горбунова и др.*, 2009). Для раннего тюркского времени (материалы могильника Кудыргэ) фиксируется использование двух типов сплавов на медной основе, содержащих небольшой процент олова и свинца. По мнению авторов, в данный период из всех металлов серебро часто употреблялось в виде сплава с медью, поскольку оно обладало высокой пластичностью и ковкостью и имело наивысшую отражательную способность. Наравне с другими медными сплавами такой вариант использовался при изготовлении блях и накладок, подвергавшихся лужению и амальгамированию. Согласно выводам авторов, в изделиях раннего тюркского времени VI–VIII вв. почти совсем нет цинка.

Сплавы более поздние (сросткинская культура, IX — первая половина XI в.) представлены оловянно-свинцовистыми бронзами, в том числе сплавами двух типов с содержанием цинка в 3–5 и 9–18 %. Колебания цинка в алтайских бронзах и латунях значительны и достигают максимального предела в 25 %. Присутствие цинка в бронзовых и латунных сплавах в количестве от 1–2 до 15–20 % выделяется авторами в качестве хронологического индикатора раннего этапа культуры. Для следующих этапов, по мнению исследователей, латунные сплавы — редкость, зато характерными становятся сплавы на основе серебра⁹, с позолоченной поверхностью. При этом отмечается легирование серебра латунью, но с низким содержанием цинка (1–2 %, редко — до 5 %). На всем протяжении изученного авторами периода при обработке изделий применялись инкрустация, лужение и амальгамирование (*Горбунова и др.*, 2009. С. 117–122).

В настоящее время исследование сплавов данным методом продолжают в Барнаульском университете А. А. Тишкиным. Анализуются предметы из музейных коллекций Алтайского

края (*Горбунов, Тишкин*, 2019)¹⁰, а также появляющиеся в результате археологических изысканий новые раннесредневековые материалы (*Грушин и др.*, 2020)¹¹.

Таким образом, естественнонаучный подход, включающий спектроскопические исследования, дает совершенно новые данные, позволяющие использовать их как для уточнения относительной хронологии памятников и определения конкретных технологических традиций в отдельном регионе, так и выявления технологических традиций культур определенного периода (условно «тюркского времени») на огромном пространстве горно-степной зоны Северной Азии.

Комплексный подход

Комплексное изучение подразумевает сочетание разных приемов, методик применительно к одному объекту исследования или поставленной проблеме. В нашем случае это достаточно простое сочетание, показавшее свою результативность. Оно включало в себя анализ технологии изготовления предметов, особенностей декора и сопоставление этих данных с составом сплавов металла. Такой подход был реализован совместно Л. В. Коньковой и автором настоящей статьи и получил отражение в публикациях (последнюю работу см.: *Король, Конькова*, 2012).

Технология изготовления. Раннесредневековая торевица малых форм изготовлена преимущественно по универсальной технологической схеме, распространенной по всему пространству горно-степной Евразии. Это тонкостенное литье с использованием восковой модели в сочетании со вставным сердечником, образующее рельефную декоративную поверхность с хорошо проработанными деталями. Создавались пустотелые украшения (с бортиками на оборотной стороне) с рельефным, иногда чуть уплощенным декором (*рис. 3*), имитирующие объемные изделия. Вариант такой технологической схемы — ажурное литье. Ажурные предметы нередко представляют собой изделия высокого качества (*рис. 4*), но чаще всего именно они наглядно показывают невысокий уровень мастерства литейщика. Другие технологические схемы прослежены на единичных изделиях. Широко применялись приемы вторичной обработки

⁹ Эти данные подтверждают полученные результаты по материалам из северо-западных предгорий Алтая (район Змеиногорска, «Рудный Алтай»), о чем сказано выше.

¹⁰ Исследования тех же предметов Л. В. Коньковой, к сожалению, не учитываются, да и совместить результаты — особая задача.

¹¹ Многие материалы готовятся к печати.

РИС. 3. Образцы тонкостенного литья с рельефным декором. Разрушенный курган у с. Сухая Тесь, Минусинский район, Красноярский край (по: Король, 2008. Рис. 35)

FIG. 3. Examples of thin-walled casting with relief decoration. Disturbed barrow near the village of Sukhaya Tes, Minusinsk District, Krasnoyarsk Krai (after Король, 2008. Fig. 35)

поверхности литых изделий: дополнительные врезные линии, подчеркивавшие выразительность рельефного декора; обработка фона пуансоном с разными рабочими окончаниями (редко; это хронологический признак позднего этапа существования торевтики малых форм); золочение поверхности (часто); серебрение (редко); лужение (характерно для Алтая). В качестве матрицы (штампа) мог использоваться уже готовый предмет. Особенности технологии делали возможным реплицировать не только оригинальный качественный во всех отношениях предмет, но и его «копии», многократные реплики, что приводило к резкому ухудшению качества декора (рис. 5), при этом отливки могли быть качественными.

Декоративные особенности как часть технологического своеобразия. Многолетнее всестороннее изучение декоративных особенностей позволило автору систематизировать декор, выявить художе-

ственные группы, характеризующие доминирующий орнаментальный стиль, а также наиболее популярные среди них «серии» на определенной территории, соответственно, выделить региональные особенности, во многом подтвердив выделение локальных вариантов культур Д. Г. Савиновым, о чем шла речь выше. Были определены основные направления культурного влияния.

Кроме того, удалось обосновать важность детального изучения орнаментальных схем для понимания технологических особенностей. Особенно наглядно это прослеживается на примере изучения мельчайших элементов декора предметов

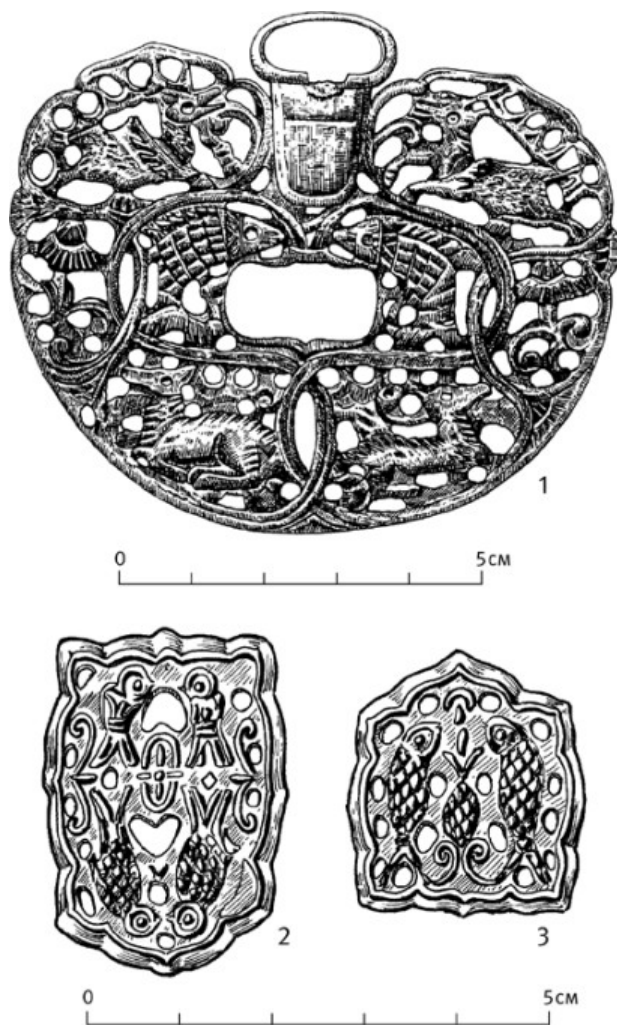

РИС. 4. Образцы ажурного литья. 1 – Лугавское, Минусинская котловина, случайная находка; 2, 3 – Саратовка, курган № 122, Кузнецкая котловина (по: Король, 2008. Рис. 32; 33).

FIG. 4. Examples of openwork casting. 1 – Lugavskoye, Minusinsk Hollow, stray find; 2, 3 – Saratovka, barrow No. 122, Kuznetsk Hollow (after Король, 2008. Рис. 32; 33)

РИС. 5. Образцы «деградации» одного мотива. 1 – Тора-Тал-Арты, курган № 11, Тува; 2–5, 7 – Минусинская котловина, случайные находки; 6 – Ладейское, в черте г. Красноярск (по: Король, 2008. Табл. 1, с уточнением № 6. Предмет хранится в Красноярском краевом краеведческом музее, фото предоставлено сотрудником музея С. М. Фокиным, за что выражаю ему искреннюю благодарность)

FIG. 5. Examples of the 'degradation' of a motif. 1 – Tora-Tal-Arty, barrow No. 11, Tuva; 2–5, 7 – Minusinsk Hollow, stray finds; 6 – Ladeyskoye, within the boundaries of the city of Krasnoyarsk (after Король, 2008. Pl. 1, with a note for No. 6. The find is kept in the Krasnoyarsk Regional Museum of Local History; the photo is presented by the assistant of the Museum S. M. Fokin to whom I am sincerely grateful)

с идентичной композицией (с вариантами в зависимости от формы). Таких предметов среди рассматриваемых материалов немало. Выделены серии идентичных композиций не только на предметах одного ременного комплекта из одного комплекта, но и на находках из разных регионов рассматриваемой территории. Раньше исследователи полагали, что изделия с идентичным декором изготовлены в одном месте, а потом тем или иным образом оказались в других регионах. Но это не так. Чаще всего даже один набор представлял собой «сборный» комплект. В первую очередь, это удалось установить визуально именно по деталям и особенностям декоративных элементов. Внешне практи-

чески идентичные по декору предметы были разного качества его исполнения. Нередко из 12–15 предметов лишь два-три были отличного качества, а остальные гораздо хуже. При этом и эти, худшего качества, имели еще градацию ухудшения декора. Таким образом, можно предположить, что в самом начале «цепочки» были предметы высокого качества, изготовлением которых занимался не только профессиональный литейщик, но и художник. Затем комплект по мере утери предметов по разным причинам дополнялся или просто создавался новый комплект, за основу которого брались имевшиеся два-три прекрасных образца. На последнем этапе, при попадании в археологический

комплекс, комплект мог быть дополнен похожими бляшками, но с совершенно некачественным декором — «смазанным», нечетким, что свидетельствует об их изготовлении на какой-то местной производственной базе (напомним, что по технологии в качестве матрицы можно было использовать готовый предмет, а он мог быть уже несколько раз реплицированным).

Таким образом, изучение элементов декора еще до применения детального анализа технологических особенностей, включая сплав металла, позволяет выделить группы предметов одного комплекта¹² и предположить их производство совершенно в разных мастерских, соответственно их изготовление из вероятно разных по составу сплавов на основе меди. Обычно это способствует правильной постановке задач следующего этапа изучения технологических особенностей, а значит, и максимально верной оценке получаемых результатов.

О сплавах металла и их особенностях сказано выше. Здесь добавим, что использовались оптимальные с технологической точки зрения сплавы, позволявшие за счет их жидкотекучести добиться точного и тонкого воспроизведения декорированной поверхности.

Главным итогом применения такого комплексного подхода стало выявление уровней качества изготовления предметов на основе выделения «первичных» и «вторичных» изделий. Следующий шаг — создание модели нескольких уровней (I–IV) качества и производства (*Король, Конькова, 2007*), а затем постановка вопроса о реальных местах производства ременных украшений, которыми длительное время снабжалось население огромной территории.

Выводы

Средневековая торевтика малых форм Саяно-Алтая и прилегающих территорий, особенно пышно декорированная периода конца I — начала II тыс., — привлекательный объект изучения. Исследователи чаще всего используют этот яркий и характерный материал как элемент материальной культуры для сравнительно-типологического

анализа, решая конкретные задачи: выделение локальных вариантов культур, решение вопросов хронологии и культурно-этнических взаимовлияний. Для решения первой задачи достаточно глубокого знания совокупности известных первичных материалов и научной интуиции для правильной расстановки акцентов, особенно при выделении локальных вариантов на основе незначительной информации. Для решения других задач за основу берутся типологические схемы развития форм и декора. На наш взгляд, такие схемы, чрезвычайно полезные в систематизации материала, не всегда отражают реальную картину бытования предметов, хотя в целом все же дают основу для решения поставленных целей.

Естественнонаучный подход в исследовании торевтики малых форм — анализ химизма металла (состава сплавов) — становится все более востребованным в связи с появлением неразрушающих методов анализа. Сопоставление полученных данных с другими аспектами: морфологическим анализом предметов, позволившим выявить морфотипологические изменения предметов, технологией их изготовления, а также с разработанной хронологией той или иной культуры, — позволяет соотносить выделенные типы сплавов с определенным хронологическим периодом, выделить типологически наиболее ранние предметы внутри одного периода, а также технологические традиции.

Комплексный подход добавляет к обозначенным выше позициям естественнонаучного исследования детальный анализ декора как части технологического своеобразия объекта изучения. Этот подход выводит на следующий уровень постановки и решения задач; в его основе лежит тщательное изучение декора (наряду с морфологией предметов), позволяющее сопоставлять результаты с другими данными по технологии изготовления предметов, включая состав металла. При этом изучение сплавов двух-трех, даже десяти разрозненных предметов с разным декором не имеет в перспективе научного смысла. Состав металла в таком случае — лишь констатация факта, не больше. Интересные задачи, а потому и результаты можно получить лишь на анализе комплектов, серий, большого массива изделий, при этом необходимо понимать, с какой целью это делается. Просто аналитик не сможет сделать ни одного исторического вывода даже на основе огромной базы данных. Правильно поставленная археологом-историком

¹² Не просто «сборного», составленного из бляшек разных форм, с разным декором и даже разной культурной принадлежности, на что обращал внимание Д. Г. Савинов (1989. С. 145), что бывает нередко и указывает на различное происхождение этих бляшек, а именно внешне единый комплект с одной декоративной композицией (с вариантами в зависимости от формы предмета, которая может быть разнообразной).

исследовательская задача позволяет не только выявить отдельные особенности технологического своеобразия материала, но и уточнить хронологию, выйти на уровень более широких исторических обобщений.

В сущности, система производства и распространения торевтики малых форм, особенно в период «великодержавия» енисейских кыргызов конца I тыс., носила надэтнический характер и формировалась в системе сложных культурных связей и разделения труда. Что касается декора, здесь определенно действовал «закон творческой переработки» в соответствии с запросами «заказчиков» (не только эстетическими предпочтениями, но и более глубинными духовными и соответствующими времени идеологическими представлениями), — в конечном итоге варианты декора популярных ременных украшений получали в целом

заметное региональное различие. Выявленные с помощью комплексного подхода уровни качества изделий и разработанная модель уровней качества и производства свидетельствуют о существовании сложной системы обеспечения жителей Саяно-Алтая и прилегающих территорий востребованной продукцией — ременными украшениями и другими изделиями мелких форм из цветного металла в конце I — начале II тыс.

Таким образом, каждый из рассмотренных методических подходов к изучению средневековой торевтики малых форм Саяно-Алтая показал свою эффективность для решения конкретных задач того или иного исследования. Представляется, что комплексный анализ предпочтителен не только при анализе технологического своеобразия во всех его аспектах, но и для постановки задач более сложного общекультурного плана.

Литература

- Адамов, 2000 — Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: Омский гос. пед. ун-т, 2000. 256 с.
- Горбунов, Тишкин, 2019 — Горбунов В. В., Тишкин А. А. Металлические бляхи в виде воинов-всадников из памятника Сростки-I: история изучения, новые сведения и рентгенофлуоресцентный анализ // ТПАИ. 2019. № 2 (26). С. 179–187.
- Горбунова, 2005 — Горбунова Т. Г. Украшения конского снаряжения киданей и их аналогии в памятниках Южной и Западной Сибири // Снаряжение кочевников Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 144–151.
- Горбунова и др., 2009 — Горбунова Т. Г., Тишкин А. А., Хаврин С. В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука, 2009. 144 с.
- Грушин и др., 2020 — Грушин С. П., Фрибус А. В., Тишкин А. А., Сайберт В. О. Комплексный анализ раннесредневековых наборных поясов из могильника Чумыш-Пережат (Верхнее Приобье) // Вестник ТомГУ. История. 2020. № 67. С. 128–136.
- Длужневская, 1985 — Длужневская Г. В. Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.): Дис. ... канд. ист. наук [Рукопись]. Л., 1985.
- Кляшторный, Савинов, 2005 — Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с. (Исторические исследования).
- Конькова, 1996а — Конькова Л. В. Дальневосточные бронзы и традиции цветной металлообработки в степной Азии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.: ИА РАН, 1996. 43 с.
- Конькова, 1996б — Конькова Л. В. Дальневосточные бронзы и традиции цветной металлообработки в степной Азии: дис. ... д-ра ист. наук [Рукопись]. М., 1996.
- Король, 2008 — Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 332 с. (Тр. САИПИ; Вып. V).
- Король, 2017 — Король Г. Г. Хронология и декор (методический опыт Г. В. Длужневской) // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (1) / Отв. ред. М. А. Дэвлет. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2017. С. 83–92. (Тр. САИПИ; Вып. XI).
- Король, 2018 — Король Г. Г. Декор ременной гарнитуры енисейских кыргызов Тувы и исследования Г. В. Длужневской // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской) / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 156–162.
- Король, Конькова, 2007 — Король Г. Г., Конькова Л. В. Производство и распространение раннесредневековой торевтики малых форм в Центральной Азии // РА. 2007. № 2. С. 25–32.
- Король, Конькова, 2009 — Король Г. Г., Конькова Л. В. Средневековые ременные украшения из Минусинской котловины: собрания XIX в. в коллекциях Эрмитажа // ТПАИ. 2009. Вып. 5. С. 139–149.
- Король, Конькова, 2012 — Король Г. Г., Конькова Л. В. Коллекция первой трети XIX в. из Эрмитажа: средневековая торевтика малых форм с Алтая // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии / Отв. ред.: О. С. Советова, Г. Г. Король. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 121–156. (Тр. САИПИ; Вып. IX).
- Король, Фокин, 2020 — Король Г. Г., Фокин С. М. Новые варианты буддийского мотива в средневековом декоре (Средний Енисей) // РА. 2020. № 3. С. 63–78.
- Кызласов, 1981 — Кызласов Л. Р. Тюхтятская культура древних хакасов IX–X вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья / Гл. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1981. С. 54–59. (Археология СССР).
- Савинов, 1976 — Савинов Д. Г. Расселение кимаков в IX–X веках по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим

- источникам / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1976. С. 94–104.
- Савинов, 1984 — Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.
- Савинов, 1989 — Савинов Д. Г. Красноярско-канский вариант культуры енисейских кыргызов // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев / Ред. В. И. Парамонова. Красноярск: Б. и., 1989. С. 144–147.
- Савинов, 1994 — Савинов Д. Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово: КемГУ, 1994. 215 с.
- Скобелев, Митько, 2007 — Скобелев С. Г., Митько О. А. Погребения по обряду трупосожжения на реке Кача под Красноярском и их место в культурной традиции средневекового населения Енисея // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. С. 212–220.
- Федоров-Давыдов, 1976 — Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 227 с. (Памятники древнего искусства).
- Фокин, 2021 — Фокин С. М. Новые данные о красноярско-канском варианте культуры енисейских кыргызов // Материалы XVIII Западносибирской археол.-этнограф. конф. (декабрь 2020 г.). Томск, 2021 (в печати).
- Харинский, 2003 — Харинский А. В. Захоронения по обряду кремации конца I тыс. н. э. из Южного Приангарья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири / Ред.: Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. Кн. I. С. 220–226.

Possibilities of methodological approaches to studies of the mediaeval toreutics of small forms of Sayan-Altay

G. G. Korol

The mediaeval toreutics of small forms is represented mostly by belt ornaments of horsemen and their equipment manufactured from non-ferrous metals. In the late 1st and the turn between the 1st and second millennium, they were characteristically decorated in the style of the so-called 'steppe ornamentation'. The diversity of the decoration and forms of the objects allows the researchers to use this evidence as a basis for solution of particular scientific problems. Different methodological approaches are employed depending on goals of the study. The most widespread approach is the comparative-typological method (D. G. Savinov, G. V. Dluzhnevskaya, T. G. Gorbunova). It allows the archaeologists to solve effectively the chronological, comparative-cultural and ethnocultural tasks corresponding to the scientific accents preferred by the researchers. The natural scientific approach implies the study of the technology of the manufacture of the objects, including the use of spectral analysis (L. V. Kon'kova, T. G. Gorbunova, A. A. Tishkin, S. V. Khavrin). It provides new data, inter alia, for more precise chronology

of the sites and identification of particular technological traditions in single regions, and, in addition, for revealing of such traditions during a certain period (conditionally 'Turkic time') throughout the huge space of the mountain-steppe zone of Northern Asia.

The interdisciplinary approach (G. G. Korol, L. V. Kon'kova) adds to the abovementioned aspects of the scientific natural approach a detailed analysis of decoration as a part of the technological diversity of the object under investigation. It is based on a careful examination of decoration (along with the morphology of the objects) enabling us to compare the results with other data on the technology of making the objects, including the composition of the metal. Each of the considered methods has shown its effectiveness in attaining particular scientific goals. It seems that the interdisciplinary analysis is preferable not only in investigation of the technological diversity in all its aspects but also for setting and solving of tasks of a more complex general cultural plan.

Седла монгольского времени из Часовенной горы под Красноярском

Л. С. Марсадолов¹, Е. В. Степанова²

АННОТАЦИЯ. В статье кратко рассмотрены новые материалы по трем седлам из памятника Часовенная гора около Красноярска, исследованного С. А. Теплоуховым в 1927 г. В каждом из трех погребений находился полный комплект конского снаряжения, включая узду и седло. Более подробно проанализирована конструкция монгольского седла с серебряными накладками, типичного для XIII–XIV вв., и предложена его новая реконструкция. Обосновано определение двух других седел из Часовенной горы как типичных для енисейских кыргызов.

ANNOTATION. New materials on three saddles from the site Chasovennaya Gora situated near Krasnoyarsk and explored by S. A. Teplouhov in 1927, are briefly examined in this article. In each of the three burials a full set of horse tack including a bridle and a saddle was found. The design of a typical 13th–14th century Mongolian saddle with silver plates was more thoroughly analyzed and a new reconstruction of the saddle was presented. Also, it's justified why two other saddles from Chasovennaya Gora are typical for Yenisei Kyrgyz.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Южная Сибирь, Часовенная гора, монгольское время, седла, стремяна, седельные накладки, реконструкция.

KEYWORDS: Southern Siberia, Chasovennaya Gora, Mongolian time, saddle, stirrups, saddle plates, reconstruction.

Краткая история изучения

Самым знаменитым, элитным и эталонным из малочисленных археологических памятников монгольского времени в Южной Сибири является могильник на Часовенной горе около г. Красноярска. В погребениях наряду с серебряными сосудами, оружием, орудиями труда, украшениями и фрагментами одежды найдены многочисленные фрагменты и детали конского снаряжения, в том числе части парадного седла с серебряными накладками. Однако до сих пор памятник опубликован очень кратко и неполно. Данная статья, призванная отчасти восполнить этот пробел, посвящена конскому снаряжению из этого могильника (рис. 1–10).

В 1927 г. экспедиция С. А. Теплоухова на Часовенной горе раскопала «три богатые могилы», датированные им XII–XIV вв. (Теплоухов, 1929). При публикации С. А. Теплоухов ограничился лишь общей характеристикой погребений (одиночные, деревянные камеры из досок, отсутствие надмогильных сооружений) и изображениями отдельных предметов: серебряных сосудов, железных наконечников стрел, золотых серег и серебряных накладок седла, относительно которых отмечено,

что они лежали «рядом с колодой» (Там же. Табл. II, 63–67; рис. 14, 1–4).

В 1954 г. материалы раскопок (кроме серег и серебряных сосудов) поступили в Государственный Эрмитаж и были внесены в инвентарь кол. 1931.

Позднее А. А. Гаврилова более подробно опубликовала материалы из Часовенной горы (Гаврилова, 1965. С. 73–76, рис. 13; 14), при этом разбивка предметов по комплексам в публикации, в целом, соответствует инвентарной книге, но с небольшими расхождениями в количестве, материале и положении предметов. Так, согласно А. А. Гавриловой, седло с серебряными накладками, железными кольцами на пробоях и медными тисненными кантами (рис. 2; 7, 3), с одним (!) железным стремянем, обложенным серебряной пластинкой, и парой роговых пряжек с железными язычками было найдено в яме шириной 93 см и глубиной 70 см, рядом с мог. 3 (южной) (Там же. С. 73–74). Однако в инвентаре кол. 1931 (Часовенная гора) указано, что обе роговые пряжки (инв. № 1931/51, 52) находились в мог. 3 «на крышке гроба», в комплект седла входят два стремяна с серебряной обкладкой (инв. № 1931/44, 45) (одно из них показано на рис. 7, 1, 2), а само седло, без оговорок, отнесено к мог. 3.

Погребение в мог. 3 (южной) определено А. А. Гавриловой как женское по находкам. Оно было совершено в деревянном гробу из досок с крышкой, окрашенной в красный цвет, с железными скобами в средней части, на берестяной подстилке, на спине, головой на ССЗ. На черепе, вокруг лба, зафиксирован бисер (согласно инвен-

¹ 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж.

Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.
Адрес электронной почты: marsadolov@hermitage.ru.

² 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж.

Отдел археологии Восточной Европы и Сибири.
Адрес электронной почты: stepalena@yandex.ru.

РИС. 1. Реконструкции седла из могилы 3 Часовенной горы: 1 – реконструкция Д. Г. Савинова (по: Савинов, 1977. Рис. 3); 2 – экспозиция «Древняя Сибирь» Государственного Эрмитажа. Фотография А. Я. Лаврентьева

FIG. 1. Reconstruction of the saddle from grave 3 Chasovennaya Gora: 1 – reconstruction by D. G. Savinova (after Savinov, 1977. Fig. 3); 2 – exhibition “Ancient Siberia” at the State Hermitage. Photo by A. Ya. Lavrent’ev

тарю коллекции – на шерстяной тесьме), у левого виска серебряная (?) серьга и такая же вторая – в засыпи могилы; у правой руки – берестяные колечки; на правом бедре – зеркало, в ногах находились костяная копоушка и серебряные кубок и ковш. Под сосудами и скелетом зафиксированы остатки шелковых тканей

Погребение в *мог. 2* (средней) было определено как мужское. Яма ориентирована с запада на восток, перекрытие состояло из толстых плах, положенных на поперечные балки, на дне имелись разбросанные кости и вещи, которые могут быть распределены на следующие группы. Оружие: обломок костяной накладки на лук, железные стрелы (по А. А. Гавриловой – две, по инвентарю коллекции –

пять, из них три – трехлопастные с костяной свистулькой, одна – трехлопастная без свистульки (обломок) и одна – с плоским пером), костяные накладки на колчан с циркульным орнаментом (по А. А. Гавриловой – одна, по инвентарю – девять) и железный нож. Орудия: кресало в деревянной оправе, топор-тесло, молоточек с инкрустацией, крюк с зооморфным окончанием. Два железных (по А. А. Гавриловой – серебряных) стреловидных наконечников. Имеются многочисленные фрагменты шелковых и шерстяных тканей от одежды, в т. ч. вышивки и парча (у А. А. Гавриловой не указаны). Найден роскошный кожаный пояс (во фрагментах) с наконечником, обоймами и бляшками из агальматолита и серебряной пряжкой с обоймой из агальматолита. К конскому снаряжению можно отнести железные стремена (по А. А. Гавриловой – одно, по инвентарю – двое парных), железную подпружную пряжку (по А. А. Гавриловой – пряжки), бронзовые фигурные бляхи с растительным орнаментом, с фрагментами ремней (от узды), а также наносный султанчик (трубочка бронзовая, бляха-основание – железная).

Наконец, к *мог. 1* (северной), наиболее разрушенной, по А. А. Гавриловой и по инвентарю, отнесен единственный предмет – фрагмент железных удиц с трензельным кольцом, что, в целом, не может соответствовать ее определению как «богатой».

По кубку и ковшу из *мог. 3* вся группа датирована А. А. Гавриловой XIII–XIV вв.

Используя изменения в убранстве коней и всадников как основу для периодизации, А. А. Гаврилова выделила часовенногорский тип позднекочевнических погребений Алтая монгольского времени. Седло с серебряными накладками с характерными «П-образными козырьками» на луках, стало эталонным для этого типа. Однако целостный облик седла оставался неясным. В алтайских памятниках этого времени встречаются седла с луками другой формы, например, в Кудыргэ, *мог. 17*. Однако А. А. Гаврилова считала их разновидностями часовенногорского типа седел (Там же. С. 86, табл. XXVII; рис. 17).

В 1977 г. Д. Г. Савинов опубликовал полный набор из 12 накладок часовенногорского седла (четыре концевые на полки, по три на каждую луку и еще две полукруглые) и предложил его реконструкцию. Он предположил, что развилки лук имели прямые широкие основания, еще более расширявшиеся к концам, ставились на полки и не привязывались, накладки покрывали их сверху

РИС. 2. Часовенная гора, могила 3. Накладки на седло: 1 – центральная накладка на переднюю луку; 2, 3 – накладки на развилки передней луки; 4 – центральная накладка на заднюю луку (вид с внутренней стороны); 5 – передняя накладка на левую полку; 6 – задняя накладка на левую полку; 7 – деталь задней накладки.

1-4, 7 – серебро; 5, 6 – серебро, железо. Фотографии А. Я. Лаврентьева

FIG. 2. Chasovennaya Gora, grave 3. Saddle plates: 1 – central plate on the front arch; 2, 3 – plates on the fork of the front arches; 4 – central plate on the rear arch (view from inside); 5 – front plate on the left knee roll; 6 – rear plate on the left knee roll; 7 – part of the rear mount.

1-4, 7 – silver; 5, 6 – silver, iron. Photos by A. Ya. Lavrent'yev

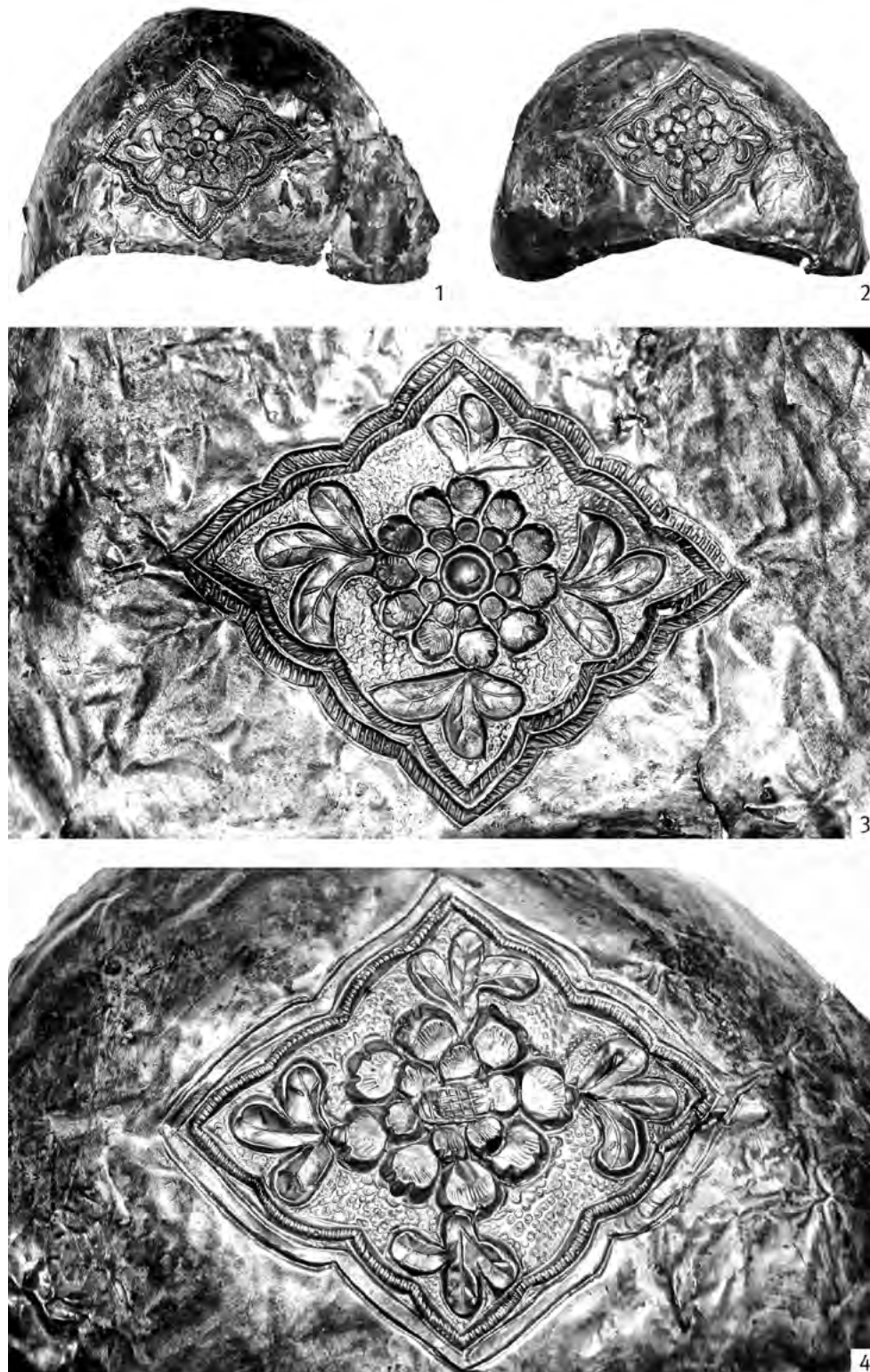

РИС. 3. Часовенная гора, могила 3. Серебряные накладки на внутреннюю сторону лук седла: 1 – накладка на заднюю луку; 2 – накладка на переднюю луку; 3 – орнамент накладки на заднюю луку; 4 – орнамент накладки на переднюю луку. Фотографии Л. С. Марсадолова

FIG. 3. Chasovennaya Gora, grave 3. Silver plates on the inner side of the saddle arches: 1 – plate on the cantle; 2 – plate on the pommel; 3 – pattern on the plate for the cantle; 4 – design on the plate for the front arch. Photos by L. S. Marsadolov

по торцу, а две полукруглые (серповидные) накладки относятся к другому седлу (Савинов, 1977. С. 33, рис. 1–3). Хотя в тексте отмечено, что верхние части лук были отделаны медными кантами, на рисунке они не показаны (рис. 1, 1). Данная реконструкция получила широкую известность и признание.

Краткое описание серебряных накладок на седло из Часовенной горы также имеется в работах М. Г. Крамаровского (Крамаровский, 2001) и Л. С. Марсадолова (Марсадолов, 2005; 2019).

В 2007 г. новая реконструкция седла из Часовенной горы, выполненная при участии С. В. Панковой, М. Г. Крамаровского и Л. С. Марсадолова, была выставлена на обновленной экспозиции «Древняя Сибирь» Государственного Эрмитажа. Обкладки развилки лук были помещены на лицевую сторону седла (рис. 1, 2), но из-за фрагментированности и условности деревянной модели седла кант не был использован.

В 2020 г. авторы данной статьи предложили новую реконструкцию седла из мог. 3 (Марсадолов, Степанова, 2020). Рассмотрим более подробно основания для данной реконструкции.

Особенности конструкции монгольских седел XIII–XIV вв.

К моменту реконструкции 1977 г. находки монгольских седел были немногочисленны. В настоящее время мы располагаем уже несколькими десятками монгольских седел XIII–XIV вв. с характерными П-образными выступами на луках, большинство которых происходит из Монголии, Тянь-Шаня и Алтая, что, по-видимому, обусловлено благоприятными условиями для сохранности органики в этих регионах. Однако характерные накладки встречаются и в причерноморских степях (рис. 4). Новые данные позволяют уточнить конструкцию седла из мог. 3 Часовенной горы.

Судя по сохранившимся ленчикам, полки монгольских седел представляли собой плоские, закругленные на концах дощечки с параллельными длинными сторонами или немного суженные в задней части. Их толщина составляла 1–3 см. Наибольшая толщина приходилась на трапециевидный выступ в центральной части полков. Как и у современных монгольских седел, эта утолщенная часть полков служила опорой для луков и основой для сиденья, но у древних седел половинки сиденья еще не смыкались над седельным желобом. Выступающие передние части полков были заметно

короче задних, что связано со значительными размерами наклонных задних луков.

Отверстия под путлища имели прямоугольную форму и располагались в центральных частях полков со смещением к переднему краю, под наклоном или параллельно длинным сторонам полков. Крепление подпрут, возможно, имело варианты. Ниже отверстий для путлищ у части седел имеются одна, редко – две пары небольших круглых отверстий. В них могли продеваться кожаные ремешки для привязывания приструг и подпрут. С помощью таких ремешков – *багов*, например, крепятся подпруги у тувинских седел (Даржа, 2003. Рис. 40), у алтайских седел и др. Однако эти отверстия отмечены не у всех археологических седел. Возможно, в каких-то случаях они не видны из-за плохой сохранности ленчиков. Однако в принципе не исключен вариант и с перебрасыванием подпрут через полки ленчика, также зафиксированный этнографически. При седлах, как правило, находят одну или две подпружные пряжки (железные или костяные) и железные стремяна с отверстиями в дужках для путлищ. Подножки стремян могут иметь наружное ребро, как у более ранних седел.

У монгольских седел XIII–XIV вв. передняя лука была вертикальной, а задняя наклонной; вместе с приподнятой центральной частью полков она формировала сиденье. Внутренние стороны луков имели плавный скос к торцам для удобства посадки. Луки имели треугольные в сечении развилки, обычно сужавшиеся к концам, но иногда их концы ровно срезаны. Основания развилки прямые, луки ставились на полки. При этом они закреплялись ремешками, причем крепежные отверстия (2–3 на каждой развилке) могли как выходить, так и не выходить на лицевую сторону луков. Нужно отметить, что луки современных и этнографических седел кочевников обычно также имеют дополнительное крепление ремешками. Центральная часть луков на лицевой стороне имела характерный П-образный козырек. Вырез под седельный желоб мог быть округлой или подтреугольной формы и находился ниже козырька. Наибольшая ширина луков приходилась на выступающий козырек, а не на нижнюю часть арки над седельным желобом, как у большинства древних и современных седел.

Декоративные серебряные или золотые накладки имели только элитные седла. Их набор и форма стандартные – по три на каждую луку и по четыре на концы ленчика. Накладки на луки полностью закрывали их наружные стороны, по-

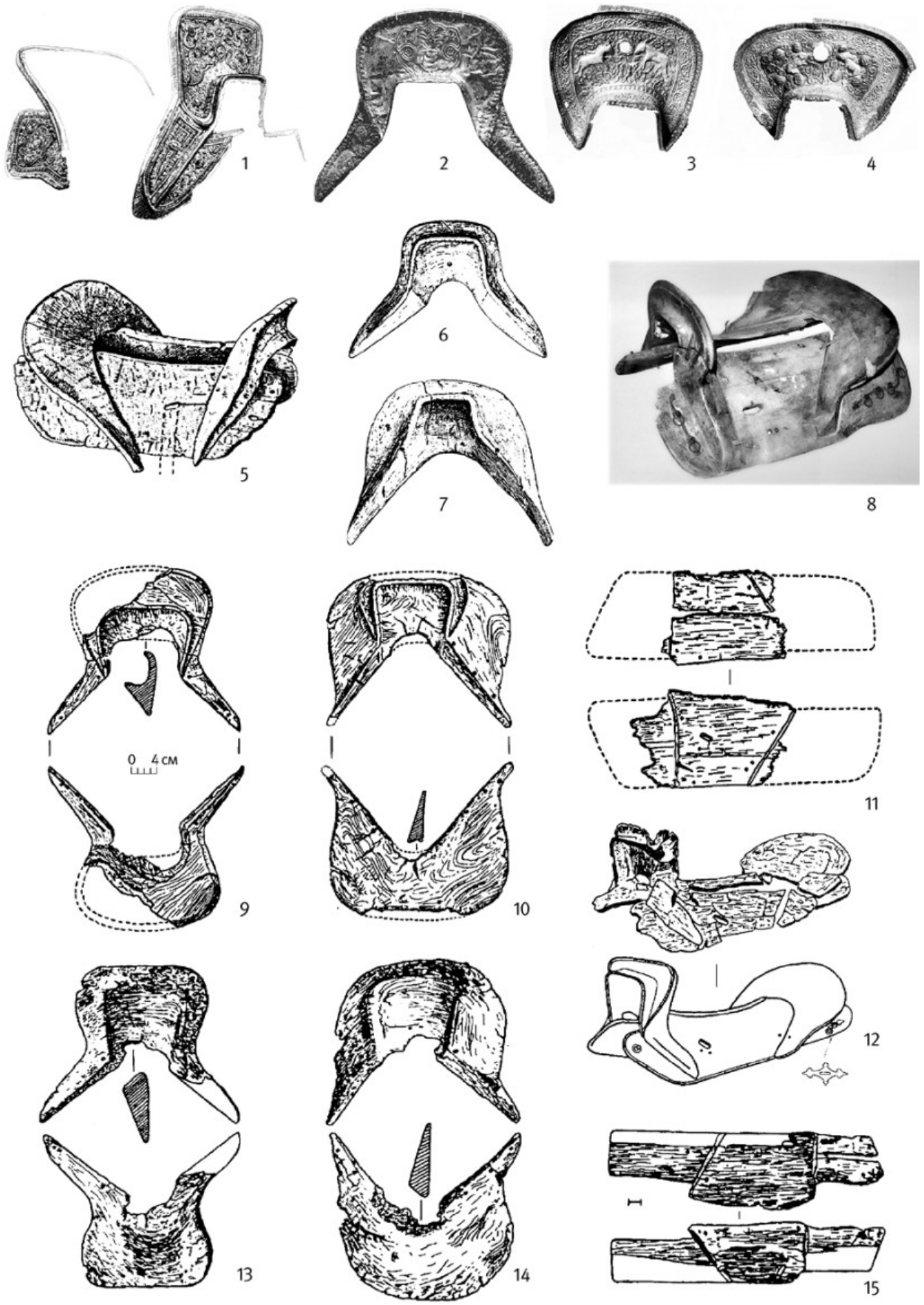

РИС. 4. Монгольские седла XIII–XIV вв.: 1 – коллекция Насера Д. Халили, комплект накладок на седло (по: Крамаровский, 2001. Рис. 3); 2 – Часовенная гора, могила 3, накладки на переднюю луку; 3, 4 – Мелитополь, случайная находка, центральные накладки на луки седла (по: Крамаровский, 2001. Кат. 17, 18); 5–7 – Шара Мурун, могила 4, Монголия, седло (общий вид и луки) (по: Walter, 1993. Fig. 69); 8 – Байяни Агуч, Монголия, седло (по: Steppenkreier, 2012. S. 212, Abb. 16); 9–11 – Бел-Саз I, курган 16, Тянь-Шань, луки и полки седла (по: Табалдиев, 1996. Рис. 48); 12 – Бел-Саз I, курган 17, Тянь-Шань, седло и его реконструкция (по: Табалдиев, 1996. Рис. 49); 13–15 – Тура-Суу, курган 3, Тянь-Шань, луки и полки седла (по: Табалдиев, 1996. Рис. 41). 1 – золото; 2–4 – серебро; 5–15 – дерево. Масштаб различный

FIG. 4. Mongolian saddles of the 13th–14th centuries: 1 – Naser D. Halili's collection, set of saddle plates (after Крамаровский, 2001. Рис. 3); 2 – Chasovennaya Gora, grave 3, plates on the pommel; 3, 4 – Melitopol, stray find, central plates on saddle arches (after Крамаровский, 2001. Кат. 17, 18); 5–7 – Shara Murun, grave 4, Mongolia, saddle (general view and arches) (after Walter, 1993. Fig. 69); 8 – Bayani Aguch, Mongolia, saddle (after Steppenkreier, 2012. S. 212, Abb. 16); 9–11 – Bel-Saz I, kurgan 16, Tien Shan, saddle arches and knee rolls (after Табалдиев, 1996. Рис. 48); 12 – Bel-Saz I, kurgan 17, Tien Shan, saddle and its reconstruction (after Табалдиев, 1996. Рис. 49); 13–15 – Tura-Suu, kurgan 3, Tien Shan, saddle arches and knee rolls (after Табалдиев, 1996. Рис. 41). 1 – gold; 2–4 – silver; 5–15 – wood. Scales differ

вторая их форму. Седла с накладками отличались от рядовых седел размерами и пропорциями ленточков. Так, у них была шире верхняя часть передних луков, и обе луки были выше за счет большей высоты над козырьком, т. к. именно этот участок нес основную декоративную нагрузку. Например, ширина передней луки в верхней части у часовенногорского седла, судя по центральной накладке, составляла 25 см, у мелитопольского седла – 22,5 см, тогда как у рядовых седел – около 20 см (Табалдиев, 1996; Табалдиев и др., 2014; Kohalmi, 1968; Walter, 1993). Высота над козырьком у передней луки часовенногорского седла была 10,5 см, у задней – 8 см, у седла из-под Мелитополя – 13 и 10 см соответственно, а у рядовых седел без декора – всего 1–2 см. Промежуточное положение занимают седла, декор которых имитировал накладки. Например, центральные накладки на луки у седла из Бел-Саз I, кург. 16, Тянь-Шань, имитированы костяным кантом, у седла из Бел-Саз I, кург. 17 – врезным деревянным (только на передней луке), а у седла из Кызыл-Болчока, Алтай – узким медным кантом. Высота передних луков над козырьком у таких седел составляет около 6–7 см. Задние выступающие части полок у седел с накладками были также заметно длиннее, чем у рядовых, из-за большей высоты наклонных задних луков.

Способ формирования сиденья у монгольских седел XIII–XIV вв. пока не вполне ясен. К. У. Кохалми при реконструкции седла из Кобдо предположил использование широкого живца, закрепленного по нижнему краю арок луков (Kohalmi, 1968. P. 350, fig. 8), однако вопрос о его наличии, на наш взгляд, остается спорным. Подобный живец, например, суще-

ствовал у некоторых тибетских седел XVIII–XIX вв., но у них наибольшая ширина массивных луков приходилась на свод арки над седельным желобом, тогда как у монгольских седел XIII–XIV вв. толщина луков в этом месте очень небольшая. У опубликованных монгольских седел имеются только отверстия на развилках луков для крепления их к полкам, и нет никаких отверстий на луках, которые можно было бы связать с живцом. Одиночные отверстия под козырьком передних луков имеются у седел из Шара Мурун и Кызыл-Болчока. Но у седла из Кызыл-Болчока оно служит для декоративного пробоя с выпуклой круглой бляхой. В Кызыл-Болчоке сравнительно хорошо сохранилась кожа, ей были обтянуты наружные поверхности луков и покрыты подвесные крылья, но какие-либо следы живца отсутствуют.

Сиденья могли формироваться за счет подушек. Такой вариант, с несомкнутыми над седельным желобом половинками сиденья и без живца, зафиксирован, например, у этнографических алтайских седел. Их сиденья располагались сравнительно высоко, как показано на изображениях юаньского времени (Imperial China, 2000. Cat. 155, 156), на которых мы также можем видеть округлые подвесные крылья, тебеньки, нагрудники и подхвостники.

Новая реконструкция седла из Часовенной горы

С учетом вышеуказанных особенностей монгольских седел была выполнена современная реконструкция седла с серебряными накладками из Часовенной горы (рис. 5). При работе над ней

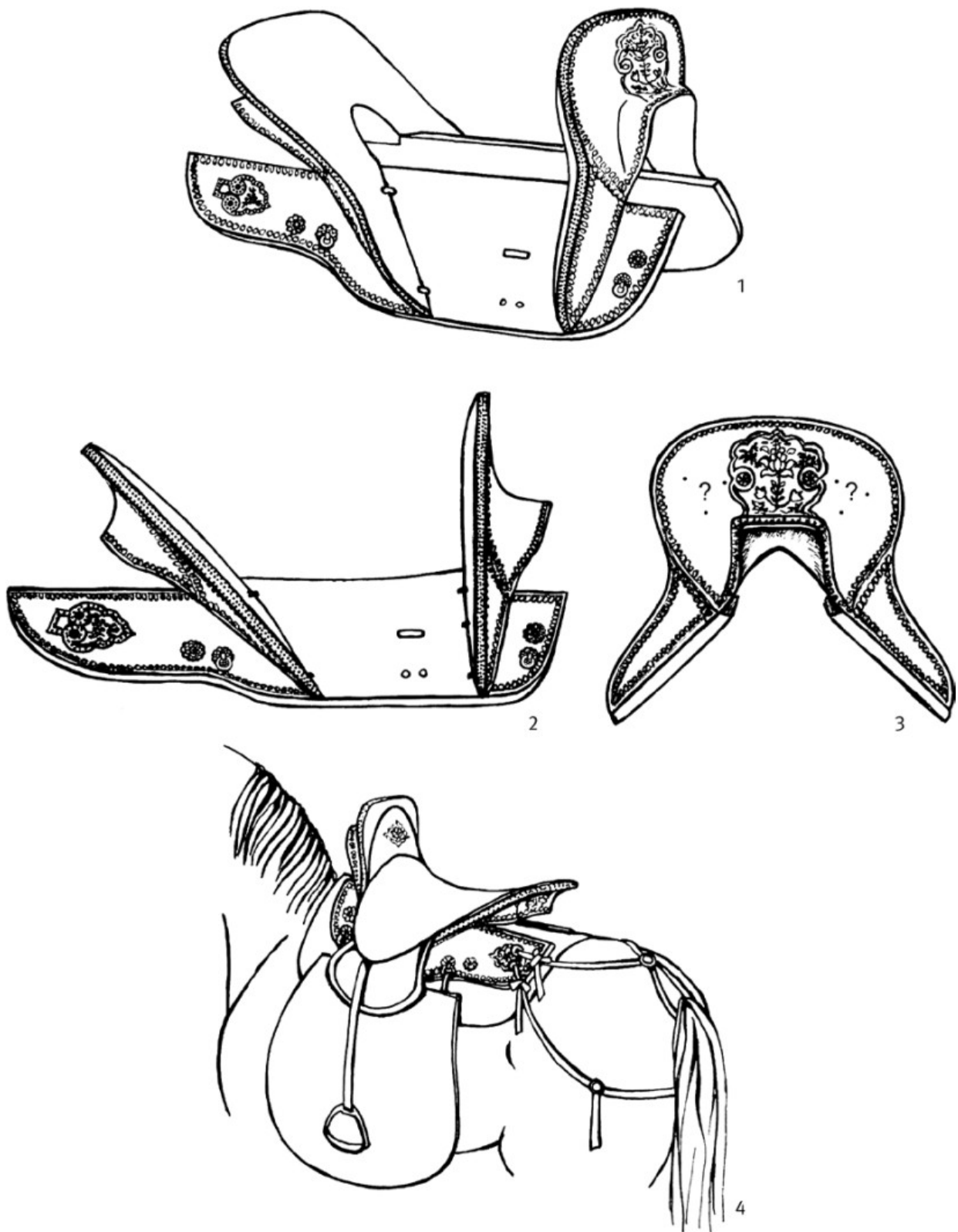

РИС. 5. Новая реконструкция седла из Часовенной горы: 1 – ленчик, общий вид; 2 – вид сбоку; 3 – вид спереди; 4 – предполагаемая реконструкция седла в сборе. Реконструкция и рис. Е. В. Степановой

FIG. 5. New reconstruction of the saddle from Chasovennaya Gora: 1 – saddle tree, general view; 2 – side view; 3 – front view; 4 – hypothetical reconstruction of an assembled saddle. Reconstruction and drawing by E. V. Stepanova

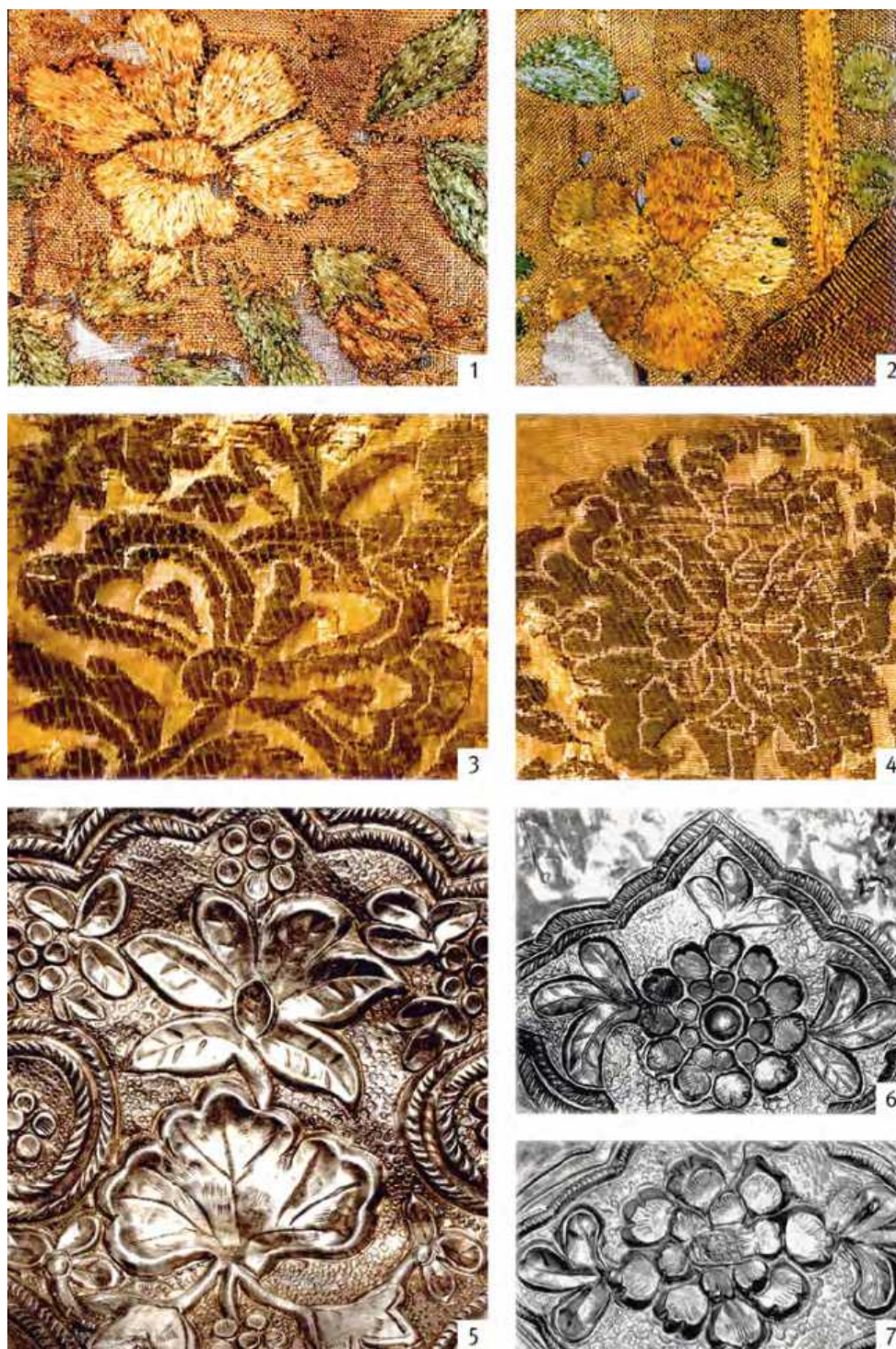

РИС. 6. Цветочный орнамент на тканях и серебряных накладках седла из Часовенной горы: 1, 2 – могила 2, шелковая ткань с вышивкой и золотными нитями; 3, 4 – могила не определена (предположительно, могила 2), шелковая ткань с вытканными медальонами; 5–7 – могила 3, накладки на луки седла (центральная накладка на внешнюю сторону задней луки и накладки на внутреннюю сторону луки), серебро. Фотографии Л. С. Марсадолова

FIG. 6. Floral pattern on textiles and silver saddle plates from Chasovennaya Gora: 1, 2 – grave 2, silk textile with embroidering and gold threads; 3, 4 – the grave undefined (presumably, grave 2), silk textile with woven medallions; 5–7 – grave 3, plates on saddle arches (central plate on the outer side of the cantle and plates on the inner sides of the arches), silver. Photos by L. S. Marsadlov

РИС. 7. Детали седел: 1, 2 – Часовенная гора, могила 3, стремя с плакировкой (общий вид и деталь), железо, серебро; 3 – Часовенная гора, могила 3, окончания седельных кантов, бронза; 4 – Часовенная гора, могила 2, окончания седельных кантов, железо; 5 – Каменка V, могила 3, окончания седельных кантов, железо. Фотографии Д. А. Бобровой

FIG. 7. Parts of saddles: 1, 2 – Chasovennaya Gora, grave 3, plated stirrup (general view and a detail), iron, silver; 3 – Chasovennaya Gora, grave 3, tips of saddle edgings, bronze; 4 – Chasovennaya Gora, grave 2, tips of saddle edgings, iron; 5 – Kamenka V, grave 3, tips of saddle edgings, iron. Photos by D. A. Bobrova

большую роль сыграло седло из Кызыл-Болчока³, с которым смог детально ознакомиться один из авторов статьи⁴.

Разрушенное грунтовое погребение в колоде было раскопано в 2017 г. в местности Кызыл-Болчок в Кош-Агачском р-не Республики Алтай (*Константинов, Эбель, 2017; Серёгин и др., 2018. С. 105–108, рис. 2–4*). В погребении найдены два комплекта конского снаряжения, возможно, повседневный и парадный, — два седла, поверх которых были положены узды. Оба седла имели железные стремяна, подпружные пряжки и берестяные подкладки под полки, но только у одного из них, лучше сохранившегося, имелись декоративные детали, положенная вместе с ним узда имела наносный султанчик, и даже берестяные подкладки были выполнены более тщательно. Комплект конского снаряжения из этого памятника в целом очень близок комплектам из погребений Часовенной горы по форме удил, наносного султанчика, стремян, а также имеет аналогии в декоре седла из мог. 3.

Дерево парадного седла из Кызыл-Болчока в значительной степени деградировало и усохло, хотя все конструктивные особенности видны очень хорошо. При этом его берестяные детали сохранили свои первоначальные размеры, что позволило уточнить и исходные габариты самого седла, введя поправку на усадку. Очень важно, что накладки на концы полков из Часовенной горы не только хорошо соотносятся с берестяными деталями из Кызыл-Болчока по размерам, но с большой вероятностью мы можем утверждать, что у часовенногорского седла также были подобные элементы — на всех накладках имеются пробитые поверх орнамента отверстия, соответствующие по месту отверстиям на берестяных деталях. Возможно, они привязывались к концам полков тонкими ремешками или шнурками. Концы полков седла из Кызыл-Болчока выщерблены, что не позволяет полностью подтвердить наше предположение, но каких-то иных способов крепления также не обнаружено.

В целом полки седел из Часовенной горы и Кызыл-Болчока имеют очень близкие габариты, за исключением длины задних выступов — они у часо-

венногорского седла больше, и соответственно несколько больше общая длина полков.

Размеры лук и их наружный профиль у часовенногорского седла жестко predeterminedены накладками. При этом необходимо учитывать, что накладки на развилках лук немного заходили широким неорнаментированным краем под центральные накладки. Все накладки по периметру имеют бордюр из каплевидных элементов, напоминающих «овы». В месте стыка центральные накладки на луки имели двойной ряд «ов» для его прикрытия (*рис. 2, 1, 4*), благодаря чему накладки на развилки также получали свой замкнутый контур из «ов». Внутренние стороны лук были смоделированы по аналогии с луками седел из Кызыл-Болчока и др. На задних накладках полков сохранились по два отверстия для ремешков, крепивших луки, соответственно, столько же отверстий было и на развилках лук. Медным кантом с тремя рядами выпуклых точек были обиты только луки по верхнему торцу. Кант прикрывал отогнутые для крепления края накладок. Окончания медных лент закруглены.

Реконструируемая длина (*рис. 5, 3*) полков часовенногорского седла составляла не менее 55 см, ширина полков в передней части — 15 см, в задней — 12,5 см, в средней (сиденье) — около 16,5 см. Наибольшая высота передней луки (от концов развилок) — 32 см, задней — 34 см, расстояние между концами развилок — 35 и 43 см, длина развилок — 15 и 19 см. Ширина седельного желоба — около 8 см. Наибольшая ширина передней центральной накладки — 25 см, задней — 26,5 см; ширина козырька — 9 и 9,5 см соответственно.

Для крепления нагрудников, подхвостников, тороков и подвесных кожаных крыльев у монгольских седел на выступающих частях полков обычно располагались железные пробойи с кольцами: два — спереди, до пяти — сзади. Пробойи могли соединяться снаружи железными лентами, укреплявшими полки по линии отверстий для пробоев, или проходить сквозь многолепестковые розетки, игравшие дополнительно и декоративную роль. Часовенногорское седло имеет на передних и задних накладках полков по две розетки, но железные пробойи с кольцами пропущены только через нижние розетки. Эти кольца могли быть задействованы для подвешивания крыльев. Пары отверстий в фигурных медальонах на задних накладках, скорее всего, использовались для крепления подхвостного ремня (*рис. 2, 5, 6; 5*). Аналогичную схему расположе-

³ Седло реставрировано Н. А. Васильевой, художником-реставратором высшей категории Лаборатории научной реставрации предметов прикладного искусства из органических материалов ГЭ.

⁴ Благодарим автора раскопок Н. А. Константинова за возможность ознакомиться с материалами из Кызыл-Болчока.

ния крепежных элементов мы можем видеть на золотых накладках седла из коллекции Насера Д. Халили (рис. 4, 1). У обоих седел не предусмотрены крепления под тороки, что, видимо, является особенностью парадных элитных седел.

По сторонам центрального медальона на накладке передней луки имеются по три отверстия, образующих треугольники, видимо, от крепления накладных изображений сложной формы (рис. 5, 3). Возможно, это были фигурки животных, как на мелитопольском седле (рис. 4, 3, 4). На задней луке дополнительных изображений не было.

Очень детальные статуэтки юаньского времени (Imperial China, 2000. Cat. 155, 156) позволяют реконструировать внешний облик часоверногорского седла в полном сборе (рис. 5, 4) и решить вопрос с двумя полукруглыми (серповидными) накладками (рис. 3, 1, 2), которые не задействованы нами при реконструкции ленчика и которые ранее Д. Г. Савинов отнес к другому седлу. На этих изображениях подушки сидений имеют полукруглые края, заходящие на луки, но не прикрывающие их полностью, и их форма идеально соответствует форме и профилю двух слегка выпуклых серповидных дополнительных накладок. По размерам эти накладки хорошо вписываются в габариты луки. Нужно отметить, что в инвентаре эти накладки указаны как **накладки «с внутренней стороны» луки (!)**, никаких следов второго седла в мог. 3 нет, а особенности изображений на полукруглых накладках те же, что и на основных накладках (Марсадолов, Степанова, 2020. С. 86). То есть, это накладки не на ленчик, они украшали и крепили к лукам верхние края седельной подушки. По периметру накладок имеются мелкие пробитые отверстия. Возможно, они прибавались через текстильный кант.

Декор серебряных накладок седла из Часоверной горы

Серебряные седельные накладки выполнены в технике басмы с доработкой чеканами с лицевой стороны. Декор накладок из Часоверной горы находит аналогии в чингисидской тореветике XIII–XIV вв. Это листовые узоры и рельефные жгуты медальонов, орнамент, оставленный резервом на фоне, заполненном маленькими кружками пунсона, крупные цветы со смешением черт лотоса и пиона.

Часоверногорские накладки близки серебряным мелитопольским и золотым накладкам мужского седла из коллекции Насера Д. Халили по

форме и особенностям декора (рис. 4, 1, 3, 4). По мнению М. Г. Крамаровского, оба седла являются ранними — начало XIII в. (Крамаровский, 2001. С. 67, 214, 216, кат. 17, 18). По периметру мелитопольских накладок имеется бордюр, напоминающий «овы» часоверногорского седла. На задних накладках полок седла из коллекции Насера Д. Халили также расположен крупный медальон с отверстиями, помимо двух мелких цветочных розеток. Из этой же коллекции происходят бляхи конского убора в виде фигурного листа, очень похожие формой на медальон задних накладок полок седла из Часоверной горы (Крамаровский, 2001. Рис. 9). Общим для вышеназванных седел является и трехчастный декор на центральных накладках луки — в центре цветочная розетка, по бокам от нее дополнительные изображения.

Данная схема воспроизведена и на седле из Кызыл-Болчока — по оси имитированной бронзовым кантом центральной «накладки» на передней луке помещена ромбовидная фестончатая бронзовая пластина с пионовидным цветком (Серегин и др., 2018. Рис. 4, 2), а по сторонам от нее — две многолепестковые бронзовые розетки с выпуклой серединой. Ромбовидные фестончатые медальоны с пионовидным цветком помещены и на полукруглые пластины с внутренней стороны луки часоверногорского седла.

В ходе раскопок С. А. Теплоухова на Часоверной горе в мог. 2 и 3 найдены многочисленные и сравнительно хорошо сохранившиеся фрагменты одежды из шелковых и шерстяных тканей. В 2017 г. часть фрагментов из мог. 2 были отреставрированы. В процессе их изучения были выделены несколько видов тканей и реконструированы детали одежды (Денисова и др., 2020). Фрагменты ткани с вышивкой из Часоверной горы (рис. 6, 1, 2) близки к вышивке из Музея Метрополитен, Rogers Fund, отнесенной к концу XI — началу XIII в. (Watt, Wardwell, 1997. Cat. 50), но в последней золотые нити отсутствуют. Вероятно, шелковая ткань с вышивкой из мог. 2 была произведена в Китае и привезена в Сибирь в XIII в. (Там же).

Фрагменты другой шелковой ткани из Часоверной горы пока мало изучены. На сохранившихся фрагментах в вытканых медальонах изображены крупные цветы, бутоны и побеги с листьями (рис. 6, 3, 4).

Мастера-ювелиры для украшения изделий из драгоценных металлов могли использовать доступные им изображения на предметах из металла, кам-

ня, глины, кости, дерева и тканей, дополняя своими элементами. Не исключено, что ряд узоров на тканях могли послужить основой для создания стилизованных растительных изображений и на серебряных пластинах из Часовенной горы (рис. 6, 5–7).

Комплексы конского снаряжения из Часовенной горы

По справедливому замечанию А. А. Гавриловой, в часовенногорской коллекции имеется «ряд предметов с утраченной отметкой о принадлежности», но она не предприняла попытку разделить их по комплексам, кроме предположительного отнесения одних удил к мог. 3. Эти неопубликованные предметы составляют более трети коллекции (34 из 98 инвентарных номеров), из них значительное количество (около 40 %) относится к конскому снаряжению.

В инвентаре кол. 1931 указана не только принадлежность предметов, но и номера по полевой описи с шифром «Ч». Эта опись включает 82 номера. Части инвентарных номеров соответствует один номер по описи (например, все накладки седла, включая медный кант из мог. 3, имеют полевой № 1, или половина костяных накладок на колчан из мог. 2 имеют полевой № 46), четыре номера по описи пропущены (видимо, сосуды и серьги из мог. 3, не вошедшие в коллекцию).

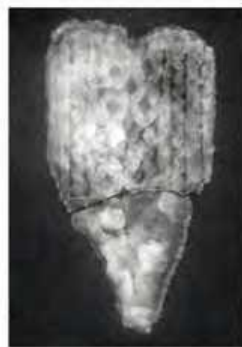
Опись составлена таким образом, что в ней последовательно представлены предметы из трех комплексов, начиная с южного (мог. 3) и заканчивая северным (мог. 1). Каждый комплекс начинается с предметов конского снаряжения, затем описывается остальная инвентарь. Если предметы, судя по их описанию, не определены как относящиеся к конскому снаряжению, то они включены в основную инвентарь. Некоторые сложности возникают, когда предметы с утраченной принадлежностью, находящиеся на границах комплексов и являющиеся фрагментами конского снаряжения, описаны так неопределенно, что не ясно, отнесены они к основному инвентарю предыдущего комплекса или конскому снаряжению следующего. Кроме того, в описи есть отдельные сбои, возможно, связанные с нечеткой фиксацией предметов на месте. Например, подряд описаны три стремени: одиночное (Ч-36, инв. № 1931/86), местоположение которого не определено, и два парных (Ч-37-38, инв. № 1931/2, 3), которые относятся к мог. 2. То же касается железных трензельных удил (Ч-76-78 инв. № 1931/1, 92, 93), из которых одни отнесены

к мог. 1, а двое неопределенных расположены между предметами из мог. 2 и мог. 1. Все грызла и кольца у двух удил выкованы из четырехгранного прутка, у третьих удил кольца плоские и имеют расплющенные расширения на внешних концах грызл. Таким образом, предложения по составу комплексов конского снаряжения (см. далее) могут рассматриваться как предварительные и требующие дальнейшего уточнения.

При этом такие предметы как стеклянные и коралловые бусы, подвески и пронизи, а также изогнутые бронзовые стреловидные пластинки на шарнирах и маленькая деревянная чашечка, располагающиеся в полевой описи между позициями предметов из мог. 3 (Ч-5-12, 22, инв. № 1931/65–70, 77), и для которых в инвентаре указано четкое положение относительно костей непотревоженного скелета, могут быть уверенно включены в состав этого погребения.

Конское снаряжение из мог. 3, помимо седла, от которого сохранились серебряные накладки, обломки бронзового канта, мелкие обломки лук и два железных стремени, плакированных серебряными пластинками с одной стороны (Ч-1-4, инв. № 1931/42, 53–56, 58–64, 43–45), а также роговые подпружные пряжки с железными язычками (Ч-40-41, инв. № 1931/51, 52), могло включать также узду с железными бляхами, плакированными золотыми пластинками (Ч-32, инв. № 1931/82 *Обломки железных накладок* – рис. 8). Рентген позволяет увидеть геометрический орнамент на этих бляхах. Техника плакировки на бляхах та же, что и на стременах, – с насечками, позволявшими прочнее соединить пластинки из драгоценных металлов с железной основой (рис. 8), но насечки точечные, а не в виде коротких черточек, как на стременах. К данному инвентарному номеру также относится обломок Т-образной бляхи (рис. 8, 1, вверху справа). Удила, предположительно, 1931/92.

Сбруйный комплект из мог. 2 включал седло с луками, окованными желобчатými (выпуклыми, серповидными в сечении) железными кантами (Ч-33, инв. № 1931/83 *Обломки дужек железных, удлиненных* – рис. 9, 1), с железными стременами (Ч-37-38, инв. № 1931/2, 3 – рис. 9, 2) и железной подпружной пряжкой (Ч-50, инв. № 1931/17). Можно отметить, что стремяна из этого погребения имеют продольное ребро на подножке, тогда как стремяна из мог. 3 и одиночное стремя, предположительно, из мог. 1 его не имеют. Полки седла из мог. 2 также были обиты по периметру узкими желез-

2

3

РИС. 8. Декоративные детали конского снаряжения с золотой плакировкой (фото, рентген, прорисовка): Часовенная гора, могила не определена (предположительно, могила 3), комплект и отдельные накладки (1–3).

1–3 – железо, золото. Рис. Е. В. Степановой

FIG. 8. Ornamental parts of horse equipment with gold plating (photo, X-Ray image, redrawing): Chasovennaya Gora, the grave undefined (presumably, grave 3), the set and separate plates (1–3).

1–3 – iron, gold. Drawing by E. V. Stepanova

ными пластинками (Ч-39, инв. № 1931/87 *Обломки железных пластинок, дугообразно изогнутых* – рис. 9, 3). Узда была украшена фигурными бронзовыми бляшками с растительным орнаментом и наносным султанчиком, имеющим бронзовую трубочку и железное основание (Ч-70, 72, инв. № 1931/34–38, 40). Удила, возможно, 1931/93.

Седло из *мог. 1* также имело железный кант из плоских узких пластинок, которыми были обиты не только торцы лук, но и наружный край арок над седельным желобом (Ч-82, инв. № 1931/98 *Обломки железных предметов* – рис. 10, 1), железную подпружную пряжку (фрагмент, тот же инвентарный номер), ажурные многолепестковые железные розетки с пробоями на полках (Ч-80, инв. № 1931/95, 96 – рис. 10, 3). На некоторых железных оковках видны следы золотой фольги и текстиля от внутренней обивки лук. Единственное железное стремя, с почти утраченной дужкой, возможно, также происходит из этого погребения. От узды сохранился только фрагмент удил (Ч-77, инв. № 1931/1) и железный наносный султанчик (Ч-81, инв. № 1931/97).

Железные канты позволяют **реконструировать форму лук и, отчасти, полок седел из мог. 2 и 1.** Можно с уверенностью утверждать, что эти седла иные, чем седло из *мог. 3*, и они не относятся к описанному выше «часовенногорскому» (монгольскому) типу седел, а продолжают линию развития местных седел X–XII вв. Если в тюркское время (VII–IX вв.) седла из различных регионов практически идентичны и синхронно развиваются от ранне-к поздне-тюркским, в последующие века региональные особенности становятся более заметными. Однако «степные» седла X–XII вв. сохраняют ряд общих конструктивных черт. Достаточно сравнить, например, аланские седла из ст. Змейской, седло из Узун хая, Хакасия, или седла из скальных погребений Монголии (Кузнецов, 1961. Рис. 5; 22; табл. VI; XI; Кызласов, 1983. С. 37, рис. 18; табл. XV, 4; Steppenkreiger, 2012. S. 210–211, Кат. III.12–15; Abb. 14). В посттюркское время полки седел утрачивают деревянное крыло

и характерный «домик» над холкой. При этом у большинства седел остается небольшое расширение в центральной части полок или сужение в задней части. Как рудимент сужение в задней части полок сохраняется и в монгольское время. Луки седел X–XII вв. имеют различия в форме и массивности, даже в пределах одного могильника (например, у ст. Змейской), но сохраняют подтреугольный профиль сечения над седельным желобом, т. е. имеют максимальную толщину над седельным желобом при небольшой толщине по верхнему бортику – 1–1,5 см. Для лук характерны ровные основания развилки, при этом отверстия для крепежных ремешков могут как выходить, так и не выходить на их наружную сторону.

Монгольские седла XIII–XIV вв. отличаются от своих предшественников, прежде всего своеобразной формой лук. И хотя они получили широкое распространение, благодаря походам монголов, другие региональные разновидности и типы седел продолжали существовать и развиваться параллельно с ними. Так, седло из могильника Кудыргэ, *мог. 17, Алтай (Гаврилова, 1965. Табл. XXVII)*, судя по сохранившейся передней луке, не относится к монгольскому типу, хотя само погребение монгольского времени. Ленчик этого седла был отделан костяным кантом.

Железные оковки ленчиков седел из *мог. 2 и 1 Часовенной горы* нетипичны для седел тюркского и монгольского типов, но широко представлены в памятниках енисейских кыргызов XI–XIII вв. Железные канты с серебряной плакировкой, имеются, например, в могильниках Све таг, кург. 1 и Чернова, кург. 12 из Минусинской котловины, а также в собрании О. Б. Згерского-Струмилло (Кызласов, 1983. Табл. XXXI, 6, 11, 13, 14; XXIV, 3, 12; XVII). Большая часть кантов – плоские (от обивки полок – всегда плоские), но встречаются также Г-образные в сечении и желобчатые (например, обивка лук в Све таг, кург. 1 – желобчатая с продольным ребром). Канты закрывали не только верхние торцы лук, но и внешний край арок лук

РИС. 9. Детали седла, Часовенная гора, могила не определена (предположительно, могила 2): 1 – седельные канты; 2 – стремя; 3 – оковки полок ленчика с гвоздиками.

1-3 – железо. Фотографии Д. А. Бобровой

FIG. 9. Saddle parts, Chasovennaya Gora, the grave undefined (presumably, grave 2): 1 – saddle edgings; 2 – stirrup; 3 – bindings of the saddle tree knee rolls with tacks.

1-3 – iron. Photos by D. A. Bobrova

РИС. 10. Детали седла, Часовенная гора, могила не определена (предположительно, могила 1): 1 – седельные канты; 2 – стремя; 3 – розетки с пробоями и кольцами.

1-3 – железо. Фотографии Д. А. Бобровой

FIG. 10. Saddle parts, Chasovennaya Gora, the grave undefined (presumably, grave 1): 1 – saddle edgings; 2 – stirrup; 3 – rosettes with punches and rings.

1-3 – iron. Photos by D. A. Bobrova

над седельным желобом. Полный комплект железных кантов сохранился в погребении Каменка V, мог. 3 (на **рис. 7, 5** – фрагмент окантовки лук). Данный седельный комплект наиболее близок седлам из мог. 2 и 1 Часовенной горы. И хотя обивка лук из мог. 2 представлена желобчатым кантом (**рис. 9, 1**), в мог. 3 Каменки V есть колчаный крюк, имеющий планку точно такой формы. У седел из Каменки V, мог. 3 и Часовенной горы, мог. 1 имеются обивки внешнего края арок лук над седельным желобом. Такие обивки **не могут** быть размещены на луках седел монгольского типа (**рис. 4**). Профиль желобчатых оковок торцов лук из мог. 2 Часовенной горы также существенно отличается от профиля торцов лук монгольского седла из мог. 3 (в кол. 1931 сохранились фрагменты лук) и других седел этого типа.

Зачем седла обивали железом? Наилучший эффект для повышения прочности деревянных ленчиков и увеличения срока их службы дает оклейка тонкими костяными пластинками. Назначение железных кантов – защитное. Основная функция металлических, и, прежде всего, железных накладок на седла, от азиатских полужестких до средневековых рыцарских – защита всадника и самого седла. Торцы лук – наиболее уязвимая часть седел в ближнем бою. На седлах тюркского времени, не имевших кантов, встречаются характерные повреждения на луках, возможно от рубящих ударов, скрепленные при ремонте железными пластинками (например, у седел из могильника Аймырлыг (Даг-Аразы)-3, Группа II, кург. 13, Тува и из скальной гробницы Жаргалант, сомон Манхан, Ховд аймак, Монголия (Steppenkreiger, 2012. S. 251, Kat. I.10). Позднее данную проблему пытались решить с помощью железных кантов.

Каменку V, мог. 3, как и Часовенную гору, И. Л. Кызласов относит к последнему, каменскому этапу аскизской культуры и датирует XIII–XIV вв. (Кызласов, 1983. С. 74). Д. Г. Савинов определяет хронологические рамки этого этапа (с характерным кыргызским комплексом предметов сопроводительного инвентаря и обрядом трупосожжения) XII – первой половиной XIII в. Часовенногорский этап, материалы которого «уже в значительной степени смешанные, представляющие распад прежних и появление новых этнокультурных традиций», он синхронизирует с Юаньской династией в Китае (1260–1368 гг.), в состав которой первоначально входила и территория Южной Сибири,

и датирует второй половиной XIII – первой половиной XIV в. (Савинов, 1990. С. 124).

Таким образом, анализ материалов из Часовенной горы (кол. 1931), позволяет утверждать, что во всех трех погребениях имелось по полному комплекту конского снаряжения, включающему узду и седло со стременами. При этом элитное седло монгольского типа было только в мог. 3, а в мог. 2 и 1 – поздние кыргызские седла с другой формой лук и характерными для них железными оковками ленчика. По особенностям серебряных накладок, которые имеют аналогии с аналогичными элементами декора ранних монгольских седел (Крамаровский, 2001. С. 67, 214, 216, кат. 17, 18), седло монгольского типа из мог. 3 Часовенной горы предпочтительно датировать XIII в.

Хотя женское погребение в мог. 3, как уже неоднократно указывалось, не кыргызское по основному инвентарю и обряду, однако в конском снаряжении присутствуют некоторые местные аналогии. Бронзовые канты седла из мог. 3 с тремя продольными рядами полусферических выпуклостей имеют, прежде всего, декоративное значение и призваны прикрыть места крепления серебряных накладок. При этом они создают некоторый диссонанс с серебряными накладками, как по материалу, так и по уровню отделки. Фрагменты подобных кантов встречаются в нескольких поздних памятниках ареала аскизской культуры (по И. Л. Кызласову) – в погребениях курганной группы Берг Енисея, кург. 2 и 3, Минусинская котловина, в составе случайной находки 1895 г. у дер. Каменка, Красноярский край, и в могильнике Быстрая, мог. 2 (Кызласов, 1983. Табл. XXXVII, 5, 18, 21; XXXVIII, 4; XIV, 41–43; Савинов, 1990. С. 120, рис. V, 4). То есть можно эти детали рассматривать как некую новацию (как и монгольское седло) или предполагать их возможную преемственность с железными кантами, и, соответственно считать, что они были изготовлены на месте, что более вероятно. Как и у железных кантов, закрывающих торцы лук, концы бронзовых закруглены (**рис. 7, 3–5**). Среди находок из Каменки и Быстрой, помимо кантов, имеются бронзовые накладки округлых очертаний с выпуклостями, которые также соотносят с седлами, но их локализация на седле не ясна.

Железные бляхи конского убора с золотой плакировкой, которые могут быть отнесены к мог. 3, выделяются материалом отделки (золото) при несомненном сходстве формы, материала основы и орнамента с местными образцами.

Заключение и предварительные выводы

Археологические памятники монгольского времени в Южной Сибири пока малочисленны. Седло с серебряными накладками из мог. 3 Часовенной горы может служить эталоном для элитных монгольских седел XIII–XIV вв. Понятие часовенногорского типа седла целесообразно сузить только для этой группы седел.

Анализ конского снаряжения из Часовенной горы подтверждает ранее уже высказывавшееся

мнение (Гаврилова, 1965; Кызласов, 1983; Савинов, 1990; и др.), что памятник Часовенная гора в целом относится к периоду монгольской экспансии и завершающему этапу существования государства енисейских кыргызов. Конское снаряжение из Часовенной горы, как и основной инвентарь, имеет смешанный облик. К монгольскому типу может быть отнесено только седло из мог. 3, а седла из мог. 2 и 1 – кыргызские. С учетом особенностей конского снаряжения вероятно датировка памятника в пределах XIII в.

Литература

- Гаврилова, 1965 – Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 145 с.
- Даржа, 2003 – Даржа В. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН, 2003. 184 с.
- Денисова и др., 2020 – Денисова М. В., Миколайчук Е. А., Марсадолов Л. С., Панкова С. В. Шелковые ткани с вышивкой и золотными нитями монгольского времени из погребения на Часовенной горе под Красноярском // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история, музееведение). 2019 год. Барнаул: Алтайский гос. пед. ун-т, 2020. Вып. 15. С. 30–40.
- Константинов, Эбель, 2017 – Константинов Н. А., Эбель А. В. Новые находки монгольского времени из Юго-Восточного Алтая // ТПАИ. 2017. № 2 (18). С. 22–29.
- Крамаровский, 2001 – Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
- Кузнецов, 1961 – Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) // Археологические находки в районе Змейской Северной Осетии. Тр. археологической экспедиции 1953–1957 гг. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1961. С. 62–135. (Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии; Т. 1).
- Кызласов, 1983 – Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 128 с. (САИ; Вып. ЕЗ-18).
- Марсадолов, 2005 – Марсадолов Л. С. Обкладки луки монгольского седла // Золотая Орда. История и культура. СПб.: Славия, 2005. С. 41, 198.
- Марсадолов, 2019 – Марсадолов Л. С. Макет седла с серебряными обкладками // Золотая орда и Причерноморье. Уроки Чингисидской империи. Каталог выставки. М.: Типография Парадиз, 2019. С. 72–73 (подпись МЛ).
- Марсадолов, Степанова, 2020 – Марсадолов Л. С., Степанова Е. В. Реконструкция седла монгольского времени из памятника Часовенная гора в Южной Сибири // «Кадырбаев окулары-2020». VI Халыкаралық ғылыми конференциясының материалдар жинағы. Ақтөбе, 2020 / «Кадырбаевские чтения-2020»: Сб. мат-лов VI Междунар. науч. конф. Ақтөбе, 2020. С. 80–91.
- Савинов, 1977 – Савинов Д. Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тыс. н. э.) // СЭ. 1977. № 1. С. 32–37.
- Савинов, 1990 – Савинов Д. Г. Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии / Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Б. и., 1990. С. 114–131.
- Серёгин и др., 2018 – Серёгин Н. Н., Константинов Н. А., Эбель А. В. Погребальный обряд населения Алтая в монгольское время: новые материалы, итоги и перспективы исследований // Сибирские исторические исследования. 2018. № 4. С. 102–129.
- Табалдиев, 1996 – Табалдиев К. Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.
- Табалдиев и др., 2014 – Табалдиев К. Ш., Акматов К. Т., Орозбекова Ж. Деревянные остовы седел из могильника Боз-Адыр на Тянь-Шане // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 186–196.
- Теплоухов, 1929 – Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. (В кратком изложении) // Материалы по этнографии. Т. IV, вып. 2. Л.: Издание Гос. Русского музея, 1929. С. 41–62.
- Imperial China, 2000 – Imperial China. The Art of the horse in Chinese History. Exhibition Catalog. Kentucky Horse Park, 2000. 180 p.
- Kohalmi, 1968 – Kohalmi K. U. Two saddle finds from Western Mongolia // Acta Archaeologica Hungaricae. Budapest, 1968. Т. 20. P. 347–358.
- Steppenkrieger, 2012 – Steppenkrieger. Reiternomaden des 7.–14. Jahrhunderts aus der Mongolei / Hrsg. J. Bemann. Katalogbuch. Bonn, 2012. 320 S.
- Walter, 1993 – Walter A. F. Archaeology of the Southern Gobi of Mongolia. Durham: Carolina Academic Press, 1993. 251 p.
- Watt, Wardwell, 1997 – Watt J. C., Wardwell A. E. When Silk Was Gold: Central Asian and Chinese Textiles. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1997. 238 p.

Saddles of the Mongol period from Chasovennaya Gora near Krasnoyarsk

L. S. Marsadolov, E. V. Stepanova

Archaeological sites of the Mongol period in Southern Siberia are so far not numerous. A saddle with silver plates from grave No. 3 at the Chasovennaya Gora cemetery can serve as a standard of the elite Mongol saddles of the 13th–14th century, while it is reasonable to apply the notion of the Chasovennaya-Gora type of saddles only more narrowly to this group of saddles. Analysis of the horse gear from Chasovennaya Gora confirms the already previously expressed opinion (*Гаврилова*, 1965; *Кызласов*, 1983; *Савинов*, 1990; et al.) that the site

of Chasovennaya Gora belongs generally to the period of the Mongol expansion and the concluding stage of the existence of the state of the Yenisey Kyrgyzes. The horse equipment from Chasovennaya Gora, similarly to its main grave inventory, is of a mixed character. Only the saddle from grave No. 3 may be attributed to the Mongol type while the saddles from graves No. 2 and No. 1 are Kyrgyzian. Considering the features of the horse equipment, the site under consideration is datable to within the 13th century.

ЗНАКИ НА КАМНЯХ

Древнейшие наскальные изображения Восточной Сибири: новые открытия и перспективы исследований

И. А. Пономарёва¹

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты полевых работ автора в Забайкалье в 2017 г., в ходе которых были заново обследованы некоторые известные писаницы предположительно палеолитического возраста – Бырка, Шаман-гора и Бутиха. Была открыта новая писаница Старая Жила с зооморфным изображением, стилистически сходным с быркинскими бизонами; еще на двух памятниках Судунтуй и Шара-Тала выявлены рисунки, стилистически схожие с изображениями на вышеупомянутых памятниках. Сделано наблюдение о том, что эти стилистически сходные изображения крупных животных следует объединить понятием «быркинский» стиль, возраст которого еще предстоит уточнить. Многие из обследованных памятников характеризуются многослойностью наскального искусства, что может свидетельствовать о непрерывном функционировании писаниц региона на протяжении тысячелетий. Для выяснения хронологии необходимы дальнейшие исследования с применением методов естественных наук, что позволит более детально изучать эти памятники и процессы, стоящие за их созданием и функционированием.

ANNOTATION. The paper presents some results of the author's 2017 fieldwork in Trans-Baikal which speaks to the importance and relevance of further research on the issue of the earliest rock art in East Siberia. Several sites which could be of a very deep age were re-examined, such as Byrka, Shaman-Gora and Butikha, and a new site Staraya Zhila featuring a zoomorphic figure stylistically similar to the Byrka bison was discovered; drawings stylistically similar to the images on the above-mentioned monuments were found on two more sites of Suduntui and Shara-Tala. An observation was made that these sites feature zoomorphic figures similar in the manner of their depiction which should be defined as the 'Byrka' style and further research is necessary to establish the age of this style. Most of the sites surveyed exhibit multilayeredness of rock art production indicating a continuous active role of these places during several millennia. A precise identification of these phases and their age determination using scientific methods will contribute to unveiling these processes, which is a task for future research.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: наскальное искусство, палеолит, Забайкалье, Восточная Сибирь, «быркинский» стиль.

KEYWORDS: rock art, Paleolithic, Trans-Baikal, East Siberia, "Byrka" style.

Введение

В последние годы проблема древнейших наскальных рисунков в Восточной Сибири, казалось бы, потеряла остроту, так как не велись их активные поиски. Однако в контексте открытий и исследований на Алтае и Урале, а также недавних работ автора статьи в рассматриваемом регионе, в ходе которых обследованы известные памятники, а также открыты новые местонахождения и рисунки, дальнейшая разработка этой темы пред-

ставляется актуальной. В ходе полевых работ в Забайкалье в 2017 г. автор статьи обследовала памятники Шаман-Гора, Бырка и Бутиха (рис. 1), которые могут датироваться довольно ранним временем на основании таких признаков, как сюжет и стиль рисунков. На возможную древность памятников также указывают материалы раскопок в непосредственной близости от плоскостей. На основании полученных в ходе полевых работ материалов в данной статье представлен обзор истории изучения палеолитических наскальных рисунков Восточной Сибири, описаны находки автора, а также сделаны предварительные выводы и изложены перспективы дальнейших исследований.

¹ 4215, Австралия, Голд Кост, Парклэндс Драйв, д. 1. Университет Гриффита. Центр социальных и культурных исследований. Адрес электронной почты: i.ponomareva@griffith.edu.au.

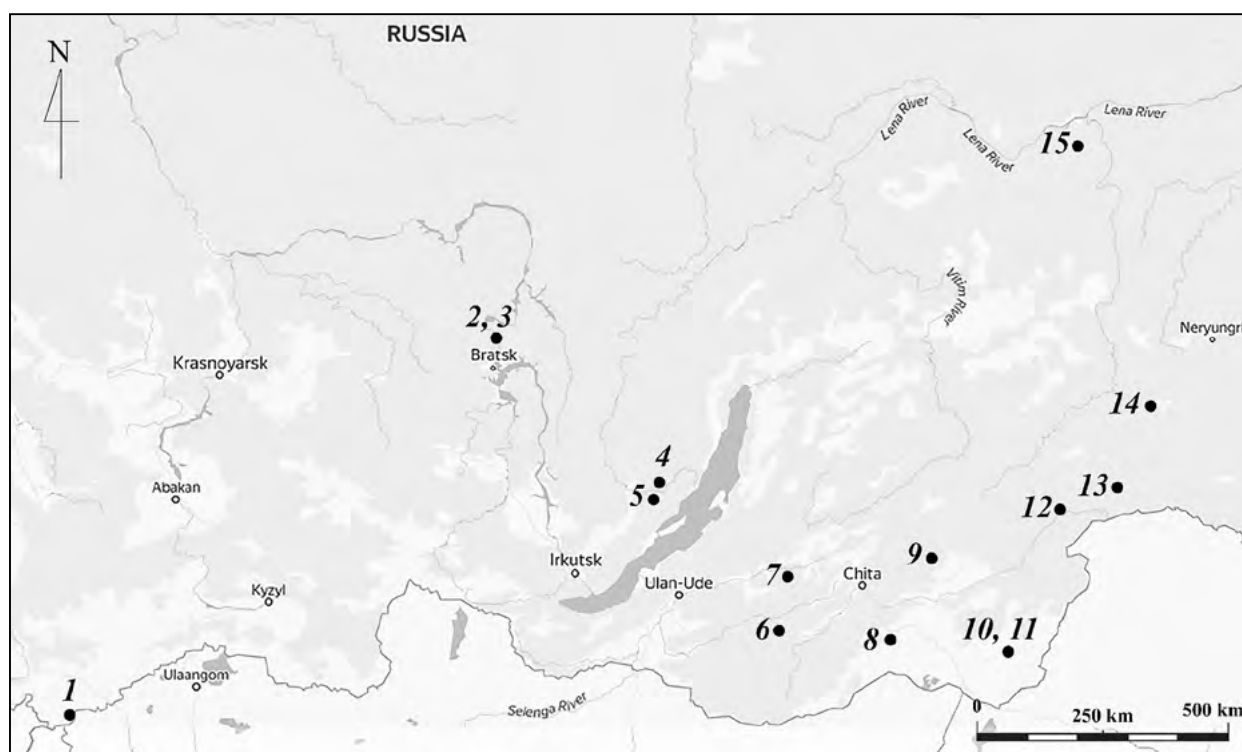

РИС. 1. Карта-схема памятников наскального искусства, обсуждаемых в статье: 1 – Калгутинский рудник; 2 – Долгий порог; 3 – Ушканий остров; 4 – Шишкинские писаницы; 5 – Тальма; 6 – Шаман-Гора; 7 – Шара-Тала; 8 – Судунтуй; 9 – Бутиха; 10 – Бырка; 11 – Старая Жила; 12 – Среднешайкино; 13 – Утени; 14 – Ньюкжа; 15 – Токко

FIG. 1. Schematic map of rock art sites discussed in the text: 1 – Kalgutinsky Rudnik; 2 – Dolgy Porog; 3 – Ushkaniy Island; 4 – Shishkino; 5 – Talma; 6 – Shaman-Gora; 7 – Shara-Tala; 8 – Suduntuy; 9 – Butikha; 10 – Byrka; 11 – Staraya Zhila; 12 – Sredneshaykino; 13 – Uteni; 14 – Nyukzha; 15 – Tokko

История вопроса

В 1949 г. вышла широко известная статья А. П. Окладникова, в которой впервые были представлены наскальные изображения палеолитического возраста, единственные известные на тот момент в Северной Азии (Окладников, 1949). Это были изображения двух лошадей и одного быка на Шишкинской писанице (рис. 2, 1–3). Аргументы А. П. Окладникова, доказывающие древний возраст рисунков, касались следующих аспектов: 1) состояние сохранности – рисунки были очень выцветшими; 2) изображенные образы; 3) стилистические особенности. Согласно А. П. Окладникову, дикие лошади и быки обитали на открытых травянистых пространствах, которые как раз были представлены на Верхней Лене в палеолите, что подтверждалось находками фаунистических остатков стоянок Мальта и Буреть. Что касается стилистических особенностей, то А. П. Окладников утверждал, что наскальное искусство эпох неолита и бронзы было представлено совершенной другой традицией,

в которой доминировал мотив лося. Помимо прочего, также подчеркивалось стилистическое сходство Шишкинских палеолитических изображений с живописями пещер Франко-Кантабрии.

В 1967–1971 гг., в основном на страницах журнала «Советская этнография», развернулась дискуссия о проблемах изучения наскального искусства, инициатором которой стал А. А. Формозов (1967). Он подверг критике хронологические построения А. П. Окладникова в отношении наскального искусства Сибири. В частности, его критика касалась палеолитических рисунков Шишкинской писаницы. Исследователь привел факты, что дикая лошадь не вымерла в конце плейстоцена и продолжала существовать также в эпоху голоцена в Якутии. Атрибуция диких быков к древнейшей эпохе также вызвала сомнения у А. А. Формозова. Он высказал альтернативную версию, заключающуюся в том, что рисунки могли изображать и одомашненного быка, мотив которого широко представлен в наскальном искусстве эпохи бронзы

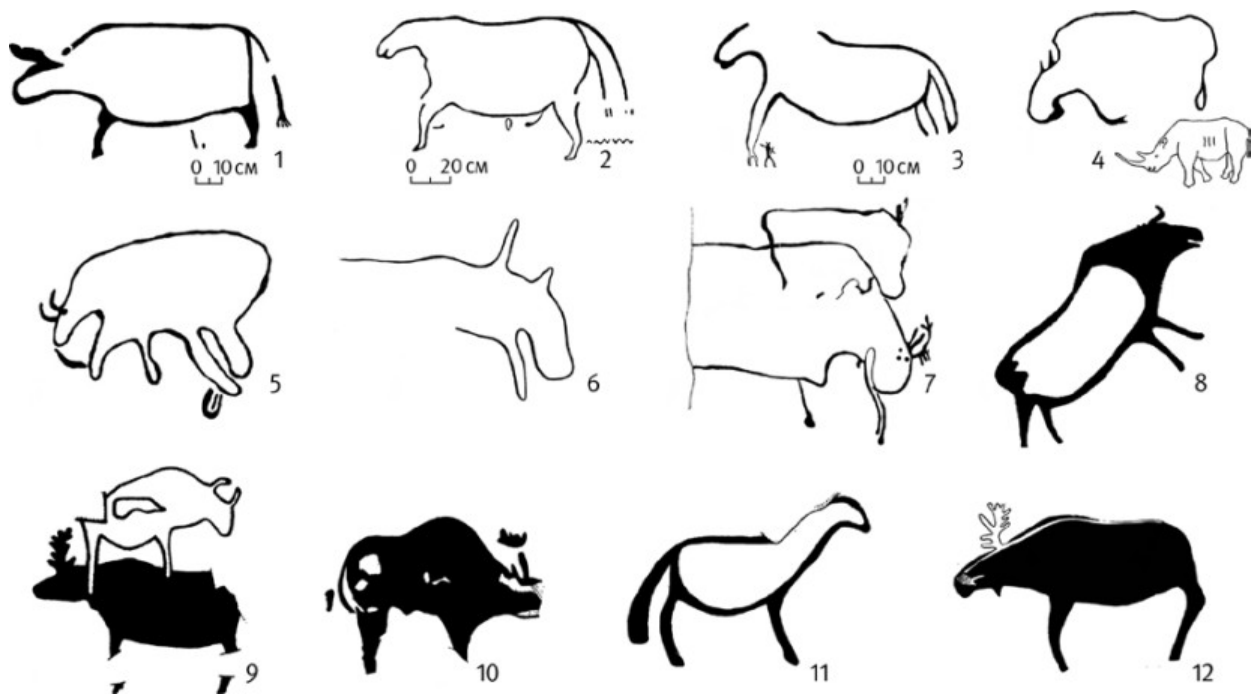

РИС. 2. Наскальные рисунки Прибайкалья и Якутии, ранее отнесенные исследователями к эпохе палеолита: 1–3 – Шишкинская писаница (по: *Окладников, 1949*); 4, 7 – остров Ушканий (по: *Окладников, 1976*); 5 – Долгий порог (по: *Окладников, 1978*); 6 – Тальма (по: *Окладников, 1977*); 8–12 – Токко (по: *Окладников, Мазин, 1976*). Масштаб разный

FIG. 2. Rock art images of the Baykal region and Yakutia ever assumed to be of the Paleolithic Age: 1–3 – Shishkino (after *Окладников, 1949*); 4, 7 – Ushkaniy Island (after *Окладников, 1976*); 5 – Dolgy Porog (after *Окладников, 1978*); 6 – Talma (after *Окладников, 1977*); 8–12 – Tokko (after *Окладников, Мазин, 1976*). Scale varies

и раннего железного века Южной Сибири. Другие критические замечания касались того, что стилистические аналогии с Франко-Кантабрией выглядят несостоятельными в силу географической отдаленности рассматриваемых регионов, а факт их нахождения на открытых плоскостях вызывает сомнения в их ранней датировке. На эти замечания сам А. П. Окладников не ответил.

В 1970-х гг. к трем рисункам Шишкинской писаницы А. П. Окладников добавил другие наскальные изображения в Прибайкальском регионе, которые, по его мнению, также имели палеолитический возраст (*Окладников, 1976; 1977; 1978*). Все четыре фигуры, одна с Верхней Лены (Тальма) и три с Нижней Ангары (Долгий Порог, о-в Ушканий), изображали носорогов (рис. 2, 4–7). Эта атрибуция вызвала у некоторых исследователей сомнения (см.: *Bednarik, 1993; Молодин, Черемисин, 1999*). К тому же, кроме опубликованных прорисовок А. П. Окладникова, других источников на данный момент нет – и, возможно, никогда не появится в связи с затоплением района Нижней Ангары в результате строительства ГЭС. Что касается верхнеленской

Тальмы, то, по устному сообщению В. С. Николаева, сделанному в 2019 г. по результатам проведенного им вместе с Л. С. Мельниковой тщательного повторного обследования и копирования Тальминских писаниц, это изображение обнаружено не было. В. С. Николаев убежден, что оно никогда не существовало.

В 1989 г. было начато повторное обследование Шишкинских писаниц, результатом которого стала фундаментальная монографическая публикация (*Мельникова и др., 2011; 2012*). Исследования на памятнике проводились в течение 20 лет, и на основе изучения возраста открытия плоскостей и процессов их разрушения была выстроена новая хронологическая схема наскальных рисунков Шишкинской писаницы. В числе прочего была опровергнута точка зрения А. П. Окладникова о палеолитическом возрасте быка и двух лошадей. Авторы также сделали вывод, что «на всей территории Сибири и Центральной Азии на открытых скальных обнажениях сохранение рисунков эпохи палеолита невозможно» (*Мельникова и др., 2012. С. 83*). Данное утверждение представляется скорее

преувеличением, так как исследований, подобных проведенным на Шишкинских писаницах, на других памятниках региона возможного палеолитического возраста авторы не проводили. Впрочем, можно согласиться с тем, что на данный момент в Прибайкалье действительно неизвестны памятники наскального искусства палеолитического возраста, несмотря на то, что широко известны коллекции мелкой пластики, происходящие с верхнепалеолитических стоянок Мальта, Буреть и Усть-Кова (см.: *Абрамова*, 1963; и др.).

Последователи и ученики А. П. Окладникова продолжили его дело. Были открыты и опубликованы новые изображения, отнесенные авторами находок к древнейшему этапу истории человечества. В Якутии пять изображений писаницы Токко на р. Олёкме, в числе которых дикий бык, лось, олень и дикие лошади, были датированы минимально 4 тыс. л. н., что являлось верхним рубежом палеолитической эпохи в хронологической схеме Якутии (**рис. 2, 8–12**). Главным аргументом для датировки были изображения бизона и лошади, являющихся представителями плейстоценовой фауны. Также подчеркивалось, что сами рисунки сильно выцвели, они занимают центральное положение на плоскости и перекрыты другими, более поздними рисунками (*Окладников, Мазин*, 1976). Однако, как и с атрибуцией А. П. Окладникова, отнесение данных рисунков к эпохе палеолита, сделанное на основе того, какое животное было изображено, вызвало критику в связи с находками костей диких лошадей, датированных гораздо более поздним временем. Была высказана точка зрения, что изображения следует относить к раннему железному веку (*Архипов*, 1984). Позже Н. Н. Кочмар заново обследовал писаницу Токко и пришел к выводу, что рисунок быка является на самом деле изображением бизона, что подтверждает точку зрения о палеолитическом возрасте памятника (*Кочмар*, 1994).

Писаницы палеолитического возраста, по мнению исследователей, также обнаружены в Восточном Забайкалье и на северо-западе Амурской области (**рис. 1–10**) – писаницы Бырка, Нюкжа, Среднешайкино, Бутиха и открытая относительно недавно Утени (*Забияко, Кобызов*, 2010; *Мазин*, 1986; 1994).

Бырка открыта в 1983 г. (*Мазин*, 1986; 1994). На памятнике представлено более 80 рисунков на 20 плоскостях: в основном это зооморфные образы, среди которых имеются представители вымершей

фауны, а именно шерстистый носорог и бизоны. А. И. Мазин датировал плоскость с этими рисунками (плоскость № 20) возрастом 18–12 тыс. л. н. согласно данным по вымершей фауне, известным на тот момент (**рис. 3, 1, 3**). Он также предпринял раскопки непосредственно под этой плоскостью. В ходе раскопок было выявлено пять культурных горизонтов с богатыми находками. В самом нижнем горизонте исследователь нашел каменное орудие со следами охры и два предмета мелкой пластики, по очертаниям напоминающие изображения каких-то животных. К сожалению, по раскопкам нет ни радиоуглеродных дат, ни результатов каких-либо других естественно-научных анализов.

Раскопки также были проведены на писанице Нюкжа, в ходе которых обнаружена упавшая скальная плоскость с рисунком животного (**рис. 3, 7**). В перекрывавшем культурном слое найдены кусочки охры и каменные изделия со следами охры. На одном из отщепов был даже зафиксирован охристый отпечаток пальца. Слой был датирован на основе типологии каменных изделий. Аналогии были найдены в палеолитической джуктайской культуре Северо-Западной Азии, датированной 35–10,5 тыс. клб. л. н. (*Мочанов, Федосеева*, 2013).

Памятники Среднешайкино (**рис. 3, 4–6, 8**) и Бутиха (**рис. 6**) отнесены к раннему голоцену на основе стилистического сходства с рисунками Бырки и Нюкжи и типологического анализа артефактов из раскопанных возле писаниц культурных слоев. По третьему, самому нижнему, культурному горизонту Бутихи была получена дата 10920 ± 198 л. н. (*Мазин*, 1994. С. 80).

В 1990-х гг. открыт еще один яркий памятник – Шаман-гора, в гроте которого обнаружена плоскость с многофигурной композицией стада бизонов (**рис. 9; 10**). Авторы открытия и первого исследования настаивают на довольно поздней датировке памятника и относят рисунки к эпохе неолита–бронзы (*Константинов и др.*, 2003; 2008). Аргументом является находка кости бизона на стоянке Усть-Менза-1. По сообщению авторов, она была обнаружена в 4-м культурном горизонте, который вместе с горизонтами № 3 и 5 относится к позднему неолиту (4,5–3,8 тыс. л. н.) (*Константинов и др.*, 2016. С. 45). Датируются культурные горизонты на основе определения возраста отложений в соответствии с геохронологическими разработками по плейстоцену и голоцену Сибири С. М. Цейтлина, Н. А. Хотинского, Л. Д. Базаровой и сопоставления

РИС. 3. Наскальные рисунки Забайкалья и Приамурья предположительно палеолитического возраста. 1, 3 – Бырка (по: Мазин, 1986); 2 – Утени (по: Забияко, Кобызов, 2010); 4-6, 8 – Среднешайкино (по: Мазин, 1986); 7 – Нюкжа (по: Окладников, Мазин, 1976)

FIG. 3. Rock art images of the Trans-Baykal and Amur regions assumed to be of the Paleolithic Age. 1, 3 – Byrka (after Мазин, 1986); 2 – Uteni (after Забияко, Кобызов, 2010); 4-6, 8 – Sredneshaykino (after Мазин, 1986); 7 – Nyukzha (after Окладников, Мазин, 1976)

с другими многослойными стоянками района. Радиоуглеродных дат по горизонтам № 3–5 нет. Для уточнения верхней границы неолита приводится дата из горизонта № 4 Егоркиной пещеры. За исключением этой единственной находки, в целом имеющиеся данные указывают на то, что бизоны на территории Забайкалья доживают до 8 тыс. л. н. (*Зарецкая и др.*, 2015).

Исследователи также провели раскопки в гроте на площади 5 кв. м (*Константинов и др.*, 2003). Было выявлено четыре культурных горизонта: горизонты № 3 и 4 были отнесены к плейстоцену; во 2-м горизонте, датированном авторами поздним неолитом, обнаружено большое количество каменных наконечников стрел; 1-й, верхний горизонт был датирован бронзовым веком. Хронологическая атрибуция культурных горизонтов была произведена на основе типологического определения каменных изделий. Тот факт, что самое большое количество находок было сделано именно во 2-м поздненеолитическом горизонте, послужил дополнительным аргументом в пользу поздненеолитического возраста плоскости с бизонами.

Впрочем, некоторые наблюдения позволяют сомневаться в выводах авторов о возрасте рисунков в гроте Шаман-гора. Можно согласиться с В. А. Цыбиктаровым, который отметил, что имеется стилистическое сходство между рисунками Шаман-Горы и Бырки, исследованной А. И. Мазиным. К тому же в ходе раскопок в гроте были выявлены культурные горизонты, отнесенные авторами к плейстоцену (*Цыбиктаров*, 2006).

В 2008 г. сделано еще одно открытие, которое, вероятно, позволит расширить список древнейших писаниц Восточной Сибири. В западном Приамурье была обнаружена писаница Утени, на которой задокументирована 21 плоскость с 88 рисунками (**рис. 3, 2**). Среди рисунков представлены возможные изображения носорога и бизона (*Забияко, Кобызов*, 2010).

Подводя итог данному обзору, можно заключить, что в Восточной Сибири пока нет ни одной писаницы эпохи палеолита, возраст которой был бы научно доказан методами прямого датирования. Главными аргументами являются зоологические определения вымершей фауны и стилистические аналогии. Оба подхода являются умозрительными, так как зависят от субъективных взглядов исследователей на стиль и на изображенный сюжет. Несмотря на то, что на многих памятниках

проводились раскопки, связь между выявленными культурными слоями и наскальными рисунками не является очевидной и требует доказательств. Важным является и тот факт, что определение возраста раскопанных материалов в подавляющем количестве случаев проводилось без привлечения естественно-научных методов датирования.

Таким образом, в данном обзоре фигурировало 11 памятников (**рис. 1**). Четыре из них расположены в Прибайкалье, и их датировка эпохой палеолита вряд ли сейчас может быть принята во внимание. Датировка писаницы Токко в Якутии основана на определении изображенного животного и стилистической аналогии с Шишкинской писаницей. В данном случае необходимы дальнейшие исследования этой писаницы с целью опровержения или доказательства ее древнего возраста. Пять памятников на данный момент известно в Восточном Забайкалье (Шаман-гора, Бырка, Бутиха, Среднешайкино, Утени), еще один – в соседней Амурской области (Нюкжа). На многих из них проводились раскопки, в результате которых найдены каменные орудия со следами охры, предметы мелкой пластики и даже плоскость с наскальным рисунком в культурном слое. Полевые работы автора 2017 г., представленные в следующем разделе, позволяют сделать вывод о перспективности дальнейших исследований по данной теме.

Новые открытия

В ходе полевых работ 2017 г. автором статьи были заново обследованы некоторые из рассмотренных выше писаниц (Бырка, Шаман-гора, Бутиха), открыта новая писаница (Старая Жила), еще на двух памятниках обнаружены рисунки, стилистически схожие с изображениями на вышеупомянутых памятниках.

1. **БЫРКА**. На данный момент этот уникальный памятник, к сожалению, практически полностью разрушен в результате действий вандалистского характера (**рис. 4**). Все скальные плоскости с древними рисунками густо покрыты граффити. Большинство плоскостей, задокументированных А. И. Мазиным, обнаружить не удалось, так как значительная часть самой скалы была взорвана местными жителями на камень (**рис. 4, 4**). Одна из самых больших плоскостей (№ 20, по А. И. Мазину), на которой было представлены известное стадо бизонов и рисунок носорога, практически полностью покрыта граффити (**рис. 4, 2, 3, 5, 6**). Теперь можно с трудом различить всего несколь-

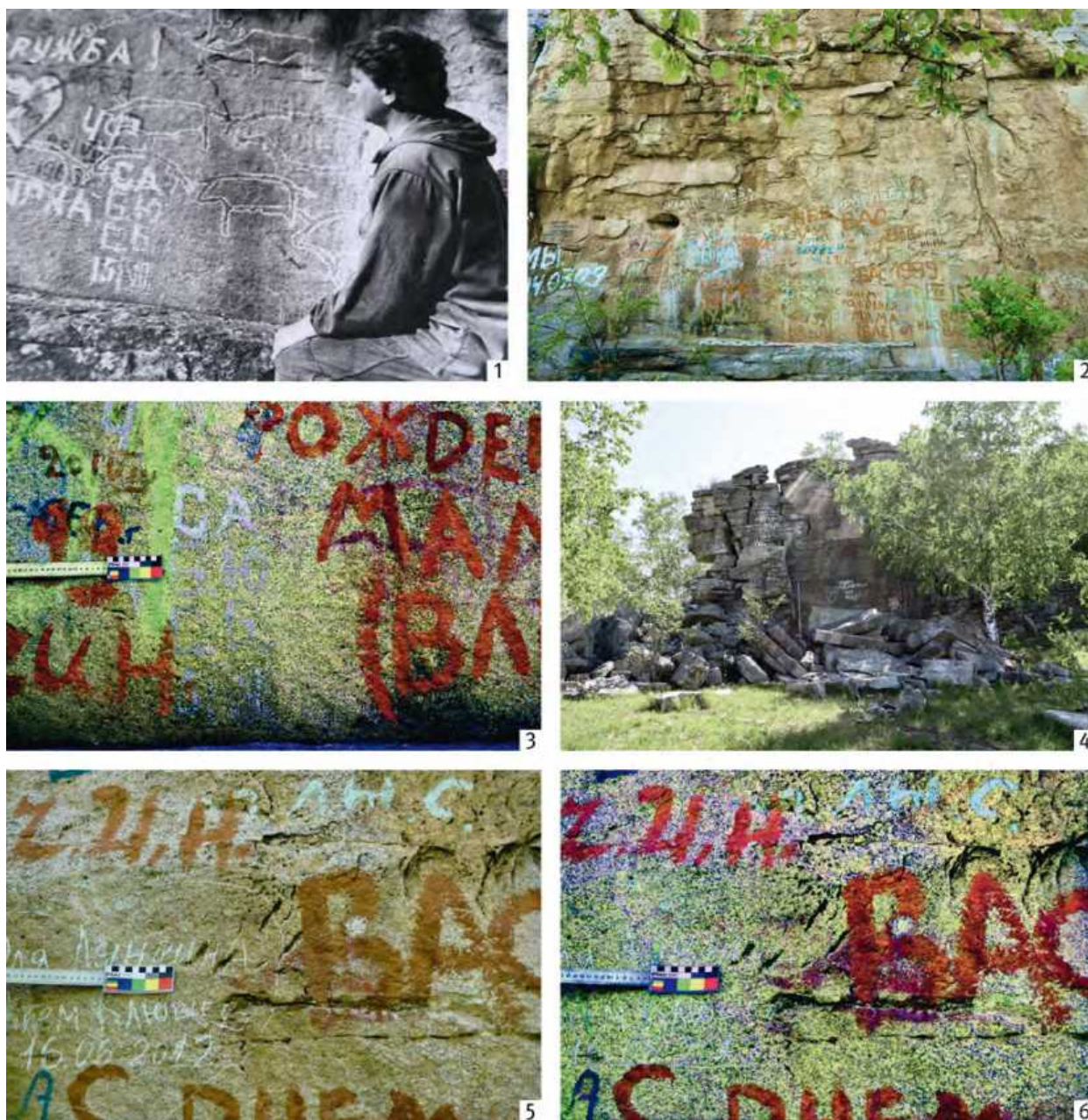

РИС. 4. Писаница Бырка (Забайкальский край). 1 – А. И. Мазин у плоскости № 20 (предоставлена А. В. Константиновым); 2 – плоскость № 20, общий вид; 3 – плоскость № 20, рисунок бизона, обработано в DStretch с фильтром LDS; 4 – общий вид на взорванную часть памятника; 5 – плоскость № 20, рисунок носорога, исходное фото; 6 – плоскость № 20, рисунок носорога, обработано в DStretch с фильтром LDS

FIG. 4. Pisanitsa (petroglyphs) Byrka (Transbaykalia). 1 – A. I. Mazin at the Panel No. 20 (provided by A. V. Konstantinov); 2 – Panel No. 20, general view; 3 – Panel No. 20, a figure of bison, enhanced with DStretch through LDS filter; 4 – general view at the blown-up part of the site; 5 – Panel No. 20, a figure of rhinoceros, original photo; 6 – Panel No. 20, a figure of rhinoceros, enhanced with DStretch through LDS

ко фигур. На photographиях А. И. Мазина, сделанных в 1983 г., видно, что уже тогда плоскости были частично покрыты вандальными надписями (рис. 4, 1). Примечательно, что в своих публикациях А. И. Мазин нигде не упоминает факты

порчи наскальных рисунков. Памятник также пострадал от рук самого исследователя – наскальные изображения жирно обведены мелом (рис. 4, 1, 5), а раскоп под плоскостью так и не был рекультивирован.

В итоге можно заключить, что писаница Бырка могла бы стать одним из ключевых памятников для дальнейшего изучения палеолитического наскального искусства Сибири в силу сделанных там выдающихся находок. Однако на данный момент писаница практически потеряна, как для науки, так и для общественности.

2. СТАРАЯ ЖИЛА. Данный памятник был открыт в ходе полевых работ 2017 г. Он расположен недалеко от Бырки – в 8 км. Сама писаница небольшая, но на ней обнаружено зооморфное изображение, стилистически сходное с рисунками бизонов Бырки (рис. 5). Таким образом, хотя Бырку можно считать практически утерянной для науки, перспективы дальнейшего изучения древнейшего наскального искусства в данном регионе остаются. Обе писаницы находятся в районе бассейнов р. Урулюнгуи и Борзя, где А. И. Мазин обнаружил и задокументировал в общей сложности 26 писаниц,

которые отнес к различным периодам – от палеолита до средневековья.

Наскальные рисунки Старой Жилы расположены на двух соседних скальных останцах, которые обозначены как пункт № 1 и пункт № 2 (рис. 5, л). В пункте № 1 представлено три наскальных изображения: зооморфная фигура, кольцо и округлое красочное пятно. Все они расположены на одной плоскости. В пункте № 2 рисунки расположены на четырех небольших плоскостях: зооморфная фигура, две отдельные вертикальные линии, красочное пятно и две фигуры в форме птичьих следов. Открытие данной писаницы представляет интерес с точки зрения дальнейших исследований древнейшей наскальной живописи, так как памятник пока не тронут ни вандалами, ни исследователями. Стилистически зооморфная фигура в пункте № 1 схожа с рисунками Бырки и Утени, где изображения животных также сопровождаются рисунками колец, «птичьих следов» и вертикальных линий.

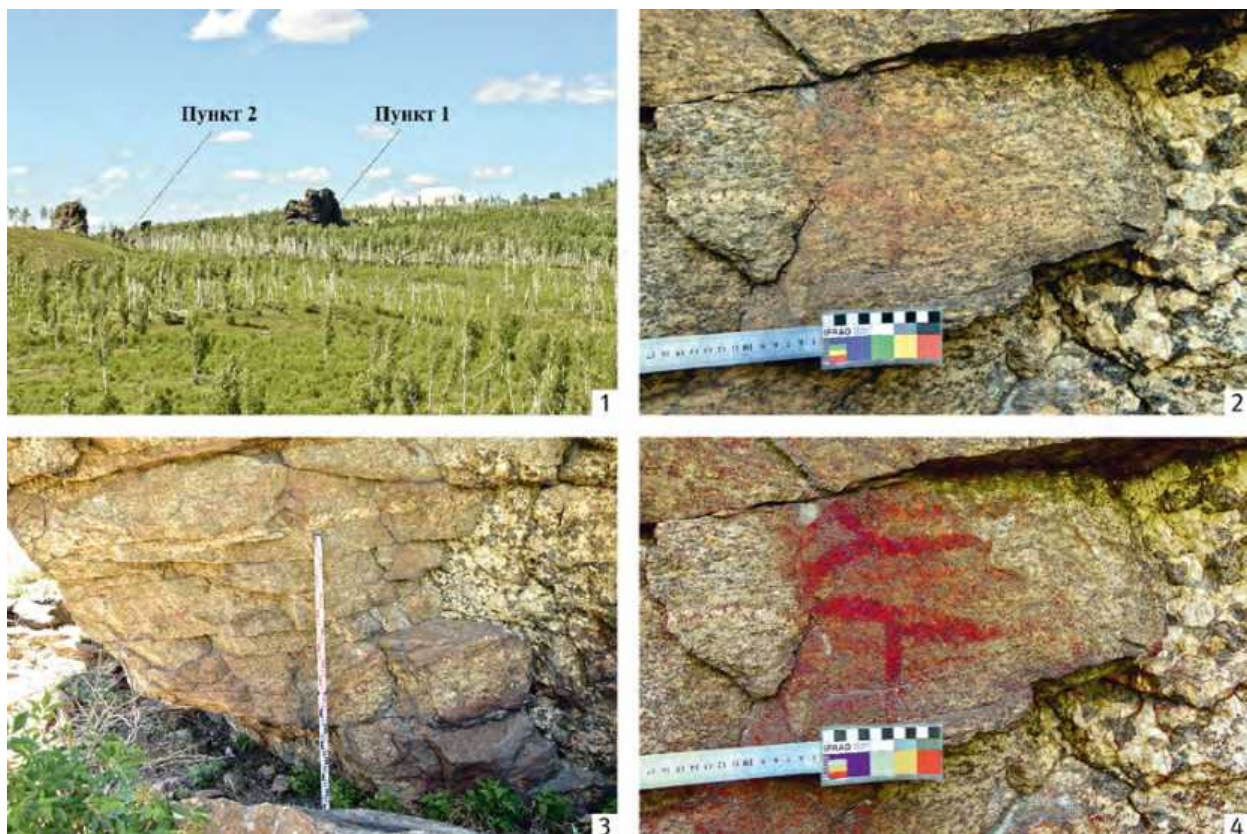

РИС. 5. Писаница Старая Жила (Забайкальский край). 1 – общий вид на памятник; 2 – общий вид на плоскость № 1; 3 – рисунок животного в «быркинском» стиле, исходное фото; 4 – рисунок животного в «быркинском» стиле, обработано в DStretch с фильтром YRD

FIG. 5. Staraya Zhila rock art site (Zabaykal'sky Krai). 1 – general view at the site; 2 – general view at Panel No. 1; 3 – figure of an animal in the 'Byrka' style, original photo; 4 – figure of an animal in the 'Byrka' style, enhanced with DStretch through YRD

3. ШАМАН-ГОРА. В ходе полевых работ 2017 г. памятник был заново обследован автором, и плоскость с бизонами была задокументирована с использованием метода фотограмметрии Structure from Motion (SfM). На основе собранных данных была построена 3D-модель плоскости в программе Agisoft™ Photoscan™ и получено двумерное изображение всей плоскости в высоком разрешении. Это изображение затем было обработано в программе DStretch®, по которому сделана прорисовка в программе Adobe Photoshop®. В результате была получена более точная копия плоскости, позволяющая более детально проанализировать рисунки и более точно идентифицировать изображенную фауну (рис. 9; 10). Предварительный анализ представлен ниже.

4. БУТИХА. Можно считать достижением повторное обнаружение этого памятника, так как исследователям, пытавшимся заново его обследовать после работ А. И. Мазина, этого сделать не удавалось. На писанице нет ни изображений вымершей фауны, ни рисунков в «быркинском» стиле (рис. 6). Памятник был датирован на основе единственной даты 10920 ± 198 л. н. из 3-го культурного горизонта и сходства каменных наконечников стрел из этого же горизонта с хиньскими из Прибайкалья, по А. П. Окладникову. В целом стоит отметить, что сохранность рисунков хорошая, хотя на них сохранилась обводка мелом, а под центральной плоскостью № 2 зияет яма нерекультивированного раскопа (рис. 6, 2).

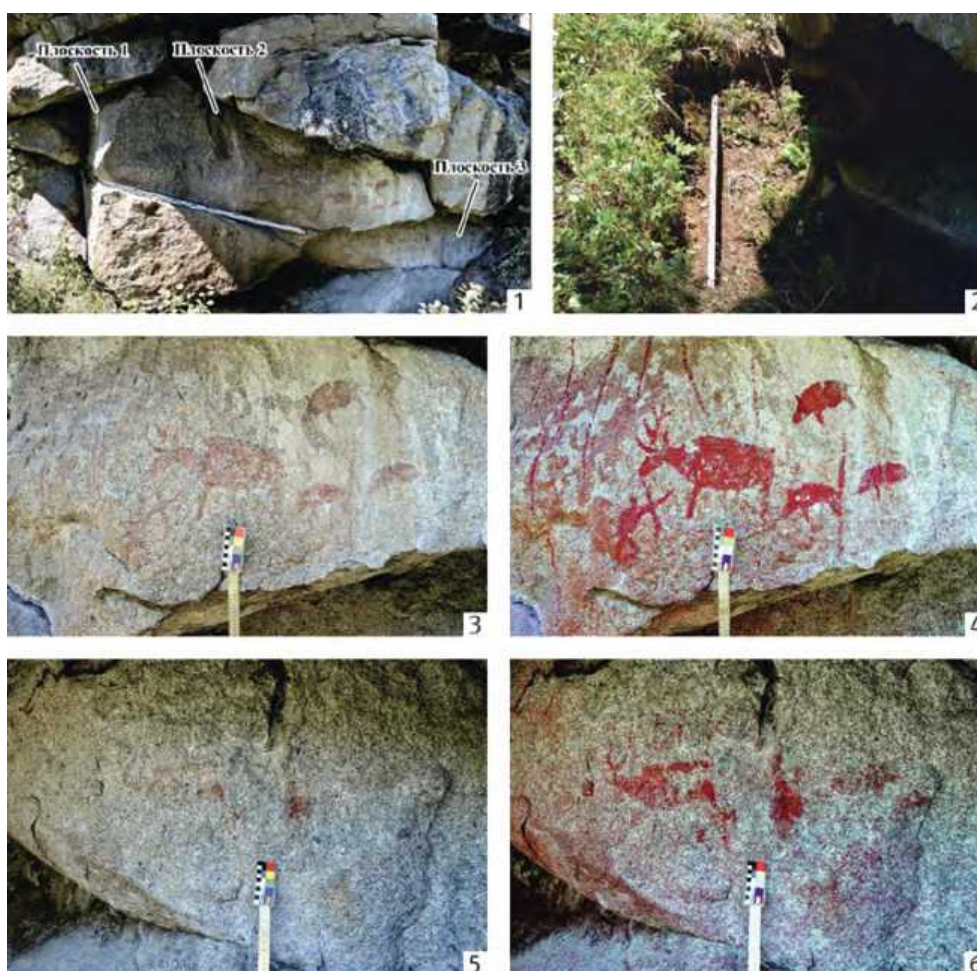

РИС. 6. Писаница Бутиха (Забайкальский край). 1 – общий вид и расположение плоскостей; 2 – нерекультивированный раскоп А. И. Мазина; 3 – плоскость № 2, исходное фото; 4 – плоскость № 2, обработано в DStretch с фильтром YRD; 5 – плоскость № 3, исходное фото; 6 – плоскость № 3, обработано в DStretch с фильтром YRD

FIG. 6. Butikha rock art site (Zabaykal'sky Krai). 1 – general view and location of the panels; 2 – A. I. Mazin's non-backfilled excavation pit; 3 – Panel No. 2, original photo; 4 – Panel No. 2, treated with DStretch using YRD; 5 – Panel No. 3, original photo; 6 – Panel No. 3, enhanced with DStretch through YRD

5. СУДУНТУЙ. Памятник впервые был обследован А. П. Окладниковым, затем заново изучался А. И. Мазиным (Мазин, 1986; Окладников, Запорожская, 1970). Обработка фотографий плоскостей в программе DStretch® позволила обнаружить фигуру в «быркинском» стиле, которая ранее не была замечена исследователями, так как она сильно выцвела и была почти не видна на плоскости (рис. 7). Рисунок перекрыт рядами точек, которые характерны для селенгинской традиции наскального искусства бронзового века, доминирующей на этой писанице. Стилистическое сходство плохо сохранившегося рисунка с рисунками, возможно, древнейшего памятника в регионе не является уверенным доказательством его возраста. Тем не

менее, это указывает на стилистическую неоднородность писаницы Судунтуй, свидетельствующую о нескольких этапах нанесения рисунков, что также подтверждается фактом палимпсеста на описанной плоскости.

6. ШАРА-ТАЛА. Этот памятник, как и Бутиха, не обследовался профессиональными археологами со времен А. П. Окладникова (Окладников, Запорожская, 1970). Набор сюжетов и их стилистическое исполнение отличаются от доминирующих в Забайкалье писаниц селенгинской традиции. На писанице Шара-Тала представлено большое количество зооморфных изображений, выполненных красной охрой различных оттенков. Одна из фигур выполнена в «быркинском» стиле (рис. 8).

РИС. 7. Писаница Судунтуй (Забайкальский край). 1 – общий вид на памятник; 2 – общий вид на плоскость № 9; 3 – плоскость № 9, исходное фото; 4 – плоскость № 9, обработано в DStretch с фильтром LDS; 5 – плоскость № 9, прорисовка автора

FIG. 7. Suduntuy rock art site (Zabaykal'sky Krai). 1 – general view at the site; 2 – general view at Panel No. 9; 3 – Panel No. 9, original photo; 4 – Panel No. 9, enhanced with DStretch through LDS; 5 – Panel No. 9, author's tracing

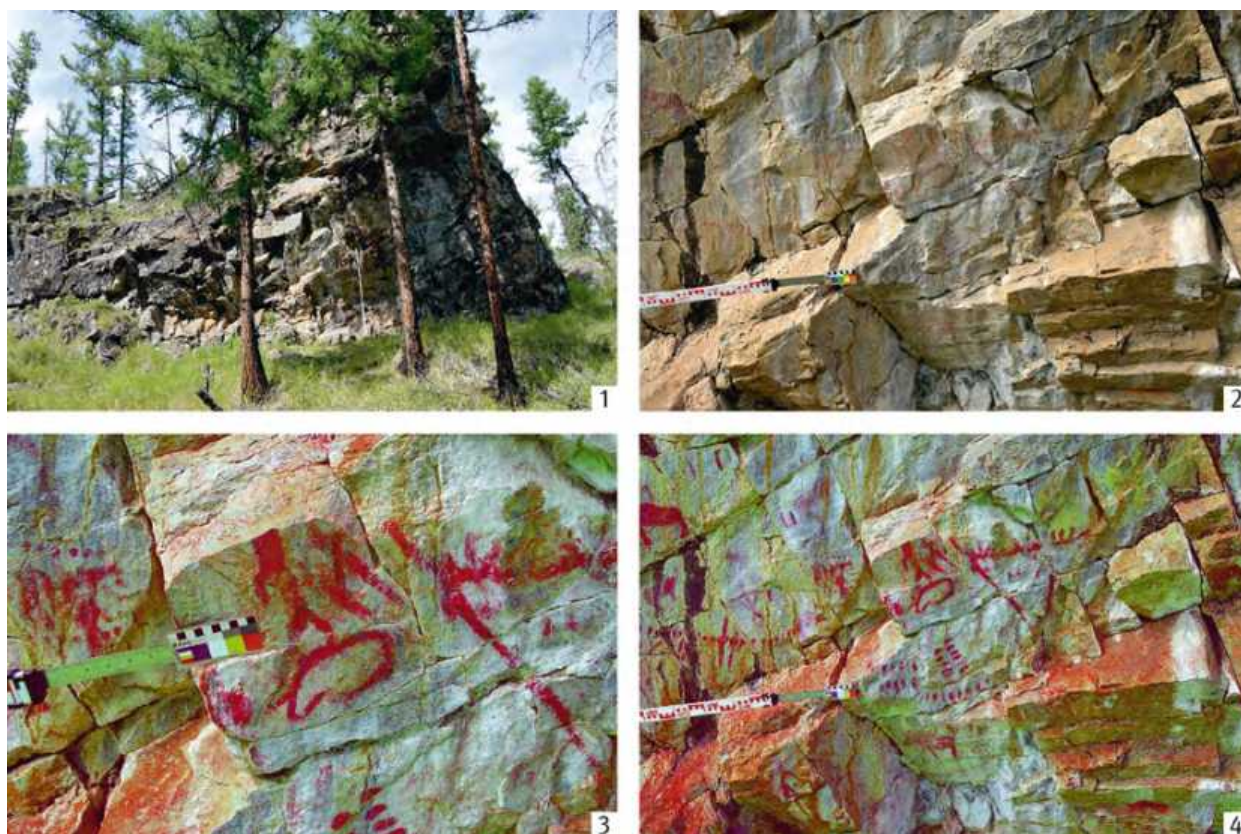

РИС. 8. Писаница Шара-Тала (Бурятия). 1 – общий вид на памятник; 2 – общий вид на плоскость № 2, исходное фото; 3 – рисунок животного в «быркинском» стиле, обработано в DStretch с фильтром YRD; 4 – общий вид на плоскость № 2, обработано в DStretch с фильтром YRD

Fig. 8. Shara-Tala rock art site (Buryatia). 1 – general view at the site; 2 – general view at Panel No. 2, original photo; 3 – figure of an animal in the 'Byrka' style, enhanced with DStretch through YRD; 4 – general view at Panel No. 2, enhanced with DStretch through YRD

Обсуждение

Полученные в ходе полевых работ 2017 г. новые факты позволяют сделать следующие заключения. Заново были обследованы и задокументированы известные ранее памятники наскального искусства, мониторинг сохранности которых долгие годы, а в некоторых случаях даже десятилетия, не проводился – в первую очередь, это писаницы Бутиха и Шара-Тала. В силу их удаленности от населенных пунктов и практически полного отсутствия посещаемости, рисунки в целом хорошо сохранились и избежали вандализма. Однако писаница Бырка на данный момент практически полностью разрушена, поэтому особенно важным является открытие рядом с ней новой писаницы со стилистически сходным рисунком. Сопоставление стилистики позволило также выявить и другие рисунки на ранее уже известных памятниках Судунтуй и Шара-Тала. Также уточненная документация

гроты Шаман-гора дает возможность сделать более детальные наблюдения, касающиеся образов и стиля изображений.

Выше было отмечено, что стилистические наблюдения и сюжетные определения не могут являться бесспорными датирующими признаками в силу своей субъективности. Тем не менее, можно обозначить перспективность дальнейших исследований в этом направлении, включая дальнейшие шаги по определению возраста рассматриваемых памятников.

Рассмотренные материалы позволяют очертить круг памятников в Восточном Забайкалье и Приамурье со стилистически однородной группой зооморфных наскальных рисунков, манера изображения которых характеризуется узнаваемой схематичностью. Контурно обрисованы массивное туловище и голова, последняя сильно наклонена вниз, простой черточкой показан направленный

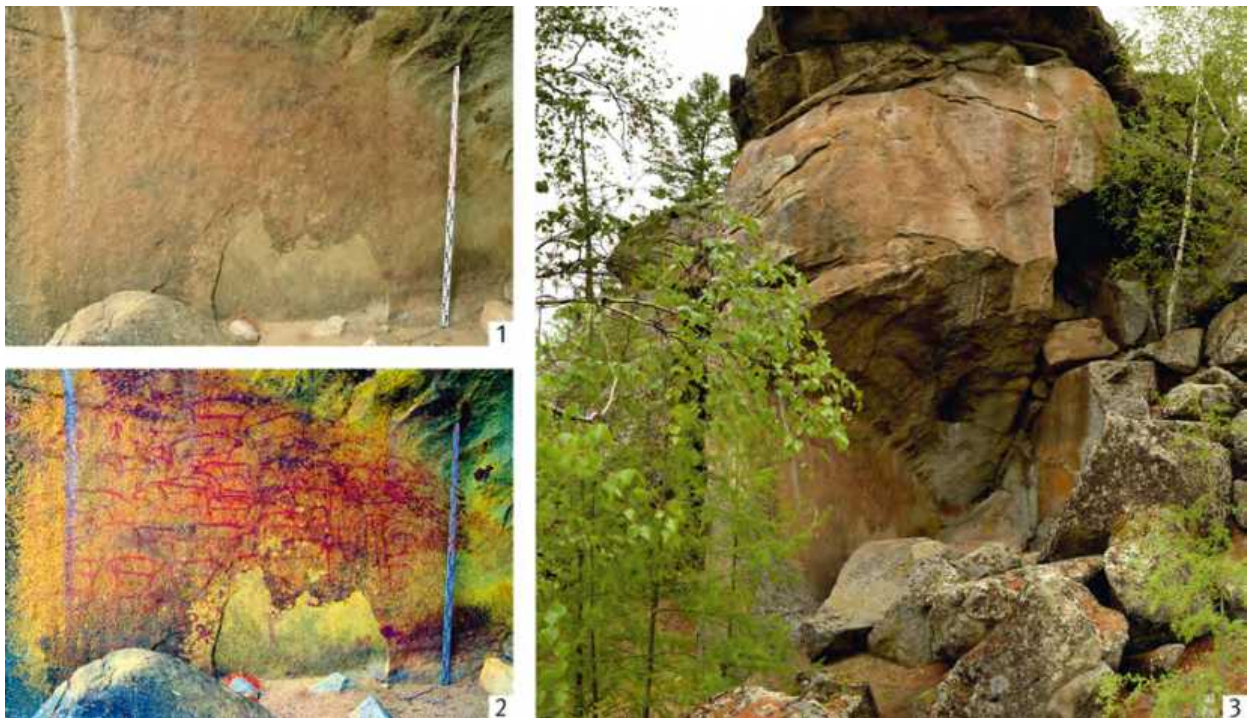

РИС. 9. Писаница Шаман-Гора (грот) (Забайкальский край). 1 – общий вид на плоскость, исходное фото; 2 – общий вид на плоскость, обработано в DStretch с фильтром LDS; 3 – общий вид на памятник

Fig. 9. Shaman-Gora rock art site (grotto) (Zabaykal'sky Krai). 1 – general view at the Panel, original photo; 2 – general view at the Panel, enhanced with DStretch through LDS; 3 – general view at the site

вперед рог, а двумя короткими линиями изображены две ноги, передняя и задняя. В первую очередь, в данной манере узнаваем простой, несколько округлый абрис фигур животных. Они представлены на памятниках Бырка, Старая Жила, Шаман-Гора, Шара-Тала, Судунтуй, Утени. Авторами предыдущих исследований они определялись как изображения бизонов. Наибольшее количество рисунков бизонов представлено на писанице Бырка, где среди прочих изображений также имеется фигура носорога, что является важным указанием на древний возраст изображений. Данная манера изображения копытных, по нашему мнению, можно объединить понятием «быркинский» стиль, возраст которого еще предстоит выяснить.

Большое панно, изображающее стадо бизонов, также имеется в гроте Шаман-Гора. Однако не все изображения идентичны имеющимся рисункам в Бырке. Скорее всего, на плоскости представлена многослойная и многосюжетная композиция (рис. 10).

Большинство фигур на плоскости – это изображения бычьих: степные бизоны (*Bison priscus*) и туры (*Bos primigenius*). Они различаются тем, что

у бизонов показаны характерные для них выступающий горб и массивное туловище. Наиболее ярко этот признак представлен у фигур 5, 6, и 10, которые к тому же самые крупные на панно, что также может указывать на время их появления в композиции. Они стилистически схожи и могли быть нарисованы или в один период времени, или одновременно. Еще одно изображение с большим горбом и массивным туловищем – это фигура 16. Она повернута в противоположном направлении относительно предыдущих и изображена в другой, более реалистичной манере. К группе бизонов также могут быть отнесены фигуры 21 и 27, хотя их сложно четко различить в силу значительного перекрытия другими рисунками в этой части композиции.

Другие быкоподобные изображения определяются как туры. Это фигуры 8 и 12, которые хотя и имеют горб, но выглядят стройнее и меньше фигур бизонов. Сюда также относятся рисунки 20, 22–26, 28–32.

В ряду ниже представлены другие виды животных. Рисунки 37 и 39 имеют другую форму туловища и форму головы, возможно, это могут быть

РИС. 10. Писаница Шаман-Гора (грот) (Забайкальский край). Прорисовка автора

FIG. 10. Shaman-Gora Pisanitsa (grotto) (Zabaykal'sky Krai). Author's tracing

изображения сайги или дзерена. Стоит отметить, что у рисунка 37 имеется длинный нос, как у сайги.

Многие рисунки выцвели, и их сложно определить. Возможно, что рисунок 25 — это изображение лося, на которого охотились, начиная с неолита согласно археологическим материалам (Константинов и др., 2016). Важной особенностью плоскости является вторичная отслоившаяся часть, на которой изображена антропоморфная фигура. Это отслоение разрушило нижнюю часть композиции с бизонами и турами, что видно по остаткам фигур по краям. Очевидно, что антропоморфная фигура,

у которой показаны головной убор и какой-то предмет в левой руке (бубен, по мнению А. В. Константинова), скорее всего, появилась позже анималистической композиции. Эта фигура очень специфична, не является типичной для какого-то конкретного стиля или традиции региона и не имеет аналогий. Еще одна антропоморфная фигура изображена в левом верхнем углу и типична для селенгинской традиции бронзового века (Ponomareva, 2020).

Если говорить о времени появления отдельных изображений, то фигуры бизонов могли появиться не позднее 8 тыс. л. н. Туры могли изо-

бражаться как в плейстоцене, так и в течение всей эпохи голоцена. Рисунок лося мог появиться также в течение всего голоцена, хотя его расположение на краю композиции может свидетельствовать о его довольно позднем появлении относительно других рисунков. Антропоморфная фигура в левом верхнем углу относится к бронзовому веку, как и, возможно, антропоморфная фигура на отслоившейся части плоскости.

Если рассматривать грот Шаман-гора в контексте других пунктов, расположенных рядом, то можно сделать некоторые заключения о функционировании этого памятника (*Константинов и др.*, 2003). В пункте № 2 представлена композиция с центральной антропоморфной фигурой и похожим головным убором в сочетании с группой вертикальных линий — сюжет, распространенный в наскальном искусстве бронзового века. В пункте № 3 также имеются антропоморфная фигура и вертикальные линии, характерные для селенгинской традиции бронзового века. В пункте № 4 изображены только косые линии, которые могут относиться к любой эпохе. В пункте № 5 представлена композиция из нескольких фигур, в их числе имеется изображение кабана, фаунистические останки которого встречаются уже в мезолитических слоях (*Константинов и др.*, 2016), а также — две антропоморфные фигуры, стилистически нетипичные для селенгинской традиции. Таким образом, эта композиция может относиться к любому хронологическому периоду, начиная с мезолита.

В итоге можно заключить, что предположительно самые ранние рисунки Шаман-горы могут иметь минимальный возраст 8 тыс. л. н. Представляется, что памятник продолжал функционировать в течение продолжительного времени в среде населения неолита и бронзового века. Появление рисунков как в гроте, так и на местонахождениях поблизости, не было одномоментным, о чем свидетельствуют разносюжетные и разностилевые рисунки, наслаивающиеся друг на друга. Это подтверждается фактом наличия одновременных культурных горизонтов, зафиксированных при раскопках в гроте Шаман-гора.

Перспективы дальнейших исследований

Представленные размышления и предварительные выводы, сделанные на основе недавних полевых исследований автора, в первую очередь указывают на необходимость дальнейших иссле-

дований с использованием методов естественных наук для уточнения возраста рисунков, которые пока могут быть обозначены как вероятно палеолитические. Важно заново изучить материалы раскопок у плоскостей с рисунками, проведенных предыдущими исследователями, чтобы доследовать выявленные ранее культурные горизонты вблизи писаниц Нюкжа, Бырка, Бутиха и Шаман-гора, более точно определить их возраст и попытаться выявить их связь со скальными плоскостями. На нескольких памятниках, а именно Старая Жила, Судунтуй и Шара-Тала, были выявлены стилистически сходные рисунки. Так как стиль не является достаточной аргументацией, необходимы дальнейшие исследования этих памятников.

Несмотря на то, что среди исследователей сибирского наскального искусства представлена весьма скептическая точка зрения на то, что наскальное искусство эпохи палеолита может быть обнаружено на открытых плоскостях в Сибири и Центральной Азии, это представляется возможным. Вряд ли имеются сомнения в самом наличии предметов искусства, в том числе и наскальной живописи, о чем свидетельствуют многочисленные находки мелкой пластики и памятники наскального искусства Капова (Шульган-Таш) и Игнатьевская пещеры. Однако именно вопрос сохранности заставляет многих исследователей сомневаться в том, что палеолитические изображения могут быть найдены на открытых плоскостях. Тем не менее, в рассматриваемом регионе имеется памятник открытого типа Калгутинский рудник (**рис. 1**), в пользу древнего возраста которого высказана довольно убедительная аргументация (*Молодин, Черемисин*, 1999). В данном районе были обнаружены и другие местонахождения с подобными изображениями (*Черемисин и др.*, 2018), что позволяет оптимистично смотреть и на вероятность сохранения палеолитических наскальных рисунков также и в Восточной Сибири.

Многие из обследованных памятников характеризуются многослойностью наскального искусства, что говорит о непрерывном функционировании писаниц у населения региона на протяжении тысячелетий. Необходимы дальнейшие исследования с применением методов естественных наук для выяснения и уточнения различных периодов, в которые могли создаваться рисунки, что позволит более детально взглянуть на историю этих памятников и процессы, стоящие за их созданием и функционированием.

Заключение

Вопрос наличия палеолитического наскального искусства в Восточной Сибири не раз становился предметом дискуссий. Первым, кто заявил об открытии древнейших изображений в регионе, был А. П. Окладников, и хотя позже исследователями была опровергнута его ранняя датировка, достижения А. П. Окладникова подвигли других исследователей на дальнейшие открытия.

Литература

- Абрамова, 1963 — Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 86 с. (САИ; Вып. А4-3).
- Архипов, 1984 — Архипов Н. Д. Данные археологии и палеонтологии и проблема датировки петроглифов Лены с рисунками крупного рогатого скота и лошади // Скифо-сибирский мир: Тезисы докладов [второй археол. конф. по проблемам скифо-сибирского мира. 3-6 апреля 1984 г.] / Отв. ред. Б. Н. Пяткин. Кемерово: Б. и., 1984. С. 88-89.
- Забияко, Кобызов, 2010 — Забияко А. П., Кобызов Р. А. «Утени писаница» – новый памятник наскального искусства в Западном Приамурье // Традиционная культура Востока Азии / Отв. ред.: Д. П. Болотин, А. П. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. С. 83-102.
- Зарецкая и др., 2015 — Зарецкая Н. Е., Кобылкин Д. В., Косинцев П. А., Максимов Ф. Е., Рыжов Ю. В., Черных В. Н., Кузнецов В. Ю., Григорьев В. А. Новые данные о голоценовом возрасте бизонов (*Bison Priscus*) в Забайкалье // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: Мат-лы IX Всерос. совещания по изучению четвертичного периода (г. Иркутск, 15-20 сентября 2015 г.) / Редкол.: Ю. В. Рыжов и др. Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Соцавы СО РАН, 2015. С. 162-163.
- Константинов и др., 2003 — Константинов М. В., Константинов А. В., Васильев С. Г., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И. Шаман-Гора // Под покровительством Большого Шамана: археологическое путешествие по Забайкалью / Отв. ред. И. И. Разгильдеева. Чита: Экспресс-типография, 2003. С. 4-8.
- Константинов и др., 2008 — Константинов М. В., Екимова Л. В., Верецагин С. Б. Красочное стадо бизонов в гроте Шаман-Горы // Труды II (XVIII) ВАС в Суздале / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. Н. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. Т. 3. С. 45-49.
- Константинов и др., 2016 — Константинов М. В., Екимова Л. В., Верецагин С. Б. Таежный Чикой на рубеже камня и бронзы. Чита: Забайкальский ГУ, 2016. 247 с.
- Кочмар, 1994 — Кочмар Н. Н. Писаницы Якутии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1994. 262 с.
- Мазин, 1986 — Мазин А. И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука, 1986. 260 с.
- Мазин, 1994 — Мазин А. И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1994. 241 с.
- Теперь имеется целая группа памятников наскального искусства, «претендующих» на древнейший возраст в регионе. Несмотря на то, что в последние годы данная проблематика, казалось бы, потеряла остроту в силу отсутствия активных поисков и дискуссий, полевые исследования автора показали актуальность и перспективность их дальнейшего изучения.
- Мельникова и др., 2011 — Мельникова Л. В., Николаев В. С., Демьянович Н. И. Шишкинская писаница. Т. 1: История и методы исследования, проблемы музеефикации, описание петроглифов. Иркутск: Институт земной коры СО РАН, 2011. 425 с.
- Мельникова и др., 2012 — Мельникова Л. В., Николаев В. С., Демьянович Н. И. Шишкинская писаница. Т. 2: Природные условия формирования плоскостей, основные сюжеты и датировка, семантика древних образов и объекта в целом. Иркутск: Институт земной коры СО РАН, 2012. 288 с.
- Молодин, Черемисин, 1999 — Молодин В. И., Черемисин Д. В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. Новосибирск: Наука, 1999. 159 с.
- Мочанов, Федосеева, 2013 — Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Очерки дописьменной истории Якутии. Эпоха камня: в 2-х т. Якутск: Центр арктической археологии и палеоэкологии человека АН РС(Я), 2013. Т. 2. 489 с.
- Окладников, 1949 — Окладников А. П. Древнейшие наскальные изображения Северной Азии // СА. 1949. Вып. XI. С. 155-170.
- Окладников, 1976 — Окладников А. П. Удивительные звери острова Ушканьего и периодизация петроглифов Приангарья // Первобытное искусство / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1976. С. 47-55.
- Окладников, 1977 — Окладников А. П. Петроглифы Верхней Лены. Л.: Наука, 1977. 324 с.
- Окладников, 1978 — Окладников А. П. Новые наскальные рисунки на Дубынинском — Долгом пороге (Ангара) // Древние культуры Приангарья / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1978. С. 160-191.
- Окладников, Запорожская, 1970 — Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1970. Ч. II. 264 с.
- Окладников, Мазин, 1976 — Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, 1976. 192 с.
- Формозов, 1967 — Формозов А. А. О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее // СЭ. 1967. Вып. 3. С. 66-82.
- Цыбиктаров, 2006 — Цыбиктаров В. А. О возможности палеолитической датировки раннего пласта рисунков грота Шаман-Горы на границе Восточного и Западного Забайкалья (бассейн р. Хилок) // Известия Лаборатории древних технологий. 2006. Вып. 4. С. 235-241.

Черемисин и др., 2018 — Черемисин Д. В., Молодин В. И., Зоткина Л. В., Цэвэндорж Д., Крэтэн К. Новые исследования раннего пласта наскального искусства Монгольского Алтая // Вестник НГУ. Сер. ист.-филол. 2018. Т. 17, вып. 3 (Археология и этнография). С. 57–77. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-3-57-77.

Bednarik, 1993 — Bednarik R. G. Pleistocene animal depiction in Asia // International newsletter on rock art. 1993. Iss. 6. P. 2–6.

Ponomareva, 2020 — Ponomareva I. A. Unraveling manifold identities in the early nomadic rock art of East Siberia // Archaeological Research in Asia. 2020. Vol. 23. P. 100208. DOI: 10.1016/j.ara.2020.100208.

The earliest rock art in East Siberia: discoveries and perspectives

I. V. Ponomareva

The history of rock art research in Siberia has seen many debates about the presence of the Paleolithic rock art in the region. Okladnikov was the first to identify rock art images of such antiquity. Although his interpretation of the Shishkino pictures was later proven to be incorrect, his disciples discovered more examples of what can be possibly related to the earliest period of human history. In Trans-Baikal, some of these sites were examined during an author's 2017 fieldwork and yielded results which speak to the importance and relevance of further research on the problem of the earliest rock art in East Siberia.

Unfortunately, one of the key sites in the region, the Byrka rock art site, which yielded a stunning composition of a herd of bison with a rhinoceros in the center, turned out to be almost completely destroyed. Luckily, a new site Staraya Zhila featuring a zoomorphic figure stylistically similar to the Byrka bison was discovered in a vicinity. Several sites which could be

of a very early age were re-examined. The Shaman-Gora grotto was recorded using Structure from Motion (SfM) method which allowed producing a more detailed tracing for a more thorough subject and stylistic analysis. The Butikha site was located and recorded. Images stylistically similar to those present at the Byrka site were revealed at the Suduntuy and Shara-Tala rock art sites. An observation was made that these zoomorphic figures are similar in the manner of their depiction and should be defined as the 'Byrka' style. Further research is necessary to prove the age of this style and other sites which feature this type of imagery. Most of these sites exhibit the multilayeredness of the rock art production indicating the continuous active role of these places in socio-cultural processes during several millennia. A precise identification of these phases and their age determination using scientific methods will contribute to unveiling these processes which is a task for future research.

К вопросу о семантике Бога-Меча Язылыкая

Л. Ю. Китова¹

Аннотация. *Статья посвящена определению семантики Бога-Меча в боковой галерее Язылыкая на территории Центральной Анатолии. Автор приходит к выводу о том, что изобразительная композиция с Богом-Мечом, вероятно, вобрала в себя как индоевропейскую культурную традицию, так и хаттскую (протохеттскую).*

Annotation. *The article considers of the semantics of the Sword God in the side gallery of Yazilikaya in Central Anatolia. The author concludes that the figurative composition with the God-sword probably absorbed both the Indo-European cultural tradition and the Hattian (Proto-Hittite) one.*

Ключевые слова: *Бог-Меч, Язылыкая, хетты, хатти, хурриты, индоевропейская культурная традиция.*

Keywords: *God-sword, Yazilikaya, Hittites, Hattians, Hurrians, Indo-European cultural tradition.*

В юбилейном издании не могу упустить возможность написать о юбиляре. Дмитрий Глебович Савинов — один из блестящих отечественных ученых, высокоэрудированных и энциклопедически образованных, чьи работы хочется перечитывать, оригинальность идей которого вдохновляет, а общение с ним всегда увлекательно. Круг его интересов необычайно широк: наряду с изучением археологии и истории древнетюркских племен Южной Сибири и Центральной Азии он исследует вопросы первобытного искусства, археологии скифского времени и многое другое. Недавно Д. Г. Савинов опубликовал вместе с И. В. Тункиной монографию, в которой впервые на основе сопоставления неопубликованных документальных и графических материалов Д. Г. Мессершмидта, проанализировал с современных позиций вклад последнего в изучение археологических памятников Сибири (Тункина, Савинов, 2017). Тезис о начале археологических изысканий в Сибири в связи с работами экспедиций Д. Г. Мессершмидта стал уже общим местом в научных публикациях, при этом мертвым грузом лежали в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН его неизданные материалы. Я думаю, что эти источники ждали такого исследователя, как Дмитрий Глебович.

Статья Д. Г. Савинова «"Меч-кладенец" на скалах Центральной Азии и Южной Сибири» (Савинов, 2008) побудила меня к исследованию вопроса о Боге-Мече Язылыкая (Китова, 2010). Известный памятник я посетила после Первого Международного Евразийского археологического конгресса, проходившего в Измире в 2007 г. На этом конгрессе мы

вместе с Дмитрием Глебовичем вели одно из заседаний (Д. Г. Савинов — председатель, я — секретарь), после окончания конгресса путешествовали большой группой археологов по древним городам побережья Эгейского моря: Милету, Эфесу, Ассосу, Трое, осматривали достопримечательности Стамбула (рис. 1), затем вдвоем с Е. А. Миклашевич мы знакомимся со многими археологическими памятниками на территории Турции, в том числе хеттскими.

Язылыкая — скальный храм под открытым небом в 2 км от Хаттусы, включенный ЮНЕСКО в 1986 г. вместе со столицей хеттов в список объектов Всемирного наследия. Хаттуса и Язылыкая расположены в Центральной Анатолии, которая на протяжении тысячелетий была зоной контактов хаттов, касков, индоевропейцев — неситов, лувийцев, палийцев; хурритов и других народов (Ардзинба, 1988. С. 118–124). После расселения индоевропейцев в начале II тыс. до н. э. в восточной части Анатолии и формирования Хеттского царства Хаттуса была превращена в XVII в. до н. э. в столицу — здесь стали воздвигать дворцы и храмы, особенно активно в XIV–XIII вв. до н. э.

Святилище Язылыкая было полностью достроено при правлении царя Тутхалияса IV в третьей четверти XIII в. до н. э. Храм имеет две галереи. В первой изображены две процессии, движущиеся друг другу навстречу. Слева представлены мужские божества, возглавляемые богом грозы Тешубом, справа — женские во главе с супругой Тешуба Хебат (рис. 2). Г. Вильхельм определил эти изображения как хурритский пантеон, канонизированный в Новохеттский период (Вильхельм, 1992. С. 111), когда Хеттское царство стало могущественной державой

¹ 650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, д. 6. Кемеровский государственный университет. Кафедра археологии. Адрес электронной почты: lyudmila.kitova@mail.ru.

РИС. 1. Чешме. Участники I Международного Евразийского археологического конгресса в Измире (Турция). 2007 г.

FIG. 1. Participants of the First International Congress of Eurasian Archaeology in Izmir (Çeşme, Turkey). 2007

на Древнем Востоке и в состав хеттской знати и царствующего дома попал хурритский компонент.

Во второй галерее, более узкой, представлены огромный меч и менее крупные фигуры бога Шар-рума, покровительственно обнимающего царя Тутхалияса. На противоположной стене этой галереи размещена процессия из 12 воинов-богов с поднятыми серповидными мечами (рис. 3–7).

Нас интересует рельефное изображение меча, который в специальной литературе называется «Бог-Меч». Его высота составляет более 3 м. Он вонзен в скалу и увенчан человеческой головой в типичной конической шапке хеттских богов. Навершие меча украшено протомами двух львов, расположенных горизонтально и повернутых в противоположные стороны. Рукоять меча декорирована двумя львами, распластавшимися вертикально головами в сторону острия меча по обе стороны рукояти (рис. 4; 8).

Исследователи ведут дискуссии о назначении самого храма Язылыккая, как и о семантике Бога-Меча. Считается, что святилище использовалось один раз в год. С наступлением нового года в нем перевозносили богов и совершали обряд священного бракосочетания. Эти мероприятия проводились в большой галерее. После обнаружения царского картуша и ниш в стенах малой боковой

РИС. 2. Главная галерея Язылыккая. Фотография Е. А. Миклашевич

FIG. 2. Main gallery of Yazılıkaya. Photo by E. A. Miklashevich

галереи Дж. Г. Маккуин высказал гипотезу о том, что боковая галерея с изображением меча служила для погребения царя Тутхалияса или одного из его предков с таким же именем (Маккуин, 1983. С. 131–133).

Согласно исследованиям О. Р. Герни и Г. Вильгельма Бог-Меч представляет божество подземного мира и войны (Герни, 1987. С. 180; Вильгельм, 1992. С. 111–112).

Аналогии Богу-Мечу Язылыккая в первую очередь можно провести с богом войны у скифов, о котором рассказывал Геродот: «Аресу же совершают жертвоприношения следующим образом. В каждой скифской области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длинной и шириной почти в 3 стадии, в высоту же меньше. <...> На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже еще больше, чем прочим богам. Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека...» (Геродот, IV, 62).

Меч имел исключительное значение в иерархическом ряду вооружения древних народов, а культ этого оружия был распространен у индоевропейцев на обширных территориях Евразии. Кроме скифов мечу поклонялись савроматы, фракийцы, иллирийцы, кельты, аланы и др. (Латышев, 1948. С. 281; Ельницкий, 1977. С. 51; Алексеев, 1980. С. 40; Пяткин, 1987. С. 127). Согласно мнению Д. Г. Савинова, определить, «какое место в семантическом поле занимают мечи/кинжалы, высеченные на скалах Центральной Азии и Южной Сибири», пока труд-

РИС. 3. Боковая галерея Язылыкая.
Фотография Е. А. Миклашевич

FIG. 3. Side gallery of Yazılıkaya.
Photo by E. A. Miklashevich

но, но Дмитрий Глебович предполагает, что все евразийские божества-мечи имеют общую индоевропейскую основу (Савинов, 2008. С. 48–49).

Д. С. Раевский, выявляя семантику скифских каменных изваяний, сделал заключение о том, что само изваяние и изображенный на нем акинак имеют одинаковый смысл в скифской космологической и ритуальной символике (Раевский, 1983. С. 54).

Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов отмечали, что «в индоевропейском языке само слово ‘камень’ означает также и ‘небо’, мыслимое как ‘каменный свод’, ‘каменное орудие’, ‘каменный молот’, ‘камень Громовержца’», т. е. оружие. Кроме того, исследователи определили семантический сдвиг у носителей диалектов, оказавшихся в условиях негористой местности. Жители степей и равнин отождествляют первоначальное значение слова «гора» со словами «лес» и «дерево» через промежуточную ступень «горный лес» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 665–667).

Таким образом, наблюдается сходство изображения бога войны у хеттов и скифов. Бог-Меч из Язылыкая, вонзенный в скалу, синонимичен богу-мечу Аресу, водруженному на холме из хвороста. Видимо, в святилище Язылыкая Богу-Мечу также должны были приносить жертвы.

Д. Г. Савинов справедливо замечает: «Основная функция меча/кинжала — рассечение, победа, жертвоприношение и через жертвоприношение — восстановление системы ценностей, обеспечивающих благополучие и безопасность социума. В мифологическом сознании жертвоприношение — обязательное условие достижения цели. Меч/кинжал (или его изображение) — основное орудие (посредник, медиатор) в реализации действий, необходи-

РИС. 4. Бог-Меч Язылыкая.
Фотография Е. А. Миклашевич

FIG. 4. Sword-God in Yazılıkaya.
Photo by E. A. Miklashevich

РИС. 5. Бог Шаррума покровительственно обнимает царя Тудхалияса. Язылыкая. Фотография Е. А. Миклашевич

FIG. 5. God Sharruma embracing patronizingly King Tudhaliya. Yazılıkaya. Photo by E. A. Miklashevich

мых для достижения этой цели. Скорее всего, именно в этом значении происходит его сакрализация (обожествление)» (Савинов, 2008. С. 49–50).

Если согласиться с Дж. Г. Маккуином в том, что боковая галерея с изображением меча в Язылыкая служила для погребения царя, то, вероятно, в ней проводили жертвоприношения и ритуальные действия.

О. М. Фрейденберг обратила внимание, что в мифологии отдельных древних народов меч ассоциировался с фаллом (Фрейденберг, 1978. С. 403). Бог-Меч Язылыкая, трактуемый как бог преисподней и войны, также мог олицетворять плодородие и жизненную силу. В древности акт рассечения мечом мыслился творческим актом и отождествлялся с рассечением хаоса божественным фаллосом, в результате чего образовалась вселенная (Маковский, 1996. С. 220). В хеттско-хурритской «Песне об Улликумми» рассказывается об отделе-

РИС. 6. Процессия из 12 воинов-богов с поднятыми серповидными мечами. Язылыкая. Фотография Е. А. Миклашевич

FIG. 6. Procession of 12 warrior-gods with raised crescent-shaped swords. Yazılıkaya. Photo by E. A. Miklashevich

нии резаком Неба от Земли (Луна..., 1977. С. 139). И. М. Дьяконов полагал, что Улликумми — это «антибог, фаллический камень», возвращенный «из плеча первосущества (атланта) Упеллури». Исследователь приравнивал его к хаотическому началу, неукротенному божественным порядком (Дьяконов, 1990. С. 132, 161).

В эпическом тексте «Песня об Улликумми», рассказывающей о насильственной смене поколения богов, неоднократно упоминаются скала и меч. Кумарби, свергнутый Тешубом, совокупляется со Скалой и порождает каменное чудовище Улликумми, которое должно наказать Тешуба. Улликумми постоянно предстает перед нами в качестве меча: «Он из чрева родного, как меч, при рождении прыгнул. <...> Пусть на правом плече Упеллури (гиганта, поддерживающего вселенную. — Л. К.) лежит он, как меч. <...> Положили Ирсиры на правом плече Упеллури ребенка, как меч. <...> Слово меч на коленях он в море стоял» и т. д. (Луна..., 1977. С. 126, 128–129). Таким образом, в хетто-хурритском эпосе божество, скала и меч тесно взаимосвязаны и именно с помощью меча наводится вселенский порядок.

Мотив расчленения скалы мечом у ряда индоевропейцев, вероятно, воплощен в ритуале человеческого жертвоприношения. С точки зрения В. Г. Ардзинбы, у хеттов человеческие жертвоприношения совершались в исключительных случаях (Ардзинба, 1982. С. 67). Тем не менее, хеттский обряд человеческого жертвоприношения частично соответствовал ведийскому, мифологическим образ-

РИС. 7. Стена боковой галереи Язылыккая с Богом-Мечом, богом Шаррумой и царем Тудхалиясом. Фотография Е. А. Миклашевич

FIG. 7. A wall of the lateral gallery of Yazılıkaya with the Sword-God, god Sharruma and King Tudhaliya. Photo by E. A. Miklashevich

цом которого служило жертвенное расчленение первочеловека – Пуруши (Иванов, Топоров, 1991. С. 532). По ведийским традициям кшатрий (воин) – олицетворялся с рукой Первочеловека, а по Геродоту «у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками...» (Геродот, IV, 62). На наш взгляд, такая аналогия неслучайна и соответствует индоевропейской культурной традиции. Более того, по хеттским представлениям у человека и животного имеется 12 основных частей тела. Поэтому жертвенные животные делились на 12 частей, а при совершении ритуалов и лечении человека, считалось, что нужно очистить все 12 частей его тела (Луна..., 1977. С. 212–213, 265). Сакральная числовая символика прослеживается в изображении 12 богов с мечами на противоположной стене от рельефа Бога-Меча (рис. 6).

Относительно изображения львов на рукояти меча необходимо отметить следующее: вероятно, хетты переняли у хатти идею украшения оружия сдвоенными львиными головами. Древнеанатолийские племена использовали кинжалы с навершиями в виде сдвоенных львиных голов, смотрящих в разные стороны, еще во второй половине III тыс. до н. э. (Горелик, 1993. С. 16), т. е. до прихода хеттов. Протохеттская традиция трансформировалась в изображении Бога-Меча с двумя львиными прототипами, расположенными горизонтально на навершии рукояти меча. Интересно, что эта традиция будет развиваться дальше и сдвоенные прототипы станут специфическим признаком искусства эллинизированного Востока, а навершия

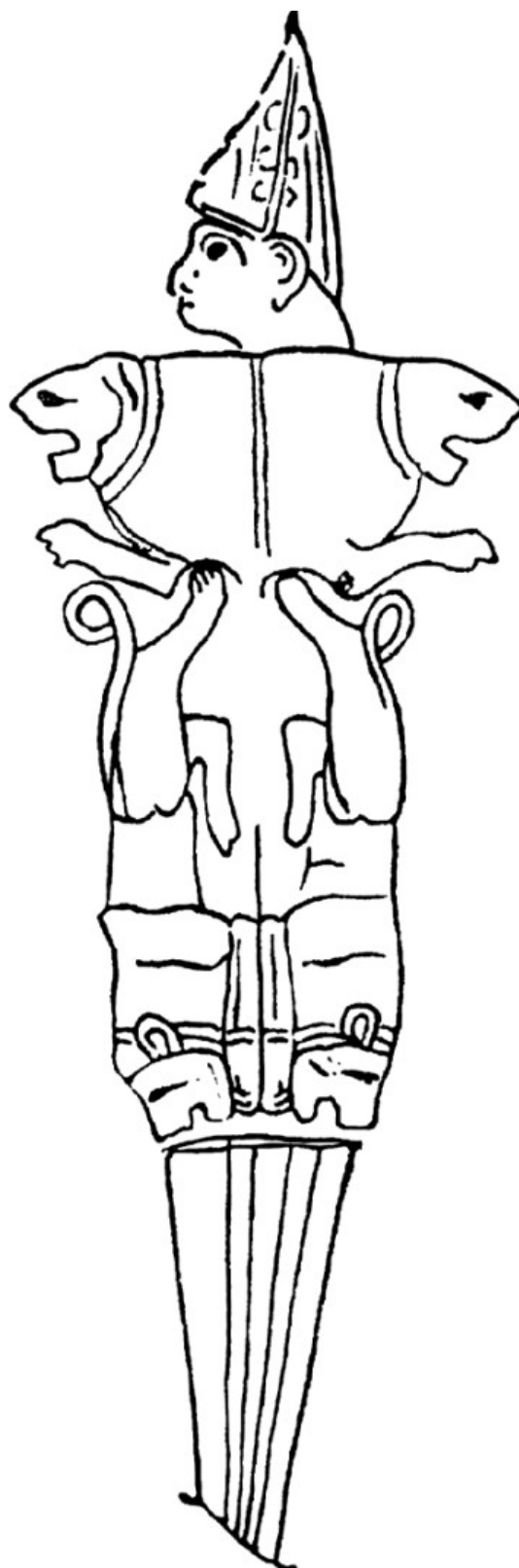

РИС. 8. Бог-Меч Язылыккая (по: Герни, 1987. С. 177, рис. 9)

FIG. 8. Sword-God of Yazılıkaya (after Герни, 1987. С. 177, рис. 9)

рукоятей кинжалов и ножей в виде сдвоенных голов животных — типичным мотивом декора оружия у древних кочевников евразийских степей в I тыс. до н. э.

В. Г. Ардзинба отмечал, что в ряде хеттских текстов лев назывался животным богов и символизировал собой то или иное божество (Ардзинба, 1982. С. 33–34). В хеттских исторических текстах можно проследить ассоциативную связь льва с царем. Например, в «Завещании» царь Хаттусилис I, нарушающий древнехеттскую традицию при передаче престола, характеризует своего сына Мурсилиса I: «...Ему много богом в сердце вложено. Только льва божество может поставить на львиное место...» (Завещание Хаттусилиса I, 2002. С. 320), или в летописи Хаттусилис I говорит о себе: «И на город Хакка я, как лев, посмотрел свирепым взглядом...» (Летопись Хаттусилиса I, 2002. С. 315). Сравнивая хаттские и хеттские письменные источники, В. Г. Ардзинба выявил, что в хаттских текстах царь или бог грозы обозначаются словом *takkehal*, «производным от хаттского слова со значением "лев"». В хеттских версиях хаттских текстов употребляются слова как «лев», так и

«герой», что «является результатом развития семантики: "лев" > "герой"» (Ардзинба, 1982. С. 105–106).

На рельефе Язылыкая в боковой галерее изображены два бога (Бог-Меч и бог Шаррума) и царь Тудхалияс. Грозный Бог-Меч охраняет устои мироздания, а бог Шаррума, сын богини Хебат и бога Тешуба, обнимая маленькую фигурку царя Тудхалияса, дополнительно защищает его от злых сил (рис. 7; 8).

Итак, иконография Бога-Меча Язылыкая свидетельствует о близости его образа образам индоевропейских божеств войны, в частности скифскому Аресу. Кроме того, согласно древнеанатолийскому мотиву, сохранившемуся в хаттской культурной традиции, можно выделить семантический ряд: бог — царь — лев — герой. В реконструируемых в связи с образом Бога-Меча Язылыкая представлениях обнаруживается аналогичный древнеиндоевропейскому семантический ряд: меч — камень — фаллос. На наш взгляд, все эти аналогии могут являться свидетельством древних контактов носителей индоевропейского праязыка и мифологии с древневосточными народами.

Литература

- Алексеев, 1980 — Алексеев А. Ю. О скифском Аресе // АСГЭ. 1980. Вып. 21. С. 39–47.
- Ардзинба, 1982 — Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М.: Наука, 1982. 252 с.
- Ардзинба, 1988 — Ардзинба В. Г. Хеттское царство и Эгейский мир // История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия и Египет / Под ред. Б. М. Бонгард-Левина. М.: Наука, 1988. С. 118–201.
- Вильгельм, 1992 — Вильгельм Г. Древний народ хурриты. Очерки истории и культуры. М.: Наука, 1992. 157 с.
- Гамкрелидзе, Иванов, 1984 — Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. 1328 с.
- Герни, 1987 — Герни О. Р. Хетты. М.: Наука, 1987. 233 с.
- Геродот, 1972 — Геродот. История / Перевод и прим. Г. А. Страгановского. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- Горелик, 1993 — Горелик М. В. Оружие Древнего Востока. М.: Наука, 1993. 349 с.
- Дьяконов, 1990 — Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, 1990. 248 с.
- Ельницкий, 1977 — Ельницкий Л. А. Скифия евразийских степей. Новосибирск: Наука, 1977. 256 с.
- Завещание Хаттусилиса I, 2002 — Завещание Хаттусилиса I // История Древнего Востока. Тексты и документы / Под ред. В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 2002. С. 319–323.
- Иванов, Топоров, 1991 — Иванов В. В., Топоров В. Н. Индоевропейская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. С. 527–533.
- Китова, 2010 — Китова Л. Ю. Бог-меч Язылыкая в свете археологических, мифологических, фольклорных и лингвистических данных // Интеграция археологических и этнографических исследований / Отв. ред.: К. Н. Тихомиров и др. Омск: Изд-во ОмГПУ; Наука, 2010. С. 132–135.
- Латышев, 1948 — Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 2. С. 213–314.
- Летопись Хаттусилиса I, 2002 — Летопись Хаттусилиса I // История Древнего Востока. Тексты и документы / Под ред. В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 2002. С. 313–316.
- Луна..., 1977 — Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии / Пер., вступит. ст. и коммент. В. В. Иванова. М.: Художественная литература, 1977. 317 с.
- Маккуин, 1983 — Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М.: Наука, 1983. 183 с.
- Маковский, 1996 — Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Владос, 1996. 416 с.
- Пяткин, 1987 — Пяткин Б. Н. Повозка — колесница — «скифский Арес» (трансформация семантики мотива) // Проблемы археологии степной Евразии: Тез. докл. конф. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. Ч. 1. С. 125–127.

Раевский, 1983 — *Раевский Д. С.* Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов Евразийских степей // *Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности* / Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1983. С. 40–60.

Савинов, 2008 — *Савинов Д. Г.* «Меч-кладенец» на скалах Центральной Азии и Южной Сибири // *Тропую тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет* / Под ред.:

Д. Г. Савинова, О. С. Советовой. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 40–52. (Тр. САИПИ; Вып. IV).

Тункина, Савинов, 2017 — *Тункина И. В., Савинов Д. Г.* Даниэль Готлиб Мессершмидт: у истоков сибирской археологии. СПб.: ЭлекСис, 2017. 168 с.

Фрейденберг, 1978 — *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. 605 с.

On the semantics of the God-sword of Yazilikaya

L. Yu. Kitova

During the formation of the Hittite state, a synthesis of the cultures occurred involving those of the peoples speaking the Hattian and other Pre-Hittite-Luwian languages, as well as the Hurrians, on the one part, and the traditions of the carriers of the Indo-European Hittite-Luwian languages, on the other. The Yazilikaya sanctuary is a striking example of this synthesized culture. The iconography of the God-sword of Yazilikaya testifies to the close similarity of its image to the images of the Indo-European deities of war, in particular to the Scythian Ares. Moreover, according to the

ancient Anatolian motif preserved in the Hattian cultural tradition, a semantic row can be distinguished: god — king — lion — hero. In the representations reconstructed in connection with the image of the Yazilikaya God-sword, the study found a semantic series similar to the ancient Indo-European one: sword — stone — phallus. The author supposes that all these analogies may be evidence of ancient contacts (4th millennium BC) between the carriers of the Proto-Indo-European language and mythology with ancient Oriental peoples.

По следам сибирского путешествия Д. Г. Мессершмидта (1719–1727): фиксация памятников археологии Урала и Сибири художниками академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743). Часть 1. Писаницы¹

И. В. Тункина²

Аннотация. В статье приведен сравнительный анализ рисунков памятников археологии, впервые графически зафиксированных во время сибирской экспедиции Д. Г. Мессершмидта (1719–1727). Это писаницы, каменные изваяния, стелы с руническими надписями, крепиды курганов и пр. Десятилетие спустя те же памятники были графически зафиксированы художниками Академического отряда Второй Камчатской экспедиции под руководством Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина (1733–1743) — И. В. Люрсенусом, И. Х. Беркханом и И. К. Деккером. Их рисунки хранятся в личном фонде Г. Ф. Мессершмидта и в «Портфелях Миллера» в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и Российском государственном архиве древних актов. В первой части исследования публикуются рисунки писаниц, выполненные в ходе Второй Камчатской экспедиции.

Annotation. This paper presents a comparative analysis of drawings of archaeological monuments first graphically recorded during the Siberian expedition of Daniel Gottlieb Messerschmidt (1719–1727). These are pisanitsy (petroglyphs), stone sculptures, steles with runic inscriptions, kurgan crepides, etc. Ten years later, the same monuments were graphically recorded by artists of the Academic team of the Second Kamchatka Expedition directed by Gerhard Friedrich Miller (Müller) and Johann Georg Gmelin (1733–1743) — Johann-Wilhelm Lürsenius, Johann Christian Berkhan, Johann Cornelius Decker. The drawings are kept in the personal papers of D. G. Messerschmidt and in “Miller’s portfolio” in the Saint-Petersburg Branch of the RAS Archive and the Russian State Archives of Ancient Acts. In the first part of the study, the drawings of the pisanitsy (petroglyphs) made during the Second Kamchatka Expedition are published.

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, археологические памятники, экспедиционные рисунки.

Keywords: D. G. Messerschmidt, G. F. Müller, J. G. Gmelin, archaeological monuments, expedition drawings.

Данцигский доктор медицины Даниэль Готтлиб Мессершмидт (Daniel Gottlieb Messerschmidt; 1685–1735) был отправлен Петром Великим в Сибирь в первую научную комплексную экспедицию (1719–1727) для изучения естественно-научных богатств и поиска «аптекарских вещей» на средства Аптекарской (с 1721 г. — Медицинской) канцелярии. Д. Г. Мессершмидт по праву считается пионером археологического изучения Сибири и первооткрывателем памятников рунической письменности евразийских степей. В этом году исполняется ровно 300 лет начала многолетних странствий немецкого ученого по просторам Сибири — 1 марта 1721 г. экс-

педиция выехала из Тобольска вглубь материка (К 300-летию..., 2021). По собственной инициативе немецкий путешественник занялся сбором и изучением исторических и археологических памятников, причем графическая фиксация открытых археологических объектов играла важнейшую роль в его исследованиях. Первое время при Д. Г. Мессершмидте не было рисовальщика, и ему пришлось привлекать к зарисовкам и копированию чужих рисунков пленных шведов и немцев («каролинов»), оказавшихся в сибирской ссылке. Известно имя одного из них, выполнившего два рисунка костей мамонта — Христиан Шмидт (Тункина, Савинов, 2017. С. 35, 42). Видимо, кто-то из пленных «каролинов» скопировал план Кунгурской ледяной пещеры и рисунки изображений Ирбитского писаного камня в Среднем Предуралье, восходящие к оригиналам Я. Лосева и С. У. Ремезова, в том числе выполнил копии «чудского письма» (петроглифов), которые были опубликованы Н. Витсенем и Ф. И. фон Страленбергом (Strahlenberg, 1730. S. 364–367,

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-42006 «Научное изучение Сибири в Петровскую эпоху: архивное наследие Д. Г. Мессершмидта». Автор выражает признательность Л. Д. Бондарь (СПбФ АРАН), оказавшей помощь в транскрипции и переводе латинских и немецких текстов.

² 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Адрес электронной почты: tunkina@yandex.ru.

372–373. Tab. XIII–XVI; Чернецов, 1971. С. 9–16; *Brentjes*, 1998. Abb. 1–5; *Басаргина*, 2021; *Knüppel*, 2021). Об этих памятниках Д. Г. Мессершмидт получал информацию из вторых рук от своих информаторов, но сам их осмотреть и зарисовать не смог, поэтому в своем IV-м рапорте в Аптекарскую канцелярию от 25 июня 1720 г. из Тобольска вынужден был воспользоваться копиями с оригиналов С. У. Ремезова, скорее всего, полученных от Ф. И. Табберта (фон Страленберга) (*Басаргина*, 2021).

Часть сохранившихся в личном фонде ученого экспедиционных рисунков выполнены Карлом Густавом фон Шульманом (Karl Gustav von Schulmann; 1702–1765). Он также был «каролином» — сыном пленного шведского подполковника, учеником и слугой пленного шведского капитана Ф. И. Табберта (фон Страленберга). Табберт и Шульман были прикомандированы к экспедиции Д. Г. Мессершмидта тобольскими властями по просьбе ученого, причем доктор содержал их за собственный счет (*Тункина*, 2021a). Однако совместное путешествие продолжалось недолго (1 марта 1721 г. — 28 мая 1722 г.). Из Тобольска экспедиция отправилась вверх по Иртышу, через устье Тары и Барабинскую степь путешественники добрались до Томска (30 марта — 5 июля 1721 г.), исследовали течение р. Томи. Ф. И. Табберт остался в Томске до 29 октября 1721 г., выполняя поручения Д. Г. Мессершмидта, и прибыл на Средний Енисей позднее доктора, который первым через Кузнецк добрался в Абаканский острог (12 сентября 1721 г. — 16 февраля 1722 г.). Здесь 22 декабря 1721 г. оба путешественника встретились.

Из Абаканского острога Ф. И. Табберт и К. Г. Шульман совершали исследовательские поездки по окрестностям (Д. Г. Мессершмидт оставался в остроге), занимались археологическими разведками и раскопками, обследуя долины рек Чулым, Абакан и Енисей. Так, в междуречье Теси и Ербы в енисейских степях 24 января 1722 г. капитан Ф. И. Табберт открыл, а К. Г. фон Шульман зарисовал каменное изваяние «Тесинский богатырь» с рунической надписью (*Радлов*, 1888. С. 14; *Савинов*, *Тункина*, 2018). Рисунки К. Г. фон Шульмана запечатлели камни с руническими надписями, открытыми поблизости 24–25 января 1722 г., которые упомянуты в X-м рапорте Д. Г. Мессершмидта в Медицинскую канцелярию от 20 мая 1722 г. под номерами с 5 по 8 вместе с Уйбатской стелой, на которых были обнаружены знаки «готско-рунической» письменности (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 21. Л. 135 об.). Эти материалы

К. Г. фон Шульмана были скопированы Ф. И. Таббертом и позднее опубликованы в виде гравюр в его известной книге (*Strahlenberg*, 1730. Tab. II–IX; XI; XII; XX; XXI; *Радлов*, 1891. С. 26–27, 29, 31, 33, 36–37, 39, 41, 48–49; *Тункина*, 2020a; 2020б; *Лефельдт и др.*, 2021).

16 февраля 1722 г. экспедиция Д. Г. Мессершмидта в полном составе направилась по Енисею в Красноярск, куда прибыла 24 февраля 1722 г. и остановилась перезимовать. После заключения Ништадтского мира со Швецией (1721) все шведские пленники должны были вернуться на родину. 13 мая 1722 г. экспедиция выехала из Красноярска и направилась по течению р. Кача в сторону Большого Кемчуга. 28 мая 1722 г. Ф. И. Табберт и К. Г. фон Шульман покинули Д. Г. Мессершмидта, забрав с собой его письменные рапорты в Медицинскую канцелярию, письма и часть коллекций для доставки в Санкт-Петербург, но главное — для возвращения на родину.

После отъезда пленных шведов Д. Г. Мессершмидт принял обязанности художника на себя. В путевом дневнике за 28 мая 1722 г. доктор с горечью пишет, что он не сможет привлечь к научной работе, состоящей по большей части в записях и рисовании, других своих спутников (СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 144 об.). Начиная с июля 1722 г. в экспедиционных дневниках появляются чертежи и рисунки, в том числе памятников археологии. В дневниках имеются страницы с оставленными пустыми местами, где предполагалось в дальнейшем разместить рисунки, планы и наброски карт. Изобразительные материалы, которые можно отнести к работам Д. Г. Мессершмидта, манерой исполнения разительно отличаются от уверенной руки рисунков К. Г. фон Шульмана. Позднее к ученому были прикомандированы два иконописца, выполнявшие роль рисовальщиков.

Значительный пласт изобразительных материалов сохранился в итоговой монографии Д. Г. Мессершмидта «*Sibiria perlustrata*» («Описание Сибири», 1728), впервые факсимильно опубликованной только в наши дни (*Messerschmidt*, 2020). Культурно-хронологическую атрибуцию изображенных артефактов, которые помещены в археологический раздел рукописной книги, провел Д. Г. Савинов (*Савинов*, 2021). Незначительное число рисунков в рукописи принадлежит самому автору, но большая часть выполнена профессиональным художником, по моему предположению, академическим рисовальщиком и гравером Г. И. Унферцатом, с которым Д. Г. Мессершмидт был знаком еще с 1719 г. (*Тункина*, 2021б).

Академический отряд Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) шел по следам экспедиции Д. Г. Мессершмидта. Один из руководителей отряда академик Г. Ф. Миллер перед поездкой в Сибирь тщательно проштудировал книги Н. Витсена, Ф. И. фон Страленберга и неопубликованные материалы Д. Г. Мессершмидта, поступившие в Петербургскую академию наук и художеств. Знаменитый труд «История Сибири» и статьи о сибирских древностях Г. Ф. Миллера (Миллер, 1937; 1999) доказывают, что он и его коллега по отряду академик И. Г. Гмелин пытались лично найти, осмотреть, описать и зарисовать памятники, открытые или только упомянутые в дневниках Д. Г. Мессершмидта, выписки из которых ученые возили с собой по Сибири. Графической фиксацией занимались профессиональные академические «рисовальные мастера», прикомандированные ко Второй Камчатской экспедиции — «рисовальный мастер» Иоганн Вильгельм Люрсениус (Johann Wilhelm Lürsenius; 1704–1771), художник «для рисования натуральной и древней истории и проспектов городов и мест» Иоганн Христиан Беркхан (Johann Christian Berckhan; 1709–1751) и «рисовального и живописного дела мастер» Иоганн Корнелиус Деккер (Johann Cornelius Decker), присоединившийся к экспедиции в 1737 г. Об этом можно судить по акварельным рисункам, хранящимся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) (От Рейна..., 2005. С. 31, 87, 90, 92, кат. № 71, 78, 85, 86, 105; Тункина, 2021б; 2021в). Большинство работ имеют подписи: «Berckhan del[ineavit]» (зарисовал Беркхан), «Lürsenius del[ineavit]» (зарисовал Люрсениус), «Lürsenius cop. fec.» (копировал Люрсениус), на некоторых рисунках авторство не указано.

До нас дошли работы И. В. Люрсениуса «Пещера в Кунгуре» на Урале (23 декабря 1733 г., с оригинала И. Х. Беркхана), изображения сибирских идолов (март 1736 г.), наскальные рисунки Шишкинской писаницы между Верхоленском и Качегой (март 1736 г.) и писаницы у р. Ирбит (7 июня 1741 г.), И. Х. Беркхана «Писанный камень на р. Томь» (Томская писаница) (3 октября 1734 г.) и др. По большей части это те же самые памятники, которые графически были зафиксированы экспедицией Д. Г. Мессершмидта. Рисунки художников Академического отряда Второй Камчатской экспедиции «хорошо передают панораму памятников, но петроглифы на них недостаточно различимы из-за небольшого масштаба изображений» (Борисенко, Худяков, 2005. С. 98). Дело в том, что рисунки писаниц недостаточ-

но различимы именно в современных публикациях, так как академические художники использовали листы тряпичной и александрийской бумаги современного формата А2–А3, а панорамные изображения не дают детального представления о деталях петроглифов без увеличения фрагментов изображений.

Еще одна проблема — разрозненность археологических рисунков и описаний Второй Камчатской экспедиции по двум архивам. Личный фонд Г. Ф. Миллера оказался разделен между современными Санкт-Петербургским филиалом Архива РАН и Российским государственным архивом древних актов в Москве (см.: Тункина, 2008). К примеру, рукописное описание памятника на немецком или латинском языке хранится в Москве, а его рисунок — в Петербурге, или наоборот. Так, текстовое «Описание некоторых вогульских идолов, найденных на высоких горах и скалах близ Благодатских заводов» сопровождается рисунками Ирбитской писаницы на левом берегу р. Туры (приток р. Тобол) близ дер. Корелиной (рис. 1) в 64 верстах по дороге на Верхотурье (Миллер, 1937. Рис. 30; 1999. Рис. 30; Чернецов, 1971. С. 7–9, рис. 2) и «вогульского идола» (рис. 2),

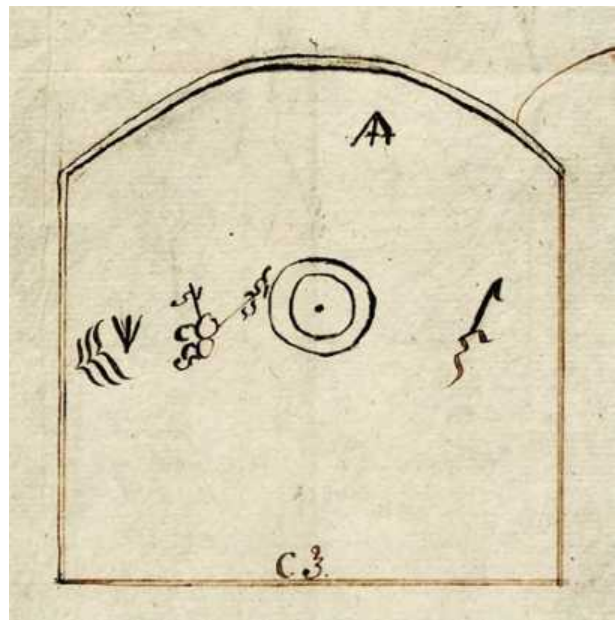

РИС. 1. Корелинская писаница. Рисунок в рукописи «Описание некоторых вогульских идолов» в «Портфелях Г. Ф. Миллера». 24 июня 1741 г. Чернила, перо (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 509. Д. 7. Л. 1 об.)

Fig. 1. Korelino pisanitsa. Drawing in the manuscript “Description of some Vogul idols” in “G. F. Miller’s portfolios”. June 24, 1741. Ink, pen (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 509. Fold. 7, Sh. 1 rev.)

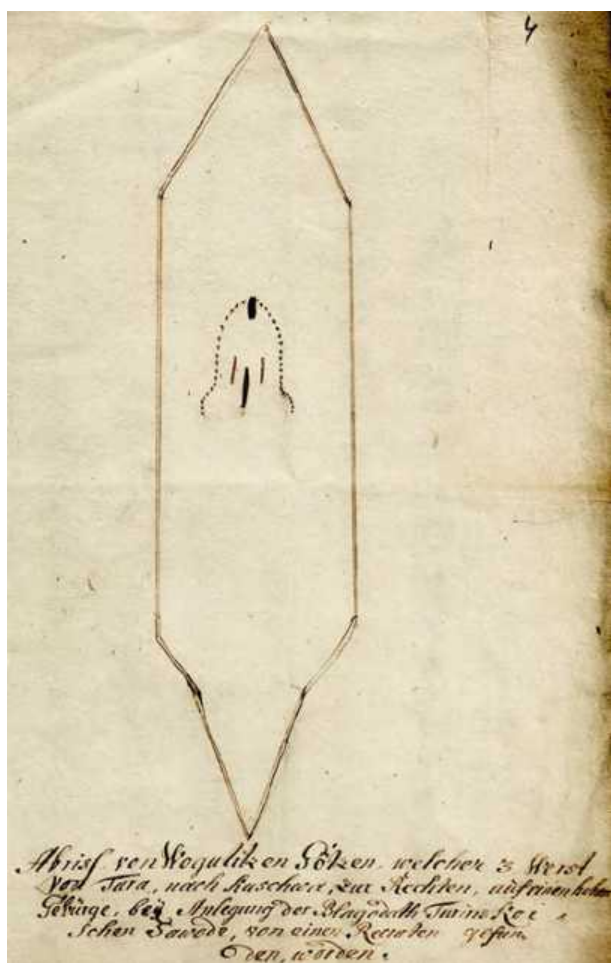

РИС. 2. «Рисунок вогульского идола, найденного неким рекрутом в 3 верстах от Туры на правом берегу Кушвы, на высокой горе у заложенного Благодатско-Туринского завода». Рисунок в рукописи «Описание некоторых вогульских идолов» в «Портфелях Г. Ф. Миллера». 24 июня 1741 г. Чернила, перо (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 509. Д. 7. Л. 1 об.)

FIG. 2. “Drawing of a Vogul idol found by a certain recruit 3 versts from Tura on the right bank of the Kushva, on a high mountain near the newly founded Blagodatchko-Turinsky factory”. Drawing in the manuscript “Description of some Vogul idols” in “G. F. Miller’s portfolios”. June 24, 1741. Ink, pen (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 509. Fold. 7. Sh. 1 rev.)

найденного в 3 верстах от Туры на ее притоке р. Кушва на Урале, хранится в «Портфелях Миллера» (РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 509. Д. 7. Л. 1–4), а чистовая таблица к описанию — в академическом архиве (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/46. Л. 1; Миллер, 1937. Рис. 17; 1999. Рис. 7) (рис. 3). «Вогульский идол» длиной 14 вершков и шириной 2 вершка был сделан в форме широкого наконечника копья с рисунком на нем. Божка нашел некий рекрут при закладке

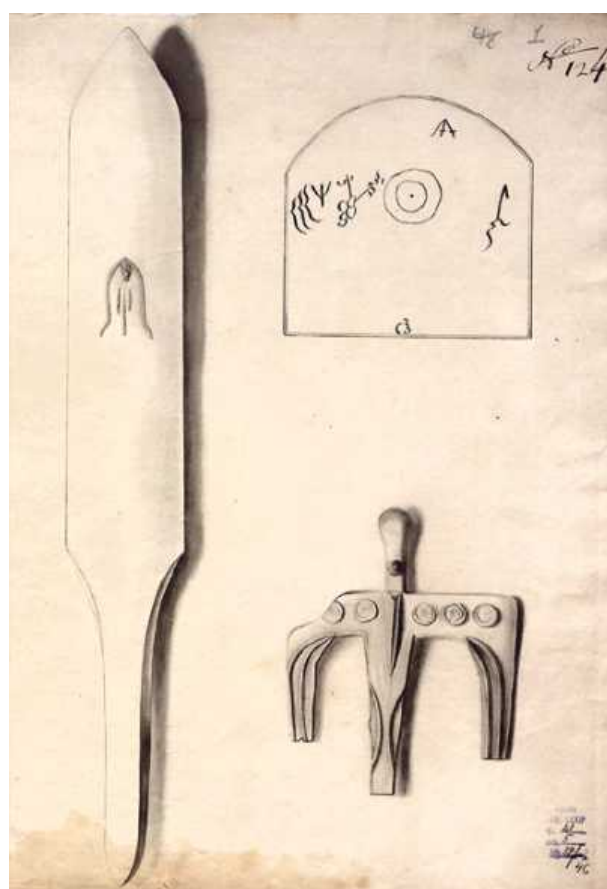

РИС. 3. Рисунок «вогульских суеверных древностей» при Верхотурье. Черная акварель, тушь, перо (© СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/46. Л. 1)

FIG. 3. Drawing of the “Vogul magic antiquities” near Verkhoturys. Black watercolour, Indian ink, pen (© St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 21. Inv. 5. Fold. 39/46. Sh. 1)

Благодатско-Туринского завода, но «когда вогулы об этом услышали», они выкупили его у рекрута и «до сегодняшнего дня держат у себя под охраной», писал Г. Ф. Миллер (РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 509. Д. 7. Л. 2). Обстоятельства находки и зарисовки археологических объектов академическим отрядом Второй Камчатской экспедиции содержатся в опубликованных и неизданных текстах Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина. Экспедиционные рисунки упомянуты в реестре рапортов, доношений, описаний, рисунков и вещей, отправленных профессорами Г. Ф. Миллером и И. Г. Гмелиным в Академию наук и Правительствующий Сенат от 7 августа 1746 г. (Материалы..., 1895. С. 194–212).

В фонде Г. Ф. Миллера отложились копии от 27–28 марта 1745 г. «кондуктора Якова Карманалева» с рисунков геодезиста поручика Ивана Ивановича

Шишкова, который по приказу В. Н. Татищева составлял карты и описывал Тобольскую провинцию. В. Н. Татищев собирал сведения о древностях, упомянутых Д. Г. Мессершмидтом и Ф. И. фон Страленбергом, с которыми он был знаком лично. Так, текст описания И. И. Шишкова Кузнецкого уезда сопровождается рисунками Томской писаницы (май 1740 г.), изваяний («каменных болванов») на р. Черный Июс (1741 г.), в Сагайской степи и по дороге из Томска в Красноярск.

Экспедиция Д. Г. Мессершмидта, академический отряд Второй Камчатской экспедиции и геодезист И. Шишков зафиксировали одни и те же монументальные памятники древности: писаницы, каменные изваяния, стелы с руническими надписями, камни крепид курганов и пр. (см.: *Тункина*, 2021в). Как выяснилось, не все они были опубликованы в полном виде. Нам представляется важным издать часть изобразительных источников по архивным оригиналам с указанием архивных шифров, несмотря на то, что часть их была опубликована еще В. В. Радловым в цинкографических снимках (*Радлов*, 1894. С. 68–71). Некоторые документы были изданы в неудовлетворительных черно-белых фотографиях в первом и втором изданиях «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера как иллюстрации к статьям о древностях сибирских (*Миллер*, 1937. Рис. 16–35; 1999. Рис. 5; 7; 18–35). В этих изданиях приведены полные архивные шифры только рисунков из Архива АН СССР/СПбФ АРАН, но шифры дел в РГАДА отсутствуют, что крайне затруднило архивный поиск графических оригиналов. В монографии В. Н. Чернецова о наскальных изображениях Урала воспроизведен рисунок Корелинской и Ирбитской писаниц из бумаг Г. Ф. Миллера (*Чернецов*, 1971. Рис. 2; 7). Сибирские памятники опубликованы в неудовлетворительных, искажающих подлинники графических прорисовках в содержательной монографии по истории изучения древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв., где вовсе не упомянуты архивы, хранящие оригиналы рисунков (*Борисенко, Худяков*, 2005. Рис. 14; 15; 23; 24). Копии с рисунков И. И. Шишкова и его описания памятников археологии изданы в черно-белых, а не цветных иллюстрациях (Историко-географические описания..., 2010. С. 239–241. Ил. 17; 18; 22–24), за исключением цветных репродукций рисунков И. Х. Беркхана, И. Г. Люрсениуса, И. И. Шишкова с изображениями Томской писаницы. Произведения первых двух художников опубликованы в технике коричневой сепии (*Ков-*

тун, 2013. Табл. 13–37, 45), а не в цвете черной акварели, как на оригиналах рисунков.

Рассмотрим эти рисунки по типам памятников, отображенных в материалах экспедиций Д. Г. Мессершмидта, академического отряда Второй Камчатской экспедиции и копиях с рисунков И. И. Шишкова.

Часть 1. Писаницы

В «Росписи проспектам, рисункам, описаниям народов и древностей, планам и ландкартам, которые господин профессор Миллер сентября 13 дня сего 1735 года в архиву отдал» упомянуты 13 рисунков петроглифов: с № 20 по № 22 «Писаные камни при реке Томе, Енисее и Урбьяте», с № 23 по № 31 «Верхоленские писаные камни», № 32 «Верхоленской писаной камень» (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 813. Л. 110). В РГАДА и СПбФ АРАН сегодня хранятся 14 рисунков писаниц, причем на большинстве указаны номера архивной описи 1748 г.: Ирбитской (№ 124, 141), Бирюсинской (№ 139, 140), Томской (два рисунка без номера), Шишкинской между Верхоленском и Качегой (№ 142, 143, 145, 147–150, два рисунка без номера). Из 14 рисунков часть дублиеты или, вернее, разные варианты одного изображения.

Уральская *Ирбитская писаница* в бумагах Д. Г. Мессершмидта представлена только в копиях 1720 г. с рисунков в «Служебной книге» С. У. Ремезова, изданных в книге Ф. И. Страленберга в виде гравюр и переизданных В. В. Радловым и В. Н. Чернецовым (*Чернецов*, 1971. Рис. 4, 5–8 (Мессершмидт), 9–12 (Страленберг)), поэтому я не считаю нужным издавать их заново.

Изображения *Корелинской писаницы* в фонде Д. Г. Мессершмидта отсутствуют — в бумагах путешественника сохранились рисунки Томской, Бирюсинской и Новоселовской писаниц, первооткрывателем которых он являлся; их рисунки были недавно опубликованы (*Тункина, Савинов*, 2017. С. 97–100, 120–121. Табл. XIV, 4, 5; XV).

В Ирбитской слободе Г. Ф. Миллер побывал 6 и 8 июня 1741 г., откуда 7 июня он специально поднялся вверх по реке, чтобы изучить Ирбитский писаный камень, или «Pissanez», как записано в его дорожнике (РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 150. Ч. 1. Д. 4. Л. 70 об.). Писаница представлена в «Портфелях Миллера» в РГАДА в виде панорамного неподписанного рисунка черной акварелью, под которым рукой Г. Ф. Миллера записано на латинском языке «Rupes picta ad Irbitum fluvium» («Разукрашенная скала на реке Ирбит»). Издаю его в полном виде и фрагменте с изображениями петроглифов (рис. 4; 5). Рисунок,

РИС. 4. [И. В. Люрсениус]. Разукрашенная скала на реке Ирбит. 7 июня 1741 г. Черная акварель, тушь, перо. Надпись – автограф Г. Ф. Миллера (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 7)

FIG. 4. [J.-W. Lürsenius]. Painted rock on the Irbit River. June 7, 1741. Black watercolour, Indian ink, pen. Inscription – autograph by G. F. Miller (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 7)

скорее всего, выполнен И. В. Люрсениусом 7 июня 1741 г. (РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 7; Чернецов, 1971. Рис. 6–7; От Рейна..., 2005. С. 92, 144, кат. № 105).

Томская писаница была открыта Д. Г. Мессершмидтом в июле 1721 г. и по его поручению зарисована или, скорее, зачерчена К. Г. фон Шульманом (Тункина, Савинов, 2017. С. 98–100. Табл. XV). С его рисунков, отправленных Д. Г. Мессершмидтом из Красноярска в Медицинскую канцелярию при Х-м рапорте от 20 мая 1722 г., были выполнены копии, а с них – искажающая оригинал гравюра, опубликованная Ф. И. фон Страленбергом (Strahlenberg, 1730. Tab. VIIIА; Радлов, 1891. С. 30, 36. Табл. VIIIА).

13 лет спустя один из руководителей академического отряда Второй Камчатской экспедиции И. Г. Гмелин в сопровождении художников И. Х. Беркхана и И. В. Люрсениуса, студента С. П. Крашенинникова, татарского переводчика и «вожа» отправились на трех лодках водным путем вниз

РИС. 5. [И. В. Люрсениус]. Наскальные рисунки у р. Ирбит. Фрагмент (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 7)

FIG. 5. [J.-W. Lürsenius]. Rock drawings near the Irbit River. Fragment (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 7)

по р. Томь из Кузнецка в поисках писаницы, зафиксированной Д. Г. Мессершмидтом. Писаный камень находился в 16 верстах ниже Верхотомского острога, куда отряд добрался к вечеру 2 октября 1734 г., а на следующий день участники отряда осматривали и копировали ее изображения на скале (Gmelin, 1751. S. 303–306; Радлов, 1894. С. 66–68; Ковтун, 2013. С. 53–55). Позднее И. Г. Гмелин вручил Г. Ф. Миллеру, занимавшемуся сбором исторических и ар-

хеологических материалов, рисунки писаницы в надежде на последующую публикацию. Изображения дошли до нас в двух вариантах в «Портфелях Миллера» (РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 3–4): это рисунок И. Х. Беркхана (рис. 6; 7) и копия с него И. В. Люрсениуса (рис. 8; 9). Впервые один из вариантов частично был обнаружен В. В. Радловым в цинкографической копии (Радлов, 1894. С. 68), затем в мелкоформатной фотокопии в «Истории

РИС. 6. И. Х. Беркхан. «Писаной камень» на р. Томь. 3 октября 1734 г. Черная акварель, тушь, перо (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 4)

FIG. 6. J. Ch. Berkhan. “Pisany stone” (Rock with representations) on the Tom River. October 3, 1734. Black watercolour, Indian ink, pen (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 4)

РИС. 7. И. Х. Беркхан. «Писаной камень» на р. Томь. Фрагмент (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 4)

FIG. 7. J. Ch. Berkhan. “Pisany stone” on the Tom River. Fragment (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 4)

Сибири» Г. Ф. Миллера (Миллер, 1937. Рис. 31; 1999. Рис. 31), в каталоге выставки к 300-летию Г. Ф. Миллера (От Рейна..., 2005. С. 90, 138, кат. № 78) и в монографии о Письмагоре (Ковтун, 2013. С. 61–73. Табл. 13–37).

Томская писаница была частично запечатлена 23 мая 1740 г. в неумелых рисунках геодезиста И. И. Шишкова, скопированных кондуктором Я. Карманалеевым 28 марта 1745 г. (рис. 10). Поручик оправдывался перед В. Н. Татищевым за качество изображений: «Оные рисунки будут невесма исправны <...> ибо в живописи искусства не имею» (СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 5. Д. 150. Л. 94 об.–95; Историко-географические описания..., 2010. С. 241, 257. Ил. 22; Ковтун, 2013. С. 81–88. Табл. 45).

РИС. 8. И. В. Люрсениус, с оригинала И. Х. Беркхана. «Писаной камень» на р. Томь (Томская писаница). 3 октября 1734 г. Черная акварель, тушь, перо (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 3)

FIG. 8. J.-W. Lürsenius, from J. Ch. Berkhan's original. "Pisany stone" on the Tom River (Tomskaya *pisanitsa*). October 3, 1734. Black watercolour, Indian ink, pen (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 3)

Бирюсинская писаница на правом берегу Енисея севернее дер. Бирюсы, сегодня затопленная водами Красноярского водохранилища, была открыта 23 февраля 1722 г. и 3 октября того же года описана и зарисована самим Д. Г. Мессершмидтом (Тункина, Савинов, 2017. С. 97–98. Табл. XIV, 4), а не К. Г. фон Шульманом, как ошибочно утверждает М. А. Дэвлет (Дэвлет, 1996. С. 8–9; Дэвлет Е. Г., Дэв-

РИС. 9. И. В. Люрсениус, с оригинала И. Х. Беркхана. «Писаной камень» на р. Томь (Томская писаница). Фрагмент (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 3)

FIG. 9. J.-W. Lürsenius, from J. Ch. Berkhan's original. "Pisany stone" on the Tom River (Tomskaya *pisanitsa*). Fragment (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 3)

лет М. А., 2011. С. 5). 13 лет спустя, 5 февраля 1735 г., И. Г. Гмелин и художник И. В. Люрсениус, используя лестницу, изучили и скопировали имеющиеся на Писаном камне петроглифы, выполненные «красными фигурами по белому грунту» на крутой скале на правом берегу Енисея, в 4-х верстах от дер. Бирюсинская (Gmelin, 1751. S. 378–379; Радлов, 1894. С. 69–70). Панорамный рисунок писаницы И. В. Люрсениуса дошел до нас в двух вариантах (№ 139 и 140 по описи бумаг Второй Камчатской экспедиции 1748 г.) и имеет заголовок художника на латинском языке «Pisanoi Kamen sive rupes figurata ad Jeniseam fluvium» («Писаный камень, или изукрашенная скала на реке Енисей») (рис. 11; 13). При увеличении фрагмента с изображением писаницы видна разница между рисунками – на первом руки человеческих фигурок под изображением всадника опущены вниз (рис. 12), на втором – согнуты в локте; согласно И. Г. Гмелину, это фигуры двух человек, из которых каждый держит руку за пазухой (рис. 14). Возможно, изменения были внесены после того, как И. Г. Гмелин позднее пешком обследовал берег и окрестные Бирюсинские пещеры. В 1739 г. Академический отряд проплыл по Енисею мимо писаницы. Известно, что 1 октября

РИС. 10. Я. Карманалеев, с оригинала И. И. Шишкова. Томская писаница. «Сим начертанием на реке Томе вписано на правой стороне на камне, называемом писаном. Оных начертаний довольно. Из оных частью срисовано и прилагается при сем. Сочинен 1740-го году мая 23-я. Вышеписанная начертанияи лицом на запад. Описания геодези поруччика Ивана Шишкова. С подлинного рисовал инженерного корпуса кандуктор Яков Карманалеев 1745 году марта 28 дня». Акварель, тушь, перо, чернила (© СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 150. Л. 94 об.-95)

FIG. 10. Ya. Karmanaleyev, from I. I. Shishkov's original. Tomskaya *pisanitsa*. "This representation is found on the Tom River, downstream on the right side on the stone called *pisany* (rock with images). These representations are fairly numerous. Some of them are copied and here attached. Executed in 1740, May 23rd. The drawings view to the West. Drawn by lieutenant of geodesy Ivan Shishkov. Copied from the original by the Conductor of Engineers Yakov Karmanaleyev in the year of 1745, March 28th". Black watercolour, Indian ink, pen, ink (© St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 21. Inv. 5. Fold. 150. Sh. 94 rev.-95)

РИС. 11. И. В. Люрсениус. «Писаный камень, или изукрашенная скала на реке Енисей». 5 февраля 1735 г. Черная акварель, тушь, перо (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 5).

FIG. 11. J.-W. Lürsenius. "Pisany stone or painted rock on the Yenisey River". February 5, 1735. Black watercolour, Indian ink, pen (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 5)

РИС. 12. То же. Фрагмент (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 5)

Fig. 12. The same drawing. Fragment (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 5)

РИС. 13. И. В. Люрсениус. «Писаный камень, или изукрашенная скала на реке Енисей». 5 февраля 1735 г. Черная акварель, тушь, перо (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 6)

FIG. 13. J.-W. Lürsenius. "Pisany stone or painted rock on the Yenisey River". February 5, 1735. Black watercolour, Indian ink, pen. (After © State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 6)

РИС. 14. То же. Фрагмент (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 6)

FIG. 14. The same drawing. Fragment (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 6)

1739 г. Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин вместе с художниками И. В. Люрсениусом и И. Х. Беркханом отплыли на лодке из Абаканского острога вниз по Енисею; 4 октября экспедиция проплыла мимо *Новоселовской писаницы* (Городовая стена), 6 октября достигла речки Бирюса и деревни Бирюсинская, где ненадолго остановилась, но вскоре проследовала далее — Бирюсинскую писаницу они больше не осматривали (Миллер, 1996. С. 167–168; Гмелин, 2013. С. 165–166, 181–182).

Шишкинская писаница на р. Лене, растянувшаяся на несколько верст между Верхоленском и дер. Качегой, упомянута еще в книге Н. Витсена, использовавшего материалы С. У. Ремезова. Несколько рисунков И. В. Люрсениуса, выполненных в марте 1736 г. в ходе Второй Камчатской экспедиции, не были изданы Г. Ф. Миллером, так как ученый посчитал их несовершенными. Они в виде цинкографических снимков и фотокопий были лишь частично опубликованы в конце XIX — XX в. (Радлов, 1894. С. 70–71; Окладников, Запорожская, 1959. Рис. 4; 5; 7). Часть рисунков, каждый из которых выполнен в двух экземплярах, имеет еле видимые карандашные аннотации художника сверху листа слева. На них указаны верстовые расстояния, что позволяет привязать изображения к конкретным группам петроглифов. Эти карандашные пометы не были приняты во внимание и остались неизученными последующими исследователями Шишкинской писаницы.

Большинство рисунков имеет аннотацию и номер: № 145 «N 1. 14. leucis a munimento Wercholeniensi» («№ 1. В 14-ти верстах от Верхоленского острога») (рис. 15–18, два варианта), № 143 и рисунок без номера «N 2. 15 leucis a mun[imento] Wercholen[iensi]» («№ 2. В 15-ти верстах от Верхоленского острога») (рис. 19–22, два варианта), № 147–148 «N 3. 26 leucis a mun[imento] Werchol[eniensi]» («№ 3. В 26-ти верстах от Верхоленского острога») (рис. 23–26, два варианта), № 142 не имеет аннотации и подписи художника (рис. 27; 28). Наконец, в двух вари-

антах — чистовом (рис. 29) и черновом (рис. 31) — представлена сводная таблица изображений, составленная И. В. Люрсениусом, с пояснениями Г. Ф. Миллера: № 149–150 «Von 1 biß 8. ohngefehr um die Mitte Weges zwischen Wercholenk und Katschega der an verschiedenen Orten. Von 9 biß 12 nahin gegen Katschega hier gleichfalls an verschiedenen Orten» («С 1 по 8 — примерно посередине пути между Верхоленском и деревней Качега в различных местах. С 9 по 12 — сразу напротив Качеги, здесь также в различных местах») (рис. 29–32) (Радлов, 1894. С. 70–71; От Рейна..., 2005. С. 92, 140, кат. 85).

Не видя многих из изображенных памятников и ознакомившись с их рисунками, полученными от И. Г. Гмелина, Г. Ф. Миллер был разочарован копиями И. В. Люрсениуса, когда увидел писаницы воочию: «Мне стало жаль потраченного на рисовку труда, да и теперь не считаю нужным издавать их» (Радлов, 1894. С. 70). Между тем многие наскальные рисунки, зафиксированные художниками Второй Камчатской экспедиции, в настоящее время уже утрачены (Дэвлет Е., Дэвлет М., 2011. С. 6), поэтому для петроглифистов изображения первой трети XVIII в. остаются единственными источниками о многих памятниках.

Сравнительный анализ графической фиксации археологических материалов Сибири в рисунках двух экспедиций показывает, что зарисовки Д. Г. Мессершмидта и его спутника К. Г. фон Шульмана оказались гораздо точнее рисунков профессиональных академических художников. Последние передавали ощущения от памятников изобразительного искусства древности не в точной чертежной (плоскостно-табличной), а, скорее, в художественно-романтической манере, свойственной профессиональным художникам, но не ученым (см.: Тункина, 2021а; 2021б). Публикация архивных изобразительных первоисточников Второй Камчатской экспедиции о памятниках археологии Урала и Сибири будет продолжена в последующих частях настоящего исследования (см.: Тункина, 2021в).

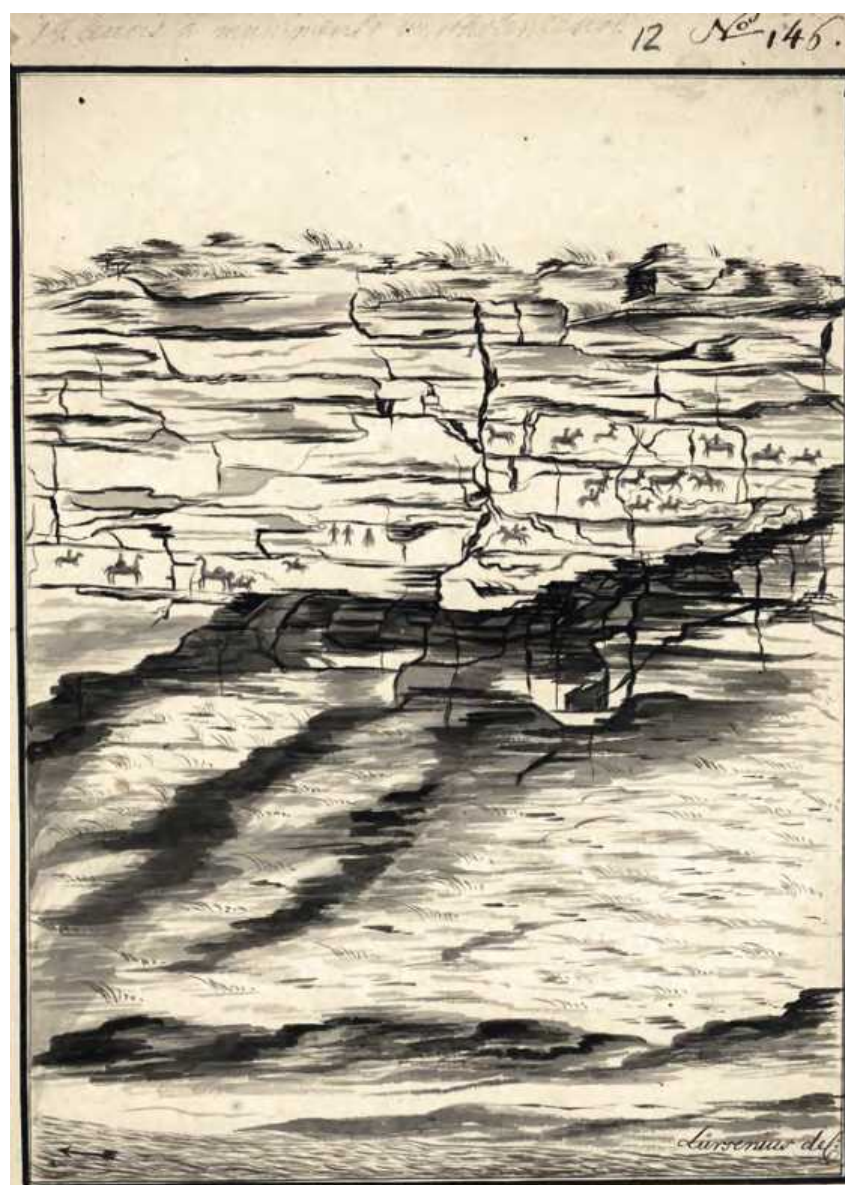

РИС. 15. И. В. Люрсениус. Писанный камень на р. Лене в 14 верстах от Верхоленского острога (Шишкинская писаница). Март 1736 г. Черная акварель, тушь, перо (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 12)

FIG. 15. J.-W. Lürsenius. Pisany stone on the Lena River 14 versts from Verkholsky Ostrog (Shishkinskaya *pisanitsa*). March of 1736. Black watercolour, Indian ink, pen (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 12)

РИС. 16. То же. Фрагмент (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 12)

FIG. 16. The same drawing. Fragment (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 12)

РИС. 17. И. В. Люрсениус. Писанный камень на р. Лене в 14 верстах от Верхоленского острога (Шишкинская писаница). Март 1736 г. Черная акварель, тушь, перо (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 11)

FIG. 17. J.-W. Lürsenius. Pisany stone on the Lena River 14 versts from Verkholsky Ostrog (Shishkinskaya *pisanitsa*). March of 1736. Black watercolour, Indian ink, pen (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 11)

РИС. 18. То же. Фрагмент (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 11)

FIG. 18. The same drawing. Fragment (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 11)

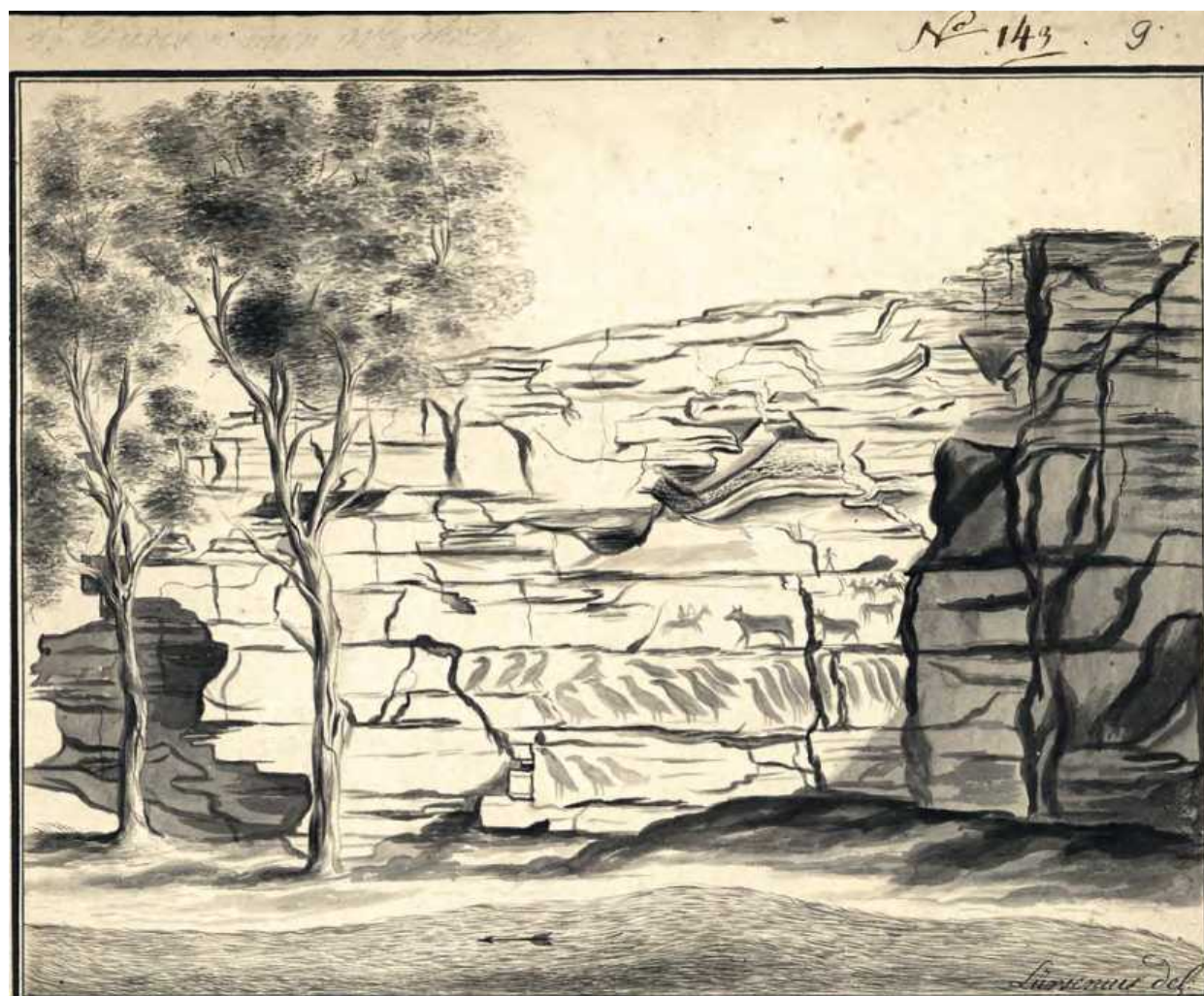

РИС. 19. И. В. Люрсениус. Писанный камень на р. Лене в 15 верстах от Верхоленского острога (Шишкинская писаница). Март 1736 г. Черная акварель, тушь, перо (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 9)

FIG. 19. J.-W. Lürsenius. Pisany stone on the Lena River 15 versts from Verkholsky Ostrog (Shishkinskaya *pisanitsa*). March of 1736. Black watercolour, Indian ink, pen (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 9)

РИС. 20. То же. Фрагмент (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 9)

FIG. 20. The same drawing. Fragment (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 9)

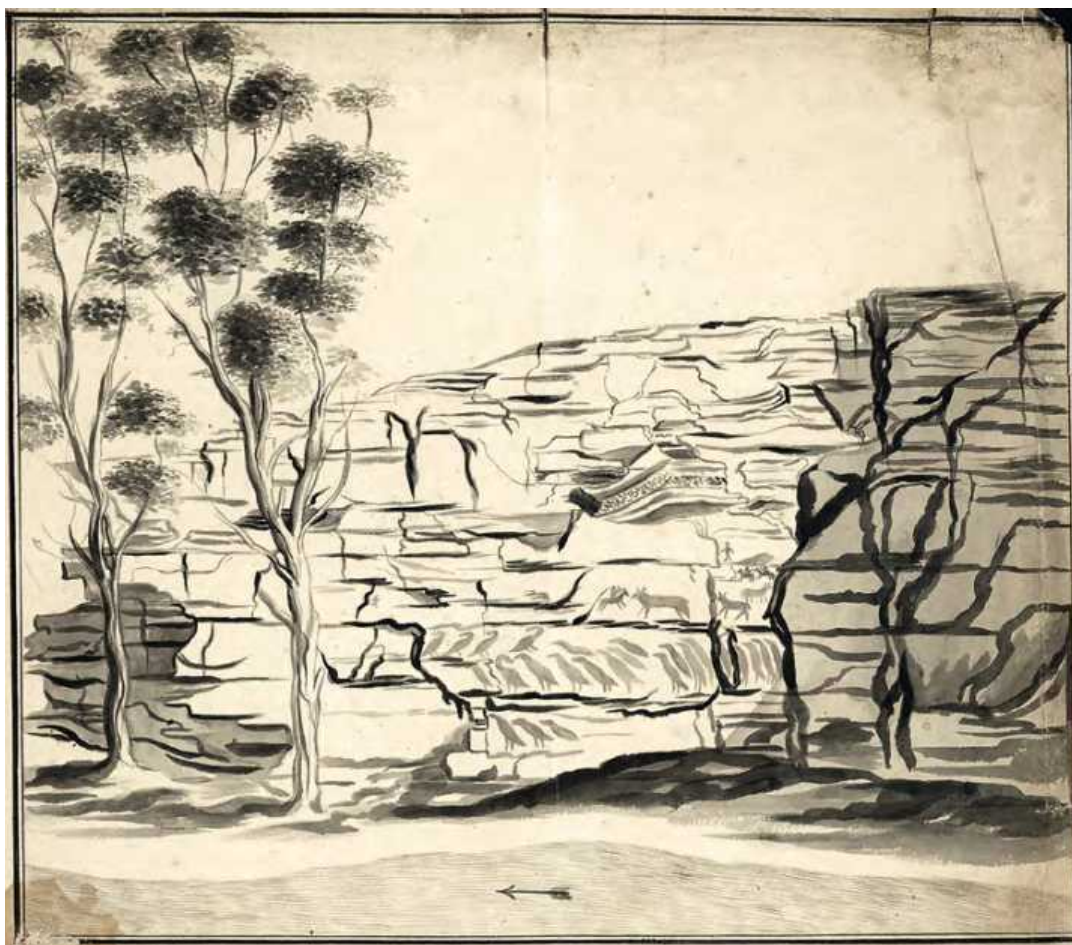

РИС. 21. И. В. Люрсениус. Писаный камень на р. Лене в 15 верстах от Верхоленского острога (Шишкинская писаница). Март 1736 г. Черная акварель, тушь, перо (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 10)

FIG. 21. J.-W. Lürsenius. Pisany stone on the Lena River 15 versts from Verkholsky Ostrog (Shishkinskaya *pisanitsa*). March of 1736. Black watercolour, Indian ink, pen (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 10)

РИС. 22. То же. Фрагмент (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 10)

FIG. 22. The same drawing. Fragment (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 10)

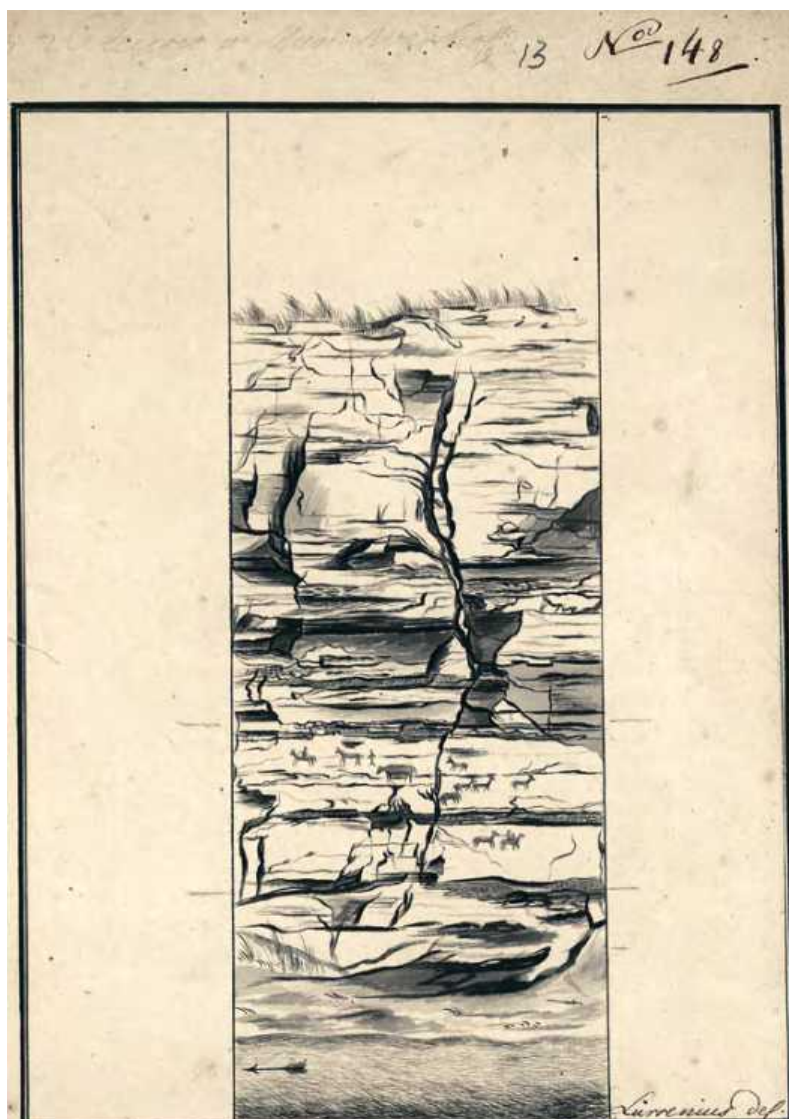

РИС. 23. И. В. Люрсениус. Писаный камень на р. Лене в 26 верстах от Верхоленьского острога (Шишкинская писаница). Март 1736 г. Черная акварель, тушь, перо (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 13)

FIG. 23. J.-W. Lürsenius. Pisany stone on the Lena River 26 versts from Verkholsky Ostrog (Shishkinskaya *pisanitsa*). March of 1736. Black watercolour, Indian ink, pen (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 13)

РИС. 24. То же. Фрагмент (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 13)

FIG. 24. The same drawing. Fragment (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 13)

РИС. 25. И. В. Люрсениус. Писанный камень на р. Лене в 26 верстах от Верхоленского острога (Шишкинская писаница). Март 1736 г. Черная акварель, тушь, перо (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 14)

FIG. 25. J.-W. Lürsenius. Pisany stone on the Lena River 26 versts from Verkholyensky Ostrog (Shishkinskaya *pisanitsa*). March of 1736. Black watercolour, Indian ink, pen (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 14)

РИС. 26. То же. Фрагмент (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 14)

FIG. 26. The same drawing. Fragment (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 14)

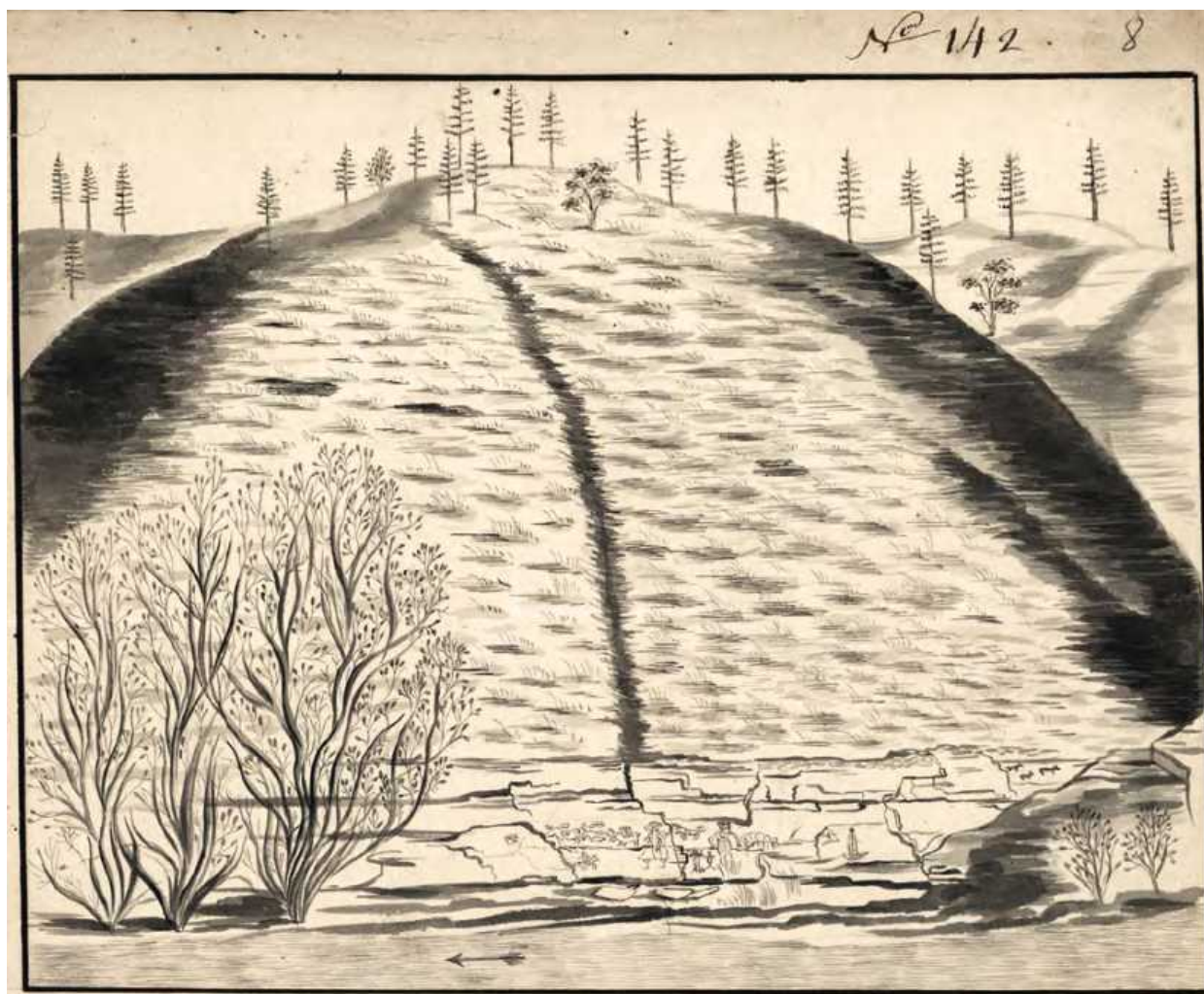

РИС. 27. [И. В. Люрсениус]. Писаный камень на р. Лене между Верхоленском и дер. Качегой (Шишкинская писаница). Март 1736 г. Черная акварель, тушь, перо (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 8)

FIG. 27. [J.-W. Lürsenius]. Pisany stone on the Lena River between Verkholensk and the village of Kacheha (Shishkinskaya *pisanitsa*). March of 1736. Black watercolour, Indian ink, pen (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 8)

РИС. 28. То же. Фрагмент (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 8)

FIG. 28. The same drawing. Fragment (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 8)

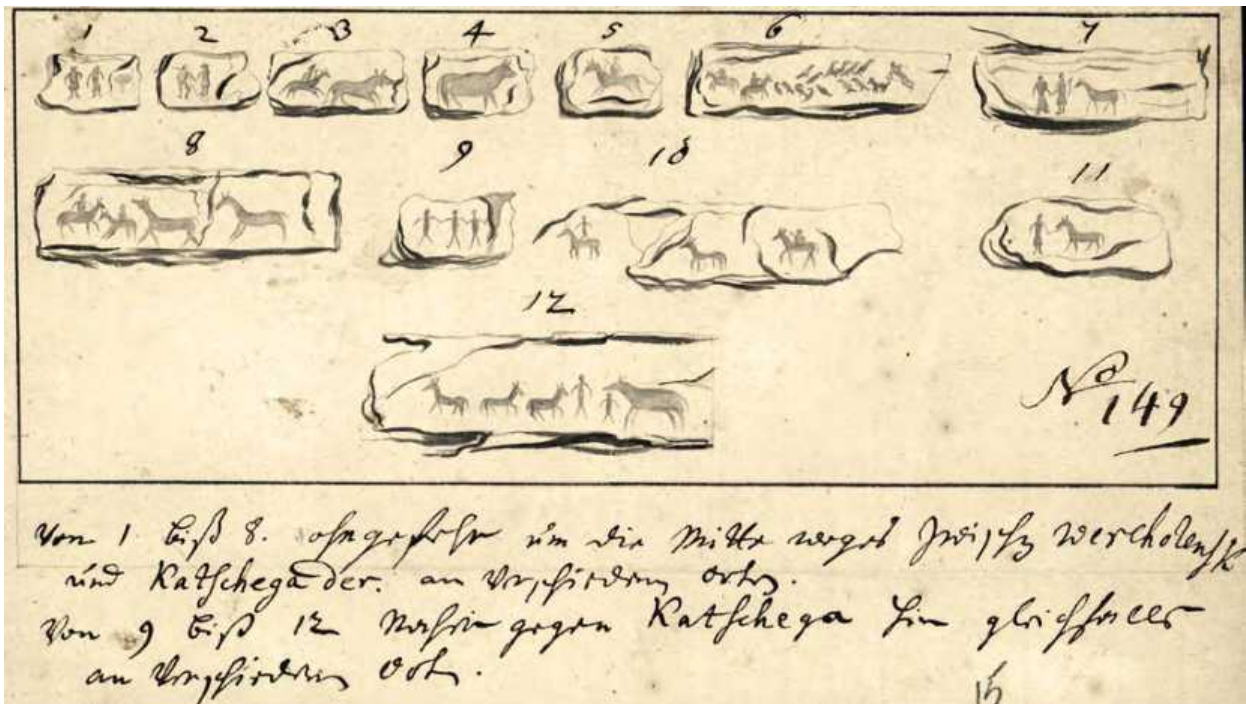

РИС. 29. [И. В. Люрсениус]. Писанный камень на р. Лене между Верхоленском и дер. Качегой (Шишкинская писаница). («С 1 по 8 – примерно посередине пути между Верхоленском и деревней Качега в различных местах. С 9 по 12 – сразу напротив Качеги, здесь также в различных местах»). Март 1736 г. Черная акварель, тушь, перо (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 15)

FIG. 29. [J.-W. Lürsenius]. Pisany stone on the Lena River between Verkholenensk and the village of Kacheha (Shishkinskaya *pisantsa*). ("From the 1st to 8th – about in the middle of the way between Verkholenensk and the village of Kacheha, in different places. From the 9th to 12th – immediately opposite Kacheha, here also in different places"). March of 1736. Black watercolour, Indian ink, pen (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 15)

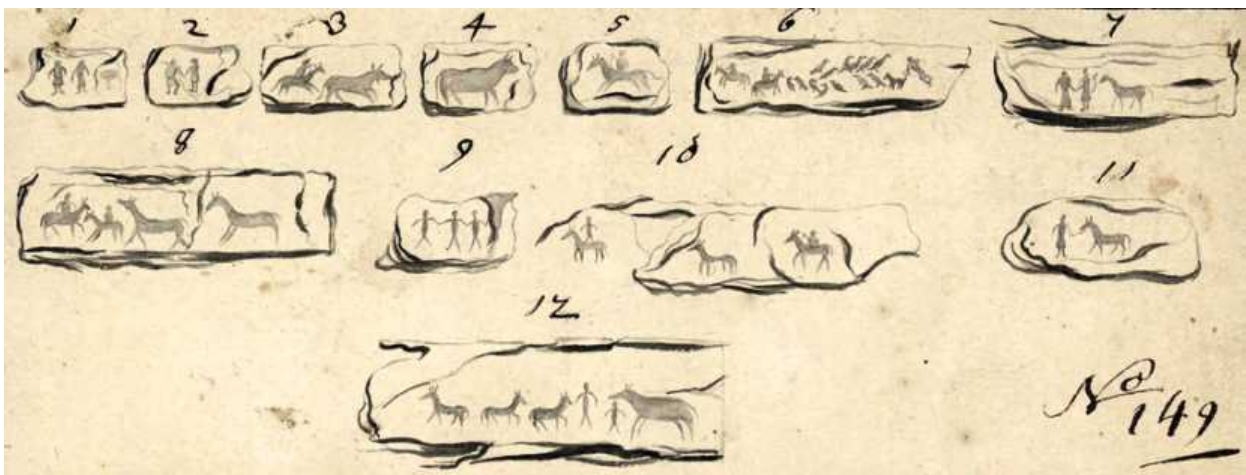

РИС. 30. То же. Фрагмент (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 15)

FIG. 30. The same drawing. Fragment (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 15)

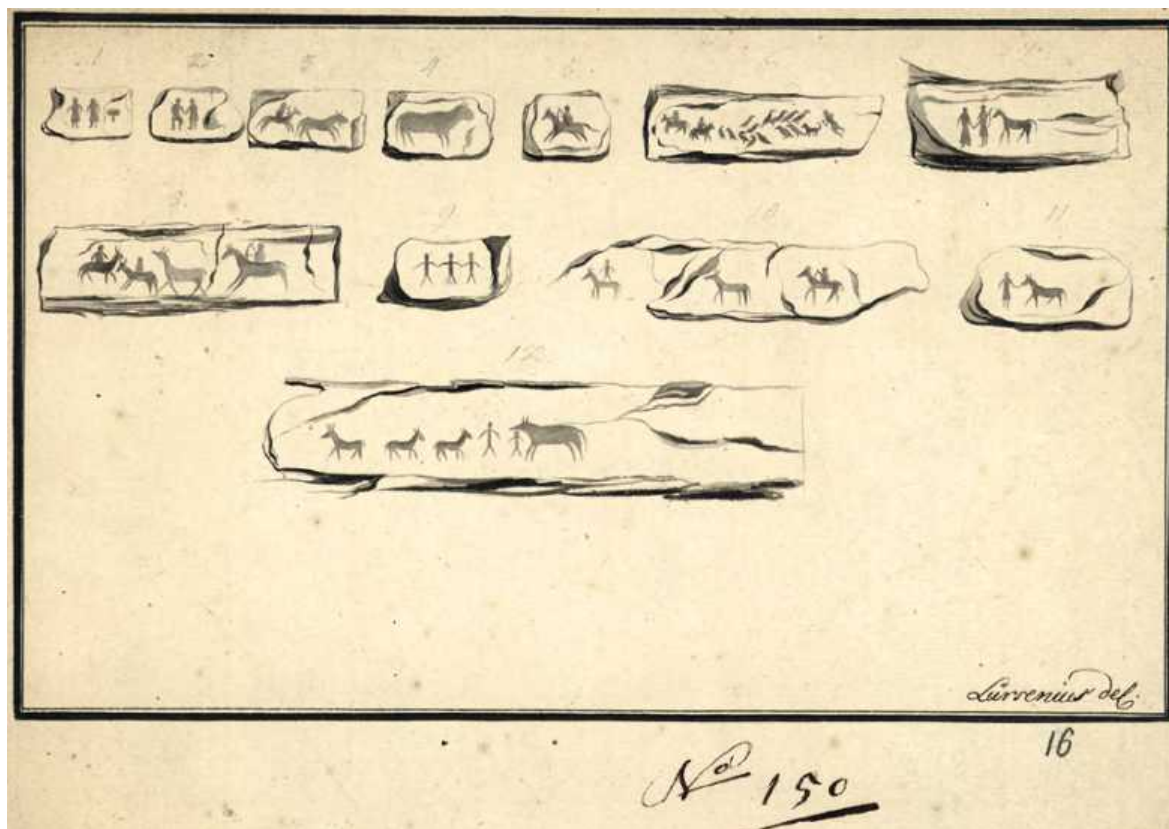

РИС. 31. И. В. Люрсениус. Писанный камень на р. Лене между Верхоленском и дер. Качегой (Шишкинская писаница). («С 1 по 8 – примерно посередине пути между Верхоленском и деревней Качега в различных местах. С 9 по 12 – сразу напротив Качеги, здесь также в различных местах»). Март 1736 г. Черная акварель, тушь, перо (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 16)

FIG. 31. J.-W. Lürsenius. Pisany stone on the Lena River between Verkholensk and the village of Kacheга (Shishkinskaya *pisanitsa*). ("From the 1st to 8th – about in the middle of the way between Verkholensk and the village of Kacheга, in different places. From the 9th to 12th – immediately opposite Kacheга, here also in different places". March of 1736. Black watercolour, Indian ink, pen (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 16)

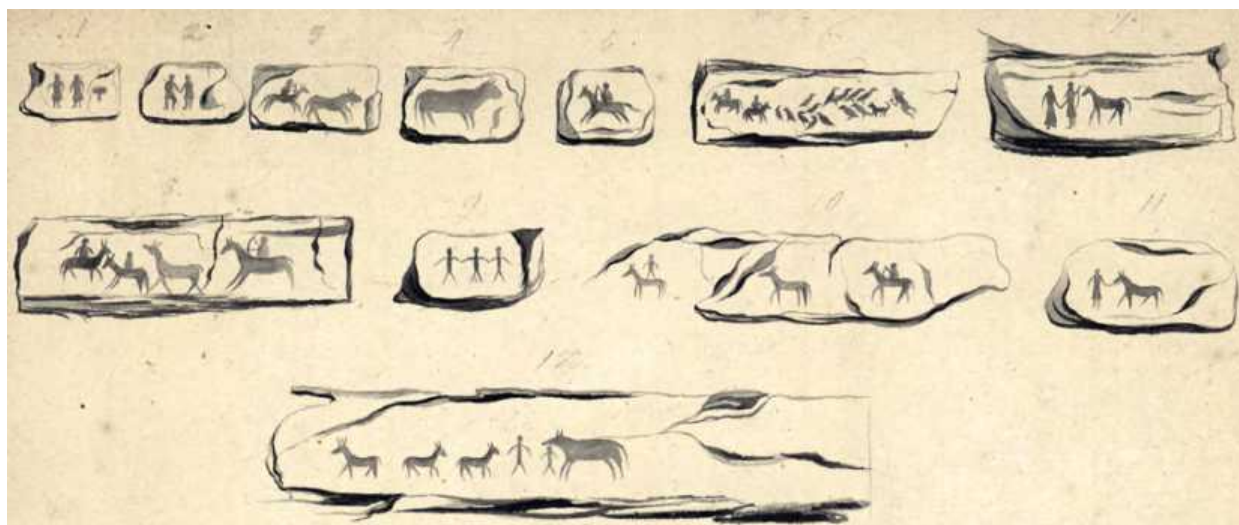

РИС. 32. То же. Фрагмент (© РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 794. Л. 16)

FIG. 32. The same drawing. Fragment (© State Archive of Ancient Acts. F. 199. Inv. 2. Portf. 794. Sh. 16)

Литература

- Басаргина*, 2021 — *Басаргина Е. Ю.* «Филологический образец» Д. Г. Мессершмидта 1720 г. // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. С. 233–239. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; Вып. 19).
- Борисенко, Худяков*, 2005 — *Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: НГУ, 2005. 270 с.
- Гмелин*, 2013 — *Гмелин И. Г.* Путешествие через Сибирь с 1733 по 1743 годы (отрывки) // Ада чиир-суу — Отечество: Краеведческий альманах. Абакан: б. и., 2013. Вып. 2. С. 161–182.
- Дэвлет*, 1996 — *Дэвлет М. А.* Петроглифы Енисея. История изучения (XVIII — начало XX вв.). М.: ИА РАН, 1996. 250 с.
- Дэвлет Е., Дэвлет М.*, 2011 — *Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А.* Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии. М.: ИА РАН, 2011. 379 с.
- Историко-географические описания..., 2010 — Историко-географические описания Верхнего Приобья и Прииртышья 1730–1740-х годов (по анкетам В. Н. Татищева): Сб. документов / Авт. вступ. ст. и археогр. справки: В. Б. Бородаев, А. В. Контев. СПб.: Европейский Дом, 2010. 260 с.
- К 300-летию..., 2021 — К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; Вып. 19). 352 с.
- Ковтун*, 2013 — *Ковтун И. В.* Письмагора (история открытия и исследований: 1630–1956 гг.). Кемерово: Азия-принт, 2013. 159 с.
- Лефельдт и др.*, 2021 — *Лефельдт В., Кнюппель М., Тункина И. В., Элерт А. Х.* Письмо Ф. И. Страленберга Э. Бенцелиусу-младшему о народах и древностях Сибири // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021 (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; Вып. 19). С. 119–142.
- Материалы..., 1895 — Материалы для истории Императорской Академии наук: в 10 т. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1895. Т. 8: (1746–1747). 798 с.
- Миллер*, 1937 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1 / Отв. ред. И. И. Мещанинов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. VIII, 608 с.
- Миллер*, 1996 — *Миллер Г. Ф.* Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / Изд. подг. А. Х. Элерт; отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с. (История Сибири. Первоисточники; Вып. 6).
- Миллер*, 1999 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1 / Изд. 2-е, доп. М.: Восточная литература РАН, 1999. 630 с.
- Окладников, Запорожская*, 1959 — *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Ленские писаницы: Наскальные рисунки у деревни Шишкино. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 145 с.
- От Рейна..., 2005 — От Рейна до Камчатки: Каталог выставки. К 300-летию со дня рождения академика Г. Ф. Миллера / Сост. и науч. ред. Е. Е. Рычаловский. М.: Древлехранилище, 2005. 196 с.
- Радлов*, 1888 — *Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. I, вып. 1. Приложения. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1888. С. 1–20.
- Радлов*, 1891 — *Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. I, вып. 2. Приложения. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1891. С. 21–52.
- Радлов*, 1894 — *Радлов В. В.* Сибирские древности. Т. I. Вып. 3. Приложения. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1894. С. 53–146.
- Савинов*, 2021 — *Савинов Д. Г.* Культурно-хронологическая атрибуция рисунков памятников археологии из рукописи Д. Г. Мессершмидта *Sibiria Perillustrata* // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. С. 252–265 (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; Вып. 19).
- Савинов, Тункина*, 2018 — *Савинов Д. Г., Тункина И. В.* «Тесинский богатырь»: Возвращение к оригиналу // *Stratum plus*. 2018. № 6. С. 29–51.
- Тункина*, 2008 — *Тункина И. В.* О судьбе рукописного наследия Г. Ф. Миллера // Вопросы истории естествознания и техники. 2008. № 2. С. 3–11.
- Тункина*, 2020а — *Тункина И. В.* Материалы об экспедиции Д. Г. Мессершмидта в письмах Ф. И. Страленберга Э. Бенцелиусу-младшему // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. Х. Элерт. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2020. С. 305–309. (Археография и источниковедение Сибири; Вып. 39).
- Тункина*, 2020б — *Тункина И. В.* Письма Ф. И. Страленберга Э. Бенцелиусу-младшему — новый источник об экспедиции Д. Г. Мессершмидта в Сибирь // Труды VI (XXII) ВАС в Самаре: в 3-х т. / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. Т. III. С. 154–156.
- Тункина*, 2021а — *Тункина И. В.* К биографии Карла Густава Шульмана // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. С. 57–64. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; Вып. 19).
- Тункина*, 2021б — *Тункина И. В.* Памятники археологии Сибири в рисунках экспедиций Д. Г. Мессершмидта и Г. Ф. Миллера // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. С. 266–272. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; Вып. 19).
- Тункина*, 2021в — *Тункина И. В.* По следам сибирского путешествия Д. Г. Мессершмидта (1719–1727): Фиксация памятников археологии Сибири художниками академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743). Часть 2: Каменные изваяния и курганные плиты // Музей. Памятник. Наследие. 2021. № 1 (9). С. 151–173.

- Тункина, Савинов, 2017 — Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб.: ЭлекСис, 2017. 168 с. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; Suppl. 6).
- Чернецов, 1971 — Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. Ч. 2. М.: Наука, 1971. 120 с. (САИ; Вып. В4–12(2)).
- Brentjes, 1998 — Brentjes B. Fragmente aus dem Nachlass von Daniel Gottlieb Messerschmidt // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae (Budapest). 1998. Vol. 51. Nos 1–2. S. 220–235.
- Gmelin, 1751 — Gmelin J. G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733. bis 1743. Gottingen: verlegt Abram Vandenhoecks seel., Wittwe, 1751. Bd. 1. 476 S.
- Knüppel, 2021 — Knüppel M. Einige Bemerkungen zu den Darstellungen sibirischer Felsbilder bei N. Witsen (1785) // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб.: Реноме, 2021. S. 240–251. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; Вып. 19).
- Messerschmidt, 2020 — Messerschmidt D. G. Sibiria Perlustrata, etc. Факсимильное издание рукописи. СПб.: Коло, 2020. 792 с.
- Strahlenberg, 1730 — Strahlenberg Ph. J. von. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asiae, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begriffet. In einer historisch-geographischen Beschreibung der alten und neueren Zeiten, und vielen anderen unbekanntten Nachrichten vorgestellt, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerley Arten Tatarischer Völker, Sprachen und einem Kalmückischen Vocabulario, sonderlich aber einer grossen richtigen Land-Charte von den benannten Ländern und andern verschiedenen Kupfferstichen, so die Asiatisch-Scythische Antiquität betreffen. Stockholm: Verlegung des Autoris, 1730. [26], 438, [16] S.

After the traces of the Siberian travel of D. G. Messerschmidt (1719–1727): records of archaeological monuments of the Urals and Siberia by artists of the Academic team of the Second Kamchatka Expedition (1733–1743). Part 1. Pisanitsy (Petroglyphs)

I. V. Tunkina

The paper presents a comparative analysis of the drawings of archaeological sites first graphically recorded during the Siberian expedition of D. G. Messerschmidt (1719–1727) (petroglyph sites, stone sculptures, steles with runic inscriptions, krepides of kurgans, etc.) which a decade afterwards were drawn during the Second Kamchatka Expedition headed by G. F. Miller and J. G. Gmelin (1733–1743) by the artists of the Academic Group — Johann-Wilhelm Lürsenius, Johann Christian Berkhan and Johann Cornelius Decker. Their drawings are kept in the personal papers of D. G. Messerschmidt and in “Miller’s potfolio” in Saint Petersburg Archives of the RAS, and the Russian State Archives of Ancient Acts. The first section of this study publishes the archive drawings (black watercolour) of petroglyph sites or *pisanitsy* executed during the Second Kamchatka Expedition. These are the Korelin-skaya (Fig. 1; 3) and Irbitskaya (Fig. 4; 5) *pisanitsy* in

the Urals, as well as petroglyphs of Siberia — Tomskaya *pisanitsa* on the Tom River (Fig. 6–9) supplemented with a coloured copy by Yakov Karmanaleyev (1745) after an original drawing of the geodesist Ivan I. Shishkov (1740) (Fig. 10), Biryusinskaya *pisanitsa* on the Yenisey River (Fig. 11–14), and Shishkinskaya *pisanitsa* on the Lena River (Fig. 15–32). However sketches by D. G. Messerschmidt and his companion K. G. von Schulmann proved to be considerably more exact than the drawings of professional academic artists. The latter rendered the sentiments from monuments of visual arts of antiquity not through an exact (planar-tabular) drafting but rather in an artistic-romantic manner peculiar to professional artists but not to scientists. Nevertheless, for researchers of petroglyphs, the representations of the first third of the 18th century remain the only sources on many monuments now lost.

Возможности реконструкции утраченных наскальных рисунков (на примере памятника Малый Баян-Кол в Туве)

Е. А. Миклашевич¹

АННОТАЦИЯ. В статье представлена прорисовка-реконструкция одной из разрушенных многофигурных композиций памятника наскального искусства Малый Баян-Кол в Туве, сделанная по двум архивным фотографиям: из экспедиции Финского археологического общества 1889 г. и экспедиции А. В. Адрианова 1915 г. Восстановленные петроглифы и тамги относятся к скифской эпохе и разным этапам хунно-сяньбийского времени.

ANNOTATION. This paper presents a tracing-reconstruction of one of the destroyed multi-figure compositions at the rock art site of Maly Bayan-Kol in Tuva. The tracing is executed on the basis of two archive photographs: taken by the expedition of the Finnish Archaeological Society in 1889 and by A. V. Adrianov in 1915. The reconstructed petroglyphs and tamgas are dated to the Scythian period and to various stages of the Xiongnu-Xianbey period.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: наскальное искусство, Тува, А. В. Адрианов, экспедиция Финского археологического общества, реконструкция, фотография, прорисовка, тамга.

KEYWORDS: rock art, Tuva, A. V. Adrianov, expedition of the Finnish Archaeological Society, reconstruction, photography, tracing, tamga.

Все исследователи памятников наскального искусства отдают себе отчет в том, что дошедшие до нас местонахождения содержат лишь часть того, что тысячелетиями или веками изображалось на скалах древними художниками. Процесс природного разрушения памятников этого вида неизбежен: рушатся слагающие горы скальные выходы, отслаивается поверхностная корка, отваливаются блоки камня, плоскости скрываются под лишайниками или осыпями и др. — так идет процесс постоянной утраты изображений, их фрагментов и целых композиций. Представление о том или ином объекте, естественно, складывается на основе того, что сохранилось на момент его изучения, что увидел и зафиксировал исследователь. Мы никогда не узнаем ни того, что именно утрачено на каждом памятнике, ни того, какая часть бывшего разнообразия дошла до нас. Тем не менее, этот аспект следует принимать во внимание, анализируя памятник как источник информации, и не спешить с далеко идущими выводами, базирующимися на утверждениях типа «там-то и там-то нет того-то и того-то, значит...» или на скрупулезных подсчетах процентного соотношения образов, сюжетов, стилей и т. п. Всегда надо иметь в виду, что «оно» могло здесь быть; что представляющееся

уникальным изображением — просто единственное сохранившееся из многих; что отсутствие изображений того или иного периода может быть связано с их концентрацией на определенном участке памятника, именно который разрушился; и т. д. В этой статье мы хотели бы продемонстрировать на примере одной плоскости одного памятника случай подобной утраты ценнейшей информации, зафиксировать который удалось благодаря тому, что этот памятник на протяжении долгого времени посещали и разными способами документировали многие исследователи. Тот факт, что в числе способов документирования присутствовала фотография, позволил нам реконструировать разрушившийся объект.

Памятник наскального искусства Малый Баян-Кол² находится в окрестностях Кызыла (сейчас фактически в черте города), столицы Республики Тыва, на правом берегу Енисея в 0,5 км от места впадения в него р. Малый Баян-Кол (*Килуновская*, 2012. С. 125). Это местонахождение петроглифов хорошо известно и активно посещается благодаря доступности расположения и зрелищности наскальных композиций. Здесь, на больших блоках желтовато-коричневого крупнозернистого песчаника выбиты силуэтные и контурные, очень крупные и небольшие, художественно выразительные

¹ 650000, Россия, Кемерово, ул. Томская, д. 5а. Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница»; 117292, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19. Институт археологии РАН. Центр палеоискусства. Адрес электронной почты: elena-miklashevich@yandex.ru.

² Современное название. Встречаются также иное написание и другие наименования: Малый Баянкол, Биче Баянкол, Баянкольчик, Боянкол, Баянгол, Боянгол, Бичиктыг-Кая, Булук, Булык, Тунда-Хошун.

и более схематичные изображения оленей, коз, верблюдов, лося, медведя, а также тамги, всадник на лошади и антропоморфная фигура. Одни фигуры выполнены в стиле скифской эпохи, другие — хуннского времени. Наибольшее внимание привлекают необычно крупные экспрессивные фигуры бегущих размашистой рысью медведя и лося (Дэвлет, 1996. Рис. 28; 34; Боковенко и др., 2007. С. 86–87, рис. 185; 186; и др.). Современные исследователи насчитывают здесь 15 (Килуновская, 2012) или 16 (Чадамба, 2009) плоскостей, количество отдельных фигур они не приводят. Полная публикация памятника отсутствует.

История исследования петроглифов Малого Баян-Кола начинается с А. В. Адрианова. Он впервые посетил Урянхайский край (Туву) в 1879 г. в экспедиции с Г. Н. Потаниным (когда, возможно, и узнал об этих примечательных наскальных рисунках), а в 1881 г. совершил самостоятельное путешествие, в том числе посетил памятник и сделал схематичные зарисовки нескольких плоскостей (Адрианов, 1888. С. 404–405, табл. II). Адрианов приводит название местонахождения — Бичикту-кая, свидетельствующее о том, что гора была известна местному населению именно из-за рисунков на скалах. В этой первой публикации о памятнике он дает довольно подробное описание, упоминает о том, что рисунки встречаются в 10 местах, и приводит в таблице схематичные рисунки семи плоскостей.

Такие же схематичные (но тоже вполне позволяющие идентифицировать изображения) зарисовки сделал посетивший памятник в 1907 г. финский исследователь Й. Г. Гранё (*Granö*, 1909). У него зафиксировано уже 13 плоскостей, при том что отсутствует одна из зарисованных Адриановым³. Гранё особенно заинтересовали тамги, он привел в другой публикации 15 видов знаков этого местонахождения, которое именовал как *Buluk* (Булук)⁴ (*Granö*, 1910. Abb.).

³ Речь идет о композиции скифского времени, сохранившейся до наших дней, расположенной на другой горке (см.: Дэвлет, 1996. Рис. 35–37), которую Гранё, видимо, не осматривал.

⁴ По всей вероятности, это другое название р. Малый Баян-Кол. Его же использует и горный инженер И. С. Боголюбский, когда в своем сообщении об исследовании им древностей Минусинского округа в 1881 г. приводит и сведения «о фигурных письменах» в верховьях Енисея, полученные им от А. В. Адрианова: «На правом берегу Енисея против заведения г. Сафьянова <...> на р. Булык, ниже слияния Бей-Кема с Хуа-Кемом находятся изображения верблюдов, медведей, оленей, лосей, коз, аргали,

Именно по рисункам А. В. Адрианова и Й. Г. Гранё документировавшая памятник в 1973 и 1974 г.⁵ М. А. Дэвлет установила, что некоторые зарисованные исследователями плоскости утрачены, как она полагает, в связи с добычей камня для строительства (*Дэвлет и др.*, 1974; 1975). Ею же были обнаружены в завалах камня на склоне горы два обломка из зарисованной и описанной Адриановым многофигурной композиции, «одна целая фигура животного и несколько знаков» (*Дэвлет*, 1996. С. 137, рис. 30). Кроме этих обломков, М. А. Дэвлет опубликовала прорисовки четырех других плоскостей (Там же. Рис. 28; 32; 34; 37) для сравнения с зарисовками А. В. Адрианова.

Наше знакомство с этим выдающимся памятником состоялось в 1998 г. благодаря исследователям древней Тувы М. Е. Килуновской и Вл. А. Семёнову. Последующие визиты в 2004, 2012 и 2015 г. с более обстоятельным обследованием и изучением состояния сохранности и факторов деструкции (*Миклашевич и др.*, 2015. С. 32; 2016. С. 36, 89), привели нас к убеждению, что столь существенные утраты больших многофигурных плоскостей с петроглифами на Малом Баянколе связаны не с добычей камня, а с природными разрушениями, скорее всего, по причине сейсмоактивности. Большие и малые блоки песчаника лежат повсюду под скальными выходами на склонах небольших гор в этой местности не только там, где есть изображения на сохранившихся плоскостях. Нигде мы не видели ни характерные шпурсы вдоль разломов, ни места складирования камня для вывоза, ни другие признаки каменоломен. Показательно и то, что вполне пригодные для строительства блоки так и не были использованы, а остались на своих местах. В том числе остались и обломки с петроглифами на открытых гранях, что вселяет надежду, что и на других обломках при их переворачивании можно будет обнаружить фрагменты композиций.

Другой аспект исследований, связанных с Малым Баян-Колом, возник в процессе наших архивных изысканий. В 2008 г., изучая в Санкт-Петербурге в Архиве РАН документы о работах

наездников, а также фигурные письмена» (*Боголюбский*, 1882. С. 46).

⁵ В данной работе мы не ставим задачу изложения истории исследования памятника, наша цель — дать представление о формировании и выявлении важных для реконструкции конкретного объекта документальных источников, поэтому перечисление его изучения неполное и построено не в хронологическом порядке.

А. В. Адрианова по изучению наскальных рисунков Енисея, мы нашли в его Отчете об экспедиции 2015 г. в Урянхайский край, присланном в Русский Комитет по изучению Средней и Восточной Азии (СПФА РАН. Ф. 148. Д. 80), 12 отпечатков фотографий с наскальными рисунками, среди которых на девяти были сняты петроглифы Малого Баян-Кола (Бичиктыг-Кая I, по Адрианову). Это была невероятная удача, так как на этих фотографиях, кроме состояния известных нам плоскостей, запечатлены были и виды трех утраченных многофигурных композиций. От последних на памятнике имеются небольшие фрагменты в обломках, что позволяет точно установить их первоначальное местонахождение. Видимо, примерно в те же годы этот отчет с серией фотографий был обнаружен и О. Б. Беликовой, изучавшей урянхайскую экспедицию А. В. Адрианова 1915–1916 гг. Позже она издала совершенно выдающуюся по глубине источниковедческого анализа монографию по этой теме, в том числе опубликовала все упомянутые фотографии с детальнейшим анализом текстов отчета, фотодневников и другими относящимися к делу источниками (Беликова, 2015. С. 101–104, 424–425, 527–528, рис. 23–31).

А. В. Адрианов сообщает, что «Бичиктыг-Кая близ р. Баингола» из всех обследованных им писаниц пользуется в крае широкой известностью; «она разбросана саженой на полтора по утесам и состоит примерно из полутора сот фигур, выбитых группами и в одиночку» (СПФА РАН. Ф. 148. Д. 80. Л. 52об.). Также он пишет, что сделал здесь 11 фотографий, из которых девять приложил к отчету, и 26 эстампажей. Эти эстампажи в фондах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН мы не обнаружили, хотя сделанные им в то же самое время эстампажи с писаниц на р. Ирбек (Эрбек) в коллекции № 2792 присутствуют.

В Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге мы также познакомились с «Коллекцией писаниц и оленных камней» фонда Центральной Азии и Сибири, в которой имеется выполненный по методу В. В. Радлова (Радлов, 1893) — типографской краской на ткани, наклеиваемой на скалу, — эстампаж фрагмента одной из плоскостей Малого Баян-Кола (рис. 1, 3). Его снял краевед и публицист В. А. Ошурков, работавший в Урянхайском крае в 1892 г. по поручению Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества (Ошурков, 1893). Эстампаж вскоре был опубликован

В. В. Радловым и описан как «изображение оленей (самца и самки) и тамги», находящееся «на скале на берегу Улу-Кема, выше устья р. Ирбек» (Атлас..., 1896. Табл. ХСVI). Копия явно была снята ради центральных тамг — и поэтому захватила, к сожалению, лишь небольшую часть плоскости, а изображения пары оленей, видимо, вошли на нее из-за своей особой привлекательности.

Следующее архивное открытие произошло в 2015 г. в Museovirasto (Агентство Финского наследия) в Хельсинки. Информация о том, что здесь хранятся стеклянные негативы знаменитой экспедиции Финского археологического общества под руководством И. Р. Аспелина, работавшей в Южной Сибири в 1887–1889 гг., была ранее нами получена от С. Г. Нарылкова. Коллекции негативов, отпечатков, рисунков, документов по работе экспедиции, хранящиеся в Museovirasto, — это источник огромной ценности для археологии Южной Сибири, пока мало освоенный исследователями. Большое количество негативов и отпечатков с них документируют, в числе прочего состояние многих знаменитых памятников наскального и статуарного искусства, а также эпиграфики. И если большинство этих фотографий все-таки в какой-то мере были ожидаемы, так как их дублировали прекрасные хорошо всем известные по книге Х. Аппельгрена-Кивало (Appelgren-Kivalo, 1931) рисунки, то серия фотографий писаницы Малый Баян-Кол явилась полной неожиданностью.

В упомянутой книге, описывающей исследование экспедиции И. Р. Аспелина в 1887–1889 гг., сведений о том, что финские исследователи посещали этот памятник, нет. Баянгол упоминается только в связи с известной группой скульптур (Ibid. S. 39, Abb. 334–339), которую члены экспедиции посетили и зарисовали в 1888 г. В 1889 г. в Туву Аспелин направил только А. О. Гейкеля, для фотографирования тех памятников, которые члены экспедиции посещали в 1888 г. Именно 1889 г. датированы и фотографии петроглифов Малого Баян-Кола (Museovirasto, coll. 315 / Nos. 237–242). Почему о них нет сведений в книге — непонятно. Финские исследователи были осведомлены о публикациях А. В. Адрианова и И. С. Боголюбского (некоторые памятники в Туве в 1888 г. они посетили по их сведениям), следовательно, должны были знать и об интересных изображениях и знаках на скалах Малого Баян-Кола. Можно предположить, что либо они в этот год не успели посетить памятник, либо результаты его обследования в 1888 г. были утеряны.

РИС. 1. Малый Баян-Кол. Разрушенная плоскость с оленями по источникам конца XIX – начала XX в.: 1 – зарисовка А. В. Адрианова, 1881 г. (по: Адрианов, 1888); 2 – зарисовка Й. Г. Гранё, 1906–1907 гг. (по: Гранё, 1909); 3 – эстампаж В. А. Ошуркова, 1892 г. (по: Атлас..., 1896); 4 – фотография А. В. Адрианова, 1915 г. (СПФА РАН. Ф. 148. Оп. 1. Д. 80. Л. 84)

FIG. 1. Maly Bayan-Kol. Destroyed panel with images of deer after sources from the late 19th – early 20th century: 1 – drawing by A. V. Adrianov, 1881 (after Адрианов, 1888); 2 – drawing by J. G. Granö, 1906–1907 (after Гранё, 1909); 3 – rubbing by V. A. Oshurkov, 1892 (after Атлас..., 1896); 4 – photo by A. V. Adrianov, 1915 (St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. Fond 148. Inventory 1. File 80. Sheet 84)

Известно, что в экспедиции этого года сойоты обокрали И. Р. Аспелина, утащив чемодан с деньгами и документами, которые никогда не были найдены, несмотря на то что расследование длилось несколько лет (Museovirasto. HI 1. L. 644 и др.). Как бы то ни было, в следующем году А. О. Гейкель сделал серию снимков петроглифов Малого Баянкола, и они благополучно сохранились в архиве, а мы в 2015 г. с большим волнением увидели, как выглядел этот памятник 126 лет назад.

Всего Гейкелем было сделано шесть негативов на стеклянных пластинах размерами 13 × 18 см и отпечатков с них таких же размеров. Резкость и разрешение снимков довольно хорошие, большинство плоскостей сняты при правильном освещении, хорошо проявляющем контуры рисунков. Снимки А. В. Адрианова сделаны также на стеклянных пластинках и отпечатаны контактным способом, петроглифы тоже сняты при правильном освещении. Но пластинки у него были меньших размеров (разные), и поскольку оригинальные негативы пока не выявлены, приходится использовать результаты сканирования небольших отпечатков, что неизбежно сказывается на качестве и ограниченных возможностях увеличения фотографий для выявления всех деталей петроглифов. Фотографии Гейкеля предоставляют больше возможностей для этого. По содержанию обе серии примерно одинаковы: на фотографиях Гейкеля снято пять многофигурных плоскостей, все они представлены и на фотографиях Адрианова. Разница же заключается в том, что у Адрианова сняты еще три плоскости из двух других групп, которые Гейкель, видимо, не нашел, но у него снят общий вид скал той группы плоскостей, которые он сфотографировал (рис. 2, 1). Эта фотография позволила нам с уверенностью реконструировать взаиморасположение всех плоскостей данной группы, из которых три сейчас полностью разрушены, но от всех них ниже на склоне в развале камней сохранились небольшие фрагменты (рис. 2, 2).

Используя цифровые копии фотографий А. В. Адрианова (рис. 1, 4) и А. О. Гейкеля (рис. 3), а также современные цифровые фотографии и копии трех сохранившихся в обломках фрагментов, мы сделали по ним прорисовку-реконструкцию одной из разрушенных плоскостей Малого Баянкола (рис. 4; 5).

Как и в большинстве других композиций памятника, здесь прослеживаются как минимум два разновременных слоя. Более древний представлен

силуэтными изображениями животных скифского стиля, среди которых хорошо определяется только ориентированный вправо олень в верхней части. Остальные аналогичные фигуры, как более выветренные и патинизированные, на фотографии едва заметны. Отметим, что на других плоскостях они тоже присутствуют, но замечают их не все исследователи, настолько они незаметны, особенно на фоне крупных ярких подновленных контурных изображений последующей эпохи. Так, например, на плоскости со знаменитым медведем, справа от него, мелкой точечной выбивкой нанесено никем не замечаемое совершенно патинизированное изображение оленя в скифском стиле. К сожалению, этот пласт по архивным фотографиям достоверно выявить невозможно.

Более поздние изображения выполнены глубоким и широким желобком по контуру, они, естественно, менее патинизированы, чем фигуры скифского времени, и подновлялись. То есть визуально они определяются довольно хорошо — и по разнице с цветом скального фона, и по фактуре, и по объему. Судя по всему, и этот пласт неоднороден, а изображения наносились даже если в одну эпоху, то в несколько подходов. Это видно и по стилистическим, и по технологическим признакам. Нам представляется, что первоначальные изображения этого пласта — это крупные олени с тамгами на туловищах в правой верхней части плоскости. Но и они имеют некоторые различия между собой — в манере изображения головы, шеи, рогов. Вычурные рога нижнего оленя, возможно, результат последующей переработки образа. А верхний олень, вероятно, создан на основе более раннего изображения скифского времени. Тамги на туловищах оленей и отдельная тамга в виде буквы Н, перекрытая изображением лошади в левой части, выполнены не очень глубокой точечной выбивкой, в которой прослеживаются отдельные следы ударов. Так же были выполнены первоначально и контуры фигур оленей, но на многих участках они позднее были зашлифованы при подновлении и/или корректировке образов. Остальные рисунки выполнены с разной степенью умелости, в разном масштабе, с разным сочетанием выбивки и шлифовки, что также указывает на то, что вся композиция выполнялась не одним мастером и не одновременно. Наиболее тщательно шлифованы желобки линий, образующих фигуру лошади, перекрывающей тамгу, и изображение бегущей лошади с всадником в нижней части плоскости.

РИС. 2. Малый Баян-Кол. Участок, на котором была группа плоскостей с петроглифами: 1 – фотография А. О. Гейкеля, 1889 г. (Хельсинки, Museovirasto, № 315/237), белыми точками отмечено расположение сохранившихся до наших дней плоскостей, оранжевыми – утраченных; 2 – фотография 2015 г., на которой белыми точками показаны те же плоскости, что отмечены на фотографии А. О. Гейкеля, оранжевыми стрелками – сохранившиеся фрагменты разрушенных плоскостей, оранжевыми пунктирными линиями – взаиморасположение разрушенных плоскостей. Плоскость с оленями была средней

FIG. 2. Maly Bayan-Kol. The area where the group of panels with petroglyphs was located: 1 – photo by A. O. Heikel, 1889 г. (Helsinki, Museovirasto, No. 315/237), the white dots mark the location of the panels preserved until now, orange dots mark the lost panels; 2 – photo of 2015 where the white dots mark the same panels that are shown in A. O. Heikel's photo; orange arrows point to the survived fragments of the disturbed panels; orange dotted lines show the relative positions of the destroyed panels. The panel with deer was in the middle

РИС. 3. Малый Баян-Кол. Разрушенная плоскость с оленями. Фотография А. О. Гейкеля, экспедиция Финского археологического общества, 1889 г. (Хельсинки, Museovirasto, № 315/241)

FIG. 3. Maly Bayan-Kol. Destroyed panel with deer. Photo by A. O. Heikel, expedition of the Finnish Archaeological Society, 1889 (Helsinki, Museovirasto, No. 315/241)

РИС. 4. Малый Баян-Кол. Прорисовка разрушенной плоскости по фотографиям А. О. Гейкеля и А. В. Адрианова

FIG. 4. Maly Bayan-Kol. Tracing of the destroyed panel after photographs by A. O. Heikel and A. V. Adrianov

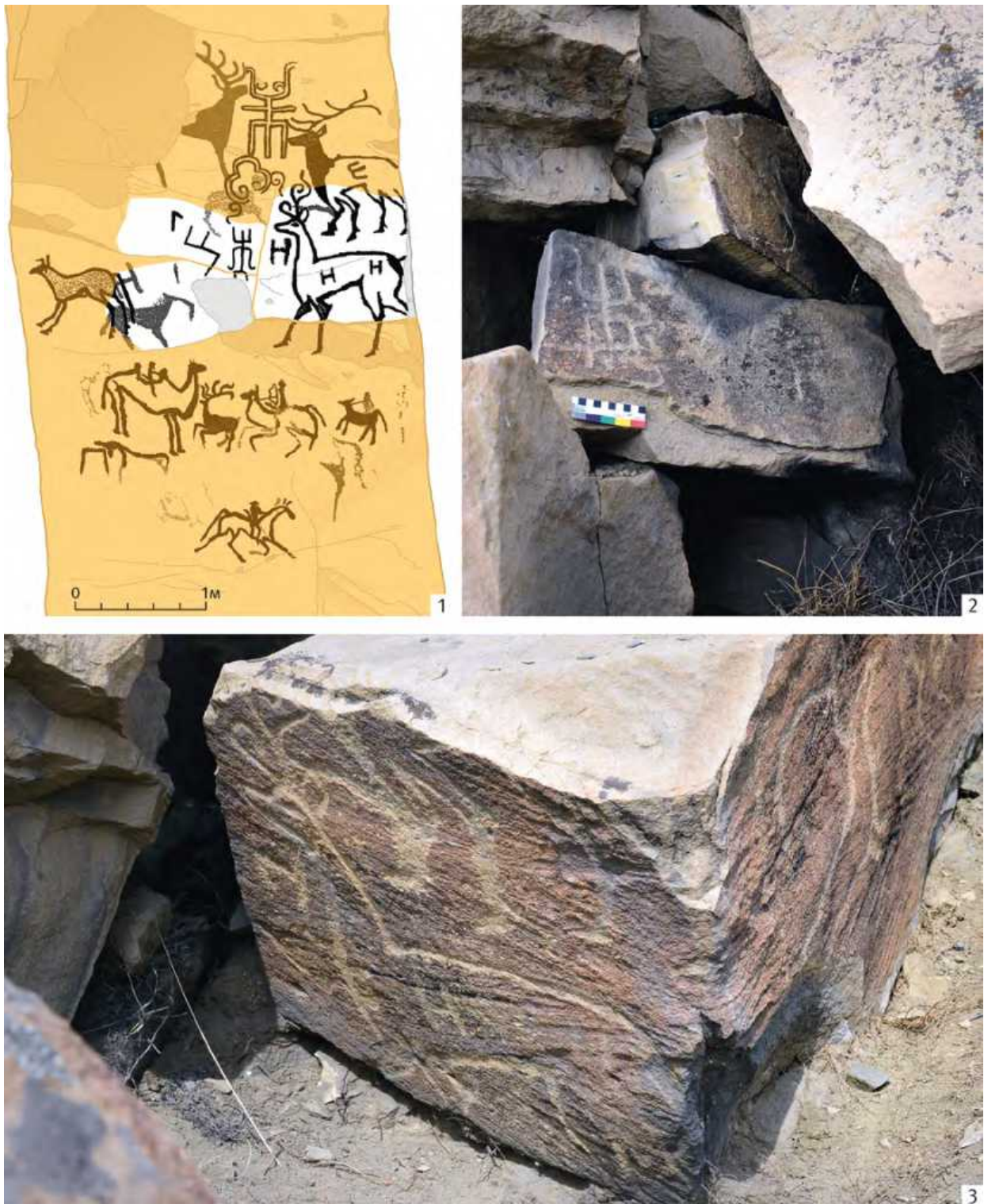

РИС. 5. Малый Баян-Кол. Сохранившиеся фрагменты разрушенной плоскости: 1 – на прорисовке утраченные фрагменты показаны с заливкой оранжевым, сохранившиеся – без заливки; 2 – два небольших левых фрагмента в завале из каменных блоков; 3 – фрагмент с оленями (частично видна другая грань с изображениями). 2, 3 – фото Л. Л. Бове, 2015 г.

FIG. 5. Maly Bayan-Kol. Survived fragments of the destroyed panel: 1 – in the tracing, the lost fragments are filled with orange, the survived ones have no filling; 2 – two small left fragments in a collapse of stone blocks; 3 – fragment with deer (another side with representations is partly visible). 2, 3 – photo by L. L. Bove, 2015 g.

Последний образ очень напоминает знаменитых всадников памятника Яманы-Ус в Монголии.

Эта плоскость привлекала внимание всех исследователей также и благодаря наличию тамг («фигурные письмена»). Тамги здесь очевидно не одновременны: они разных типов, выполнены в разной технике, а те, которые находятся в центре, явно подновлялись и, возможно, дополнялись какими-то элементами. Их анализ мы оставляем специалистам; его, так же как и атрибуцию и анализ последовательности нанесения фигуративных изображений, следует проводить в комплексе с анализом изображений остальных плоскостей. Пока можно сказать, что более поздний пласт на рассматриваемой плоскости относится к хуннской эпохе, скорее всего, к разным ее этапам. Обобщенная атрибуция большинства петроглифов Малого Баян-Кола «гунно-сарматским временем» или датировка рубежом эр и ранее неоднократно приводились в публикациях (см.: *Дэвлет и др.*, 1974; 1975; *Чадамба*, 2009; *Килуновская*, 2012. С. 125; и др.). Недавние раскопки М. Е. Килуновской и П. М. Леусом памятников хуннского времени в Туве позволили конкретизировать эту атрибуцию. В могильнике Ала-Тей 1 в захоронении, датирующемся I в. до н. э., найдены сосуд с тамгой в виде буквы Н и гагатовая пряжка с такой же тамгой; аналогичная пряжка с этой же тамгой происходит из разрушенного погребения могильника Терезин; в другом захоронении могильника Ала-Тей 1 найдена пряжка с великолепными резными изображениями козерогов, сопоставимыми по стилю с некоторыми петроглифами Малого Баян-Кола (*Килуновская, Леус*, 2019. С. 83–87, рис. 1, 8, 9; 2, 1, 2). Исследователи относят оба могильника к улуг-хемской культуре, которая «отражает переход от скифского времени к гунно-сарматскому (хунно-сяньбийскому)» (Там же. С. 82–83). В этой культуре сочетаются элементы культуры скифского типа и предметы, типичные для культуры хунну, и сформировался особый изобразительный стиль, а знаки в виде буквы Н, «вероятно, являются символами принадлежности к определенному роду или клану, ведущему происхождение или от местных «скифских» предков, или же, наоборот, появившемуся в Туве в ходе экспансии хунну в качестве завоевателей» (Там же. С. 89–90).

Таким образом, изображения оленей с тамгами на туловище на реконструируемой плоскости Малого Баянкола можно теперь уверенно относить к самому начальному этапу хуннской эпохи Тувы, а остальные фигуры, предположительно, — к ее по-

следующим этапам. Появляются и возможности более узкой атрибуции наскальных рисунков и тамг хуннской эпохи на других территориях, соответственно, возможности выводов исторического характера. Так, например, А. Е. Рогожинский, опираясь на материалы и выводы М. Е. Килуновской и П. М. Леуса, «протягивает» цепочку аналогий изобразительному стилю и тамгам улуг-хемской культуры в Казахстан и Киргизию (*Рогожинский*, 2020. С. 172–174). Нам известны тамги в виде буквы Н на скалах Минусинской котловины и, видимо, предстоит еще открытия по выявлению петроглифов, которые можно с ними соотнести.

Формат статьи заставляет нас ограничиться реконструкцией лишь одной из утраченных плоскостей Малого Баян-Кола, хотя имеющиеся материалы позволяют сделать это и для двух других плоскостей, находившихся слева и справа от реконструированной и, вероятно, составлявших с нею своеобразный триптих. Конечно, архивные фотографии, какого бы качества они ни были, никогда не дадут той детализации, которую современный исследователь сейчас может получить при использовании цифровых полнокадровых фотокамер и метода цифрового фотомонтажа (панорамная, мозаичная съемка). Соответственно, по ним не удастся выявить те детали, о которых упоминалось выше (перекрывания, подновления, контуры слаборельефных патинизированных изображений и т. д.), без которых многие предположения остаются лишь допущениями. Приведенная в качестве примера реконструкция по архивным фотографиям дает много важной информации, существенно дополняя представление о памятнике, однако не все детали и все фигуры удалось выявить. Будем надеяться, что когда-нибудь в скальных завалах на склоне горы найдутся оригинальные поверхности с изображениями, пусть и во фрагментах, что позволит осуществить реконструкцию удивительных шедевров Малого Баян-Кола, причем не только в виде прорисовки, но и физически.

Продолжение поиска архивных материалов имеет свою необходимость. Возможно, будут найдены сделанные А. В. Адриановым эстампажи. Не исключено, что можно обнаружить фотографии, снятые исследователями первой половины — середины XX в. Было бы интересно по фотографиям этого периода установить, в какой промежуток времени разрушились три большие плоскости. Л. Р. Кызласов в очерке истории археологического исследования Тувы привел данные о том, что

С. А. Теплоухов в 1913 г. начал работы в Туве и «фотографировал писаницу на Малом Боянколе» (Кызласов, 1969. С. 10). Сам Леонид Романович познакомился с памятником в 1946 г., когда начала работу в Туве Саяно-Алтайская археологическая экспедиция АН СССР под руководством С. В. Киселева при участии Л. А. Евтуховой и Л. Р. Кызласова (Кызласов, 1969. С. 13). В фонде С. В. Киселева в НОА ИА РАН фотографий памятника мы не обнаружили, возможно, они имеются в архиве Л. Р. Кызласова, который наверняка посещал Малый Баянкол и после 1946 г. В 1942 г. на памятнике работала экспедиция Тувинского музея под руководством Н. Г. Богатырева (Чадамба, 2009. С. 198). Э. Р. Рыгдылон в отчете о работах 1948 г. пишет: «Осмотрена писаница на скале Тунда-Хошун, на берегу старицы Енисея, в 4–5 км от парома вниз, на правой его стороне, где на гладких вертикаль-

ных поверхностях скалы высечены фигуры медведя, оленей, реалистические изображения горных козлов» (НОА ИА РАН. Р-№ 246. Л. 15). Фотографий в отчете нет, но речь явно идет о Малом Баян-Коле, хотя исследователь использует нигде больше не встречающееся наименование. Наверняка имеются и другие источники, благодаря которым можно будет продолжить реконструкцию и изучение этого выдающегося памятника.

Благодарности. Автор выражает глубокую благодарность Л. Л. Бове, М. А. Дэвлет, М. Е. Килуновской, А. В. Кочановичу, А. Н. Мухаревой, С. Г. Нарылкову, А. К. Солодейникову, Л. Д. Чадамба – за помощь в полевых и архивных исследованиях, сотрудникам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и Museovirasto (Агентство финского наследия) – за разрешение копирования и публикации архивных фотографий.

Список литературы и источников

- Адрианов, 1888 – Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского Русского Географического Общества членом-сотрудником А. В. Адриановым // Записки Русского Географического Общества по общей географии. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1888. Т. 11. С. 149–422.
- Атлас..., 1896 – Атлас древностей Монголии, изданный по поручению Императорской Академии наук В. В. Радловым. Вып. 3. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1896. 4 с., 22 л. ил., карт. (Труды Орхонской экспедиции).
- Беликова, 2014 – Беликова О. Б. Последняя экспедиция А. В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект). Томск: Изд-во ТомГУ, 2014. 570 с.
- Боголюбский, 1882 – Боголюбский И. С. Исследование древностей Минусинского округа Енисейской губернии в 1881 г. // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск, 1882. Т. XIII. № 3. С. 43–46.
- Боковенко и др., 2007 – Боковенко Н. А., Килуновская М. Е., Ким Чжонг Бэ, Чжан Со Хо. Наскальные изображения Центральной Азии. Сеул: Фонд истории Северо-восточной Азии; ИИМК РАН, 2007. 355 с. (рус., кор. яз.).
- Дэвлет и др., 1974 – Дэвлет М. А., Панова Н. В., Спилюоти М. Н. Работы по обследованию наскальных рисунков Тувы // АО 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 202–203.
- Дэвлет и др., 1975 – Дэвлет М. А., Панова Н. В., Спилюоти М. Н. Обследование наскальных изображений правобережья Улуг-Хема // АО 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 205–206.
- Дэвлет, 1996 – Дэвлет М. А. Петроглифы Енисея. История изучения (XVIII – начало XX вв.). М.: ИА РАН, 1996. 250 с.
- Килуновская, 2012 – Килуновская М. Е. Мониторинг археологических памятников Республики Тыва // Археологические памятники России: охрана и мониторинг. Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010) / Отв. ред. А. В. Субботин. СПб.: Инфо Ол, 2012. С. 102–176.
- Килуновская, Леус, 2019 – Килуновская М. Е., Леус П. М. Знаки-тамги улуг-хемской культуры II–I вв. до н. э. в Туве // ЗИИМК. 2019. № 21. С. 82–91.
- Кызласов, 1969 – Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: МГУ, 1969. 212 с.
- Миклашевич и др., 2015 – Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л. Исследования Петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2012–2014 гг. // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2015. Вып. 1. С. 29–52.
- Миклашевич и др., 2016 – Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2015 году // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2016. Вып. 3. С. 30–48, 86–89.
- Ошурков, 1893 – Ошурков В. Из странствований по земле урянхов // Сибирский сборник. Приложение к Восточному обозрению за 1892 г. Иркутск, 1893. Вып. 1. С. 73–132.
- Радлов, 1893 – Радлов В. В. О новом способе приготовления эстампажей с надписей на камнях // Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1893. Т. 7. С. 169–181.
- Рогожинский, 2020 – Рогожинский А. Е. Наскальные изображения поздней античности // С. А. Яценко, А. К. Авизова, А. И. Торгоев, А. Саипов, А. В. Кулиш, Е. П. Китов, А. Е. Рогожинский, Е. А. Смагулов, А. А. Ержигитова, Н. Ж. Торежанова, С. С. Тур, С. С. Иванов. Археология и история Кангюйского государства. Шымкент: Тип. «Элем», 2020. С. 171–175.

- Рыгдылон*, 1948 — Рыгдылон Э. Р. Отчет об археологических работах, проведенных летом 1948 г. // НОА ИА РАН. Р-№ 246.
- Чадамба*, 2009 — *Чадамба Л. Д.* Современное состояние памятника наскального искусства Малый Баян-Кол (Республика Тува) // Новые исследования Тувы. 2009. № 3 [Электронный информационный журнал]. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_3/471-chadamba.html (дата обращения: 20.02.2021).
- Appelgren-Kivalo*, 1931 — *Appelgren-Kivalo H.* Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors: Finnische Altertumsgesellschaft, 1931. 47 S., 72 Taf.
- Granö*, 1909 — *Granö J. G.* Archäologische Beobachtungen von meinen Reisen in den nördlichen Grenzgegenden Chinas in den Jahren 1906 und 1907. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1909. 54 S., XVI Taf. (Journal de la Société Finno-Ougrienne; Vol. XXVI).
- Granö*, 1910 — *Granö J. G.* Über die geographische Verbreitung und die Formen der Altertümer in der Nordwestmongolei. Helsingfors: Société Finno-Ougrienne, 1910. 55 S.

Possibilities of reconstruction of lost rock art objects (at the example of the Maly Bayan-Kol in Tuva)

E. A. Miklashevich

This paper discusses the problem and possibilities of reconstruction of lost objects of rock art. As the example, one of the destroyed multi-figure compositions at the rock-art site of Maly (Minor) Bayan-Kol in Tuva was selected. The author analyses the diverse sources related with the documenting of this site which has been attracting the attention of many researchers since 1881 and arrives at the conclusion that, approximately in the middle of the 20th century, a destruction of the rock massive occurred, probably due to an earthquake, resulting in destruction of three large surfaces with

tens of rock art images of the Scythian and Xiongnu-Xianbey periods. These images were recorded in photos revealed by the author in archives of Helsinki and Saint Petersburg. The photos were taken in the expedition of the Finnish Archaeological Society in 1889 and by A. V. Adrianov of 1915. Using these photographs a tracing of one of the lost panels was executed. It includes representations of deer, a horse, riders on horses and camels, as well as a series of signs-tamgas and is of a great interest for the archaeology of South Siberia and Central Asia.

Петроглифы на курганных плитах могильника под горой Большой Сибигур на Енисее

А. Н. Мухарева¹

АННОТАЦИЯ. В публикации представлены изображения на курганных плитах тагарского могильника, расположенного у подножия горы Большой Сибигур. Памятник находится в северной части Минусинской котловины, на левом берегу Енисея (Красноярского водохранилища). Впервые изображения были выявлены в 2016 г. в ходе документирования наскальных рисунков горы Большой Сибигур. В результате планомерных работ, осуществлявшихся в последующие годы, на курганных плитах удалось зафиксировать несколько фигур антропоморфных персонажей, копытных животных, руническую надпись и тамги, выполненные различными техническими приемами. В статье вводятся в научный оборот новые материалы по петроглифам Минусинской котловины, представленные в виде фотографий и графических воспроизведений рисунков; обсуждается проблема датировки публикуемых изображений.

ANNOTATION. This publication presents the images on the kurgan slabs from a Tagar burial ground situated at the foothill of Mt Bolshoy Sibigur. This site is located in the northern part of the Minusinsk Hollow, on the left bank of the Yenisey (Krasnoyarsk water reservoir). The first representations were revealed in 2016 in the course of documenting of the rock images of Mt Bolshoy Sibigur. The regular investigations conducted during the subsequent years resulted in recording, on the kurgan slabs, several figures of anthropomorphous characters, ungulate animals, a runic inscription and tamgas rendered in different techniques. This paper is a scientific publication of the new petroglyphs of the Minusinsk Hollow in the form of photographs and graphic representations of the images; the problem of the dating of the published representations is discussed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Енисей, Минусинская котловина, Большой Сибигур, петроглифы, изображения на курганных плитах, руническая надпись, тамги, документирование, хронологическая атрибуция.

KEYWORDS: Yenisey, Minusinsk Hollow, Bolshoy Sibigur, petroglyphs, representations on kurgan slabs, runic inscription, tamgas, documenting, chronological attribution.

Большой Сибигур относится к довольно компактным петроглифическим комплексам, включающим выявленные на юго-западной оконечности одноименной горы наскальные рисунки и петроглифы, нанесенные на каменные плиты оград небольшого тагарского могильника, расположенного у ее подножия (рис. 1, 1). Локализован данный комплекс на левом берегу Енисея (Красноярского водохранилища), на некотором удалении. По территории комплекса проходит административная граница между Красноярским краем и Республикой Хакасия, ближайший населенный пункт — поселок Интикуль (Новосёловский р-н Красноярского края) — находится в 6 км от памятника (рис. 1, 2). Гора Большой Сибигур является самой крайней в небольшой горной цепочке, протянувшейся полукругом с ЮЗ на СВ между озерами Интиколь и Толстый Мыс. Севернее этой горной цепочки проходит автотрасса Ши́ра–Новосёлово, а юго-западнее — Красноярск–Абакан (рис. 1, 2). В настоящее

время значительная часть этой территории распахана, лишь у подножия гор и по берегам озер сохранилась поверхность с типично степным ландшафтом, где ранее было зафиксировано несколько курганных могильников (Боковенко, 1978. С. 2–5).

Наскальные рисунки данного комплекса были недавно опубликованы (Мухарева, 2019), однако изображения на курганных плитах упомянутых выше могильников не фигурировали в научной литературе. Между тем, обследование этого участка, входившего в зону проектируемой Новосёловской оросительной системы, в конце 1970-х — начале 1980-х гг. проводилось неоднократно (Боковенко, 1978. С. 2–5, рис. 2–37; 1984. С. 3–5, рис. 2–8; Боковенко, Леонтьев, 1985; Лисицын, 1981). При этом уже в 1977 г. в ходе рекогносцировочного обследования территории Новосёловской оросительной системы по одной курганной плите с петроглифами было зафиксировано на могильнике Толстый Мыс V (Боковенко, 1978. Рис. 32) и одиночном кургане западнее озера Интиколь (Там же. Рис. 36; 37). В 1983 г. в рамках целенаправленного выявления новых петроглифических комплексов на юге Красноярского края Н. В. Леонтьев и Н. А. Боковенко обнаружили изображения еще на двух курганных

¹ 650999, Россия, Кемерово, ул. Красная, д. 6. Кемеровский государственный университет. Кафедра археологии; 650000, Россия, Кемерово, ул. Томская, д. 5а. Музей-заповедник «Томская Писаница». Научно-экспозиционный отдел. Адрес электронной почты: mukhareva@mail.ru.

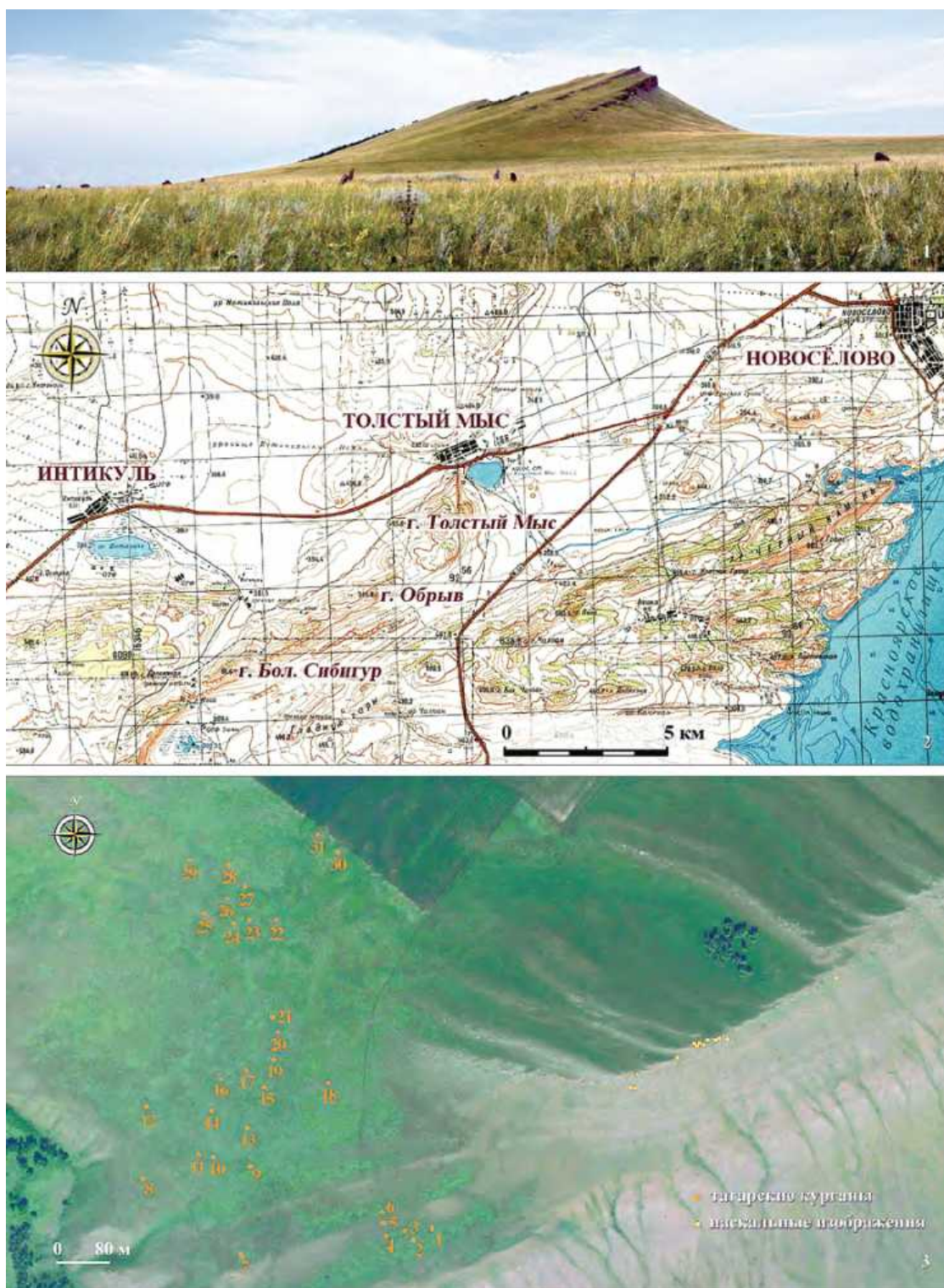

РИС. 1. Петроглифический комплекс Большой Сибигур: 1 – общий вид на юго-западную оконечность горы и тагарский могильник; 2 – расположение памятника на карте; 3 – спутниковый снимок SASPlanet с обозначением скальных плоскостей с петроглифами и тагарских курганов, расположенных на террасе у юго-западного склона горы

FIG. 1. Petroglyphic complex of Bolshoy Sibigur: 1 – general view at the south-western extremity of the mount and the Tagar cemetery; 2 – location of the site in the map; 3 – satellite photo from SASPlanet with designation of the rock planes with petroglyphs and Tagar barrows located on the terrace near the south-western slope of the mount

камнях могильника Толстый Мыс I (Боковенко, 1984. С. 5, рис. 7; 8), а также наскальные рисунки на горе Большой Сибигур (Там же. С. 3–5, рис. 2–6), которые остались неопубликованными.

О тагарском могильнике, расположенном на небольшой террасе, в которую переходит пологий западный склон горы Большой Сибигур (рис. 1, 3), нет упоминаний ни в одном из полевых отчетов. Скорее всего, эти земли, примыкая к территории Новосёловской оросительной системы с юга, непосредственно в ее границы не попадали, поэтому не было необходимости в их обследовании. Однако в ходе хозяйственного освоения стало использоваться больше территории, что привело к частичной распашке расположенных севернее курганов.

Южный и юго-западный склоны террасы с сохранившимися курганами круто обрываются; северо-восточная ее часть, постепенно понижаясь, переходит в небольшую межгорную долину, почти вся площадь которой в настоящее время используется под посевы. Поле начинается непосредственно от каменных конструкций двух крайних курганов, предположительно, сарагашенских, и тянется до следующей группы тагарских курганов, расположенных северо-восточнее и насчитывающих чуть более 30 объектов. Расстояние от этих могил до южной оконечности горы Большой Сибигур составляет около 2,5 км. Возможно, до распашки данной территории эта группа курганов вместе с курганами на террасе составляла единый могильник. Если это так, то они образуют северную часть когда-то функционировавшего некрополя, к настоящему времени в значительной степени уничтоженного.

У подножия горы Большой Сибигур количество сохранившихся и визуально различимых на поверхности курганов также едва превышает три десятка (рис. 1, 3), а максимальная высота вертикальных угловых и простеночных плит их оград составляет до 1,5 м. Тем не менее, на отдельных плитах иногда встречаются петроглифы, как одиночные, так и объединенные в композиции, в отличие от каменных конструкций, расположенных севернее (за пределами террасы), при осмотре которых изображений выявлено не было.

Удаленность памятника от крупных населенных пунктов способствует минимизации антропогенного воздействия на уцелевшие рисунки, однако имеющиеся повреждения природного характера значительны. Многие из курганных плит расслоились, их внешние слои, на которых могли быть изображения, упали и задержаны; отколо-

лись отдельные фрагменты; на значительной площади отслоилась скальная корка; поверхности сильно обросли лишайниками; а некоторые плиты ко времени наших работ уже упали.

Впервые эти курганы были нами обследованы в 2016 г. в ходе документирования наскальных рисунков горы Большой Сибигур. При разном освещении были осмотрены все видимые на поверхности каменные конструкции; для каждого кургана зафиксированы координаты и сделан общий план их расположения на местности (рис. 1, 3). В ходе индексации курганов, осуществлявшейся от края террасы с юга на север, и плит с изображениями, документирование которых удалось провести в 2017 и 2019 гг., некоторые из граней с петроглифами были расчищены от лишайников и выполнена их фотосъемка. Для курганов, на плитах оград которых удалось зафиксировать рисунки, были составлены глазомерные чертежи.

В итоге изображения были выявлены на 12 курганных плитах, образующих ограды восьми курганов: два из них восьмикаменные, остальные — четырехкаменные, насколько можно судить визуально, так как не во всех оградах сохранились все камни. В одном кургане (№ 14) изображения и их остатки фиксируются на трех плитах, в двух курганах (№ 12 и 16) — на двух плитах, еще в одном кургане (№ 31) зафиксирована плита с изображениями на двух гранях. Всего насчитывается 13 граней с изображениями, только для пяти из них степень сохранности можно определить как удовлетворительную — их фотографии и графические воспроизведения (прорисовки) приводятся в данной статье (рис. 2–5). На оставшихся восьми гранях на момент нашего документирования удалось зафиксировать лишь следы выбоин или не складывающиеся в фигуры гравированные линии, нарушенные многочисленными трещинами, сколами и отслоениями корки.

Почти все петроглифы за исключением двух граней (рис. 2, 2, 3; 5, 2, 3) нанесены на широкие поверхности курганных плит, образовавшиеся в результате раскалывания блоков песчаника вдоль трещин слоистости. Как правило, они редко бывают ровными и гораздо тверже имеющих скальную корку торцевых граней, поэтому выбитые и гравированные изображения выполнены совсем неглубоко.

В целом, среди петроглифов данного могильника выделяется несколько групп изображений. Первая, возможно, наиболее ранняя группа рисун-

РИС. 2. Изображения на плите № 1 кургана № 12: 1 – схема кургана с указанием мест расположения рисунков; 2, 3 – плита № 1, прорисовка (2) и фото 2016 г. (3)

FIG. 2. Representations on slab No. 1 of barrow No. 12: 1 – scheme of the barrow with designations of the locations of the images; 2, 3 – slab No. 1, redrawing (2) and photo of 2016 (3)

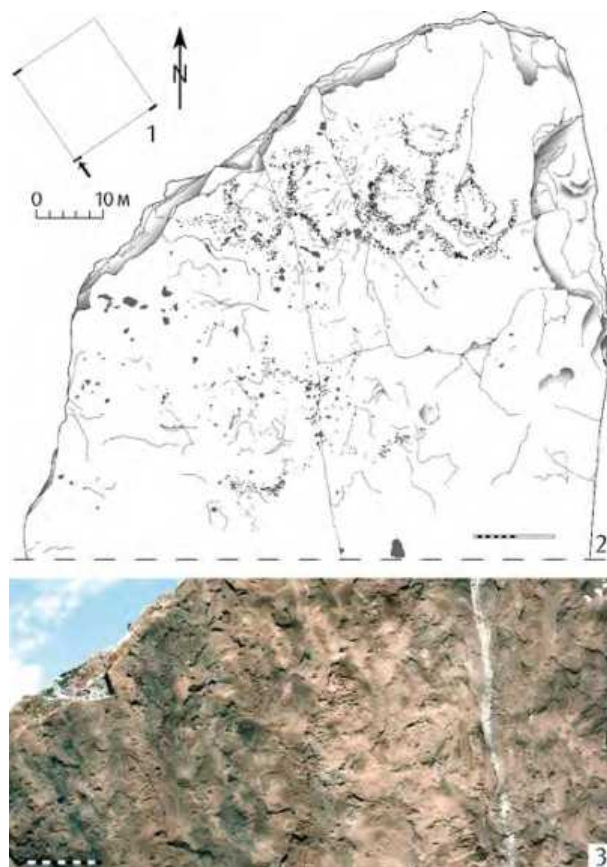

РИС. 3. Изображения на плите кургана № 15: 1 – схема кургана с указанием места расположения рисунков; 2 – прорисовка грани с тамгами; 3 – фрагмент грани с изображениями двух верхних тамг, фото 2019 г.

FIG. 3. Representations on the slab of barrow No. 15: 1 – scheme of the barrow with designations of the locations of the images; 2 – redrawing of the side with the tamgas; 3 – fragment of the side with representations of two upper tamgas, photo of 2019

ков представлена антропоморфными персонажами на плитах курганов № 12 и 31 (рис. 2; 5). Отсутствие каких-либо дополнительных атрибутов (например, головных уборов или предметов вооружения) и выраженных стилистических особенностей не позволяет однозначно определить, когда они были нанесены на каменные поверхности. Тем не менее темный цвет патины и отсутствие аналогий среди антропоморфных изображений I тыс. н. э., известных по другим памятникам региона, не исключает их хронологическую атрибуцию временем сооружения восьмикаменных тагарских курганов или более поздним, вплоть до конца I тыс. до н. э. Аналогичные фигуры ранее также были зафиксированы на расположенном сравнительно недалеко могильнике Толстый Мыс I, тогда

как на скальных плоскостях горы Большой Сибигур они не выявлены, как, впрочем, и на других памятниках наскального искусства, известных к настоящему времени на территории левобережья Новосёловского района.

Следующая группа изображений включает гравированные фигуры копытных животных, время создания которых соотносится с эпохой раннего средневековья. Это многофигурная композиция на плите № 1 кургана № 16 (рис. 4, 4), выполненная тончайшими резными линиями на ее ровной южной (с небольшим отклонением к ЮВ)

РИС. 4. Изображения на плите кургана № 16: 1 — схема кургана с указанием мест расположения рисунков; 2 — тамга на плите № 2, фото 2016 г.; 3 — общий вид кургана № 16, фото 2017 г.; 4 — прорисовка изображений оленей и рунической надписи на камне № 1; 5 — прорисовка рунической надписи

FIG. 4. Representations on the slab of barrow No. 16: 1 — scheme of the barrow with designations of the locations of the images; 2 — tamga on slab No. 2, photo of 2016; 3 — general view of barrow No. 16, photo of 2017; 4 — redrawing of representations of deer and the runic inscription on stone No. 1; 5 — redrawing of the runic inscription

грани. Небольшой отрицательный угол наклона камня обеспечивает грани защиту от выветривания, влаги и заселения биообразателями, благодаря чему гравировки относительно хорошо сохранились. Едва заметные линии заполняют поверхность почти целиком, образуя сложные и многочисленные палимпсесты, среди которых наиболее четко прослеживаются две фигуры оленей. Выгравированные на камне в пределах одной эпохи, они демонстрируют различные варианты раннесредневековой изобразительной традиции. Крупная фигура оленя выполнена в реалистичной

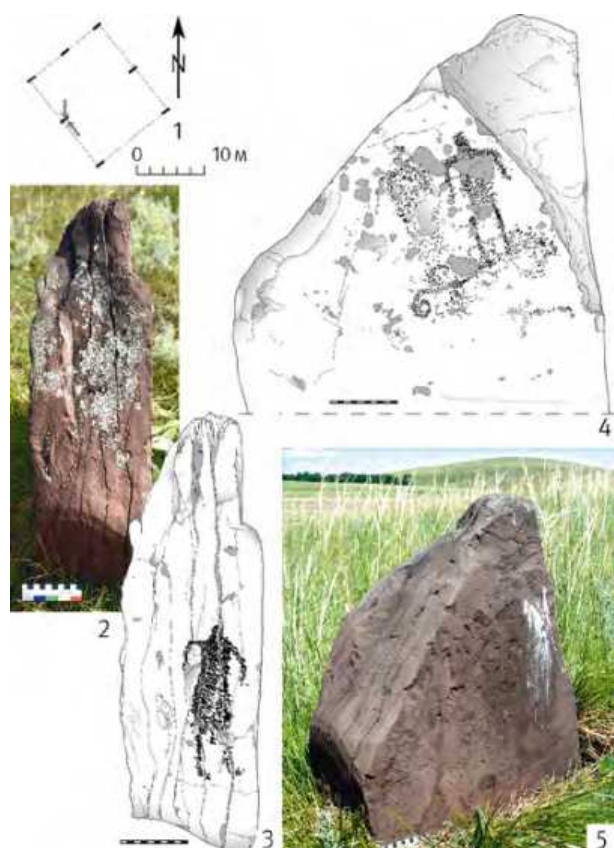

РИС. 5. Изображения на плите кургана № 31: 1 — схема кургана с указанием мест расположения рисунков; 2 — верхняя грань до расчистки от лишайников, фото 2016 г.; 3, 4 — прорисовки верхней (3) и боковой (4) граней; 5 — общий вид плиты с петроглифами после расчистки от лишайников, фото 2019 г.

FIG. 5. Representations on slab of barrow No. 31: 1 — scheme of the barrow with designations of the locations of the drawings; 2 — upper side before its clearing from lichens, photo of 2016; 3, 4 — redrawings of the upper (3) and lateral (4) sides; 5 — general view of the slab with petroglyphs after its clearing from lichens, photo of 2019

манере и, вероятно, была нанесена раньше схематичного изображения с заштрихованным корпусом, выгравированного чуть выше. Для рисунков свойственен определенный динамизм, отличающий в целом петроглифы данной эпохи.

Примечательно, что кроме изображений копытных животных, на грани были зафиксированы две вертикальные строки рунических знаков, нанесенные поверх крупной фигуры оленя (рис. 4, 5). Первая строка состоит из 15 знаков, во второй их насчитывается 13; высота рун варьирует от 2 до 3,5 см. Как и изображения, они вырезаны тонкими гравированными линиями, однако более глубокими, чем фигура оленя, которую знаки перекрывают. По мнению Т. Осава, надпись представляет собой типичную эпитафию (*Осава и др.*, 2017. С. 54, 55) и пополняет корпус рунических текстов, известных в окрестностях с. Новосёлово (*Мухарева*, 2017), научный потенциал которых до конца еще не раскрыт.

Судя по остаткам гравированных линий на плитах других курганов (№ 14, 18, 20), раннесредневековый пласт изображений под горой Большой Сибигур изначально был представлен большим количеством петроглифов, которые к настоящему времени почти полностью утрачены. На памятниках наскального искусства данного района в целом, и на горе Большой Сибигур в частности, ранее были известны лишь выбитые изображения, соотносимые с данным периодом. Открытие гравированных фигур только подтверждает тезис о равной степени использования средневековыми художниками различных технических приемов при создании рисунков. Однако далеко не на всех памятниках существуют условия для их долговременного сохранения.

Для более полной характеристики раннесредневекового репертуара петроглифов комплекса Большой Сибигур следует остановиться на тамгах, выявленных на двух плитах могильника (курганы № 15 и 16). Представляет интерес группа из трех знаков одного вида, состоящих из изогнутых вниз горизонтальных дуг и соединенного с ними вертикального элемента, напоминающего своеобразную «рогатку» (рис. 3). Их соседство не является случайным, все знаки крупного размера, выполнены редкими, довольно глубокими выбоинами и занимают юго-восточную грань угловой плиты кургана № 15 почти целиком. Одна из тамг отличается тем, что в качестве основы имеет не одну, а две пары дуг, концы которых соединены. Аналогичные знаки неоднократно были нами зафиксированы

на скальных плоскостях горы Большой Улаз, расположенной на противоположном берегу Енисея. Они встречаются как среди тамг других видов, так и среди разнообразных многофигурных композиций эпохи раннего средневековья (рис. 6), не отличаясь от соседствующих с ними на плоскостях изображений ни патиной, ни техническими приемами исполнения, что свидетельствует об их единовременном появлении. Хотя данная группа изображений относительно немногочисленна, среди других раннесредневековых петроглифов комплекса она выделяется особым изяществом фигур и относительно крупными их размерами. В целом, эти рисунки соответствуют изобразительным канонам древнетюркской эпохи и выполнены в характерной для древнетюркского времени манере. Последнее обстоятельство не исключает их связи с пришлым тюркским населением, по мнению Д. Г. Савинова, создавшим в последней трети I тыс. н. э. на данной территории «древнетюркскую факторию» (*Савинов*, 2020). На основании стилистического сходства некоторых сопровождаемых тамгами изображений горы Большой Улаз с гравированной фигурой оленя на плите могильника Большой Сибигур можно предположить, что, несмотря на различные технические приемы исполнения, тамги и изображение оленя появились на курганных плитах примерно в одно время. Косвенным подтверждением этого также являются большие размеры этих петроглифов.

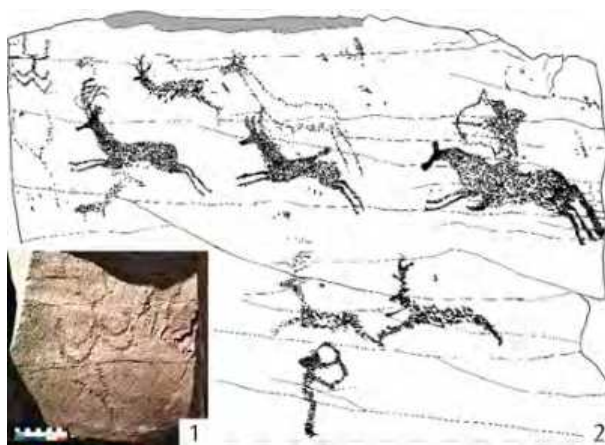

РИС. 6. Наскальные изображения горы Большой Улаз, одна из тамг идентична знакам на рис. 3: 1 – фото 2016 г.; 2 – прорисовка

FIG. 6. Rock representations on Mt Bolshoy Ulaz; one of the tamgas is identical to the symbols in Fig. 3: 1 – photo of 2016; 2 – redrawing

Стоит также отметить, что за пределами северной части Минусинской котловины аналогичный тип тамги нам пока не известен. Между тем более простые типы тамг, представленные двумя парами изогнутых горизонтальных дуг без вертикального элемента, весьма распространены на памятниках наскального искусства региона. Данное обстоятельство, безусловно, требует специального исследования, построенного на анализе всех известных материалов. Предварительно возможно связать появление данной тамги с консолидацией местного и пришлого населения, получившей отражение и в других археологических памятниках.

Еще одна тамга типа «птичья лапа», расположенная по соседству с рунической надписью и гравированными изображениями копытных животных, выявлена на плите № 2 кургана № 16 (рис. 4, 2). Как и предыдущие знаки, она выполнена крупными редкими выбоинами в верхней части неровной грани. Из-за лишайников, плотно покрывающих верхний торец данной плиты, а также отслоений корки, в настоящий момент сложно судить наверняка о том, как выглядела изначально верхняя часть знака. Однако общее сходство с аналогичными типами раннесредневековых тамг на памятниках Тувы (Кызласов, 1960. Рис. 3) и Горного Алтая (Кубарев, 2018. Рис. 1; 2, 17–20) дополнительно

свидетельствует об этнической неоднородности населения, обитавшего в этой части Минусинской котловины во второй половине I тыс. н. э.

Таким образом, петроглифы на плитах могильника под горой Большой Сибигур дополняют репертуар наскальных изображений комплекса отсутствующими в нем образами пеших антропоморфных персонажей, гравированными фигурами копытных, рунической надписью и раннесредневековыми тамгами. При этом стоит отметить, что рисунки, аналогичные выявленным на горе Большой Сибигур (Мухарева, 2019) — своеобразные изображения животных, фигура вооруженного луком всадника на коне, тамга нового времени в виде круга — на курганных камнях также не обнаружены. Данная ситуация еще раз демонстрирует необходимость изучения памятников наскального искусства в комплексе с петроглифами на курганных плитах, учета всех сохранившихся изображений и тщательного их документирования. Безусловно, имеющийся в нашем распоряжении корпус петроглифов могильника Большой Сибигур нельзя считать репрезентативным, тем не менее сохранившиеся рисунки, тамги и руническая надпись в совокупности представляют собой ценный материал, особенно по раннесредневековому изобразительному искусству, письменности и тамгопользованию региона.

Литература и источники

- Боковенко, 1978 — Боковенко Н. А. Отчет Боковенко Н. А. о работах Новоселовского отряда в 1977 году. Ленинград, 1978 // НОА ИА РАН. Р-1. № 6821.
- Боковенко, 1984 — Боковенко Н. А. Отчет Н. А. Боковенко об обследовании петроглифов в Новоселовском, Краснотуранском районах Красноярского края и в Хакасской АО в 1983 году. Ленинград, 1984 // НОА ИА РАН. Р-1. № 10103.
- Боковенко, Леонтьев, 1985 — Боковенко Н. А., Леонтьев Н. В. Обследование петроглифов на юге Красноярского края // АО 1983 года. М.: Наука, 1985. С. 192.
- Кубарев, 2018 — Кубарев Г. В. Раннесредневековые тамги Калбак-Таша I и их исторический контекст // Значение природного и культурного наследия в современном обществе: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня основания Бюджетного учреждения Республики Алтай «Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина» / Отв. ред. Р. М. Еркинова. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2018. С. 33–39.
- Кызласов, 1960 — Кызласов Л. Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960. № 3. С. 93–120.
- Лисицын, 1981 — Лисицын Н. Ф. Стоянки каменного века степной зоны Хакасско-Минусинской котловины // КСИА. 1981. Вып. 165. С. 119–122.
- Мухарева, 2017 — Мухарева А. Н. Раннесредневековые наскальные надписи в окрестностях села Новосёлово (Красноярский край): изучение и изобразительный контекст // Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй: III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей / Отв. ред.: Н. Н. Крадин, А. Г. Ситдинов. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 204–208.
- Мухарева, 2019 — Мухарева А. Н. Петроглифы горы Большой Сибигур на Енисее // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2): Памяти Е. Г. Дэвлет / Отв. ред. М. А. Дэвлет. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2019. С. 237–256. (Тр. САИПИ; Вып. XII).
- Осава и др., 2017 — Осава Т., Мухарева А. Н., Есин Ю. Н. Новая руническая надпись на севере Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2017. № 1 (17). С. 53–56.
- Савинов, 2020 — Савинов Д. Г. К истории похода 711 года: древние тюрки на северо-западе Минусинской котловины // АВ. 2020. № 26. С. 216–229.

Petroglyphs on kurgan slabs of the burial ground at the foot of Mt Bolshoy Sibigur on the Yenisey

A. N. Mukhareva

The petroglyphic complex of Bolshoy Sibigur comprising both rock images and petroglyphs drawn on the stone slabs of the fences at a small Tagar cemetery is located in the northern part of the Minusinsk Hollow on the left bank of the Yenisey River (Krasnoyarsk water reservoir). This publication analyses the representations on the kurgan slabs which were revealed in 2016 in the course of documenting of the rock images at Mt Bolshoy Sibigur (Мухарева, 2019). The regular investigations conducted during the subsequent years resulted in recording petroglyphs on 12 kurgan slabs constituting the fences of eight barrows. At one of the kurgans (14), the images and their remains are visible on three slabs, at

two kurgans (12 and 16) – on two slabs; at another barrow (31), a slab with representations on two sides was recorded. Totally, 13 sides with representations have been revealed. Their chronological attribution differs. The anthropomorphous figures were embossed, presumably, during the period of construction of eight-stone Tagar kurgans or somewhat later, up to the late 1st millennium BC. The images of ungulates, the runic inscription and the tamgas belong to the epoch of the Middle Ages. The petroglyphs on the slabs of the cemetery under Mt Bolshoy Sibigur supplement the repertoire of rock representations at the site and are valuable evidence on the figurative art of the population of this region.

Новые рисунки тесинского времени (по материалам Тепсейского археологического микрорайона)

О. С. Советова¹

АННОТАЦИЯ. В статье представлены новые материалы тесинского времени в наскальном искусстве Тепсейского археологического микрорайона на Среднем Енисее, отображающие сложные исторические процессы, происходившие на рубеже эр. Автором приведены наблюдения, позволяющие скорректировать отдельные дискуссионные вопросы. Приводятся аналогии, обосновывающие датировку изображений тесинским временем. Подтверждением присутствия в микрорайоне хуннского населения являются материалы грунтового могильника Тепсей VII, содержащие хуннские изделия.

ANNOTATION. The paper presents new materials of the Tes period in the rock art of the Tepsey archaeological microregion on the Middle Yenisey reflecting complicated historical processes which were taking place at the turn of the eras. The author made observations which allow us to correct certain debatable questions. Analogies are presented grounding the dating to the Tes period. Materials from the flat-grave cemetery of Tepsey VII yielding Xiongnu objects confirm the presence of the Xiongnu population in the microregion.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Средний Енисей, Тепсейский археологический микрорайон, тесинская эпоха, наскальное искусство, хунну.

KEYWORDS: Middle Yenisey, Tepsey archaeological microregion, Tes period, rock art, Xiongnu.

Есть в жизни люди, очень знаковые в твоей судьбе, они где-то далеко, но на душе хорошо, что они есть и у них все в порядке. Для меня таким был, есть и будет Дмитрий Глебович Савинов. Его книги всегда на моей книжной полке, куда бы она ни перемещалась... Это тот человек, которому я всегда рада, и мое огромное желание, чтобы он был здоров и счастлив еще долгие-долгие годы. С юбилеем Вас, глубокоуважаемый и любимый Дмитрий Глебович!

Для собраний работ в честь Д. Г. Савинова писать статьи очень увлекательно, потому что за какую бы тему ты ни взялся – любая входит в сферу его интересов. На страницах настоящего издания мне бы хотелось представить небольшой этюд на тему тесинского искусства. Моя работа построена на материалах только одного археологического микрорайона, которые созвучны с репертуаром и особенностями рисунков этой эпохи, характерных и для других памятников Минусинской котловины. Я буду постоянно обращаться к работам юбиляра, потому что он, как никто другой, сумел поднять много важных тем, связанных с искусством вообще и наскальным в частности и, конечно, с искусством тесинской эпохи – одной из наиболее загадочных в истории Южной Сибири.

Эпоха, получившая название «тесинская» по кургану, раскопанному в 1889 г. финской археологической экспедицией, в настоящее время называется по-разному: «тагаро-таштыкский переходный этап» (см.: Кызласов, 1960; Пшеницына, 1979; 1992); «последний этап тагарской культуры» (см.: Теплоухов, 1929; Киселев, 1949; Грязнов, 1968), самостоятельная «тесинская культура» (см.: Кузьмин, 2008) и т. д. Многообразие мнений обусловлено сложностью интерпретации вещественных и изобразительных источников. Многие исследователи связывают происходившие в это время изменения с влиянием хунну, распространившимся на Южную Сибирь во время ее вхождения в состав государства Хунну (I тыс. до н. э. – I тыс. н. э.) (Савинов, 1995. С. 28). По мнению Н. Ю. Кузьмина, в 203–201 гг. до н. э. произошло нашествие хунну на север и северо-запад Монголии и примыкающие к ней регионы Южной Сибири и Восточного Притяньшанья. Разгромив «тагарцев» на Енисее и «пазырыкцев» на Алтае, они распространили свою власть на Саяно-Алтайское нагорье, их влиянию подверглось население степей Южной Сибири и Средняя Азия. Военно-политические события, происходившие в Центральной Азии и Южной Сибири в ранний период гунно-сарматской эпохи, полностью изменили динамику и характер этнокультурного развития кочевников и полукочевников, занимавших данную территорию в скифское время (Кузьмин, 2008. С. 187). Д. Г. Савинов отмечал, что особое

¹ 650043, Россия, Кемерово, ул. Красная, д. 6. Кемеровский государственный университет. Институт истории и международных отношений. Дирекция.
Адрес электронной почты: olgasovetova@yandex.ru.

место здесь принадлежит расположенной на самой северной оконечности этого обширного региона Минусинской котловине или территории Средне-го Енисея, которую он назвал «Минусинской провинцией», одной из провинций государства Хунну (Савинов, 2009. С. 102).

К настоящему времени имеются относительно многочисленные и разнообразные источники по тесинской эпохе: материалы из раскопок, клады, а также внушительный корпус наскальных изображений. В изучении последних существует множество проблем, связанных с их атрибуцией и интерпретацией. При анализе таких изображений появились свои характеристики: «группы рисунков, в которых проявляются признаки "вырождения скифо-сибирского стиля"», «смена тагарской изобразительной традиции таштыкской» и т. д. Тем не менее, имеются эталонные памятники, большой массив рисунков которых датирован тесинским временем: Большая Боярская писаница (Дэвлет, 1976), Хызыл-Хая (Appelgren-Kivalo, 1931), Кавказская (Леонтьев, Боковенко, 1985; Миклашевич, Солодейников, 2013) и др.

По серии рисунков на плитах из закрытых есинских комплексов Д. Г. Савиновым был выделен особый стиль, названный им «идеограмматическим» (Савинов, 1995, 2009), что открыло путь к пониманию и датировкам большой группы изображений в наскальном искусстве всего Минусинского края. Если ранее исследователи, как правило, интуитивно определяли, что есть рисунки «уже не тагарские, но еще и не таштыкские», то по мере накопления источниковой базы становилось все более очевидным, что это совершенно особый мощный пласт изображений, которые имеют свои характерные черты, внутреннюю логику развития и отображают сосуществование очень разных изобразительных традиций, отражающих сложные исторические процессы, происходившие в Минусинской котловине на рубеже эр. В данной статье представлены некоторые наблюдения, которые, вероятно, позволят скорректировать отдельные дискуссионные вопросы, а представленные примеры только одного археологического микрорайона дают возможность подчеркнуть полноту, разнообразие и информативность изображений, которые мы относим к тесинской эпохе.

В 1967 г. Д. Г. Савинову удалось обследовать некоторые рисунки с камней могильника, расположенного на надпойменной террасе под горой Тепсей и Малинового лога, а позднее опубликовать

фрагмент одного из них среди основной массы изображений, зафиксированных исследователем на плитах могильника в долине между отрогами горы Туран (Савинов, 1976. Рис. 2, 1; 3, 1–4). Недостаток времени и участие в других видах работ на Тепсее не позволили Дмитрию Глебовичу должным образом изучить и опубликовать рисунки интереснейшего камня с тепсейского могильника, фрагмент одной из сцен которого приведен им в публикации 1976 г. Курган во время раскопок Красноярской экспедиции раскопан не был. Сам по себе камень интересен своей формой и напоминает гриб с наклонно расположенной шляпкой. Его современные размеры: 72 × 44 × 45 см (рис. 1, 1). При детальном исследовании удалось выявить рисунки и следы выбивки на всех его пяти гранях, включая верхнюю. Три из них, как представляется, связаны общей темой. Эффектными и хорошо различимыми являются фигуры на его северной грани (рис. 1, 2, 3), которая была расчищена, задокументирована и опубликована в 2013 г. Е. А. Миклашевич (рис. 1, 3 – см.: Миклашевич, 2013. Рис. 2, 2). На этой плоскости мастерски выполнена композиция, включающая три антропоморфных персонажа: один из них показан перевернутым – то есть мертвым (Савинов, 1976. С. 63), второй – с каким-то предметом в поднятой руке и в особой, противостественной позе, третий – всадник на коне с маленьким гравированным луком. Рядом с перевернутой антропоморфной фигурой выбито округлое углубление. В нижней части камня изображены две фигурки безрогих ланей, пронзенные стрелами. Все фигуры силуэтные.

На восточной фронтальной грани камня нанесена многофигурная композиция, как и на его наклонной верхней части (рис. 1, 4–7). Долгое время внимание было приковано лишь к рисункам, нанесенным на ровную поверхность камня (Д. Г. Савиновым была опубликована прорисовка фрагмента именно этой плоскости), поскольку они были вполне различимы, хотя и выполнены не очень глубокой мелкой выбивкой. Художник вписал, вероятно, семантически очень значимую фигуру оленухи практически под самый край выступающего «козырька», образованного наклонной верхней гранью камня. Это косвенно указывает на то, что рисунки выполнялись до его установки – очевидно, в лежачем положении расположение фигур было вполне гармоничным, но после его установки верхняя часть животного видна не полностью, будучи слегка прикрытой этим «козырьком». До-

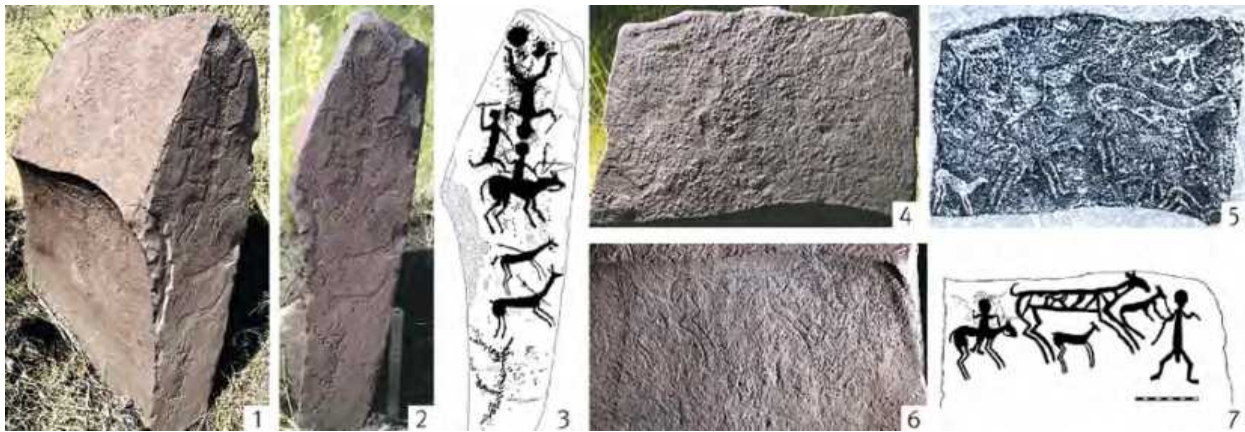

РИС. 1. Камень на могильнике под горой Тепсей: 1 – общий вид камня; 2, 3 – изображения на северной грани: общий вид и прорисовка Е. А. Миклашевич (по: Миклашевич, 2013); 4, 5 – верхняя грань камня: фото и микалентная копия; 6, 7 – восточная грань камня: фото и прорисовка. Масштаб разный

FIG. 1. A stone at the cemetery under Mt Tepsey: 1 – general view of the stone; 2, 3 – images on the northern side: general view and redrawing by E. A. Miklashevich (after Миклашевич, 2013); 4, 5 – upper side of the stone: photo and a micralent paper copy; 6, 7 – eastern side of the stone: photo and redrawing. Scale varies

минирующее положение в композиции занимает пара: оленуха с детенышем под ее животом. Фигуры изящно и реалистично прописаны. Корпус оленухи покрыт ломаными линиями, фигурка детеныша выполнена силуэтно. Изображения справа сохранились плохо, но при прорисовке фотоснимка при многократном его увеличении удалось зафиксировать фигурку животного, скорее всего, коня, а также чуть более различимую антропоморфную фигуру. Конь выполнен в иной образительной манере, возможно, позднее основных персонажей и отличается техникой нанесения от всех других фигур (не исключено, что выбить ее было довольно сложно, поскольку камень уже находился, скорее всего, в вертикальном положении), «поводья» подрисованы к антропоморфной фигуре весьма произвольно. В левой части камня изображен лучник на коне, выпустивший из небольшого лука стрелу (показанную резной линией) в оленуху с детенышем; гравировкой же выполнены расходящиеся в стороны «перья / ленты» на его головном уборе. Просматриваются пальцы на одной из рук этого лучника и фрагменты гравированных линий. Ступни всадника расставлены в разные стороны (такие примеры имеются еще среди рисунков Тепсей)².

² Д. Г. Савинов описал одну из подобных композиций, обнаруженную им на плите могильника Есино X, в которой также имелись изображения всадника в аналогичном головном уборе и с луком, а также другие разновеликие антропоморфные персонажи, правда, выполненные менее реалистично (Савинов, 2009. С. 97–98, рис. 13).

Верхняя грань камня вообще казалась бесперспективной для выявления рисунков, поскольку плохо обработана(?), или, возможно, выветрена или испорчена лишайником. После расчистки стало понятно, что на ней тоже имеются какие-то фигуры, но, к сожалению, высококачественных фотографий получить не удалось и пока лишь микалентная копия дает представление о наборе персонажей, скорее всего, не всех (рис. 1, 4, 5). Просматриваются всадник на коне, большая фигура орнаментированного животного, практически аналогичная описанной оленухе, две силуэтные фигурки животных в левой верхней части вверху и внизу, и одна контурная – в нижней части справа. В верхнем правом углу изображена птица в профиль. В этой сцене имеются шлифованные фигуры: два силуэтных животных и птица³.

На принадлежность рисунков к тесинской эпохе указывают не только стилистические особенности рисунков, но также такие элементы, как раскидистый головной убор всадника, расставленные в разные стороны ступни у антропоморфных персонажей, пронзенные стрелами фигурки ланей и профильное изображение птицы с длинной шеей и клювом. О значении профильных рисунков птиц в ряде композиций Куни, Сулека IV, Соснихи и дру-

³ Стоит отметить, что еще на одном камне этого же могильника также в правом верхнем углу нанесено шлифованное изображение птицы в профиль и фигуры рогатого козла, выполненного в аналогичной технике.

гих памятников рассматриваемого пласта совершенно справедливо писала Е. А. Миклашевич, которая отметила, что профильные изображения птиц не встречаются в композициях, выполненных в скифо-сибирском стиле – там преимущественно птицы хищные, с распростертыми крыльями и повернутой в сторону головой, и скорее всего профильные фигуры являются новыми образами, привнесенными уже в хуннское время (Миклашевич и др., 2012. С. 99, табл. III)⁴. Рисунки, выявленные на западной и южной гранях камня, менее выразительны, слабо различимы и явно ни хронологически, ни семантически не связаны с описанными сценами.

Возможно, во всех трех эпизодах представлена модель Космоса, понятная людям той эпохи. Все персонажи включены в глобальную тему «космической охоты», в которую вовлечены и всадники с луками, и пронзенные стрелами лани, и птица, и антропоморфный персонаж, и, конечно, прекрасная пара: самка и укрывающийся под ее брюхом детеныш. Тема «матери с детенышем под брюхом» является универсальной и хорошо известной в мировом искусстве, в том числе в наскальном, включая памятники Минусинской котловины: такие сцены имеются на Улазах III (Мухарева, 2012. Рис. 12; 13), Георгиевской (Леонтьев, Панкова, 2012. Рис. 5), Шишке (Боковенко и др., 2007. Рис. 44), на плите ограды кургана Торг-Таг (Кузьмин, 2011. Рис. 44, 1) и на многих других.

Таким образом, в этих развернутых на трех плоскостях композициях показан мир в его противоречии и единстве жизни и смерти: *насилие*, несущее смерть, воплощено в стрелках-охотниках, а также в перевернутой фигуре человека и пронзенных стрелами животных. В качестве противопоставления смерти – как апофеоз *жизни* – мать, укрывающая свое дитя. Хорошо заметна детализация изображений: гравированный маленький лук скифского типа и раскидистый головной убор, характерные для рисунков тесинского времени (Боярская писаница, Куня, Хызыл-Хая, Кобяковская, Есино X и многие другие). Подтверждением этой датировки служат и фигуры ланей со стрелами в спинах, типичные для многих памятников Минусинской котловины. В некотором смысле рисунки этого камня уникальны. Чувствуется рука хороше-

го мастера, сумевшего столь реалистично и своеобразно воплотить универсальную тему и развернуть ее на нескольких плоскостях одновременно.

Кроме того, новые материалы Тепсея позволяют еще раз обратиться к одной из дискуссионных тем в изучении наскального искусства бассейна Среднего Енисея, связанной с датировкой серии изображений всадников, которая в свое время обсуждалась Я. А. Шером и другими авторами (Шер, 1980. С. 37; Боковенко, 1987; и др.). В одной из последних работ на эту тему Е. А. Миклашевич был поставлен вопрос о датировании таких изображений в пределах широкого периода – тагарская культура, тесинская культура, не исключая и раннеташтыкское время (Миклашевич, 2012. С. 49)⁵.

Речь идет о территориально относительно компактной группе изображений всадников, представленной однотипными фигурами с исчезнувшей Лянищенской писаницы (рисунки которой Е. А. Миклашевич удалось реконструировать по архивным материалам), горы Мосеихи, Усть-Тубы и Тепсея. Недавно эта группа была дополнена новой фигурой всадника, обнаруженного нами в глубине Волчьего лога (Тепсей II). Это изображение имеет несколько отличительных черт: в целом оно более реалистично и детализировано, чем большинство других фигур серии: это касается головного убора, горита всадника, а также пропорций коня, который по сравнению с другими конями не кажется «субтильным» (этот признак отмечал Я. А. Шер – см.: Шер, 1980. С. 38), и у него изображен более пышный хвост. К сожалению, сколом уничтожена передняя часть рисунка (рис. 2, 1). Важное наблюдение касается положения рук всадника. Не исключено, что в его руках находился какой-то предмет, предположительно рогатина, как и у некоторых всадников Лянищенской писаницы, Мосеихи, Усть-Тубы III. На эту мысль наводит анализ

⁴ Хотя хищные птицы с распростертыми крыльями также характерны для многих сцен этого времени, например, для изображений горы Куни.

⁵ Такая широкая датировка во многом оправдана, так как в наскальном искусстве этого периода рисунки удивительно разнообразны: с одной стороны, в них представлены «местные» образы и темы, хорошо известные в тагарском искусстве, но уже в «деформированном» виде (вероятно, они условно могут быть названы «посттагарскими»). С другой стороны, нередко в одной композиции совместно встречаются, казалось бы, «тагарские» антропоморфные персонажи с почти «таштыкскими» животными (представляется, что такие рисунки появились уже в самом конце тесинского времени – в «предташтыкский» период, есть и «промежуточные» варианты. То же относится и к набору образов, как местных, так и совершенно чуждых тагарскому искусству: сюжеты с противостоящими единорогами, медведями, фигурами «идеограмматического стиля» (лабиринтами-путаницами) и т. д.

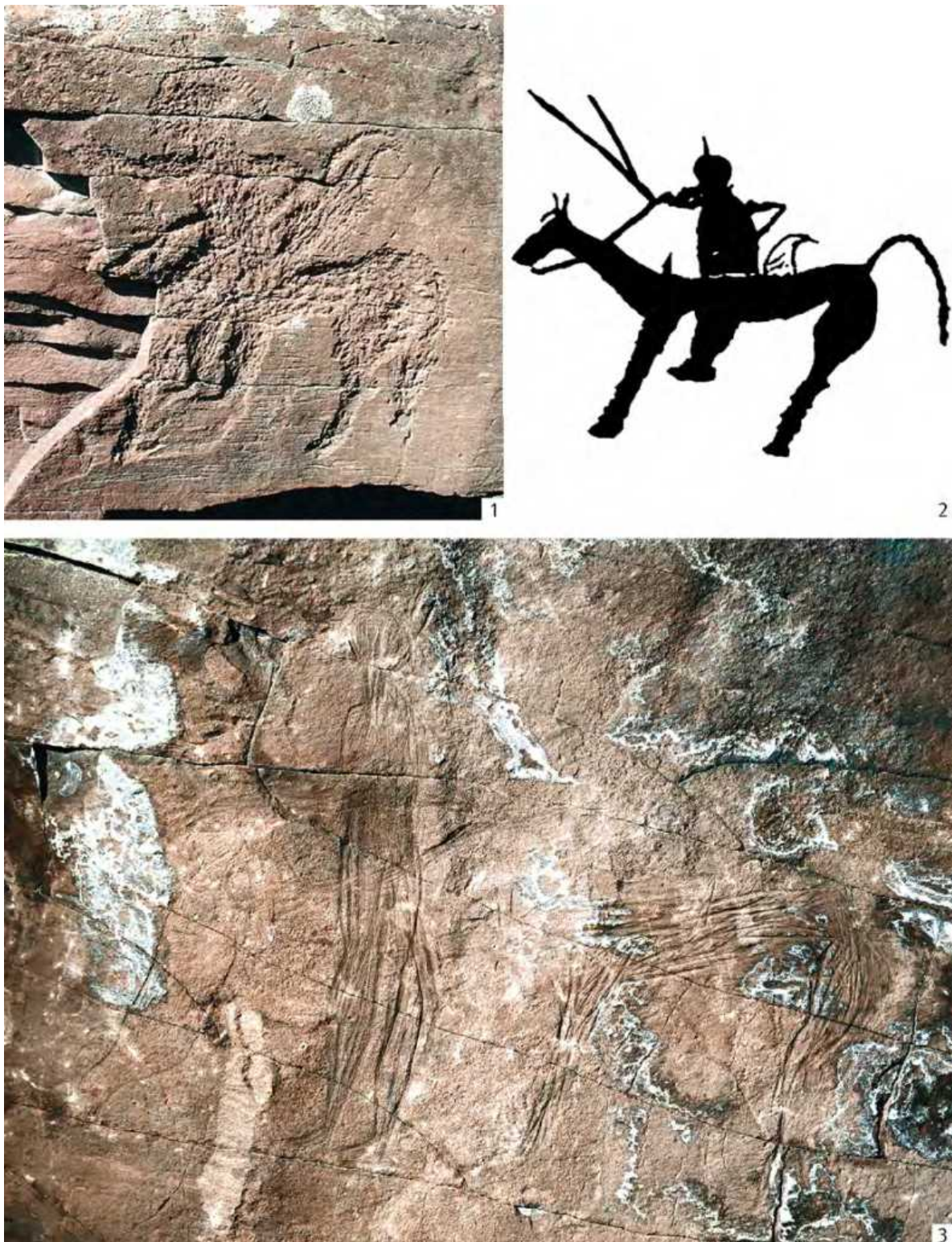

РИС. 2. Изображения в пункте Тепсей II (Волчий лог): 1 – Гряда 3: новое изображение всадника; 2 – Тепсей III. Прорисовка Е. А. Миклашевич (по: Миклашевич, 2012); 3 – Гряда 4: сцена с гравированными персонажами. Масштаб разный

FIG. 2. Images at the locality of Tepsey II (Wolf's Ravine): 1 – Ridge 3: new representation of a horseman; 2 – Tepsey III. Redrawing by E. A. Miklashevich (after Миклашевич, 2012); 3 – Ridge 4: scene with engraved figures. Scale varies

его позы: левая рука присогнута в локте, как и у большинства персонажей этой серии, ей он, возможно, удерживает поводья, а правая — вытянута и приподнята явно выше шеи животного, как и у всех изображений всадников с рогатинами (к сожалению, сохранился только фрагмент руки) (рис. 2, 2). Можно предположить, что это еще один персонаж с рогатиной в рассматриваемой серии, пока не учтенный.

Любопытно, что это изображение, возможно, дает ключ к датировке еще одной композиции, обнаруженной в устье того же Волчьего лога (4 гряда). Эта сцена еще в 1980-х гг. была скопирована участниками Петроглифического отряда КемГУ, а прорисовка была опубликована в 1995 г.; предварительно изображение было датировано эпохой средневековья (Советова, 1995. Рис. 9, 4). Все фигуры сцены выполнены резными линиями с небольшой шлифовкой: здесь изображены конь, антропоморфный персонаж и вертикально поставленный рядом горит (рис. 2, 3). Повторное копирование в 2000-х гг. и анализ фотографий навел на мысль о сходстве этих персонажей с новым тепсейским всадником (если рассматривать в единстве коня и сидящего на нем человека): на их головах по два одинаковых «отростка» (назначение которых определить пока не удалось, но у одного из всадников рассматриваемой серии на Мосеихе III имеются такие же «отростки»), косицы (подобные показаны у всадников с той же горы) (Миклашевич, 2012. Табл. II, 1; III, 4; III, 6)⁶. Их левые руки одинаково согнуты в локте. Одинакова форма ног антропоморфных персонажей, гориты (у одного — за спиной, у другого — поставлен рядом с ним), из которых торчат одинаковой формы луки. Создается впечатление, что к гориту персонаж и протягивает свои руки с растопыренными пальцами. У коней общая передача довольно пышного хвоста, не торчащего дугой, как у большинства коней этой серии. Можно предположить, что эти рисунки могли быть созданы либо рукой одного мастера, либо в пределах одного времени. К сожалению, иных датирующих элементов не выявлено, но повторные разведки в 2020 г. участка, на котором была обнаружена рассматриваемая сцена, дали интересный результат.

⁶ В приведенном Е. А. Миклашевич описании И. Т. Савенковым Лынищенской писаницы говорится: «...У трех всадников довольно высокие шлемы, с округленным верхом, с шишаком и у начальника с пером...» (Миклашевич, 2012. С. 33). Все это свидетельствует о разнообразии головных уборов, а возможно, и опознавательных знаков на них.

На этом локальном участке обнаружено небольшое скопление плоскостей с рисунками тесинской эпохи, среди них которых имеются несколько граней с выбитыми изображениями животных и профильного изображения птицы, а также серия гравированных фигур. Особый интерес вызывает сцена с шестью полными, а также с фрагментарными гравированными фигурками лежащих животных (оленей?), которых первоначально могло быть и больше, судя по фрагментам изображения в нижней части плоскости и фрагментарно сохранившейся фигуре в правой части этого скального выхода (рис. 3). Сцена очень важна для общей датировки рисунков. У фигур чрезмерно длинные, подогнутые под живот ноги. Позой они напоминают фигуры оленей, выполненные выбивкой, и переданные с такими же искаженными пропорциями — с маленькой головой и несоразмерными ногами, подогнутыми под брюхо: такие изображения оленей зафиксированы на первой гряде Волчьего лога, на Шишке (Боковенко и др., 2007. Рис. 69), целая группа лежащих оленей — на Куне (Миклашевич, 2004. Рис. 17. С. 322) и др. Подобную манеру изображения принято соотносить с «вырождением» скифо-сибирского стиля и датировать тесинским временем (Шер, 1980. С. 252). Важно подчеркнуть, что на этом скоплении, судя по всему, гравированных рисунков намного больше, поскольку фрагментов фигур сохранилось немало: среди них фрагментарное изображение птицы, морда животного (такая же, как у вышеописанных животных) и др., причем грани с этими рисунками находятся в непосредственной близости от сцены с человеком, конем и горитом. То есть не исключено, что все рисунки были созданы если и не одним художником, то, во всяком случае, в пределах тесинской эпохи. Значит, и фигура всадника — тоже.

Возвращаясь к теме всадников, можно только сожалеть, что по этим рисункам проблематично воссоздать их внешний облик, хотя очевидно, что они показаны одетыми, в отличие, например, от тагарских «человечков». Детальный анализ головных уборов и причесок еще предстоит провести. Судя по форме ног — они показаны с утолщениями в области икроножных мышц, считается, что, скорее всего, всадники изображены в шароварах (Шер, 1980. С. 38). С. И. Руденко характеризовал штаны, носившиеся хунну, как просторные и широкие. Такие типичные для хунну шаровары найдены в Ноин-улинском кургане № 6 (Руденко, 1962. Табл. X, рис. 32), хотя это могут быть и наговицы,

РИС. 3. Тепсей II (Волчий лог). Новая сцена с животными, демонстрирующими «вырождение скифо-сибирского стиля»

FIG. 3. Tepsey II (Wolf's Ravine). New scene with animals demonstrating the 'degradation of the Scytho-Siberian style'

также известные по материалам Ноин-улинских курганов (*Полосьмак, Богданов, 2016. С. 112*). Нередко в качестве аналогий приводятся изображения на пластинах ордосских бронз, иллюстрирующих борьбу двух спешившихся людей, одетых в шаровары. Бляхи датированы III–I вв. до н. э. (*Грязнов, 1961. С. 10, рис. 3*). На них рядом с людьми изображены две лошади, стоящие под деревьями. Известно, что у скифов также были популярны штаны типа шаровар, а судя по ордосским бляхам, они оставались популярными и в рассматриваемую эпоху. Расположение ступни, показанной прямо (по мнению некоторых исследователей, «в стремени»), характерно и для многих изображений тагарских всадников. Вероятно, это пока все наблюдения, которые можно сделать, проанализировав новое изображение.

В Волчьем логоу Тепсея есть еще одна интересная сцена, которую можно датировать тесинской

эпохой. Композиция находится на скальном выходе правого борта лога, как раз напротив вышеописанного местонахождения с гравированными рисунками. На эту грань нанесены разновременные фигуры, выполненные выбивкой. Центральную часть занимает антропоморфный персонаж с *рогатиной* в руках, а также изображенный рядом «куст-дерево». Вокруг имеются и другие фигуры, например, всадник на коне, выполненный в таштыкской манере и в иной технике; вся плоскость испещрена гравированными линиями. Антропоморфный персонаж одной рукой держит рогатину в вертикальной позиции, другая, округлая, как бы поставлена на пояс, как и у всадников вышеописанной серии. Любопытен «куст», изображенный рядом с ним, в настоящее время сохранившийся не очень четко, возможно, его могли «подновлять» в более позднее время (*рис. 4, 1*). У куста насчитывается по меньшей мере по 3–4 «отростка-ветви»

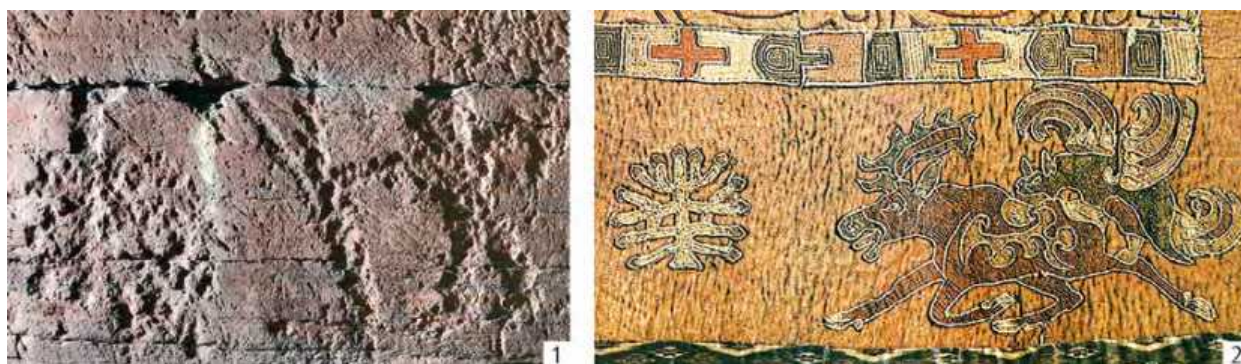

РИС. 4. Тепсей II (Волчий лог). Сцена с человеком, держащим рогатину, и «кустом-деревом»: 1 – правый борт лога. Фото сцены; 2 – фрагмент изображения на ковре из Ноин-Улы (по: Руденко, 1962). Масштаб разный

FIG. 4. Tepsey II (Wolf's Ravine). Scene with a human holding a forked spear and a 'bush/tree': 1 – right bank of the ravine. Photo of the scene; 2 – fragment of a representation on a carpet from Noin-Ula (after Руденко, 1962). Scale varies

с каждой стороны и довольно крепкий «ствол» (возможно, он представлен в перевернутом виде). Это единственное подобное изображение среди рисунков Тепсея. В целом, изображения деревьев, правда, несколько отличающиеся от тепсейского рисунка, встречаются среди петроглифов Минусинской котловины. Например, деревья представлены на Георгиевской писанице, хотя исследователи относят их к «поздним рисункам» (Леонтьев, Панкова, 2012. Рис. 6, 3; 6, 5). Смущает то обстоятельство, что антропоморфные персонажи Георгиевской писаницы, сопутствующие этим «деревьям», весьма близки тепсейскому персонажу (Там же. Рис. 4), и, возможно, их датировка не совсем точна. Тепсейский «куст» удивительным образом напоминает фигуры с фрагментов войлочных ковров Ноун-Улы (рис. 3, 2 – см.: Мир кочевников..., 2013. Кат. 215; Руденко, 1962. Табл. XLI). В искусстве хунну композиции с деревьями были достаточно популярными (Treasures..., 2011. Fig. 402; 404), как и в гунно-сарматском искусстве (Гугуев, 1992). Не исключено, что до «Минусинской провинции» этот сюжет мог прийти в несколько преобразованном виде. Все это дает дополнительные основания для выводов о присутствии в тесинскую эпоху хуннского компонента в наскальном искусстве Тепсейского археологического микрорайона и Минусинской котловины в целом, и, возможно, датировки этим временем персонажей с рогатинами и всей рассматриваемой серии всадников (что их не удревяет и не омолаживает).

Другие категории археологических памятников тесинского времени известны, по меньшей мере, в пяти пунктах Тепсейского микрорайона –

это курганы-склепы, грунтовые могильники и «впускные захоронения» (Пшеницына и др., 1978; Пшеницына, 1979. С. 70–71). На Тепсее I впервые был открыт ранее неизвестный тип памятников – поминальники (остатки тризн) (Там же. С. 71)⁷. Важно отметить, что на территории грунтового могильника Тепсей VII было раскопано 102 могилы, среди которых выделялась группа богатых погребений, расположенных отдельно. Среди находок имелись хуннские изделия, в том числе: бронзовые ажурные пряжки-пластины с решетчатым орнаментом; пряжка с изображением головы быка; пуговица; ажурная пряжка со стилизованным изображением ветвей дерева; ложечковидная застёжка с головой сайги (очень напоминающей головы вышеописанных гравированных изображений); единственный экземпляр железного кинжала в ножнах, покрытых

⁷ М. П. Грязнов, а затем и М. Н. Пшеницына относили курганы-склепы к переходному этапу от тагарской культуры к таштыкской – тесинскому времени, датировали склеп Тепсей XVI – II–I вв. до н. э. и генетически связывали «тагарцев» с «тесинцами» (Пшеницына, 1979. С. 88; 1992. С. 224). Э. Б. Вадецкая высказала мнение, что тесинские могильники оставлены инокультурным населением, а склепы сооружались уже в III–IV вв. н. э. (Вадецкая, 1986. С. 99). Н. Ю. Кузьмин, выделивший отдельную тесинскую культуру, определил в ней три основных периода: раннетесинский, среднетесинский и познетесинский. Склеп Тепсей XVI исследователь отнес ко второму (среднетесинскому) периоду, датированному серединой I в. до н. э. – серединой II в. н. э. (Кузьмин, 2011. С. 59). По результатам радиоуглеродного анализа склеп датируется в интервале от середины I в. н. э. до середины III в. н. э. (Там же. С. 220). Дата грунтового могильника дискуссионная: исследователи относят его к началу I в. н. э. (Пшеницына, 1992. С. 234) или ко II в. н. э. (Кузьмин, 1992. С. 73). Д. Г. Савинов общие хронологические рамки тесинских грунтовых могильников определяет концом II в. до н. э. – серединой II в. н. э. (Савинов, 2009. С. 87).

пленкой черного китайского лака; роговая булавка со своеобразным фигурным навершием; кусок горного хрусталя; стеклянные и агатовые бусы (*Пшеницына*, 1979. С. 85). В одной из могил, в связке с колесовидной подвеской, найдена китайская монета «ушугу», соединенная ремешком с бронзовой бляшкой (*Савинов*, 2009. С. 58). Эта монета — первая из таких ранних находок в погребальных комплексах на Среднем Енисее, первый выпуск этих монет Д. Г. Савинов соотнес с 118 г. до н. э. (Там же. С. 78). Он характеризует эту группу как элитные погребения тесинских грунтовых могильников и указывает на их хуннское происхождение (Там же. С. 53).

Литература

- Боковенко*, 1987 — *Боковенко Н. А.* К вопросу о датировке некоторых енисейских изображений всадников // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология / Отв. ред.: А. И. Мартынов, В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–80.
- Боковенко и др.*, 2007 — *Боковенко Н. А., Килуновская М. Е., Ким Чжонг Бэ, Чжан Со Хо.* Наскальные изображения Центральной Азии. Сеул: Фонд истории Северо-восточной Азии; ИИМК РАН, 2007. 355 с. (рус., кор. яз.).
- Вадецкая*, 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
- Грязнов*, 1961 — *Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 7–31.
- Грязнов*, 1968 — *Грязнов М. П.* Тагарская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. / Отв. ред. А. П. Окладников. Т. 1: Древняя Сибирь. Л.: Наука, 1968. С. 187–196.
- Гузев*, 1992 — *Гузев В. К.* Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н. э. — начала II в. н. э.) // ВДИ. 1992. № 4. С. 116–129.
- Дэвлет*, 1976 — *Дэвлет М. А.* Большая Боярская писаница. М.: Наука, 1976. 28 с.
- Киселев*, 1949 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с. (МИА; № 9).
- Кузьмин*, 1992 — *Кузьмин Н. Ю.* Тесинская культура в степях Среднего Енисея (проблема выделения и основные признаки) // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: тез. докл. республик. науч. конф. / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: ОмГУ, 1992. Ч. II. С. 72–74.
- Кузьмин*, 2008 — *Кузьмин Н. Ю.* Этапы сложения и развития тесинской культуры (по погребальным памятникам степей Минусинской котловины) // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи / Отв. ред. З. А. Самашев. Астана: б. и., 2008. С. 187–204.
- Кузьмин*, 2011 — *Кузьмин Н. Ю.* Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 465 с.
- Кызласов*, 1960 — *Кызласов Л. Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н. э. — V в. н. э.). М.: МГУ, 1960. 198 с.
- Все это свидетельствует о бесспорном присутствии в Тепсейском микрорайоне хуннского населения — носителя соответствующих изобразительных традиций. Серию интересных изобразительных материалов дают рисунки на камнях конструкции кургана-склепа Тепсей XVI, но это отдельная тема, которая выходит за рамки настоящей статьи.
- Примечание:* работа выполнена по гранту РФФИ № 18-09-40089 «Наскальное искусство Тепсейского микрорайона в контексте археологических материалов».
- Леонтьев, Боковенко*, 1985 — *Леонтьев Н. В., Боковенко Н. А.* Кавказская писаница на Тубе // Железный век Кавказа, Средней Азии и Сибири. М.: Наука, 1985. С. 82–88. (КСИА; Вып. 184).
- Леонтьев, Панкова*, 2012 — *Леонтьев Н. В., Панкова С. В.* Петроглифы горы Георгиевской (таштыкские резные рисунки) // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Лынищенская, Улазы III, Сосниха / Отв. ред. Д. Г. Савинов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 5–27. (Тр. САИПИ; Вып. X).
- Миклашевич*, 2004 — *Миклашевич Е. А.* «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция: Мат-лы тематич. науч. конф. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 320–325.
- Миклашевич*, 2013 — *Миклашевич Е. А.* Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в 2012–2013 гг. // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Мат-лы Итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2013 г. / Отв. ред.: А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Т. XIII. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 255–259.
- Миклашевич, Солодейников*, 2013 — *Миклашевич Е. А., Солодейников А. К.* Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере Кавказской писаницы в Минусинской котловине) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 176–191.
- Миклашевич и др.*, 2012 — *Миклашевич Е. А., Панкова С. В., Мухарева А. Н.* Петроглифы горы Сосниха // Памятники наскального искусства Минусинской котловины. Георгиевская, Лынищенская, Улазы III, Сосниха / Отв. ред. Д. Г. Савинов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 72–111. (Тр. САИПИ; Вып. X).
- Мир кочевников..., 2013 — Мир кочевников. Из археологических коллекций Государственного Эрмитажа. Каталог выставки / Науч. ред. М. Б. Пиотровский. СПб.: НП-Принт, 2013. 131 с.
- Мухарева*, 2012 — *Мухарева А. Н.* Петроглифы местонахождения Улазы III // Памятники наскального искусства Минусинской котловины. Георгиевская, Лынищенская, Улазы III, Сосниха / Отв. ред. Д. Г. Савинов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 57–71. (Тр. САИПИ; Вып. X).

- Полосьмак, Богданов, 2016* — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. Ноин-улинская коллекция. Результаты работы российско-монгольской экспедиции 2006–2012 гг. Новосибирск: Инфолио, 2016. 176 с.
- Пшеницына, 1979* — Пшеницына М. Н. Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / Отв. ред. М. П. Грязнов. Новосибирск: Наука, 1979. С. 70–89.
- Пшеницына, 1992* — Пшеницына М. Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 224–236. (Археология СССР; Т. 10).
- Пшеницына и др., 1978* — Пшеницына М. Н., Немировская Е. Л., Ефимов В. Г. Раскопки памятников тесинского этапа у горы Тепсей на Енисее // АО 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 274–275.
- Руденко, 1962* — Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
- Савинов, 1976* — Савинов Д. Г. К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Известия кафедры археологии / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1976. Вып. 8. С. 57–73.
- Савинов, 1995* — Савинов Д. Г. Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино III) // Древнее искусство Азии. Петроглифы / Отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 6–10.
- Савинов, 2009* — Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 226 с.
- Советова, 1995* — Советова О. С. Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии. Петроглифы / Отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 33–54.
- Теплоухов, 1929* — Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (В кратком изложении) // Материалы по этнографии. Л.: издание гос. Русского Музея, 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62.
- Шер, 1980* — Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Appelgren-Kivalo, 1931* — Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors: Finnische Altertumsgesellschaft, 1931. 47 S., 72 Taf.
- Treasures..., 2011* — Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the first nomadic empire in Mongolia. Ulaanbaatar: National Museum of Mongolia, 2011. 296 p.

New rock images of the Tes period (after materials from the Tepsey archaeological microregion)

O. S. Sovetova

The paper presents new materials of the Tes period in the rock art of the Tepsey archaeological microregion on the Middle Yenisey — the ‘Minusinsk Province’ of the Xiongnu state. The rock images reflect complicated historical processes which were taking place at the turn of the eras. The author made observations which allow us to correct certain debatable questions. Drawings on a stone are analysed where, on its three sides, multi-figure compositions are deployed linked through a common motif of the ‘celestial hunt’ (Fig. 1). Also the debatable subject is touched upon, i. e. the dating of the peculiar series of horsemen attributed to a broad period of the Tagar and Tes cultures including perhaps also the early Tashtyk period. Recently, a new figure belonging to this series was revealed. The author supposes that we are dealing here with a horseman with a forked spear similar to other images from this series. The hypothesis is proposed on the basis of a comparison with other drawings that it is dated to the Tes period:

a composition with a vertically set gorytus, an anthropomorphic figure, and a horse rendered by engraving (Fig. 2), a series of representations revealed near this plane including a scene with engraved peculiar drawings of animals (Fig. 3). Analogues to these representations are found at other sites and are dated to the Tes period. A new scene with an anthropomorphic figure with a forked spear in hands and a ‘bush/tree’ nearby is analysed. The latter personage resembles the figures on fragments of felt carpets from Noin-Ula (Fig. 4). Possibly, this subject may have reached the ‘Minusinsk Province’ in a transformed form. The conclusion is drawn that the figures with a forked spear are datable to this epoch. At the flat-grave cemetery of Tepsey VII, a group of rich burials containing Xiongnu artefacts was found. All the above evidence undoubtedly suggests the presence of a Xiongnu population, the bearers of the Xiongnu figurative traditions, in the Tepsey microregion.

Тамги династии Ашина в Центральной Азии

А. Е. Рогожинский¹, В. В. Тишин²

АННОТАЦИЯ. В настоящее время известно не менее 20 памятников — монументальных объектов и местонахождений петроглифов, на которых имеется около 50 символических изображений, рассматриваемых специалистами как «тамги династии Ашина» Второго Тюркского каганата (682–744). Все недвижимые памятники с такими тамгами сосредоточены на территории Монголии. По стилю и иконографии рисунков выделяются три вида тамги Ашина с подразделением на несколько типов. Устанавливается связь некоторых разновидностей тамги с представителями разных генеалогических ветвей династии: тип Ia — Бильге-каган (716–734), тип III — Элтериш-каган (682–691); тип IV — Капган-каган (694–716); типы Ib, Ic и тип II — линидж Элетмиш-йабгу / До-си-фу 咄悉訇. Также выявлена группа символов, для которых предполагается функция знаков-детерминативов, вероятно, указывавших на должностной статус или титул предъявителей тамги Ашина: йабгу — тамга-«крючок», шад — тамга-полумесяц. Проведенный анализ археологических и письменных источников раскрывает сложную систему визуального обозначения генеалогических связей и статусных отношений правящей элиты Второго Тюркского каганата.

ANNOTATION. Presently, over 20 sites are known with monumental objects and locations of petroglyphs, where about 50 symbolic representations are found considered by researchers as 'tamgas of the Ashina dynasty' of the Second Turkic Qaghanate (682–744). All the immovable monuments with tamgas of this type are concentrated within the territory of Mongolia. In terms of the style and iconography of the representations, three variants of tamgas of the Ashina are distinguishable which in turn are subdivided into several types. It is possible to identify the ties of some variants of the tamgas with representatives of different genealogical branches of the dynasty: type Ia — Bilge Qaghan (716–734), type III — Elterish Qaghan (682–691); type IV — Qaghan Qaghan (694–716); types Ib, Ic and type II — the lineage of Eletmish-yabghu / Duoxifu 咄悉訇. Also a group of symbols has been distinguished for which a function of signs determinatives is supposed. Possibly, they indicated the status or title of the bearers of the tamga of the Ashina: yabghu — tamga-'hook', shad — tamga-crescent. The analysis conducted on archaeological and documentary sources suggests a complicated system of the visual designation of genealogical ties and status interrelations among the ruling elite of the Second Turkic Qaghanate.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: тамга, династия Ашина, восточные тюрки, титулатура, генеалогия, Монголия.

KEYWORDS: tamga, Ashina dynasty, eastern Turks, titular system, genealogy, Mongolia.

Введение

С момента открытия в конце XIX в. мемориальных стел Бильге-кагана и Кюль-тегина, увенчанных «тамгой тюркского хана» (по В. В. Радлову), и вплоть до наших дней, когда тот же геральдический знак рассматривается как «родовая тамга второй тюркской династии (682–744)» (Кляшторный, 1971. С. 250; 1980. С. 93–94), мало кто из исследователей затрагивал коренные вопросы указанной в заголовке темы: в чем состоит иконографическое своеобразие знака, каково его историческое происхождение и смысловое значение. Одним из немногих, кто внес заметный вклад в разработку этих вопросов, выступает российский археолог Дмитрий Глебович Савинов (Савинов, 2015). Так, едва ли не первым он предпринял попытку выделить «основные линии» иконографии эмблемы, тем самым

обозначив типологическое многообразие известных воспроизведений «тамги династии Ашина» (Там же. С. 66–67). Ему же принадлежит развитие одной из правдоподобных версий, объясняющей генезис знака как «преобразование прежних, в основном еще реалистических, изображений горных козлов, характерных для наскального искусства предшествующего времени, в крайне схематический рисунок» (Савинов, 2015. С. 71–72; 1984. С. 74–75). Убедительно звучит предположение, что появление династической эмблемы правителей возродившегося на рубеже VII–VIII вв. государства восточных тюрков «могло быть «государственным» заказом и произойти в какой-то минимальный срок благодаря изобретению «основных линий», что сразу выделило их (изображения-тамги. — А. Р., В. Т.) из окружающего мира петроглифов и не дает возможности для типологических построений» (Савинов, 2015. С. 72). Наконец, справедливо указание на то, что секрет семантики тамгообразного изображения раскрывается при рассмотрении исторического контекста, в котором внезапно появилась и бесследно исчезла «тамга династии Ашина». Отталкиваясь от этих положений и опуская излишнее здесь

¹ 050010, Казахстан, Алматы, пр. Достык, д. 44. Институт археологии им. А. Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан. Адрес электронной почты: alexeygo@hotmail.com.

² 670047, Россия, Республика Бурятия, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Адрес электронной почты: tihij-511@mail.ru.

пространное историографическое вступление, ниже излагаем результаты нашего историко-археологического исследования, касающегося типологии «тамги династии Ашина», атрибуции знаков различного облика, исторических условий их применения и возможных смысловых значений.

Обзор источников

Символические изображения, в разной степени напоминающие фигуру горного козла и рассматриваемые как «тамга династии Ашина», представлены на недвижимых памятниках двух категорий: 1) на малых архитектурных формах мемориальных комплексов правящей элиты восточных тюрков (скульптурах, стелах и фигурных постаментах, стенках каменных «саркофагов» и балбалах); 2) как наскальные изображения, т. е. тамга-петроглифы. Третью категорию составляют немногочисленные портативные изделия с прочерченными на их поверхности знаками: серебряные сосуды из мог. Юстыд и Муруйского клада (сосуд 2), чаша из Монголии, точное место находки которой неизвестно (Кубарев, 1984. С. 73, рис. 12, 1; Тишин и др., 2020б. С. 195–198, табл. 4; 5, 1; Рогожинский, Железняков, 2019. С. 173–176, рис. 2). Недвижимые памятники обладают особой ценностью, поскольку своим местоположением фиксируют пространственную локализацию участников определенных исторических актов, что засвидетельствовано знаками идентичности разных тамгопользователей и нередко – комментирующими текстами. Династическая эмблема правящего клана восточных тюрков встречается преимущественно на мемориальных объектах, но к настоящему времени заметно увеличилось и количество известных тамга-петроглифов, связанных с руническими текстами и зачастую включенных в собрания тамгообразных знаков иных форм. К сожалению, из коротких публикаций таких открытий порой сложно получить полное представление о местоположении «тамги династии Ашина» в составе петроглифического комплекса или археологического ландшафта в целом. В этой связи приветствуется почин японского исследователя Т. Осава в систематическом изучении не только мемориальных объектов тюркской элиты, сосредоточенных в былых военно-политических центрах кочевых объединений, но и местонахождений тамга-петроглифов Ашина и родоплеменных знаков в низкогорных ландшафтах Монголии, традиционно использовавшихся для зимних кочевий (Osawa, 2018. P. 13, 24).

В нашем исследовании учтено 29 изображений «тамги династии Ашина» из двенадцати мемориальных комплексов времени Второго Тюркского каганата. Однако в эту коллекцию не вошла часть тамгообразных изображений из комплекса Донгойн Ширээ: из 16 описываемых авторами знаков типа «янгир тамга», выбитых на стелах, нами отобраны лишь девять, хорошо различимых на опубликованных фотографиях (Цогтбаатар и др., 2017). Также нужно отметить, что рассмотрение эстампажей верхней части стелы из Онги, изготовленных Г. Рамстедтом и С. Пяльси в 1909 г. (Osawa, 2011a. P. 163, fig. 13), выявляет неточность на ретушированной копии памятника, помещенной В. В. Радловым в третий выпуск «Атласа древностей Монголии» (Атлас..., 1896. Табл. LXXXIII, 2); при ретушировании эстампажа Н. М. Ядринцева выветренные трещины на камне были восприняты как дополнительная поперечная черта на тамге в форме крючка и как еще один похожий знак, пересекающий «ханскую тамгу». Следовательно, на обеих сторонах стелы и, по-видимому, на 11-м балбале комплекса Онги трижды изображена пара идентичных знаков: тамга-«крючок» и «тамга династии Ашина». Кроме того, рассмотрение не ретушированных фотоснимков Н. Базылхана (TÜRİK BITİG) балбала шада төлеш из комплекса Бильге-кагана позволило определить на широкой грани камня три отдельных знака: тамгу-полумесяц, «ханскую тамгу» и знак в форме серпа с рукоятью и дополнительной боковой линией. Последний знак отличается меньшей глубиной выбивки и мог появиться на балбале позже других, но в целом подобная комбинация из трех тамга-петроглифов присутствует на скале Их бичигт (вместо тамги-полумесяца изображен знак «крючок»); точные аналогии серповидной тамге известны в Бичигт улаан хад и на Тэсинской стеле.

Тамги-петроглифы представлены на восьми местонахождениях как одиночные знаки и небольшие серии, в сопровождении рунических текстов и/или в составе собраний знаков разных типов. Всего учтено 12 изображений «тамги династии Ашина», но местонахождение одной из них неизвестно – Сулбур ула (Атлас..., 1899. Табл. CXVIII, 3). Таким образом, вместе с упомянутыми тамгами на трех сосудах общее количество рассматриваемых изображений составляет 45 знаков.

Все «тамги династии Ашина», нанесенные на недвижимые объекты, сосредоточены на территории современной Монголии, главным образом, в центральных областях страны (рис. 1). За преде-

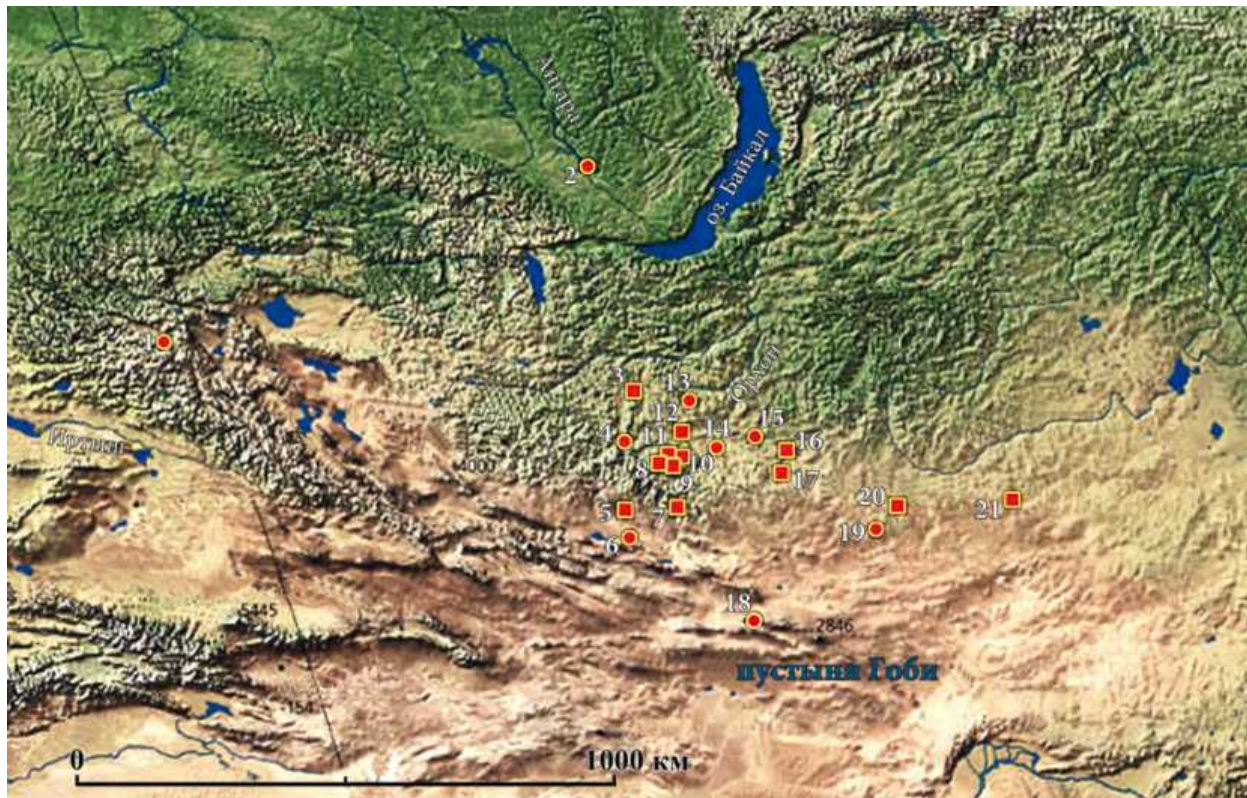

РИС. 1. Карта местонахождений памятников с тамгами династии Ашина: 1 – Юстыд; 2 – Муруйский клад; 3 – Шивээт улан; 4 – Бага Хайрхан; 5 – Шатар Чулуу; 6 – Тээгийн овор; 7 – Онги; 8 – Карабалгасун II; 9 – Хушо-Цайдам III; 10 – Бильге-каган; 11 – Кюль-тегин; 12 – Хуль-Асхете; 13 – Бичигт улаан хад; 14 – Хангидай; 15 – Улаачулуут; 16 – Унгету; 17 – Мухар; 18 – Уртын гол; 19 – Их бичигт; 20 – Чойрэн; 21 – Донгойн Ширээ

FIG. 1. Map of the locations of sites with tamgas of the Ashina dynasty: 1 – Yustyd; 2 – Muruysky Island hoard; 3 – Shiveet Ulan; 4 – Baga Khaikhan; 5 – Shatar Chuluu; 6 – Teegiin Ovor; 7 – Ongi; 8 – Karabalgasun II; 9 – Khöshöö-Tsaidam III; 10 – Bilge Qaghan; 11 – Kül Tegin; 12 – Khul-Askhete; 13 – Bichigt Ulaan Khad; 14 – Khangidai; 15 – Ulaachuluut; 16 – Ungetu; 17 – Mukhar; 18 – Urtyn gol; 19 – Ikh Bichigt; 20 – Choiren; 21 – Dongoin Shiree

лами ареала подлинные тамги Ашина представлены только на сосудах из ограды в мог. Юстыд на Российском Алтае и Муруйского клада на Ангаре. Вопреки неоднократно высказанному в свое время А. Д. Грачом суждению (Грач, 1957. С. 408, 412–414, рис. 16; 1973. С. 323–324, рис. 1, 17–20), ареал тамга-петроглифов, в полной мере соответствующих по стилю и иконографии своеобразной эмблеме на орхонских мемориалах, не выходит за пределы областей Центральной Азии, которые непосредственно подпадали под суверенитет правителей Второго Тюркского каганата (682–744). Единичные весьма схематично выполненные изображения козлов на камне из Минусинской котловины и Тувы (Савинов, 1984. С. 74–75) в действительности не обладают тем самым набором «основных линий», который отличает «тамгу династии Ашина». Зооморфные изо-

бражения, приведенные в качестве аналогий тамге Ашина и тувинским петроглифам «типа Чуруктуг-Кырлан» из Казахстана и Кыргызстана (Грач, 1957. Рис. 16, 28–38), таковыми также не являются. Не выдерживает критики и недавняя попытка ассоциировать заурядное зооморфное изображение над рунической надписью из Чуйской долины с «тамговым знаком <...> относящимся к типу изображений «горного козла», известного в составе крупных памятников с территории Монголии» (Тишин и др., 2020а. С. 49, рис. 7); при внимательном рассмотрении ни датировка подновления древнего рисунка, ни его форма не дают оснований для подобных заключений. В целом необходимо отметить безрезультатность и бесперспективность поиска в казахстанско-среднеазиатском ареале древнетюркской государственности «тамги дина-

стии Ашина», какой она представляется на каганско-княжеских мемориалах восточных тюрков первой половины VIII в.

Типы «тамги династии Ашина»

Среди исследователей почти нет разногласий по поводу определения вида животного, образ которого передает стилизованная фигура, как на стелах Бильге-кагана и Кюль-тегина, изготовленных присланными из Китая мастерами по приказу танского императора Сюань-цзуна (712–756): чаще в нем опознают горного козла (Войтов, 1987. С. 102; Mert, 2008. S. 297; Самашев и др., 2010. С. 35) или барана (Osawa, 2010b; 2011a. P. 157 ff.; 2011b. S. 619, 621); Н. Базылхан справедливо отмечает синкретический характер этого образа (Базылхан, 2019. С. 37). В рисунке используется стилистический прием, довольно точно охарактеризованный Д. Г. Савиновым (первая «основная линия»): передняя часть фигуры передана изящной линией, напоминающей фигурную скобку, — почти вертикальная линия круто загнута на конце рога соединяется со второй, вырисовывая короткую заостренную мордочку зверя, слегка вытянутую вперед шею и прямую, поставленную под углом переднюю ногу, неожиданно оканчивающуюся выступающей вперед «лапкой». Линии спины и задней ноги без «лапки» довершают силуэт персонажа, загадочность которого более всего выдает несоразмерный «хвост» — длиной до верхнего края рога и поднимающийся прямо от спины, а не от точки соединения спины и задней ноги. Как видно, обрисованная фигура менее всего походит на схематичное изображение реального козерога. Напротив, основная группа идентификационных признаков выдает в ней образ синкретического существа: чрезмерно длинный рог, загнутый на конце так, что трудно представить, как его острым концом можно поразить противника; «хвост», более всего напоминающий вздымающееся кверху крыло мифического зверя, но также — вздыбленный хвост возбужденного коня или быка; выступающая снизу от передней ноги короткая линия может быть сравнима не с копытом, а с лапой шагающего хищника. В целом идеограмма, созданная «табгачскими» каменотесами на восточной стороне стел Кюль-тегина и Бильге-кагана, т. е. на стороне, противоположной более почетной западной грани, занятой текстом императора Сюань-цзуна (Osawa, 2011a. P. 154), — представляла собой странное символическое изображение, которое воспринимается сегодня как «тамга династии Ашина».

Точно в таком виде изображение присутствует еще только на безымянном балбале из комплекса Хушо-Цайдам III, расположенном в непосредственной близости от мемориалов Кюль-тегина и Бильге-кагана (500–800 м). Обозначим эти три изображения «тамги династии Ашина» как *mun Ia*, поскольку по формальным признакам иконографии и стиля выделяется еще несколько вариантов начертания знака (рис. 2).

На обеих сторонах Онгинской стелы и на 11-м балбале этого комплекса в изображении тамги отсутствует только «лапка» на передней ноге персонажа. Такой вариант трактовки (*mun Ib*) присутствует в отдельных изображениях на стелах № 8, 10, 11 комплекса Донгойн Ширээ, возле рунической надписи на горе Бага Хайрхан, а также на сосуде 2 из Муруйского клада и на чаше из Монголии. Отсутствие «хвоста» у двух фигур на стелах Донгойн Ширээ и гравированном рисунке из Бага Хайрхан можно отнести на счет небрежности исполнения. Вариант *mun Ic* представлен крупной серией изображений, в которых отсутствует «лапка» и использована третья модель «основной линии», по Д. Г. Савинову: «П-образное построение фигуры, когда одной линией изображаются туловище и ноги, к которым прибавляются морда, рог и хвост» (Савинов, 2015. С. 67, рис. 1, 5–8).

На изваянии (головной балбал) из комплекса Хушо-Цайдам III тамга Ашина представлена иначе: без «лапки» на передней ноге персонажа и с очень длинной линией, смещенной к точке пересечения линий спины и задней ноги, которая, несомненно, передает хвост. В том, что такая значимая иконографическая деталь не является случайной ошибкой резчика, убеждают другие примеры подобных изображений (рис. 2, тип IIa). Это позволяет нам выделить второй тип изображений (*mun IIa* и *IIb*), которые с большей или меньшей условностью передают схематичный силуэт козерога с необыкновенно длинным хвостом.

Особый тип тамгообразных рисунков на монументах составляют несколько изображений, которые вполне определенно передают образ скачущего горного козла (*mun III*). К характеристике именно этой весьма малочисленной группы знаков отнесется все сказанное специалистами относительно сходства «тамги династии Ашина» со схематичными наскальными рисунками тюркского периода. Только присутствие подобных изображений рядом с другими тамгообразными знаками на стенах саркофагов в Шатар Чулуу или Унгету вынуждает

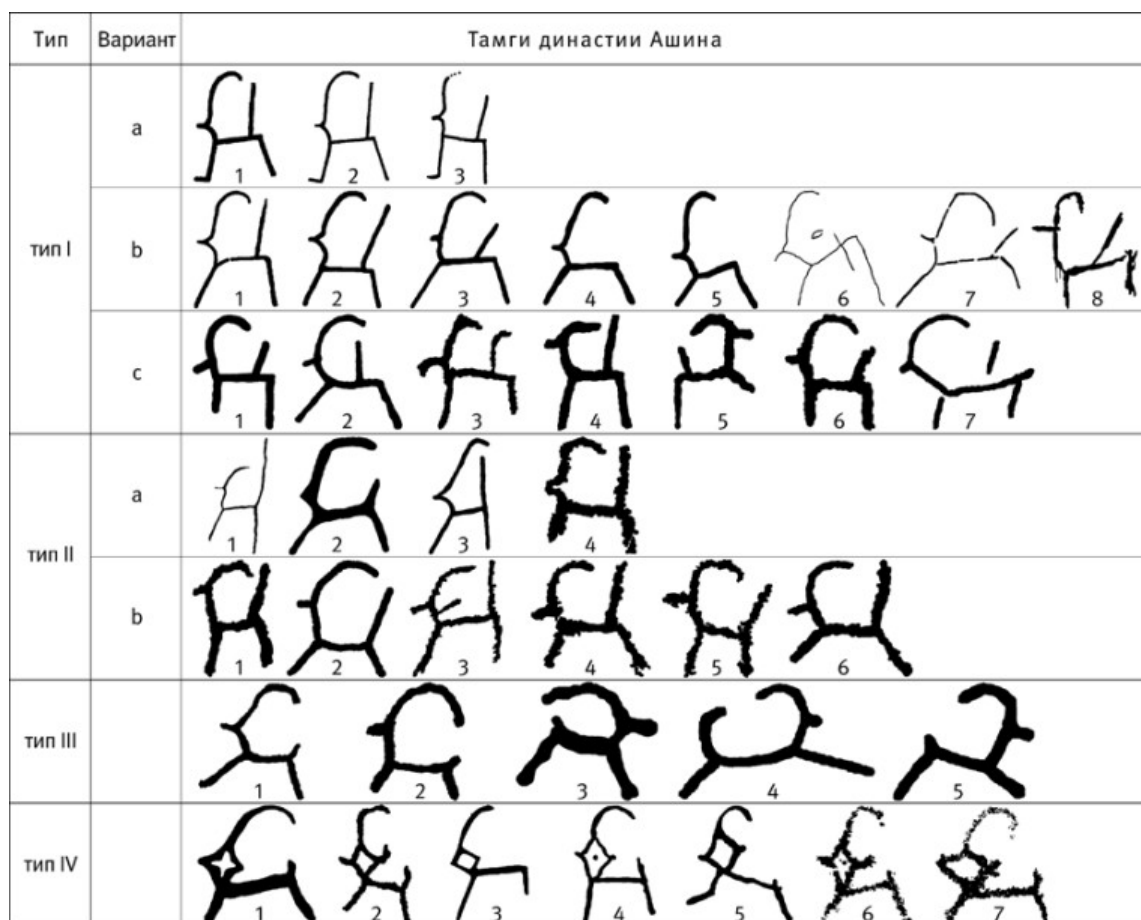

РИС. 2. Тамги династии Ашина. Типология знаков. **Тип Ia:** 1 – Бильге-каган, стела; 2 – Кюль-тегин, стела; 3 – Хушо-Цайдам III, балбал. **Тип Ib:** 1 – Онги, стела; 2 – Онги, балбал; 3 – Донгойн Ширээ, стела № 8; 4 – Донгойн Ширээ, стела № 10; 5 – Донгойн Ширээ, стела № 11; 6 – Бага Хайрхан I, петроглиф; 7 – Муруйский клад, сосуд 2; 8 – сосуд из Монголии. **Тип Ic:** 1 – Хуль-Асхете, барельеф; 2 – Бильге-каган, балбал; 3 – Шивээт улан, статуя льва; 4 – Унgetу, статуя № 16; 5 – Унgetу, саркофаг; 6 – Донгойн Ширээ, стела № 5; 7 – Юстыд, сосуд. **Тип IIa:** 1 – Хушо-Цайдам III, статуя (головной балбал); 2 – Донгойн Ширээ, стела № 6; 3 – Хангидай, петроглиф; 4 – Тээгийн овор, петроглиф. **Тип IIb:** 1 – Шивээт улан, статуя льва; 2 – Их бичигт, петроглиф; 3, 4 – Гурван сайхан, петроглифы; 5, 6 – Улаачулуут, петроглифы. **Тип III:** 1 – Чойрэн, статуя; 2 – Карабалгасун II, стела; 3 – Унgetу, саркофаг; 4, 5 – Шатар Чулуу, саркофаг. **Тип IV:** 1 – Мухар, постамент-черепаха; 2-5 – Донгойн Ширээ, стелы № 5, 8, 9, 11; 6 – Бичигт улаан хад, петроглиф; 7 – Сулбур ула, петроглиф.

Прорисовки знаков А. Е. Рогожинского с фотографий: Ib, 1, 2 – по: Osawa, 2011; Ib, 3-5; Ic, 6; IIa, 2; Ib, 7 – по: Тишин и др., 2020б; Ib, 6 – по: Munkhtulga, 2012; IIa, 4 – по: Болдбаатар и др., 2017; IIb, 5, 6 – по: Osawa, 2018; IV, 2-5 – по: Цогтбаатар и др., 2017; IV, 7 – по: Радлов, 1899; остальные – по: TÜRİK BITİG

FIG. 2. Tamgas of the Ashina dynasty. Typology of the signs. **Type Ia:** 1 – Bilge Qaghan, stele; 2 – Kül Tegin, stele; 2 – Khöshöd-Tsaidam III, balbal. **Type Ib:** 1 – Ongi, stele; 2 – Ongi, balbal; 3 – Dongoin Shiree, stele No. 8; 4 – Dongoin Shiree, stele No. 10; 5 – Dongoin Shiree, stele No. 11; 6 – Baga Khairkhan I, petroglyph; 7 – Muruysky hoard, vessel 2; 8 – vessel from Mongolia. **Type Ic:** 1 – Khul-Askhete, bas-relief; 2 – Bilge Qaghan, balbal; 3 – Shiveet Ulan, lion statue; 4 – Ungetu, statue No. 16; 5 – Ungetu, sarcophagus; 6 – Dongoin Shiree, stele No. 5; 7 – Yustyd, vessel. **Type IIa:** 1 – Khöshöd-Tsaidam III, statue (head balbal); 2 – Dongoin Shiree, stele No. 6; 3 – Khangidai, petroglyph; 4 – Teegiin Ovor, petroglyph. **Type IIb:** 1 – Shiveet Ulan, lion statue; 2 – Ikh Bichigt, petroglyph; 3, 4 – Gurvan Saikhan, petroglyphs; 5, 6 – Ulaachuluut, petroglyphs. **Type III:** 1 – Choiren, statue; 2 – Karabalgasun II, stele; 3 – Ungetu, sarcophagus; 4, 5 – Shatar Chuluu, sarcophagus. **Type IV:** 1 – Mukhar, turtle pedestal; 2-5 – Dongoin Shiree, steles Nos. 5, 8, 9, 11; 6 – Bichigt Ulaan Khad, petroglyph; 7 – Sulbur Ula, petroglyph.

Tracings by A. E. Rogozhinskiy of the signs from photographs: Ib, 1, 2 – after Osawa, 2011; Ib, 3-5; Ic, 6; IIa, 2; Ib, 7 – after Тишин и др., 2020б; Ib, 6 – after Munkhtulga, 2012; IIa, 4 – after Болдбаатар и др., 2017; IIb, 5, 6 – after Osawa, 2018; IV, 2-5 – after Цогтбаатар и др., 2017; IV, 7 – after Радлов, 1899; other – after TÜRİK BITİG

рассматривать их как удостоверительные символы, а не элементы декора.

Наконец, самую малую группу изображений «тамги династии Ашина» образуют знаки, также во всем напоминающие силуэт козерога, но с «ромбовидной» головой (*тип IV*). Знак встречается как на монументах, так и среди петроглифов, но можно думать, что наиболее ранним из них, послужившим образцом для последующих воспроизведений, является рельефное изображение на боковой грани постамента-черепахи из Мухар. Именно в этом единственном пластическом изображении знака отчетливо проступают контуры «основной линии» иконографии «тамги династии Ашина» типа Ia и Ib (абрис передней части фигуры почти точно совпадает), дополненные двумя новыми штрихами у головы животного. Все другие изображения в разной мере повторяют главные элементы фигуры из Мухар, усложняя, детализируя или упрощая прототип.

В сущности, представленная нами типология «тамги династии Ашина» основана на формальных критериях сходства знаков, поэтому на деле близкие по иконографии типы I и II следует рассматривать как одну совокупность, однако мы сохраняем ее условное разбиение для выяснения относительной хронологии памятников и их синхронизации. При этом следует заметить, что в составе данного множества изображения типа Ia выступают как прототип для всех остальных изображений знака, поскольку ни на других монументах, ни среди тамга-петроглифов их точные копии не встречаются, однако есть много примеров воспроизведения похожих знаков без одной малопонятной детали — «лапки» на передней ноге. Таким образом, фактически выделяются *три вида «тамги династии Ашина»*: 1-й — типы I и II; 2-й — тип III; 3-й — тип IV.

Существует еще одна разновидность тамгообразных знаков, зафиксированных на южной стенке саркофага в Унгету и среди тамга-петроглифов Монголии: в форме двухголового козла; интерпретация знака как символического изображения Восточного и Западного Тюркских каганатов (*Mert, 2008. S. 299*) может рассматриваться как оригинальная догадка.

Синхронизация и датировка знаков

Датировка большинства тамга-петроглифов и монументов, которые отмечены «тамгами династии Ашина», даже сопровождающихся эпиграфическими текстами, во многом остается спорной

и надежно не установленной. Приступая к решению такой задачи, помимо традиционных методик комплексного историко-археологического подхода, мы основываемся в своем анализе на приемах исследования, апробированных в тамговедении Центральной Азии, что требует некоторых предварительных пояснений.

На сегодняшний день может считаться установленным существование в тюркский период двух видов знаков коллективной идентичности — династических (эмблемы правящей элиты) и родоплеменных (*Osawa, 2010b. S. 342–344; Кляшторный, 1980. С. 92–93; Базылхан, 2019; Тамги..., 2019. С. 253, 275*), в то время как использование лично-семейных знаков кочевниками центрально-азиатских степей оспаривается (*Батманов, 1963. С. 298–302; Кляшторный, Самбу, 1971. С. 247–249*). Мнение об имманентном существовании и регулярном применении в тот период родоплеменных знаков кочевников пока остается лишь предположением: количество датированных памятников VII в. и более раннего времени — невелико, условия начала систематического применения знаков типа тамга в достаточной мере еще не изучены (*Osawa, 2010b. S. 349; Тишин, 2018*). Между тем на эмпирическом уровне исследований разрабатываются и успешно применяются приемы анализа собраний знаков на портативных и недвижимых объектах, методы регионального картирования знаков, которые позволяют получить порой удовлетворительные результаты, будучи подкреплены данными письменных, археологических и нумизматических источников. Методы тамговедения используются в нашем исследовании для синхронизации, датировки и отчасти — для атрибуции некоторых знаков, связанных в собраниях с «тамгой династии Ашина» (*рис. 3*).

Имеются несколько объектов, позиция которых на временной шкале может считаться установленной, для того чтобы послужить хронологическим репером в определении релятивной позиции других памятников. К таковым относятся в первую очередь мемориальные комплексы Кюль-тегина (732 г.) и Бильге-кагана (735 г.), а также недавно открытый монгольскими археологами комплекс Донгойн Ширээ (735–745 гг.), с теми оговорками, что ритуальный объект возник, судя по двум радиоуглеродным датам, в период образования Второго Тюркского каганата, но значительная часть тамгообразных изображений и содержательная надпись на восточной стороне стелы № 6 создавались на

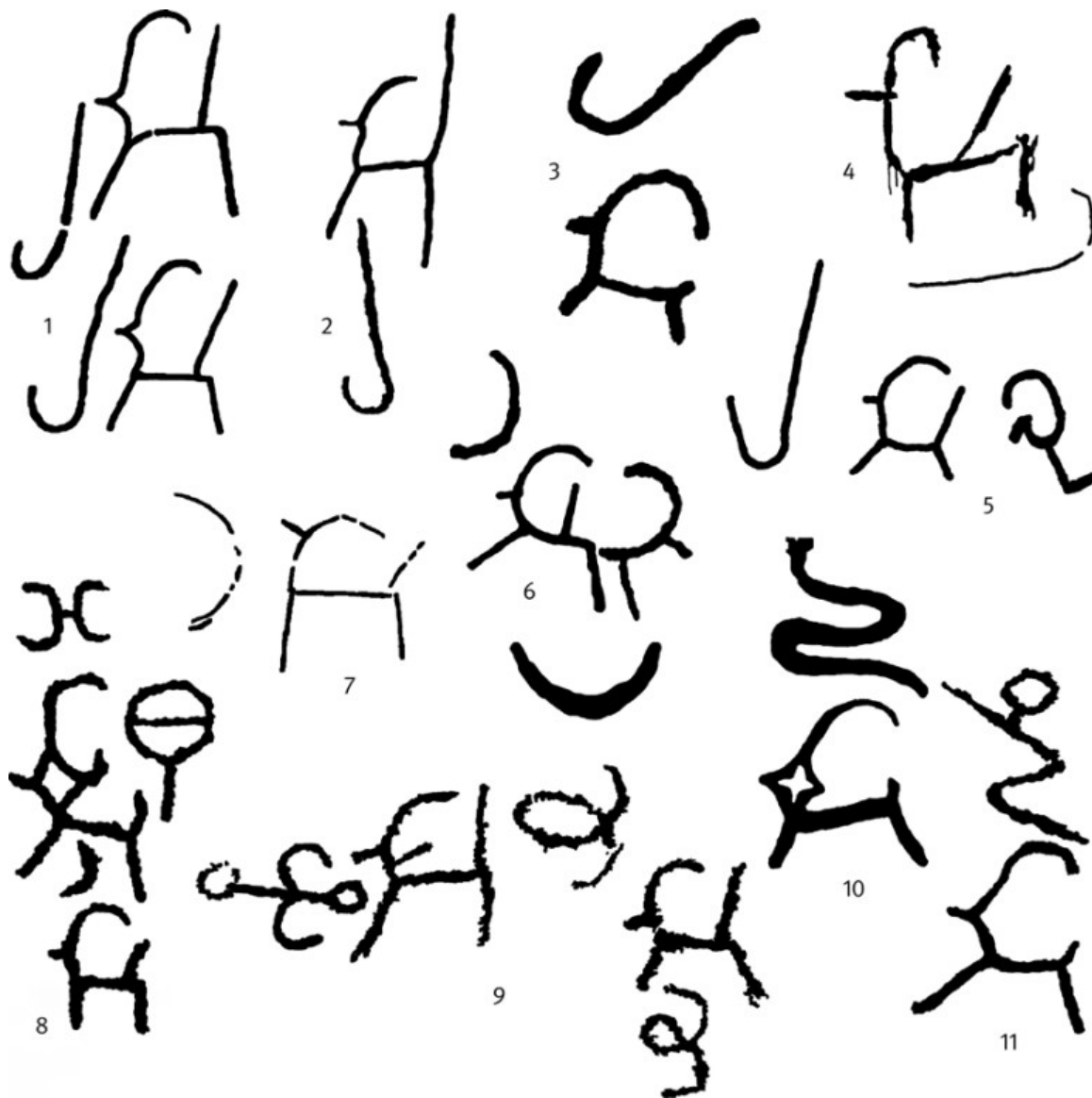

РИС. 3. Сочетание тамги династии Ашина с другими знаками. 1 – Онги, стела (сверху) и балбал; 2 – Хушо-Цайдам III, статуя (головной балбал); 3 – Карабалгасун II, стела; 4 – сосуд из Монголии; 5 – Их бичигт, петроглиф; 6 – Бильге-каган, балбал; 7 – Муруйский клад, сосуд 2; 8 – Донгойн Ширээ, стела № 5; 9 – Уртын гол, петроглифы; 10 – Мухар, постамент-черепаха; 11 – Чойрэн, статуя

FIG. 3. Combinations of tamgas of the Ashina dynasty with other signs. 1 – Ongi, stele (above) and balbal; 2 – Khöshöö-Tsaidam III, statue (head balbal); 3 – Karabalgasun II, stele; 4 – vessel from Mongolia; 5 – Ikh Bichigt, petroglyph; 6 – Bilge Qaghan, balbal; 7 – Muruysky hoard, vessel 2; 8 – Dongoin Shiree, stele No. 5; 9 – Urtyn gol, petroglyphs; 10 – Mukhar, turtle pedestal; 11 – Choiren, statue

заключительном этапе истории государства тюрков в Центральной Азии и позже (*Монхтулга, Осавы, 2015. С. 53; Цогтбаатар и др., 2017. С. 74–76, 88–89*). К опорным памятникам следует отнести также барельеф с эпитафией и тамгой из Хуль-Асхете при условии омоложения даты его воздвижения в «год свиньи» на один цикл (735 г.), хотя бы на том основании, что вырезанный над сидящей фигурой знак относится

к тому же типу Ic, что и тамга Ашина на балбале төлеш шада из комплекса Бильге-кагана³.

³ От предыдущих прочтений надписи Хуль-Асхете разительно отличается реконструкция текста Т. Осавой, идентифицировавшим на памятнике еще несколько строк, в том числе упоминание в тексте кланового имени *(a)š(i)n(a)š* (*Osawa, 2010a*). Однако, как отметил О. Юналь, отсутствие в публикации японского исследователя новых

Поскольку время появления своеобразных знаков на мемориалах Кюль-тегина и Бильге-кагана известно, датировка тождественной тамги на балбале из Хушо-Цайдам III, вероятно, лежит в коротком интервале 732–735 гг. В таком случае к этой дате близки еще два знака на «головном балбале» из Хушо-Цайдам III — тамга Ашина типа IIa и тамга-«крючок» (иногда в форме этого знака видят изображение змеи (Osawa, 2011a, P. 156 ff.), но такое отождествление маловероятно, так как тамга-змея широко распространена в тюркский период и имеет иную иконографию; см. ниже). Аналогичное сочетание знаков можно видеть на стеле и балбале Бильге Ышбара-тамгана из комплекса Онги, на скале в местности Их бичигт, на чаше из Монголии и, наконец, на стеле Карабалгасун II, которая является, как полагает Т. Осава, украшенной резным декором опорой ворот неизвестного сооружения, переиспользованной для мемориала Кунчи Буйрука (или Акунч Буйрука) в период после 680 г. (Osawa, 2010b, P. 348–349). Впрочем, недавно Р. Алимов перечитал имя меморианта как Куз Буйрук — и считает возможным по палеографическим особенностям надписи отнести ее к периоду Уйгурского каганата (Alimov, 2015), хотя другие примеры использования тамги Ашина и тамги-«крючка» в уйгурское время не известны. Кроме последнего примера (тип III), на перечисленных памятниках представлена «тамга династии Ашина» первого вида (типы Ib и II), причем знак на сосуде до его подновления имел, по-видимому, облик тамги, как на стеле и балбале из Онги (тип Ib). Какие дополнительные выводы позволяют сделать наши наблюдения?

Как предполагал В. Е. Войтов (1989), Онгинский памятник можно связать с братом Эльтериш-кагана и Капган-кагана, который при обоих братьях-каганах, по китайским источникам, командовал левым (восточным) крылом (см. также: Dobrovits, 2005). Если следовать отождествлению меморианта стелы с Элетмиш-йабгу, или До-си-фу 咄悉訶, младшим братом Эльтериш-кагана, то умер он, по вычислениям Т. Осава, «в год дракона, в седьмой месяц» (прочтение «год дракона» не является общепринятым, см., напр.: Ölmez, 2016, S. 50); его тризна состоялась в июле 716 или 717 г., а дату установки самого монумента японский исследователь определяет в промежутке 725–732 гг. (Osawa, 2011a, P. 197), с чем в целом можно согласиться.

Однако тамга Ашина из Онги, как показывает типология, является производной от знака типа Ia; следовательно, датировка памятника Элетмиш-йабгу должна быть не ранее 732 г., что перемещает интервал вероятного времени его создания в короткий промежуток от момента воздвижения стелы Кюль-тегина до гибели Бильге-кагана, служить которому призывает онгинская эпитафия, т. е. 732–734 гг.

Существует определенная (вероятно, генеалогическая и статусная) связь между предъявителями одинаковой пары знаков идентичности: тамги Ашина и тамги-«крючка». Вопреки мнению об этой паре как о цельном знаке — «козловидной тамге с диакритическими значками» — и личной тамге какого-либо представителя Ашина (Войтов, 1989, С. 42, 48), оба символа представляются разными тамгами: они встречаются разрозненно и независимо друг от друга на разных памятниках. Помимо названных объектов, в пределах Монголии и на юге Сибири тамга-«крючок» еще встречается на стеле № 4 в Донгойн Ширээ рядом с другим знаком, трижды изображена на скале Калбак-Таш I и, может быть, она же прочерчена на стеле с рунической надписью в Кара-кату на Алтае (знак подновлен и дополнен двумя поперечными штрихами). Маловероятно, чтобы столь редкий знак являлся родоплеменной тамгой, хотя исключать такую возможность рано; следует предположить, что тамга-«крючок» относилась к ряду особых знаков идентичности, указывавших на статусное положение предъявителя (вариант интерпретации см.: Kidıralı, Babayar, 2015, S. 26–27). Рассмотрим известные случаи сочетания этого знака с другими.

В паре с тамгой Ашина тамга-«крючок» располагается перед головой козерога слева (Онги), слева внизу (статуя в Хушо-Цайдам III) и лишь однажды — сверху, над тамгой типа III (Карабалгасун II). Только в Их бичигт дополнительно справа от тамги Ашина изображена серповидная тамга; к сожалению, связь этой «триады», как и остальных выбитых здесь тамга-петроглифов, с наскальной надписью и упоминаемым в ней Боз-ханом (Баттулга, 2005, С. 158–160) остается предположительной. В Онги одинаковая пара знаков принадлежит и меморианту надписи на стеле (Элетмиш-йабгу), и установившему здесь балбал его сыну Бильге Ышбара-тамгану (Войтов, 1989, С. 48, 49; Osawa, 2011a,

эстампажей не позволяет обсуждать данную реконструкцию (Ünal, 2015, S. 272, 274, 283, dipnot 12).

Р. 158, 193–194)⁴. Это может означать принадлежность обоим к одной генеалогической ветви (тамга Ашина) и сохранение за обоими одинакового статуса (титула или должности), например, наследование определенных правовых связей с неким коллективным тамгопользователем (племенем или группой племен), обозначенным здесь символом в виде тамги-«крючка».

Приблизиться к пониманию значения дополнительного знака-«крючка» к тамге Ашина позволяет анализ другого подобного парного сочетания — с тамгой в форме полумесяца. Такое сочетание зафиксировано не менее пяти раз: на широкой грани балбала төлеш шада в комплексе Бильге-кагана, дважды на сосуде 2 из Муруйского клада, на стелах № 5 и 9 в Донгойн Ширээ, а также в собраниях тамга-петроглифов Бичигт хад и Булган уул. Тамга-полумесяц соседствует с «тамгами династии Ашина» двух видов: 1-го (Ib, Ic, Pa и Pb) и 3-го (тип IV). Примечательно, что на балбале и сосуде помимо парных изображений есть и одиночная тамга-полумесяц, в первом случае определенно связанная с надписью төлеш шада. Стела № 5 в Донгойн Ширээ с собранием указанных знаков располагалась рядом со стелой № 6, испещренной руническими текстами, в том числе с упоминанием меморианта, наделенного титулом *йабгу*, а затем — *төлеш шад* (Цогтбаатар и др., 2017. С. 74–76). К сожалению, в цитируемой работе не представлены эстампажи или качественные фотоснимки надписи, необходимые для верификации перевода.

Все другие известные памятники с тамгой-полумесяцем, их ареал распространения и хронология специально рассмотрены нами при анализе собраний знаков на сосудах Муруйского клада (Тишин и др., 2020б). Здесь необходимо кратко напомнить главные выводы: обладателями знака могли являться представители пока не идентифицированного привилегированного клана, вероятно, относившегося к *телэской* (или уже — *уйгурской*) группировке племен, которые сохраняли высокий статус в этнополитической иерархии и Второго Тюркского каганата, и на начальном этапе становления власти уйгурских каганов. Однако такая интерпретация не объясняет, например, присут-

ствие одиночной тамги-полумесяца на балбале шада (очевидно, принадлежавшего династии Ашина) из комплекса Бильге-кагана и на вершине Терхинской (Тариатской) стелы Элетмиш Бильге-кагана (уйгурская династия Яглакар). Кроме того, знак-полумесяц неоднократно встречается в паре с серповидной тамгой, в то время как, например, мемориант с титулом *чор* наскальной надписи Шаахар I выступает в единственном лице (Mert, 2009. S. 13–15). Примечательно, что при наличии нескольких известных сочетаний знака-полумесяца с тамгами других видов нет ни одного примера, где бы он фигурировал вместе с тамгой-«крючком». Иными словами, оба знака (в форме крючка и полумесяца) проявляют свойства дополнительных знаков-детерминативов при определенном классе знаков идентичности, которые рассматриваются как династийные тамги или тамги правящей элиты. При этом использование первого знака с тамгой Яглакар не отмечается, но существование других подобных знаков-детерминативов у представителей каганского рода уйгуров подтверждается дополнительным символом над династийной тамгой, гравированной на плите с эпитафией Кары Чортегина (776–795) в Сиане (Alyilmaz, 2013. S. 18–19).

В целом, для памятников Второго Тюркского каганата характерно использование тамги-«крючка» только обладателями «тамги династии Ашина» первого вида (типы Ib, Ic и Pb), в то время как тамга-полумесяц применялась также владельцами тамги третьего вида (тип IV; дважды в Донгойн Ширээ) и, по-видимому, продолжала использоваться до установления власти уйгурских каганов (Могойн Шинэ Усу, Терхинская стела).

Большой интерес представляют памятники, фиксирующие позднейший этап использования «тамги династии Ашина» на закате истории Второго Тюркского каганата. К таковым можно отнести тамгу типа Ib, которая сопровождает в Бага Хайрхан одну из наскальных надписей, как считает Р. Мунхтулга, упоминающей Тэнгри-кагана (735–741), сына Бильге-кагана (о датах правления см.: Ekrem, 2020). Интерпретируя контекст надписи, исследователь связывает ее появление с политическим кризисом после смерти кагана и переселением в 742 г. части тюрков из Отюкена в пределы Танской империи во главе с принцессой Юй-чжу 余燭 и целым рядом знатных лиц из числа Ашина (Munkhtulga, 2012. S. 34–35; Камалов, 2017. С. 97–98). Однако коль скоро здесь упоминается сам Тэнгри-каган, нижнюю дату создания надписи можно опустить до 7-го месяца

⁴ Т. Осава сопоставляет его с упомянутым в ЦФЮГ (цз. 975, с. 3а) под 10.08.723 г. послом от тюрков к танскому двору «великим предводителем» (да шоу-лин 大首領) А-ши-на Сэ-бо да-гань 阿史那瑟鉢達干 (см. также: Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 421), где второй элемент сэ-бо 瑟鉢 передает титул *ышбара* (Osawa, 2011a. P. 196).

29-го года эры правления *кай-юань* 開元 (16.08–14.09.741), под которым источники фиксируют смуту среди правящего клана тюрков, в том числе противостояние Тэнгри-кагана с левым шадом, завершившееся гибелью кагана (ТХЯ, цз. 94, с. 36; ЦЧТЦ, цз. 214, с. 44а)⁵. Надпись Бага Хайрхан I отличается своеобразной орфографией, сложна с точки зрения синтаксиса, но может быть прочитана и истолкована несколько иначе, чем у предыдущих исследователей (*Magail et al.*, 2010; *Munkhtulga*, 2012. S. 30–31; *Useev*, 2020), следуя нумерации строк от нижних к верхним: (1) *öt(ü)k(ä)ndä* (2) *t(ä)ñri q(a)γ(a)n* (3) *j(e)lm(i)s²i (ä)b nä* (4) *ol(o)rm(a)z*, буквально: '(1) в От-юкене, (2) из [подвластных] Тэнгри-кагану (3) ушедших домов (юрт?) никаких (4) не останется'. Возможно, содержание следует связать с последними днями правления Тэнгри-кагана, когда уже шло противостояние с левым (восточным) шадом, оказавшееся для кагана роковым. Надпись Бага Хайрхан II гласит: *qamaγ bodunqa eli täñri qayan ärmiš* (*Munkhtulga*, 2012. S. 33), что можно перевести как 'Для всего народа (*вар.* всех народов?) эль (и) Небесный (Тэнгри?) каган стал(и)'. Форма глагола *är-* 'быть', 'to be' с аффиксом прошедшего неочевидного времени *-miš*, выступающего здесь в роли субстантивированного причастия (с аффиксом посессива 3 лица ед. ч. +(s)l), скорее может указывать на то, что надпись относится к моменту пребывания Тэнгри-кагана у власти, т. е. ко всему периоду 735–741 гг.

Еще один относительно поздний памятник, где присутствуют «тамги династии Ашина», находится на юге Монголии, в Уртын голе, в Номгон сомоне Южно-Гобийского аймака. Здесь примечательно сочетание, по-видимому, в одновременном собрании тамга-петроглифов знака Ашина типа IIb и двух других, встречающихся в собрании знаков на стеле комплекса Бомбогор. Одна тамга-петроглиф имеет точную аналогию среди знаков верхней части монумента, которые рассматриваются нами как тамги племенного объединения басмылов (*Рогожинский, Черемисин*, 2019. С. 54); вторая тамга входит в регистр знаков нижней части стелы. Сочетание обоих знаков с тамгами Ашина на скале в Уртын голе является весьма примечательным в свете письменных известий об избрании в конце

742 г.⁶ племенами антитюркской коалиции, уйгурами и карлуками, верховного правителя с титулом Эльтериш-каган (кит. Се-де-и-ши 頡跌伊施), которым стал глава басмылов А-ши-на Ши 阿史那施 (*Цэнь Чжун-мянь*, 1958. С. 458, 465, 467, 468, 639, 759, 1035, 1036, 1040–1041, прим. 25; 27; *Камалов*, 2001. С. 72–75). Это самое южное среди известных сегодня местонахождений «тамги династии Ашина» и, возможно, одно из самых поздних: время создания этого собрания тамга-петроглифов можно ограничить 744 г., т. е. датой гибели Эльтериш-кагана и распада союза басмылов, уйгуров и карлуков.

Косвенные указания на то, что предводители басмылов происходили из правящего клана тюрков, есть в ряде источников. В надписи Бильге-кагана встречается упоминание о том, что *basmił iduq[qu]t uyušum bodun ärti* (БК, X, стк. 25), букв. 'басмыльский ыдукут, (из) народа клана (моего) был' или 'басмыльский ыдукут, (из) клану (моему) [принадлежащему] народа был'. Описываемое в тексте нападение на басмылов в районе Бешбалыка совершено, когда будущему Бильге-кагану было 20 лет, что относится к периоду 22.01.703–09.02.704 (*Bazin*, 1991. P. 181). В эпитафии согдийца по имени Кан А-и Цюй да-гань 康阿義屈達干 (ум. в 764 г., эпитафия сост. в 767 г.) младший брат Мо-чо 默啜 кагана именуется просто *Ба-си-ми ши-цинь* 拔悉密時勤 (ЯЛГВЦ, цз. 6, с. 16–2а; ЦТВ, цз. 342, с. 16а; *Цэнь Чжун-мянь*, 1958. С. 851). В ЦЧТЦ (цз. 212, с. 13а) есть еще пояснение: 拔悉密酋長姓阿史那氏盖亦突厥之種也, т. е. букв. «басмылов предводителя (цю-чжан 酋長) фамилия А-ши-на, потому что это (т. е. басмылы. — В. Т.) — тюрков семья (чжун 種, *вар.*: порода, род, племя)». Кажется, эти независимые друг от друга свидетельства достаточно убедительно говорят о том, что начиная, по меньшей мере, со времени Капган-кагана басмылов возглавляли представители тюркского правящего клана.

Наиболее сложной проблемой остается относительная датировка «тамги династии Ашина» типа IV — в форме козлика с ромбовидной головой. Знак этот довольно редкий, представлен только на двух монументах — Мухар и Донгойн Ширээ. Об условности датировки собраний знаков на стелах Донгойн Ширээ сказано выше, и до появления более полной и качественной документации па-

⁵ Здесь и далее пагинация при цитировании китайских источников дается по изданию «Цинь-дин сы ку цюань-шу хуэй яо» 欽定四庫全書薈要 («Избранное из "Высочайше утвержденного полного собрания книг по четырем разделам"»).

⁶ В источниках можно встретить разные даты — 742 или 744 г., однако в ЦФЮГ (цз. 975, с. 24а) под 21.11.742 упомянуто посольство к танскому двору от *то-си-ми кэ-хань* 托悉密可汗, где первый иероглиф, очевидно, описка от *ба* 拔, т. е. речь о 'кагане басмылов'.

мятника нужно ограничиться кратким замечанием: на стелах № 6, 8, 10 доминируют в композициях знаков и численно преобладают тамги Ашина первого вида (тип Ib, IIb), на стелах № 5, 9 и 11 такую позицию занимают тамги третьего вида (тип IV). Возможно, некоторые изображения на стелах № 6 и 8 относятся ко второму виду тамги (тип III). Комбинации знаков, в которых присутствуют тамги Ашина разных типов, свидетельствуют об их сосуществовании, по крайней мере, на заключительном этапе истории Второго Тюркского каганата, отсутствие же тамги типа Ia, по-видимому, подтверждает относительно поздний возраст собраний знаков на стелах Донгойн Ширээ — после 735 г.

Для датировки изображений на постаменте-черепашке из комплекса Мухар актуальны доводы С. Г. Кляшторного и В. Е. Войтова: «Условная связь данного памятника с именем Капаган-кагана основана на том, что это единственный из правителей Второго каганата, который мог быть "оплакан" после его гибели на р. Толе в 716 г., именно в «год Змеи» (717 г.)» (Войтов, 1996. С. 32). Однако изображение змеи выполнено в каноничной форме хорошо известной тамги-змеи и прямого отношения к указанию даты сооружения монумента, очевидно, не имеет, зато позволяет наметить цепь сопоставлений, важных для атрибуции памятника. Вопреки распространенному мнению, на памятниках Второго Тюркского каганата сочетание «тамги династии Ашина» с тамгой-змеей, которая большинством исследователей рассматривается как «родовой знак Ашидэ» (Кляшторный, 1971. С. 250–253; 1980. С. 93–95; Зуев, 2002. С. 85–86; Кормушин, 2011. С. 211; Kidirali, Babayar, 2015. S. 30–31, 40–41), встречается крайне редко и скорее является исключением на фоне множества других примеров, рассмотренных выше, где тамга Ашина устойчиво фигурирует рядом с тамгами иных видов. Из перечня таких памятников следует исключить наскальные надписи с тамгой Ашина типа IIa из Хангидай: недавнее обследование подтвердило предположение о более позднем создании на скале изображения ползущей змеи, перекрывающего часть рунических знаков (Осава и др., 2009. С. 106–108). Сама же надпись, судя по упоминанию смерти сына Базхана, может относиться к периоду противостояния тюрков с огузами 686–691 гг. (Ekrem, 2008), но связь ее с тамгой Ашина типа IIa, прорезанной на смежной грани скалы, остается предположительной.

Как известно, иконография тамги-змеи включает два варианта изображения верхней части

знака: в форме V-образного окончания или в форме окружности (овала); оба варианта встречаются вместе на одних и тех же памятниках и, по-видимому, равнозначны. Ареал знака составляют территории Монголии, Южного Алтая и Тарбагатай, а также Чу-Илийского междуречья на западе Семиречья. Столь обширный ареал однотипного знака, включающий земли западных тюрков, безусловно, исключает атрибуцию тамги-змеи как знака идентичности исключительно рода Ашидэ, несмотря на прямое указание в цз. 72 ТХЯ — источнике сложном и противоречивом (помимо тамги № 13 для Ашидэ тот же источник указывает для Да-Ашидэ (闐阿史德) и Баянь-Ашидэ (拔延阿史德) знаки иной формы № 21, 22) (Рогожинский, 2012. Табл. 3). Систематизация имеющихся данных по территориальному распространению тамги-змеи и сочетанию ее с другими знаками тюркского периода (Тамги..., 2019. С. 283, рис. 8; Рогожинский, Черемисин, 2019. С. 52–53, рис. 5) позволяет рассматривать ее не как тамгу отдельного рода или племени, но как эмблему надплеменной идентичности — общий символ крупной группировки кочевников, подобной *те-лэ* 鐵勒 / *тэ-лэ* 特勒 или *токуз огуз* (о них см.: Ekrem, 2015; Balogh, 2018).

Итак, среди монументальных памятников Второго Тюркского каганата единственную аналогу рельефным изображениям на постаменте-черепашке из Мухар, где также сочетаются «тамга династии Ашина» и тамга-змея, представляет изваяние из Чойрэн. Здесь тамга в форме козлика относится ко второму виду (тип III), и сближает ее с тамгой типа IV основной иконографической признак: оба изображения вполне явственно передают образ козерога, а не синкретического персонажа, как тамги первого вида (тип I и II). Сказанное выше о тамге-змее не позволяет в обоих случаях рассматривать ее присутствие только как «иллюстрацию боевого взаимодействия Ашина и Ашидэ в многочисленных сражениях» (Кормушин, 2011. С. 211) или парное сочетание тамги Ашина с тамгой-детерминативом: оба знака персонализированы в бустрофедоне эпитафии из Чойрэн. Можно предположить, что утраченная стела, некогда водруженная на постамент-черепашку в Мухар, тоже содержала посвящение двум неизвестным мемориантам.

При всех разночтениях надписи на изваянии из Чойрэн остается бесспорным, что речь в ней идет о некоем Тон йеген эркине, при этом слово *йеген* 'племянник, внук (по женской линии, т. е. сын сестры или дочери)' ниже упоминается в тексте

отдельно. Можно думать, во-первых, что в составе личной ономастики это слово подразумевало именно степень родства, во-вторых, что в данном случае речь должна идти о сыне дочери или сестры Эльтериш-кагана. Таким образом, упоминание имени Эльтериш-кагана (682–691) позволяет отнести знак типа III к наиболее ранней разновидности «тамги династии Ашина». Ее иконографическое сходство с тамгой типа IV (Мухар), с одной стороны, и отмеченное для последней стилистическое совпадение первой «основной линии» (по Д. Г. Савинову) с тамгой типа Ia (стелы Кюль-тегина и Бильге-кагана), с другой, помогают определить промежуточное положение на хронологической шкале времени появления козловидной тамги с «ромбовидной» головой: годы правления Капган-кагана (691–716). Длительное использование этой разновидности тамги подтверждается ее многочисленными изображениями на стелах в Донгойн Ширээ; как здесь, так и на скалах в Бичигт улаан хад тамга типа IV выступает в сопровождении разных родоплеменных знаков. В последующем, возможно, скрупулезное исследование, систематизация и картирование ареалов этой серии знаков позволят установить состав племенных группировок восточных тюрков, связанных с теми или иными линиджами правящего рода, которым принадлежали выявленные нами виды «тамги династии Ашина».

Линидж, имя, титул и знак

Письменные источники помогают проследить определенные связи между некоторыми выделенными типами тамги Ашина, генеалогическим родством и титулом / должностью мемориантов известных памятников Второго Тюркского каганата (рис. 4).

Как сказано выше, по китайским хроникам известно, что соотносимый с мемориантом Онгинской надписи До-си-фу 咄悉匐 и при Эльтериш-кагане (682–691), и при Капган-кагане, с 697 г. (о дате см.: *Bazin*, 1991. P. 189; *Osawa*, 2011a. P. 182), командовал левым (восточным) крылом, в первом случае фигурируя в источниках как носитель титула *йабгу* (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 543, 566, 594, 624), во втором как *шад* (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 351, 546, 568, 628, 873, 1018). В первом случае сам Мо-чо 默啜, будущий Капган-каган, был назначен западным *шадом*, во втором — Мо-цзюй 默矩, будущий Бильге-каган, называется западным *шадом*, чему в Хушо-Цайдамских надписях соответствует *тардуш шад*. В даль-

нейшем в китайских источниках он так и называется «малым *шадом*» (*сяо ша* 小殺) (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 632, 1020; *Мори*, 1976. С. 285, 289, прим. 31). Уже в эпитафии Кан А-и Цюй да-гань 康阿義屈達干 он назван Пи-цзя кэ-хань *сяо ша* 毗伽可汗小殺 (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 851), т. е. букв. 'Бильге каган *малый шад*'. Мемориант Онгинской надписи носит титул *йабгу*, как и его старший сын Ышбара Тамган чор *йабгу* (у Т. Осавы — *йога*, у М. Эрдала — *йогы*, см. теперь: *Ölmez*, 2016. S. 46). Если следовать идентификации меморианта с До-си-фу 咄悉匐, можно отказаться, во-первых, от обязательной традиционной привязки титулов *йабгу* и *шад* к крыльям, во-вторых, не рассматривать эти титулы в некой взаимной иерархической взаимосвязи. Нам известны примеры, когда один и тот же человек одновременно мог носить титулы *шад* и *йабгу*. Так, Чуло-хоу 處羅侯, младший брат Ышбара-кагана, на 583 г. известен как *е/шэ-ху* 葉護, т. е. *йабгу* (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 510, 524, 969), а по другому источнику — как Ту-ли *шэ* 突利設 (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 43), т. е. **тöли(ш) шад*, при этом каждый титул, видимо, указывал на какие-то особые его функции и полномочия, установленные по разным критериям. Титул *шад* может выступать в условном значении как командующий каким-либо военно-административным подразделением (*Ögel*, 1963). Отсюда в отношении До-си-фу 咄悉匐 можно сделать вывод, что необязательно полагать, будто «Капаган лишил его присвоенного Ильтересом звания "йабгу" и после подавления очередного восстания токуз-огузов назначил "восточным шадом"» (*Войтов*, 1989. С. 46).

Из китайских источников мы также знаем, что взошедший на престол в 716 г. Бильге-каган дал своему брату Кюль-тегину должность *цзо сян-ван* 左賢王, условно 'левый *сянь-ван*', и вверил ему командование войсками (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 549, 572, 599, 632). Следуя Х. Оногаве, Бильге-каган, по ЦЧТЦ, в момент вступления на престол назван *ю сян-ван* 右賢王, 'правый *сянь-ван*', что правильнее, чем в ТД, ТПХЮЦ и ЦТШ, где ошибочно *цзо сян-ван* 左賢王 (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 549, 572, 599; *Мори*, 1976. С. 285, 289, прим. 26, 27). По мнению М. Мори, *ю сян-ван* 右賢王 — то же самое, что *ю сян ча* 右廂察 и *ю ча* 右察, т. е. соответственно '*шад* правой стороны' или '*правый шад*' (*Мори*, 1976. С. 285). Вполне логично, что Кюль-тегин получил командование левым крылом после смерти Элетмиш-йабгу, или До-си-фу 咄悉匐, значившегося на этой должности ранее. Это косвенно подтверждает датировку смерти последнего в 716 г.

744		Озмыш	Эльтериш									
743												
742												
741												
740												
739												
738												
737												
736												
735												
734												
733												
732												
731												
730												
729												
728												
727												
726												
725												
724												
723												
722												
721												
720												
719												
718												
717												
716												
715												
714												
713												
712												
711												
710												
709												
708												
707												
706												
705												
704												
703												
702												
701												
700												
699												
698												
697												
696												
695												
694												
693												
692												
691												
690												
689												
688												
687												
686												
685												
684												
683												
682												

РИС. 4. Хронология, генеалогические связи и тамги династии Ашина (682–744 гг.) в Центральной Азии

FIG. 4. Chronology, genealogical ties and tamgas of Ashina dynasty (682–744) in Central Asia

Однако, по мнению Т. Осава, *цзо сянь-ван* 左賢王 не тождественно *төлис шаду*, тем более что наравне с Кюль-тегином в Хушо-Цайдамских текстах упомянуты *два шада* (Osawa, 2011b, S. 614). В надписи Бильге-кагана эти некие *два шада* упоминаются наравне с Кюль-тегином в тексте, относящемся к периоду, когда Бильге-каган пришел к власти (БК, X, стк. 22), а в надписи Кюль-тегина *два шада* упомянуты во фрагменте, излагающем события после смерти Кюль-тегина, при этом они не тождественны упомянутым здесь же «младшим братьям» Бильге-кагана (Кб, стк. 11). Согласно надписи Бильге-кагана, видимо, на момент составления текста во главе «народа *тардуш*» стоял Кюль-чор, во главе «народа *төlesh*» – некий Апа-таркан (БК, Ха, стк. 13–14; ср. схему в кн.: Osawa, 2011b, S. 613, Tab. 1). Ничего не сказано о *шадах*, при этом *төlesh шад* упомянут на каменном балбале, предположительно входившем в состав комплекса Бильге-кагана, и надпись

на нем отмечена тамгой Ашина типа Ic (Osawa, 2011b, S. 619, 623, res. 6, 7, 8; S. 624, res. 9). Значит, по меньшей мере на момент смерти Кюль-тегина (731 г.), были два *шада*, но *төlesh шад* существовал к моменту установки памятника Бильге-кагана (735 г.), что косвенно предполагает и существование равного по статусу командующего крылом *тардуш*. В этом случае они не тождественны Кюль-чору и Апа-таркану, возможно, им подчиненным (ср.: Dobrovits, 2005, P. 40). Это не противоречит указанию в надписи Кюли-чора, что он возглавлял «народ *тардуш*» (КЧ, Вост., стк. 2(14)) во время похода за Сыр-Дарью, когда *тардуш шадом* при этом был сам будущий Бильге-каган. В таком случае Кюль-тегин, хотя и нельзя сказать, до какого момента он выполнял функции командующего левым крылом (*цзо сянь-ван* 左賢王), в какой-то момент передал их *төlesh шаду*. Логично полагать, что это случилось после его смерти, т. е. в 731 г. С другой стороны, упомина-

ние при его жизни двух *шадов* может быть анахронизмом, связанным, например, с решением увековечить в надписи Бильге-кагана в качестве его сподвижников тех, кто на момент ее составления, т. е. уже при Тэнгри-кагане, занимал должности *шадов* (тем более, что в совпадающем фрагменте надписи Кюль-тегина (КТб, стк. 27) упоминания двух *шадов* нет). Отсюда можно заключить, что два *шад*а, не являющиеся братьями Бильге-кагана и Кюль-тегина, появляются примерно в 731 г. и, вероятно, один из них — упомянутый на балбале из комплекса Бильге-кагана *төлеш шад*.

Не находя согласия в вопросе, кем могли быть упомянутые два *шад*а Хушо-Цайдамских надписей, исследователи сходятся во мнении, что их можно отождествить с *шад*ами, которые фигурируют в источниках несколько позже, при Тэнгри-кагане, в качестве его двоюродных дядьев (со стороны отца)⁷, т. е. левого (восточного) и правого (западного) *шадов*, первый из которых — Пань Цюэ тэ-лэ 判關特勒. Некоторые авторы склонны рассматривать их как младших братьев Бильге-кагана и Кюль-тегина (Aydin, 2007. S. 151–152; Osawa, 2011b. S. 620). Сигэо Сaito стремится показать, что отец Озмыш-тегина (ТХЯ, цз. 94, с. 3а; СТШ, цз. 215б), левый (восточный) *шад* Пан-цюэ те-лэ 判關特勒, мог быть сыном Капган-кагана (Saito, 2016. P. 283–286). Э. Экрем допускает, что эти *шад*ы могли быть детьми Мо-чо 默啜 (Капган-кагана) и До-си-фу 咄悉匐 (Ekrem, 2020. S. 975). Указание китайских текстов именно на двоюродную степень родства означает, что кем бы оба *шад*а ни являлись, они действительно должны были принадлежать не к ветви Эльтериш-кагана; следовательно, по меньшей мере, на 741 г. *лево*е (sic!) крыло находилось под управлением потомков Капган-кагана.

Согласно свидетельству Т. Осава (которое, как сказано выше, трудно проверить), надпись на стеле № 6 комплекса Донгойн Ширээ сообщает о некоем меморианте, в 7-й месяц 6-й день назначенном *йабгу*, посылавшем войска к токуз-огузам, нападавшим на токуз-татар, назначенном *төлеш шадом*. Т. Осава полагает, что надпись может быть связана именно с тем самым Пань Цюэ тэ-лэ 判關特勒, левым (восточным) *шадом* при Тэнгри кагане, и датируется 740-ми гг. (Цогтбаатар и др., 2017. С. 74–76).

Между тем ранее Т. Осавой с Пан-цюэ те-лэ 判關特勒 (которого он при этом считал младшим

братом Бильге-кагана и Кюль-тегина) был соотнесен *төлеш шад*, упомянутый на балбале из комплекса Бильге-кагана (Osawa, 2011b. S. 619–621). Как уже отмечалось, следуя китайским источникам, Пан-цюэ те-лэ 判關特勒 является сыном Капган-кагана, а само отождествление друг с другом *төлеш шадов* из надписей комплексов Бильге-кагана и Донгойн Ширээ сталкивается с проблемой несходства знаков идентичности на этих памятниках, хотя в Донгойн Ширээ тоже встречается тамга типа Ic, но именно на стеле № 6 с надписью зафиксированы тамги, вероятно, типа IIa и типа III (Цогтбаатар и др., 2017. С. 52–53).

Некоторую подсказку может дать свидетельство, что мемориант надписи Донгойн Ширээ получил назначение *төлеш шад*а.

Как отмечалось выше, после До-си-фу 咄悉匐 (тамга типа Ib), занимавшего должность *йабгу* и до своей смерти командовавшего левым крылом, *йабгу* стал его старший сын (Ышбара Тамган чор *йабгу*), а левым крылом предположительно до своей смерти руководил Кюль-тегин. Можно предполагать, что после его смерти в 731 г. должность командующего левым крылом занял *шад* — *төлеш шад* из надписи на балбале у мемориала Бильге-кагана (тамга типа Ic), который мог прежде, как представитель ветви До-си-фу 咄悉匐, носить титул *йабгу*, став теперь соответственно *төлеш шадом*, что отражено в надписи на стеле № 6 комплекса Донгойн Ширээ (тамга типа IIa).

В таком случае, эту надпись следует отнести к периоду до 735 г. по следующим соображениям. После смерти Бильге-кагана (25 ноября 734 г.) в стане тюрков возникла смута: китайские источники упоминают о противостоянии «желтоголовых тюрков» (хуан-тоу ту-цзюэ 黃頭突厥) и «тюрков Мо-чо 默啜» (мо-чо ту-цзюэ 默啜突厥), под которым видят выступление потомков Капган-кагана против центральной власти; другие свидетельства говорят о гибели в бою некоего кагана, с которым идентифицируется И-жань 伊然 каган. Смута завершилась в феврале 735 г. с вступлением на престол Тэнгри-кагана (Ekrem, 2020), а в 741 г., как уже говорилось, мы видим сына Капган-кагана в должности левого *шад*а. Можно предполагать, что в междоусобном столкновении приняли участие потомки Капган-кагана и Элетмиш-йабгу/До-си-фу 咄悉匐; борьба завершилась для последних утратой своих позиций, хотя, по-видимому, не полностью.

Новая смута началась у тюрков в 741 г., когда по инициативе Тэнгри-кагана был убит его двоюродный дядя — правый (западный) *шад*, о котором мы

⁷ ЦТШ, цз. 194а; ЦФЮГ, цз. 196: *цзун шу-фу* 從叔父 (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 575, 604, 848), ТХЯ, цз. 94, с. 3б; ЦТШ, цз. 214, с. 43б: *цзун-шу* 從叔; СТШ, цз. 215б: *цзун-фу* 從父 (Цэнь Чжун-мянь, 1958. С. 639).

ничего не знаем. Сам каган вскоре пал в противостоянии с левым (восточным) шадом Пань Цюэ тэ-лэ 判闕特勒, который поставил каганом другого сына Бильге-кагана, но его (а с ним, видимо, и Пань Цюэ тэ-лэ 判闕特勒) убил некий Гу-до е/шэ-ху 骨咄葉護 (*Кут *йабгу*?), возведя на трон его младшего брата, коего затем тоже убил, провозгласив себя *каганом*. Источники не сообщают о происхождении Гу-до е/шэ-ху 骨咄葉護, но наличие у него титула *йабгу* позволяет допустить, что он мог являться одним из потомков Элетмиш-йабгу/До-си-фу 咄悉訶.

Таким образом, можно с определенной уверенностью связать тип IV тамги Ашина с ветвью потомков Капган-кагана, в то время как тамги типа Ib, Ic и типа II – с ветвью Элетмиш-йабгу/До-си-фу 咄悉訶. Наличие «полумесяца» в сочетании с тамгой төлеш шад (Ic) и с тамгой типа IV в составе комплекса Донгой ширээ (стелы № 5, 9) позволяет рассматривать это как указание на руководство левым крылом разными мемориантами, принадлежавшими линиджам Элетмиш-йабгу/До-си-фу 咄悉訶 и Капган-кагана до 735 г. и не ранее 741 г. соответственно.

Как можно интерпретировать тамгу в форме «крючка»? Заманчиво соотнести добавление к тамге Ашина трех разных типов (Ib, II и III) знака-детерминатива с обладанием мемориантом если не собственно титулом/должностью *йабгу*, то по меньшей мере гипотетически связанными с этим функциями ближайшего помощника кагана.

Надпись Карабалгасун II, сопровождающаяся тамгой Ашина типа III и знаком-«крючком», посвящена персонажу, от лица которого говорится: 'Куз (северным?) (2) *буйруком* был (я) (3) спереди (= на востоке) [находящееся] удерживавшим (= правившим) (4) был (я), позади (= на западе) [находящееся] (5) толкавшим был (я)' ((1) *quz* (2) *bujruqi ärtim* (3) *öntünüg tidar* (4) *ärtim kidinig* (5) *itärür ärtim*); далее из контекста следует, что герой пал в сражении. Даже если Куз Буйрук – это личное имя, не предполагающее для первого элемента непосредственной, в частности «должностной», связи с 'севером', то сам титул *буйрук*, употребляющийся в памятниках древнетюркской письменности в весьма широких значениях, следует рассматривать просто как составляющий элемент. Однако, судя по тому, что стела была установлена в пределах главного военнополитического центра восточных тюрков вблизи Хушо-Цайдамских мемориалов, а также судя по тому, что говорит о себе мемориант, его следует рассматривать как довольно значительную личность и могущественного деятеля, статус кото-

рого мог вполне соответствовать предложенной интерпретации тамги-«крючка».

Выводы

Подводя итоги нашего историко-археологического исследования, следует отметить, что задачи персональной, генеалогической и функциональной атрибуции отдельных разновидностей знаков Ашина пока не имеют окончательного решения. Это требует более полного обследования и более качественного документирования соответствующих памятников. Тем не менее, проведенный анализ документальных материалов и письменных источников позволяет сделать следующие выводы.

1. Отныне следует говорить не о единой «ханской тамге» или «родовой тамге второй тюркской династии (682–744)», но о нескольких ее устойчивых стилистико-иконографических разновидностях, т. е. «тамгах династии Ашина».

2. Выделенные нами основные три вида знаков возникли не одновременно; появление новых разновидностей обусловлено конкретно-историческими событиями, вероятно, связанными с переходом центральной власти в руки лидеров разных линиджей единой династии Ашина: тип III – Эльтериш-кагана (682–691); тип IV – Капган-кагана (694–716); тип Ia – Бильге-кагана (716–734). Производные от данных видов тамги могли использоваться представителями боковых ответвлений каганских кланов: например, типа Ib, Ic и типа II – линидж Элетмиш-йабгу/До-си-фу 咄悉訶.

3. Генеалогический или клановый, но не статусный принцип выбора формы тамги подтверждает присутствие идентичных знаков на стелах Бильге-кагана, Кюль-тегина и на балбале из Хушо-Цайдам III.

Предполагается, что в дополнение к генеалогическим династийным тамгам Ашина могли использоваться знаки-детерминативы, вероятно, указывавшие на должностной статус или титул предъявителей: *йабгу* – тамга-«крючок», *шад* – тамга-полумесяц. Однако для окончательного выяснения функций и значения этих знаков следует подождать открытия новых репрезентативных памятников.

В целом многообразие форм «тамги династии Ашина», в свое время подмеченное Д. Г. Савиновым, приоткрывает завесу над более сложной, чем считалось прежде, системой визуального обозначения генеалогических связей и статусных отношений правящей элиты Второго Тюркского каганата.

Литература

- Атлас..., 1896 — Атлас древностей Монголии, изданный по поручению Императорской Академии Наук В. В. Радловым // Труды Орхонской экспедиции. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1896. Вып. 3. [4] с., табл. LXXXIII—CIV.
- Атлас..., 1899 — Атлас древностей Монголии, изданный по поручению Императорской Академии Наук В. В. Радловым // Труды Орхонской экспедиции. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1899. Вып. 4. [2], [2] с., табл. CIV—CXVIII.
- Базылхан, 2019 — Базылхан Н. Реконструкция и этимология некоторых названий тамг тюрко-монгольских этносов VIII—XIV вв. // Алтаистика, тюркология, монголистика. 2019. № 3. С. 31–42.
- Батманов, 1963 — Батманов И. А. О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Кызыл, 1963. Вып. X. С. 291–302.
- Баттулга, 2005 — Баттулга Ц. Монголын руни бичгийн бага дурсгалууд. Тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар, 2005. 240 тал. (Corpus Scriptorum; Т. I).
- Болдбаатар и др., 2017 — Болдбаатар Ю., Цэрэндагва Я., Төрбат Р. Улаанчулуутын руни бичээсүүд // Монголын археологи — 2016. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академи туух, 2017. 75–81 тал.
- Войтов, 1987 — Войтов В. Е. Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства / Отв. ред.: Б. Б. Пиотровский, Г. М. Бонгард-Левин. М.: Наука, 1987. С. 92–109, 327–331.
- Войтов, 1989 — Войтов В. Е. Онгинский памятник: Проблемы культуроведческой интерпретации // Советская тюркология. 1989. № 3. С. 34–50.
- Войтов, 1996 — Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Государственного музея Востока, 1996. 152 с.
- Грач, 1957 — Грач А. Д. Петроглифы Тувы, I. (Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции) // Сборник МАЭ. 1957. Т. XVII. С. 385–428, табл. I–XXXII.
- Грач, 1973 — Грач А. Д. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла. // Тюркологический сборник. 1972. Памяти П. М. Мелиоранского / Отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука, 1973. С. 316–333.
- Зуев, 2002 — Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 338 с.
- Камалов, 2001 — Камалов А. К. Древние уйгуры VIII–IX вв. Алматы: Наш мир, 2001. 216 с.
- Камалов, 2017 — Камалов А. К. Тюрки и иранцы в Танской империи. Алматы: Мир, 2017. 384 с.
- Кляшторный, 1971 — Кляшторный С. Г. Руническая надпись из Восточной Гоби // Studia Turcica / Ed. L. Ligeti. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1971. P. 249–258. (Bibliotheca Orientalis Hungarica; XVII).
- Кляшторный, 1980 — Кляшторный С. Г. Руническая надпись на каменном изваянии из Чойрэна // Страны и народы Востока. 1980. Т. XXII. Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. С. 90–102.
- Кляшторный, Самбу, 1971 — Кляшторный С. Г., Самбу И. У. Руническая надпись в Улуг-Хемском районе // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 1971. Т. XV. С. 245–249.
- Кормушин, 2011 — Кормушин И. В. Новое в чтении и толковании Чойренской рунической надписи конца VII в. из Монголии // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / Редкол.: С. Г. Кляшторный (пред.), Т. И. Султанов, В. В. Трепавлов. М.: Восточная литература РАН, 2011. С. 202–213.
- Монхтулга, Осава, 2015 — Монхтулга Р., Осава Т. Донгойн ширээн дурсгалын гэрэлт хошооний бичээсийг анхны удаа уншсан нь // Эртний түрэгийн туух, соёл (ОУ-ын ЭШХ-ын эмхэтгэл). Улаанбатаар, 2015. 21–55 тал.
- Мори, 1976 — Мори М. Бёгю-каган и Поцзюй // Turcologica. К семидесятилетию академика А. Н. Кононова / Отв. ред.: С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, Э. Р. Тенишев. Л.: Наука, 1976. С. 284–290.
- Осава и др., 2009 — Осава Т, Сүзүки К, Мөнхтулга Р. БИЧЭЭС II: 2006 оноос 2008 оны Монгол улс дахь Түргийн бичээс ба эртний дурсгалыг судлах экспедицийн илтгэл. Япон-Монголын эрдэмтдийн хамтарсан төсөл «БИЧЭЭС II», Улаанбаатар: СОФЕКС. ХХК, 2009. vi, 150 тал., 3 зураг.
- Рогожинский, 2012 — Рогожинский А. Е. Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана: итоги новейших исследований и перспективы дальнейшего изучения // «Тарихи-мәдени мұра және заманауи мәдениет» халықаралық ғылыми-гәжірибелік семинарының материалдар жинағы — Сборник материалов международного научно-практического семинара «Историко-культурное наследие и современная культура» [30 ноября 2012 г. Алматы, 2012] / Редкол.: Г. Т. Телебаев, Н. С. Мухамеджанова, А. Е. Рогожинский. Алматы: Service Press, 2012. С. 91–104.
- Рогожинский, Железняков, 2019 — Рогожинский А. Е., Железняков Б. А. Клейма и тамги на двух серебряных сосудах из долины Шу и Монголии // Отан тарихы. № 3 (87). 2019. С. 167–183.
- Рогожинский, Черемисин, 2019 — Рогожинский А. Е., Черемисин Д. В. Тамги кочевников тюркской эпохи на Алтае и в Семиречье (опыт сопоставления и идентификации) // АЭАЕ. 2019. Т. 47. № 2. С. 48–59.
- Савинов, 1984 — Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
- Савинов, 2015 — Савинов Д. Г. Тамгообразные изображения горных козлов, или к определению фарна древнетюркских каганов // Реальные и знаковые формы социальной дифференциации в архаике. Миф и формы его отражения в ритуальной практике: Сб. науч. трудов семинара «Теория и методология архаики» / Отв. ред.: М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 64–74. (ТЕМА; Вып. VIII).
- Самашев и др., 2010 — Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги — Көне түрік таңбалары — Ancient turkic tamga-signs. Алматы: АО «Абди компани», 2010. 168 с.
- Тамги..., 2019 — Тамги доисламской Центральной Азии / Авт. кол.: С. А. Яценко, А. Е. Рогожинский, Е. А. Смагулов, К. Ш. Табалдыев, С. Р. Баратов, Дж. Я. Ильясов, Г. Б. Бабаяров. Самарканд: МИЦАИ, 2018. 452 с.
- Тишин, 2018 — Тишин В. В. Некоторые вопросы изучения тамг кочевников Центральной Азии древнетюркского времени // Тюркские кочевники в Азии

- и Европе (Цивилизационные аспекты истории и культуры) / Отв. ред. и сост. Д. Д. Васильев. М.: ИВ РАН, 2018. С. 101–113. (Труды ИВ РАН. Вып. 7).
- Тишин и др.*, 2020а – *Тишин В. В., Акымбек Е. Ш., Железняков Б. А.* Древнетюркская руническая надпись из Тоспалы (долина реки Чу (Шу), Казахстан) // Народы и религии Евразии. 2020. Т. 2. № 23. С. 37–53.
- Тишин и др.*, 2020б – *Тишин В. В., Рогожинский А. Е., Серегин Н. Н.* Тамги и руническая надпись на двух сосудах с острова Муруйский на Ангаре // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. № 1. С. 191–206.
- Цогтбаатар и др.*, 2017 – *Цогтбаатар Б., Эрдэнэ-Очир Н., Лхундэв Г., Осав Т., Батдалай Д., Анзарагдөлгөөн Г., Амарболд Э.* «Донгойн ширээ»-ний дурсгалын археологийн судалга (Монгол-Японы хамтарсан «Дорнод Монголын эртний түргийн үеийн түүх, археологийн судалгаа» төслийн 2015–2016 оны малтлага судалгааны үр дүн). Улаанбаатар, 2017. 152 тал.
- Alimov*, 2016 – *Alimov R. II. Karabalgasun Yazıtı* // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi. 2015. Cilt 12. Sayı 4. S. 27–38.
- Alyılmaz*, 2013 – *Alyılmaz C. Karı Çor Tigin Yazıtı* // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim (TEKE) Dergisi. 2013. Cilt 2. Sayı 2. S. 1–61.
- Aydın*, 2007 – *Aydın E.* Eski Türk Yazıtlarının Yazılış ve Dikilişleri Üzerine // Gazi Üniversitesi. Türkiyat Araştırma ve Uygulama Merkezi. 2007. Sayı 1. S. 149–158.
- Balogh*, 2018 – *Balogh M.* Az uigur birodalomalapítás előzményei – Yaylaqarok, ujugurok és tiele / oguz törzsek a kínai és a türk hatalom közt // Kultúrák találkozására és kölcsönhatásra a Selyemút mentén: Ecsedy Ildikó születésének 80. évfordulójára / Szerk.: E. Dallos, G. Kósa. Budapest: SZTE BTK Altajisztikai Tanszék, ELTE Távol-keleti Intézet, 2018. 23–58 o.
- Bazin*, 1991 – *Bazin L.* Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991 (Bibliotheca Orientalis Hungarica; 34). 571 p.
- Dobrovits*, 2005 – *Dobrovits M.* The Tölis and the Tarduš in Old Turkic Inscriptions // The Black Master: Essays on Central Eurasia in Honor of György Kara on His 70th Birthday / Ed. A. Birtalan, S. Grivelet, R. I. Meserve, G. Stary. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. P. 33–42.
- Ekrem*, 2008 – *Ekrem E.* Baz Kağan Meselesi // Modern Türklük Araştırmaları Dergisi (Ankara Üniversitesi Dil-Tarih ve Coğrafya Fakültesi). 2008. Cilt 5. Sayı 1. S. 47–64.
- Ekrem*, 2015 – *Ekrem E.* Çin Kaynaklarında Dokuz Oğuz Meselesi: Sayısal Yapısı // Oğuzlar: Dilleri, Tarihleri ve Kültürleri. 5. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu Bildirileri / Ed. T. Gündüz, M. Cengiz. Ankara: Hacettepe Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü, 2015. S. 189–220.
- Ekrem*, 2020 – *Ekrem E. II. Gök Türkler Devrinde Sarı Baş (Gök) Türk 黃頭突厥 Meselesi* // Belleten. 2020, Cilt LXXXIV. Sayı 301. S. 959–982.
- Kıdralı, Babayar*, 2015 – *Kıdralı D., Babayar G.* Türk Bengü Taşı: Şiveet-Ulaan Damgalı Anıtı. Astana: «Gılım» Yayınevi, 2015. 78 s.
- Magail et al.*, 2010 – *Magail J., Gantulga J. O., Yeruul-Erdene Ch., Salicis C.* Découverte d'une inscription turque proche de Tsatsyn ereg: Montagne de Khoiyor Khavchig, Arkhangai, Mongolie // Bulletin du Musée d'Anthropologie préhistorique de Monaco [Monaco: Editions de Fontvieille]. 2010. Nu 50. P. 115–119.
- Mert*, 2008 – *Mert O.* Öngöt Mezar Külliyesi ve Külliye de Bulunan Damgalar // Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. 2008. Sayı 36. S. 281–305.
- Mert*, 2009 – *Mert O.* Şaahar Tepesi ve Bölgede Bulunan Kaya Üstü Tasvir, Damga, Yazıt ve Kurganlar // Atatürk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü Dergisi. 2009. Sayı 40. S. 1–24
- Munkhtulga*, 2012 – *Munkhtulga R.* Baga Khairkhan'daki Eski Türk Yazıtları // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. 2012. Sayı 1/1. S. 26–35.
- Osawa*, 2010a – *Osawa Takashi.* ホル アスガト (Хөл Асгат) 碑銘再考 [Revisiting Khöl-Asgat Inscription in Mongolia from the Second Turkic Qaghanate] // 内陸アジア言語の研究 [Studies on the Inner Asian Languages]. 2010. № 25. P. 1–73.
- Osawa*, 2010b – *Osawa T.* On Functional Changes of Tamga and Nishan-signs in the Old Turkic Period Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey / Ed. J. E. Pim, S. A. Yatsenko, O. T. Perrin. London; Dover: Dunkling Books, 2010. P. 341–372.
- Osawa*, 2011a – *Osawa T.* Revisiting the Ongi inscription of Mongolia from the Second Turkic Qaghanate on the basis of rubbings by G. J. Ramstedt // Suomalais-Ugrilainen Seuran Aikakauskirja – Journal de la Société Finno-Ougrienne. 2011. № 93. P. 147–203.
- Osawa*, 2011b – *Osawa T.* Türk Bilge Kağan Tahta. Oturduğu Kim Tölis Şad İdi? // “Orhon Yazıtlarının Bulunuşundan 120 Yıl Sonra Türklük Bilimi ve 21. Yüzyıl” konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu. 26–29 Mayıs 2010. (Bildiri kitabı) / Ed. Ü. Çelik Şavk. Ankara, 2011. 2. Cilt. S. 611–628.
- Osawa*, 2018 – *Osawa T.* Newly discovered Old Turkic runic inscription of the Ulaanchuluut Mountain (Red Mountain) from the Central Mongolia On the basis of the Mongol-Japanese International Epigraphical Expedition in August 2018 // Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских и монгольских языков: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., г. Якутск, 18–19 октября 2018 г. / [Редкол.: А. К. Прокопьева, А. Е. Шамаева, А. Е. Божедонова]. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. P. 13–25.
- Ögel*, 1963 – *Ögel B.* Über die alttürkische Schad (Sü-Baschi)-Würde // Central Asiatic Journal. 1963. Vol. 8. No. 1. S. 27–42.
- Ölmez*, 2016 – *Ölmez M.* Ongi Yazıtı, Sorunlar ve Çözüm Önerileri // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten. 2016. Cilt 64/1. S. 43–86.
- Saito*, 2016 – *Saito Sh.* What is the 'Bug-chor?': A Factor in the Collapse of the Second Türk Qaghanate // The Journal of Northern Cultures Studies – 北方文化研究. 2016. No 7. P. 279–291.
- TÜRİK BITİG – TÜRİK BITİG [Электронный ресурс.] Режим доступа: <https://bitig.kz> (дата обращения: 10.02.2021).
- Useev*, 2020 – *Useev N.* Moğolistan'daki Tengri kagan (Khoiyor Khavçig uul / Baga Khairkhan) yazıtları üzerine // Uluslararası Türkçe Edebiyat Kültür Eğitim Dergisi. 2020. Sayı 9/2. S. 487–489.
- Ünal*, 2015 – *Ünal O.* İhe Ashete Yazıtı: Yeni Bir Okuma ve Anlamlandırma Denemesi // Bilig. 2015. Sayı 73. S. 271–294.
- Цэнь Чжун-мянь*, 1958 – *Цэнь Чжун-мянь* [岑仲勉]. Ту-цзюэ цзи ши [突厥集史]. Пекин [北京]: Чжун-хуа шу-цзюэ [中華書局], 1958. 1136 с.

Tamgas of the Ashina dynasty in Central Asia

A. E. Rogozhinskiy, V. V. Tishin

Concluding our historico-archaeological study it must be noted at once, that the problems of the personal, genealogical and functional attribution of particular variants of Ashina signs so far have found no final solution requiring a more complete examination and more careful documenting of the corresponding monuments (Fig. 1). Nevertheless, the conducted analysis of documentary evidence and written sources allows us to make the following conclusions.

(1) Now we must tell not about a single 'Khan's tamga' or the 'ancestral tamga of the second Turkic dynasty (682–744)' but to distinguish its several stable stylistic and iconographic variants, i. e. 'tamgas of the dynasty of the Ashina clan' (Fig. 2).

(2) The three main kinds of the signs distinguished by us emerged not simultaneously; the appearance of new variants was due to particular historical events produced, perhaps, by the transference of the central power to the hands of the leaders of different lineages of the single dynasty of Ashina: type III – of Elterish Qaghan (682–691); type IV – of Qapghan Qaghan (694–716); and type Ia – of Bilge Qaghan (716–734). Derivatives of these types of tamgas can have been used by repre-

sentatives of side branches of the Qaghan clans: e. g., types Ib, Ic and II – by the lineage of Eletmish-yabghu / Duoxifu 咄悉匐 (Fig. 4).

(3) The genealogical or clan principle, but not a status one, in the choice of the form of a tamga is confirmed by the presence of identical signs on steles of Bilge Qaghan, Kül Tegin and on the balbal from Khöshöö-Tsaidam III.

It is supposed that in addition to genealogical dynastical tamgas of the Ashina, signs determinatives can have been used, possibly, indicating the functional status or the title of the tamga bearer: yabghu – tamga-‘hook’, shad – tamga-crescent (Fig. 3). However for the final elucidation of the functions and meaning of these signs it is necessary to wait for discovery of new representative monuments. In general, the diversity of the forms of ‘tamgas of the dynasty of Ashina’, noted by D. G. Savinov some time ago, lifts the veil over the system of the visual designation of genealogical ties and status interrelations of the ruling elite of the Second Turkic Qaghanate. This system turns to be more complicated than it was presumed before.

Список сокращений

- БК, X – большая надпись на восточной стороне стелы Бильге-кагана
 БК, Ха – продолжение большой надписи на левой боковой (южной) стороне стелы Бильге-кагана
 Кб – надпись на правой боковой (северной) стороне стелы Кюль-тегина (продолжение большой надписи)
 КТб – большая надпись на лицевой (восточной) стороне стелы Кюль-тегина
 КЧ – памятник Ихэ Хушоту, или стела Кюли-чора (Вост – восточная сторона)
 СТШ – Оу-ян Сюй 歐陽修 (Юн-шу 永叔) и Сун Ци 宋祁 «Синь Тан шу» 新唐書 («Новая [официальная] история [династии] Тан»)
 ТД – Ду Ю 杜佑 «Тун дянь» 通典 («Общий свод»)
 ТПХЮЦ – Юэ Ши 樂史 «Тай-пин хуань-юй цзи» 太平寰宇記 («Описание мира в период [правления] Тай-пин»)
 ТХЯ – Ван Пу 王溥 «Тан хуэй яо» 唐會要 («Собрание важнейших [сведений периода династии] Тан»)
 ЦТВ – Дун Гао 董誥, Жуань Юань 阮元, Сюй Сун 徐松 «Цюань Тан вэнь» 全唐文 («Собрание текстов [периода династии] Тан»)
 ЦТШ – Лю Сюй 劉昫 «Цзю Тан шу» 舊唐書 («Старая [официальная] история [династии] Тан»)
 ЦФЮГ – Ван Цинь-жо 王欽若 «Цэ-фу юань-гуй» 冊府元龜 («Изначальная черепаха императорской библиотеки»)
 ЦЧТЦ – Сы-ма Гуан 司馬光 «Цзы-чжи тун-цзянь» 資治通鑑 («Помогающее управлению всеобщее обозрение»)
 ЯЛГВЦ – Янь Чжэнь-цин 顏真卿 (Янь Люй-гун 顏魯公) «Янь Люй-гун вэнь цзи» 顏魯公文集 («Собрание сочинений Янь Люй-гуна»)

РОЖДЕНИЕ СТИЛЯ

Колесница в культуре населения эпохи бронзы Центральной Монголии (по материалам из долины реки Хойд Тамир)

Ю. Н. Есин¹, Ж. Магай², Ж.-О. Гантулга³, Ч. Еруул-Эрдене⁴

АННОТАЦИЯ. Проблема использования колесниц в культуре населения эпохи бронзы Центральной Монголии исследована на материалах археологических памятников из одного микрорайона в долине р. Хойд Тамир. Основным источником стали изображения на скалах и каменных стелах. Рассмотрены вопросы возраста этих изображений и их принадлежности к археологическим культурам, выделенным по погребальным памятникам, предложена историческая интерпретация.

ANNOTATION. The issue of using chariots in the culture of the Bronze Age population of Central Mongolia was studied on the materials of archaeological sites from one micro-region in the Khojd Tamir river valley. Images on rocks and stone stelae became the main source. The questions of the age of these images and their belonging to archaeological cultures, identified by barrows, are considered; the historical interpretation is proposed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Монголия, поздний бронзовый век, колесница, петроглифы, оленные камни, курганы сагсайского типа, херексуры.

KEYWORDS: Mongolia, Late Bronze Age, chariot, petroglyphs, deer stones, Sagsai-type barrows, khirigsuurs.

Введение

Колесница была важной инновацией эпохи бронзы, получившей распространение во многих регионах и культурах Евразии и оказавшей влияние на историю континента (Кузьмина, 1994; Piggott, 1983; Raulwing, 2000; Wu, 2013). Среди различных проблем, связанных с изучением динамики этих процессов, актуальными остаются вопросы появления и использования колесниц на востоке степного пояса, значительную часть которого составляют горно-степные ландшафты Монголии.

В силу природных условий и особенностей исторического развития ключевым видом источ-

ников для изучения колесниц в культуре древнего населения Монголии является наскальное искусство. О времени появления здесь изображений колесниц нет единого мнения. Их относили ко II тыс. до н. э.: началу (XX–XIX вв. до н. э. — см.: Кубарев и др., 2005. С. 90; Новоженев, 2012. С. 306), ко второй половине (около XV или XIV в. до н. э. — см.: Новгородова, 1978; Кожин, 1987; Jacobson-Tepfer, 2015. P. 193) или к концу (см.: Шер, 1980. С. 212; Худяков, 2002). Для обоснования наиболее ранних датировок использовался возраст колесниц в погребениях синташтинской культуры на Южном Урале, а для более поздних — сопоставление с материалами из Южной Сибири и Китая, присутствие рисунков колесниц на оленных камнях. Эти выводы пока слабо опираются на анализ стилистических признаков самих монгольских изображений в контексте истории изобразительных традиций Монголии. Кроме того, существует проблема связи изображений колесниц с археологическими культурами, выделенными по погребальным памятникам. Одни исследования ее обходили, другие предлагали связать все колесницы с культурой херексуров и оленных камней, третьи помещали в контекст

¹ 655017, Россия, Абакан, ул. Щетинкина, д. 23. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Адрес электронной почты: esin2006@yandex.ru.

² 98000, Монако, 56 bis Boulevard du Jardin Exotique. Музей доисторической антропологии Монако. Адрес электронной почты: jerome.magail@archeo-steppe.com.

³ 13343, Монголия, Улан-Батор, Жуковын гудамж, 77. Институт археологии Академии наук Монголии. Адрес электронной почты: ganuudg@gmail.com.

⁴ 13343, Монголия, Улан-Батор, Жуковын гудамж, 77. Институт археологии Академии наук Монголии. Адрес электронной почты: cheruulerd@yahoo.com.

предшествующих херексурам погребальных традиций, четвертые допускали их связь с разными культурами от андроновского или даже сейминско-турбинского периодов до раннего железного века включительно. Нет сомнений, что хронология и культурная принадлежность монгольских колесниц на сегодняшний день — одна из ключевых проблем, которая требует дальнейшей разработки.

Дискуссионными остаются и вопросы интерпретации изображений колесниц. Одни исследователи, рассматривая их в широком археологическом и историческом контексте, аргументируют использование в реальной жизни и военном деле (Черемисин, 2006; Худяков, 2011). Другие, изучая изобразительный и ландшафтный контекст некоторых памятников, видят в них образы мифов, возможно, связанных с погребальным обрядом (Франкфор, Якобсон, 2004. Р. 72; Кубарев и др., 2005. С. 88–89; Jacobson-Tepfer, 2012. Р. 7–9).

Изучение древнего колесного транспорта Монголии по изобразительным материалам обычно основывалось на анализе значительной серии таких рисунков и широком территориальном охвате (Новгородова, 1978; Кожин, 1987; Кубарев, 2004; Новоженев, 2012; Jacobson-Tepfer, 2012; Тэргуунбаяр, 2012). Однако возможен и иной подход — комплексное и тщательное изучение всех доступных материалов из одного небольшого района. Этот вариант имеет свои преимущества, особенно для изучения возраста и культурного контекста. Данная статья посвящена разработке этих вопросов, главным образом, в рамках второго подхода. Она выполнена на материалах небольшого участка долины р. Хойд Тамир (основной приток р. Орхон) в Центральной Монголии, где на протяжении ряда лет проводила исследования Монако-Монгольская археологическая экспедиция. В рамках современного административного деления этот участок долины находится на территории Ихтамир сума в аймаке Архангай Монголии. Материалы включают петроглифы на скалах, курганные могильники и стелы с ритуальными площадками в местности Хуруугийн Узуур и вблизи от нее — от горы Алтансандал до местности Шивэртийн Ам (рис. 1). Судя по количеству открытых археологических памятников, в эпоху бронзы в долине р. Хойд Тамир были благоприятные условия для ведения скотоводческого хозяйства. Рельеф долины вполне подходил для использования колесного транспорта. Повозки с воловьей и лошадиной запряжкой можно встретить здесь и сегодня.

РИС. 1. Местность Хуруугийн Узуур в долине р. Хойд Тамир на карте Монголии

FIG. 1. Locality of Khuruugiin Uzuur in the valley of the Khoiud Tamir River in the map of Mongolia

Основные цели данной статьи связаны с изучением возраста изобразительных свидетельств использования колесниц, их принадлежности к археологическим культурам и роли колесниц в жизни скотоводов эпохи бронзы Центральной Монголии. Они достигаются через последовательное решение нескольких задач: а) анализ материалов по колесному транспорту с р. Хойд Тамир в контексте исторических типов конструкции колесного транспорта и приемов его изображения на плоскости; б) изучение места и относительной хронологии таких изображений на р. Хойд Тамир в контексте истории изобразительных стилей данной местности; в) определение места и абсолютной хронологии этих материалов в контексте изученных здесь типов погребальных памятников; г) изучение роли колесниц в жизни скотоводов через анализ в контексте изобразительных композиций.

Колесница на скалах Хуруугийн Узуур и ее характеристики

Краткое описание памятника и изображения

Петроглифы Хуруугийн Узуур расположены на скальных выходах и отдельных валунах на нескольких невысоких сопках вдоль северного берега р. Хойд Тамир. Они открыты уже давно, но их документирование и изучение продолжают (Волков, Гришин, 1970; Дорж, Новгородова, 1975; Есин и др., 2012; Гантулга и др., 2018). На этом памятнике найдено лишь одно, но довольно информативное изображение колесницы. Оно нанесено в технике выбивки и прочерчивания на участке 8 на вертикальной (с небольшим отрицательным уклоном) скальной плоскости, обращенной на запад (рис. 2).

РИС. 2. Хуруугийн Узуур, плоскость с колесницей (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 2. Khuruugiin Uzuur, plane with a chariot (drawing by Yu. N. Esin)

В контексте ландшафта колесница ориентирована на кузовом к вершине сопки, а дышлом — к долине реки; изображение освещается во второй половине дня.

Как любое изображение колесного транспорта, его можно охарактеризовать по трем группам признаков:

1. *Полнота показа транспортного средства.* Изображены платформа кузова, колесная ось с двумя колесами, передний борт кузова, дышло с переключиной ярма, две впряженные лошади, колесничий в кузове; упряжь не изображена или не сохранилась.

2. *Способ проецирования на плоскость отдельных частей.* Платформа кузова, дышло, переключиной ярма и колесная ось показаны в проекции сверху. Передний борт кузова и колесничий изображены в проекции спереди, и эта проекция соединена с задней частью платформы кузова. Колеса и лошади — в проекции сбоку, но плоскость проекции развернута на 90° (лошади спинами к дышлу) (рис. 3).

3. *Морфологические особенности.* Для некоторых частей устройства они же конструктивные, для других — лишь стилистические. Здесь стоит отметить овальную форму основания кузова, раздвоенный конец одинарной линии дышла под ним, подпрямоугольную форму проекции борта. Переключиной ярма — короткая, ярма-рогатки не показаны. Колеса изображены очень схематично — без ступицы и спиц, либо эти детали были прорисованы неглубоко и не сохранились. У лошадей прямыми, перпендикулярными туловищу линиями показано по две ноги. Ширина линий, обозначающих голову, шею и туловище, лишь не-

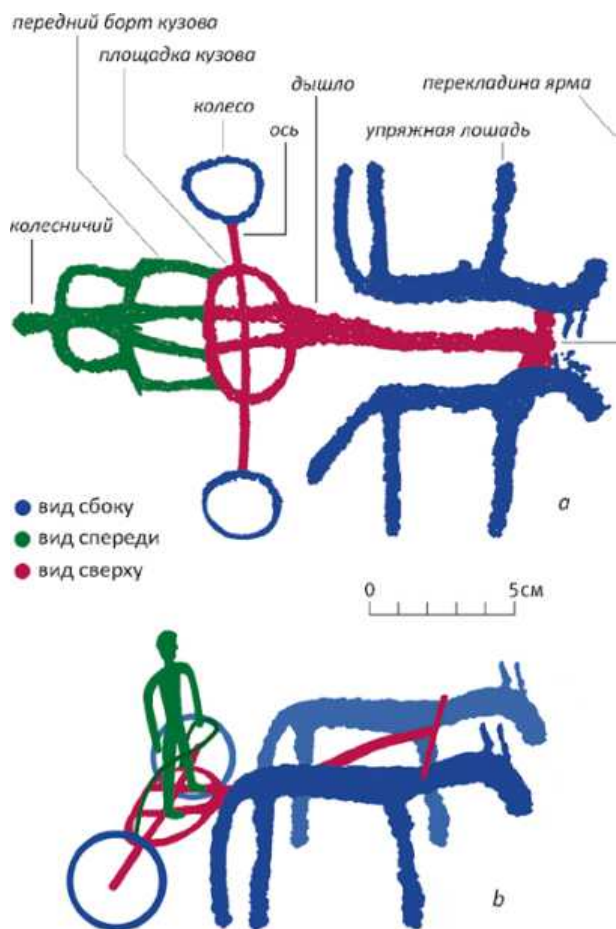

РИС. 3. Изображение колесницы Хуруугийн Узуур с объяснением имеющихся проекций (a) и реконструкцией позиции тех же элементов у действующего устройства в современной системе визуальной перспективы (b) (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 3. Representation of a chariot from Khuruugiin Uzuur with interpretation of the projections (a) and reconstruction of the position of the same elements at a working device in the modern system of visual perspective (b) (drawing by Yu. N. Esin)

много больше, чем у ног и хвоста. Также схематично показана фигура стоящего мужчины (возможно, в головном уборе) с двумя опущенными вниз руками.

Конструкция

Совокупность морфологических признаков повозки позволяет описать ее как классическую легкую одноместную колесницу с дышлом в виде одинарной жерди, одной колесной осью и двумя упряжными лошадьми. Хотя на колесах не зафиксированы типичные для колесниц спицы, это не является достаточным основанием считать, что здесь показаны массивные дисковые колеса.

С точки зрения базовых технических решений колесница Хуруугийн Узуур принадлежит к технологической традиции с дышлом из одинарной жерди, что четко обособляет ее от двух других традиций, использовавших две оглобли или дышло из

двух соединенных под углом жердей («А-образное»). Впервые колесницы такой конструкции фиксируются около начала II тыс. до н. э. в захоронениях скотоводов вблизи условной границы западной (европейской) и центральной частей степного пояса (Чечушков, 2011. Рис. 1), а затем получают широкое распространение, достигая к середине XIII в. до н. э. на востоке государства Шан на Центральной равнине Китая (Piggott, 1978; Shaughnessy, 1988; Wu, 2013). Особенностью дышла колесницы Хуруугийн Узуур является раздвоенная задняя часть. Видимо, она помогала обеспечить кузову большую прочность и устойчивость. Дышло такой редкой формы известно среди наскальных изображений колесниц эпохи бронзы Тувы и, возможно, Тянь-Шаня (рис. 4, 1с); оно могло быть изготовлено из ствола дерева с естественной развилкой (Дэвлет, 1998. С. 184, рис. 14, 1). Стоит также отметить, что форма площадки кузова

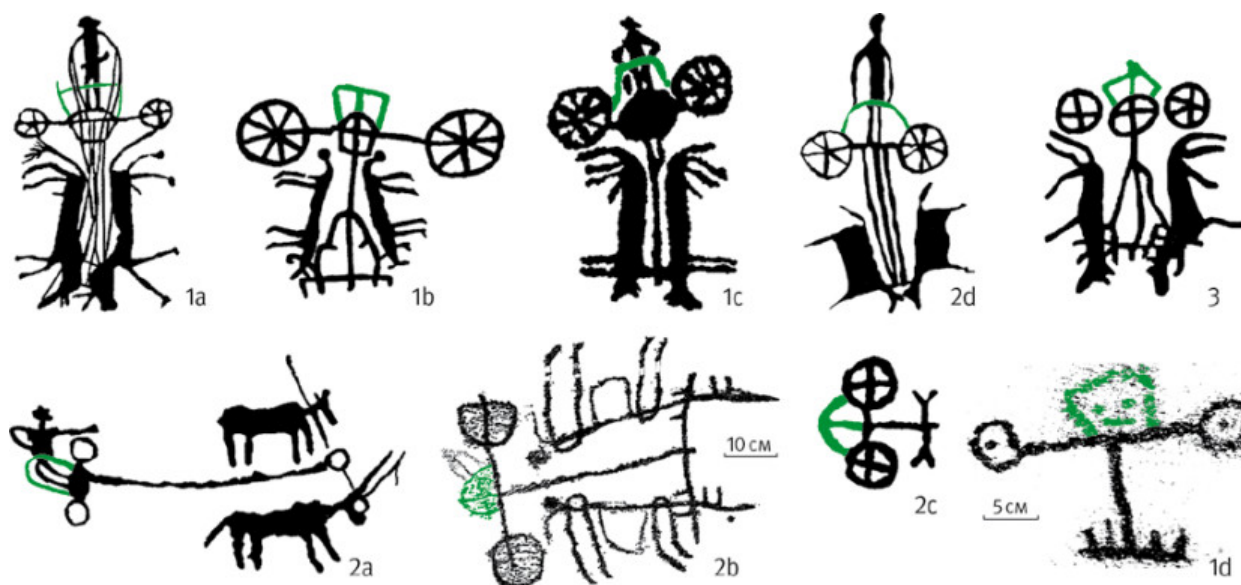

РИС. 4. Основные типы и варианты фронтальной проекции переднего борта колесницы (выделена зеленым цветом): 1 – подпрямоугольной формы, 2 – дугообразной формы, 3 – углообразной формы; 1a – Северо-Западная Монголия, Хар-Салаа VI (по: Кубарев, 2009. Рис. 612); 1b, 2c – Тува, Алды-Мозага и Мугур-Саргол (по: Дэвлет, 1998. Рис. 14, 2, 11); 1c, 2a – Тянь-Шань, Саймалы-Таш (по: Мартынов и др., 1992. Рис. 87; 75); 1d – Казахский Алтай, Акбаур (рисунок Ю. Н. Есина); 2b – Минусинская котловина, Суханиха (рисунок Ю. Н. Есина); 2d – Российский Алтай, Елангаш (по: Окладников и др., 1979. Табл. 52, 5); 3 – Центральная Монголия, Чулуут (по: Тэрзуунбаяр, 2012. Зур. 6). 1d – роспись красной краской, остальное – петроглифы. Масштаб разный

FIG. 4. Main types and variants of the frontal projection of the front side of a chariot (marked with green colour): 1 – sub-rectangular, 2 – arched, 3 – angled; 1a – North-Western Mongolia, Khar-Salaa VI (after Кубарев, 2009. Рис. 612); 1b, 2c – Tuva, Aldy-Mozaga and Mugar-Sargol (after Дэвлет, 1998. Рис. 14, 2, 11); 1c, 2a – Tien Shan, Saymaly-Tash (after Мартынов и др., 1992. Рис. 87; 75); 1d – Kazakh Altay, Akbaur (drawing by Yu. N. Esin); 2b – Minusinsk Depression, Sukhanikha (drawing by Yu. N. Esin); 2d – Russian Altay, Elangash (after Окладников и др., 1979. Табл. 52, 5); 3 – Central Mongolia, Chuluut (after Тэрзуунбаяр, 2012. Зур. 6). 1d – painting in red, the rest – petroglyphs. Scale varies

близка к овалу, но передняя сторона выгнута немного сильнее. Эта форма сопоставима с кузовом реальной колесницы из могильника Цяобэй — одной из наиболее ранних колесниц, найденных в погребениях периода поздней Шан (Wu, 2013. Fig. 1.3).

Изображение борта колесницы, показанного в проекции спереди, ранее еще не было идентифицировано среди петроглифов степного пояса, поэтому эта деталь заслуживает дополнительного внимания. По форме можно выделить три основных его типа: подпрямоугольный, дугообразный, углообразный (рис. 4). Часто в середине такой фигуры показана вертикальная стойка, закрепленная над дышлом (рис. 4, 1b, 2b, 2c, 3). Иногда внутренняя часть фигуры заполнена выбивкой, которая может передавать решетчатую (рис. 4, 2b) или полностью закрытую (Кубарев, 2009. Рис. 1159) стенку. В одном случае в середине подпрямоугольной фигуры за колесной осью изображен антропоморфный лик, видимо, воспроизводящий оформление лицевой стороны борта (рис. 4, 1d).

Можно выделить два способа показа переднего борта колесниц: 1) изображение борта сочетается с площадкой кузова в проекции сверху и расположено позади нее, как на изображении из Хуруугийн Узуур (рис. 4, 1a–1c, 2a, 3); 2) изображение борта расположено позади колесной оси, а площадка кузова в проекции сверху не показана (рис. 4, 1d, 2b–2d). В обоих случаях борт может соединяться с остальным изображением одним из двух способов: а) нижняя часть борта упирается в площадку кузова: площадка в проекции сверху (рис. 4, 1a, 1b, 2a, 3), площадка в проекции спереди (рис. 4, 1d, 2b); б) боковые части борта упираются в колеса и дополняют его фронтальную проекцию видом сбоку (рис. 4, 1c, 2c, 2d).

Верхний край борта колесницы из Хуруугийн Узуур изображен немного ниже пояса возничего. Такая высота борта кузова была типична для многих колесниц II тыс. до н. э., о чем можно судить по реальным колесницам, их изображениям в проекции сбоку и бронзовым моделям из Восточного Средиземноморья, Кавказа и ранним колесницам из Китая. В то же время колесница из Цяобэй и другие китайские колесницы демонстрируют существенное нововведение — обособленный от борта поручень на высоких стойках, на который мог опираться колесничий. В дальнейшем это позволило снизить высоту самого борта у колесниц этого региона.

Стилистические признаки, их иерархия и историческая интерпретация

Изображение из Хуруугийн Узуур связано с одним из двух основных способов передачи колесных повозок на плоской поверхности, которые использовались в древности, — с видом в плане (Bussagli, 1955; Piggott, 1983: 78; Francfort, 2002; Есин, 2009. С. 59, рис. 14). В рамках такого способа существовало, однако, несколько особых изобразительных традиций, формирование, распространение, трансформация и ареалы которых определялись историческими и культурными процессами. Первая из них появилась в IV тыс. до н. э. в Европе. Для нее было характерно последовательное использование проекции сверху для всех элементов транспортного средства, включая кузов, тягловых животных и в ряде случаев колес (Цюшен в Германии, Каменная могила на Украине, некоторые изображения на Кавказе и в Альпах). Изображение из Хуруугийн Узуур принадлежит к другой традиции, сочетающей вид сверху для кузова с иными проекциями для других частей повозки. Она сформировалась во II тыс. до н. э. в степном поясе Евразии и связана с появлением нового вида колесного транспорта — колесницы.

Разные признаки изображений этой второй традиции имеют разную частотность употребления и географию распространения в Евразии. Одни из них очень устойчивы и широко распространены, другие — более редкие и локальные. Как и в случае с другими культурными явлениями, за этими различиями в изображении, несомненно, стоят процессы развития этой традиции во времени и пространстве. К числу наиболее типичных признаков, получивших в эпоху бронзы распространение по всему степному поясу Евразии и даже за его пределами, принадлежат кузов в проекции сверху с одной колесной осью и дышлом в виде одинарной жерди, парой упряжных лошадей и колес в проекции сбоку. Наиболее непротиворечивая гипотеза, способная объяснить широту ареала и устойчивость этого сочетания признаков в разных по культуре и языку регионах, заключается в том, что образ колесницы в искусстве являлся новой для них темой и распространялся вместе с самой колесницей и выработанными базовыми правилами ее изображения.

Эти правила с высокой вероятностью могли иметь истоки в центральной части степного пояса в погребальных обрядах элиты андроновской (в широком смысле) традиции начала II тыс. до н. э.,

которые включали использование колесницы и лошадей и их последующее захоронение (в той или иной форме). При этом наиболее близки им захоронения не синташтинской культуры, к которым обычно обращаются как сторонники, так и противники такого сравнения (Francfort, 2002. P. 86), а более поздние и более восточные памятники, содержащие полные парные скелеты лошадей на боку, хотя деревянные части колесниц там почти всегда не могли сохраниться (Кузьмина, 2011. Рис. 11, 2; Ткачев, 2002. Рис. 52; Кукушкин, Дмитриев, 2019. Рис. 2). Частично разобранный повозка с забитыми и уложенными на бок упряжными лошадьми для проведения обряда прощания с умершим высокого социального статуса, отправляющимся в иной мир, вполне могла послужить образцом при выработке базового набора правил изображения степных колесниц на плоскости. Кроме того, прагматика хотя бы части самих изображений (цель их создания, социальное значение) какое-то время могла сохранять связь с погребальным обрядом, что дополнительно способствовало закреплению данного способа показа объекта.

Связь изображений колесниц с погребальной практикой могла бы также объяснить выбор некоторых проекций и решений в Хуруугийн Узуур. В этом случае положение колесничего может передавать образ не только стоящего в кузове, как при жизни, но и лежащего на спине человека, поверх которого уложен снятый с кузова передний борт, рядом — снятые с оси и уложенные на землю колеса, а по бокам дышла — пара забитых лошадей. Равная возможность двух противоположных объяснений, видимо, не случайность. Скорее, это намеренно используемый и многократно тиражируемый на скалах прием, отражающий двойственность статуса умершего, находящегося в стадии перехода к посмертному существованию.

В отличие от признаков предыдущей группы, полная фигура колесничего анфас⁵ и контур переднего борта кузова распространены не столь широко. Вместе или по отдельности они представлены в основном, лишь среди наскальных изображений

колесниц Центральной и Западной Монголии, Российского Алтая и Тувы (Новгородова, 1984. Рис. 19, 2; Окладников и др., 1979. Табл. 52, 5; Дэвлет, 1998. Рис. 14, 2; Кубарев, 2004. Табл. VII, 8; IX, 3, 4, 18; Черемисин, 2006. Рис. 6; Jacobson-Tepfer, 2012. Fig. 1b, 1c, 12; Килуновская и др., 2020. Рис. 15, 1). Их ареал, видимо, очерчивает определенную культурно-историческую область. Единичные и своеобразные изображения колесничего с бортом имеются в Кыргызстане (рис. 4, 1с, 2а). Несколько шире распространены изображения фигуры колесничего анфас без борта, связывая традиции Монголии и юга Сибири со степями Казахстана (Кадырбаев, Марьяшев, 2007. Рис. 20, 1, 2; Байпаков, Марьяшев, 2008. Фото 75; Самашев, 2018. Рис. 47; 236; 430).

В свою очередь, в рамках серии колесниц восточных степей с бортом и человеком в кузове несколькими стилистическими вариантами представлены изображения упряжных лошадей. Очевидно, что в отличие от наиболее общих и устойчивых правил изображения колесницы в целом, стилистика изображения животных следовала предшествующим традициям отдельных групп населения. В связи с этим, именно стиль животных наиболее показателен для изучения многих вопросов, связанных с распространением этого вида транспорта. Ему следует уделить специальное внимание.

Схематичный стиль изображения лошадей колесницы из Хуруугийн Узуур можно условно назвать линейным, т. к. все элементы фигур приближаются по форме к простым линиям, хотя туловище может быть более объемным. Стоит отметить, что в том же схематичном стиле изображены и колесничий. Среди запряженных в колесницы изображений лошадей на скалах Монголии лишь часть показана в таком стиле. Довольно близкие изображения известны из долины соседней р. Чулуут (Новгородова, 1989. С. 154, 157) и представлены в ряде памятников южной и юго-западной Монголии. Образы лошадей в линейном стиле в истории наскального искусства эпохи бронзы долины р. Хойд Тамир требуют специального рассмотрения.

Упряжные лошади в контексте изобразительных традиций эпохи бронзы долины Хойд Тамир

Проведенное изучение изображений на скалах, отдельных камнях и стелах в долине р. Хойд Тамир, их стратиграфии и археологического контекста позволяет выделить основные стили изображения

⁵ Можно выделить два ключевых и наиболее общих признака для классификации изображений колесничих на скалах внутренних горно-степных районов Евразии, отражающих принадлежность к разным ареалам и культурным группам: а) по расположению относительно колесницы — рядом или в кузове; б) по типу проекции — вид сбоку или анфас. Признаки следующего уровня связаны с согнутой или прямой спиной, положением рук, наличием тех или иных атрибутов и другими особенностями.

лошадей эпохи бронзы и построить их относительную хронологию:

1. Древнейший пласт наскальных изображений этого района представлен группой относительно реалистичных фигур животных. Образ лошади является среди них одним из наиболее типичных (рис. 5, 1–6). Ранние рисунки в рамках данной традиции отличаются массивным туловищем с двумя ногами и дугообразно очерченным животом; как правило, обозначена грива, а у головы – фигурный контур. Техника нанесения рисунков – гравировка по контуру либо гравировка в сочетании с неглубоким выскабливанием по силуэту. Второй вариант позволял получить рисунки хорошо заметные на темно-коричневом фоне поверхности камней. Однако к настоящему времени под влиянием длительного «загара» их цвет уже почти не отличается от цвета камня, что затрудняет обнаружение. Появление данной изобразительной традиции в долине р. Хойд Тамир, вероятно, произошло в III тыс. до н. э. и может быть связано с афанасьевской культурой (Есин и др., 2012). Погребения афанасьевской культуры являются древнейшими курганными захоронениями в этой долине, но радиоуглеродных дат для них, к сожалению, пока нет. Ближайшее датированное погребение – Шатар Чулуу в соседнем аймаке Баянхонгор – имеет возраст около 3090–2920 лет до н. э. (2σ) (Rogers et al., 2019, Fig. 2). Не исключено, что наиболее поздние образцы изображений, связанные с этой изобразительной традицией, могли создаваться вплоть до начала II тыс. до н. э., хотя хронологические границы нуждаются в дальнейшем уточнении.

2. Несколько позже ранней группы, возможно, началом II тыс. до н. э. должен датироваться более схематичный рисунок лошади с поджарым туловищем (рис. 5, 7). При этом он выполнен в той же технике выскабливания и, видимо, сохраняет определенные связи с предыдущей традицией.

3. К следующему периоду эпохи бронзы можно отнести серию довольно разных по стилистическим признакам изображений лошадей, которые должны быть разделены на несколько групп. Всем им присущ определенный схематизм, однако способ и степень его реализации различны. Первая и самая крупная группа изображений принадлежит к наиболее реалистичным из них (рис. 5, 8, 9). Они выделяются объемным туловищем и шеей. Для многих лошадей этой группы характерна несколько преувеличенная, вытянутая вперед и вверх шея. Вторая группа значительно меньше по количеству

фигур и характеризуется максимальным схематизмом (рис. 5, 10, 11). Выше мы уже назвали этот стиль линейным. Палимпсестов изображений этих двух групп между собой не выявлено: обычно они находятся на разных плоскостях, а когда соседствуют, то не перекрывают друг друга. Например, такие рисунки выбиты в нижней части плоскости с колесницей. Можно предполагать их существование в один период времени и взаимовлияние. Другие группы представлены единичными изображениями (рис. 5, 12, 13; 6, 4, 5). Если рассматривать все эти стилистические группы с точки зрения возможной преемственности с более древними изображениями данного района, то какими-то связями с ними могла обладать лишь первая группа, для остальных такие истоки определенно следует исключить.

4. К завершающему периоду эпохи бронзы в долине р. Хойд Тамир принадлежит изобразительная традиция, связанная с оленными камнями монголо-забайкальского типа (рис. 5, 14–19). Изображения лошадей этой традиции отличает объемное, но поджарое туловище с выделенным бедром задней ноги и вытянутой вверх и вперед шеей; иногда верхняя часть туловища и шея выделены выбивкой, видимо, для акцентирования внимания на разном цвете шкуры на спине и животе; как правило, показаны только две ноги, которые слегка согнуты в суставах и вытянуты вниз или подогнуты под туловище; голова обычно с фигурным контуром, часто показаны глаз и открытый рот, сверху два вертикальных уха; хвост короткий, дугообразно изогнутый назад и вниз.

Относительный возраст изображений в линейном стиле подтверждают случаи прямой стратиграфии. В этом отношении важна одна из плоскостей Хуруугийн Узуур (участок 19, обращена к небу), где животные в линейном стиле (лошадь и волк) изображены позднее, чем нанесенная процарапанными линиями фигура массивного козла головой влево (в средней части плоскости, сохранилась очень плохо), которая принадлежит к раннему пласту изображений Хуруугийн Узуур (рис. 6, 1–3). Несколько позже фигур в линейном стиле нанесен рисунок лошади с более объемным туловищем и длинной, вытянутой вверх шеей, который размещен между ними (рис. 6, 4). Все эти рисунки затем перекрыты фигурами козлов и барана (рис. 6, 6–8), имеющих единый стиль с животными на оленных камнях вблизи Хуруугийн Узуур (Гантулга и др., 2016, № 20, 87).

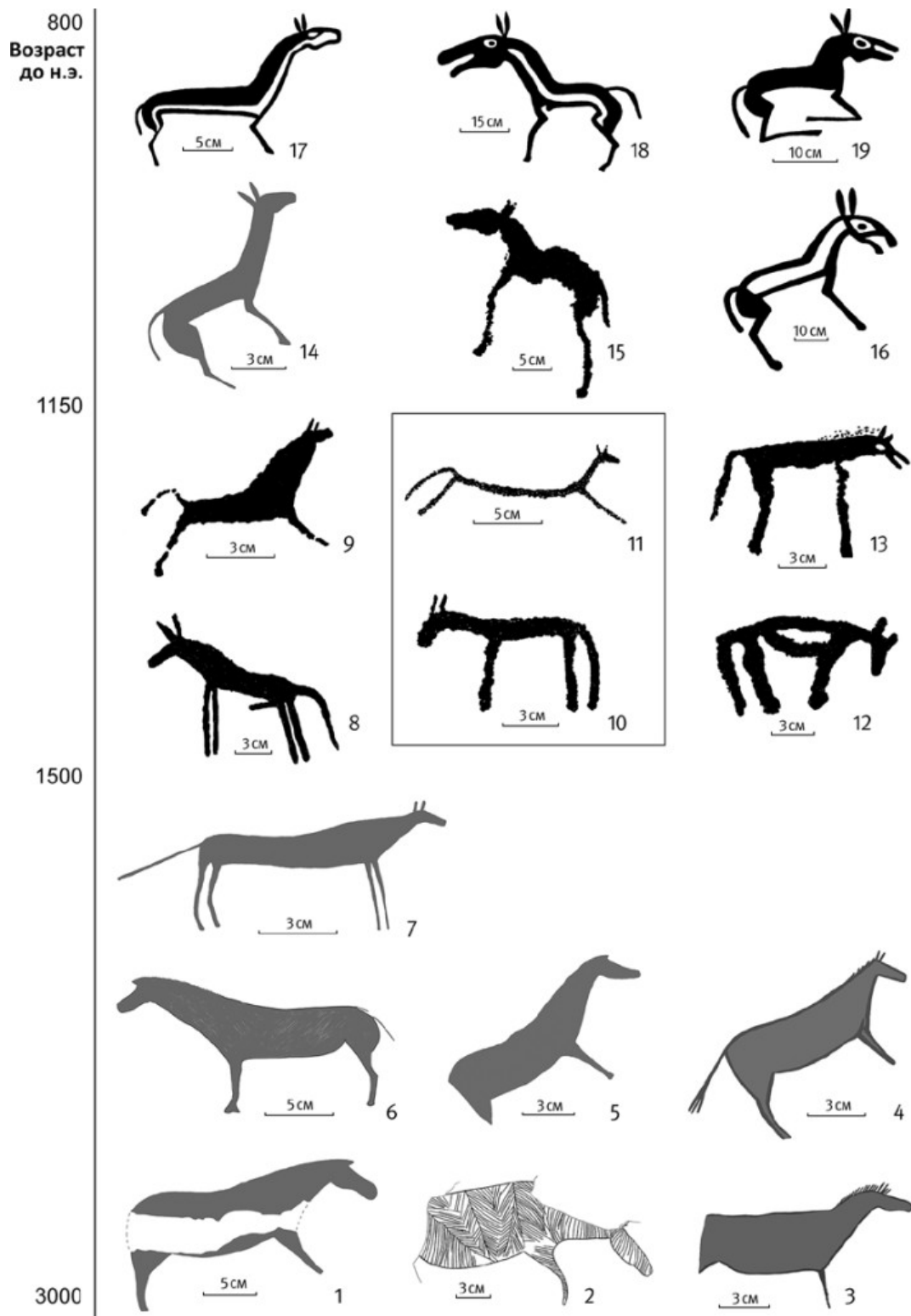

РИС. 5. Относительная хронология и предполагаемый возраст основных стилистических вариантов изображений лошади в наскальном искусстве эпохи бронзы долины р. Хойд Тамир: 1-15 – Хуруугийн Узуур, изображения на скалах и из кургана 128; 16-19 – оленные камни 38, 4, 49, 36 (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 5. Relative chronology and presumed age of the major stylistic variants of horse representations in the rock art of the Bronze Age in the Khoyd Tamir River valley: 1-15 – Khuruugiin Uzuur, representations on the rocks and in barrow 128; 16-19 – deer stones 38, 4, 49, 36 (drawing by Yu. N. Esin)

РИС. 6. Хуруугийн Узуур, стратиграфия петроглифов эпохи бронзы (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 6. Khuruugiin Uzuur, stratigraphy of petroglyphs of the Bronze Age (drawing by Yu. N. Esin)

Ту же верхнюю хронологическую границу для линейного стиля подтверждает крупная фигура оленя, выбитая поверх нижней части колесницы Хуруугийн Узуур (рис. 2, 12). Олень изображен без рогов, над его головой имеется контурная окружность. Узкая вытянутая («клювовидная») морда

и другие стилистические признаки аналогичны изображениям животных этого вида на стелах монголо-забайкальского типа. Таким образом, стратиграфия изображений и существенные стилистические отличия свидетельствуют, что изображения в линейном стиле на скалах долины р. Хойд Тамир предшествуют периоду распространения оленных камней и принадлежат к иной традиции.

Возраст и археологический контекст колесницы Хуруугийн Узуур

Серия радиоуглеродных дат, полученных по костям лошадей из жертвенников возле пяти оленных камней в долине Хойд Тамир (Гантулга и др., 2016. Зур. 18–23; Zazzo et al., 2019. P. 91), ограничивает основной период создания этих стел периодом XII–IX вв. до н. э. Древнейшие оленные камни с новым изобразительным стилем животных вряд ли получили здесь распространение ранее второй половины XII в. до н. э. Эта дата должна рассматриваться как верхний рубеж существования линейного стиля в местном наскальном искусстве, с которым связано изображение колесницы.

Еще большую ясность в вопрос о возрасте и культурной принадлежности изображений в линейном стиле в долине р. Хойд Тамир позволяет внести находка в одном из курганов могильника, расположенного у подножия той возвышенности, на которой находятся описанные выше петроглифы. В 2012 г. при раскопках кургана 128 могильника Хуруугийн Узуур был обнаружен каменный блок с изображениями животных и человека в линейном стиле. Захоронение совершено в узкой и немного углубленной относительно уровня древнего горизонта яме, обложенной крупными кусками скалы, образующими гробницу. Гробница перекрыта несколькими крупными камнями. Тело погребенной женщины (возраст около 30 лет, рост $144,4 \pm 3,8$ см, монголоидный фенотип) в гробнице было положено на левом боку вполоборота головой на запад; ноги вытянуты и лишь слегка согнуты в коленях, левая рука вытянута вдоль туловища, а правая находилась поверх тела; череп (кроме нижней челюсти) на своем месте отсутствовал и находился в восточной части гробницы поверх голени (видимо, перемещен сурками, как и ряд других костей). Вокруг погребения сооружена круглая ограда (крепида) диаметром около 7,3 м из крупных каменных блоков с четырьмя немного более высокими камнями на противоположных сторонах. Внутри ограда полностью заложена камнями (рис. 7).

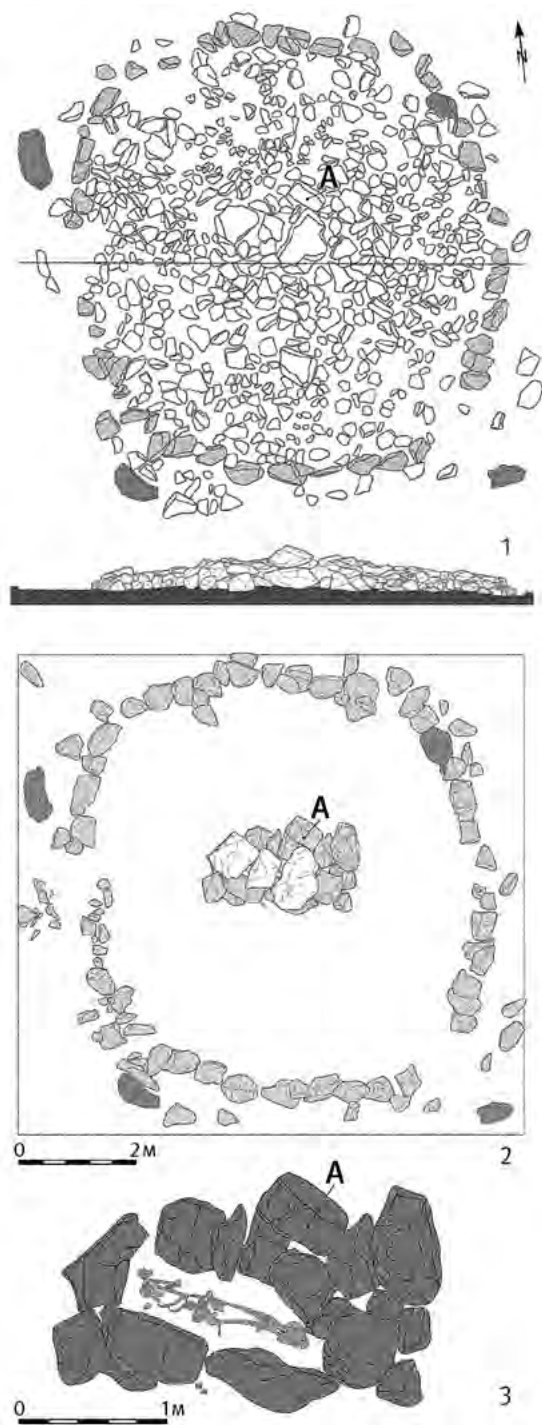

РИС. 7. Хуруугийн Узуур, курган 128: 1 – после расчистки насыпи; 2 – после удаления насыпи; 3 – погребение; А – каменный блок с изображениями (материалы Монако-Монгольской экспедиции)

FIG. 7. Khuruugiin Uzuur, barrow 128: 1 – after clearing of the mound; 2 – after excavation of the mound; 3 – burial; A – stone block with representations (materials of the Monaco-Mongolian joint archaeological expedition)

Изображения нанесены на одну из широких сторон каменного блока из песчаника размером $57 \times 54 \times 27$ см. Блок с рисунками был намеренно поставлен на узкую грань у середины северной стенки каменной гробницы. Плоскость с изображениями была обращена внутрь гробницы (на юго-запад). Когда гробница была закрыта плитами, а курган заложен камнями, основная часть изображений на блоке была скрыта в насыпи, а на поверхность выступал лишь край плоскости (рис. 8). Следовательно, рисунки не могли быть нанесены после сооружения кургана.

Всего на блоке изображено восемь фигур: одна антропоморфная мужская (судя по признаку пола), шесть фигур лошадей (судя по форме хвоста) и одна фигура оленя (судя по форме рогов и хвоста). Изображения животных выполнены неглубокой выбивкой, изображение антропоморфной фигуры – выбивкой в сочетании со шлифовкой. Изображения на краю плоскости, оказавшиеся возле поверхности насыпи, сохранились хуже: голова одного животного этой части плоскости уничтожена лишайником (рис. 8, 2). Все образы на блоке показаны схематично, принадлежат к одной изобразительной традиции, но различаются некоторыми нюансами. Олень и пять лошадей чуть позади него выстроены в ряд и показаны движущимися в одну сторону; позади них располагается мужская фигура, а перед ними одна лошадь, которая обращена головой туда же, куда и мужчина.

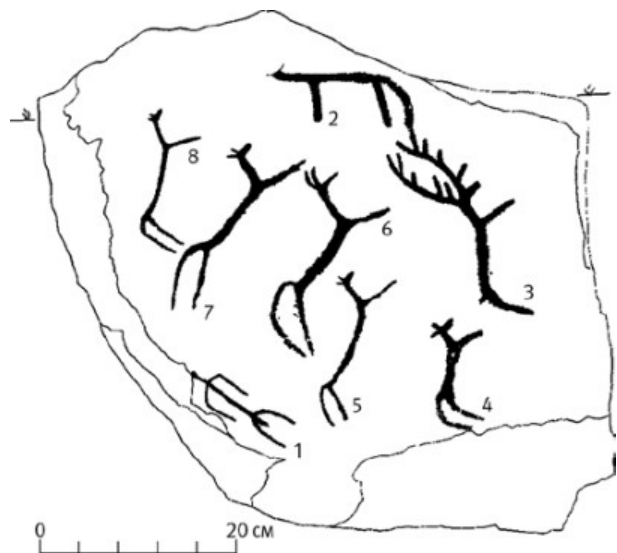

РИС. 8. Хуруугийн Узуур, изображение на каменном блоке из кургана 128 (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 8. Khuruugiin Uzuur, representation on a stone block from barrow 128 (drawing by Yu. N. Esin)

По костям из погребения получена радиоуглеродная дата (Beta-389398; 2980 ± 30 BP), которая с учетом калибровки определяет возраст кургана периодом 1280–1115 лет до н. э. (2 σ ; IntCal13). Всего в данном микрорайоне экспедицией раскопано шесть захоронений подобного типа как с круглой, так и с квадратной оградой. По найденным в них человеческим костям получено шесть дат, которые с учетом калибровки охватывают период XV–XI вв. до н. э. (табл. 1). Основное время сооружения таких погребений выпадает на XIV–XII вв. до н. э. (четыре погребения). Следовательно, лишь на позднем этапе эта погребальная традиция некоторое время могла сосуществовать с ранними оленными камнями и херексурами долины р. Хойд Тамир.

Захоронения, подобные кургану 128, в работах исследователей разных научных школ и групп имеют различные названия: погребения монгунтайгинского типа (Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2010), херексуры классов II и III (Frohlich, 2006; Frohlich et al., 2008), погребения на склонах (Houle, 2010. P. 14), курганы с четырьмя угловыми камнями (Гантулга, 2014. С. 33) или курганы типа Хяр Хараач (Miyamoto, 2017), погребения типа Сагсай (Төрбат, 2014. Т. 12, 17). Лишь недавно в монгольской архео-

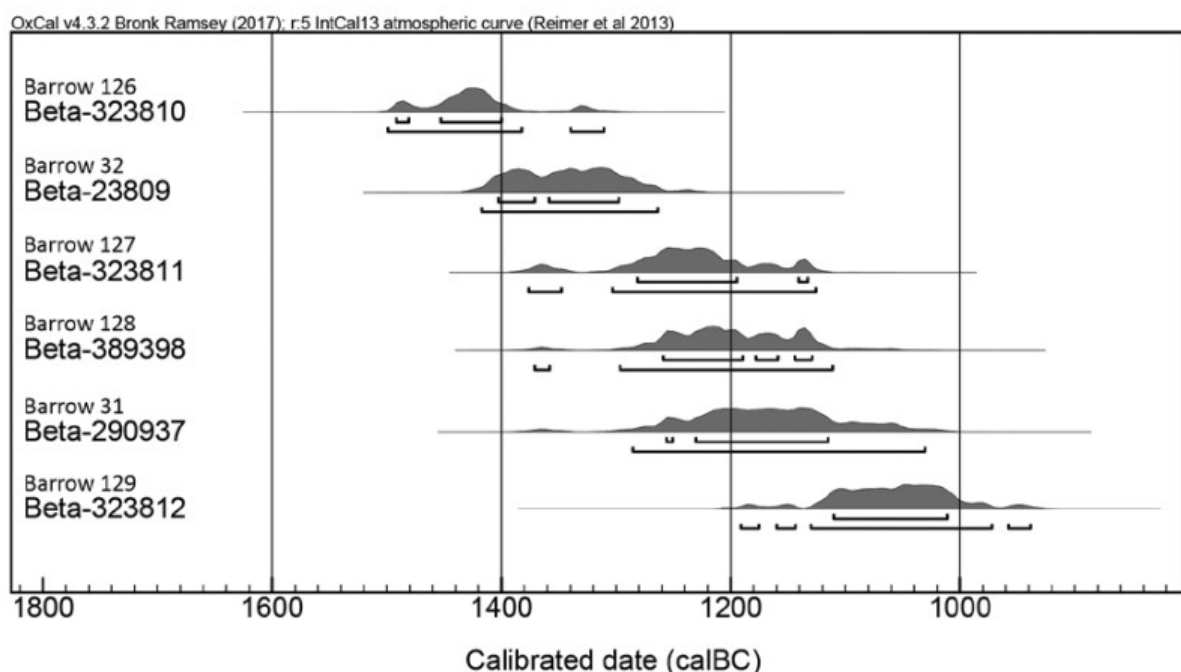
логии закрепилось последнее из них. Такие курганы распространены на территории не только Центральной, но и Западной Монголии, а также на приграничных территориях Южной и Восточной Сибири. Радиоуглеродный возраст других подобных монгольских погребений в целом совпадает с периодом, определенным для долины р. Хойд Тамир (Taylor et al., 2019. Fig. 4).

Дискуссионным вопросом является археологическая и историческая интерпретация этой группы захоронений: одни исследователи выделяют ее в особую культурную общность позднего бронзового века, другие объединяют в один комплекс с херексурами и оленными камнями. Для решения этой проблемы необходимо учесть значительные различия между двумя этими группами погребений по конструкции, положению умерших и хронологии.

Конструкция. У захоронений сагсайского типа ограда образует внешний край курганной насыпи (крепида), тогда как у херексуров между оградой и курганной насыпью имеется свободное пространство; помимо этого, у вторых за оградой регулярно расположены дополнительные ритуальные объекты, которых нет у первых.

Таблица 1. Калиброванные радиоуглеродные даты (с 68,2 % и 95,4 % вероятности), полученные по костям человека из курганов типа Сагсай в долине р. Хойд-Тамир

Table 1. Calibrated radiocarbon dates (with 68.2 % and 95.4 % probability ranges) obtained from human bones from barrows of the Sagsay type in the Khoyd Tamir River valley

Положение умерших. На боку вполоборота у первых, вытянуто на спине у вторых. Наиболее полное представление о положении умершего в херексурах этого района дает непотревоженная гробница неподалеку на р. Орхон (*Ėnkhtör et al.*, 2018. Fig. 7, 5).

Хронология. В некоторых исследованиях начало культуры херексуров и оленных камней датируется временем появления курганов сагсайского типа. Однако в ряде случаев такая ранняя дата херексуров, несомненно, связана с уже отмеченными выше различиями в классификациях и терминах исследователей разных памятников. В частности, серия курганов, аналогичных по конструкции кургану 128, была включена в одну группу с херексурами в аймаке Ховсгол (*Frohlich et al.*, 2008; *Taylor et al.*, 2017. Fig. 4; *Jeong et al.*, 2018. Fig. S2: *Khuvsgul aimag burial mounds* 3, 9, 10, 17, 18, 22–25, 55). Недавняя уточненная и детализированная база радиоуглеродных дат для всей Монголии показывает, что курганы типа Сагсай предшествуют появлению оленных камней, сопутствующих херексурам жертвенников и основной части погребений в херексурах (*Taylor et al.*, 2019. Fig. 4). Хотя есть несколько радиоуглеродных дат для захоронений в херексурах из Гоби, которые относятся к XIV в. до н. э. (Там же. Fig. 5G), они выглядят исключением из общего правила и требуют отдельного изучения.

Учитывая все эти отличия курганов сагсайского типа от херексуров и то, что периоды их существования совпадают лишь частично, мы полагаем, что они представляют захоронения иной культурной общности эпохи бронзы. Продемонстрированные выше различия в изобразительных традициях, которые ранее не учитывались, служат еще одним аргументом в пользу такого вывода.

Колесницы в период херексуров и оленных камней

Среди наскальных изображений долины Хойд Тамир, созданных в период херексуров и оленных камней, колесницы пока не зафиксированы. Тем не менее, здесь имеется ряд изображений, прямо или косвенно связанных с образом этого транспортного средства. Например, с ним связаны самостоятельные рисунки в форме колеса. Ранее они были ошибочно отнесены к числу средневековых тамг (так же как изображения типичных для оленных камней ушных колец) (*Гантулга и др.*, 2018. С. 67, рис. 580; 712). В одном случае такое колесо с четырьмя

спицами выбито относительно одновременно с фигурой лошади, форма головы, туловища и ног которой позволяет отнести ее к культурной общности херексуров и оленных камней Центральной Монголии (рис. 9, 1). Изображения в форме колеса со спицами известны и на оленных камнях (*Баярсайхан*, 2017. Зур. 35, 2; *Төрбат*, 2018. № 730, 802). Очевидно, такое «колесо» изображалось не как часть колесницы, а играло самостоятельную роль. Его значение может быть связано с метафорическими отождествлениями колеса в культуре. Раскрыть это значение позволяет другой рисунок Хуруугийн Узуур, где от аналогичного колеса отходят 12 лучей (рис. 9, 2), что позволяет сопоставлять его с образом солнца, природной цикличностью и календарными представлениями. Подобные идеи и сопоставление солнца с колесом у скотоводов того времени были распространены довольно широко (*Есин*, 2013. С. 76).

Более информативным источником, подтверждающим использование колесниц в это время, являются оленные камни. В частности, в до-

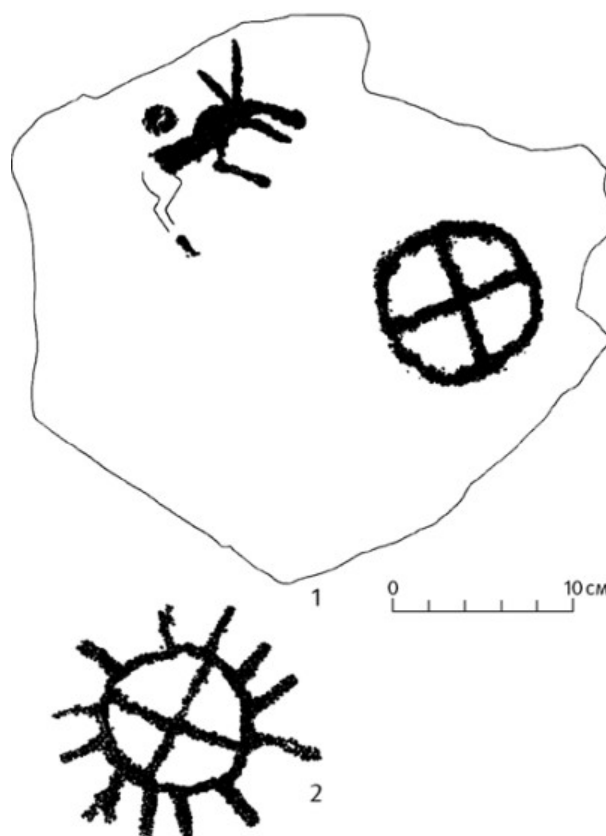

РИС. 9. Хуруугийн Узуур, изображения в форме колеса со спицами (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 9. Khuruugiin Uzuur, representations in the form of a wheel with spokes (drawing by Yu. N. Esin)

лине р. Хойд Тамир на это указывают специфические изделия с парой крючков у 18 стел. Данный предмет, иногда называемый «держателем поводьев», являлся важным элементом экипировки колесничего (Варёнов, 1984; Lin, 2007). С учетом фрагментарности и плохой сохранности многих стел, не позволяющей сделать обоснованный вывод о наличии или отсутствии изображения данного предмета, количество таких оленных камней, несомненно, было больше (из 108 обследованных здесь стел лишь 47 обладали необходимой сохранностью). Важно отметить, что форма пластины с крючками, показанная на оленных камнях, принадлежит к типу, отличному от аналогичных по функции изделий (пластина с дугами «в форме лука») из китайских погребений с колесницами периода Шан. Тот тип «держателя поводьев», что изображен на оленных камнях, в Китае тоже известен, но датируется не ранее конца Западного Чжоу (Lin, 2007. Рис. 1.3). Это не позволяет согласиться с гипотезой, рассматривающей появление в Китае колесничного комплекса в контексте влияния культуры херексуров и оленных камней (Taylor et al., 2015. P. 856; 2017. P. 56).

На всех изученных оленных камнях данная принадлежность экипировки колесничего всегда соседствует с комплектом оружия. Чаще всего он включает лук и колчан со стрелами, боевой топор, нож, кинжал и щит (рис. 10). Это указывает на военное значение и самих колесниц в реальной жизни.

С длительным использованием лошадей в колесничной упряжке может быть связано возникновение характерных следов от узды, выявленных недавно на некоторых черепах из жертвенников возле оленных камней и херексуров того же типа, что и в долине р. Хойд Тамир. Хотя в это же время, видимо, уже практикуется и верховая езда (Taylor et al., 2015). С точки зрения возможной связи с колесничными упряжками могут представлять особый интерес четыре захоронения парных лошадиных черепов, обнаруженные возле крупного херексура В10 в долине Хойд Тамир (Lepetz et al., 2019. P. 158, fig. 10, c, f).

На задней (западной для первоначальной позиции) грани стелы 5 в окрестностях Хуруугийн Узуур выбита отдельная композиция из двух оленей, которые расположены спинами друг к другу, т. е. аналогично лошадям парной запряжки колесницы (рис. 11). Значение и место этой композиции становятся понятны в контексте того, что на задней либо боковой грани нескольких оленных камней Монголии и Тувы обнаружены изображения самих запряженных колесниц, движущихся вверх, к небу (Волков, 2002. Табл. 103, 2). Однако остается открытым

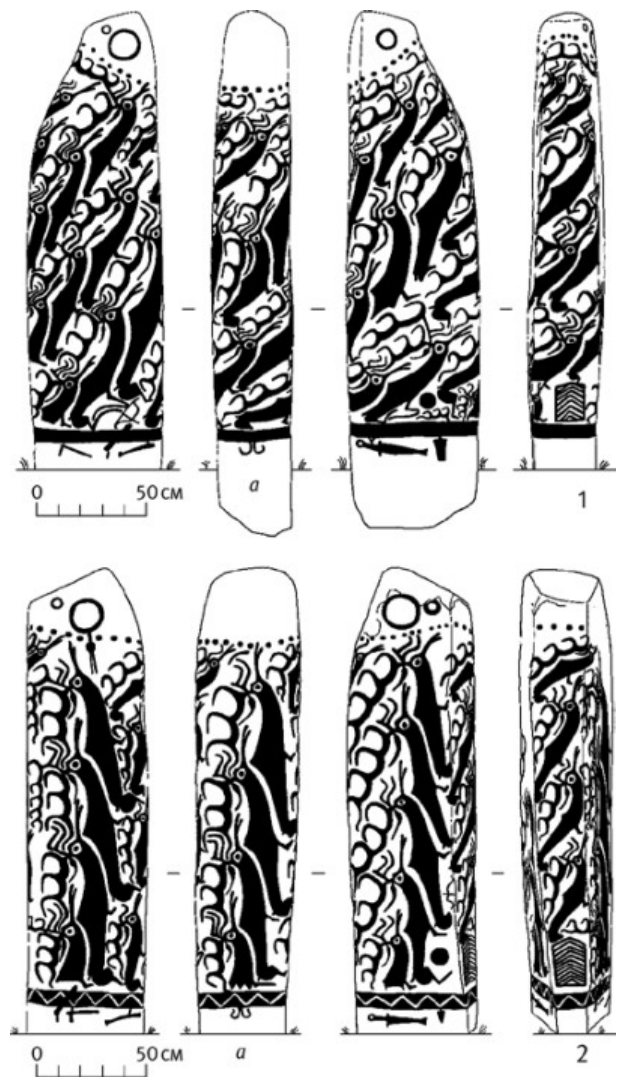

РИС. 10. Хойд Тамир, оленные камни 35 (1) и 33 (2): а – пластина с парой крючков, закрепленная на поясе (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 10. Khoyd Tamir, deer stones 35 (1) and 33 (2): a – plate with a pair of hooks attached to a belt (drawing by Yu. N. Esin)

вопрос, почему в данном случае вместо упряжных лошадей изображены олени? Ответ на него, несомненно, тесно связан с более общей проблемой: как образ умершего воина (в том числе воина-колесничего), с которым соотнесены стелы позднего бронзового века Монголии, связан с образом оленя, ставшего типичным элементом их оформления?

Анализ композиций: люди, лошади, олени

Рядом с колесницей на скальной плоскости Хуруугийн Узуур выбито еще несколько рисунков той же исторической эпохи (рис. 2). Взаимное расположение фигур в линейном стиле сопоставимо

РИС. 11. Хойд Тамир, оленный камень 5 (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 11. Khoyd Tamir, deer stone 5 (drawing by Yu. N. Esin)

с изображениями из кургана 128 и позволяет рассматривать их в качестве композиции. Колесница находится в нижнем ярусе этой композиции. Верхний ярус отмечен одной обособленной лошастью прямо над колесничим (рис. 2, 2). Она направлена головой вправо, т. е. аналогично колеснице, но противоположно остальным животным на плоскости. Между колесницей и этой лошастью, но немного правее, расположена группа копытных из одного оленя и нескольких лошадей, движущихся влево и вверх. Возглавляет группу большерогий олень, фигура которого превосходит по размеру следующих за ним животных (рис. 2, 3). Снизу от него — самая крупная фигура лошади. Позади этих двух животных в вертикальный ряд выстроены

еще четыре лошади (рис. 2, 5–8). Таким образом, можно говорить о трехчастной композиции, крайние точки которой занимают человек на колеснице и одиночная лошадь, а между ними — группа из пяти лошадей во главе с оленем, которая движется наклонно вверх, туда, где находится ожидающая их одиночная, «главная» лошадь.

На этой же плоскости есть еще изображения трех животных позднего бронзового века, которые стилистически несколько отличаются от описанной группы: горный козел чуть ниже колесницы (рис. 2, 10); две лошади с длинной и вытянутой вверх шеей, одна из которых (крупная и более реалистичная) выбита ниже козла (рис. 2, 11), а другая (маленькая и схематичная) — чуть выше колесницы (рис. 2, 9). Судя по положению на плоскости, они могли быть добавлены позднее. Последнее, в частности, относится к маленькой лошади с вытянутой вверх шеей, размещенной среди лошадей основной группы. Самый поздний рисунок здесь — олень с узкой мордой (рис. 2, 12), напоминающей длинный клюв птицы (как у журавля). Он перекрыл колесницу, но ориентирован аналогично более раннему оленю и основной группе животных.

Композиция на скале находит довольно близкое сходство с композицией на каменном блоке из кургана 128 у подножия этой сопки (рис. 7). Восприятие изображений на блоке из кургана 128 зависит от того, как его ориентировать. Если расположить человека и основную часть животных ногами вниз, то перед нами бытовая сцена, в которой мужчина пасет лошадей или просто движется следом за ними. Но в этом случае непонятно, почему среди лошадей находится олень. Кроме того, из этой сцены выпадает одна лошадь, которая оказывается повернутой перпендикулярно остальным животным (головой вверх). Однако в контексте погребальной конструкции блок был установлен так, что человеческая фигура располагалась горизонтально головой влево (в западный сектор) (рис. 8, 1), шесть животных движутся вверх (рис. 8, 3–8), а одна лошадь обособлена и тоже расположена в горизонтальной позиции (рис. 8, 2). Таким образом, положение фигур, как и на скале, разделяет композицию на три яруса по вертикали.

Представляется неслучайным, что положение и ориентировка мужской фигуры на камне совпадают с положением тела в гробнице. Это позволяет предполагать, что мужская фигура тоже изображает умершего человека. Выбор этого камня для включения в погребальный контекст и, вероятно,

преднамеренное расположение мужской фигуры параллельно телу умершей женщины указывает на то, что изображения на нем связаны с соответствующими верованиями и обрядами. Не исключено, что таким образом устроители погребального обряда могли символически воссоздать семейные или клановые связи умершей женщины. Независимо от того, были ли петроглифы нанесены на камень специально для ее погребального обряда или немного ранее, решение использовать этот каменный блок в погребении свидетельствует, что композиция на нем соответствовала существовавшим верованиям, связанным со смертью. В частности, если мужская фигура, как сказано выше, являлась изображением умершего человека, то композиция в целом могла иллюстрировать его переход в иной мир.

При такой интерпретации вместе с умершим туда отправились пять лошадей (рис. 8, 4–8). Возможно, они соответствовали животным, принесенным в жертву в ходе погребально-поминального обряда, хотя обычая оставлять их кости в курганах этой культуры не было. Важную роль в этом переходе играл олень-самец с большими рогами, который, судя по композиции, ведет всю группу (рис. 8, 3). Эта группа ориентирована иначе, чем последняя лошадь (рис. 8, 2), которая, видимо, маркирует иную область пространства. Поскольку эта область расположена на самом верху композиции, то целью перехода можно считать некое пространство на небе, которое, по аналогии с жизненной практикой, могло представляться в виде пастбища.

Нет сомнений, что обе композиции, на камне из кургана и на скале, принадлежат к одному типу изобразительного текста и отражают один и тот же круг идей. Обе они показывают табун лошадей и одного оленя с большими рогами, а также одиночную лошадь, противопоставленную остальному табу, и одиночную фигуру человека, расположенную в противоположной части композиции. Отличие между ними лишь в том, что человек на скале изображен вместе с колесницей (рис. 2, 1). Колесницу, следовательно, можно интерпретировать как транспортное средство, на котором умерший отправился в иной мир. Показательно совпадение количества лошадей, идущих за оленями в обеих композициях, что может свидетельствовать об определенных ритуальных правилах и необходимом количестве животных для благополучного посмертного существования. Дополнительно можно обратить внимание на иерархию

среди лошадей обеих групп, показанную с помощью разного размера фигур и порядка их взаимного расположения, что напоминает иерархию в табунах. Похоже, что мужчина на колеснице и пеший контролируют движение своих табунов, направляя их за оленем. Причина, по которой один из мужчин показан с колесницей, а другой – нет, могла быть связана с их разным прижизненным социальным статусом.

Трехъярусность композиций на скале и камне из кургана 128 среди других археологических материалов микрорайона имеет сходство с тремя ярусами композиции ранней группы оленных камней (Есин и др., 2017. С. 107). Сходство есть и в наборе образов: человек, олень и лошадь. С человеком соотносится весь оленный камень, что достигалось благодаря правилам размещения пояса с оружием и украшений, которые, одновременно, разграничивали стелу на три яруса. Фигуры оленей типичны для среднего яруса, причем, как на скале и на камне из кургана 128, они движутся наклонно или вертикально вверх (рис. 10). Лошади на оленных камнях изображались значительно реже оленей, но когда присутствуют, то в среднем ярусе стел они тоже направлены головой вверх. Любопытно, что на двух стелах с р. Хойд Тамир изображены группы по пять лошадей, как в более раннее время (Гантулга и др., 2016. № 2, 38).

Редкость образа лошади на оленных камнях компенсируется тем, что это животное было главной жертвой в ходе ритуалов: черепа лошадей в большом числе содержатся под выкладками из камней возле стел и херексуров. Стела и расположенные рядом жертвенники, безусловно, должны анализироваться не по отдельности, а как единый ритуальный комплекс, все части которого взаимосвязаны. В этом случае, изображенные на стеле мифические олени, обладающие признаками птиц, должны были увести в иной мир души и умершего воина, и лошадей, принесенных в жертву. Совмещение связанных с оленем верований и жизненной практики населения позднего бронзового века, в которой важную транспортную и социальную роль стали играть колесницы, сделало возможным замещение упряжных лошадей оленями, как на стеле 5 (рис. 11).

За пределами долины р. Хойд Тамир композиционная связь между колесницей и оленем прослеживается на многих археологических памятниках Центральной Монголии и Саяно-Алтая (Новгородова, 1989. С. 154, 157; 1978. Рис. 6; Окладников и др.,

1979. Табл. 9, 2; 33; 34; *Кубарев и др.*, 2005. Рис. 1, 94, 177, 244, 624, 713; *Черемисин*, 2006. Рис. 4, 4). Композиции, включающие колесницу и оленя, в конце II – начале I тыс. до н. э. известны также на достаточно удаленных территориях: от востока Внутренней Монголии до Восточного Средиземноморья, а в Закавказье, кроме того, пара оленей обнаружена в роли тягловых животных в погребении, моделирующем повозку (*Комиссаров*, 1988. Рис. 74; *Погребова*, 2011. Табл. I; XI; *Feldman, Sauvage*, 2010. Fig. 34; 46; *Смирнов*, 2018).

На территории к востоку от р. Иртыш в целом можно выделить несколько основных вариантов композиционной связи между колесницей и оленем: а) с признаками преследования и охоты на оленя с колесницы; б) колесница просто следует за оленем; в) олень сопровождает колесницу; г) олень находится впереди колесницы и ожидает ее; г) олень служит тягловым животным колесницы. Все они могут отражать варианты связанных с оленем и колесницей верований, которые существовали в устной форме. Например, путь в иной мир мог описываться и как поездка или перекочевка, в которой оказывал помощь мифический олень, и как процесс преследования оленя на охоте. Последнее, при этом, могло фиксировать реальную практику использования колесниц. Например, в Хангае и сегодня можно встретить оленей, пересекающих открытые степные участки на закате и рассвете; преследование их в такие моменты на колеснице было бы вполне возможным, хотя опасным занятием.

Обсуждение и заключение

Таким образом, основываясь на материалах археологических памятников долины р. Хойд Тамир, использование колесниц в Центральной Монголии получает вполне определенный историко-культурный контекст. Он позволяет разделить имеющиеся свидетельства на два хронологических горизонта: XV–XII вв. до н. э. или 1-й период эпохи поздней бронзы (ЭПБ-1); XII–IX вв. до н. э. или 2-й период эпохи поздней бронзы этого района (ЭПБ-2).

В более широком историческом и географическом контексте первый период можно соотносить с распространением колесниц по всей восточной части степного пояса и появлением их в конце XIII в. до н. э. в погребениях знати государства Шан (*Shaughnessy*, 1988; *Wu*, 2013; *Shelach-Lavi*, 2014. P. 15). При этом их появление непосредственно вблизи границ Шан, видимо, связано с другой

культурой позднего бронзового века Монголии – культурой Уланзурх-Тэвш, сформировавшейся не позднее XIII в. до н. э. в степях Восточной и Внутренней Монголии (*Чугунов и др.*, 2020).

Отсутствие находок реальных колесниц позднего бронзового века в Монголии не является достаточным основанием сомневаться в их использовании здесь, поскольку этот регион находился на пути движения данной инновации на восток. В коллекциях музеев Монголии можно выделить небольшую серию бронзовых изделий конца II – начала I тыс. до н. э. из числа случайных находок, которые, по аналогии с предметами оснащения колесниц эпохи бронзы Кавказа и периода Западного Чжоу Китая, следует рассматривать как детали оснащения дышла и перекладки ярма (*Цзвэндорж*, 2012. Табл. 179, 1, 2, 6; 180, 1; 181, 1; *Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар*, 2011. Рис. 19, 128–131). Атрибут колесничих – пластина с парой крюков – наряду с другими предметами вооружения и экипировки, показанными на каменных стелах ЭПБ-2, тоже имеет вполне реальные аналоги среди археологических находок. Столь же реальны были и сами колесницы. Их практическая функция в обществе, судя по оружейному контексту пластины с крюками на оленных камнях, была тесно связана с военным делом. Наряду с этим, судя по композиции на скале, колесницы использовались и для контроля за табунами лошадей. Впрочем, обе эти функции взаимосвязаны.

Анализ изобразительных и археологических контекстов показал, что причина изображения колесницы на скалах Хуруугийн Узуур связана с погребально-поминальными обрядами, способствовавшими переходу умершего в иной мир, а композиция с ее участием – с представлениями об этом переходе. Наскальные изображения демонстрируют, что эти представления совмещали военно-транспортную инновацию эпохи бронзы с верованиями о ключевой роли оленя в посмертном путешествии души умершего. Данная роль оленя отчетливо зафиксирована изобразительными композициями в период культуры курганов сагсайского типа, но особенно ярко проявилась в ЭПБ-2, когда олень стал обязательным и важнейшим зооморфным образом на восточной группе оленных камней. Поскольку прагматика не могла не накладывать ограничения на содержание наскальных композиций с колесницами, это снимает противоречие между двумя имевшимися подходами в их интерпретации, отмеченными во

введении, — колесницей как образом из реальной жизни и колесницей как образом мифов и обрядов.

Существование сразу нескольких изобразительных стилей в короткий период времени в конце II тыс. до н. э. в долине Хойд Тамир схоже с ситуацией, бытовавшей и на других территориях восточных степей, в частности, в Туве, в Минусинской котловине (Килуновская, Семёнов, 2019. Рис. 15–17; Есин, 2013. Рис. 5–8). Очевидно, она отражает возросшую подвижность скотоводов в то время. В этой связи появление линейного стиля на Хуруугийн Узуур можно рассматривать как свидетельство прихода сюда новой группы населения с новыми традициями, включившими использование колесниц. Изучение проблемы происхождения этой группы не входит в задачи данной статьи, но нельзя не отметить большой ареал сопоставимых «линейных» изобразительных традиций позднего бронзового века, который за пределами Монголии и Тувы включает Минусинскую котловину на севере и юго-восток Казахстана на западе (Самашев, 2018. Рис. 144; 309; 405). В качестве гипотезы можно предположить первоначальное возникновение такого стиля в андроновских или постандроновских сообществах за пределами Хангая и Саяно-Алтая, а затем его последующее распространение и адаптацию на новых территориях.

Изображения линейного стиля сосуществуют на Хуруугийн Узуур с более реалистичными изображениями в ином стиле. Причем вторые по количеству значительно превосходят первые. Это можно рассматривать как указание на меньшую численность той группы населения, которая была носителем линейного стиля. Несмотря на это, обладание колесницами могло обеспечить ей военное превосходство и высокий социальный статус. Различия в изобразительных традициях являются не единственным свидетельством того, что сообщества скотоводов, проживавших в Центральной Монголии в ЭПБ-1, включали разные по происхождению группы. С этим же связаны некоторые различия в погребальном обряде и антропологическом типе. Например, в могильнике Хар Хараач в курганах с четырьмя стелами погребены люди и монголоидного, и европеоидного фенотипа (Miyamoto, 2017). Очень важны результаты изучения ДНК у погребенных в курганах Цагаан Асга и Тахилгат Узуур из Западной Монголии, которые послужили основой для выделения погребений сагсайского типа. Они, бесспорно, демонстрируют смешение разных групп населения, одна из кото-

рых генетически связана с местным монголоидным населением, а другая — с андроновскими племенами (Hollard et al., 2014).

К сожалению, в недавних исследованиях по палеогенетике погребения сагсайского типа не были выделены в особую группу, а рассматривались как составная часть культуры херексуров и оленных камней (Jeong et al., 2018; 2020). Тем не менее, базовая группа из 20 образцов, которая стала ведущей для характеристики населения культуры херексуров и оленных камней, заслуживает нескольких комментариев. Она происходит из серии погребений в сомоне Арбулаг аймака Ховсгол. Если проанализировать конструкцию этих погребений, то среди них имеются лишь один настоящий херексур (2009-52/ARS026) и четыре кургана (2006-01/ARS001, 2006-06/ARS004, 2008-41/ARS020, 2007-16/ARS011), близких к херексурам. Большая часть остальных 15 курганов близка сагсайскому типу памятников (Jeong et al., 2018. Fig. S2). В связи с этим, невозможно рассматривать общие характеристики этих 20 образцов для описания генетической специфики носителей традиции херексуров. Корни возникшей проблемы связаны с классификацией курганов из Арбулага (Frohlich et al., 2008), которая уже упомянута выше. Эта классификация была основана не на анализе различий в конструкции курганов, а на их локализации в ландшафте, для всех них использовалось наименование «херексур». Отрицательные последствия такого подхода проявились в ошибочном удревнении культуры херексуров, возникновении значительного разрыва во времени между ее появлением и появлением оленных камней, а также сказались и на решениях ряда других вопросов в изучении эпохи бронзы Монголии.

Генетика носителей традиции херексуров и оленных камней и ее соотношение с генетикой населения, соорудившего курганы сагсайского типа, требует дальнейшего изучения с большим вниманием к особенностям конструкции курганов, а также расширением количества и географии образцов. В настоящий момент, основываясь на материалах из долины р. Хойд Тамир, можно предполагать, что распространение традиции херексуров и оленных камней было связано с появлением новой группы населения с высокой долей генов западных скотоводов. Например, физические характеристики мужчины, погребенного в херексуре KTS01 около Хуруугийн Узуур, отличаются от погребенных в курганах сагсайского типа ярко

выраженными признаками европеоидного фенотипа. Аналогичным образом, ДНК погребенного в херексуре из Арбулага (2009-52/ARS026) выделяется на фоне образцов из других раскопанных курганов этой местности. Отличие этой новой группы населения от предыдущей, согласно ДНК погребенного в херексуре из Уушигийн Увур, возможно, связано с некоторыми южными контактами, которые проявляются в небольшом генетическом компоненте, типичном для европеоидов Гонура (*Jeong et al.*, 2020. P. 895). Стоит отметить, что это не первый случай появления в Монголии населения с таким генетическим компонентом, т. к. ранее он имелся у скотоводов чечурчекской культуры (*Ibid.* P. 893). Позднее он будет типичным для саков (*Ibid.* P. 895). После того, как носители традиции херексуров и оленных камней установили контроль в степях Центральной Монголии, предыдущее население с традицией курганов сагсайского типа, видимо, в основном заняло место субстратной основы нового культурного образования.

Несмотря на продолжение использования колесниц в ЭПБ-2 и преемственность роли, которую колесница играет в верованиях населения, с появлением нового населения в колесничном деле могли появиться новации. В частности, изменения произошли в форме бронзовых «держателей поводьев» для пояса колесничих. Вероятно, население ЭПБ-1 Монголии использовало «держатели» того же раннего типа, что представлен в Китае в период Шан и в погребениях карасукской культуры Минусинской котловины. Это единственное разумное объяснение, позволяющее связать два ареала таких предметов в бассейнах Хуанхэ и Енисея. Также, судя по ряду изображений колесниц на оленных камнях Монголии и Тувы, в ЭПБ-2 получила широкое распространение более сложная запряжка из четырех лошадей, а колеса колесниц увеличились в диаметре.

Литература

- Байпаков, Марьяшев*, 2008 — *Байпаков К. М., Марьяшев А. Н.* Петроглифы Баян-Журека. Алматы: Sredo, 2008. 200 с.
- Баярсайхан*, 2017 — *Баярсайхан Ж.* Монголын умард нутгийн буган хөшөөд, Улаанбаатар: Интерпресс, 2017. 323 т. (на монг. яз.).
- Варёнов*, 1984 — *Варёнов А. В.* О функциональном назначении «моделей ярма» эпохи Инь и Чжоу // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1984. С. 42–51.

В период херексуров и оленных камней колесничие, несомненно, обладали высоким социальным статусом. Однако, параллельно (видимо, уже с ЭПБ-1) получает распространение использование лошади для верховой езды, обусловленное потребностями скотоводческого хозяйства (*Taylor et al.*, 2020; *Grupe et al.*, 2019). Как наиболее раннее изображение лошади, предназначенной для выполнения транспортной функции без запряжки в колесницу (езда верхом, перевозка вьюков), в наскальном искусстве Хуруугийн Узуур можно рассматривать композицию, в которой пеший воин с луком на поясе ведет за повод одиночное животное (*рис. 12*). Стилистически эта лошадь связана с изобразительной традицией ЭПБ-2. Развитие практики верховой езды и совершенствование связанных с ней приспособлений в начале I тыс. до н. э. сделало возможным эффективное использование верховой езды в военных целях, что привело к завершению эпохи колесниц у скотоводов евразийского степного пояса и к началу эпохи воинов-всадников.

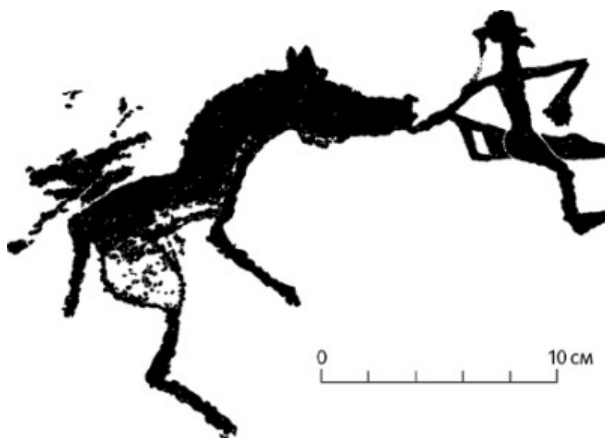

РИС. 12. Хуруугийн Узуур, воин с лошастью на поводу (рисунок Ю. Н. Есина)

FIG. 12. Khuruugiin Uzuur, warrior with a horse at the bridle (drawing by Yu. N. Esin)

- Волков*, 2002 — *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- Волков, Гришин*, 1970 — *Волков В. В., Гришин Ю. С.* Раскопки и разведки в Монголии // АО 1969 года. М.: Наука, 1970. С. 444–446.
- Гантулга*, 2014 — *Гантулга Ж.* Хүрэл, түрүү төмрийн үеийн оршуулгын дурсгалын нэр томъёоны асуудалд // Хүрэл, түрүү төмрийн үе ба Хүннүгийн өмнөх соёлын судалгаа. Эрдэм шинжилгээний бага хүрлын илтгэлийн эмхэтгэл / Ред. Ч. Ерөөл-Эрдэнэ. Улаанбаатар, 2014. Т. 20–48. (на монг. яз.).

- Гантулга и др.*, 2016 — *Гантулга Ж., Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Магай Ж.* Хойд Тамирын хөндий дэх археологийн судалгаа. I: Буган хөшөө. Улаанбаатар: Адмон принт, 2016. 186 т. (на монг. яз.).
- Гантулга и др.*, 2018 — *Гантулга Ж., Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Магай Ж.* Хойд Тамирын хөндий дэх археологийн судалгаа. II: Хөрөөгийн Үзүүрийн хадны зургийн судалгаа. Улаанбаатар: Мөнхийн Үсэг, 2018. 192 т. (на монг. яз.).
- Дорж, Новгородова*, 1975 — *Дорж Д., Новгородова Э. А.* Петроглифы Монголии. Улаанбаатар: АН МНР, 1975. 232 с.
- Дэвлет*, 1998 — *Дэвлет М. А.* Петроглифы на дне Саянского моря. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 287 с.
- Есин*, 2009 — *Есин Ю. Н.* Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Томск: ТомГУ, 2009. 526 с.
- Есин*, 2013 — *Есин Ю. Н.* Петроглифы «Шаман-камя» (гора Оглахты, Хакасия) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1. С. 66–81.
- Есин и др.*, 2012 — *Есин Ю. Н., Магай Ж., Еруул-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж.* К проблеме выделения наскального искусства афанасьевской культуры Монголии: новые материалы и подходы // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова / Редкол.: В. А. Алёшкин и др. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 205–211.
- Есин и др.*, 2017 — *Есин Ю. Н., Магай Ж., Еруул-Эрдэнэ Ч., Гантулга Ж.* О краске на оленних камнях Монголии // АЭАЕ. 2017. Т. 43, № 3. С. 100–110.
- Кадырбаев, Марьяшев*, 2007 — *Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н.* Петроглифы хребта Каратау. Алма-Ата: б. и., 2007. 147 с.
- Килуновская, Семёнов*, 2019 — *Килуновская М. Е., Семёнов А. В.* Искусство древней Тувы (III–I тысячелетия до н. э.) // Искусство Евразии. 2019. № 3 (14). С. 20–49.
- Килуновская и др.*, 2020 — *Килуновская М. Е., Семёнов А. В., Чадамба Л. Д.* Памятник наскального искусства в долине реки Торгалыг — гора Кара-Туруг (Овурский район Республики Тыва) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 1 (25). С. 21–44.
- Ковалёв, Эрдэнэбаатар*, 2010 — *Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д.* Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. Д. Цыбиктаров. Улан-Удэ: Изд-во БурятГУ, 2010. С. 104–117.
- Кожин*, 1987 — *Кожин П. М.* Колесничные сюжеты в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука, 1987. С. 109–126.
- Комиссаров*, 2004 — *Комиссаров С. А.* Комплекс вооружения Древнего Китая: Эпоха поздней бронзы. Новосибирск: Наука, 1988. 120 с.
- Кубарев*, 2004 — *Кубарев В. Д.* Лошади и колесницы в петроглифах Монгольского Алтая // Древности Алтая. 2004. № 12. С. 12–26.
- Кубарев*, 2009 — *Кубарев В. Д.* Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 420 с.
- Кубарев и др.*, 2005 — *Кубарев В. Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э.* Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 640 с.
- Кузьмина*, 1994 — *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Восточная литература, 1994. 464 с.
- Кузьмина*, 2011 — *Кузьмина Е. Е.* Предыстория Великого шелкового пути: Диалог культур Европа – Азия. М.: КомКнига, 2011. 240 с.
- Кукушкин, Дмитриев*, 2019 — *Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А.* Колесничный комплекс могильника Табылды (Центральный Казахстан) // АЭАЕ. 2019. Т. 47, № 4. С. 43–52.
- Мартынов и др.*, 1992 — *Мартынов А. И., Марьяшев А. Н., Абетеков А. К.* Наскальные изображения Саймалы-Таша. Алма-Ата, 1992. 110 с.
- Новгородова*, 1978 — *Новгородова Э. А.* Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии // СА. 1978. № 4. С. 192–206.
- Новгородова*, 1984 — *Новгородова Э. А.* Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.
- Новгородова*, 1989 — *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 383 с.
- Новоженов*, 2012 — *Новоженов В. А.* Чудо коммуникации и древний колесный транспорт Евразии. М.: Таус, 2012. 500 с.
- Окладников и др.*, 1979 — *Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А.* Петроглифы реки Елангаш (юг Горного Алтая). Новосибирск: Наука, 1979. 136 с.
- Погребова*, 2011 — *Погребова М. Н.* История Восточного Закавказья: вторая половина II – начало I тыс. до н. э. (по археологическим данным). М.: Восточная литература, 2011. 422 с.
- Самашев*, 2018 — *Самашев З.* Петроглифы Тарбагатай. Шимайлы. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2018. 366 с.
- Смирнов*, 2018 — *Смирнов Н. Ю.* Путеводный олень: сюжет преследования оленя героем на колеснице в изобразительной традиции востока и запада Евразии второй половины II – рубежа II–I тыс. до н. э. и некоторые фольклорно-эпические параллели // ПИФК. 2018. № 2. С. 63–91.
- Ткачёв*, 2002 — *Ткачёв А. А.* Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.
- Төрбат*, 2014 — *Төрбат Ц.* Монгол Алтайн хүрлийн үеийн судалгааны тулгамдсан асуудлууд // Хүрэл, түрүү төмрийн үе ба Хүннүгийн өмнөх соёлын судалгаа. Эрдэм шинжилгээний бага хурлын илтгэлийн эмхэтгэл / Ред. Ч. Ерөөл-Эрдэнэ. Улаанбаатар, 2014. Т. 8–19. (на монг. яз.).
- Төрбат*, 2018 — *Төрбат Ц.* (ред.). Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Эрдэм шинжилгээний ката-

- лог, в 2-х т. Улаанбаатар: ШУА-ийн Түүх, археологийн хүрээлэн, 2018. (на монг. яз.).
- Тэрзуунбаяр*, 2012 — *Тэрзуунбаяр С.* Төв Азийн хадны зургаас эртний нүүдэлчдийн тэрэгний загвар, бүтцийн хувьслыг шинжлэх нь // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.) / Ред.: Д. Түмэн и др. Улан-Батор: Изд-во Монг. ГУ, 2012. Т. 1. Т. 246–282. (на монг. яз.).
- Франкфор, Якобсон*, 2004 — *Франкфор А.-П., Якобсон Э.* Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии // АЭАЕ. 2004. № 2 (18). С. 53–78.
- Худяков*, 2002 — *Худяков Ю. С.* Боевые колесницы в Южной Сибири и Центральной Азии // Северная Евразия в эпоху бронзы: Пространство, время, культура / Ред.: Ю. Ф. Киришин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. Ч. 1. С. 139–141.
- Худяков*, 2011 — *Худяков Ю. С.* Культуры древних номадов бронзового и раннего железного веков Монголии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 4. С. 9–18.
- Цэвээндорж*, 2012 — *Цэвээндорж Д.* История древнего искусства Монголии. Улаанбаатар: ИА, 2012. 385 с.
- Черемисин*, 2006 — *Черемисин Д. В.* К дискуссии об информативности петроглифов и методов их изучения // АЭАЕ. 2006. № 3 (27). С. 89–100.
- Чечушков*, 2011 — *Чечушков И. В.* Колесницы евразийских степей эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 57–65.
- Чугунов и др.*, 2020 — *Чугунов К. В., Роусон Дж., Гребнев Г. А.* Соратники и жертвы шанского Китая. О локализации степного компонента в культуре Шан // *Stratum plus*. 2020. № 2. С. 409–438.
- Шер*, 1980 — *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар*, 2011 — *Эрдэнэчулуун П., Эрдэнэбаатар Д.* Тэнгэрийн илд, Улаанбаатар: Нарлаг Монгол Оноодор, 2011. 496 т. (на монг. яз.).
- Bussagli*, 1955 — *Bussagli M.* The “Frontal” Representation of the Divine Chariot // *East and West*. 1955. Vol. 6, no. 1. P. 9–25.
- Enkhtör et al.*, 2018 — *Enkhtör A., Bemann J., Brosseder U.* The first excavations of bronze and iron age monuments in the middle Orkhon Valley, Central Mongolia: results from rescue investigations in 2006 and 2007 // *Asian Archaeology*. 2018. Vol. 1. P. 3–44.
- Feldman, Sauvage*, 2010 — *Feldman M. H., Sauvage C.* Objects of Prestige? Chariots in the Late Bronze Age Eastern Mediterranean and Near East // *Egypt and the Levant*. 2010. Vol. 20. P. 67–182.
- Francfort*, 2002 — *Francfort H.-P.* Images du char en Eurasie orientale des origines à la fin du 1er millénaire av. J.-C. // *Первобытная археология. Человек и искусство* / Ред. В. В. Бобров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. P. 80–89.
- Frohlich*, 2006 — *Frohlich B.* Burial Mound Survey in Hovsgol Aimag, Mongolia // *The Deer Stone Project: Anthropological studies in Mongolia 2005* / Ed. W. Fitzhugh. Ulaanbaatar: Arctic Studies Center, Smithsonian Institution, and National Museum of Mongolian History, 2006. P. 67–79.
- Frohlich et al.*, 2008 — *Frohlich B., Amgalantugs T., Littleton J., Hunt D., Hinton J., Batchatar E., Dickson M., Frohlich T., Goler K.* Bronze Age burial mounds (Khirigsuurs) in the Hovsgol Aimag, Mongolia: A reconstruction of biological and social histories // *Studia Archaeologica Instituti Archaeologici Academiae Scientiarum Mongolicae*. Ulaanbaatar, 2008. T. (VI) XXVI, fasc. 6. P. 92–114.
- Grupe et al.*, 2019 — *Grupe G., Marx M., Schellerer P.-M., Bemann J., Brosseder U., Yeruul-Erdene C., Gantulga J.-O.* Bioarchaeology of Bronze and Iron Age skeletal finds from a microregion in Central Mongolia // *Anthropologischer Anzeiger*. 2019. Vol. 76, Nr. 3. P. 233–243.
- Hollard et al.*, 2014 — *Hollard C., Keyser C., Giscard P.-H., Tsagaan T., Bayarkhuu N., Bemann J., Crubezy E., Ludes B.* Strong Genetic Admixture in the Altai at the Middle Bronze Age Revealed by Uniparental and Ancestry Informative Markers // *Forensic Science International: Genetics*. 2014. No. 12. P. 199–207.
- Houle*, 2010 — *Houle J.-L.* Emergent Complexity on the Mongolian Steppe: Mobility, Territoriality, and the Development of Early Nomadic Polities. PhD Dissertation. Pittsburgh: University of Pittsburgh, 2010. 240 p.
- Jacobson-Tepfer*, 2012 — *Jacobson-Tepfer E.* The Image of the Wheeled Vehicle in the Mongolian Altai: Instability and Ambiguity // *The Silk Road*. 2012. Vol. 10. P. 1–28.
- Jacobson-Tepfer*, 2015 — *Jacobson-Tepfer E.* The Hunter, the Stag, and the Mother of Animals: Image, Monument, and Landscape in Ancient North Asia. Oxford: Oxford University Press, 2015. 447 p.
- Jeong et al.*, 2018 — *Jeong C., Wilkin S., Amgalantugs T., Bouwman A. S., Taylor W. T. T., Hagan R. W., Bromage S., Tsolmon S., Trachse, C., Grossmann J., Littleton J., Makarewicz Ch. A., Krigbaum J., Burri M., Scott A., Davaasambuu G., Wright J., Irmer F., Myagmar E., Boivin N., Robbeets M., Rühli F. J., Krause J., Frohlich B., Hendy J., Warinner C.* Bronze Age population dynamics and the rise of dairy pastoralism on the eastern Eurasian steppe // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2018. Vol. 115. P. E11248–E11255.
- Jeong et al.*, 2020 — *Jeong C., Wang K., Wilkin S., Taylor W. T. T., Miller B. K., Ulziibayar S., Stahl R., Chiovelli Ch., Bemann J. H., Knolle F., Krادين N., Bazarov B. F., Miya-gashev D. A., Kononov P. B., Zhambaltarova E., Ventresca Miller A., Haak W., Schiffels S., Krause J., Boivin N., Myagmar E., Hendy J., Warinner C.* A dynamic 6,000-year genetic history of Eurasia’s Eastern Steppe // *Cell*. 2020. Vol. 183, is. 4. P. 890–904.
- Lepetz et al.*, 2019 — *Lepetz S., Zazzo A., Bernard V., de Larminat S., Magail J., Gantulga J.-O.* Customs, rites, and sacrifices relating to a mortuary complex in Late Bronze Age Mongolia (Tsatsyn Ereg, Arkhangai) // *Anthropozoologica*. 2019. Vol. 54 (1). P. 151–177.
- Lin*, 2007 — *Lin Yun.* Additional explanation of bronze hooks for hanging reins // *Research of China’s Frontier Archaeology*. Changchun, 2007. P. 1–8.
- Miyamoto*, 2017 — *Miyamoto K.* (ed.). Excavations at Bor Ovoo and Khyar Kharaach Sites: The second Report on Joint Mongolian-Japanese Excavations in Outer Mongolia. Fukuoka: Kyushu University, 2017. 80 p.

- Piggott, 1978 – Piggott S. «The Chinese Chariot: An Outsider's View» // *Arts of the Eurasian Steppelands* / Ed. Ph. Denwood. London: Percival David Foundation of Chinese Art, 1978. P. 32–51.
- Piggott, 1983 – Piggott S. *The Earliest Wheeled Transport: From the Atlantic Coast to the Caspian Sea*. Ithaca: Cornell University Press, 1983. 272 p.
- Raulwing, 2000 – Raulwing P. *Horses, Chariots and Indo-Europeans: Foundations and Methods of Chariotry Research from the Viewpoint of Comparative Indo-European Linguistics*. Budapest: Archaeolingua, 2000. 210 p.
- Rogers et al., 2019 – Rogers L. L., Honeychurch W., Amartuvshin Ch., Kaestle F. A. U5a1 Mitochondrial DNA Haplotype Identified in Eneolithic Skeleton from Shatar Chuluu, Mongolia // *Human Biology*. 2019. Vol. 91, No. 4. P. 213–223.
- Shaughnessy, 1988 – Shaughnessy E. L. *Historical Perspectives on the Introduction of the Chariot into China* // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1988. Vol. 48. P. 189–237.
- Shelach-Lavi, 2014 – Shelach-Lavi G. *Steppe Land Interactions and Their Effects on Chinese Cultures during the Second and Early First Millennia BCE* // *Nomads as Agents of Cultural Change: The Mongols and Their Eurasian Predecessors* / Eds. R. Amitai, M. Biran. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2014. P. 10–31.
- Taylor et al., 2015 – Taylor W. T. T., Bayarsaikhan J., Tuvshinjargal T. Equine cranial morphology and the identification of riding and chariotry in late Bronze Age Mongolia // *Antiquity*. 2015. Vol. 89. P. 854–871.
- Taylor et al., 2017 – Taylor W. T. T., Jargalan B., Lowry K. B., Clark J., Tuvshinjargal T., Bayarsaikhan J. A Bayesian chronology for early domestic horse use in the Eastern Steppe // *Journal of Archaeological Science*. 2017. Vol. 81. P. 49–58.
- Taylor et al., 2019 – Taylor W., Wilkin S., Wright J., Dee M., Erdene M., Clark J., Tuvshinjargal T., Bayarsaikhan J., Fitzhugh W., Boivin N. Radiocarbon dating and cultural dynamics across Mongolia's early pastoral transition // *PLoS ONE*. 2019. Vol. 14 (11). P. 1–20.
- Taylor et al., 2020 – Taylor W. T. T., Clark J., Bayarsaikhan J., Tuvshinjarga T., Thompson Jobe J., Fitzhugh W., Kortum R., Spengler III R. B., Shnaider S., Seersholm F. V., Hart I., Case N., Wilkin S., Hendy J., Thuering U., Miller B., Ventresca Miller A. R., Picin A., Vanwezer N., Irmer F., Brown S., Abdykanova A., Shultz D. R., Pham V., Bunce M., Douka K., Jones E. L., Boivin N. Early Pastoral Economies and Herding Transitions in Eastern Eurasia // *Nature: Scientific Reports*. 2020. Vol. 10 (1001). P. 1–15.
- Wu, 2013 – Wu H.-Y. *Chariots in Early China: Origins, cultural interaction, and identity*. Oxford: Archaeopress, 2013. 135 p.
- Zazzo et al., 2019 – Zazzo A., Lepetz S., Magail J., Gantulga J.-O. High-precision dating of ceremonial activity around a large ritual complex in Late Bronze Age Mongolia // *Antiquity*. 2019. Vol. 93. P. 80–98.

Chariot in the culture of the Bronze Age population of Central Mongolia (on materials from the Khoyd Tamir river valley)

Y. N. Esin, J. Magail, J. Gantulga, C. Yeruul-Erdene

Systematic analysis of the chariot image (Fig. 2; 3), its parts (Fig. 9; 11), and attributes of charioteers (Fig. 10) in the context of rock art styles (Fig. 5; 6; 8) and burial traditions dynamics based on radiocarbon dates of burials and ritual structures made it possible to distinguish two stages of chariots' usage here: (1) cultural complex of Sagsai-type burials (Fig. 7); (2) cultural complex of khirigsuurs and deer stones. The study of the same images in the context of visual composi-

tions allowed us to reconstruct its role in the life and beliefs of herders. On deer stones, a charioteer's attributes (belt plates with a pair of hooks) are always adjacent to individual sets of weapons, which indicates the use of chariots by warriors. At the same time, the pragmatics of the images of the chariot and chariot team of both periods is connected with funeral and memorial rites and ideas about the posthumous path to the other world.

Происхождение оленных камней монголо-забайкальского типа (социально-экономический аспект)

А. Д. Цыбиктаров¹

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается социально-экономический аспект генезиса оленных камней монголо-забайкальского типа в позднем бронзовом веке — в конце II тыс. до н. э. Раскрываются экономические и социальные предпосылки возникновения этого феномена.

ANNOTATION. This article reviews the socio-economic aspect of the origin of deer stones of the Mongol-Transbaykalian type in the Late Bronze Age in the late 2nd millennium BC. The economic and social preconditions for their occurrence are revealed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поздний бронзовый век, культура херексуров, оленные камни, генезис, предпосылки, палеоэкономика, палеогеография, кочевое скотоводство, социальные отношения, хозяйственный конфликт, военное дело, воинское сословие, элита, семантика, датировка.

KEYWORDS: Late Bronze Age, khereksur culture, deer stones, genesis, preconditions, palaeoeconomics, palaeogeography, nomadic cattle breeding, social relations, economic conflict, military affairs, military class, elite, semantics, dating.

В творческой биографии Д. Г. Савинова важное место занимает духовная культура древних обществ степей Евразии. В частности, на протяжении многих десятилетий он уделяет большое внимание антропоморфным изваяниям различных эпох — от энеолита до средневековья. Среди них заметное место занимают оленные камни на всем протяжении их распространения от Монголии до Северного Кавказа (Савинов, 1979; 1980; 1990а; 1990б; 1993; Савинов, Членова, 1978; и др.). Этой теме юбиляр посвятил и содержательную монографию (Савинов, 1994).

Оленные камни являются одной из наиболее ярких составляющих историко-культурного ландшафта степей восточной части евразийских степей позднего бронзового и начального периода раннего железного веков (рис. 1). Им посвящено огромное количество публикаций, в которых рассматривались различные аспекты их изучения. Однако среди всего многообразия литературы следует выделить монографии В. В. Волкова — по памятникам Монголии (Волков, 1981; 2002) и Д. Г. Савинова — практически всей территории распространения оленных камней (Савинов, 1994). Они до сих пор остаются наиболее серьезными исследованиями данного типа памятников. В работах юбиляра также наиболее полно и детально рассмотрена историография изучения оленных камней (Савинов, 1990а; 1994. С. 8–27).

В проблематике изучения рассматриваемых памятников, пожалуй, наименее разработанным является вопрос их происхождения. Наиболее плодотворные попытки выявления истоков происхождения оленных камней в общеисторическом плане предприняли В. В. Бобров и Д. Г. Савинов, рассматривая проблему в семантическом аспекте. Они использовали широкий круг памятников различных культур от энеолита до позднего бронзового века (петроглифы, изваяния, погребения) и пришли к выводам о том, что генезис оленных камней мог быть связан с традициями, сложившимися в среде населения скотоводческих культур бронзового века восточной части евразийских степей, — при формировании тотемических центров с жертвенниками и каменными изваяниями в их составе, а также появлению обычая выделения захоронений мужчин (занимавших высокий социальный статус в обществе) вертикально установленными деревянными столбами или каменными стелами-обелисками в области головы погребенных (см.: Бобров, 1989; 1992; Савинов, 1994. С. 144–145, 154). В данной статье автор затронет другой аспект проблемы происхождения оленных камней, а именно, социально-экономический, имевший место в среде носителей культуры херексуров Центральной Азии.

В настоящее время принадлежность оленных камней монголо-забайкальского типа к культуре херексуров не вызывает сомнения у исследователей, при этом одни определяют время их существования концом бронзового века и раннескифским

¹ 670000, Российская Федерация, Республика Бурятия, Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а. Бурятский государственный университет. Кафедра всеобщей и отечественной истории. Адрес электронной почты: a.d.tsibiktarov@gmail.com.

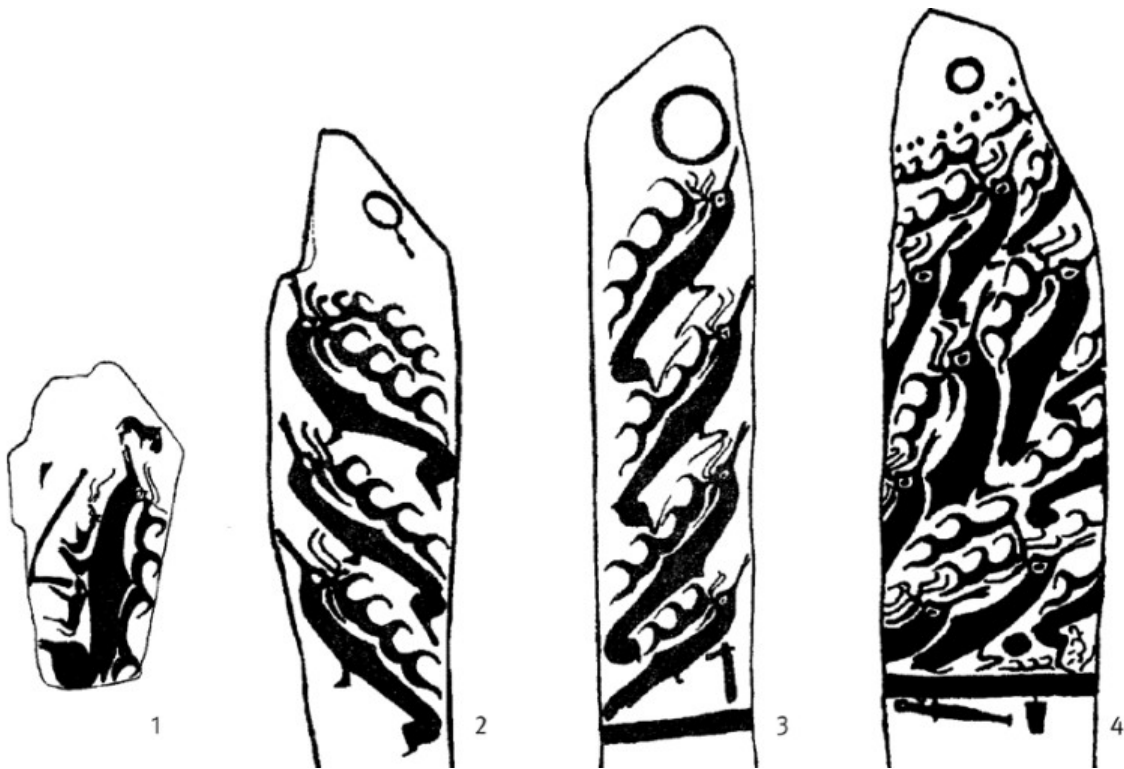

РИС. 1. Оленные камни монголо-забайкальского типа. По классификации Д. Г. Савинова (1994). 1 – подтип 1. Монголия, Архангайский аймак, Батцэнгэл сумын, Шивертийн ам, оленный камень № 4 (по: Волков, 2002. Табл. 4, 3); 2 – подтип 2. Монголия, Архангайский аймак, Их тамир сумын, местность Цацын эрэг, ОК № 7 (по: Волков, 2002. Табл. 10); 3 – подтип 3. Монголия, Архангайский аймак, Их тамир сумын, Шивертийн ам, плиточная могила № 1, оленный камень № 4 (по: Волков, 2002. Табл. 15, 1); 4 – подтип 4. Монголия, Архангайский аймак, Их тамир сумын, Шивертийн ам, плиточная могила без №, оленный камень № 5 (по: Волков, 2002. Табл. 13). Масштаб разный

FIG. 1. Deer stones of the Mongol-Transbaykalian type. After classification by D. G. Savinov (1994). 1 – subtype 1. Mongolia, Arkhangay aymag, Battsengel sumon, Shivertiin Am, deer stone No. 4 (after Волков, 2002. Табл. 4, 3); 2 – subtype 2. Mongolia, Arkhangay аймаг, Их Тамир сумон, locality of Tsatsyn Ereg, deer stone No. 7 (after Волков, 2002. Табл. 10); 3 – subtype 3; Mongolia, Arkhangay аймаг, Их Тамир сумон, Shivertiin Am, slab grave No. 1, deer stone No. 4 (after Волков, 2002. Табл. 15, 1); 4 – subtype 4. Mongolia, Arkhangay аймаг, Их Тамир сумон, Shivertiin Am, slab grave without number, deer stone No. 5 (after Волков, 2002. Табл. 13). Scale varies

временем, т. е. первой половиной I тыс. до н. э. (Волков, 1981. С. 102–118; Савинов, 1994. С. 110–111, 113; 2002. С. 18–19 и др.), а другие – развитой/поздней бронзой – раннескифским временем от середины II до середины I тыс. до н. э. (Худяков, 1987. С. 157; Новгородова, 1989. С. 187–192; Цыбиктаров, 2003. С. 25, 28). По мнению автора статьи, оленные камни появились у носителей культуры в позднем бронзовом веке, в XIII–XII вв. до н. э., и традиция их создания сохранялась на протяжении раннескифского времени (Цыбиктаров, 2002а. С. 89–93).

На территории распространения оленных камней монголо-забайкальского типа среди памятников более ранних эпох неизвестны их прототипы, которые можно было бы уверенно трактовать в качестве исходных форм, с опорой на которые можно

решать проблему их происхождения. Оленные камни монголо-забайкальского типа появляются в уже сформировавшемся виде с устоявшимся каноном их изготовления и изобразительной традицией. Не способствует решению проблемы их генезиса и безынвентарный обряд захоронения носителей культуры херексуров, что не позволяет привлечь материалы непосредственно из погребений.

Социально-экономический аспект происхождения оленных камней монголо-забайкальского типа, которому посвящена настоящая статья, предполагает выявление предпосылок появления этих stel у их создателей под воздействием экономических и социальных процессов, происходивших в жизни населения культуры херексуров. Скотоводческая основа экономики ее носителей не вы-

зывает сомнения. Однако редкие находки костей животных в херексурах не позволяют дать ее обстоятельную характеристику. Тем не менее тождественность обнаруженных костей животных в раскопанных херексурах остеологическим материалам из синхронной культуры плиточных могил региона, номадный тип скотоводства населения которой твердо установлен (Сосновский, 1941. С. 308; Окладников, 1954б. С. 23; Диков, 1958. С. 58; Волков, 1967. С. 92; Наваан, 1973. С. 18–19; Гришин, 1981. С. 194–195; Цыбиктаров, 2003. С. 33–35; 2018. С. 176–186), а также экологическая среда обитания носителей культуры херексуров в степной и лесостепной зоне с резко континентальным климатом не оставляют сомнений в том, что скотоводство у этой культуры носило кочевой и полукочевой характер (Цыбиктаров, 2003. С. 35–36).

Формирование культуры херексуров происходило на основе центрально-азиатского варианта афанасьевской культурной общности в середине II тыс. до н. э. синхронно со сложением другой культуры плиточных могил в Восточной, отчасти Центральной Монголии и Южного Забайкалья на основе селенгинско-даурской культуры времени раннего металла (Цыбиктаров, 2003. С. 25–28; 2011. С. 279–287). Трансформация населения этих культур раннего металла в новые культурные образования во многом была обусловлена природно-климатическими изменениями в монголо-зabayкальских степях в первой половине II тыс. до н. э.

Палеогеографические сведения с территории Монголии показывают, что в конце III тыс. до н. э. начался процесс аридизации и похолодания климата, который завершился к середине II тыс. до н. э. установлением в регионе резко континентального климата с жарким сухим летом и малоснежными зимами. Во второй четверти II тыс. до н. э. начинается фаза сухого теплого климата, продолжавшаяся около 300 лет. Затем с 3500 до 3300 л. т. н. наступил короткий период повышенного увлажнения, которое затем снижается. Но в целом общая линия развития климата происходила в направлении континентальности климата и ксерофитизации степной растительности (Виппер и др., 1976. С. 35–59; 1978. С. 19–24; 1989. С. 160–167; Динесман и др., 1989. С. 197–199, рис. 1.7; Дорофеев, 2008. С. 49).

Под влиянием природно-климатических изменений у носителей культур раннего металла происходил постепенный переход от комплексного типа экономики с сочетанием производящих и присваивающих отраслей хозяйства и осед-

лого образа жизни к кочевому и полукочевому скотоводству с сезонными перемещениями по пастбищам.

Новый климатический режим создавал степным обитателям непреодолимые условия для ведения прежнего сбалансированного комплексного типа экономики и образа жизни оседлых земледельцев-скотоводов, занимавшихся также охотой, рыболовством и собирательством. В то же время расширение степных пространств позволяло с установлением резко континентального климата использовать их в качестве пастбищных угодий и в условиях зимнего малоснежья. Переход к круглогодичному содержанию домашних животных на подножном корму вел к увеличению у степного населения поголовья скота, численность которого в предшествующий период раннего металла ограничивалась невозможностью выпаса животных в зимнее время и необходимостью заготовок корма на этот период года. В условиях кочевых и полукочевых скотоводств огромное значение приобретал фактор владения пастбищными угодьями — источником кормовых ресурсов для стад скота, основного богатства степного населения. Эти угодья необходимо было защищать от посягательств соседних общин, что сопровождалось возрастанием роли войны и военного дела, военной активности в жизни степного населения. Данная сторона жизни степняков нашла отражение в формировании у населения культуры херексуров и культуры плиточных могил развитого оружейного комплекса, включавшего специализированное боевое наступательное и защитное оружие из бронзы и других материалов (см.: Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011. С. 69–124, 152–157). Таким образом, экономический уклад носителей культуры херексуров создавал предпосылку для повышения общественного престижа прослойки мужского населения, которая обеспечивала безопасность коллективов номадов от набегов соседей и их посягательств на пастбищные угодья, без которых был невозможен утвердившийся тип ведения скотоводческого хозяйства. Из данного слоя мужчин, следует полагать, начало формироваться воинское сословие.

Как указывалось выше, в середине II тыс. до н. э. в Центральной Азии после длительного периода аридизации климата наступила фаза некоторого увлажнения климата, продолжавшаяся в течение XV–XIV вв. до н. э. Данный период в целом был весьма благоприятен для социально-экономического развития населения степей Монголии

и Южного Забайкалья. Высокая продуктивность степных пастбищ, обильная кормовая база способствовали расцвету культуры херексуров и культуры плиточных могил. Улучшились условия и для ведения земледелия. Вряд ли можно ошибиться, предполагая рост материального благосостояния населения культуры херексуров в этот период бронзового века. Демографическая ситуация характеризовалась, вероятно, ростом численности населения. По всей видимости, и общая культурно-историческая и этнокультурная ситуация для этого времени отличалась устойчивостью и стабильностью. Номады совершали перекочевки по устоявшимся маршрутам, экологическая ситуация не способствовала возникновению военных конфликтов из-за пастбищных угодий. Но это не могло вести к понижению роли и значения военного фактора в жизни степного населения, поскольку во все времена действовал принцип «хочешь мира — готовься к войне», и необходимо было обеспечивать неприкосновенность пастбищных угодий и стад скота. Поэтому для начального периода развития культуры херексуров в третьей четверти II тыс. до н. э. в соответствии с ростом продуктивности обеих отраслей производящего хозяйства можно предположить дальнейшее укрепление военной составляющей в обществе и положения воинского сословия в нем.

Общеизвестно, что со сложением производящего хозяйства происходит утверждение патриархальных порядков в общественном строе. В эпоху бронзы рост материального благосостояния способствовал дальнейшему развитию патриархального строя, родоплеменных отношений, появлению социального неравенства и знати, трансформации духовной культуры. Растущие стада скота способствовали этим социальным процессам и, вследствие их легкой отчуждаемости, — росту значения военных набегов с целью наживы, а вместе с тем и повышению социальной напряженности, роли войны и военного дела в жизни степного населения. Вероятно, именно в это время появляется разнообразное боевое бронзовое оружие карасукского типа, известное по находкам из могил и многочисленным случайным находкам с территории Монголии и Южного Забайкалья. В соответствии с этими новыми явлениями в социальной жизни, вероятно, еще больше возростала роль воинов и военных вождей в обществе. Эти новации в жизни общества должны были отразиться в погребальных памятниках населения культуры херексуров. К со-

жалению, безынвентарный обряд захоронения не позволяет уверенно проследить происходившие социальные процессы и изменения в общественном строе этой культуры. Косвенно об этом свидетельствует типология погребальных сооружений ее носителей: в херексурах хоронили представителей знати, а в курганах монгун-тайгинского типа — рядовое общинное население (*Цыбиктаров*, 2002б. С. 174–176). Новые явления в социальной жизни степного населения подтверждаются появлением на петроглифах Монголии изображений воинов в грибовидных головных уборах с луками и боевыми топорами, сцен поединков (*Окладников*, *Худяков*, 1981; *Новгородова*, 1989. С. 165, рис. на с. 167).

Можно сделать вывод о том, что изменения в социальной жизни культуры херексуров также создавали предпосылку для формирования воинского сословия и возвышения его положения в обществе. Вряд ли можно ошибиться, предположив, что наиболее выдающиеся его представители в это время становились военными вождями родовых, племенных объединений и стали входить в состав элиты родоплеменной знати степного населения, представляя в ней высший слой воинского сословия — воинскую элиту.

Отмеченные социальные процессы нашли отражение в другом типе памятников рассматриваемой культуры — оленных камнях монголо-зabayкальского типа, датирующихся, с точки зрения автора, поздним бронзовым веком — раннескифским временем, с XIII–XII до VIII–VII вв. до н. э., но, возможно, до IX–VIII вв. до н. э.²

Антропоморфная основа оленных камней, включая изваяния монголо-зabayкальского типа, является давно доказанным фактом (см.: *Членова*, 1962. С. 30–33; *Волков*, 1981. С. 84–96; *Грязнов*, 1984. С. 76; *Новгородова*, 1989. С. 210, 212–214, 216–225; *Савинов*, 1994. С. 84–93, 147; и др.). Как правило, образ человека на оленных камнях не передан непосредственно в виде четко оформленной антропоморфной фигуры, а подразумевается на стелах по ре-

² Объем статьи не позволяет дать развернутого обоснования в пользу такого предположения. Здесь лишь укажем, что безынвентарный обряд захоронения, характерный для херексуров, перестает встречаться с раннескифского времени, оленные же камни монголо-зabayкальского типа сопровождают только херексуры. Они ни разу не встречены с памятниками, которые датировались бы раннескифским временем или последующими периодами скифской эпохи. Как известно, с курганами раннескифского времени связаны оленные камни саяно-алтайского и общеевразийского типов.

лиям воинского снаряжения, которые располагаются по поверхности изваяний в соответствии с расположением реальных изделий на войне, а также по татуировкам на теле или аппликациям на его одежде. Лишь у нескольких оленных камней монголо-забайкальского типа в верхней части имеется изображение головы человека, которая, отметим, выбита недостаточно четко, в какой-то мере даже несколько «размыта», хотя голова «читается» вполне отчетливо³. Преобладание на них среди реалий изображений оружия и парадных боевых поясов не оставляет сомнений в том, что это воинские статуарные памятники, причем не рядовых воинов, а представителей воинского сословия с высоким социальным статусом — военных вождей, которые, как справедливо считают исследователи этих памятников, помимо своих непосредственных военных обязанностей могли выполнять и различные ритуальные функции (что неудивительно в условиях роста военной составляющей в экономической и общественной жизни населения культуры херексуров).

Появление военных вождей в обществе произошло в глубокой древности и было связано с необходимостью разрешения военных конфликтов, которые возникали по разным причинам во взаимоотношениях древних людей еще с каменного века. Но их четкая «археологическая фиксация» связана с поздним бронзовым веком, проявлением чего стали, в частности, оленные камни монголо-забайкальского типа, которые появляются в уже сложившемся виде⁴. На многих изваяниях выби-

тые изображения реалий, чаще всего фигур оленей, как бы опоясывают стелу независимо от ее сечения, плавно переходя с одной грани на другую, покрывая разные ее плоскости. Объяснения этой особенности оленных камней монголо-забайкальского типа еще в 1980-е гг. дал М. П. Грязнов. Он очень тонко подметил, что первые оленные «камни» изготавливались, видимо, из круглых древесных стволов, не имевших плоских граней, что приводило естественным образом к опоясыванию изображениями-реалиями последовательно по круглой поверхности деревянной стелы. Позже выработанные на дереве изобразительные стиль и технология нанесения изображений были перенесены на камень, из которого стали делать изваяния (Грязнов, 1984. С. 79, 81).

Начало времени изготовления первых оленных камней монголо-забайкальского типа трудно установить. Решение данного вопроса связано с определением нижней границы датировки этих памятников. По мнению В. В. Волкова и Д. Г. Савинова, время их появления датируется концом бронзового века и началом раннескифского времени, т. е. началом I тыс. до н. э. (Волков, 1981. С. 111; Савинов, 1994. С. 113). Ю. С. Худяков и Э. А. Новгородова относят большинство памятников монголо-забайкальского типа ко времени развитой бронзы, карасукскому времени, но не приводят при этом абсолютных дат (Худяков, 1987. С. 156–157; Новгородова, 1989. С. 187–191). С нашей точки зрения, первые оленные камни монголо-забайкальского типа появились в конце II тыс. до н. э. или в XIII–XII вв. до н. э. (Цыбиктаров, 2002а. С. 89–93). К приведенной нами аргументации по материалам из датированных комплексов Древнего Китая (в том числе по результатам радиоуглеродного датирования) можно добавить следующие соображения. Специалистам по бронзовому веку восточной части евразийских степей хорошо известно, что в могилах периодов развитой и поздней бронзы крайне редко встречаются предметы вооружения, хотя в андроновское и карасукское время оружейный комплекс был уже хорошо развит — известны бронзовые наконечники копий, топоры, в том числе боевые, кинжалы, наконечники стрел. Может быть, по причине запрета (по нормам погребального обряда) включать оружие в состав сопровождающего инвентаря и возникли первые изваяния из дерева, на которых наносились

³ Указанная особенность в изображении головы человека на оленных камнях монголо-забайкальского типа диссонировать с очень высоким уровнем камнетесного искусства у носителей культуры херексуров. Изображение на стелах монголо-забайкальского типа высокохудожественных по уровню нанесения изображений разных видов оружия, животных, украшений не оставляет сомнения в том, что камнетесам рассматриваемой культуры не составляло особого труда высечь на наверхиях оленных камней человеческую голову, однако это не делалось. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что голова человека не отображалась на оленном камне, видимо, преднамеренно.

⁴ Д. Г. Савинов в качестве наиболее ранних оленных камней монголо-забайкальского типа выделил памятники в виде бесформенных плит — подтип I внутри I типа (монголо-забайкальский тип), по его классификации. Истоки этих наиболее ранних, по его мнению, камней он связывает с петроглифической традицией (Савинов, 1994. С. 139–141, 154, табл. I). Ю. С. Худяков относит такие стелы не к началу, а к концу периода существования этих памятников (Худяков, 1987. С. 153–154, рис. 9). При этом он объединяет в один типологический ряд развития оленные

камни разных типов — монголо-забайкальские, саяно-алтайские и общеевразийские (Там же. Рис. 9).

изображения предметов вооружения. Вероятно, этому предшествовал период времени, когда на них могли «надевать» реальные предметы, имевшие сакральное значение⁵. Затем, как это показал М. П. Грязнов, их стали изготавливать из камня. Относительно образа стилизованных оленей с «горбом» и клювовидными мордами, наиболее распространенного сюжета на стелах монголо-забайкальского типа, можно отметить, что его формирование по материалам петроглифов произошло не позже середины II тыс. до н. э. (Кубарев, 2002. С. 75–76, рис. 3, 3–8).

Если согласиться с мнением М. П. Грязнова об изготовлении первых памятников из дерева, в чем автор солидарен с ученым, то они должны были предшествовать каменным изваяниям и, соответственно, датироваться несколько более ранним временем. Насколько ранним – сейчас судить трудно и можно допускать разные предположения. Во всяком случае это, вполне вероятно, произошло в позднем бронзовом веке, если исходить из датировки В. В. Волкова и Д. Г. Савинова, или даже в период развитой бронзы – при варианте датировки автора статьи. Картографирование оленных камней монголо-забайкальского типа на территории Монголии отчетливо показывает, что местом их наибольшей концентрации являются области Центральной Монголии – Хангайской горной системы и Прихубсугуль (см. карту: Волков, 1981. С. 123), которые являются наиболее облесенными в Монголии, а значит, там, по соседству со степными пространствами, где кочевали номады культуры херексуров, в изобилии имелось сырье для изготовления деревянных оленных «камней». Поэтому вполне вероятно, что именно в этих районах Монголии находилось место формирования традиции этих замечательных памятников, что ранее отмечал и Д. Г. Савинов (Савинов, 1994. С. 178).

После предпринятого экскурса по некоторым аспектам изучения оленных камней, так или иначе имеющим отношение к затрагиваемой теме, вернемся непосредственно к ней. Этнокультурная ситуация в степях Монголии, характеризовавшаяся в третьей четверти II тыс. до н. э. относительным увлажнением, с наступлением позднего бронзового века меняется кардинальным образом. Это время ознаменовалось новой фазой аридизации климата в регионе. В связи с засухами в степях падала

продуктивность пастбищ, травостой становился редким и низким, скоту не хватало корма. Перекочевки стали совершаться чаще и на большие расстояния. Понижался уровень воды в степных реках и озерах. Соответственно грунтовые воды уходили глубже, некоторые источники пересыхали, сокращались возможности водопоя для скота. В чрезмерно засушливые периоды, когда засуха растягивалась на многие годы, ситуация усугублялась до такой степени, что часть скотоводческого населения вынуждена была уходить с обжитых мест на другие территории в поисках новых пастбищ и лучших жизненных условий (подробнее см.: Цыбиктаров, 2012). Поэтому конец II тыс. до н. э. в степях Монголии и Южного Забайкалья ознаменовался взаимными встречными миграциями населения культуры херексуров и культуры плиточных могил на территории друг друга. Образовавшаяся контактная зона была огромна, около 1300 км с востока на запад и около 600 км с севера на юг в пределах Центральной Монголии, части Восточной и Западной Монголии, степных и лесостепных районов Южной Бурятии, заходя в юго-западную часть Забайкальского края на территории Российской Федерации (рис. 2). Столь большие ее размеры свидетельствуют не об эпизодических проникновениях групп населения этих скотоводческих культур на соседние территории, а о крупномасштабных исторических миграциях больших масс населения.

При занятиях преимущественно кочевым скотоводством миграции должны были преследовать, прежде всего, поиски пастбищных угодий. Вследствие этих обстоятельств и необходимости проживания в экологических условиях одних и тех же ландшафтных зон степи и лесостепи при схожем типе экономики миграции населения культур херексуров и плиточных могил на территорию друг друга затрагивали жизненно важные хозяйственные интересы местного населения. Поэтому приток нового скотоводческого населения в условиях аридизации климата неизбежно должен был привести к прямым конфликтам между мигрантами и автохтонным населением, так как увеличивалась плотность населения и росла интенсивность эксплуатации пастбищ, продуктивность которых и без того падала в изменившихся природно-климатических условиях. По этим причинам с началом миграционных процессов имели место многочисленные столкновения из-за пастбищных угодий (Цыбиктаров, 2013. С. 362–367).

⁵ Такое предположение было высказано Д. Г. Савиновым (Савинов, 1994. С. 156).

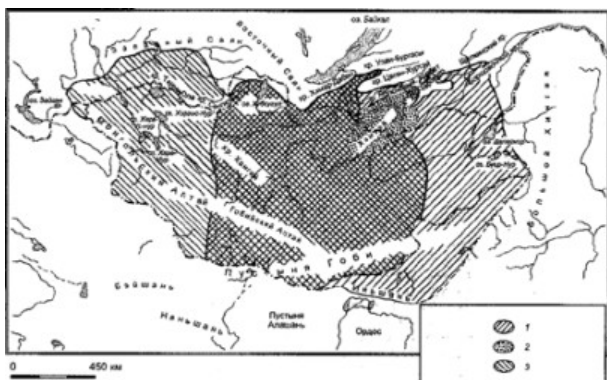

РИС. 2. Культурные области Центральной Азии периодов развитой/поздней бронзы – раннего железа (середина II – середина I тыс. до н. э.)

FIG. 2. Cultural regions of Central Asia of the Advanced/Late Bronze Age – Early Iron Age (mid-2nd – mid-1st millennium BC)

По материалам изучения херексуров и плиточных могил рассматриваемого периода бронзового века, планиграфическим наблюдениям, данным антропологии прослеживается три этапа взаимоотношений между племенами указанных культур (см.: Там же), первый из которых характеризовался прямым военным противостоянием. Этот этап сопровождался актами взаимного осквернения могил, разрушением погребальных конструкций,

использованием вывернутых камней в качестве строительного материала при сооружении «своих» могил, перекрытием кладками плиточных могил оград херексуров, использованием оленных камней населением культуры плиточных могил в качестве строительного материала, фрагментацией оленных камней монголо-забайкальского типа, перекрытием курганом-жертвенником населения культуры херексуров кладок плиточных могил (рис. 3–7). В таких ситуациях херексуры и плиточные могилы в значительной степени были разрушены, а захоронения осквернены (в ряде случаев бронзовые изделия были просто выброшены из могил). Таким образом, акты осквернения носили обоюдный характер.

В контексте рассматриваемой темы важен тот факт, что накануне начала миграционных процессов у носителей культуры херексуров уже имелась устоявшаяся традиция изготовления оленных камней монголо-забайкальского типа, являвшихся олицетворением военного вождя, занимавшего элитное положение в среде родоплеменной знати своего времени. Такое значимое положение представителей воинского сословия было следствием резко возросшего уровня милитаризации жизни скотоводческого населения степей Центральной Азии, во всяком случае, Монголии и Южного

РИС. 3. Могильник Баин-Улан II. Бурятия. Кяхтинский район. Местность Баин-Улан. Кладки плиточных могил № 1–8, 14, херексура № 13. На заднем плане правой части фотографии видно наложение кладок плиточных могил № 2 и 4 на северо-западную сторону ограды херексура № 13. Кладка плиточной могилы № 1 находится между насыпью и северным углом ограды херексура № 13. Вид с ВСВ. Раскопки автора.

FIG. 3. Cemetery of Bain-Ulan II. Buryatia. Kyakhta district. Locality of Bain-Ulan. Masonry of slab graves Nos. 1–8, 14, khereksur No. 13. In the background of the right part of the photo, the superposition of the masonries of slab graves Nos. 2 and 4 over the north-western side of the fence of khereksur No. 13 is visible. The masonry of slab grave No. 1 is located between the mound and the northern corner of the fence of khereksur No. 13. View from ENE. Excavation by the author

РИС. 4. Могильник Баин-Улан II. Бурятия. Кяхтинский район. Местность Баин-Улан. Наложение кладок плиточных могил № 4 (на переднем плане) и № 2 (на заднем плане) на северо-западную сторону ограды херексура № 13. Вид с ЮЗ (225°). Раскопки автора

FIG. 4. Cemetery of Bain-Ulan II. Buryatia. Kyakhta district. Locality of Bain-Ulan. Superposition of the masonries of slab graves No. 4 (in the foreground) and No. 2 (in the background) over the north-western side of the fence of khereksur No. 13. View from SW (225°). Excavation by the author

Забайкалья, с переходом к скотоводству кочевого и полукочевого типа. В этой связи можно отметить, что Н. Н. Диков, В. В. Волков и Н. Л. Членова обратили внимание на военный уклад в жизни населения культуры плиточных могил и формирование у него строя военной демократии (Диков, 1958. С. 61–62; Волков, 1967. С. 96; Членова, 1992. С. 253). Вряд ли можно предположить, что уровень общественного развития носителей культуры херексуров был ниже, чем у их современников, живших восточнее них в такой же экологической нише степей.

РИС. 5. Могильник Баин-Улан II. Бурятия. Кяхтинский район. Местность Баин-Улан. Камни северо-западной стенки ограды херексура № 13, выявленные под кладками плиточных могил № 2 (на переднем плане) и № 4 (на заднем плане). Вид с СВ (45°). Раскопки автора

FIG. 5. Cemetery of Bain-Ulan II. Buryatia. Kyakhta district. Locality of Bain-Ulan. Stones of the north-western wall of the fence of khereksur No. 13 uncovered beneath the masonries of slab graves No. 2 (in the foreground) and No. 4 (in the background). View from NE (45°). Excavation by the author

Херексуры как тип археологических памятников значительно различаются между собой по размерам, формам оград, организации внутренней площади между насыпью и оградой, пространства за пределами оград. В последнем случае один или несколько херексуров вкупе с многочисленными жертвенно-поминальными выкладками и оленными камнями, одиночными или более многочисленными, выстроенными в ряды, образуют святилищные комплексы. Поэтому по своему назначению херексуры были полифункциональны. Одна из функций была связана с погребальной практикой населения культуры, и в таких случаях они являлись надмогильными сооружениями. Такие херексуры по сравнению с херексурами-жертвенниками, херексурами-святилищами значительно меньше по размерам, но несмотря на это они имеют большей частью достаточно крупные габариты. С нашей точки зрения, херексуры-погребения являлись захоронениями представителей родоплеменной знати (Цыбиктаров, 2002б. С. 174–176). При этом не все херексуры, являвшиеся надмогильными сооружениями, сопровождаются оленными камнями. Среди общей массы таких памятников их не так много. Вероятно, такие херексуры были могилами выдающихся представителей элитного слоя населения — военных вождей

РИС. 6. Могильник Старая Капчеранка. Бурятия. Кяхтинский район. Местность Бурдуны. Падь Старая Капчеранка. Наложение кладки плиточной могилы № 1 на северо-западную сторону ограды херексура № 4. Вид с ЮЗ (225°). Раскопки автора

FIG. 6. Cemetery of Staraya Kapcheranka. Buryatia. Kyakhta district. Locality of Burduny. Ravine Staraya Kapcheranka. Superposition of the masonry of slab grave No. 1 over the north-western side of the fence of khereksur No. 4. View from SW (225°). Excavation by the author

уровня родоплеменного объединения, выделявшихся даже среди своего сословия. Однако безынвентарный обряд захоронения херексуров-могил не позволяет настаивать на таком положении. Здесь заманчиво сделать предположение о том, что установленные рядом с херексурами оленные камни могли не только служить надгробными памятниками похороненных людей, но и замещать своими реалиями реальный комплект боевого оружия и снаряжения умершего⁶.

В связи с рассматриваемой в статье темой следует остановиться на предложенной А. Наглером интерпретации изображений оленей на оленных камнях монголо-забайкальского типа. Абсолютно все исследователи, начиная с широко известной статьи А. П. Окладникова об Иволгинском оленном камне (Окладников, 1954а), отмечали стилизованный характер нанесения этих животных на стелах, в то время как изображения других реалий были достаточно реалистичными. По мнению А. Наглера (Наглер, 2011. С. 180–181, рис. 3; 4), на изваяниях в действительности изображен не олень, а увенчанный оленьими рогами нож карасукского типа. В результате «стилизованный олень» в своей основе также приобретает вполне реалистичные черты

РИС. 7. Могильник Тэмэ-хад II. Бурятия. Кяхтинский район. Местность Бурдуны. Наложение кладки кургана-жертвенника № 3 культуры херексуров на кладки плиточных могил № 7, 8, которые были осквернены, но их кладки были оставлены в достаточно хорошей сохранности. В центре кургана-жертвенника сохранилась нижняя часть вертикально установленного камня – возможно, оленного камня. В правой половине фотографии видны кладки полуразрушенных плиточных могил № 4, 5, 9, 15–18. Вид с З с небольшим отклонением к северу. Раскопки автора

FIG. 7. Cemetery of Teme-Khad II. Buryatia. Kyakhta district. Locality of Burduny. Superposition of the masonry of altar-mound No. 3 of the culture of khereksurs over the masonries of slab graves Nos. 7, 8 which were disturbed but their masonries were left in a fairly good state of preservation. In the centre of the altar-mound, the lower part of a vertically installed block, possibly, a deer stone is preserved. In the right half of the photo, masonries of half-destroyed slab graves Nos. 4, 5, 9, and 15–18 are visible. View from W with a slight deviation to the north. Excavation by the author

(рис. 8; 9). Из нового прочтения образа «олень» вкупе с изображениями других атрибутов воинского снаряжения и семантики изваяний в целом ученый сделал вывод о том, что становление воинской элиты в обществе степных племен Центральной Азии произошло не в раннем железном веке, а значительно раньше, уже в позднем бронзовом веке (Там же. С. 184).

Вместе с тем сформулированная А. Наглером оригинальная трактовка образа оленя «через ножи» карасукского типа является дополнительным аргументом в пользу датировки оленных камней монголо-забайкальского типа поздним бронзовым веком. Общеизвестно, что некоторые изделия карасукских форм, в том числе ножи, в единичных случаях встречаются в качестве пережиточного явления в памятниках раннескифского времени. Однако на оленных камнях монголо-забайкальского типа изображения оленей-ножей являются самым распространенным сюжетом реалий этих памятников, что однозначно свидетельствует об их массовом распространении и использовании в бытовой жизни и военном деле в период создания изваяний монголо-забайкальского типа. Немало-

⁶ В сходном направлении интерпретировал реалии на оленных камнях и Д. Г. Савинов (см.: Савинов, 1994. С. 147).

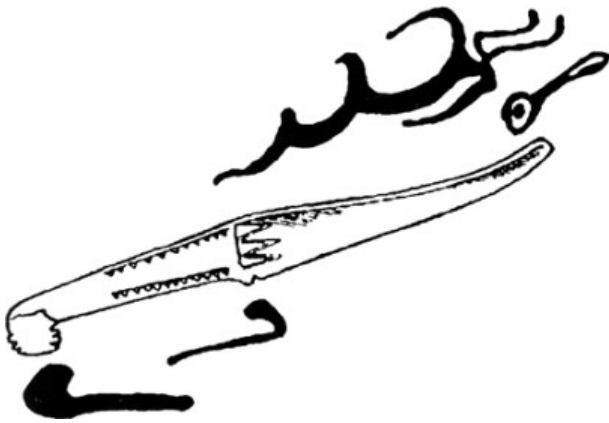

РИС. 8. Бронзовый нож карасукского типа и элементы образа оленя на оленьем камне — голова, рога, ноги (по: *Наглер*, 2011. Рис. 4)

FIG. 8. Bronze knife of the Karasuk type and elements of a deer image on a deer stone — head, antlers, feet (after *Наглер*, 2011. Рис. 4)

важен и тот факт, что указанный тип ножей на стелах монголо-забайкальского типа сопряжен с многочисленными изображениями кинжалов, ножей других типов, ножнами также характерных карасукских форм. В совокупности эти обстоятельства указывают и на время создания этих памятников — карасукский период или поздний бронзовый век в пределах XIII–IX/VIII вв. до н. э.

Автору данной статьи мнение А. Наглера об изображении на оленьих камнях ножей карасукского типа представляется достаточно обоснованным и продуктивным. Здесь все же необходимо сделать одну поправку и дополнение. Более вероятно то, что на изваяниях монголо-забайкальского типа все же изображен олень, но в основу изображения образа этого животного, а точнее — туловища, создатели рассматриваемых памятников положили очертания карасукских ножей, которые

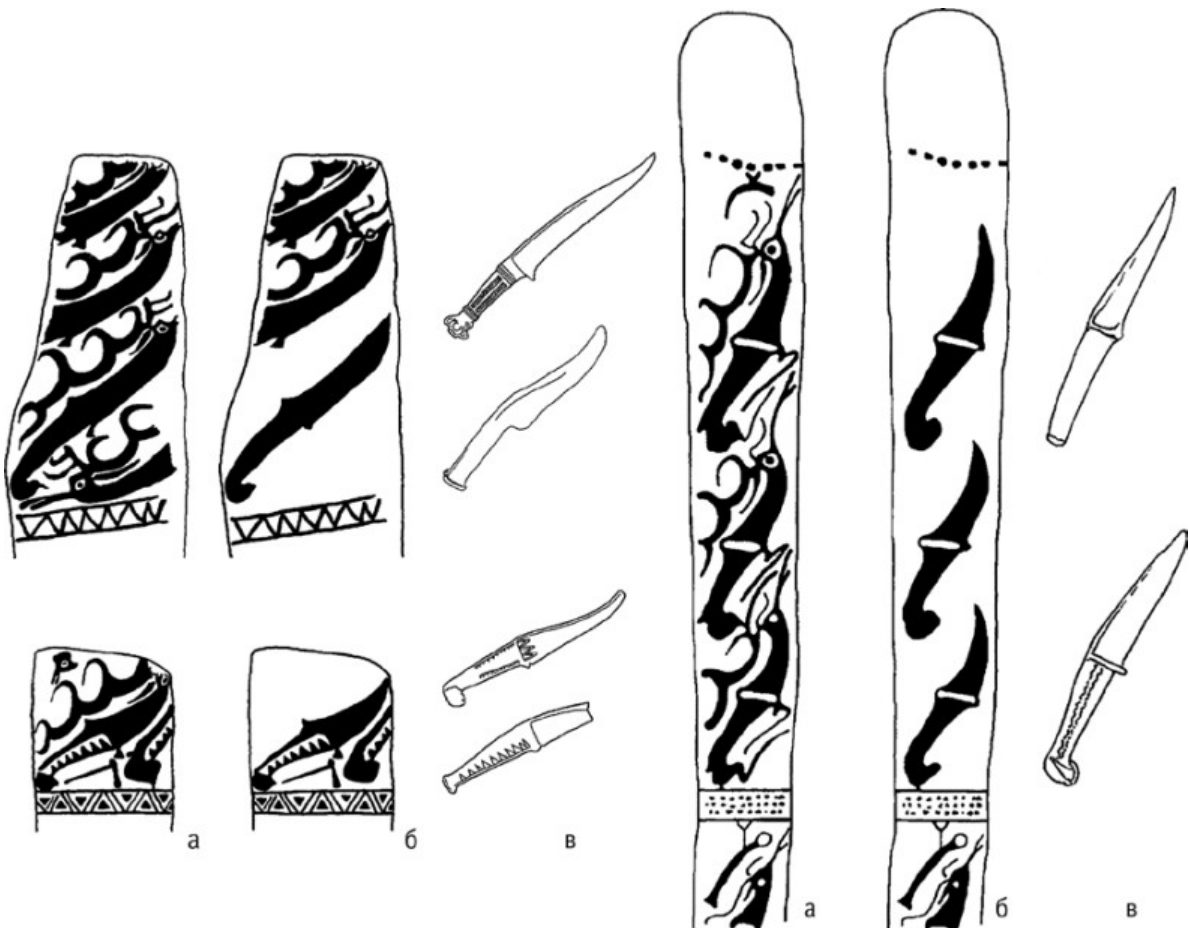

РИС. 9. Стилизованные олени на оленьем камне: *а* — полное изображение; *б* — изображение «туловища»; *в* — соответствующие им бронзовые ножи (по: *Наглер*, 2011. Рис. 3). Масштаб разный

FIG. 9. Stylized deer on a deer stone: *a* — full representation; *b* — representation of the 'body'; *v* — bronze knives corresponding to them (after *Наглер*, 2011. Рис. 3). Scale varies

помимо обычных функций в быту использовались, вне всякого сомнения, и в военной сфере. Поэтому нож органично вписывается в состав военных репеллий на оленных камнях. Но вследствие специфики конфигурации своих очертаний место ему нашлось в составе центрального образа репеллий оленных камней монголо-забайкальского типа — оленей. Таким образом, создатели оленных камней нашли в высшей степени оригинальное и в то же время очень емкое и продуктивное, с точки зрения семантики изваяния (образ представителя элиты воинского сословия), решение передачи образа оленя как сакрального животного, через изображение одного из видов военного снаряжения, идея которого была выставлена во внешнем облике этих памятников на переднем плане.

Культ оружия и воинского снаряжения в целом являлся, видимо, своего рода центральным стержнем внешнего образа оленных камней. Возможно, по этой причине и в верхней части изваяний, за редким исключением, обычно не изображалась голова человека, хотя антропоморфная основа стел не вызывает сомнения. Скорее всего, это делалось преднамеренно, чтобы сконцентрировать внимание на культе оружия, значении военного дела в жизни кочевников культуры херексуров монгольских степей развитого — позднего бронзового века. Как было отмечено выше, произошедшие в связи с переходом к кочевому и полукочевому

скотоводству эпохальные изменения в социально-экономической жизни носителей этой культуры, привели к резкому росту социальной напряженности и значения военного дела в обществе. Поэтому появление оленных камней у носителей культуры херексуров в период поздней бронзы вполне органично вписывается в общий историко-культурный фон этой эпохи на территории Монголии.

Таким образом, анализ социально-экономических предпосылок возникновения феномена оленных камней позволяет сделать вывод о том, что их появление в культуре кочевников монгольских степей в позднем бронзовом веке выглядит вполне закономерным явлением. Переход к скотоводству кочевого и полукочевого типа в хозяйственной деятельности степного населения под воздействием природно-климатического фактора, необходимость защиты растущего поголовья скота и пастбищных угодий от посягательств соседей обусловили возрастание социальной напряженности во взаимоотношениях скотоводческих коллективов. Эти процессы вели к формированию воинского сословия в обществе культуры херексуров и появлению в нем воинской элиты, вошедшей в состав родоплеменной знати. Отражением этих новых явлений в экономической сфере и общественной жизни населения культуры херексуров стало появление статуарных памятников в виде оленных камней монголо-забайкальского типа.

Литература

- Бобров, 1989 — Бобров В. В. О генезисе оленных камней // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья: Тез. докл. обл. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. проф. Б. Н. Гракова. Запорожье: б. и., 1989. С. 17–18.
- Бобров, 1992 — Бобров В. В. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Евразия от древности до средневековья: Тез. конф. к 90-летию со дня рожд. М. П. Грязнова / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН, 1992. С. 54–57. (АИ. Вып. 2)
- Виппер и др., 1976 — Виппер П. Б., Дорофеев Н. И., Метельцева Е. П., Соколовская В. Т., Шулия К. С. Опыт реконструкции растительности Западной и Центральной Монголии в голоцене на основе изучения донных отложений пресных озер // Биологические ресурсы и природные условия Монгольской Народной Республики. Т. VIII: Структура и динамика основных экосистем МНР / Гл. ред. Е. М. Лавренко. Л.: Наука, 1976. С. 35–59.
- Виппер и др., 1978 — Виппер П. Б., Дорофеев Н. И., Метельцева Е. П., Соколовская В. Т. История развития растительности Северной Монголии в голоцене // Биологические ресурсы и природные условия Монгольской Народной Республики. Т. X: География и динамика растительного и животного мира МНР / Гл. ред. Е. М. Лавренко. М.: Наука, 1978. С. 19–24.
- Виппер и др., 1989 — Виппер П. Б., Дорофеев Н. И., Метельцева Е. П., Соколовская В. Т. Ландшафтно-климатические изменения в Центральной Монголии в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена / Отв. ред. Н. А. Хотинский. М.: Наука, 1989. С. 160–167.
- Волков, 1967 — Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. 148 с.
- Волков, 1981 — Волков В. В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. 254 с.
- Волков, 2002 — Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- Гришин, 1981 — Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 204 с.
- Грязнов, 1984 — Грязнов М. П. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 77–82.
- Диков, 1958 — Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1958. 108 с.

- Динесман и др.*, 1989 — *Динесман Л. Г., Киселева Н. К., Князев А. В.* История степных экосистем Монгольской народной республики. М.: Наука, 1989. 215 с. (Биологические ресурсы и природные условия Монгольской Народной Республики; Т. XXXII).
- Дорофеюк*, 2008 — *Дорофеюк Н. И.* Реконструкция природных условий Внутренней Азии в позднеледниковье и голоцене (по материалам диатомового и палинологического анализов озерных осадков Монголии): Автореферат дис. ... докт. биол. наук. Москва, 2008. 49 с.
- Кубарев*, 2002 — *Кубарев В. Д.* Образ оленя в петроглифах Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. П. Грязнова / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Кн. 2. С. 70–76.
- Наваан*, 1973 — *Наваан Д.* Бронзовый век Восточной Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Батор: Изд-во АН Монголии, 1973. 27 с.
- Наглер*, 2011 — *Наглер А.* О стилизованных изображениях оленей на оленных камнях Центральной Азии // «Terra Scythica»: Мат-лы междунар. симпозиума / Отв. ред.: В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 178–184.
- Новгородова*, 1989 — *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 383 с.
- Окладников*, 1954а — *Окладников А. П.* Оленный камень с реки Иволги // СА. 1954. Т. XIX. С. 207–220.
- Окладников*, 1954б — *Окладников А. П.* Эпоха первобытно-общинного строя на территории Бурят-Монголии // История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1 / Редкол.: П. Т. Хаптаев, А. П. Окладников и др. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское кн. изд-во, 1954. С. 9–26.
- Окладников, Худяков*, 1981 — *Окладников А. П., Худяков Ю. С.* Образ воина на писаницах Монголии // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1981. С. 21–29.
- Савинов*, 1979 — *Савинов Д. Г.* Зооморфные изображения на оленных камнях // Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства», 14–17 ноября 1979 г., г. Кемерово / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Б. и., 1979. С. 120–124.
- Савинов*, 1980 — *Савинов Д. Г.* Изображения собак на оленных камнях (некоторые вопросы семантики) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Мат-лы I Всесоюз. археол. конф. / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1980. С. 319–328.
- Савинов*, 1990а — *Савинов Д. Г.* Проблема оленных камней (в историографическом аспекте) // История археологических исследований Сибири / Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск: Изд-во ОмГУ, 1990. С. 106–133.
- Савинов*, 1990б — *Савинов Д. Г.* Наскальные изображения в стиле оленных камней // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР / Отв. ред. М. А. Дэвлет. М.: Наука, 1990. С. 174–181.
- Савинов*, 1993 — *Савинов Д. Г.* Антропоморфные изображения эпохи бронзы и раннескифского времени из восточной части евразийских степей // ПАВ. 1993. № 6. С. 23–26.
- Савинов*, 1994 — *Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
- Савинов*, 2002 — *Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 204 с.
- Савинов, Членова*, 1978 — *Савинов Д. Г., Членова Н. Л.* Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии / Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1978. С. 72–94.
- Сосновский*, 1941 — *Сосновский Г. П.* Плиточные могилы Забайкалья // Труды Отдела истории первобытной культуры ГЭ. 1941. Т. 1. С. 273–309.
- Худяков*, 1987 — *Худяков Ю. С.* Херексурсы и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука, 1987. С. 136–162.
- Худяков, Эрдэнэ-Очир*, 2011 — *Худяков Ю. С., Эрдэнэ-Очир Н.* Военное дело древних кочевников Монголии (II тыс. — III в. до н. э.). СПб.: Нестор-История, 2011. 172 с.
- Цыбиктаров*, 2002а — *Цыбиктаров А. Д.* О датировке оленных камней монголо-забайкальского типа // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии / Отв. ред. Н. Н. Крадин. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 87–95.
- Цыбиктаров*, 2002б — *Цыбиктаров А. Д.* Херексурсы и памятники монгун-тайгинского типа (проблема культурного соотношения) // Степи Евразии в древности и средневековье: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. П. Грязнова / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Кн. 2. С. 173–176.
- Цыбиктаров*, 2003 — *Цыбиктаров А. Д.* Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (II — первая половина I тыс. до н. э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск: Изд-во БурятГУ, 2003. 49 с.
- Цыбиктаров*, 2011 — *Цыбиктаров А. Д.* Происхождение культуры херексуров и оленных камней // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. В. Харинский. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. Вып. 2. С. 278–292.
- Цыбиктаров*, 2012 — *Цыбиктаров А. Д.* Древние миграции в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа: причины и последствия // Монгол болон Байгал нуур орчмын Сибирийн эртний соел: Олон улсын эрдэм шинжилгээний 3-р хурлын илтгэлийн эмхтгэл. Тэргун дэвтэр / Эмхгэсэн: Д. Түмэн, М. Эрдэнэ, Э. Мижиддорж. Улаанбаатар: МУИС-ийн Хэвлэх үйлдвэр, 2012. С. 283–292.
- Цыбиктаров*, 2013 — *Цыбиктаров А. Д.* Этапы взаимоотношений населения культуры плиточных могил и культуры херексуров в Центральной Азии в «эпоху великого переселения народов» бронзового века // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы IV Междунар. науч. конф. / Отв. ред.: М. В. Константинов, А. В. Константинов. Чита: Экспресс-издательство, 2013. С. 360–373.

Цыбиктаров, 2018 — Цыбиктаров А. Д. Скотоводческое хозяйство носителей культуры плиточных могил Центральной Азии // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории / Отв. ред.: А. П. Деревянко, М. В. Шуньков. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. С. 173–189.

Членова, 1962 — Членова Н. Л. Об оленных камнях Сибири и Монголии // Монгольский археологический

сборник / Отв. ред. С. В. Киселев. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 27–35.

Членова, 1992 — Членова Н. Л. Культура плиточных могил // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 247–254. (Археология СССР; Т. 10).

The origin of deer stones of the Mongol-Transbaykalian type (socio-economic aspect)

A. D. Tsybiktarov

Examination of social and economic preconditions of the phenomenon of the appearance of deer stones of the Mongol-Transbaykalian type leads to the following conclusions. The appearance of statuary monuments in the form of sculptures was due to the formation of the new economic pattern among the bearers of the kherek-sur culture — cattle breeding of the nomadic and semi-nomadic type which came to occupy a dominating position in their palaeoeconomy and to define in many aspects the material prosperity of the people. This type of economy transformed the pastures into one of the main production means providing forage reserve for the livestock with its the head increased manifold owing to annual keep at grass and raised the standard of living of the steppe population. At the same time, the herds of domestic animals were an easily alienable wealth and became

one of the objects of the forcible seizure during military raids. The necessity to protect the pasturing grounds and cattle herds against encroachments by the neighbours called forth the expansion of the military factor in the life of the society and the formation of the military class. Among the latter's milieu, a military elite began to take shape which organically blended into the composition of the tribal nobility. Probably, its prominent representatives, along with the leadership in military activities of the communal tribal collectives, performed also some sacral functions. The militarization of the life of the society and formation of the military elite, the growth of its influence in the commune, was reflected in the appearance of deer stones of the Mongol-Transbaykalian type. Possibly, the first of these monuments were of wood but afterwards they began to be made of stone.

Аналогии бронзам из Минусинских котловин на оленных камнях Монголии¹

А. В. Поляков²

АННОТАЦИЯ. *Хронология оленных камней остается дискуссионной. При определении их возраста среди прочих аргументов исследователи используют аналогии некоторым деталям изображений среди карасукских бронз Минусинских котловин. Проведенные в последние десятилетия работы по уточнению хронологии памятников периода поздней бронзы этого региона позволяют достаточно точно датировать конкретные предметы, представленные на оленных камнях. Данные артефакты обнаружены в памятниках, относящихся к XIII – началу X в. до н. э. Это дает возможность получить новые основания для относительно ранней датировки традиции установки оленных камней.*

ANNOTATION. *The chronology of deer stones remains debatable. When establishing their age, the researchers refer, inter alia, to analogies with certain details of representations among the Karasuk bronzes of the Minusinsk Hollows. The studies conducted during recent decades for establishing a more precise chronology of sites of the Bronze Age in this region allow us to date fairly precisely particular subjects presented by deer stones. These artefacts were revealed at sites dated to the 13th – early 10th century BC. This fact allows the researchers to obtain new grounds for a relatively early dating of the tradition of installation of deer stones.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: оленные камни, Центральная Азия, Минусинские котловины, период поздней бронзы, бронзовые ножи и кинжалы, эпоха Инь.

KEYWORDS: deer stones, Central Asia, Minusinsk Hollows, Late Bronze Age, bronze knives and daggers, Yin epoch.

Оленные камни – удивительное явление, которое не одно столетие привлекает внимание ученых и широкого круга людей, интересующихся древней историей. Им посвящены сотни научных публикаций, однако по-прежнему остается много нерешенных вопросов, вызывающих активные обсуждения среди исследователей. Пожалуй, ключевая проблема – время появления феномена оленных камней.

В специальной литературе представлены различные точки зрения. Часть исследователей датируют их появление и бытование концом бронзового века и раннескифским временем, первой половиной I тыс. до н. э. (Волков, 2002. С. 19–22; Савинов, 1994. С. 110–111, 113; 2002. С. 18–19). Ряд ученых предполагает, что время их существования укладывается в пределы развитой или поздней бронзы – раннескифского времени, от середины II до середины I тыс. до н. э. (Худяков, 1987. С. 157; Новгородова, 1989. С. 187–192; Цыбиктаров, 2002. С. 89–93; 2003, С. 25, 28). Одним из важных оснований для подобных датировок являются аналогии среди артефактов карасукской культуры. Причины, по которым для датирования приходится привлекать отдаленные аналогии из Минусинских котловин, связаны

с тем, что большинство погребальных сооружений Монголии этого периода не содержит сопроводительного инвентаря, к тому же они подверглись практически тотальному разрушению.

В 2020 г. дискуссии о хронологии оленных камней вышли на новый уровень. Этому способствовала публикация статьи группы французских исследователей, которые провели большую работу по радиоуглеродному датированию костей животных из жертвенников, связанных с оленными камнями, и поставили вопрос об отнесении некоторых из них ко второй половине XI в. до н. э. (Zazzo et al., 2019). Такие ранние даты у некоторых исследователей, занимающихся данной проблематикой, вызвали сомнение в их справедливости (Ковалёв, 2020. С. 43). В связи с этим потребовалась ревизия других доступных источников абсолютных дат. В частности, назрела необходимость перейти от общих размышлений к сопоставлению конкретных артефактов из Минусинских котловин с их изображениями на оленных камнях. Особое значение это приобретает в связи с разработкой дробной хронологической шкалы памятников периода поздней бронзы этого региона (Поляков, 2002; 2006а, б; 2009; 2013; 2017; 2020. С. 36–44; Поляков, Лазаретов, 2019; Poliakov, Lazaretov, 2020). Здесь необходимо отметить, что нет сомнений в существовании длительной традиции установки оленных камней. Это отнюдь не краткое, одномоментное явление, однако наиболее важным и ин-

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2020-0002.

² 655017, Республика Хакасия, Абакан, ул. Ленинского Комсомола, д. 16, пом. 83Н. Южносибирский филиал ИИМК РАН. Адрес электронной почты: poliakov@yandex.ru.

тересным является начальный момент появления данной традиции.

На оленных камнях изображено большое количество разнообразных предметов, однако пока использовать для анализа удастся только часть из них. Некоторые вещи не имеют аналогий в памятниках Минусинских котловин (луки, «щиты», пояса и т. д.). Другие предметы имеют длительный период своего бытования. Например, «предметы неизвестного назначения» (далее – ПНН), изображения которых известны на оленных камнях, появляются в погребениях Минусинских котловин в самом начале III этапа периода поздней бронзы (далее – ППБ) и продолжают бытовать вплоть до финала скифского времени. Это не позволяет использовать их как хронологический маркер.

Проделанный анализ основного круга источников показал, что в русле поставленной задачи перспективным является изучение изображений ножей и кинжалов. Они весьма многочисленны на оленных камнях и изобилуют деталями, позволяющими провести обоснованное сравнение с реальными изделиями, обнаруженными в погребениях ППБ Минусинских котловин. Необходимо отметить, что погребальная традиция этого периода не предполагала помещение в могилы оружия. Поэтому все известные «карасукские» кинжалы относятся к категории случайных находок. Зато в захоронениях найдено более 100 ножей, контекст обнаружения которых в конкретных погребениях и совместное обнаружение с другими артефактами позволяют довольно точно определить их хронологию. Некоторые элементы, например, навершия ножей и кинжалов, детали ножен, имеют общие признаки и могут рассматриваться совместно.

Интересным элементом, сопровождающим большую часть изображений ножей и кинжалов на оленных камнях, являются трапециевидные расширения в их нижней части (рис. 1, 4–17; 2, 8–13, 15–19; 3, 7, 8; 4, 3–6). Анализ бронзовых изделий позволяет обнаружить первоисточник, с которого этот элемент копировался. Это бронзовые накладки, которые, вероятно, оформляли кожаные ножны. Несколько экземпляров подобных изделий были найдены в Минусинских котловинах (рис. 1, 1–3). Одна рамка обнаружена в могиле № 1 кургана № 28 могильника Кюргеннер I вместе с характерным бронзовым ножом (Грязнов и др., 2010. С. 57–58, рис. 34, 1, 2). На основании суммы признаков это погребение следует датировать II этапом ППБ (или финалом классического этапа карасукской культу-

ры, по хронологии М. П. Грязнова). Еще одна рамка происходит из случайных находок (найдена Н. В. Леонтьевым в устье р. Биря возле могильника Лебяжье). Наконец, третья обнаружена в ходе сборов в районе с. Краснополье (Буров, 1987. С. 76–78). На небольшом участке пашни местным жителем было найдено 137 фрагментов керамики, значительная коллекция бронзовых предметов, кости животных и фрагмент черепной крышки человека, что позволяет считать этот комплекс разрушенным погребением. Наличие, кроме указанной накладки, двух коленчатых ножей с навершием в виде шляпки с петелькой, ПНН, пуговиц с перемычкой, треугольных бляшек с пуансонным орнаментом позволяет уверенно относить данный комплекс к хронологическому горизонту III-а ППБ.

Другим ключевым элементом изображений ножей и кинжалов на оленных камнях являются навершия. В большинстве случаев они представляют собой простое кольцо. Навершия этого типа имеют весьма широкую хронологию, встречаясь на протяжении всего ППБ и скифского времени, и не могут быть использованы как хронологические индикаторы. Однако известны и другие, более редкие варианты оформления наверший, имеющие гораздо более узкую датировку.

Наиболее многочисленными из редких типов изображенных наверший являются зооморфные. Они оформлены в виде головы животного, чаще всего оленя, козла или барана (рис. 2, 8–19). Прототипы этих изображений обнаружены в двух погребениях ППБ (рис. 2, 1, 2). Первое из них (Абакан, погребение № 21) датируется II этапом ППБ, второе (Подкунинские Горы, могила № 1) – хронологическим горизонтом III-а ППБ (Лунский, 1949. С. 77; Kotozegov, 2000). Остальные относятся к категории случайных находок (Членова, 1972. Табл. 9, 1–10). Кроме того, значительная серия аналогичных артефактов найдена на памятниках Северного Китая, датирующихся эпохой Инь (рис. 2, 3–7). Нетрудно заметить, что по своим признакам они полностью идентичны образцам из погребений Минусинских котловин и, с большой долей вероятности, синхронны им.

Еще одним редким типом наверший, которые можно идентифицировать среди изображений кинжалов на оленных камнях, является кольцо с тремя «кнопками» на нем (рис. 3, 7, 8). Ножи с навершиями этого типа являются весьма распространенной находкой в Минусинских котловинах (рис. 3, 1–3). Неоднократно обнаруженные в погреб-

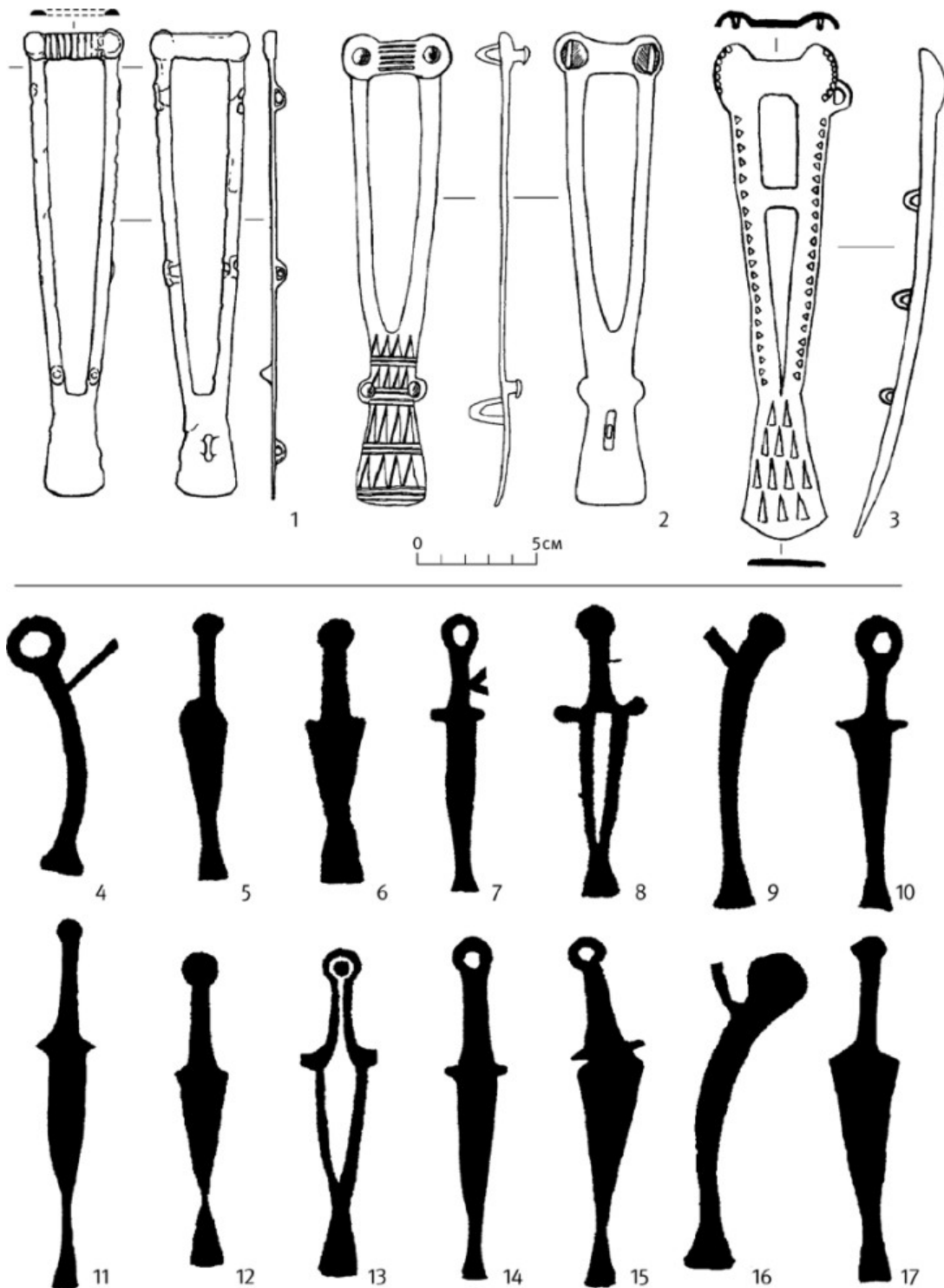

РИС. 1. Сопоставление бронзовых ножен с трапециевидным расширением из Минусинских котловин и изображений на оленних камнях Монголии. 1 – Кюргеннер I, курган № 28, могила № 1; 2 – Биря; 3 – Краснополье (составлено автором по разным источникам); 4-17 – изображения на оленних камнях (по: Волков, 2002. Табл. 3, 2; 5, 1; 12, 3; 13; 14, 1, 2; 18, 1; 46, 2; 49; 59; 74, 2; 78; 97, 3). Масштаб разный

FIG 1. Comparison of bronze sheathes with a trapezoid widening from Minusinsk Hollows with representations on deer stones from Mongolia. 1 – Kyurgenner I, barrow No. 28, grave No. 1; 2 – Biryа; 3 – Krasnopolye (compiled by the author from various sources); 4-17 – representations on deer stones (after Волков, 2002. Табл. 3, 2; 5, 1; 12, 3; 13; 14, 1, 2; 18, 1; 46, 2; 49; 59; 74, 2; 78; 97, 3). Scale varies

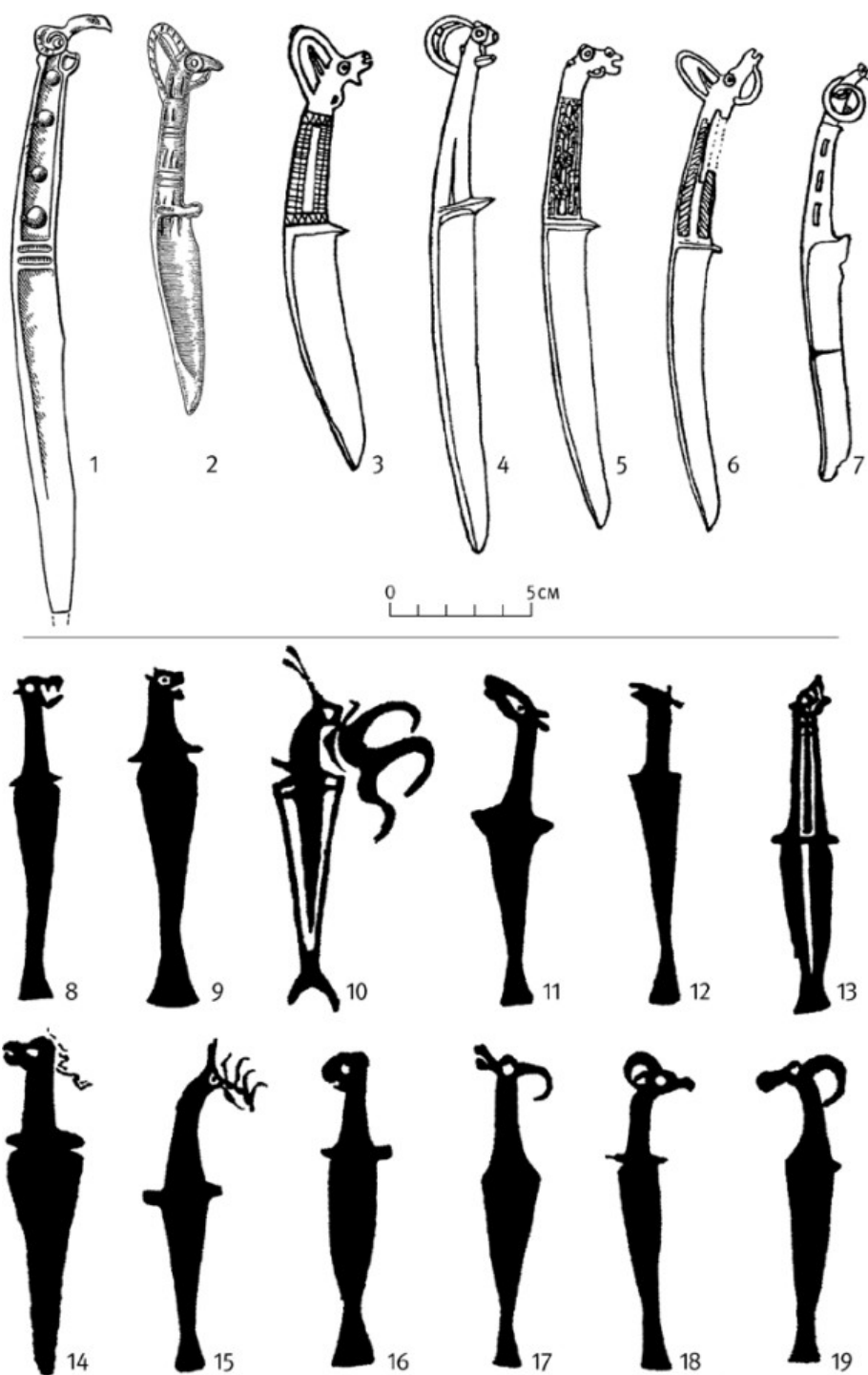

РИС. 2. Сопоставление бронзовых ножей с зооморфными навершиями из комплексов Минусинских котловин и Северного Китая и изображений на оленных камнях Монголии. 1 – Абакан, погребение № 1; 2 – Подкунинские Горы, могила № 1; 3 – Чаодаогоу; 4 – Фу-Хао, М5; 5 – Хоуцзянчжуань НРКМ 1311; 6 – Яньтоуцунь; 7 – Цзинцзецунь (составлено автором по разным источникам); 8–19 – изображения на оленных камнях (по: Волков, 2002. Табл. 22, 1; 36, 2; 40, 1; 41; 47, 1; 50, 1; 76, 1; 78; 79; 83; 86, 1; 86, 2). Масштаб разный

FIG. 2. Comparison of bronze knives with zoomorphic pommels from complexes of Minusinsk Hollows and North China with representations on deer stones from Mongolia. 1 – Abakan, burial No. 1; 2 – Podkuninskiye Gory, grave No. 1; 3 – Chaodaogou; 4 – Fu Hao, M5; 5 – Houjiangzhuan NRCM 1311; 6 – Yantoucun; 7 – Jingjecun (compiled by the author from various sources); 8–19 – representations on deer stones (after Волков, 2002. Табл. 22, 1; 36, 2; 40, 1; 41; 47, 1; 50, 1; 76, 1; 78; 79; 83; 86, 1; 86, 2). Scale varies

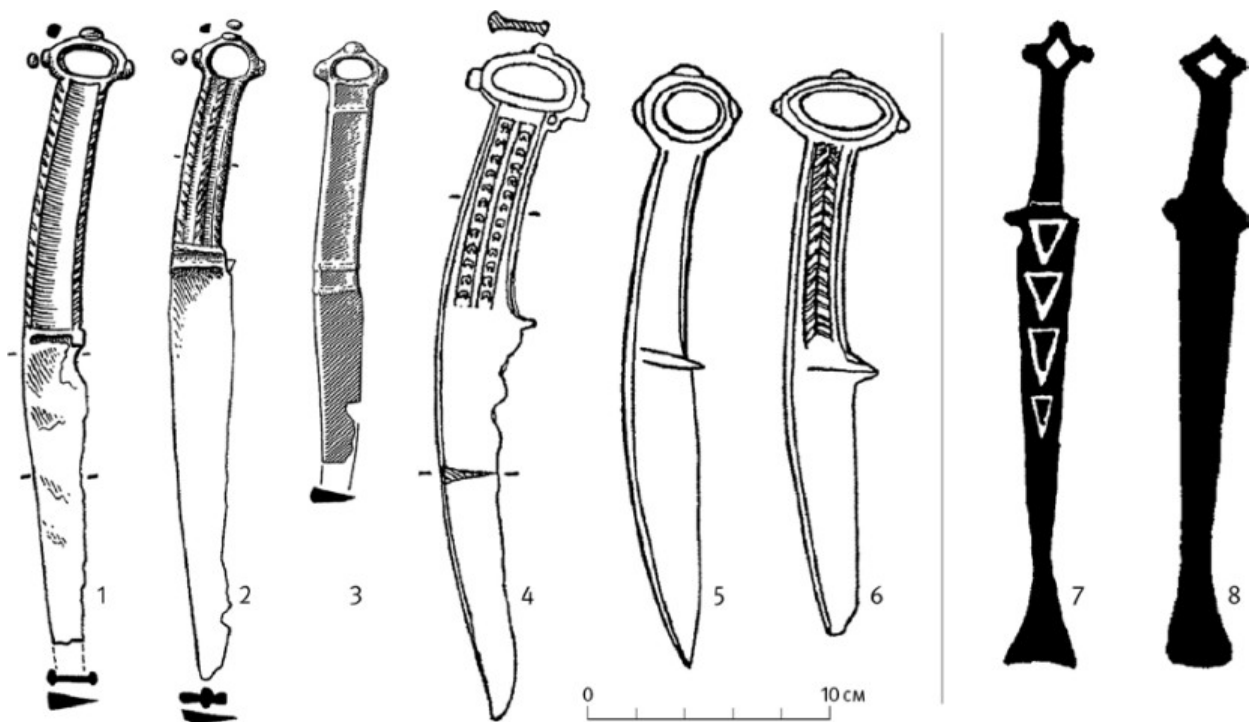

РИС. 3. Сопоставление бронзовых ножей с навершиями в виде кольца с тремя «кнопками» из комплексов Минусинских котловин и Северного Китая и изображений на оленних камнях Монголии. 1 – Абакан, погребение № 15; 2 – Бея, могила № 3; 3 – Сухое Озеро-II, курган № 381, могила № 1; 4 – Дасыкунцунь, M539; 5 – Чаодаогу; 6 – Янхе (составлено автором по разным источникам); 7, 8 – изображения на оленних камнях (по: Волков, 2002. Табл. 17; 18, 2). Масштаб разный

FIG. 3. Comparison of bronze knives with pommels in the form of a ring with three 'buttons' from complexes of Minusinsk Hollows and North China with representations on deer stones from Mongolia. 1 – Abakan, burial No. 15; 2 – Beya, grave No. 3; 3 – Sukhoye Ozero-II, kurgan No. 381, grave No. 1; 4 – Dasikongcun, M539; 5 – Chao-daogou; 6 – Yanghe (compiled by the author from various sources); 7, 8 – representations on deer stones (after Волков, 2002: Табл. 17; 18, 2). Scale varies

бениях, которые датируются II этапом ППБ, ножи с такими навершиями относятся исключительно к этому относительно узкому хронологическому периоду – и ни до, ни после они не встречаются. Среди случайных находок такие ножи представлены весьма широко (Членова, 1972. Табл. 5, 14–28). Очень близкие образцы наверший фиксируются на ножах из комплексов Северного Китая, относящихся к эпохе Инь (рис. 3, 4–6).

На оленних камнях можно обнаружить и другие типы наверший, которые известны на реальных изделиях, например, «двукольчатые» (рис. 4, 3, 4). Ножи с таким признаком в основном встречаются среди случайных находок (Членова, 1972. Табл. 10, 35–40), но одно такое изделие было найдено в ходе раскопок могильника Кутень-Булук (Кузьмин, 2018. Рис. 16, 1). Датировка этого могильника и конкретного погребения, из которого происходит этот нож, – хронологический горизонт III-а ППБ (рис. 4, 1).

Еще один редкий и крайне интересный тип навершия, зафиксированный на оленних камнях, – кольцо с дополнительным колечком под ним (рис. 4, 5, 6). Обычно такое колечко необходимо для крепления темляка, однако его присутствие имеет смысл в сочетании с навершиями, к которым нет возможности надежно прикрепить темляк, например, грибовидными. Наличие дополнительного колечка под кольцевым навершием является излишним. Это рудимент, появление которого связано с процессами гибридизации. Они должны быть довольно редки, а период их существования очень узкий. Однако изделие именно с таким навершием было найдено в могиле № 1 могильника Подсинее 1, относящегося к хронологическому горизонту III-а ППБ (рис. 4, 2). Аналогичные изделия среди случайных находок тоже известны, хоть и немногочисленны (Членова, 1972. Табл. 10, 32–34).

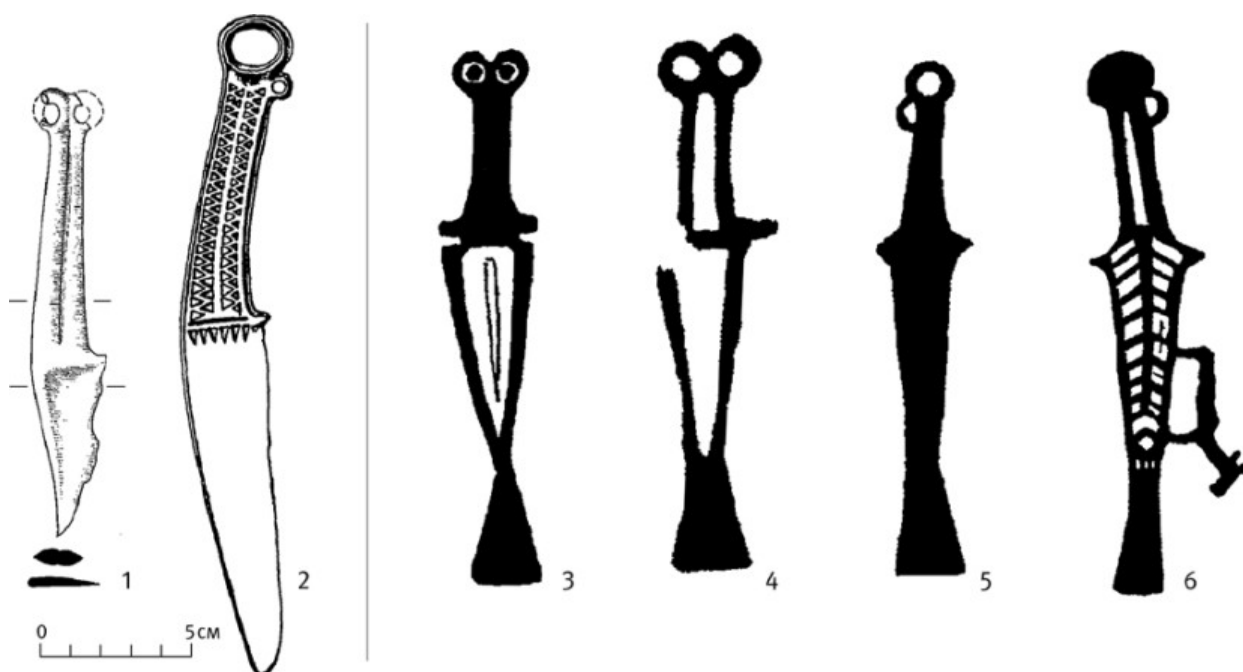

РИС. 4. Сопоставление бронзовых ножей с различными типами наверший из комплексов Минусинских котловин и изображений на оленних камнях Монголии. 1 — Кутень-Булук, курган № 13, могила № 1а; 2 — Подсинее I, могила № 1 (составлено автором по разным источникам); 3–6 — изображения на оленних камнях (по: Волков, 2002. Табл. 1, 2; 48; 51; 102). Масштаб разный

FIG. 4. Comparison of bronze knives with pommels of different types from complexes of Minusinsk Hollows with representations on deer stones from Mongolia. 1 — Kuten-Buluk, kurgan No. 13, grave No. 1a; 2 — Podsineye I, grave No. 1 (compiled by the author from various sources); 3–6 — representations on deer stones (after Волков, 2002. Табл. 1, 2; 48; 51; 102). Scale varies

Таким образом, намечается вполне определенная группа ножей, относящихся к весьма узкому хронологическому периоду, ограниченному, вероятно, концом II и самым началом III этапа ППБ. Некоторые из них имеют аналогии в памятниках эпохи Инь Северного Китая. Ножи и кинжалы с аналогичными навершиями составляют довольно заметный пласт изображений на оленних камнях и могут быть идентифицированы с максимальной степенью достоверности.

Кроме ножей и кинжалов следует отметить еще один тип изображений, который с определенной долей вероятности может быть отождествлен с конкретными предметами. Это редкий тип височных колец, которые представлены на антропоморфных оленних камнях. Большинство подобных украшений изображено в виде гладкого кольца, иногда со свисающей подвеской. Однако имеется серия изображений, где на кольцо нанесены по внешнему периметру своеобразные короткие лучи (рис. 5, 2–8). Очень похожие парные изделия были найдены в составе погребальных комплексов Минусинских котловин (рис. 5, 1а, 1б). Они обнаружены в могиле № 43 могильника Белый Яр V (ма-

териалы не опубликованы) и в могиле № 1 кургана № 1 могильника Чазы (Паульс, 2000. С. 107, рис. 6). Первый из этих памятников относится ко II этапу ППБ, а второй датируется хронологическим горизонтом III-а ППБ.

В результате складывается интересная картина. Конкретные бронзовые изделия, которые удается опознать на оленних камнях, в Минусинских котловинах относятся к одному, довольно узкому хронологическому отрезку, который охватывает II-й и самое начало III-го этапа (хронологический горизонт III-а) ППБ (рис. 6). Наиболее парадоксален тот факт, что это отнюдь не финал эпохи палеометалла, как логично было бы предположить. Ни один из рассмотренных предметов не найден в памятниках, датирующихся хронологическими горизонтами III-б и III-в ППБ. Более того, следует обратить внимание на то, что на оленних камнях отсутствуют изображения ножей коленчатой формы, характерные для этого времени. Все ножи, которые удается опознать, имеют отчетливую дугообразную форму, свойственную относительно ранним образцам I-го и II-го этапов ППБ (рис. 1, 4, 8, 16).

В результате изучения культурогенеза Минусинских котловин в период поздней бронзы стало

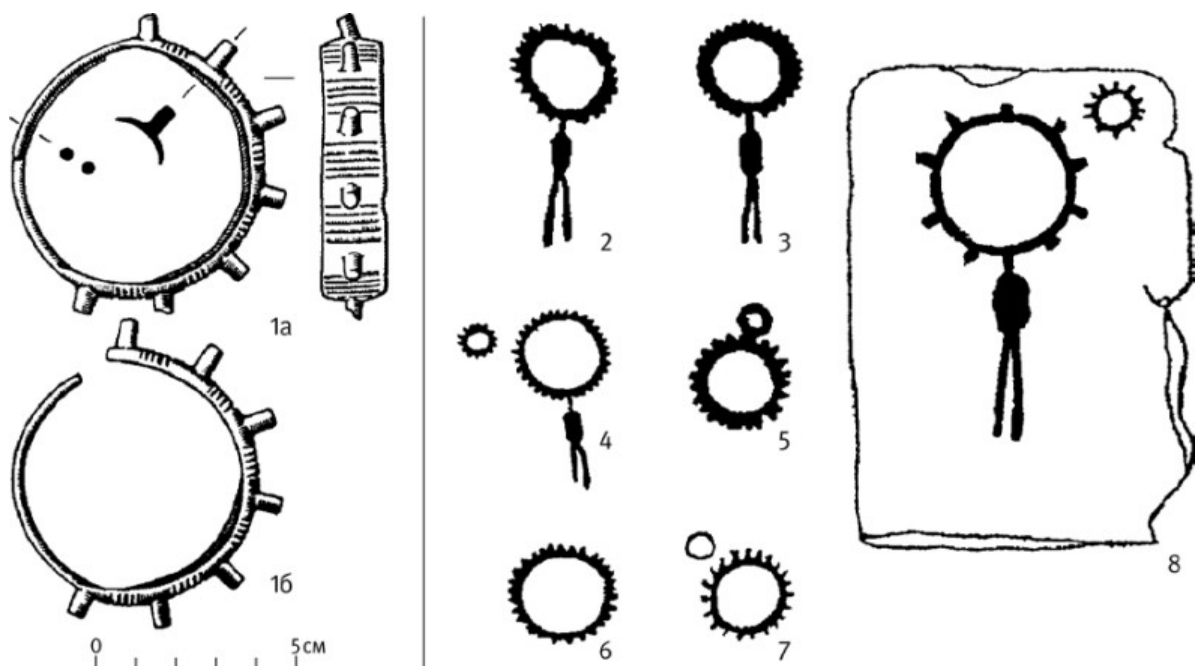

РИС. 5. Сопоставление бронзовых колец из могильника Чазы и изображений на оленних камнях Монголии. 1а, 1б – Чазы, курган № 1, могила № 1 (составлено автором по разным источникам); 2–8 – изображения на оленних камнях (по: Волков, 2002. Табл. 22, 2; 25, 3; 27, 1; 35, 1; 40, 1; 112; 124). Масштаб разный

FIG. 5. Comparison of bronze rings from the Chazy cemetery with representations on deer stones from Mongolia. 1a, 1b – Chazy, kurgan No. 1, grave No. 1 (compiled by the author from various sources); 2–8 – representations on deer stones (after Волков, 2002. Табл. 22, 2; 25, 3; 27, 1; 35, 1; 40, 1; 112; 124). Scale varies

очевидно, что переход ко второму II этапу ППБ начался в связи с появлением новых групп населения, пришедших с юга, с территории современной Монголии (Поляков, 2020. С. 41–42). Неудивительно, что именно в памятниках, оставленных ими, обнаружены предметы, изображенные на оленних камнях. Аналогичная инфильтрация населения происходила и в начале III этапа ППБ (хронологический горизонт III-а). И вновь – общее направление было с юга, вероятно, из тех же районов. В дальнейшем, в период хронологических горизонтов III-б и III-в ППБ, новых импульсов с юга не наблюдается. В ходе местного развития бронзолитейной индустрии редкие элементы выходят из обихода и связь с изображениями на оленних камнях утрачивается. Таким образом, аналогии бронзовым изделиям из Минусинских котловин на оленних камнях Монголии подтверждают верность предложенной модели культурогенеза.

В этой связи крайне важен вопрос об абсолютном датировании памятников II и III этапов ППБ. К сожалению, конкретных дат из погребений, содержащих приведенные выше бронзовые изделия, нет. Однако согласно данным радиоуглеродного

датирования широкого круга памятников II этап ППБ следует относить к XIII–XI вв. до н. э. (Поляков, 2020. С. 43–44). III этап ППБ в целом может датироваться XI–IX вв. до н. э., однако период интересующего нас хронологического горизонта III-а можно определить несколько уже – конец XI – начало X в. до н. э. В этой связи следует обратить внимание на значительную серию дат могильника Кутень-Булук, где был обнаружен нож с двукольчатый навершием (рис. 4, л). Все раскопанные погребения этого памятника относятся к хронологическому горизонту III-а и суммарно датируются X в. до н. э. (Кузьмин, 2018. С. 46–48).

В вопросе определения хронологии данных артефактов и их изображений обязательно необходимо учитывать уже упомянутые ножи с зооморфными и «трехкнопочными» навершиями, найденные на памятниках Северного Китая (рис. 2, 3–7; 3, 4–6). Все эти комплексы датируются эпохой Инь (XIII–XI вв. до н. э.), что подтверждается современными радиоуглеродными датами. Данные бронзы характеризуются исследователями, как импорты, проникшие в культуры Шан-Иньского времени с севера, и относятся к «северному типу»

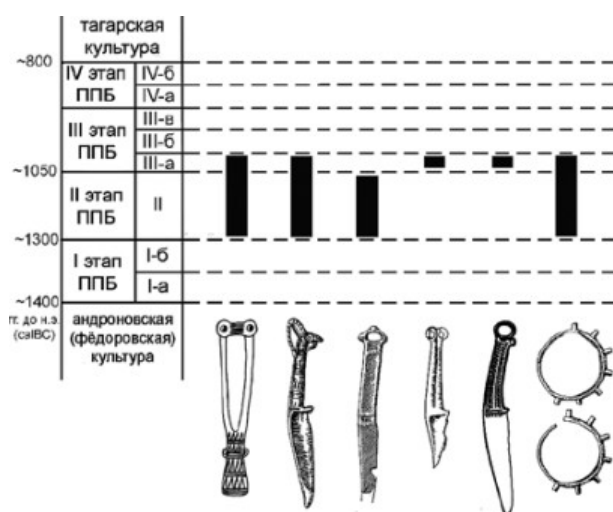

РИС. 6. Хронологическое положение предметов-индикаторов, сопоставимых с изображениями на оленних камнях, на схеме этапов периода позднего бронзового века Минусинских котловин

FIG. 6. The chronological position of the indicator objects, comparable to the images on the deer stones, on the diagram of the stages of the Late Bronze Age period of the Minusinsk basins

Литература

- Буров, 1987 — Буров В. Ф. Новые археологические находки у с. Краснополюе // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред.: А. П. Деревянко, В. И. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1987. С. 76–78.
- Волков, 2002 — Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- Грязнов и др., 2010 — Грязнов М. П., Комарова М. Н., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Пшеницына М. Н. Могильник Кюргенер эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 200 с. (Archaeologica petropolitana; Труды ИИМК РАН; Т. XXXI).
- Ковалёв, 2020 — Ковалёв А. А. Проблемы соотнесения дат памятников культур бронзового века Монголии, полученных в результате применения различных методик радиоуглеродного датирования в 2000-х — 2010-х годах // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. Н. Д. Буровой, А. А. Выборнова, М. А. Кульковой. СПб.: ИИМК РАН, РГПУ; Самара: СГСПУ / «Порто-принт», 2020. С. 41–43.
- Кузьмин, 2018 — Кузьмин Н. Ю. Исследования памятников эпохи поздней бронзы на юге Хакасии. СПб.: Компьютербург, 2018. 116 с.
- Линь Юнь, 1990 — Линь Юнь. Переоценка взаимосвязей между бронзовыми изделиями шанской культуры и северной зоны // Китай в эпоху древности. История и культура востока Азии / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1990. С. 29–45. (История и культура Востока Азии).

(Линь Юнь, 1990. С. 40–42; Чузунов, Роусон, 2019. С. 274). Получается, что в Минусинских котловинах и Северном Китае, разделенных примерно 2000 км, практически синхронно появляются очень похожие изделия. Их источник располагается между этими двумя территориями, где, собственно, и фиксируется основной ареал распространения оленных камней монголо-забайкальского типа, на которых представлены изображения данных предметов.

В итоге следует констатировать, что предметы, изображения которых можно идентифицировать на оленных камнях, датируются в Минусинских котловинах периодом XIII — начала X в. до н. э. Это некий единый комплекс, наиболее ощутимо представленный на рубеже II и III этапов ППБ. Практически синхронно (XIII–XI вв. до н. э.) аналогичные артефакты появляются на памятниках Северного Китая эпохи Инь. Сам этот факт не означает, что указанные даты следует переносить на период возникновения традиции установки оленных камней. Однако его необходимо учитывать в комплексе с другими источниками информации при определении начала существования этого явления.

- Липский, 1949 — Липский А. Н. Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 году // КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С. 75–86.
- Новгородова, 1989 — Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 383 с.
- Паульс, 2000 — Паульс Е. Д. Могильники Чазы и Мара на севере Минусинской котловины (к вопросу изучения карасукской культуры) // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сборник статей к 60-летию М. Л. Подольского / Редкол.: А. Б. Никитин и др. СПб.: б. и., 2000. С. 104–118.
- Поляков, 2002 — Поляков А. В. Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. М. П. Грязнова / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Кн. I. С. 209–213.
- Поляков, 2006а — Поляков А. В. Лапчатые привески карасукской культуры (по материалам погребений) // АВ. 2006. № 13. С. 82–101.
- Поляков, 2006б — Поляков А. В. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 26 с.
- Поляков, 2009 — Поляков А. В. Относительная хронология памятников раннего периода карасукской культуры // Stratum plus. 2009. № 2. С. 451–482.
- Поляков, 2013 — Поляков А. В. Ранние этапы развития эпохи поздней бронзы Среднего Енисея // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Сб. науч. статей, посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова / Отв.

- ред. А. З. Бейсенов. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013. С. 401–416.
- Поляков, 2017 — Поляков А. В. Современная хронология памятников энеолита и эпохи бронзы Минусинских котловин // Петроглифы Центральной Азии и Северного Китая: Археологический форум Россия – Монголия – Китай / Ред.: Ц. Төрбат, Н. Батболд. Уланбаатар: ШУА-ийн Түүх, Археологийн хүрээлэн, 2017. С. 187–211.
- Поляков, 2020 — Поляков А. В. Проблема хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2020. 54 с.
- Поляков, Лазаретов, 2019 — Поляков А. В., Лазаретов И. П. Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии) / Отв. ред.: Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. С. 188–202.
- Савинов, 1994 — Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
- Савинов, 2002 — Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 204 с.
- Худяков, 1987 — Худяков Ю. С. Херексурь и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука, 1987. С. 136–162.
- Цыбиктаров, 2002 — Цыбиктаров А. Д. О датировке оленных камней монголо-забайкальского типа // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии / Отв. ред. Н. Н. Крадин. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 87–95.
- Цыбиктаров, 2003 — Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (II — первая половина I тыс. до н. э.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск: Изд-во БурятГУ, 2003. 49 с.
- Членова, 1972 — Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.
- Чугунов, Роусон, 2019 — Чугунов К. В., Роусон Дж. Жертвенный бык и «господин коней» в Китае // ПИФК. 2019. Вып. 2 (64). С. 262–278.
- Kotozekov, 2000 — Kotozekov K. Ein bronzzeitlicher Grabkomplex aus dem Gräberfeld Podkuninskie Gory // Eurasia Antiqua. 2000. Bd. 6. S. 281–295.
- Poliakov, Lazaretov, 2020 — Poliakov A. V., Lazaretov I. P. Current state of the chronology for the palaeometal period of the Minusinsk basins in southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2020. Vol. 29. No. 102125.
- Zazzo et al., 2019 — Zazzo A., Lepetz S., Magail J., Gantulga J.-O. High-precision dating of ceremonial activity around a large ritual complex in Late Bronze Age Mongolia // Antiquity. 2019. Vol. 93, Is. 367. P. 80–98.

Parallels to the representations on bronzes from Minusinsk Hollows on deer stones from Mongolia

A. V. Polyakov

In the scientific literature, the discussion is continuing concerning the time of the establishment of the tradition of installation of deer stones in the territory of Central Asia. One of the arguments actively employed is that of the presence of easily recognizable representations of artefacts of the Late Bronze Age on deer stones from Minusinsk Hollows. Traditionally, they are united under the notion of the 'Karasuk culture'. However now, this extremely broad chronological range, at least 700 years long, can be subdivided into eight independent chronological horizons. It has been established that all the artefacts which it is possible to identify reliably were

found at sites dated to within a fairly narrow period of the 2nd and early 3rd (horizon III-a) stage of the Late Bronze Age (Fig. 1–5). Absolute dates of this period based on the results of radiocarbon analysis are the 13th — beginning of the 10th century BC. Typical objects of the later stages (e.g. cranked knives) have not been found on deer stones. Thus the parallels with materials from Minusinsk Hollows suggest rather a relatively early period of the origination of the tradition of installation of deer stones which had began still before the establishing of cultures of the Scythian type.

Стиль Тэвш, оленные камни Монголии и нуклеарный звериный стиль

К. В. Чугунов¹

АННОТАЦИЯ. Памятники Монголии позднего бронзового века и его финального этапа позволяют выделить несколько обособленных ареалов, где в это время известны зооморфные изображения. На этих территориях могла формироваться мировоззренческая основа, которая в раннескифское время нашла отражение в искусстве звериного стиля.

ANNOTATION. The sites of Mongolia of the Late Bronze Age and its final stage allow the researchers to distinguish several isolated areas where zoomorphic representations are known for this period. In these territories, the world-view basis may have been formed which in the early Scythian period found its reflection in the art of the animal style.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: стиль Тэвш, оленные камни Монголии, нуклеарный звериный стиль.

KEYWORDS: Tevsh style, deer stones of Mongolia, nuclear animal style.

Звериный стиль в искусстве племен скифской эпохи всегда был и остается в сфере научных интересов Дмитрия Глебовича Савинова, который в своих статьях и монографиях рассматривал различные аспекты этого феномена. Важнейшей проблемой изучения звериного стиля в искусстве является поиск истоков его сложения в начале скифской эпохи. Д. Г. Савинов рассмотрел этот вопрос в рамках компонентного анализа и пришел к заключению об участии в выработке стилистики произведений искусства из кургана Аржан-1 нескольких традиций предшествующего времени: «1) местная карасукская традиция; 2) традиция западного фигуративного искусства, условно определяемая как "сейминская"; 3) еще более глубокая — окуневская традиция» (Савинов, 2002. С. 68). В статье будет рассмотрен первый из этих компонентов (по Д. Г. Савинову) с учетом вновь открывшихся материалов и культурно-хронологических разработок.

Безусловно, определение традиции зооморфной пластики как карасукской нужно понимать условно, так как известно, что в материалах карасукской культуры позднего бронзового века она встречается крайне редко и является следствием внешних контактов населения Минусинской котловины. Эти случаи рассмотрел А. А. Ковалёв — он связал нож с навершием в виде головы козла из могильника Подкунинские горы, а также шило из Ладейского погребения с влиянием «культуры Чаодаогоу», распространенной, по его мнению, где-то вблизи границ древнекитайского государства в позднешанское время (Ковалёв, 2004. С. 254). Меж-

ду тем сам исследователь, объединивший под таким наименованием определенные типы оружия, найденные в одноименном кладе к северу от Пекина, осознает его условность и ставит в кавычки. По сути состав клада Чаодаогоу указывает на одновременность бытования совместно найденных предметов, а не на их культурную атрибуцию, что, безусловно, касается ножа и кинжала с зооморфными навершиями из этого комплекса. Именно такие изделия демонстрируют стилистику изображений животных, которая предшествует по времени звериному стилю раннескифской эпохи. Их зачастую именуют карасукскими, что, как уже неоднократно отмечено, неверно, однако эти изделия синхронны датировке памятников населения позднего бронзового века Среднего Енисея.

Изображения голов животных, изготовленных в этом стиле, очень специфичны: глаза зверя выполнены в виде выступающей полой трубки, рога козла или барана всегда начинаются непосредственно от нее, а уши (если они имеются) сдвинуты назад и устремлены вверх. При рассмотрении степного компонента в государстве Шан для обозначения описанной стилистики было предложено наименование «стиль Тэвш» (Чугунов и др., 2020. С. 425). Представляется, что такое название оправдано, т. к. наиболее ярким комплексом, где встречены предметы, выполненные в этом стиле, является могила, исследованная В. В. Волковым на территории Монголии в могильнике Тэвш-уул (Волков, 1972. С. 556). Оттуда происходят так оформленные золотые заколки, которые могут считаться специфическим типом украшений этой культуры; известны еще подобные находки, сделанные при раскопках в Восточной Монголии (Amartuvshin, 2016. Pic. 85). Сейчас эти памятники с очень характерным

¹ 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 34. Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы и Сибири. Адрес электронной почты: chugunovk@mail.ru.

погребальным обрядом, предусматривающим захоронение покойника ничком головой в восточном направлении, объединяют в культуру Тэвш (Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2010) или Уланзурх-Тэвш (Amartuvshin, 2016; Чугунов и др., 2020), распространенную на юго-востоке и востоке Монголии.

Надмогильные сооружения культуры Уланзурх-Тэвш чаще всего легко узнаваемы до раскопок по очень характерной конфигурации, которую монгольские археологи называют «формой песочных часов» (Amartuvshin, 2016. Р. 72). Представляется, что такие очертания больше напоминают распластанную шкуру животного, которую, вероятно, и воспроизводили в погребальном ритуале. Давно замечено, что подобную форму имеют так называемые фигурные плиточные могилы, исследованные в Забайкалье. Более того, большинство российских археологов рассматривают захоронения в могилах под фигурными выкладками в составе культуры плиточных могил (краткий обзор мнений и литературу см.: Цыбиктаров, 1998. С. 126). Однако дифференциация погребальных поз, зафиксированная в таких захоронениях, показывает, что погребения ничком присущи именно ареалу Южной Монголии, в то время как для Забайкалья характерно положение на спине (4 случая) и на боку с согнутыми ногами (1 случай). Форма наземного сооружения здесь может являться следствием влияния с юга. Раскопки показали, что сооружения в форме распластанной шкуры – не единственный тип погребальных конструкций, характерный для данной культуры. Над могилами, кроме сооружений такой формы, иногда строились полукруглые каменные выкладки (Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2010), а на востоке Монголии зафиксированы прямоугольные ограды (Amartuvshin, 2016). Все эти конструкции встречаются в пределах одних могильников и объединяются погребальной традицией помещения покойника в узких ямах ничком, головой на восток.

В настоящий момент исследовано не более двух десятков памятников культуры Уланзурх-Тэвш (Волков, 1972. С. 556; Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2010; Miyamoto, Obata, 2016; Amartuvshin, 2016). Полученные по образцам костей из могил радиоуглеродные датировки показывают период ее существования с XIII по X в. до н. э. (Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2010. С. 105; Miyamoto, Obata, 2016. С. 64; Takachama, 2010).

Памятники позднего бронзового века, объединяемые ранее в карасукскую культуру, на своих ранних этапах также соответствуют этому хроно-

логическому интервалу (Лазаретов, Поляков, 2008; Поляков, Святко, 2009; Svyatko et al., 2009). Сложный компонентный состав населения Среднего Енисея, обусловленный многократно возросшей подвижностью племен степной зоны Евразии, сейчас ни у кого из исследователей не вызывает сомнений. В частности, появление целого ряда инноваций в материальной культуре и погребальном обряде в начале второго этапа позднего бронзового века связывается с миграционными процессами из юго-восточных (по отношению к Минусе) регионов. В результате такой миграции здесь трансформируется керамическая традиция, появляются некоторые характерные типы ножей и так называемые предметы неизвестного назначения. Последние чрезвычайно долго существуют в Минусинской котловине, что явилось следствием переосмысления их практического назначения (пряжка колесничего) и обретения знаковой функции (Савинов, 1995. С. 62). Именно с этой миграцией следует связывать и редкие здесь находки предметов, выполненных в стилистике Тэвш.

Между тем исходные территории этой миграции пока не установлены. Находки в стиле Тэвш, происходящие из комплексов Шан и Западного Чжоу, которые справедливо привлекаются как хронологические реперы, не указывают на происхождение такой изобразительной традиции, поскольку также привнесены туда извне или сделаны по инкультурным образцам для варварского контингента в Шан. Вероятно, такая стилистика могла сложиться только в регионе, расположенном к северу от древнекитайских княжеств. Конечно, как уже отмечалось в указанной выше работе (Чугунов и др., 2020. С. 426), факт нахождения в одной могиле культуры Уланзурх-Тэвш заколок с навершиями в стиле Тэвш не позволяет утверждать, что стиль формировался именно в ее ареале. Однако картографирование таких находок показывает, что они встречаются неравномерно вдоль границ Шан. В частности, к северо-западу от Центральных равнин предметы в стиле Тэвш единичны, а наибольшее их число фиксируется на лессовом плато Ордоса и к северо-востоку от Пекина (Там же. С. 423, рис. 12, а).

Поскольку исследования последних лет выявили захоронения ничком под выкладками специфических форм на территории Внутренней Монголии в районе хребта Иньшань (Ма Цзянь, 2015), культурный ареал носителей традиций Уланзурх-Тэвш существенно расширился. Он практически смыкается с северной зоной Дуги – области, населенной

скотоводами, которые, по мнению Джессики Роусон (Rawson, 2017), находились в постоянном взаимодействии с земледельческими государствами на Центральных равнинах Китая. Несомненно, что такое широкое распространение погребальной традиции может указывать на общность в широком, надкультурном понимании, подобную андроновской культурно-исторической общности восточной зоны степного коридора Евразии в предшествующий период. Скорее всего, дальнейшие исследования позволят дифференцировать внутри нее отдельные культурные ареалы. Но на современном уровне знаний можно принять гипотезу, что инновации, фиксируемые к северу и югу от этого обширного ареала, сложились в рамках культурной общности Уланзурх-Тэвш. Косвенно на это указывает и распространение случайных находок в стиле Тэвш, подавляющее большинство которых происходит из восточных и южных аймаков Монголии и которые крайне редки в западных (*Érdènéchuluun*, 2011). Представляется также важным, что среди этих случайных сборов присутствует довольно много категорий предметов, выполненных в стилистике Тэвш, но не находящихся точных соответствий в древностях Дуги и Китая, где известно в основном лишь оружие со звериноголовыми навершиями. Такое разнообразие говорит о гораздо большем распространении стиля в среде носителей культуры именно этой территории.

Между тем огромная область Центральной Азии, занимаемая современной Монголией, исследована еще чрезвычайно слабо. Все заключения о культурных ареалах и миграционных перемещениях населения по этой части степной зоны делаются преимущественно на основании специфических особенностей внешнего вида памятников и их фиксации в той или иной части страны. Считается, что северо-запад и северо-восток Монголии занимали племена, оставившие (соответственно) херексуры и плиточные могилы, а в центральных аймаках фиксируются и те, и другие памятники, что свидетельствует о подвижности населения в разные периоды (*Цыбиктаров*, 2012).

Большое значение для понимания культурно-исторических процессов на территории Монголии имеет вопрос соотношения с херексурами оленных камней монголо-забайкальского типа. А. А. Ковалёв, первоначально отрицавший связь стел с «летающими» оленями с большими погребально-поминальными комплексами с прямоугольными и трапециевидными оградами (*Ковалёв, Эрдэнэбаатар*,

2010), сейчас не столь категоричен, усматривая параллели в планиграфии жертвенников со стелами и херексуров (*Ковалёв и др.*, 2014. С. 50). Однако для рассмотрения заявленной темы важно другое — так называемая культура оленных камней, несомненно, оказала большое влияние на формирование звериного стиля скифской эпохи. Д. Г. Савинов, развивая базовые разработки В. В. Волкова, разделил все известные изваяния на три типа и показал, что внутри каждого из них есть варианты, обусловленные как взаимовлиянием различных традиций, так и хронологией (*Савинов*, 1994; 2007).

Не углубляясь в сложнейшую проблематику, связанную с культурной атрибуцией и интерпретацией феномена оленных камней, здесь необходимо коснуться лишь его хронологии. Я. А. Шер одним из первых высказал предположение об относительно более ранней позиции стел с фигурами оленей с клювовидными мордами по отношению к другим типам изваяний (*Шер*, 1980. С. 236). Все исследователи при установлении датировки оленных камней так или иначе опирались на изображенные на них реалии, преимущественно предметы вооружения. Особенно это касается стел первого типа или монголо-забайкальских оленных камней. Архаичный облик кинжалов, топоров и ножей вроде бы однозначно указывает на датировку прототипов изображений в пределах позднего бронзового века. Между тем, как отметил В. В. Волков, «никак не вписываются в наши представления о культурах бронзового века Сибири и Центральной Азии зооморфные изображения оленных камней» (*Волков*, 2002. С. 22). Соответственно, мнения исследователей по хронологии оленных камней монголо-забайкальского типа разделились — их датируют от XII в. до н. э. (*Варёнов*, 1995) и до середины I тыс. до н. э. (*Ковалёв*, 2000. С. 167). Обзор всех точек зрения не входит в мою задачу, поскольку они многократно приведены в многочисленных работах. Д. Г. Савинов в монографии об оленных камнях, обобщив все имеющиеся на тот момент данные, впервые предложил обратиться к известным историческим событиям — смене династий в Древнем Китае. Распространение оленных камней I типа (монголо-забайкальских) он синхронизировал с династией Западного Чжоу, хотя отметил, что «многие характерные для нее изделия трудно отличить от более ранних иньских образцов» (*Савинов*, 1994. С. 160). С опорой на культурный комплекс Аржана-1 он подчеркнул, что с камнями II и III типов, основной ареал которых находится в западно-монгольской

и саяно-алтайской областях, связана подоснова культур скифского типа. В кратком заключении к своей монографии Дмитрий Глебович отметил, что насущной задачей будущих исследований являются научные раскопки комплексов, непосредственно включающих оленные камни (Там же. С. 166). Сейчас, наконец, это будущее наступило, и в этой связи необходимо обратить внимание на новые данные, связанные с проведенными в последние годы раскопками местонахождений оленных камней на территории Монголии.

Работами российско-монгольской экспедиции под руководством А. А. Ковалёва и Д. Эрдэнэбаатара в различных районах Монголии были исследованы многочисленные памятники и построена колонная секвенция культур от раннего бронзового века до раннескифского времени (*Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2010*). В числе прочих проведены раскопки и на нескольких комплексах, включающих оленные камни монголо-забайкальского типа, в том числе на известном памятнике Ушкийн-Увер (*Ковалёв и др., 2014; 2016*). Впервые на высоком методическом уровне широкими площадями исследованы многочисленные сооружения, связанные со стелами, что трудно переоценить. Другие экспедиции также не оставили без внимания комплексы с оленными камнями, хотя в основном были проведены работы на отдельных жертвенниках (*Allard, Erdenebaatar, 2005; Takahama et al., 2006; Magail, 2007; Төрбат et al., 2011*). Чрезвычайно важно, что в результате этих новых исследований получена значительная серия радиоуглеродных датировок, которые позволяют получить представление о хронологии комплексов, включающих оленные камни монголо-забайкальского типа, независимое от субъективных оценок. Большинство опубликованных радиоуглеродных определений образцов из различных памятников показывают календарные интервалы возраста от XI в. до н. э. до раннескифского времени (*Ковалёв, 2020; Taylor et al., 2019*), что, по сути, подтверждает предположение Д. Г. Савинова о синхронизации стел I типа со временем Западного Чжоу в Китае. Однако некоторые датировки попадают на более ранний период (*Zazzo et al., 2019*), что может свидетельствовать о начале традиции установки оленных камней уже в XIII в. до н. э. Не исключено, что разнообразие вариантов стел, находящихся в пределах единых комплексов, указывает на продолжительную внутреннюю хронологию мемориалов, включающих многочисленные жертвенники с костями лошадей. Сотни, а иногда свыше тысячи

сооружений, планиграфически связанных с рядами установленных оленных камней, едва ли появились одновременно. В ходе работ экспедиции А. А. Ковалёва и Д. Эрдэнэбаатара выявлены остатки разбитых стел, которые, вероятно, выполнили свою ритуальную функцию на ранних этапах возведения мемориального ансамбля и впоследствии были археологизированы. Вне зависимости от того, принимаем мы длинную или короткую хронологию оленных камней монголо-забайкальского типа, существенно то, что традиция изображений «летающих» оленей на стелах имела место уже накануне возведения кургана Аржан-1, т. е. в предскифский период.

Таким образом, культурно-историческая картина на территории Монголии на рубеже II–I тыс. до н. э. показывает, что в ее центральной части существовало население, оставившее так называемую культуру оленных камней, а на юге и востоке региона обитали носители культуры Уланзурх-Тэвш. Косвенно на синхронность и сосуществование этих двух сообществ указывает практически полное несовпадение ареалов оленных камней и сооружений в форме распластанных шкур (*рис. 1*). Сравнение карты местонахождений оленных камней В. В. Волкова и последней карты, выполненной монгольскими археологами (*рис. 2*), показывает, что, несмотря на значительное увеличение количества выявленных стел (в двухтомном каталоге учтена 1241 стела – см.: *Төрбат, 2018*), их ареал остался прежним. Оленных камней чрезвычайно мало зафиксировано в зоне распространения культуры Уланзурх-Тэвш. Некоторое наложение ареалов вполне закономерно, т. к. указывает на подвижки этого чрезвычайно мобильного (а, возможно, уже и кочевого?) населения. На контакты этих культурных образований указывает и то, что на некоторых оленных камнях изображались ножи и кинжалы с зооморфными навершиями, которые так часто приводят в качестве доказательства соотношения со стелами реальных изделий. Немногочисленность таких изображений (известно не более десятка) говорит о том, что культуре населения, оставившего жертвенники со стелами, были свойственны типологически иные формы вооружения.

Картина культурно-исторических процессов в Монголии накануне и в начале раннескифского времени будет неполной, если не упомянуть давно установленное взаимодействие носителей культуры оленных камней и населения северо-восточных регионов страны, оставивших плиточные могилы

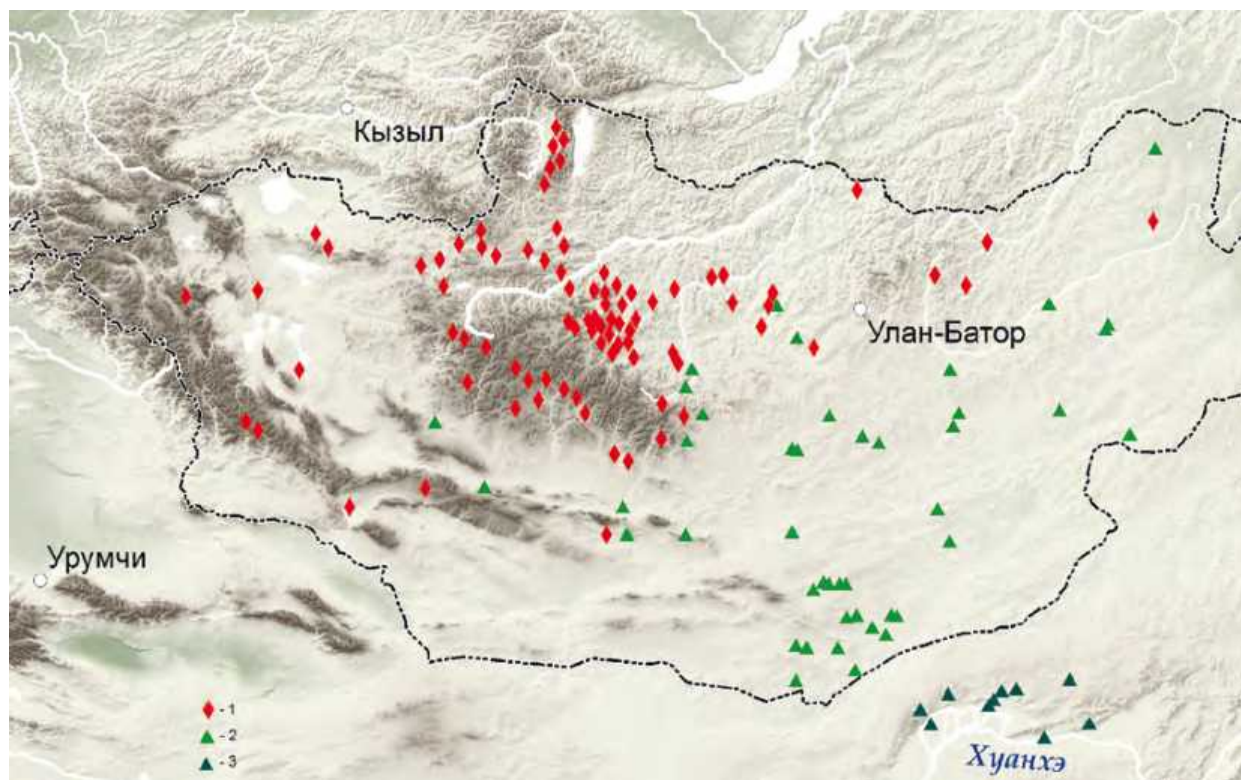

РИС. 1. Карта распространения оленных камней (1), памятников культуры Уланзурх-Тэвш в Монголии (2) и Китае (3) (1 – по: Волков, 2002. Рис. 1; 2 – по: Amartuvshin, 2016; 3 – Ма Цзянь, 2015).

Рисунок выполнен Лиминь Хуаном

FIG. 1. Map of the distribution of deer stones (1), monuments of the Ulanzurkh-Tevsh culture in Mongolia (2) and China (3) (1 – after Волков, 2002. Рис. 1; 2 – after Amartuvshin, 2016; 3 – after Ма Цзянь, 2015).

Drawing by Limin Huang

(Цыбиктаров, 1998). Экспансия культуры плиточных могил на территорию центральных аймаков сопровождалась разрушением мемориалов с оленными камнями, причем стелы вторично использовались для сооружения захоронений. В одной из таких плиточных могил, исследованной В. В. Волковым и Т. Санжмятавом рядом с большим мемориалом культуры оленных камней Жаргалант Ам, были обнаружены четыре пары бронзовых трехдырчатых псалиев (Санжмятав, 1993. С. 34, табл. 79). Эти псалии иногда сравнивают с аржанскими, но их сходство ограничивается лишь наличием трех отверстий (рис. 3). Очевидно, что для их отливки использовались две модели, и не исключено, что литейные формы были изготовлены путем оттиска изделий из рога или кости. На это указывает наличие утолщений и муфт вокруг отверстий, которые зачастую делались при вырезании роговых псалиев для усиления мест, испытывающих наибольшую нагрузку при эксплуатации. Датировка таких деталей узды может быть близка по времени дате Ар-

жана-1, но может быть и древнее, на что указывает слегка овальная форма отверстий, характерная для изделий предскифского времени. Так или иначе, эта находка показывает, что вторичное использование оленных камней в Жаргалант Ам могло произойти не позже самого начала I тыс. до н. э.

Таким образом, на обширных просторах Монголии, как и во всем степном коридоре Евразии, в конце II тыс. до н. э. происходят активные передвижения больших племенных групп, вероятно, различного происхождения, но близких по хозяйственному типу, основанному на скотоводстве. При всей близости экономики степных племен современное состояние источников показывает, что именно в среде носителей культуры оленных камней основа ее была ориентирована на коневодство. Именно у них еще накануне сложения культур скифского типа получили широкое распространение жертвоприношения лошадей под жертвенниками на мемориальных комплексах с оленными камнями монголо-забайкальского типа. Как от-

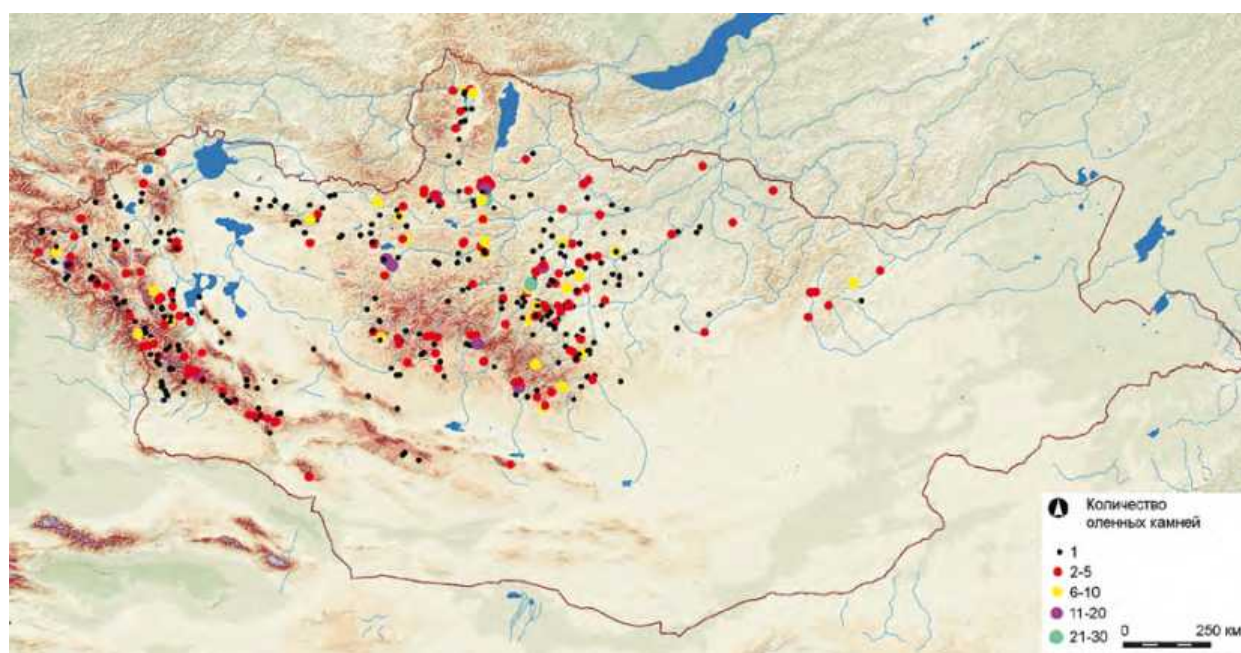

РИС. 2. Карта распространения оленных камней в Монголии (по: Төрбат, 2018)

FIG. 2. Map of the distribution of deer stones in Mongolia (after Төрбат, 2018)

мечал Д. Г. Савинов, «не здесь ли кроются истоки сооружения гекатомб раннескифского времени с их массовыми захоронениями лошадей типа Аржан-1 в Туве или Ульского аула в Прикубанье?» (Савинов, 2011. С. 237). Не исключено, что ориентация на разведение лошадей в Центральной Монголии была обусловлена оптимальными природно-климатическими условиями региона в этот период. Такой климатический оптимум был установлен палинологическими исследованиями в Турано-Уюкской котловине Тувы, где во время сооружения Аржана-1 фиксируются настоящие злаковые и луговые степи, идеальные для разведения именно лошадей. Это, возможно, явилось одной из причин локализации здесь наиболее раннего «царского» некрополя с погребально-поминальными комплексами, которые могли одновременно являться своеобразными «храмами» древних коневодов (Дирксен, Чугунов, 2007. С. 159–160). Можно высказать еще одно предположение — в том случае, если все же справедлива более ранняя датировка комплексов с оленными камнями I типа (по Д. Г. Савинову), не исключено, что именно из Центральной Монголии поставлялись колесничные лошади в Шан. Возможно, это происходило при посредничестве носителей культуры Уланзурх-Тэвш. На проникновение каких-то групп населения культуры оленных камней могут указывать петроглифы, выпол-

ненные в стилистике монголо-забайкальских стел, найденные в горах Хэланьшань в Нинься-Хуэйском автономном районе КНР (Варёнов, 2018а). Отметим, что именно здесь, в северной зоне Дуги, зафиксированы наиболее явные контакты с Центральными равнинами Китая (Чугунов и др., 2020. С. 426–428).

Итак, общее и самое поверхностное рассмотрение культурно-исторической картины в Монголии на рубеже II–I тыс. до н. э. показывает, что именно здесь, в этом «котле» различных традиций, мог происходить их синтез, обусловивший генезис звериного стиля раннескифского времени. В частности, к стилистике Тэвш восходит изображение круглого глаза у самых ранних образов зверей, будь то хищник, травоядное или птица. Трактовка глаз баранов в виде трубки у наверхий из Аржана-1 определяет переходный характер этих изделий. Они еще лишены легкости и устремленности вверх, характерной для несколько более поздней стилистики, что справедливо отмечено Д. Г. Савиновым (Савинов, 1998. С. 132, 135). Не исключено, что и традиции изваяний монголо-забайкальского типа также оказали влияние на иконографию раннескифского времени, в частности — характерный горбик мог быть воспринят именно от культуры оленных камней.

Однако в плане выражения образов искусство звериного стиля в процессе своего становления

РИС. 3. Псалии из Жаргалант Ам. Фотография любезно предоставлена док. Турбатом
FIG. 3. Cheek-pieces from Zhargalant Am. Photo kindly contributed by Dr Turbat

могло черпать приемы и мотивы из гораздо более широкого пласта различных художественных стилей, поскольку чрезвычайно возросшая мобильность кочевых сообществ позволяла воспользоваться безграничными источниками на огромной территории. Гораздо существенней содержание или, условно говоря, идеология раннего искусства звериного стиля.

К содержательной стороне искусства, безусловно, относится композиция изображений. Исследователи звериного стиля скифской эпохи всегда отмечают большое значение этого компонента художественной структуры для понимания содержания искусства кочевников, хотя порой выражают сомнения в присутствии композиции в раннем зверином стиле (критику и библиографию вопроса см.: *Савинов*, 2012). Отмечается, что зачастую композиционная форма существует как неосознанная традиция. Композиция организует отдельные образы в пространстве, структурирует их согласно идее древнего мастера или его заказчика (*Королькова*, 2006. С. 159–161). Отличается от прочих точка зрения М. Л. Подольского, который, опираясь на теорию композиции В. А. Фаворского, считал ее основным образующим фактором, лежащим в основе формирования искусства звериного стиля (*Подольский*, 2010). В кратком предисловии к этой последней книге своего друга Д. Г. Савинов впервые упомянул понятие «нуклеарное искусство» в применении к звериному стилю, которое развил в последующих работах (*Савинов*, 2010. С. 6; 2012).

Для раннего этапа звериного стиля скифской эпохи Д. Г. Савинов выделил несколько видов композиционных построений и высказал предположения об их семантическом наполнении (*Савинов*, 2012). По многим критериям они совпадают с ранее рассмотренными композиционными приемами в искусстве Аржана-2 (*Чугунов*, 2011), но сделаны для более раннего пласта искусства и более структурированы. В частности, композиционный прием, обозначенный в искусстве Аржана-2 как «шествие зверей», был разделен на однорядные и многорядные композиции, что позволяет различать горизонтально и вертикально ориентированные ряды животных. И в том, и другом случае мы находим соответствия подобному построению на оленных камнях II типа или саяно-алтайских, которые, несомненно, развивают более раннюю монголо-байкальскую традицию или имеют с ней общие корни. Но в Аржане-2, прикладное искусство которого не является нуклеарным, в наиболее сложных

и, очевидно, семантически значимых случаях животные образуют ритмичные ряды, следуя друг за другом в определенном порядке по спирали. Такие композиции мы видим на гривне «царя» и шпильках «царицы». Спиральное размещение рядов животных на этих предметах явно ассоциируется с композициями на наиболее сложных «классических» оленных камнях монголо-байкальского типа (4 подтип I типа по Д. Г. Савинову: *Савинов*, 1994. С. 73).

На основании наблюдений по планиграфии погребальных и ритуальных комплексов предложено различать две традиции установки стел: западно-монгольскую, с которой связаны преимущественно оленные камни «евразийского» типа, и центрально-монгольскую с камнями монголо-байкальского типа (*Ковалёв, Эрдэнэбаатар*, 2007. С. 104). Позволю себе усомниться в том, что они, как утверждается в этой работе, не связаны общим происхождением, но показательно, что именно центрально-монгольская традиция линейной установки стел прослеживается на больших мемориалах раннескифского времени Саяно-Алтая (*Чугунов*, 2007. С. 112). Впрочем, даже без учета этой особенности очевидна связь планиграфии погребально-поминальных комплексов и сложных мемориальных ансамблей из херексурсов с многочисленными сопроводительными жертвенниками вокруг них, известных в Центральной Монголии. Таким образом, ареал культуры оленных камней Монголии может являться регионом, внесшим существенный (если не основной) компонент в мировоззренческую базу ранних кочевых сообществ скифского типа, которая нашла отражение в зверином стиле искусства восточной зоны степей Евразии.

Область формирования нуклеарного звериного стиля очень обширна и намного превышает ареал культуры. Вероятно, она может быть условно обозначена на основании находок изображений в стиле оленных камней. На юге крайней точкой являются упоминавшиеся выше местонахождения таких рисунков в горах Хэланьшань. А. В. Варёнов датирует их IX–VIII вв. до н. э. (*Варёнов*, 2018б; 2019), сопоставляя некоторые иконографические и стилистические особенности с предметами, найденными в памятниках типа Наньшаньгэнь и Сяохэйшигоу, локализованных севернее гор Яньшань к северо-востоку от Центральных равнин Китая. Народ, оставивший эти комплексы, датированные в пределах IX – начала VII в. до н. э., и отождествляемый с шаньжунами китайских письменных ис-

точников (Ковалёв, 1998), вероятно, также был включен в процесс формирования нуклеарного комплекса искусства звериного стиля. Сравнительно поздняя датировка не должна смущать, поскольку процесс сложения мировоззренческой основы номадизма, отраженной в стиле искусства, должен был продолжаться во время Аржана-1. Погребальный обряд в Наньшаньгэнь и Сяохэйшигоу, предусматривающий положение покойного вытянуто на боку в цистах или каменных ящиках, сооруженных в ямах, ассоциируется с культурным комплексом позднего бронзового века или раннескифского времени Саяно-Алтая, что может указывать на связи с этими отдаленными регионами. Свидетельством того, что обитатели этой территории участвовали в формировании нуклеарного стиля, является факт, что в предшествующий период именно в северо-восточной зоне Дуги известны клады типа Чаодаогоу с ножами и кинжалами, оформленными в стилистике Тэвш.

Западная граница распространения монголо-забайкальских стел на первый взгляд выглядит более отчетливо. Сейчас уже хорошо известны оленные камни на территории китайских отрогов Алтая и в районе Тарбагатая (Байтенов, 2009). Здесь абсолютно преобладают стелы саяно-алтайского типа и камни со смешанной стилистикой, но на некоторых имеются характерные олени с клювовидными мордами (рис. 4). Однако самая крайняя точка, где был найден оленный камень, выполненный в монголо-забайкальской стилистике, расположена далеко на северо-западе от Тарбагатая, в Павлодарской области. Здесь на могильнике Торайгыр VI исследовано три небольших кургана, содержащих ограбленные захоронения. Одно из них было совершено в каменном ящике на уровне горизонта, а к юго-востоку от кургана лежала стела с выбитым в верхней части кольцом. В другом кургане в неглубокой яме с перекрытием из плит обнаружен набор из пяти двухлопастных втульча-

РИС. 4. Олений камень. Восточный Казахстан, Тарбагатай, долина р. Терсайрык. Фотография любезно предоставлена проф. Э. М. Байтеновым

FIG. 4. Deer stone. East Kazakhstan, Tarbagatay, the Tersayryk River valley. Photo kindly contributed by Prof. E. M. Baytenov

тых наконечников стрел. Рядом с перекрытием могилы сохранилась *in situ* небольшая вертикальная стела. Олений камень лежал к востоку от самого большого кургана в могильнике (Пересветов, 2010), который не был исследован. Если допустить, что этот компактный могильник формировался за сравнительно короткий период, то следует ориентироваться на датировку колчанного набора, которая не может быть моложе начала VII в. до н. э. (скорее, вторая половина VIII в. до н. э.), как его датирует и автор раскопок (Там же. С. 149). Сама стела, безусловно, демонстрирует стилистику монголо-забайкальских оленных камней на излете своего существования (рис. 5; 6). Но очевидно, что она фиксирует распространение традиций, сложившихся далеко к юго-востоку, в степях Центральной Монголии.

Петроглифы в стиле монголо-забайкальских оленных камней известны и далее на запад от основного ареала. На местонахождениях они еди-

нично представлены рисунками оленей с характерным горбом и вытянутой мордой, показанной узкой линией. Иногда такие олени сопровождаются изображениями лошадей, как в западном Памиро-Алае (Шер, 1980. С. 93, рис. 27). Ранее, при анализе плит с петроглифами из Аржана-2, было сделано заключение, что одним из регионов, где выявлены образы, предшествующие аржано-майэмирской стилистике, являются территории Казахстана (Чугунов, 2008). То, что казахские степи были включены в процесс формирования базовых идеологических представлений номадизма, подтверждает серия чрезвычайно ранних богатых комплексов, исследованных в последние десятилетия в Чиликтинской долине, Елеке-сазы и в Сарыарке.

Подводя итог, необходимо отметить, что представленные на суд читателя размышления не претендуют на решение проблемы происхождения скифского звериного стиля. Это, как любит гово-

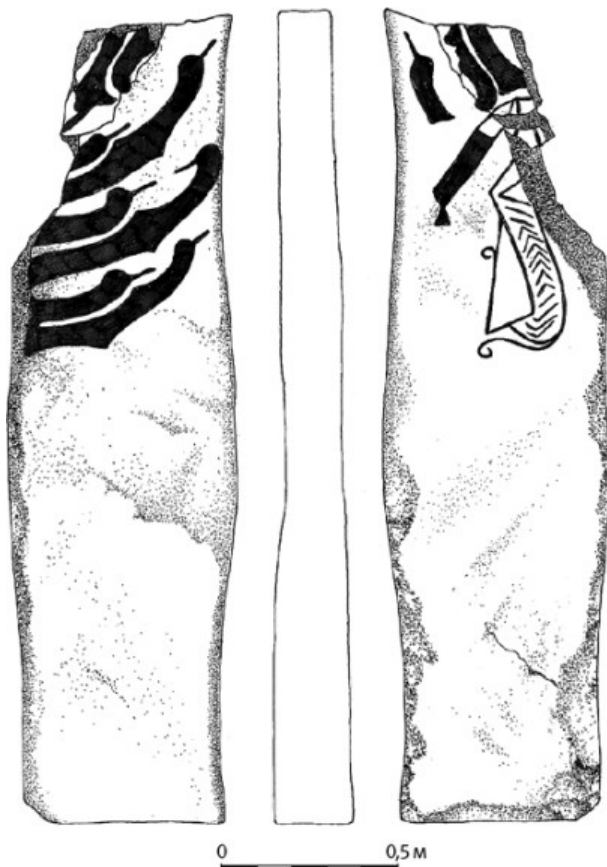

РИС. 5. Олений камень. Могильник Торайгыр VI. Рисунок выполнен Г. Ю. Пересветовым

FIG. 5. Deer stone. Cemetery of Toraygyr VI. Drawing by G. Yu. Peresvetov

РИС. 6. Олений камень. Могильник Торайгыр VI. Фотография любезно предоставлена Г. Ю. Пересветовым

FIG. 6. Deer stone. Cemetery of Toraygyr VI. Photo kindly contributed by G. Yu. Peresvetov

ритель Дмитрий Глебович Савинов, взгляд с высоты птичьего полета, который позволяет обозначить самые общие подходы к ее рассмотрению, опираясь на вновь появившиеся материалы и сопоставляя их с давно известными. В какой-то мере представленная работа является своеобразной провокацией, призванной оживить интерес к старой теме, и может быть, вызвать дискуссию, в результате ко-

торой (будем надеяться) появятся новые гипотезы и концепции.

Благодарности: автор чрезвычайно признателен проф. Э. М. Байтенову, проф. Турбату и коллеге из Павлодара Г. Ю. Пересветову за предоставление фотографий и рисунков для этой статьи, а также Алексею Ковалёву за консультации по археологии Монголии.

Литература

- Байтенов, 2009 — Байтенов Э. М. Новые материалы по культурному наследию хребта Тарбагатай (Восточный Казахстан) // Вестник Казахской головной архитектурно-строительной академии. 2009. № 3 (33). С. 6–18.
- Варёнов, 1995 — Варёнов А. В. К датировке оружия, изображенного на оленных камнях Монголии // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии / Отв. ред. А. М. Илюшин. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 26–35.
- Варёнов, 2018а — Варёнов А. В. Петроглифы «в стиле оленных камней» и «демонические псы» из Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. Вып. 10: Востоковедение. С. 9–29.
- Варёнов, 2018б — Варёнов А. В. О точном датировании изображений тигров в горах Хэланьшань и оленях в «стиле оленных камней» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. Вып. 4: Востоковедение. С. 30–39.
- Варёнов, 2019 — Варёнов А. В. Хтонические хищники оленных камней Монголии и их китайские соответствия // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Мат-лы Междунар. конф., 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. 1. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рожд. патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона / Отв. ред.: В. А. Алёкшин, Л. Б. Кирчо. СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2019. С. 221–223.
- Волков, 1972 — Волков В. В. Раскопки в Монголии // АО 1971 года. М.: Наука, 1972. С. 554–556.
- Волков, 2002 — Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- Дирксен, Чугунов, 2007 — Дирксен В. Г., Чугунов К. В. Турано-Уюкская котловина Тувы: изменения природных условий и динамика ее освоения в древности (опыт реконструкции) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН; СПбГУ, 2007. С. 139–164.
- Ковалёв, 1998 — Ковалёв А. А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 122–131.
- Ковалёв, 2000 — Ковалёв А. А. О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии / Отв. ред. В. С. Ольховский. М.: ГЕОС, 2000. С. 138–180.
- Ковалёв, 2004 — Ковалёв А. А. Древнейшая миграция из Загроса в Китай и проблема прародины тохаров // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Л. С. Клейна. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 249–292.
- Ковалёв, 2020 — Ковалёв А. А. Проблемы соотнесения дат памятников культур бронзового века Монголии, полученных в результате применения различных методик радиоуглеродного датирования в 2000-х — 2010-х годах // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. Н. Д. Буровой, А. А. Выборнова, М. А. Кульковой. СПб.: ИИМК РАН, РГПУ; Самара: СГСПУ / «Порто-принт», 2020. С. 41–43.
- Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2007 — Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д. Две традиции использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2007. С. 99–105. (Тр. САИПИ; Вып. 3).
- Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2010 — Ковалёв А. А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. Д. Цыбиктаров. Улан-Удэ: Изд-во БурятГУ, 2010. С. 104–117.
- Ковалёв и др., 2014 — Ковалёв А. А., Рукавишникова И. В., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни — это памятники-кенотафы (по материалам новейших исследований в Монголии и Туве) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 41–54.
- Ковалёв и др., 2016 — Ковалёв А. А., Рукавишникова И. В., Эрдэнэбаатар Д. Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями Ушкийн-Увэр (по результатам исследований 2013 года) // АЭАЕ. 2016. Т. 44 (1). С. 82–92.
- Королькова, 2006 — Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.
- Лазаретов, Поляков, 2008 — Лазаретов И. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультур-

- ные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи поздней бронзы / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008. С. 33–55.
- Ма Цзянь, 2015 — Ма Цзянь. Археологическая разведка и изучение плиточных могил в горах Иньшаня // Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы междунар. науч. конф. в Хух-Хото / Отв. ред. С. Тэргүүнбаяр. Хух-Хото: Музей Внутренней Монголии, 2015. Т. 1. С. 278–286.
- Пересветов, 2010 — Пересветов Г. Ю. Исследования на культово-погребальном комплексе Торайгыр VI // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2010. № 3 (15). С. 143–150.
- Подольский, 2010 — Подольский М. Л. Зверь, который был сам по себе, или Феноменология скифского звериного стиля. СПб.: ЭлекСис, 2010. 192 с.
- Поляков, Святко, 2009 — Поляков А. В., Святко С. В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников неолита — начала железного века Среднего Енисея: обзор результатов и новые данные // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2009. Вып. 5. С. 20–56.
- Савинов, 1994 — Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
- Савинов, 1995 — Савинов Д. Г. ПНН: новые материалы и наблюдения // Южная Сибирь в древности / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 57–66. (АИ; № 24).
- Савинов, 1998 — Савинов Д. Г. Карасукская традиция и аржано-майэмирский стиль // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 132–136.
- Савинов, 2002 — Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея. Археологические культуры и культурогенез. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 204 с.
- Савинов, 2007 — Савинов Д. Г. Об оленных камнях «смешанного» типа // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2007. С. 105–108. (Тр. САИПИ. Вып. 3).
- Савинов, 2010 — Савинов Д. Г. От редактора // Подольский М. Л. Зверь, который был сам по себе, или Феноменология скифского звериного стиля. СПб.: ЭлекСис, 2010. С. 5–7.
- Савинов, 2011 — Савинов Д. Г. Мегалитическая культура севера Центральной Азии в эпоху поздней бронзы // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы междунар. науч. конф. (Иркутск, 3–7 мая 2011 г.) / Отв. ред. А. В. Харинский. Вып. 2. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. тех. ун-та, 2011. С. 231–240.
- Савинов, 2012 — Савинов Д. Г. Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. С. 35–55. (Тр. САИПИ; Вып. 9).
- Санжмятав, 1993 — Санжмятав Т. Архангай аймгийн нутагдах эртний түүх соёлын дурсгал (Древние памятники истории и культуры на территории Архангайского аймака). Улаанбаатар, 1993 (на монг. яз.).
- Төрбат, 2018 — Төрбат Ц. (Ред.) Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Эрдэм шинжилгээний каталог. Тэргүүнботь. (Монгольская региональная культура оленных камней. Каталог исследований в 2-х томах. Т. 1) Улаанбаатар: ШУА-ийнТүүх, археологий нхүрээлэн, 2018 (на монг. яз.).
- Төрбат и др., 2011 — Төрбат Ц., Баярсайхан Ж., Батсүх Д., Баярхүү Н. Жаргалантын амны буган хөшөөд (Оленные камни Жаргалантама). Улаанбаатар, 2011. 192 с. (на монг. яз.).
- Цыбиктаров, 1998 — Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во БурятГУ, 1998. 286 с.
- Цыбиктаров, 2012 — Цыбиктаров А. Д. Древние миграции в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа: причины и последствия // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы III Междунар. науч. конф. / Ред.: Д. Түмэн, М. Эрдэнэ, Э. Мижиддорж. Улан-Батор: Изд-во МонгГУ. 2012. Т. 1. Вып. 3. С. 283–292.
- Чугунов, 2007 — Чугунов К. В. Оленные камни и стелы в контексте элитных комплексов Саяно-Алтая // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2007. С. 109–113. (Тр. САИПИ; Вып. 3).
- Чугунов, 2008 — Чугунов К. В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля) // Тропой тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет / Ред.: Д. Г. Савинов, О. С. Советова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 53–69. (Тр. САИПИ; Вып. 4).
- Чугунов, 2011 — Чугунов К. В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия / Отв. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 39–60.
- Чугунов и др., 2020 — Чугунов К. В., Роусон Дж., Гребнев Г. А. Соратники и жертвы шанского Китая. О локализации степного компонента в культуре Шан // Stratum plus. 2020. № 2: Узы невозврата. Праисторические миграции в потоке культуры. С. 409–438.
- Шер, 1980 — Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 327 с.
- Allard, Erdenebaatar, 2005 — Allard F., Erdenebaatar D. Khirigsuurs, ritual and mobility in the Bronze Age of Mongolia // Antiquity. 2005. Vol. 79 (305). P. 547–563.
- Amartuvshin, 2016 — Amartuvshin Ch. Hourglass-shaped graves and prone burials // Archaeological Relics of Mongolia — catalogues in 6 volumes / Eds. S. Chuluun, D. Tseveendorj / Ancient funeral monuments of Mongolia / Ed. G. Eregzen. Ulaanbaatar, 2016. Vol. 3. P. 72–87.
- Érdénéchuluun, 2011 — Érdénéchuluun P. The sword of heaven: culture of bronze artefacts of the Bronze Age and Hunnu empire. Ulaanbaatar: Sunny Mongolia Today Publ., 2011. 496 p.
- Magail, 2007 — Magail J. Compte-rendu de la campagne 2007 de la mission archéologique conjointe Monaco-Mongolie // Bulletin de Musée d'Anthropologie préhistorique de Monaco. 2007. No. 47. P. 115–120.
- Miyamoto, Obata, 2016 — Miyamoto K., Obata H. (eds.). Excavations at Daram and Tevsh sites: a report on joint Mongolian-Japanese excavations in outer Mongolia.

- Fukuoka: Department of Archaeology, Faculty of Humanities, Kyushu University, 2016.
- Rawson, 2017 — Rawson J. China and the steppe: reception and resistance // *Antiquity*. 2017. Vol. 91 (356). P. 375–388.
- Svyatko et al., 2009 — Svyatko S. V., Mallory J. P., Murphy E. M., Polyakov A. V., Reimer P. J., Schulting R. J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk basin, Southern Siberia, Russia // *Radiocarbon*. 2009. Vol. 51 (1). P. 243–273.
- Takahama, 2010 — Takahama Shu. Research of Ulaanuushig I (Uushigiinövör) in Mongolia and newly acquired 14C data // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Мат-лы междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. Д. Цыбиктаров. Улан-Удэ: Изд-во БурятГУ, 2010. С. 126–131.
- Takahama et al., 2006 — Takahama Shu, Hayashi Toshio, Kawamata Masanori, Matsubara Ryuji, Erdenebaatar D. Preliminary report of the archaeological investigations in Ulaan Uushig I (Uushigiin Övör) in Mongolia // *Bulletin of Archaeology, the University of Kanazava*. 2006. Vol. 28. P. 61–102.
- Taylor et al., 2019 — Taylor W., Wilkin S., Wright J., Dee M., Erdene M., Clark J., Tuvshinjargal T., Bayarsaikhan J., Fitzhugh W., Boivin N. Radiocarbon dating and cultural dynamics across Mongolia's early pastoral transition // *PLOS ONE*. 2019. Vol. 14. P. e0224241.
- Zazzo et al., 2019 — Zazzo A., Lepetz S., Magail J., Gantulga J.-O. High-precision dating of ceremonial activity around a large ritual complex in Late Bronze Age Mongolia // *Antiquity*. 2019. Vol. 93 (367). P. 80–98.

The Tevsh style, deer stones of Mongolia and the nuclear animal style

K. V. Chugunov

The sites of Mongolia of the late Bronze Age and its final stage allow the researchers to distinguish several isolated areas where zoomorphic representations are known for this period. The south-eastern regions were occupied by the archaeological culture of Ulanzurkh-Tevsh of the 13th–10th century BC. At sites and areas of the latter there are known objects made in the style which it is proposed to call the Tevsh style. In the central part, large sacrificial complexes are known with deer stones in the Mongol-Transbaykal style left by the so-called 'culture of deer stones' to which, possibly, some kherekurs belong. Radiocarbon dating of samples from these sites suggests its chronology as beginning with the 11th century BC until the early Scythian period. However there is a series of dates which allow us to accept that it began as early as

in the 13th century BC. The coexistence with the culture of Ulanzurkh-Tevsh is indirectly suggested by the noncoincidence of their areas (**Fig. 1; 2**). The early dates are indicated also by the finds from the complexes where the deer stones were re-used (**Fig. 3**). The nuclear animal style (after D. G. Savinov's definition) possesses a number of specific features in the iconography of the animalistic images rooted in the zoomorphic art of these two cultures. The wide distribution of representations in the style of deer stones both southwards to as far as Ordos and westward as far as Tarbagatay (**Fig. 4**) in Central Kazakhstan (**Fig. 5; 6**) and Pamir-Altay seems to imply that, throughout all these territories, a world-view basis can have been formed which in the early Scythian period found its reflection in the art of the animal style.

Образ оленя на стелах монголо-забайкальского типа

В. А. Кисель¹

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются оленные камни монголо-забайкальского типа. В ходе исследования высказывается предположение, что представленный на этих памятниках образ оленя ведет свое происхождение от петроглифической традиции Сибири. Окончательное формирование образа произошло около середины II тыс. до н. э. в результате контактов наследников окуневской культуры с представителями одного из этносов Китая. Первоначально оленные камни монголо-забайкальского типа воплощали ритуал принесения в жертву взрослого самца благородного оленя. Они передавали процесс ухода «души» убитого животного в Верхний мир.

ANNOTATION. This article considers deer stones of the Mongol-Transbaykal type. In the course of the study, a hypothesis was proposed that the deer image represented on these stones originates from the Siberian petroglyphic tradition. The final formation of the image took place about the mid-2nd millennium BC as a result of contacts of the heirs to the Okunev culture with representatives of one of the ethnoses of China. Initially, deer stones of the Mongol-Transbaykal type were part of the ritual of sacrificing a stag of red deer. They rendered the process of the departure of the 'soul' of the killed animal to the Upper World.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: оленные камни, монголо-забайкальский тип, образ оленя, окуневская культура, семантика.

KEYWORDS: deer stones, Mongol-Transbaykal type, image of a deer, Okunev culture, semantics.

Это самый благородный из всех оленей.

Он вожак. Ему нет равного...

Он презирает опасность... Он великий вождь.

Ф. Зальтен

Среди археологических памятников евразийских степей особое место занимают оленные камни. Они представляют собой скальные обломки, плиты, столбы, которые украшены выбитыми изображениями животных, оружия и деталей костюма. Этим мегалитам посвящено громадное число публикаций. Наиболее значимым трудом является монография Д. Г. Савинова (Савинов, 1994).

Разработанная Д. Г. Савиновым типология памятников опирается на схему В. В. Волкова — автора энциклопедии оленных камней Монголии. По схеме мегалиты подразделяются на три условных типа: «общеевразийский», «саяно-алтайский» и «монголо-забайкальский». Первый тип составляют стелы без животных, второй — с реалистическими животными, третий — со стилизованными оленями (Волков, 2002. С. 19).

Из всех оленных камней самые эффектные входят в монголо-забайкальский тип. Согласно Д. Г. Савинову, он сложился в X–VIII вв. до н. э. (Савинов, 1994. С. 110, 113), хотя нельзя исключить и ран-

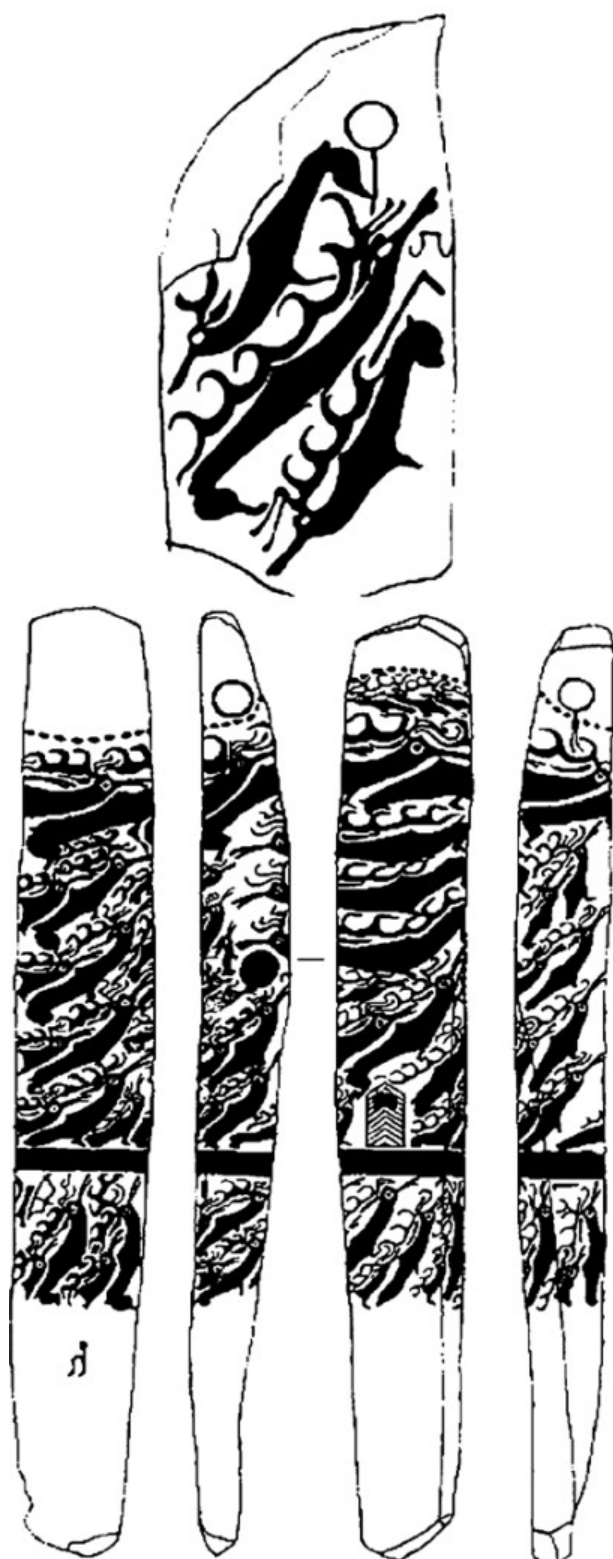
нюю датировку — XIII–IX вв. до н. э. (Новгородова, 1989. С. 191; Волков, 2002. С. 21). Наиболее древними образцами, как справедливо считает Д. Г. Савинов, выступают необработанные скальные обломки и грубо сколотые плиты с изображениями оленей, иногда дополненными предметами вооружения. Позднее появились отесанные столбы и плиты, покрытые фигурами оленей и элементами экипировки воина (Савинов, 1994. С. 72, 81, 141) (рис. 1).

Главный признак данного типа — богатый декор, состоящий из множества оленьих силуэтов. В большинстве случаев показаны взрослые самцы благородных оленей². Идентичность изображений демонстрирует полностью сформировавшийся канон. Образ оленя характеризуется волутообразной формой туловища, треугольным горбом, дуговидными роговыми отростками, увеличенным глазом со зрачком. Особой выразительностью обладает морда, внешне напоминающая клюв птицы из семейства ибисовых или бекасовых.

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Адрес электронной почты: kisel@kunstkamera.ru.

² «В возрасте от 5 до 10–12 лет (это пора расцвета и зрелости зверей) рога достигают наибольшей величины... У взрослого самца на каждом роге 5–7, чаще 6 отростков. Расположены они последовательно, в одной плоскости» (Собанский, 1988. С. 106).

Многие исследователи считают, что клювовидная морда животного выдает в нем фантастическое существо (Новгородова, 1984. С. 143; Сорокин, 1987. С. 12; Дугаров, 1991. С. 83; Суразаков, 1994. С. 39; Наглер, 2011. С. 180–181; Килуновская, Семёнов, 1999. С. 139;

Рис. 1. Оленные камни монголо-забайкальского типа: 1 – Монголия, Архангай аймак, Ихтамир сумон, Цацын эрэг; 2 – Монголия, Архангай аймак, Ундер-Улаан сумон, Жаргалант (по: Волков, 2002. Табл. 12, 1; 111). Масштаб разный

FIG. 1. Deer stones of the Mongol-Transbaykal type: 1 – Mongolia, Arkhangay aymag, Ikhtamir sumon, Tsatsyn ereg; 2 – Mongolia, Arkhangay aymag, Öndör-Ulaan sum, Zhargalant (after Волков, 2002. Табл. 12, 1; 111). Scale varies

Fitzhugh, 2017. P. 154). Но это сомнительно. Если мастера стремились изобразить зверя-птицу, то выбрали бы более типичные черты пернатого персонажа, такие как крылья, изогнутый клюв, что и произошло в «классический» период искусства древних кочевников (Грач, 1980. Рис. 114, 5; Черемисин, 2008. Рис. I–III). Очевидно, очертания морды – художественный прием, «позволяющий усилить выразительность образа» (Паульс, 2000. С. 177). Он мог развиваться из трактовки пасти оленя в виде «длинной бороздки» (Членова, 1962. С. 28).

Нельзя не отметить важную черту композиций монголо-забайкальских стел – динамичность. Она возникает благодаря наклонному расположению фигур, запрокинутым головам и волнующим контурам туловищ. Должно быть, динамике оленя приобрели случайно. Судя по позе, первоначальной задачей мастеров был показ лежащего с вскинутой головой зверя. А «оживление» фигур плавными изогнутыми линиями произошло из-за использования кисти с краской при нанесении чернового рисунка. Именно такой способ разметки перед выбивкой предполагал М. П. Грязнов (1978. С. 227, 229–230; 1984. С. 78–79).

Неоднократно у оленей показаны укороченные, рудиментарные или полностью обрезанные ноги. А. П. Окладников видел в этом исключительно композиционный прием, позволявший разместить на оленном камне большее число фигур (Окладников, 1954. С. 218). Д. Г. Савинов поддержал такую трактовку, но не исключил, что семантически «изображение ног (или просто их наличие) являлось несущественным» (Савинов, 1994. С. 120). Он предположил связь рудиментарных конечностей с обрядом жертвоприношения (Савинов, 1994. С. 141; 2012. С. 54, 56). А. С. Суразаков, М. Е. Килуновская и Вл. А. Семёнов отдали предпочтение семантической версии, указав, что мастерам было важно передать «стадо, которое как бы парит в воздушном пространстве», либо «птицеподобную, крылатую

сущность образа» (Суразаков, 1994. С. 39; Килуновская, Семёнов, 1999. С. 139).

По-видимому, ближе к истине оказался А. П. Окладников. Безразличие создателей монголо-забайкальских стел к показу ног животных демонстрируют памятники с фигурами, имеющими как нормальные, так и рудиментарные конечности (Окладников, 1954. Рис. 2; Волков, 2002. Табл. 3; 6, 2; 7, 1; 10; 12, 1; 13; 14; 16, 2; 20, 3; 22, 2; 23, 1; 24, 1; 25, 1; 26, 1; 27; 28; 35, 3; 40, 2; 46, 2; 48; 51; 52, 3; 54, 2; 58, 1; 64; 65, 2; 74, 1; 75; 81, 1; 82, 3; 83; 84; 86, 1; 92, 2; 102, 3; 112; 118). Думается, при разметке кистью наносились голова, рога и туловище, а ноги добавлялись уже в процессе выбивки. Утрата конечностей происходила из-за чрезмерной плотности расположения фигур. Доказательством служит петроглифика: выбитые на скалах «монголо-забайкальские» олени обычно имеют нормальные ноги, а редкие исключения объясняются отсутствием места, занятого другим рисунком (Новгородова, 1984. Рис. 39; Кубарев, 2009а. Прил. I, рис. 397; 1276).

До сих пор ученым не удается определить центр формирования образа «монголо-забайкальского» оленя, а также его культурную принадлежность. Согласно Д. Г. Савинову, «непосредственных предшественников подобных изображений, с которыми можно было бы связывать начало такой своеобразной стилизации, в предметных сериях Центральной Азии и Южной Сибири не обнаружено. Нет и никаких намеков на какие-то исходные формы и среди реалистических изображений животных» (Савинов, 1994. С. 121). Исходя из этого, исследователь попытался найти аналогии, территориально отдаленные. Опираясь на разработки Н. Л. Членовой (Членова, 1962. С. 30), он пришел к заключению, что наиболее близким соответствием является искусство Кавказа поздней бронзы – раннего железа (Савинов, 1994. С. 123–126).

Действительно, в кобанской культуре животные нередко изображались с узкими, вытянутыми мордами и рудиментарными конечностями. Однако укороченные ноги не были стилеобразующей деталью. К тому же у «кобанских» копытных часто отсутствуют горбы, без которых трудно представить «монголо-забайкальских» оленей. Не находят точных подобий и характерные изображения рогов со стел³. Часто встречающаяся в кобанской традиции поза лежащего животного с обращенной

назад головой фиксируется на оленных камнях в единичных случаях. Но самыми яркими отличиями являются очертания фигур и композиционное размещение животных. Изящные, грацильные олени со стел не имеют ничего общего с плотными и коренастыми зверями кобанского искусства. А тесно сбитое, устремленное вверх стадо на оленных камнях, абсолютно не похоже на упорядоченные ряды бегущих, идущих или лежащих «кобанских» животных.

Иное направление поиска задал А. А. Ковалёв. Он обратил внимание на две костяные поделки с гравировками утрированных оленей из Китая (пров. Цинхай) и предположил, что такие изображения зародились в культуре Цяюэ, уходящей корнями во II тыс. до н. э. (Ковалёв, 2001. С. 164, рис. 1, 1, 2). Правда, приведенные А. А. Ковалёвым образцы разительно отличаются от изображений на стелах. Они не имеют ни клювовидных морд, ни горбов, ни укрупненного глаза, ни волютоподобных туловищ. К тому же их рога напоминают извивающиеся побеги.

Экстравагантное предположение высказал А. Наглер. По мнению исследователя, «то, что мы воспринимаем как стилизованного оленя, на самом деле совершенно очевидно является изображением ножа, конец изогнутого острия которого увенчан оленьими рогами», причем ножа, типичного для карасукской культуры (Наглер, 2011. С. 180). Это вызывает недоумение, так как на многих стелах показаны настоящие ножи. Волютообразная форма задней части фигуры зверя, которую А. Наглер сопоставляет с рукоятью, быть ею не может. В реальности «карасукские» рукояти напоминали вытянутую трапецию (прямую, изогнутую). Удивляет игнорирование ученым горба оленя. Вероятно, это произошло из-за отсутствия на обухах ножей выступа. «Карасукские» же кинжалы, снабженные перекрестьями, еще меньше сопоставимы с абрисом зверя. Особо надо отметить, что находки противоречат самой возможности графического превращения предмета в животное. У реального оружия (как у аналогов на стелах) головы зверей украшают не острия клинков, а исключительно навершия рукоятей.

Представляется логичным попытаться выявить источник «монголо-забайкальского» оленя в петроглифической традиции. Тем более что сход-

³ Редкие формальные параллели на закавказских бронзовых поясах (Погребова, Раевский, 1997. Табл. IVa; V, IV-II)

нельзя принимать во внимание, так как их стиль несопоставим со стелами монголо-забайкальского типа.

ные изображения встречены на скалах Алтая, Тувы, Монголии, Казахстана, Китая (Кубарев, 1979. Табл. XI; 2003. Рис. 3, 3–9, 11–13; 2009а. Прил. I, рис. 162; 199а; 206; 213; 252; 261; 383; 388; 397; 402; 452; 464; 481; 553; 574; 587; 612; 632; 638; 640; 641; 652; 673; 691; 1004; 1006; 1109; 1130; 1148; 1149; 1165; 1276; 1292; 2010; Прил. III, рис. 23, 6; Кубарев и др., 2005. Рис. 7, 1; 10, 5–8, 10, 13; 13, 4; Прил. 1, 5, 12, 175, 370, 596, 606, 817, 864, 948, 978, 981, 1014, 1086, 1114, 1126, 1210, 1232, 1312, 1315, 1333; Прил. 2, рис. 24, 3, 6–9, 11, 12; 25; 26, 2–6, 8; 28, 19; Окладников, 1980. Табл. 4; 8, 2; 42, 6; 73, 5, 8; 84, 7; 1981. Табл. 29; 65, 1, 3; 77, 4; 78, 8; 86, 6, 14, 15, 17; 88, 5, 6; Баяр, 1982. Табл. I; XI; XII; Дэвлет, 1982. Табл. 12, 1; 13, 1; 19; 21; 22; Цэвээндорж и др., 2005. Fig. 66; Дэвлет, 2009. С. 181–182, табл. 35–38; 89, 3; фото 3–11; Новгородова, 1984. С. 97–98, 100, рис. 36; 39; 40; 46; Черемисин, 1998. Рис. 1; 2, 5, 6, 9, 10; 2011. Рис. 9; 2012. Рис. 1; 2; Варёнов, 2018. Рис. 1, 7; 2, 3, 4; 5; 6; Килуновская, 2012. Рис. 1, 4; 2; Килуновская, Чадамба, 2017. С. 109, рис. 4; Бейсенов, Марьяшев, 2014. Рис. на с. 14, фото 71; табл. I, 1; Мухарева и др., 2016. Рис. 1; 2, 3, 4; Fitzhugh, 2017. Fig. 11) (рис. 2). Но они не составляют единой изобразительной и хронологической группы. И композиции с такими фигурами могут трактоваться различно: от стилистического влияния монголо-забайкальских стел на петроглифику до совмещения раннего петроглифа оленя с более поздними выбивками (Кубарев и др., 2005. С. 59; Дэвлет, Дэвлет, 2011. С. 58–59, 62). Тем не менее несложно выделить петроглифы «монголо-забайкальского» стиля, дополненные элементами ранних художественных школ.

Так, некоторые фигуры оленей покрыты пятнами или геометрическими узорами (Окладников, 1980. Табл. 84, 7; Баяр, 1982. Табл. XI; Новгородова, 1984. С. 98, рис. 36; 64; Дэвлет, Дэвлет, 2011. Рис. 3). Это является сравнительно ранним признаком (Новгородова, 1989. С. 232). На стелах он уже модифицирован в полосу из треугольников на животах зверей (Степная полоса..., 1992. Табл. 104, 5; Волков, 2002. Табл. 36, 1) (рис. 3).

Другой архаичный признак – раздвоенные и тройные окончания ног (стилизация копыт) (Кубарев, 2003. С. 75; Кубарев и др., 2005. С. 59)⁴. Он восходит к петроглифам эпохи бронзы и нередко встречается на оленных камнях Монголии (Волков, 2002. Табл. 2, 1; 15, 2; 22, 1; 40, 2; 51; 54, 2; 81, 1; 86, 1, 3; 92, 2; 100, 2; 102, 3; 130, 1; 132) (рис. 4).

РИС. 2. Наскальные изображения «монголо-забайкальских» оленей (Алтай): 1, 4–7 – Джурамал, р. Карагем; 2, 11 – р. Елангаш; 3, 12 – Кеме-Кечу, р. Аргут; 8 – р. Чюя, р-н Калбак-Таша; 9 – Кызыл-Тас, Укок; 10 – Морена II, Укок (по: Черемисин, 1998. Рис. 1). Масштаб разный

FIG. 2. Rock representations of 'Mongol-Transbaykal' deer (Altay): 1, 4–7 – Dzhuramal, Karagem River; 2, 11 – Elangash River; 3, 12 – Keme-Kechu, Argut River; 8 – Chuya River, Kalbak-Tasha district; 9 – Kyzyl-Tas, Ukok; 10 – Morena II, Ukok (after Черемисин, 1998. Рис. 1). Scale varies

Третий признак – поперечное членение туловища оленя тонкой полосой, соединяющей горб с передней конечностью (Волков, 2002. Табл. 17; 50, 2; 61, 1; 64; 65, 3; 66, 2; 106, 2). Эта линия выбита глубже по сравнению со всей фигурой, что, по восприятию контррельефа, подразумевает ребро. В петроглифике наиболее показательным примером служит олень из Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай) (Кубарев, 2009а. Прил. I, рис. 1292).

Выделение чертой или полосой плечевого пояса животного широко использовалось в петроглифах эпохи бронзы Южной Сибири и Монголии (Ковтун, 2001. Табл. 94А; 95А; 96А, 2, 4; 97А; 97Б; Цэвэ-

⁴ По мнению А. С. Суразакова, так мастера пытались передать птичью лапу (Суразаков, 1994. С. 39).

РИС. 3. Олени с орнаментированными туловищами: 1 – петроглифическая композиция (Тува, Ортаа-Саргол) (по: Дэвлет, Дэвлет, 2011. Рис. 3); 2 – петроглифическая композиция (Алтай, р. Елангаш) (по: Окладников, 1980. Табл. 84, 7); 3 – олений камень, фрагмент (Монголия, Баянхонгор аймаг, Жаргалант сумон, Хэрэксүрийн дэнж) (по: Волков, 2002. Табл. 36, 1). Масштаб разный

FIG. 3. Deer with ornamented bodies: 1 – petroglyphic composition (Tuva, Ortaa-Sargol) (after Дэвлет, Дэвлет, 2011. Рис. 3); 2 – petroglyphic composition (Altay, Elangash River) (after Окладников, 1980. Табл. 84, 7); 3 – deer stone, fragment (Mongolia, Bayankhongor aymag, Zhargalant sumon, Kherekhuriin denzh) (after Волков, 2002, Табл. 36, 1). Scale varies

эндорж и др., 2005. Fig. 8; 63; 67; 99; 157). Порой это выглядит как передача плеча. Так, у лося Шалаболинской писаницы одна линия, идущая от горба к передней ноге, отмечает плечо, другая – от крупа к задней ноге – бедро, а третья – от холки к шее – скулу (Пяткин, Мартынов, 1985. Рис. 102; табл. 30, 10). Но такое встречается редко. Скорее всего, за членением «монголо-забайкальских» оленей стоят концептуальные причины, диктовавшие выделение передней части зверя (особенно головы с шеей). Примером служат многочисленные петроглифы

РИС. 4. Стилизация копыт животных: 1 – петроглифическая композиция (Монголия, Баян-Улгий аймаг, Билуут-Толгой) (по: Кубарев, 2007. Рис. 3); 2 – петроглиф (Алтай, Калбак-Таш) (по: Кубарев, 2006. Рис. 3, 3); 3 – олений камень (Монголия, Архангай аймаг, Батцэнгэл сумон, Шивэртгийн ам) (по: Волков, 2002. Табл. 2); 4 – олений камень (Монголия, Булган аймаг, Орхон сумон, Мандал) (по: Волков, 2002. Табл. 51). Масштаб разный

FIG. 4. Stylization of the hooves of the animals: 1 – petroglyphic composition (Mongolia, Bayan-Ulgii aymag, Biluut-Tolgoi) (after Кубарев, 2007. Рис. 3); 2 – petroglyph (Altay, Kalbak-Tash) (after Кубарев, 2006. Рис. 3, 3); 3 – deer stone (Mongolia, Arkhangai aymag, Battsengel sumon, Shivertiin Am) (after Волков, 2002. Табл. 2); 4 – deer stone (Mongolia, Bulgan aymag, Orkhon sumon, Mandal) (after Волков, 2002. Табл. 51). Scale varies

животных с заштрихованной шеей или «линией жизни», идущей от пасти до плеча⁵ (рис. 5).

Однако не только эти признаки указывают на зарождение «монголо-забайкальского» образа в петроглифической традиции. Например, на скалах стилизованные олени обычно включены в жанровые сцены и нередко имеют пенисы, что демонстрирует связь с реалистическим искусством, в то время как на стелах звери уже переданы в виде символа. Более того, схематичность со временем возрастала. На ряде поздних памятников у части животных отсутствуют ноги и предельно утрированы рога, а у других — нет ни рогов, ни ушей (Грязнов, 1980. Рис. 29, 12; Кубарев, 1997. Рис. 1; Волков, 2002. Табл. 127, 2, 5). В данных случаях практически завершилось превращение фигуры в пиктограмму.

В. Д. Кубарев и Д. Цэвээндорж, связывавшие «монголо-забайкальский» образ с петроглификой, считали, что он появился в первой половине II тыс. до н. э. в горах Монгольского Алтая (Кубарев и др., 2005. С. 59). И. В. Ковтун указал на еще более ранний источник. Он назвал лосих Тутальской писаницы конца III — первой четверти II тыс. до н. э. «стилистическим прообразом» «монголо-забайкальских» оленей. С этим следует согласиться, поскольку у лосих, как и у оленей, «зауженные крупы, вытянутые, утонченные шеи и удлинненные грацильные, а зачастую <...> "клювовидные" морды» (Ковтун, 2020. С. 15, рис. 1; 19–22). К тому же тутальские рисунки имеют параллели в композициях других писаниц: Томской, Сулекской, Шалаболинской, Оглахты, Суханихи, гор Сульфатской и Озерной, — а также среди изображений каракольской и окуневской культур (Пяткин, Мартынов, 1985. Рис. 28; 29; 57; 60; 78; 89; 91; 92; 98; табл. 23, 1; 24, 3–7; 25, 1, 2, 5; 26, 3; 28, 1, 5; 29, 4, 5, 11; 33, 4, 5; 34, 5, 11, 12; Ковтун, 2001. Табл. 28, 1–3, 5–7; 29А; 31, 2–7; 2020. Рис. 7; Кубарев, 2009б. Рис. 51; 56; 88; 91; 92; 94; 96; 125, 1, 2; Пономарева, 2016. Рис. 3, 6–8; 4, 1, 2, 4, 5). Все перечисленные фигуры обладают теми же характерными деталями — узким тазом, широким плечевым поясом, большим горбом, удлинненной мордой, тонкими ушами. Кроме того, у некоторых животных показана поперечная линия, идущая от горба к передней ноге (Кубарев, 2009б. Рис. 88; Есин, 2016. Рис. 16, 6; 20)⁶.

РИС. 5. Поперечное членение фигур животных: 1 — Тутальская писаница (Кемеровская обл., р. Томь) (по: Ковтун, 2020. Рис. 2, 1–4); 2 — петроглиф (Монголия, Баян-Улгий аймак, Шивээт-Хайрхан) (по: Кубарев, 2009а. Прил. I, рис. 1292); 3 — олений камень (Монголия, Архангай аймак, Улзийт сумон, п. Хушуут) (по: Волков, 2002. Табл. 17). Масштаб разный

FIG. 5. Transversal segmentation of the animal figures: 1 — Tutalskaya Pisanitsa (Kemerovo Oblast, Tom River) (after Ковтун, 2020. Рис. 2, 1–4); 2 — petroglyph (Mongolia, Bayan-Ulgii aymag, Shiveet Khairkhan) (after Кубарев, 2009а. Прил. I, рис. 1292); 3 — deer stone (Mongolia, Arkhangay aymag, Ulziit sumon, Khushuut) (after Волков, 2002. Табл. 17). Scale varies

Внутреннее стилистическое сходство изображений лосей эпохи бронзы указывает на их общее происхождение от неолитического искусства Сибири.

Среди петроглифов писаниц и памятников окуневской культуры выделяются звери с запрокинутой головой и шеей, вытянутой под углом в 45°, что создает впечатление диагонального расположения туловища и «придает <...> устремленность вверх, присущую полету» (Ковтун, 2020. С. 26) (рис. 6). У «каракольских» лосей такого не наблюдается. Видимо, окуневские изображения были ближе оленям со стел монголо-забайкальского типа.

Образ лося в окуневском искусстве стилистически не одинок. Он входит в круг зооморфных мотивов, выполненных в аналогичной художественной манере. Из них выделяются «тощие быки (коровы?)» позднего этапа окуневской культуры⁷

⁵ В этот же семантический круг входят «тянитолкай» — фигуры, составленные из зеркально симметричных протом или голов животных, а также звери с парными головами (Советова, 2015. Рис. 1; Зимовец, 2019. Рис. 1; 2; 3; 3; 5; 7, 6).

⁶ Близость каракольского и окуневского искусства с «монголо-забайкальским» стилем ранее отмечал

И. В. Ковтун (2001. С. 52–55, табл. 33; 2020. С. 26).

⁷ Некоторые исследователи датировали изображения «тощих быков» более ранним временем (Леонтьев и др., 2006. С. 55). Д. Г. Савинов обоснованно опроверг эту точку зрения (Савинов, 2004. С. 249–250; 2006. С. 163–165).

РИС. 6. Изображения лосей: 1, 2 – Томская писаница (Кемеровская обл., р. Томь); 3 – Тутальская писаница (Кемеровская обл., р. Томь); 4 – стела (Хакасия, улус Сартыгой) (по: Пономарева, 2016. Рис. 4, 1–3, 7).

Масштаб разный

FIG. 6. Representations of elks: 1, 2 – Tomskaya Pisanitsa (Kemerovo Oblast, Tom River); 3 – Tutalskaya Pisanitsa (Kemerovo Oblast, Tom River); 4 – stele (Khakassia, ulus Sartygoi) (after Пономарева, 2016. Рис. 4, 1–3, 7). Scale varies

(рис. 7, 1, 3–5). Формально «тощие быки» тоже сопоставимы со стилизованными оленями. Их фигуры отличаются удлинёнными контурами, узкими мордами, крупными горбами и тонкими ушами. Бычьи рога плавно изогнуты и направлены вперед в точности как глазничные роговые отростки оленей. Фигуры «тощих быков» часто размещаются один под другим или вереницей.

Впрочем, имеется и ряд существенных отличий. Например, быки представлены не в профиль, а в фас-профиль (как и лоси). Фигуры геометризуются. Животные показаны стоящими или идущими. Их головы всегда опущены, челюсти плотно сжаты. Дополнительными линиями проработаны туловища, изображены хвосты, а шеи нередко украшены «ожерельями» (Леонтьев и др., 2006. № 74; 84; 167; 188; 194; 222; 224; 241; 255; 290; 293). Наиболее значимой особенностью служит статичный характер окуневских композиций.

Д. Г. Савинов, изучая рисунки «тощих быков», отметил их каноничность, которая объясняется или длительным генезисом, или воздействием инокультурной традиции. Последнее показалось ученому предпочтительней (Савинов, 2004. С. 254). Однако, если принять во внимание «окуневских» лосей, имеющих прототипы в неолите, предположение о внутрикультурном формировании образа видится более правдоподобным.

Композиции с «тощими быками» часто включают рисунки с шестами, увешанными различными предметами, такими как сложный лук, колчаны (?) и прямоугольные полотнища с бахромой – боевые доспехи, по Э. Р. Рыгдылону (Рыгдылон, 1959. Табл. XIII) (рис. 7, 1, 2, 4). По мнению Д. Г. Савинова,

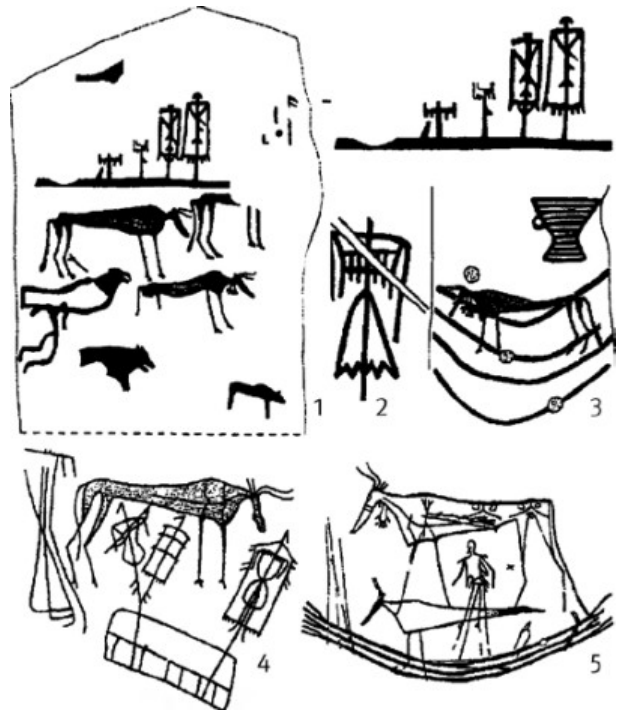

РИС. 7. Изображения «тощих быков (коров?)» и шестов с полотнищами и оружием (Хакасия): 1 – чаатас Кызлас; 2 – р. Аскиз; 3 – Уйбат-Хулган; 4 – оз. Биле; 5 – п. Аскиз (по: Савинов, 2004. Рис. 1–5). Масштаб разный

FIG. 7. Representations of 'scraggy bulls (cows?)' and poles with cloths and weapons (Khakassia): 1 – chaatas Kyzlas; 2 – Askiz River; 3 – Uybat-Khulgan; 4 – Lake Bile; 5 – Askiz site (after Савинов, 2004. Рис. 1–5). Scale varies

шесты с вещами «явно антропоморфны» и, видимо, «представляют собой не каких-то мифологических персонажей, а являются изображением ритуальных объектов, посвященных этим персонажам» (Савинов, 2004. С. 251). Близкую точку зрения обозначил Ю. Н. Есин, заметив, что эти конструкции, «скорее, образы умерших, созданные для целей проведения погребально-поминальных обрядов» (Есин, 2018. С. 104). При этом Ю. Н. Есин правильно указал на связь между «окуневскими» шестами и оленными камнями с оружием и элементами костюма (Там же).

Согласно новым датировкам, заключительный период окуневской культуры (разливский этап) относится к XIX–XVIII–XVII вв. до н. э. (Поляков, 2020. С. 199, 236). Это совпадает с датой становления образа «монголо-забайкальского» оленя, по В. Д. Кубареву и Д. Цэвэндоржу. Однако не исключено длительное затухание окуневской культуры

(Там же. С. 190), в связи с чем процесс формирования образа мог завершиться и позже⁸.

У окуневской и каракольской культур, помимо близости с неолитическими племенами Сибири, выявляются связи с отдаленными областями на западе Евразии⁹. В. Д. Кубарев обнаружил совпадения росписей мегалитической гробницы из кургана 28 могильника Клады в Адыгее (вторая треть IV тыс. до н. э.) с сибирскими памятниками. В изображенных на стенах гробницы «роженице» и трехпалом безголовом антропоморфе в накидке с бахромой исследователь распознал петроглифические «прародительницы» и шесты с полотнищами (Кубарев, 2009б. С. 78–79). К этому надо добавить и другие совпадения: «роженица» обрамлена вереницей бегущих копытных (лошади), возле антропоморфа размещены колчан (?) и сложный лук, а стоит он на овальном предмете с узорами (Резепкин, 1987. С. 27, 29, рис. 1, 2), отдаленно напоминающими окуневскую личину-маску¹⁰.

Надо думать, что новосвободненская (или майкопско-новосвободненская) общность, каракольская и окуневская культуры имели близкие мировоззренческие системы, где важным объектом погребально-поминальной обрядности являлся антропоморфный манекен в широком прямоугольном одеянии, сочетающийся с оружием, маской-личиною, вереницей копытных животных и, возможно, «прародительницей». Большинство этих образов со временем нашло отражение на стелах монголо-забайкальского типа. А передаточным звеном стало позднее окуневское искусство¹¹.

Итак, образ «монголо-забайкальского» оленя сложился в сибирской петроглифике. Его ключевые элементы были разработаны в культурах эпохи бронзы Западной и Южной Сибири, а наибольший вклад внесла окуневская традиция. При этом

следует отметить важную роль, которую сыграла живопись в оформлении оленных камней (нанесение черного рисунка кистью). Создатели монголо-забайкальских стел могли почерпнуть навыки работы с кистью у художников древних цивилизаций, расписывавших глиняные сосуды, например, Китая. Начиная со среднего неолита, во многих китайских культурах керамическая посуда украшалась крашеными узорами, состоявшими из волют, спиралей, клотоид и волнистых линий (Кашина, 1977. Рис. 50, 1; 51, 8, 12, 13; 53, 5, 9–12; 54, 8, 15, 21, 24; 55, 4, 11, 12; 57, 13–15, 17, 19; 64, 1, 2, 5, 7, 9; 65, 5; 66, 5, 9, 10, 12; 69; Чжан Яцин, 1984. Рис. 1, 3, 4, 14–16, 19, 22, 35, 36; 3, 10–12, 16, 22; Scarpari, 2001. Ill. 23)¹².

А. В. Варёнов уже отмечал сходство рисунков на керамике Чжаобаогоу (Внутренняя Монголия) с образами оленных камней монголо-забайкальского типа и скифо-сибирского звериного стиля (Варёнов, 2007. С. 92–93, рис. 1). Безусловно, выбивки на стелах и росписи на сосудах были созданы по единому принципу — комбинирование волют, дуг и клотоид. Однако сопоставление фантастических существ Чжаобаогоу и образов животных из Монголии, Алтая и Тувы А. В. Варёнов сделал слишком прямолинейно. Настораживает и хронологический разрыв. Датировка культуры Чжаобаогоу, приходящаяся на конец VI — вторую треть V тыс. до н. э., никак не может сочетаться со временем формирования оленных камней монголо-забайкальского типа.

В эпоху бронзы в Китае декор керамики приобрел геометрические очертания. Тем не менее, традиция волутообразных и спиралевидных росписей не исчезла и продолжилась вплоть до раннего железного века (Scarpari, 2001. Ill. 161; Шульга, 2010. Рис. 39, 6, 7, 9, 10; 45, 14, 19, 21, 22; 50, 26, 27).

Совмещение на стелах стилистических элементов и технических приемов разных культур может указывать на этническую неоднородность создателей оленных камней. Судя по ранним изображениям «монголо-забайкальского» оленя, сотрудничество мастеров возникло еще на петроглифической стадии формирования образа. Объединение художников могло носить как мирный (слияние разноэтнических коллективов, наем инокультурных мастеров), так и насильственный (принудительное привлечение чужеродных мастеров) характер.

⁸ И. В. Ковтун, приняв в целом новую хакасско-минусинскую хронологию, оговорил ее возможную «удревненность» (Ковтун, 2020. С. 26). Ранее он относил разливскую стилистическую группу к XIV–XIII вв. до н. э. и даже к более позднему времени (Ковтун, 2001. С. 131–132).

⁹ Исследователи отмечали вероятность культурных импульсов с запада, повлиявших на формирование окуневского искусства (Шевченко, 2004. С. 224–229; Ковалёв, 2005. С. 180–183; Савинов, 2019а. С. 158–159, 164, 169; 2019б. С. 210–211; Поляков, 2020. С. 122, 174–175).

¹⁰ М. В. Горелик определил этот предмет как щит (Горелик, 1993. С. 180), что не исключает наличия на нем личины.

¹¹ В Хакасско-Минусинской котловине отсутствуют оленные камни. Видимо, местное население вместо них использовало окуневские изваяния (Подольский, 1987. С. 131–132; Кузьмин, 1995. С. 56).

¹² Часть ученых считает традицию расписной керамики Китая заимствованием с Ближнего Востока (Васильев, 1976. С. 185–188; Кожин, 2013. С. 82, 88–98).

Возможно, часть окуневского населения, вытесненная около середины II тыс. до н. э. из Хакасско-Минусинской котловины представителями андроновской культуры, проникла в район Юго-Западной Монголии, где вступила в контакт с носителями традиции расписной керамики Китая. Результатом стало зарождение образа «монголо-забайкальского» оленя. В нем проявились яркие новации, чуждые древнему сибирскому миру, — замена сакрального животного (олень, а не лось или бык), новая поза (лежа, а не стоя или в движении), необычное направление (вверх, а не горизонтально). Позднее при перемещении культовых мест из гор Монгольского Алтая в степные районы Центральной Монголии сложившийся образ был использован в оформлении стел монголо-забайкальского типа.

Остается нерешенной проблема семантики «монголо-забайкальского» оленя. По мнению Д. Г. Савинова, композиции на оленных камнях воплощали идеи жертвоприношения и плодородия (Савинов, 1994. С. 153–154). Разделив эту точку зрения, М. Е. Килуновская и Вл. А. Семёнов, отметили, что животные «как бы трубят», хотя и запечатлены в жертвенных позах (Килуновская, Семёнов, 1999. С. 135, 137). Другие исследователи сделали акцент на плодородии. Например, по Д. В. Черемисину, «монголо-забайкальский» олень — трубящий во время гона самец, воспринимавшийся «со значением вечного возрождения жизни» (Черемисин, 1998. С. 613). Еще более выразительную трактовку предложил М. В. Константинов, указав, что «летающий олень с закинутыми назад огромными рогами — это скрытый, метафорический образ мужской силы» (Константинов, 2009. С. 301). Разумеется, поведение зверей в период гона может поразить воображение и вызвать множество ассоциаций. Но сложно представить агрессивное, ищущее самку животное лежащим с подогнутыми ногами. Видимо, прав был В. Д. Кубарев, заметивший, что «более логично видеть в нем (олене. — В. К.) смертельно раненного зверя, ревущего от боли» (Кубарев, 2003. С. 76).

Описывая стелы монголо-забайкальского типа, ученые нередко трактуют декор как изображение стада оленей. Но в природной среде табуны, состоящие из одних самцов, не наблюдаются. Следовательно, сцены являлись аллегориями¹³. Наверное,

¹³ Известны исключения. На оленном камне Большого кургана могильника Холаш в Туве изображен самец с двумя самками (Килуновская, Семёнов, 1998. Рис. 1, 2).

поэтому А. С. Суразаков предположил, что так обозначалось «оленье население неба», а смысл всего памятника состоял «в передаче акта соединения душ усопших сородичей с небесным оленьим стадом» (Суразаков, 1994. С. 40, 42). Тогда, по представлениям создателей оленных камней, верхний потусторонний мир был исключительно мужским¹⁴, или делился на мужскую и женскую части.

Согласно Д. Г. Савинову, «ритмически повторяющиеся фигуры стилизованных оленей <...> — отображения массовых жертвоприношений» (Савинов, 2012. С. 56). Доказательством служат многочисленные черепа животных, обнаруженные в каменных выкладках возле оленных камней. Д. Г. Савинов склоняется к одновременности таких гекатомб (Там же. С. 54). Однако эта плодотворная гипотеза имеет слабые стороны. Дело в том, что найденные кости принадлежали не диким животным, а исключительно домашним особям — лошади, верблюду, быку (Новгородова, 1989. С. 201–202; Ковалёв, Эрдэнэбаатар, 2007. С. 103–104; Савинов, 2012. С. 50, 52–53; Fitzhugh, 2017. P. 157). К тому же абсолютно нереальна ситуация одномоментного принесения в жертву массы диких оленей одного возраста и пола¹⁵. Впрочем, позднее Д. Г. Савинов откорректировал свое предположение, указав, что главной жертвой выступала лошадь, а изображенные на стелах олени «непосредственными объектами жертвоприношения не являются» (Савинов, 2020. С. 38).

Не опровергая перечисленных трактовок, можно предложить и другое решение. На петроглифических композициях «монголо-забайкальский» олень, обычно показанный в единственном числе, окружен другими животными, выполненными в иной стилистической манере. Возможно, и на оленных камнях изображался один зверь, но в разные моменты воображаемого перемещения вверх¹⁶. В данном случае приемы «мультипликации» ис-

¹⁴ По аналогии со скандинавской Вальхаллой.

¹⁵ Например, при проведении медвежьего праздника, имевшего исключительную важность в культурах многих народов, приносилось в жертву не более одного медведя (Васильев, 1948. С. 92–94, 102–104; Соколова, 2002. С. 46–58).

¹⁶ В качестве параллели можно привести цилиндрические печати Месопотамии III тыс. до н. э., которые при прокатке позволяли получать из одного изображения целую вереницу одинаковых фигур. Вероятно, именно глиптика оказала существенное влияние на появление в ближневосточном и древнеегипетском искусстве мотива процессий животных (Дьяконов, 1983. С. 156; Куценков, Чегодаев, 2014. С. 34).

пользовались достаточно вольно, поскольку фигуры на одной стеле различались размерами, количеством роговых отростков, расположением ног и т. д. Думается, мастерам не была важна скрупулезная точность, их больше занимал показ безостановочного движения. Уместно вспомнить гипотезу о семантическом и композиционном сходстве скифского звериного стиля с ведийскими гимнами. Общей чертой называлось, в частности, многократное повторение одного образа или имени божества (Раевский и др., 2013. С. 133–136). Нельзя забывать и того, что повторы служат основой любых произведений устного творчества (Елизаренкова, 1989. С. 518). Поэтому сцены на оленных камнях можно связать с культовыми песнопениями, посвященными божественному покровителю.

С точки зрения исследователей олени устремлены к небесной сфере, что доказывает не только общее направление, но и изображение кольцевидных серег, символизирующих солнце и луну (Маннай-оол, 1968. С. 142; Новгородова, 1984. С. 107; 1989. С. 216; Суразаков, 1994. С. 42; Килуновская, Семёнов, 1999. С. 142; Ольховский, 2005. С. 69; Шульга, 2013. С. 155; Есин, 2018. С. 104). Показательны серьги с отходящими штрихами, напоминающими образ солнца с лучами, в некоторых художественных традициях (Новгородова, 1989. Рис. на с. 199; Волков, 2002. Табл. 22, 2; 25, 3; 27, 1; 35, 1; 40, 1; 112; 124). Особая значимость серег подтверждается их количеством. По численности они уступают только оленям. Кроме того, на оленных камнях иногда выбиты диски, обычно помещенные в центральной части, в самой гуще оленей (Волков, 2002. Табл. 18, 1; 46, 1; 51; 61, 2). Ученые видят в дисках металлические зеркала и тоже считают олицетворением светила (Суразаков, 1994. С. 42; Скрынникова, 2014. С. 161).

Вполне вероятно, что серьги и зеркала — условные образы, но вряд ли они были равноценны. И хотя, согласно мифопоэтической символике, круг и окружность являлись знаком неба, наиболее часто круг обозначал солнце, его сегмент — луну, а окружность — магическую границу и вульву (Топоров, Мейлах, 1992. С. 18–19; Голан, 1993. С. 19, 21, 29–30; Левкиевская, 2002. С. 28, 38–40).

Вызывает интерес тот факт, что на аморфных оленных камнях, лишенных всякой антропоморфности, часто показана не пара серег, а одно кольцо (Волков, 2002. Табл. 17; 22, 1; 24, 2; 43, 4; 57, 3; 60, 2; 67, 2; 82, 3)¹⁷. Видимо, на раннем этапе формирования монголо-забайкальского типа окружность, выбитая сверху памятника, изображала не украшение, а отверстие — вход в иной мир, а в тех редких случаях, когда окружностей было две, — вход и выход. Предположение о наличии на стелах космических входа и выхода вполне сочетается с рядами оленей, направленными в противоположные стороны. По мнению Д. Г. Савинова, разная устремленность животных фиксирует пути их «душ»: «уход» жертвы и «приход» зародыша (Савинов, 1994. С. 140–141; 2012. С. 56).

Диски, скорее всего, в самом деле, воспроизводили солнце (или небесный круг). Присутствие на одной стеле нескольких дисков объясняется пространственным мифологическим сюжетом об изначальном множестве солнц. Таким образом, на оленных камнях был изображен процесс стремительного перемещения вверх жертвенного оленя (вернее, его сущности). Его (ее) путь проходил сквозь небесный свод, оставляя позади солнце. Со временем декор стел усложнился атрибутами воина, а кольца (вход / выход) вместе с диском (солнцем) превратились в реальные вещи — серьги и зеркала. Скорее всего, во многом изменилось и смысловое значение композиций.

Проведенное исследование позволяет высказать ряд предположений. Канонический образ оленя на монголо-забайкальских стелах ведет происхождение от петроглифической традиции Сибири. Его окончательное сложение произошло около середины II тыс. до н. э. в результате взаимодействия наследников окуневской культуры с представителями одного из этносов Китая. Первоначально оленные камни монголо-забайкальского типа воплощали ритуал принесения в жертву самца благородного оленя. На них обозначался процесс ухода сущности («души») убитого животного в Верхний мир.

¹⁷ Э. А. Новгородова отмечала, что подобные картины встречаются и в петроглифических композициях (Монголия, Архангай аймак, мест. Бурхантын газар) (Вайнберг, Новгородова, 1976. С. 68).

Литература

- Баяр*, 1982 — *Баяр Д.* Ар Цохиотын хадны зургийн дурсгал // *Stadia Archaeologica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongolici* (Археологийн судлал). Улаанбаатар, 1982. Т. XI, fasc. 5. Т. 74–95 (на монг. яз.).
- Бейсенов, Марьяшев*, 2014 — *Бейсенов А. З., Марьяшев А. Н.* Петроглифы раннего железного века Жетысу. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014. 156 с.
- Вайнберг, Новгородова*, 1976 — *Вайнберг Б. И., Новгородова Э. А.* Заметки о знаках и тамгах Монголии // *История и культура Средней Азии (древность и средние века)* / Ред.: Б. Г. Гафуров, Б. А. Литвинский. М.: Наука, 1976. С. 66–74.
- Варёнов*, 2007 — *Варёнов А. В.* О неолитических корнях оленных камней монголо-забайкальского стиля // *Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии* / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2007. С. 92–96. (Тр. САИПИ; Вып. III).
- Варёнов*, 2018 — *Варёнов А. В.* О точном датировании изображений тигров в горах Хэланьшань и оленях в «стиле оленных камней» // *Вестник НГУ. Серия: История, философия*. 2018. Т. 17, № 4: Востоковедение. С. 30–39.
- Васильев*, 1948 — *Васильев Б. А.* Медвежий праздник // *СЭ*. 1948. № 4. С. 78–104.
- Васильев*, 1976 — *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. М.: Наука, 1976. 368 с.
- Волков*, 2002 — *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- Голан*, 1993 — *Голан А.* Миф и символ. М.: Русслит, 1993. 375 с.
- Горелик*, 1993 — *Горелик М. В.* Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н. э.). М.: Наука, 1993. 349 с.
- Грач*, 1980 — *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Грязнов*, 1978 — *Грязнов М. П.* Саяно-алтайский олень (этнод на тему скифо-сибирского звериного стиля) // *Проблемы археологии*. Сб. ст. в память проф. М. И. Артамонова / Отв. ред. Л. С. Клейн. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. Вып. II. С. 222–232.
- Грязнов*, 1980 — *Грязнов М. П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 62 с.
- Грязнов*, 1984 — *Грязнов М. П.* О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // *АСГЭ*. 1984. Вып. 25. С. 76–82.
- Дугаров*, 1991 — *Дугаров Д. С.* Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
- Дьяконов*, 1983 — *Дьяконов И. М.* Протописьменный период в Двуречье // *История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации*. Ч. I. Месопотамия / Ред. И. М. Дьяконов. М.: Наука, 1983. С. 107–161.
- Дэвлет*, 1982 — *Дэвлет М. А.* Петроглифы на кочевой тропе. М.: Наука, 1982. 128 с.
- Дэвлет*, 2009 — *Дэвлет М. А.* Мозага-Комужап — памятник наскального искусства в зоне затопления Саянской ГЭС. М.: ИА РАН, 2009. 216 с.
- Дэвлет, Дэвлет*, 2011 — *Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А.* Об изображениях «скифских оленей» в наскальном искусстве и на оленных камнях // *«Terra Scythica»: Мат-лы междунар. симпозиума (17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай)* / Отв. ред.: В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 53–63.
- Елизаренкова*, 1989 — *Елизаренкова Т. Я.* «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // *Ригведа. Мандалы I–IV* / Изд. подгот. Т. Я. Елизаренкова; отв. ред. П. А. Гринцер. М.: Наука, 1989. С. 426–543. (Литературные памятники).
- Есин*, 2016 — *Есин Ю. Н.* Петроглифы окуневской культуры на севере Хакасии // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2016. № 1 (13). С. 85–123.
- Есин*, 2018 — *Есин Ю. Н.* Об истоках иконографии оленных камней // *Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Мат-лы IX междунар. науч. конф. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2018. Т. I. С. 103–108.*
- Зимовец*, 2019 — *Зимовец Р. В.* Двухфигурные композиции в скифском искусстве звериного стиля // *История и археология Семиречья: Сб. статей и публикаций*. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана МОН РК, 2019. Вып. 6. С. 118–134.
- Кашина*, 1977 — *Кашина Т. И.* Керамика культуры яншао. Новосибирск: Наука, 1977. 168 с.
- Килуновская*, 2012 — *Килуновская М. Е.* Наскальное искусство Тувы скифского времени // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова* / Редкол.: В. А. Алёкшин и др. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. Кн. 1. С. 160–166.
- Килуновская, Семёнов*, 1998 — *Килуновская М. Е., Семёнов В. А.* Оленные камни Тувы (часть 1. Новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности) // *АВ*. 1998. № 5. С. 143–154.
- Килуновская, Семёнов*, 1999 — *Килуновская М. Е., Семёнов В. А.* Оленные камни Тувы (часть 2. Сюжеты, стиль, семантика) // *АВ*. 1999. № 6. С. 130–145.
- Килуновская, Чадамба*, 2017 — *Килуновская М. Е., Чадамба Л. Д.* Памятники наскального искусства на границе России и Монголии (Убсунурская котловина) // *Тр. V (XXI) ВАС в Барнауле — Белокурихе* / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. Т. 3. С. 106–110.
- Ковалёв*, 2001 — *Ковалёв А. А.* О происхождении культуры оленных камней // *Евразия сквозь века: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рожд. Д. Г. Савинова* / Отв. ред.: И. Я. Фроянов, С. Н. Астахов. СПб.: Изд-во Филолог. фак-та СПбГУ, 2001. С. 160–166.
- Ковалёв*, 2005 — *Ковалёв А. А.* Чемурчекский культурный феномен: его происхождение и роль в формировании культур эпохи ранней бронзы Алтая и Центральной Азии // *Западная и Южная Сибирь в древности: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию Ю. Ф. Кирю-*

- шина / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 178–184.
- Ковалёв, *Эрдэнэбаатар*, 2007 — Ковалёв А. А., *Эрдэнэбаатар Д.* Две традиции ритуального использования оленных камней Монголии // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2007. С. 99–105. (Тр. САИПИ; Вып. III).
- Ковтун, 2001 — Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии: (Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. 184 с.
- Ковтун, 2020 — Ковтун И. В. Хронология главной плоскости Тутальской писаницы // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Кемерово: Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница», 2020. Вып. 11. С. 13–44.
- Кожин, 2013 — Кожин П. М. Место расписной керамики Китая среди евразийских неолитических культур // Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. М.: ИВ РАН, 2013. С. 77–99. (Уч. записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 11).
- Константинов, 2009 — Константинов М. В. Олень — золотые рога?! // «Номо Eugasicus» у врат искусства» (Окладниковские чтения): Мат-лы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–23 октября 2009 г.) / Отв. ред. Е. А. Окладникова. СПб.: Астерион, 2009. С. 299–301.
- Кубарев, 1979 — Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск: Наука, 1979. 120 с.
- Кубарев, 1997 — Кубарев В. Д. Олений камень с р. Тытугом // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. № 2. С. 206–208.
- Кубарев, 2003 — Кубарев В. Д. Образ оленя в петроглифах Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье: Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Михаила Петровича Грязнова / [Отв. науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский]. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. Кн. II. С. 70–76.
- Кубарев, 2006 — Кубарев В. Д. Мифы и ритуалы, запечатленные в петроглифах Алтая // АЭАЕ. 2006. № 3 (27). С. 41–54.
- Кубарев, 2007 — Кубарев В. Д. Билуут-Толгой: новый памятник наскального искусства Монголии // АЭАЕ. 2007. № 3 (31). С. 63–68.
- Кубарев, 2009а — Кубарев В. Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 420 с.
- Кубарев, 2009б — Кубарев В. Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 264 с.
- Кубарев, 2010 — Кубарев В. Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. 444 с.
- Кубарев и др., 2005 — Кубарев В. Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 640 с.
- Кузьмин, 1995 — Кузьмин Н. Ю. О вторичном использовании окуневских изваяний // Проблемы изучения окуневской культуры: Тезисы докладов конф. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: СПбГУ; ИИМК; МАЭ РАН; ГЭ, 1995. С. 55–57.
- Куценков, Чегодаев, 2014 — Куценков П., Чегодаев М. Додинастический Египет: образное мышление и искусство эпохи перехода // Искусствознание. 2014. № 1–2. С. 11–49.
- Левкиевская, 2002 — Левкиевская Е. Е. Славянский обсерватор. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 336 с.
- Леонтьев и др., 2006 — Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан: Хак. книж. изд-во, 2006. 236 с.
- Маннай-оол, 1968 — Маннай-оол М. Х. Оленные камни Тувы // Уч. записки ТНИИЯЛИ. 1968. Вып. XIII. С. 138–149.
- Мухарева и др., 2016 — Мухарева А. Н., Тишкин А. А., Мунхбаяр Ч. Б. Петроглифы в стиле оленных камней в ущелье Яманы Ус (Монгольский Алтай) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: Мат-лы VII Междунар. науч. конф., Красноярск, 3–7 октября 2016 г. / Отв. ред. П. В. Мандрыка. Красноярск: Изд-во СФУ, 2016. Т. 1. С. 241–247.
- Наглер, 2011 — Наглер А. О стилизованных изображениях оленей на оленных камнях Центральной Азии // «Terra Scythica»: Мат-лы междунар. симпозиума (17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай) / Отв. ред.: В. И. Молодин, С. Хансен. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 178–184.
- Новгородова, 1984 — Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.
- Новгородова, 1989 — Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 383 с.
- Окладников, 1954 — Окладников А. П. Олений камень с реки Иволги // СА. 1954. Т. XIX. С. 207–220.
- Окладников, 1980 — Окладников А. П. Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск: Наука, 1980. 140 с.
- Окладников, 1981 — Окладников А. П. Петроглифы Чулутын-гола (Монголия). Новосибирск: Наука, 1981. 183 с.
- Ольховский, 2005 — Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 299 с.
- Паульс, 2000 — Паульс Е. Д. О выразительности скифского искусства [выступление в дискуссии] // Тотемизм: артефакты, концепции и реальность; Культура: социум и индивид: Мат-лы теоретич. семинара / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Европейский дом, 2000. С. 176–177. (ТЕМА; Вып. II).
- Погребова, Раевский, 1997 — Погребова М. Н., Раевский Д. С. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. М.: Восточная литература, 1997. 152 с.
- Подольский, 1987 — Подольский М. Л. Окуневские изваяния и оленные камни // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 127–133.
- Подольский, 2010 — Подольский М. Л. Зверь, который был сам по себе, или Феноменология скифского звериного стиля. СПб.: ЭлекСис, 2010. 192 с.

- Поляков, 2020 — Поляков А. В. Проблемы хронологии и культурогенеза памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. Рукопись дис. ... д.и.н. СПб., 2020. Т. 1. 414 с.
- Пономарева, 2016 — Пономарева И. А. К вопросу о выделении ангарского стиля // АЭАЕ. 2016. Т. 44 (2). С. 68–80.
- Пяткин, Мартынов, 1985 — Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во КрасГУ, 1985. 192 с.
- Раевский и др., 2013 — Раевский Д. С., Куланда С. В., Погребова М. Н. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. М.: ИВ РАН, 2013. 274 с.
- Резепкин, 1987 — Резепкин А. Д. К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станции Новосвободная // КСИА. 1987. Вып. 192. С. 26–33.
- Рыгдылон, 1959 — Рыгдылон Э. Р. Писаница близ озера Шира // СА. 1959. Т. XXIX–XXX. С. 186–202.
- Савинов, 1994 — Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
- Савинов, 2004 — Савинов Д. Г. О стиле «тощих быков» в окуневской изобразительной традиции // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиция: Мат-лы тематич. науч. конф., Санкт-Петербург, 1–4 декабря 2004 г. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 246–254.
- Савинов, 2006 — Савинов Д. Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение / Сост. и ред.: Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Элексис Принт, 2006. С. 157–190.
- Савинов, 2012 — Савинов Д. Г. Идея множественности как залог успешного жертвоприношения // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, назначение, цель: Сб. науч. трудов семинара / Ред.: М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинов. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 49–62. (ТЕМА; Вып. V).
- Савинов, 2019а — Савинов Д. Г. «Дома духов» в гравировках на каменных плитах из могильника Тас-Хазаа // ПИФК. 2019. № 2 (64). С. 156–182.
- Савинов, 2019б — Савинов Д. Г. «Дыхание восточных цивилизаций» в изобразительных памятниках окуневской культуры // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Мат-лы Междунар. конф., 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рожд. патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона / Отв. ред.: В. А. Алёшин, Л. Б. Кирчо. СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2019. С. 209–212.
- Савинов, 2020 — Савинов Д. Г. Иерархия копытных животных в искусстве саяно-алтайского звериного стиля // ДИАЛОГ 2017–2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: Мат-лы объедин. Семинара Института археологии РАН и Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2017 г.; Москва, 6–7 декабря 2018 г.) / Отв. ред. Е. С. Леванова, Н. Ю. Смирнов. М.: ИА РАН, 2020. С. 32–51.
- Скрябинникова, 2014 — Скрябинникова Т. Д. Солнце в традиционной культуре народов Центральной Азии // История изучения Азии. Новые открытия. От Серебряного века русской культуры к современности: Междунар. научно-практич. конф. «Рериховское наследие». СПб.: Музей-институт семьи Рерихов, 2014. Т. XIII. С. 161–162.
- Собанский, 1988 — Собанский Г. Г. Промысловые звери Горного Алтая. Новосибирск: Наука, 1988. 160 с.
- Советова, 2015 — Советова О. С. О новом необычном персонаже с Тепсея // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2015. № 1 (9). С. 90–94.
- Соколова, 2002 — Соколова З. П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // ЭО. 2002. № 1. С. 41–62.
- Сорокин, 1987 — Сорокин С. С. О семантике некоторых археологических памятников ранних кочевников Азии (К проблеме этнической истории тюркоязычных народов Сибири) // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири / Отв. ред. Н. А. Томилов. Томск: ТомГУ, 1987. С. 7–17.
- Степная полоса..., 1992 — Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. 493 с. (Археология СССР; [Т. 10]).
- Суразаков, 1994 — Суразаков А. С. К семантике изображений на оленных камнях // Материалы по истории и культуре Республики Алтай: Тезисы к конф., посвящ. 125-летию Г. И. Чорос-Гуркина / Отв. ред. А. С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 36–43.
- Топоров, Мейлах, 1992 — Топоров В. Н., Мейлах М. Б. Круг // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х тт. / Глав. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. Энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 18–19.
- Цэвээндорж и др., 2005 — Цэвээндорж Д., Кубарев В. Д., Якобсон Э. Арал толгойн хадны зураг (Петроглифы Арал-Толгой. Монголия). Улаанбаатар: Монгол улс шинжлэх ухааны Академи археологийн Хүрээлэн, 2005. 204 т. (на монг. яз.).
- Черемисин, 1998 — Черемисин Д. В. Стиль оленных камней в петроглифах Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий: Мат-лы междунар. симпозиума. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 609–614.
- Черемисин, 2008 — Черемисин Д. В. К семантике образа клювоголового оленя в пазырыкском искусстве // Тропоя тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет / Ред.: Д. Г. Савинов, О. С. Советова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 99–105. (Тр. САИПИ; Вып. IV).
- Черемисин, 2011 — Черемисин Д. В. Несколько наблюдений над граффити Горного Алтая // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова / Редкол.: В. В. Бобров и др. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 146–160. (Тр. САИПИ; Вып. VII).
- Черемисин, 2012 — Черемисин Д. В. Петроглифы в стиле оленных камней на Алтае: новые находки и размышления // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных террито-

- рий: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. XVIII. С. 310–315.
- Чжан Яцин, 1984 — Чжан Яцин. Крашеная керамика неолитических культур Восточного Китая и проблема взаимоотношений их с яншао // Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1984. С. 32–42.
- Членова, 1962 — Членова Н. Л. Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. Посвящ. славному 40-летию Монгол. Нар. Республики / Отв. ред. С. В. Киселев. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 27–35.
- Шевченко, 2004 — Шевченко А. В. Действительно ли древнеегипетская культура определяла когда-то духовную жизнь хакасско-минусинских аборигенов? // Музейные коллекции и научные исследования: Мат-лы годичной науч. сессии МАЭ РАН 2000 года. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 220–229. (Сб. МАЭ; Т. XLIX).
- Шульга, 2013 — Шульга Д. П. Стелы и оленные камни в культурах раннего железного века Синьцзяна и Южной Сибири // Общество и государство в Китае. 2013. Т. XLIII, ч. 1. С. 155–157.
- Шульга, 2010 — Шульга П. И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2010. 238 с.
- Fitzhugh, 2017 — Fitzhugh W. Mongolian deer stones, European menhirs and Canadian Arctic Inuksuit: collective memory and the function of northern monument traditions // Journal of Archeological Method and Theory. 2017. Vol. 24 (1). P. 149–187.
- Scarpari, 2001 — Scarpari M. Das antike China. Köln: Verlag Karl Müller, 2001. 292 S.

Image of deer on steles of the Mongol-Transbaykal type

V. A. Kisel'

A special place among deer stones is occupied by monuments of the Mongol-Transbaykal type. They are dating from approximately the second half of the 2nd millennium BC. The earliest examples include unworked rock fragments and roughly cut slabs with embossed representations of stylized deer, occasionally supplemented with objects of armament. Slightly later, carefully hewn pillars and plates decorated with drawings of not only deer but also of the full equipment of a warrior were made. Steles of the Mongol-Transbaykal type are marked by a rich decoration constituted by numerous deer silhouettes. As a rule, stags of red deer are represented. The canonical image of deer is characterized by a volute shape of the body, a triangular hump, arched horn sprouts, and an enlarged eye with a pupil. The muzzle is of rare expressiveness resembling the beak of a bird from the family of ibis or scolopacids. The compositions on deer stones are distinguished in their dynamism. The latter is directly highlighted by the smoothly bent lines of the representations rendered by means of a brush with paint during the marking out.

The main elements of the image of deer can be found among petroglyphs of the Bronze Age in Western

and Southern Siberia. Furthermore, the main contribution to the formation of the image was made by the art of the Okunev culture. The technique of the artistic painting was borrowed by the makers of the deer stones from Chinese vase-painters. In many cultures of China, beginning with the middle Neolithic, the ceramic pottery was painted with volutes, spirals, clothoids and wavy lines. Evidently, some of the Okunev people, having been ousted in the mid-2nd millennium BC from the Khakassian-Minusinsk Hollow by representatives of the Andronovo culture, penetrated the region of South-Western Mongolia. There they came into contact with the bearers of the tradition of painted pottery of China. This resulted in the birth of the image of the 'Mongol-Transbaykal' deer. Later, after the transference of the cult places from the mountains of the Mongol Altay to the steppe regions of Central Mongolia, the established image was employed in the design of steles of the Mongol-Transbaykal type.

It seems that on the deer stones, the symbolic travel of the sacrifice deer was represented. The compositions reflected different moments of the imaginary relocation of the entity ('soul') of the killed animal to the other, Upper World.

Исчезающий герой и его спутники. В поисках истоков одного из центральных сюжетов искусства ранних кочевников Евразии. Ретроспективная перспектива

Н. Ю. Смирнов¹, Д. В. Черемисин²

АННОТАЦИЯ. В статье в синхронической и диахронической перспективе проанализированы изобразительные варианты мотива «терзание героя парой хищников», встречающегося в пределах Евразии в монументальном и прикладном искусстве, петроглифике, глиптике и тореутике, начиная, как минимум, с IV тыс. до н. э., и являющегося смысловым ядром сюжета, который можно образно обозначить как «исчезающий герой» или герой в состоянии перехода (реализующий обряд перехода). В фокусе исследования находятся изображения эпохи бронзы и начала раннего железного века Центральной Азии и Южной Сибири, рассмотренные на более широком культурно-историческом фоне.

ANNOTATION. This paper analyses in the synchronistic and diachronistic perspective the visual variants of the motif of 'tearing to pieces of the hero by a pair of predators' encountered throughout the territory of Eurasia in the monumental and applied art, petroglyphs, glyptics and toreutics since at least the 4th millennium BC and presenting the semantic core of a theme which can be figuratively called the 'vanishing hero' or 'the hero in the state of transition' (realizing the rite of transition). This study is focused on representations from the Bronze Age and early Iron Age of Central Asia and Southern Siberia considered against a wider cultural and historical background.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терзание героя парой хищников, мифопоэтический сюжет, трансляция изобразительных мотивов в архаике, изобразительное искусство, эпоха бронзы, ранний железный век, петроглифы, оленные камни, Южная Сибирь, Центральная Азия.

KEYWORDS: tearing to pieces of the hero by a pair of predators, mythoepic tradition, translation of figurative images in Archaic period, visual art, Bronze Age, early Iron Age, petroglyphs, deer stones, Southern Siberia, Central Asia.

«Где твои львы, Астарта, кого они гложут?
Кто, в удушающей схватке преобразившись,
Выйдет из царства теней и прильнёт к твоим бёдрам?
Где тот герой? Где твои львы, Астарта, гложут его?
Скажи!»

*Поэма «О всё выдавшем» (утраченный фрагмент)
в изложении неизвестного греческого автора
(из записных книжек В. А. Жуковского)*

Тема взаимодействия человека, либо антропоморфного героя, и зверя, в том числе хищного, проходит красной нитью в мифологических представлениях и искусстве древности, начиная с очень далеких времен. Вероятно, конец этой ниточки,

а точнее ее начало, теряется во мраке палеолитических пещер, а ее цвет связан с охрой — первым красителем, который использовал древний человек, чтобы изобразить утекающую жизненную силу. Не занимаясь специально исследованием мировоззрения первобытного человека и, в целом, искусства каменного века, авторы настоящей статьи ограничили глубину своей темы эпохой бронзы и ранним железным веком, совершая, правда, по мере повествования, рискованные вылазки в более глубокие времена освоения производящего хозяйства, а ее широту сузили до близкого и авторам, и юбиляру, субрегиона горно-степной полосы Южной Сибири и Центральной Азии — Саяно-Алтае-Хангайского нагорья, сохранив, впрочем, коридоры культурных связей с Северным Причерно-

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: kolaksais@yandex.ru. Статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур и Цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.).
² 630090, Россия, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, д. 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Отдел палеометалла. Адрес электронной почты: topsya@bk.ru. Статья подготовлена в рамках выполнения Госзадания по проекту НИР 0264-20210004 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

морьем, Малой Азии и Грецией и районами Высоких цивилизаций Передней Азии.

В отечественной и зарубежной скифологии, а также в области исследования мировоззрения, культов и искусства скотоводческих народов степей Евразии в эпоху бронзы и в раннем железном веке имеется обширная библиография работ, посвященных изучению композиций и образов, фиксирующих противостояние/взаимодействие чело-века/героя с хищным зверем. Не претендуя на исчерпывающее изучение заявленной темы, мы позволим себе оставить в стороне классический разбор имеющихся точек зрения, привлекая, по мере необходимости, отдельные работы или идеи отдельных авторов, которые кажутся нам уместными в изложении собственного видения проблемы и предлагаемых нами реконструкций.

Актуальность темы нашей перспективной ретроспективы не нуждается в дополнительном обосновании для специалистов. Достаточно здесь будет отослать заинтересованного читателя к материалам семинара ДИАЛОГ, состоявшегося в 2017 г. в Санкт-Петербурге и не только недвусмысленно продемонстрировавшего всем участникам и слушателям обширность и неизведанность глубины темы «Хищник и его жертва: от инварианта к вариативности сюжета», но и показавшего многочисленные схождения в творческом ее осмыслении и тех реконструкциях древних представлений, которые предложили авторы, опирающиеся на различные исследовательские принципы и подходы (ДИАЛОГ..., 2020; Смирнов, 2020; Черемисин, 2020; также см. другие статьи соответствующего раздела указанного сборника).

Из облака разрозненных мотивов, видимо, взаимосвязанных сюжетов одного повествовательного цикла, в который входит и заглавный сюжет статьи — «исчезновение героя»: «противостояние героя и хищника», «защита героем стада», «герой и пара хищников», «терзание героя парой хищников», «третий лишний», «Potnia Thegon» и ряда других, визуализирующихся достаточно широко в Евразии в эпоху бронзы и в раннем железном веке в петроглифах, торевтике, металлопластике, вазописи и проч., мы выбрали наиболее перспективный и наименее понятый, на наш взгляд, мотив, — «терзание героя парой хищников», который и сделали основным предметом рассмотрения. Притом что «соседние», по нашему мнению взаимосвязанные мотивы, также привлекаются нами в качестве аналитического контекста.

Начало исследования этой темы во многом было положено работами Дмитрия Глебовича Са-

винова, одним из первых обратившегося к ди-хроническому анализу изображений хищных животных в петроглифах и на оленных камнях Центральной Азии и Южной Сибири, а также к по-иску «центрального героя» многочисленных сцен с антропоморфами, запечатленных на скалах этих регионов (Савинов, 1980; 1994. С. 131–134, табл. XXIV–XXVI; 1998; 2015). Авторы настоящей статьи также достаточно давно обратили внимание на эти изобразительные источники и независимо друг от друга успели высказать в серии докладов и опубликовать в статьях свои наблюдения и интерпретации (Черемисин, 1993; 1997; 1998; 2008; 2020; Смирнов, 2014; 2018).

Свою работу мы рассматриваем как последовательную реализацию идей, высказанных Дмитрием Глебовичем, и презентуем ее в качестве оммажа³ нашему дорогому старшему коллеге.

Мотив «терзание героя парой хищников» в полноценном виде чрезвычайно редко встречается в изобразительной практике скотоводческого населения II–I тыс. до н. э., обитавшего в пределах горно-степного пояса Центральной Азии и Южной Сибири. Можно сказать, что его воспроизведение уникально (рис. 1, 1) — оно зафиксировано в одном из крупнейших центров концентрации петроглифических изображений хищников так называемого стиля «хэланьшань» в одноименных горах на границе района Внутренняя Монголия и Нинся-Хуэйского района КНР (Варёнов, 2018. С. 35–36, рис. 1, 6, 7; Черемисин, 2020. С. 53–54, рис. 1). Очевидно, что перед нами смертельная коллизия: столкновение героя и двух нападающих на него хищников, которое неизбежно закончится смертью и преобразованием центрального персонажа. На пограничный, связанный с циклом «обрядов перехода» и жертвоприношения, смысл мотива указывают и фигуры «летающих» оленей, окружающие сцену терзания в центре композиции.

Чуть чаще мы можем увидеть воплощение иного мотива, возможно, связанного с первым, но не идентичного ему, — «противостояние героя и хищника»: герой противостоит одиночному крупному хищнику в явно пограничных ситуациях, часть из которых предварительно прочитывается как нападение хищника на стадо/на самого героя, защитника стад, — подобные изображения, относящиеся к эпохе бронзы (с диапазоном от ранней

³ Впервые идеи, высказываемые в настоящей статье, были озвучены в совместном докладе авторов, произнесенном Н. Ю. Смирновым на торжественном заседании в честь 80-летия Д. Г. Савинова, состоявшемся 24 марта 2021 г. в Дубовом зале ИИМК РАН.

РИС. 1. Мотив «герой, терзаемый парой хищников». Суюйкоу. Фрагмент изображения (по: Черемисин, 2020. Рис. 1)

FIG. 1. Motif of the 'tearing to pieces of the hero by a pair of predators'. Suyukou. Fragment of the representation (after Черемисин, 2020. Рис. 1)

до поздней), известны в Беш-Озеке⁴ и Калбак-Таше, в Горном Алтае (рис. 2, 1, 2), Аржане-2, в Туве (рис. 2, 3) и в Сармишсае, в Узбекистане (рис. 2, 4).

Отдельного внимания заслуживает еще один достаточно редкий, но неоднократно зафиксированный в петроглифах Евразии мотив: нападение хищника на итифаллическую фигуру героя или мужского партнера в паре, показанной в состоянии соития (рис. 3). Он семантически связан с интересующим нас основным мотивом, но связь эта не так очевидна (Черемисин, 2020. С. 54).

Наиболее же частым, но эвфемистическим вариантом первого (основного) мотива, является его специфическая, но чрезвычайно яркая и разработанная визуализация в искусстве ранних кочевников, при которой центральный герой замещается образом копытного животного (рис. 4, 1–3). Этот хорошо знакомый всем вариант воплощения

⁴ Включение в этот изобразительный ряд семантически более сложной композиции из Беш-Озека достаточно спорно и обусловлено, в первую очередь, структурным совпадением одного из ее элементов — мотива противостояния героя и хищника (расположенные друг над другом более мелкие фигуры композиции на плите из погребения № 1). Общий же смысл композиции иной, но это тема другой работы (Н. С.).

мотива мы встречаем и на оленных камнях Монголии (Варёнов, 2018. Рис. 1, 5; Черемисин, 2020. Рис. 1, 3), и среди сцен терзания в декоре деревянных резных изделий пазырыкской культуры Горного Алтая (Черемисин, 2008. Табл. XXII, 3; XXV, 9), и в декоре ряда изделий, выполненных в технике металлопластики, происходящих с территории Китая (Варёнов, 2018. Рис. 1, 4).

Более того, в отношении деревянных и металлических гривен с зооморфными окончаниями в виде *обращенных друг к другу* протом или полных фигур кошачьих хищников — в большей части шейных уборов мужчин-воинов пазырыкской культуры⁵ (Черемисин, 2008. Табл. XXII, 2, 3, 5; XXIII; XXIV, 1–5) — можно утверждать, что здесь мы сталкиваемся с еще более купированным вариантом визуализации основного мотива (сцены терзания/жертвоприношения): из композиции, декорирующей изделия, герой в своей антропоморфной или зооморфной ипостаси исчезает — жертвы терзания как таковой нет, а присутствует только пара противопоставленных хищников, *обращенных друг к другу*. Однако семантика⁶ подобных изделий очевидна: здесь роль визуально отсутствующего героя/жертвы исполняет, вероятно, сам погребенный, на шею которого надето это символическое «украшение».

Обозначив, таким образом, круг интерпретируемых визуализаций вариантов мотива, вынесенного в заглавие статьи, а также сопутствующих ему мотивов, обратимся к ретроспективному поиску их истоков в надежде обрести в перспективе ответы на следующие вопросы:

- 1) Где можно обнаружить наиболее раннюю визуализацию (прото)вариантов этих мотивов?
- 2) Каким образом они купируются при воспроизведении?
- 3) Какую мифологему можно реконструировать на основе совокупного анализа мотивов, связанных с сюжетом «исчезающего героя»?

⁵ Гривна, украшенная фигурками *обернувшихся* крылатых барсов, обнаруженная на шее женщины в погребении № 2 кургана № 1 могильника Ак-Алаха III на Алтае (Полосьмак, 2001. С. 74, рис. 47; Черемисин, 2008. Табл. XXII, 1), является реализацией изобразительного варианта иного мотива, но напрямую связанного с заглавным мотивом статьи. Об этом ниже.

⁶ Ср. в анализе семантики изображений на гривнах пазырыкской культуры, данном в свое время, одним из авторов настоящей работы, пассаж о способе умерщвления добычи волчьими и кошачьими хищниками путем ее удушения (Черемисин, 2008. С. 53). Ср. с особым наименованием «волка-хищника» в индоевропейских языках — «убийца», «душитель» (Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 494–495).

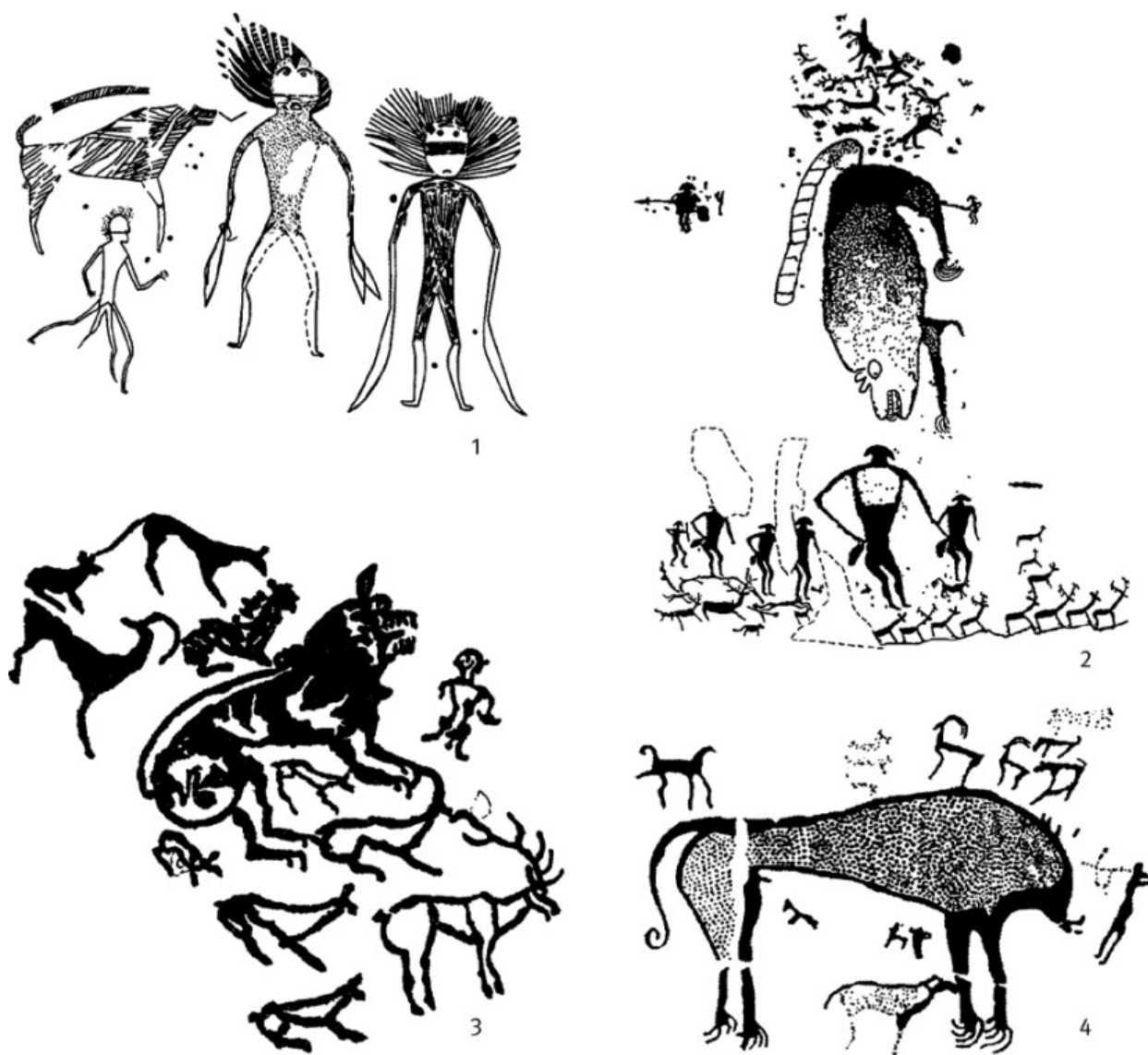

РИС. 2. Мотивы «противостояние хищника и героя»/«защита стада». 1 – Беш-Озек, погребение № 1, плита № 3, фрагмент изображения (по: Кубарев, 2009. Рис. 121, 7); 2 – Калбак-Таш I, скала VIII, № 452 (по: Кубарев, 2011. С. 115, приложение II, № 452); 3 – Аржан-2, плита 01-00, фрагмент изображения (по: Чугунов и др., 2006. Рис. 16); 4 – Сармишсай (по: Советова, 2011. Рис. III, 5). Масштаб разный

FIG. 2. Motifs of 'confrontation between a predator and the hero'/'defence of the herd'. 1 – Besh-Ozek, burial no. 1, slab no. 3, fragment of the representation (after Кубарев, 2009. Рис. 121, 7); 2 – Kalbak-Tash I, rock VIII, no. 452 (after Кубарев, 2011. С. 115, приложение II, no. 452); 3 – Arzhan-2, slab 01-00, fragment of the representation (after Чугунов и др., 2006. Рис. 16); 4 – Sarmishsay (after Советова, 2011. Рис. III, 5). Scale varies

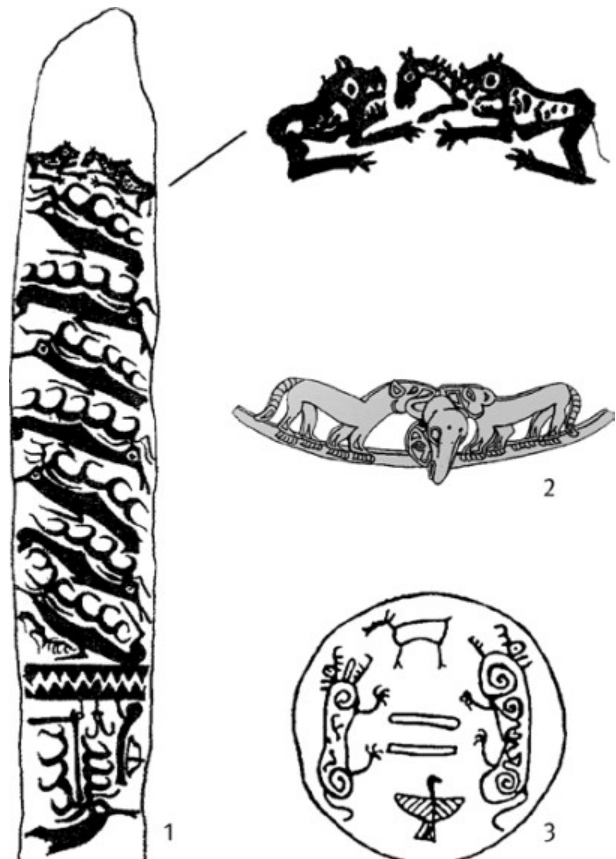
РИС. 3. Мотив «третий лишний» (нападение хищника на мужского партнера в паре, показанной в состоянии совокупления). Бичигтын-Ам (по: Черемисин, 2020. Рис. 2)

FIG. 3. Motif 'two is a company' (a predator attacking a masculine partner in a pair shown in a position of coitus). Bichigtyn-Am (after Черемисин, 2020. Рис. 2)

«Истоки изображений <...> следует искать в искусстве высоких цивилизаций Ближнего Востока <...> и его среднеазиатской периферии», резюмировал в свое время Д. Г. Савинов, завершая статью об образе «фантастического хищника» в древнем искусстве Евразии, опубликованную в сборнике к столетию М. И. Артамонова (Савинов, 1998. С. 163). Последуем и мы в сторону, указанную автором, чтобы попытаться найти там истоки интересующего нас мотива.

РИС. 4. Замещение антропоморфного персонажа при визуализации мотива «герой, терзаемый парой хищников» его зооморфным «двойником». 1 – Уушкийн увэр, олений камень № 15 (по: Волков, 2002. Табл. 78); 2 – Ак-Алаха-1, курган № 1, погребение № 1, передняя часть шейной гривны (по: Черемисин, 2008. Табл. XV, 1); 3 – Шанцуньлин, погребение № 1612, зеркало (по: Варёнов, 2018. Рис. 1, 4). Масштаб разный

FIG. 4. Replacement of an anthropomorphic character by his zoomorphic 'double' in a visualisation of the motif 'tearing to pieces of the hero by a pair of predators'. 1 – Uushkiin Uver, deer stone no. 15 (after Волков, 2002. Табл. 78); 2 – Ak-Alakha-1, barrow no. 1, burial no. 1, front part of a neck ring (after Черемисин, 2008. Табл. XV, 1); 3 – Shangzunling, burial no. 1612, mirror (after Варёнов, 2018. Рис. 1, 4). Scale varies

Часть I. Ранний этап визуализации мотива

Начнем с тактического отступления от центральной темы и осветим сначала боковой мотив, связанный с основным: «*противостояние героя и хищника*».

Одним из ранних изображений противостояния героя и хищника является фрагмент сюжетной росписи на внутренней поверхности сосуда из могилы G 2' халафской культуры на поселении Тель-Арпачия (рис. 5), относящегося к первой половине или середине VI тыс. до н. э. (Антонова, 1998. С. 21, 23). Отметим, что в экономике носителей халафской культуры сочетались неполивное земледелие (выращивание ячменя) и, что более важно для нас, скотоводство, в том числе отгонное, а также охота (Амиров, 2019), поэтому привлечение этого сравнительного материала мы считаем вполне уместным.

Роспись сосуда из Арпачии уникальна не только повествовательной развернутостью композиции, изображенной на его внутренних стенках, но и общим набором элементов⁸, украшающих внешнюю сторону изделия (рис. 5, 1а–ж, 2). Вероятная интерпретация внутренней росписи — «защита стада, символа общины, от нападения врагов (хищника)», общая композиция декора сосуда и его

символическое значение достаточно подробно проанализированы Е. В. Антоновой, с опорой на более раннюю работу К. Бренике и с учетом контекста находки (Антонова, 1998. С. 21–24). Кроме очевидного структурного сходства внутренней композиции на сосуде из Арпачии со сценами противостояния героя крупному хищнику в контексте «защиты стада» (совмещение двух близких мотивов: «противостояние хищнику» и «защита стада») среди указанных выше визуализаций с территории Саяно-Алтая и Средней Азии (рис. 2), нас будет интересовать, прежде всего, центральный элемент этой композиции — прямоугольник с «бахромой» по краям, фланкированный двумя женскими фигурами (рис. 5, 2) — та ключевая деталь, которая отсутствует в более поздних визуализациях схожих, на наш взгляд, сцен⁹. В целом, принимая структуру интерпретации К. Бренике в изложении Е. В. Антоновой этого элемента композиции как «огороженного участка, обиталища <...> коровы, которое охраняют две защитницы», хочется сместить акценты с социального на ритуальный подтекст всей композиции: взаимосвязь некоего объекта-вместилища, с одной стороны, с подчеркнутой символикой *женского*, а, с другой стороны, — мотивом *сохранения/приумножения скота*¹⁰ наводит на

⁷ Важен контекст находки: это могила с захоронением черепов, которые были помещены внутрь сосудов (Антонова, 1998. С. 21).

⁸ Обратим внимание на важную в русле наших дальнейших рассуждений деталь: на одной из метопп росписи внешних стенок чаши изображена сцена, вполне явно соотносимая с обрядом типа «Священного брака» (Антонова, 1998. С. 23), и имеющая хорошо прочитывающийся сексуальный подтекст (рис. 5, 1 б). В ней участвуют два персонажа и большой сосуд. Левый персонаж, мужского пола, индексируется бычьими рогами, у правого персонажа, женского пола, изображена вульва. Соответствие этому набору индексов мы видим и в чертах антропоморфных фигур композиции, занимающей внутреннюю поверхность стенок чаши: вооруженный герой, борющийся с хищником, показан рогаатым (на что обращает внимание вслед за К. Бренике и Е. В. Антоновой (Там же)), а женские персонажи, помимо пышных бедер и длинных волос, индексируются классическим знаком вульвы (рис. 5, 1 ж, 2). Кроме того, укажем еще на две детали, включенные в композицию на других метопах, — нечеткие изображения над двумя мальтийскими крестами, которые, предположительно, могут быть соотнесены с фигурами птиц (рис. 5, 1 в), хотя Е. В. Антонова считает их фрагментами несохранившейся фигуры животного (Там же), и расположенные в верхнем ряду двух других метопп протомы быков с характерными «антеннами» между рогами (рис. 5, 1 г, е). Фигура змеи, дополняющая описанную «картину мира», также привлекает внимание, логично вписываясь в контекст и дополняя семантику композиции.

⁹ В структурном отношении роспись внутренней поверхности чаши из Арпачии является набором мотивов, имеющих, в совокупности, сюжетное значение или индексирующих конкретный сюжет, который и реконструируется К. Бренике и Е. В. Антоновой.

¹⁰ Здесь уместно будет сослаться на одну из цикла работ А. М. Смирнова, в которой он подробно разбирает семантику подобных образов, широко привлекая сравнительный материал IV–III тыс. до н. э. из разных частей Евразии, в том числе, с опорой на разработки европейских исследователей (Смирнов, 2006. С. 284–287, рис. 3). Мы лишь не согласны с двумя интерпретационными аспектами указанного исследования: 1) идеей о том, что все обобщенные в нем материалы указывают на идею «воспроизведения потомства», а все пиктографические индексы, передающие архитектурные объекты типа хижин или храма в сочетании с животными, — «хижины для рождения»; 2) соотношением всех изображений архитектурных объектов типа хижин или храма в глиптике и камнерезном искусстве Двуречья с образом богини Нинтур/Нинхурсаг (Смирнов, 2006. С. 287). Наши аргументы в возражениях этим аспектам интерпретации А. М. Смирнова см. ниже. Ср. с храмовыми структурами, изображенными на оттиске на пиктографической табличке из Урука (Афанасьева, 2007. Табл. IX, 66). Здесь и далее, ввиду удаленного формата работы и делящейся пандемии, нам приходится ссылаться не на первоисточник — корпус изображений месопотамской глиптики — публикацию П. Амье, а на доступные монографии В. К. Афанасьевой или Е. В. Антоновой, в которых приводятся соответствующие изображения.

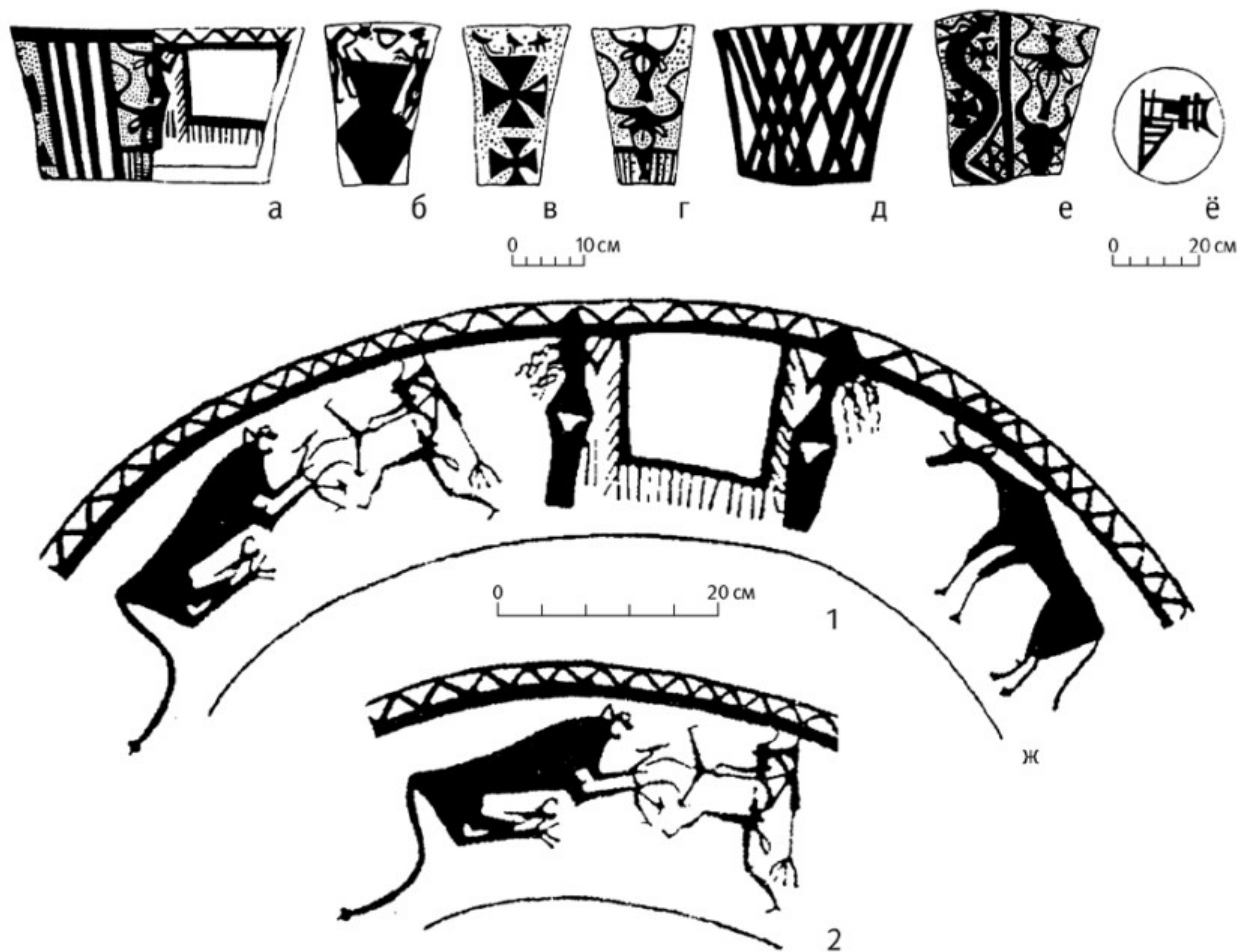

РИС. 5. Телль-Арпачия, могила № G 2, расписная чаша. 1а-ж – общий вид росписи чаши снаружи и изнутри; 2 – сцена противостояния героя и кошачьего хищника, фрагмент той же росписи (по: Антонова, 1998. Рис. 3)

FIG. 5. Tell Arpachiyah, grave no. G 2, painted bowl. 1а-ж – general view of the painting of the bowl from outside and inside; 2 – scene of the confrontation of the hero and a feline predator, fragment of the same painting (after Антонова, 1998. Рис. 3)

мысль о том, что перед нами разворачивается визуальное повествование не столько о защите общинных ценностей от нападения врага, сколько о противостоянии героя и хищника в каком-то предельном контексте, подчеркнутым присутствием элементов сакрального пейзажа и, возможно, не только описывающем смертельную ситуацию, но и отсылающем зрителя к пограничным практикам – обрядам инициации. Хищник, которому противостоит герой в росписи сосуда из Арпачии, а также в петроглифах Центральной Азии, вне всякого сомнения, – враг, но враг не столько реальный, биологический лев, тигр или леопард, сколько хтонический хищник, борьба с которым, заметим, что вовсе не обязательно успешная, исход

поединка не ясен¹¹, является залогом осуществления мира и живых, и мертвых.

К раннединастическому периоду интересующий нас мотив уже хорошо вычленяется в глиптике Месопотамии, хотя композиции, визуализирующие его, по сравнению с росписью чаши из Телль-Арпачии, теряют элементы, внятно указывающие на локус сакрального/сакральный пейзаж, – исчезает недвусмысленное указание на присутствие женского/обеспечивающего возрождение начала, а сама структура композиции теряет

¹¹ Вспомним, что чаша находилась в погребении с черепами, помещенными в сосуды, одним из которых, возможно, была сама чаша.

прозрачность и характеризуется сгущенностью смыслов, часть из которых невозможно восстановить, не зная исходного текста в полном объеме. Однако некоторые знакомые структуры или оппозиции выделить можно. Иллюстративный ряд визуализаций мотива «герой — защитник стад» насыщается мелкими деталями и становится более динамичным: изображаются жертва¹² (копытное животное), терзаемая кошачьим хищником, и герой, поражающий хищника или противостоящий паре хищников, терзающих свою жертву (см.: *Афанасьева*, 2007. Табл. XXI, 4, 5, 8; XXVII, 53; XXXI, 86; XXXIII, 101). А в композицию включается важный дополнительный элемент — изображение *хищной птицы* или птицеобразного миксоморфного существа с распростертыми крыльями (или сложенными крыльями), которая, на наш взгляд, может указывать на принадлежность животных (и копытных, на которых совершается нападение, и нападающих хищников) и самой сцены определенной сфере или определенному божеству, о чем пойдет речь ниже.

В IV–III тыс. до н. э. в изобразительном искусстве Месопотамии, видимо, актуализируется еще один близкий мотив: «пара хищников, терзающих копытное животное», при этом над композицией нередко также «парит» хищная птица (см.: *Афанасьева*, 2007. Табл. XXI, 3, XXXII, 96).

Важно, что в этот же период в Двуречье, видимо, окончательно складывается образ индивидуального героя-защитника мира, объединяющего в своей фигуре/деятельности роли воина, вождя/царя и жреца, с его акцентированной связью в изобразительной традиции с животными, в качестве покровителя или охотника (*Антонова*, 1998. С. 139–142, 150, 158, рис. 15). Этот образ и его роли почти идентичны тому образу и ролям «центрального героя» петроглифической традиции Саяно-Алтая во III–II тыс. до н. э., которые реконструирует Д. Г. Савинов: «...будучи в своей первоначальной основе фигурой мифологической, этот "герой" <...> обладал широким спектром деятельности, совмещая функции воина-победителя, охранителя стад и покровителя охоты, исполнителя жертвоприношений, которые затем воплотились в единый образ эпического героя» (*Савинов*, 2015. С. 156, рис. 1).

Наконец, именно в глиптике Двуречья IV–III тыс. до н. э. мы обнаруживаем еще один вариант визуализации все того же мотива — «герой — защитник стад», который, на наш взгляд, и является

переходным к центральному мотиву нашего повествования — сценам взаимодействия героя и пары хищников (рис. 6). В раннединастических печатях с так называемыми «фризами сражающихся» выделяются композиции, в которых герой, защищающий копытное животное, оказывается сам, вместе с защищаемым им животным или животными, фланкирован фигурами нападающих хищников, и снова его дальнейшая судьба не так уж ясна¹³ (*Антонова*, 1998. С. 155, рис. 17; *Афанасьева*, 2007. Табл. XVIII, 16, 17, 19, 31; XXIV, 23; XXVI, 50).

Теперь посмотрим внимательнее на новый, и ключевой, на наш взгляд, элемент композиций, воплощающих указанные мотивы (о нем кратко говорилось выше), — речь идет о появлении нового персонажа — хищной птицы или птицеподобного существа (рис. 7). Это необходимо для более полной и достоверной реконструкции объединяющего все мотивы общего мифопоэтического сюжета, в поисках которого мы находимся. В. К. Афанасьева, посвятившая отдельный труд исследованию темы «орел и змея» в искусстве и текстах Двуречья, специально разбирает образ хищной птицы (орла), отмечая его периодическое совмещение с образом летучей мыши или птицы с львиной головой — монструозным образом сконструированного пернатого хищника (*Афанасьева*, 2008. С. 370). По ее аргументированному мнению, подобные изобразительные мотивы могут быть сопоставлены с образами Орла и Анзуда/Анзу шумерских и вавилонских эпических сказаний (Там же. С. 117–167). Для нас, пожалуй, из всех наблюдений В. К. Афанасьевой самым важным оказывается наблюдение, основанное на

¹³ Образ царя-жреца, актуализирующийся в этот период в искусстве Месопотамии, ассоциировался не только со львом (который часто мог быть и противником, и жертвой царя), но и с мощным быком, на что специально обращает внимание Е. В. Антонова (*Антонова*, 1998. С. 158; ср.: *Афанасьева*, 2007. Табл. XVIII, 16). Подобная амбивалентность ассоциаций образа героя/вождя-жреца указывает на пограничный характер его роли — он может оказаться и в роли победителя, и в роли сакральной жертвы, что мы хорошо знаем для позднейшей традиции. Ср. с *Емельянов*, 1999. С. 183.

Появление в композиции фигур «волшебных помощников», сочетающих в своем образе черты человека и копытного животного, здесь можно объяснить разными причинами — от влияния конкретного сюжета мифопоэтической традиции (например, Гильгамеш и Энкиду) до необходимости визуально продемонстрировать благополучный исход схватки. Непреодоленная сложность интерпретации изображений на печатях, относящихся к типу «фризов сражающихся», отмечена в русскоязычной литературе В. К. Афанасьевой, ей же дан подробный анализ разнообразных попыток найти объяснение этим сюжетам (см. соответствующую часть работы: *Афанасьева*, 1979).

¹² В ряде случаев жертв может быть несколько, обычно пара.

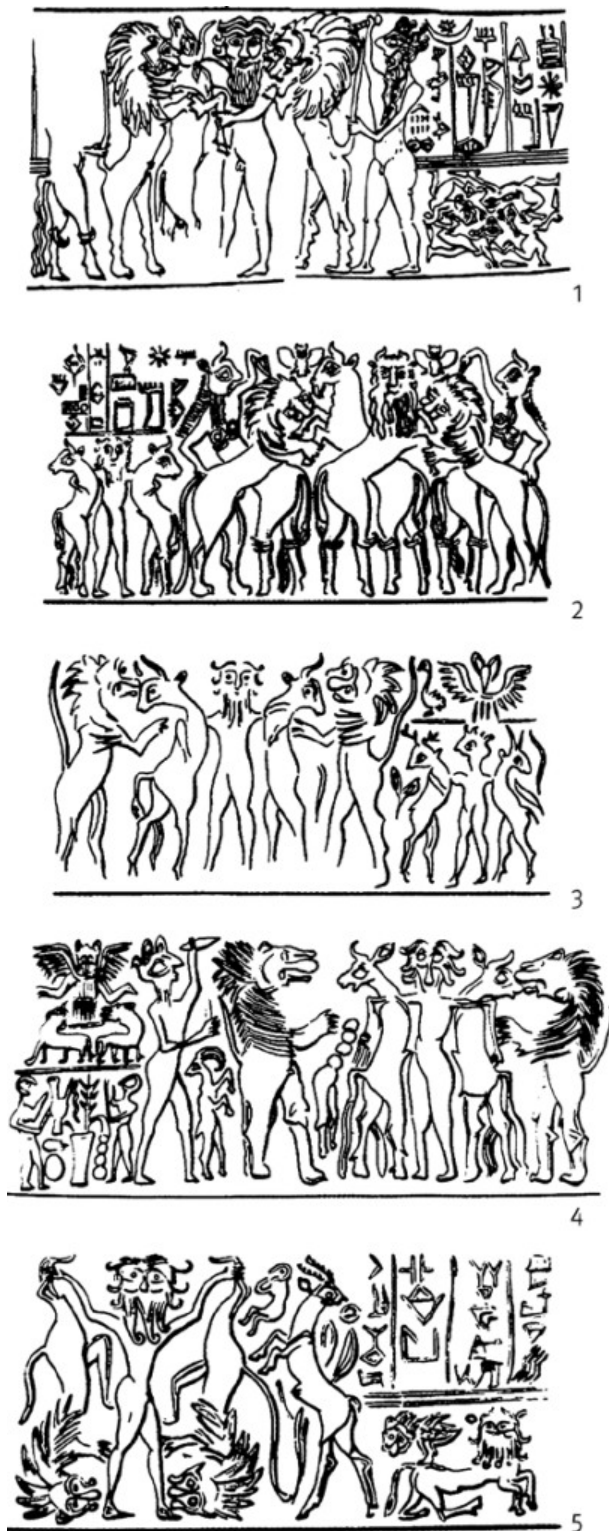

РИС. 6. Варианты визуализации связанных мотивов «герой — защитник стада» и «герой и пара хищников» в изобразительном искусстве Месопотамии раннединастического периода. Изображения на печатях из серии «фриз сражающихся». 1 — (по: Антонова, 1998. Рис. 17, развертка моя. — Н. С.); 2–5 — (по: Афанасьева, 2007. Табл. XVIII, 16, 17, 19; XX, 31). Масштаб разный

FIG. 6. Variants of the visualisation of the related motifs 'the hero as a defender of the herd' and 'the hero and a pair of beasts of prey' in the visual art of Mesopotamia of the Early Dynastic period. Representations on seals of the series 'Frieze of the fighting figures'. 1 — (after Антонова, 1998. Рис. 17, scan by Nikolay Smirnov); 2–5 — (after Афанасьева, 2007. Табл. XVIII, 16, 17, 19; XX, 31). Scale varies

лица богов, и обязательно Инанны-Иштар» (Там же. С. 167). На двойственность образа Инанны-Иштар, ее агрессивное сексуальное начало и ее нацеленность на превращение человека в иное существо, и ее связь с сексуальными отношениями у людей и животных также следует обратить особое внимание (см.: Там же. С. 374 и др. разделы, относящиеся к анализу образа Инанны-Иштар).

Стоит учесть и еще одну черту образа Орла/Анзуда/Анзу, также отмеченную В. К. Афанасьевой, — способность привести героя в «дом праха», то есть в подземный мир, что и случилось с Энкиду, за которым пришел «человек с мрачным лицом, подобным лицу птицы бури (Анзу), с орлиными крыльями и орлиными когтями» (Афанасьева, 2007. С. 299). В более поздних текстах, описывающих аккадские ритуальные практики, Анзуд «часто выступает как посредник между землей и подземным миром, царством смерти» (Там же. С. 296).

На наш взгляд, уделяя основное внимание избранной ключевой «оппозиции» в литературе и изобразительности Двуречья — паре орел и змея — и сосредотачиваясь на всестороннем анализе изобразительных и письменных текстов, которые можно связать с указанными образами, В. К. Афанасьева упускает из виду еще одну любопытную и многообещающую связку, более очевидную для изобразительных текстов. Речь идет о сочетании образа Инанны-Иштар (или ее индекса в виде многолепестковой розетки¹⁴, парных столбов со свое-

сопоставлении общих мотивов текстов об «Этане» и сказания о «Лугальбанде», касающихся роли Орла/Анзуда/Анзу и его взаимодействия с героем: он волшебным образом (либо наделяя героя свойством скорохода, либо поднимая его на своих крыльях) помогает тому в «стремлении достичь жи-

¹⁴ Символика многолепестковой розетки и парных «столбов-штандартов» в глиптике Двуречья однозначно связывается с именем и изображением богини Инанны (Антонова, 1998. С. 148–149; Афанасьева, 2008. С. 30, табл. IX, 63, 65, 66). Парность столбов-штандартов, символизирующих Инанну (рис. 7, 7), конечно же, возбуждает в памяти картину, уже виденную нами: центральную часть

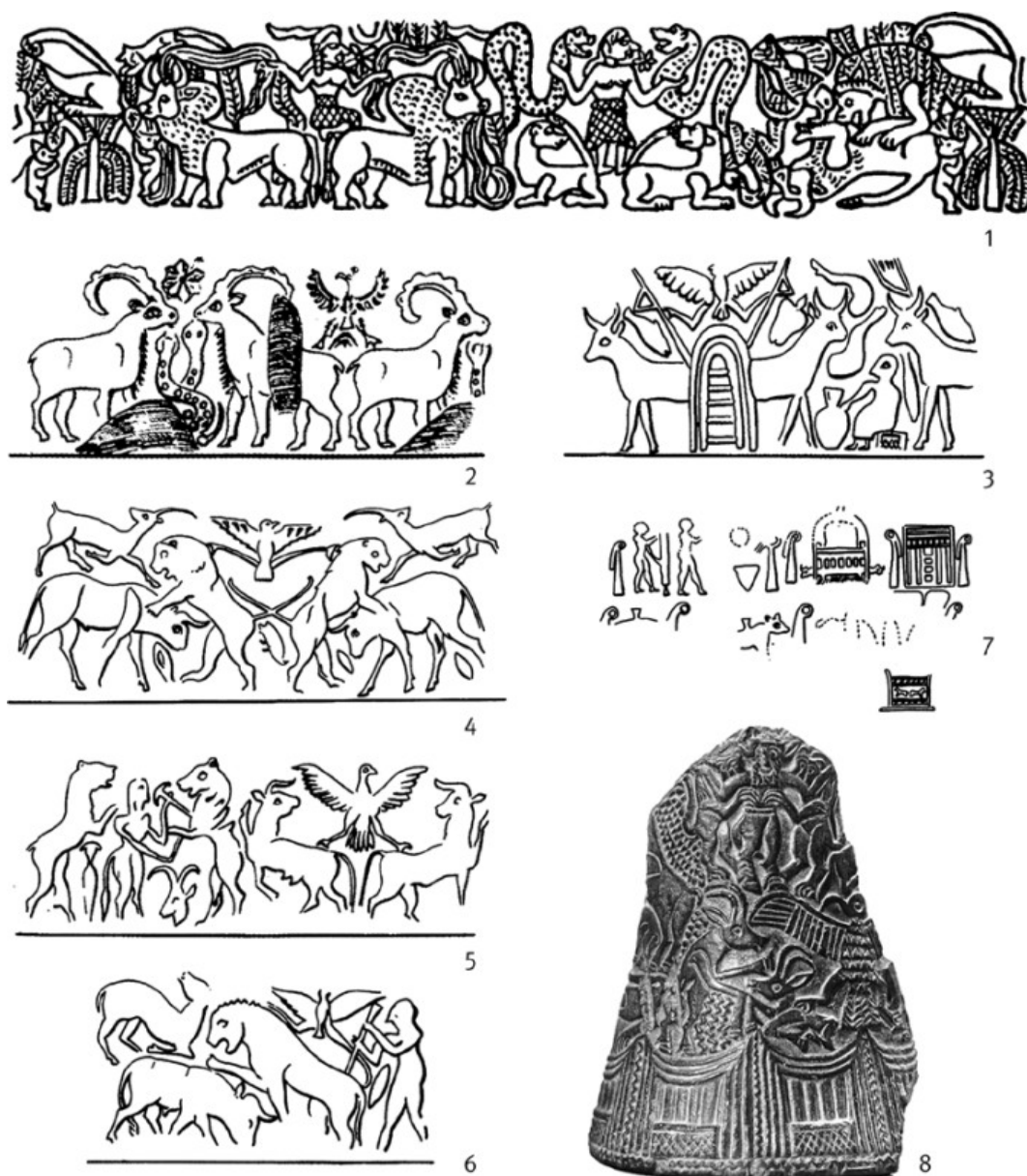

РИС. 7. Композиции с мотивом «Potnia Theron» и образом/индексом Инанны-Иштар и композиции с изобразительными вариантами мотивов «герой и пара хищников» и «защита стада», сопровождаемые изображением хищной птицы в глиптике и камнерезном искусстве Месопотамии конца VI – III тыс. до н. э. 1 – долина р. Диялы, развертка композиции на внешней стенке сосуда (по: Антонова, 1998. Рис. 18); 2 – додинастический Урук, развертка изображения на печати (по: Афанасьева, 2007. Табл. IX, 63); 3, 4, 6 – Ур, развертка изображений на печати (по: Афанасьева, 2007. Табл. XXI, 8; XXII, 10; XXIII, 17); 5 – развертка изображения на печати (по: Афанасьева, 2007. Табл. XXVI, 50); 7 – Урук, оттиск на пиктографической табличке (по: Афанасьева, 2007. Табл. IX, 66); 8 – Хафадже, фрагмент кубка (по: Der Alte Orient, 1975. Abb. 77). Масштаб разный

FIG. 7. Compositions with the motif of 'Potnia Theron' and the image/index of Inanna-Ishtar and compositions with graphic variants of the motifs of 'the hero and a pair of beasts of prey' and 'defence of the herd' accompanied by a representation of a bird of prey in the glyptics and stone-carving art of Mesopotamia of the late 6th – 3rd millennium BC. 1 – valley of the Diyaly River, a scan of the composition on the outer wall of the vessel (after Антонова, 1998. Рис. 18); 2 – pre-Dynastic Uruk, a scan of a representation on a seal (after Афанасьева, 2007. Табл. IX, 63); 3, 4, 6 – Uruk, a scan of the representation on a seal (after Афанасьева, 2007. Табл. XXI, 8; XXII, 10; XXIII, 17); 5 – a scan of the representation on a seal (after Афанасьева, 2007. Табл. XXVI, 50); 7 – Uruk, imprint on a pictographic tablet (after Афанасьева, 2007. Табл. IX, 66); 8 – Khafajah, fragment of a goblet (after Der Alte Orient, 1975. Abb. 77). Scale varies

бразными штандартами или сакрального ландшафта — хижины/храма с животными (рис. 7, 1–3, 7, 8) и хищной птицы¹⁵ в контексте мотивов противостояния героя хищникам и защиты стада (рис. 7, 2, 3, 8). И здесь на первое место в мифопоэтической характеристике образа хищной птицы выходят не ее хищные свойства¹⁶, а ее связь с иным (верхним или нижним) миром (в том числе, через описанную выше способность доставлять героя к богам, среди которых одним из конкретных адресатов является Инанна-Иштар). Не менее важно то, что хищная птица изображается над животными (хищными или копытными), развернутыми спиной к ней, нередко с повернутыми назад головами, что скорее говорит о том, что таким образом переданы функции «покровительства» птицы и добровольного подчинения ей животных¹⁷, чем о мотиве «хищного терзания» жертвы, который, однако, нельзя отвергнуть полностью (рис. 7, 2–6)¹⁸.

композиции росписи на чаше из Арпачии — парные женские фигуры, фланкирующие прямоугольник с «бахромой» по сторонам (рис. 5, 1). Несомненно, что в том случае перед нами зафиксирована наиболее ранняя визуализация того же сюжета.

¹⁵ Об этом — о «власти над птицей грома с львиной головой — Имдугудом» — напрямую пишет Т. Якобсен (Якобсен, 1995. С. 160). Интересно было сопоставить мои собственные рабочие выводы, сделанные на основе отвлеченного анализа композиций на печатях (рассмотренных как независимая изобразительная система с жесткой внутренней логикой), с данными эпической традиции, проанализированными задолго до моего обращения к этому материалу Т. Якобсеном, и выяснить, что они совпали. До момента воплощения своей идеи в текст статьи, с указанной работой Т. Якобсена я знаком не был (Н. С.).

¹⁶ Тем более что в большинстве случаев она никого не терзает, а «ларит» над схваткой или объектами или присутствует в пейзаже (на что уже обращала внимание В. К. Афанасьева (Афанасьева, 2008. С. 58–59 сл.)).

¹⁷ В этом контексте, безусловно, важно, что в сказании «Энмеркар и Владыка Аратты» это хищное пернатое именуется «уздой Инанны, наложенной на уста всего мира» (Якобсен, 1995. С. 160), что свидетельствует, на наш взгляд, не только о том, что это глобальный образ подчинения себе сил живой природы (мира, города и т. д.), но и на локальном уровне — власть над жизнью и смертью живого существа, в том числе, конкретного человека.

¹⁸ Это исключительно важный момент в иконографии образов хищных и копытных животных в контексте их сопричастности «Хозяйке зверей», одной из эманаций которой является богиня Инанна-Иштар, — они (их пары) в ранний период, да и позднее (за исключением, пожалуй, отдельных примеров из античной вазописи геометрического стиля) практически всегда развернуты по отношению к ней так, что оказываются расположенными либо спинами (чаще копытные), либо в полуобороте, с развернутыми назад головами (вспомним классический пример, относящийся к I тыс. до н. э., — изображение

На первый взгляд, подтверждением последнего тезиса может служить фрагмент композиции, украшающей внешние стенки стеатитового сосуда из долины р. Диялы, относящегося к первой половине — середине III тыс. до н. э., где хищная птица, как будто бы является элементом сцены терзания хищником копытного (львом — быка), но и здесь она скорее сопричастна сцене (или обозначена как один из мотивов общего сюжета, например, выполняет роль «вестника» или «проводника»), чем проявляет в ней (в отличие от льва) свое активное участие (рис. 7, 1).

Рассмотрим всю композицию внимательнее¹⁹. Перед нами разворачивается довольно насыщенный деталями сюжет, в составе которого можно выделить семь мотивов (слева направо): «предстояние медведей перед финиковой(?) пальмой»; «кошачий(?) хищник»²⁰; «подание сидящим на корточках женским персонажем воды копытным животным и растениям»; «Хозяйка зверей»; «скорпион»; «хищная птица»; «терзание хищником копытного». По всей видимости, обе антропоморфные фигуры изображают либо одного и того же персонажа, но в процессе разных действий, либо разные эманации одного/пары близких (по происхождению) персонажей мифопоэтической традиции. Их основные роли: покровительство животным и растениям и усмирение диких зверей. Размещенные перед лицом этих персонажей многолепест-

Potnia Theron на келермесском зеркале). Причем ни одна из известных сцен не позволяет предположить какой-то агрессии хищных животных по отношению к центральному женскому персонажу — их хозяйке. Совершенно иная ситуация складывается с изобразительными воплощениями мотива «герой, терзаемый парой хищников», где хищники всегда обращены оскаленной пастью к фигуре героя, за исключением тех случаев, где недвусмысленно показана победа героя над врагами (поверженные хищники висят вниз головой, а торжествующий герой держит их за задние лапы). В этой связи уместно вспомнить тонкое наблюдение Д. Г. Савинова, сделанное еще 40 лет назад, о том, что за стилистическими различиями в изображении фигур «собак» на оленных камнях и киммерийских стелах (обернувшиеся и смотрящие прямо с раскрытой оскаленной пастью) стоят различия в семантике образа (Савинов, 1980. С. 322–323).

¹⁹ В. В. Емельянов указывает на возможный календарный характер композиции, передающей, в таком случае, сюжет смены сезонов, — лев, побеждающий быка (Емельянов, 1999. С. 46).

²⁰ В том месте, где располагалась голова зверя, край сосуда сколот, поэтому его родовую принадлежность определить затруднительно. Понятно только, что он относится к отряду хищников, скорее всего из семейства кошачьих.

ковые розетки, на наш взгляд, указывают на то, что это своеобразная передача образа Инанны-Иштар²¹.

В облике женского персонажа внимание привлекают две детали, одна из которых важна для подтверждения отождествления его с Инанной-Иштар и, одновременно, связи с интересующими нас мотивами, а вторая будет иметь значение впоследствии, при опознании отражения этого мотива в реалиях другого пространства или времени. Первая деталь: орнамент юбки в виде косой сетки, который может быть напрямую сопоставлен с орнаментом нижней части изображений храмовых построек/хижин на фрагменте стеатитового кубка из Хафадже, сопряженных в одной композиции с уже известными нам мотивами «героя, терзаемого парой хищников», «защиты стад» и «хищной птицы», нависающей над парой копытных (рис. 7, 8). Вторая деталь: подчеркнуто длинные, спускающиеся на плечи волосы женского персонажа, своеобразные «локоны» или «пряди»²².

²¹ Признаем, что эта интерпретация, казалось бы, очевидная, с точки зрения анализа иконографии (изображение женского персонажа, сопровождаемое многолепестковой розеткой) и логики месопотамской глиптики, полностью остается на совести одного из авторов настоящей статьи (Н. С.). Любопытно, что ни Е. В. Антонова, довольно подробно разобравшая изображения на сосуде и предложившая свою интерпретацию композиции и ее отдельных элементов (Антонова, 1998. С. 156–157), ни В. К. Афанасьева, также уделившая ему внимание (Афанасьева, 2007. С. 30, 32), не решились опознать в персонаже конкретную богиню или не захотели это делать с сугубой определенностью. Более того, если В. К. Афанасьева четко написала о том, что это женский персонаж в двух ипостасях, соотносящийся с «владычицей животного царства, земного и подземного миров» (Афанасьева, 2007. С. 32), то Е. В. Антонова вначале писала об антропоморфной фигуре, как о безличном персонаже, а затем сопоставила его (его функции) с образом (функцией) вождя-жреца (Антонова, 1998. С. 157), с чем, безусловно, невозможно согласиться. Притом понятно, почему Е. В. Антонова склонна видеть в фигуре центрального персонажа композиции на чаше из долины р. Диялы образ/функции вождя-жреца — это результат того, что основная задача ее книги (1998 г.) — исследование социального. Отсюда — акцентуация перехода некоторых качеств богини на вождя-жреца (через приобщение к ней путем вступления в «Священный брак») представляется ей более важной, чем поиск образа богини в изобразительном искусстве Двуречья, тем более что к этому времени устоявшиеся индексы Инанны-Иштар уже широко распространены и достаточны для демонстрации ее присутствия в изобразительных текстах (Антонова, 1998. С. 148–149). На наш взгляд, при интерпретации этих образов имеет смысл вспомнить и о двойственной природе Инанны-Иштар — богини верхнего мира, побывавшей в нижнем (умершей), а затем воскресшей.

²² На приводимой нами, вслед за Е. В. Антоновой, прорисовке композиции на чаше из долины р. Диялы, к сожалению, несколько искажено изображение прически сидящей женской фигуры. Но на фотографии этой же чаши видно,

Мотив медведей, предстоящих, как мы предполагаем, перед финиковой пальмой, вероятно, также отсылает зрителя к фигуре богини Инанны-Иштар, так как, по одной из версий, изначально она отождествлялась с хранилищем фиников и носила имя «Госпожа грозди фиников» (отсюда ее отождествление с символами ворот и столбов), как указывает с отсылкой на реконструкции Т. Якобсена²³ Е. В. Антонова (Антонова, 1998. С. 149).

Маленькая фигура хищника, располагающаяся над водным потоком, и отчасти над сценой с предстоянием медведей перед пальмой, выглядит самостоятельным элементом композиции и по своему масштабу соотносима с изображениями медведей. Это может говорить о том, что эти два мотива — хищник и медведи у пальмы — образуют особое поле композиции, разделяющее основные ее элементы (две сцены с женским божеством и сцену терзания). Возможно и иное прочтение этого образа, как включенного в сцену подачи воды животным и растениям, если принять идею о том, что извивающаяся полоса, расположенная за фигурой сидящей богини и над вторым водным потоком, символизирует собой змею. В таком случае картина «живой природы» дополняется хищниками и пресмыкающимися.

Можно полностью согласиться с трактовкой фигуры скорпиона как самостоятельного индекса сексуальной энергии (Там же. С. 157), которая является одним из заметных проявлений сущности Инанны-Иштар. Близкая, если не идентичная семантика предполагается В. К. Афанасьевой и для образа змеи в этот период (Афанасьева, 2007. С. 273–292).

На наш взгляд, таким же самостоятельным индексом является фигура хищной птицы — этому не противоречит ее положение в композиции: она достаточно механически сочетается с соседней

что прически обеих фигур практически идентичны (ср.: Афанасьева, 2007. Рис. на с. 333).

²³ Отметим, что такому отождествлению категорически возражает редактор русского перевода книги Т. Якобсена — И. М. Дьяконов, указывая на то, что «иероглиф дверного столба с пустой петлей для засова, используемый в древнейшей письменности для передачи имени Инанны, по видимому, связан с <...> метафорой любовного соединения как открывания двери» (Якобсен, 1995. С. 6. Прим. 2). Это замечание И. М. Дьяконова представляется нам особенно важным и имеющим более глубокое значение в рамках исследуемого нами сюжета, чем просто вариант интерпретации локуса описываемой композиции. Ср. с обрядом открывания двери как главным действием шумерской свадьбы, после которого брак считается совершившимся и его торжественно отмечают (Там же. С. 49–50).

сценой терзания хищником копытного и расположена над скорпионом, как бы отграничивая вместе с ним сцену терзания от предыдущего элемента композиции. Таким образом, она также может обозначать присутствие Инанны-Иштар или присутствие определенных божественных сил, воплощенных в ее образе, в контексте сцены терзания.

Наконец, сама сцена терзания львом быка явно отсылает нас к купированному мотиву «защита стада» — мы не видим там героя. Хотя, нельзя исключать того, что именно герой предстает перед нами в образе терзаемого быка. И в таком случае мы можем говорить о своеобразном воплощении мотива «противостояние героя и хищника»²⁴.

Укажем здесь на одну из урукских додинастических печатей, на которой в сильно сокращенном виде повторяется, видимо, та же композиция, что и на чаше из долины р. Диялы²⁵, по крайней мере, ее центральные мотивы: усмирение диких животных (змей), в котором Иннана-Иштар присутствует в виде своего индекса — многолепестковой розетки, и покровительство над домашними животными — где, по нашему мнению, роль богини (или ее атрибута) исполняет хищная птица (рис. 7, 2). Если наше прочтение верно²⁶, то на других печатях, которые можно отнести к той же сюжетной серии, где присутствие Инанны-Иштар максимально завуалировано, — ее индексами может выступать хищная птица, соотношенная с деталью сакрального ландшафта (хижина/храм/портал со штандартами и копытными животными), или только хищная птица, парящая над парой копытных животных или над «стадом», которое обороняет герой, борющийся с хищником или парой хищников (рис. 7, 3–6).

Невозможно не сопоставить практически идентичные композиции с присутствием всех выше-

упомянутых персонажей на одной из стеатитовых печатей и на фрагменте каменного сосуда из Хафадже (рис. 7, 5, 8). Здесь мы видим сочетание мотивов «герой, терзаемый парой хищников» или «герой — защитник стада» и доминирование «хищной птицы» над копытными животными. При этом если на печати мы видим намек на присутствие Инанны-Иштар только в виде фигуры хищной птицы (рис. 7, 5), то на нижнем фризе сосуда из Хафадже хищная птица парит над сакральным пейзажем — храмовыми структурами в виде порталов (рис. 7, 8).

Заканчивая разбор и опознание взаимосвязанных мотивов «герой, терзаемый парой хищников», «герой — защитник стада», «Хозяйка зверей» и ученного в процессе анализа еще одного мотива — «хищная птица» на материалах изобразительных памятников Месопотамии IV–III тыс. до н. э., укажем лишь на то, что в этот период главный женский персонаж композиций, сочетающих описанные мотивы или их индексы, с высокой степенью вероятности может связываться с богиней Инанной-Иштар. Относительно мужского персонажа — центрального героя, противостоящего хищникам и, в том числе, видимо, гибнущего в результате этого противостояния, следует высказать предположение, что он должен соотноситься с ее вечно умирающим и воскресающим мужем — царем-пастухом Думузи²⁷, который, заметим, по вине богини попадает в подземное царство, и для того, чтобы воскресла она, должен погибнуть сам²⁸.

В обязанности Думузи, как бога/героя-пастуха, входит охрана стада, и противостояние хищникам в этом контексте выглядит логично. Кроме того, как мы постарались показать выше, образ героя, борю-

²⁴ В этом смысле предполагаемое В. В. Емельяновым соотношение всей композиции на сосуде с календарным циклом можно рассматривать как еще один аргумент в пользу нашей интерпретации.

²⁵ Подобное сходство композиций или их деталей на разных категориях предметов не должно удивлять. Обращая внимание на морфологическую и семантическую близость, если не идентичность, композиций, нанесенных на ритуальные предметы: чаши и печати, нужно вспомнить и о том, что их резчиками (мастерами резьбы по камню) были одни и те же люди (Афанасьева, 2007. С. 350). Таким образом, речь идет не только о профессиональных/клановых носителях сакрального знания, на что указывает В. К. Афанасьева (Там же), но и о хранителях изобразительного канона.

²⁶ См. прим. 15.

²⁷ Предлагаемое отождествление главного героя проанализированных сцен совершенно не исключает контаминации в его фигуре образа Думузи с иными, схожими, персонафицированными героями мифопоэтических циклов Ближнего Востока, например, Гильгамешем или Энкиду (или замену одного персонажа на пару близких по роли и функциям). Для нас важно выделить структуру композиции, а для ее описания более всего подходит модель «Инанна — Думузи», которая и используется нами в роли своеобразного индекса, а не прямого наименования (тождества), хотя последнее также может иметь место. Более того, очевидно, что типологически и стадияльно образ бога-пастуха Думузи предшествует образу героя-царя Гильгамеша, на что, конечно, уже обращалось внимание в литературе.

²⁸ Это очень важная коллизия мифопоэтического сюжета, так как именно она может быть определяющей при реконструкции синтактики обрядовых действий и прагматики самого обряда в любых инициационных практиках, выстроенных вокруг этого сюжета. Ср.: Емельянов, 1999. С. 183.

щегося с хищниками или терзаемого ими, регулярно встречается в контексте образов, связанных с Инанной-Иштар. Гибель от лап и клыков хищных существ — классический тип героической смерти в мифологической традиции не только этого периода, но и более позднего времени (ср. с мифом о Дионисе-Загрее), а состояние «растерзанности»²⁹, которое приобретает тело героя, что передается в мифе об Инанне и Думузи через образ злокозненной гибели Думузи в результате нападения на него врагов, разорения его пастушьей стоянки, лишения его человеческого облика и непогребения³⁰, — необходимое и достаточное условие жертвоприношения, нацеленного на поддержание регулярного возрождения установленного миропорядка (ср.: Антонова, 1984. С. 94–96). Связь образа (и изображения) Инанны-Иштар с образами кошачьих хищников³¹ неоднократно подтверждалась находками

соответствующих изображений в ее храмах (Там же. С. 99–100), а имманентное ей ритуальное вероломство по отношению к мужу — пастуху Думузи или предполагаемому партнеру — Гильгамешу получило прямое отражение в соответствующих текстах ассиро-вавилонского эпоса.

Если оглянуться на окружающий евразийский горно-степной пейзаж конца IV–III тыс. до н. э., то невольно возникнет вопрос: где еще можно опознать визуализацию описанного выше сюжета³² или его центральных мотивов? И здесь нам придется вернуться в родные палестины и ощутить, вслед за многими нашими предшественниками, среди которых важнейшим и наиболее точным в своих наблюдениях о природе древнего искусства Южной Сибири вновь оказывается Д. Г. Савинов (Савинов, 2011; 2019), а открывшим и обобщившим в своих работах наибольшее количество образов наскального искусства Алтая — В. Д. Кубарев (Куба-

²⁹ Т. е. — небытия.

³⁰ Сам момент гибели Думузи описан в разных вариантах мифа вариативно (от убийства посланцами подземного мира в собственной овчарне до гибели в реке при попытке переплыть на другой берег к жене и к матери, спасаясь от врагов). Сами враги также представляются ужасными, но не строго персонализированными образами (про них можно сказать, что они принадлежат иному миру, обладают чертами птероморфности, проявляют физическое насилие, обладают «волшебными» атрибутами и доносят непреложную волю хозяйки подземного мира до своей жертвы). Но реконструкция общей картины гибели Думузи включает, что для нас важно, признаки его «расчеловечивания»: трехкратное превращение в животное (в том числе копытное) при попытке спастись от преследователей, лишение атрибутов царского/священного сана, лишение одежды, разбрасываемой и развешиваемой на колючки на берегу реки, и обнажение (см.: Якобсен, 1995. С. 63–78).

³¹ Так как соотнесение образа Инанны-Иштар с типом богинь круга Potnia Theron считается общепризнанным фактом, то, казалось бы, нет особой необходимости специально указывать на ее связь с кошачьими хищниками (Ср. Якобсен, 1995. С. 160) — все более поздние персонализации богинь этого круга обладают подобными или близкими индексами, но в настоящем случае нужно вспомнить и о том, что у Инанны-Иштар есть родная старшая сестра — хозяйка мира мертвых — Эрешкигаль, вероятные изображения которой также часто сопровождаются образами кошачьих хищников (а в эпической традиции — хищных демонов). И здесь, конечно, встает вопрос о том, чьи «верные слуги» растерзали бедного Думузи — «хорошей» или «плохой» сестры? Но для того, чтобы на него ответить, нужно однозначно понять то, что понять практически невозможно — как отделить хищников, сопровождающих Инанну-Иштар в качестве эманации Potnia Theron, от хищных демонов царства Эрешкигаль, посланных вместе с Инанной-Иштар, при ее воскрешении и возвращении на землю, для того, чтобы они поймали и привели замещающую жертву, которой и стал ее супруг Думузи? Это еще одно любопытное указание на амбивалентность природы Инанны-Иштар и, в целом, образов богинь круга Potnia Theron.

Безусловно, наше допущение о причастности к гибели Думузи кошачьих хищников (посланцев Эрешкигаль или спутников Инанны) основано прежде всего на визуальном контексте сюжета — круге разобранных выше изображений на печатях и резных каменных сосудах. Однако и в текстах мифа есть смутные указания на возможность такой ситуации. В одном из плачей Инанны, озаглавленном Т. Якобсеном «Дикий Бык, что Лег На Землю», Думузи выступает в образе «Дикого Быка» = «пастуха» (эпитет Думузи), после гибели которого Инанна причитает следующим образом, обращаясь к виновнику злодеяния: «На ложе его ты пустил шакалов, в овчарне супруга моего ты поселил воронов...» (Якобсен, 1995. С. 70). Образы диких зверей и птиц, выбранные для описания смерти и опустошенного жилища Думузи, структурно соответствуют кошачьим хищникам и хищным птицам синхронной изобразительной традиции.

Ср. с одним из снов Этаны в вавилонском «Сказании об Этане», где он видит львов у подножия трона Иштар, которые устремились к нему при его появлении в чертогах «дома без окна» (Афанасьева, 2007. С. 156).

³² На наш взгляд, тот же сюжет синхронно проявляется на Кавказе — в материалах могильника Клады (курган № 28; Резепкин, 2012. Рис. 53, 1). Невозможно согласиться с интерпретацией центральной фигуры одной из росписей, изображенной в позе роженицы и окруженной вереницей копытных животных, предложенной автором раскопок памятника, А. Д. Резепкиным, вслед за индологом Я. В. Васильковым (мужской персонаж, бог смерти, и т. д.) (Резепкин, 2012. С. 109–110). Естественно, там изображен женский персонаж, вполне четко соотносимый с кругом образов, о которых идет речь в настоящей статье (эта точка зрения уже достаточно давно получила отражение в печати, как минимум в работах А. М. Смирнова (Смирнов, 2006) и Л. С. Клейна (Клейн, 2010. С. 310–312)). Кавказские параллели ближневосточной и сибирской изобразительным традициям конца IV–III тыс. до н. э. — тема для отдельной работы. Здесь же отметим еще одно важное в контексте нашей статьи совпадение: *парные фигуры «собачек»*, располагавшиеся у *головы* покойника в погребении № 5 кургана № 31 (Резепкин, 2012. С. 110, рис. 8 на цв. вклейке).

рев и др., 2005; 2009; 2011), то самое «дыхание передне-восточных цивилизаций», с тем, чтобы не только почувствовать его силу и мощь, но и указать на особенности материализации конкретных мотивов ближневосточного сюжета в композиционных схемах и образном ряду искусства окуневской и каракольской культур, а также синхронного им пласта наскальных изображений Саяно-Алтая.

Первое, что становится очевидным при взгляде на анализируемый изобразительный материал³³, с нашей точки зрения, — это достаточно четкое разделение образов основного женского персонажа при их визуализации на хтоническое, поглощающее начало и небесное/земное, связанное с побуждением к размножению³⁴. Эта важная эволюция заставляет вспомнить о том, что в образной системе шумеро-аккадской мифологии у Инанны-Иштар есть родная старшая сестра — страшная царица подземного царства Эрешкигаль. Не с образами ли ее круга связаны весьма специфические женские эманации из репертуара окуневского и каракольского искусства, фиксируемые, прежде всего, на плитах могил и на «поминальных» стелах, в которых на первый план выходит темное, поглощающее начало, хотя амбивалентный характер этого существа все же прочитывается (рис. 8, 2, 5, 6, 8, 9)? Их основными признаками будут: связь с хтоническими животными и акцентированные элементы птероморфности, как и в Двуречье (ср.: рис. 8, 4, 7).

Наряду с описанными образами, преимущественно в петроглифах Саяно-Алтая и Центральной Азии появляются многочисленные изображения женского персонажа, непосредственно, видимо, связанного с идеей размножения и, возможно, перерождения, — «женщины-дома», как образно, но точно назвал их Д. Г. Савинов (Савинов, 2011)³⁵,

³³ Развернутый анализ каракольско-окуневского пласта изобразительного искусства Саяно-Алтая и Южной Сибири и реконструкция мировоззренческих/мифологических и религиозных представлений, стоящих за ним, в рамках предлагаемой в работе парадигмы заняли бы очень много места и заметно сместили бы акценты общего дискурса в свою пользу. Поэтому ниже мы постараемся схематично, но четко обозначить наиболее важные для логики изложения нашей основной темы аспекты, не приводя развернутую систему доказательств, для полноценного представления которой более подходит монографический жанр.

³⁴ Ср. с образами шумерской мифологии — «Великого Верха», с которого на «Великого Низ» «обратила мысли» Инанна, направляющаяся в подземный мир (Афанасьева, 2007. С. 248).

³⁵ Нужно отметить, что при всей точности наблюдений и сопоставлений Д. Г. Савинова, указавшего очень важные

с подчеркнутыми половыми признаками, причем некоторые из них встречаются в контексте не только стад животных, но и итифаллических фигур воинов и сцен, демонстрирующих coitus (рис. 9, 7–14; 10). Основные признаки подобных образов: подчеркнутый женский пол (показан знак «вульвы», иногда груди), геометризм фигур, стремящихся к прямоугольнику, орнаментальные мотивы, указывающие на материал постройки (по всей видимости, изначально тростник), взаимодействие с предстоящими мужскими персонажами или животными.

Отдельно нужно сказать о знаменитом мотиве «широко рассеившейся госпожи», часто сопровождаемой фигурами быков, на плитах из окуневских погребений и в петроглифах Алтая (рис. 8, 3; 11, 6–9).

направления для дальнейшего исследования образа «женщины-дома» и связанного с этим мотивом круга изображений, есть положение, с которым мы не можем согласиться (ср. прим. 10). Так, поддержанная и развитая им точка зрения А. М. Смирнова (Савинов, 2011. С. 84, рис. 2, 5, 6) — отождествление всех подобных объектов (речь идет о визуализации образа «хижины»/«храма»/«жилища бога», хорошо известного в Двуречье), сопровождающихся изображениями животных, с «хижинами для рождения» — храмами богини Нинтур/Нинхурсаг — матери животного мира, типичного образа «богини-матери», не может быть принята в этом виде по ряду причин. Во-первых, на изображениях подобных храмов в глиптике Двуречья часто четко показаны индексы их принадлежности богине Инанне-Иштар — иероглифы в виде характерных дверных столбов с пустыми петлями (рис. 7, 3, 7; 9, 3, 5. Ср.: Савинов, 2011. Рис. 2, 6). Во-вторых, в целом ряде случаев в петроглифах Центральной Азии и Южной Сибири подобные изображения «женщин-домов» являются элементами композиций, включающих итифаллические фигуры воинов (рис. 9, 7, 8, 10–13), при этом никаких сведений об особой сексуальной активности богини Нинтур/Нинхурсаг или связи ее с обрядом «Священного брака», в отличие от Инанны-Иштар, в мифологической традиции не прослеживается (Якобсен, 1995. С. 127). Однако указанное противоречие может быть снято, если связать с образом Нинтур/Нинхурсаг и ее индекса на изображениях в Двуречье (хижина, украшенная одной или несколькими связками тростника на крыше — см.: Якобсен, 1995. С. 124, прим. 129) только ту группу изображений в петроглифах Калбак-Таша, относящихся к общему типу «женщина-дом», которые сочетаются с изображениями животных, но не с итифаллическими фигурами (рис. 10). Предположение Д. Г. Савинова о том, что разные группы изображений, составляющих композиции с мотивом «женщина-дом», могут иметь различную хронологию (Савинов, 2011. С. 86–88), представляется нам важным и перспективным, но требующим в свете вышесказанного более глубокого анализа с учетом предположительно разной семантики образов.

Отметим также, что одним из авторов настоящей статьи в схожем русле рассуждений была предложена еще одна перспективная интерпретация этого сюжета — сквозь призму женских статуарных изображений БМАК, воплотивших образ божества, с почитанием которого, возможно, связано святилище на горе Калбак-Таш (Черемисин, 2015).

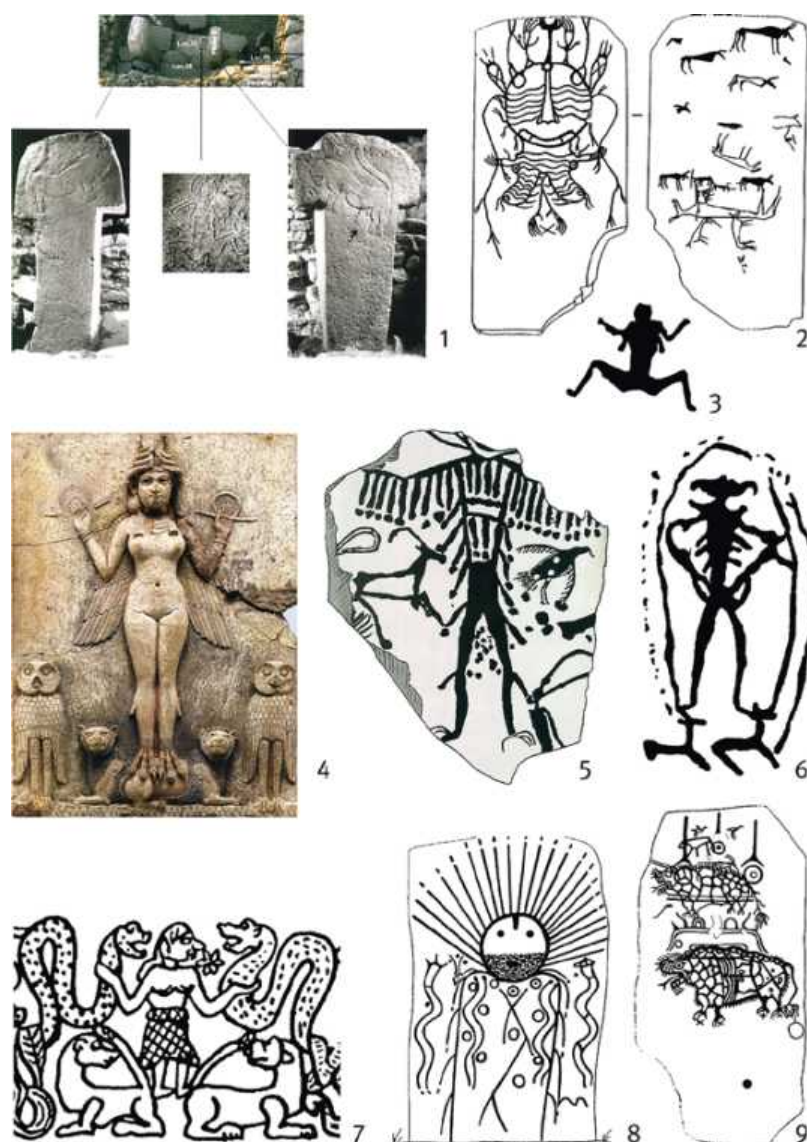

РИС. 8. Сопоставление мотивов, встречающихся в изобразительных памятниках Малой Азии, Двуречья, Саяно-Алтая и Южной Сибири в IX–VII и III–II тыс. до н. э. Мотив «Potnia Theron» с хтоническими признаками/атрибутами. 1 – Гёбекли-тепе, «Здание со львиными стелами». Т-образные столбы с рельефами в виде фигур кошачьих хищников и плита с женским персонажем (по: Азизян, 2021. Рис. 1); 2 – курган Разлив X (по: Leont'ev, Kapel'ko, 2002. S. 65, Taf. 90, Kat. 222); 3 – могильник Сыда V (по: Грязнов, Комарова, 2006. Табл. 12, 1); 4 – Месопотамия, изображение обнаженной богини («Царица Ночи») (по: Beyond Babylon, 2008. Cat. No. 2); 5 – Каракол, курган № 2, погребение № 2, могильная плита № 5 (по: Кубарев, 2009. Рис. 61); 6 – Оглахты I (по: Савинов, 1997. Рис. 76); 7 – долина р. Диялы, фрагмент композиции на внешней стенке сосуда (по: Антонова, 1998. Рис. 18); 8 – улус Ончаков (по: Leont'ev, Kapel'ko, 2002. S. 55, Taf. 11, Kat. 32); 9 – р. Аскиз, плита с изображением (по: Leont'ev, Kapel'ko, 2002. S. 86, Taf. 87, Kat. 219). Масштаб разный

FIG. 8. Comparison of the motifs encountered in the visual art sites of Asia Minor, Mesopotamia, Sayan-Altay and Southern Siberia in the 9th–7th and 3rd–2nd millennium BC. Motif of 'Potnia Theron' with chthonic indexes/attributes. 1 – Göbekli Tepe, 'Building with lion steles'. T-shaped pillars with reliefs representing feline predators and a plate with a feminine figure (after Азизян, 2021. Рис. 1); 2 – barrow Razliv X (after Leont'ev, Kapel'ko, 2002. S. 65, Taf. 90, Kat. 222); 3 – cemetery of Syda V (after Грязнов, Комарова, 2006. Табл. 12, 1); 4 – Mesopotamia, representation of a naked goddess ('Queen of the Night') (after Beyond Babylon, 2008. Cat. No. 2); 5 – Karakol, barrow no. 2, burial no. 2, tombstone no. 5 (after Кубарев, 2009. Рис. 61); 6 – Oglakhty I (after Савинов, 1997. Рис. 76); 7 – valley of the Diyaly River, fragment of the composition on the outer wall of a vessel (after Антонова, 1998. Рис. 18); 8 – ulus Onchakov (after Leont'ev, Kapel'ko, 2002. S. 55, Taf. 11, Kat. 32); 9 – Askiz River, a slab with a representation (after Leont'ev, Kapel'ko, 2002. S. 86, Taf. 87, Kat. 219). Scale varies

1

4

2

5

3

6

7

8

9

10

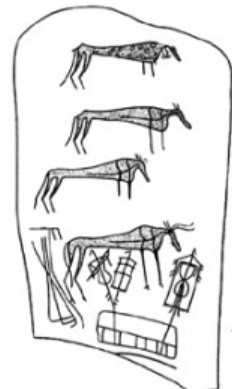
11

12

13

14

РИС. 9. Сопоставление мотивов, встречающихся в изобразительных памятниках Двуречья и Южной Сибири в IV–III тыс. до н. э. Мотивы «Священный брак» и «женщина-дом» и «одноногий у порога» (мотивы coitus). 1, 5 – Месопотамия, изображения на печатях (по: *Афанасьева*, 2007. Табл. XXXIX, 2, 4); 2, 3 – Месопотамия, Урук, изображения на печати (по: *Антонова*, 1998. Рис. 15, 1, 3); 4 – изображение на печати (по: *Антонова*, 1984. Рис. 26, 1); 6 – Тепе Яхья, изображение на печати («Инанна и Думузи») (по: *Lamberg-Karlovsky*, 1981. Fig. 2); 7, 8 – Калбак-Таш I, скала № 2 (по: *Кубарев*, 2011. Кат. № 166, 190); 9 – Цагаан-Салаа V (по: *Кубарев и др.*, 2005. Кат. № 722); 10, 11 – Калбак-Таш I, скала № 2, фрагменты изображений (по: *Кубарев*, 2011. Кат. № 195, 306); 12 – р. Тея, фрагмент стелы (по: *Leont'ev, Kapel'ko*, 2002. S. 76, Taf. 53, Kat. 151); 13 – Чулуут (по: *Кубарев*, 2009. Рис. 155, 3, 4); 14 – оз. Белё, стела с изображениями (по: *Leont'ev, Kapel'ko*, 2002. Abb. 13). Масштаб разный

FIG. 9. Comparison of the motifs encountered in graphic representations from Mesopotamia and Southern Siberia in the 4th–3rd millennium BC. Motifs of the 'Sacred Marriage' or the 'Woman-Home' and 'One-legged near the Porch' (coitus motifs). 1, 5 – Mesopotamia, representations on seals (after *Афанасьева*, 2007. Табл. XXXIX, 2, 4); 2, 3 – Mesopotamia, Uruk, representations on seals (after *Антонова*, 1998. Рис. 15, 1, 3); 4 – representation on a seal (after *Антонова*, 1984. Рис. 26, 1); 6 – Tepe-Yakhya, representation on a seal ('Inanna and Dumuzi') (after *Lamberg-Karlovsky*, 1981. Fig. 2); 7, 8 – Kalbak-Tash I, rock no. 2 (after *Кубарев*, 2011. Кат. no. 166, 190); 9 – Tsagaan-Salaa V (after *Кубарев и др.*, 2005. Кат. no. 722); 10, 11 – Kalbak-Tash I, rock no. 2, fragments of representations (after *Кубарев*, 2011. Кат. no. 195; 306); 12 – Teya River, fragment of a stele (after *Leont'yev, Kapel'ko*, 2002. S. 76, Taf. 53, Kat. 151); 13 – Chuluut (after *Кубарев*, 2009. Рис. 155, 3, 4); 14 – Lake Belyo, stele with representations (after *Leont'yev, Kapel'ko*, 2002. Abb. 13). Scale varies

Изображения «широко рассевшейся госпожи», встречающиеся в Саяно-Алтае и Южной Сибири в описываемый период, в том числе в погребальном контексте, видимо, имеют пограничный характер. Поэтому трудно однозначно соотнести ближневосточный образ женщины с раскрытым лоном, фигура которой часто показывается в сопровождении фигур копытных животных (рис. 11, 1³⁶, 2), с верхним/земным (то есть светлым началом) или нижним миром (темным началом) в реалиях окуневской и каракольской культур. Некоторой семантической подсказкой здесь могут служить очень ранние свидетельства из «Дома со львами» в Гёбекли-тепе (рис. 8, 1), где изображение женщины с раскрытым лоном помещено в портале между двумя львами³⁷ (*Азизян*, 2021. Рис. 1), и синхрон-

ные сцены, известные из глиптики Двуречья (рис. 11, 3, 4), где подобный персонаж показан в контексте скорпионов или в совокуплении со змеей (*Афанасьева*, Табл. XXIX, 66, 69, 73; рис. на с. 289). Кроме того, и сам образ богини Инанны-Иштар, который скрывается в глиптике Двуречья за такими мотивами, как мы уже отмечали выше со ссылкой на В. К. Афанасьеву, связан с агрессивным сексуальным началом (ср.: рис. 11, 5, 9), а связь с ней может быть источником сакрального знания³⁸, а вовсе не причиной деторождения (Там же. С. 321–329; ср.: *Якобсен*, 1995. С. 166–167).

Второе важное изменение связано с тем, что фигура антропоморфного героя, противостоящего

³⁶ Полагаем, что в контексте мотивов этой части композиции, фигура сидящей на корточках женщины, показанная в профиль, может быть семантически соотнесена с образом «широко рассевшейся госпожи».

³⁷ Осознавая имеющиеся сомнения в синхронности изображений женщины в позе «широко рассевшейся госпожи» и пары хищников, мы все же вслед за А. А. Азизян и рядом исследователей Гёбекли-тепе (*Азизян*, 2021. С. 25–27, прим. 2), полагаем, что эти изображения были сознательно сгруппированы таким образом, что получившаяся композиция прочитывалась (хотя бы единожды, в момент создания) руководителем/зрителем/участником инициационных процессов (например, в том виде, в котором их реконструирует А. А. Азизян) однозначным образом. Возможно, хтоническая мифологема, зафиксированная этой композицией, – сочетание «жаждущей богини» с парой хищников кошачьей породы – имеет более древние корни, чем идея сочетания того же образа с мужской особью крупного рогатого скота (с быком), которая, как отмечает Ю. Е. Берёзкин, будет характерна для Восточного Средиземноморья на протяжении чрезвычайно длительного времени, начиная

с периода Pre-Pottery Neolithic B (*Берёзкин*, 2013. С. 170–171), и, очевидно, связана с переходом к производящему хозяйству. Ср. с комплексом представлений, получившим отражение в таком классическом памятнике, как Чатал Хююк (*Антонова*, 1984. С. 88–91). Спорность ряда фиксаций и интерпретаций Дж. Мелларта не меняет принципиально общую картину.

В рамках нашей темы также представляется достаточно важной и убедительной идея А. А. Азизян о значении этой композиции, как «двери»/«входа» в иной мир, что соотносится автором, прежде всего, с инициационными практиками (то есть, с физически обратимой смертью индивида), но, на наш взгляд, может быть соотнесено и с обрядами поминально-погребального характера, связанными с физической смертью индивида (то есть, с исключительно духовно обратимой смертью).

В этом контексте особое значение приобретают и иероглифические символы Инанны-Иштар, связанные с идеей открытия двери, символизирующей бракосочетание, в том числе и в ритуале «Священного брака». См. прим. 23.

³⁸ Так, реализация «Священного брака» с Инанной/Иштар есть заведомое условие поставления на царство и благодати этого царства (*Дьяконов*, 1990. С. 307–309; *Антонова*, 1998. С. 146–147; *Емельянов*, 1999. С. 67).

РИС. 10. Сопоставление мотивов, встречающихся в изобразительных памятниках Двуречья и Южной Сибири в IV–III тыс. до н. э. Мотив «стадо на фоне сакрального пейзажа»/«хижины для рождения». 1 – Хафадже, изображение на чаше (по: Der Alte Orient, 1975. Abb. 71a); 2 – Калбак-Таш I (по: Кубарев, 2011. Рис. 55, 3); 3 – Калбак-Таш I, скала № 2, фрагмент изображения (по: Кубарев, 2011. Кат. № 156). Масштаб разный

Fig. 10. Comparison of the motifs encountered in graphic representations from Mesopotamia and Southern Siberia in the 4th–3rd millennium BC. Motif of 'a herd against the background of a sacral landscape'/'a hut for birth'. 1 – Khafajah, representation on a bowl (after Der Alte Orient, 1975. Abb. 71a); 2 – Kalbak-Tash I (after Кубарев, 2011. Рис. 55, 3); 3 – Kalbak-Tash I, rock no. 2, fragment of the representation (after Кубарев, 2011. Кат. no. 156). Scale varies

хищникам, уходит, как бы на второй план³⁹, либо исчезая вообще (особенно это заметно в композициях на окуневских стелах⁴⁰), либо замещаясь фигурой копытного животного (быка) в петроглифах (за исключением сцен предстояния итифаллических фигур перед фигурами «женщин-домов») или антропоморфа с бычьими чертами («туроцефала»), что более характерно для каракольской погребальной традиции и, шире, для петроглифов Российского и Монгольского Алтая (рис. 12).

При этом парные или одиночные фигуры хищников, часто в контексте присутствия центрального персонажа, скота и хищных птиц, выходят на первый план, что особенно будет характерно для окуневских и каракольских древностей, связанных с циклом погребально-поминальных обрядов (рис. 13).

Актуальными до чрезвычайной степени становятся и образы хищных птиц или миксоморфных существ с чертами человека, птицы и, иногда, хищника (рис. 14) (ср.: Кубарев, 2009. Рис. 44; 61; 62; Липский, Вадецкая, 2006. Табл. XVI; XVII).

Заканчивая на этом обзор и сопоставление изображений, фиксирующихся в материальной культуре, и образов мифопоэтической традиции, зафиксированной письменными источниками, на раннем этапе визуализации мотива «герой, терзаемый парой хищников», отметим несколько важных моментов.

В эпоху энеолита и раннего бронзового века на территории Месопотамии, и Ближнего Востока в целом, фигура центрального героя этой коллизии

³⁹ Естественно, мы говорим в данном случае о сочетании определенных мотивов в рамках обозначенного выше сюжета, при их визуализации в искусстве окуневской и каракольской культур и определенных композициях среди наскальных изображений. Если рассматривать весь пласт синхронных наскальных изображений, то можно, наоборот, заметить возрастающую частоту визуализации вооруженных мужских персонажей – героев, занятых, прежде всего, «военными действиями» (или демонстрирующих обладание оружием, что, несомненно, подчеркивает их половую принадлежность и социальный статус (ср.: Савинов, 2008)). Заметим, что аналогичная эволюция будет характерна и для искусства Переднего Востока, где примерно с середины – второй половины III тыс. до н. э., и особенно во II тыс. до н. э., на первое место выходят мужские образы богов-демиургов и царей-жрецов.

⁴⁰ Та же ситуация будет фиксироваться позднее в изобразительной программе оленных камней, где проявление сущности и фигуры героя, мужчины-воина, за коковую мы чаще принимаем сам камень («столб»), будет, в лучшем случае, индексировано предметами вооружения и деталями костюма, имеющими повышенную семиотическую ценность.

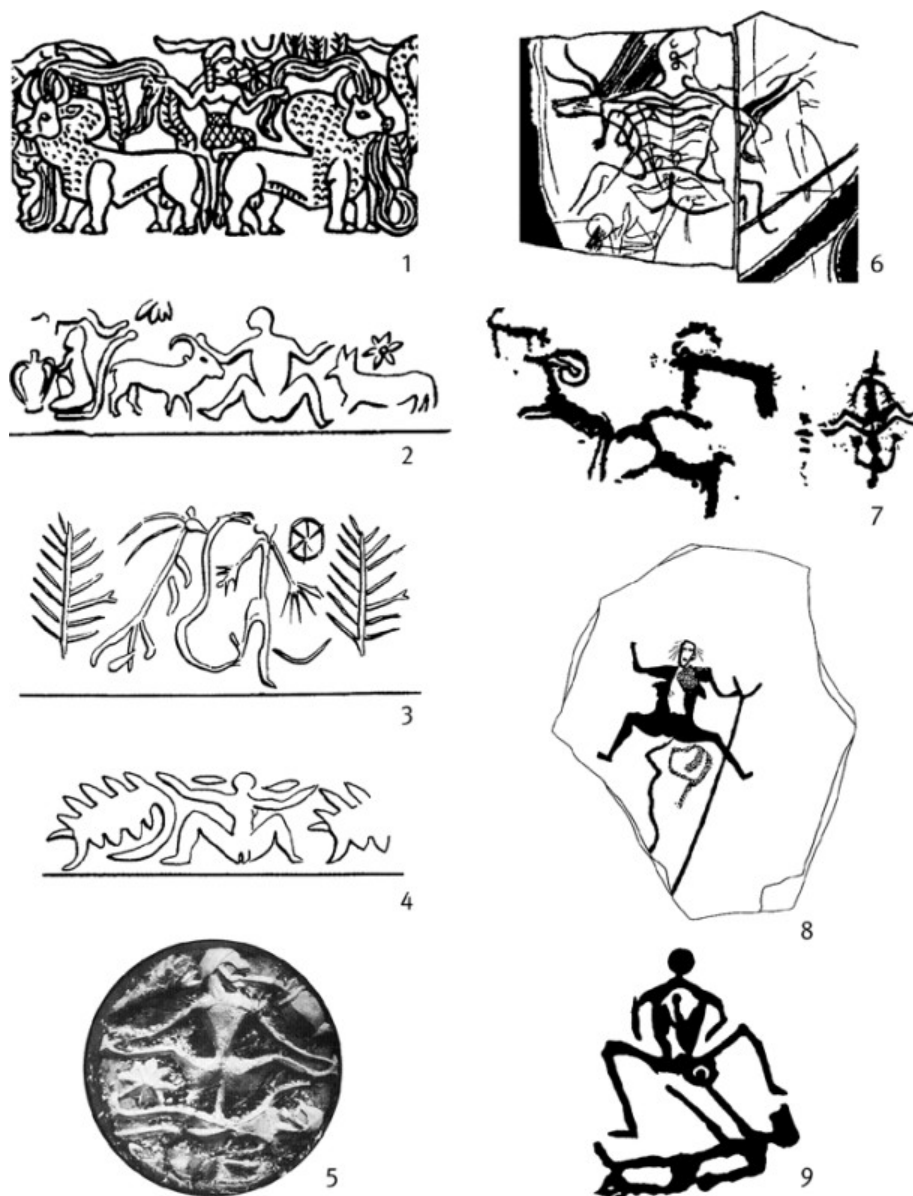

РИС. 11. Сопоставление мотивов, встречающихся в изобразительных памятниках Передней Азии и Южной Сибири в III тыс. до н. э. Мотив «широко рассевшаяся госпожа». 1 – долина р. Диялы, фрагмент композиции на внешней стенке сосуда (по: Антонова, 1998. Рис. 18); 2 – Сузы, изображение на печати (по: Афанасьева, 2007. Табл. VI, 49); 3 – Сузы, изображение на печати (по: Афанасьева, 2007. Табл. XXIX, 66); 4 – Ур, изображение на печати (по: Афанасьева, 2007. Табл. XXIX, 69); 5 – Бахрейн, печать (по: Афанасьева, 2007. С. 325, нижний рисунок); 6 – могильник Черновая VIII, курган № 5, могила № 3, изображение на плите, фрагмент (по: Миклашевич, 2006. Рис. 3); 7 – Цагаан-Салаа IV (по: Кубарев и др., 2005. Кат. № 334); 8 – Могильник Лебяжье, курган № 1 (по: Leont'yev, Kapel'ko, 2002. S. 81, Taf. 67, Kat. 186/1); 9 – Шалаболинская писаница (по: Leont'yev, Kapel'ko, 2002. Abb. 11, 2). Масштаб разный

FIG. 11. Comparison of the motifs encountered in graphic representations from West Asia and Southern Siberia in the 3rd millennium BC. Motif of a 'Widely sprawling Lady'. 1 – valley of the Diyaly River, fragment of the composition on the outer wall of a vessel (after Антонова, 1998. Fig. 18); 2 – Susa, representation on a seal (after Афанасьева, 2007. Табл. VI, 49); 3 – Susa, representation on a seal (after Афанасьева, 2007. Табл. XXIX, 66); 4 – Ur, representation on a seal (after Афанасьева, 2007. Табл. XXIX, 69); 5 – Bahrain, seal (after Афанасьева, 2007. С. 325, the lower drawing); 6 – cemetery of Chernovaya VIII, barrow no. 5, grave no. 3, representation on a slab (after Миклашевич, 2006. Рис. 3); 7 – Tsagaan-Salaa IV (after Кубарев и др., 2005. Кат. no. 334); 8 – cemetery of Lebyazhye, barrow no. 1 (after Leont'yev, Kapel'ko, 2002. S. 81, Taf. 67, Kat. 186/1); 9 – Shalabolino rock art site (after Leont'yev, Kapel'ko, 2002. Abb. 11, 2). Scale varies

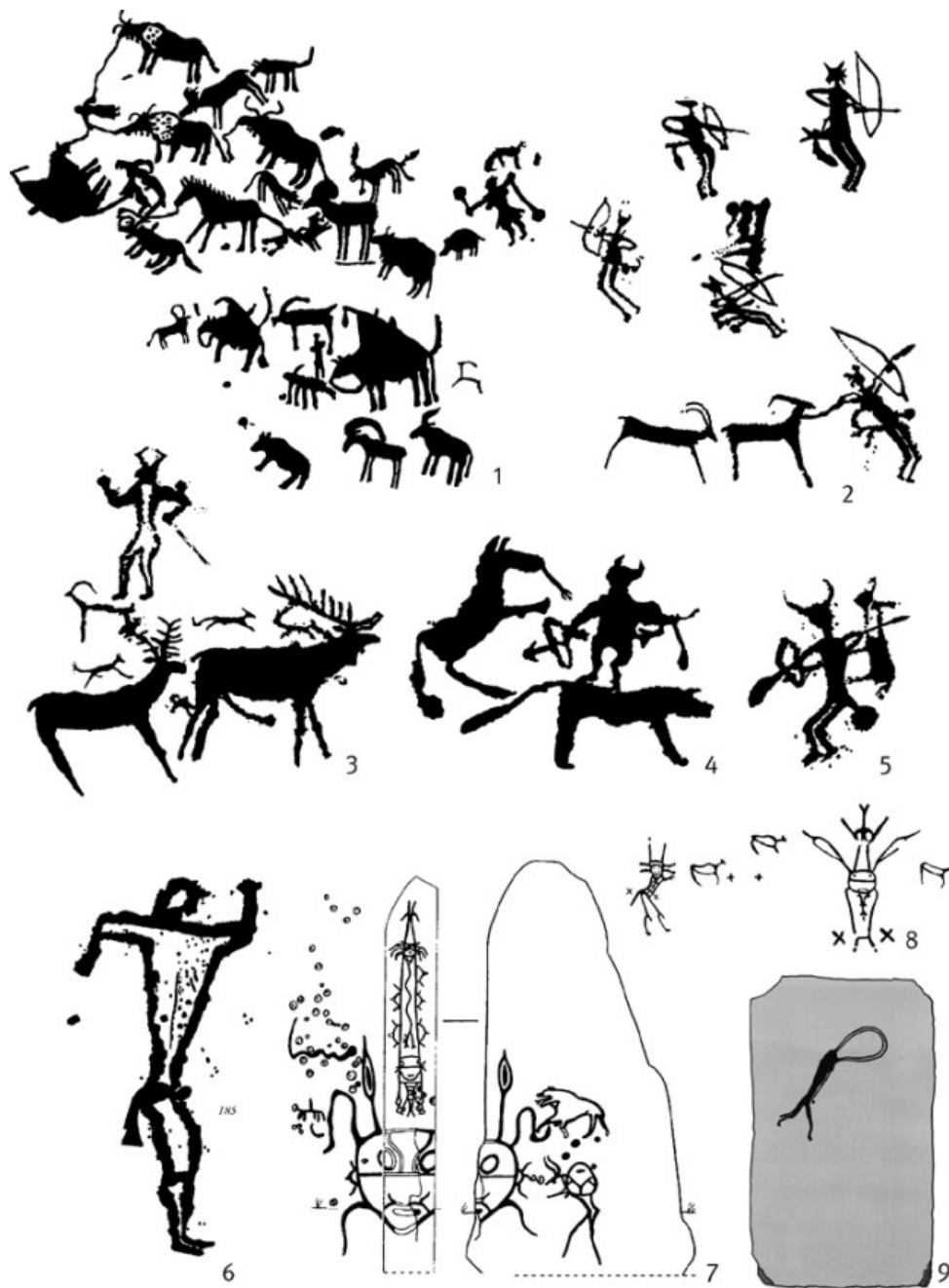

РИС. 12. Мотив «Герой-бык»/«туруцефал» в репертуаре окуневского и каракольского искусства и петроглифов Саяно-Алтая и Южной Сибири. 1 – Бага-Ойгур III (по: Кубарев и др., 2005. Кат. № 1052); 2 – Бага-Ойгур II (по: Кубарев и др., 2005. Кат. № 908); 3 – Цагаан-Салаа IV (по: Кубарев и др., 2005. Кат. № 407); 4 – Бага-Ойгур I (по: Кубарев и др., 2005. Кат. № 830); 5 – Бага-Ойгур II (по: Кубарев и др., 2005. Кат. № 889); 6 – Цагаан-Салаа II (по: Кубарев и др., 2005. Кат. № 185); 7 – Белый Июс, стела с изображениями (по: Leont'ev, Kapel'ko, 2002. S. 95, Taf. 115, Кат. 288); 8 – Коровий лог (по: Шер, 1980. Рис. 63); 9 – Каракол, курган № 2, погребение № 2, плита с изображением (по: Кубарев, 2009. Рис. 47). Масштаб разный

FIG. 12. Motif of the 'Bull-hero' in the repertoire of Okunev and Karakol art and petroglyphs of Sayan-Altay and Southern Siberia. 1 – Baga-Oygur III (after Кубарев и др., 2005. Кат. no. 1052); 2 – Baga-Oygur II (after Кубарев и др., 2005. Кат. no. 908); 3 – Tsagaan-Salaa IV (after Кубарев и др., 2005. Кат. no. 407); 4 – Baga-Oygur I (after Кубарев и др., 2005. Кат. no. 830); 5 – Baga-Oygur II (after Кубарев и др., 2005. Кат. no. 889); 6 – Tsagaan-Salaa II (after Кубарев и др., 2005. Кат. no. 185); 7 – Bely Iyus, stele with representations (after Leont'yev, Kapel'ko, 2002. S. 95, Taf. 115, Кат. 288); 8 – Koroviy Log (after Шер, 1980. Рис. 63); 9 – Karakol, barrow no. 2, burial no. 2, slab with a representation (after Кубарев, 2009. Рис. 47). Scale varies

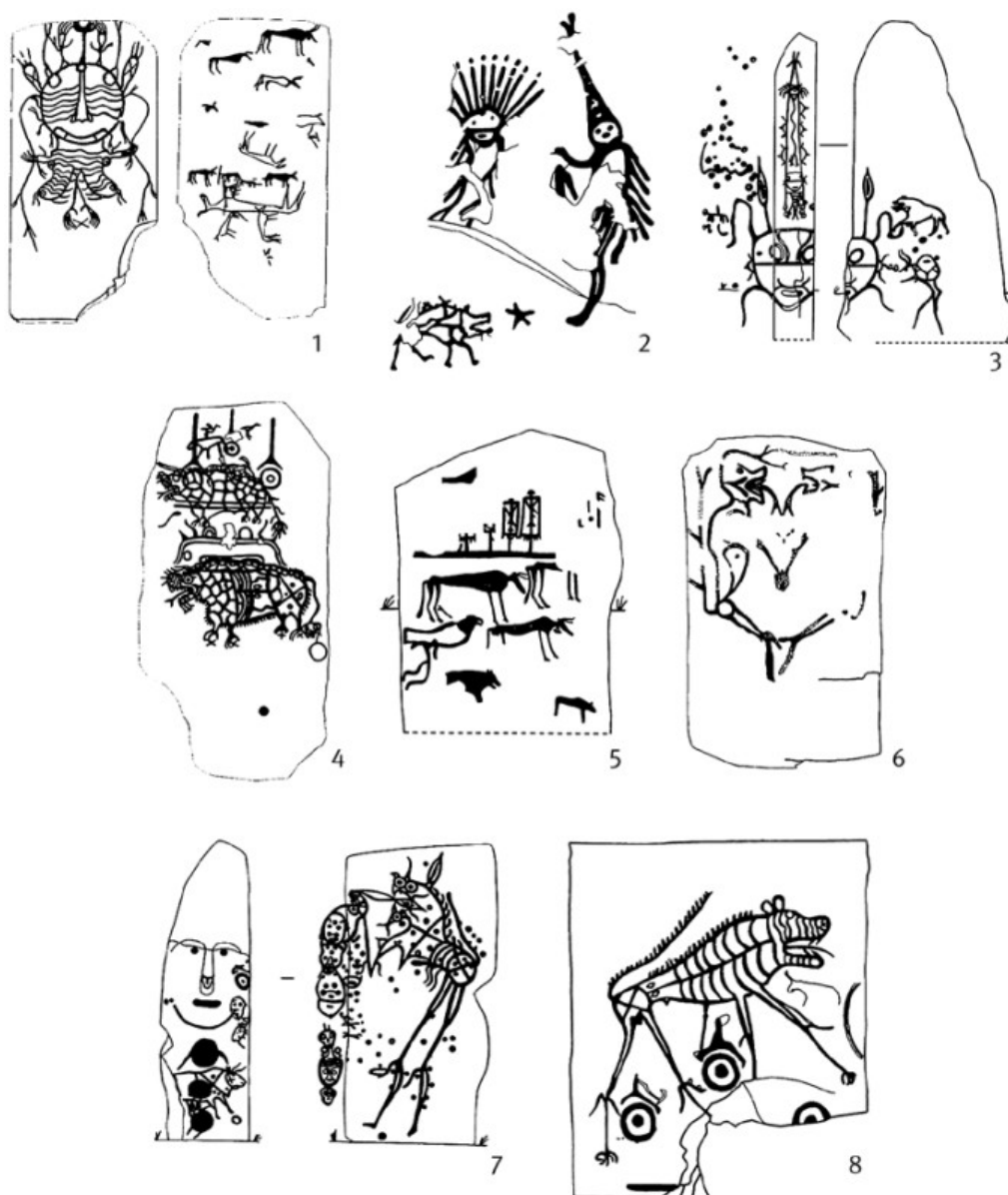

РИС. 13. Мотив «парные/одиночные хищники» в композициях с «центральным персонажем» в репертуаре окуневского и каракольского искусства и петроглифов Саяно-Алтая и Южной Сибири. 1 – курган Разлив X (по: *Leont'ev, Kapel'ko*, 2002. S. 65, Taf. 90, Kat. 222); 2 – Кантегир (по: *Leont'ev, Kapel'ko*, 2002. Abb. 5); 3 – Белый Июс, стела с изображениями (по: *Leont'ev, Kapel'ko*, 2002. S. 95, Taf. 115, Kat. 288); 4 – р. Аскиз, стела с изображениями (по: *Leont'ev, Kapel'ko*, 2002. S. 86, Taf. 87, Kat. 219); 5 – чаатас Кызласов (по: *Leont'ev, Kapel'ko*, 2002. S. 91, Taf. 103, Kat. 255); 6 – могильник Верхний Аскиз I, курган № 2, могила № 1, плита с изображениями (по: *Leont'ev, Kapel'ko*, 2002. S. 88, Taf. 93, Kat. 230); 7 – Белый Июс, стела с изображениями (по: *Leont'ev, Kapel'ko*, 2002. S. 75, Taf. 50, Kat. 141); 8 – могильник Черновая VIII, курган № 4, могилы № 7, 8, плита с изображениями (по: *Leont'ev, Kapel'ko*, 2002. S. 72, Taf. 41, Kat. 117). Масштаб разный

FIG. 13. Motif of 'paired/single predators' in compositions with a 'central character' in the repertoire of Okunev and Karakol art and petroglyphs of Sayan-Altay and Southern Siberia. 1 – barrow Razliv X (after *Leont'yev, Kapel'ko*, 2002. S. 65, Taf. 90, Kat. 222); 2 – Kantegir (after *Leont'yev, Kapel'ko*, 2002. Abb. 5); 3 – Bely Iyus, (after *Leont'yev, Kapel'ko*, 2002. S. 95, Taf. 115, Kat. 288); 4 – Askiz River, stele with representations (after *Leont'yev, Kapel'ko*, 2002. S. 86, Taf. 87, Kat. 219); 5 – Kyzlasov chaatas (after *Leont'yev, Kapel'ko*, 2002. S. 91, Taf. 103, Kat. 255); 6 – cemetery of Upper Askiz I, barrow no. 2, grave no. 1, slab with representations (after *Leont'yev, Kapel'ko*, 2002. S. 88, Taf. 93, Kat. 230); 7 – Bely Iyus, stele with representations (after *Leont'yev, Kapel'ko*, 2002. S. 75, Taf. 50, Kat. 141); 8 – cemetery of Chernovaya VIII, barrow no. 4, graves nos. 7, 8, slab with representations (after *Leont'yev, Kapel'ko*, 2002. S. 72, Taf. 41, Kat. 117). Scale varies

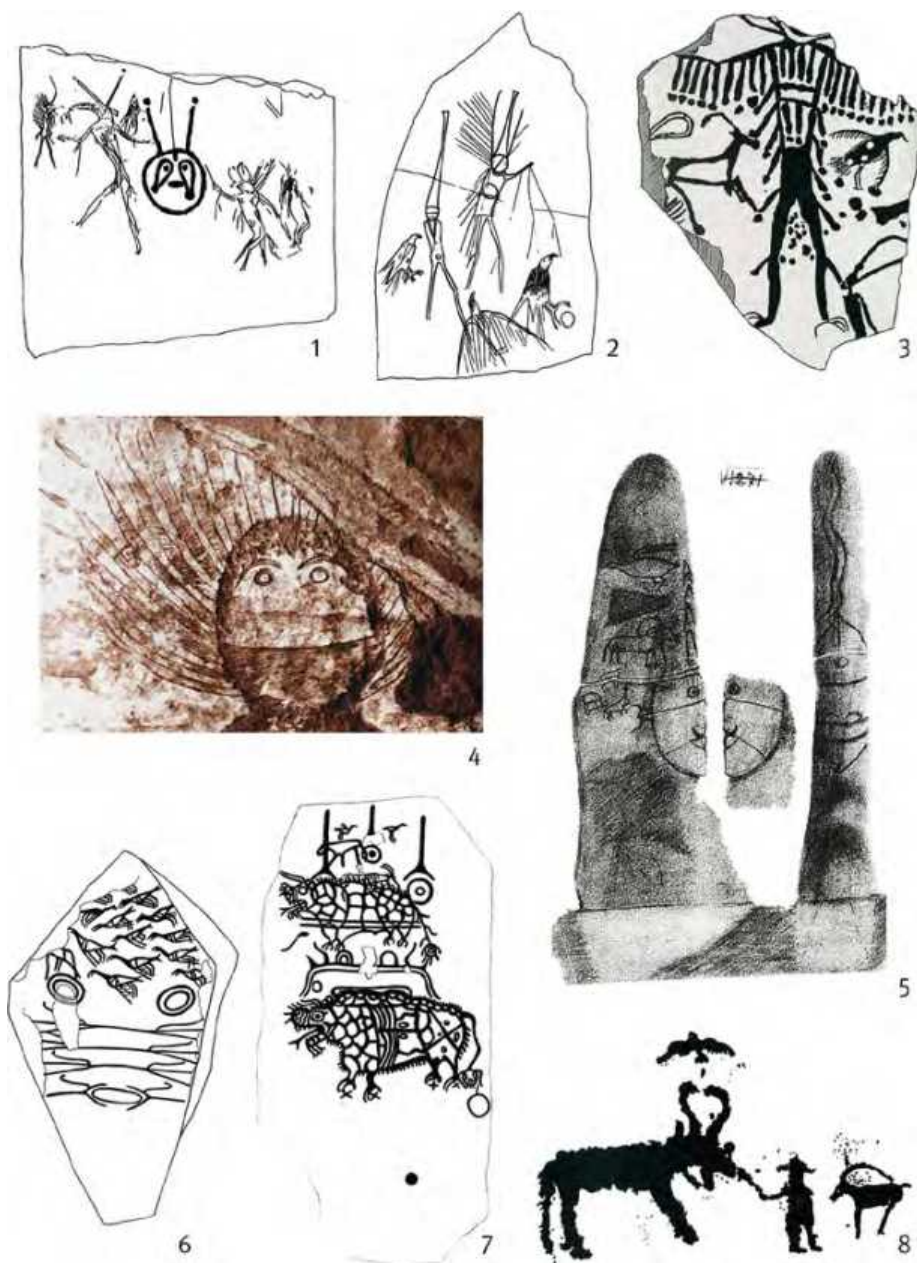

РИС. 14. Мотив «хищная птица»/«птероморфный персонаж» в репертуаре окуневского и каракольского искусства и петроглифов Саяно-Алтая и Южной Сибири. 1 – Тас Хазаа, могила № 1, верхняя плита (по: Липский, Вадецкая, 2006. Табл. XVI, 2); 2 – Тас Хазаа, могила № 1, нижняя плита (по: Липский, Вадецкая, 2006. Табл. XVII); 3 – Каракол, курган № 2, погребение № 2, гравировка на могильной плите № 5 (по: Кубарев, 2009. Рис. 61); 4 – Беш-Озек, погребение № 1, плита № 3 (по: Кубарев, 2009. Рис. 124); 5 – Знаменка, стела (по: Ожередов, 2006. Рис. 2); 6 – улус Бутрахта, плита с изображениями (по: Leont'ev, Kapel'ko, 2002. S. 74, Taf. 45, Kat. 129); 7 – р. Аскиз, плита с изображениями (по: Leont'ev, Kapel'ko, 2002. S. 86, Taf. 87, Kat. 219); 8 – Бага-Ойгур IV (по: Кубарев и др., 2005. Кат. № 1258). Масштаб разный

FIG. 14. Motif of 'bird of prey'/'pteromorphous figure' in the repertoire of Okunev and Karakol art and petroglyphs of Sayan-Altay and Southern Siberia. 1 – Tas Khazaa, grave no. 1, upper slab (after Липский, Вадецкая, 2006. Табл. XVI, 2); 2 – Tas Khazaa, grave no. 1, lower slab (after Липский, Вадецкая, 2006. Табл. XVII); 3 – Karakol, barrow no. 2, burial no. 2, engraving on tombstone no. 5 (after Кубарев, 2009. Рис. 61); 4 – Besh-Ozek, burial no. 1, slab no. 3 (after Кубарев, 2009. Рис. 124); 5 – Znamenka, stele (after Ожередов, 2006. Рис. 2); 6 – ulus Butrakhta, slab with representations (after Leont'ev, Kapel'ko, 2002. S. 74, Taf. 45, Kat. 129); 7 – Askiz River, slab with representations (after Leont'ev, Kapel'ko, 2002. S. 86, Taf. 87, Kat. 219); 8 – Baga-Oygur IV (after Кубарев и др., 2005. Кат. no. 1258). Scale varies

преимущественно сохраняет антропоморфные черты, при определенной доле зооморфизма, а в записанной мифоэпической традиции его образ может быть соотнесен с конкретными богами или эпическими героями.

В изобразительной практике Центральной Азии и Южной Сибири, при общей тенденции к господству антропоморфных персонажей в наскальном искусстве, достаточно четко видна тенденция к преобладанию зооморфных черт центрального персонажа рассматриваемого мотива, что особенно ярко проявляется в сценах, зафиксированных сложными многоуровневыми композициями, нанесенными на плиты погребальных сооружений каракольской и окуневской культур и на окуневские стелы, погребально-поминальный контекст которых не столь очевиден, и, скорее, может быть прочитан, как своего рода храмово-алтарный.

Более того, в отличие от предельной четкости воплощения мотива «герой, терзаемый парой хищников» и его сжатости, почти до индекса, характерной для изобразительных памятников Двуречья, в изобразительности Центральной Азии и Южной Сибири мотив, с одной стороны, размывается включением в композиции с его присутствием многочисленных деталей, отражающих их повествовательный характер (рассказ мифа через визуальные образы, своего рода текст, записанный пиктографически), с другой стороны, максимальная зооморфизация центрального героя (его заменяет «туроцефал») смещает акценты таким образом, что его фигура постепенно исчезает из центра рассказа, становясь одной из целого ряда других фигур, включенных в картину образного и многопланового повествования⁴¹.

Именно поэтому исследуемый нами мотив в Центральной Азии и Южной Сибири представлен в обоих контекстах (погребально-поминальном и храмово-алтарном) не так четко, как на Ближнем Востоке, что, несомненно, может быть связано с не совсем пока ясным характером трансляции духовных идей на столь протяженные расстояния и особенностей их рецепции в местных условиях. Од-

нако множачиися год от года свидетельства тесных связей афанасьевской и окуневской археологических культур с синхронными и типологически идентичными культурами западного ареала горно-степной полосы Евразии, а через них и с цивилизациями древней Передней Азии и Ближнего Востока, а также очевидные связи с культурами-ретрансляторами Средней Азии, дают надежду на то, что и на уровне трансляции и трансформации комплекса взаимосвязанных идей (идеологии/мировоззрения/религии) мы, со временем, сможем представить более четкие доказательства взаимосвязи двух культурных социумов Центральной Азии и Ближнего Востока.

Часть II. Поздний этап визуализации мотива

Примерно с первой половины – середины II тыс. до н. э. фиксируются те «тектонические сдвиги», которые последовательно (через череду миграций, катастроф и завоеваний) приведут к закату центральные и периферийные общества бронзового века в разных концах Евразии. На смену им придут сообщества железного века, с новыми технологиями, новой сетью культурных связей, часто иной экономикой и обновленным культурным потенциалом. Одним из ярких явлений этого нового времени будет формирование вереницы культур «скифского типа» у подвижных скотоводческих сообществ начала I тыс. до н. э., растянувшейся по горно-степной полосе Евразии от границ древнекитайских государств до рубежей античных колоний Северного Причерноморья и Кавказа. Культур, чьи достаточно монолитный облик и однообразное идеологическое содержание, казалось бы, демонстрируют иные мировоззренческие концепции с четкой внутренней структурой.

Однако и в этот сложный, трансформационный период нам удастся проследить бытование исследуемого сюжета и его основных мотивов в изобразительных памятниках Передней Азии, Средиземноморья и Центральной Азии, понимая под последней, в первую очередь, интересующий нас субрегион Саяно-Алтае-Хангайского нагорья.

Наиболее последовательным образом, на наш взгляд, мотивы сюжета «исчезающий герой» воплощаются на исходной территории его формирования – в изобразительности Передней Азии (рис. 15). Отметим, что ключевым мотивом для этого культурно-географического пространства будет выступать мотив «Potnia Theron» – «Влады-

⁴¹ Развернутому анализу каракольской и окуневской изобразительных традиций в этом ключе будет посвящена отдельная работа. В настоящей же статье лишь указаны важнейшие концепты, необходимые для непрерывного рассмотрения истоков и судьбы мотива «герой, терзаемый парными хищниками» на протяжении столь длительного периода (от энеолита до раннего железного века).

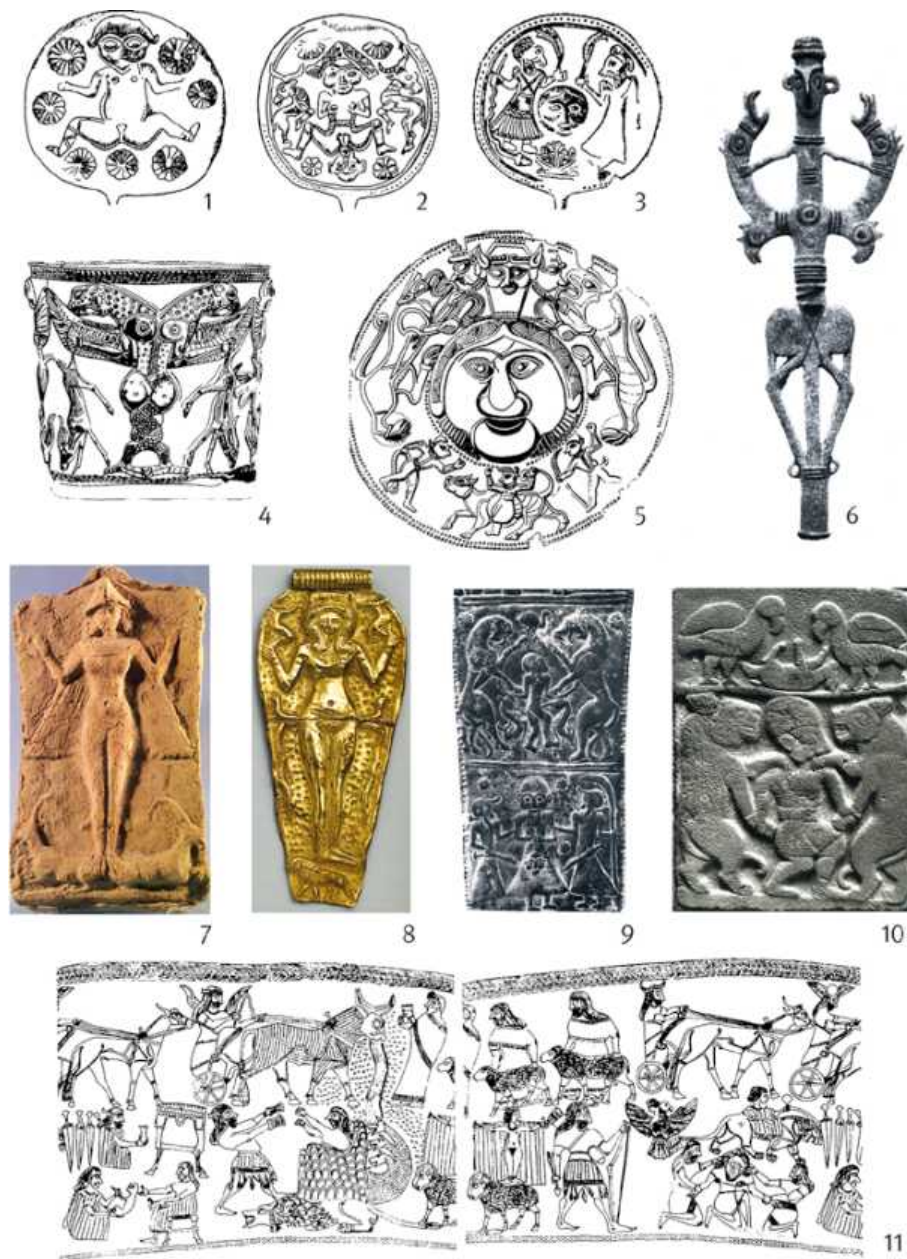

РИС. 15. Сюжет «исчезающий герой» и мотивы, к нему относящиеся, в изобразительных традициях Передней Азии II – начала I тыс. до н. э. 1–3 – Луристан, навершия булавок (по: Антонова, 1984. Рис. 11, 8, 12; 19, 13); 4 – Амлаш, изображение на золотом кубке (по: Brentjes, 1982. S. 63); 5 – Луристан, эмблема щита (по: Brentjes, 1982. S. 69); 6 – Луристан, навершие (по: Brentjes, 1982. Foto 23); 7 – финикийские мастерские, изображение Иштар (по: Gray, 1982. P. 81); 8 – Минет эль-Бейда, «Хозяйка зверей»/Астарта (по: Beyond Babylon, 2008. Cat. No. 214); 9 – Район Кух-и-Дашт, накладка на колчан, фрагмент (по: Der Alte Orient, 1975. Abb. 317b); 10 – Кара-тепе/Асланташ, рельеф ортостата (по: Yazici, 2015. P. 72); 11 – Хасанлу, IV слой, декор золотого кубка (по: Der Alte Orient, 1975. Fig. 112). Масштаб разный

FIG. 15. Subject of the ‘vanishing hero’ and motifs related with it in the figurative traditions of West Asia in the 2nd – beginning of the 1st millennium BC. 1–3 – Luristan, pin heads (after Антонова, 1984. Рис. 11, 8, 12; 19, 13); 4 – Amlash, representation on a gold goblet (after Brentjes, 1982. S. 63); 5 – Luristan, emblem on a shield (after Brentjes, 1982. S. 69); 6 – Luristan, finial (after Brentjes, 1982. Foto 23); 7 – Phoenician workshops, representation of Ishtar (after Gray, 1982. P. 81); 8 – Minet el-Beida, ‘Lady of Beasts’/Astarte (after Beyond Babylon, 2008. Cat. no. 214); 9 – region of Kuh-i-Dasht, quiver mount, fragment (after Der Alte Orient, 1975. Abb. 317b); 10 – Karatepe/Aslantaş, relief of an orthostat (after Yazici, 2015. P. 72); 11 – Khasanlu, layer IV, decoration of a gold goblet (after Der Alte Orient, 1975. Fig. 112). Scale varies

чица зверей», об амбивалентном характере образа которой уже шла речь выше. Причем заметно возрастает количество эманаций этого образа — знакомая уже нам по памятникам III тыс. до н. э. ипостась «Инанна-Иштар» (рис. 15, 1, 5 (нижняя часть рисунка, в центре), 7, 8, 11 (нижний регистр, фигура на баранах, в центре, фигура на льве справа)), дополняется как явно хтонической ипостасью типа «Эрешкигал» (рис. 15, 4), так и как будто бы «рожающей богиней-матерью»⁴², что было категорически не характерно для визуализации предыдущего тысячелетия (рис. 15, 2).

Еще одна важная закономерность, проявляющаяся преимущественно в изображениях, связанных с кругом древностей типа «луристанских бронз», — это антропоморфизация спутников богини, впрочем, сохраняющих некоторые странные/животные(?) черты в своем облике, и наделение их специфическими атрибутами (рис. 15, 3, 5 (фланкируют нижнюю сцену композиции)). Интересно, что как минимум на двух предметах из Луристана спутники богини представлены параллельно в антропоморфном и зооморфном обликах в соседних сценах⁴³ (рис. 15, 5, 9).

Достаточно широко в изобразительности Передней Азии в этот период представлен и основной наш мотив — «герой, терзаемый парой хищников» (рис. 15, 5 (верхняя сцена композиции), 6, 9 (верхний регистр⁴⁴), 10).

Важным изменением композиций, передающих, на наш взгляд, сюжет «исчезающий герой», становится определенная трансформация образа

⁴² На навершии этой луристанской булавки (рис. 15, 2) помещена достаточно любопытная композиция: женский персонаж в позе «широко расставшейся госпожи», фланкированный фигурами козлов и окруженный четырьмя многолепестковыми розетками (указание на образ Инанны-Иштар?), «рожает» голову взрослого мужчины. Учитывая семантику позы, разобранный выше, присутствие в сцене определенного рода копытных животных и возраст «ребенка», рискнем предположить, что общая семантика этой композиции не связана с родами вообще, а таким купированным образом передано соитие агрессивной богини с ее любовником, примеры чему хорошо известны в развернутых композициях более раннего времени (ср.: рис. 11, 5, 7, 9).

⁴³ На наш взгляд, это может быть связано с развитием сюжета при развернутом визуальном повествовании, что достаточно внятно прочитывается и в том, и в другом случае, если рассматривать их как визуализацию мифа об Инанне и Думузи или подобного мифологического сюжета.

⁴⁴ Впрочем, в нижнем регистре, на наш взгляд, представлен тот же сюжет, но в более раннем эпизоде — приход посланцев подземного мира за Думузи (все персонажи еще в антропоморфном облике, в отличие от сцены в верхнем регистре).

и роли хищной птицы: теперь ее изображение нередко удваивается (пара птиц), а характер роли однозначно указывает на активное участие в терзании⁴⁵ (ср.: рис. 15, 10).

Уникальной по своей сложности и содержательности является композиция на золотом кубке из IV слоя Хасанлу⁴⁶, в сюжетных линиях которой достаточно заметно выделяются интересующие нас мотивы (рис. 15, 11 (нижний регистр, от центра вправо)). Среди мотивов, которые, на наш взгляд, могут быть названы, — это, вероятно, мотив «Священного брака» (левая часть указанного фрагмента композиции) и переданный в своеобразном ключе мотив «терзания героя парой хищников»⁴⁷ (правая часть указанного фрагмента композиции), сочетающийся с мотивом «Инанна-Иштар» (женская фигура на льве) и мотивом «хищная птица» (птица, уносящая душу умершего Думузи?)⁴⁸.

Если обратиться к сравнительному материалу средиземноморского региона (рис. 16), то окажется, что и там интересующий нас сюжет и его мотивы представлены во всей полноте⁴⁹. В свое время один

⁴⁵ Дубликацию или умножение количества фигур хищных птиц в подобных сценах мы наблюдали и ранее, на ряде изобразительных памятников III тыс. до н. э., однако там еще не было такой четкой связи парности птиц и мотива терзания, каковые мы наблюдаем во II тыс. до н. э. и особенно в I тыс. до н. э., в том числе, когда их образы будут заменяться образами орлиноголовых грифонов.

⁴⁶ Анализ семантики этой композиции посвящена обширная литература, однако консолидированного мнения о том, что же именно изображено и единый ли это вообще сюжет, среди исследователей нет (см. обзор мнений: Курочкин, 1974). Смелая для своего времени попытка — связать воедино все присутствующие на чаше изобразительные мотивы в единый повествовательный цикл, была предпринята Г. Н. Курочкиным (Там же), интерпретировавшим их в общем сюжетном ключе гимнов Авесты (образов божеств и их функций). Из всего его прочтения нам представляется интересным и перспективным сопоставление женского божества с иранской Анахитой (облик и функции которой, вполне соотносятся с обликом и функциями Инанны-Иштар и целого круга женских божеств типа Potnia Theron) (Там же. С. 39–40). Остальные его отождествления представляются нам чрезвычайно натянутыми, в особенности, в части рассуждений о Хаоме.

⁴⁷ В данном случае враги героя имеют антропоморфный облик.

⁴⁸ Развернутая аргументация высказанных нами предположений об интерпретации сюжетной линии композиции на чаше из Хасанлу — тема отдельной работы (Н. С.).

⁴⁹ Это не должно удивлять, так как взаимосвязи древних обществ Средиземноморья и Греции, в частности, с регионом Передней Азии хорошо известны в этот период и фиксируются по множеству признаков — инноваций в материальной и духовной культуре. Недавно опубликованные аналитические статьи С. А. Зинченко, сочетающие критический обзор существующих мнений с верной постановкой

из соавторов, Д. В. Черемисин, обратил внимание на любопытный мотив, хорошо отраженный в греческой вазописи геометрического стиля, и показавшийся ему очень знакомым, — терзание хищниками антропоморфного персонажа, и собрал наиболее показательные примеры его визуализации (рис. 16, 2 а–д). Трудно не заметить, что при определенной вариативности визуализации в Средиземноморье этот мотив полностью совпадает с основным исследуемым мотивом в нашей работе — «герой, терзаемый парой хищников».

Еще более интересные параллели дают изображения на беотийских фибулах с «мифологическими сюжетами» (рис. 16, 1 а–в, 3–5), корпус которых был, в свое время, опубликован Р. Хампе (Hampe, 1936). Впервые, в интересующем нас ключе, на них обратил внимание Д. Г. Савинов, неоднократно привлекая к рассмотрению этот богатый изобразительный материал в своих работах, посвященных исследованию образа и природы хтонического хищника конца эпохи бронзы – начала раннего железного века в Центральной Азии и, шире, в Евразии (Савинов, 1994, 1998 и др.). Сейчас нам бы хотелось сместить акценты с образа хищника на общую структуру и содержание этих композиций. А они очень показательны в плане нашего исследования, и даже нарочито демонстративны!

Обратим внимание на щиток крупной фибулы в форме полумесяца, композиция на котором выстроена вокруг центральной розетки (рис. 16, 1 б). Слева и справа от нее мы видим две сцены, каждая из которых выглядит законченной, но они, несомненно, связаны общим повествовательным сюжетом. Слева располагаются парные женские фигуры, держащие в руках водоплавающих(?) птиц, их окружают изображения рыб, птиц и змеи, что в совокупности указывает на сакральный характер сцены, связанный, видимо, с образом какого-то женского божества⁵⁰ (рис. 16, 1 а). Справа мы видим уже хорошо знакомую нам сцену, фиксирующую мотив «противостояния героя и хищника», в контексте птиц (сверху) и рыб (снизу) (рис. 16, 1 в). Если сделать поправку на особенности визуализации указанных мотивов в Средиземноморье (появление

вопросов и заслуживающими внимания авторскими наблюдениями, во многом, посвящены интересующему и нас вопросу (образу Potnia Theron). Поэтому просто отошлем заинтересованного читателя к указанным работам, чтобы не повторять здесь часть их выводов (Зинченко, 2016; 2018а; 2018б; 2019).

⁵⁰ Возможно, имеющего хтоническую или амбивалентную природу.

в композиции рыб и замена хищных птиц на водоплавающих(?)⁵¹), то перед нами предстанет уже известный архаический сюжет, впервые фиксируемый еще в росписи чаши из Телль-Арпачии (ср.: рис. 5, 1 ж, 2). Учитывая все предыдущие рассуждения, можно безошибочно назвать если не имя⁵², то образ и функции того женского божества, вокруг которого выстроена структура повествования в композиции на щитке фибулы, — несомненно, это одна из ипостасей Potnia Theron, с ее агрессивно-сексуальными функциями покровительницы зверей, и образ которой мы можем регулярно наблюдать в вазописи и торевтике архаического периода (рис. 16, 8, 9).

На серии беотийских фибул с прямоугольным щитком, изображения на который нанесены с обеих сторон (рис. 16, 3–5), мы видим продолжение или вариации того сюжета (представленные в виде парных мотивов на противоположных сторонах щитка), который мы описали выше. Здесь повествование сжато до двух критических смысловых точек, которые можно обозначить как «предстояние жертвы/жертвователя перед божеством» и непосредственно процесс «жертвоприношения». Указанные примеры важны для нас тем, что раскрывают исследуемый сюжет не только на уровне мифа, но и на уровне обряда — кроме героя, физически исчезающего в пастях двух хищников (мифологема жертвенной гибели героя в честь/во спасение женского божества, индексированного парой кошачьих хищников) (рис. 16, 3), мы можем говорить о моменте фиксации изоморфизма антропоморфной и зооморфной жертвы — жертвой становится не только герой, но его может заменить его конь⁵³ (рис. 16, 4, 5).

⁵¹ Возможно, заменяющих в этом случае и образы копытных животных, присутствующих в подобных сценах в других частях Евразии.

⁵² Относительно наименования этой богини отметим только то, что ее образ удачнее всего может быть сопоставлен с богиней Артемидой греческого пантеона, образ и функции которой соотносятся с образом и функциями Potnia Theron. Вспомним о любопытной, в свете наших рассуждений, спартанской традиции — сечь до крови на ее алтаре молодых мальчиков (обряды инициационного цикла).

⁵³ А это уводит нас уже в дебри индоевропейской традиции жертвоприношений, связанной с ритуалами поставления царя на царство, классическим воплощением которой является ведийский обряд ашвамедхи. В скифскую эпоху конь — основная жертва в погребально-поминальном цикле ритуалов. При этом, как минимум с эпохи поздней бронзы, в горно-степной зоне Евразии достаточно четко прослеживается изоморфизм антропоморфного героя и оленя (подробнее см.: Смирнов, 2018).

РИС. 16. Сюжет «исчезающий герой» и мотивы, к нему относящиеся, в изобразительных традициях Средиземноморья II – начала I тыс. до н. э. 1a–в, 3–5 – Беотия, изображения на щитках фибул (по: *Hampe*, 1936. Kat. Nos. 40, 58, 100, 103); 2 – сцены терзания героя парой хищников (составлено Д. В. Черемисиным по разным источникам); 6 – Танагра, роспись саркофага, фрагмент (по: *Hampe, Simon*, 1981. Fig. 61); 7a, б – Арханес, «модель» круглого храма с фигурой богини внутри и ее спутников с кошачьим хищником на крыше (по: *Hampe, Simon*, 1981. Fig. 78; 79); 8 – Родос, «Госпожа зверей»/Артемида (по: *Hampe, Simon*, 1981. Fig. 322); 9 – Беотия, роспись амфоры («Госпожа зверей») (по: *Hampe, Simon*, 1981. Fig. 245); 10 – могила на Ареопаге, Афины, изображение на пиксиде (по: *Hampe, Simon*, 1981. Fig. 338). Масштаб разный

FIG. 16. Subject of the 'vanishing hero' and motifs related with it in the figurative traditions of the Mediterranean in the 2nd – beginning of the 1st millennium BC. 1a–v, 3–5 – Boeotia, representations on the plates of fibulae (after *Hampe*, 1936. Kat. Nos. 40, 58, 100, 103); 2 – scenes of the tearing to pieces of the hero by a pair of predators (compiled from various sources by D. V. Cheremisin); 6 – Tanagra, painting of a sarcophagus, fragment (after *Hampe, Simon*, 1981. Fig. 61); 7a, б – Archanes, 'model' of a round temple with a figure of a goddess inside and 'paredroi' with a feline predator on the roof (after *Hampe, Simon*, 1981. Fig. 78; 79); 8 – Rhodes, 'Lady of Beasts'/Artemis (after *Hampe, Simon*, 1981. Fig. 322); 9 – Boeotia, amphora painting 'Lady of Beasts' (after *Hampe, Simon*, 1981. Fig. 245); 10 – grave on the Areopagus, Athens, representation on a pyxis (after *Hampe, Simon*, 1981. Fig. 338). Scale varies

Характерными представляются нам и среди земноморские визуализации женского божества в сценах, сопоставимых с мотивом «Священного брака» (рис. 16, б, 7 а, б). В одном случае на оссуарии (саркофаге) мы видим сцену предстояния героя в образе мощного человекобыка⁵⁴ перед богиней, рядом с некой алтарной(?) конструкцией, по абрису более всего напоминающей колонну⁵⁵ (рис. 16, б). В другом случае мы сталкиваемся со средиземноморским вариантом визуализации (рис. 16, 7 а, б) очень старого образа «открывания двери», как символа «Священного брака» в мифоэпической и изобразительной традиции Двуречья⁵⁶. Безусловно, на него заметно повлияли традиции земледельческих культов Балкан, на что уже обращал внимание Д. Г. Савинов, приводя соответствующие параллели (Савинов, 2011). Мы же отметим примечательное изменение облика спутников богини – их антропоморфность, оттененную присутствием фигуры маленького кошачьего хищника⁵⁷, и нарочитую «полосатость» облика всех одушевленных участников композиции.

Ярким примером описанного выше изоморфизма жертвы можно считать центральную сцену композиции на костяной пиксиде из могилы на Ареопаге в Афинах (рис. 16, 10), где мы видим момент терзания парой орлиноголовых грифонов целого стада копытных животных. Но есть в этой композиции еще одна деталь, не сразу бросающаяся в глаза, – пара спокойно возлежащих кошачьих хищников, как бы отстраненно наблюдающих за мортальной коллизией, разворачивающейся у них на глазах⁵⁸. На наш взгляд, эта пара кошачьих хищ-

ников выступает здесь в качестве индекса богини круга Potnia Thegon, которой и предназначено жертвоприношение, являющееся центральным событием визуального повествования на пиксиде.

Уходя теперь далеко на Восток, в глубины Центральной Азии, или, наоборот, возвращаясь к исходной точке нашего повествовательного пути, отметим, что попутно нам придется приподнять вуаль «стиля цитат», которую так удачно и прочно набросили на искусство скифского времени наши великие предшественники в области исследования семантики, синтактики и прагматики изобразительности этого периода, и которая долго скрывала ее истинное лицо. Все имеющиеся факты убеждают нас в обратном – скифская религиозно-мировоззренческая система, проявления которой не менее ярко и, возможно, чище фиксируются на восточной периферии ойкумены, чем в ее западном центре (в Северном Причерноморье), предстает перед нами в одной из своих частей, связанной, прежде всего, с погребально-поминальной обрядностью, как стройная система мифоэпических сюжетов, центральный из которых и подвергнут анализу в нашей работе. Попытаемся показать это на конкретных примерах (рис. 17).

После периода молчаливой аниконичности⁵⁹ андроновской эпохи, прошедшей своеобразным колесничным катком по горно-степной полосе восточной части Евразии, возрождение традиций фигуративной изобразительности в субрегионе Саяно-Алтае-Хангайского нагорья было связано с кругом культурных инноваций эпохи поздней бронзы Южной Сибири, традиционно именуемых карасукской культурой.

Именно в изобразительности карасукской культуры мы находим уже хорошо известный нам образ женского божества (рис. 17, л), который в своих истоках, справедливо и закономерно связывается Д. Г. Савиновым с одним из типов женских персонажей окуневской изобразительной традиции (Савинов, 2019б; и др.). Фигуративная традиция изображения женского персонажа, явленная в карасукскую эпоху, позднее, в эпоху ранних кочевников, снова купируется до знака-индекса⁶⁰ (Савинов, 2005.

ди него, и изображено обернувшееся копытное животное, припавшее к земле или вообще показанное мертвым, но сцена терзания здесь не прочитывается.

⁵⁹ И. В. Ковтун называет этот феномен нефигуративностью (ср.: Ковтун, 2008).

⁶⁰ Как когда-то уже случалось в петроглифах каракольско-окуневского пласта Саяно-Алтая.

⁵⁴ Публикаторы, по какой-то причине, называют эту фигуру сфинксом.

⁵⁵ Что, вероятно, должно отсылать зрителя к образу храма – месту обитания богини.

⁵⁶ Об этом см. выше, в части статьи, посвященной анализу воплощения мифа об Инанне и Думузи в месопотамской глиптике. Да и орнаментика стен жилища богини отсылает нас напрямую к изобразительной традиции Передней Азии (ковровый орнамент стен, шевроны-«елочки» дверного портала, вертикальная штриховка двери, система петель-запоров и пр.).

⁵⁷ Видимо, общий «пасторальный» флер этой сцены (женский персонаж внутри дома, два мужских персонажа на его крыше, в сопровождении элегантно возлежащего животного) заставил публикаторов проигнорировать общие черты облика всех персонажей (их нарочитую полосатость, которая может указывать на их дикую, или даже хтоническую сущность) и соотнести лежащее на крыше животное с собачкой (?), хотя очевидно, что это изображение «кошки».

⁵⁸ Хотя, перед левым хищником (правый хищник и деталь композиции перед ним сохранились хуже), немного впере-

С. 220; 2011; *Смирнов*, 2006) — так называемой «решетчатой фигуры» (рис. 17, 3), который теперь уже однозначно должен читаться⁶¹ как демонстрация присутствия женского божества в общем контексте сцен, изображенных на оленных камнях⁶².

К этому же семантическому кругу изображений эпохи поздней бронзы или начала эпохи ранних кочевников следует относить изображения пар хищных животных (кошачьих хищников), фиксируемых в петроглифах и на оленных камнях Саяно-Алтае-Хангайского нагорья в контексте «стад» диких копытных животных, преимущественно оленей (рис. 17, 2, 14, 15), в декоре оружия и погребального убора (рис. 17, 7, 9, 11, 12) и даже в татуировках на человеческом теле⁶³ (рис. 17, 13). Вне всякого сомнения мы можем утверждать, что во всех перечисленных случаях парные хищники являются индексами присутствия того адресата, кому направлено жертвоприношение, в результате которого и исчезает главный герой. В физическом смысле это равносильно его смерти, а в образном — передается визуализацией модели терзания антропоморфного персонажа или изоморфного ему копытного животного, в некоторых случаях сокращающейся до той степени, что мы видим только жестоких воплощений неотвратимой воли божества.

Образ хищной птицы в описываемой системе, очевидно, наследует роли и функции предыдущего периода, сочетая в себе и вестника смерти,

⁶¹ Воскрешаемая время от времени в работах коллег сугубо вещная интерпретация этих символов (как изображений щитов) должна быть окончательно отвергнута, как логически выпадающая из цепочки рассуждений при анализе целостной системы изображений, и основанная на недоразумении в результате «опознания по аналогии» в рамках материалистической парадигмы середины XX века.

⁶² Успешная трансляция этого образа-знака на протяжении нескольких тысяч лет в схожих или идентичных контекстах не только свидетельствует об устойчивости его символики, но и снова заставляет вспомнить об идее возможного доживания на периферии(?) субрегиона окуневских культурных традиций и их носителей до начала эпохи ранних кочевников.

⁶³ Обратим внимание на расположение фигур хищников на теле мужчины из Второго Пазырыкского кургана — они находятся в верхней части туловища, на груди (то есть максимально близко к шее) и как бы опоясывают тело человека (ср. с расположением пары хищников в верхней части оленного камня из Урд Хураина (рис. 17, 14)). Эти и схожие наблюдения над размещением образов кошачьих и подобных им хищников на предметах торевтики, ставят под сомнение популярную идею о приуроченности подобных изображений исключительно к концептуальному «низу» и вообще заставляют более пристально взглянуть на концепцию трехуровневой структуры скифской модели мира.

и участника жертвоприношения и проводника души покойного к месту ее посмертного пребывания (рис. 17, 7–10). Закономерным в свете этого представляется размещение фигуры хищной птицы, терзающей голову копытного животного, именно на наконечнике одной из стрел колчанного набора⁶⁴, относящегося к вещам вождя из кургана Аржан-2 (рис. 17, 10), — что может лучше имитировать полет хищной птицы, чем летящая смертоносная стрела? В качестве парадоксальной гипотезы выскажем еще одно наблюдение: отсутствие образов хищной птицы на оленных камнях, достаточно заметное своим выпадением из общей структуры разбираемых сюжетных композиций, может объясняться тем, что роль этих вестников смерти исполняли живые хищные пернатые, традиционно сидящие на различных высоких объектах в голой степи. В таком случае мифопоэтический сюжет, зафиксированный в изображениях на оленных камнях, получал не только статическую визуализацию, но и динамическое развитие, что также могло включаться в ритуал, связанный с поминально-погребальным циклом.

Завершая наши рассуждения, необходимо сказать и о физическом воплощении главных персонажей мифопоэтического сюжета «исчезающий герой». На наш взгляд, безусловными примерами этого являются мумифицированные и татуированные тела погребенных (мужчины и женщины) во Втором Пазырыкском кургане, а также мумифицированное и татуированное тело женщины из погребения № 2 кургана № 1 могильника Ак-Алаха-3 (рис. 17, 6, 13).

Почему мы можем это утверждать? Совпадает не только контекст: похороны/спуск в подземное царство, но и целый ряд однозначно материализованных примет мифа. В случае с парой, погребенной во Втором Пазырыкском кургане, сохранившийся «погребальный инвентарь» позволяет реконструировать не только социальные (вождеские), но и функциональные (жреческие) роли покойных (татуировки, музыкальные инструменты, средства временной трансформации сознания («шалаш с курильницей») и пр.) (*Руденко*, 1953. С. 365–369). Татуировки на теле мужчины, о которых уже шла речь выше, не только подчеркивают жертвенность его героического статуса и соотне-

⁶⁴ И оформление пряжек перевязи колчана (горита) в виде протом хищных птиц. А также в целом, приуроченность образа хищной птицы к разного рода наворачиям, наносникам и колчаным наборам.

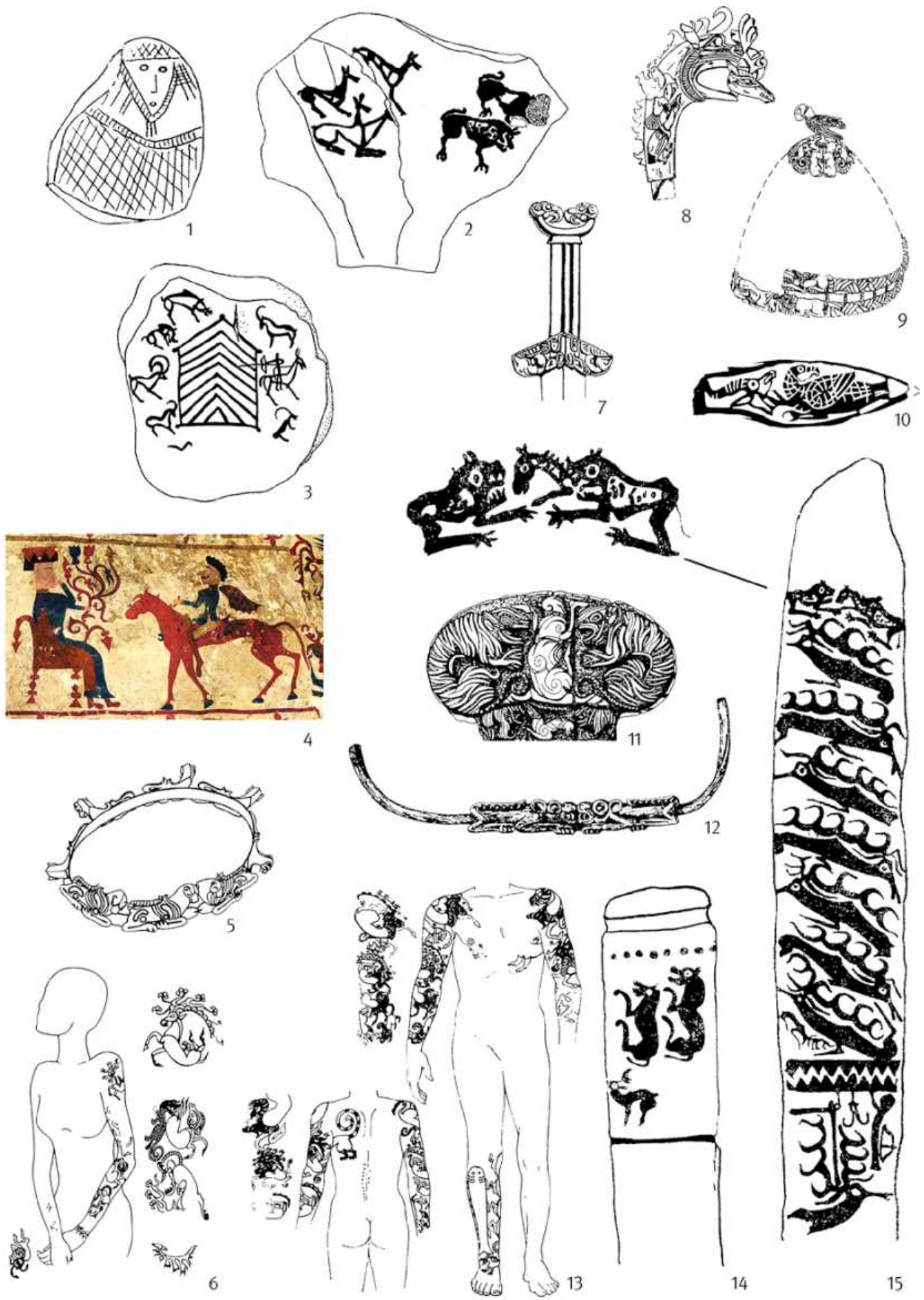

РИС. 17. Сюжет «исчезающий герой» и мотивы, к нему относящиеся, в изобразительных традициях Саяно-Алтая и Южной Сибири в позднем бронзовом и раннем железном веке. 1 – Торгажак, галька с гравированным изображением (по: Савинов, 1994. Табл. XXVIII, 6); 2 – Аржан-2, плита 01-02, из центра кургана (по: Чузунов и др., 2006. Рис. 15); 3 – Кызыл-Хая, валун с изображениями (по: Кызласов, 1979. Рис. 29, 1); 4 – Пазырык, курган № 5, деталь войлочного ковра (по: Баркова, 2012. Ил. 40); 5 – Ак-Алаха-3, курган № 1, погребение № 2, гривна (по: Полосьмак, 2001. Рис. 110, а); 6 – Ак-Алаха-3, курган № 1, погребение № 2, татуировка на теле женщины (по: Полосьмак, 2001. Рис. 151, б); 7 – Минусинский край, рукоять кинжала (по: Черемисин, 2008. Табл. VI, 6); 8 – Пазырык, курган № 2, навершие головного убора (по: Черемисин, 2008. Табл. XL); 9 – Алучайден, детали головного убора (реконструкция расположения) (по: Черемисин, 2008. Табл. XXXIV); 10 – Аржан-2, могила № 5, скелет № 1, наконечник стрелы (по: Чузунов и др., 2017. Табл. 24, 3); 11 – Аржан-2, могила № 5, скелет № 1, навершие рукояти кинжала (по: Чузунов и др., 2017. Табл. 9, 1 а); 12 – Верх-Кальджин II, курган № 1, деталь гривны (по: Черемисин, 2008. Табл. XXIII, 1); 13 – Пазырык, курган № 2, татуировка на теле мужчины (по: Полосьмак, 2001. Рис. 151, а); 14 – Урд Хураин, олений камень (по: Волков, 2002. Табл. 31, 1); 15 – Уушкийн увэр, олений камень № 15 (по: Волков, 2002. Табл. 78). Масштаб разный

FIG. 17. Subject of the ‘vanishing hero’ and motifs related with it in the figurative traditions of Sayan-Altay and Southern Siberia in the Late Bronze Age and Early Iron Age. 1 – Torgazhak, pebble with an engraved representation (after Савинов, 1994. Табл. XXVIII, 6); 2 – Arzhan-2, slab 01-02 from the centre of the kurgan (after Чузунов и др., 2006. Рис. 15); 3 – Kyzyl-Khaya, boulder with representations (after Кызласов, 1979. Рис. 29, 1); 4 – Pazyryk, barrow no. 5, part of a felt carpet (after Баркова, 2012. Ил. 40); 5 – Ak-Alakha-3, barrow no. 1, burial no. 2, neck ring (after Полосьмак, 2001. Рис. 110, а); 6 – Ak-Alakha-3, barrow no. 1, burial no. 2, tattoo on the body of a female (after Полосьмак, 2001. Рис. 151, б); 7 – Minusinsk Krai, dagger handle (after Черемисин, 2008. Табл. VI, 6); 8 – Pazyryk, barrow no. 2, top of a headdress (after Черемисин, 2008. Табл. XL); 9 – Aluchayden, parts of a headdress (reconstruction of the arrangement) (after Черемисин, 2008. Табл. XXXIV); 10 – Arzhan-2, grave no. 5, skeleton no. 1, arrowhead (after Чузунов и др., 2017. Табл. 24, 3); 11 – Arzhan-2, grave no. 5, skeleton no. 1, pommel of a dagger handle (after Чузунов и др., 2017. Табл. 9, 1а); 12 – Verkh-Kaldzhin II, barrow no. 1, detail of a neck ring (after Черемисин, 2008. Табл. XXIII, 1); 13 – Pazyryk, barrow no. 2, tattoo on the body of a man (after Полосьмак, 2001. Рис. 151, а); 14 – Urd Khurain, deer stone (after Волков, 2002. Табл. 31, 1); 15 – Uushkiin Uver, deer stone no. 15 (after Волков, 2002. Табл. 78). Scale varies

сенность с подземным миром (фигуры хищников на груди и рыбы⁶⁵ на ноге), но и способность/необходимость/вынужденность зооморфных превращений (фигуры копытных животных, фланкированных хищниками, миксоморфные существа, сочетающие облик козла и хищной птицы на правой и левой руках) (Там же. Рис. 81–83). Все это свидетельствует о том, что в момент смерти и погребения, пазырыкский вождь, вероятно, соотносился с персонажем типа Думузи ближневосточной мифоэпической традиции – вождем, сходящим в подземное царство ради благополучия остающегося на земле сообщества. Детали одежды женщины, погребенной вместе с ним, еще более показательны. меховое верхнее одеяние типа плаща-накидки или «шубы» орнаментировано таким образом, что полосы нашитой кожи создают рисунок, максимально соотносимый с изображениями ближневосточных хижин/храмов⁶⁶, которые нам известны по месопотамской глиптике, причем своеобразно передан даже дверной портал (Там же. Рис. 60). Дополняет общее сходство и то,

что резные кожаные фестоны, создающие этот узор, украшены изображениями голов копытных животных, создающих эффект множественности (Там же. Табл. XCIII, 1), что уже указывает не только на формальное, но и на содержательное, семантическое единство изображений ближневосточных хижин/храмов и их обитательниц, окруженных животными, и «космического» строя орнамента пазырыкской накидки. Дополняют этот ансамбль сапожки из меха *леопарда*, с расшитыми кожаными подошвами⁶⁷, и сложносоставная гривна с фигурками *обернувшихся* львиноголовых грифонов (Там же. С. 121, рис. 79, табл. XCVI, 4). Несомненно, что перед нами детали убора женского персонажа, который всем своим антуражем воплощает модель женского божества типа Инанны-Иштар⁶⁸ того же ближневосточного мифа.

Аналогичная ситуация прослеживается и в погребении № 2 в кургане № 1 в Ак-Алахе-3 (рис. 17, 5, б),

⁶⁵ Ср. с вариантом мифа, в котором Думузи гибнет в реке.

⁶⁶ И, одновременно, с образами «женщины-дома» в петроглифах Калбак-Таша и их более поздних трансформаций.

⁶⁷ Вспомним здесь, как минимум, две традиционные позы женских персонажей, соотносимых с образом Инанны-Иштар и с кругом божеств типа Potnia Theron (рис. 11, 1, 2, 5), при которых ступни хорошо видны!

⁶⁸ И, в целом, персонажа круга женских божеств типа Potnia Theron.

в котором сочетание татуировок на теле покойной и таких деталей костюма, как ярусная длинная юбка и сложносоставная гривна с фигурками *обернувшихся* крылатых барсов, однозначно указывает нам на истоки образа, смоделированного при похоронах этой женщины, вероятно, не только персонифицировавшей в момент своей смерти божество типа ближневосточной Инанны-Иштар, но и при жизни, действительно реализовывавшей какие-то элементы ее культа.

Физическое воплощение персонажей мифа, опознаваемое нами как минимум в парном погребении вождя и его жены во Втором Пазырыкском кургане, указывает и на сам смысл обрядового действия — на основную цель погребального обряда — имитацию ритуала «Священного брака» богини и героя, являющегося залогом реализации всего сущего на земле и неизбежности порядка в царстве мертвых. Именно этот момент мы видим на знаменитом войлочном ковре, происходящем из расположенного в той же долине Пятого Пазырыкского кургана (рис. 17, 4).

Литература

- Азизян, 2021 — Азизян А. А. Две «двери». Обряд инициации и распространение информации на древнейшем Ближнем Востоке. СПб.: Алетейя, 2021. 328 с.
- Амиров, 2019 — Амиров Ш. Н. Халафская культура Северной Месопотамии в свете современных исследований // Восток. Oriens. 2019. Вып. 6. С. 6–22.
- Антонова, 1984 — Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М.: Наука, 1984. 262 с.
- Антонова, 1998 — Антонова Е. В. Месопотамия на пути к первым государствам. М.: Восточная литература, 1998. 223 с.
- Афанасьева, 1979 — Афанасьева В. К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М.: Наука, 1979. 219 с.
- Афанасьева, 2007 — Афанасьева В. К. Орел и змея в изобразительности и литературе Двуречья. М.: Водолей Publishers, 2007. 464 с.
- Баркова, 2012 — Баркова Л. Л. Красота, сотканная из тайн. Древнейшие в мире ковры. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 48 с. (In brevi).
- Берёзкин, 2013 — Берёзкин Ю. Е. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: МАЭ РАН, 2013. 256 с.
- Варёнов, 2018 — Варёнов А. В. О точном датировании изображений тигров в горах Хэланьшань и оленях в «стиле оленных камней» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 4: Востоковедение. С. 30–39.
- Волков, 2002 — Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.
- Гамкрелидзе, Иванов, 1984 — Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. II: Семантический словарь общеиндоевропейского языка и реконструкция индоевропейской протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. С. 436–1329.
- Грязнов, Комарова, 2006 — Грязнов М. П., Комарова М. Н. Сыда V — могильник окуневской культуры // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение / Отв. ред.: Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: ЭлекСис, 2006. С. 53–72.
- ДИАЛОГ..., 2020 — ДИАЛОГ 2017–2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: Мат-лы объединенного семинара ИА РАН и ИИИМК РАН (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2017 г.; Москва, 6–7 декабря 2018 г.). Сб. науч. статей / Отв. ред.: Е. С. Леванова, Н. Ю. Смирнов. М.: ИА РАН, 2020. 252 с.
- Дьяконов, 1990 — Дьяконов И. М. Люди города Ура. М.: Наука, 1990. 429 с.
- Емельянов, 1999 — Емельянов В. В. Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 272 с.
- Зинченко, 2016 — Зинченко С. А. Образ Πότνια Θηρών в художественных культурах начала – второй половины I тыс. до н. э.: к вопросу о функционировании «сквозных сюжетов» // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): Мат-лы Междунар. конф. / Отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 109–114.

- Зинченко*, 2018а — *Зинченко С. А.* Проблемы интерпретации и специфика репрезентации образа Πότνια Θηρών в искусстве Эгеиды VIII–VI вв. до н. э.: к поиску возможных причин // «На ионийский лад я пою...». Сб. ст. в честь Н. М. Никулиной / Отв. ред.: Н. Налимова, Т. Кишбали, М. Лопухова. М.: КДУ, Университетская книга, 2018. С. 41–57. (Тр. Ист. ф-та МГУ. Т. 139; Вып. 82: Исторические исследования).
- Зинченко*, 2018б — *Зинченко С. А.* Изображение на терракотовой пластинке из Херсонеса: попытка интерпретации образной программы // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: Мат-лы Междунар. науч. конф. Ч. 2. / Отв. ред.: В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. С. 67–77.
- Зинченко*, 2019 — *Зинченко С. А.* Архетипическое и культурный трансфер в процессах формирования художественных образов в культурах Ирана и Эгеиды во II–I тыс. до н. э. // Древность: историческое знание и специфика источника. Избранные доклады и статьи / Отв. ред.: Г. Ю. Колганова, А. А. Петрова. М.: ИВ РАН, 2019. С. 146–160. (Тр. ИВ РАН; Вып. 21).
- Клейн*, 2010 — *Клейн Л. С.* Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб.: Евразия, 2010. 496 с.
- Ковтун*, 2008 — *Ковтун И. В.* Нонфигуративность андроновского искусства: идеи, факты, интерпретации // Изв. АлтГУ. Серия: История, политология. 2008. № 4-4 (60). С. 95–101.
- Кубарев*, 2009 — *Кубарев В. Д.* Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 264 с.
- Кубарев*, 2011 — *Кубарев В. Д.* Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 444 с.
- Кубарев и др.*, 2005 — *Кубарев В. Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э.* Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 640 с.
- Курочкин*, 1974 — *Курочкин Г. Н.* К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории Северного Ирана // СА. 1974. № 2. С. 34–47.
- Кызласов*, 1979 — *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
- Липский*, *Вадецкая*, 2006 — *Липский А. Н., Вадецкая Э. Б.* Могильник Тас Хазаа // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение / Ред.-сост.: Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: ЭлекСис, 2006. С. 9–52.
- Миклашевич*, 2006 — *Миклашевич Е. А.* Окуневские лошади: к проблеме появления одомашненной лошади в Южной Сибири // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение / Ред.-сост.: Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: ЭлекСис, 2006. С. 191–211.
- Ожередов*, 2006 — *Ожередов Ю. И.* Некоторые дополнения к сюжетам двух памятников окуневского искусства // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение / Ред.-сост.: Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: ЭлекСис, 2006. С. 212–218.
- Полосьмак*, 2001 — *Полосьмак Н. В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Резепкин*, 2012 — *Резепкин А. Д.* Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.: Нестор-История, 2012. 334 с. (Тр. ИИМК РАН; Т. XXXVII).
- Руденко*, 1953 — *Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
- Савинов*, 1980 — *Савинов Д. Г.* Изображения собак на оленных камнях (некоторые вопросы семантики) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Мат-лы I Всесоюз. археол. конф. / Отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1980. С. 319–328.
- Савинов*, 1994 — *Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. 208 с.
- Савинов*, 1997 — *Савинов Д. Г.* К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология // Ред.-сост.: Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 202–212.
- Савинов*, 1998 — *Савинов Д. Г.* Образ фантастического хищника в древнем искусстве Евразии (в свете переднеазиатской теории М. И. Артамонова) // История и культура древних и средневековых обществ. Сб. статей, посвящ. 100-летию со дня рожд. М. И. Артамонова / Науч. ред.: Д. Г. Савинов, А. Д. Столяр, И. Я. Фроянов. СПб.: СПбГУ, 1998. С. 154–165. (Проблемы археологии; Вып. 4).
- Савинов*, 2005 — *Савинов Д. Г.* Ритуальная сфера бытия в наскальных изображениях эпохи бронзы Саяно-Алтайского нагорья // Мир наскального искусства. Сб. докладов междунар. конф. / Отв. ред. Е. Г. Дэвлет. М.: ИА РАН, 2005. С. 219–225.
- Савинов*, 2008 — *Савинов Д. Г.* «Меч-кладенец» на скалах Центральной Азии и Южной Сибири // Тропую тысячелетий. К юбилею М. А. Дэвлет / Отв. ред.: Д. Г. Савинов, О. С. Советова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 40–52.
- Савинов*, 2011 — *Савинов Д. Г.* «Женщина-дом» (интерпретация одного из петроглифических сюжетов Калбак-Таша, Горный Алтай) // Вопросы археологии Урала. Сборник научных трудов / Отв. ред. Ю. П. Чемякин. Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. Вып. 26. С. 80–89.
- Савинов*, 2015 — *Савинов Д. Г.* В поисках главного героя... (по материалам наскальных изображений Центральной Азии и Южной Сибири) // Реальные и знаковые формы социальной дифференциации в архаике. Миф и формы его отражения в ритуальной практике. Сб. науч. трудов семинара «Теория и методология архаики» / Отв. ред.: М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 149–157. (ТЕМА; Вып. VIII).
- Савинов*, 2019а — *Савинов Д. Г.* «Дома духов» в гравировках на каменных плитах из могильника Тас-Хазаа // ПИФК. 2019. № 2. С. 156–182.
- Савинов*, 2019б — *Савинов Д. Г.* К интерпретации женского образа в искусстве населения эпохи бронзы

- Минусинской котловины // Мужская и женская субкультуры в архаике. Сборник научных трудов междисциплинарного семинара «Теория и методология архаики» / Отв. ред.: Д. Г. Савинов, М. Ф. Альбедиль. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 100–121. (ТЕМА; Вып. 12).
- Смирнов, 2006 — Смирнов А. М. «Женское божество и храм» в искусстве монументальной скульптуры и архитектуры Европы в IV–III тыс. до н. э. // АВ. 2006. Вып. 13. С. 281–296.
- Смирнов, 2014 — Смирнов Н. Ю. «Хвост, подвешенный к поясу» (К антиномии трактовки петроглифических сюжетов Саяно-Алтая и Центральной Азии эпохи поздней бронзы) // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: Мат-лы Всерос. (с междунар. уч.) науч. конф. (г. Новосибирск, 12–14 ноября 2014 г.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 91–94.
- Смирнов, 2018 — Смирнов Н. Ю. Путеводный олень: сюжет преследования оленя героем на колеснице в изобразительной традиции Востока и Запада Евразии второй половины II — рубежа II–I тыс. до н. э. и некоторые фольклорно-эпические параллели // ПИФК. 2018. № 2(60). С. 63–91.
- Смирнов, 2020 — Смирнов Н. Ю. ДИАЛОГ № 1: «Хищник и его жертва: от инварианта к вариативности сюжета» // ДИАЛОГ 2017–2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: Мат-лы объединенного семинара ИА РАН и ИИИМК РАН (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2017 г.; Москва, 6–7 декабря 2018 г.). Сб. науч. статей / Отв. ред.: Е. С. Леванова, Н. Ю. Смирнов. М.: ИА РАН, 2020. С. 15–16.
- Советова, 2011 — Советова О. С. Приемы композиционного построения в наскальном искусстве Евразии // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова / Отв. ред.: В. В. Бобров, О. С. Советова, Е. А. Миклашевич. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 161–185. (Тр. САИПИ; Вып. VII).
- Черемисин, 1993 — Черемисин Д. В. К интерпретации сюжетов из пазырыкских комплексов // Изв. СО РАН. Сер. История, филология и философия. 1993. № 2. С. 32–36.
- Черемисин, 1997 — Черемисин Д. В. Система образов звериного стиля в рядовых погребальных комплексах пазырыкской культуры. I. Гривны. Образ хищника // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация: Мат-лы Всерос. конф. / Отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 97–101.
- Черемисин, 1998 — Черемисин Д. В. Опыт интерпретации наскальной композиции из Кандзьяншименьцы (Синьцзян) // Международная конференция по первобытному искусству (Кемерово, 3–8 августа 1998 г.). ТД / Отв. ред. Я. А. Шер. Кемерово: КемГУ, 1998. С. 150–152.
- Черемисин, 2008 — Черемисин Д. В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: семантика звериных образов в контексте погребального обряда. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 136 с.
- Черемисин, 2015 — Черемисин Д. В. Об интерпретации одного сюжета в петроглифах Алтая эпохи бронзы («женщина-дом» и «одноногий» у порога) // Искусство Бронзового века: Мат-лы междунар. симп. (15–19 апреля 2013 г., Штралзунд, Германия) / Отв. ред.: С. Хансен, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. С. 79–93.
- Черемисин, 2020 — Черемисин Д. В. К семантике сюжета борьбы человека и хищника, а также о сценах терзания в древнем искусстве Евразии // ДИАЛОГ 2017–2018. Дихотомия искусства в археологии: локус, образы, генезис: Мат-лы объединенного семинара ИА РАН и ИИИМК РАН (Санкт-Петербург, 6–7 декабря 2017 г.; Москва, 6–7 декабря 2018 г.). Сб. науч. статей / Отв. ред.: Е. С. Леванова, Н. Ю. Смирнов. М.: ИА РАН, 2020. С. 52–58.
- Чугунов и др., 2006 — Чугунов К. В., Наглер А., Парцингер Г. Аржан-2: материалы эпохи бронзы // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение / Ред.-сост.: Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: ЭлекСис, 2006. С. 303–311.
- Чугунов и др., 2017 — Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.
- Якобсен, 1995 — Якобсен Т. Сокровища тьмы. История месопотамской религии. М.: Восточная литература, 1995. 293 с.
- Beyond Babylon, 2008 — Beyond Babylon. Art, Trade, and Diplomacy in the Second Millennium B. C. / Eds. J. Aruz, K. Benzel, J. M. Evans. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven, London: Yale University Press. 524 p.
- Brentjes, 1982 — Brentjes B. Der Tierstil in Eurasien. Leipzig: VEB E. A. Seeman Verlag, 1982. 176 S.
- Der Alte Orient, 1975 — Der Alte Orient / Ed. W. Orthmann. Berlin: Propyläen Verlag, 1975. 567 S. (Propyläen Kunstgeschichte; Bd. 14).
- Gray, 1982 — Gray J. Near Eastern Mythology. London; New York; Sydney; Toronto: Hamlyn, 1982. 144 p.
- Hampe, 1936 — Hampe R. Frühe Griechische Sagenbilder. Athens: Deutsches Archäologisches Institut, 1936. 112 p.
- Hampe, Simon, 1981 — Hampe R., Simon E. The Birth of Greek Art. From the Mycenaean to the Archaic Period. London: Thames and Hudson, 1981. 316 p.
- Lamberg-Karlovsky, 1981 — Lamberg-Karlovsky C. C. Afterword // The Bronze Age Civilization of Central Asia. Recent Soviet Discoveries / Ed. Ph. Kohl. Armonk; New York: M. E. Sharpe, Inc. P. 386–397.
- Leont'ev, Kapel'ko, 2002 — Leont'ev N. V., Kapel'ko V. F. Steinstele der Okunev-Kultur. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2002. (Archäologie in Eurasien; Bd. 13).
- Yazici, 2015 — Yazici E. Voice of sculptures: Hittite, Neo-Hittite world. Istanbul: Photography Agency & Publishing Co., 2015. 159 p.

The vanishing hero. In search of the origins of one of the central subjects of the art of early nomads of Eurasia. Retrospective Perspective

N. Yu. Smirnov, D. V. Cheremisin

This paper analyses in the synchronistic and diachronic perspective the visual variants of the motif of 'tearing to pieces of the hero by a pair of predators' encountered throughout the territory of Eurasia in the monumental and applied art, petroglyphs, glyptics and toreutics since at least the 4th millennium BC. This motif, in the opinion of the authors, is the semantic core of a theme which can be figuratively called '*the vanishing hero*' or a 'hero in the state of transition' (realizing the rite of transition). This study is focused on representations from the Bronze Age and early Iron Age of Central Asia and Southern Siberia considered against a still wider cultural and historical background. During the investigation of the main motif – '*tearing to pieces of the hero by a pair of beasts of prey*' we have considered some motifs accompanying it and constituting a common context of the title context: '*confrontation of the hero and a predator*', '*the hero defending the herd*', '*the hero and a pair of predators*', '*two is a company*', and '*Potnia Theron*'.

In this article, we tried to demonstrate (with the arguments available at the present moment) that the studied figurative variants of the basic motif are local diachronic or synchronic manifestations (indexes) of a single mythoepic subject formed in the sphere of the High Civilizations of the West Asia during the epoch of the establishing of the food-producing cattle-breeding economy. This subject had undergone a certain change in the form (in terms of visualisation) but had retained its structure and content.

Analysis of the methods of visualisation of the enumerated motifs, as well as their localisation in time and space beginning with the turn of the 4th/3rd millennium BC and including the 1st millennium BC has allowed us to arrive at the conclusion that in the basis of the long tradition of the existence of the subject the 'vanishing hero' there is the cycle of mythoepic legends of the Near East origin (Mesopotamia) which in their structure and plot are best corresponding to the cycle of myths about Inanna and Dumuzi.

In the basis of the mythoepic subject of the 'vanishing hero' there is the idea of a sacrificial death of the hero as a pledge for establishing of the equilibrium in

the world of alive and dead and of his subsequent travel to the other world with the goal of the salvage (resurrection) of the goddess belonging to the circle of deities responsible for the aspiration of all the alive for reproduction. This goddess, is simultaneously a patroness of animals (type of Potnia Theron/Inanna-Ishtar) and, possibly, also of the hero himself for their subsequent reunion (realization of the functions and consequences of the 'Sacred Marriage'). The pragmatics of this action is related with the desire to support and provide a continuous and happy life of the ancient society which directly depended on natural and social cataclysms. At the same time, the mythoepic subject to be reconstructed can be interpreted as a visual text describing the rite of initiation.

At their origin, the ritual practices manifested in the mythoepic subject under study (and its visualisations) probably were related with the initiation rite. In the sociocultural conditions of ancient societies belonging to the circle of the 'High Civilizations' of West Asia, this theme acquired religious and epic aspects. They included a cult sphere due to the distinct personification and the reference of the acting persons to the circle of local deities. This fact provided the preservation of the structure and content of the theme not only within the verbal tradition but also in written texts. Owing to its retranslation onto the eastern periphery of the oecumene of early pasturing societies (Southern Siberia, Sayan-Altay highland and, in broader terms, Central Asia), the established mythoepic subject, having suffered the inevitable changes in the milieu of the new recipients, not only retained the basic features of its structure and its substantial content but, apparently, became the central world-view concept significantly influencing the cycle of the funerary-memorial rites of the local pastoralist societies. This influence has especially distinctly manifested itself in the sphere of the ritual figurative practice of the Karakol and Okunevo cultures of the Eneolithic epoch – Early Bronze Age and, no less clearly, in the ceremonious sphere of the herding communities of the epoch of early nomads.

ЖИВАЯ АРХАИКА

Непальский индуизм: живая архаика

М. Ф. Альбедиль¹

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена архаическим чертам, сохранившимся в непальском индуизме. Обращение именно к этой религии продиктовано тем, что на протяжении своего многовекового существования она сохраняет мифоритуальный стержень, характеризовавший архаические верования. Примеры, связанные с почитанием древних индуистских божеств Шивы и Индры, а также с культом живой богини Кумари, демонстрируют непреходящую значимость наследия архаики, которая выразительно проявляется в сфере сакрального измерения жизни.

ANNOTATION. The present paper is devoted to archaic features preserved in the Nepalese Hinduism. Considering of exactly this religion is due to the fact that throughout its many-century history it has retained a mythoritual pivot which once characterized archaic beliefs. Examples related to the worship of ancient Hindu deities Shiva and Indra, as well as to the cult of the live goddess Kumari, demonstrate the perpetual significance of the heritage of archaic which expressively manifests itself in the sphere of the sacral dimension of life.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: архаика, Непал, индуизм, мифоритуальный стержень, филогенетическая память культуры.

KEYWORDS: archaic, Nepal, Hinduism, mythoritual pivot, phylogenetic memory of culture.

Выбор темы для настоящей статьи не случаен: архаика давно и прочно вошла в круг научных интересов Д. Г. Савинова. Он 25 лет беспрерывно руководит постоянно действующим междисциплинарным семинаром «Теория и методология архаики» (далее ТЕМА), который проходил сначала на базе исторического факультета СПбГУ, а потом переместился в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Как правило, на семинарах обсуждаются темы, связанные с архаикой, которые остаются неизменно актуальными и в наше время в целом ряде гуманитарных наук, особенно в археологии, этнографии, истории, филологии и культурологии.

Прежде чем переходить к теме статьи, необходимо внести терминологическое уточнение по поводу архаики как ключевого понятия, поскольку его семантическое поле нередко оказывается размытым. Обычно под архаикой понимают древнейший период в истории человечества, наиболее раннюю стадию в развитии культуры или перво-

бытный уровень в развитии человеческих обществ, который, условно говоря, завершился в период «осевого времени» (по К. Ясперсу). Но наследие архаики продолжало играть весьма значительную роль и после «осевой» революции. Как отмечал участник семинара ТЕМА В. Р. Арсеньев, «в реальной жизни весь этнографический материал выступает прекрасным примером, показывающим, что Архаика в ее категориальном смысле является обязательной стороной всех наблюдаемых культур — в том числе и тех, что с необходимостью должны были бы относиться к цивилизационным» (Арсеньев, 2014. С. 17).

Таким образом, анализируемый термин едва ли уместно ограничивать только временным содержанием, оно, бесспорно, шире. По мнению Т. И. Щербаковой, также принимавшей деятельное участие в работе семинара, можно выделить три значения термина: «архаика как категория времени, архаика как явление культуры и архаика как свойство человеческого мозга... В первом случае это раннее, начальное звено на хронологической прямой, в двух других — некоторые качественные характеристики вневременного порядка, сопутствующие виду человека разумного на всем

¹ 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Отдел Южной и Юго-Западной Азии. Адрес электронной почты: albedil@inbox.ru.

протяжении его существования. С этих позиций архаика является не только чем-то навсегда ушедшим, но и частью современного мира» (*Щербакова*, 2014. С. 24). Именно в таких указанных выше смыслах употребляется термин архаика в настоящей статье.

Она посвящена далекой экзотической стране — Непалу, где архаика — не реликтовая окаменелость, а живая и актуальная реальность, сохраняющая свою культуротворящую энергию в разных сферах жизни вплоть до настоящего времени. В России эта страна мало известна, поэтому о ней стоит сказать несколько слов. До середины прошлого века Непал оставался закрытым и недоступным для людей Запада, сохраняя репутацию загадочно-мистического края. Только в 1950-х гг. он начал открывать себя миру, а до тех пор там смогли побывать лишь немногие европейцы. Как выяснилось, приоткрывший завесу тайны Непал оказался необычайно привлекательным объектом изучения для широкого спектра наук, как гуманитарных, так и естественных. Достаточно сказать, что до 2007 г. он оставался единственным в мире индуистским королевством, правитель которого считался земным воплощением Вишну, одного из главных индуистских богов. Сейчас Непал является Федеративной Демократической Республикой (*Альбедиль*, 2019а. С. 35–50).

Самая высокогорная страна мира, расположенная в Гималаях и как бы «зажатая» между двумя исполинами, Индией и Китаем, Непал умело балансирует между этими могущественными соседями и сохраняет свою самобытность и независимость. К тому же, в отличие от Индии, он сумел избежать колониальной зависимости от европейских стран. Богатому природному разнообразию страны как будто вторит поразительное многообразие этносов: в Непале живут этнические группы, говорящие более чем на полусотне языков и диалектов и стоящие на разных ступенях развития. Столь же многолика и религиозная жизнь страны, с которой связана тема данной статьи.

Естественно, в индуистском королевстве большая часть населения, более 80 %, исповедовала индуизм. Приверженцы этой религии и сейчас составляют подавляющее большинство, хотя в конституции закреплен светский характер государства, и молодые поколения все чаще отходят от веры своих отцов. Однако религия пустила здесь слишком глубокие вековые корни, чтобы ее можно было легко отменить законодательным путем, поэтому

остаются живыми многие религиозные традиции и ритуальные практики, прочно утвердившиеся в истории, культуре и повседневной жизни страны.

На протяжении практически всей истории Непала заметную роль играл и буддизм; на долю его адептов приходится примерно 10 % населения, причем индуисты и буддисты часто живут бок о бок, а индуистские и буддийские храмы мирно соседствуют друг с другом. В Непале известны также ислам, христианство, сикхизм и древние локальные культы с элементами шаманизма. Вследствие длительной изоляции Непал превратился в своеобразный религиозный заповедник, где до недавнего времени сохранялись многие архаические особенности религиозной жизни, по разным причинам утраченные в других странах. К сожалению, под влиянием современных процессов глобализации таких особенностей становится все меньше (Там же. С. 55–80).

Эти архаические особенности можно продемонстрировать на нескольких примерах, взятых из индуизма. Обращение именно к этой религии неслучайно. Дело не только в том, что ее исповедует большая часть населения страны, как сказано выше, а в характере самой религии. В отличие от авраамических религий писания (христианство, иудаизм, ислам) индуизм можно расценивать как религию по преимуществу мифологическую и по своим основаниям, и по многовековому функционированию. С древности до настоящих дней он сохраняет в качестве главного компонента мифоритуальный стержень, характеризовавший архаические верования, а его адепты особенно ценят именно мифологическую сторону религии и связанные с ней ритуальные практики, полагая, что именно они наиболее прочно и надежно связывают их с тем невыразимым, что существует за видимой «поверхностью жизни» (*Ferro-Luzzi*, 1991. P. 192). Стоит уточнить, что под мифологичностью имеются в виду не только и не столько вербальные тексты, сколько определенный тип мировосприятия. Для Запада хронологически и по существу он предшествовал историческому и кардинально отличается от него, но в индуизме он сохраняет свою актуальность; здесь не было привычного нам движения от мифа к логосу.

Первый пример связан с культом Шивы, одного из верховных богов индуизма. Он имеет много имен, ликов, манифестаций и символов, которые также почитают как заместителя этого бога. В Непале, точнее, в столице Катманду, он

«присутствует» как Пашупати, что означает на санскрите «Владыка животных/скота», или лучше сказать, «Повелитель тварей». Это один из самых древних образов Шивы, если не самый древний. Его истоки восходят ко времени протоиндийской цивилизации, существовавшей в долине Инда в III–II тыс. до н. э. и созданной предками дравидов, которые сейчас населяют юг Индии. Разные варианты далекого прототипа этого образа, условно называемого прото-Шивой, изображены на нескольких печатях, найденных археологами. Пожалуй, самый выразительный образ запечатлен на печати, найденной в 1920-х гг. в Мохенджо-Даро, — ее так и называют «печать Пашупати» (*Srinivasan, 1975/1976. P. 47–48*).

Прото-Шива показан здесь восседающим на троне в окружении животных, символизирующих четыре стороны света. С правой стороны от него находятся тигр и слон, а с левой — носорог и буйвол. Голова божества увенчана буйволиными рогами, на которых видны 12 годовых колец, вероятно, знаменующих 12-летний цикл Юпитера, «год богов». В чертах его лица просматриваются не то буйволиные, не то бычьи черты, так что оно скорее напоминает звериную маску. Это божество считалось главным персонажем протоиндийского пантеона. Жители протоиндийских городов почитали его как владыку мира, которому подвластны все существа сотворенного мира, а также время и пространство (*Кнорозов, 1972. С. 203–207*).

За неимением достоверных источников неизвестно, как складывалась судьба образа Шивы после заката протоиндийской цивилизации. Но он всплывает в исторической памяти на индийском субконтиненте спустя примерно тысячу лет: Шива упоминается в ведах — священных текстах индоариев, пришедших на северо-запад Индии примерно в 1700–1300 гг. до н. э. (*Bryant, 2003. P. 10–15*). Однако от его бывшего величия не осталось и следа, здесь он всего лишь малозаметный персонаж ведийского пантеона, который сливается с другим божеством — Рудрой и почти теряется в его тени.

В послеведийский период образ Шивы неуклонно возвышался. Подобно глубоководной рыбе, всплывающей с морского дна, он словно поднимался из архаических глубин времени, все больше утверждая свое могущество, пока не стал одним из первостепенных божеств индуистского пантеона, разделив главенство с Брахмой и Вишну. Можно предположить, что в действительности Шива никогда и не терял своего древнего величия, но оно

не сразу отразилось в индуистских жреческих текстах, однако едва ли возможно это доказать.

Древнее имя Пашупати вошло в гирлянду имен Шивы наряду со многими другими, но было переосмыслено: «пашу» (скот/животное) стало восприниматься как души, а сам бог — как владыка душ, точнее, всего одушевленного, как высшая причина мира, его глубинная трансцендентная сущность. В этом образе ему поклонялись прежде всего пашупаты, последователи древней ветви индуизма, распространенной в Индии и Непале. Однако в настоящее время в Индии, включая южный, дарвидоязычный ареал, Шива в образе Пашупати, как и его культ, практически забыт. В Непале же сохранился не только архаический образ божества, но и его верховное положение в индуистском пантеоне.

Хотелось бы предположить, что непальский Пашупати — далекий потомок протоиндийского верховного бога, генетически с ним связанный, и потому он может иметь дравидские корни, но достоверных и аргументированных свидетельств этому нет. Можно исходить лишь из того, что из Индии в Непал во все периоды распространялись миграционные волны, с которыми переселялись не только люди, но и почитаемые ими боги. Примечательно, однако, что, кроме общих предположений, есть один воодушевляющий аргумент: храмовые служители культа Пашупати — дравидские жрецы. Это *пашупати-бхатты*, только они могут прикасаться к главной святыне в храме и совершать ритуалы. При этом они обязательно должны быть брахманами из Южной Индии. Предполагают, что традиция приглашать южноиндийских брахманов для культового служения Пашупати прослеживается, по меньшей мере, с XV в., а возможно, и с еще более раннего периода (*Michaels, 2008. P. 20–24*).

Как бы то ни было, большая популярность Шивы-Пашупати в Непале неоспорима. Непальцы почитают Шиву во всех его ипостасях как покровителя своей страны, и потому его присутствие в том или ином виде ощущается повсюду. В бытность страны королевством до 2008 г. культ Пашупати был неразрывно связан с верховной властью. Со времени правления династии Личчхавов (IV–VIII вв.) некоторые непальские короли называли себя *пашупатибхаттарака* — «почитающие Пашупати» (*Лелюхин, 2004. С. 143–145*).

Возможно, тогда же, во времена Личчхавов, был возведен и Пашупатинатх, храм во славу Пашупа-

ти, хотя из-за отсутствия надежных исторических источников и равнодушия непальцев к хронологии вряд ли можно установить достоверную дату строительства (Hutt, 1994. P. 17). Этот храм на восточной окраине столицы Катманду — самая чтимая шиваитская святыня, знаменитое место паломничества во всем индуистском мире, которое издавна служит неизменным фокусом притяжения для его адептов. Собственно, это даже не храм, а обширный храмовый комплекс, раскинувшийся по обоим берегам священной реки Багмати. В центральном храме комплекса, который паломники называют золотым, хранится главная святыня Пашупатинатха — каменный лингам, фаллос с четырьмя ликами, обращенными ко всем сторонам света. Непальцы считают его нерукотворным и самосущим, ссылаясь при этом на какую-нибудь легенду, в истинности которой, разумеется, никто не сомневается. Лингам в храме почитается как священный «огненный лингам», а храм и весь комплекс Пашупати входит в сакральную географию Непала, занимая едва ли не самое почетное место (Альбедиль, 2020. С. 70–72).

Второй пример сохранения архаики в непальском индуизме связан с Индрой, одним из самых популярных божеств Непала. В древней Индии он был главой ведийского пантеона, который принесли с собой индоарии. В Ригведе («Книге гимнов»), самой авторитетной из четырех священных книг-вед древних ариев, Индре посвящено около 250 гимнов, больше, чем какому-либо другому мифологическому персонажу. В этих гимнах он славится как громовец и змееборец, участник многочисленных сражений против демонов и враждебных племен. Он служит и воплощением образа идеального царя, магически содействующего плодородию, дарующего богатый урожай и прочие чаемые блага (Елизаренкова, 1989. С. 484–485). Однако уже в поздневедийский период Индра утрачивает статус главы пантеона, его значение заметно падает. В послеведийской мифологии он еще сохраняет титул «царя богов», но скорее номинально, чем реально. Позже он попадает в подчинение верховной триады индуистских богов — Брахмы, Шивы и Вишну — и возглавляет группу стражей сторон света, *локапал*, в качестве хранителя восточной стороны света. В современном индуизме Индии культ Индры не играет сколько-нибудь заметной роли (Эрман, 1996. С. 202).

Совсем иная картина наблюдается в Непале. Здесь Индра по-прежнему сохраняет одну из пер-

вых ролей в религиозной жизни страны, по меньшей мере, с периода упоминавшейся выше династии Личчхавов. В стране его почитают повсеместно, и вряд ли какое-то другое божество может сравниться с ним по популярности. По мнению самих непальцев, одна из главных причин этого заключается в том, что Индра считается богом дождя, его чтят как подателя небесной влаги, так необходимой земледельцам.

О глубокой укорененности культа Индры в долине Катманду свидетельствуют, в частности, некоторые топонимические данные. Так, невары, коренное население долины, называют столицу *Йен-деса*, земля Индры (*Йен*, по мнению непальских исследователей, восходит к имени Индры, в неварском варианте *Йендры*). Таким образом, Катманду для неваров — это земля Индры, *Индра-бхуми* (Шрестха, 2015. С. 58–60).

Архаичность культа Индры выразительно подтверждается праздником Индра-*джатра*, который отмечают в конце муссонного периода. Это едва ли не самый известный праздник в Непале; он имеет древние истоки и длительную историческую традицию. В древней Индии подобный праздник отмечался ежегодно по окончании сезона дождей. Главным объектом почитания на нем был так называемый стяг Индры — украшенный гирляндами столб, который в конце праздника опускали в воду (Эрман, 1996. С. 202). В Непале это грандиозное и красочное торжество также проводят после сезона дождей, оно начинается в 12-й день светлой половины месяца *бхадра* (август-сентябрь) (Anderson, 1974. P. 25–40).

В легенде, связанной с праздником, прослеживается типичная схема календарного мифа, к которой имеется немало параллелей в традициях других народов. Согласно ей, Индра однажды будто бы спустился с небес на землю, чтобы собрать цветы для богослужения — *пуджи* с особого райского дерева *париджата*. Некогда оно росло на небе Индры, но потом попало на землю и, по мнению непальцев, встречалось лишь в садах долины Катманду. Индра принял облик простого крестьянина, сошел с небес на землю, нашел дерево и начал собирать цветы, но его схватили и посадили за решетку. Его мать, беспокоясь за судьбу сына, отправилась на его поиски и объявила всем, что она его ищет. Жители долины испугались гнева богов, освободили Индру и устроили в честь него праздник Индра-*джатру*, который с той поры проводят ежегодно (Альбедиль, 2019б. С. 81–82).

В начале праздника, как в древности, устанавливают деревянный столб, символизирующий флаг царя богов Индра-дхваджа (на языке невари он называется *йосин* «дерево Индры»). Это дерево ищут в лесу, который называется *Йосингун* «Лес деревьев для Индра-дхваджы»; на его поиски отправляется в назначенный астрологом день группа мужчин. Дерево «выбирает» козел: это будет первое дерево, до которого он дотронется. Козла приносят в жертву, а дерево срубают и со всеми подобающими почестями доставляют в столицу (*Шрестха*, 2015. С. 62). Здесь просматриваются отзвуки архаического ритуала, напоминающего ветхозаветного козла отпущения.

Одно из самых ярких событий праздника — *Кумари-джатра*, шествие по городу колесницы с живой богиней Кумари. Ее образ растиражирован в стране, пожалуй, как никакой другой, а ее культ остается встроенным в религиозную и политическую жизнь Непала, несмотря на любые перемены в жизни государства (*Allen*, 1975. Р. 11). Это третий пример живой архаики в Непале. Верят, что в Кумари вселяется могущественная богиня Таледжу, которая в бытность Непала королевством считалась родовым божеством *иштадевата* правителей страны и их главной духовной покровительницей. Богиня была известна только в долине Катманду, а ее столичный культ носил закрытый, даже секретный характер.

Каким образом живая богиня Кумари оказалась связана с Таледжу? Как всегда в подобных случаях, объяснение можно найти в легендах. Согласно одной из них, богиня Таледжу в прежние времена могла принимать облик прекрасной земной женщины и посещать королей, которым она покровительствовала в божественном мире, наделяя их властью и могуществом. Богиня играла с ними в кости, беседовала, передавала тайные знания, предсказывала события. Однажды король, не в силах устоять перед очарованием Таледжу, попытался ее обнять. Оскорбленная богиня тут же скрылась. Ночью она явилась королю во сне и сказала, что больше никогда к нему не придет, а будет воплощаться в неварской девочке из буддийской касты ювелиров (есть и другие версии) и через нее даровать королю мантру на владение властью и меч как символ этой власти (*Nepali*, 1965. Р. 364).

На роль королевской Кумари обычно выбирают девочку 3–5 лет, при этом учитывается генеалогия семьи. По правилам, на ее теле должны быть тридцать два признака божественного совершенства,

хотя трудно представить, как их можно отыскать у ребенка. Как бы то ни было, внешний вид девочки не должен иметь каких-либо изъянов, а на ее теле до этого ни разу не должна была выступить кровь. Будущую живую богиню испытывали на бесстрашие, оставив на ночь одну в комнате, уставленной изваяниями страшных чудовищ и т. п. Окончательный выбор претендентки на божественную роль делали королевский гуру и королевский астролог, а утверждали избранную Кумари жрецы Таледжу. Потом девочка проходила ритуал очищения, чтобы ее тело было готово вместить дух богини (*Kooij*, 1978. Р. 45–50). Выдержавшая испытание Кумари поселялась в специальном дворце, выстроенном для нее рядом с дворцовым комплексом Ханумандхока в центре столицы Катманду. Когда Непал был королевством, Кумари во время Индра-джатры ставила на лоб короля красную тилку, тем самым благословляя его на правление страной в течение ближайшего года, символически возобновляя его власть. Сейчас культ Кумари сохраняется, а ритуальное место короля занял премьер-министр.

Примечательно, что и богиню Таледжу, и живую богиню Кумари в повседневном обиходе и в ритуальных практиках может символизировать сосуд-*калаш* — выразительная деталь, сохранившаяся с архаической древности, когда сосуды ассоциировались с изобилием и служили образом чрева, вместилищем пищи, главного подателя жизни. Чаще всего они были связаны с богинями-матерями, плодородием и различными природными феноменами, связанными с появлением новой жизни (*Amatya*, 1998. Р. 72–73). Подобная практика почитания теофорных сосудов существовала в индуизме с глубокой древности, известна она и в настоящее время. Сосуды могут выступать полноценными заместителями божества в разных видах ритуальных домашних и храмовых практик, причем они существуют и в ортодоксальном индуизме, и в культурах так называемых «сельских божеств», стоящих вне его. Так в ритуальных практиках непальского индуизма сохраняются некоторые древнейшие проявления религии, соседствуя с более поздними наслоениями.

Что же касается культа Кумари, как и связанного с ней культа Таледжу, то можно предположить, что в них законсервировались архаические представления о связи женского начала и верховной власти. Пережитки подобных представлений были известны и в Европе, получив выражение в пара-

доксальном французском высказывании «Король — дитя королевы». Сюжетный мотив, когда женщина, сама по себе воплощающая власть, наделяет ею мужчину, встречается и в фольклоре (*O'Rahilly*, 1946. P. 48–50).

Подобные представления существовали в архаических структурах власти. В древности и позже, в традиционных обществах, к числу которых до недавнего времени относился и Непал, царственность, как и власть вообще, понималась как нечто вещественное, что можно было получить, добыть или потерять. За царственностью отправлялись в поход или обретали ее иными способами. Власть вождя или царя в таких обществах в большей степени определялась его сакральностью, нежели политическим умением или административными талантами (*Гиренко*, 2004. С. 35–40).

Роль правителя, который должен был магически обеспечивать благополучие коллектива, влиять на силы плодородия и отвечать за военную мощь, обосновывалась мифологическими идеями. В индуизме институт царской власти с древности был связан с мифологией Индры, который получал власть от богини Шри. Богиня как воплощение власти оставалась вечно юной, переходя вместе с царством от одного Индры-правителя к другому (*Васильков*, 2010. С. 219–222).

Реальность, стоящая за «женским лицом» идеи верховной власти, обнаруживается в самых ранних архаических обществах с их половозрастной со-

циальной системой. В таких обществах ритуал избрания вождя был совмещен с брачным ритуалом, причем в сан вождя мужчину вводила его супруга (*Мисюгин*, 2009. С. 328–340). Женщине в подобных ритуалах отводилась ключевая роль, поскольку она считалась носителем особой энергии, причастной к благу и процветанию человеческого коллектива. Эта тема имела и биологический, и социальный, религиозный, и магико-онтологический смыслы, которые складывались в целостный комплекс традиционных представлений о верховной власти. Отзвуки подобных древних представлений о власти и о способности женщины наделять ею правителя и могли сохраниться в непальских культах Таледжу и Кумари.

Приведенные примеры, как и другие, оставшиеся за рамками рассмотрения, позволяют предположить, что в непальском индуизме сохранилось немало архаических черт или особенностей, генетически восходящих к архаике, а позже в разной степени трансформированных и модернизированных. Значимость наследия архаики наиболее выразительно проявляется в сфере сакрального измерения жизни. Думается, можно с полным основанием утверждать функциональную значимость архаического пласта как в деятельности отдельного человека, так и культуры в ее разных проявлениях, в том числе в религии. Этот пласт связан с многослойностью филогенетической памяти культуры.

Литература

- Альбедиль*, 2019а — *Альбедиль М. Ф.* Непал: люди, боги, звери. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. 160 с.
- Альбедиль*, 2019б — *Альбедиль М. Ф.* Страна, где богов больше, чем людей // ААС. 2019. № 12. С. 80–83.
- Альбедиль*, 2020 — *Альбедиль М. Ф.* Самая знаменитая шиваитская святыня // ААС. 2020. № 6. С. 69–73.
- Арсеньев*, 2014 — *Арсеньев В. Р.* Архаика как дефиниция и реальность // Актуальные проблемы изучения архаики: Мат-лы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 13–18.
- Васильков*, 2010 — *Васильков Я. В.* Миф, ритуал и история в «Махабхарате». СПб.: Европейский дом, 2010. 400 с.
- Гиренко*, 2004 — *Гиренко Н. М.* Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. СПб.: Carillon, 2004. 512 с.
- Елизаренкова*, 1989 — *Елизаренкова Т. Я.* Ригведа. Мандалы I–IV / Изд. подгот. Т. Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989. 768 с.

- Кнорозов*, 1972 — *Кнорозов Ю. В.* Формальное описание протоиндийских изображений // Proto Indica: 1972: Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. 1972. Ч. 2. М.: Наука, 1972. С. 178–245.
- Лелюхин*, 2004 — *Лелюхин Д. Н.* Возникновение царства Личчхавов в Непале по данным эпиграфики и «Гопалараджавамшавали» // Индия — Тибет: текст и вокруг текста. Рериховские чтения 2002 (юбилейные) в Институте востоковедения РАН. М.: Восточная литература, 2004. С. 142–168.
- Мисюгин*, 2009 — *Мисюгин В. М.* Три брата. СПб.: Наука, 2009. 380 с.
- Шрестха*, 2015 — *Шрестха К. П.* Культ Индры в фольклоре и религиозной традиции Непала (к 60-летнему юбилею установления дипломатических отношений между Россией (СССР) и Непалом) // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2015. № 6. С. 56–72.
- Щербакова*, 2014 — *Щербакова Т. И.* Архаика и время // Актуальные проблемы изучения архаики: Мат-лы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 18–26.

- Эрман*, 1996 — *Эрман В. Г.* Индра // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: Словарь / Под общ. ред.: Альбедиль М. Ф. и Дубянского А. М. М.: Республика, 1996. С. 201–202.
- Allen*, 1975 — *Allen M. R.* The cult of Kumary: Virgin worship in Nepal. Katmandu: South Asia Books, 1975. 166 p.
- Amatya*, 1998 — *Amatya G. M.* Religious life in Nepal. Katmandu: Amatya Publishers, 1998. Part III. 284 p.
- Anderson*, 1974 — *Anderson M. M.* The festivals of Nepal. London: Georg Allen & Unwin Ltd., 1974. 288 p.
- Bryant*, 2003 — *Bryant E.* The quest for the origins of vedic culture: The Indo-Aryan migration debate. Oxford: Oxford University Press, 2003. 387 p.
- Ferro-Luzzi*, 1991 — *Ferro-Luzzi G. E.* The polythetic prototype approach to Hinduism // Hinduism Reconsidered / Ed. by G. D. Sontheimer and H. Kulke. New Delhi: Manohar, 1991. P. 294–304.
- Hutt*, 1994 — *Hutt M.* A guide to the art and architecture of the Katmandu Valley. Gartmore: Kiscadale Publication, 1994. 240 p.
- Kooij*, 1978 — *Kooij K. R.* Religion in Nepal. Leiden: Brill Academic Publishers, 1978. 33 p.
- Michaels*, 2008 — *Michaels A.* Siva in trouble: Festivals and rituals at the Paśupatinātha Temple of Deopatan. Oxford: Oxford University Press, 2008. 285 p.
- Nepali*, 1965 — *Nepali G. S.* The Newars. An ethno-sociological study of a Himalayan community. Bombay: United Asia Publications, 1965. 512 p.
- O'Rahilly*, 1946 — *O'Rahilly T. F.* Early Irish history and mythology. Dublin: Dublin Institute for Advanced Studies, 1946. 566 p.
- Srinivasan*, 1975/1976 — *Srinivasan D.* The so-called Proto-śiva seal from Mohenjo-Daro: An iconological assessment // Archives of Asian Art. 1975/1976. Vol. 29. P. 47–58.

Nepalese Hinduism: a live archaic

M. F. Al'bedil'

The paper is devoted to archaic features of the Nepalese Hinduism which have not been reduced into a relict fossil but exist as a live and actual reality. Considering of Hinduism is dictated by the fact that, firstly, it is professed by the majority of the population of the country, and secondly, because, contrary to the Abrahamic religions, its scriptures can be considered as a predominantly mythological religion. From antiquity until nowadays, it retains, in the quality of the main component, a mythoritual pivot which characterized the archaic beliefs.

Archaic features of the Nepalese Hinduism are here demonstrated through three examples. The first is concerned with the cult of Shiva, one of the supreme gods of Hinduism which is worshipped as Pashupati — 'Lord of animals/livestock'. The origins of this ancient image are rooted in the time of the Proto-Indian civilization (3rd–2nd millennium BC). In modern India, Shiva in the image of Pashupati, as well as his cult, is practically unknown. Meanwhile, in Nepal, not only the archaic image of this deity but also its supreme position in the Hindu pantheon is preserved, whereas the Pashu-

patinath Temple is a famous place of pilgrimage throughout the entire Hindu world. The second example is related with Indra, one of the most popular deities of Nepal. In ancient India, Indra was the head of the Vedic pantheon who was introduced by Indoarians (1700–1300 BC). However later, he lost the status of the head of the pantheon and became just one of the Guardians of the Light. In the present-day Hinduism in India, the cult of Indra does not play any essential role but in Nepal it retains one of the first positions in the religious life of the country. The third example is concerned with the cult of the Live Goddess Kumari who is worshipped as an embodiment of the goddess Taleju, the protectress of the rulers of the country. The reality standing behind the 'female face' of the idea of the supreme power is found in archaic societies with their sex-and-age system where the ritual of the election of the chief was combined with the wedding ritual and, moreover, the man was introduced into the title of the chief by his spouse. Thus, the significance of the heritage of the Nepalese archaic is eloquently manifested in the sphere of the sacral dimension of life.

Поминальный комплекс середины XVIII в. у горы Тоғыртаг (Республика Хакасия) в собрании Российского этнографического музея

И. Д. Ткаченко¹

АННОТАЦИЯ. Публикация коллекции из собрания Российского этнографического музея. В коллекции представлены предметы материальной культуры хакасов (утварь, седельные накладки, стремена, удила, пряжки, топоры), датируемые серединой XVIII в., случайно обнаруженные в Аскизском районе Республики Хакасия.

ANNOTATION. This paper is a publication of a collection kept at the Russian Ethnographic Museum. The collection comprises objects of the material culture of the Khakassians (utensils, saddle mounts, stirrups, horse bits, buckles, axes) accidentally revealed in the Askiz District of the Republic of Khakassia and dated to the mid-18th century.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Хакасы, середина XVIII в., снаряжение верхового коня, накладки на луки седел.

KEYWORDS: Khakassians, middle of the 18th century, saddle-horse gear, mounts for saddle pommels.

В Российском этнографическом музее хранится коллекция предметов, представляющих собой случайную находку, сделанную жителем села Верх-Аскиз Аскизского района Республики Хакасия во время распахки почвы под огород на пастбищных угодьях на южном предгорье горы Тоғыртаг (хребет Сарыгхая) весной 2010 г.² На небольшой возвышенности прослеживались четыре кольцевых каменных выкладки диаметром 1–2 м с остатками погребений по обряду трупосожжения на стороне, с помещением предметов сопроводительного инвентаря в специально сделанном тайнике на площадке захоронения.

Предварительный морфологический анализ находок с учетом сведений об их залегании позволяет выделить несколько комплексов вещей.

Комплекс № 1: примерно 0,15 м ниже уровня современной дневной поверхности находилась пара железных стремян, железный проушной топор, а под ними — медный котелок (рис. 1, 1–3).

Комплекс № 2: в 0,15–0,20 м ниже уровня современной дневной поверхности располагались железный котелок, одно железное стремя и остатки передней луки седла с украшениями в виде двойных «коньков» (рис. 2; 3).

Комплекс № 3: полный комплект металлических накладок с одинаковым орнаментом, позволяющих реконструировать форму обоих луков седла (рис. 4; 5).

Комплекс(?) № 4: четко не выделяется. Можно предположить, что под четвертой каменной выкладкой находился второй проушной топор, аналогичный топору из комплекса № 1 (рис. 1, 1), и, возможно, фрагменты металлических накладок еще одного седла (рис. 6; 7).

Также находчик не смог вспомнить, где именно находились удила (рис. 8, 1), пряжки (одна из них на рис. 8, 2), нож и фрагмент подфейного ремня (рис. 8, 3). Однако компактное расположение всех четырех каменных выкладок и идентичность седельных накладок позволяет рассматривать все вещи как единовременный комплекс.

По заключению Д. Г. Савинова, датировка предметов определяется сочетанием элементов, характерных для послемонгольского времени (форма стремян и пряжек) и предметов русского происхождения (железный проушной топор — рис. 1, 1) — XVII–XVIII вв. С научной точки зрения, несомненный интерес представляют некоторые формы вещей, сохранившие особенности предметного комплекса кыпчакского периода: изогнутые звенья удила (рис. 8, 1), восьмеркообразная форма рамки пряжки (рис. 8, 2), бронзовые ажурные украшения седла (рис. 3), типологически восходящие к срост-кинским формам конца I — начала II тыс. н. э. По сочетанию этих компонентов рассматриваемая коллекция является прекрасным отражением нескольких исторических пластов в этнокультурогенезе

¹ 19186, Россия, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, д. 4/1. Российский этнографический музей. Отдел специализированного хранения. Адрес электронной почты: iriser@inbox.ru.

² Коллекция приобретена через Экспертную фондово-закупочную комиссию (ЭФЗК) РЭМ в 2012 г. при содействии Н. Ю. Смирнова. В составе коллекции 29 номеров, 44 единицы хранения; она хранится в фондах отдела этнографии народов Сибири и Дальнего Востока, хранитель Н. А. Косяк.

РИС. 1. Комплекс № 1. 1 – топор проушной (РЭМ 13087-3); 2 – стремя (РЭМ 13087-2/1, 2); 3 – котелок РЭМ 13087-1. Все предметы после реставрации. Реставратор А. С. Ади.
1, 2 – железо, 3 – медь

FIG. 1. Complex No. 1. 1 – shaft-hole axe (РЭМ 13087-3); 2 – stirrups (РЭМ 13087-2/1, 2); 3 – kettle (РЭМ 13087-1). All the objects are restored. Restorer Artem S. Adi.
1, 2 – iron; 3 – copper.

хакасов – домонгольского (кыргызского), послемонгольского и русского (Савинов, 2012. Л. 1).

С другой стороны, датировка вещей определяется элементами, маркирующими культуру хака-

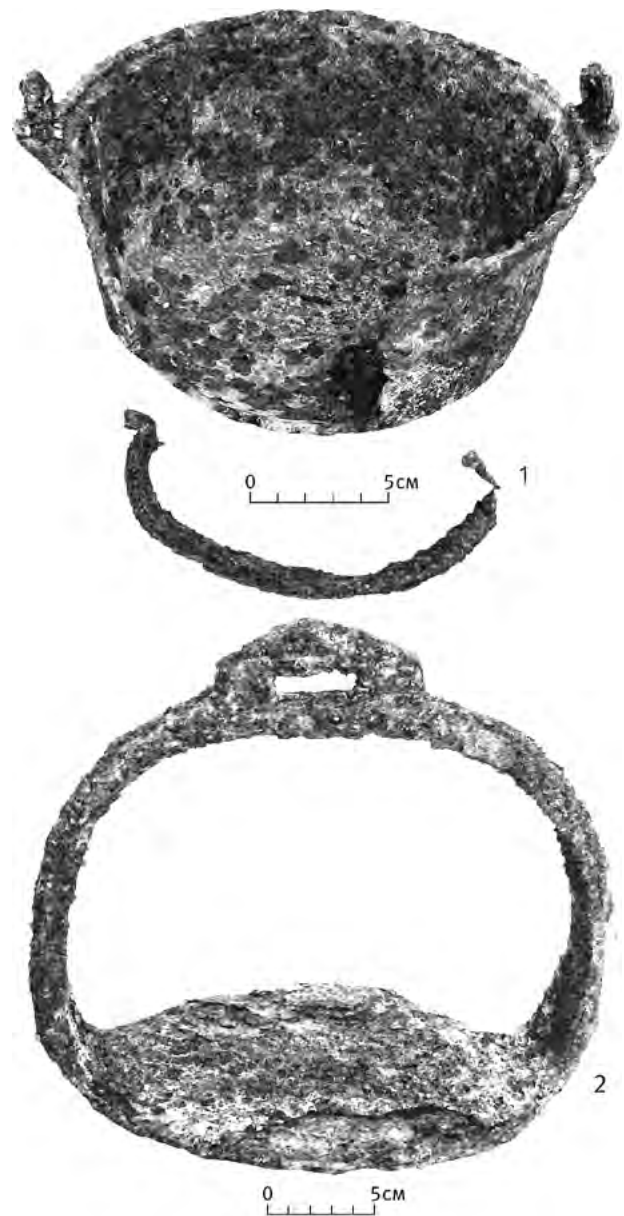

РИС. 2. Комплекс № 2 (начало). 1 – котелок с ручкой (РЭМ 13087-4/1, 2); 2 – стремя (РЭМ 13087-5).
1, 2 – железо

FIG. 2. Complex No. 2 (initial). 1 – kettle with a handle (РЭМ 13087-4/1, 2); 2 – stirrup (РЭМ 13087-5).
1, 2 – iron

сов этнографического времени (в частности, седельными обкладками – рис. 4–7), хорошо известными по музейным коллекциям второй половины XIX в.

Таким образом, наличие топоров русского происхождения определяет нижнюю дату – не ранее XVII в. Архаический облик отдельных вещей делает маловероятным датировку XIX в. Наиболее убедительной представляется датировка данного комплекса серединой XVIII в.

РИС. 3. Комплекс № 2 (окончание). Реконструкция луки седла с «коньковыми» бляшками. 1-6 – фрагменты луки (РЭМ 13087-6/1-6); 7 – «коньковая» бляшка (РЭМ 13087-7/2). 1-6 – без масштаба.

1-6 – дерево и сплав на основе меди, 7 – сплав на основе меди

FIG. 3. Complex No. 2 (final). Reconstruction of saddle horn with 'horse-shaped' plaques. 1-6 – fragments of a saddle pommel (РЭМ 13087-6/1-6); 7 – 'horse-shaped' plaque (РЭМ 13087-7/2). 1-6 – no scale.

1-6 – wood, copper alloy; 7 – copper alloy

В связи с этим, несмотря на случайность находки и неточность сведений об условиях залегания и взаиморасположении предметов, комплекс можно считать уникальным. Дело в том, что предметы материальной культуры до середины XIX в. с территории Хакасии науке практически неизвестны. Специальных планомерных археолого-этнографических исследований не проводилось. Научные интересы археологов, работающих в этом регионе, ограничиваются преимущественно монгольским временем – XIII–XIV вв. Серьезные этно-

графические исследования начинаются лишь со второй половины XIX в. Период позднего средневековья и нового времени уже много десятилетий остается «белым пятном».

В последние годы интерес к этому периоду истории Южной Сибири несколько возрос. В Алтайском государственном университете, в Барнауле, ведется работа над несколькими исследовательскими проектами под руководством А. А. Тишкина. В Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета раз-

РИС. 4. Комплекс № 3. Комплект накладок на седло. 1 – реконструкция расположения фрагментов накладок на передней луке (РЭМ 13087-8/1-5, 9, 10, 11, 12); 2 – накладка на заднюю луку (РЭМ 13087-13); 3 – накладка на левую заднюю (?) лапу седла (РЭМ 13087-14).

1-3 – сплав на основе меди

FIG. 4. Complex No. 3. Set of saddle mounts. 1 – reconstruction of the arrangement of fragments of mounts on the saddle horn (РЭМ 13087-8/1-5, 9, 10, 11, 12); 2 – mount on the cantle (РЭМ 13087-13); 3 – mount on the left rear (?) protruding part of the bar of saddle (РЭМ 13087-1).

1-3 – copper alloy

рабатывают методику поиска и исследования памятников этого периода. Но указанные работы пока не касаются территории Хакасии.

Благодаря исследованиям Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции в конце 1950–начале 1960-х гг. археологическим отрядом под руководством А. Д. Грача было изучено несколько погребений XVII–XVIII вв. (Дьяконова, 1960. С. 151–170). Но практически все они были впускными в курганы более раннего времени, т. е.

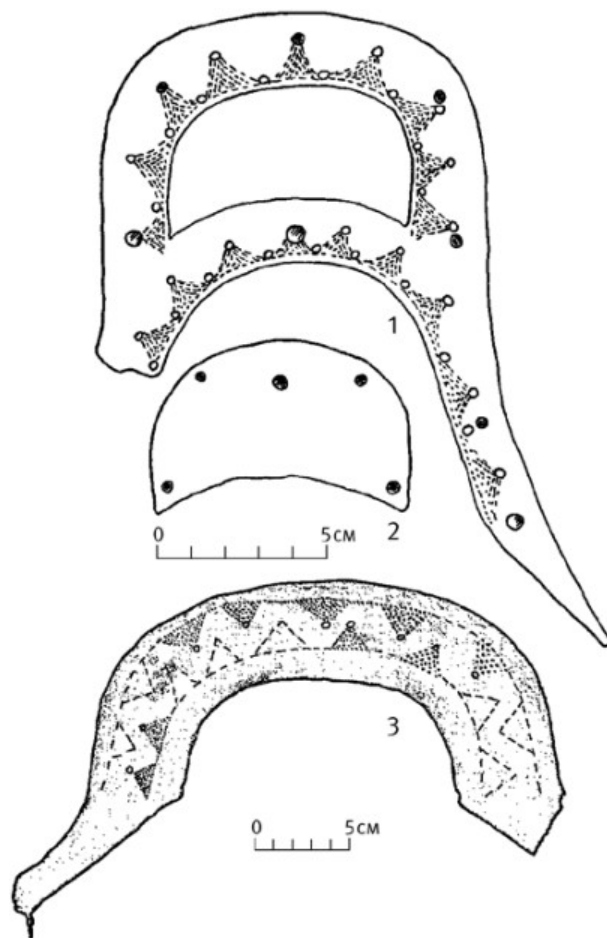

РИС. 5. Комплекс № 3. Комплект накладок на седло. 1 – РЭМ 13087-9; 2 – РЭМ 13087-10; 3 – РЭМ 13087-13. Рисунок автора.

1-3 – сплав на основе меди

FIG. 5. Complex No. 3. Set of saddle mounts. 1 – РЭМ 13087-9; 2 – РЭМ 13087-10; 3 – РЭМ 13087-13. Drawing by the author.

1-3 – copper alloy

эти находки тоже в определенной степени случайны, однако исследованы профессиональными археологами. Они дали материал для изучения погребального обряда тувинцев в очень широком хронологическом диапазоне. Над этим работала В. П. Дьяконова. И вывод, сделанный ею, что к моменту прихода русских переселенцев этнографическая культура тувинцев уже в целом сложилась (Дьяконова, 1975. С. 123), мы почти полвека гипотетично проецируем на Хакасию. Материального подтверждения этой гипотезы до сих пор в научной литературе нет.

Погребальный обряд хакасов позднего средневековья подробно не изучался. В письменных

РИС. 6. Комплекс № 4 (?). Комплект накладок. 1, 2 – накладки на лицевую часть передней луки (РЭМ 13087-15, 16); 3 – фрагменты накладок на передние лапы (РЭМ 13087-17/1, 2).

1-3 – сплав на основе меди

FIG. 6. Complex No. 4 (?). Set of mounts. 1, 2 – mounts on the front side of saddle horn (РЭМ 13087-15, 16); 3 – fragments of mounts on front protruding parts of the bar; РЭМ 13087-17/1, 2.

1-3 – copper alloy

источниках содержатся свидетельства русских воевод о сохранении у енисейских кыргызов XVII–XVIII вв. обряда трупосожжения (*Кызласов, 1975. С. 211*). Более подробно исследован погребальный обряд хакасов XIX – начала XXI в. (*Усманова, 1980. С. 108–113; Бутанаев, 1988. С. 107–132; Анжиганова, Арчимачева, 2017. С. 105–115*). Исследования показывают, что уже с конца XVIII в. хакасы перестали сжигать своих усопших и практиковали преимущественно обряд трупоположения, для шаманов и детей фиксируются воздушные захоронения. Этот факт также подтверждает датировку рассматриваемого комплекса XVIII в.

Обычай сопровождать умершего предметами конского снаряжения является универсальным для кочевников. У всех этнических групп хакасов он зафиксирован вплоть до середины XX в. Причем, все предметы, помещаемые в могилу, намеренно портили: ломали, рвали одежду, разрезали сбруйные ремни и т. д. Возможно, отсутствие значительного фрагмента железного котелка (*рис. 2, 1*) является результатом такой намеренной порчи. А ремень под одной из концевых бляшек подфейного ремня (*рис. 8, 3*) имеет ровный край – от него также, возможно, была намеренно отрезана часть.

Наиболее ценными в составе публикуемой коллекции являются остатки седельных лук.

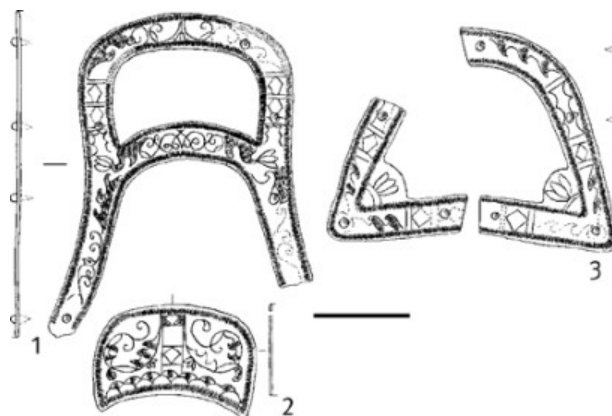

РИС. 7. Комплекс № 4 (?). Комплект накладок.

1 – РЭМ 13087-15; 2 – РЭМ 13087-16; 3 – РЭМ 13087-17/1, 2. Рисунок автора

FIG. 7. Complex No. 4 (?). Set of mounts. 1 – РЭМ 13087-15; 2 – РЭМ 13087-16, 3 – РЭМ 13087-17/1, 2.

Drawing by the author

РИС. 8. Отдельные находки из поминального комплекса у горы Тоғыртағ. 1 – удила (РЭМ 13087-26); 2 – пряжка (РЭМ 13087-28); 3 – фрагмент подфейного ремня (РЭМ 13087-24).

1, 2 – железо; 3 – сплав на основе меди

FIG. 8. Individual finds from the memorial complex near Mt Togyrtag. 1 – bits (РЭМ 13087-26); 2 – buckle (РЭМ 13087-28); 3 – fragment of a crupper (РЭМ 13087-24). 1, 2 – iron; 3 – copper alloy

В комплексе № 2 сохранились фрагменты деревянной луки, украшенной бронзовыми ажурными бляшками (*рис. 3*). Сам по себе факт сохранности фрагментов дерева, позволяющей в общих чертах реконструировать форму луки седла, – исключительная редкость для археологических материалов. Возможно, седло с этими накладками не побывало в огне, а просто было сломано и помеще-

РИС. 9. *Izer* – женское верховое седло, свадебное. Хакасы (качинцы). Енисейская губ., Минусинский уезд, улус Копкоев. Конец XIX в.

Собиратель: А. В. Адрианов, 1904 г. (РЭМ 600-104)

FIG. 9. *Izer* – female wedding saddle. Khakassians (Kachinians). Yenisey Province, Minusinsk Uyezd, Ulus Kopkoyev. Late 19th century.

Collector: A. V. Adrianov, 1904 (РЭМ 600-104)

но там, где его обнаружили. Возможно, сохранились и другие фрагменты дерева, скорее всего, без украшений. Учитывая условия обнаружения комплекса (случайная находка), можно предположить, что нашедший их человек не обратил внимания на древесную труху, а собрал только фрагменты с сохранившимися бляшками. В любом случае, форма луки примерно понятна. Она во многом напоминает, с одной стороны, форму луки седла, например, из кургана № 303 могильника Зеленки в южнорусских степях, конец XI – первая половина XIII в. (Кирпичников, 1973. С. 77, рис. 25), и, с другой стороны, форму луки хакасских седел конца XIX – начала XX в. (рис. 9). Ажурные бляшки, украшающие луку, типологически восходящие к поздне-тюркским формам рубежа I–II тыс. н. э., позволяют считать этот комплект наиболее архаичным в рассматриваемом комплексе.

В комплексе № 3 сохранился практически полный набор металлических накладок на обе луки и, вероятно, на заднюю левую лапу (выступающая перед лукой часть полки) седла (рис. 4; 5).

Наиболее информативны две полукруглые пластины. Как показывают этнографические па-

раллели, о которых речь пойдет ниже, эти две пластины составляют набор. Внешняя пластина (рис. 5, 1) орнаментирована в технике чеканки штрихованными треугольниками. На внутренней (малой) полукруглой пластине (рис. 5, 2) орнамент не просматривается, возможно, он скрыт слоем патины.

Периметр луки был полностью закрыт цельной накладкой, она сохранилась в виде пяти соединяющихся между собой фрагментов. На отдельных фрагментах можно угадать орнамент со штрихованными треугольниками. И, наконец, лука была обита узким изогнутым, вероятно, цельным кантом, от которого сохранилось два фрагмента (рис. 4, 1). Задняя лука также была полностью закрыта цельной пластиной, орнаментированной чеканными заштрихованными треугольниками (рис. 4, 2). К этому же седлу явно относится накладка на левую лапу (рис. 4, 3), с таким же орнаментом, как на луках; должна быть парная ей накладка на правую лапу, но она отсутствует. Пара сквозных отверстий предусмотрена для тороков – узких ремней, чаще всего кожаных, для привязывания (приторачивания) груза.

Среди археологических материалов Минусинской котловины и сопредельных территорий аналогий этим находкам нет, примеры такого размещения металлических украшений на луках неизвестны. Однако данный набор полностью аналогичен накладкам на седла хакасов конца XIX – начала XX в. (ср. **рис. 4, 1** и **рис. 9**), хорошо известным по музейным коллекциям. Причем набор из двух полукруглых пластин, размещенных на лицевой части передней луки, характерен исключительно для хакасов. Он не является единственно возможным вариантом у хакасов, но в такой интерпретации встречается только у них. Надо отметить, что в этнографических материалах все накладки на лицевую часть луки имеют орнамент.

Особенность, маркирующая архаичность изучаемого комплекса, среди прочего, определяется тем, что периметр передней луки, задняя лука и лапы полностью закрыты металлом. На седлах этнографического времени на луках располагаются мелкие сердцевидные или подтреугольные (из трех кругов) бляшки, под которыми видна кожаная или текстильная обивка деревянной основы луки (**рис. 9**). Это связано с высокой стоимостью и, соответственно, экономией металла. Лапы этнографических седел довольно часто полностью закрыты металлом, но также часто встречается и обивка только по периметру узким кантом.

К другому седлу относится неполный комплект накладок на переднюю луку: набор из двух полукруглых пластин аналогичной формы, но уже богато украшенных стилизованным растительным орнаментом, выполненным в технике точечной чеканки, а также одна цельная и фрагмент от парной ей накладки на передние лапы седла со схожим по стилистике орнаментом (**рис. 6; 7**). В данном случае накладки не полностью закрывают лапу, а окантовывают ее.

Среди находок следует упомянуть фрагмент подфейного ремня (подхвостника) в виде круглой ажурной бляхи, прикрывающей перехват ремня, с четырьмя концевыми прямоугольными бляшками, укрепляющими и украшающими кожаную основу (**рис. 8, 3**). Орнамент на бляшках не прослеживается. Подобное оформление подфейного ремня находит полные аналогии среди многочисленных этнографических материалов.

По заключению В. А. Киселя, седельные накладки (**рис. 4–7**), представленные в публикуемой коллекции, являлись яркими памятниками ремесленного творчества хакасов. По тщательности

и мастерству исполнения, седельным накладкам вполне соответствует бронзовый котелок с округлым туловом и плавно выгнутым венчиком, снабженным изящными ушками для подвешивания (**рис. 1, 3**). Однако металлические украшения подфейного ремня (**рис. 8, 3**) были изготовлены менее талантливым мастером – это демонстрируют простота форм, отсутствие орнамента на лицевых сторонах пластин, а также производственная небрежность, проявленная в вырубке отверстий круглой бляхи (Кисель, 2012. Л. 1).

Исключительно интересны наблюдения И. К. Кидиековой, высказанные ею при ознакомлении с материалами публикуемой коллекции. В частности, она отметила, что в предгорье Тоғыртағ (буквально «противоположная гора») чуть выше рассматриваемого памятника находится старое кладбище. По рассказам жительницы с. Верх-Аскиз Татьяны Кызласовой, которой на момент опроса (начало 2000-х гг.?) было 105 лет, на этом кладбище была похоронена ее бабушка. Это событие относится к началу XX в. И тогда сохранялся древний обычай сопровождать в «путь» в иной мир предметами, нужными человеку «там» (в зависимости от пола): принадлежностями шитья, охоты, любимым седлом и другими вещами, характеризующими земные занятия умершего (Кидиекова, 2012. Л. 1).

Отдельное внимание следует уделить орнаменту накладок на, вероятнее всего, женское седло (**рис. 7**). И. К. Кидиекова атрибутирует его как узор «Ымай хоозы» («Ымай хоос») – «узор прародительницы Ымай» (Кидиекова, 2012. Л. 1).

Ымай (Умай) – древнейшая богиня в среде тюрко- и монголоязычных народов. Орнаментальные мотивы, сопоставляемые с ней, характеризуются исключительным разнообразием вариантов и многоплановой интерпретацией. Чаще всего это трехчастная композиция, символизирующая мировое древо с животными или птицами, женщиной – покровительницей семьи и детей, с раскинутыми руками или ногами (культ плодородия), и многое другое. И. К. Кидиекова отметила, что вариант орнамента на рассматриваемой накладке представляет образец, предшествующий этнографической интерпретации узора, где все его черты обрели растительный характер (Кидиекова, 2004. С. 107; 2012. Л. 1).

Таким образом, публикуемые находки, несмотря на неточность и обрывочность сведений о контексте, представляют несомненный научный ин-

терес. Комплекс можно назвать палеоэтнографическим. Абсолютная его дата определяется сочетанием архаичных элементов (изогнутые удила, «восьмеркообразная» форма пряжки, ажурные украшения седла), типологически восходящим к позднетюркскому времени рубежа I–II тыс. н. э.,

и элементов, имеющих аналогии в этнографической культуре хакасов XIX – начала XX в. (главным образом, седельные накладки), а также погребальным обрядом – трупосожжение на стороне. Наиболее вероятной датой комплекса представляется середина XVIII в.

Литература

- Анжиганова, Арчимачева*, 2017 – *Анжиганова Л. В., Арчимачева М. Ю.* Эволюция погребального обряда хакасов: факторы сохранения системной целостности // Проблемы культурологии. 2017. № 2. С. 105–115.
- Бутанаев*, 1988 – *Бутанаев В. Я.* Погребально-поминальные обряды хакасов в XIX – начале XX в. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири / Отв. ред. Я. И. Сунчугашев. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1988. С. 107–132.
- Дьяконова*, 1960 – *Дьяконова В. П.* Поздние археологические памятники на территории Западной Тувы // Труды ТКАЭЭ / Отв. ред. Л. П. Потапов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 151–170.
- Дьяконова*, 1975 – *Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.
- Кидиекова*, 2004 – *Кидиекова И. К.* Ымай-хоос – узор-оберг в хакасском орнаменте // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Мат-лы Пятых Сибирских чтений. Санкт-Петербург, 17–19 октября 2001 г. / Отв. ред. Е. Г. Фёдорова. СПб.: МАЭ РАН, 2004. Ч. 2. С. 105–108.

- Кидиекова*, 2012 – *Кидиекова И. К.* Экспертное заключение на коллекцию из кургана Тогыртаг от 16.02.2011 г. // Документы отдела научной документации РЭМ. Протокол заседания ЭФЭК № 2 от 20.03.2012.
- Кирпичников*, 1973 – *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 140 с. (Археология СССР. САИ; Вып. Е1-36).
- Кисель*, 2012 – *Кисель В. А.* Экспертное заключение на коллекцию из кургана Тогыртаг от 05.03.2012 г. // Документы отдела научной документации РЭМ. Протокол заседания ЭФЭК № 2 от 20.03.2012.
- Кызласов*, 1975 – *Кызласов Л. Р.* Курганы средневековых хакасов (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири / Отв. ред. А. М. Мандельштам. Л.: Наука, 1975. С. 193–211.
- Савинов*, 2012 – *Савинов Д. Г.* Экспертное заключение на коллекцию из кургана Тогыртаг от 12.01.2011 г. // Документы отдела научной документации РЭМ. Протокол заседания ЭФЭК № 2 от 20.03.2012.
- Усманова*, 1980 – *Усманова М. С.* Хакасы // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения / Отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1980. С. 108–113.

Funerary-memorial complex of the mid-18th century near Mt Togyrtag (Republic of Khakassia) in the collection of the Russian Ethnographic Museum

I. D. Tkachenko

The collection of objects accidentally revealed during earthen works in the Askiz District of the Republic of Khakassia was acquired by the Russian Ethnographic Museum in 2012. The conditions of its discovery allow us to consider all the objects as a synchronous set. The dating of the complex to the mid-18th century is defined by the combination of objects typical of the post-Mongol period, the presence of axes of a Russian provenience,

and analogues found in the ethnographic culture of the Khakassians. Of most interest are the remains of saddles enabling us to reconstruct the form of the saddle pomels and representing by now the earliest examples of the traditional Khakassian type of saddle well known through museum collections of the late 19th – early 20th century.

Сергей Александрович Теплоухов как этнограф: полевые заметки о проведении обряда *Ызык тайыг* в Минусинском крае.

Записи 1924 года

Н. Ю. Смирнов¹, Ю. Г. Кустова²

АННОТАЦИЯ. В статье впервые публикуются полевые этнографические заметки С. А. Теплоухова о проведении обряда *Ызык тайыг* хакасами Минусинской котловины в 1924 г. Публикация дневниковых записей иллюстрируется уникальной фотографией, запечатлевшей один из этапов проведения обряда, а также пространственным этнографическим комментарием о ритуале *Ызык тайыг* в традиционной культуре хакасов.

ANNOTATION. The paper first publishes S. A. Teploukhov's field notes about the performing of the ritual of *Yzykh Tayyg* among the Khakassians of the Minusinsk Hollow in 1924. The publication of the diary records is illustrated with a unique photograph depicting one of the stages in the performing of the ritual, as well as an extensive ethnographic comment on the ritual of *Yzykh Tayyg* in the traditional culture of the Khakassians.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: С. А. Теплоухов, ритуал *Ызык тайыг*, архивные материалы, Минусинская котловина, хакасы.

KEYWORDS: S. A. Teploukhov, ritual of *Yzykh Tayyg*, archive evidence, Minusinsk Hollow, Khakassians.

Сергей Александрович Теплоухов (1888–1934 гг.) хорошо известен как яркий представитель палеоэтнологической школы в истории российской археологии. Упоминают его и как практикующего этнографа, как минимум занимавшегося антропологическими обмерами и этнографическими сборами во время своих палеоэтнологических и археологических экспедиций (Китова, 2010). Однако в старой и современной научной печати практически отсутствуют его этнографические статьи и заметки. Желая исправить это очевидное упущение и пользуясь счастливым стечением обстоятельств³,

авторы настоящей публикации представляют здесь один из редких примеров полевой этнографической работы С. А. Теплоухова — наблюдение над проведением обряда *Ызык тайыг* в Минусинском крае в 1924 г.

Предваряя публикацию полевой записи С. А. Теплоухова, сопровождающейся уникальной синхронной фотографией, нам представляется уместным кратко рассказать историю обнаружения этих материалов, а также обрисовать контекст их появления — палеоэтнологическую экспедицию в Минусинский край летом 1924 г.

В 1924 г. С. А. Теплоухов продолжил работы прежних лет, сосредоточив свои усилия преимущественно в районе с. Батени Минусинского уезда Енисейской губернии (Теплоухов, 1926. С. 88). Впоследствии, именно на основе археологических материалов, полученных в ходе раскопок в Батеневском районе с 1920 по 1925 г., ему удалось выстроить периодизацию энеолита — раннего железного века Минусинских котловин, которая стала прочной основой южносибирской археологии на следующие сто лет. Известно, что в экспедиции принимали участие ученик С. А. Теплоухова и сотрудник Этнографического отдела Государственного Русского музея — Евгений Робертович Шнейдер, студентка Петроградского университета Анастасия Тихоновна Кузнецова, племянник Е. Р. Шнейдера, в будущем геолог, — Юрий Александрович

¹ 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: kolaksais@yandex.ru.

Статья подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур и Цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.).

² 198097, Россия, Санкт-Петербург, пр. Стачек, д. 30. Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Кафедра этнокультурологии. Адрес электронной почты: juliakustova@yandex.ru.

³ Авторы приносят свою искреннюю благодарность Д. Г. Савинову, поспособствовавшему тому, чтобы наша исследовательская работа в архиве Российского этнографического музея состоялась, а также директору музея, Ю. А. Купиной, за любезно предоставленную возможность полноценной работы с архивными материалами фонда С. А. Теплоухова в непростых для всех нас условиях 2020 г.

Шнейдер и его кузен — Анатолий Иванович Шнейдер, другой племянник Е. Р. Шнейдера, сын его родного брата Ивана⁴ (Теплоухов, 1926. С. 89; Ипполитова, 2012. С. 60–61).

Запись о проведении шаманом Отоем Сарлиным из Мохова улуса обряда ызых тайыг была сделана С. А. Теплоуховым в полевом дневнике 1924 г., видимо, в период его работ на правом берегу Енисея, и до отъезда в Монголию на раскопки курганов Ноин-Улы по поручению Монгольской комиссии АН СССР. Дату записи, к сожалению, установить невозможно, но в дневнике она расположена на страницах, непосредственно предшествующих первым заметкам о раскопке кургана в Ноин-Уле, т. е. может относиться к началу осени 1924 г.

Этнографическое описание обряда не было случайностью, а, скорее, входило в задачи палеоэтнологической экспедиции. В пользу этого свидетельствуют заметки, сделанные С. А. Теплоуховым на первых страницах дневника 1924 г., — о происхождении качинцев, их родах и расселении, явившиеся, вероятно, следствием расспросов местных жителей (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–3).

Полевой дневник хранится в составе других материалов в фонде С. А. Теплоухова в архиве Российского этнографического музея (далее — РЭМ) в Санкт-Петербурге (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60). Текст написан простым карандашом с включением отдельных строк, написанных цветным (синим) карандашом, в тетради в ¼ листа в твердом холщовом переплете. Тетрадь представляет собой дневник, изготовленный типографским способом, для наблюдений над атмосферным давлением, с соответствующим образом озаглавленными графами на разворотах страниц. Записи и рисунок, касающиеся наблюдений над шаманским обрядом, располагаются на десяти листах, с л. 8 об. по л. 17⁵, со-

отношение к тексту, описывающему обряд (АРЭМ. Ф. 3, оп. 1. Д. 60, л. 17 об.). Хотя, нужно признать, что подобная конструкция в самом тексте не упоминается. На соседнем листе того же разворота изображена схема квадратной ограды какого-то кургана и дано его краткое описание. Этот разворот отделяет в дневнике С. А. Теплоухова этнографические записи начала осени 1924 г. от заметок о раскопках кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула середины и конца осени того же года.

Несмотря на то, что дневник С. А. Теплоухова⁶, судя по листу использования архивного документа, ранее просматривали несколько наших старших коллег, в том числе этнографы С. И. Вайнштейн и Л. Р. Павлинская, запись об исполнении обряда не привлекала к себе внимания как самостоятельный источник. По крайней мере, как локальный сюжет научной биографии С. А. Теплоухова она ранее нигде не рассматривалась.

Волею случая в наши дни представилась возможность не только опубликовать этнографическое описание обряда, сохранявшееся долгие годы в архиве РЭМ, но и дополнить его, проиллюстрировав фотографией, сделанной, вероятно, самим Сергеем Александровичем Теплоуховым или кем-то из членов экспедиции в момент наблюдения над действиями шамана. Указанная фотография долгое время хранилась у наследников близкого друга С. А. Теплоухова и постоянного его спутника в экспедициях по Саяно-Алтаю — Николая Прокопьевича Тараканова (рис. 1), биография которого еще не написана, и это дело неопределенного будущего. В настоящий момент фотография (рис. 2; 3) находится в частном собрании одного из авторов статьи.

Ызых тайыг в традиционной культуре хакасов

Ызых тайыг являлся ритуалом, который был включен в традиционную систему жизнеобеспечения коренного населения Минусинской котловины. Почитание родового духа-покровителя тесно связано с культом гор и основным занятием коренного населения — скотоводством. Считалось, что горные духи отвечают за благополучие своего

⁴ В заметке 1926 г. о работах в Минусинском крае в 1924–25 гг. С. А. Теплоухов указывает среди сотрудников экспедиции некоего Р. И. Шнейдера (Теплоухов, 1926. С. 89). На самом деле, речь идет об Анатолии Ивановиче Шнейдере, в то время еще подростке, которого всегда звали домашним именем — Роберт, в память деда. А его крестильное имя Анатолий, по-видимому, С. А. Теплоухову известно не было. Авторы благодарят А. Б. Ипполитову за прояснение этого курьеза и уточнение биографических данных о семействе Шнейдеров.

⁵ Нельзя исключать того, что схема кольцевидного сооружения из 12(?) камней, диаметром 2 м, с указаниями на то, что «камни [лежат] плашмя, а есть и вертикально [стоящие]», и надписью над ней — «Изых», сделанная цветным синим карандашом на обороте л. 17, имеет

отношение к тексту, описывающему обряд (АРЭМ. Ф. 3, оп. 1. Д. 60, л. 17 об.). Хотя, нужно признать, что подобная конструкция в самом тексте не упоминается. На соседнем листе того же разворота изображена схема квадратной ограды какого-то кургана и дано его краткое описание. Этот разворот отделяет в дневнике С. А. Теплоухова этнографические записи начала осени 1924 г. от заметок о раскопках кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула середины и конца осени того же года.

⁶ В описи фонда С. А. Теплоухова в архиве РЭМ этот документ проходит под названием «Дневник археологических раскопок в районе Тубы», что связано с его ошибочной атрибуцией, данной в 1960-х гг. при разборке фонда. На самом деле, это считавшийся пропавшим после ареста С. А. Теплоухова в 1933 г. полевой дневник раскопок кургана № 24 в могильнике Ноин-Ула, который он вел в 1924 г. во время работы в Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова. Этот факт был выявлен Н. Ю. Смирновым во время работы с фондом С. А. Теплоухова в 2020 г., им же произведена переприписанная атрибуция дневника.

РИС. 1. Н. П. Тараканов и С. А. Теплоухов. 1923 г. Снимок Ф. Ф. Станчу[ка?]. Публикуется впервые (© личное собрание Н. Ю. Смирнова)

FIG. 1. N. P. Tarakanov and S. A. Teploukhov. 1923. Photo by F. F. Stanchu[k?]. First ever publication (© personal archives of N. Yu. Smirnov)

сеока ('сöк' – букв. «кость», род у хакасов), его удачу в хозяйственной деятельности, здоровье, рождение потомства и т. д. Благоклонность горного духа обеспечивалась регулярным жертвоприношением и посвящением ему коня. В традиционной культуре хакасов известно о нескольких видах горного жертвоприношения, горного моления. Один из видов ('Тигір тайыг' – «моление Небу») посвящен почитанию верховного божества, для которого существуют различные обозначения – Небо (*Тигір*), *Кудай*, *Ульгень*, другие направлены на освящение особого хозяйственного фетиша и посвящение коня горному духу ('Ызых тайыг'), третьи связаны с лечением заболеваний, особенно женских (проводились женщиной тайно, так как в основном женщине запрещалось подниматься на горы, особенно на те, где есть пещеры), и т. д.

В дневнике С. А. Теплоухова идет речь об особом молении хакасов, связанном с посвящением коня горному духу и изготовлением (или периодическим кормлением) особого фетиша – *тöс'я* – *Хозан тöс* («Заячий идол»).

Хозан тöс – один из главных идолов у хакасов, им владел каждый род, хотя, по некоторым данным, изначально этот тöс был обязательным только для сеока *Пүрүт* (Яковлев, 1900. С. 104–107; Зеленин, 1936. С. 24, 27, 191–192; Хайтун, 1959. С. 112–113). Постепенно, с заключением браков между разными родами и субэтническими группами населения Минусинского края, этот тöс распространился среди всех хакасов.

Этот фетиш обеспечивал, прежде всего, благополучие скота, освящал собой пространство, занимаемое родом, охранял членов рода от некоторых болезней, а в случае непочтительного к нему отношения, наоборот, насылал болезни на людей и скот. Значимость этого фетиша подтверждалась необходимостью посвящения ему коня, которое проводилось регулярно – раз в три года. Именно этот обряд – *ызых тайыг* (посвящение коня) – и описывается С. А. Теплоуховым в рукописи.

Названия, применяемые к этому идолу, были различными, что было связано с запретом прямого его называния без особой необходимости. Поэтому использовались иносказательные имена –

РИС. 2. Ритуал *ызык тайыг*. 1924 г. Окрестности с. Батени(?). Полевая съемка С. А. Теплоухова(?). Публикуется впервые (© личное собрание Н. Ю. Смирнова)

FIG. 2. *Zykh Tayyg* ritual. 1924. Surroundings of v. Bateni(?). Field photos by S. A. Teploukhov(?). First ever publication (© personal archives of N. Yu. Smirnov)

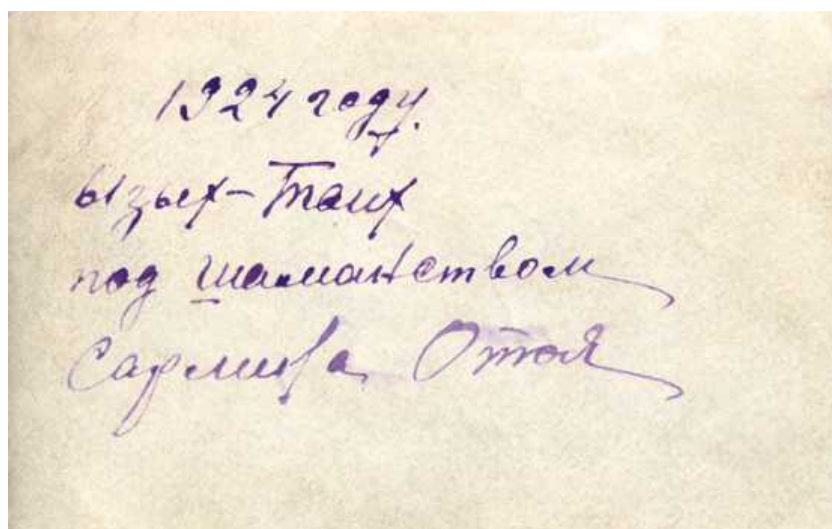

РИС. 3. Подпись на обороте фотографии, сделанная рукой С. А. Теплоухова. Автограф. Публикуется впервые (© личное собрание Н. Ю. Смирнова)

FIG. 3. Signature made by hand of S. A. Teploukhov on the back of a photograph. Autograph. First ever publication (© personal archives of N. Yu. Smirnov)

«Ах төс — ‘белый төс’, Чоғархы төс — ‘верховный төс’, Ызых төс — ‘священный төс’, Ингархы төс и др.» (Бурнаков, 2020. С. 54.), «Илгеркі төс — ‘төс, располагающийся на полке’, Сугчичең төс — ‘пьющий воду төс’ и Эберга» (архивные материалы М. С. Усмановой; цит. по: Бурнаков, 2020. С. 56). Выглядел Хозан төс следующим образом: на достаточно высокой (от 0,5 до 1,5 м) ветке прикрепляли к концам развилки две косички, сплетенные из конских волос, а между ними располагали шкурку зайца (могли использовать как шкурку зайца целиком, так и отдельные части — шкурка с головы, с головы и с передними лапами, только уши зайца и т. д.). К шкурке прикрепляли красную ленточку (*чалама*). Голову зайца покрывала берестяная шляпа. Весь төс целиком зашивался в берестяной мешок (туес) и в таком виде хранился вне юрты, прикрепленный к изгороди, ограде дома, к березе, часто на берегу реки, в таком месте, где он бы не бросался в глаза посторонним людям. Периодически к төс’ю приходили для его «кормления». Приносить жертву следовало «белой», т. е. молочной пищей — молочным жиром, сметаной, молоком, аракой.

Фетиш охранял не только скот и людей, но и непосредственно все пространство, занимаемое родом. В свою очередь, пространство, осваиваемое родовым коллективом в хозяйственной деятельности, группировалось вокруг родовой горы, которая считалась прародителем и основным покровителем всех членов рода. Такая гора считалась священной, нередко на нее запрещалось подниматься женщинам, собирать дикоросы и т. д. Знаком священной горы (*ызых таг* — общее наименование подобных гор для всех групп хакасов) было наличие березы или кольев с привязанными цветными ленточками *чалама*, или же *обаа* — насыпи камней, обозначающей место жительства духа горы.

Ритуал *ызых тайыҥ* проводился при участии всех членов рода, П. Островских описывает, что праздник проводили либо весной, либо осенью. Многие исследователи конца XIX и начала XX в. присутствовали на подобных ритуалах, они не были закрытыми для посторонних. Благодаря этой особенности мы располагаем большим количеством описаний этого моления (Адрианов, 1909; Катанов, 1897; Клеменц, 1892; Майнагашев, 1916; Островских, 1895; Потапов, 1977 и др.).

В изготовлении Хозан төс’я особая роль отводилась шаману. Этот фетиш наследуется в преде-

лах рода, чем старше фетиш, тем, как правило, богаче и крепче род. При неблагоприятном стечении обстоятельств, если фетиш не выполняет свою «утилитарную» функцию, болеет и умирает скот, например, или фетиш становится ветхим, его уничтожал шаман, чаще отправляя по течению реки. Взамен требовалось изготовить новый төс. Шаман либо сам изготавливал его, либо давал указания по выбору материалов. Изготовленный төс символизировал духа-покровителя этого рода, был местом обитания духа-гения. Для «подтверждения» функциональности төс’я его следовало «заселить» духом-покровителем. Для этого и проводили ритуал «ызых тайыҥ» — посвящения животного төс’ю.

Первое кормление төс’я производил шаман (шаманы у хакасов в традиционном обществе были родовыми), в дальнейшем его кормление было периодическим или окказиональным (в случае падежа скота или внезапных заболеваний у членов семьи), проводилось главой той семьи, которая считалась хранителем төс’я и владельцем *ызых’а*. К этому төс’ю запрещалось прикасаться всем женщинам, кормили его только мужчины. В случае нарушения этого табу женщина могла заболеть.

Шаман до проведения *ызых тайыҥ’а* выбирал нового *ызых’а*, для Хозан төс’я обязательно посвящали коня (не барашка, не быка, как для других особо священных төс’ей). Важной при выборе коня *ызых’а* была масть коня, она обычно соответствовала основной масти табуна всего рода. Л. П. Потапов отмечал, что важным свойством при выборе *ызых’а* было соответствие масти коня либо родовому культу, либо объекту посвящения. Так, при посвящении коня Небу и высшим божествам обычно «ставили» коней светлой масти, независимо от родовой принадлежности молящихся, а духам гор — покровителям рода ставили коней той масти, которая считалась мастью этого рода, эти масти были более темных оттенков: «гнедые, бурые и т. д.» (Потапов, 1977. С. 171).

Указанного коня ловили заранее, его гриву украшали цветными лентами, надевали освященную окуриванием чабреца узду и в ночь накануне моления содержали отдельно от остального табуна. После обряда, когда конь становился *ызых’ом* (т. е. «посвященным божеству»), его отпускали в табун, на нем не ездили верхом, не использовали в хозяйственных занятиях, женщина не могла

прикасаться ни к самому коню, ни к его упряжи. Цветные ленты, оставшиеся в гриве после обряда, были знаком этого освященного животного в табу-не. Ызых'ом конь служил несколько лет – чаще в источниках фигурируют числа 3, 6, 9 лет, или до тех пор, пока не наступает какое-либо несчастье, чаще всего болезни или поголовная убыль скота. Ызыха меняли, так как старый, немощный конь не мог считаться освященным покровителем домашнего скота.

Для проведения обряда на гору к священному месту (обозначенному, как место жительства горного духа-покровителя) поднимались чаще всего мужчины рода. Они приносили с собой ленточки *чалама* (привязывали к березе), араку, молочные продукты. Владелец коня был главным жертвователем, он приводил двух ягнят (*хураган* – ягненок) белого цвета или хотя бы с белым пятном на голове. На гору поднималась вода, дрова для костра, продукты. Из срубленных заранее березок сооружался «стол» для духа горы (*сире* – жертвенный столик, трон, или *тунси* – деревянное выдолбленное прямоугольное блюдо) – на нем раскладывалась пища: сыр, творог, сметана, части сваренного жертвенного ягненка (от ягненка в качестве пищи духу брали нижнюю челюсть, правую почку, часть нижних ребер с правой стороны и т. д.). Эту пищу с березового стола обычно не оставляли нетронутой, ею можно было угощать маленьких детей, на фотографии С. А. Теплоухова (рис. 2), возможно, мы наблюдаем именно этот момент. Ритуальной пищей, собственно, «приглашали» духа для угощения. Для того, чтобы благосклонность духа-покровителя перешла на всех членов рода, использовали своеобразного посредника – то, что в источниках называют опахалом – «Ызых сахпынчызы – 'священное опахало'» (Бурнаков, 2020. С. 44), или также тос'ем. В дневнике С. А. Теплоухова интересным является замечание по поводу этого предмета: он описывает «ветку с тремя лоскутами (синим, зеленым и красным) и берестой, обшитой шкуркой с головки выдры», что отличается от известного в литературе описания Хозан тос'я, и добавляет в скобках, что это изображение «лодка и собака для духу и шаман зовет его в нее» (АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60. Л. 12 об.). Последнее замечание, на наш взгляд, прямо говорит о том, что дух или благодать от него перемещается в эту «лодку» и затем, при обмахивании им предметов, посвящаемого коня, Хозан тос'я и присут-

ствующих членов рода, покровительство духа, удача в скотоводстве, других хозяйственных делах, благодать обеспечивается всему роду и тому пространству, которое является «владением» этого горного духа – покровителя рода. Самого Хозан тос'я обычно втыкали в землю, либо возле «большого очага» (для варки жертвенного мяса для духа), либо возле «основной», священной березы на горе.

После кормления духа горы следовал ритуал собственно посвящения коня этому духу. Коня окуривали чабрецом (богородской травой – *'ирбен от'*), омывали молоком, брызгали аракой, после чего нужно было проверить, принимает ли дух горы коня и жертву, благополучно ли проведен ритуал. Для этого на круп коня ставили плоску с молоком или аракой, при малейшем движении коня она падала на землю. Благополучным считался исход, когда плоска падала на землю открытой частью вверх. А. В. Адрианов назвал это положение чашки *'төрэк'* (Адрианов, 1909. С. 514), современный хакасско-русский словарь называет «алтын терк» (Хакасско-русский..., 2006. С. 611) – золотой терк. Положение, когда чаша падает дном вверх, – «характерк» – черный терк, т. е. неблагоприятный исход гадания «терк» (Там же). Завершая проведение ритуала, коня отпускали для свободного выпаса.

Шаман после этого оделял каждого присутствовавшего кусочками мяса жертвенных ягнят, освященным сыром, творогом и аракой. Основная еда для праздника обычно варилась в больших котлах на отдельном костре, который назывался «малым».

Записи из полевого дневника С. А. Теплоухова 1924 г. о проведении обряда ызых тайыг в окрестностях с. Батени(?) (рис. 4)

При публикации текста нами был сохранен стиль изложения С. А. Теплоухова, в том числе авторская транскрипция названия ритуала – «ызыхтаих», а орфография и пунктуация приведены к нормам современного русского языка. Также были раскрыты все авторские сокращения, причем наша расшифровка дана в квадратных скобках. В квадратных же скобках даны наши поясняющие добавления в авторский текст, в тех случаях, когда они очевидны и необходимы по смыслу изложения. Авторские вставки в текст даны в фигурных скобках.

Шаман⁷, имя — Котой⁸, фам[илия] Сарлин. Из Мохова улуса.

Накануне изых-таиха, после того, как привезли шамана, с Колей⁹ отправились за березками.

Вырубили пять березок, высоких, до 2 сажень, и две палки для носилки, причем на пень той березки, которая должна быть поставлена перед жертвенным столиком положено было Колей пучок белой¹⁰ шерсти (овечьей).

Если кто-либо спасет от смерти другого, то последний в знак благодарности привозит вылечившему какой-либо подарок.

Если шаман вылечит кого-либо, то выздоровевший должен подарить платок, плат материи или что-либо.

Очевидно и ствол¹¹ пенек березки, который {дал ствол}, помогает при жертвоприношении — требует почести.

Иzych — (лошадь, бывшая изыхом лет шесть¹², охолощена была весной, до того она была жеребцом-изыхом) была поймана накануне, причем аркан был окурен богородской травой.

Лошадь стояла в стойке¹³. Утром в день праздника аркан, которым была привязана лошадь, был ею порван, и поэтому¹⁴ надо было поймать лошадь и для этого аркан снова окурили богородской травой.

На место, где должно быть празднество, отправлена была бочка с водой и телега с березками и двумя кураганами¹⁵, которые должны быть заколоты. Кураганы (кураган — овца и баран до одного года) должны быть мужского пола, лучше холощенные, и белые шерстью, но допускают[ся] и черные, но с белым пятном обязательно, хотя бы на лбу ({лучше} монгольские овцы, белые с черной головой).

На горке, на большом кургане были вбиты четыре березовых кола с развилками, высотой аршина 1 ½, расставленных по сторонам квадрата размерами по стороне в 1 метр. На них были положены два параллельн[ых] бруска, сверх них еще два параллел[ьных] в другом напр[авлении].

К березке привязывали приезжающие по лоскутк[у] квадратному (челама) из двух кусочков синего и белого [цвета] от каждого члена семьи. Причем привяз[ывали] по лоскутку к каждой отходящей от ствола ветке. Окуривали бог[ородской] травой.

Две¹⁶ {По одной} серебряных нитки вплели в хвост и в гриву коня.

Араку в бутылках и ведерко с молоком поставили под столик, столик покрыли ветками.

Шаман положил на него творог, предварительно окурив его богородской травкой.

⁷ Шаман участвовал в обряде, который нельзя назвать камланием в полном смысле этого слова. В изых тайыг^е шаман выполнял функцию *чильбегчи* — «человек, совершающий обряд или врачующий посредством опахала — сабыт, одежды и иных средств с обязательным произнесением специальных молитв. В качестве таковых могли выступать как шаманы, так и иные лица, практикующие соответствующие ритуалы и методы народной медицины» (Бурнаков, 2020. С. 60). Или обрядом руководил человек, которого называли *алгысчи* — человек, произносящий благопожелания, напутствия.

⁸ В первом и единственном упоминании имени шамана в дневнике С. А. Теплоухов приводит его в такой форме, однако на обороте фотографии, подаренной Н. П. Тараканову, имя шамана указано иначе: Отой.

⁹ Мы однозначно считаем, что под именем Коля здесь и далее фигурирует близкий младший друг С. А. Теплоухова — Николай Прокопьевич Тараканов, хакас по происхождению, что объясняет его участие в проведении обряда. Возможно, обряд был заказан самим Н. П. Таракановым или членами его семьи специально для того, чтобы С. А. Теплоухов мог его описать.

¹⁰ В тексте слово «белый» подчеркнуто рукой С. А. Теплоухова.

¹¹ В тексте слово «ствол» в этом месте зачеркнуто рукой С. А. Теплоухова.

¹² Коня для посвящения меняли периодически, если все в хозяйстве и семьях рода было благополучно, то обряд изых тайыг проводили раз в три года. Посвященный конь должен быть зрелым, крепким, сильным. После того, как конь переставал быть изыхом, он содержался в табуне наравне с остальными лошадьми, терял сакральный статус. В связи с этим интересным представляется факт, зафиксированный С. А. Теплоуховым, что прежняя лошадь была изыхом шесть лет. Но если вспомнить, что рукопись датирована 1924 г., несложно подсчитать, что предыдущий ритуал должен был случиться в 1921 г., в разгар событий Гражданской войны на этой территории. Охолощенный конь не мог быть изыхом.

¹³ Так в тексте С. А. Теплоухова. Видимо, подразумевалось в «стойке» — региональное обозначение помещения для домашнего скота в хозяйственных постройках усадьбы.

¹⁴ В тексте слова «и поэтому» зачеркнуты рукой С. А. Теплоухова.

¹⁵ Хакасское наименование ягнят — хураган.

¹⁶ В тексте слово «две» зачеркнуто рукой С. А. Теплоухова.

Окурили богородской травкой коврик¹⁷ кошму и ветку с тремя лоскутами (синим, зеленым и красным) и берестой, обшитой шкуркой с головки выдры (лодка и собака для духу¹⁸ и шаман зовет его в неё). Ветку положили на березку¹⁹.

Омывали изыха молоком, а шаман {богородской травкой} обрызгал 2 [раза?] аракой. {После этого на круп лошади поставили плоску и ложку, лошадь повели, чашка и ложка упали вверх отверстием. Это к благополучию}.

Из веток сделали кольца и прудели на правую переднюю ногу курагану.

Затем шаман пошел вокруг березки и привяз[ал] к ней изыха. [Шаман] кропил из чашки молоком с творогом, за ним тащили кураганов и шло несколько человек.

Обошли три раза, после чего шаман (еще без шапки) призвал маленьких детей и поил их с ложечки из чашки молоком и творогом.

После этого кураганов стали колоть, разрезая им грудь (раньше всегда кололи овец также как и сойоты)²⁰.

Чугунная чаша на треноге была поставлена в яму, разложили под ней огонь²¹.

Овец разделали на части, выбросили пищевод, глаза, печень[?].

Нижняя челюсть с [нрзб., языком?] [положена] в котел.

Когда мясо сварилось, то правые и центральные части и правые парные органы положили на столик²². Их могут есть мужчины и девицы (сеоки²³ на празднике были различные).

Левые же органы могут есть и женщины, которые были поодаль²⁴.

Мясо было разложено так, что головы лежали на юг.

После этого шаман надел {невестину} шапку²⁵ задом на перед, в левую руку взял прут с тряпками и чашку с овощами, и кусочки мяса [взял] в левую руку. В правую руку [взял] ложку и пошел вокруг бер[езы] с изыхом. Сзади него понесли столешницу с мясом (2)²⁶.

¹⁷ В тексте слово «коврик» зачеркнуто рукой С. А. Теплоухова.

¹⁸ Так в тексте С. А. Теплоухова.

¹⁹ К сожалению, из текста рукописи осталось неизвестным, что произошло с этим предметом после ритуала. Возможно, это тос, изготовленный конкретно для проведения этого ритуала, который использовали для обмахивания людей, коня и т. д., т. е. своеобразное опахало. Тогда шаман должен был или зарыть его в землю после ызых тайыҥа, или прикрепить к основной жертвенной березе. Если же это самостоятельный тос, то его забирали шаман или та семья, которая приносила основную жертву, заказчик ритуала. В любом случае, интересно и важно, что С. А. Теплоухов зафиксировал, что этот предмет служил лодкой (вместилищем) для духа.

²⁰ Обычно жертвенных животных кололи, постелив на землю березовые ветки, считалось, что на землю не должна пролиться ни одна капля крови. Ветки с кровью животных, остатками мяса, шерсти и т. д. сжигали на ритуальном костре. Хакасы полагали, что тогда жертва дойдет до божества целиком. Шкуру жертвенного животного иногда оставляли на горе, но это чаще было зафиксировано для Тигір тайыҥ (Небесного жертвоприношения), чаще шкуру забирал шаман или ее сжигали на месте.

²¹ Этот костер назывался «Улуҥ от» — большой или священный костер, был предназначен только для варки жертвенного мяса.

²² Для жертвенной пищи сооружали специальное сооружение из срубленных заранее березовых стволов и веток, по-хакасски называются *сире* — жертвенный столик, трон, или *тупси* — деревянное выдолбленное прямоугольное блюдо.

²³ Сöök — букв. «кость», название для обозначения рода у хакасов. В сеок входило несколько фамилий. Обычно ызых тайыҥ проводился для одного сеока, шаман тоже был родовым. Возможно, перед нами как раз явление трансформационных процессов, например, ритуал мог проводиться для жителей одного улуса, деревни, т. к. с 1923 г. был образован Хакасский уезд Енисейской губернии и началась территориально-административная реформа на территории этого уезда. К сожалению, в рукописи не указано, какие рода участвовали и был ли шаман представителем этих родов. Село Батени, в районе которого работал в тот год С. А. Теплоухов, в настоящий момент не существует, так как было затоплено при образовании Красноярского водохранилища.

²⁴ Обычно в проведении самого ритуала участвовали только мужчины, но на фотографии С. А. Теплоухова (рис. 2) мы видим, что на священном месте находятся и женщины, и мужчины с маленькими детьми на руках. Возможно, присутствие женщин объясняется необходимостью причастия ритуальной пищей именно маленьких детей, только с ними можно было разделить «белую», священную жертвенную еду — как указывает Теплоухов, детей шаман кормил с ложечки освященным творогом.

²⁵ Этнографами зафиксировано, что важной особенностью культа Хозан тös'я было использование человеком, совершающим обряд (алгысчи, чильбегчи или шаманом), обязательно женской свадебной шапки. Это могла быть шапка невесты или шапка свахи. Последняя имеет сходство с бурятской женской шапкой, что подчеркивает бурятское происхождение поклонения этому фетишу (Бурнаков, 2020. С. 68).

²⁶ Так в тексте С. А. Теплоухова. Возможно, это указание на то, что столешницу с мясом несли два человека.

Обошли три раза. Каждый раз шаман против березки останавливался, все кланялись {в сторону} березки, после чего шаман на ложке подавал всем, начиная с носильщиков, причастие.

Потом три раза обошли [березку с изыхом] с аракой и повторилось то же самое. Т[о] е[сть] во время похода шаман кропил в воздух, а затем каждый раз после целого круга поил причастием — аракой.

После этого все сели против столика, шаман покурил {табак}, окурил всех дымом богородской травы, опяхнул веткой с лоскутами, встал на кошму {сбоку, с ю[га]} и начал молиться.

Во время молитвы отпустили изыха, {поклонившись ему в зад}.

Кончил шаманить, окурил бог[ородской] травкой шапку, ветку и кошму.

Мясо окурили богор[одской] травкой на столешнице и стали есть, бросивши в огонь кусочек мяса, сало и осердия[?].

После еды кости перерубили и бросили все останки в огонь.

Лет десять тому назад умерла в Бел[о]яр[ском] ул[усе] знаменитая шаманка Сокко. Ее похоронили {в простой одежде} недалеко от кладбища (саженьх в 30), {а костюм повесили на кург[ан] камен[ый]}.

После похорон многие стали ее видеть наяву. Поэтому, по совету шаманов, ее в 40-й день разрыли, повернули на брюхо и забили в спину кол. После [этого] шаманка не стала ходить вокруг и беспокоить людей.

Заяц-тёс²⁷. {Есть у каждого, дом охраняет, двор²⁸, скот.}. Сняли с изгороди. Через три года (?)²⁹.

Развели костер³⁰. Поставили корыто с мясом, чайник с молоком {и медный³¹ котел с аракой}, сели вокруг.

Тёс воткнули в сажени от костра, сняли шапку.

Шаман взял в прав[ую] и в лев[ую] руку по кусочку мяса и помазал заячью шкурку головы (первязан[ой] красн[ой] лент[ой]). Так делал он три раза. И каждый раз бросал мясо в огонь.

Затем, то же сделал с аракой и с молоком, и точно так же брызгал ложкой из чашки, бросал остатки в огонь.

{Взял тёс, окурил его над костром с бог[ородской] травкой и помахал им вокруг собравшихся}.

После этого начал бормотать перед тёсом, обращался и к огню, помахивая веткой с красной тряпкой³².

(Оригинал. Автограф. Карандаш. Публикуется впервые.

АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60. Л. 8 об., 9 об.-17).

²⁷ По-хакасски «Хозан тёс».

²⁸ В тексте слово «двор» зачеркнуто рукой С. А. Теплоухова.

²⁹ Так в тексте. Возможно, С. А. Теплоухову осталось непонятным, после чего должно было пройти три года. Ритуал поклонения Хозан тёс'ю, кормления его и связанного с ним (не всегда, необязательно каждые три года) посвящения коня, раньше проводили каждые три года, возможно, знак вопроса связан с упоминанием ранее в рукописи того, что предыдущий ызах (посвященный конь) служил шесть (примерно) лет.

³⁰ Для приготовления пищи для всех участвующих гостей разводили малый костер — «кічіг от», он располагался недалеко от «улуг от» — великого или жертвенного костра.

³¹ В тексте слово «медный» подчеркнуто двумя чертами рукой С. А. Теплоухова.

³² Здесь непонятно, какая ветка служила «опахалом». Или уже упомянутый тёс, который назван «лодкой» для духа, либо использовалось специальное опахало — Ызах сахпынчызы.

РИС. 4. Страница из полевого дневника С. А. Теплоухова с рисунком ритуального объекта, сооруженного для проведения обряда *ызых тайыг*. Автограф. Публикуется впервые (© АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60. Л. 11 об.)

FIG. 4. Page from the field diary of S. A. Teploukhov with a drawing of a ritual object built for the *Zyzyk Tayyug* rite. Autograph. First ever publication (© Archive of the Russian Ethnographic Museum, fund 3, file 60, sheet 11 reverse)

Литература и источники

- Адрианов, 1909 — Адрианов А. В. Айран в жизни минусинского инородца // Записки ИРГО по Отд. этногр. 1909. Т. 34. С. 489–524.
- Бурнаков, 2020 — Бурнаков В. А. Фетиши — тѣсы в традиционном мировоззрении хакасов (конец XIX — середина XX века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. 188 с.
- Зеленин, 1936 — Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1936. 436 с.
- Ипполитова, 2012 — Ипполитова А. Б. Из эпистолярного наследия Е. Р. Шнейдера: семейная переписка 1922–1929 гг. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Матлы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рожд. выдающегося российского археолога М. П. Грязнова / Ред.: В. А. Алёшкин и др. СПб.: Периферия, 2012. Кн. 1. С. 58–64.
- Катанов, 1897 — Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань: Типо-Лит. Импер. Казан. ун-та, 1897. 104 с.
- Китова, 2010 — Китова Л. Ю. Сергей Александрович Теплоухов // РА. 2010. № 2. С. 166–173.
- Клеменц, 1892 — Клеменц Д. А. Заметка о тюсях // Известия Вос.-Сиб. отд. ИРГО. 1892. Т. XXIII. № 4–5. С. 23–35.
- Майнагашев, 1916 — Майнагашев С. Д. Жертвоприношение Небу у бельтиров // Сб. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Пт., 1916. Т. III. С. 93–102.
- Островских, 1895 — Островских П. Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1895. Вып. III–IV. С. 297–348.
- Потанов, 1977 — Потанов Л. П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография: связи фольклора с древними представлениями и обрядами / Отв. ред. Б. Н. Путилов. Л.: Наука, 1977. С. 164–178.

Теплоухов С. А. Дневник археологических раскопок в районе Тубы // АРЭМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60. [69 л.].

Теплоухов, 1926 — Теплоухов С. А. Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Л.: Тип. им. Ивана Фёдорова, 1926. С. 88–94.

Хайтун, 1956 — Хайтун Д. Е. Пережитки тотемизма у народов Сибири и Дальнего Востока // Труды Тадж. гос. ун-та им. В. И. Ленина. 1956. Т. 14. С. 111–142.

Хакасско-русский..., 2006 — Хакасско-русский словарь [Хакас-орыссыстік]. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Яковлев, 1900 — Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Минусинск: [Тип. В. И. Корнакова], 1900. Вып. 4. 212 с.

Sergey Aleksandrovich Teploukhov as an ethnographer: field notes about the ritual of *Yzykh Tayyg* in Minusinsk Krai.

Records of 1924

N. Yu. Smirnov, Yu. G. Kustova

Sergey Aleksandrovich Teploukhov (1888–1934) is well-known in the history of Russian archaeology as a remarkable representative of the Palaeoethnological school. He is also mentioned as a practising ethnographer who was occupied, inter alia, with anthropological measurements and ethnographic collection during his palaeoethnological expeditions. However, his ethnographic articles and notes are practically absent among the old and present-day scientific publications. The authors of this paper present here one

of the rare examples of S. A. Teploukhov's field ethnographic studies — observation of the performing of the ritual of *Yzykh Tayyg* in the Minusinsk Krai in 1924. The publication of S. A. Teploukhov's ethnographic record is illustrated with a unique synchronous photograph, taken possibly, by the researcher himself. S. A. Teploukhov's materials are introduced with modern ethnographic description of the ritual of *Yzykh Tayyg* in the traditional culture of the Khakassians.

Предписанный страх, как часть алтайской культурной традиции

О. П. Игнатьева¹

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена анализу страхов, характерных для представителей единого сообщества. Такого рода зачастую странные «фобии», на первый взгляд напоминающие часть внутреннего эмоционального мира человека, на деле оказываются составляющей культурной традиции. «Предписанные» страхи широко распространены среди алтайцев различных поколений, социальных слоев и уровня образования. Исследование «предписанных страхов» может стать ключом к изучению локальных культурных традиций.*

ANNOTATION. *The article is dedicated to the noticeable number of common fears that can be easily detected between people of the same society. This, often strange, “phobias” seems to be a part of a person’s inner emotional world, and a part of the tradition at the same time. Such a “regulated fears” are typical for the altaians of different generations and social strata and can be used as a key to the local tradition.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Алтай, страх, эмоции, традиция, табу, культура.*

KEYWORDS: *Altai, fear, emotion, tradition, taboo, culture.*

Традиционно исследователям-этнографам свойственно воздерживаться от оценки эмоционального состояния информанта; бесстрастность научного знания становится практически синонимом объективности. Однако практика общения с респондентами в их привычной среде дает возможность наблюдать реакцию носителя культуры на ту или иную ситуацию, заметить эмоциональную вовлеченность в тему обсуждения и, зачастую, сравнив с собственным восприятием происходящего, удивиться, что так взволновало, напугало или обрадовало собеседника. Продолжительное знакомство с культурой позволяет выявить ряд стандартных «возбудителей» эмоциональных реакций, характерных именно для представителей данного этноса, или региона. Напрашивается вывод, что эмоция в такой ситуации не столько естественный биологический выплеск, сколько подсознательный отклик на негласные предписания, характерные для данного социума. Следовательно, эмоции собеседника могут являться отправной точкой в исследовании мировоззренческих и этических представлений не только индивидуума, но и сообщества, к которому он относится. В качестве примера хотелось бы привести комплекс воззрений алтайцев на окружающий мир, неотъемлемо связанный со страхом. Следует оговориться, что этноним «алтайцы» в данном случае используется в самом общем и собирательном своем значении,

т. к. сходные представления фиксируются у алтай-кижи, теленгитов, кумандинцев, туба-кижи, т. е. представителей различных групп и этносов исследуемого региона. Понятие «страх» в данной статье подразумевает эмоциональный отклик, вербально выражаемый респондентами при помощи слов и фраз «страшно», «боюсь», «жутко», «плохо», «опасно», «нехорошо», «не по себе стало» и т. п. Наиболее характерными невербальными проявлениями страха можно назвать нежелание оставаться в том или ином месте в одиночестве и очевидное стремление убедить собеседника в существенности и правдивости излагаемых сведений, касающихся «опасного» пространства, времени, образа действий, либо плохих примет. Страхи, восходящие к локальному культурному контексту и не находящие отклика у представителей иных сообществ, в данной статье именуются «предписанными». Наблюдения велись в ходе этнографических экспедиций в Республику Алтай в 2006, 2008 и 2012 годах в Турочакском, Улаганском, и Шебалинском районах.

«Предписанные страхи» в алтайской среде — весьма устойчивый комплекс воззрений, широко распространенный среди представителей различных поколений и социальных слоев. Чаще всего алтайцы не отдают себе отчета в том, что их страх коренится в родовом, а не в личном опыте, и воспринимают культурные представления как часть своего внутреннего эмоционального мира. Попытки выяснить причину опасений собеседника-алтайца в той или иной ситуации, с точки зрения не-алтайца совершенно безобидной, могут вывести

¹ 191011, Россия, Санкт-Петербург, Инженерная ул., д. 4/1. Российский этнографический музей. Отдел специализированного хранения. Адрес электронной почты: kopeishik@yandex.ru.

исследователя на интереснейший фольклорный пласт быличек об опасном пространстве, времени и дурных приметах. Судя по всему, данные знания не относятся к закрытой части культуры и приобщение к ним требует только удачного контекста беседы. Алтайцы единодушны в том, что на любого человека, вне зависимости от его чужеродности, в пределах обитаемого Алтая распространяются все риски, сопряженные с несоблюдением культурных предписаний, соответственно, предупреждение о приближении к «опасной зоне» — признак расположения собеседника, забота о безопасности несведущего. Обратной стороной данного представления является интерпретация несчастных случаев, происходящих с чужаками в пределах алтайского ареала, как следствия нарушения норм поведения. Истории о людях, пострадавших из-за несоблюдения правил, постоянно пополняют назидательный нарратив, как бы подтверждая ответственность правил и обоснованность страхов, переводя их из категории суеверий в категорию реальной угрозы.

«Предписанные страхи» находятся в очевидной связи с представлениями об опасном пространстве, времени и приметах надвигающейся беды, либо приближения к опасному месту. В настоящее время к «страшным местам», по мнению респондентов, относятся все без исключения заброшенные или даже просто временно пустующие строения. Единожды оставив здание, алтайцы не станут обживать его заново или ремонтировать. Рассказы о голосах, слышащихся в запустевших домах, одни из самых распространенных быличек. Боязнь пустующих строений — страх универсальный для всех алтайцев вне зависимости от пола, возраста и уровня образования. К примеру, во время совместных экспедиционных выездов в поле коллеги-алтайцы, спокойно ночевавшие в палатке, чувствовали себя некомфортно, располагаясь на ночлег в помещении детского сада, предоставленного в наше распоряжение по случаю каникул.

Разница в мировосприятии стала причиной довольно курьезного случая во время экспедиции 2012 г. Молодой мужчина-охранник изъявил настойчивое желание зайти в гости поздним вечером и расположиться на ночлег на одном со мной этаже. Так как кроме нас в здании и вокруг него никого не было, его мотивы были истолкованы мной превратно. Истинной же причиной встревожившего меня поведения оказалась боязнь в одиночестве ночевать в пустом строении, пользуясь среди

охранников-алтайцев дурной славой. Из рассказа молодого человека следовало, что в общежитии слышатся шаги, голоса, видятся тени, а один из его предшественников якобы прострелил потолок, пытаясь прогнать незримые сущности. Все информанты сходятся на том, что остановившихся на ночлег в пустом здании будет беспокоить *körmös* — посмертная сущность человека, переродившаяся во враждебного людям представителя мира духов, или просто недобрый дух. В качестве признаков его присутствия называют произвольное открывание/захлопывание дверей, «непонятные голоса», звуки музыки, возникающей из ниоткуда.

В силу образа жизни многие алтайцы вынуждены в течение года переселяться с летника на зимник и наоборот, для таких ситуаций существует исключение из общего правила, допущение. Считается, что владельца строения *körmös* не беспокоит, пугая только чужаков, по той или иной причине расположившихся на ночлег в отсутствие хозяев, причем чужаками в данном случае будут и родственники, не живущие с семьей владельца постоянно. Если алтайцам все-таки приходится ночевать в пустующем здании, они стараются не делать этого в одиночку, полагая, что наличие товарища сулит некоторую защиту от козней нечистой силы, как минимум служит гарантией пробуждения.

Также повсеместно в алтайской среде распространено представление о «плохих» местах. Респонденты теленгиты называли такое место термином *тургак*, алтай-кижи — *туткак*, *тујер* и описывали как своего рода аномалию, где «конь не идет, машина не едет». Мест таких опасаются, считается, что в них наиболее велика вероятность дорожно-транспортных происшествий со смертельным исходом. Бытует мнение, что некая часть сущности человека, погибшего в таком месте, как бы застревает в скверном пространстве, регулярно являясь в качестве призрака людям, проезжающим мимо и даже не наделенным даром ясновидения. Надежными оберегами в такой аномалии считаются плеть, огонь, бранные слова, а также нож или топор, которыми режут, разрубают невидимую преграду перед собой. Крещенные алтайцы используют крестное знамение или крестное знамение зажженным предметом: спичкой, зажигалкой, сигаретой (Игнатьева, 2006. Л. 37, 41 об.).

Для повседневного разграничения внутреннего (безопасного) и внешнего (опасного) пространства алтайцы повсеместно используют ветви колю-

чих кустарников. Укрепленные над входом в жилище, они служат для отпугивания злых духов, а также недобрых людей и дурной молвы. Стараются повесить ветки как можно незаметнее (Там же. Л. 7). Исследователи отмечают, что в качестве *тегенек* – колючки выступают такие разнообразные растения, как шиповник, можжевельник, верблюжья колючка, барбарис и крыжовник. Особенно актуален подобный оберег становится после похорон, так как мешает духу умершего беспокоить домочадцев (Ачимова, 2012. С. 29, 30; Кыпчакова, 1983. С. 145). Защита от новоявленной посмертной сущности – важная часть алтайской поминальной обрядности, в ходе которой принято избавляться от личных вещей усопшего, притягательных для его *кёрмёс*. В современной традиции вещи частично раздают, частично сжигают за пределами поселения.

Представления о «страшном пространстве» и «страшном времени» неразрывно связаны. Плохое само по себе, «страшное место» становится многократно опаснее в «недобрый час». Комплекс знаний о хронологических периодах различной цикличности, несущих общую или индивидуальную угрозу, очень широко распространен в алтайской среде и существенно влияет на ритм жизни населения. В культуре устойчиво сохраняется ряд запретов, связанных с сумерками, особенно предзакатными – *кызыл энир*. В этот период времени человек особенно уязвим и может утратить часть своей жизненной сущности, а то и вовсе умереть, особенно во сне. Нельзя откликаться на зов, упоминать свое имя, и окликать по имени других людей, чтобы не оказаться во власти злых духов. Детей в это время оберегают особенно тщательно, не выпускают на улицу, запрещают играть в шумные игры и спать, одежду и постельные принадлежности малышей также забирают с улицы до наступления сумерек, так как считается, что рядом с детскими вещами любят находиться жизненные сущности самых младших членов семьи. В целом существует комплекс запретов на манипуляции с вещами и продуктами, действующий в данный временной период. Можно предположить, что мир людей во время *кызыл энир* тесно смыкается с миром сновидений, так как в это опасное время видятся предвещающие недоброе сны. К плохому времени относят также безлунные ночи перед новолунием, и шире – весь период перед новолунием. В это время стараются не начинать новых дел, берегут детей, избегают поездок и прибегают

к дополнительным мерам ритуального очищения: окуриванию можжевельником – *арчином* (Тюхтенева, 2006. С. 33–34; Игнатьева, 2006. Л. 37). Время, предшествующее новолунию, неблагоприятно и для этнографической работы в алтайской среде, если только вы не продолжаете уже начатое обследование, так как многие алтайцы неохотно заводят новые контакты и становятся особенно осторожны в выборе тем для беседы; также неохотно осуществляется передача и продажа предметов домашнего обихода.

К числу актуальных «предписанных страхов» можно отнести опасение нарушить некоторые культурные запреты. С точки зрения алтайцев, неверное поведение в отношении сакрально значимых объектов неизбежно влечет за собой несчастье (Шатинова, 1983. С. 152). В культуре устойчиво бытуют синхронизированные с современностью нарративы о покушении на почитаемые деревья, в частности на «шаманские листовницы» – *кам тыт* (Кыпчакова, 1983. С. 143) Рассказ о таком происшествии ведется, как о чем-то случившемся недавно, повествует о человеке, срубившем «шаманское дерево» и погибшем вскоре после. Причем рассказчик не преминет заметить, что местные жители всячески пытались остановить незадачливого «лесоруба», т. е. выполнили свой долг в отношении погибшего и не разделяют ответственность за его действия. Другой распространенный сюжет связан с домашним очагом. Алтайцы внимательно следят за состоянием поленьев в огне и, если одно из них в процессе горения поднялось в вертикальное положение, считают это верным признаком скорого прибытия гостя. Такое полено – *коночы* «угощают», аккуратно укладывают горизонтально и прикрывают золой. Бытуют рассказы о хозяйках, по недосмотру повредивших такое полено, и через некоторое время получивших известие о том, что с гостем, по дороге к их дому, приключилось несчастье (Игнатьева, 2006. Л. 54 об.– 55).

Для алтайцев характерно серьезное отношение к приметам. В частности, большое значение принято придавать поведению животных. По тревожному лаю собак с пятнами над глазами, считающихся ясновидящими – *кёсмёхчи*, определяют наличие поблизости враждебных человеку сущностей. Информанты расходятся во мнениях относительно того, хорошо или плохо держать у себя такую собаку. Одни полагают, что она защищает дом, другие, что доставляет слишком много беспокойства и сама является объектом притяжения

духов (Там же. Л. 7, 12). Как уже было сказано выше, поведение лошади подсказывает всаднику о приближении к *тургакту жер* – плохому месту. Если эти приметы вполне очевидны даже для чужого на Алтае человека, то чтобы понять неприязнь и страх, которые испытывают алтайцы к удодам, нужно серьезно знакомиться с фольклором и мировоззрением. *Жаман куш* – плохая, скверная птица – алтайское повседневное название этого пернатого. Считается, что угод, появившийся рядом с человеческим жилищем, предвестник скорой и неминуемой смерти кого-то из членов семьи (Игнатьева, 2006. Л. 27 об.; 2008. Л. 16). Примета имеет очень широкое распространение, однако объяснить ее происхождение информанты не берутся. Неблагоприятным предзнаменованием считается также появление в доме летучей мыши (Игнатьева, 2008. Л. 16).

Большое количество алтайских примет относится к области сновидений. В числе плохих, сулящих беду снов называют сон, в котором видели коня или всадника на коне. Объясняют это тем, что в коня – животное, наделенное духом, воплощается человеческая (мужская) душа. Выражение «я

его на коне видел» алтайцы, судя по всему, могут употреблять как в значении «не жилец», так и в качестве аналога русского недоброжелательного «в гробу я его видал» (Там же. Л. 15 об.). Негативно трактуют и сон, в котором человек теряет зубы, т. к. это тоже предвещает убыль в семье (Тюхтенева, 2006. С. 37). Очевидно, что полный перечень негативных примет существенно больше представленного в статье. Для получения более репрезентативных данных потребуются анализ фольклорных текстов, и методичный сбор информации, однако направление исследования представляется весьма перспективным.

Использование эмоции в качестве отправной точки этнографического полевого изыскания несомненно позволит выйти на качественно новый уровень понимания традиционной культуры. Человеческие чувства, принятые во внимание в качестве части контекста жизни, как ничто другое, могут указывать на актуальные тенденции развития мировоззрения и способствовать отказу от восприятия культуры как статической системы, в которой что-то «исконно и правильно», а что-то «чужеродно, неверно и сконструировано».

Литература и источники

- Ачимова, 2012 – Ачимова А. А. Растения Горного Алтая в обычаях и традициях алтайцев. Барнаул: Печатная компания «Арктика», 2012. 99 с.
- Кыпчакова, 1983 – Кыпчакова Л. В. К вопросу о культе деревьев у алтайцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 141–148.
- Игнатьева, 2006 – Игнатьева О. П. Дневник экспедиции в Республику Алтай 2006 г. (Улаганский и Шебалинский р-ны Республики Алтай) // АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 204.
- Игнатьева, 2008 – Игнатьева О. П. Дневник экспедиции в Республику Алтай 2008 г. (Шебалинский р-н Республики Алтай) // АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 205.

- Игнатьева, 2012 – Игнатьева О. П. Дневник экспедиции в Республику Алтай (Турочакский и Шебалинский р-н Республики Алтай, г. Бийск) // АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 255.
- Ткаченко, 2006 – Ткаченко И. Д. Дневник экспедиции в Республику Алтай 2006 г. (Улаганский и Шебалинский р-ны Республики Алтай) // АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 203.
- Тюхтенева, 2006 – Тюхтенева С. П. Земля моего сновидения // ЭО. 2006. № 6. С. 31–37.
- Шатинова, 1983 – Шатинова Н. И. Мир «невидимых» по традиционным представлениям алтайцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 149–161.

Regulated fear as a part of the Altaic cultural tradition

O. P. Ignatyeva

The analysis of the «prescribed fears» of the Altaians allows us to get to the worldview ideas about space, time, normative behavior, the world of invisible creatures (evil spirits, «genius loci», etc.). The study of the emotional reactions of representatives of

a same community is seen, in this regard, as a promising direction of field ethnographic work not only in this particular society, but also in general in communities that have fully or partially preserved the traditional way of life.

Три поездки в Приамурье

Т. Н. Дмитриева¹

АННОТАЦИЯ. В статье дается информация о трех собирательских экспедициях Государственного музея истории религии в Нанайский, Ульчский и другие районы Хабаровского края, особенностях сборов коллекции нанайской и ульчской ритуальной скульптуры и других ритуальных предметов. Кратко описывается содержание коллекции, хранящейся в ГМИР.

ANNOTATION. This paper presents information about three collecting expeditions of the State Museum of the History of Religion (GMIR) to the Nanaysky, Ulchsky and other districts of the Khabarovsk Krai; also the particulars of collecting of Nanay and Ulch ritual sculpture and other religious objects and the content of the collection kept at GMIR are described.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коллекции по традиционным верованиям народов Приамурья, ритуальная скульптура, нанайцы, ульчи, шаманство.

KEYWORDS: collections of objects concerned with traditional beliefs of peoples of the Amur region, ritual sculpture, Nanays, Ulchs, shamanism.

Фонд «Архаические и традиционные верования» Государственного музея истории религии разнообразен по содержанию. Здесь есть вещевые и изобразительные материалы, археологические и этнографические коллекции, представлены как народы России и ближнего зарубежья, так и иных континентов. Среди этнографических коллекций одной из наиболее масштабных, полных и систематически собранных является коллекция по верованиям и обрядам народов Приамурья — ульчей и нанайцев. Этими качествами данная коллекция обладает благодаря тому, что она была целенаправленно сформирована в ходе собирательских экспедиций Музея к этим народам.

Собирательские экспедиции организовывались Музеем в 1960–80-е гг., после чего эта практика прекратилась. Тогда были проведены экспедиции на Чукотку, в Бурятию, в Ханты-Мансийский национальный округ. Но три последовательные поездки сотрудников Музея в Приамурье дали наиболее репрезентативную и значительную по количеству предметов коллекцию культовой скульптуры и других предметов культа нанайцев и ульчей. Это экспедиции 1972 г. в Нанайский район Хабаровского края, 1973 г. в Ульчский район Хабаровского края и поездка 1989 г. в города Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре и в нанайские и ульчские села.

Экспедиция 1972 г. примечательна тем, что в ней участвовали сотрудники Музея, по своей специализации и научным интересам далекие

от этнографии вообще и от традиционных верований нанайцев и ульчей в частности. Это были директор Музея Владислав Николаевич Шердаков — философ, специалист по христианской этике, по проблемам нравственного воспитания и социальной психологии, в частности, по этическим взглядам Ф. М. Достоевского; и старший научный сотрудник, впоследствии заместитель директора по научной работе, Яков Ильич Шурыгин — искусствовед, специалист по русской живописи XIX века, бывший до перехода в Музей истории религии директором Петергофских дворцов и парков. Под руководством последнего велась работа по восстановлению дворцов и парков Петергофа.

Этим двум сотрудникам Музея удалось за один месяц собрать коллекцию из 75 предметов, которая достаточно полно освещает разные стороны традиционных верований нанайцев и, частично, ульчей. Она характеризует нанайское шаманство — причем и шамана как личность, и шаманскую лечебную практику, а также культ домашних духов-покровителей, погребальную обрядность, как существующую на момент сборов среди ульчей, так и археологические свидетельства погребального культа, скорее всего, конца XIX — начала XX в.

Участники экспедиции познакомились в селе Дада Нанайского района с известным шаманом Моло Тимофеевичем Онинка. Этот шаман был известным не только среди своих соплеменников, но и среди исследователей традиционных верований народов Приамурья. Разносторонние сведения о нем — запись его камланий, его рассказы о шаманском становлении, о его шаманских духах — стали достоянием науки благодаря многолетним иссле-

¹ 190000, Россия, Санкт-Петербург, ул. Почтамтская, д. 14. Государственный музей истории религии. Отдел «Религии архаических обществ и Древнего мира». Адрес электронной почты: tn-d@mail.ru.

дованиям духовной и материальной культуры нанайцев и ульчей известного этнографа Анны Васильевны Смоляк, результаты которых изложены в ее многочисленных статьях и монографии (Смоляк, 1991). В Отчете об экспедиции Я. И. Шурыгин излагает содержание беседы с этим шаманом, а также подробно описывает камлание М. Т. Онинка, свидетелем которого были члены экспедиции. Это были «большие поминки», т. е. проводы души умершего в *бун* — загробный мир (Шурыгин, 1972. С. 8–13). В Отчете сказано также, что это камлание было записано ими на магнитофон, но, к сожалению, запись в фондах Музея найти не удалось. Помимо непосредственного общения с шаманом, сотрудники приобрели у него ряд вещей, связанных с его шаманской практикой: рубаху, в которой шаман камлал и на которой он изобразил цветными карандашами своих духов-помощников; бубен с колотушкой; шаманские «иконки» на ткани; флаги и другие личные шаманские атрибуты М. Т. Онинка. Многие из этих вещей опубликованы в работах А. В. Смоляк с разъяснениями, записанными от самого шамана. Получился очень информативный комплекс предметов, характеризующий как специфику традиционного нанайского шаманства начала 1970-х гг., так и личные особенности шаманского восприятия и деятельности конкретного шамана из села Дада.

В том же селе Дада экспедиция приобрела у других лиц ряд скульптурных изображений духов-помощников шамана, помогающих в лечении различных болезней. Но сведения об этих предметах оказались менее информативными, чем комплекс, полученный от М. Т. Онинка, так как люди, продавшие их, могли рассказать об их функциях только в самых общих чертах.

В селе Аури Ульчского района у жителя этого села Ангина Каю были приобретены шесть скульптур *маси* — духа-покровителя дома. На кладбище этого села с разрешения местных жителей был взят «домик душ», характеризующий особенности местного погребального обряда. В селе Аури проживали роды нивхского происхождения, в том числе род Ангин, поэтому погребальный обряд носил следы значительного нивхского влияния (Золотарев, 1939. С. 151–152; Смоляк, 1975. С. 95; 1980. С. 185). Этот «домик душ» подробно описан в моей статье (Дмитриева, 2014). К сожалению, участники этой поездки не оставили о ней печатных работ. Вся сохранившаяся в настоящее время в Музее информация о ее результатах и описание предметов собраны мною в работе (Дмитриева, 2021).

Вдохновленные удачной поездкой 1972 г., сотрудники Музея продолжили собирательскую работу на Амуре и в следующем 1973 г. Экспедицию возглавил Я. И. Шурыгин, но на сей раз вместе с ним отправился Василий Юрьевич Лещенко — научный сотрудник Музея, интересы которого были связаны с этнографией и археологией, правда, финно-угров. Для исследований и сборов предметов был выбран Ульчский район Хабаровского края. Остановившись в с. Богородское, сотрудники Музея совершали поездки на лодке по протокам Амуре в различные селения, в том числе и заброшенные. Они посетили села Койма, Ухта, Кольчём. Были они и в нивхском селе Кальма Ульчского района. Экспедиции и в этом году повезло на встречи с интересными людьми, хотя сотрудники изначально не планировали посещение именно этих мест и, соответственно, сами эти встречи. Собираясь в Приамурье, они хотели посетить места расселения негидальцев на Амгуни, а также нивхов на Амурском лимане. Планы же отправиться в Ульчский район возникли уже в Хабаровске, в ходе бесед с работниками Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова.

Будучи в селе Ухта, сотрудники музея встретились с А. В. Смоляк, которая многие годы работала среди местного населения в селах Нанайского и Ульчского районов. Она помогла им советами в плане общения с местными жителями, а также проконсультировала их относительно значения некоторых ритуальных скульптур.

В этом же селе Ухта участники экспедиции встречались с известной шаманкой по имени Дзя Дян (Дья Ивановна Дян, 1916–1993) (см.: Ульчи. Каталог, 2017. С. 306), с которой они беседовали о верованиях и обрядах ульчей и об ульчском шаманстве. Они указали в Отчете, что она «скрывает свою шаманскую деятельность» и «уклонялась от ответов на вопросы, касавшиеся содержания религии» (Шурыгин, 1973. С. 6). Однако с А. В. Смоляк, которая много общалась с этой шаманкой, Дзя Дян вполне свободно и подробно беседовала на шаманские темы. В книге А. В. Смоляк опубликовано множество сведений о шаманском становлении и шаманской деятельности Дзя Дян (см., напр.: Смоляк, 1991. С. 37–38, 78, 94 и др.). Это хорошая иллюстрация того, что для получения реальных сведений о таких сокровенных сферах культуры, каковыми являются религиозные верования и шаманство, необходимо долгое «вживание» в культуру. «С налету», в результате одно- или двух-

дневного знакомства, можно получить только поверхностные сведения.

В селе Кальма сотрудники экспедиции встретились с завучем школы-интерната, преподавателем Марией Николаевной Пухта. М. Н. Пухта (1931–2004) – учитель русского языка и литературы, автор учебников нивхского языка, методических пособий, словарей – главным делом своей жизни считала сохранение родного нивхского языка и культуры народа. Ею собрана значительная коллекция образцов нивхского декоративно-прикладного искусства: трафареты, прорисовки старинных орнаментов и т. п. Коллекция эта в настоящее время хранится в Хабаровском краевом музее им. Н. И. Гродекова (Нивхи. Каталог, 2015. С. 40). М. Н. Пухта сообщила сотрудникам подробные сведения о старом нивхском погребальном обряде и другую информацию по нивхским традиционным верованиям (Шурыгин, 1973. С. 18).

Целью экспедиции 1973 г. был не только сбор информации о традиционных верованиях, но, главным образом, сбор культовых предметов для пополнения коллекций ГМИР. Членам экспедиции удалось собрать около 200 предметов – скульптурных изображений духов, шаманских атрибутов, предметов, связанных с медвежьим праздником (Лещенко, Шурыгин, 1979. С. 136).

Если информацией о верованиях и обрядах местные жители неохотно делились с чужими, незнакомыми людьми, отрицая на первых порах, что они что-то знают, то, судя по описаниям в полевом дневнике и по Отчету об экспедиции, сбор культовой скульптуры проходил несколько легче. 1970-е годы – время, когда атеистическая работа среди населения страны достигла определенных успехов. Молодое поколение тогда довольно равнодушно относилось к религии. Верования, традиционные обряды, сопровождавшие всю жизнь охотника и рыболова, не афишировались, хотя и соблюдались. Местные жители вначале на словах отрицали наличие у них культовой скульптуры, но, как пишет Я. И. Шурыгин в Отчете, «в большинстве случаев, однако, удавалось убедить в необходимости передачи нам материала» (Шурыгин, 1973. С. 8). Хотя эта передача давалась людям с трудом, они опасались как гнева со стороны духов, так и осуждения односельчан.

Только в единичных случаях сами жители передавали экспедиции хранящиеся у них скульптуры. Так, в селе Койма удалось получить коллекцию ритуальной скульптуры, связанную с рожде-

нием мальчиков-близнецов. Она была сделана отцом при их рождении в 1930 г. Близнецы живы, выросли, один из них работает машинистом парохода на Камчатке. Родители уже умерли. Отец близнецов, умирая, просил своего младшего брата спрятать связанные с близнецами вещи в тайге, но по какой-то причине этого сделано не было. Предметы остались лежать на чердаке дома в отдельном ящике. Сотрудникам экспедиции удалось, хотя и с большим трудом, убедить хозяина предметов передать эти вещи музею. Он согласился их отдать, но только тайно, так как боялся осуждения со стороны общественного мнения односельчан (Лещенко, Шурыгин, 1979. С. 146).

Чаще жители сообщали, хотя также «после продолжительных и неоднократных бесед, просьб, убеждений», о наличии скульптур на чердаках оставленных домов или в лесу. Так, житель села Богородского указал место в лесу около села Койма, куда относили идолов. Там, с помощью 76-летнего старика, сотрудники Музея нашли изображение *маси* – духа-покровителя дома и семьи и скульптуру *онголяку*, помогающего от рахита. В лесу около деревни Ухта были найдены три парных изображения. Это пары *дусэ* – дух-хозяин тайги в виде тигра со своей собакой *индауля*. Каждая такая пара находилась у большой лиственницы, укрытая небольшими деревьями, уложенными в виде шалашей. Еще одна такая пара, самая крупная, была найдена в лесу около деревни Кольчём (рис. 1; 2) (Лещенко, Шурыгин, 1979. С. 139).

Собранная коллекция включает разные категории ритуальных предметов. Главным образом это ритуальная скульптура, но есть и другие предметы – ритуальная посуда, амулеты. Кроме многочисленных скульптурных изображений *дусэ* (духа-хозяина тайги, как в сопровождении своей собаки, так и без нее), есть ряд предметов, связанных с рыболовческим культом водяных хозяев, с почитанием Амура. Много скульптур *маси*, которые варьируют по своему внешнему облику (хотя и в пределах, позволяющих атрибутировать их именно так). Есть много лечебной скульптуры, а также предметов, предназначенных для лечения именно детей. Из предметов, связанных с шаманскими камланиями, интересны фигуры куниц – проводников шамана (рис. 3), сделанных из прутьев лиственницы, фигуры *бочо*, духа-помощника шамана, шаманские колотушки.

Относительно всех собранных предметов зафиксирована информация о том, от кого они были

РИС. 1. Село Кольчём Ульчского района Хабаровского края. Скульптурное изображение *duse* – духа-хозяина тайги. Дерево. Экспедиция ГМИР 1973 г. Инв. № ГМИР А-1322-1. Фото ГМИР

FIG. 1. Village of Kolchem of the Ulchsky district of the Khabarovsk Krai. Sculptural representation of *duse* – spirit lord of taiga. Wood. Expedition of GMIR of 1973. Inv. No. ГМИР А-1322-1. Photograph credit: GMIR

получены и где находились (не только село, но иногда и владелец дома, и место в доме). Однако далеко не всегда сотрудники Музея могли получить сведения о значении вещей от их бывших хозяев, так как многих из них уже не было в живых. Собирателей смутил тот факт, что некоторые сэвэны разными людьми интерпретировались в функциональном отношении по-разному. Поэтому они использовали не только мнения хозяев, но обращались за информацией к нескольким пожилым

РИС. 2. Село Кольчём Ульчского района Хабаровского края. Скульптурное изображение *индауля* – собаки духа-хозяина тайги. Дерево. Экспедиция ГМИР 1973 г. Инв. № ГМИР А-1323-1. Фото ГМИР

FIG. 2. Village of Kolchem of the Ulchsky district of the Khabarovsk Krai. Sculptural representation of *indaulya* – the dog of the spirit lord of taiga. Wood. Expedition of GMIR of 1973. Inv. No. ГМИР А-1323-1. Photograph credit: GMIR

ульчам, а для окончательного определения обратились к шаманке Дзе Дян, результатами работы с которой на этот раз остались довольны.

Кроме предметов, собранных из культурного контекста, в коллекции имеется несколько скульптурных изображений духов, сделанных мастером села Кольчём по заказу сотрудников Музея.

Привезенная в 1973 г. большая и многообразная коллекция заслуживает подробного описания и изучения. К сожалению, этого пока не сделано. Участниками поездки была опубликована только одна статья (Лещенко, Шурыгин, 1979) и две коротких заметки в журнале «Наука и религия» (Лещенко, Шурыгин, 1974; 1977).

Последняя, третья поездка сотрудников Музея в Приамурье состоялась летом 1989 г. В экспедиции участвовали научный сотрудник ГМИР Татьяна Владимировна Жеребина и художник-реставратор ГМИР Николай Вадимович Калинин. Научные интересы Т. В. Жеребиной были связаны с традиционными верованиями народов Сибири. Н. В. Калинин находился в дружеских отношениях с известной нанайской художницей, членом Союза художников РФ Л. У. Пассар, в своих работах сохраняющей и развивающей народные традиции, и с другими нанайскими деятелями культуры, с которыми он предварительно списался. Т. В. Жеребина указывает, что экспедицией было обследовано 13 населенных пунктов: города Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре; села Троицкое, Найхин, Даерга, Дада Нанайского района; село Ачан Амурского района; село Кондон Солнечного района; села Бельго, Нижние и Верхние Халбы Комсомольского

РИС. 3. Село Кольчём Ульчского района Хабаровского края. Куница — изображение духа-помощника шамана. Прутья лиственницы. Экспедиция ГМИР 1973 г. Инв. № ГМИР А-1315-1. Фото ГМИР. Без масштаба

FIG. 3. Village of Kolchem of the Ulchsky district of the Khabarovsk Krai. Marten — representation of the spirit-assistant of a shaman. Twigs of larch. Expedition of GMIR of 1973. Inv. No. ГМИР А-1315-1. Photograph credit: GMIR. Without scale

района; села Богородское и Булава Ульчского района. Т. В. Жеребина называет эту поездку «ближиследованием», которым были охвачены верхне-, средне- и нижнеамурские группы нанайцев. Целью же, кроме сбора культовых предметов, было «получение обобщенного представления о религии амурских нанайцев конца XX в.», а также «выявление общего и особенного в их сегодняшней культурной практике» (Жеребина, 1991. С. 171).

Если Я. И. Шурыгин и В. Ю. Лещенко отмечали скрытность местного населения в разговорах о шаманах, религии, обрядах, то Т. В. Жеребина сообщает о том, что информанты охотно делились своими знаниями и что «шаманизм продолжает и в современных условиях играть значительную роль в жизни коренных нанайцев не только старшего, но и среднего и молодого поколения». Более всего это выражается в «беспрекословной вере в мистическую силу шаманов и их духов» (Жеребина, 1991. С. 171–172). Иными словами, с ослаблением официальной установки на атеистическую пропаганду старые религиозные традиции вновь обрели законный статус. Хотя для исследователя, более погруженного как в ежедневную обыденную, так и в религиозную жизнь коренного населения и доверительно общавшегося с ним в течение десятилетий, каким была А. В. Смоляк, обрядовая жизнь народа и шаманская практика не были секретом и в 1950–70-е гг.

Согласно сведениям, записанным Я. И. Шурыгиным и В. Ю. Лещенко, если умер человек, которому принадлежали сэвэны, их следует отнести

в лес и там оставить, т. к. лес — это «чистое» место (Лещенко, Шурыгин, 1979. С. 139). Возможно, равнозначной этому была передача таких предметов в музей. Поэтому Т. В. Жеребиной удалось собрать большую коллекцию ритуальной скульптуры и других предметов, которая насчитывает около 150 предметов. Очень важно, что сохранились сведения о тех людях, которым принадлежали поступившие в музей вещи. Так, в коллекции имеются: небольшой охранительный комплект ритуальных скульптур, изготовленных при рождении близнецов (с. Кондон, поступило от Р. К. Наймука); шаманский комплект, принадлежавший Е. Н. Ходжер (с. Ачан); ритуальные скульптуры шаманки А. Е. Дигор из села Бельго и другие. С некоторыми из бывших владельцев или с их наследниками Т. В. Жеребиной удалось встретиться.

Особенно представительным является комплекс предметов, полученных от наследников известной шаманки Гары Кисовны Гейкер, жившей в селе Даерга Нанайского района и умершей в 1985 г. С этой шаманкой долгое время работала А. В. Смоляк, и в ее книге опубликованы и многочисленные рассказы самой Г. К. Гейкер, и подробные расшифровки магнитофонных записей ее камланий, сделанные вместе с Г. К. Гейкер (Смоляк, 1991. С. 187 и след.). Внук шаманки провел участников экспедиции к дому в селе Даерга, где она жила, и разрешил сфотографировать ее святилище, где находились небольшой амбарчик для хранения ритуальных предметов и жертвенник в виде высокого столика, перед которым стояла скульптура ее духа-покровителя. Ритуальная скульптура и другие предметы, принадлежавшие Г. К. Гейкер, хранились у художницы Л. У. Пассар (работы которой также есть в ГМИР), в Комсомольске-на-Амуре, которая и передала их сотрудникам Музея. Всего передано около 40 предметов, принадлежавших этой шаманке. Среди поступивших в Музей предметов Г. К. Гейкер — скульптура главного духа-покровителя шаманки *Наму ама* или *Тэму эдени* в виде зооантропоморфного существа с «саблём» на голове (рис. 4), скульптурное изображение ее духа-покровителя — *аями*, многочисленные скульптуры ее духов-помощников — водяной хозяйин верхом на рыбе-калуге, водяные драконы *пуймуры*, духи-хозяйява тайги в виде тигров, вырезанные из листового железа силуэты змей, а также другие изображения. Шаманские «иконы» и ритуальные флаги, принадлежавшие Г. К. Гейкер, также были переданы в Музей.

РИС. 4. Село Даерга Нанайского района Хабаровского края. Скульптурное изображение *Наму эдэни* – духа-помощника шаманки Г. К. Гейкер. Дерево. Экспедиция ГМИР 1989 г. Инв. № ГМИР А-1528-1. Фото ГМИР

FIG. 4. Village of Daerga of the Nanaysky district of the Khabarovsk Krai. Sculptural representation of *Namu edeni* – spirit assistant of a female shaman G. K. Geyker. Wood. Expedition of GMIR of 1989. Inv. No. ГМИР А-1528-1. Photograph credit: GMIR

От Аграфены Илларионовны Гейкер из села Бельго Комсомольского района были получены 20 образцов аппликаций из рыбьей кожи для украшения спинки свадебного нанайского халата.

Собранную коллекцию ритуальных предметов дополняют декоративные работы Николая У. Николай Николаевич У (1958–2008) – нанайский мастер, резчик по дереву, автор ряда графических и живописных работ. Традиционное мировосприятие и мировоззрение сочетается в его работах с «европейской» техникой и изобразительной системой. Его работы были представлены на ряде персональных выставок, они имеются в собраниях Московского Музея народов Востока, Дальневосточного художественного музея и Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры, а также во многих частных коллекциях в России и за рубежом (Глебова, 1999. С. 32–33; Гонтмахер, 2009. С. 31). В 1989 г. мастер переехал в село Булаву Ульчского района, где в то время находились и сотрудники экспедиции. Они приобрели восемь его работ. Это воспроизведения ритуальной скульптуры, народного нанайского орнамента и амулетов, имеющие при этом светский декоративный характер. Работы такого рода свидетельствуют о продолжении, развитии и переосмыслении древних народных традиций.

Материалы, собранные Т. В. Жеребиной и Н. В. Калининным, опубликованы в работе «Сибирский шаманизм. Этнокультурный атлас» (Жеребина, 2009. С. 414 и след.).

Экспедиционные поездки в Приамурье, принятые сотрудниками Государственного музея истории религии, явились кратковременными выездами, не позволившими в силу своей эпизодичности сколько-нибудь глубоко погрузиться в духовный мир коренных жителей, вжиться в их культуру. Участники экспедиций остались сторонними, хотя и внимательными наблюдателями. Но им удалось приобрести для музея большую и представительную коллекцию по традиционным верованиям нанайцев и ульчей, ценность которой увеличивается благодаря единовременности и массовости сборов, привязанных к конкретным лицам и местностям.

Литература

- Глебова, 1999 – Глебова Е. Дерево в руках Николая У // Словесница искусств. 1999. № 4 (4). С. 32–33.
- Гонтмахер, 2009 – Гонтмахер П. Я. На перекрестках приамурского орнамента. Памяти Николая У // Словесница искусств. 2009. № 1 (23). С. 29–31.
- Дмитриева, 2014 – Дмитриева Т. Н. «Домик мертвых» из фондов ГМИР. Некоторые особенности погребальной обрядности ульчей села Аури // Труды ГМИР. 2014. Вып. 14. С. 12–20.
- Дмитриева, 2021 – Дмитриева Т. Н. Экспедиция Музея истории религии на Нижний Амур в 1972 году // Труды ГМИР. 2021. Вып. 21. (В печати.)
- Жеребина, 1991 – Жеребина Т. В. К вопросу о реконструкции ритуальной жизни современных нанайцев (по материалам экспедиции Музея истории религии в Хабаровский край в 1989 г.) // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В. А. Хршановский. СПб.: ГМИР, 1991. С. 169–179.
- Жеребина, 2009 – Жеребина Т. В. Сибирский шаманизм: Этнокультурный атлас. СПб.: Амфора, 2009. 623 с.
- Золотарев, 1939 – Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Дальгиз, 1939. 207 с.
- Лещенко, Шурыгин, 1974 – Лещенко В., Шурыгин Я. Деревянные посредники // Наука и религия. 1974. № 7. С. 56–57.
- Лещенко, Шурыгин, 1977 – Лещенко В., Шурыгин Я. Деревянные посредники // Наука и религия. 1977. № 6. С. 56–57.
- Лещенко, Шурыгин, 1979 – Лещенко В. Ю., Шурыгин Я. И. Пережитки ранних форм религии в искусстве народов Приамурья (по материалам ульчской коллекции) // Искусство и религия: Сб. тр. / Отв. ред. Я. И. Шурыгин. Л.: ГМИРИА, 1979. С. 135–148.
- Нивхи. Каталог, 2015 – Нивхи. Каталог коллекции Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова / Авт.-сост. М. В. Осипова. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2015. 284 с.
- Смоляк, 1975 – Смоляк А. В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX – начало XX в. М.: Наука, 1975. 232 с.
- Смоляк, 1980 – Смоляк А. В. Похоронная обрядность. Ульчи // Семейная обрядность народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. С. 182–187.
- Смоляк, 1991 – Смоляк А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 280 с.
- Ульчи. Каталог, 2017 – Ульчи: Каталог коллекций из собрания Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2017. 320 с.
- Шурыгин, 1972 – Шурыгин Я. И. Отчет об экспедиции в Хабаровский край, июнь–август 1972 г. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 1/1. Оп. № 625.
- Шурыгин, 1973 – Шурыгин Я. И. Отчет об экспедиции в Хабаровский край в июле–августе 1973 г. // Научно-исторический архив ГМИР. Ф. 1/1. Оп. № 634.

Three travels to the Amur region

T. N. Dmitrieva

The collection of the State Museum of the History of Religion (GMIR) includes fairly large numbers of religious sculpture and other cult objects of the peoples of the Amur region – Nanays and Ulchs. This collection is a result of three collecting expeditions of the Museum which took place in 1972, 1973 and 1989. Their participants visited villages of the Nanaysky, Ulchsky, Solnechny, Komsomolsky, and other districts of the Khabarovsk Krai, met prominent shamans and

other residents interested in the preservation of their traditional culture. The collected ritual objects characterize different aspects of the traditional beliefs and rites of the Nanays and Ulchs – shamanism, worship of spirits protecting family and home, traditional notions about diseases and their curing, the twin cult, and funerary cult. The results of these expeditions so far have not been fully documented in ethnographic literature.

Лечебные средства и «средствия» южнорусской народной медицины (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области)

В. С. Бузин¹

АННОТАЦИЯ. Основой написания данной статьи послужили материалы по народной медицине русского населения трех областей европейской части России — Липецкой, Тамбовской и Пензенской. Корпус источников данной работы сформировался, главным образом, еще в дореволюционный период, но немало материала по этой сфере русской народной культуры избранного региона было собрано в относительно недавнее время.

ANNOTATION. The basis for writing this paper was constituted by the information about folk medicine of the Russian population of three regions of the European part of Russia — Lipetsk, Tambov and Penza oblasts. The corpus of the sources for this study was formed mostly as early as in the pre-revolutionary period but fairly extensive evidence on this sphere of the folk culture of the region under consideration was collected at a relatively recent time.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: народная медицина, приемы и атрибуты магического характера, медикаментозные средства.

KEYWORDS: folk medicine, practices and attributes of a magic character, medicamentous remedies.

Тематика русской народной медицины, о которой идет речь в данной статье, претерпела специфические коллизии в отечественной этнографической науке. Весьма популярная в дореволюционное время, освещаемая в изданиях разного рода, в том числе и научных, включая обобщающую монографию (Попов, 1903), в советский период она практически оказалась вне поля зрения исследователей по причине позиции органов здравоохранения, видевших (во многом справедливо) в публикациях по этой теме пропаганду «суеверных», вредящих здоровью средств лечения. Положение стало меняться, но крайне медленно, с 1970-х гг., и только в период, который можно определить как современный, тема народной медицины снова заняла подобающее ей место в этнографических исследованиях (применительно в целом к народной медицине см.: Бромлей, 1981. С. 211–232, к русской: Чистов, 1996; Мазалова, 1996).

Все вышесказанное отразилось и на источниковой базе данной статьи. Ее основу составили материалы по Липецкой, Тамбовской и Пензенской областям, русское население которых относится к южнорусской этнографической группе. Для дореволюционного времени это преимущественно многочисленные публикации периодической печати, для современности — результаты полевых

исследований, прежде всего, тамбовских исследователей, а также Тамбовского этнографического отряда кафедры этнографии и антропологии Санкт-Петербургского государственного университета, проводимых под руководством автора статьи (в сссылках: МТЭО — материалы Тамбовского этнографического отряда, в большинстве случаев с указанием населенного пункта, где получен данный материал). Немалый объем материалов по народной медицине Липецкой области содержится в монографии А. А. Пискулина². Удивительно, но эти исследования показали живучесть и даже популярность народного целительства в наши дни, и это в условиях существования сети профессионального медицинского обслуживания населения.

Под народной медициной понимается та область народных знаний, которая включает в себя представления о причинах возникновения болезней и средствах их лечения, включая обрядовую составляющую, и применяется в быту людьми, не имеющими специального медицинского образования. Это явление народной культуры рассматривается в двух аспектах: в медицинском — как накопление положительного лечебного опыта, и в этнографическом — как неотъемлемая часть народных, с одной стороны, положительных знаний, а с другой — верований (Дмитриев и др., 1991. С. 71; Никонова, Кандрина, 2005. С. 37). Деление практик народной медицины на рациональные и имеющие

¹ 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, Институт истории Санкт-Петербургского университета. Кафедра этнографии и антропологии. Адрес электронной почты: v.buzin@spbu.ru.

² Ссылки на эти работы см. ниже.

магическое содержание, что предполагает различие в характере исследования феномена народного целительства, представляет, конечно, определенные трудности. В рамках собственных методических приемов этнографической науки определить, представляет ли собой конкретный прием лечения «положительное знание» или это «верование», в ряде случаев невозможно. В этом отношении, естественно, проще медикам. Для определения, рационально ли то или иное средство в качестве медицинского или оно в лучшем случае для пациента бесполезно, а в худшем — приносит вред, в том числе непоправимый, «достаточно» произвести соответствующую научную экспертизу³.

Положение, однако, облегчается тем, что вопрос об отличии рациональных средств лечения от псевдомедицинских, которые насмешливо были определены одним дореволюционным скептиком-наблюдателем как «средствия» (У, 1899. С. 4), в большинстве случаев вполне решаем. Понятно, что вспрыскивание «с уголька» «наговоренной» водичей (Село Вирятино..., 1958. С. 92) больному не поможет ни при каких обстоятельствах (разве что сработает психотерапевтический эффект), как и практикуемое доньше следование рекомендации потереться в случае хвори подбородком о печь (Лоскутова, Махрачева, 2013. С. 40). И поскольку печь зачастую отсутствует в современном даже в сельском жилище, тот же информатор-целитель сообщил о возможности использовать для этой цели газовый котел. Однако зафиксированная уже в наше время рекомендация тереться подбородком о печь/газовый котел изначально, видимо, была несколько иной: тереться надо было о задоргу — доску или жердь для удобства залезания на печь (Усков, 1901. С. 3), за нее рекомендовалось также подержаться при болезни (Зеленин, 1914. С. 390; Лоскутова, Махрачева, 2013. С. 40–41). И в качестве сравнения, относительно использования газового котла вместо печи: коллеги рассказывали, что во время пастушеского «обхода» дождь постоянно гасил горящую свечу, с которой совершалось действие, и догадливый пастух обошел стадо с включенным электрическим фонариком. То же относительно эффективности такого «лечения» можно сказать и о чтении заговора, каково бы ни было его содержание, и о массе других подобных приемов.

³ Читатель наверняка понимает ерничество кавычек — она, эта экспертиза, может потребовать огромного количества и времени, и средств.

В ряде случаев усматривается несомненно рациональный смысл целительского действия, коль скоро в нем отсутствует магическая составляющая (насколько оно будет полезно — другой вопрос), например, в пропаривании тела в бане при простуде (Село Вирятино..., 1958. С. 80), но что может сказать этнограф относительно пользы от принятия при поносе разведенного в воде овечьего помета (Божко, 1898. С. 3)? Проблемность разграничения рационального и иррационального касается изучения и других аспектов народных знаний, недаром в ряде случаев исследователи прибегают к их общему обозначению под названием «мировоззрение» (Традиционное..., 1996).

В народной среде при заболеваниях обращались обычно к «профессионалам» в этой области — знахаркам, ворожеям, а чаще к специалистам сакрального более низкого уровня: «бабкам», «дедкам», «кумам Прасковьям», «Силантьевнам» и т. п. «Силантьевны» больных <...> поколют <...> стрелочкой, умоют, помнут, напарят» (Никольский, 1883. С. 31) — так характеризуются в одном из источников народные средства лечения в «исполнении» подвизающихся в этой области. «Наминания» и «напаривания» можно отнести к рациональным средствам терапевтического свойства, чего уже не скажешь, конечно, об «умывании» — широко распространенной практике умывания лица больного или спрыскивания его «с уголька» водой, часто в сочетании с предписанием взятия ее «непитой», «наговоренной» и пр. (Бондаренко, 1890. С. 116; Село Вирятино..., 1958. С. 101; Пискунова и др., 2001. С. 75; МТЭО, Благодатка и др. источники). Субстанция воды должна была смывать ауру болезненного состояния, как смывались ею в обрядности жизненного цикла предшествующие статусы индивида (Байбурин, 1993. С. 43). Довольно специфический момент процедуры целительства «Силантьевны» — покальвание «стрелочкой». В медицине известно иглоукальвание, но явно не оно сознательно применялось ею. Несомненно, это было магическое действие с использованием «громовой стрелы» — находимых древних кремневых наконечников или отождествляемых с ними остатков раковин белемнита (Толстой, 1995). В источниках по исследуемому региону известны и другие случаи использования в целительстве этого атрибута (Никольский, 1883. С. 31; Чемерчева, 2013. С. 68), и в нем можно предполагать способ избавления от болезни путем ее «убиения».

Но в применении многих других терапевтических средств народной медицины присутствуют вполне рациональные приемы. При простудных заболеваниях (а они были весьма часты при работах под открытым небом) парились в бане (Село Вирятино..., 1958. С. 80) или распаривали тело в печке после предварительного растирания редечным соком (Н. А-ий, 1897. С. 3.). В более позднее время их, как и некоторые другие болезни, лечили кровевытяжными банками, в том числе городские цирюльницы, характеризующиеся в этом качестве как «кирпичники» (Кирпеев, 1897. С. 3). Возможно, потому, что при простуде также использовалось наложение на участки тела нагретых кирпичей. Практиковалось «накидывание» горшков на больную поясницу (Н. А-ий, 1897. С. 3.), явно предшественников фигурировавших выше стеклянных кровевытяжных банок; при ревматизме ставили больную ногу на горячую сковороду с налитым на нее спиртом, после чего ногу укутывали (Село Вирятино..., 1958. С. 80.); при «ломоте» в теле принимали ванну из «муравьища» — опущенного в кипяток муравейника вместе с его обитателями (Сергеев, 1899. С. 3); к месту, испытывающему боль, прикладывали замоченную в заквашенном молоке тряпицу (Богословский, 1898. С. 3–4). Но помогало ли нюханье зажженной ваты во время простуды (История..., 1996. С. 103)?

Однако для уверенности в несостоятельности в качестве лечебных многих других приемов народной медицины не нужна никакая медицинская экспертиза. Среди них «припускание» к опухоли на теле лягушки или мыши (Божко, 1898. С. 3), рекомендация больному при «куриной слепоте» на вечерней заре залезть на угол избы или клетки и три раза прокричать «по-кочетиному» (Там же), или для снятия пятна с лица трижды провести по этому месту правой рукой покойника (Тамбовские говоры..., 2005) и т. п. И это не говоря уже о чтении заговоров как средстве лечения, современное содержание которых может иметь анекдотичный характер как в случае с изгнанием рака из тела пациента — в нем болезнь фигурирует в виде этого членистоногого: «Рак болочий, тяжелый, едучий, не хватай не грызи у р. Б. [раба Божьего]. Отпусти клешни, откатись в темный лесок на сухой кусток, где петух не пропоет, собака не пролает, младенец не прокричит. Аминь» (Пискулин, 2013. С. 159–160). Сугубо рациональный для одной болезни прием лечения мог использоваться при другой, ей не соответствующей: терапевтика «накидывание» горшка использовалась и при лечении от «сглаза» (Рос-

ницкий, 1904. С. 667) — так могла называться любая болезнь при подозрении в ее «напущенности».

Широко в практике народной медицины применялись средства, для внутреннего употребления в качестве лекарственных. Их обычно приготавливал сам врачеватель, или оно делалось по его указанию, многие из них были известны и в рядовой среде и приготавливались близкими больного, а то и им самим. В исследуемом регионе лечились целебными травяными настоями: от простуды заваривали листья мяты, мать-и-мачехи, сухую горькую полынь; при болях в сердце — цвет глухой крапивы; при поносе — белоголовник, собранный во время цветения (История..., 1996. С. 103); при лечении «сибирки» использовалась трава «косматка» (Евтихиева, 2003. С. 65), а при желудочных заболеваниях — настоем различных трав (Село Вирятино..., 1958. С. 80). Лечебной считалась «бирючья ягода» (Село Мучкап..., 1896. С. 3), безусловно, были и многие другие растения, используемые в качестве целебных, не попавшие в источники. Применяемым в целом в русской народной медицине медикаментозным средствам, в которых можно предполагать действительно лечебный характер, несть числа, достаточно обратиться только к двум публикациям этого рода: дореволюционной Г. И. Попова и прошедшей через многие тернии после ее написания, чтобы увидеть свет уже в современный период, книге М. Д. Торэн — фигурально выражаясь, они «встретились» в одном издании: монография М. Д. Торэн (Торэн, 1996. С. 9–276) и воспроизведение книги Г. И. Попова 1903 г. (Попов, 1996. С. 277–477).

Но все ли они действительно оказывали благотворное действие на пациентов? Этнография не может ответить на этот вопрос, а отзывы медиков в этом отношении отнюдь не единодушны. Признавая, что некоторые из народных средств действительно обладают целебными свойствами, употребление других, по их мнению, наоборот, не лечило, а усугубляло положение больных: «Результаты лечения этими средствами по нашему наблюдению для больных в некоторых случаях <...> были благотворны.... Но такие случаи, считаю долгом оговориться, очень и очень редки, в большинстве приходится наблюдать один только вред от доморощенного лечения и иногда вред непоправимый» (Н. А-ий, 1897. С. 2–3). Зачастую полезность их действия отрицалась безоговорочно: «Да, действительно, у народа есть и свои лечебные средства под руками, есть и травы, и корни, которыми пользуется и научная медицина, но все эти

средства не только им не помогают, а прямо-таки приносят вред... Чтобы применять лекарство, нужно знать, какая болезнь у больного» (*Божко*, 1898. С. 2). И о том же: «В весьма широком употреблении идут у них («бабушек». — *В. Б.*) всякие травы и коренья..., напр., полынь, шалфей, зверобой, тrefоль, корень чемерики, змеевика и другие. Но все это дается не в должной мере и в большинстве случаев не попадет болезни» (*Н. А-ий*, 1897. С. 3).

Впрочем, высказываемый скептицизм отчасти можно объяснить профессиональной ревностью, нежеланием больных «из народа» обращаться за медицинской помощью, основанной на научном знании, а не полученной путем проб и ошибок «своих» целителей. Более всего он объясним несуразностью огромного количества медикаментозных «средств» народной медицины: как универсальное съедение живого рака (*Понов*, 1996. С. 412), при лихорадке — вши, закатанной в хлебный шарик (Там же. С. 393). Та же рекомендация была при болезни желтухой (*Ипполитова*, 2013. С. 71), или клопа в кисломолочном продукте (*Лоскутова*, 2013. С. 22) и др., количество примеров такого рода можно многократно увеличить.

Общий набор таких «фармакологических» средств даже в пределах столь небольшого региона, как три современные области юга европейской части России, был весьма велик: «В деревнях и глухих селах, отдаленных от больниц и фельдшерских пунктов на несколько десятков верст, практикуется своя собственная медицина. Лечат крестьянки и крестьяне друг друга и теплым печеным луком, и горячим мягким хлебом, и тертой редькой или "кортешкой", и всевозможными пометами и проч., и проч.» (*Усков*, 1901. С. 2–3; и др. источники). Целительские «средства» нередко были многосоставными: так, для лечения нарыва они компоновались из прелой шерсти, сметаны, сала (свиного или говяжьего), кожи соленой рыбы или тертого корня белены и нюхательного табака (*Понов*, 1996. С. 407). Возможность эквивалентной замены свидетельствует об основательности подхода народных «провизоров» к составлению таких «лекарств», но отношение к ним медиков-профессионалов было весьма скептическим: «Она [знахарка-лекарка] лечит шептанием или медикаментами, которые придуманы ее собственной фантазией» (*С. Г. У.*, 1886. С. 4).

Безусловно, народная медицина отнюдь не оставалась неизменной на всем протяжении ее существования. Выработывался и расширялся арсенал медикаментозных средств, рациональных

в одних случаях и псевдомедицинских в других. Применительно к исследуемому региону можно указать на рекомендацию выпить при «сибирке» наговоренную смесь из деревянного масла с нашатырем (*Богословский*, 1898. С. 3–4), а при боли в животе — квас или воду с насыпанной в них растертой чайной ложкой пороха (*Понов*, 1996. С. 425). Деревянным называлось оливковое масло низшего сорта, оно использовалось для заправки в лампы, и, надо предполагать, стало известным с принятием христианства. Нашатырь, видимо, проник в народную «фармакологию» из профессиональной медицины, природный встречается только в южных странах. Порох на Руси появился в конце XIV в., издавна в среде военнотружущих в качестве дезинфекции им прижигали раны. Впоследствии его медицинское применение, как можно видеть, стало более широким, но о действительной пользе его как лекарственного средства судить трудно. К «исконно» народным эти средства уже не относятся, поскольку они не производились в этой среде, и их использование — импровизация позднего времени.

Но настоящий бум производства в русской народной медицине «средств» из «чужеродных» компонентов начинается со второй половины XIX в. — времени ускоренного промышленного развития, ослабления изоляции деревни от города с развитием отходничества, а более того — перемещения в города сельского (крестьянского) населения. Немаловажным фактором было расширение медицинского обслуживания населения и, соответственно, более доверительное отношение к лекарствам профессионального фармакологического производства. Они постепенно стали уступать место прежним доморощенным средствам народных «провизоров». Но, как это ни парадоксально, тогда же в простонародной среде интенсифицировались попытки «самочинного» создания новых средств лечения на основе ингредиентов, дотоле неизвестных или в практике целительства не применявшихся: свинец, ртуть, купорос, мышьяк и др. Когда в народной среде появились фосфорные спички, то их стали использовать, как лекарственное средство — разводили головки в теплой воде и пили настой при лихорадке (*Н. А-ий*, 1897. С. 2). Керосин, которым заправляли лампы, стали использовать для растирания тела во время простуды (Там же. С. 3).

Этот феномен, конечно, не остался без внимания, особенно медиков «на местах», и они с трево-

гой констатировали многочисленные факты появления таких «средствий»: «...бабка, вишь, какая-то им насоветовала (составить лекарство. — В. Б.) <...> на 10 копеек ртути, на 10 копеек крепкой водки, да на 15 копеек кочелябы (так. — В. Б.), развести все это в бутылке водки, да и давать ему по стаканчику раза два в день..., страсть, как помогает, а особливо простудищу» (Н. А-ий, 1897. С. 2). В периодической печати того времени многочисленны сообщения «о лекарствах, любимых народом: сулема, порошок, крепкая водка и т. п.» (Село Лядовка-Моршан..., 1897. С. 2), о лечении «сулемой-то, и порохом, и ртутью, и медью, и крепкой-то водкой и другими, еще горшими лекарствами, не говоря уже о наговорах, о нашествиях и пр.» (Тихомиров, 1877. С. 17), а также борьбе медиков против этих «лекарств»: «Не раз приходилось у некоторых больных, к напутствованию которых меня приглашали, конфисковывать: сабур, купорос, ртуть и другие весьма опасные втирания, которые, по мнению крестьян, первое и верное средство в простудных болезнях» (Н. А-ий, 1897. С. 2) и т. п.

В одной из газетных публикаций автор высказался с удовлетворением: «Хорошо хоть то, что знахарки наши не придумывают своих лекарств» (Софийский, 1901. С. 3). Возможно, радовался он зря, поскольку использование новейших «средствий» стало доходить до самой отдаленной глубинки: «...забытые и брошенные деревни <...> постепенно стали прибегать к другим, сильнодействующим средствам... Опытная рука <...> самородных деревенских лекарей уже выдвигает на арену сельской медицины следующие препараты: купорос, сулему, мышьяк, крепкую водку, настой табака-махорки, серу, селитру, опий и проч. Конечно, такие сильнодействующие средства всегда ведут к могиле» (Усков, 1901. С. 3).

Отношение к этим изысканиям у медиков-профессионалов было отрицательное и часто с оттенком насмешливости. Но известно, что в единичных случаях они давали результат. Один из корреспондентов «Тамбовских губернских ведомостей», несомненно, врач, на протяжении 15–20 лет наблюдал «плоды многолетней борьбы» в поисках в народной среде средств от «сухого» и «мокращего» лишая, и после опытов с использованием «купоросных чернил, потеков влаги с оконных стекол, жидкости из мягкого хлеба, тертой редьки, вареной капусты, дегтя и др.» они были найдены в виде так называемого сока из трубки (? — В. Б.) и тертого картофеля. Автор закончил свое сообщение такими словами:

«Не мешало бы врачам констатировать употребление тех из народных средств, о которых сам народ отзывается более или менее похвально, чтобы убедиться в их полезности и применяемости» (У, 1899. С. 4).

Феномен использования в качестве медицинских средств «технологического» производства требует объяснения. Обычно простонародное сознание характеризуется как консервативное, застойное, очень подозрительно, а то и враждебно, относящееся к разного рода нововведениям, зачастую их отторгающее без приведения каких-либо доводов. Но при этом существовала и противоположная тенденция. В народной ментальности мир делился на две части: пространство «свое», освоенное, и пространство чужое, отождествляемое с потусторонним. Это отразилось и на отношении к веществам, пришедшим из другого мира — иных производств и технологий. Как и все «чужое», в отличие от «своих» печеного лука, тертой редьки, овечьего помета и подобн., они, с одной стороны, рассматривались в качестве явления, несущего опасность, но, с другой, имели качество притягательности — как обладающее особой «силой» по причине принадлежности к потустороннему.

Данная специфика народной ментальности проявлялась в популярности странствующих целителей и «средствий», что ими рекомендовались, даже превосходящих в этом отношении местных специалистов, подвизающихся в области лечения заболеваний. Они либо сами производили «пользование» больных, либо распространяли (естественно, не безвозмездно) специфическую, отличную от местной, атрибутику его процедуры. Некий «словоохотливый странник», оставившись на ночлег, научил домашних лечению их ребенка, которого, по их мнению, «с глазу съели» (Зимин, 1899. С. 3). Другой, попросившийся в дом, «отчитал» в нем «испорченную» девушку (МТЭО, Химзавод). Есть сообщение о коновалах (а их профессия требовала постоянного перемещения), которые, «порицая уездных ветеринаров с фельдшером, выдают себя за специалистов по лечению всяких болезней, не только скотины, но даже и людей» (Усков, 1901. С. 3). По селам ходила некая женщина, демонстрируя «чудотворную» икону Божьей Матери, и предлагала излечиваться ею, утверждая, что на себе ощутила ее целительное воздействие. Разъездные «греки», торгующие «целебными» и «чудодейственными» средствами «от святых мест», вроде травы из «Вифлеемских

яслей», и сами предлагали лечение от бесплодия, детских болезней и «порчи» (*Успенский*, 1900. С. 1143–1144). Аналог в предпочтении чужести как обладающей особой «силой» хорошо виден на примере большого доверия на Русском Севере к пастуху пришлому, часто из очень отдаленных мест, нежели местному. Это предпочтение чужести могло иметь этнический характер — при найме в пастухи «иностранца» или обращении за помощью к колдуну или знахарю — в бывш. Пензенской губернии «сильными» в русской среде считались представители мордовского этноса (*Аравийский*, 1907. С. 871).

И в заключение еще один пассаж. Данная статья посвящена средствам лечения, и рациональным, и магическим, русской народной медицины. Но всегда ли фигурирующие в источниках ее при-

емы, выдаваемые за таковые имели действительно «народный» характер — в том числе, такие рекомендации, как втыкание ножом в среднюю букву написанного на бумажке имени человека для остановки у него кровотечения (*Зеленин*, 1915. С. 982), или выбрасывание при насморке в «печное окно» кошки после нюханья кончика ее хвоста? Реалии и лексика этих рекомендаций явно не простонародной среды, особенно умиляет «печное окно» вместо «чело» или «устье». Это аналогия совета прикрепить блестящую брошь на декольте в качестве защиты от колдунов (*Пискулин*, 2013. С. 202). Их источник — явно некая импровизация книжной продукции мистического содержания, которая была популярна, по крайней мере, с конца XIX в., в том числе и в исследуемом регионе (Село Вирятино..., 1958. С. 100).

Литература и источники

- Аравийский*, 1907 — *Аравийский Н.* Село Воскресенская Лопуховка Городищенского уезда. (Историко-статистический очерк) // ПЕВ. 1907. № 18. С. 863–876.
- Байбурин*, 1993 — *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 241 с.
- Богословский*, 1898 — *Богословский П.* Из д. Знаменки Козловского уезда // ТГВ. 1898. № 47. С. 3–4.
- Божко*, 1898 — *Божко Н.* Народная медицина и народное невежество // ТГВ. 1898. № 86. С. 2–3.
- Бондаренко*, 1890 — *Бондаренко В.* Поверья крестьян Тамбовской губернии // ЖС. 1890. Вып. 1. С. 115–121.
- Бромлей*, 1981 — *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981. 391 с.
- Дмитриев и др.*, 1991 — *Дмитриев В. А., Дмитриев В. С., Трубников Б. Г.* Медицина народная // Народные знания. Фольклор. Народное искусство / Отв. ред.: Б. Н. Путилов, Г. Штрабах. М.: Наука, 1991. С. 71. (Свод этнографических понятий и терминов; Вып. 4).
- Евтихиева*, 2003 — *Евтихиева Л. Ю.* Тамбовский курагод: Сборник сценариев и материалов для фольклорных коллективов. Тамбов, 2003. Вып. 1. 160 с.
- Зеленин*, 1914 — *Зеленин Д. К.* Описание рукописей учебного архива Императорского Русского географического общества. Пт., 1914. Вып. 1. 1280 с.
- Зеленин*, 1915 — *Зеленин Д. К.* Описание рукописей учебного архива Императорского Русского географического общества. Пт., 1915. Вып. 2. 988 с.
- Зимин*, 1899 — *Зимин И.* Деревня Верхние Пады Тамбовского уезда // Тамбовские губернские ведомости. 1899. № 81. С. 3.
- Ипполитова*, 2013 — *Ипполитова Д. С.* Вошь в представлениях крестьян Тамбовской области // Традиционная народная культура Тамбовского края: сборник статей молодых исследователей: в 2 т. Т. 1. Этнолингвистические, археологические, музееведческие очерки / Отв. ред. Т. В. Махрачева; науч. ред. Н. Ю. Желтова. Тамбов: Изд-во Тамбовского ГУ, 2013. С. 70–75.
- История, 1996 — История семьи Шилкиных // Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Сост. и обр. Е. М. Ковалев. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 77–134.
- Кирпеев*, 1897 — *Кирпеев П.* Покровские Выселки // ТГВ. 1897. № 82. С. 2–3.
- Лоскутова*, 2013 — *Лоскутова Д. Н.* Представления тамбовских крестьян о лихорадке // Живая старина. 2013. № 1. С. 20–23.
- Лоскутова, Махрачева*, 2013 — *Лоскутова Д. Н., Махрачева Т. В.* Народные представления о заболеваниях и традиционные способы их лечения // Традиционная народная культура Тамбовского края: сборник статей молодых исследователей: в 2 т. Т. 2. Фольклорно-этнографические материалы. Тамбов: Изд-во Тамбовский ГУ, 2013. С. 35–48.
- Мазалова*, 1996 — *Мазалова Н. Е.* Народная медицина в традиционной русской культуре // М. Д. Торэн. Русская народная медицина и психотерапия. СПб.: Литера, 1996. С. 478–489.
- Н. А-ий*, 1897 — *Н. А-ий.* Чем лечится наш русский крестьянин? // ТГВ. 1897. № 34. С. 2–3.
- Никольский*, 1883 — *Никольский В.* Нравы и обычаи жителей села Владыкина // ПЕВ. 1883. № 11. С. 23–34.
- Никонова, Кандрина*, 2005 — *Никонова Л. И., Кандрина И. А.* Как лечились народы Поволжья и Приуралья. Саранск, 2005. 281 с.
- Пискулин*, 2013 — *Пискулин А. А.* Материалы по этнографии Черноземья второй половины XX — начала XXI века: традиционные праздники, обряды, верования, обычаи и поверья Липецкой, Орловской, Курской, Тульской областей. Елец: Елецкий ГУ им. И. А. Бунина, 2013. 221 с.
- Пискунова и др.*, 2001 — *Пискунова С. В., Махрачева Т. В., Губарева В. В.* Словарь тамбовских говоров (духов-

- ная и материальная культура). Тамбов: Изд-во Тамбовского ГУ, 2001. 278 с.
- Попов, 1903 — Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб., 1903. 404 с.
- Попов, 1996 — Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина (По материалам этнографического бюро кн. В. Н. Тенишева) / В кн.: Торэн М. Д. Русская народная медицина и психотерапия. СПб.: Литера, 1996. С. 277–477.
- Росницкий, 1904 — Росницкий А. Село Никольское-Барнуки Городищенского уезда Пензенской епархии // ПЕВ. 1904. № 17. С. 659–669.
- С. Г. У, 1886 — С. Г. У. Село Питерское // ТГВ. 1886. № 114. С. 4.
- Село Вирятино..., 1958 — Село Вирятино в прошлом и настоящем: Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни / Труды Института этнографии АН СССР. Нов. сер. М.: Наука, 1958. Т. XLI. 280 с.
- Село Лядовка-Моршан..., 1897 — Село Лядовка-Моршан Кирсановск. уез. // ТГВ. 1897. № 106. С. 2.
- Село Мучкап..., 1896 — Село Мучкап Борисогл. уезда // ТГВ. 1896. № 46. С. 3–4.
- Сергеев, 1899 — Сергеев С. Н. Кочетовская плотина (из недалекого прошлого) // ТГВ. 1899. № 73. С. 2–3.
- Софийский, 1901 — Софийский В. Заговоры и наговоры // ТГВ. 1901. № 66. С. 2–3.
- Тамбовские говоры, 2005 — Тамбовские говоры: Фонохрестоматия. Тамбов, 2005. [Электронный ресурс]. URL: tsu/tmb.ru/kraeved/upload/dir/bibl/govor/proect.htm. (Дата обращения: 18.10.2015).
- Тихомиров, 1887 — Тихомиров Ф. Тихая вода (случай из практики деревенской знахарки) // ПЕВ. 1877. № 17. С. 11–21.
- Толстой, 1995 — Толстой Н. И. Громовая стрела // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти тт. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 561–563.
- Торэн, 1996 — Торэн М. Д. Русская народная медицина и психотерапия. СПб.: Литера, 1996. С. 9–276.
- Традиционное..., 1996 — Традиционное мировоззрение народов Сибири / Отв. ред. Ч. М. Таксами. М.: Наука, 1996. 155 с.
- У, 1899 — У. Народные «средствия» // ТГВ. 1899. № 96. С. 4.
- Усков, 1901 — Усков И. Верхнеярославские стоны // ТГВ. 1901. № 14. С. 2–3.
- Успенский, 1900 — Успенский В. Эксплуатация религиозного чувства православного народа разными проходимцами // ТЕВ. 1900. № 45. С. 1141–1147.
- Чемерчева, 2013 — Чемерчева А. А. Народные представления о первом громе, грозе, ветре и облаках // Традиционная народная культура Тамбовского края: сборник статей молодых исследователей: в 2 т. Т. 1. Этнолингвистические, археологические, музееведческие очерки. Отв. ред. Т. В. Махрачева; науч. ред. Н. Ю. Желтова. Тамбов: Изд-во Тамбовский ГУ, 2013. С. 45–60.
- Чистов, 1996 — Чистов К. В. М. Д. Торэн и ее «Русская народная медицина XIX — начала XX вв.» // М. Д. Торэн. Русская народная медицина и психотерапия. СПб.: Литера, 1996. С. 3–8.

Medical remedies and 'sredstviya' in South-Russian folk medicine (Lipetsk, Tambov, Penza oblasts)

V. S. Buzin

The basis for writing this article was constituted by the information about folk medicine of the Russian population of three regions of the European part of Russia — Lipetsk, Tambov and Penza oblasts. The corpus of the sources of this study was formed mostly as early as in the pre-revolutionary period but fairly expansive evidence on this sphere of the folk culture of the region under consideration was collected at a relatively recent time. Strangely enough, but the folk healing practices are popular also in our days, particularly in the countryside. They contain, as is well known, two constituents: means of a rational character and, according to a pre-revolutionary observer of this phenomenon — 'sredstviya' ('means'), i. e. the practices and attributes, including those of medicinal magic character. In a number of cases, their differentiation is fairly complicated since the distinguishing between their

rationality and uselessness, or even perniciousness, is exclusively the prerogative of medical doctors. Nevertheless, the pseudomedical nature of the 'sredstviya' is identifiable, as a rule, also within the frames of an ethnographical study, be it concerned with any therapeutic procedures, medical remedies or the practices of folk healing. As to the use of medicines, analysis of this evidence has revealed an interesting phenomenon of the Russian folk medicine, i.e. the appearance of new commercially produced ingredients in the second half of the 19th century: kerosene, quicksilver, vitriol, corrosive sublimate, etc. The author is inclined to explain this fact through the archaism of the folk mentality — the imparting to all the 'alien' the quality of belonging to something esoteric and therefore possessing a special 'power' which can be used, inter alia, in the sphere of healing.

Список сокращений

ААС	– Азия и Африка сегодня. Москва
АВ	– Археологические вести. Санкт-Петербург
АВЕЛ	– Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж
АВЕС	– Археология восточноевропейской степи. Саратов
АГЭ	– Архив Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
АИ	– Археологические изыскания. Санкт-Петербург
АКИН	– Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай
АлтГУ	– Алтайский государственный университет. Барнаул
АлтГТУ	– Алтайский государственный технический университет. Барнаул
АмГУ	– Амурский государственный университет. Благовещенск
АМУ–Мергарт	– Архив Марбургского университета, фонд Г. Мергарта
АН МНР	– Академия наук Монгольской Народной Республики
АН РС(Я)	– Академия наук Республики Саха (Якутия)
АН РТ	– Академия наук Республики Татарстан
АН СССР	– Академия наук СССР
АН ЭССР	– Академия наук Эстонской Советской Социалистической Республики
АО	– Археологические открытия. Москва
АРГО	– Архив Русского географического общества
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград/Санкт-Петербург
АТР	– Азиатско-Тихоокеанский регион
АЭАЕ	– Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БМАК	– Бактрийско-Маргианский археологический комплекс
БНЦ СО РАН	– Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
БРЭ	– Большая российская энциклопедия
БРЭМ	– Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи

БурятГУ	– Бурятский государственный университет. Улан-Удэ
ВА	– Вопросы антропологии. Москва
ВДИ	– Вестник древней истории. Москва
ВАС	– Всероссийский археологический съезд
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВИНИТИ РАН	– Всероссийский институт научной и технической информации
ГАГУ	– Горно-Алтайский государственный университет
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры
ГАНИИИЯЛ	– Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГАСО	– Государственный архив Свердловской области
ГАХК	– Государственный архив Хабаровского края
ГАЧО	– Государственный архив Челябинской области
ГИЗ	– Государственное издательство
ГИМ	– Государственный исторический музей. Москва
ГКНИП	– Геодезические, картографические инструкции, нормы и правила
ГМВ	– Государственный музей Востока. Москва
ГМИР	– Государственный музей истории религии. Санкт-Петербург
ГМИРИА	– Государственный музей истории религии и атеизма. Ленинград
ГРМ	– Государственный Русский музей
ГУ	– Государственный университет
ГЭ	– Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение РАН
ЖС	– Живая старина. Санкт-Петербург
ЗабГУ	– Забайкальский государственный университет
ЗВОРАО	– Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Санкт-Петербург/Петроград
ЗИИМК	– Записки Института истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург
ЗСАЭК	– Западно-Сибирская археолого-этнографическая конференция
ЗСАЭС	– Западно-Сибирское археолого-этнографическое совещание
ЗУОЛЕ	– Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург
ИА АН РТ	– Институт археологии Академии наук Республики Татарстан. Казань
ИА НАН Украины	– Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев

ИА РАН	– Институт археологии РАН
ИВ РАН	– Институт востоковедения РАН
ИВИ РАН	– Институт всеобщей истории РАН
ИАК	– Императорская Археологическая Комиссия
ИАТ	– Институт археологической технологии
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
Изв.	– известия
ИИ СО РАН	– Институт истории Сибирского отделения РАН
ИИАК	– Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург
ИИАЭ	– Институт истории, археологии и этнографии
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН
ИЛДТ ИрННТУ	– Известия Лаборатории древних технологий Иркутского национального исследовательского технического университета
ИОАИЭ	– Известия Общества археологии, истории и этнографии
ИПЦ СПбГУПТД	– Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна
ИРГО	– Императорское Русское географическое общество
ИргТУ	– Иркутский государственный технический университет
ИТУАК	– Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
ИЭРиЖ УрО РАН	– Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН
КАЭЭ	– Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
КГИАМЗ	– Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
КГУ	– Куйбышевский государственный университет
КГПУ	– Красноярский государственный педагогический университет
КемГУ	– Кемеровский государственный университет
КККМ	– Красноярский краевой краеведческий музей
КМВ	– Казанский музейный вестник. Казань
КП	– Книга поступлений
КрасГУ	– Красноярский государственный университет
КРИПКиПРО	– Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования
КРС	– крупный рогатый скот
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва

КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Москва; Ленинград
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии. Москва
ЛИСИ	– Ленинградский инженерно-строительный институт
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЭ РАН	– Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Санкт-Петербург
МГУ	– Московский государственный университет
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МНР	– Монгольская Народная Республика
МОИП	– Московское общество испытателей природы
МонГУ	– Монгольский государственный университет
МОН РК	– Министерство образования и науки Республики Казахстан
МРК	– Музей русской культуры в Сан-Франциско
МРС	– мелкий рогатый скот
МТЭ	– Монголо-Тибетская экспедиция
МЭ	– Материалы по этнографии. Ленинград
МУИС	– Национальный университет Монголии (перевод с монг. яз.)
НА ИИМК РАН. РО	– Научный архив ИИМК РАН. Рукописный отдел
НА ИИМК РАН. ФО	– Научный архив ИИМК РАН. Фотоотдел
НГУ	– Новосибирский государственный университет
НГПУ	– Новосибирский государственный педагогический университет
НИИХ СПбГУ	– Научно-исследовательский институт химии СПбГУ
НИИЯЛИ	– Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НМРА	– Национальный музей Республики Алтай
НН	– Научное наследство
НОА	– Научно-отраслевой архив
НУ	– Национальный университет
НЦ	– Научный центр
ОАВЕС ГЭ	– Отдел археологии восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа
ОГИЗ	– Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОмГУ	– Омский государственный университет
ОмГПУ	– Омский государственный педагогический университет
ОНТЭ ГЭ	– Отдел научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа

ООН	– Отделение общественных наук
ПА	– Поволжская археология. Казань
ПАВ	– Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург
ПАЭ	– Проблемы археологии и этнографии
ПЕВ	– Пензенские епархиальные ведомости
ПИДО	– Проблемы истории докапиталистических обществ. Москва; Ленинград
ПИФК	– Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск
по.	– полевая опись
РА	– Российская археология. Москва
РАЕ	– Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург
РАН	– Российская академия наук
РАИМК	– Российская Академия истории материальной культуры
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГО	– Русское географическое общество
РГПУ	– Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург
РИО	– редакционно-издательский отдел
РИЦ НГУ	– Редакционно-издательский центр Новосибирского государственного университета
РЭМ	– Российский этнографический музей
СА	– Советская археология. Москва
САИ	– Свод археологических источников. Москва; Ленинград
СамГПУ	– Самарский государственный педагогический университет
СГАИМК	– Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
СГСПУ	– Самарский государственный социально-педагогический университет
СГУ	– Саратовский государственный университет
Сер.	– серия
СМАЭ	– Сборник музея антропологии и этнографии. Москва; Ленинград
СОКМ	– Свердловский областной краеведческий музей
СО РАН	– Сибирское отделение РАН
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ССЭ	– Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск; Москва
СФУ	– Сибирский федеральный университет

СЭ	– Советская этнография. Москва
ТГВ	– Тамбовские губернские ведомости
ТГУ	– Томский государственный университет
ТД	– тезисы докладов
ТЕМА	– Теория и методология архаики. Санкт-Петербург
ТКАЭЭ	– Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ТНИИЯЛИ	– Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ТОИПКГЭ	– Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Ленинград
ТПАИ	– Теория и практика археологических исследований. Барнаул
Тр.	– труды
ТувИКОПР СО РАН	– Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения РАН
УОЛЕ	– Уральское общество любителей естествознания
УрО РАН	– Уральское отделение РАН
Ф СОКМ	– Фонды Свердловского областного краеведческого музея
ХакНИИЯЛИ	– Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ЭО ГРМ	– Этнографический отдел Русского музея
ЭФЗК	– Экспертная фондово-закупочная комиссия
ЯГИАХМЗ	– Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
BMC	– The Burlington Magazine for Connoisseurs. London
ESA	– Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
JRAS	– Journal of the Royal Asiatic Society
МАНМС	– Memoirs of the Academy of History of Material Culture
SASR	– State Archives of the Sverdlovsk Region
PhD IHMC RAS	– Photo department of IHMC RAS
SA IHMC RAS	– The Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture RAS
SA RGS	– The Scientific Archive of the Russian Geographical Society
SMYA	– Suomen Muinainmuistoyhdistyksen Aikakauskirja – Finska Fornminnesföreningens Tidskrift. Helsinki
SRMLL	– Saratov Regional Museum of Local Lore
ZDMG	– Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

Научное издание

ТВОРЕЦ КУЛЬТУРЫ
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
И ДУХОВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА
В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
К 80-летию профессора
Дмитрия Глебовича Савинова

Редакторы *Н. Ю. Смирнов, М. Т. Кашуба*
Верстка и художественное оформление *И. Н. Лицук*
Корректор *А. В. Меньшиков*

Подписано в печать 14.09.2021. Формат 60×90 1/8.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 82,4. Усл. печ. л. 94,5.
Тираж 300 экз. Заказ 1882

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография».
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67, лит. БМ.
Тел./факс: +7(812) 380-79-50.
E-mail: spbcolor@mail.ru

Сборник научных статей подготовлен
большим коллективом авторов — археологов, этнографов
и историков науки — друзей, коллег и учеников профессора
Дмитрия Глебовича Савинова — крупнейшего российского
специалиста в области археологии, истории и этнографии
скотоводов и кочевников Сибири и Центральной Азии.
Географический состав участников сборника и хронологический
охват представленных в нем материалов отражают диапазон
научных интересов профессора Д. Г. Савинова, широкие
человеческие и научные связи этого выдающегося ученого.
Коллектив авторов и Институт истории материальной культуры
РАН выпускают этот сборник в честь 80-летия профессора
Д. Г. Савинова и в ознаменование 60-летия его трудов
на ниве отечественной науки.

